

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (57)

ОРЕЛ – 2014

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (57)

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии), Алексеев А.П., Арсентьева Н.Н., Аронова С.А., Видмарович Н.П., Гайдар В.А., Гелла Т.Н., Иванов А.Е., Илиана Чекова-Демитрова, Исаева Н.И., Капустин А.Я., Ламан Н.А., Львова С.И., Маймескулова А.Л., Мишель Тамин, Никифоров В.А., Никос Софиадис, Оскотская Э.Р., Пастернак Е.Л., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Погосян В.А., Рёко Ямагучи, Савина Е.А., Самбетбаев А.А., Сискос Евангелос, Суяркулов Ш.Р., Тьерри Поншон, Уман А.И., Челышева И.И., Ши Хуншен.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии), Александрова А.П., Антонова М.В., Арсентьева Н.Н., Видмарович Н.П., Зайченкова М.С., Изотов В.П., Илиана Чекова-Демитрова, Литвин Ф.А., Маймескулова А.Л., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Мишель Тамин, Новиков С.Н., Погосян В.А., Ретинская Т.И., Рёко Ямагучи, Савина Е.А., Серегина Т.В., Тер-Минасова С.Г., Тьерри Поншон, Тюрикова Г.Н., Ши Хуншен.

Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». – 2014. – №1(57). – 457с.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:

01.00.00 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – философские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Учредитель –

ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95
Орловский государственный университет
Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENTIFIC NOTES OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

**Vol.1
No.57**

OREL – 2014

SCIENTIFIC NOTES

OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

Vol.1 - No.57

Editorial board:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Alekseev A.P., Arsent'yeva N.N., Aronova S.A., Vidmarovich N.P., Gaydar V.A., Gella T.N., Ivanov A.E., Iliana Chekova-Demitrova, Isayeva N. I., Kapustin A. Ya., Laman N.A., L'vova S.I., Maymeskulova A.L., Michelle Tamin, Nikiforov V.A., Nikos Sophiadis, Oskotskaya E.R., Pasternak E.L., Pakhar' L.I., Piven' V.F., Pogosyan V.A., Reko Yamaguchi, Savina E.A., Sambetbayev A.A., Siskos Evangelos, Suyarkulov Sh.P., Tierrie Ponshon, Uman A.I., Chelysheva I.I., Shi Hunshen.

Series «Humanities and social sciences»

Publishing board of the series:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Alexandrova A.P., Antonova M.V., Arsent'yeva N.N., Vidmarovich N.P., Zaychenkova M.S., Izotov V.P., Iliana Chekova-Demitrova, Litvin F.A., Maymeskulova A.L., Minakov S.T., Mikheicheva E.A., Michelle Tamin, Novikov S.N., Pogosyan V.A., Retinskaya T.I., Reko Yamaguchi, Savina E.A., Seregina T.V., Ter-Minasova S.G., Tierrie Ponshon, Tyurikova G.N., Shi Hunshen.

Scientific Notes of Orel State University. Series «Humanities and social sciences»: scientific journal. – Orel: FSBES HPE «Orel State University». – 2014. – №1(57) – 457p.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science the journal "Scientific Notes of Orel State University" is included in the list of leading reviewed scientific journals and publications, in which the scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences in the following branches of scientific specialties should be published: 01.00.00 – physical and mathematical sciences; 02.00.00 – chemical sciences; 03.00.00 – biological sciences; 06.00.00 – agricultural sciences; 07.00.00 – historical sciences; 08.00.00 – economic sciences; 09.00.00 – philosophical sciences; 10.00.00 – philological sciences; 12.00.00 – science of law; 13.00.00 – pedagogical sciences; 14.00.00 – medical sciences; 17.00.00 – art criticism; 19.00.00 – psychological sciences; 25.00.00 – sciences about the earth.

The founder –

FSBES HPE "Orel State University"

Editorial Office address: 302026, Orel, Komsomolskaya St., 95

Orel State University

Editorial Office of the magazine "Scientific notes of OSU"

E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

ISSN 1998-2720

© Team of authors, 2014

© Orel State University, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

07.00.00 – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю.В. Антюхов ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ТРАКТОВКИ ЭКСТРЕМИЗМА В НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	11
В.А. Бобков СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ ДЛЯ АРСЕНАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИИ В КОНЦЕ ХУІІІ – НАЧАЛЕ ХХ вв.	17
И.Р. Игнашкин МЕТАФИЗИКА ИСТОРИИ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА	20
А.С. Левшин АНГЛИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ГЛАЗАМИ РУССКИХ В КОНЦЕ ХІХ - НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА	24
И.Л. Картелёв ВЗГЛЯДЫ ЭСЕРОВ НА МЕСТО И РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ ХХ в.	28
В.А. Холодов РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904-1905 гг. В ВОСПРИЯТИИ СОЛДАТ И МАТРОСОВ	32
А.А. Чубур СОБАКИ ИЗ ЗАГОРОДНОЙ РЕЗИДЕНЦИИ НОВГОРОД-СЕВЕРСКОГО КНЯЗЯ. ШТРИХИ К КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ДРЕВНЕРУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ	36
Г.С. Чувардин АЛЕКСАНДРОВСКИЙ КОМИТЕТ О РАНЕНЫХ КАК ГЕРОНТОКРАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА ХХ ВЕКА.	41
Т.Н. Штарева КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА ДВОРЯНКИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ХVІІІ – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ ХІХ вв. (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)	45

08.00.00 – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

С.А. Аронова ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ).	49
Е.В. Барбашова МОДЕЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ВПО С ПОМОЩЬЮ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ	54
О.Ю. Гришаева ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ.	59
О.Е. Косарева ИМИДЖ ВУЗА КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ МАРКЕТИНГА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ.	63
П.Н. Машегов, А.В. Греченюк, О.Н. Греченюк РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.	68
Н.В. Мироненко, М.С. Коханик РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЕ НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ.	73
Н.В. Невейкина ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА	78
Н.В. Петрова СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ СЕЛА	85
Н.С. Трусова МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ	88
С.А. Устенко АСПЕКТЫ МИКРОЭВОЛЮЦИИ И РОССИЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ.	93
О.В. Шапохина ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ МАРКЕТИНГА ВЗАИМОПОЛНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ПАРКОВ	98

09.00.00 – ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

С.И. Абрамов СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД В КОНТЕКСТЕ СВЕТСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ.	102
С.Н. Астапов ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОВИДЕНИЕ: ФИЛОСОФСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ БОГОСЛОВСКИХ ПОЗИЦИЙ.	104
И.В. Астэр ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ.	111
И.Б. Бульшукин ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ М. ФУКО	114
А.А. Возьмитель, В.И. Уварова, М.Н. Яковлева СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ	119
В.Н. Даренская ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ	126
И.А. Инюшина ВЛИЯНИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЗНАНИЯ НА ФИЛОСОФСКИЙ СТИЛЬ ПОЗДНЕГО М. К. МАМАРДАШВИЛИ	132
И.П. Корнеева РЕЛИГИОЗНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА С ПОЗИЦИЙ СИНЕРГИЙНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА.	137
М.Б. Люскин, Э.Ю. Калинин ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ	140
А.А. Миргородский КОНЦЕПТ ЛЮБВИ В ФИЛОСОФИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ	148
А.В. Ноздрунов ФЕНОМЕН МОРАЛЬНОЙ РЕГУЛЯТИВНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	152
О.В. Третьяков ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.	159
В.Э. Туренко ВЗГЛЯД ВОСТОЧНОЙ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ НА ЛЮБОВЬ К БОГУ.	163
С.В. Шакарбиева ПРОЕКТНЫЕ МЕТОДЫ В ОРГАНИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ	166
С.В. Шкуро ЛОСЕВСКИЙ ПЕРЕВОД ТРАКТАТА «О БОЖЕСТВЕННЫХ ИМЕНАХ» ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА	169

10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю.В. Акимова, А.А. Лебедев, З.И. Минеева АКТУАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	172
М.В. Антонова, Е.Ю. Ваганова АВТОР И АДРЕСАТ «ПОСЛАНИЯ О РАЕ» АРХИЕПИСКОПА НОВГОРОДСКОГО ВАСИЛИЯ КАЛИКИ ЕПИСКОПУ ТВЕРСКОМУ ФЕОДОРУ ДОБРОМУ: К ВОПРОСУ О ДИАЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ.....	179
А.А. Бельская КРЕСТ И РОЗА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ» И.С. ТУРГЕНЕВА.....	184
Ван Ливэнь СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА.....	192
В.В. Двоеглазов АКСИОЛОГИЯ «ПРАВЕДНИЧЕСТВА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И И.С. ТУРГЕНЕВА.....	197
А.Л. Дмитриевский ПРОБЛЕМА ФАКТА В МЕДИАТЕКСТЕ.....	203
Е.Ф. Дудина ТЕМА МЕЩАНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б.К. ЗАЙЦЕВА 1910-х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ «МАТЬ И КАТЯ», «КАССАНДРА»).....	214
Е.Ф. Дудина КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЗМА В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б.К. ЗАЙЦЕВА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РЕАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА РАССКАЗА).....	218
В.А. Желамская ПРОБЛЕМА НАИМЕНОВАНИЙ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ).....	224
Л.И. Жолудева ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО НОРМИРОВАНИЯ В РАННИХ ИТАЛЬЯНСКИХ И ПОРТУГАЛЬСКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ: ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВЫ НОРМЫ.....	231
Н.В. Илюточкина КОНЦЕПТ ДОМА В РОМАНАХ И.С. ТУРГЕНЕВА 1850-х ГОДОВ.....	238
А.Ф. Калинин ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТИПА ВОТ ГОЛОС ТАК ГОЛОС! В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ И ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ).....	243
А.И. Кондратенко СОЗДАНИЕ СЕТИ ЛОКАЛЬНЫХ ГАЗЕТ В ОРЛОВСКОМ РЕГИОНЕ В 1930-е ГОДЫ.....	248
С.В. Кошелева НОВООБРАЗОВАНИЯ В ФИЛОСОФСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.СОЛОВЬЕВА.....	254
С.Л. Лукина К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ».....	257
Е.В. Максимюк РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗОВ СОЗНАНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ОБРАЗ СЧАСТЬЯ ДЛЯ СЕМЬИ).....	261
О.Г. Мраморнова ОСОБЕННОСТИ ПОЗДНИХ РЕДАКТОРСКИХ ПРАВOK «ЖИТИЯ ВАСИЛИЯ НОВОГО».....	266
Т.Б. Назарова ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ.....	271
Т.И. Ретинская ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ ЖОЗЕФА КРЕССО «LE PAIN AU LIÈVRE»).....	276
Л.В. Рыжкова-Гришина «ВЕЧНОЕ ЗЕРНО» КАК АЛЛЕГОРИЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ Н.И. ТРЯПКИНА.....	280
Т.В. Струкова ЖАНР ЗАГАДКИ В АНТИЧНОЙ И ПОЗДНЕЙ ЛАТИНСКОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГАДОК КЛЕОБУЛА И СИМФОСИЯ).....	282
С.А. Тихомиров ОБРАЗЫ ПРАВДЫ И КРИВДЫ В СЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ И МИФОЛОГИИ.....	287
Е.В. Хвастова СИНСЕМΙΑ ПЛЮРАТИВОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.С. ВЫСОЦКОГО.....	291
Е.В. Цветкова КОСТРОМСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ УСАДЬБЫ И ЕЕ ЧАСТЕЙ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИМ ТРУДОМ Г. Г. МЕЛЬНИЧЕНКО.....	295
В.В. Чаркин РОЛЕВАЯ ЛИРИКА С.Я. НАДСОНА.....	299

12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

М.Ю. Боев НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИЕМА ВОСПИТАННИКОВ В КАДЕТСКИЕ КОРПУСА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX вв.	303
М.Ю. Боев ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОТРУДНИКОВ РОССИЙСКИХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX вв.	306
Н.С. Гончарук ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	310
Е.В. Демидова К ВОПРОСУ О ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН.....	313
Д.А. Кузин ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ПРИНЦИПЫ.....	317
А.Ю. Липовецкая ОРХУССКАЯ КОНВЕНЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ.....	322
Е.Н. Михайлова, И.В. Михайлов ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗЫСКАНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	326
К.И. Поляков МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ МУРМАНСКОГО ТОРГОВОГО ПОРТА.....	329
Е.Н. Селютин СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЕДОМСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ ПО ПРИЗРЕНИЮ ДЕТЕЙ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ СЕРЕДИНЫ XIX- НАЧАЛА XX вв.....	331

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е.А. Алдошина АНАЛИЗ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ, НЕОБХОДИМЫХ ВЫПУСКНИКАМ АГРАРНЫХ ВУЗОВ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	336
С.А. Гудков ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАФИКИ УЧАЩИМСЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ НЕЛИНЕЙНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ	341
А.А. Калекин ИНЖЕНЕРНАЯ ПЕДАГОГИКА ШКОЛЫ	344
Т.Ю. Карзанова ТРАДИЦИОННЫЙ И ИНТЕНСИВНЫЙ ТИПЫ ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ.	351
Н.И. Киселева СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ КОРРЕКЦИОННО-РАЗВИВАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ.	354
Н.И. Киселева НЕОБХОДИМОСТЬ ОВЛАДЕНИЯ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИМ АППАРАТОМ НАУКИ ПОСРЕДСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА	360
А.А. Клочко ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕДАГОГОВ К ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ	363
А.В. Ковалева КОМПЛЕКСНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАБОТЕ С ЛЕКСИКОЙ ТЕКСТА	368
В.П. Крестьянов РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА ...	371
Е.В. Курилина К ВОПРОСУ О СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ОБЩЕЙ И УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА-МЕНЕДЖЕРА: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД	374
Г.С. Маль, А.Д. Сусликова, М.А. Алыменко, В.М. Коломиец К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФАРМАКОТЕРАПИИ ГИПЕРЛИПИДЕМИЙ У БОЛЬНЫХ ИБС В СОЧЕТАНИИ С ТУБЕРКУЛЕЗОМ ЛЕГКИХ	382
П.И. Образцов, О.В. Крюков, Р.В. Пимонов ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ВИДЕОТЕЛЕТРЕНИРОВКИ, ОСНОВАННОГО НА ФОРМИРОВАНИИ ВИРТУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ, В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ВУЗА.	385
Т.Л. Овсянникова ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКЕ	389
В.Д. Селютин, Е.В. Лебедева ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРИКЛАДНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КУРСА ТЕОРИИ ВЕРОЯТНОСТЕЙ И МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ.	393
Е.В. Сорокина, Л.А. Сысоева МЕТОДИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНТРОЛЯ ТАКТИЧЕСКОЙ, ТЕХНИЧЕСКОЙ, ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СПОРТСМЕНОВ-ОРИЕНТИРОВЩИЦ.	400
В.Н. Сорокоумова ПЕРЕХОД ОТ МАССОВО-РЕПРОДУКТИВНЫХ ФОРМ И МЕТОДОВ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВУЗЕ К ИНДИВИДУАЛЬНО-ТВОРЧЕСКИМ НА ПРИМЕРЕ РАЗРАБОТКИ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ	404
В.Н. Торгашов АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ СЦЕНИЧЕСКОЙ ПЛАСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ СПЕКТАКЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЭТИКЕТА И СТИЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ)	409
С.М. Черникова ДЕЛОВАЯ ИГРА КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ	412
Т.А. Ягупова ИСТОРИЯ НАРОДНОГО КОСТЮМА ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ.	414
Е.З. Яхнина РАЗВИТИЕ ВОСПРИЯТИЯ УСТНОЙ РЕЧИ У ГЛУХИХ ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЗАНЯТИЯХ	417

19.00.00 – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т.Г. Анисимова АДАПТАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	424
С.А. Васюра КОММУНИКАТИВНАЯ АКТИВНОСТЬ И СОВЛАДАНИЕ СО СТРЕССОМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ СФЕРЫ ТУРИЗМА.	430
И.В. Грюнберг ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОБЛЕМЫ АГРЕССИИ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА.	434
Л.Н. Костина ВЗАИМОСВЯЗИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ, СИСТЕМАТИЧЕСКИ НАРУШАЮЩИХ ПРАВИЛА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ	437
Ю.В. Обухова ВЗАИМОСВЯЗЬ СОДЕРЖАНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИК Я-КОНЦЕПЦИИ И ВЫРАЖЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ИНТЕЛЛЕКТА У СТУДЕНТОВ-МАТЕМАТИКОВ	442
Е.И. Туревская РАЗВИТИЕ ОПЕРАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ (СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ») В ХОДЕ РЕШЕНИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ.	447

РЕЦЕНЗИИ

П.А. Ковалев	452
Т.В. Ковалева	453
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ	454
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ.	455
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ	456

CONTENTS

07.00.00 – HISTORICAL SCIENCES

<i>Y.V. Antyukhov</i>	
THE HISTORICAL REVIEW OF FEATURES OF MODERN TREATMENT OF EXTREMISM IN THE NATIONAL AND INTERNATIONAL LEGISLATION	11
<i>V.A. Bobkov</i>	
SOCIO-ECONOMIC GUARANTEES FOR ARSENAL WORKERS IN RUSSIA IN THE END OF XVIII-BEGINNING OF XX CENTURIES	17
<i>I.R. Ignashkin</i>	
METAPHYSICS HISTORY OF NIKOLAI BERDYAEV	20
<i>A.S. Levshin</i>	
ENGLISH NATIONAL CHARACTER IN THE EYES OF RUSSIANS IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURY	24
<i>I.L. Kartelyov</i>	
SOCIAL-REVOLUTIONARY PARTY'S VIEWS ON PLACE AND ROLE OF INTELLIGENSIA IN THE REVOLUTIONARY MOVEMENT, AT THE BEGINNING OF XX CENTURY IN RUSSIA	28
<i>V.A. Kholodov</i>	
THE RUSSIAN-JAPANESE WAR 1904-1905 IN ASSUMPTION OF THE SOLDIERS AND SAILORS	32
<i>A.A. Chubur</i>	
THE DOGS FROM THE COUNTRY RESIDENCE OF NOVGOROD-SEVERSKY PRINCE. STROKES TO CULTURE OF EVERYDAY LIFE OF ANCIENT RUSSIAN ARISTOCRACY	36
<i>G.S. Chuvarin</i>	
ALEXANDROVSKY COMMITTEE OF THE WOUNDED AS GERONTOCRATIC COMPONENT OF THE MILITARY ELITE OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE EARLY XX CENTURY	41
<i>T.N. Shtareva</i>	
THE NOBLEWOMAN BOOKISH CULTURE IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XVIII - THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY. (ON THE EXAMPLE OF ORYOL PROVINCE)	45

08.00.00 – ECONOMIC SCIENCES

<i>S.A. Aronova</i>	
LONG-TERM TRENDS SHAPING THE QUANTITATIVE PARAMETERS OF THE PROPOSAL ON THE REGIONAL LABOUR MARKET (ON THE EXAMPLE OF THE OREL REGION)	49
<i>E.V. Barbashova</i>	
VPO SYSTEM AGENCIES STAFF DEVELOPMENT MODELLING WITH EXPERT-ANALYTICAL TECHNOLOGIES	54
<i>O.Y. Grishaeva</i>	
THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF STAFF TRAINING SYSTEM FOR THE AGRARIAN SECTOR OF ECONOMY OF OREL REGION	59
<i>O.E. Kosareva</i>	
THE IMAGE OF THE UNIVERSITY AS AN ELEMENT OF THE MARKETING OF EDUCATIONAL SERVICES	63
<i>P.N. Mashegov, A.V. Grechenyuk, O.N. Grechenyuk</i>	
THE DEVELOPMENT STRATEGY OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL ECONOMIC SYSTEM	68
<i>N.V. Mironenko, M.S. Kohanik</i>	
DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS IN THE FIELD OF TRANSPORT ON THE EXAMPLE OF ORYOL	73
<i>N.V. Neveykina</i>	
FACTORS OF DEVELOPMENT OF THE REGION	78
<i>N.V. Petrova</i>	
RURAL TOURISM IN THE REPUBLIC OF KARELIA AS MAJOR WAY OF DIVERSIFICATION OF ECONOMICS ON RURAL TERRITORIES	85
<i>N.S. Trusova</i>	
SIMULATION OF INVESTMENT ACTIVITY IN REGIONAL LEVEL	88
<i>C.A. Ustenko</i>	
ASPECTS OF MICROEVOLUTION AND RUSSIAN PROBLEMS	93
<i>O.V. Shatokhina</i>	
THE USE OF THE MARKETING CONCEPT SYNERGIES IN THE CREATION AND OPERATION OF INDUSTRIAL PARKS	98

09.00.00 – PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>S.I. Abramov</i>	
THE SUBJECT-SUBJECT APPROACH IN A CONTEXT OF A SECULAR AND RELIGIOUS PEDAGOGICAL PARADIGM	102
<i>S.N. Astapov</i>	
PREDESTINATION AND PROVIDENCE: THE PHILOSOPHICAL EXPLICATION OF THE THEOLOGICAL POSITIONS	104
<i>I.V. Aster</i>	
THE PROBLEM OF SPIRITUALLY-MORAL DEVELOPMENT OF THE INDIVIDUAL IN MODERN RUSSIA: THE SOCIAL ASPECT	111
<i>I.B. Bulyskin</i>	
MICHEL FOUCAULT'S GENEALOGICAL PROJECT	114
<i>A.A. Vozmitel, V.I. Uvarova, M.N. Yakovleva</i>	
SOCIOPOLITICAL SITUATION AND DAILY LIFE IN RUSSIA AND BELARUS IN A CONTEXT OF BECOMING OF THE ALLIED STATE: PROBLEMS AND APPROACHES ...	119
<i>V.N. Darenskaja</i>	
FOLK'S TRADITIONAL CULTURE AS A SUBJECT OF PHILOSOPHICAL REFLECTION	126
<i>I.A. Inyushina</i>	
THE INFLUENCE OF THE PHILOSOPHICAL CONCEPT OF CONSCIOUSNESS TO STYLE OF LATE M.K. MAMARDASHVILI	132
<i>I.P. Korneeva</i>	
MAN'S RELIGIOUS INTEGRITY FROM THE POSITION OF SYNERGETIC-ANTROPOLOGICAL APPROACH	137
<i>M.B. Liuskin, E.U. Kalinin</i>	
SOCIAL RATIONALITY POST-CLASSICAL SOCIOLOGISTS TODAY	140
<i>A.A. Mirgorodski</i>	
THE CONCEPT OF LOVE IN RENAISSANCE PHILOSOPHY	148
<i>A.V. Nozdrunov</i>	
PHENOMENON OF MORAL REGULATORY SYSTEM IN MODERN CULTURE	152
<i>O.V. Tretyakov</i>	
INFORMATION PROCESSES: PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS	159
<i>V.E. Turenko</i>	
VIEW EASTERN PATRISTIC TRADITION ON THE LOVE OF GOD	163
<i>S.V. Shakarbiyeva</i>	
DESIGN METHODS IN THE DAILY OCCURRENCE ORGANIZATION	166

S.V. Shkuro LOSEV'S TRANSLATION OF THE TREATISE «ON THE DIVINE NAMES» OF DIONYSIUS THE AREOPAGITE	169

10.00.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES

Y.V. Akimova, A.A. Lebedev, Z.I. Mineeva CURRENT WORD FORMATION IN THE AREA OF NEW INFORMATION TECHNOLOGIES	172
M.V. Antonova, E.J. Vaganova THE AUTHOR AND THE RECIPIENT OF THE «POSLANIJE O PAJE» OF THE NOVGOROD ARCHBISHOP VASILII KALIKA TO THE TVER BISHOP THEODORE DOBRY: THE QUESTION OF DIALOGICAL SITUATION	179
A.A. Belskaya CROSS AND ROSE IN THE ART SPACE IN I.S. TURGENEV'S NOVEL «FATHERS AND SONS»	184
Wang Liwen STRUCTURAL TYPES OF COMMON SIMILES THAT CHARACTERIZE THE PERSON'S APPEARANCE	192
V.V. Dvoeglazov AXIOLOGY OF «RIGHTEOUSNESS» IN LERMONTOV' AND TURGENEV'S WORKS	197
A.L. Dmitrovsky FACT PROBLEM IN THE MEDIA TEXT	203
E.F. Dudina NARROW-MINDEDNESS SUBJECT IN THE WORKS B. K. ZAYTSEVA 1910TH YEARS (ON A MATERIAL OF STORIES «MOTHER AND KATYA», «CASSANDRA»)	214
E.F. Dudina THE HISTORICISM CONCEPT IN THE EARLY WORKS B. K. ZAYTSEVA AS MANIFESTATION OF REALISTIC TENDENCIES IN HIS CREATIVITY (ON THE EXAMPLE OF A STORY GENRE)	218
V.A. Zhelamskaya DENOMINATIONS OF BUSINESS DOCUMENTS (USING THE MATERIAL OF FRENCH AND ITALIAN LANGUAGE)	224
L.I. Zholudeva LANGUAGE STANDARDIZATION ISSUES IN EARLY ITALIAN AND PORTUGUESE LINGUISTIC TREATISES: TERRITORIAL AND FUNCTIONAL BASES OF LANGUAGE NORM	231
N.V. Ilyutchkina CONCEPT OF THE HOUSE IN I.S. TURGENEV'S NOVELS IN 1850-ES	238
A.F. Kalinin PHRASEOLOGICAL SENTENCE SUCH TYPE AS VOICE IS VOICE! IN RUSSIAN LANGUAGE (STRUCTURAL AND GRAMMATICAL, LOGICAL AND SEMANTICAL ASPECT) ...	243
A.I. Kondratenko CREATING THE NETWORK OF LOCAL NEWSPAPERS IN OREL REGION IN 1930S	248
S.V. Kosheleva NEW WORD CONSTRUCTIONS IN THE PHILOSOPHICAL WORKS OF V. SOLOVYOV	254
S.L. Lukina TO THE QUESTION OF DEFINITION «TEXTUAL COMPETENCE»	257
E.V. Maksimuk CONSCIOUSNESS IMAGE RECONSTRUCTION BASED ON THE RESULTS OF EXPERIMENTAL RESEARCH (IMAGE OF HAPPINESS FOR A FAMILY)	261
O.G. Mramornova FEATURES OF LATE CORRECTIONS OF THE "LIFE OF ST. BASIL THE NEW"	266
T.B. Nazarova DYNAMIC PROCESSES IN BUSINESS ENGLISH VOCABULARY	271
T.I. Retinskaya FUNCTIONING OF REGIONALISMS IN THE FICTION TEXT (ON THE MATERIAL OF JOSEPH CRESSOT'S STORYBOOK «LE PAIN AU LIÈVRE»)	276
L.V. Ryzhkov-Grishin «ETERNAL GRAIN» AS ALLEGORY OF LIFE AND DEATH IN TRYAPKIN'S POETIC PARADIGM	280
T.V. Strukova GENRE OF THE RIDDLE IN THE ANTICUE AND LATE LATIN POETRY (BASED ON THE RIDDLES OF CLEOBULUS AND SIMFOSIY)	282
S.A. Tikhomirov IMAGES OF THE TRUTH AND FALSEHOOD IN SLAVIC TEXTS AND MYTHOLOGY	287
E.V. Hvastova SINSEMIYA OF PLURATIVES IN THE WORKS OF V.S. VYSOTSKY	291
E.V. Tsvetkova KOSTROMA NAMES OF COUNTRY ESTATE AND ITS PARTS IN COMPARISON WITH WORKS IN LINGUISTIC GEOGRAPHY BY G. G. MELNICHENKO	295
V.V. Charkin THE ROLE LYRICS OF S.Y. NADSON	299

12.00.00 – SCIENCE OF LAW

M.Y. Boev LEGAL AND REGULATORY FRAMEWORK FOR ENROLLMENT IN CADET CORPS OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE LATE 19TH CENTURY AND THE EARLY 20TH CENTURY	303
M.Y. Boev THE LEGAL STATUS OF RUSSIAN CADET CORPS' EMPLOYEES AT THE END OF THE 19TH CENTURY – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY	306
N.S. Goncharuk MODERNISATION'S PROBLEM OF THE STATE CIVIL SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL ASPECTS	310
E.V. Demidova TO THE ISSUE OF JUVENILE CRIME IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN	313
D. A. Kuzin THE PUBLIC POWER IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT, PRINCIPLES	317
A.Y. Lipovetskaya AARHUS CONVENTION AS ENVIRONMENT PROTECTION MECHANISM	322
E.N. Mikhailova, I.V. Mikhaylov SINGL QUESTION OF COLLECTING ALIMINARY OBLIGATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION	326
K.I. Polyakov THE INTERNATIONAL LEGAL REGIME OF THE MURMANSK COMMERCIAL PORT	329
E.N. Seliutina CREATION AND ACTIVITIES OF ESTABLISHMENT OF DEPARTMENT OF THE EMPRESS MARIA FEDOROVNA FOR CONTEMPT OF CHILDREN IN THE ORYOL PROVINCE OF SULFURS. XIX - THE HEAD OF THE XX CENTURIES	331

13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES

E.A. Aldoshina ANALYSIS OF THE PERSONAL QUALITIES NECESSARY FOR GRADUATES OF AGRARIAN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS FOR IMPLEMENTATION OF EFFECTIVE PROFESSIONAL ACTIVITY	336
S.A. Gudkov FEATURES OF TEACHING COURSE COMPUTER GRAPHICS STUDENT ART SPECIALTY USING NON-LINEAR METHODS OF TEACHING	341
A.A. Kalekin ENGINEERING PEDAGOGY SCHOOL	344
T.Yu. Karzanova TRADITIONAL AND INTENSIVE TEACHING IN MODERN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE METHODS	351
N.I. Kiseleva MODERN APPROACHES TO THE ORGANIZATION OF THE CORRECTION AND DEVELOPMENT	354
N.I. Kiseleva NECESSITY OF MASTERING THE CONCEPTUAL AND TERMINOLOGICAL APPARATUS SCIENCE THROUGH STUDY METHODS OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE	360
A.A. Klochko PRACTICAL TRAINING FUTURE SOCIAL TEACHERS TO THE ORGANIZATION OF PREVENTION ADDICTIVE BEHAVIOR OF CHILDREN AND YOUTH	363
A.V. Kovaleva THE COMPLEX USAGE OF PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES METHODS WHILE WORKING WITH TEXT VOCABULARY	368
V.P. Krestyanov RETROSPECTIVE ANALYSIS OF SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL RESEARCHES ON SOCIO-CULTURAL ISSUES OF THE SOVIET PERIOD	371
E.V. Kurilina ON COMMON INTRINSIC CHARACTERISTICS AND MANAGEMENT COMPETENCE OF FUTURE PROFESSIONAL MANAGERS: PSYCHOLOGICAL AND EDUCATIONAL APPROACHES	374
G.S. Malle, A.D. Suslikova, M.A. Alymenko, V.M. Kolomiyets TO THE QUESTION OF FEATURES OF PHARMACOTHERAPY HYPERTENSIVE PATIENTS OF ISCHEMIC HEART DISEASE IN COMBINATION WITH TUBERCULOSIS OF LUNGS	382
P.I. Obratsov, O.V. Kryukov, R.V. Pimonov APPLICATION OF A VIDEO TELETRAINING METHOD, BASED ON FORMATION OF THE VIRTUAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN SYSTEM OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS	385
T.L. Ovsyannikova FOREIGN EXPERIENCE OF DISTANCE LEARNING TO MATHEMATICS	389
V.D. Selyutin, Y.V. Lebedeva FORECASTING AS A MEANS OF APPLICATION-ORIENTED TEACHING OF PROBABILITY THEORY AND MATHEMATICAL STATISTICS COURSE	393
E.V. Sorokina, L.A. Sysoeva METHODICS OF IMPROVING OF TACTICAL, TECHNICAL, PHYSICAL CONTROL FOR WOMEN-ATHLETES IN SPORT-ORIENTED	400
V.N. Sorokoumova THE TRANSITION FROM MASS-REPRODUCTION OF FORMS AND METHODS OF TRAINING SPECIALISTS IN THE UNIVERSITY TO THE INDIVIDUAL-CREATIVE METHODS BY THE EXAMPLE OF THE DEVELOPMENT OF COGNITIVE-COMMUNICATIVE METHODOLOGY OF TEACHING OF STUDENTS-PHILOLOGISTS	404
V. N. Torgashov PLASTICS ANALYSIS IN THE MODERN DRAMATIC PERFORMANCE (BASED ON THE HISTORICAL ETIQUETTE AND STYLISTIC BEHAVIOR)	409
S.M. Chernikova BUSINESS GAME AS A METHOD OF TEACHING PROFESSIONAL WORK OF STUDENTS	412
Ta Yagupova HISTORY OF THE NATIONAL COSTUME OF ORYOL	414
E.Z. Yakhnina TRAINING PERCEPTION OF ORAL SPEECH OF DEAF CHILDREN WITH DEVELOPMENT DELAY ON SPECIAL INDIVIDUAL LESSONS	417

19.00.00 – PSYCHOLOGICAL SCIENCES

T.G. Anisimova ADAPTATION MODERN STUDENTS TO EDUCATION IN HIGH SCHOOL: QUANTITATIVE ANALYSIS RESULT SOCIOLOGICAL STUDIES	424
S.A. Vasyura COMMUNICATIVE ACTIVITY AND SOVLADANIYE WITH THE STRESS IN ACTIVITY OF MANAGERS OF THE SPHERE OF TOURISM	430
I.V. Griunberg THE THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE PROBLEM OF AGGRESSION ADOLESCENTS WITH INTELLECTUAL DISABILITIES	434
L.N. Kostina THE RELATIONSHIP OF PSYCHOLOGICAL AND CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF THE DRIVERS, WHO SYSTEMATICALLY VIOLATE THE TRAFFIC RULES	437
Y.V. Obukhova INTERRELATION OF THE CONTENTS AND CHARACTERISTICS OF MY SELF AND EXPRESSIVENESS OF DIFFERENT TYPES OF INTELLIGENCE AT STUDENTS OF MATHEMATICAL FACULTY	442
E.I. Turevskaya DEVELOPMENT OF OPERATIONAL THINKING TEACHERS (UNDERGRADUATE STUDENTS DIRECTIONS «TEACHER EDUCATION») DURING THE DECISION OF PSYCHOLOGICAL AND TEACHING PROBLEMS	447

УДК 94

UDC 94

Ю.В. АНТЮХОВ

старший преподаватель кафедры истории государства и права Орловского государственного университета

E-mail: yuri2007a@yandex.ru

Y.V. ANTUKHOV

senior lecturer of History of State and Law Department, Orel State University

E-mail: yuri2007a@yandex.ru

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ТРАКТОВКИ
ЭКСТРЕМИЗМА В НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ****THE HISTORICAL REVIEW OF FEATURES OF MODERN TREATMENT
OF EXTREMISM IN THE NATIONAL AND INTERNATIONAL LEGISLATION**

В последнее время происходит эволюция исторического восприятия правовой природы экстремизма в нормативно-правовых актах, что существенно влияет на определение экстремизма как одной из самых опасных глобальных угроз современности. Описание понятия экстремизма в современных российских и международных правовых источниках претерпело важные изменения. Сопоставление национального определения и международных подходов, принятых в европейской и мировой юридических практиках, серьезно влияет на понимание экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские действия, Шанхайская организация сотрудничества, Женевские конвенции, Комитет по правам человека ООН, Европейская Комиссия за демократию через право (Венецианская Комиссия).

Recently there is an evolution of historical perception of the legal nature of extremism in normative legal acts that significantly influences definition of extremism, as one of the most dangerous global threats of the present. The description of concept of extremism in modern Russian and international legal sources was undergone by important changes. Comparison of national definition and the international approaches accepted in European and world legal practitioners, seriously influences understanding of extremism.

Keywords: extremism, extremist actions, the Shanghai Cooperation Organization, the Geneva conventions, the United Nations Commission on Human Rights, the European Commission for democracy through law (Venice Commission).

В последнее время глобальные исторические тенденции все отчетливее высвечивают негативные вопросы, связанные с международной и национальной безопасностью. Растет опасность терроризма и экстремизма в региональных и локальных вооруженных конфликтах, что создает в современных условиях глобальную угрозу для международного мира, безопасности и национальной стабильности. В складывающейся ситуации важно понять, какие угрозы и опасности таит в себе экстремизм, и его многообразные проявления, как влияют они на мировой и региональный исторический процесс. Для того чтобы увеличить эффективность средств по противодействию негативным явлениям, связанным с экстремизмом, следует знать, что собой представляет феномен экстремизма, как можно более точно определить это одно из ключевых понятий эпохи как для мирового, так и для национального сообщества.

Необходимо признать, что в российской науке до сих пор нет достаточно консолидированной позиции по поводу определения экстремизма. Отсутствует единый взгляд на его виды и формы, нет четкого разграничения смежных с экстремизмом явлений. В настоящее время от научных изысканий, направленных на исследование феномена, понимание экстремизма перемещается в

практическую нормативную плоскость. Связь научных исследований, в особенности в сфере юриспруденции, с правоприменением в области экстремизма является наиболее сложной проблемой для России, к которой можно смело прибавить еще одну составляющую данного вопроса – это унификация национального законодательства с международным, в том числе в части понимания, описания и квалификации экстремизма.

Активизация усилий государств в борьбе с международным экстремизмом в последние годы выразилась в принятии ряда международно-правовых актов, направленных на противодействие экстремизму, сепаратизму, международному терроризму в аспекте регионального сотрудничества государств. В этой связи особо следует отметить Декларацию о создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая была подписана в Шанхае 15 июня 2001 г. главами государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан. Целями Шанхайской организации сотрудничества являются укрепление между государствами-участниками взаимного доверия, дружбы и добрососедства, поощрение эффективного сотрудничества между ними в поли-

тической, торгово-экономической, научно-технической и иных областях, совместные усилия по поддержке и обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе, построение нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка; она не является союзом, направленным против других государств и регионов, и придерживается принципа открытости. Единственное определение «экстремизма», содержащееся в международном договоре, являющимся обязательным для России, встречается именно в Шанхайской конвенции. В части 1 ст. 1 Шанхайской конвенции раскрывается определение экстремизма, под которым понимается «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [2, 30]. Конвенция предусматривает, что Стороны в соответствии с положениями самой Конвенции, другими международными обязательствами, а также с учетом их национального законодательства осуществляют сотрудничество в области предупреждения, выявления и пресечения международного терроризма, сепаратизма и экстремизма, для чего создают центральные компетентные органы, которые, в частности, оказывают друг другу содействие путем обмена информацией, выполнения запросов, оперативно-розыскных мероприятий, разработки и принятия мер для предупреждения и пресечения международного терроризма, сепаратизма и экстремизма. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. вступила в силу для Российской Федерации 29 марта 2003 г.

По вопросам реализации Шанхайской конвенции 5 июля 2005 г. в г. Астане была принята Концепция сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которая определяет базовые цели и принципы сотрудничества государств в данной области в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, что прямо отражено в разд. 1 «Общие положения».

Концепция рассматривает терроризм, сепаратизм и экстремизм как антиправовые явления, которые не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, независимо от их мотивов, а лица и организации, виновные в совершении таких действий, согласно Конвенции должны быть привлечены к ответственности. Концепция подчеркивает свою приверженность Уставу ООН. В рамках Концепции предусмотрены основные формы сотрудничества государств-членов ШОС по вопросам противодействия международному экстремизму, которые будут базироваться на проведении согласованных профилактических мероприятий,

оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, совместных антитеррористических мероприятий и других действиях.

Понятие «экстремизма» (экстремистские действия) в национальном законодательстве содержится в статье 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Наиболее значимые аспекты этого определения будут рассмотрены ниже. Прежде стоит обратиться к международному опыту в этой области и к критике, которой подверглось определение, данное в федеральном законе, со стороны международных организаций.

Даже поверхностный анализ международных правовых документов показывает, что они не могут в достаточной мере прояснить проблему определения «экстремизма», для этого требуются фундаментальные научные труды ведущих ученых по данной специализации. К тому же вопрос понимания экстремизма, в свою очередь, усугубляется еще тем, что каждое национальное законодательство и соответственно научное обоснование имеет собственную специфику, связанную с определением экстремизма. Тем более полезно провести компаративный анализ определения, подходов к нему, принятых в России, с описанием экстремизма в различных международных юридических документах. Опираясь на общепринятые научные и правовые подходы к экстремизму в международной юридической теории и практике, сравнивая их с определением из национального законодательства, можно выявить специфику понятия экстремизма в России.

Феномен экстремизма своими корнями уходит глубоко в историю, однако в фокус внимания международного сообщества экстремизм попал относительно недавно. Международные правовые документы, связанные с экстремизмом, направлены на поиски определения и наиболее эффективных средств его преодоления, но утверждать, что удалось снизить опасность экстремизма в мире едва ли возможно, скорее отмечается рост озабоченности проявлениями экстремизма в большинстве регионов земного шара.

Проблема экстремизма захватывает внимание мирового сообщества со второй половины XX века. После Второй мировой войны феномен экстремизма первоначально фиксируется в Женевских конвенциях 1949 года, в которых речь шла исключительно об экстремизме, связанном с внутренними немеждународными вооруженными конфликтами.

В последнее десятилетие XXI века мировое сообщество серьезно обеспокоено самыми разными проблемами, которые вызывают экстремизм и его различные формы. В мире отмечается рост угроз, источником которых является экстремизм, поэтому поиски точного полноценного определения экстремизма составляют значимую повестку мирового исторического процесса.

В 1977 году в Женеве международное сообщество попыталось отграничить экстремизм во внутреннем немеждународном вооруженном конфликте в связи с тем, что он постепенно приобретал международный характер. В соответствии со ст. 1 Дополнительного про-

токола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II), принятого в Женеве 8 июня 1977 года [7], любой вооруженный конфликт немеждународного характера можно расценивать как международный экстремизм, если его участники, выступающие оппозицией правительственному режиму, не соблюдают общепризнанные принципы и нормы международного права. В частности «Протокол не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таким как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами» [2, 198]. Спорадический характер военных действий путем вылазок и других нерегулярных действий, отсутствие прямо выраженной и открыто заявленной общегражданской программы, использование запрещенных международным правом средств и методов ведения войны, а также иные действия, идущие вразрез и с национальным правом государства, грубо нарушающие общепризнанные принципы и нормы международного права, ставят экстремизм на одну «доску» с терроризмом, который уже стал глобальной угрозой международному миру и безопасности, выйдя на уровень трансграничной опасности мирового масштаба.

В 2009 г. Комитет по правам человека ООН, рассмотрев шестой периодический доклад Российской Федерации (CCPR/C/SR.2681), принял заключительные замечания, в которых обратил внимание на Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Комитет выразил сожаление, что определение экстремистской деятельности в Законе о противодействии экстремистской деятельности допускает произвольное толкование.

Комитет по правам человека ООН выразил обеспокоенность тем, что некоторые положения ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» включают меры, не предусмотренные в УК РФ. Опасение вызвали и ссылки судов на мнение различных экспертов, обеспечивающие защиту государственных органов и должностных лиц от «экстремизма» (ст. 9 и 19 CCPR/C/SR.2681) [8].

Комитет подтвердил свою ранее сформулированную рекомендацию (п. 20 CCPR/CO/79/RUS): государству-участнику следует пересмотреть Закон о противодействии экстремистской деятельности, с тем, чтобы сделать определение экстремистской деятельности более точным и тем самым исключить любую возможность его произвольного применения, и рассмотреть вопрос об отмене поправки 2006 г. Кроме того, при установлении, является ли письменный материал экстремистской литературой, государству-участнику надлежит принять все меры по обеспечению независимости экспертов, на заключениях которых основываются решения судов, и гарантировать право обвиняемого на контрэкспертизу с привлечением альтернативного эксперта [8].

Надо отметить, что современное российское анти-экстремистское законодательство может стать нарушением положений не только Международного пакта о гражданских и политических правах, но и ст. 9 (свобода совести) и ст. 10 (свобода распространения информации) Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Уполномоченный по правам человека в РФ замечает, что «зачастую дела о признании религиозной литературы слушаются кулуарно, за закрытыми дверями, а участие верующих в рассмотрении дел исключено. Известны даже случаи, когда дела о признании материалов экстремистскими рассматривались в особом производстве – процедуре, известной тем, что она может быть применена при отсутствии спора о праве» [4].

В Европе задолго до того, когда в России этому явлению придали актуальный научный характер, понимание экстремизма как антонимичного понятию «демократия» стало аксиоматическим. Известный германский политолог Уве Бак Исес (Uwe Bac Ices) отметил, что «экстремистская позиция прямо или косвенно отрицает демократическое конституционное государство» [3, 11]. Кроме того, близкое определение получило международно-правовое закрепление в части 3 Резолюции 1344 (2003 г.) Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), согласно которой «Независимо от своей природы экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультра-национализма» [9]. Экстремизм, по мнению европейских законодателей, находит питательную почву в социальном недовольстве населения и исповедует упрощенные, стереотипные решения в ответ на чувства обеспокоенности и неопределенности, бытующие у ряда социальных групп в условиях перемен, охвативших наше общество. Экстремисты перекладывают ответственность за эти трудности на представительную демократию, неспособную принять вызовы современности, и на выборных представителей и государственные институты, которые не могут удовлетворить чаяния граждан, или объявляют ту или иную группу населения виновной в переживаемых трудностях или источником потенциальной угрозы. Внимание уделяется экстремистским организациям, которые начинают пользоваться в Европе значительным политическим влиянием. «Экстремистские партии и движения зачастую представляют собой олигархические структуры с четкой иерархией, которым чужды демократические принципы. Групповая сплоченность подкрепляется идеологией исключительности, популистскими, упрощенческими представлениями и единоличным принципом руководства» [9].

В Резолюции 1754 (2010 г.) «Борьба с экстремизмом; достижения, недостатки, неудачи» Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) выделяется несколько форм экстремизма в Европе. Среди этих форм экстремизма «самую большую озабоченность вызывают расизм и ксенофобия». Еще одна опасность экстремиз-

ма находится в плоскости «мусульманского фундаментализма». «В европейских странах также действует ряд террористических групп, состоящих из иностранных граждан, которые не стремятся нанести вред стране, где они проживают, но занимаются пропагандой и сбором средств для достижения экстремистских целей в странах своего происхождения» [10].

В России, несмотря на то, что она тоже является членом ПАСЕ, экстремизм понимается несколько иначе. С момента подписания Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года в нашей стране начались разработки «юридического определения» понятия «экстремизм», которое попало в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Европейская Комиссия за демократию через право (Венецианская Комиссия) 15-16 июня 2012 года опубликовала мнение по поводу ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», которое дает представление об особенностях нормативной трактовки «экстремизма» в России. Была сделана попытка оценить определение «экстремизма» в свете соответствующих международных стандартов и Конституции РФ, в частности статьи 2. Для сравнительного анализа приводится понятие экстремистская деятельность (экстремизм) в редакции Федерального закона от 24.07.2007 № 211-ФЗ) Статья 1.1:

- «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы);

– пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;

(в ред. Федерального закона от 25.12.2012 № 255-ФЗ);

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг» [5].

Европейская Комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) делает вывод, что определение «основных понятий» в федеральном законе «не дают общие характеристики экстремизма как понятия» [11]. Анализируя вышеприведенное определение, Венецианская Комиссия, в частности, отметила широту толкования понятия «экстремизм» правоохранительными органами. Также у Комиссии имеются сильные сомнения по поводу правомерности включения некоторых видов деятельности в список «экстремистских». Определение экстремизма из федерального закона отличается от приведенного определения «экстремизма» в Шанхайской конвенции, которое содержит в качестве существенного элемента применение насилия, в то время как не все виды «экстремистской деятельности» из федерального закона содержат в себе элемент насилия.

Венецианская комиссия, разбирая Статью 1.1, пункт 1 определения экстремизма: «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации», поясняет, что «использование средств, которые не упомянуты напрямую в данном законе, но не включают в себя применение насилия, нельзя считать экстремизмом. Мы полагаем это очень важным, так как выражение отличной точки зрения, с одной стороны, и насильственное изменение основ конституционного строя, с другой стороны, – это совершенно разные вещи» [11]. Далее Венецианская комиссия разъясняет, что «защита права народов на самоопределение и мирное отстаивание иного территориального устройства внутри страны в целом не считается преступными деяниями и наоборот может рассматриваться как законное выражение взглядов человека» [11].

Статья 1.1, пункт 2 определения экстремизма: «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность» потребовала Постановления Пленума Верховного Суда РФ, который отметил, что «не является преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе» [6].

Статья 1.1, пункт 3 определения экстремизма: «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» в текущей редакции не упоминает признак насилия, так как он был изъят. Венецианская комиссия придерживается мнения, что для того чтобы «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» считалось «экстремистской деятельностью», в определении должен явно упоминаться элемент насилия, что позволит приблизить эту формулировку к определению экстремизма, которая зафиксирована в Шанхайской конвенции.

В Статье 1.1, пункт 4, на первый взгляд, повторяются распространённые положения международных договоров и национальных законов, направленные на противодействие дискриминации и запрещающие различное обращение с людьми по признаку их внутренних или унаследованных качеств, таких как раса, национальное происхождение, религия или языковая принадлежность. Однако, по мнению Венецианской комиссии, исходя из приведённых здесь пунктов, ««экстремизмом» считается провозглашение религиозного учения или прозелитской деятельности, нацеленной на доказательство превосходства какого-либо объяснения по поводу вселенной <...>. Такая практика может с лёгкостью быть использована недобросовестно в попытке подавить деятельность какой-либо церкви, что ущемляет не только свободу совести и религии, но и свободу ассоциации» [11].

В Статье 1.1, пункте 5 объединён целый ряд критериев экстремистской деятельности, по которым, по мнению Венецианской комиссии, сложно определить, в каком их сочетании на них распространяется Федеральный закон. Требуется разъяснение того, с каким намерением это было внесено. Если нарушение прав и свобод человека «в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии» в отсутствие какого-либо насильственного элемента является экстремистской деятельностью, то данная категория, очевидно, слишком широкая.

Сходным образом российский законодатель поступил в Статье 1.1, пункте 10, в котором побуждение к экстремистской деятельности само по себе является экстремистской деятельностью. Это положение, по мнению Венецианской комиссии, проблематично

в том отношении, что некоторые из вышеперечисленных действий вообще не должны попадать в категорию экстремистских.

Определение «экстремистской деятельности» в Статье 1.1, пункте 11 носит в особенности запутанный характер. Говоря обычными словами, ложные обвинения в экстремизме также считаются экстремизмом, но только если жертва ложного обвинения – государственный чиновник, а не обычный гражданин, на которого распространяется действие положений, относящихся к клевете и диффамации. Такой подход противоречит установившейся практике Европейского суда по правам человека, согласно которой официальные лица, действующие государственные чиновники должны выдерживать больше критики в свой адрес, чем обычные люди.

По мнению Венецианской комиссии, не вся деятельность, которая определена в Федеральном законе как экстремистская и которая даёт властям основание принимать меры профилактики и пресечения, содержит в себе элемент насилия и определена с достаточной чёткостью, чтобы человек мог регулировать своё поведение или деятельность организации с целью избежать применения подобных мер.

Сравнивая определение экстремизма, данное в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», с трактовкой, которую предлагает Европейское сообщество, можно обнаружить некоторую разницу. Кроме методического расхождения определений – слишком широкое, недостаточно ясное и допускает различные толкования, можно также говорить, что нормативное российское определение недостаточно связано с фундаментальными ценностями и нормами конституционного демократического государства, а скорее, является определением экстремизма как следствия реакции и отрицания, которое направлено на защиту существующей политической системы. В России определение понятия «экстремизм» разработано без учета политической сущности данного явления и, в первую очередь, без учета его психологического, а не поведенческого (деятельного) характера, играющего второстепенную роль.

Необходимо отметить, что в настоящее время далеко не все государства выступают за унификацию и гармонизацию подходов к экстремизму на базе четкого соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права. Во многих государствах экстремизм до сих пор рассматривается как внутригосударственный конфликт, а попытки международного регулирования данного вопроса имеют негативный акцент «вмешательства во внутренние дела государства».

Россия в трактовке экстремизма больше полагается на собственный богатый исторический опыт. Принимая критику международного сообщества, национальное нормативное определение экстремизма претерпело ряд существенных изменений, но сближение международного законодательства с отечественным идет не просто ввиду того, что феномен экстремизма требует более тщательно выстроенной юридической стратегии.

Библиографический список

1. Действующее международное право. Т.2. Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М., 1997. С.198.
2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001) // Бюллетень международных договоров. 2004. № 1. С. 30.
3. Extremismus in Deutschland. Erscheinungsformen und aktuelle Bestandsauf-nahme // Bundesministerium des Innern. Berlin. 2004. S. 11. См. также: Backes, Uwe: Politischer Extremismus in demokratischen Verfassungsstaaten. Elemente einer normati-ven Rahmentheorie; Opladen: Westdeutscher Verlag. 1989.
4. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2007 г. // Российская газета, 14 марта 2008, № 4612.
5. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 25.12.2012) «О противодействии экстремистской деятельности» (принят ГД ФС РФ 27 июня 2002 г.) // Собрание законодательства РФ, 29 июля 2002 г. № 30. Ст. 3031.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета, 4 июля 2011, № 5518.
7. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 года. <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb3l.htm>
8. Султанов А.Р. Экстремизм по-русски // Газета «эж-Юрист», 2010, № 22. <http://www.gazeta-yurist.ru/article.php?i=1357>
9. Парламентская Ассамблея Совета Европы. Резолюция 1344. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе. (2003). http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/
10. Парламентская Ассамблея Совета Европы. Резолюция 1754. Борьба с экстремизмом: достижения, недостатки и неудачи. (2010). http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/s
11. Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия). Мнение по поводу федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Страсбург, 20 июня 2012. <http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2012/07/>

References

1. Operating international law. T.2 / Sost. Yu.M.Kolosov, E.S.Krivchikova. M, 1997. Page 198.
2. The Shanghai convention on fight against terrorism, separatism and extremism (It is concluded in Shanghai 15.06.2001)/the Bulletin of international treaties. – 2004 . – No. 1. Page 30.
3. Extremismus in Deutschland. Erscheinungsformen und aktuelle Bestandsauf-nahme // Bundesministerium des Innern. Berlin. 2004. S. 11. See also: Backes, Uwe: Politischer Extremismus in demokratischen Verfassungsstaaten. Elemente einer normati-ven Rahmentheorie; Opladen: Westdeutscher Verlag. 1989.
4. The report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2007//the Russian newspaper, on March 14, 2008, No. 4612.
5. The Federal law of July 25, 2002 No. 114-FZ (an edition of 25.12.2012) «About counteraction of extremist activity» (it is accepted by the State Duma of Federal Assembly of the Russian Federation on June 27, 2002)/Collection of the legislation of the Russian Federation, on July 29, 2002 No. 30. Art. 3031.
6. The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011. «About jurisprudence on criminal cases about crimes of an extremist orientation»//the Russian newspaper, on July 4, 2011, No. 5518.
7. The additional protocol to the Geneva conventions of the August 12, 1949, concerning protection of victims of not international armed conflicts (Protocol II). Geneva, on June 8, 1977. <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb3l.htm>
8. Sultans A.R. Ekstremizm in Russian//«ezh Yurist» Newspaper, 2010, No. 22. <http://www.gazeta-yurist.ru/article.php?i=1357>
9. Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Resolution 1344. About threat for democracy from extremist parties and movements in Europe. (2003). http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly
10. Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Resolution 1754. Fight against extremism: achievements, shortcomings and failures. (2010)http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/
11. The European Commission for democracy through law (Venice Commission). Opinion on an occasion of the federal law “About counteraction of extremist activity”. Strasbourg, on June 20, 2012.<http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2012/07/>

УДК 355.73

UDC 355.73

В.А. БОБКОВ

кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России Орловского государственного университета
E-mail: vladimir.bobkoff-2009@yandex.ru

V.A. BOBKOV

candidate of historical Sciences doctoral candidate, Department of history of Russia, Orel state University
E-mail: vladimir.bobkoff-2009@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ ДЛЯ АРСЕНАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИИ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

**SOCIO-ECONOMIC GUARANTEES FOR ARSENAL WORKERS IN RUSSIA
IN THE END OF XVIII-BEGINNING OF XX CENTURIES**

На основе ранее малоизвестных широкому научному сообществу или вообще не введенных в научный оборот исторических источников были реконструированы сюжеты, связанные с предоставлением социально-экономических гарантий работникам арсеналов военного ведомства России в конце XVIII-начале XX вв.

Ключевые слова: армия, арсенал, артиллерия, война, военная промышленность.

On the basis of the previously little-known to the broad scientific community, or not entered into the scientific circulation of historical sources were reconstructed scenes associated with the provision of socio-economic guarantees for workers of the arsenals of the military departments of Russia in the end of XVIII-beginning of XX centuries.

Keywords: army, arsenal, artillery, war, military industry.

В России стройная система арсеналов военного ведомства окончательно оформилась к концу XVIII-началу XIX вв. С различными трансформациями рассматриваемая система арсеналов просуществовала до начала XX века. В состав системы входили арсеналы следующих видов: непереносные, подвижные и окружные. Общая военно-правовая основа деятельности арсеналов свидетельствует и об одинаковых социально-экономических гарантиях для арсенальных работников на всех предприятиях анализируемой отрасли промышленности в составе военного ведомства России.

Итак, уже в XVIII в. работники арсеналов имели определенные социальные гарантии. Важной гарантией для лиц, проходящих службу далеко от дома, была возможность непосредственного общения с близкими. Так, командир Брянского арсенала И. М. Иванов в силу приостановления части работ в зимнее время удовлетворял просьбы предоставить отпуск и предоставлял возможность съездить навестить родственников. По времени отпуск был одинаковым для всех категорий работников и «составлял 29 дней» [1. Ф. 221. Оп. 1. Д. 2. Л. 322].

На предприятиях военного ведомства сложилась практика финансовой поддержки семьи рабочего. К примеру, в конце XVIII в. в Брянск для работы на арсенале многие работники прибыли с семьями. Первоначально на содержание членов семей они долгое время ничего не получали. Это вызывало социальное напряжение и после ходатайства работников, на семью стали выделять «три копейки в день» [2. С. 57].

Подобная забота о семье для военного ведомства была своеобразным вкладом в будущее арсенального производства. Как известно, со временем дети (маль-

чики) работников арсеналов заменяли своих отцов на арсенале.

Жалование на предприятиях военного ведомства выплачивали три раза в год. Помимо жалования выдаваемого три раза в год, арсенальцы получали мясной и соляной рацион [1. Ф. 221. Оп. 1. Д. 1. Л. 44 об.-45].

Работникам артиллерийских технических заведений были предусмотрены и другие социальные гарантии. Особо выделялась мера, призванная стимулировать работников не только к качественному труду, но и к развитию производства. В частности, за долговременную полезную службу, а также за особые заслуги, открытия и изобретения начальник мог ходатайствовать о награждении мастеровых и рабочих медалями, единовременными денежными выплатами, кафтанами и званием почетного гражданина. Мастерские, имеющие особые знания, необходимые для заведений, получали казенные квартиры, если таковые имелись, но при этом по усмотрению начальника могла «уменьшаться плата» [3. С. 95].

После окончания Крымской войны в целях стимулирования рабочих к эффективному труду вырабатывали новые меры их экономического поощрения. Как известно, благодаря военным реформам Д.А. Милютина сокращали сроки службы военнослужащих. Работники арсеналов были военнослужащими, а значит, могли уйти в отставку, а предприятия могли потерять квалифицированных работников. В результате, на основании приказа военного министра от 11-го октября 1864 г. за № 14-м нижних чинов за отказ от бессрочного отпуска награждали серебряными шевронами из галуна на левом рукаве мундира с производством им в разме-

ре полугодового жалования [1. Ф. 221. Оп. 1. Д. 559. Л. 160-162].

В силу проведенных военных реформ с 1870 г. работы на арсеналах производили вольнонаемными рабочими. Порядок найма рабочих определяли правилами, утвержденными начальником Главного Артиллерийского Управления. В результате изменяли и социально-экономическое обеспечение работников. Работу на арсеналах после введения вольнонаемного труда оплачивалась сдельно и повременно.

Во второй половине XIX в. законодательно закрепили экономические гарантии для рабочих, не трудившихся в праздничные и иные подобные дни. Так, рабочие сохраняли условленную плату: 1) за дни рождения и тезоименитства Государя Императора. 2) за время говений, для чего освобождали от работы поочередно на два дня в один из постов. 3) за время исполнения обязанностей присяжных заседателей в окружных судах. 4) за время призыва к отбыванию «учебных сборов нижних чинов запаса и ратников ополчения» [3. С. 95].

В последней четверти XIX в. в России активно формировался пласт законодательных актов в области промышленного развития и социальных гарантий для рабочих. Не стали исключением военно-промышленные предприятия, в том числе и арсеналы. Действия законодательных актов, регулирующие отношения в гражданской промышленности, приказами военных властей распространяли и на военную индустрию.

В 80-х гг. XIX в. правительство России разрабатывает законодательство, создающее правовое поле для фабрично-заводского труда. Появляется закон от 1 июня 1882 г. об ограничении труда подростков. Закон от 3 июня 1885 г. о запрете ночной работы женщинам и подросткам (15-17 лет) на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках. 3 июня 1886 г. появляются новые «Правила о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры», а также «Особые правила о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» и т.д.

В результате в особых случаях к работам на арсеналах стали допускать малолетних, но не иначе как с соблюдения утвержденных «1 июня 1882 г. правил о малолетних работающих на фабриках, заводах и мануфактурах, и последующих затем изменений» [3. С. 91].

Применение детского труда на военно-промышленном производстве было нормой не только в России, но и в других странах. Так, еще в конце XVIII в. в передовой в промышленном отношении Англии при работе на арсеналах использовали детский труд. В биографии знаменитого новатора Г. Модсли был факт его работы в годы юности в Вулвичском арсенале. «Как во всех рабочих семьях, Генри в двенадцать лет послали работать. Он поступил на легкую, «детскую» работу – в Вулвичский арсенал набивальщиком патронов» [4. С. 13].

В конце XIX в. военное министерство стремится упорядочить положение вольнонаемных мастеровых технических артиллерийских заведений и улучшить их социальное положение. В 1897 г. определяют, что «все работы, как по приготовлению артиллерийских изделий, так и хозяйственные, а также разные валовые

работы и сторожевые обязанности в артиллерийских технических заведениях исполняются вольнонаемными мастерами, подмастерьями, мастеровыми и рабочими» [3. С. 90].

Социально-экономическое положение арсенальцев и в целом рабочих военной промышленности России по сравнению с положением работников частных предприятий при всех минусах имело и очевидные плюсы. Казенная военная промышленность гарантированно получала заказы, а частная промышленность зависела от конъюнктуры рынка.

В начале XX в. нормативно закрепили гарантии для рабочих при потере трудоспособности. В частности, при несчастных случаях вольнонаемные мастеровых технических артиллерийских заведений военного ведомства, без различия пола и возраста, вознаграждали за утрату, более, чем на три дня, трудоспособности от телесного повреждения, причиненного им работами на арсенале [3. С. 97].

Пособия назначали со дня несчастного случая по день восстановления трудоспособности или признания ее полной утраты. При полной утрате трудоспособности взамен пособия работник получал пенсию. Пенсии назначали в случае постоянной утраты трудоспособности при полной утрате её – в размере двух третей годового содержания потерпевшего, а при неполной, – в уменьшенном размере, определенном соответственно степени ослабления трудоспособности потерпевшего.

В случае возникновения трудной жизненной ситуации рабочие арсеналов России тоже имели гарантии. Так, они могли прекратить трудовые отношения с предприятием без предварительного заявления об оставлении работы, без удержания полумесячной платы в ряде случаев: 1) высылки рабочего по распоряжению подлежащей власти из места исполнения договора; 2) вследствие работы, разрушительно действующей на здоровье; 3) по болезни и по особым семейным обстоятельствам.

Со стороны технического артиллерийского заведения (арсенала) без предварительного заявления так же могли уволить мастеровых и рабочих без выдачи не в зачет полумесячной платы в случае антиобщественных действий последних. К таким антиобщественным действиям относили: уличение мастеровых и рабочих, «в каких-либо преступлениях или когда человек по дурному поведению, грубости, ослушанию, не может быть терпим в числе мастеровых и рабочих; вследствие обнаружения у мастерового скрываемой им заразной болезни» [3. С. 91].

Социальные гарантии при потере трудоспособности получал не только рабочий, но и члены его семьи. Подобное обстоятельство не должно удивлять, особенно на фоне того, что как уже было указано выше – практика помощи семье рабочего сложилась еще в XVIII в. Так, существовали «Правила о производстве пенсий потерпевшим от повреждений в здоровье (профессиональных заболеваний) указанным выше лицам, а равно и членам их семейств» [3. С. 29].

Семья получала материальную поддержку и еще

в целом ряде случаев. Так, если смерть работника наступила за несчастным случаем или во время лечения телесного повреждения, или же не позднее двух лет со дня несчастного случая. Если лечение было прикращено ранее, производили: 1) уплату по принадлежности на погребение умершего – тридцать рублей для взрослого и подростка и пятнадцать рублей для малолетнего и 2) выдачу пенсий членам семейства умершего.

При вступлении вдовы в брак причитающаяся ей пожизненную пенсию заменяли единовременную выдачу в сумме, «равной тройному размеру следующих вдове годичных пенсионных платежей» [3. С. 98].

При всей деятельности военного министерства, направленной на улучшение положения, уровень социально-экономического обеспечения работников арсеналов России в конце XIX в. был невысоким. В результате нехватки средств не только вольнонаемные работники, но и офицерский состав не имел достаточного содержания.

Скудное материальное положение работников арсеналов России стимулировало к образованию разнообразных потребительских обществ. В своих воспоминаниях К.Г. Паустовский писал об одном из подобных обществ, существовавших в Брянске. «Оно было открыто в 1910 г. для рабочих «Арсенала» полковником Кузьминым-Караваевым. Развернуться обществу помешали конкуренты, лавку сожгли, пайщикам – рабочим «Арсенала» пришлось покрывать убытки» [5. С. 24].

Важной формой взаимной экономической поддержки в среде работников арсеналов России стали ссудо-сберегательные кассы. Вопрос об устройстве ссудо-сберегательных касс для арсенальцев России подняли в 1873 г. на С.-Петербургском арсенале. В документах артиллерийского департамента сохранили соответствующий документ под названием: «Об устройстве ссудо-сберегательных касс в патронном заводе и арсеналах для вольнонаемных мастеровых» [6. Ф. 6. Оп. 1/1. Д. 341. Л. 1].

Такая форма аккумуляции денежных средств, как сберегательные кассы, уже были знакомым явлением для арсеналов России. Еще 23 декабря 1864 г. инспектор местных арсеналов довел до руководителей арсеналов приказ военного министра за № 243 от 1863 г.

В приказе отметили, что деньги, получаемые рекрутами за добровольное поступление на службу по найму и препровождаемые из рекрутских присутствий, нужно хранить в сберегательных кассах в течение всей их службы. Выдавали деньги полностью с накопившимися процентами, только при условии увольнения нижних чинов в отставку или бессрочный отпуск.

Устав ссудо-сберегательной кассы С.-Петербургского арсенала был во всем согласен с уставом Михайловской артиллерийской академии и училища. Устав утвердили «за исключением того, что обязательный взнос по уставу академии и училища назначен три рубля, а по уставу С.-Петербургского арсенала два рубля» [6. Ф. 6. Оп. 1/1. Д. 40. Л. 2 об.].

Создание ссудо-сберегательных касс было положительным явлением. Но в период начавшейся в скором времени мировой войны негативные стороны скудного материального обеспечения работников арсеналов России проявили себя с новой силой.

Война взвинтила цены на продукты питания, а заработная плата вольнонаемных работников оставалась на прежнем уровне. С началом войны на арсеналах России складывается сложное социально-экономическое положение. Это вызвало недовольство в рабочей среде. Недостаточная зарплата рабочих в годы войны толкала к мешочничеству: «иной раз открыто, с разрешения мастера, а иной раз самовольно, прогулом ехал арсеналец ... за хлебом» [7. Ф. 451. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.].

Итак, первые четкие социальные – экономические гарантии для арсенальных работников военного ведомства в России имели место еще с XVIII в. На всем протяжении рассматриваемого времени военное руководство государства предоставляло более или менее значимые гарантии для арсенальцев России. Середина XIX в. была периодом коренных изменений и пересмотром социально-экономических гарантий арсенальцам, что было связано с введением вольнонаемного труда на арсеналах. Необходимо констатировать, что уровень социально-экономического обеспечения работников арсеналов России в конце XIX в. был невысоким и еще больше ухудшился в начале следующего столетия в связи с началом Первой мировой войны.

Библиографический список

1. Государственный архив Брянской области.
2. Волохов В.П. Брянск. Тула. 1968.
3. Свод Военных Постановлений. Кн. XIII. (Изд. - 3). СПб. 1910.
4. Загорский Ф.Н. Загорская И. М. Генри Модсли (1771-1831). М. 1981.
5. История Брянского края. XX в. Клинцы. 2003.
6. Архив Военно-исторического музея артиллерии инженерных войск и войск связи.
7. Центр документации новейшей истории Брянской области.

References

1. The state archive of the Bryansk region.
2. Volokhov V.P. Bryansk. Tula. 1968.
3. Code Of Military Regulations. KN. XIII. (Ed. - 3). SPb. 1910.
4. Zagorsky F.N. Zagorskaya I. M. Henry Mawdsley (1771-1831). - M. 1981.
5. History of Bryansk region. The twentieth century. Klintsy. 2003.
6. Archive of Military-historical Museum of artillery, engineering and communications forces.
7. Center of documentation of the newest history of Bryansk region.

УДК 1 (091) БЕРДЯЕВ Н.А.

UDC 1 (091) BERDYAEV N.A.

И.Р. ИГНАШКИН

I.R. IGNASHKIN

аспирант кафедры истории России Орловского государственного университета

student of the Department of history of Russia, Orel state University

МЕТАФИЗИКА ИСТОРИИ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

METAPHYSICS HISTORY OF NIKOLAI BERDYAEV

В статье исследуется метафизика истории Н.А. Бердяева, понимаемая им как духовное постижение конечных судеб человека и мира. В данном исследовании метафизика истории рассматривается как феномен «библейского сознания», а историософские взгляды Бердяева излагаются в контексте русской религиозной историософии, видящей в лице Христа – «религиозный смысл» и «метафизическое основание истории».

Ключевые слова: Смысл истории, небесная и земная судьба человека, бездна свободы, теогония мира, эсхатологическая проблема конца, всемирная богочеловеческая драма, динамическая антропология.

In this article the metaphysics of history N.A. Berdyaev, construing them as spiritual comprehension of the end of the destinies of man and the world. In this study metaphysics history is considered as a phenomenon of «biblical conscience», and historiosophical views Berdyaev are set out in the context of Russian religious philosophy of history, seeing the face of Christ - «the religious sense» and «metaphysical Foundation of history».

Keywords: the Sense of history, heavenly and earthly destiny of man, the abyss of freedom, theogony world, eschatological the problem of the end of the world the divine-human drama, dynamic anthropology.

Бердяев был центральной фигурой всей русской религиозной философии истории. Характерной чертой русской философии в целом и своей личной экзистенциальной философии, Н.А. Бердяев полагает историософичность – обращенность к судьбе человека, вечном смысле его жизни. Историософия означает философское осмысление и истолкование исторического процесса, постижение смыслов мировых и человеческих судеб. Историософия претендует на познание всех тайн истории, и постижении ее души, являясь в этом плане ее метафизикой. Историософия требует от познающего субъекта переживания истории и судьбы мира как своей личной духовной судьбы. Историческая наука строится аналитическим путем понятий и фактов, которым соответствуют реальные исторические законы и события. В связи с этим история обычно выражается в форме научной системы. Историософия есть осмысление истории через вживание и вчувствование, сердечное созерцание и творческую интуицию.

Историософия в отличие от исторической науки постигает историческое бытие не отвлеченным рассудком через систему понятий, а живой целостностью духа, через конкретные мифологемы и символы. Метафизика истории представляет собой онтологическую символизацию духовной реальности. Исторические события мыслятся как символы событий духовных, тайна которых до конца не раскрыта. Историософская мысль стремится проникнуть в замысел Божий о мире и человеке. Язык историософии символичен и аллегоричен. Историческая наука аналитична и рассматривает историю в перспективе времени, бытия, продолжения и становления, а историософия апокалиптика и про-

фетична, она видит в истории эсхатологические горизонты вечности.

Бердяев защищал экзистенциальное понимание истории: «настоящий путь философии истории, есть путь к установлению тождества между человеком и историей, между судьбой человека и метафизикой истории» [4, с. 26], – писал русский экзистенциалист. Историософия – это философское выражение религиозной мысли в отношении исторической реальности. Историософия есть феномен библейского мирозерцания. Из Ветхого Завета берет начало исторический динамизм христианства, активность и деятельность свободно творящего духа, которое вопреки иудаизму, христианство видит не только в Боге, но и в человеке.

Согласно Бердяеву, для языческих религий фундаментальным является символ круговорота времени, миф вечного возвращения. В язычестве раскрывается время космическое, а не историческое. В христианской религии само бытие предстает не как статичный и завершенный универсум – космос, а как динамичный и многогранный мир со множеством измерений бытия и обращенный к грядущему. В античном мирозерцании бытие есть космос, в христианском бытие есть истории, история мира, человека, Бога.

Христианство открывает человечеству «начало духовной свободы», освобождение человеческого духа из естественных недр природной жизни. В христианском мирозерцании человек предстает образом и подобием Троичного Божества, свободной личностью. Первой христианской историософией Бердяев считает воззрения Блаженного Августина («О Граде Божием»), во многом определившие строй мышления

западных философов и богословов по данному вопросу. Выработанная в эпоху позднего средневековья, мистическая концепция историософии Иохима Флорского, с его идеей трех откровений и зачинания Царства Божьего уже в земной истории, оказала сильное влияние на представителей трансцендентального идеализма в лице Шеллинга, Гегеля и на русских религиозных философов «Серебряного века».

Историософия на почве православия связана с развитием русской религиозной философии, в которой получили свое осмысление как историческая диалектика европейского гуманизма, так и развитие самобытной русской культуры. Историософия явилась интегральным моментом почти всех воззрений в контексте русской религиозной философии. Наиболее значительными в русской историософии признаны концепции ранних славянофилов, К. Леонтьева, Вл. Соловьева, Г.П. Федотова, Л.П. Карсавина. Николая Бердяева можно считать в русской религиозной философии историософом по преимуществу.

В трудах, посвященных истории отечественной философии, проблема присущего ей историзма традиционно занимает существенное место. Василий Зеньковский писал о том, что русская мысль «сплошь историософична». С точки зрения С.Л. Франка, «самое значительное и оригинальное, созданное русскими мыслителями, относится к области философии истории и социальной философии». Николай Лосский, определяя характерные черты русской философии, отмечал постоянный интерес к вопросу «о сущности исторического процесса, к проблеме метаистории». Согласно Николаю Бердяеву, русская самобытная мысль пробудилась на проблеме историософии. Историософская тематика пронизывает традицию русской мысли с момента ее становления и до настоящего времени. Русская мысль в течение всего XIX века была более всего занята проблемами философии истории. В своей изумительной книге «Смысл Истории», Бердяев отмечал, что на «построениях философии истории формировалось наше национальное сознание.

На проблемах историософии пробудилось наше национальное сознание. Русская философия истории должна была разрешить вопрос о судьбе России. Бердяев писал, что «спор славянофилов и западников был спором о судьбе России и ее призвании в мире». Знаменитое первое «Философическое письмо» Чаадаева стало, по выражению Герцена, «выстрелом, разжавшимся в темную ночь». Философские мысли Чаадаева о русской истории были овеяны глубокой скорбью: «Ныне мы составляем пробел в нравственном миропорядке» [10, с. 9]. Это вопль отчаяния «русского Екклесиаста», опечаленного исторической судьбой Родины. Вся русская историософия стала ответом на глас Чаадаева, вопиющего и скорбящего в мрачной пустыни.

В центре духовных исканий русских мыслителей стояли споры славянофилов и западников о России и Европе, о Востоке и Западе: «построение религиозной философии истории есть, по-видимому, призвание русской философской мысли. Самобытная русская

мысль обращена к эсхатологической проблеме конца, она окрашена апокалиптически. В этом – отличие ее от мысли Запада. Но это и придает ей прежде всего характер религиозной философии истории» [4, с. 4].

Бердяев строил свою философию истории на основе христианского вероучения, смысловым центром исторического процесса для него было рождение Христа и историческое развитие христианства. В обосновании своих философских построений Бердяев использует христианское вероучение, видя в нем символическое выражение подлинной теогонии мира, тайну которой он стремится разгадать и представить в своем варианте философии христианского экзистенциализма с выходом на учение о судьбе человека и смысле истории.

Развитие историософии в России представляет собой пробуждение национального самосознания, в рамках которого были подытожены усилия многих выдающихся мыслителей. Можно сказать, что Бердяев является виднейшим представителем отечественной религиозной философии XX века, «историческая чуткость» и «метафизическая зоркость» которого, позволяла ему практически осязать «дух времени» и созерцать «дух вечности». В одной из своих последних работ он писал о том, что историософия есть драматическая философия судьбы, существования во времени, переходящего в вечность, времени, устремленного к концу, который есть не смерть, а преображенная жизнь, воскресение в Боге.

Бердяев был пророком нового, апокалипсического сознания, сам он объявил исходным моментом своей философии истории «эсхатологическое откровение». Высшей задачей историософии являлось, по Бердяеву, целостное постижение религиозно-метафизического смысла истории.

Центральное место в его христологической историософии занимает образ Христа и философская антропология – учение о свободе человека и его духе. Человечество, согласно Бердяеву, существует предвечно в замысле Божьем: «Все существа предвечно и предмирно творятся Божеством; все живое пребывает в божественном плане космоса, до времени и до мира совершается в идеальной процессе божественной диалектики» [5, с. 163]. А это значит, что и божественность изначально присуща воплощенному человечеству. Исходя из идеи Богочеловечества, Бердяев утверждает, что Бог и человек возникли одновременно и местом их встречи стало духовное таинство любви: «Бог возжелал своего другого и ответной любви его». Так произошло творение мира, средоточием которого изначально был человек.

Человек есть существо историческое – утверждает Бердяев. История – это судьба человека, тот путь, которым он, выброшенный в тварный мир объективаций, должен идти. Он не может сбросить с себя бремя истории. Вместе с тем он ставит перед собой отнюдь не только благие цели и вкладывает в них свою творческую силу и страсть. Но история равнодушна к человеку, поскольку преследует не человеческие цели, а цели цивилизаций, государств, наций, классов и при этом всегда

вдохновляется идеалами экспансии и силы. История использует человека в качестве материала для нечеловеческих целей. И в этом смысле вся история делалась и делается как преступление. Она развивается по законам античеловеческой морали. В ней господствует эгоизм, борьба классов, войны между государствами, насилие всякого рода. Между историей и человеком, путями истории и путями человеческими всегда существует глубочайший конфликт, трагическая борьба. Человек втягивается в историю, подчиняется ее року и одновременно сопротивляется истории, противопоставляя ей свободу личного духа, тайну индивидуальной судьбы.

Философия истории, историческое познание есть один из путей к познанию духовной действительности, к выявлению духовного смысла истории. Историософия есть наука о духе, приобщающая нас к тайнам духовной жизни, к истокам бытия и глубинам Божественной жизни. Метафизика истории раскрывает нам внутреннюю жизнь, потаенную сущность, религиозную драму, свершающуюся на небесах. Небо – сокровенная глубина человеческого духа уходящего в глубину жизни Божества. Небесная история, называемая Николаем Бердяевым «прологом на небе», была изначальной небесной жизнью Адама. Из тайных, незримых глубин небесной истории раскрывается и земная судьба человека, всемирная история человечества.

По Бердяеву, история начинается в Троичной глубине Единого Божества и черпает бытие из внутренней, эзотерической жизни Святой Троицы, из бездонной свободы Духа божественного и человеческого. История – это откровение тайной жизни Бога и творческое откровение человека Богу. Человек есть образ и подобие Божие, «манифестация духа», лирическое творение все совершенного Творца. Из безмерной бездны свободы, из Ungrund, извечно рождается Бог Отец – запредельный бытию Творец неба и земли, сверхсущий Господь Вседержитель; Бог Сын – светоносный Логос, «Сердце во Отце»; Бог Дух Святой – Душа Истины, дыхание вечной жизни. Ungrund сосуществует с Богом, бездна безусловной свободы глубже Творца, и творение имеет свои метафизические корни в божественной жизни и в иррациональной бездне, из которой вызревает зерно исторического.

В темной бездне иррациональной свободы Николай Бердяев видел разгадку трагедии мировой истории. Мир вокруг нас имеет свои корни не только в божественном творении, но и в первореальности бездны. Свобода – это метафизический корень истории. История – всемирная богочеловеческая драма между Богом и Его Другим – человеком. И от метафизической судьбы человека зависит приснобытие самого Бога, Его неисповедимая судьба. Сотворение мира Богом есть момент глубочайшей тайны отношения между Богом-Отцом и Богом-Сыном.

Истоки исторического бытия Бердяев видит во внутренних глубинах духовной жизни, которая есть истинная метафизическая основа истории: «История имеет источник во внутренней духовной действительности, в том опыте человеческого духа, в котором человеческий

дух уже не является чем-то отдаленным и противоположаемым духу божественному, а в котором он непосредственно с ним соприкасается, в котором раскрывается драма взаимоотношений между Богом и человеком» [4, с. 21]. Разгадка тайны Божественной жизни необходима для разгадки метафизики истории, судьбы человека. В этом историософическом утверждении раскрывается христианское сознание, для которого мир сотворен потому, что Бог возлюбил человека. Сотворение мира Творцом есть момент глубочайшей тайны отношения между Божеством и человечеством. «Само движение для глубинного христианского сознания, сама возможность процесса определяется тем, что в самой глубине жизни Божьей, в глубине жизни духовной, в самой глубине этой жизни открывается тайна Божья, раскрывается внутренняя страстная жажда Божья, внутренняя тоска по своему Другому, по тому Другому, который может быть для Бога объектом величайшей, беспредельной любви, тоска Божья и любовь к тому Другому и беспредельная жажда получить от Другого взаимность, быть любимым. Эта внутренняя трагедия любви Божьей к своему Другому и ожидание ответной любви и есть та сокровенная тайна Божественной жизни, с которой связано творение мира и творение человека» [4, с. 25].

В Иисусе Христе происходит внутреннее соединение исторической судьбы Божественной жизни и исторической судьбы жизни мировой, жизни человеческой. По мнению Бердяева, только в христианском понимании глубины жизни Божественной, жизни духовной возможно постигнуть возникновение истории и подлинной судьбы мировой и человеческой. Поэтому в историософии Бердяева в центре мира стоит человек и судьба человека определяет судьбу всего мира. История – не только откровение Бога, но и ответное откровение человека Богу.

Метафизика истории – откровение о небесной и земной судьбе человека. Небесная история человека, по Бердяеву, предопределяет его земную судьбу. В библейской мифологии, в символах и мифологемах повествуется о небесной, метафизической и земной, исторической судьбе человека. Это изначальная, мифологическая история человечества в его идеальном бытии. В философском постижении смысла истории Бердяев придавал большое значение мифу. Вслед за Шеллингом, он именует мифологию «зарей человеческой истории». Миф есть предание, в котором метафизическое и историческое соединяются воедино. К мифу Бердяев обращался и для постижения судьбы человека. История есть миф о Богочеловечестве, драма между человеком и Богом. «У Бердяева нет сомнений, что центральным мифом истории является миф об Искуплении и Искупителе» [2, с. 22].

С пришествием Христа искупающая сила Голгофской жертвы заполнила христианское сознание и открыла человечеству путь к воскресению в Божием Сердце и обожении в нем. В богочеловеческой личности Иисуса Христа Николай Бердяев видел саму сущность христианства как религии свободы и любви.

«Христос явился в мир как оправдание творения, как смысл, Логос творения. Христос – предвечный Сын Бога – усыновил человека Богу, усыновил все творение, возвратил к Творцу Своей искупительной жертвой» [5, с. 193]. В лице Христа метафизическое вросло в историческое. Христос – духовная основа метафизики истории.

«Историческое» – сфера философии истории, в которой раскрывается сущность бытия и духовная сущность самого человека. Человек находится в историческом и историческое находится в человеке. «Между человеком и «историческим» существует такое глубоко-

кое, такое таинственное в своей первооснове сращение, такая конкретная взаимосвязь, что разрыв их невозможен. Нельзя выделить человека из истории, нельзя взять его абстрактно, и нельзя выделить историю из человека» [4, с. 8]. История имеет живую душу. Тайна исторического постигается философом в глубоком личном вчувствовании, интимном вживании в душу всемирной и всеобщей истории. История для Бердяева есть динамическая антропология, наука о духе и судьбе человека. Метафизика истории – это книга жизни. Ее гениальным чтецом и был Николай Бердяев.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого. АСТ. Москва. 2005.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. АСТ. Москва. 2003.
3. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. АСТ. Москва. 2006.
4. Бердяев Н.А. Смысл истории. Мысль. Москва. 1990.
5. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. АСТ. Москва 2005.
6. Бердяев Н.А. Философия свободы. АСТ. Москва 2009.
7. Калужный В.Н. Личность между мифом и философией. АСТ. Москва. 2003.
8. Карсавин Л.П. Философия истории. АСТ. Москва. 2007.
9. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. АСТ. Москва. 2007.
10. Чаадаев П.Я. «Философические письма». АСТ. Москва. 2006.

References

1. Berdyaev N.A. Dialectic of the divine and the human. AST. Moscow. 2005.
 2. Berdyaev N.A. About the appointment of the person. AST. Moscow. 2003.
 3. Berdyaev N.A. Experience of eschatological metaphysics. AST. Moscow. 2006.
 4. Berdyaev N.A. Sense of history. The thought. Moscow. 1990.
 5. Berdyaev N.A. The philosophy of the free spirit. AST. Moscow 2005.
 6. Berdyaev N.A. The philosophy of freedom. AST. Moscow 2009.
 7. Kalyuzhny V.N. The identity between myth and philosophy. AST. Moscow. 2003.
 8. Karsavin L.P. Philosophy of history. AST. Moscow. 2007.
 9. Soloviev V.S. Reading of the God-manhood. AST. Moscow. 2007.
 10. Chaadaev P. «Philosophical letters». AST. Moscow. 2006.
-

УДК 94(420).081/082-1:94(47).082/083-7

UDC 94(420).081/082-1:94(47).082/083-7

А.С. ЛЕВШИН

аспирант кафедры всеобщей истории Орловского государственного университета

A.S. LEVSHIN

graduate student of chair of general history, Orel state university

АНГЛИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ГЛАЗАМИ РУССКИХ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ENGLISH NATIONAL CHARACTER IN THE EYES OF RUSSIANS IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURY

В статье на основе мемуарных источников и публицистики анализируется восприятие английского национального характера глазами представителей различных социальных и профессиональных групп русского общества в конце XIX-начале XX века. Обосновывается вывод о контрастной проекции в восприятии «другого» народа, обусловленной культурным, политическим и социально-экономическим контекстом.

Ключевые слова: англичане, Англия, национальный характер, восприятие.

In article on the basis of memoirs sources and journalism analyzes the perception of the English national character in the eyes of representatives of various social and professional groups of the Russian society in late XIX - early XX century. The conclusion contrast projection in the perception of the «other» people, due to cultural, political and socio-economic context.

Keywords: British, England, national character, perception.

В современной исследовательской ситуации с появлением новых направлений – психоистории, антропологического подхода, истории повседневности – возрастает интерес к восприятию «другого» народа. Проблемы интеграции России в европейское пространство, усиление межэтнического взаимодействия, «вестернизация» культуры актуализируют интерес к изучению национального характера. Особенно важно в этом плане изучения образа международного лидера, которым являлась Англия на рубеже XIX - начале XX вв.

Национальный характер – сложный в структурном и содержательном отношении феномен – в центре изучения целого ряда областей социально-гуманитарного знания. Существует множество различных, часто взаимодополняющих трактовок национального характера. Основу трактовок национального характера заложили в XVIII в Д. Юм и И. Кант [1, С. 712-713]. Современные исследователи под национальным характером понимают «взаимосвязанный ряд установок, ценностей, усвоенных мотивов, стремлений, эгозащитных механизмов», «специфические особенности общих психологических черт индивидов, составляющих нацию и ее ментальных характеристик» [2, С. 10].

Важнейшим источником представлений о каком-либо народе и его национальном характере является художественная литература. В поиске свидетельств восприятия русскими англичан в указанную эпоху (конец XIX – начало XX вв.) вполне уместно обратиться к отечественному литературному наследию Серебряного века, к литературно-критическим статьям, письмам, мемуарам поэтов и писателей. Обратимся к литературно-критическим статьям К. Бальмонта, русского поэта-символиста (1867-1942). Он известен своей любовью к западноевропейской литературе, глубоким

ее знанием, переводами на русский язык произведений, в частности, таких английских поэтов и писателей, как П. Шелли, О. Уайльд. В 1897 г. он прочитал в Оксфордском университете курс лекций по русской поэзии. Наиболее интересное отношение к Англии и англичанам русский поэт (кстати, по семейному преданию, имевший шотландские корни) отставил в своих статьях об английских литераторах, работы которых он переводил на русский язык. Так, в целом ряде статей, написанных в начале XX в., речь идет об английском поэте-романтике П. Шелли (см. статьи «Призрак меж людей», «Слово о Калидасе», «Романтики», «Завет воли») [3, С. 532]. Не только произведениям Шелли, но и всей английской литературе (Блэк, Кольридж, Китс, Уайльд и др.) свойственны, по мнению Бальмонта, «редкостная певучесть», мелодичность, «колдовская» гармония стиха [4, С. 535]. По мнению Бальмонта, английская поэзия впитала в себя магические древние легенды Британии, надежды и искания моряков и путешественников, страстные чувства первооткрывателей и сильные впечатления опасных и далеких странствий, что воплотилось в произведениях всех выдающихся английских авторов.

Интересное замечание о бесстрастности и сдержанности англичан делает К. Бальмонт в своей статье, посвященной творчеству «теоретика эстетства» О. Уайльда. Он вспоминает свое посещение гостиной одного известного английского ученого в Оксфорде, во время которого он задал вопрос своему собеседнику, утонченному и образованнейшему джентльмену, нравятся ли ему произведения Оскара Уайльда. Джентльмен весьма корректно уклонился от ответа, показав тем самым, что такого окруженного скандалами, такого эпатажного автора, как О. Уайльд, не стоит об-

суждать в добродетельной аудитории. Бальмонт пишет о том, что ему стало «холодно и страшно от этой английской черты», но, однако, в этой холодности заключается отнюдь не лицемерие, а, скорее, деликатность англичан, расцениваемая им как замечательное качество английской натуры [5, С. 546-547]. Тем не менее, негативное отношение англичан к О. Уайльду и его трагической судьбе приговоренного к наказанию преступника также показывает специфику национальной психологии и национальной культуры. К. Бальмонт пишет: «ни в одной стране нет ... таких каменных лиц и каменных душ, какие с ужасом можно видеть в Англии» [5, С. 549-550].

Персона Оксара Уайльда, его творческая индивидуальность и судьба вдохновили на размышления об Англии и англичанах и других известных русских писателей начала XX в. Так, в частности, Корней Чуковский (1882-1969) в литературно-критической статье «Оскар Уайльд» (1922) размышляет об английских «нравах» последнего десятилетия викторианской эпохи. Жизнь и творчество О. Уайльда является для Чуковского воплощением протеста против удушливой атмосферы «лицемерного пуританизма», господствовавшей в Англии в конце викторианской эпохи. Англией правили банкиры и промышленники, буржуа с их ханжескими нравами, духовной черствостью, тупостью, нетерпимостью ко всякой творческой и человеческой оригинальности. Это время так называемой «форсайтовской» Англии, впечатление от которой оставляют романы Голсуорси, Англии респектабельных дельцов с их «кодексом архимещанской морали», требовавшим от каждого «благопристойности, чинности», налагавшим «железные оковы» на свободу личности и не допускавшим «индивидуального счастья» [6, С. 687-688]. Этот «форсайтовский» мир сформировал и закрепил традиционные черты английского поведения: стандартность и добропорядочность внешних форм жизни (одежды, манер, привычек и т.п.) являлись для англичан «как бы ручательством» того, что человек принадлежит к респектабельному кругу, более того, является априори нравственным. По мнению Чуковского, эти черты давно присутствовали в английском национальном характере, «культ собственности, карьеризма, делячества был превосходно замаскирован» в английском быту «давно омертвевшими пуританскими лозунгами, показной филантропией, елейным святошеством», свойственным богатым и просвещенным британцам [6, С. 690].

Интересным источником о восприятии англичан русскими являются воспоминания отечественных политических и военных деятелей. В них содержатся оценки политических решений британского правительства и мнения об отношении англичан к различным политическим событиям – войнам, революциям и т.п.

Так, например, неоднократно упоминает Англию в своих мемуарах А.А. Самойло (1869 – 1963), русский офицер, генерал-майор Генерального штаба во время Первой мировой войны. Самойло приводит суждения своего отца, военного врача 2-го гренадерского Ростовского полка об участии Англии в ряде войн XIX столетия, современником которых он являлся. Он

рассказывал сыну о Крымской войне, с ненавистью характеризуя английскую внешнюю политику как «вероломную» и «подстрекательскую» [7, С. 13]. В 1908 г. А.А. Самойло посетил Англию в числе нескольких европейских стран (Италия, Франция, Австро-Венгрия). В пансионе он нашел небольшое общество (*gentle folk*), состоящее из торговца, офицера, священника, хозяйских детей, общение с которыми позволило сделать ряд интересных замечаний об англичанах. Так, Самойло восхищается английским стилем воспитания, прививавшим детям самостоятельность, скромность, сдержанность, уважение к старшим [7, С. 97-98]. С особым удовольствием вспоминает Самойло порядок английского дома, строгий распорядок дня, а также благодушное расположение самих англичан к иностранцу, которые нисколько не смеялись над его костюмом (явно *foreign looking*). Более того, доброжелательные англичане очень быстро снабдили, сами не ведая того, этого русского офицера необходимыми ему сведениями географического, геодезического и статистического плана, на основании которых впоследствии в российском Генеральном штабе составили аэрологическое описание Великобритании [7, С. 98].

Особое впечатление произвел на А.А. Самойло Лондон, на улицах которого он почувствовал нечто совершенно «особое», «английское», даже «подчеркнуто английское». Столица Великобритании существенно отличалась в его глазах от других европейских столиц, где национальный дух был «нивелирован». Английских женщин Самойло нашел весьма эмансипированными: они сами правили экипажами, проявляли во всем самостоятельность и твердость духа. К тому же англичанки были, по его мнению, красивыми женщинами, с хорошим цветом лиц и правильными чертами, более привлекательными, чем женщины континентальной Европы, особенно француженки или немки. Кроме того, на лондонских улицах царила вежливость и предупредительность в отношении пожилых людей, что также весьма положительно характеризует англичан с точки зрения автора мемуаров [7, С. 99-100].

Однако мнение Самойло об английских военных нельзя назвать лестным. С определенной степенью обиды и разочарования он констатирует, что военная профессия не в почете у британцев, поскольку офицеры предпочитают носить на улице штатскую одежду, а английская аристократия не рассматривает военную службу как «порядочное» занятие. К тому же, английские военные не пренебрегают заниматься торговлей, считая именно это дело наиболее «порядочным», о чем у русского офицера имелось прямо противоположное мнение. В целом же британский офицерский корпус, по впечатлению Самойло, показывает пример всестороннего развития как физического, так и духовного [7, С. 100-101].

Разумеется, представители разных социальных и профессиональных групп оценивали национальный характер англичан по-разному. Обратимся к мемуарам известных политиков рубежа XIX – XX вв. П.Н. Милюкова (1859 - 1943) и В.А. Маклакова (1869-

1957). П.Н. Милюков, лидер кадетской партии, ученый-историк в своих «Воспоминаниях» неоднократно обращается к Англии и англичанам [8, С. 49]. Первое впечатление об Англии и англичанах Милюков отнюдь не характеризует в радужных красках. Это было в 1897 г., когда он приехал в Лондон из Парижа и обратился к полисмену по-английски с просьбой о помощи найти какую-то улицу. Полисмен, как пишет Милюков, «осмотрев меня, вежливо ответил мне по-французски», видимо, не одолив английской своего собеседника и не желая далее общаться с ним на языке, в котором тот не был хорош. В этом мимолетном впечатлении, на наш взгляд, содержится свидетельство известного стереотипа о холодной вежливости, бесстрастности англичан по отношению к иностранцам [8, С. 142].

Зимой 1903-1904 гг. Милюков снова посетил Англию, его пребывание было более длительным и позволило ему ближе узнать английскую бытовую жизнь, познакомиться с русскими эмигрантами, понаблюдать за течением английской политической жизни. Он заметил, что строгая социальная иерархия всегда была значима для англичан. Вообще, строгость, по наблюдению Милюкова, являлась важнейшей чертой социальных отношений в Англии [8, С. 153].

В следующий раз П.Н. Милюков посетил Англию в составе думской делегации в 1916 г. Наиболее ярким впечатлением от этой поездки осталась аудиенция у короля, перед которой думским делегатам был преподан целый курс придворного этикета. Милюкову пришлось также купить цилиндр для королевской аудиенции. Во время беседы с королем Георгом V П.Н. Милюков заметил, что народные массы вообще очень мало знают о других народах и их культурных особенностях, но образованный, так называемый культурный класс России знает об Англии и англичанах больше, чем образованный класс Англии знает о России [8, С. 422-423]. Во время этой официальной поездки Милюков встречался с английскими политическими деятелями: премьер-министром Г. Асквитом, будущим премьер-министром Д. Ллойд-Джорджем, министром снабжения Рэнсиманом. Он заметил, что в этом кругу образованных англичан, консервативных по духу, очень мало интересовались Россией, крайне слабо представляли российскую жизнь, что, очевидно, с одной стороны, вызывало чувство досады, а с другой стороны, как констатирует Милюков, избавляло его от ответов «на элементарные темы» [8, С. 422-423].

Другой лидер кадетов, Василий Алексеевич Маклаков, также неоднократно посещал Англию. Об Англии Маклаков вспоминает лишь вскользь, приводя свой разговор с Л.Н. Толстым, которому он рассказывает о своем первом посещении этой страны и при этом восхищается «английскими порядками». Толстой, пытаясь «охладить» восхищение своего собеседника, заметил Маклакову, что между государственным порядком Англии и российским самодержавием нет никакой разницы, соответственно, Англия не стоит восхищения [9, С. 171]. Очевидно, что для Маклакова и Льва Толстого в данной ситуации речь идет о так называемой

мой «цивилизованности» английской жизни, благодаря чему Англия, в целом, существенно и выгодно отличается от России.

«Цивилизованность» англичан вполне заметно передается заметками из отечественных газет о британской жизни. Так, в частности, «Московские ведомости» от 17 марта 1901 г. подчеркивают воспитанность и галантность англичан в ответе на вопрос «одного образованного магометанина»: будете ли вы, англичане, и дальше снимать шляпу перед дамами, ведь ваша королева умерла? Последовал возмущенный возглас британца: «Конечно, будем! Что за странный вопрос?» [10, 17 марта 1901 г.].

Тем не менее, российские газеты выражают и весьма противоположные представления об английской жизни, акцентируют внимание на чертах и привычках англичан, которые очень сложно понять и принять русским. Например, английский бокс, когда во время борьбы дробятся человеческие черепа, наносятся смертельные удары в присутствии широкой публики, причем такие убийства являются вполне законными и английский цивилизованный суд оправдывает боксеров [10, 18 июня 1901 г.]. Или «кокаинизм» («кокаиномания»), «одна из опаснейших форм наркоза», распространившаяся в Англии, пагубная «страсть», производящая «отталкивающее впечатление» [10, 15 сентября 1901 г.]. Наконец, настоящее возмущение журналистов вызвал следующий факт: в связи со смертью палача Биллингтона британский министр внутренних дел получил 300 (!) прошений от лиц, желающих попасть на вакантное место. «Триста кандидатов на место одного палача, триста индивидуумов, мечтающих вешать своих соотечественников на законном основании и при вознаграждении в 100 руб. с каждого повешенного. Какое яркое выражение зверских инстинктов расы! Вот идеалы англичан!» [11, 27 декабря 1901 г.].

В целом же отношение русских к англичанам и их национальному характеру можно выразить словами З.Н. Гиппиус (1869-1945), сказанными в ее дневниковых записях 1915-1916 гг. (так называемая «Синяя книга»): «Я так люблю англичан, но я так ярко понимаю, что они нас не понимают (и не очень хотят), – что как-то неમેю при всяком сближении и замыкаюсь. Что-то вроде покорной гордости» [12, С. 231].

В целом национальный характер англичан представляется русским в весьма контрастной проекции – от восхищения британской цивилизованностью, рациональностью, добропорядочностью до неприятия этих качеств, часто трансформировавшихся в гипертрофированные проявления невежественности, примата сугубо материальных потребностей и интересов, национального эгоизма. Такая же контрастная проекция присуща английскому восприятию русских, что, скорее всего, не удивительно, а, напротив, ожидаемо и понятно в свете многообразия истории взаимоотношений России и Англии, в контексте различий культурно-исторических традиций и способов их формирования.

Библиографический список

1. Юм Д. О национальных характерах // Сочинения в 2 т. М., 1966. Т. 2. С. 712-713.
2. Храмов И.В. Национальный характер и его ментальные основания. Автореф.... канд. филос.н. Волгоград, 2004.
3. Бальмонт К. Призрак меж людей. В кн.: Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. М.: Правда, 1990. С.532.
4. Бальмонт К. Завет воли. В кн.: Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. М.: Правда, 1990. С.535.
5. Бальмонт К. Поэзия Оскара Уайльда. В кн.: Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. М.: Правда, 1990.
6. Чуковский К. Оскар Уайльд. Собр. соч. в 6 т. Т.3. М., 1966.
7. Самойло А.А. Две жизни. М., Военное издательство, 1958.
8. Миллюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991.
9. Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.
10. Московские ведомости. 17 марта 1901 г. <http://starosti.ru/moslist.html>
11. Новости дня. <http://starosti.ru/moslist.html>
12. Гиппиус З. Петербургские дневники. В кн.: Литература русского зарубежья: Антология. Т.1, кн.2.

References

1. Um D. O national characters//Compositions in 2 t. - M, 1966. - T. 2 – Page 712-713.
 2. I.V. temples national character and its mental bases. Avtoref edging. филос.н. – Volgograd, 2004.
 3. Balmont K. Prizrak between people. In book: Balmont K. Favourites: Poems. Translations. Articles. – M.: However, 1990. P. 532.
 4. Balmont K. Zavet of will. In book: Balmont K. Favourites: Poems. Translations. Articles. – M.: However, 1990. Page 535.
 5. Balmont K. Poeziya Oskara Uaylda. In book: Balmont K. Favourites: Poems. Translations. Articles. – M.: However, 1990.
 6. Chukovsky K. Oscar Wilde. Sobr. соч. in 6 t. T.3. – M., 1966 .
 7. Samoylo A.A. Two lives. M, Military publishing house, 1958.
 8. Milyukov P. N. Memoirs. M.: Politizdat, 1991.
 9. Jobbers of VA. From memoirs. New York, 1954.
 10. Moscow sheets. On March 17, 1901 <http://starosti.ru/moslist.html>
 11. Daily news. <http://starosti.ru/moslist.html>
 12. Gippius Z. Petersburg diaries. In book: Literature of the Russian abroad: Anthology. T.1, book 2.
-

УДК 94(47).083-283.2-414

UDC 94(47).083-283.2-414

И.Л. КАРТЕЛЁВ

старший преподаватель кафедры всеобщей истории
Орловского государственного университета

I.L. KARTELYOV

senior lecturer of the Department of General History, Orel
State University

**ВЗГЛЯДЫ ЭСЕРОВ НА МЕСТО И РОЛЬ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.**

**SOCIAL-REVOLUTIONARY PARTY'S VIEWS ON PLACE AND ROLE OF INTELLIGENSIA
IN THE REVOLUTIONARY MOVEMENT, AT THE BEGINNING OF XX CENTURY IN RUSSIA**

Статья посвящена рассмотрению взглядов партии социалистов-революционеров на роль и место интеллигенции в революционном движении России в начале XX века. Статья написана на основе работ лидеров эсеровской партии и программы эсеров. Главный вывод, который делается в статье, следующий: партия эсеров считала интеллигенцию важнейшим участником революционного движения в России в начале XX века.

Ключевые слова: интеллигенция, революция, социалисты-революционеры, участники, лидеры, революционное движение.

This article is devoted to the socialist-revolutionary party's view on the place and role of intelligensia in the revolutionary movement at the beginning of XX century in Russia. The paper is written on the base of works of the socialist-revolutionary leaders and program of the socialist-revolutionary party. The main conclusion of the article is the following: the social-revolutionary party considered the intelligensia to be the most important actor of the Russian revolutionary movement at the beginning of XX century.

Keywords: intelligensia, revolution, socialist-revolutionary party, actors, leaders, revolutionary movement.

В теоретических установках российских политических партий начала XX века одно из главных мест отводилось вопросу о силах, участвующих в революции. В соответствии с решением этого вопроса партии акцентировали свою деятельность на тех или иных слоях общества. Определение основных составных частей революционного движения зависело от общей концепции революции, характерной для данной партии, от взглядов на перспективы революционного процесса и т.д.

Все политические направления начала XX в. большое внимание уделяли интеллигенции. Эсеры в своей трактовке места и роли интеллигенции в революционном движении во многом опирались на народническую традицию, развивая ее и приспособляя к реалиям XX века. При этом в эсеровском подходе оставалось главное, что характеризовало народническое понимание данной проблемы – подчеркивание активной роли интеллигенции в общественном развитии в целом и в революционном движении в частности. Такой подход эсеров, выражавшийся в произведениях их крупнейших теоретиков – В. Чернова, Н. Русанова, Р. Иванова-Разумника, Л. Шишко, восходил в основных своих положениях к субъективному методу в социологии, разрабатывавшемуся в России П. Лавровым, Н. Михайловским, идеями которых эсеры воспользовались в полной мере.

Прежде всего, на теоретические воззрения эсеров в вопросе о роли интеллигенции в обществе оказали влияние идеи П. Лаврова, высказанные в наиболее развернутом виде в его «Исторических письмах».

Интеллигенция рисуется здесь как носительница общедемократических, общенародных идеалов. Идеалы эти, кстати, обосновывает как общенародные сама же интеллигенция. Она своеобразный социальный барометр, чутко улавливающий все изменения, происходящие в обществе, даже предсказывающий их в момент, когда они еще не осознаны большей частью народа.

Эсеровское определение термина «интеллигенция» было достаточно сложным, неоднозначным. С одной стороны, по представлениям эсеров, интеллигенция есть особая экономическая категория и включает в себя тружеников интеллигентных профессий, представителей «специально-умственного труда», как писал В. Чернов (1). С другой стороны, эсеры характеризовали интеллигенцию не только через ее место в общественном разделении труда, но и через ее функцию в социально-политической борьбе, в освободительном движении, трактуемом как освобождение всего трудящегося народа от любых форм насилия и эксплуатации. В этом смысле интеллигенция понимается как категория «идеологическая», как «совокупность лиц, доразвившихся до способности подчинять высшему критерию идеала все свое поведение...» (2). Эта категория предстает как «сознательнейшая, наиболее развитая умственно и нравственно часть нации». По сути, это те же «критически мыслящие личности», выведенные в «Исторических письмах» П. Лаврова. Главным фактором, скрепляющим эту группировку, являются не корпоративные, узкопрофессиональные или узкоклассовые интересы, а интересы широких масс

трудящегося народа, основной части населения страны. Здесь, прежде всего, выделяется идеологический момент. В. Чернов и называет эту категорию «идеологической». Для Л. Шишко интеллигенция также есть «идеологический элемент движения» (3). Имея в виду именно эту категорию, эсеры употребляли определения «внеклассовая», «внесловная». В.Чернову представляется более точным слово «междуклассовая» (4). Вероятно, так действительно точнее. В слове «внеклассовая» есть элемент выключенности, оторванности интеллигенции от других общественных групп, классовой борьбы. Это сразу же подметил В. Ленин, критикуя эсеров за их трактовку интеллигенции как элемента, не связанного с классами. Термин же «внеклассовая интеллигенция» применялся эсерами скорее в качестве объяснения происхождения ее (выделяют составные элементы интеллигенции различные слои общества) и подчеркивания того факта, что революционная интеллигенция не является выразителем интересов какого-то одного класса, а представляет интересы совокупности трудящихся классов, понимаемой как единый «рабочий класс». Центральным фактором, позволяющим относить того или иного индивидуума к интеллигенции, здесь, по мысли эсеров, является занятие в классовой борьбе определенной позиции, обусловленной не социальным происхождением, а оценкой самих классовых устремлений перед судом «некоторой высшей инстанции». Под этим, довольно туманным на первый взгляд термином, В. Чернов понимает интересы социального развития, «состоящего в приближении к идеалу свободного и разумного общежития, гарантирующего общее благосостояние, свободу развития личности» (5). Вот одна из главных функций интеллигенции в революционном движении – выработка идеала будущего социалистического общества и строгое следование ему, охранение его от каких бы то ни было перекосов, например, в сторону чисто пролетарских целей. Эсеры здесь солидарны с К. Каутским, который в своей работе «Аграрный вопрос» писал, что «... интересы социального развития стоят выше интересов пролетариата, социал-демократия не может защищать интересы пролетариата, препятствующие социальному развитию»(6).

Формирование революционной интеллигенции эсеры относили к первой половине XIX века, когда классовое размежевание в российском обществе еще не обозначилось достаточно четко. О настоящей борьбе классов речь еще не могла идти. Революционная интеллигенция возникла как группировка не классовая, а скорее, политическая, «путем отпадения от самодержавия». Включала она в себя с самого начала лиц, связанных не столько общностью происхождения, сколько единством взглядов и убеждений. Едва ли не главным фактором, сыгравшим здесь революционную роль, был для эсеров фактор этического порядка – «революционная интеллигенция явилась как протест против ... захвата верховной власти...» (7). Интеллигенция, критически осмыслив социальное устройство России и найдя его крайне несправедливым, выдвигает требования, направ-

ленные против узурпации верховной власти царизмом. Постепенно эти требования становятся требованиями широких слоев народа. Но в течение десятилетий социализм в России был знаменем, вокруг которого сплачивалась лишь революционная интеллигенция. Эсеры начинали героический путь отечественной интеллигенции с декабристов и прослеживали его вплоть до XX века (8). Интеллигенции стоило больших усилий, чтобы под ее знамена стали собираться народные массы. До тех пор, пока вокруг интеллигенции стал сплываться трудовой народ, ей приходилось на своих плечах выносить всю тяжесть борьбы с царизмом. Эсеры констатировали, что интеллигенция, как сила междуклассовая, искала основу освободительного движения поочередно то в одном, то в другом классе(9). В. Чернов объяснял эти искания тем, что в каждый данный исторический момент более яркая положительная роль лежит на данном конкретном классе(10). Представляется, что эсеровский лидер имеет здесь ввиду поиски российской интеллигенцией опоры то в крестьянстве, как это было в 60-70-е года XIX века, то в молодом пролетариате, как это стало обнаруживаться в конце столетия, то в объединении всех трудящихся классов в единый «рабочий класс».

Взгляды эсеров на место и роль интеллигенции в революционном движении были самым тесным образом связаны с их концепцией положительных и отрицательных сторон развития капитализма. Автор этой концепции – В. Чернов считал, что капиталистические страны отличаются друг от друга соотношением между различными – творческими и разрушительными, сторонами капитализма. Там, где исторические условия способствовали сравнительно благоприятному соотношению между позитивными и негативными сторонами капитализма, буржуазии было легче найти своих сторонников и защитников в различных слоях общества, в том числе и в интеллигенции. В других же странах, где капитализм развивался медленнее, интеллигенция и буржуазия оказались вследствие конкретных условий разведенными в разные стороны, без общих стремлений и идеалов. Как подчеркивал В. Чернов, «здесь интеллигенция и буржуазия или в очень слабой степени или даже вовсе не думали, не чувствовали и не действовали в унисон» (11). В своей работе «К характеристике общественного движения отсталых стран» он причисляет к таковым, в частности, Италию, Венгрию, Россию. Российская буржуазия, считает В. Чернов (и здесь его точка зрения совпадает с точкой зрения В. Ленина), не торопится бороться с царизмом, чувствуя, что последний может быть ей еще полезен (12). Более активно разрушая, расхищая, нежели создавая, в силу более позднего вступления России на путь капитализма, российская буржуазия вызывала к себе антипатию многих слоев общества, в том числе и интеллигенции. Эсеровская позиция состоит в том, что в таких странах, как Россия, интеллигенции оставалось обратиться лишь к трудовому народу, в то время как буржуазия не могла стать ее союзником (13). Более того, исторические условия сделали буржуазию и интеллигенцию в

России враждебными друг другу, и поэтому российская интеллигенция приобрела значение такой силы, какой она редко являлась в других странах. Здесь заключается эсеровское объяснение того факта, что в России революционное движение первоначально было борьбой интеллигенции с феодальными порядками один на один, без поддержки народных масс с одной стороны и буржуазии с другой.

Представляется, что вести речь здесь надо не о возвышении интеллигенции эсерами, а об оценке ими реалий российского освободительного движения конца XIX-начала XX веков, соотношения его составных частей и, сообразно этой оценке, определении места и роли интеллигенции. Главное в позиции эсеров по этому вопросу, как нам представляется, – не упор на некую высшую, изначально присущую интеллигенции функцию, а анализ объективных обстоятельств, обусловивших то значение интеллигенции, о котором постоянно говорили эсеры. Обосновывая свои взгляды на место интеллигенции в революционном движении, эсеровские теоретики проводили сравнение интеллигенции не только с буржуазией, о чем было сказано выше, но и с пролетариатом. Л. Шишко обращал внимание на то обстоятельство, что составные части революционного движения, имея ввиду интеллигенцию, характеризуются неодинаковостью происхождения и одновременностью появления их на арене политической борьбы. Л. Шишко называет эти элементы соответственно идеологическим и массовым. (14) В зависимости от конкретных исторических условий они играют в движении различную роль, более или менее преобладающую.

В Западной Европе учение социал-демократии появилось в то время, когда массовый элемент, т.е. пролетариат, уже выступил на политической сцене. Социал-демократическая теория именно этому элементу и предназначалась. В этом смысле между марксистской теорией и западноевропейской действительностью значительных разногласий не оказалось. В отличие от Европы, считает Л. Шишко, революционное движение в России в начале XX века находилось на той стадии развития, когда массовый элемент в нем «только что еще выступает на сцену...» (15). Поэтому в России особо важную роль играет именно идеологический элемент, т.е. революционная интеллигенция. Тем не менее, и в России, считают эсеры, пролетариат начинает играть все более важную роль и быстро становится одной из главных опор в борьбе с самодержавием. Этот тезис свидетельствует о том, что эсеры чутко улавливали изменения в российском обществе, происходившие в конце XIX века: «главное внимание партия обращает на деятельность среди двух слоев населения: промышленных рабочих крупных центров и интеллигенции» (16). Эсеры постоянно подчеркивали, что интеллигенция предстает как революционизирующий элемент, как катализатор, ускоритель революционного движения, как его мозг, но силой, решающей, в конечном счете, исход борьбы, являются широкие народные массы, в которые пролетариат входит как одна из главных, но не единственная составная часть (17).

Отмечавшееся выше двойное понимание эсерами термина «интеллигенция» отнюдь не проводило непреодолимую грань между интеллигенцией – группировкой «критически мыслящих личностей», дошедших до осознания необходимости борьбы с существующим социальным строем, и интеллигенцией, понимаемой как слой, занимающийся умственной деятельностью, как «образованный класс». Эсеры подчеркивали, что второй контингент прежде всего доставляет лиц в первый (18). Т.е. революционная социалистическая интеллигенция пополняется главным образом за счет интеллигенции профессиональной, как писал В. Чернов, – «тружеников интеллигентных ремесел», представителей специально-умственного труда. «Революционная Россия» еще более конкретно определяла ту часть образованного общества, из которой идет прежде всего пополнение в ряды революционной интеллигенции – «в среде интеллигенции партия концентрирует свою пропагандистскую и агитационную деятельность на учащейся молодежи – этом главном источнике социалистической интеллигенции» (19). Именно на эту часть интеллигенции было обращено внимание первых эсеровских организаций. В документах «Северного союза социалистов-революционеров» отмечалось, что главную ставку в революционной пропаганде «Союз» делает на учащуюся молодежь как наиболее восприимчивую к социально-революционным идеалам (20). К студенчеству были обращены самые яркие и эмоциональные призывы Е. Брешковской (21). Действия эсеров, направленные на вовлечение студенчества в революционную борьбу, совпадали с движением значительной части российской учащейся молодежи, активизировавшей на рубеже веков борьбу за демократизацию страны. Студенчество играло немаловажную роль в организационных структурах партии эсеров. По данным Н.Д. Ерофеева, составленным на основе материалов Особого отдела Департамента полиции, накануне революции 1905-1907 гг. в 43-х партийных организациях, включая заграничный комитет, около 30% составляла учащаяся молодежь (22).

Но революционная социалистическая интеллигенция, по представлениям эсеров, включает в себя не только выходцев из образованного общества, но и рабочих, развившихся до понимания хода социального развития и сознательно участвующих в революционной борьбе (23).

Выше уже отмечалось, что эсеры выделяли факт перехода интеллигентных элементов различных классов от одного к другому. Эти элементы не прикованы жестко каждый к своему классу, и происхождение не играет здесь определяющей роли. Дело в том, как представляется эсерам, что на разных этапах исторического развития различные классы выполняют разную роль и «обнаруживают неодинаковую притягательную (или, наоборот – отталкивающую) силу по отношению к этим элементам» (24). Эсеры рассматривали факт тяготения идеологических сил страны, которые они называли «лучшими силами», к делу различных классов в разных исторических условиях явлением не случайным, а зако-

номерным. Чем ярче обнаруживается совпадение интересов тех или иных классов с интересами социального развития, тем притягательнее сила этих классов для лучших интеллектуальных сил своего времени. Данное утверждение особых возражений вызвать не может, поскольку, действительно, в разные эпохи интеллектуальный цвет общества в большинстве своем группировался вокруг класса или сословия, олицетворявших идею прогресса человечества. На заре нового времени это была буржуазия, сделавшая шаг вперед по сравнению со средневековьем. Пролетариат привлекает внимание «критически мыслящих личностей» в XIX веке и с ним прежде всего связываются идеи прогресса у части социалистической интеллигенции, руководствующейся марксистской теорией. Эсеры же, основываясь прежде всего на этических принципах и расширительно истолковывая термин «рабочий класс», считали, что именно вокруг последнего формируются лучшие интеллигентные силы, вышедшие из разных классов. Чем определяется здесь приоритет, где тот критерий, в соответствии с которым интеллигенция вырабатывает свое поведение? Во всяком случае, определяется оно не узкопонятиями

классовыми интересами. Более того, интеллигенция выступает как своего рода арбитр, призывающий противостоящие стороны, под которыми подразумеваются классы эксплуататорские и эксплуатируемые, на суд некой высшей инстанции»(25). Вновь возникающий термин, отдающий некоторым мистицизмом, в данном контексте должен конкретизировать тезис о совпадении интересов тех или иных классов с поступательным ходом общественного развития. Здесь обнаруживается центральный момент в эсеровском обосновании единства интеллигенции с трудящимися массами – той самой знаменитой «троицы», которая подверглась столь резкой критике со стороны марксистов и прежде всего – В. Ленина (26). Междуклассовая революционная интеллигенция, осознающая и представляющая общенародные интересы, связывает свою «идеалистическую силу» с силой огромной массы «рабочего народа» (27). Так рождается эсеровская «троица» – союз пролетариата, крестьянства и интеллигенции, союз, на который, как указывала программа социалистов-революционеров, падает «вся тяжесть борьбы с царизмом» (28).

Библиографический список

1. Русское богатство. 1905. №10. С. 143.
2. Чернов В.М. Социалистические этюды. М. 1908. с. 339.
3. Вестник русской революции. 1902. №2. С. 107.
4. Чернов В.М. Указ. соч. С. 339.
5. Чернов В.М. Указ. соч. С. 341.
6. Чернов В.М. Указ. соч. С. 333.
7. Вестник русской революции. 1902. №2. С. 219.
8. Там же.
9. Революционная Россия. 1904. №44. С. 22.
10. Там же.
11. Чернов В.М. Указ. соч. С. 344.
12. Там же.
13. Чернов В.М. Указ. соч. С. 345.
14. Вестник русской революции. 1902. №2. С. 106-107.
15. Там же.
16. Слетов С.Н. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг. 1917. С. 109.
17. Вестник русской революции. 1903. №3. С. 285.
18. Русское богатство. 1905. №10. С. 143-144.
19. Революционная Россия. 1902. №3. С. 8.
20. Из истории общественно-политических партий России и СССР. Под. ред. Б.В. Леванова Кн. 1. М. 1990. С. 138.
21. Революционная Россия. 1905. №63. с. 1; №64. с. 7; №65. С. 8.
22. Ерофеев Н.Д. К вопросу о численности и составе партии эсеров накануне первой российской революции.- Непролетарские партии России в трех революциях. М. 1989. С. 128-129.
23. Вестник русской революции. 1903. №3. С. 9.
24. Чернов В.М. Указ. соч. С. 340.
25. Чернов В.М. Указ. соч. С. 341.
26. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 374, 389 и др.
27. Чернов В.М. Указ. соч. С. 343.
28. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. М. 1996. С. 123.

References

1. Russian wealth. 1905. Number 10. P. 143.
2. Chernov V.M. Socialist essays. Moscow, 1908. P. 339.
3. Bulletin of Russian Revolution. 1902. Number 2. P. 107.
4. Chernov V.M. Op. cit. P. 339.
5. Chernov V.M. Op. cit. P. 341.
6. Chernov V.M. Op. cit. P. 333.
7. Bulletin of Russian Revolution. Number 2. P. 219.
8. Ibid.

9. Revolutionary Russia. 1904. Number 44. P. 22.
10. Ibid.
11. Chernov V.M. Op. cit. P. 344.
12. Ibid.
13. Chernov V.M. Op. cit. P.345.
14. Bulletin of Russian Revolution. 1902. Number 2. Pp. 106-107.
15. Ibid.
16. Sletov S.N. To history of genesis of the socialist-revolutionary party. Petrograd. 1917. P. 109.
17. Bulletin of Russian Revolution. 1903. Number 3. P. 285.
18. Russian wealth. 1905. Number 10. Pp. 143-144.
19. Revolutionary Russia. 1902. Number 3. P. 8.
20. From history of social-political movements, parties of Russia and USSR. Ed. By B.K. Levanov. Vol. 1. Moscow. 1990. P. 138.
21. Revolutionary Russia. 1905. Number 63. P. 1; Number 64. P.7; Number 65. P. 8.
22. Erofeev N.D. To the problem of size and staff of the socialist-revolutionary party on the eve of the First Russian Revolution // Nonproletarian parties of Russia in three revolutions. Moscow. 1989. Pp. 128-129.
23. Bulletin of Russian Revolution. 1903. Number 3. P. 9.
24. Chernov V.M. Op. cit. P. 340.
25. Chernov V.M. Op. cit. P. 341.
26. Lenin V.I. Collection of works. Vol. 6. Pp. 374, 389.
27. Chernov V.M. Op. cit. P. 343.
28. The socialist-revolutionary party. Documents and materials. Moscow. 1996. Vol. 1. P. 123.

УДК 94(47).083.4

UDC 94(47).083.4

В.А. ХОЛОДОВ

V.A. KHOLODOV

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: vohol1@rambler.ru

candidate of historical sciences, Associate professor, department of Theory and history of State and law, Orel branch of the Russian Academy of national economy and public administration
E-mail: vohol1@rambler.ru

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904-1905 гг. В ВОСПРИЯТИИ СОЛДАТ И МАТРОСОВ

THE RUSSIAN-JAPANESE WAR 1904-1905 IN ASSUMPTION OF THE SOLDIERS AND SAILORS

Статья посвящена анализу восприятия Русско-японской войны 1904-1905 гг. ее непосредственными участниками – русскими солдатами и матросами. В статье уделяется особое внимание формированию «образа врага» и «образа войны» в целом. Кроме того, анализируется состояние боевого духа русских солдат и матросов.

Ключевые слова: Русско-японская война 1904-1905 гг., образ врага, восприятие, образ войны, боевой дух, боевая обстановка.

The article is devoted to the analysis of assumption of the Russian-Japanese war 1904-1905 by its direct participants – the Russian soldiers and sailors. In article the special attention to formation «image of the enemy» and «an image of war» as a whole is paid. Besides, the condition of fighting spirit of the Russian soldiers and sailors is analyzed.

Keywords: the Russian-Japanese war 1904-1905, image of the enemy, assumption, image of the war, fighting spirit, fighting situation.

Русско-японскую войну 1904-1905 годов можно с уверенностью назвать одной из самых неудачных войн России за всю ее многовековую историю. Кроме того, она напрямую повлияла на внутрисполитическую обстановку в стране, явившись катализатором революционных потрясений. Уже современники высказывали мнение о том, что именно неудачи русской армии в во-

йне с Японией послужили причиной революционных катаклизмов. «В эту историческую эпоху Россия переживала величайший внутренний кризис, – отмечал в своих воспоминаниях А.П. Извольский. – Революционное движение, которое явилось результатом военных неудач русской армии в Манчжурии, завершилось всеобщей забастовкой...»¹. Начало неумолимого кризиса монар-

хизма в России и катастрофического падения авторитета Николая II и всей царской семьи началось именно с неудачной войны на Дальнем Востоке. И хотя, по общему мнению современников, «разложение царского строя и дома Романовых пошло с катастрофической быстротой после убийства Распутина», началось оно «задолго до него, еще со времени русско-японской войны...»².

Безусловно, явившись судьбоносным событием русской истории, Русско-японская война 1904-1905 годов не была оставлена без внимания исследователей. Уже в ходе самой войны появлялись первые книги и статьи. Главная цель их авторов и издателей состояла в том, чтобы возбудить у широких слоев населения патриотические чувства. Среди авторов можно выделить, например, таких исследователей, как К.К. Абаза³, Н.Л. Кладо⁴, Ф.М. Коссинский⁵ и др. Характерным моментом в исследовании Русско-японской войны 1904-1905 годов в советской историографии был упор именно на освещение «событийной» стороны проблемы и формирование военно-патриотического воспитания⁶.

На современном этапе развития исторической науки все большее значение приобретает изучение войн, в частности Русско-японской войны, с позиций нового научного направления – военно-исторической антропологии, т.е. исследование войн с постановкой во главу угла человека и человеческих сообществ с их мыслями, чувствами и переживаниями в условиях вооруженных конфликтов. Значительный вклад в эту работу вносит Е.С. Сенявская⁷. В связи с этим, исследование Русско-японской войны 1904-1905 годов с позиции восприятия ее непосредственными участниками – солдатами и матросами, приобретает особую актуальность и значимость.

Следует отметить, что Россия вступала в войну с прежде неизвестным противником. В сознании армии и населения не было четко сформированного «образа врага», как в предыдущих войнах, поскольку Россия вступала в войну с доселе неизвестным противником⁸. Недооценка противника проявлялась в «шапокозидательских» настроениях, царивших в российском обществе и, соответственно, проникавших в армейскую среду.

В восприятии противника в предстоящей войне с Японией следует выделить еще один компонент, негативно повлиявший на «образ» Русско-японской войны в целом – непонимание со стороны солдат и матросов целей и причин противоборства. Командующий Маньчжурской армией генерал А.Н. Куропаткин, анализируя причины наших неудач в войне с Японией, писал следующее: «Необходимо также принять во внимание, что сельские жители в возрасте свыше 35 лет уже являлись домохозяевами, часто многосемейными. Все их интересы и помыслы, даже по прибытии в Маньчжурию, были дома. Эти заботы отнимали у них веселость, бодрость, необходимые для солдата. А тут еще сама война казалась непонятной, а с родины вместо призыва к подвигу присылались прокламации, подговаривавшие не сражаться с японцами, а бить своих офицеров»⁹. Все это привело к восприятию Японии как

противника заведомо неполноценного и слабого.

В японской армии, напротив, перед войной было сформировано ярко выраженное чувство ненависти к русским и готовность к ожесточенной схватке. Дневниковые записи Хесибо Тиковара, командира японского миноносца, принимавшего участие в нападении на нашу эскадру на рейде Порт-Артура 27 января 1904 года, отражают отношение среди японских военных к русским накануне боевых действий. Он так характеризовал общий настрой японской армии: «В открытом море и в ожидании чего-то важного, что должно произойти этой ночью, я чувствовал себя совсем иначе, чем обычно, и не сомневался, что ни один из моих товарищей не чувствовал себя по-другому. Каждый русский вне сражения был для меня поводом к насмешке, потому что я действительно ненавижу эту страну, которая является единственной помехой для величия Японии»¹⁰.

Общая численность русской армии на 1 января 1904 года составляла 1135 тыс. человек. Кроме того, в запасе и ополчении насчитывалось около 3,5 млн. человек. Медленная перестройка системы комплектования армии отрицательно сказалась на ее численном росте. За последнюю четверть XIX века Россия при населении 129 211 тыс. человек смогла увеличить свою армию всего на 20 процентов по сравнению с предыдущим 25-летьем¹¹.

По общей численности сухопутных и морских сил Россия превосходила Японию, но соотношение сил на Дальнем Востоке было не в пользу России. Флот России, как и сухопутные войска, вследствие консерватизма военного руководства, оказался совершенно не подготовленным к ведению боевых действий на Дальневосточном театре. В этой связи следует подчеркнуть, что в очередной раз русские солдаты и матросы продемонстрировали высокие моральные и боевые качества, героизм несмотря на то, что высшее командование армии и флота не блистало, за единичными исключениями, военными талантами.

Русско-японская война 1904-1905 годов отличалась от предшествующих войн не только тем, что Япония начала военные действия без объявления войны. Эта война отличалась применением новейшего оружия, включением в боевые действия значительной живой силы, требованиями новых методов управления массовыми армиями. Сами сражения проходили по фронту в 100-150 км. и в глубину в несколько десятков километров. Таким образом, изменился сам характер ведения войны вследствие участия в сражениях огромного количества живой солдатской массы.

Изменение характера войны и участие в сражениях массовых армий, естественно, меняло и восприятие солдатами боевой обстановки. «Не верьте тому, кто станет вам рассказывать, что стоя под огнем, чувствуешь подъем духа, отвагу, прилив героизма, – признавался медсестре раненый командир одного из стрелковых полков русской армии. – Это слова. Когда бились грудь о грудь, это было возможно. Но когда неприятеля даже не видно, а пули кругом, гранаты выбивают из строя, никаких высоких чувств не ощущаешь. Напротив, в первую

минуту такая охватывает грусть, внутри тебя что-то так щемит, что только собираешь все силы, чтобы не показать это солдатам, чтобы удержаться на месте впереди всех, берешь себя в руки и напоминаешь себе, что сзади тебя сотни вверенных и подчиненных»¹².

Особенностью Русско-японской войны 1904-1905 годов для русской армии было признанное уже современниками отсутствие талантливого и высококвалифицированного командного состава. При этом у солдат и матросов на протяжении практически всех боевых действий не было ярко выраженного авторитетного военачальника, который мог способствовать личным примером формированию в армии необходимого морально-боевого духа. «В Западной Европе, как и у русских, положение начальника важнее дарований, – отмечал в своем дневнике генерал Я. Гамильтон, – и если начальник не завоевал себе уважения и поклонения войск, то они не будут и не могут проявлять всей своей силы. С другой стороны, если бы русский Скобелев мог теперь появиться на театре войны, блестящий, быстрый, смелый, обожаемый своими войсками и обладающий военным инстинктом, – тогда, я думаю, японцы убедились бы, что в Европе есть элемент, с которым им еще не приходилось считаться»¹³.

Исключением был, пожалуй, адмирал С.О. Макаров, погибший в конце марта 1904 года. Объясняя популярность С.О. Макарова среди солдат и матросов, его биографы отмечают, что он вырос в простой русской семье и сам с детства пережил немало лишений и невзгод. «Он, – как пишет С.Н. Семанов в книге о Макарове, – знал народ, знал его душу не по книжкам. И он всегда оставался глубоко, истинно демократичным к солдатам и матросам. И это не было показное панибратство барина (которое порой унижительнее самого грубого высокомерия), а высокое сознание своей ответственности перед народом – и как флотоводца, и как гражданина своей страны»¹⁴.

С.О. Макаров был действительно популярен среди солдат и матросов и мог способствовать поднятию их боевого духа. Один из участников обороны Порт-Артура записал в своих воспоминаниях следующее: «В конце февраля в Порт-Артур прибыл новый командующий эскадрой, адмирал Макаров. Своими выходами в море он поднял дух наших моряков, приунывших от первых неудач»¹⁵. Хотя рано погибшему С.О. Макарову не суждено было дать серьезный отпор японцам, его имя заняло прочное место в сознании солдат и матросов как наиболее почитаемого среди русских военачальников.

После начала боевых действий в сознании русской армии меняется «шапкозакидательский» прогностический «образ врага», поскольку японцы показали себя отважными воинами, решительно идущими на смерть. К. Иванов-Тринадцатый, один из участников русско-японской войны, записал в своих воспоминаниях яркий случай, который был далеко не единичным, характеризующий японца как непримиримого противника, решительно идущего на явную смерть. «Не могу забыть одного случая, – вспоминает он, – служащего яркой характеристикой японцев в их геройстве и патриотиз-

ме: крейсер разворачивался, когда я был на юте. Вдруг, вижу в нескольких саженях от борта плывущего японца. Видя, что водоворот от заднего хода должен будет сейчас его завертеть, я схватил лопарь вельботных талей и, набравши бухту, бросил ему. Японцу стоило только схватиться за веревку и через мгновение он был бы спасен и вытащен на палубу, но он с презрением оттолкнул веревку и, угрожающе потрясая кулаком в мою сторону, успев только восторженно прокричать «Ниппон, Банзай», захлебываясь, пошел ко дну»¹⁶. Отмечены были русскими военными и профессиональные качества японцев. Н.В. Иениш, описывая события Шангтунского боя 28 июля 1904 года с японцами, отмечает: «Нужна будет помощь судов нашей эскадры – или того, что от нее останется после боя с японцами, с их кадром, все же уже кое-чему научившихся офицеров и команд»¹⁷.

В ходе военных действий были пересмотрены взгляды относительно противника со стороны высшего командного состава русской армии и флота. В частности, А.М. Стессель в своих дневниковых записях указывал на следующее: «Отважное движение всех 12 пароходов на явную смерть еще раз показало, что японцы смелые и умные моряки»¹⁸. Среди русских военачальников были те, которые, отмечая высокий боевой дух японцев, понимали, что русской армии не хватает ясного осознания необходимости ведущейся войны и более воинственного духа. В связи с этим М.В. Алексеев отмечал в своих письмах к жене: «Мне больно переживать то, что выпало на долю России, я сознаю, что противник не превосходит нас ни силами, ни качеством массы. Приподнят у них дух – правда; ярче выражена, искусственно воспитана идея величия для блага народа ведущейся войны; как азиат – наш противник хитрее. Но победа над ним должна быть нашим уделом, если бы в наше дело было внесено побольше веры, решимости духа, предприимчивости...»¹⁹.

Нет сомнения в том, что военные неудачи русской армии способствовали падению боевого духа солдат и матросов. Никогда еще русская армия не испытывала такой череды поражений, особенно от противника, представлявшегося перед войной довольно слабым. В связи с этим уже после первых месяцев войны среди солдат и матросов преобладало подавленное морально-боевое состояние. А.Н. Люпов, один из участников обороны Порт-Артура, в своих дневниковых записях так описывал настроение солдат накануне предстоящей длительной обороны: «Теперь начнется агония многострадального Порт-Артура. Настроение у всех подавленное. Вчера при появлении эскадры многих солдат трясло от нервного потрясения и ни один не мог говорить или отвечать спокойно. И не удивительно: мы три месяца с начала войны не имели ни одной удачи, а все удары и удары. Целая вереница ударов. Где же тут взяться воинственному духу?»²⁰.

Военные неудачи русской армии способствовали тому, что среди солдат и матросов, а также большей части офицеров складывался негативный «образ войны». Как отмечает О.Р. Айрапетов, к концу 1904 года поражения на фронте и все более нарастающая кри-

тика общественности привели к тому, что война стала непопулярной среди военных²¹. Один из офицеров, участвовавших в обороне Порт-Артура, так описывает настроение солдат после сдачи города: «Интересно, что все физиономии заметно повеселели, особенно у солдат. Видимо, все довольны, что так или иначе вся эта грязная история кончилась»²².

Военные неудачи русской армии наряду с обманутыми чувствами непобедимости русского оружия послужили плодотворной почвой для хождения в тылу различных слухов, передававшихся, в том числе, и в солдатскую среду. Так, например, Ф.И. Шикун, участник русско-японской войны, описывает в своем дневнике такие солдатские домыслы: «Так как предсказания о мире не исполнились, то солдаты перешли к другой крайности и стали говорить, что наш русский белый царь не принял японских уполномоченных и велел казнить всех, кроме одного, которого и отпустил обратно к «японскому Микаде» для того, чтобы тот передал ему, как Россия отвечает на предложение о мире. Пока мы не возьмем «Японию и Токио», до тех пор о мире чтоб никто не смел и заикаться. А с позиции, словно в подтверждение этих слов, доносился гром от орудийной

перестрелки, и по небу, подобно вспышкам зарницы, пробегали отблески от орудийного огня»²³.

Итак, Русско-японская война 1904-1905 годов, явившись для русской армии одной из самых неудачных войн в ее истории, повлияла на изменение сознания русских солдат и матросов. В сознании русских солдат и матросов была развенчана традиционная убежденность в превосходстве и несокрушимости русского оружия. В ходе войны произошла эволюция восприятия «образа врага» и «образа войны» в целом. Ход и результаты Русско-японской войны ущемляли национальное самолюбие и чувство патриотизма, а также подрывали боевой дух русской армии и флота. Тем не менее, во время войны, в тяжелой обстановке военных неудач русские солдаты и матросы демонстрировали стойкость и мужество. Непривычной для сознания солдат и матросов русской армии и флота особенностью было отсутствие популярного «военного вождя», обычно влиявшего на укрепление морально-боевого духа в войсках. В целом, Русско-японская война 1904-1905 гг. оставила негативный след в сознании русской армии и флота, явившись при этом катализатором революционных настроений внутри страны.

Библиографический список

1. Извольский А.П. Воспоминания. Мн., 2003. С. 9.
2. Боярчиков А.И. Воспоминания. М., 2003. С. 31.
3. См.: Абаза К.К. Беседа про японца. СПб., 1904-1905. Вып. 1-3.
4. См.: Кладо Н.Л. Значение флота в борьбе на Дальнем Востоке. СПб., 1904.
5. См.: Коссинский Ф.М. Состояние русского флота в 1904. СПб., 1904.
6. См. напр.: Колчигин Б., Разин Е. Оборона Порт-Артура в Русско-японскую войну 1904-1905 гг. М., 1939; Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. Изд. 3-е. М., 1954; Мельников Р. Крейсер «Варяг». Л., 1975 и др.
7. См. напр.: Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 30-36. и др. работы.
8. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. №2. С. 140.; Сенявская Е.С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. №3. С. 7-16.
9. Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904-1905: итоги войны. СПб., 2002. С. 242-243.
10. Штром А. Порт-Артур // Военная быль. 1969. №10. С. 7.
11. Золотарев В.А., Соколов Ю.В. Трагедия на Дальнем Востоке: Русско-японская война 1904-1905 гг. Книга I. М., 2004. С. 162, 165.
12. Отдел рукописей РГБ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 13. Л. 17. об.
13. Гамильтон Я. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. Т.2. СПб., 1907. С. 28.
14. Семанов С.Н. Макаров. М., 1988. С. 6.
15. Юзефович А.И. Оборона Порт-Артура в Русско-японскую войну 1904-1905 гг. // Военная быль. 1965. №71. С. 1.
16. Иванов-Тринадцатый К. На Владивостокском отряде крейсеров // Военная быль. 1965. №75. С. 40.
17. Иениш Н.В. Шангтунский бой 28 июля 1904 г. // Военная быль. 1963. №60. С. 16.
18. Отдел рукописей РГБ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 10/1. Л. 19.
19. Перед Мукденом. Из писем генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии генерал-майора М.В. Алексеева к жене, А.Н. Алексеевой // Военная быль. 1971. №108. С. 1.
20. «Боже, дай всем нам твердости умереть не постыдно и не посрамить святой Руси!» (Дневниковые записи А.Н. Люпова) // Военно-исторический журнал. 2005. №9. С. 64.
21. Айрапетов О.Р. Русская армия на сопках Маньчжурии // Вопросы истории. 2002. №1. С. 64.
22. Последние дни Порт-Артура (Из дневника молодого офицера). – Из архива капитана 2 ранга Г.С. Пилсудского // Военная быль. 1973. №125. С. 27.
23. Шикун Ф.И. Дневник солдата в русско-японскую войну. М., 2003. С. 70.

References

1. Izvolsky A.P. Memories.. Мн. 2003 . Page 9.
2. Boyarchikov A.I. Memories. М, 2003. Page 31.
3. See: Abaza K.K. Conversation about the Japanese. SPb. 1904-1905 . Vyp. 1-3 .
4. See: Klado N. L. Value of fleet in fight in the Far East. SPb. 1904 .

5. See: Kossinsky F.M. Condition of the Russian fleet in 1904. SPb. 1904 ..
6. See e.g.: Kolchigin B., Razin E. Defense of Port Arthur in Russian-Japanese war of 1904-1905 of M, 1939; Sorokin A.I. Defense of Port Arthur. Prod. the 3rd. M, 1954; Melnikov R.Kreyser «varyag» L. 1975, etc.
7. See e.g.: Senyavsky E.S. Enemies of Russia in wars of the XX century: evolution “image of the enemy” in consciousness of army and society. M, 2006. Page 30-36. etc. works.
8. Senyavsky A.S., Senyavsky E.S. History memory of wars of the XX century as area of ideological and political and psychological opposition//National history. 2007 . No. 2. Page 140. ; Senyavsky E.S. People in the war: experience of the historical and psychological characteristic of the Russian combatant//National history. 1995 . No. 3. Page 7-16.
9. Kuropatkin A.N. Russian-Japanese war 1904-1905: war results. SPb. 2002 . Page 242-243.
10. Shtrom A. Port Arthur//Military was. 1969 . No. 10. Page 7
11. Zolotaryov V.A. Sokolov Yu.V. The tragedy in the Far East: Russian-Japanese war of 1904-1905. Book of I. M, 2004. P. 162, 165.
12. Department of manuscripts of the Russian state library. F. 413.I. 1.A. 13. Sh. 17. turn.
13. Hamilton Y. Note book of the staff officer during Russian-Japanese war. T.2. SPb. 1907 . Page 28.
14. Semanov S. N. Makarov. M, 1988. Page 6.
15. Yuzefovich A.I. Defense of Port Arthur in Russian-Japanese war of 1904-1905//Military was. 1965 . No. 71. Page 1.
16. Ivanov-thirteenth K. On the Vladivostok group of cruisers//Military was. 1965 . No. 75. Page 40
17. Iyenish N. V. Shangtunsky fight on July 28, 1904//Military was. 1963 . No. 60. Page 16.
18. Department of manuscripts of the Russian state library. F. 289.I. 1.A. 10/1. Sh. 19.
19. In front of Mukden. From letters the general-kvartirmeystera of the 3rd Manchurian army of major general M. V. Alekseev to the wife, A.N.Alekseeva//Military was. 1971 . No. 108. Page 1.
20. “My God, let’s all of us to hardness die not shamefully and not to shame sacred Russia! “ (Diary records A.N. Lyupova)// Military and historical magazine. 2005 . No. 9. Page 64.
21. Ayrapetov O. R. The Russian army on hills of Manchuria//History questions. 2002 . No. 1. Page 64.
22. The last days of Port Arthur (From the diary of the young officer). – From archive of the captain 2 ranks of G.S. Pilsudsky// Military was. 1973 . No. 125. Page 27.
23. Shikuts F.I. The diary of the soldier in Russian-Japanese war. M, 2003. Page 70.

УДК 903'18+599.742.13(282.247.324)

UDC 903'18+599.742.13(282.247.324)

А.А. ЧУБУР

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского
E-mail: fennecfox66@gmail.com

A.A. CHUBUR

Ph.D. in History, associate professor of Russian history department, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky
E-mail: fennecfox66@gmail.com

СОБАКИ ИЗ ЗАГОРОДНОЙ РЕЗИДЕНЦИИ НОВГОРОД-СЕВЕРСКОГО КНЯЗЯ. ШТРИХИ К КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ДРЕВНЕРУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ*

THE DOGS FROM THE COUNTRY RESIDENCE OF NOVGOROD-SEVERSKY PRINCE. STROKES TO CULTURE OF EVERYDAY LIFE OF ANCIENT RUSSIAN ARISTOCRACY

Описаны и определены останки трех собак из терема в загородной резиденции Новгород-Северского князя. Это подсокольние охотничьи псы – выжлы (легавые): редкая порода на территории Киевской Руси. Такие собаки могли высоко цениться и быть собственностью представителей аристократии.

Ключевые слова: средневековая археология, загородный феодальный замок, археозоология, охотничьи собаки.

Described and identified the remains of three dogs from the towers in the country residence of the Prince of Novgorod-Seversky. This falconers hunting dogs – Vizslas (Pointing Dogs) is a rare breed in the Kievan Rus'. These dogs are highly appreciated and could be the property of the aristocracy.

Keywords: medieval archeology, country feudal castle, arheozoologiya, hunting dogs.

* Работа частично выполнена на средства гранта РГНФ 13-01-00222а «Сёла и загородные резиденции правящей верхушки Древней Руси как социальный и археологический феномен (по материалам Среднего Подесенья)»

В 2003-2004 гг. Новгород-Северская экспедиция Института Археологии НАН Украины под руководством А.Е. Черненко вела исследования остатков загородной резиденции Новгород-Северских князей. Резиденция (загородное село) располагалась на современной территории возникшего позже Спасо-Преображенского монастыря (г. Новгород-Северский, Черниговская область, Украина). В процессе раскопок были обнаружены и изучены руины каменного терема XII-XIII веков. Во внутреннем пространстве постройки обнаружены остатки пожарища и останки погибших во время пожара женщин и детей [4]. Вместе с людьми оказались погребены под слоем пожарища и останки трёх достаточно крупных собак.

Заметим сразу, что в сходной тафономической ситуации скелет собаки был обнаружен среди останков людей в подвале Десятинной церкви Киева, где знатные киевляне пытались укрыться во время штурма города армией Батия: «Один из забравшихся в тайник спрятался со своей собакой в нише, вырубленной в северо-восточном углу тайника» [6, с.231], где их скелеты и были найдены через 700 лет.

Изучению остеологического материала *Canis familiaris* из домонгольского каменного терема и посвящено настоящее исследование.

Материал и методика. Исследованы сохраненные в коллекции кости трех особей собак (Рис.1): 3 черепа (утрачена часть зубов и фрагменты скуловых дуг), 3 нижние челюсти (утрачена часть зубов), лопатка, плечевая кость, метаподий и несколько обломков костей конечностей. Морфометрия производилась по стандартной методике [7; 15].

Описание. Результаты морфометрии черепов и нижних челюстей собак из Новгород-Северского терема представлены в таблице 1.

Все три черепа относятся к мезокранному типу, имеющему средние для вида в целом пропорции ширины основания черепа к его общей длине. Морда слегка укорочена, отношение ее длины к длине церебральной части черепа для всех трех черепов лежит в пределах 0,67-0,68. Сагиттальные затылочные гребни у всех трех черепов достаточно невыразительны. Профиль всех черепов слабовогнутый, спинка носа прямая, имеются выраженные надбровные дуги. Угол между линией черепа и линией морды у всех трех черепов лежит между 20° и 30°. Угол между линией морды и линией лба составляет 157°-161°.

Морфометрия демонстрирует половой диморфизм: более крупные и более широкие черепа 1 и 3 принадлежат самцам, а более грацильный и мелкий череп 2 – самке. Интересно, что сагиттальный более ярко выражен у самки, но поверхность затылка и глазниц более рельефна у самцов.

Биологический возраст животных без труда определяется по состоянию зубной системы и степени срастания черепных швов. Все животные половозрелые. Черепа 1 и 3 принадлежат самцам 3-4 лет от роду: клыки стиранием практически не затронуты, верхние резцы-зацепы лишь слегка стертые. Череп 2 принадле-

жит самке преклонных лет, о чем говорят сломанные и сильно стертые клыки и стертые до обратно-овальной формы резцы. Биологический возраст её мог превышать 8-9 лет. Вряд ли такая собака могла исполнять функции охотничьей, скорее она играла уже роль домашней любимицы.

Посткраниальный скелет авторам раскопок сохранить, к сожалению, почти не удалось. Лишь от скелета, которому принадлежал первый череп, сохранилась часть костей правой передней лапы. Плечевая кость имеет длину 152,0 мм и ширину блока 32,0 мм. Длина лопатки равна 132,0 мм при длине суставной поверхности (совместно с выступом) 28,0 мм. Длина лучевой кости составляет 156,0 мм. Ширина нижнего эпифиза – 21,0 мм. Наконец, третья пястная кость имеет длину 67,0 мм. Учитывая, что длина плеча, как и длина лучевой кости, составляет обычно приблизительно 30% роста собаки в холке, можно установить рост данной особи в 50-52 см (с некоторой погрешностью).

Таблица 1.

Морфометрия черепов средневековых собак из Новгород-Северского терема

Морфометрический показатель (в мм)	Череп 1	Череп 2	Череп 3
Максимальная длина	190,0	182,0	195,0
Кондилобазальная длина	178,0	174,0	190,0
Высота черепа	54,0	51,0	62,0
Расстояние от затылка до слёзного отростка	113,0	108,0	117,0
Расстояние от затылка до надглазничных отростков	90,0	87,0	94,0
Скуловая ширина	97,0	104,0	102,0
Ширина лба в надглазничных отростках	54,0	52,0	53,0
Длина костного нёба	92,0	92,0	94,0
Ширина рыла меж внешними краями ячеек резцов	23,0	22,0	22,0
Ширина морды между внешними краями ячеек клыков	34,0	34,0	33,0
Длина верхнего зубного ряда C1/ - M2/	84,0	83,0	84,0
Длина верхнего зубного ряда P1/ - M2/	72,0	67,0	71,0
Верхний хищнический зуб P4/	18,0 x 13,0	15,0 x 12,0	14,0 x 11,0
Длина нижнего зубного ряда C1-M3	92,0	92,0	92,0
Длина нижнего зубного ряда P1-M3	72,0	70,0	74,0
Нижний хищнический зуб M3	22,0	18,0	18,0

Сравнение и обсуждение

Предковая форма собаки – лесной волк (*Canis lupus*) – заметно крупнее Новгород-Северских псов – основная длина черепа – среднее значение 212,6 мм у самок и 232,7 мм у самцов, длина зубного ряда C1-M2/ соответственно 103,1 мм и 106,9 мм, длина хищнического зуба – 25,6 мм и 27,2 мм. Длина нижнего зубного ряда C1-M3 – 115,7 мм и 124,3 мм, а нижнего хищни-

ческого зуба – 28,4 мм и 29,6 мм [8, Табл.3].

По нашим данным, средневековые собаки из летописного Римова (Гочевский археологический комплекс X-XIV вв.н.э.) имели альвеолярную длину нижнего зубного ряда C/1 – M/3 в пределах 96,0 – 100,0 мм, максимальная длина единственного черепа составляла 243,0 мм [14]. Эти волкоподобные, скорее всего, охотничьи зверовые собаки с долихокранным черепом также крупнее Новгород-Северских. Собаки же дворовые из Новгорода Великого относительно невелики, они также имели преимущественно долихокранные черепа и рост в холке от 38 до 48 см [3]. По данным археозоологических наблюдений, по материалам раскопок древнерусского города Воинь (на р.Сула), выявленные там 141 особи собак подразделялись на крупных (овчарок или гончих), средних – типа лайки и криволапых-коротконогих, напоминавших такс [12]. Увы, детально сведения о морфологии костных остатков из Воиня так и не были опубликованы. Наконец, любопытны сравнительные данные по собакам с Острова Ледницкий – загородной резиденции первых польских королей династии Пястов (X-XIV вв.). Здесь собаки были куда крупнее, чем у новгородцев – их рост в холке находился в пределах 51,0-61,7 см, при средней величине 56,1 см; пёс непосредственно из замка имел рост в холке 55,4-57 см [16, с.39, 57]. К сожалению, данные о строении черепа и зубной системы собак из Ледницы не опубликованы.

Для того чтобы установить, к какой породе наиболее вероятно отнести собак из домонгольского Новгород-Северского, нужно принять во внимание не только их морфологию, но и имеющиеся сведения о том, какие породы в принципе существовали на территории Киевской Руси.

Наиболее широкое распространение, конечно, имели «дворные» лайки – собаки смердов-промысловиков и другого простонародья. Основа аборигенных пород Руси – лесные остроушки (прототип лаек), еще в домонгольское время разделилась на две группы – зверовые («лошие», более крупные, предназначенные для охоты на копытных и опасных крупных зверей) и промысловые («зверовые», для охоты на пушную и, возможно, боровую дичь) собаки [5]. Однако, наряду с аборигенными породами, имел место, вероятно, завоз травильных молоссов и подсоколых собак («выжлов» – легавых) из Византии, Балкан, Центральной Европы и Скандинавии. Поголовье таких собак на княжеских и вотчинных боярских псарнях, несомненно, было невелико. Таков спектр пород собак, характерных для средневековой домонгольской Руси.

Итак, к какой же породе или группе пород из перечисленных выше относятся найденные в Новгород-Северском псы, разделившие трагическую судьбу своих погибших хозяев? Маловероятно отнесение черепов к мезоцефальным охотничьим лайкам и остроушкам, имеющим заостренную лисовидную морду, которая заметно короче церебральной части черепа [2]. К тому же, Новгород-Северские псы несколько крупнее лаек. Безусловно, они не могут быть отнесены и к заводив-

шимся извне молоссам или сторожевым кане корсо, у которых морда вдвое короче церебральной части черепа, скуловая ширина высокого черепа превышает длину его церебральной части, а спинка носа к линии черепа расположена под прямым или почти прямым углом. Не могут быть Новгород-Северские псы и борзыми, ибо, во-первых, для черепов последних характерна ярко выраженная долихокранность и прямой профиль [15], а во-вторых, появление борзых на Руси связывается охотоведами как раз с приходом монголов [11]. Наконец, восточные гончие также не могут претендовать на роль «княжеских собак». Для них характерен развитый затылочный гребень, который в нашем случае невелик. Череп их несколько крупнее и сближается с волчьим. Предполагается, что появились они в результате скрещивания завезенных монголами из Китая буанзу и аборигенных зверовых пород [11].

Выбор остается совсем небольшим. Мезоцефальные черепа помимо лаек, наиболее характерны для овчарок и легавых [1]. Древние породы овчарок, такие как кавказская или среднеазиатская, на территорию Поднепровья попали достаточно поздно, большинство пород сформировано уже в новом и новейшем времени. Самое же главное, что среднеразмерные собаки из Новгород-Северского не соответствуют овчаркам по морфометрическим показателям: овчарка – очень крупная собака, ее минимальный рост в холке превышает 62 см у сук и 65 см у кобелей, а череп сравним с волчьим по размерам.

Таким образом, наиболее вероятно, что рассматриваемые здесь особи собак относятся к группе легавых. Одной из древнейших пород легавых считается венгерская выжла. Происходит она от гончих, завезенных в Карпатскую долину в IX в., скрещенных с местными охотничьими собаками. Характеристики выжлы очень близки к полученным нами данным о собаках из Новгород-Северского терема. Венгерская выжла – собака ростом 52-64 см в холке, имеющая вес от 22 до 30 кг. Угол между линией черепа и линией спинки носа составляет 30-35°. Затылочный бугор слабо выражен. Переход ото лба к морде плавный. Спинка носа прямая. Морда тупая, зубы крепкие, плотно прилегающие друг к другу, прикус ножницеобразный [9, с.96-98].

В «Русской Правде» Ярослава Мудрого собака поставлена в один ряд с охотничьими ястребами и соколами: «А оже оукрадоут чюжь песь, любо ястребь, любо соколь, то за обиду 3 гривны» [10, с.48]. Заметим, что аналогичная вира взималась по «Русской правде» также за кражу раба. Действительно, аристократия Киевской Руси использовала собак в особой соколиной охоте (Рис.2). Именно эти собаки разыскивали дичь и выгоняли ее на простор. Такими собаками и были выжлы, изученные нами по материалам раскопок княжеской резиденции близ Новгорода-Северского. О том, что охота занимала значительное место в повседневной жизни Северских князей, говорят и наши исследования остеологического материала из раскопок Новгород-Северского детинца, проводящихся И.С. Кедуном, – охотничья добыча составляет там 1/4-1/3 всех кост-

ных остатков с Замковой горы.

Выводы. Останки трех собак разного биологического возраста, найденные в подвале Новгород-Северского терема вместе с останками погибших людей, с большой долей вероятности принадлежат подсокольным охотничьим собакам – выжлам (легавым), весьма редкой породе на территории Киевской Руси. Такие собаки могли высоко цениться и быть собственностью представителей аристократии. Эта были энергичные, выносливые собаки с уравновешенным темпераментом. Они не

только широко применялась средневековой знатью для соколиной охоты, но и, благодаря понятливости и веселому, ласковому нраву, могли быть всеобщими любимцами в знатных семьях. Именно с женской и детской частью боярской или даже княжеской семьи три верных пса и разделили трагическую судьбу.

Автор искренне благодарит начальника Новгород-Северской экспедиции ИА НАН Украины к.и.н. О.Е. Черненко за предоставленную возможность работы с остеологическим материалом.

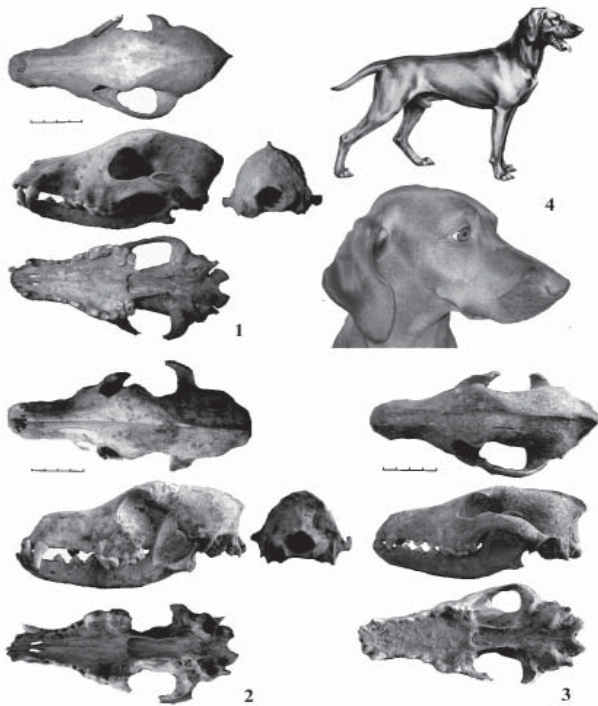

Рис.1. Собаки из Новгород-Северского терема. 1 - череп № 1, 2 – череп № 2, 3 – череп № 3, 4 – возможный облик княжеских собак из Новгород-Северского терема.

Рис.2. Сцена соколиной охоты с подсокольней легавой охотничьей собакой. Втулка рогатины Тверского князя Бориса Александровича (около 1450 г.). Гравировка. Государственная Оружейная палата, Москва.

Библиографический список

1. Блохин Г.И., Гладких М.Ю., Иванов А.А., Овсищев Б.Р., Сидорова М.В. Кинология. Учебное пособие для вузов. М.: Скрипторий-2000, 2001.
2. Войлочников А.Т., Войлочникова С.Д. Охотничьи лайки. М.: Лесная промышленность, 1982.
3. Зиновьев А.В. Обзор археозоологического материала, полученного из раскопа «Десятинный-1» в Великом Новгороде в 2008 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Т.23. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2009. С.189-207.
4. Казаков А., Черненко Е. Под творением Кваренги. Новый памятник древнерусской архитектуры в Новгороде-Северском // Родина, 2008 № 8. С.50-51.
5. Камерницкий А. Очерки по истории охоты с собаками (X-XX век) // Охотничьи собаки, 2002. № 5.
6. Каргер М.Н. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т.1. К.: АН УССР, 1951.
7. Кузьмина И.Е. Формирование териофауны Северного Урала в позднем антропогене // Материалы по фауне антропогена СССР. Труды Зоологического института АН СССР, Т.49. Л., 1971. С.44-122.
8. Кузьмина И.Е., Саблин М.В. Волк (Canis lupus) из позднелепелитических стоянок Костенки на Дону // Четвертичная фауна северной Евразии. Труды Зоологического института РАН, Т.256. СПб., 1994. С.44-58.
9. Найманова Д., Гумпал З. Атлас пород собак. Прага: Издательство сельскохозяйственной литературы, 1983.
10. Правда Роськая // Российское законодательство X-XX веков в девяти томах. Том 1. М., 1984 С.47-49.
11. Сабанев Л.П. Собаки охотничьи. Легавые. М.: Физкультура и спорт, 1986.
12. Сергеев Е.С. Фауна района древнерусского города Воинь // Природная обстановка и фауны прошлого. Вып.2. К.: «Наукова думка», 1965. С.120-123.

13. *Снайра Х.Р.* Энциклопедический словарь кинологических терминов. СПб, 1996
14. *Чубур А.А., Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В.* Посад Гочевского археологического комплекса: археозоологические наблюдения (по материалам раскопок 2003-2005 гг.) // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: Вып.4. Тула: РИФ, 2009.
15. *Brauner A.* Haushunde des Palaearctis // Mitteilungen der Odessaer Gesellschaft der Naturforschung. Odessa, 1928, С.321-342.
16. *Makowiecki D.* Hotowla oraz użytkowanie zwierząt na Jstrowie Lednickim w średniowieczu. Studium archeozoologiczne (Biblioteka studiów Lednickich, Tom VI). Poznan, 2001.

References

1. *Blokhin G.I., Gladkih M.Y., Ivanov A.A., Ovsischer B.R., Sidorova M.V.* Kinologia. Textbook for high schools. Moscow: Scriptorium-2000, 2001.
 2. *Voylochnikov A.T., Voylochnikova S.D.* Hunting Huskies. M.: Forest Industry, 1982.
 3. *Zinoviev A.* Overview Archaeozoological material obtained from excavation "Desyatinniy -1" in Veliky Novgorod in 2008 // Novgorod and Novgorod region. History and archeology. T.23. - Veliky Novgorod: Novgorod State United Museum, 2009. P.189-207.
 4. *Kazakov A., Chernenko E.* Under the creation Quarengi. The new monument of ancient architecture in Novgorod-Seversky // Rodina, 2008. №8. P.50 -51.
 5. *Kamernitskii A.* Essays on the history of hunting with dogs (X-XX century) // Hunting Dogs, 2002. № 5.
 6. *Karger M.N.* Ancient Kiev. Essays on the History of Material Culture of the ancient town. V.1. K.: Ukrainian Academy of Sciences, 1951.
 7. *Kuzmina I.E.* Formation theriofauna of Northern Urals in the Late Anthropogenic // Materials on Quaternary faunas of the USSR. Proceedings of the Zoological Institute of the USSR Academy of Sciences, V.49. L., 1971. P.44-122.
 8. *Kuzmina I., Sablin M.* The wolf (Canis lupus) from the Upper Paleolithic sites Kostenki on the Don // Quaternary fauna of northern Eurasia. Proceedings of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences, T.256. SPb., 1994. P.44-58.
 9. *Naimanova D., Gumpal Z.* Atlas of dog breeds. - Prague: Publishing House of Agricultural Literature, 1983.
 10. *Pravda Roskaya* // Russian legislation, X-XX centuries in nine volumes. Vol.1. M., 1984, P.47-49.
 11. *Sabaneev L.P.* Dogs hunting. Pointing Dogs. - Moscow: Physical Culture and Sports, 1986.
 12. *Sergeyev E.S.* The fauna of the area of the ancient town of warriors // The natural environment and the fauna of the past. Issue 2. - K.: Naukova Dumka, 1965. P.120-123.
 13. *Spire H.R.* Encyclopedic Dictionary of canine terms. - St. Petersburg, 1996.
 14. *Chubur A.A., Starodubsev G.U., Zorin A.V.* Posad of the Gochevo archaeological complex: Archaeozoological observation (on excavations 2003-2005) // Upper Don region : Nature . Archaeology. History: Issue 4. Tula: RIF 2009.
 15. *Brauner A.* Domestic dogs of Palaearctis // Releases the Odessa Society of Natural Science. - Odessa, 1928, p.321-342.
 16. *Makowiecki D.* Hotowla and the use of animals in Jstrowie Lednicki in the Middle Ages. Archeozoologiczne Study (Library Studies Lednice, Volume VI). - Poznan, 2001.
-

Г.С. ЧУВАРДИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета
E-mail: snotra@orel.ru

G.S. CHUVARDIN

candidate of historical sciences, associate professor of history of Russia, Orel state university
E-mail: snotra@orel.ru

**АЛЕКСАНДРОВСКИЙ КОМИТЕТ О РАНЕНЫХ КАК ГЕРОНТОКРАТИЧЕСКИЙ
КОМПОНЕНТ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА**

**ALEXANDROVSKY COMMITTEE OF THE WOUNDED AS GERONTOCRATIC COMPONENT
OF THE MILITARY ELITE OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE EARLY XX CENTURY**

В предлагаемой статье рассматривается Александровский комитет о раненых в начале XX в. Анализируется его социокультурная среда, дается оценка отдельным членам комитета, их психологическим особенностям и деловым качествам. Делается вывод о крайне низкой эффективности работы указанного органа даже в рамках своих компетенций.

Ключевые слова: Александровский комитет о раненых, генералитет, геронтопсихология, элита, военная реформа.

This article discusses «Alexandrovsky Committee of the wounded» in the beginning of XX century. Analyses its socio-cultural environment, assesses the individual members of the Committee, their psychological characteristics and business qualities. The author makes a conclusion about the extremely low efficiency of the work of this body, even within their competencies.

Keywords: Alexandrovsky Committee of the wounded, General, geronto-psychology, elite, defence reform, military Minister.

При детальной социальной стратификации высших слоев русского генералитета начала XX в. нельзя не обратить внимание на членов очевидно выпадающего из общей системы военных институтов империи образования, идентифицированного нами наряду с Военным Советом как орган «военной геронтократии». Данное образование предстает как невероятно живучий, но наиболее недееспособный компонент военной элиты указанного периода. Речь идет об «Александровском комитете о раненых» (далее по тексту АКР – *прим. моё*).

Данный орган был основан Александром I в день годовщины боя под Кульмом 18.08.1814 г. В Высочайшем приказе Армиям «О учреждении особого комитета для вспомоществования неимущим изувеченным Генералам, Штаб и Обер-Офицерам» отмечалось: «Воины!.. Геройские подвиги ваши всегда обращали внимание Мое, дабы вяще ознаменовать оные, и в особенности день 18 Августа, я отверзаю ныне путь, удобнейший всем увечным в последнюю... войну, Генералам, Штаб и Обер-Офицерам, как вышедшим уже в отставку, так и тем, кои от ран и увечьев в войну сию, оставят впредь службу, и не имеющим другого состояния, кроме определенного при отставке пенсионна, прибегать во всех нуждах ко Мне. А чтобы просьбы их без всякого промедления были рассматриваемы, поверяемы и подносимы Мне, учреждаю особый Комитет» [5].

12.12.1877 г. «Комитет...» был переименован в «Александровский Комитет о Раненых». В именном

приказе императора отмечалось: «Государь Император, в ознаменование исполнившегося ныне столетия со дня рождения в Бозе почившего Императора Александра I, Высочайше повелеть соизволил: 1. Учрежденному Императором Александром I Комитету о Раненых присвоить титул «Александровский» [4; с.302].

В Своде военных постановлений 1869 г. в редакции 1893 г. определялся следующий круг компетенций «Комитета...». [6; с.122-123] Отмечалось, что он оказывает покровительство:

1. лицам, получившим раны, увечья, «травматического происхождения и ушибы», во время ведения боевых действий состоящим на службе, находящимся в запасе и отставным (п.557);
2. лицам, получившим раны, увечья, «травматического происхождения и ушибы» в мирное время при исполнении служебных обязанностей и не позволяющие им продолжать службу дальше (п.557);
3. семействам вышеперечисленных категорий лиц в случае их смерти (п.557).

Комитет также имел право «определять в учебные заведения детей офицеров на комплектные вакансии пансионеров Комитета» (п.568).

Комитет осуществлял контроль над военными богадельнями, благотворительными учреждениями, связанными с военным ведомством, и памятниками (п.558).

В состав АКР входили Председатель (известны случаи назначения Вице-председателя: так в 1897-1901 гг. эту должность занимал генерал-адъютант, ад-

мирал граф Логгин Логгинович Гейден [10; с.118]) и члены, назначаемые по «Особому назначению» (п.561). Число членов было не ограничено. Кроме этого в АКР состояли главные начальники военных округов (командующие войсками в военных округах) и генерал-губернаторы (п.561). Особо отмечалось, что в своих действиях «Комитет...» подчинялся «непосредственно Верховной власти» (п.560). Генерал А.Ф. Редигер отмечал: «Члены Военного Совета и Комитета о раненных считались непосредственно подчиненными непосредственно государю и до того времени никогда не увольнялись...» [7; с.487].

С деятельностью АКР был связан ряд финансовых скандалов, сопряженных с хищением средств на астрономическую для второй половины XIX в. сумму (более 1 млн. руб. серебром [12]).

Вторая проблема была связана с постепенной трансформацией АКР в подобие «синекуры». В силу того, что число членов рассматриваемой структуры было не ограничено, наблюдался постепенный рост данной группы офицеров. При этом в АКР оказался значительный массив очевидных пенсионеров: по замечаниям военного министра А.Ф. Редигера: «[...] старцев, имевших за собой долгую государственную службу» (см. таблицу № 1) [3].

Следует отметить, что начиная с 12.02.1892 г. (вплоть до своей смерти 5.12.1909 г.) АКР возглавлял генерал-фельдцейхмейстер в.к. Михаил Николаевич [2; д.1], (до него: с 18.08.1864 г. – генерал-адъютант, генерал-адмирал в.к. Константин Николаевич [8; д.469, л.71-85]), к началу XX в. человек уже далеко не молодой. По понятным причинам он собрал вокруг себя в АКР «достойных генералов», с которыми в основной своей массе либо служил (в первую очередь, на Кавказе), либо был лично знаком (по службе в артиллерии и инженерных войсках).

Примечательно то, что именно при нем в АКР резко возрос процент «артиллеристов» и «инженеров».

Если в 1899 г. в составе постоянной группы членства их было 4 чел. (2 генерала от артиллерии, 1 инженер-генерал и 1 генерал-лейтенант из 18 чел., то есть 22%) [10; с.115-119], то в 1903 г. эта группа увеличилась до 14 чел. (7 генералов от артиллерии, 3 инженер-генерала и 4 генерал-лейтенанта из 35 чел., то есть 40%) [11; с.118-119]. Таким образом, число представителей рассматриваемой группы выросло в 2 раза всего за 4 года. Для примера, в 1885 г. в составе постоянной группы АКР было всего 3 генерала от артиллерии (и генерал-фельдцейхмейстер) и ни одного инженер-генерала (из 28 чел.) [9; с.95-97].

Если проанализировать возрастной состав членов АКР, наиболее интересная картина прослеживается в 1903 г., когда численность членов достигает рекордной цифры в 35 чел. и когда, по замечаниям А.Ф. Редигера, в комитете оказывается значительное число случайных людей.

Таким образом, большое значение приобретает мотивация пребывания того или иного генерала в АКР. Очевидно, что генерал А.Ф. Редигер не совсем прав, заявляя, что к 1905-1906 гг. в АКР находился значительный процент «случайных людей». При анализе основной группы членства (35 постоянных членов, исключая командующих войсками в военных округах и генерал-губернаторов) мы получили следующую статистическую картину [1]:

1. к моменту реформы, несмотря на очевидный сверхкомплект в АКР, в нем находились преимущественно заслуженные боевые офицеры, имевшие опыт 2-х и более войн. В 1903 г. в АКР состояло 12 георгиевских кавалеров. Из них 1 офицер являлся полным кавалером (генерал-фельдмаршал генерал-фельдцейхмейстер в.к. Михаил Николаевич), 3 офицера были награждены орденом св. Георгия 3 ст. (генерал-адъютант генерал от кавалерии З.Г. Чавчавадзе (за компанию 1877 г.), генералы от инфантерии О.-Ф. К. Гриппенберг и А.Г. Ковторадзе (за компа-

Таблица 1.

	1814 (при образовании)	1885	1891	1899	1903	1906	1908
Генерал-фельдмаршалы	-	2	1	1	1	1	1
Генерал-адмирал	-	1	1	-	-	-	-
Генералы от инфантерии	-	11	11	5	11	5	5
Генералы от кавалерии	1	3	3	2	4	1	4
Генералы от артиллерии	-	3	-	2	7	-	4
Адмиралы	-	2	2	2	1	1	-
Инженер-генералы	-	-	-	1	3	1	1
Генерал-лейтенанты	2	5	1	3	6	11	1
Вице-адмиралы	-	1	1	2	2	-	-
Генерал-майоры	2						
ВСЕГО:	5	28	20	18	35	20	16
Генерал-адъютанты	1	11	6	4	2	1	1

В «Комитет...» также входили: 1)командующие войсками в военных округах и 2)генерал-губернаторы

нию 1855 г.) и 8 – орденом св. Георгия 4 ст., что составляло 34% от основной группы членства (35 чел.) [7; с.492].

2. в то же время возраст членов АКР оставлял желать *много* лучшего (см. таблицу № 2).

Таблица 2.

Возрастной люфт	От 80 до 89 лет	От 70 до 79 лет (с 75 лет «старческий возраст»)	От 60 до 69
Количество человек, соответствующих люфту	5	15 (трое старше 75 лет)	15
Процентное соотношение	14%	43%	43%

Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что средний возраст членов АКР в 1903 г. составлял 71,2 года. В данном случае возникает резонный вопрос: насколько «престарелые» генералы указанной возрастной группы могли справляться со своими обязанностями и не являлось ли их пребывание в АКР всего лишь формальностью?

По ряду оценок экспертов в области возрастной психологии, средняя продолжительность жизни европейца середины XIX в. составляла 44 года. В начале XX в. она приближается и даже «переваливает» за 60 лет. [13; с.308] Таким образом, современные оценки «старости» далеко неоднозначны и серьезно диссонируют с оценками рубежа XIX-XX вв.

Если рассматривать некие усредненные показатели (исследования Б. Пржигоды, Э.Б. Харлока, Дж. Биррена, Д.Б. Бромлея и ряда других), то, как правило, выделяют три отрезка геронтогенеза: пожилой возраст (60-74 года для мужчин); старческий возраст (75-90 лет); долгожительство (90 лет и старше). Примечательно, что в соответствии с современной классификацией Европейского регионального бюро ВОЗ, старость наступает с 75-летнего возраста. [13; с.313-314]

Отечественные геронтопсихологи выносят следующий вердикт старости: «Болезненный характер физического увядания определяет форму психического старения и в целом психическую жизнь... [13; с.325] *Физическое неблагополучие – важная причина неудовлетворенности жизнью в старости.* Частыми следствиями этого бывают оскудение чувств, очерствение, прогрессирующая утрата интереса к окружающему, изменение отношений с близкими, понижение всех видов самооценки...» [13; с.326].

При этом старость в первую очередь понимается как «снижение психической активности, выражающееся в сужении объема восприятия, затруднении сосредоточения внимания, замедлении психомоторных реакций. У пожилых людей возрастает время реакции, замедляется обработка перцептивной информации и снижается скорость когнитивных процессов... Широко распространено представление о нарушениях памяти как основном собственно возрастном симптоме психического старения... Значительное снижение интеллектуальных показателей можно констатировать после 65 лет...» [13; с.332]

Как следствие вышеизложенных соображений, прослеживается эффект «старческого эгоизма», нежелание слышать окружающих, желания «жить» и «выживать» любой ценой (при этом, как писал П.Н. Краснов, «... не пускать на свое место молодых, плести против них интриги», «сживать их со света»), определения собственной значимости по *заслугам предыдущей жизни*, т.е. жизни «до старости» (в противном случае, с точки зрения М. Хайдеггера, при отсутствии «сверхдуховных ориентиров» жизнь человека предстает либо как вегетативная, либо как абсолютно бессмысленная).

Данная тема крайне важна, так как *человек в военном мундире*, в отличие от «штатского», измеряется исключительно количественными показателями: количеством звезд на погонах, достигнутым званием, почетными регалиями и орденами. «Старики» усиленно апеллируют к тому, что общество должно, более того, обязано (!) уважать их заслуги. Именно на этот аспект проблемы указывает А.Ф. Редигер. При увольнении на пенсию отдельных членов Военного Совета и АКР он столкнулся с различного рода «старческими реакциями»: отдельные генералы требовали, чтобы их уволили только по суду; другие апеллировали к своим заслугам, которые делали общество им обязанным до гробовой плиты; третьи выпрашивали мундир и повышенную пенсию; четвертые «бегали» жаловаться императору и вдовствующей императрице. Только после того, как «стариков» откровенно припугнули («военный министр показал свою силу»), они ослабили «геронтократический натиск на власть» [7; с.496-498].

Таким образом, оценка работоспособности членов АКР вполне совпадает с оценкой А.Ф. Редигера и является неудовлетворительной. Военный министр писал: «Для улучшения же командного состава его надо было раньше всего освободить от массы генералов уже никуда не годных, устарелых или обленившихся, не только бесполезных, но и вредных уже тем, что они закрывали дорогу молодым силам!» [7; с.495]

После начала преобразований, осуществляемых Советом государственной обороны и военным министром генералом А.Ф. Редигером, численность АКР значительно сокращается. Число полных генералов постепенно меняется в сторону более работоспособных генерал-лейтенантов. После назначения военным министром генерала В.А. Сухомлинова число штатных членов комитета было определено в 10 чел.

Все вышеизложенные соображения можно резюмировать вполне правомерным выводом А.Ф. Редигера. Он отмечал: «Комитет о раненых, собственно говоря, совершенно лишнее учреждение, так как вся работа по призрению раненых лежит на Канцелярии Комитета, а сам Комитет собирается лишь для вида и, в действительности, является богадельней для генералов. Первоначально он состоял, кажется, из пяти-шести человек и в таком виде еще имел какой-либо смысл, но в составе пятидесяти членов он уже являлся прямой бессмыслицей. Достаточно сказать, что совершенно бездельный комитет стоил казне больше чем вдвое дороже, чем работавшая на него Канцелярия» [7; с.487].

Контролируя длительное время деятельность богачей, АКР со временем превратился в наиболее престижную богадельню для престарелой военной элиты (по словам А.Ф. Редигера, в «богадельню для генералов»), претендующей на сохранение своих «властных позиций» (интерпретируемой в свете современной эли-

тологии как «псевдоэлиты») Российской империи. Стоя на краю могилы, эти люди отчаянно боролись за право «управлять хотя бы чем-то» (человеку, лишившемуся власти и влияния даже в силу возраста, крайне тяжело смириться с утратой подобного рода), увлекая за собой в «могилу» страну и ее народ.

Библиографический список

1. Анализ статистических данных опирается на «Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е января 1903 г.» СПб.: Военная типография, 1903.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.649. Оп.1.
3. Источники: Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. СПб., 1885, 1891, 1899, 1903, 1906, 1908 (соответствующий раздел).
4. «О присвоении Комитету о Раненных титула Александровского и об устройстве судьбы раненных в Царствование Императора Александра I воинов и их семейств». //ПСЗРИ. Собрание второе. Т.LII. Отделение второе 1877 год. От 57529-58047. СПб., 1879.
5. По «Приказу...» Комитет состоял из: генерал-адъютанта генерала от кавалерии Ф.П.Уварова, генерал-лейтенантов графов П.А.Строганова и П.В. Голенищева-Кутузова и генерал-майоров А.А. Закревского и Н.М.Сипягина. Доклады из Комитета подавались через генерала от артиллерии графа А.А.Аракчеева.
6. Раздел третий. Александровский комитет о раненых// СВП, 1869. СПб., 1893. Пп.557-579.
7. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В двух томах. Т.1. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1162. Оп.6.
9. Список высшим чинам Государственно, Губернского и Епархиального управлений. СПб., 1885.
10. Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. Исправлен по 15 Мая 1899 года. СПб.: Государственная Типография, 1899.
11. Список высшим чинам Государственно, Губернского и Епархиального управлений. Исправлено по 15 Марта 1903 г. СПб., 1903.
12. Сумма растрат и хищений составила 1108546 руб. 1¾ коп.
13. Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М.: Гардарика, 2005.

References

1. The analysis of statistical data leans by "The list to generals on a seniority. It is made till January 1st, 1903" SPb. : Military printing house, 1903.
2. State Archive of the Russian Federation (SARF). F.649. Op.1.
3. Sources: Lists to the highest ranks of the public, provincial and diocesan administration. SPb. 1885, 1891, 1899, 1903, 1906, 1908 (appropriate section).
4. "About assignment to Committee about Wounded Aleksandrovsky's title and about the device of destiny wounded in Reign of the Emperor Alexander I of soldiers and their families". // PSZRI. Meeting the second. T.LII. Office the second 1877. From 57529-58047. – SPb. 1879.
5. Under "the Order ..." The Committee consisted from: the general aide-de-camp of the general from a cavalry F.P.Uvarova, lieutenant generals counts P.A.Stroganov and P. V. Golenishcheva-Kutuzova and major generals A.A. Zakrevky and N.M.Sipyagin. Reports from Committee moved through the general from artillery of the count A.A.Arakcheev.
6. Section third. Aleksandrovsky committee about wounded//SVP, 1869. SPb. 1893. Subitem 557-579.
7. Rediger A.F. Istoriya of my life. Memoirs of the Minister of War. In two volumes. T.1. M.: Canon press; Kuchkovo field, 1999.
8. Russian State Historical Archive (RSHA). F.1162. Op.6.
9. The list to the highest ranks It is state, Provincial and Diocesan managements. SPb. 1885.
10. List to the highest ranks of the public, provincial and diocesan administration. It is corrected till May 15, 1899. SPb. : State Printing house, 1899.
11. The list to the highest ranks It is state, Provincial and Diocesan managements. It is corrected till March 15, 1903. SPb. 1903.
12. The sum of wastes and plunders made 1108546 rub 1¾ kopek.
13. Shapovalenko I.V. Age psychology (Psychology of development and age psychology). M.: Gardarika, 2005.

УДК 94 (2РОС–4ОРЛ).066/.072–752.5

UDC 94 (2ROC–4ORL).066/.072–752.5

Т.Н. ШТАРЕВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры фило-
софии и истории Госуниверситета–УНПК
E-mail: tokmakova_tn@mail.ru

T.N. SHTAREVA

Ph.D. in History Associate Professor of Philosophy and
History State University – UNPK
E-mail: tokmakova_tn@mail.ru

**КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА ДВОРЯНКИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

**THE NOBLEWOMAN BOOKISH CULTURE IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF RUSSIA IN THE SECOND HALF
OF THE XVIII - THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY. (ON THE EXAMPLE OF ORYOL PROVINCE)**

Статья посвящена исследованию проблемы формирования и развития книжной культуры представительниц благородного сословия на примере Орловской губернии второй половины XVIII-первой четверти XIX вв. В статье освещены особенности книжного воспитания и книжных предпочтений двух наиболее ярких фигур – представительниц орловского дворянства. Статья основана на архивных (в том числе и неопубликованных) документах и мемуарных исторических источниках.

Ключевые слова: история, библиотека, дворянство, светская книга, Орловская губерния.

The article is devoted to exploring the formation and development of bookish culture of she representatives of the noble class on the example of Oryol province in the second half of the XVIII – the first quarter of the XIX century. The article highlights the features of the bookish upbringing and bookish preferences of two brightest figures – the she representatives of the Oryol nobility. The article is based on archival (including unpublished) documents and autobiographical historical sources.

Keywords: history, library, nobility, the secular book, Orel province.

На общем фоне быта русского дворянства во второй половине XVIII в. – первой половине XIX века «мир женщины» выступал как некоторая обособленная сфера, обладавшая чертами известного своеобразие. Наиболее интересной стороной женского мира выступает «женское чтение».

Книга и связанная с ней традиция «чтения» проникает в женскую среду достаточно поздно, лишь во второй половине XVIII столетия, а более прочно утверждается в последней его четверти. Конечно, мы не можем говорить о том, что до этого времени русские женщины были неграмотными или совсем не читали. Однако формирование культуры женского чтения и, как следствие, зарождение «дамских» библиотек начинается происходить с середины XVIII в.

В первой половине XVIII столетия и вплоть до 60-70 гг. XVIII в. в дворянских семьях мало уделяли внимания женскому образованию. Даже во второй половине XVIII столетия образование молодой дворянки было, как правило, более поверхностным и значительно чаще, чем для юношей, домашним. Требования к образованию дворянских девушек были минимальными и сводились к формированию «внешнего лоска». Во многих дворянских семьях родители воспитывали девушек в рамках патриархальных традиций и строгих нравов, считая «ученость» лишним атрибутом благородной дворянки. Главная цель образование молодой дворянки сосредотачивалась в том, чтобы сделать из девушки привлекательную невесту. Характерны слова Фамусова,

откровенно связывающего обучение дочери с будущим ее браком: «Дались нам эти языки! Берем же побродяг, и в дом, и по билетам, / Чтоб наших дочерей всему учить, всему – / И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам! / Как будто в жены их готовим скоморохам» [9, С. 31].

Невнимание к проблеме женского образования, неравноправность положения женщины в русском обществе XVIII столетия приводили к постепенному вхождению книги в женскую среду, где книга выступала не только как элемент сферы досуга, но и как источник знаний и средство к самообразованию и саморазвитию. Безусловно, книга и формирующаяся традиция «чтения» меняли мировоззрение русской дворянки.

В связи с этим, интересно будет проследить формирование книжных предпочтений и «книжной образованности» представительниц орловского дворянства. Одной из колоритных фигур «прекрасного пола» орловского дворянства являлась Варвара Петровна Тургенева, урожденная Лутовинова.

Семья Лутовиновых-Тургеневых была типичной для провинциального барства времен «славных русско-турецких войн и покорения Крыма». Столичные модные книжные тенденции быстро подхватывались провинциальным дворянством, и галломания¹ проникала из столичных высших сфер, вместе с напудренными париками и мушками, и в захолустные поместья Мценского уезда

¹ Галломания – пристрастие, почтение ко всему французскому.

Орловской губернии. Неудивительно, что Лутовиновы-Тургеневы, более или менее усердные читатели, следившие за литературными новинками и даже модой, выписывали преимущественно французские книги и журналы и читали произведения немецких и английских авторов в переводах на французский язык. Этот факт подтверждается, например, тем, что нашумевший роман Г. Гете «Страдания молодого Вертера», ставший особенно модным лишь в начале XIX века, был приобретен и читался Варварой Петровной на французском языке, также как и не менее популярный английский роман Ричардсона «Кларисса Гарлоу» [15: С. 14].

В екатерининскую эпоху русские барышни в провинциальной тиши в «начали почитать романы» не только французские, но и русские, а также и переводные.

Мать В.П. Тургеневой, Екатерина Ивановна Сомова (по второму мужу), читала романы Жанлис² («Петрарк и Лаура», 1822), Дюкре – Дюмениля³ («Вечерние беседы в хижине, или Наставления престарелого отца», 1819) и даже Вальтер Скотта⁴ («Кенильворт», 1823; «Маннеринг или астролог», 1824; «Редгонлет, (Красная перчатка)», 1828) [16: С. 207]. Жеманные, сентиментальные сочинения с интригой, трогаящие сердца и чувства русских читателей, особенно чувствительных девиц [7: С. 139]. На одной из книг Жанлис «Петрарк и Лаура» на обороте титульного листа находим «Из книг Екатерины Ивановны Сомовой», а на заднем форзаце надпись карандашом «18». Очевидно не только данная книга, но и другие произведения госпожи Жанлис принадлежали матери В.П. Тургеневой. Однако находим ее инициалы и на книгах исторического и юридического характера, приключенческого жанра [16: С. 206].

Как и большинство провинциальных дворянок, Варвара Петровна Тургенева получила плохое образование. В те годы, когда религиозное воспитание считалось главным для девушки, Варвара Петровна не знала даже молитвы и не умела молиться [8: С. 10]. Случайные учителя, нерегулярные занятия и собственный интерес к книгам и знанию. Она вспоминала о своем учении в письмах к сыну: «Мне зададут в географии столько, в грамматике, в истории. Много, думаю, я не выучу. И ну плакать. И вместо трех уроков я проплачу, время пройдет и я ни одного не выучу» [8: С. 11].

После смерти матери шестнадцатилетняя Варвара Петровна нашла убежище в доме своего дяди, И.И. Лутовинова. Огромный дом, куда собиралась уездная знать, балы, где были представления крепостного театра, а также находилась библиотека с книгами на французском языке, – это был совершенно новый мир,

2 Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графиня де Жанлис (1746-1830) – известная французская писательница, автор сентиментальных романов, пользовавшихся широкой популярностью по всей Европе: «Адель и Теодор, или Письма о воспитании», «Вечера в замке, или Уроки морали применительно к детскому возрасту» и др.

3 Франсуа Гийом Дюкре-Дюмениль (1761-1819) – французский писатель, автор многотомных сентиментально-моралистических романов для юношества (с элементами романа тайн), чрезвычайно популярных у читателей конца XVIII- начала XIX вв.

4 Сэр Вальтер Скотт (1771-1832) – всемирно известный британский писатель, поэт, историк, собиратель древностей, адвокат, по происхождению шотландец. Считается основоположником жанра исторического романа.

который открыл свои двери для В.П. Лутовиновой.

Воспоминания рисуют В.П. Тургеневу как женщину незаурядную, с живым острым умом, которая унаследовала необузданный нрав лутовиновского рода [5: С. 30]. Не получив достаточного образования в детстве, она впоследствии с гордостью заявляла, что «сама себя воспитала и образовала».

В значительной степени французский компонент лутовиновской библиотеки, унаследованной писателем И.С. Тургеневым, был пополнен его матерью, Варварой Петровной. В начале 1820-х годов В.П. Тургенева записывает в памятной «Голубой тетради» поручение купить в московской книжной лавке французское издание «Персидских писем» Монтескье [6: С. 33], несмотря на уже имеющееся русское издание данного сочинения 1779 года в родовой библиотеке.

О своей любви к чтению Варвара Петровна признавалась своему сыну: «А я читаю, как поедают раки, книг много, да глаз нет» [6: С. 34]. Читательские интересы В.П. Тургеневой были очень разнообразны. Она имела большую склонность к познанию природы и к описаниям путешествий. «Путешествие было мечтой моей жизни», – признавалась она в письме к сыну. В библиотеке сохранилась богатая коллекция книг о путешествиях. Среди приобретенных В.П. Тургеневой книг – 24 томное издание Делапорта «Французский путешественник», «Путешествие к Северному полюсу Кука», «Письма русского путешественника» [6: С. 106] Н.М. Карамзина. Любопытное психологическое противоречие: эта консервативно-оседлая помещица постоянно стремилась в далекие неведомые ей страны.

Помимо страсти к путешествиям, было еще одно увлечение у Варвары Петровны – это любовь к садоводству и в особенности к цветоводству. Среди книг данной тематики можно назвать труд знаменитого естествоиспытателя Ш. Бонне «Созерцание природы», «Естественная история» Бюффона, альманах «Le bon jardinière», «Le jardinier des fenêtres», Boitard «Manuel complet de L'architecte des jardins» [1]. В библиотеке сохранилась французская книга «Le jardinière fleuriste» par Liger, подаренная ей детьми Иваном и Николаем в день именин.

Знакома была Варвара Петровна с авторами пушкинской поры. «Карамзин, Дмитриев, Мерзляков, Жуковский, Пушкин, – писала она, – знакомы мне не понаслышке – все мне они знакомы и даже приятели» [2: Оп. 1., Д. 171, Л. 3].

В своем более позднем дневнике⁵ Варвара Петровна делала выписки из разных прочитанных ею книг. Одна из ее записей гласит: «Спросить у Готье (т.е. в книжной лавке И.И. Готье) Персидские письма, Гражданский мир, собрание путешествий вроде аббата Прево, Соломон, Детуш, Евангелие» [6: С.34]. И вот перед нами вырисовывается круг литературных интересов орловской дворянки Варвары Петровны.

Художественная культура дворянской усадьбы тесно была связана с искусством театра. Затронуло это

5 Дневник хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве (РГАЛИ). Ф. 509 И.С. Тургенев.

увлечение не только Европу, но и Россию. В России на рубеже XVIII-XIX вв. насчитывалось 173 крепостных театра [10: С.279]. Известно, что крепостные театры были у графа ЕФ. Комаровского, В.С. Танеева, князя А.Б. Куракина, С.М. Каменского, у Лутовиновых – Тургеневых и др. [11: С. 492–494]. В лутовиновской библиотеке находились зачитанные, иногда со следами театральной обработки, пьесы молодого Грибоедова, Княжнина, Шаховского, Коцебу, комические оперы, переделки иностранных пьес, многотомные серии репертуара французских театров: «Комедии из театра господина Мольера, переведенные Кропотовым», пьесы Реньяра и Лессинга. На некоторых пьесах надпись – «Из книг Варвары Лутовиновой» [5: С. 30].

В области художественной литературы вкусы В.П. Тургеневой определялись, скорее всего, так называемым «легким чтением»: Д' Арленкур, Пиго-Лебрен, мадам Жанлис, Жан Батист де Кувре, Сталь-фон-Гольштейн. Безусловно, галломания была неотъемлемой частью русской культурной жизни во второй половине XVIII-первой четверти XIX вв. Однако не следует думать, что Варвара Петровна не читала русскую книгу.

На полках домашней библиотеки Тургеневых стояли сочинения Богдановича, Веневитинова, Загоскина, Измайлова, Княжнина, Карамзина. В доме выписывались «Сын Отечества», «Московский телеграф», «Телескоп», «Вестник Европы».

Тем не менее, к русской литературе и русским писателям Варвара Петровна относилась свысока. Она говорила сыну: «Что такое писатель? По-моему писатель и писец – одно и то же. И тот и другой за деньги бумагу марают. Дворянин должен служить и составить себе карьеру и имя службой, а не бумагомаранием. Да и кто же читает русские книги?» [12: С. 44]. Даже «Историю государства Российского» Карамзина читала В.П. Тургенева во французском переводе. Из русских литераторов она признавала только Пушкина, да и то едва-едва считала его «замечательным писателем» [14: С. 26–27].

Таким образом, из столицы и крупных городов в российские провинции активно проникает процесс «галломании» во второй половине XVIII-первой четверти XIX вв. Варвара Петровна Лутовинова первоначально воспитывалась на французских книгах, которые она нашла в огромной домашней библиотеке своего дяди И.И. Лутовинова. После его смерти, унаследовав лутовиновскую библиотеку, В. П. Тургенева сама пополнила ее новыми французскими изданиями. Преимущественно это была развлекательная литература (романы, комедии, пьесы), путешествия, а также сочинения французских просветителей.

Известной представительницей орловского дворянства являлась и Варвара Карловна Цурикова, урожденная Сталь⁶. Цуриковы являлись представителями коренного орловского дворянства [15: С. 15]. Цуриковы владели вотчинами еще с конца XVI в. и были внесены в VI часть родословной книги Орловской, Курской и Воронежской губерний [3: Оп. 1].

В Государственном архиве Орловской области имеется на хранении личный фонд Цуриковых, содержащий собственноручную опись родовой библиотеки, сделанную, по-видимому, не позднее конца XIX в. [4: Оп. 1., Д. 12, Л. 8–12 об.].

Основу женского чтения в семействе Цуриковых составляла преимущественно художественная литература и путешествия. Художественная литература в родовой библиотеке была представлена преимущественно французскими классиками и сочинениями русских писателей. Безусловно, В.К. Цурикова была знакома с произведениями французского драматурга Расина, баснописцев де Лафонтена и Флориана, итальянского поэта Торквато Тассо, читала комедии Готхольда Лессинга, сочинения А.Д. Кантемира и В.А. Тредиковского, М.В. Ломоносова и И.И. Дмитриева, П.И. Сумарокова и Н.М. Карамзина и др. [4: Оп. 1., Д. 12, Л. 10–12 об.]. Безусловно, интерес Варвары Петровны могла вызвать книга средневековой арабской литературы «Тысяча и одна ночь», появившаяся в России во французском переводе в 60-70 гг. XVIII века.

С увлечением читала В.К. Цурикова и «путешествия». Очевидно, для представителей провинциального дворянства дальние страны и острова представлялись чем-то загадочным и недостижимым. Данный раздел обширно представлен сочинениями на французском и русском языках. Он включал в себя книги о самых разных уголках планеты: «Путешествия вглубь Африки» Д. Ливингстона, «Путешествия по Италии», «Путешествия в США», «Путешествия в Китай», а также «Дневные записки и путешествия» И.И. Лепехина, «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев» Н.М. Головнина, «Журнал» Н.П. Рычкова, «Двукратное путешествие в Америку» Г.И. Давыдова и др.

Судя по переписке между представителями семейства Цуриковых, можно отметить присущую им религиозность [4: Оп. 1., Д.1, Л. 118; Д. 4, Л. 61 об.]. Религиозность Цуриковых подтверждается и незначительным присутствием антиклерикальных и атеистических произведений французских сочинителей второй половины XVIII века (судя по составленной описи библиотеки). Несмотря на то, что В.К. Цурикова стремилась идти в ногу со временем – читала западно-европейские сочинения, говорила и вела переписку по-французски – она оставалась верна исконной русской культуре, черпавшей свое начало в православии.

Следует заметить, что представителей рода Цуриковых XIX века можно было отнести к умеренно-консервативному направлению развития общественно-политической мысли. Представители данного направления, оставаясь идеологами правящего класса, тем не менее, отразили кризисные явления крепостнической системы и разделяли некоторые идеи Просвещения: выступали за смягчение эксплуатации крестьян, призывали к распространению образования и т.д., но любые изменения существующего порядка считали допустимыми исключительно путем реформ и просвещения.

6 Жена инженер-капитана и кавалера А.С. Цурикова.

Подтверждением тому может служить сострадательное отношение Варвары Карловны Цуриковой к народу, особенно к тяжелому труду крепостных крестьянок. « У нас, – писала Варвара Карловна, – тоже страшная жара, так то по утрам нельзя сидеть на балконе; а эти несчастные бабы, некоторые больные, другие беременные, у некоторых внутренние болезни, так что они с трудом ходят, а бедняжки должны вязать, жать, все стоять нагнувшись, эти доходы трудно добываются, это святыне деньги, а как мы иногда их тратим безрасчетно. Я уверена, что Бог взыщет за эти деньги» [4: Оп.

1., Д. 1., Л. 133].

Вот такие два противоречивых образа орловских дворянок предстают перед нами. Одна – суровая помещица, испытывавшая благоговейное отношение ко всему французскому и презиравшая русскую литературу, читательница модных романов и атеистических сочинений французских просветителей, и другая – сострадательная к крепостным крестьянкам, воспитанная в православном духе и оставшаяся верна христианским традициям до конца своей жизни.

Библиографический список

1. ОГЛИМТ (Орловский государственный литературный музей им. И.С. Тургенева). Ф. 172 оф. Каталог библиотеки И.С. Тургенева 1885г.
2. РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 509.
3. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1209.
4. ГАОО (Государственный архив Орловской области). Ф. 689.
5. *Афонин Л.* Повесть об Орловском театре. Тула: Приокское книжное издательство, 1965.
6. *Балыкова Л. А.* Тургенев – читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел: Изд. «Орлик», 2005.
7. *Баренбаум И.Е.* Французская переводная художественная литература в России (вторая половина XVIII века) // Книга в России в XVII в. – начале XIX в. Проблемы создания и распространения. Л.: Изд. АН СССР, 1939. С. 139–145.
8. *Богданов Б.В.* В.П. Лутовинова – мать писателя. // Спасский вестник. 1993. № 2. С. 9–29.
9. *Грибоедов А.С.* Горе от ума. - М.: Изд. «Художественная литература», 1966.
10. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России в вв. Исторические очерки. / Отв. ред. Л.В. Иванова. М.: Изд-во УРСС, 2001.
11. *Дмитриева Е., Купцова О.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М.: Изд. «Объединенное Гуманитарное Издательство», 2003.
12. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2 т. М.: Художественная литература, 1983. Т.1.
13. *Лавицкая М.И.* Орловское потомственное дворянство второй половины XVIII– начала XX вв. Монография. Орел: Изд-во «Вешние воды», 2005.
14. *Малышева И.* Письма матери // Тургеневский сб. Новооткрытые страницы Тургенева. Неизданная переписка. Воспоминания. Библиография. Под ред. Пиксанова. Пгт.: «Огни», 1915. С. 120–136.
15. *Португалов М.В.* Тургенев и его предки в качестве читателей // Тургениана. Орел: Орловское отделение Госиздата, 1922.
16. Родовая библиотека И.С. Тургенева. Каталог. Книги на русском языке. Ч. 1. / Сост. и автор вступ. статьи Л.А. Балыкова. Орел: Издательство Орловской государственной телерадиокомпании, 1994.

References

1. OGLMT (Orel State Literary Museum of Turgenev). F. 172 of. Library catalog I.S. Turgenev 1885.
2. RGALI (Russian State Archive of Literature and Art). F. 509.
3. RGADA (Russian State Archive of Ancient Acts). F. 1209.
4. GAOO (State Archive of the Oryol region). F. 689.
5. *Afonin L.* Story of Orel theater. - Tula: Priokskoe Book Publishers, 1965.
6. *Balykova LA* Turgenev - the reader. Through the pages of Memorial Library. - Eagle Publishing House. "Orlik", 2005.
7. *Barenbaum I.E.* French translated fiction in Russia (the second half of the XVIII century) // Book in Russia in the XVII century. - Early XIX century. The problems of creation and distribution. - Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1939. - P. 139-145.
8. *Bogdanov B.V.* V.P. Lutovinova - the writer's mother. // Spassky Gazette. - 1993. - № 2. - P. 9-29.
9. *Griboyedov A.S.* Woe from Wit. - Moscow: Ed. "Fiction", 1966.
10. The gentry and merchants rural manor in Russia in centuries. Historical essays. / Ed. Ed. L.V. Ivanova. - Moscow: Publishing House of the URSS, 2001.
11. *Dmitrieva E., A. Kupcova* Life manor myth: Lost and Paradise Regained. – Moscow: Ed. "United Humanitarian Publishing", 2003.
12. I.S. Turgenev in the memoirs of contemporaries. In 2 volumes - Moscow: Fiction, 1983. - V.I.
13. *Lavitskaya M.I.* Orel hereditary nobility second half of XVIII-early XX centuries. Monograph. - Eagle Publishing House of the "Spring Water", 2005.
14. *Malyshev I.* Letters mother // Turgenevskiy compilation. Newfound page Turgenev. Unpublished correspondence. Memories. Bibliography. Ed. Pikanova. - PTH. "Lights", 1915. - P. 120-136.
15. *Portugalov M.V.* Turgenev and his ancestors as readers // Turgeniana. - Orel: Orel Department of State Publishing House, 1922.
16. Generic library I.S. Turgenev. Catalog. Books in Russian. Part 1. / Comp. and author of introd. Article LA Balykova. - Orel: Orel State Television Publishing, 1994.

УДК 331. 522

UDC 331. 522

С.А. АРОНОВА

доктор экономических наук, доцент, профессор
кафедры прикладных экономических дисциплин
Орловского государственного университета
E-mail: aronovasa@mail.ru

S.A. ARONOVA

PhD of economic sciences, associate Professor, Professor
of the Department of applied economic disciplines, Orel
State University
E-mail: aronovasa@mail.ru

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

LONG-TERM TRENDS SHAPING THE QUANTITATIVE PARAMETERS OF THE PROPOSAL ON THE REGIONAL LABOUR MARKET (ON THE EXAMPLE OF THE OREL REGION)

Ситуация на региональных рынках труда, с одной стороны, является следствием экономических процессов, происходящих в рамках конкретных территорий. С другой стороны, она во многом обуславливает динамику этих процессов, являясь ускорителем или препятствием для экономического роста. В статье проанализирована динамика и причинно-следственные связи процесса формирования количественных параметров предложения на рынке труда Орловской области в течение всего пореформенного периода, выделены общие для российской практики тенденции и охарактеризованы специфические черты предложения на рынке труда региона.

Ключевые слова: рынок труда, занятость, заработная плата, предложение труда, структура занятости.

The situation on the regional labour markets, on the one hand, a consequence of the economic processes taking place within specific territories. On the other hand, it largely determines the dynamics of these processes as the accelerator or a barrier to economic growth. The article analyses the dynamics and causal process of formation of the quantitative parameters of supply on the labour market of Orel region during the post-reform period, the General for the Russian practice trends and describes the specific features of labour supply in the region.

Keywords: labour market, employment, wages, supply labour, the structure of employment.

Начиная с 90-х годов, наша страна столкнулась с масштабным сокращением численности населения (см. рис. 1), которое было вызвано масштабными переменами в векторе социально-экономического, культурного и политического развития. Данным процесс был бы еще более очевидным, если бы естественная убыль населения, колеблющаяся от 958,5 тыс. в 2000 г. до 129,1 тыс. в 2011г., не была отчасти компенсирована миграционным приростом.

С точки зрения развития процессов на рынке труда данная тенденция в ближайшие годы обострит проблему достаточности предлагаемого ресурса труда, несмотря на то, что данные показывают рост доли экономически активного населения. Причина проста: если до 2011 года на рынок труда выходила та часть трудовых ресурсов, рождение которой пришлось на 80-е, когда шел активный прирост рожденного населения, то в настоящее время пришло время начала трудовой

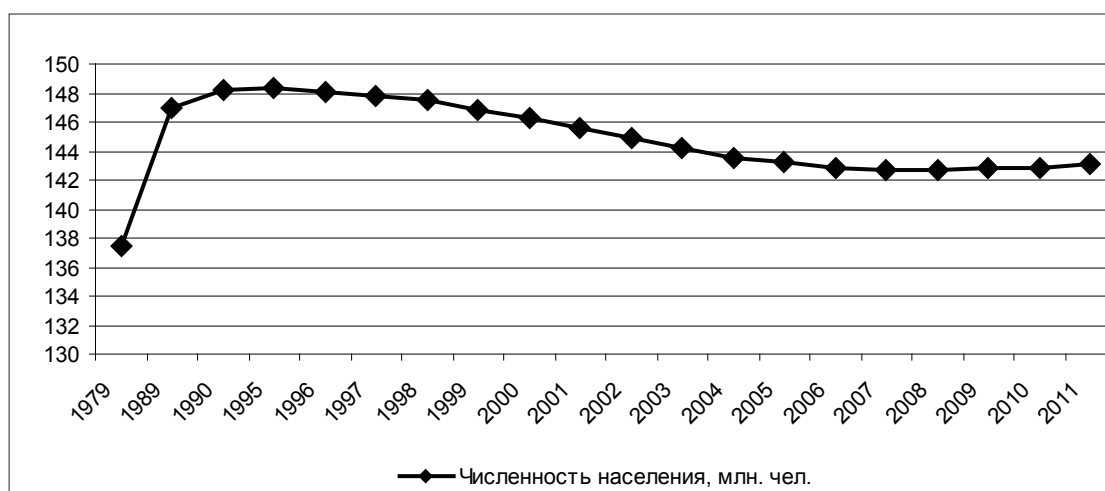

Рис. 1. Изменение численности населения в России в 1979-2011 гг. (составлено по данным Росстата [9]).

карьеры поколений начала 90-х, эпохи экстремального за послевоенный период падения рождаемости. Это не означает, что безработица исчезнет как явления, так как она порождается разными причинами и имеет разные формы. Но при параллельном процессе старения населения у работодателей возникает насущная необходимость поиска работников и изменения условий найма. Отсюда все увеличивающееся давление на законодательные органы, Правительство и миграционную службу по поводу смягчения трудового законодательства при увольнениях, расширение границ рабочего времени, легализации ввоза мигрантов. Параллельный процесс – создания качественных рабочих мест, обуславливает необходимость снижения средней нормы прибыли, отхода от «серых» схем и ужесточение требований к качеству государственного управления. Все это представляется многим представителям бизнес-сообщества малопродуктивным. Тем более что за предыдущие десятилетия экономия на работниках и фонде заработной платы стала повсеместным явлением, включая бюджетные учреждения. Несмотря на многочисленные сетования на низкую производительность труда, достаточно сопоставить такие показатели как затраты на труд (в первую очередь на заработную плату; при учете совокупных затрат мы получаем еще больший разрыв) и производительность труда, и мы получаем что доходность труда работника для работодателя и общества в России значительно выше, чем в развитых странах. Все чаще появляются подтверждающие это исследования (например, Родионова Н., 2013[2]).

Ситуация сокращения предложения труда характерна и для региональных рынков, но в рамках конкретных территорий она имеет свою специфику. Общими тенденциями для российской экономики с начала 90-х годов является падение уровня производства и занятости, нестабильность и рост безработицы. Практически отсутствуют регионы, которые не столкнулись с данными явлениями. Однако, положение в одних является относительно приемлемым, а ситуация в других характеризуется как крайне неблагоприятная и требующая применения специальных мер регулирования.

Аксиоматичным является утверждение, что предложение на рынках труда формируется домохозяйствами, поведение которых определяется как объективными показателями (например, численность трудоспособного населения, его структура), так и субъективными (в частности, желание трудоустройства).

При анализе параметров предложения труда в конкретных регионах можно столкнуться с двумя группами показателей, которые условно можно разделить на показатели количественного плана и качественного плана. Первые могут продемонстрировать нам объем совокупного и текущего предложения, что важно с точки зрения оценки располагаемого конкретным регионом человеческого ресурса. В рамках экономической теории объем располагаемых ресурсов всегда расценивается как потенциальное конкурентное преимущество. Поэтому чем обширнее численность населения региона, тем выше вероятность при прочих равных условиях

его успешного развития. Формально это правило подтверждается показателями развития Москвы, Санкт-Петербурга, Нижегородской области. Но равенство условий в экономическом развитии – ситуация практически несоблюдаемая, и поэтому мы можем наблюдать и в международной практике, и внутри страны наличие регионов, которые при большой численности населения занимают весьма скромные позиции в системе экономических и социальных показателей. Это обуславливает исследовательский интерес к группе качественных показателей предложения труда, среди которых уровень образования, возрастная, профессиональная структура населения, уровень мобильности. Неслучайно в рамках целой совокупности экономических школ в модели экономического роста стали вводить качественные характеристики населения. При этом количественная сторона предложения труда более очевидное и отслеживаемое явление, что и заставляет нас остановиться в рамках данной статьи на этой стороне проблемы.

Количественно предложение труда характеризуется численностью экономически активного населения, то есть тем населением, которое находится в трудоспособном возрасте или за его пределами и имеет место работы или активно занимается его поисками. Такая трактовка всегда давала возможность выделить совокупное предложение труда, включающее все экономически активное население, а уже затем в его структуре выделились занятые и безработные.

Начиная с 1992 года, который считается началом перехода к рыночной экономике в нашей стране, численность экономически активного, равно как и численность занятого населения в Орловской области, наглядно демонстрирует склонность к сокращению с некоторыми чередующимися спадами и подъемами (рисунок 2). Точки явного спада приходятся на 1997-1998 гг., а также 2008-2010 гг., что явно совпадает с годами экономических кризисов. Параллельно с этими тенденциями замечен рост безработицы, особенно незарегистрированной, пики которой также приходятся на кризисные годы.

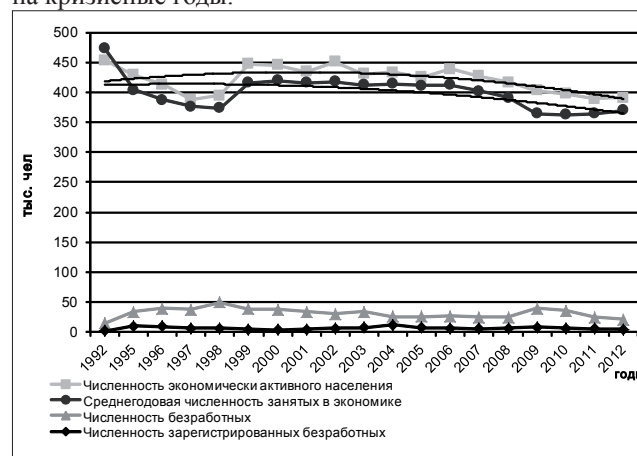

Рис. 2. Изменение численности экономически активного занятого и безработного населения в Орловской области в 1992-2012 гг. (составлено по данным Росстата [9]).

В отличие от общероссийских показателей динамика колебаний экономически активного населения

является боле резкой и ее тенденции практически абсолютно аналогичны динамике занятости. Это не является типичным, поскольку кризис часто меняет структуру данной группы, перераспределяя доли между занятыми и безработными, но не вызывает массовый отток части работников в сегмент экономически неактивных лиц. Фактически же мы можем констатировать снижение экономической активности лиц в Орловской области в периоды кризиса помимо общего тренда, связанного с уменьшением данного населения в целом.

И если сокращение занятости вполне укладывается в прокрустово ложе сокращения рабочих мест, то изменение численности экономически активного населения в Орловском регионе можно объяснить целым рядом факторов. Во-первых, в период нарастания кризисных явлений с рынка труда уходят те лица, у которых меньше возможности трудоустроиться в силу возрастных или иных причин. Отчасти это явление в теории рынка труда получило название эффекта отчаявшегося работника (*discouraged effect*) [3,5]. Международная организация труда (МОТ) относит эту категорию к неактивному населению и не разрабатывала ее детальной характеристики [4]. В иных странах, например, в США, Бюро статистики труда относит к таким тех лиц, которые могут и умеют работать, искали работу в течение последних 12 месяцев, но затем отказались от попыток, так как считают, что у них нет шансов трудоустроиться с учетом приемлемой заработной платы. Они учитываются в одном из уровней безработицы – U-4 [6]. Аналогичным образом данная категория определяется Росстатом, в отчетности есть ее отражение в рамках выборочных обследований и аналитических отчетов. Наряду с МОТ Росстат учитывает данных лиц в рамках неактивного на рынке труда населения.

В 2012 года в Орловской области зафиксировано 3 тыс. человек, которые отчаялись найти работу (это отнюдь не наименьшая численность в ЦФО за данный период), а по итогам второго квартала 2013 года таких лиц зафиксировано уже 4 тысячи человек [9]. Эти показатели ниже, чем в среднем по Центральному федеральному округу, но выше, чем по России в целом. Более того, представленные данные в сравнительном контексте свидетельствуют, что общая численность таких лиц не всегда напрямую связана с ситуацией в регионе. Так в 2012 году в Московской области ситуация выглядит по данному показателю благополучнее, чем в Москве, а в менее развитой Брянской лучше, чем в перспективных Калужской и в Белгородской.

Одним из главных факторов, воздействующих на тенденцию снижения общей численности экономически активного населения, является сокращение населения региона в целом. Как показывают данные Росстата, количество жителей Орловской области за рассматриваемый период уменьшилось более чем на 130 тысяч человек (рисунок 3). По отношению к общей численности населения Орловской области это, по сути, катастрофическое изменение – практически на 15 %. При этом в конце 80-начале 90-х годов (практически по 1995) область прирастала населением в отличие от ана-

логичных показателей в целом по стране. Рост шел во многом за счет мигрантов из других регионов, а затем русскоязычного населения из бывших республик СССР. Но с 1996 года тренд сменился и его динамика с тех пор является неизменной. Более того, экспонента показывает отсутствие позитивных изменений в тенденции. Снижение численности – прямой результат отрицательного сальдо естественного прироста и, в последнее время – возникшего отрицательного сальдо миграции (в 2010 и 2012 гг.)

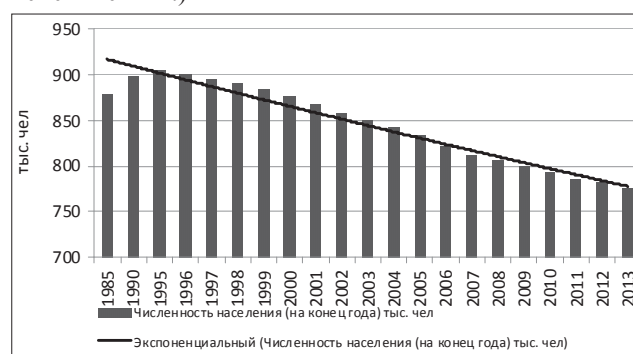

Рис. 3. Динамика численности населения Орловской области в 1995-2013 гг. (на 1 января каждого года, составлено по данным Росстата [9]).

Близкое расположение территории к Москве и Московской области (столичным регионам) способствует оттоку кадров трудоспособного возраста. Это может быть объяснено существенным различием в оплате труда, потенциальным качеством трудоустройства и сравнительной степенью легкости поиска работы по специальности в столичном регионе, несмотря на очевидные издержки, связанные с наймом жилья и транспортными расходами. Последний фактор наиболее существенно стал сказываться в последние годы. Это заметно из динамики естественного и миграционного прироста населения. Пик естественной убыли пришелся на 2002 и 2005 годы. Более высок данный показатель в сельской местности, так как средний возраст жителей села выше из-за отъезда молодежи. В 2011 году он сократился до минимальной величины с начала 1991 года, но впервые фиксируется уменьшение населения не только за счет превышения уровня смертности над рождаемостью, но и за счет миграции в иные регионы страны. По данным Росстата 6,2 % занятого населения Орловской области в 2011 году работало за ее пределами. В 2012 году за пределами области работало уже 25,8 тыс. человек (6,97 %) [9]. Это двенадцатое место среди 35 наиболее подверженных данному явлению субъектов Федерации. Если в начале 90-х годов достаточно существенная часть населения региона выезжала за пределы страны (как в страны бывшего СССР, так и в дальнее зарубежье), то в 2000-е усилилась межрегиональная миграция. Данная тенденция косвенно свидетельствует об определенном разочаровании жителей области в возможности обеспечения качества жизни за счет нахождения рабочих мест по месту жительства с достойной оплатой труда и подходящими иными условиями. В наибольшей степени подвержены такому перемещению выпускники учебных заведений. Например,

отслеживание трудоустройства выпускников факультета экономики и управления ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» показывает, что в течение 3 лет после выпуска за пределами региона оказываются не менее 22% лиц, имеющих Орловскую область в качестве основного места проживания (есть еще и лица, которые изначально приехала в Орел на обучение из других регионов – Брянская, Курская область, северные регионы, страны СНГ и дальнего зарубежья, и которые в своем большинстве сразу же после выпуска покидают область). Основные места трудовой миграции – Москва и Санкт-Петербург.

Фактически данные по межрегиональной миграции показывают, что исключением в ЦФО является Москва, а по остальным регионам России – Санкт-Петербург, республика Коми, Вологодская, Мурманская, Тюменская (без автономных округов), Челябинская, Амурская, Сахалинская область, Краснодарский, Красноярский, Хабаровский края, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа. Безусловный приток кадров из регионов (более 51 %) обеспечивает Москва. Иными словами, население голосует ногами в пользу более благополучных в финансовом отношении территорий. Показатели роста доходов населения и изменения качества жизни практически не согласуются с направлениями внутренней миграции. В целом для России и ее центральных областей такая тенденция крайне опасна и свидетельствует о необходимости смены вектора экономической политики, включая налоговую, инвестиционную и социальную политику. Благополучие одного региона на фоне регресса других регионов ставят население в неравное положение, усиливают неравенство доходов регионов и фактически закрепляют территориальную сегрегацию. Закрепление за регионами финансовой ответственности за наиболее интересующие население общественные блага без достаточности финансовых ресурсов обуславливают также и неравномерность доступа к социальным благам, провоцирующее рост недовольства.

В тоже время следует иметь в виду, что снижение численности населения в Орловской области не существенно отражается на доле лиц, характеризующих уровень экономической активности населения, остающегося в регионе. Данный показатель единовременно существенно снизился в начале 90-х годов, что объясняется как трансформационными процессами, которые происходили в экономике, так и изменениями в системах статистического учета и нормативного регулирования занятости населения. Но в 2000-х годах он стабилизировался. Ее колебания находятся в параметрах от 64,4 в 2011 году до 67,4 в 2006 году. Это заметно и на линии тренда (рисунок 4).

Существенно меняется по периодам доля безработного населения. Особенно это заметно в кризисные периоды для общей численности безработных, которая возрастала более до 10 % от численности экономически активного населения (рисунок 5). Рост безработицы практически означает рост предложения на текущем рынке труда.

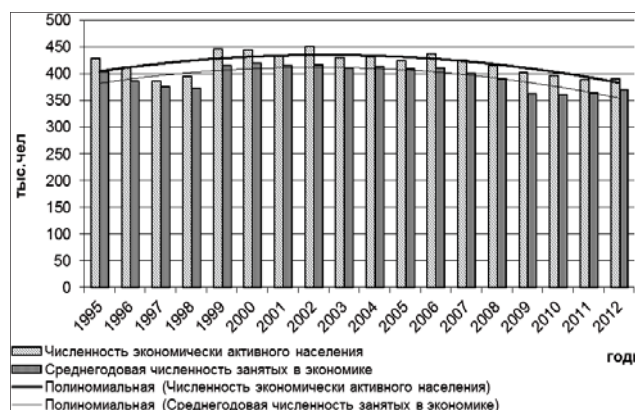

Рис. 4. Динамика численности экономически активного и занятого населения в Орловской области в 1992 – 2012 гг. (составлено по данным Росстата [9]).

Парадоксом представляется ситуация 1992 года на фоне последующих показателей, но следует помнить, что при переходе к рынку от полной занятости даже незначительное число безработных стало шоковым явлением для населения. Кроме того, достаточно длительный период времени российские предприятия формально сохраняли кадры, за счет неполного рабочего дня, неполной рабочей недели, выполняя социальную функцию по отношению к бывшим работникам.

Рис. 5. Динамика численности безработицы в Орловской области в 1992-2012 гг. (составлено по данным Росстата [9]).

Остальные тенденции практически однотипны с общероссийскими. Если 1998 год находится в общем тренде с показателями безработицы в стране в целом, то 2008 год, наоборот демонстрирует относительно низкий её уровень по сравнению с последующими 2009-2010 годом. На докризисный уровень безработица опустилась только в 2011 году. Объяснить динамику можно только изменениями в структуре рабочих мест и, соответственно, в занятости населения, включая существенное снижение доли работающих в индустриальном секторе. Исследователи ИМЭМО РАН (Королев И.С., 2013) выявили на основании расчётов слишком большой по сравнению как с развитыми странами, так и со странами БРИК вклад внутренней торговли в ВВП при вполне соразмерном вкладе обрабатывающей и добывающей промышленности [3]. Проведенные нами аналогичным образом расчёты показывают, что в Орловской области вклад торговли в ВРП оказывается ещё выше и его динамика более агрессивна. С точки зрения потенциального предложения труда – это есть явное препятствие для возможностей модернизации экономики региона, что и в дальнейшем будет способствовать оттоку населения в более активно развивающиеся регионы.

Несколько иначе смотрится зарегистрированная безработица, доля которой ниже общей в среднем в 5 раз и которая колеблется от 0,8 до 2,7 % по отношению

к экономически активному населению. На фоне общих показателей безработицы, которые в Орловской области сопоставимы со средними показателями по России, это может свидетельствовать об определенном уровне недоверия к официальным каналам трудоустройства, что подтверждается и данными опросов. В Орловской области только 17,7 % (по данным 2012 года) обращаются в службу занятости (ниже показатели только в Липецкой, Костромской, Смоленской и Рязанской областях по ЦФО). Это наименее популярный для орловчан способ поиска работы. Для примера – в Московской области в данный орган обращается более 52% безработных, в Ярославской – 48. В одной из наших работ мы уже отмечали, что в ряде стран низкий уровень обращения в службу занятости является косвенным свидетельством недостаточной эффективности ее работы [1]. За пятнадцать лет в этом плане мало что изменилось.

Наиболее популярный способ трудоустройства – через родственников, знакомых, друзей. К нему прибегают 76 % жителей региона. Выше показатель в ЦФО только в Брянской области [9]. Такая стратегия, по всей видимости, эффективна с позиций потенциальных работников, так как данные фиксируют одну из самых низких в Центральном федеральном округе продолжительностей поиска работы – 5,5 месяца (ниже только

в Костромской области – 5,2). Это указывает на относительно не очень напряженную ситуацию с возможностью трудоустройства, несмотря на то, что 19,5% безработных ищут работу более трех лет. Но также следует иметь в виду, что Орловская область среди регионов ЦФО имеет один из весьма высоких показателей лиц ищущих работу от 1 года до 3 лет (30,8 %). Это 7 место из 18 регионов, входящих в ЦФО. Эта тенденция имеет стремление к росту, что настораживает, поскольку длительный период безработицы сопряжен с дисквалификацией, и ухудшает качество человеческих ресурсов региона, не говоря о многочисленных неблагоприятных социально-психологических последствиях.

В целом же можно отметить, что количественные показатели предложения труда в Орловской области существенно ухудшились в постреформенный период, что снижает конкурентные преимущества региона. Региональные негативные тенденции, связанные с уменьшением численности населения, опережают общероссийские и тренд, и не только не имеет склонности к улучшению, но и показывает возможность дальнейшего ухудшения положения за счет отъезда наиболее активной и молодой части населения без изменения структуры экономики и качества трудоустройства.

Библиографический список

1. Аронова С.А. Рынок труда: становление и функционирование в регионе. Орел: ВКЦ, 1998.
2. Королев И. Неопределённость мирового экономического развития: риски для России.// Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 4: С. 3-10.
3. Родионова Н. Взаимосвязи между экономической политикой и макроэкономическими переменными на примере качества жизни //Человек и труд. 2013; № 5-6: С. 34-41.
4. Роулин С.Ю., Разумова Т.О. Экономика труда. М., ИНФРА-М, 2000.
5. ILO. Key Indicators of the Labour Markets. Geneva: International Labour Office: Geneva, 2002.
6. Sapsford D., Tzannatos Z. The economics of the labor market. London: Macmillan, 1993.
7. <http://www.bls.gov>
8. <http://www.gks>

References

1. Aronova S.A. Labour Market: formation and functioning in the region. Orel: VKC, 1998.
2. Korolev I.S. Uncertainty of World Economic Development: Risks for Russia.// World economy and international relations. 2013; 4:3-10.
3. Rodionova N. The relationship between economic policy and macroeconomic variables on the example of the quality of life // People and work. 2013; 5-6: С. 34-41.
4. Roshchin S.U., Razumova T.O. Labour Economics. M., INFRA-M, 2000.
5. ILO. Key Indicators of the Labour Markets. Geneva: International Labour Office: Geneva, 2002.
6. Sapsford D., Tzannatos Z. The economics of the labor market. London: Macmillan, 1993.
7. <http://www.bls.gov>
8. <http://www.gks>

УДК 51-7:303.72:004.942:378.12

UDC 51-7:303.72:004.942:378.12

Е.В. БАРБАШОВА

соискатель кафедры менеджмента и управления народным хозяйством Российской академии народного хозяйства и государственной службы
E-mail: work.67@mail.ru

E.V. BARBASHOVA

competitor of the Department of Management and Economic Management Russian Academy of National Economy and Public Service
E-mail: work.67@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ВПО С ПОМОЩЬЮ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

VPO SYSTEM AGENCIES STAFF DEVELOPMENT MODELLING WITH EXPERT-ANALYTICAL TECHNOLOGIES

Статья посвящена актуальным вопросам моделирования оценки персонала высших учебных заведений на основе метода анализа иерархий Т. Саати с помощью новейших информационно-аналитических технологий: Expert Decide 2.2 и Expert Solution 1.0. Дано описание принципа работы в данных экспертно-аналитических системах, выявлены различия в их применении.

Рассмотрены примеры решения управленческой задачи оценки персонала вуза с помощью данных экспертно-аналитической систем.

Ключевые слова: моделирование, оценка персонала, экспертно-аналитическая система, иерархия, эксперты.

The article is devoted to topical issues of modeling evaluation of higher educational institutions on the basis of the analytic hierarchy T. Saaty with the aid of the latest information and analysis technologies: Expert Decide 2.2 and Expert Solution 1.0. A description of the principle of operation in these expert-analytical systems revealed differences in their application.

The examples of managerial tasks of the university staff estimates using data from expert and analytical systems.

Keywords: modeling, evaluation of personnel, expert-analytical system, the hierarchy, the experts.

Важным аспектом исследований инновационного потенциала учреждений ВПО является всесторонний мониторинг кадровых ресурсов, направленный на проведение анализа эффективности деятельности персонала, прогноз развития структуры, интеллектуального уровня, профилирования и перепрофилирования кадрового потенциала. Очевидно, что аналитическая и прогнозная деятельность возможна только по результатам формирования модели специалиста учреждений ВПО. Как следствие, актуальной является задача оценивания приоритетности основных факторов, определяющих компетентность специалиста сферы ВПО, в зависимости от занимаемой должности, а также разработка методик определения соответствия специалиста типовым профессиограммам.

Валидным методом оценки приоритетности основных факторов, определяющих деятельность специалиста сферы ВПО, являются методы экспертного оценивания, а инструментом оценивания – современные информационно-аналитические технологии. Эффективность информационного обеспечения формирования и развития персонала системы профессионального образования может быть достигнута с помощью экспертно-аналитических технологий на базе метода анализа иерархий [6] и систем поддержки принятия решений Expert Decide 2.2 [3] и Expert Solution 1.0 [5], обеспечивающих получение количественной информа-

ции при наличии качественных факторов.

Метод анализа иерархий, предложенный американским математиком Т. Саати [6], является одним из подходов, обеспечивающим согласование концептуального, стратегического и оперативного (тактического) уровней анализа. Этот метод, основанный на теории иерархических систем и обратносимметрических матриц, позволяет «преобразовывать» качественные субъективные оценки эксперта в количественные отношения между приоритетами критериев, акторов, их целей, альтернатив оценок, сценариев развития событий, которые носят объективный характер. В отличие от многих других экспертных методов, метод анализа иерархий (МАИ) является моделью естественного хода человеческого мышления, создающего концепцию и структуру сложной проблемы, учитывает психологические особенности поведения человека в процессе принятия решения, что во многом предопределяет успех его использования для решения задач с неопределенностью относительно количественной оценки приоритетов элементов иерархической модели.

Важно, что метод анализа иерархий является приемом решения задач выбора решения в условиях неопределенности, когда критерии выбора не могут быть измерены в количественной форме. Основоопределяющим здесь является следующее положение метода: качественные сравнения экспертами

парной значимости элементов (субъективные суждения) могут быть преобразованы в количественные соотношения между ними, при этом они будут отражать объективную реальность.

С гносеологических позиций в МАИ следует различать два типа иерархических моделей [8]:

1. концептуальная, или общая, представляющая собой иерархическую структуру проблемы с учетом ситуации;
2. конкретная, или информационная, получаемая в результате «наполнения» концептуальной модели экспертными знаниями.

В простейшем варианте концептуальная модель любой слабоструктурированной проблемы, к которым относится также оценка персонала, включает три иерархических уровня: фокус (цель) иерархии, систему оценочных критериев на следующем иерархическом уровне и альтернативы управленческого решения, составляющие нижний уровень иерархии [8]. В МАИ экспертам предлагается решать отдельные задачи парного сравнения критериев и альтернатив, в результате которых создается информационная модель проблемы.

Практическому применению МАИ способствует система поддержки принятия решений СППР Expert Decide 2.2, предназначенная для проведения опроса групп экспертов в интерактивном режиме. СППР Expert Decide, наряду с реализацией расчетных и графических функций в автоматическом режиме, выполняет некоторые аналитические функции, предоставляя эксперту возможность оперативного просмотра результатов, полученных другими экспертами, оценки степени их близости или же, напротив, различия.

Возвращаясь к задаче оценки персонала, следует подчеркнуть, что в организации прежде всего оцениваются не сами работники, наделенные потенциальными деловыми качествами, а их деятельность, реализация потенций в процессе выполнения трудовых обязанностей, итогом которой являются конкретное рабочее поведение и результаты труда [2].

Очевидно, что для оценки желаемого (стандартного) соотношения деловых и личностных качеств персонала учреждений системы высшего профессионального образования необходимо построить концептуальную древовидную иерархическую модель оценки деятельности персонала со следующими уровнями:

- первый уровень (фокус) – оценка персонала;
- второй уровень – компоненты оценки, группы критериев.
- третий уровень – качества (критерии оценки деятельности) персонала.

В данной работе в качестве примера использования СППР Expert Decide 2.2 нами предлагается модель персонала учреждений системы ВПО, предполагающая оценку следующих сторон его деятельности:

1. научная деятельность, критериями оценки которой являются качество и количество научных трудов, их практическая значимость, индекс цитируемости, степень внедрения в учебный процесс (результативность исследований), научное руководство аспирантами и соискателями;
2. учебная деятельность со следующими критериями оценки: доходчивость и убедительность преподавания, качество организации учебных занятий, применяемые методы обучения, средства и методы оценки знаний студентов, уровень применения в обучении инновационных технологий;
3. организационная деятельность: подготовка и проведение конференций, олимпиад, подготовка студентов к участию в различных научных и методических мероприятиях, участие в работе комиссий, советов и т.п.;
4. методическая деятельность, оцениваемая по количеству и качеству различной методической литературы, степени ее инновационности.

Следует заметить, что, во-первых, это далеко не полный список критериев оценки, во-вторых, в данном случае мы рассматриваем не конкретную должность, а абстрактную единицу персонала вуза.

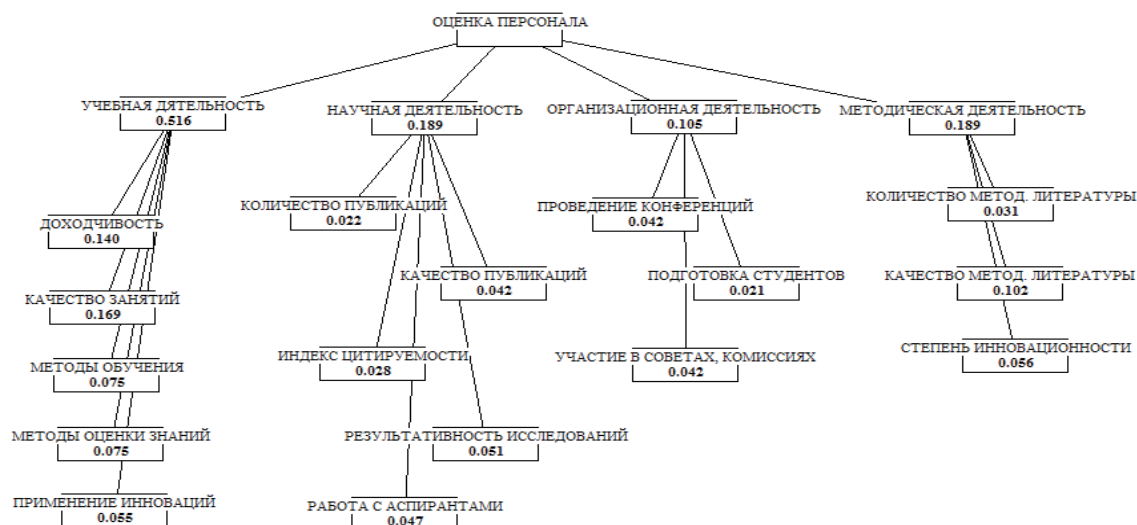

Рис. 1. Модель оценки персонала вуза.

Рисунок 1 иллюстрирует сгенерированную в СППР Expert Decide 2.2 древовидную иерархическую модель оценки персонала вуза, основанную на мнении одного эксперта (на самом деле экспертов может и должно быть несколько). Мы видим, что учебная деятельность, по мнению эксперта, превалирует с весом 0,516 над другими видами деятельности: научной (вес 0,189), методической (вес 0,189) и организационной (вес 0,105), т.е. имеет приоритет.

Теперь рассмотрим каждую группу критериев (рис. 1). В учебной деятельности персонала вуза, по мнению эксперта, наиболее важным критерием из представленных является качество организации проведения занятий с весом 0,169. Доходчивость и убедительность преподавания стоит на втором месте с весом 0,140. Далее идут применяемые методы обучения, средства и методы оценки знаний студентов с весами по 0,075. Замыкает ранжирование в этой группе критериев уровень применения в обучении инновационных технологий (вес 0,055).

В научной деятельности персонала вузов самым важным критерием явилась степень внедрения научных публикаций в учебный процесс (другими словами, результативность научных исследований) с весом 0,051, далее идут в порядке убывания: научное руководство аспирантами и соискателями – вес 0,047, качество научных публикаций – вес 0,042, индекс цитируемости – вес 0,028 и количество научных публикаций с весом 0,022.

В организационной деятельности эксперт на первое место по важности поставил подготовку и проведение конференций, олимпиад, а также участие в работе комиссий, советов и т.п. с весами по 0,042, наименее важна в этой группе критериев подготовка студентов к участию в различных научных и методических мероприятиях с весом 0,021.

И, наконец, в методической деятельности самым важным критерием явилось качество различной методической литературы с весом 0,102, далее идет степень ее инновационности с весом 0,056 и замыкает ранжирование количество методической литературы – вес 0,031.

Данная иерархия может иметь статус «стандарта», с которой сравнивается оцениваемый персонал вуза. Другими словами, задача сводится к сравнению векторов приоритетов (весов) для стандарта, с одной стороны, и оцениваемого – с другой. Можно сравнивать, например, нескольких претендентов на должность, ис-

пользуя иерархию критериев, отражающих требования к кандидатам. Величина отклонения векторов претендентов от стандарта служит основанием для принятия решения.

Теперь рассмотрим применение другой экспертно-аналитической системы для решения задачи оценки персонала вузов – Expert Solution 1.0. Дело в том, что основным недостатком МАИ является то, что в рамках метода не учитываются обратные связи и взаимодействие между элементами иерархии. Этот недостаток устранен в методе аналитических сетей (МАС) [7], частным случаем которого является метод аналитических иерархий.

Expert Solution 1.0 – это экспертная система поддержки принятия решений в соответствии с теорией метода анализа иерархий и метода аналитических сетей Т. Саати. Метод аналитических сетей (МАС) является обобщением метода анализа иерархий на случай, когда взаимодействием иерархических уровней (компонентов) и/или их элементов нельзя пренебречь. В системе Expert Solution используется сетевая модель, в которой уровни критериев и альтернатив рассматриваются как компоненты, связанные прямой и обратной связями, при этом предполагается, что и критерии, и альтернативы являются независимыми (не взаимодействуют друг с другом).

В отличие от Expert Decide 2.2, в Expert Solution 1.0 возможно не только составление прямой иерархии, но также обратной иерархии и получение результатов синтеза. Синтез иерархии происходит в соответствии с теорией принятия решений Т. Саати после усреднения мнения всех экспертов. После того как эксперты провели работу с прямой и обратной иерархией, программа синтезирует сетевую модель с помощью метода аналитических сетей (МАС). Результатом такого синтеза являются векторы приоритетов альтернатив и критериев.

В настоящее время актуальной является задача оценивания приоритетности основных факторов, определяющих инновационную составляющую деятельности персонала сферы ВПО, в зависимости от занимаемой должности. Приведем пример результатов опроса экспертов относительно приоритетности групп критериев для процедуры оценки персонала вуза [1, 4]. Этими группами критериев являются: учебная, методическая, научная и организационная работа. В качестве атте-

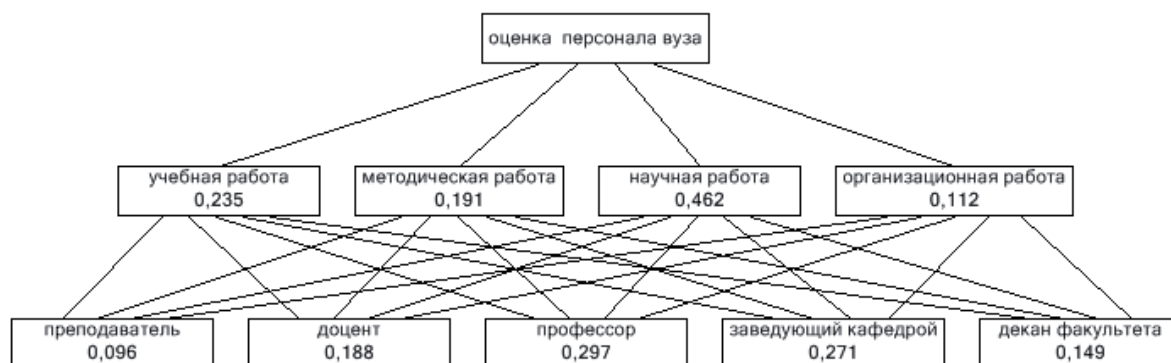

Рис. 2. Прямая иерархическая модель оценки персонала вуза.

ствуемых или «альтернатив» выбраны следующие должности ППС вуза: преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой и декан факультета. Очевидно, что приоритеты указанных групп критериев будут различными для специалистов, выполняющих различные функции и занимающих ту или иную ступень в иерархии должностей.

Результатом опроса пяти экспертов явилось построение прямой (рис. 2) и обратной (рис. 3) иерархий.

Экспертам в данном случае предлагалось оценить альтернативы и группы критериев с точки зрения инновационности, т.е., например, в прямой иерархии решалась следующая задача: насколько инновационными для каждой из должностей ППС вуза являются та или иная группа критериев – учебная, методическая, научная или организационная работа. Так, в рассматриваемом примере наибольший приоритет получила научная работа – 0,462, далее идут учебная и методическая работа с приоритетами 0,235 и 0,191 соответственно и замыкает ранжирование организационная работа с приоритетом 0,112 (рис.2). Эксперты на первое место по инновационности поставили должность профессора с приоритетом 0,297, следом идет заведующий кафедрой с весом 0,271, далее доцент с весом 0,188, декан факультета с весом 0,149 и замыкает ранжирование преподаватель с весом 0,096. Другими словами, наиболее «инновационна» среди сравниваемых должностей в вузе деятельность профессора, наименее – преподавателя.

Таким образом, общим результатом прямого экспертно-аналитического моделирования является

оценка персонала вуза по группам деятельности. Но в прямой иерархии не учитывается влияние критериев на каждую из альтернатив. Эта задача решается путем построения и наполнения экспертными знаниями модели обратной иерархии, в которой на нижнем уровне рассматриваются виды деятельности персонала в вузе, а на среднем уровне – должности персонала вуза (рис.3).

Пример наполнения экспертными знаниями обратной иерархической модели представлен на рис. 3. В обратной модели экспертам предлагалось сравнить попарно между собой сначала альтернативы – должности ППС вуза, а затем для каждой из должностей сравнить попарно виды деятельности. Здесь, как в прямой иерархии, акцент в оценивании эксперты производили на инновационности каждого вида деятельности персонала вуза.

В результате наполнения экспертными знаниями обратной иерархии выявлено, что учебная работа имеет по приоритетности некоторое преимущество перед остальными видами деятельности в вузе, ее вес 0,293 ненамного превышает вес научной работы – 0,249, далее, как и прямой иерархии, идет методическая работа с весом 0,244 и замыкает линейку ранжирования организационная работа с весом 0,213.

Профессор и заведующий кафедрой, по мнению экспертов, имеют одинаковые приоритеты в обратной иерархии – по 0,341 (рис. 3), далее идет декан факультета с весом 0,129, затем с небольшим отрывом доцент с весом 0,127 и замыкает ранжирование преподаватель с весом 0,061.

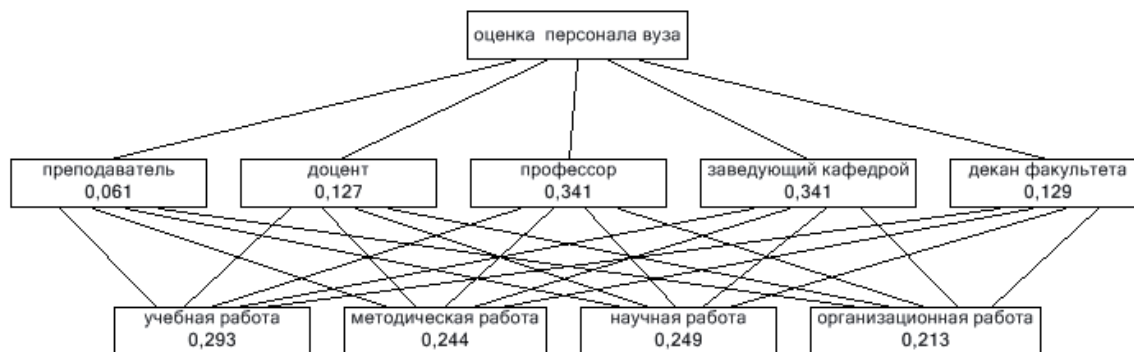

Рис. 3. Обратная иерархическая модель оценки персонала вуза.

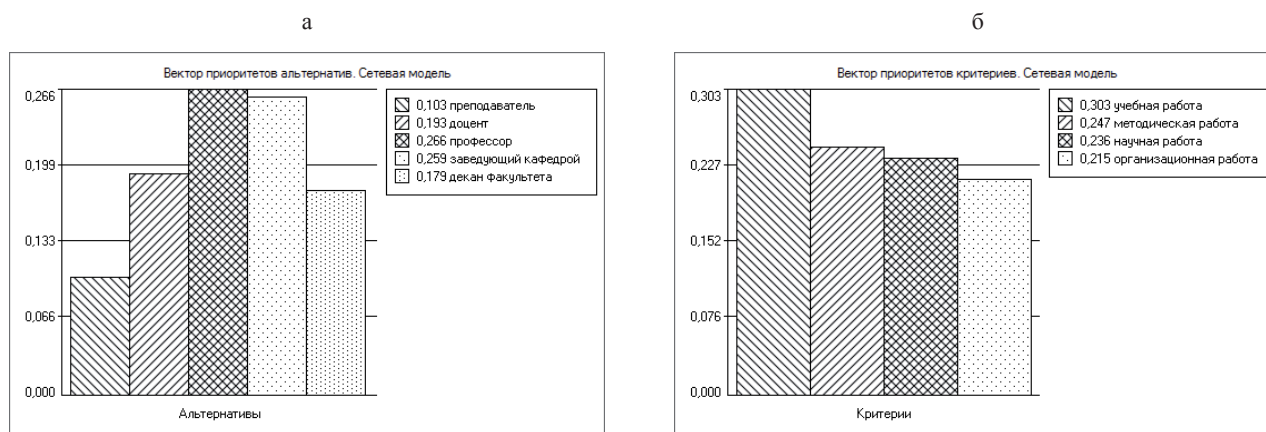

Рис. 4. Результаты синтеза сетевой модели оценки персонала инновационного вуза: а – вектор приоритетов альтернатив; б – вектор приоритетов групп критериев.

В результате работы экспертов по прямой и обратной иерархиям лицо, принимающее решение (ЛПР), получает возможность сравнивать приоритеты критериев и альтернатив, но и этого недостаточно для надежности принятия решения, поскольку и прямая, и обратная иерархические модели не учитывают взаимовлияния иерархических уровней. Этот недостаток преодолевается в сетевой модели, в которой уровни критериев и альтернатив рассматриваются как компоненты, связанные прямой и обратной связями. При этом достаточно использовать данные, полученные в результате реализации прямой и обратной иерархических моделей.

В результате синтеза сетевой модели в рассматриваемом случае были получены следующие результаты – рис. 4.

Рис. 4 а иллюстрирует распределение приоритетов альтернатив сетевой модели оценки персонала инновационного вуза. Видно, что приоритет имеет должность профессора – его значимость 0,266. С небольшим отрывом

от профессора идет заведующий кафедрой с приоритетом 0,259, далее доцент – приоритет 0,193, декан факультета – приоритет 0,179 и преподаватель – приоритет 0,103.

В сетевой модели по инновационной составляющей деятельности персонала вуза лидирует учебная работа – вес 0,303, далее идет методическая работа с весом 0,247, затем с небольшим отрывом научная работа с весом 0,236 и замыкает ранжирование организационная работа с весом 0,215 (рис 4 б).

В данной работе приведен пример решения задачи оценки персонала вуза средствами программы Expert Solution 1.0 укрупненно, по группам критериев деятельности персонала вуза. Для более детальной оценки персонала необходимо выявлять мнения экспертов внутри каждой группы критериев по каждому из них, как это было сделано в примере, иллюстрирующем применение Expert Decide 2.2 для оценки персонала вуза.

Библиографический список

1. Барбашова Е.В., Ажлуни А.М. Оценка персонала инновационного вуза на основе экспертно-аналитических технологий // Регион: системы, экономика, управление. 2012. № 2 (17). С.109-116.
2. Барбашова Е.В., Довлетмурзаева М.А. Инновационные механизмы управления персоналом организации // Наука и образование. Новые технологии. Межвуз. сб. науч. трудов. Вып.1 «Экономика и образование». М.: ИИЦ МГУДТ, 2003. С.67-76.
3. Кузнецов А.И., Шуметов В.Г. Expert Decide для Windows 95, 98, NT, 2000, Me. Версия 2.2. Руководство пользователя. Орел: ОРАГС, 2001. 44 с.
4. Покровский А.М., Барбашова Е.В. Применение экспертно-аналитической системы Expert Solution 1.0 для оценки персонала инновационного вуза // Инновации и инвестиции. 2013. № 1. С.46-50.
5. Покровский А.М. Экспертные методы поддержки принятия решений: теория, технологии, инструментарий (монография). М.: Изд-во «Риалтекс», 2012. 240 с.
6. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М.: Радио и связь, 1993. 288 с.
7. Саати Т. Принятие решений при зависимостях и обратных связях: Аналитические сети. Пер. с англ. / Науч. ред. А.В. Андрейчиков, О.Н. Андрейчикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 360 с.
8. Шуметов В.Г. Управление инновационным процессом в хозяйственной системе на основе современных информационных технологий / Под общ. ред. проф. А.Ю. Егорова. М.: Изд-во «Палеотип», 2004. 286 с.

References

1. Barbashova E.V., Azhluni A.M. Staff evaluation of innovative high school on the basis of the expert-analytical technologies // Region: Systems, Economics, Management. Voronezh. 2012. No. 2 (17). P. 109-116.
2. Barbashova E.V., Dovletmurzaeva M.A. Innovative mechanisms of personnel management // Science and Education. New Technology. Intercollege. Sat Scientific Works. Issue 1 "The Economy and Education". Moscow: MGUDT, 2003. – P. 67-76.
3. Kuznetsov A.I., Shumetov V.G. Expert Decide for Windows 95, 98, NT, 2000, Me. Version 2.2. User's Guide. Oryol: ORAGS, 2001. 44 p.
4. Pokrovsky A.M., Barbashova E.V. The use of expert-analytical systems Expert Solution 1.0 for personnel evaluation innovative university // Innovation and investment. 2013. No. 1. P. 46-50.
5. Pokrovsky A.M. Expert Methods of Decision Support: Theory, Technology, Tools (monograph). Moscow: Publishing house "Rialteks", 2012. 240 p.
6. Saaty T. Decision-making. The Method of Analysis of Hierarchies. Moscow: Radio and Communication, 1993. 288 p.
7. Saaty T. Decision-making in the Dependence and Feedback: The Analytic Network / Scientific Ed. A.V. Andreychikov, O.N. Andreychikova. – Moscow: LKI, 2008. 360 p.
8. Shumetov V.G. Management of the Innovation Process in the Economic System Based on Modern Information Technology / Ed. prof. A.Y. Yegorov. – Moscow: Publishing House of the "Paleotypes", 2004. 286 p.

УДК 377.5:331.108.4:338.436.33 (470.319)

UDC 377.5:331.108.4:338.436.33 (470.319)

О.Ю. ГРИШАЕВА

*старший преподаватель кафедры статистики и экономического анализа деятельности предприятий Орловского государственного аграрного университета
E-mail: pervych@mail.ru*

O.Y. GRISHAEVA

*senior lecturer, Department of statistics and economic analysis of enterprises activity OrelSAU
E-mail: pervych@mail.ru*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF STAFF TRAINING SYSTEM FOR THE AGRARIAN SECTOR OF ECONOMY OF OREL REGION

Одной из причин недостаточно эффективного развития сельского хозяйства является дефицит квалифицированных кадров, вызванный низким уровнем и качеством жизни в сельской местности. Необходимо совершенствование кадровых отношений, наполнение их рыночными принципами и критериями для повышения престижности сельскохозяйственного труда и авторитета кадров рабочих профессий.

Ключевые слова: сельское хозяйство, кадровая политика, система дополнительного и непрерывного профессионального образования, кадровый потенциал, квалифицированные кадры рабочих профессий.

One of the reasons of insufficiently effective development of agriculture is the deficiency of qualified personnel caused by low level and quality of life in rural areas. It is necessary to improve the personnel relations and to fill them with their market principles and criteria for increase of prestigious of agricultural work and authority of working professions staff.

Keywords: agriculture, staff policy, the system of complementary and continuous professional education, staff potential, qualified staff of working professions.

В настоящее время в рамках реализации стратегии инновационного развития и повышения конкурентоспособности аграрного сектора экономики особое значение имеет эффективное использование трудового потенциала.

Формирование в сельском хозяйстве надежной системы обеспечения кадрами, эффективного механизма ее регулирования и на этой основе обеспечение устойчивого развития аграрного сектора – одна из приоритетных и наиболее острых общегосударственных проблем. В то же время, несмотря на предпринимаемые в последние годы меры по стабилизации кадровой ситуации, положительных качественных изменений в обеспечении аграрного сектора квалифицированными рабочими кадрами не произошло. Сельское хозяйство по-прежнему остается практически единственной отраслью, где удельный вес кадров, имеющих профессиональное образование, за последнее десятилетие не увеличился. [7]

Все это обуславливает необходимость комплексного подхода к решению проблемы формирования системы обеспечения сельского хозяйства высококвалифицированными кадрами, в том числе кадрами рабочих профессий.

В процессе аграрных преобразований существенно снизились социально-профессиональные показатели кадрового обеспечения по уровню образования, возрасту, стажу, возросла текучесть кадров. Наряду с этим, крайне низким остается использование потенциала под-

готовленного кадрового резерва, неэффективна система непрерывного и дополнительного профессионального образования. Негативные тенденции современного положения кадрового обеспечения отраслей АПК характеризуются следующими тенденциями: постоянно уменьшается численность кадров АПК: за 2000-2012 гг. среднегодовая численность занятых в сельскохозяйственном производстве Орловской области сократилась на 34,2% [11]; прослеживается «старение» кадров: растет доля лиц пенсионного возраста (в 1991 г. – 2,6%, в 2012 г. – 6,3%). [11] Существует разница между числом желающих работать в сельском хозяйстве и кадровыми потребностями АПК. Сегодня 47,9% выпускников учреждений начального профессионального образования аграрной сферы, обучающихся за счет средств федерального бюджета, трудоустраивается в сельскохозяйственные организации, что сдерживает процесс качественного обновления их кадрового потенциала; 9% выпускников были призваны в ряды Вооруженных сил РФ; на селе крайне недостаточно квалифицированных кадров рабочих профессий.

Это обусловлено низкой привлекательностью отрасли в целом и недостаточностью информации у молодых специалистов о возможности самореализации в АПК.

В целях совершенствования системы обеспечения сельскохозяйственного производства кадрами и повышения качества их подготовки целесообразно создать

условия для развития системы непрерывного агрообразования, введение прикладного бакалавриата, развивать систему целевого набора, совершенствовать процесс обучения и увеличивать степень заинтересованности будущих выпускников в развитии АПК региона.

В связи с вступлением в законную силу с 01.09.2013г. ФЗ-273 от 29.12.2012г. «Об образовании в Российской Федерации» необходимо отметить, что профессиональное обучение можно получить не только на производстве, но и в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в учебных центрах профессиональной квалификации и на производстве, а также в форме самообразования.[1] В соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2012г. №599 «О мерах реализации государственной политики в области образования и науки» поставлена задача создать на базе среднего (полного) общего образования, в том числе путем преобразования существующих учреждений начального и среднего профессионального образования, многофункциональные центры прикладных квалификаций. Создание таких центров позволит обеспечить подготовку квалифицированных рабочих кадров с учетом потенциальных потребностей регионального рынка труда в кадрах, возможностей удовлетворения этих потребностей существующей сетью профессионального образования, а также осуществлять подготовку квалифицированных кадров для приоритетных и социально-значимых отраслей экономики.[6]

На федеральном уровне действуют программы, направленные на повышение эффективности использования материально-технических и кадровых ресурсов. В рамках III этапа ФЦП «Социальное развитие села до 2013г.» предполагается повышение уровня и качества жизни сельского населения, улучшение демографической ситуации и формирование высокопрофессиональных трудовых кадров села в целях обеспечения устойчивого развития сельских территорий.[2] В рамках государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 - 2020 годы неперенными условиями развития сельского хозяйства являются сохранение и привлечение новых трудовых ресурсов. Для этого предусмотрено строительство нового жилья (в том числе для молодых семей и специалистов) и объектов социально-инженерной инфраструктуры села.[4,5]

В рамках реализации федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года» предусматривается осуществление мероприятий по улучшению жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности, в том числе молодых семей и молодых специалистов; развитие социальной и инженерной инфраструктуры в сельской местности.[3]

В связи с вышесказанным, мы считаем необходимым на региональном уровне разработать и принять к реализации комплекс мер, увязанных в Областную целевую программу «Обеспечение организаций АПК кадровым потенциалом». Программа направлена на ре-

конструкцию и модернизацию кадрового состава АПК Орловской области, в первую очередь квалифицированных кадров рабочих специальностей, что является проблемой регионального значения, которая требует незамедлительных решений по созданию и реализации механизма воспроизводства кадрового потенциала отрасли, повышение его качественного профессионального состава в соответствии с быстроменяющимися потребностями рынка.

В процессе разработки основных направлений реализации программы, необходимо использовать передовой опыт областей РФ, где такие программы действуют. [8,9]

Целью предлагаемой программы (рисунок 1) является комплексное исследование и разработка концептуальных подходов к формированию системы обеспечения организаций АПК кадровым потенциалом, в том числе квалифицированных кадров рабочих профессий.

Мы считаем, программа должна осуществляться в рамках трех основных направлений совершенствования процесса обеспечения кадрами АПК:

1. Повышение уровня заинтересованности сельской молодежи к отраслям АПК.
2. Совершенствование системы непрерывного профессионального аграрного образования.
3. Совершенствование системы обеспечения организаций АПК кадровым потенциалом.

Среди основных задач предлагаемого проекта можно выделить:

- создание системы переподготовки и повышения квалификации рабочих кадров отрасли;
- совершенствование аграрного образования на основе внедрения непрерывного обучения, инновационных технологий, организации практической подготовки студентов на базе ведущих организаций АПК;
- развитие профориентационной деятельности с целью привлечения в отрасль молодых специалистов новой формации, желающих работать на селе.

Используя передовой опыт закрепляемости молодых специалистов на селе, Правительству Орловской области необходимо принять решение о предоставлении единовременных выплат молодым специалистам. Молодые кадры, окончившие высшие учебные заведения очной формы обучения аграрного профиля и заключившие трудовые договоры с организациями АПК на срок не менее 3 лет получают 100 тыс. рублей; выпускники средних специальных учебных заведений – 70 тыс. рублей; выпускники начальных профессиональных учебных заведений – 50 тыс. рублей. Средства на реализацию данного программного мероприятия должны представляться из областного бюджета с учетом долевого участия в финансировании работодателей. [8]

Трудовая подготовка молодёжи – один из основных приоритетов в образовательной стратегии как региона, так и страны в целом. Труд связан с процессом становления личности и выполняет колоссальные социальные функции. Поэтому создание трудовой подсистемы школы должно явиться приоритетной задачей региона.

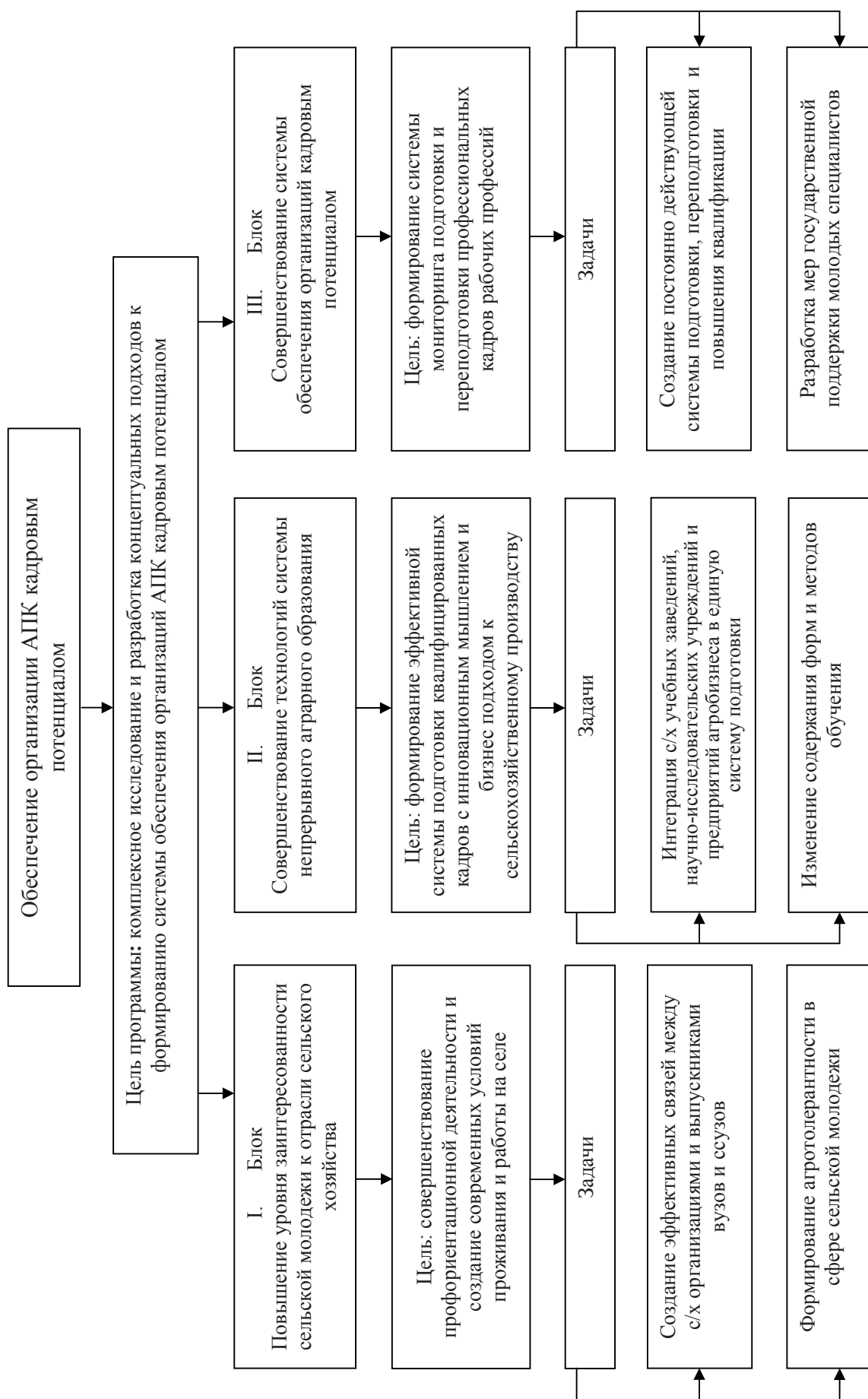

Рис. 1. Цели и задачи программы «Обеспечение организаций АПК кадровым потенциалом».

Воспитывающий, хорошо организованный труд, имеющий моральные и материальные стимулы, необходимо реализовать в воспитательной системе через развитие и поддержание ученических производственных бригад. При этом деятельность производственных бригад должна быть тесно связана учебно-воспитательным процессом и являться его составной частью. С помощью учебно-производственных бригад школа имеет возможность более полной реализации учебного плана дополнительного профессионального обучения. В таких бригадах учащиеся будут получать начальную допрофессиональную подготовку по избранным специальностям и отраслям сельскохозяйственного производства, осваивая при этом основы исследовательской работы. Результат деятельности таких бригад – не только получение учащимися первых навыков работы на земле, но и повышение престижа работы в сельском хозяйстве, формирование лояльного отношения сельской молодежи к работе в аграрной отрасли.

Важнейшее значение имеет создание современной, мобильной и гибкой системы непрерывного профессионального образования (как составной части общей системы непрерывного образования), включающей все уровни профессионального образования – от начального до послевузовского – и обеспечивающей решение трех основных задач: преемственность всех видов и уровней этого образования, которая позволяет выстроить индивидуальную образовательную траекторию для каждого обучающегося; отсутствие в профобразовании тупиковых ветвей, закрывающих пути к дальнейшему продолжению обучения; возможность как повышения уровня профессионального образования, так и переподготовки кадров на каждом из его уровней.

Большое внимание необходимо уделить в ходе реализации Программы «Обеспечение организаций АПК кадровым потенциалом» совершенствованию техноло-

гий непрерывного образования, включая и систему профессионального образования.

Актуальность развития профессионального образования определяется требованиями рынка труда к качеству труда, профессионализму рабочего и специалиста, его социально-культурному статусу, уровню подготовки конкурентоспособного работника, гибко реагирующего на запросы рынка труда, мелких, средних и крупных агропредприятий. Именно в сфере профессионального образования на современном этапе находится ключ к обеспечению устойчивого социально-экономического роста аграрного сектора экономики.

Основными направлениями развития аграрного профессионального образования в региональном АПК мы считаем следующие:

- организация системного партнерства, государства, бизнеса и профессионального образования, которое предусматривает активное участие работодателей и их объединений в инновационном развитии профессионального образования, решении его проблем;

- оптимизация сети образовательных учреждений профессионального агрообразования, создание многофункциональных центров прикладных квалификаций, многоуровневых и многопрофильных учреждений;

- организация на базе сельских школ «Агроклассов» и образовательных профессиональных учреждений аграрного профиля «Агрогрупп»;

- совершенствование системы контрактно-целевого обучения.

Реализация предложенных мер в совокупности с разработкой и постоянным совершенствованием организационно-экономического механизма закрепления молодых специалистов в аграрном секторе позволят достичь качественно нового уровня кадрового обеспечения АПК региона.

Библиографический список

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон РФ // Российская газета. 2012. 01 декабря. №5976 (Федеральный закон от 29.12.2012. №273 – в ФЗ в ред. от 26.12.2012).
2. Социальное развитие села до 2013г. Федеральная целевая программа // Собрание законодательства РФ. 2002. 09 декабря
3. Устойчивое развитие сельских территорий на 2014 - 2017 годы и на период до 2020 года Федеральная целевая программа // Собрание законодательства РФ. 2012. 12 ноября. №6386
4. Государственная программа «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы»: утверждена постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 года № 717 [Текст]// Собр. Законодательства РФ. 2012. Ст.4549
5. Государственная программа Орловской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» утверждена постановлением Правительства Орловской области от 27 ноября 2012 года № 436-р//Государственная специализированная информационная система «Портал Орловской области – публичный информационный центр URL <http://www.orel-region.ru> (дата обращения 15.09.2013)
6. О мерах реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента РФ // Российская газета. 2012. 9 мая 2012 г. №5775
7. Ловчикова Е.И. Формирование системы обеспечения сельскохозяйственных организаций кадрами управления (на материалах Орловской области). Автореферат дис. ...канд. экон. наук Орел. 2006. 24с.
8. Салата Г.А. Система профессионального образования Республики Хакасия и её роль в социально-экономическом развитии региона// Экспертная сеть по вопросам государственного управления Режим доступа <http://www.gosbook.ru/document/60146/60180/preview> (дата обращения 24.08.2013г.)
9. <http://www.agro.permkrai.ru/ministry/projects/resource/cadre/> (Дата обращения 29.08.2013г.)
10. Оперативные данные Департамента сельского хозяйства.
11. Сельское хозяйство Орловской области: стат.сб./ Орелстат. Орел,1998-2012.

References

1. About education in the Russian Federation: Federal law of the Russian Federation//Russian newspaper. - 2012. December-01. -№5976 (Federal law of 29.12.2012. No. 273 – in Federal Law in an edition of 26.12.2012).
2. Social development of the village till 2013. Federal target program//Collection of the legislation of the Russian Federation. - 2002. - December 09.
3. Sustainable development of rural territories for 2014 - 2017 and for the period till 2020 the Federal target program// Collection of the legislation of the Russian Federation. 2012. November - 12. - №6386.
4. State program «Development of agriculture and regulation of the markets of agricultural production, raw materials and the food for 2013-2020»: it is approved as the resolution of the Government of the Russian Federation of July 14, 2012 No. 717 [Text]//. Collection of the legislation of the Russian Federation. 2012. - Art. 4549.
5. The state program of the Orel region Development of agriculture and regulation of the markets of agricultural production, raw materials and the food for 2013-2020» is approved by the resolution of the government of the Orel region of November 27, 2012 No. 436-р//the State specialized information system «A portal of the Orel region - public information center URL <http://www.orel-region.ru> (date of the address 15.09.2013).
6. About measures of realization state the politician in the fields of education and sciences: Decree of the President of the Russian Federation//Russian newspaper. - 2012. On May-9, 2012.-№5775.
12. *Lovchikova E.I.* Formation of system of providing the agricultural organizations by frames of management (on materials of the Orel region). Abstract yew. ... edging. экон. sciences the Eagle – 2006. - 24с.
13. *Salata G.A.* The system of professional education of the Republic of Khakassia and its role in social and economic development of the region//the Expert network concerning public administration an access Mode <http://www.gosbook.ru/document/60146/60180/> preview (address date 24.08.2013г.).
14. <http://www.agro.permkrai.ru/ministry/projects/resource/cadre/> (Address date 29.08.2013г.).
15. Operational data of Department of agriculture.
16. Agriculture of the Orel region: stat.sb./Orelstat. Orel, 1998-2012.

УДК 330.101.2

О.Е. КОСАРЕВА

старший преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга Орловского государственного университета
E-mail: Kosarevaeo@yandex.ru

UDC 330.101.2

O.E. KOSAREVA

senior Lecturer, Department of Management and Marketing, Orel State University
E-mail: Kosarevaeo@yandex.ru

ИМИДЖ ВУЗА КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ МАРКЕТИНГА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

THE IMAGE OF THE UNIVERSITY AS AN ELEMENT OF THE MARKETING OF EDUCATIONAL SERVICES

В данной статье проведен анализ между ключевыми элементами имиджа вуза и элементами имиджа коммерческой организации, такими как: имидж услуги, имидж потребителей услуги, внутренний имидж вуза (фирмы), имидж руководителей, имидж сотрудников, визуальный имидж вуза (фирмы), социальный имидж вуза (фирмы), бизнес-имидж вуза (фирмы). Показаны сходства и существенные различия между ними.

Ключевые слова: имидж вуза, имидж образовательной услуги, имидж потребителей образовательной услуги, внутренний имидж вуза, имидж ректора и деканов вуза, имидж профессорско-преподавательского состава, визуальный имидж вуза, социальный имидж вуза, бизнес-имидж вуза.

This article analyzes the key elements of the image between the university and the elements of the image of a commercial organization, such as image services image of consumer services, the internal image of the university (the firm), image management, image, staff, visual image of the university (the firm), the social image of the university (firm), the image of the university business (the firm). Showing similarities and important differences between them.

Keywords: image of the university, the image of educational services, image consumers of educational services, the internal image of the university, the image of the rector and the deans of the university, the image of the teaching staff, the visual image of the university, the social image of the university, the business of the university's image.

С обострением конкурентной борьбы за потребителей все большее значение приобретают нематериальные факторы и инструменты маркетинга, к которым относится имидж организации. В последнее время все больше работ отечественных и зарубежных ученых посвящено теоретическим и прикладным вопросам построения и практического использования имиджа, репутации и бренда товара, фирмы, страны, территории и города. Однако вопросам теории и практики формирования имиджа вуза еще не уделяется достаточное внимание, поэтому многие вопросы, преимущественно связанные с существенной спецификой деятельности образовательных учреждений, остаются неисследованными.

В конце XX–начале XXI вв. проблема использования имиджа как особого маркетингового инструмента воздействия на потребителей и общественность актуализировалась для вузов, которые, руководствуясь образовательными стандартами, предлагают покупателям практически одинаковые услуги. Поэтому при выборе решения о месте учебы потребители все в большей степени руководствуются репутацией и имиджем вуза. Аналогичное поведение проявляется и в отношении других видов услуг, которые может оказывать университет. Высокий, сильный, позитивный имидж повышает ценность оказываемых услуг, поэтому рассматривается маркетологами и менеджерами как фактор, влияющий на величину нематериальных активов организации, продвигающий услуги на рынок, влияющий на ценовую политику вуза, способный принести дополнительный доход и прибыль.

Как мы определили ранее, имидж вуза – это эмоционально окрашенный образ, сформированный, отчасти, целенаправленно (как следствие конкретных действий менеджмента), а отчасти, спонтанно (как следствие факта функционирования), обладающий комплексом характеристик, оказывающих эмоциональное влияние на принятие решений о сотрудничестве в сфере образовательных услуг.

Анализируя содержание имиджа вуза, можно выделить следующие компоненты, которые одновременно являются его имиджформирующими характеристиками – уникальными свойствами, которые выделяют его из среды аналогичных объектов, а также сравнить их с элементами имиджа коммерческой организации (см. табл.1).

Из таблицы 1 видно, что имидж представляет собой систему представлений как о внешних, так и о внутренних его характеристиках. Разбирая данное понятие в контексте коммерческой фирмы и вуза, можно отметить следующие особенности.

Имидж товара (услуги) фирмы в отличие от имиджа образовательной услуги носит более осязаемый характер т.к. воспользоваться ими потребитель может в более короткий срок, чем студент получит диплом об образовании и предприятие сможет нанять дипломированного специалиста. С этой точки зрения имидж вуза носит более длительный срок формирования. И имидж с этой точки зрения – это представления людей отно-

сительно уникальных характеристик, которыми, по их мнению, обладает товар коммерческой фирмы или услуга, предоставляемая вузом. Если для большинства товаров имидж больше воспринимается как некая целостность, то для вуза, вследствие больших различий в профилях образовательных услуг, имидж, скорее, складывается из отдельных «имиджей специальностей», например, часто можно услышать, например, что в N вузе всегда были сильные экономисты, а юристы никакие. Еще можно заметить отличия в формальных и неформальных элементах формирования имиджа. У коммерческих фирм редко бывает формальная составляющая, хотя они пытаются ее создать за счет получения всяких сертификатов, но потребитель, из-за особенностей менталитета, редко обращает внимание на их наличие. А вуз имеет право вести образовательную деятельность только при наличии государственной аккредитации. В результате, дипломы всех вузов одинаковые (формальная составляющая), а ценность этих дипломов разных вузов не одинакова. Дипломы одних вузов ценятся больше, чем других.

Имидж потребителей образовательной услуги может быть изучен и проанализирован, так как потребитель здесь известен: студенты, их родители, работодатели, научные работники, государственные и муниципальные органы. И вуз может контролировать и ограничивать свои контакты с ними, например, путем установления порогового значения баллов ЕГЭ при приеме абитуриентов в вуз. В то время как предприятию не всегда известно, кто является его конечным потребителем. И даже завышение цен здесь не гарантирует ограничение потребителей с «недостойными» имиджевыми характеристиками. Имидж студентов как структурный компонент имиджа вуза включает в себя помимо внешнего облика общий культурный уровень, уровень профессиональных знаний и умений, стиль жизни студентов. Их имидж является своеобразной моделью будущего для абитуриентов и их родителей, которые, как известно, принимают активное участие в оценке и выборе стартовой площадки профессиональной карьеры для своих детей. И здесь возможны два варианта: первый, если родители сами были выпускниками данного вуза и посоветовали его своим детям и знакомым, так как на личном опыте убедились в качестве предоставляемого образования; второй вариант, если родители не были выпускниками данного вуза, но предлагают его потребителям услуги (детям), так как уверены в качестве получаемого там образования, что говорит об эффективной работе сотрудников по формированию правильно работающего имиджа вуза.

Внутренний имидж как фирмы, так и вуза предполагает учет мнений сотрудников о своей организации, складывающихся под влиянием корпоративной культуры, социально-психологического климата, стиля управления коллективом и рассматривается как фактор конкурентоспособности фирмы и важный источник имиджевой информации о ней.

Имидж руководителей как коммерческой фирмы, так и вуза складывается из представлений об уста-

Таблица 1.

Анализ элементов имиджа вуза и коммерческой организации

Коммерческая фирма[2]	ВУЗ
1 Имидж товара (услуги) фирмы	1 Имидж образовательной услуги
Суждения людей относительно уникальных характеристик, которыми по их мнению, обладает товар или услуга, произведенная фирмой. В качестве характеристик товара или услуги данной фирмы может выступать наличие лицензии, сертификата качества, экологичность, безопасность использования, удобство, простота использования, цена и т.д.	Представления людей относительно уникальных характеристик, которыми, по их мнению, обладает товар или услуга, предоставляемая вузом[1]. В качестве функциональной ценности образовательной услуги может рассматриваться получаемая специальность, имеющая государственную лицензию, аттестованная и аккредитованная государственными органами, возможность выпускника устроиться на работу по специальности, сделать карьеру, качество знаний и умение использовать их в практической профессиональной деятельности, повышающую конкурентоспособность выпускника на рынке труда, насыщенная образовательная среда, предоставляющая потребителям образовательных услуг возможности для собственной самореализации, благоприятный психологический климат, мощная социальная защищенность студентов и профессорско-преподавательского состава, стиль общения администрации, преподавателей и студентов между собой и многое другое.
2 Имидж потребителей	2 Имидж потребителей образовательной услуги
В коммерческих организациях – это имидж конечных потребителей и промежуточных, для которых данное предприятие может являться поставщиком, включает представление о стиле жизни, ценностных ориентаций, интересах, активности, общественном статусе. Но имидж потребителей, в меньшей степени, будет влиять на имидж данного коммерческого предприятия.	Для образовательных услуг имидж пользователей (а это студенты, их родители, работодатели, научные работники, государственные и муниципальные органы) включает представление о стиле жизни, ценностных ориентациях, интересах личности, активности личности, общественном статусе и характере потребителей. Усиление или ослабление требований может привести вуз к потере своего клиента, платящего именно за престиж, как они его понимают.
3 Внутренний имидж фирмы	3 Внутренний имидж вуза
Мнения сотрудников, компаньонов, поставщиков, банков, с которыми они работают, инвесторов, контактной аудитории и т.д. о данной фирме. Весь коллектив рассматривается и как фактор конкурентоспособности фирмы и как важный источник имиджевой информации о ней. То, что говорят сотрудники и партнеры о компании является очень важным для формирования и поддержания имиджа фирмы. Центральными показателями внутреннего имиджа фирмы являются производственные процессы, управление персоналом, социально-психологический климат коллектива, способность быстро реагировать на изменения внешней среды, сплоченность коллектива, формальные и неформальные отношения и т.д.	Представления его сотрудников и студентов о своем вузе. Весь персонал вуза рассматривается здесь не только как фактор конкурентоспособности организации, но и как важный источник имиджевой информации о своем вузе для различных внешних аудиторий. То, что говорят о своем вузе студенты, преподаватели и другие сотрудники, является очень важным для формирования и поддержания имиджа вуза. Основными детерминантами внутреннего имиджа вуза являются организационная культура, особенности управления персоналом, образовательная среда и ее социально-психологический климат.
4 Имидж основателя и/или основных руководителей фирмы	4 Имидж ректора и деканов вуза
Руководитель должен уметь в короткие сроки решать проблемы, разработать план действий, иметь влияние, способность заставить других принять собственную точку зрения или последовать определенному кругу действий, иметь особую манеру ведения переговоров. Также важен внешний вид, аккуратность, социально-демографическая принадлежность, особенности вербального и невербального поведения, поступки, хобби, активная жизненная позиция и т.д.	Представления о намерениях, мотивах, способностях, установках, ценностных ориентациях и психологических характеристиках ректора и деканов на основе восприятия открытых для наблюдения характеристик, таких как внешность, социально-демографическая принадлежность, психологические характеристики, стиль управления, особенности вербального и невербального поведения, поступки, хобби и другие параметры неосновной деятельности.
5 Имидж сотрудников фирмы	5 Имидж профессорско-преподавательского состава
Рассматривает во взаимодействии такие черты коллектива, как: компетентность, организационная культура, социально-демографические особенности, особенности образа жизни и поведения, способность быстро реагировать на изменения внешней среды, сплоченность коллектива, формальные и неформальные отношения внутри коллектива и т.д.	Некий собирательный образ, раскрывающий наиболее характерные для него черты к коим относятся: компетентность, культура, социально-демографический профиль, внешний облик, уровень профессиональной компетентности, достижения, особенности образа жизни и поведения, научный потенциал вуза, процент острепленности преподавателей, наличие аспирантуры, членство преподавателей в различных академиях, участие сотрудников в научно-исследовательских проектах (гранты).

6 Визуальный имидж фирмы	6 Визуальный имидж вуза
Фасады зданий, интерьер офисных помещений, внешнем облике сотрудников, фирменном стиле организации, следование моде, и т.д. Под визуальным имиджем фирмы чаще всего понимают имидж головного офиса, а не производственных помещений. Потребителю здесь важно знать, что на производстве соблюдается санитарно-гигиенические условия и безопасность производства, а экстерьер этих помещений не стоит на первом плане.	Красивое архитектурное строение (например, главный корпус МГУ), наличие скверов в студенческом городке, удобной парковки и стоянки для машин; внутренний дизайн помещений, материально-техническая база, элементы фирменного стиля. Представление об организации, субстратом которых являются зрительные ощущения, фиксирующие информацию об интерьере и экстерьере зданий, офисов, аудиторий, вспомогательных помещений вуза, внешнем облике преподавателей и студентов, а также фирменной символике вуза как элементе фирменного стиля организации. На визуальный имидж вуза оказывает влияние индивидуальные (эстетический вкус), психологические и этнические особенности восприятия предметов, в том числе одежды, помещений и их оформления. Кроме того, визуальный имидж организации находится под воздействием социальных факторов, таких как мода, мнение значимых других и т.д.
7 Социальный имидж фирмы	7 Социальный имидж вуза
Суждения общественности о социальных целях и роли организации в экономической, социальной и культурной жизни города, региона, страны в целом. Социальный имидж компании формируется, прежде всего, посредством информирования общественности через средства массовой информации о важнейших социальных аспектах его деятельности, таких как благотворительность, спонсорство, социально-политическая позиция, ведение научной деятельности, участие в крупных проектах и т.д.	Представления широкой общественности о социальных целях и роли образовательной организации в экономической, социальной и культурной жизни города, региона, страны в целом. Социальный имидж вуза формируется, прежде всего, посредством информирования общественности о важнейших социальных аспектах его деятельности, таких как обучение и воспитание молодежи, осуществление научной деятельности, участие в крупных региональных проектах и т.д., содействие конкретным лицам в решении их социальных проблем. Репутация вуза, отсутствие информации о том, что среди преподавателей есть те, кто берет взятки.
8 Бизнес-имидж фирмы	8 Бизнес-имидж вуза
Основой бизнес-имиджа коммерческой фирмы выступает деловая репутация, деловая активность организации, а именно: объем продаж; относительная доля рынка; инновационность применяемых технологий и степень их освоения; разнообразие предлагаемых товаров и услуг; ценовая политика, сбытовая сеть и т.д.	Представление об этой организации как субъекте определенной коммерческой деятельности. Вуз – это еще и крупная предпринимательская организация, зарабатывающая солидные деньги путем продажи образовательных товаров и услуг. Определяется качеством обслуживания студентов сотрудниками учебного заведения[1]. А также социальный статус, доходы, блага, получаемые выпускниками при устройстве на работу и последующей трудовой деятельности.

новках, ценностных ориентациях и других психологических характеристиках руководителя на основе восприятия открытых для наблюдения составляющих, таких как внешность, социально-демографическая принадлежность, особенности вербальной и невербальной коммуникации, поступки, хобби и другие параметры неосновной деятельности.

Имидж сотрудников коммерческой фирмы и профессорско-преподавательского состава вуза также оказывает существенное влияние на формирование имиджа организации в целом. Причем, во внимание принимаются не только уровень профессиональной компетентности, достижения и общий культурный уровень, но и внешний облик, а также социально-демографические характеристики.

Как уже говорилось ранее, визуальный имидж фирмы менее значим, чем вуза. Чаще всего руководство и значительная часть коллектива (бухгалтерия, менеджеры, кадровики) располагаются в офисных помещениях, как братья близнецы похожих друг на друга, за исключением небольших отличий в оформлении интерьера. В то же время производственные помещения и работающие там сотрудники могут находиться в других зданиях, городах и даже странах. Потребителю здесь важно знать, что на производстве соблюдается санитарно-гигиенические условия и безопасность производства, а экстерьер этих помещений не стоит на первом плане. Визуальный имидж вуза – это представление о вузе,

формирующееся на основе зрительных ощущений, фиксирующих информацию об интерьере и экстерьере зданий, офисов, аудиторий, а также фирменной символике вуза как элементе фирменного стиля вуза как организации. Визуальный имидж – очень серьезный элемент в структуре имиджа вуза так как, в отличие от промышленного товара, о месте создания которого мы можем даже и не догадываться, сам является существенной частью этого товара и/или услуги. И если здания, прилегающая и внутренняя территория вуза, его помещения загажены, соответственно и потребительская стоимость этого товара должна резко снижаться, даже несмотря на качество даваемых вузом знаний и преподавания

Социальный имидж и компании, и вуза формируется, прежде всего, посредством информирования общественности через средства массовой информации о важнейших социальных аспектах его деятельности, таких как благотворительность, спонсорство, социально-политическая позиция, ведение научной деятельности, участие в крупных проектах и т.д. В связи с тем, что общество требует от вузов готовить не только квалифицированных специалистов, но и ответственных граждан, возрастает значимость социального имиджа вуза как представлений широкой общественности о социальных целях и роли организации в экономической, социальной и культурной жизни общества.

В качестве основных детерминант бизнес-имиджа

вуза, как и у коммерческих организаций, выступает деловая репутация, а также деловая активность организации, индикаторами которой являются: объем продаж; относительная доля рынка; инновационность образовательных и иных технологий и степень их освоения; разнообразие предлагаемых образовательных товаров и услуг; ценовая политика, сбытовая сеть и т.д.

Таким образом, проанализировав содержание имиджа вуза, приходим к выводу, что понятие имиджа вуза включает в себя две составляющие: описательную (информационную) составляющую, которая представляет собой образ вуза, или совокупность всех пред-

ставлений (знаний) об организации, и составляющую, связанную с отношением, или оценочную составляющую, существующую в силу того, что хранящаяся в памяти информация не воспринимается безразлично, а пробуждает оценки и эмоции, которые могут обладать различной интенсивностью, поскольку конкретные черты образа организации могут вызывать более или менее сильные эмоции, связанные с их принятием или осуждением. Люди оценивают высшее учебное заведение через призму своего прошлого и сегодняшнего опыта, ценностных ориентаций, общепринятых норм и моральных принципов.

Библиографический список

1. *Васюков И.Л., Волков А.Н.* Деловая репутация и имидж вуза как условие и результат качественного образования. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/texts/2004/12/22194.html>, свободный. - Загл. с экрана
2. *Звездочкин Ю.Ю.* Имидж-система университета / Ю.Ю. Звездочкин, Б.Ю. Сербиновский. Юж. федеральный ун-т. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2009. С. 266.

References

1. *Vasiukov I.L., Volkov A.N.* Business reputation and image of the university as a result of the condition and quality education. [Electronic resource]: [site]. Mode of access: <http://www.proza.ru/texts/2004/12/22194.html>, free. Caps. Screen.
 2. *Zvezdochkin Yu.Yu.* Imidzh University System [Text] / YY Zvezdochkin, BJ Serbinovsky. South. Federal University. Novocherkassk SRSTU (NPI), 2009. P.p. 266.
-

УДК 332.146.2 + 338.242.42

UDC 332.146.2 + 338.242.42

П.Н. МАШЕГОВ

доктор экономических наук, зав. кафедрой менеджмента и маркетинга Орловского государственного университета

E-mail: yand-man@yandex.ru

А.В. ГРЕЧЕНЮК

кандидат экономических наук, доцент Курского института социального образования (филиала) РГСУ

E-mail: grant25@yandex.ru

О.Н. ГРЕЧЕНЮК

кандидат экономических наук, старший преподаватель Курского института социального образования (филиала) РГСУ

E-mail: grant25@yandex.ru

P.N. MASHEGOV

doctor of Economics, Head of the Chair of Management and Marketing, Orel State University

E-mail: yand-man@yandex.ru

A.V. GRECHENYUK

candidate of economy, senior teacher of the department of social insurance, economics and finance law Kursk institute of social education (branch) of RSSU

E-mail: og1016s@yandex.ru

O.N. GRECHENYUK

candidate of economy, docent of the department of social insurance, economics and finance law Kursk institute of social education (branch) of RSSU

E-mail: grant25@yandex.ru

РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

THE DEVELOPMENT STRATEGY OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL ECONOMIC SYSTEM

В статье рассмотрены проблемы формирования стратегии инновационного развития региональной экономической системы. Выделены основные этапы. Предложены соответствующие методы. Проведен прогноз показателей инновационного развития Курской области при условии реализации намеченной системы мероприятий.

Ключевые слова: регион, инновации, стратегия.

The problems of forming a strategy of innovative development of the regional economic system. The basic stages. Suggest appropriate methods. Held forecast of innovative development of the Kursk region if the implementation of the planned activities.

Keywords: region, innovation, strategy.

Эффективно функционирующий инновационный механизм приводит к росту валового регионального продукта, увеличению удельного веса инновационных товаров и услуг, увеличению доходов консолидированных бюджетов и т.д.

Перспективы развития инновационных процессов в субъектах РФ должны находить свое выражение в разработанных инновационных стратегиях региона. Исходя из анализа государственной инновационной стратегии и региональных инновационных стратегий, предложим ряд этапов, которые должны осуществляться для разработки эффективной инновационной стратегии региона. Эти этапы являются неотъемлемой частью процесса разработки инновационной стратегии региона. Также необходимо отметить, что осуществление данных этапов возможно при разработке инновационной стратегии любого вида экономических систем регионального уровня. Мы будем рассматривать этот процесс на примере регионов России, так как этапы разработки инновационной стратегии в дальнейшем будут применены на материалах конкретного субъекта РФ – Курской области.

Основные этапы разработки региональной иннова-

ционной стратегии.

Этап 1. Анализ эффективности инновационной политики в предшествующих периодах. Прежде чем приступить к разработке инновационной стратегии, необходимо провести подробный и всесторонний анализ инновационной политики субъекта РФ в предыдущих периодах. Для этого необходимо осуществить следующие мероприятия:

– Произвести расчет предложенных нами коэффициентов эффективности инновационного процесса для государственного и предпринимательского секторов за ряд предшествующих периодов. Необходимо выявить динамику данных показателей – рост или снижение. Рост коэффициентов эффективности инновационного процесса будет свидетельствовать о поступательном развитии инновационных систем региона, о повышении их эффективности. Снижение коэффициентов эффективности инновационного процесса будет свидетельствовать о проблемах в развитии инновационных систем региона.

– Для выявления проблемных мест по результатам расчета коэффициентов эффективности инновационного процесса для государственного и предприниматель-

ского секторов необходимо провести факторный анализ данных показателей за ряд лет. Это позволит выявить те моменты, за счет которых произошло изменение эффективности развития инновационных систем региона. Таким образом, региональные органы власти будут знать, за счет чего изменяется эффективность инновационных процессов и где можно приложить усилия для ее повышения.

– Определить место субъекта РФ по уровню развития инновационных процессов. Это необходимо сделать на основании методики, предложенной в пункте 3.1. настоящей работы, которая предполагает разбиение субъектов РФ на 4 группы. То есть необходимо определить, к какой группе инновационного развития относится исследуемый субъект РФ. От того, в какой группе находится исследуемый субъект РФ, зависят дальнейшие мероприятия стратегии инновационного развития.

– Определить сильные и слабые стороны функционирования инновационного процесса субъекта РФ. К сильным или слабым сторонам региона в зависимости от степени их развития можно отнести: наличие (отсутствие) эффективно функционирующего научного сектора; наличие (отсутствие) эффективно функционирующего образовательного сектора; эффективная (неэффективная) отраслевая структура региона; эффективная (неэффективная) производственная структура региона; наличие (отсутствие) высококвалифицированных кадров в сфере инноваций.

Наличие тех или иных сильных сторон можно определить как конкурентные преимущества региона, используя которые, субъект РФ может более эффективно развивать как весь инновационный процесс, так и отдельные его блоки. На использовании конкурентных преимуществ должны основываться первоначальные мероприятия инновационной стратегии региона. Это позволит наилучшим образом задействовать имеющийся потенциал. В дальнейшем можно развивать те аспекты инновационного процесса, которые представляют собой слабые стороны региона.

Этап 2. Определение приоритетных направлений инновационной стратегии. На основании проведенного анализа инновационной политики региона в предшествующих периодах необходимо выделить основные направления дальнейших действий по развитию инновационных процессов в регионе. Результаты первого этапа разработки инновационной стратегии региона оказывают непосредственное влияние на выбор приоритетных направлений инновационной стратегии.

При выборе приоритетных направлений инновационной стратегии необходимо обязательно учитывать результаты расчета и в первую очередь факторного анализа коэффициентов эффективности инновационного процесса для государственного и предпринимательского секторов. Это способствует выявлению проблемных мест всего инновационного процесса в регионе, а также отдельных его блоков. Знание данных проблемных мест и причин их образования позволит своевременно и эффективно принять меры по их устранению.

На основании места субъекта РФ по уровню инно-

вационного развития можно определить тип инновационной стратегии. В данном случае возможны четыре варианта, в зависимости от того, к какой группе относится регион.

Субъектам РФ, где эффективно функционируют оба блока инновационного процесса (инновационные регионы), необходимо более полно использовать свои конкурентные преимущества в инновационной сфере для дальнейшего развития блоков инновационного процесса. И в первую очередь это касается блока «Генерация инноваций». Это связано с тем, что в данных регионах в подавляющем большинстве случаев созданы условия для привлечения готовых передовых технологий в виде хорошо действующего законодательства, развитой инфраструктуры, эффективной отраслевой и производственной структуры. Но приоритетом инновационной стратегии страны является, прежде всего, вариант достижения лидерства в ведущих научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях. Повышение эффективности блока «Генерация инноваций» является приоритетом всего инновационного развития страны и каждого региона в частности.

Субъектам РФ, где наблюдается эффективное функционирование блока «Использование инноваций» (эффективные пользователи), нужно сконцентрировать внимание на развитии блока «Генерация инноваций», не снижая при этом эффективность использования технологий. Приобретение и использование уже созданных передовых технологий дает меньшую отдачу в виде прироста инновационной продукции и финансового результата деятельности организаций по сравнению с новыми, только что созданными технологиями. Развитие блока «Генерации инноваций» и соответственно их коммерциализации значительно повысит эффективность инновационных систем регионов.

Субъектам РФ, где наблюдается эффективное функционирование блока «Генерация инноваций» (эффективные генераторы), необходимо сконцентрировать внимание на втором блоке инновационного процесса «Использование технологий», не снижая при этом эффективность создания технологий. Только генерация инноваций не приведет к росту валового регионального продукта или сальдированного финансового результата деятельности организаций. То есть в таких регионах наблюдается слабая коммерциализация созданных технологий и низкая эффективность используемых технологий. Инновационный процесс неэффективен, если неполностью задействованы оба его блока. Концентрация усилий повышении коммерциализации созданных технологий и повышении объемов инновационных товаров и услуг с каждой используемой технологией приведет к росту валового регионального продукта и финансовых результатов деятельности организаций. В итоге повысится эффективность инновационных систем таких регионов.

Субъекты РФ, где нет эффективно функционирующих механизмов создания и использования технологий (инерционные регионы), должны развивать оба блока инновационного процесса. Развитие сразу двух блоков

инновационного процесса – задача сложная и трудновыполнимая. Поэтому необходимо сконцентрировать усилия на том блоке инновационного процесса, по которому имеется больше конкурентных преимуществ. Например, если имеется сильная научно-образовательная база, но она функционирует неэффективно, то необходимо сконцентрировать внимание на повышении эффективности блока «Генерация инноваций». Если имеется хорошая отраслевая и производственная базы, то имеет смысл сконцентрировать внимание на привлечении уже созданных передовых технологий с высокой отдачей инновационной продукции и финансовых результатов. Второй вариант на начальных этапах является более предпочтительным, так как требует меньших затрат времени и финансовых ресурсов. При успешной реализации второго варианта стратегии обязательно необходимо переходить к развитию эффективно функционирующего блока «Генерация инноваций».

Таким образом, на основании второго этапа разработки инновационной стратегии региона, региональные органы власти должны определить приоритетные направления инновационной стратегии. Регионы, входящие в первую и вторую группу, должны развивать блок инновационного процесса «Генерация инноваций». Регионы, входящие в третью и четвертую группы, должны развивать блок «Использование технологий».

Этап 3. Государственная поддержка инновационной деятельности. После того, как определены приоритетные направления инновационной стратегии, необходимо выявить эффективные способы государственной поддержки инновационной деятельности. В зависимости от целей реализации и возможностей финансирования предложим разбить совокупность способов государственной поддержки инновационной деятельности в регионе на три группы: ресурсные, преференциальные, инфраструктурные. Рассмотрим данные формы государственной поддержки инновационной деятельности более подробно.

К ресурсным способам государственной поддержки инновационной деятельности, по нашему мнению, можно отнести.

– Финансирование на безвозмездной основе за счет бюджетных средств. Данный способ должен использоваться только для исследований и разработок. Такое финансирование должно быть предусмотрено только для государственных или региональных научно-исследовательских институтов и образовательных учреждений высшего профессионального образования, где эффективно функционирует процесс создания передовых технологий.

– Предоставление бюджетных кредитов на платной, срочной и возвратной основах. Данный способ должен использоваться только для финансирования исследований и разработок частных предприятий и организаций, где эффективно функционирует процесс создания передовых технологий.

– Субсидирование процентных ставок по долгосрочным кредитам. Данный способ государственной поддержки может применяться как для процесса созда-

ния технологий, так и для процесса использования технологий. То есть субсидировать процентную ставку по банковским долгосрочным кредитам можно для предприятий и организаций, осуществляющих разработку передовых технологий, а также для предприятий и организаций, привлекающих кредит для выпуска высокотехнологичной инновационной продукции.

Таким образом, ресурсные способы государственной поддержки предполагают выделение определенных объемов бюджетных средств для развития инновационных процессов в текущих периодах. Поэтому принятие решений о финансировании исследований и разработок должно обязательно основываться на разработанной нами модели оценки эффективности финансирования исследований и разработок. Это позволит существенно повысить эффективность предоставления бюджетных средств.

К преференциальным способам государственной поддержки инновационной деятельности, по нашему мнению, можно отнести:

– Предоставление налоговых льгот. Налоговые льготы следует ввести только по налогу на прибыль (максимум 4%) и налогу на имущество организаций (максимум 2,2%). Льготы целесообразно предоставлять для стимулирования процесса «Использование технологий», то есть для действующих или только создаваемых производственных предприятий и организаций. Для получения большего эффекта в виде роста объемов инновационных товаров и услуг и инновационного оборудования необходимо ввести прогрессивные ставки налоговых льгот.

По налогу на прибыль прогрессивная налоговая льгота привязана к удельному весу инновационной продукции в общем объеме выпуска. Предприятия, производящие инновационную продукцию в размере 10% от общего объема выпуска, уменьшают ставку по налогу на прибыль на 1%. Максимальное освобождение по налогу на прибыль (4%) возможно, если предприятие производит 40% и более инновационных товаров и услуг в общем объеме выпуска. Такая прогрессивная налоговая льгота по налогу на прибыль будет стимулировать предприятия производить в больших объемах инновационную продукцию.

По налогу на имущество прогрессивная налоговая льгота привязана к объемам используемого инновационного оборудования. Если удельный вес инновационного оборудования в общей первоначальной стоимости основных средств составит 10%, то предприятие уменьшит ставку по налогу на имущество на 0,55%. Полное освобождение от налога на имущество возможно для предприятий, чьи основные средства на 40% и более состоят из инновационного оборудования. Такая прогрессивная льгота по налогу на имущество будет стимулировать предприятия обновлять свое оборудование на новейшее и более прогрессивное.

– Предоставление государственных гарантий. Данные гарантии должны предоставляться для предприятий и организаций, привлекающих долгосрочные банковские кредиты для выпуска инновационной

высокотехнологичной продукции. Данный способ государственной поддержки, по нашему мнению, целесообразно предоставлять для стимулирования блока «Использование инноваций», то есть для предприятий и организаций, внедряющих уже разработанные передовые технологии. Это связано с меньшим риском финансирования таких инновационных проектов.

– Освобождение от арендной платы за земельные участки, используемые для реализации приоритетных инновационных проектов. Это является действенным способом государственной поддержки инновационной деятельности, особенно при создании новых производственных инновационных комплексов как для предприятий, действующих на территории региона, так и новых инвесторов. Данный способ государственной поддержки можно применять как для создания производственных инновационных предприятий (блок «Использование инноваций»), так и для создания различного рода научных центров (блок «Генерация инноваций»).

Особенностью преференциальных способов государственной поддержки является то, что они не требуют осуществления расходов за счет бюджетных средств. Но при этом региональные органы власти лишают себя части бюджетных доходов в будущем. Средства, полученные бюджетом в результате реализации инновационных проектов должны значительно превышать средства, которые бюджет недополучит в результате государственной поддержки данных проектов.

Инфраструктурные способы государственной поддержки инновационной деятельности, по нашему мнению, это:

– Организация выставочной деятельности достижений науки и техники. Региональные органы власти должны периодически организовывать выставки достижений науки (созданные технологии), а также инновационной продукции, произведенной с использованием современных передовых технологий. Это создаст благоприятные условия как для создания новых технологий, так и для внедрения в производство передовых технологий и продуктов.

– Создание и финансирование информационных центров, центров трансфера технологий. Этот способ государственной поддержки инновационной деятельности является неотъемлемым элементом инновационной стратегии страны и регионов. Это четко прописано в Стратегии инновационного развития России до 2020 года. Создание и финансирование информационных центров, центров трансфера технологий является прямой обязанностью государственных органов власти любого региона, желающего перейти на инновационный путь развития. Информационные центры и центры трансфера технологий способствуют привлечению отечественного и иностранного капиталов для коммерциализации созданных на территории региона технологий.

– Повышение культуры инноваций. Региональные органы власти в соответствии со Стратегией инновационного развития России до 2020 года должны также способствовать образовательному процессу в области инноваций, созданию условий для формирования у граж-

дан компетенций инновационной деятельности, иначе говоря, – компетенций «инновационного человека» как субъекта всех инновационных преобразований. В связи с этим региональные органы власти должны организовывать и финансировать образовательные программы в области инноваций для всего научно-производственного сектора (госслужащих, топ-менеджеров, профессорско-преподавательского состава, ученых и т.д.). Также в обязанности органов власти входит создание и финансирование различного рода пропаганды (реклама, телевизионные передачи, документальные и художественные фильмы), инновационного образа мышления, применения инновационных товаров и услуг. Все это будет способствовать развитию регионального инновационного процесса на всех его этапах.

Этап 4. Оценка эффективности инновационной стратегии. После того, как разработаны способы государственной поддержки инновационной деятельности, необходимо разработать критерии оценки эффективности применяемой инновационной стратегии.

Для оценки эффективности инновационной стратегии по блоку «Генерация инноваций» можно применять коэффициент эффективности создания технологий. Если данный коэффициент будет расти, значит все способы государственной поддержки, направленные на развитие блока «Генерация инноваций», сработали эффективно. Для оценки эффективности инновационной стратегии по блоку «Использование инноваций» можно применять коэффициент эффективности использования технологий. Если данный коэффициент будет расти, значит все способы государственной поддержки, направленные на развитие блока «Использование инноваций», сработали эффективно.

Данные два коэффициента характеризуют эффективность применяемой инновационной стратегии по развитию отдельных блоков инновационного процесса. Эффективность всей инновационной стратегии характеризуют коэффициенты эффективности инновационного процесса для предпринимательского и государственного секторов. Рост данных коэффициентов будет свидетельствовать об эффективности инновационной стратегии и поступательном развитии инновационных процессов в регионе.

Для оценки влияния инновационной стратегии региона на инновационные и экономические показатели необходимо применить разработанную нами модель оценки целевой инновационной программы. Таким образом, мы разработали определенную последовательность действий, реализация которых приведет к созданию эффективной инновационной стратегии региональных экономических систем. На схеме разработки инновационной стратегии четко прописан порядок действий, начиная с анализа инновационной политики в предшествующих периодах и заканчивая показателями оценки эффективности созданной и реализуемой инновационной стратегии.

В таблице 1 представлены результаты использования данной методики применительно к разработке инновационной стратегии Курской области.

Таблица 1.

Результаты оценки влияния предложенной инновационной программы
на экономические и инновационные показатели Курской области на 2012 год

Показатели сравнения	Данные 2009 года	Без учета реали- зации целевой инновационной программы	С учетом реали- зации целевой инновационной программы
Внутренние затраты на исследования и разработки	1 930 523	2 750 000	2 887 000
Число созданных передовых технологий	0	0	4
Число используемых передовых технологий	1 558	2 300	2 308
Объем инновационных товаров и услуг	467,7	3 000	5487
Валовой региональный продукт	161 103,7	198 000	200 600
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций	4 209	24 000	24 548
Коэффициент эффективности создания технологий	0,000	0,000	0,001
Коэффициент эффективности использования технологий	0,300	1,304	2,377
Коэффициент трансформации инновационных товаров в валовой региональный продукт	0,290	1,515	2,735
Коэффициент трансформации используемых технологий в сальдированный финансовый результат	2,702	10,435	10,636
Коэффициент эффективности инновационного процесса для государственного сектора	0,000	0,000	0,187
Коэффициент эффективности инновационного процесса для предпринимательского сектора	0,000	0,000	0,293

Предложенные нами подходы к разработке инновационной стратегии и оценки эффективности инновационных программ являются эффективными и

применимы не только в Курской области, но и в других субъектах РФ, а также на любых уровнях экономических систем региона.

УДК [334.723:656] (470.319)

UDC [334.723:656] (470.319)

Н.В. МИРОНЕНКО

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и управления народным хозяйством Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы

E-mail: mironenkonv@rambler.ru

М.С. КОХАНИК

студент факультета экономики и менеджмента Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы

E-mail: kohanik.masha@yandex.ru

N.V. MIRONENKO

candidate of Economic Sciences, Associate Professor of «Management and management of the economy» Orlovsky branch Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the RF

E-mail: mironenkonv@rambler.ru

M.S. KOHANIK

student Faculty of «Economics and Management» Orlovsky branch Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the RF

E-mail: kohanik.masha@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЕ НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS IN THE FIELD OF TRANSPORT ON THE EXAMPLE OF ORYOL

В статье исследуется существующий механизм государственно-частного партнерства при реализации дорожных проектов, а также в сфере транспортных услуг. На основе анализа зарубежного опыта структурированы модели ГЧП-проектов, применимые для регионов России. Предложена авторская модель формирования и развития государственно-частного партнерства в сфере дорожного строительства в Орловской области.

***Ключевые слова:** государственно-частное партнерство, дорожное строительство, типология контрактных отношений, транспортные услуги.*

The paper investigates the existing mechanism of public-private partnership in the implementation of road projects, as well as in transport services. Based on the analysis of foreign experience are structured models of public-private partnership projects that are applicable to the regions of Russia.

The authors model of the formation and development of public-private partnership in the field of road construction.

***Keywords:** public-private partnerships, road construction, types of contractual relations, transport services.*

Применение механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) особенно актуально для современного этапа развития российской экономики. При переходе к рыночному хозяйству роль государства кардинально изменилась, в связи с чем нехватка средств на финансирование социально значимых программ требует координации действий совместно с неотъемлемой частью конъюнктуры рынка – частным бизнесом. Государственно-частное партнерство представляет собой сбалансированное сочетание государственного сектора с его регулирующей и защитной функциями и частного сектора, обладающего ресурсами, управленческими навыками и технологиями. Сотрудничество, как известно, предполагает взаимный интерес обеих сторон сделки. В данном случае государство добивается реализации социально направленных проектов, сокращая объем бюджетных средств, потраченных на их осуществление. А частный сектор повышает таким образом конкурентоспособность бизнеса, получает экономические выгоды в результате осуществления партнерских проектов, увеличивает качество и эффективность внедрения результатов научных разработок, расширяет возможности для осуществления инноваций.

Исходя из вышесказанного, государственно-частное партнерство – это ключевой механизм, способствующий улучшению рыночной экономической системы. По нашему мнению, применимо к Российской Федерации приоритетными в отношении ГЧП являются объекты транспортной инфраструктуры. Это обусловлено тем, что существует определенная зависимость между уровнем развития государства, уровнем жизни населения и отраслью, которая определяется в государстве в качестве приоритетной для развития с помощью механизмов государственно-частного партнерства. Соответственно, большинство развитых стран выбирает социальную инфраструктуру в качестве приоритета, в то время как развивающиеся страны (Бразилия, Мексика, Саудовская Аравия и в том числе Россия) – транспортную отрасль.

В качестве подтверждения вышеизложенного приведем данные исследования британской аудиторско-консалтинговой компании «Ernst & Young» за 2012 год, представленные на рисунке 1. Следует отметить, что по мнению 80% респондентов, именно транспортная инфраструктура в России является наиболее перспективной в течение ближайших пяти-десяти лет.

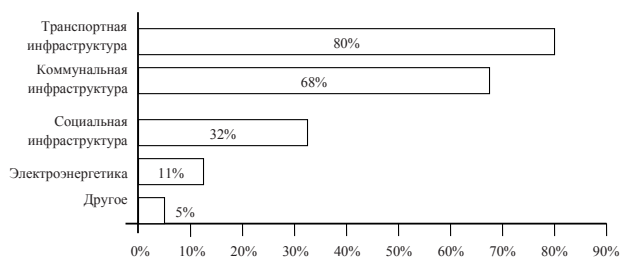

Рис. 1. Оценка отраслевой привлекательности ГЧП в России в течение ближайших 5-10 лет [8].

Уже сегодня механизм государственно-частного партнерства активно используется в развитии транспортной сети в России: при строительстве портовой и железнодорожной инфраструктуры, при ремонте, строительстве и эксплуатации автомобильных дорог, авиалиний, при создании транспортно-логистических центров и в разнообразных других проектах.

Одним из наиболее ярких и успешно функционирующих примеров подобного рода может служить государственная компания «Автодор», ставшая лидером строительства платных дорог. В доверительном управлении компании находятся три действующие трассы: М–1, М–3 и М–4 и строящаяся М–11 Москва – Санкт-Петербург.

На этих объектах используются все возможные формы государственно-частного партнерства – концессионные (прямой сбор платы и контракт жизненного цикла), долгосрочные соглашения, операторские контракты и инвестиционные соглашения на проектной стадии.

Следует отметить, что концессии являются одной из наиболее популярных форм привлечения частного в сфере дорожного строительства и транспортных услуг. Сущность ее заключается в следующем: концессионеру государство передает права на эксплуатацию объектов дорожной инфраструктуры в обмен на вознаграждение.

В частности, в рамках действующих в России фор-

матов концессионных контрактов инфраструктурные объекты строятся и эксплуатируются частным инвестором в течение определенного срока (30 лет), а затем передаются государству. Также распространено несколько разновидностей концессионных соглашений. Например, построенный концессионером объект может находиться в собственности государства, но эксплуатироваться концессионером. Возможна модель, при которой концессионер строит объект, получает его в собственность и эксплуатирует.

Одной из проблем реализации концессионных отношений в ГЧП-проектах дорожной сферы является отсутствие западных инвесторов, хотя первоначально прогнозировалась активность именно западных компаний. В настоящее время форпостом дорожных проектов являются крупные банки или государство.

Типология контрактных отношений, утвержденных по дорожным проектам ГК «Автодор» в 2012-2014 гг., представлена в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, в России кроме концессионной формы получает также распространение контракт жизненного цикла и операторский контракт. Отличительной особенностью операторского контракта является необходимость привлечения дополнительного инвестора после реконструирования дороги для оказания дополнительных элементов дорожной инфраструктуры.

Особого внимания, безусловно, заслуживают действующие модели государственно-частных проектов, которые уже сейчас используются и являются потенциально пригодными для условий России как при строительстве платных автомобильных дорог, так и при строительстве искусственных сооружений на дорогах и иных транспортных объектов (таблица 2).

Как видно из таблицы 2, модели ГЧП применимы не только к строительству и эксплуатации платных дорог. [4]

Таблица 1.

Типология контрактных отношений по дорожным проектам ГК «Автодор», 2012-2014 гг. [6]

Наименование участка	Длина, км (платные участ.)	Вид ГЧП	Сроки строительства (комплексного обустройства)	Стоим. строит-ва, млрд руб. (в ценах 2011 г.)	Доля частного капитала, %
Москва-СПб (км 58 – км 149)	91	Концессионное соглашение	2014-2017	52	30
Москва-СПб км 646 – км 684	38	Контракт жизненного цикла	2014-2016	32	30
М-4 «Дон» км 21 – км 225	204	Операторский контракт	2013-2014	8,2	40
М-4 «Дон» км 715 – км 1119	404	Операторский контракт	2013-2014	6,5	20
М-4 «Дон» км 633 – км 715	82	Контракт жизненного цикла	2015-2016	34,2	25
М-4 «Дон» км 1385 – км 1442	57	Контракт жизненного цикла	2015-2018	54	30
М-7 «Волга»(обход г. Балашиха и Ногинск)	37	Концессионное соглашение	2015-2017	50	50
М-1 «Беларусь» км 33 – км 456	423	Контракт жизненного цикла	2013-2013	147,9	30

Существует механизм применения концессионной модели долгосрочных контрактов для реализации проектов строительства и реконструкции автомобильных дорог, эксплуатируемых на бесплатной основе. Рекомендуемая схема предусматривает привлечение на основе концессионного договора инвестиций частного сектора для выполнения работ по реконструкции, содержанию и ремонту автодороги с последующим возмещением расходов государственным сектором при условии обеспечения инвестором всех нормативных показателей транспортно-эксплуатационного состояния автодороги, определенных в соглашении.

Срок договора может быть продлен, при этом государственный сектор обязуется финансировать проект путем распределения компенсационных платежей на весь жизненный цикл объекта, что позволит частному сектору облегчить бюджетную нагрузку, распределив ее на более длительный период времени.

Интерес ко многим уже функционирующим транспортным ГЧП-проектам со стороны инвесторов возникает, прежде всего, в связи с их федеральным статусом. Однако и на региональном уровне существует взаимодействие власти и бизнеса в транспортной сфере. Примером может служить Ульяновская область, где имеется хорошо развитая транспортная инфраструктура: два аэропорта, причем один международный, с крупнейшей в Европе ВПП, также через область проходят две автомобильные трассы федерального значения. По железной дороге регион связывают отделения РЖД – Куйбышевское, Горьковское, Поволжское. Через глубоководный речной порт на Волге Ульяновск имеет выход к бассейнам Каспийского и Балтийского морей. Ульяновская область уже имеет такой транспортный объект, в котором удачно сочетаются интересы государственного и частного сектора. Это портовая особая экономическая зона, расположенная на территории аэропорта. Ее создание и развитие стало возможным, прежде всего, за счет прогрессивного регионального законодательства – закона Ульяновской области о раз-

витии инвестиционной деятельности, принятого еще в 2005 году. Этот закон предусматривает существенные налоговые льготы и субсидии со стороны государства. Также потенциальные инвесторы имеют существенную организационную поддержку со стороны администрации, а это иногда даже важнее финансовой.

Обратим внимание на ситуацию, сложившуюся в транспортной сфере Орловской области. Техническое состояние муниципального транспорта критично, частные перевозчики зачастую сходят с маршрутов, нарушая тем самым дорожные нормы, а также от граждан постоянно поступают жалобы на состояние тротуаров и трасс. Уже с 1 января 2014 года в Орловской области будет сформирован инвестиционный фонд согласно принятому закону № 245-5 «Об инвестиционном фонде Орловской области». В соответствии с данным законом инвестиционный фонд – это «часть средств областного бюджета, подлежащая использованию в целях реализации на территории Орловской области инвестиционных проектов, осуществляемых на принципах государственно-частного партнерства».

Один проект, профинансированный за счет средств регионального фонда, повлечет за собой возможность финансирования дальнейших проектов посредством денежных вложений из федерального инвестиционного фонда. Это большая перспектива для дальнейшего развития области. И начинать нужно с развития транспортной инфраструктуры как самого перспективного направления, что уже пояснялось выше.

Транспортная сфера имеет две составляющих: транспортные услуги и дорожное строительство. Для конкретизации и выявления особенностей применения ГЧП по каждому из этих направлений рассмотрим их в отдельности. Что касается транспортных услуг, использование государственно-частных партнерств предполагает достижение определенных целей в различных областях, а именно в социальной, рыночной и экологической, что систематизировано нами и представлено на рисунке 2.

Таблица 2.

Модели ГЧП-проектов, применимые для регионов России

Название модели	Описание модели
«Проектирование, конкурс и строительство» (DBB – Design, Bid, and Build)	традиционная для нашего государства структура реализации проекта на основе ГЧП, в которой государственный сектор заключает с подрядчиками отдельные договоры на проектирование, строительство и эксплуатацию объекта при полном государственном финансировании проекта и принятии государством на себя всех видов связанных с его осуществлением рисков
«Проектирование и строительство» (DB – Design, and Build)	государство заключает единое соглашение на проектирование и строительство инвестиционного транспортного проекта с условием передачи рисков, связанных с обязательствами по данному соглашению, частному сектору
«Проектирование, строительство и эксплуатация» (DBO – Design, Build, and Operate)	государство заключает единое соглашение на проектирование, строительство и эксплуатацию инвестиционного транспортного проекта с условием передачи рисков, связанных с обязательствами по данному соглашению, частному сектору
«Проектирование, строительство, финансирование и эксплуатация» (DBFO – Design, Build, Finance, and Operate)	государство заключает с частным инвестором концессионное или иное соглашение на финансирование, проектирование, строительство и эксплуатацию проекта с условием передачи всех рисков, связанных с обязательствами по данному соглашению, частному сектору

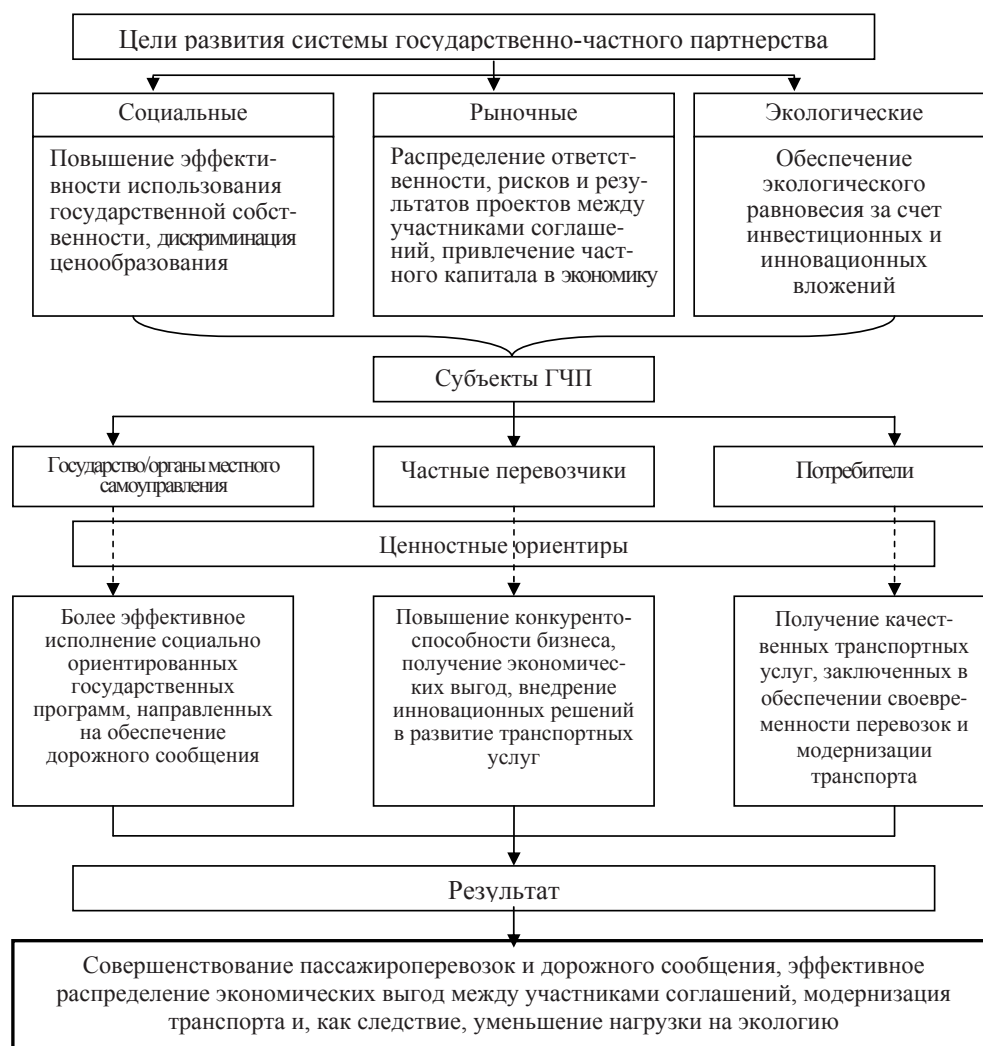

Рис. 2. Модель формирования и развития государственно-частного партнерства в сфере транспортных услуг.

Причем основной задачей ГЧП в данном случае является нивелирование противоречий, возникающих между социальной и рыночной средой: с одной стороны, государственно-частные партнерства способствуют развитию и совершенствованию муниципального транспорта, с другой стороны, привлекают частный капитал в данный сектор. На сегодняшний день в Орловской области между частными перевозчиками и общественным транспортом идет конкурентная борьба, которая, как было отмечено выше, не дает положительных результатов. Скорее наоборот: муниципальный транспорт устаревает, а частные перевозчики не получают экономических стимулов для дальнейшего развития.

Соответственно, модель формирования и развития государственно-частного партнерства в сфере транспортных услуг, представленная на рисунке 2, позволит улучшить ситуацию с пассажироперевозками и удовлетворит интересы всех сторон соглашения: органов местного самоуправления, частных перевозчиков и потребителей транспортных услуг.

В области дорожного строительства использование государственно-частных партнерств вписывается в институциональные рамки. Следовательно, при их внедрении необходимо учесть формальные и неформальные нормы, существующие в обществе. Определенным об-

разом в данном сегменте рынка ГЧП уже находят свое применение. Поэтому нами предложены инструменты по совершенствованию взаимодействия субъектов ГЧП, а именно административно-командные и экономические инструменты. Описание модели формирования и развития государственно-частного партнерства в сфере дорожного строительства приведено на рисунке 3.

Эта модель позволяет совершенствовать как законодательство и стандарты в области ГЧП в транспортной сфере, так и активно привлекать общественные организации к обслуживанию проектов и совершенствованию механизмов управления транспортной инфраструктурой. В частности, представляла бы интерес общественная экспертиза эффективности использования средств федерального и местного бюджетов, вложенных в реконструкцию дорог.

Например, 2012-2014 годах ведется реконструкция автодорог «Крым» на участке «Орел-Мценск», при этом пропускная способность участка в 40 км так и не выросла, поскольку по проекту это лишь две, а не четыре полосы движения.

Анализируя зарубежный опыт развития рынка государственно-частного партнерства, можно сделать вывод о том, что в сфере транспортных услуг Орловской области первые результаты от внедрения данного меха-

низма могут прослеживаться примерно через 7 лет.

Впрочем, в области дорожного строительства возможные улучшения будут наблюдаться уже через 3-4 года, так как данный сектор находится на более высокой ступени развития. Поэтому, чтобы ускорить процесс совершенствования транспортной отрасли в Орловской области, необходимо создать институциональные рамки формирования и развития государственно-частного партнерства в сфере дорожного строительства.

Для Орловской области вопросы строительства современных дорог особенно актуальны, так как представляют варианты разгрузки трассы М-1 «Москва-Мценск», как трасса «Брест-Гомель-Орел-Тамбов», и традиционно значимой дороги «Крым», а при строительстве от Тулы дороги Крым-2, Орел вос-

становит свое значение промежуточного узла, находящегося в середине пути между Москвой и Харьковом.

Одним словом, центральное положение Орла обусловлено стандартным «1000 километровым плечом перевозок», то есть «на все четыре стороны» одна тысяча километров – до С.-Петербурга, Бреста, Астрахани, Урала.

Таким образом, реализация государственно-частного партнерства в сфере дорожного строительства в Орловской области, на наш взгляд, становится необходимой задачей и обуславливается стремлением государства и крупных частных компаний реализовывать и привлекать инвесторов в дорогостоящие долгосрочные проекты, реализация которых приносит выгоды обеим сторонам партнерства.

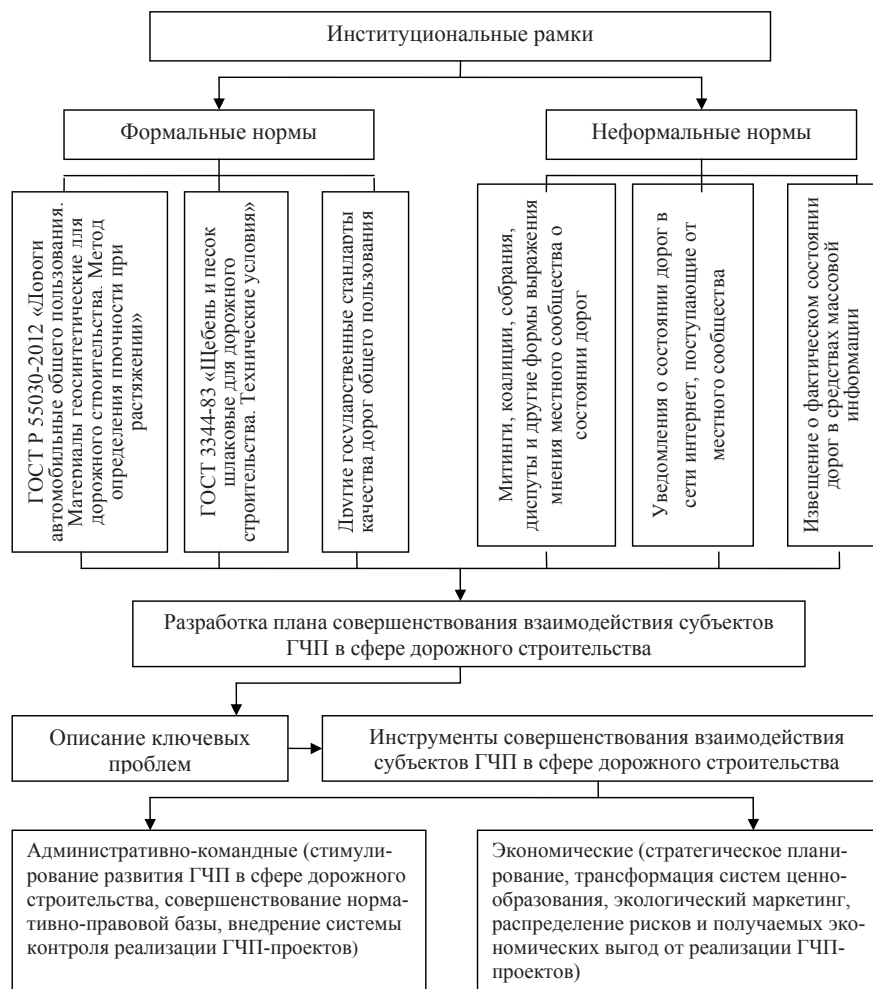

Рис. 3. Модель формирования и развития государственно-частного партнерства в сфере дорожного строительства.

Библиографический список

1. Васильева Е.И., Минин М.В. Роль государственно-частного партнерства в модернизации инфраструктуры (на примере зарубежных стран)//ЭГО: экономика, государство, общество. 2012, №4. <http://ego.uapa.ru/issue/2012/04/07/>
2. Государственно-частное партнерство//Российская Бизнес-газета. №853 (24) <http://www.rg.ru/2012/07/03/infrastruktura.html>
3. Кулькова В.Ю. Направления развития региональных теорий в контексте исследования различий социально-экономического развития территории//Региональная экономика: теория и практика. 2006. № 11. С. 61-72.
4. Максимов В.В. Государственно-частное партнерство в транспортной инфраструктуре: критерии оценки концессионных конкурсов. М.:Альпина Паблишерз, 2010-173 с. [http://www.pppinrussia.ru/userfiles/upload/files/Library/_\(enc\).pdf](http://www.pppinrussia.ru/userfiles/upload/files/Library/_(enc).pdf)
5. Мироненко Н.В. Особенности формирования сетевой модели публичного государственного управления в регионах ЦФО//Экономика образования. 2011. № 3. С. 197-199
6. Полякова И. ГЧП берет разбег//газета «Транспорт России»- <http://www.transportrussia.ru/finansy.-investitsii.-nalogi/gchp-beret-razbeg.html>

7. Развитие инфраструктуры: тенденции и перспективы. Бюллетень компании Делойт. // <http://www.deloitte.com/assets/Dcom-Kazakhstan/pdf>
8. Федорова Е.А., Гурина В.А. Определение факторов, влияющих на эффективность развития государственно-частного партнерства в РФ // Аудит и финансовый анализ №2. 2012. <http://www.auditfin.com/fin/2013>

References

1. Vasilyeva E.I., Minin M.V. The role of public- private partnerships in infrastructure upgrades (for example, foreign countries) // EGO : the economy , the state , society -2012. P. 4 - <http://ego.uapa.ru/issue/2012/04/07/>
2. Public- Private Partnership // Russian Business Newspaper. № 853(24) <http://www.rg.ru/2012/07/03/infrastruktura.html>
3. Kulkova V.Yu. Napravleniya regional development theories in the context of the study differences in socio- economic development of the area // Regional Economics: Theory and Practice. 2006 . - № 11. - P. 61-72 .
4. Maximov V. Public-private partnerships in the transport infrastructure : the evaluation criteria concession tenders -M.: Alpina Publishers, 2010-173 s. [http://www.pppinrussia.ru/userfiles/upload/files/Library/_\(enc\).Pdf](http://www.pppinrussia.ru/userfiles/upload/files/Library/_(enc).Pdf)
5. Mironenko N.V. Features of the formation of the network model of public governance in the regions of the Central Federal District // Economics of Education. - 2011. - № 3. -С. 197-199.
6. Polyakova I. Public-private partnerships take off run // newspaper «Transport of Russia » - <http://www.transportrussia.ru/finansy.-investitsii.-nalogi/gchp-beret-razbeg.html>
7. Development of infrastructure : trends and prospects. Bulletin of Deloitte . // [Http://www.deloitte.com/assets/Dcom-Kazakhstan/pdf](http://www.deloitte.com/assets/Dcom-Kazakhstan/pdf)
8. Fedorov E.A., Gurin V.A. Identification of factors that influence the effectiveness of public-private partnership in Russia // Audit and Financial Analysis № 2-2012-<http://www.auditfin.com/fin/2013>

УДК 353.2

UDC 353.2

Н.В. НЕВЕЙКИНА

кандидат экономических наук, доцент Воронежского государственного университета
E-mail: nnv10011976@mail.ru

N.V. NEVEYKINA

candidate of economic sciences, associate professor,
Voronezh state university
E-mail: nnv10011976@mail.ru

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

FACTORS OF DEVELOPMENT OF THE REGION

Актуальность исследования теоретических основ управления регионом обусловлена все возрастающим интересом к процессу регионального развития. В работе представлен авторский подход к исследованию теоретико-методологических основ факторов эффективного управления развитием региона, исследуемая категория структурирована, выделены основные компоненты.

Ключевые слова: региональное управление, регион.

Relevance of research of theoretical bases of management of the region is caused by escalating interest to process of regional development. In work author's approach to research of teoretiko-methodological bases of factors of effective management by the region development is presented, the studied category is structured, the main components are allocated.

Keywords: regional government, region.

В научной литературе нет единого мнения относительно факторов регионального развития. Исследователи выделяют различные их группы и виды.

Факторы (от лат. factor – делающий, производящий) – причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные его черты [16].

Таким образом, под фактором регионального развития следует понимать совокупность движущих сил, определяющих процесс социально-экономического развития региона.

По вопросу факторов регионального развития в научной литературе представлена широкая дискуссия. Рассмотрим вначале существующие подходы, а затем представим собственный авторский подход.

Методом дедукции – от общего к частному – исследуем факторы, сначала рассмотрим группы, а затем – виды.

Все факторы регионального развития принято делить на: 1) внешние (за счет внешних источников) и внутренние (за счет внутренних источников); 2) экономические и неэкономические (военно-политические

и пр.) [19]; экономические, в свою очередь, делятся на 3) экстенсивные (увеличение объемов использования ресурсов) и интенсивные (увеличение эффективности использования ресурсов, инновации) [22, 19, 16]; 4) контролируемые (в компетенции руководства региона) и неконтролируемые (не определяются органами власти региона) [5]. Совокупность неконтролируемых факторов подразделяется на факторы макроуровня (мировые тенденции и условия конкретной страны) и факторы мезоуровня (условия рынка конкретного региона) [5].

Использование экономического аспекта при делении групп факторов мы считаем неполным. Более обоснованно определить шесть групп факторов в рамках каждого идентификационного признака региона как многомерной системы: территориальный, административный, экономический, институциональный, организационный, демографический.

Мы согласны с делением факторов по критерию «пространственность» на две группы: внешние и внутренние. Такое деление увязывается с характеристикой региона – частичная открытость. Источником внешних факторов является внешняя среда в процессе обмена по «открытым каналам», источником внутренних – внутренняя среда, представленная подсистемами с их элементами.

Из этих характеристик вытекает разделение факторов по критерию «ограниченность» на две группы: ограниченные и неограниченные факторы развития. Факторы, источником которых является внешняя среда, не ограничены, факторы, источником которых является внутренняя среда, могут быть либо ограничены, если природа их возникновения в закрытом или в частично закрытом идентификационном пространстве (территориальный, экономический, организационный), либо не ограничены, если источник их возникновения – идентификационное пространство, обменивающееся с внешней средой по «открытым каналам».

По критерию «контролируемость» факторы могут быть разделены на три группы: полностью контролируемые, частично контролируемые и неконтролируемые. Контролируемость со стороны региональной власти заключается в возможности влияния на них в процессе управления регионом с использованием определенного инструментария. Контролируемые факторы могут быть как среди внутренних, так и среди внешних, их точнее назвать «частично контролируемыми». Неконтролируемые факторы относятся к группе внешних факторов.

По критерию «возобновляемость» факторы можно разделить на две группы: возобновляемые и невозобновляемые.

Мы бы не стали выделять в отдельную группу интенсивные и экстенсивные факторы, поскольку факторы как движущая сила по своей экономической сущности и содержанию представляют собой «что» (в терминологии К. Маркса [8] – «предмет труда») и «посредством чего» (в терминологии К. Маркса [8] – «средства труда») развивать, а вопрос «как» развивать – повышать ли эффективность использования ресурсов или просто

увеличивать объем использования ресурсов – должен решаться непосредственно в процессе эффективного управления развитием региона. Мы считаем, что по своему экономическому содержанию это процессный вопрос, а не предметный.

Рассмотрим виды факторов развития региона в контексте каждого идентификационного пространства.

Факторы развития региона в территориальном идентификационном пространстве наиболее часто встречаются в научных работах.

А. Полынёв к числу основных территориальных факторов экономического развития региона наряду с другими относит: современное геоэкономическое (в том числе транспортно-географическое) положение региона; обеспеченность региона важнейшими видами минерально-сырьевых, топливно-энергетических, лесных и водных ресурсов, сельскохозяйственных угодий, запасов морепродуктов на прилегающей части материкового шельфа [12]. Ю. Вертакова и Е. Харченко наряду с прочими выделяют следующие факторы: степень обеспеченности региона ресурсами; геополитическое положение региона [20]. А. Андреев к основным факторам развития территории наряду с прочими относит транспортно-географическое положение [1]. А. Гранберг в состав факторов развития включает в том числе: экономико-географическое положение [4].

Обобщив существующие подходы, мы пришли к выводу о целесообразности выделения следующих территориальных факторов:

- транспортно-географическое положение характеризует близость к центральным транспортным развязкам, к основным магистралям. Транспортные магистрали являются «артериями» региона, по которым осуществляется передвижение товаров. Кроме этого транспортные магистрали общероссийского масштаба могут выступать дополнительным фактором для развития придорожного сервиса (отели, кафе, автосервис и т.д.);
- природно-ресурсный характеризует наличие немобильных ресурсов на данной территории (реки, леса);
- климатический фактор оказывает влияние на развитие в регионе индустрии туризма и отдыха, а также лечебно-оздоровительного направления;
- туристско-рекреационный потенциал является резервом развития в регионе туристско-спортивной индустрии.

Административные факторы представлены в работах отдельных авторов.

А. Андреев к основным факторам развития территории относит в том числе организационные факторы: эффективность системы управления, существующие отношения между уровнями власти, отношения власти и хозяйствующих субъектов, наличие стратегии развития территории и программ социально-экономического развития, степень участия общественности в процессе управления развитием территории [1]. Ю. Вертакова и Е. Харченко в числе прочих определяют следующие факторы: социально-политическая стабильность в регионе; геополитическое положение региона [20].

А. Гранберг в состав факторов развития выделяет выполнение федеральных и региональных программ [4].

Мы считаем необходимым представить административный блок факторов следующими:

- качество регионального менеджмента, зависящее от уровня образования региональных менеджеров, влияет на эффективность управления развитием региона;

- открытость власти для диалога с обществом через общественные организации и объединения (общественная палата, партии, союзы, объединения, кооперативы и др.)

Экономические факторы развития региона присутствуют в работах многих исследователей. Приведем некоторые подходы.

К. Макконнелл и С. Брю рассматривают лишь факторы в экономическом пространстве, формируя их по шести основным группам. Первые четыре фактора они объединяют под названием «факторы предложения»: 1) количество и качество природных ресурсов; 2) количество и качество трудовых ресурсов; 3) объем основного капитала; 4) технология. Эти факторы делают рост производства физически возможным. Пятый и шестой факторы – факторы спроса и факторы распределения – направлены на обеспечение эффективного раздела ресурсов с целью максимального удовлетворения потребностей общества [7].

М. Портер в качестве основных факторов развития стран и регионов определяет трудовые и природные ресурсы, коммуникации, науку и образование [13].

Е. Тихомиров выделяет две основные группы факторов: первичные – ресурсные (численность занятых, основные фонды, инвестиции в основной капитал и т.п.); вторичные – процессные, характеризующие эффективность использования ресурсов (рост производительности труда, фондоотдачи, энергоемкости; изменение структуры инвестиции и т.п.) [18]. Первичные здесь представлены лишь экономическими, а вторичные, на наш взгляд, не относятся к факторам, они характеризуют эффективность управления факторами, их использования.

Экономические факторы рассматривают и О. Коробова, Б. Герасимов, В. Быковский: собственный ресурсный потенциал региона (трудовые, природные, производственные, финансовые, инвестиционные ресурсы) и привлекаемые в регион ресурсы (централизованные капитальные вложения, капитальные вложения других субъектов Федерации, иностранные капитальные вложения), а также реальные процессы общественного производства [6].

А. Мироедов выделяет пять классических групп экономических ресурсов (далее он называет их факторами – Н.Н.): природные ресурсы, количество и качество трудовых ресурсов, затраты капитала, технический прогресс, экономия, обусловленная масштабами производства [9].

Экономический подход представлен также в работе В. Воротина. Он выделяет группы инновационных, инвестиционных факторов и факторов, определяющих

структурную мобильность экономики [3].

Ф. Аралбаева, Т. Кузаева отмечают, что действующие в современных условиях тенденции предполагают постепенный переход в развитии региональной социально-экономической системы к приоритету инновационных факторов: стратегических приоритетов развития региона, инвестиционной привлекательности, инноваций, инновационного предпринимательства региона, развитием малого и среднего бизнеса, имиджа региона, использованием бенчмаркинга [2].

На наш взгляд, экономические факторы должны быть представлены:

- факторами производства: трудовые ресурсы (квалификация и профессионализм); капитал (инвестиции, поступления из федерального бюджета); земля; предпринимательские способности;

- инновационными факторами: инновации, научно-технический потенциал способствуют повышению производства наукоемкой продукции, повышению производительности труда;

- факторами спроса и предложения: совокупный спрос со стороны населения, предприятий, органов власти является резервом развития, особенно для работ и услуг, производимых в регионе, которые не мобильны; совокупное предложение является резервом для развития смежных, параллельных отраслей.

Институциональные факторы развития встречаются в работе А. Полынёва. Он наряду с другими к числу основных территориальных факторов экономического развития региона относит степень завершенности в регионе структурных и институциональных рыночных реформ [12].

На наш взгляд, институциональные факторы развития региона представлены следующими:

- формальные правила ведения хозяйственной деятельности;

- неформальные правила могут выступать как резервом, так и тормозом развития территории. Задача органов власти заключается в минимизации негативного их влияния и в усилении положительного. Важное место отводится информационным ресурсам, которые оказывают влияние на неформальные правила посредством СМИ, информации в научной, публицистической литературе, краудсорсинга и др.

В организационном пространстве факторы развития региона также представлены в ряде научных работ.

А. Полынёв к числу основных территориальных факторов экономического развития региона наряду с прочими относит: степень развития в регионе производственной, социальной и рыночной инфраструктуры, строительной базы; степень завершенности в регионе структурных и институциональных рыночных реформ [12]. А. Андреев вместе с другими факторами рассматривает институциональные рынки: наличие инфраструктуры для развития бизнеса [1]. А. Гранберг в состав факторов развития включает инфраструктуру [4].

Мы считаем необходимым выделять в составе организационных факторов наличие и развитость внутрирегиональных организационных структур: особые

экономические зоны регионального и федерального уровня, индустриальные и технологические парки, кластеры, на территории которых создается необходимая для ведения бизнеса инфраструктура, обеспечивается льготный режим налогообложения. Все это создает предпосылки для ведения и расширения бизнеса на определенных территориях и в определенных отраслях, привлечения внешних инвесторов.

Демографическая группа факторов широко представлена в работе Н. Островского, который группирует факторы по трем направлениям: экологические, экономические и социальные. Социальные, в свою очередь, представлены блоком демографических факторов: реальные доходы населения; продолжительность жизни; рождаемость; смертность; показатели здоровья; занятость населения; осознание населением экологических проблем; готовность населения на самоограничения по экологическим причинам [10].

Мы согласны с его мнением и определяем основным фактором в демографическом пространстве население (возрастной состав, доходы, продолжительность жизни, рождаемость, смертность), которое наряду с прочим выступает источником спроса, трудовыми ресурсами.

В работах ряда авторов сделаны попытки изложения факторов развития региона в нескольких идентификационных пространствах. Обобщим их.

Например, Б. Плышевский выделяет такие факторы:

- экономический: реальные (ресурсы экономики и эффективность применения). К реальным факторам относит: труд, землю, капитал и природные ресурсы, а также параметры их эффективности – производительность труда, отдача капитала;

- административный: экономические механизмы и инструменты управления, социально-политические факторы [11].

Н. Островский группирует факторы по трем направлениям:

- экологические: качество окружающей среды в сравнении с гигиеническими и экологическими нормативами (атмосферный воздух, питьевая вода, шум, электромагнитные поля, рекреационные зоны); обеспеченность ресурсами экономики и социальной сферы (минеральное сырье, вода, пашня, лес, водные объекты как приемники сточных вод, атмосфера как приемник выбросов, земли для размещения отходов);

- экономические: зависимость от внешних источников сырья; зависимость от внешних источников энергии; зависимость от внешних источников рабочей силы; зависимость от внешних потребителей продукции; зависимость от внешних потребителей отходов.

- социальные: реальные доходы населения; продолжительность жизни; рождаемость; смертность; показатели здоровья; занятость населения; осознание населением экологических проблем; готовность населения на самоограничения по экологическим причинам [10].

Ю. Вертакова и Е. Харченко определяет следующие факторы:

- экономический: уровень развития народнохозяйственного комплекса региона; степень обеспеченности трудовыми ресурсами и уровень их квалификации; степень обеспеченности региона ресурсами;

- территориальный: уникальные свойства региона, имеющие ценность в масштабах страны и в общемировом аспекте;

- административный: социально-политическая стабильность в регионе; геополитическое положение региона [20].

А. Гранберг в состав факторов развития включает:

- территориальный: экономико-географическое положение;

- экономический: трудовые ресурсы; научно-технический потенциал, конкурентоспособность основных отраслей и крупнейших предприятий;

- организационный: инфраструктуру; транспортный фактор;

- административный: выполнение федеральных и региональных программ [4].

А. Андреев к основным факторам развития территории относит:

- экономический: рыночная конъюнктура (текущее состояние экономики, деловой климат, перспективы роста территории); трудовые ресурсы (возрастной состав, безработица, качество трудовых ресурсов, их квалификация и профессионализм); научно-технический потенциал территории; финансово-экономические факторы (условия для инвестиций, баланс доходов и расходов, уровень рентабельности хозяйствующих субъектов);

- организационный: институциональные рынки: наличие инфраструктуры для развития бизнеса;

- территориальный: транспортно-географическое положение;

- административный: организационные факторы включают в себя: эффективность системы управления, существующие отношения между уровнями власти, отношения власти и хозяйствующих субъектов, наличие стратегии развития территории и программ социально-экономического развития, степень участия общественности в процессе управления развитием территории [1].

А. Полынёв к числу основных факторов развития региона относит:

- экономический: общий уровень накопленного в регионе экономического (в том числе конкурентного) потенциала; общий уровень совокупного спроса; уровень развития в регионе инноваций, высокотехнологичных отраслей и видов экономической деятельности, включая информационно-телекоммуникационный комплекс; обеспеченность региона квалифицированными трудовыми ресурсами с учетом их мобильности и сравнительной стоимости рабочих мест; обеспеченность региона важнейшими видами минерально-сырьевых, топливно-энергетических, лесных и водных ресурсов, сельскохозяйственных угодий, запасов морепродуктов на прилегающей части материкового шельфа; уровень энергообеспеченности территории региона; фактическая степень диверсификации структуры региональной экономики;

– территориальный: современное геоэкономическое (в том числе транспортно-географическое) положение региона;

– организационный: степень развития в регионе производственной, социальной и рыночной инфраструктуры, строительной базы;

– институциональный: степень завершенности в регионе структурных и институциональных рыночных реформ;

– административный: действующий механизм регулирования экономического развития на субфедеральном уровне [12].

И. Челноков, Б. Герасимов, В. Быковский выделяют восемь основных ресурсных факторов:

1. ресурсно-сырьевой (средневзвешенная обеспеченность балансовыми запасами основных видов природных ресурсов);

2. трудовой (трудовые ресурсы и их образовательный уровень);

3. производственный (результаты деятельности в основных сферах хозяйства региона);

4. инновационный (уровень развития НИОКР и их финансирования, внедрение достижений научно-технического прогресса в регионе);

5. институциональный (степень развития ведущих институтов рыночной экономики);

6. инфраструктурный (транспортно-географическое положение региона и его инфраструктурная обеспеченность);

7. финансовый (объем бюджетных доходов, прибыльность предприятий и доходы населения региона);

8. потребительский (совокупная покупательная способность населения региона) [21].

Общим недостатком всех представленных выше подходов является отсутствие полномасштабного учета факторов во всех шести идентификационных пространствах.

Вся совокупность факторов развития региона, сгруппированных по шести группам, представлена в таблице 1.

Выделение факторов развития региона является базисом для эффективного управления развитием регионов, основанном на рациональном их использовании.

Уместным было бы вспомнить рассуждение С. Растворцевой: «Природно-ресурсный фактор играет значительную роль в повышении эффективности развития региона. Наличие промышленных месторождений различных руд, нефти, газа и т.д. зачастую становится фундаментом развития региона. Однако богатство природных ресурсов не является решающим критерием развития. В мировой экономике известны случаи, когда имеющие природные ресурсы страны не достигли высокого уровня развития экономики, и наоборот, такие страны, как Япония, Израиль Южная Корея, смогли достичь высоких показателей экономического развития благодаря эффективному использованию имеющихся ресурсов» [15].

Процесс повышения эффективности использования / реализации факторов имеет своей целью «перемещение» региона из категории «менее успешных» в категорию «более успешных» в соответствии с классификацией регионов посредством применения инструментов регионального управления.

Таблица 1.

Факторы развития региона

Группа факторов	Виды факторов	Процесс повышения эффективности использования / реализации факторов
территориальные	– транспортно-географическое положение, – природно-ресурсный, климатический, – туристско-рекреационный потенциал;	– комплексное развитие региона, – рациональное использование потенциала и ресурсов
административные	– качество регионального менеджмента (уровень образования региональных менеджеров), – открытость власти для диалога с обществом	– повышение уровня знаний региональных менеджеров, улучшение качества оказания государственных услуг
экономические	– трудовые ресурсы (квалификация и профессионализм), – капитал, – земля, – предпринимательские способности, – инновации, научно-технический потенциал, – совокупный спрос и предложение;	– повышение производительности труда, фондоотдачи, – оптимальное развитие отраслей, – сбалансированность внутрирегиональных рынков
институциональные	– формальные правила, – неформальные правила, информационные ресурсы	– краудсорсинг
организационные	– наличие и развитость организационных структур	– создание организационных структур с развитой инфраструктурой, с диверсификацией в отраслевом и территориальном аспектах
демографические	– население (возрастной состав, доходы, продолжительность жизни, рождаемость, смертность)	– реализация комплекса мероприятий, направленных на стимулирование рождаемости и увеличение продолжительности жизни

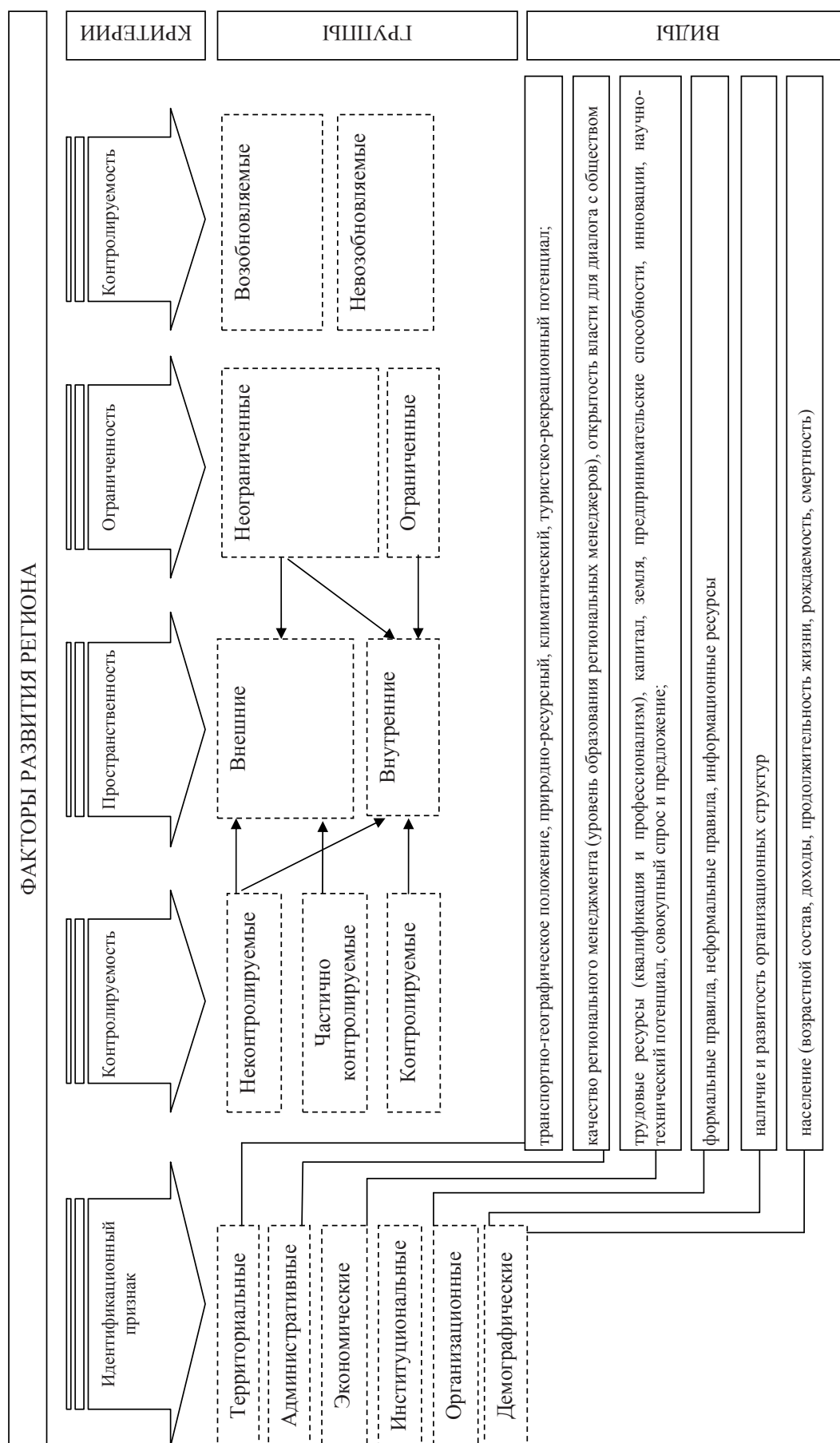

Рис. 1. Факторы регионального развития.

Укрупненно вся совокупность факторов регионального развития представлена на рисунке 1. Комментируя представленную схему, отметим, что в данном параграфе разработана классификационная модель факторов развития региона по критериям:

– критерий «идентификационный признак»: группа территориальных факторов, административных, экономических, институциональных, организационных, демографических;

– критерий «пространственность»: внешние и внутренние факторы;

– критерий «ограниченность»: ограниченные и неограниченные факторы;

– критерий «контролируемость»: полностью контролируемые, частично контролируемые и неконтролируемые факторы;

– критерий «возобновляемость»: возобновляемые и невозобновляемые факторы.

Библиографический список

1. Андреев А.В. Основы региональной экономики : учебное пособие / А.В. Андреев, Л.М. Борисова, Э.В. Плучевская. 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2000. С.141-145.
2. Аралбаева Ф.З., Кузаева Т.В. Инновационные факторы развития региональных социально-экономических систем // http://iupr.ru/domains_data/files/zurnal_14_11/Aralbaeva.pdf (дата: 03.11.2012г.)
3. Воротин В.Э. Макроэкономическое регулирование в условиях глобальной трансформации. Монография. К.: Знание, 2002. 165с.
4. Гранберг А. Г. Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации // Вопросы экономики. 2001. № 9. С. 15–27.
5. Коваленко Е., Зинчук Г., Кочеткова С., Маслова С., Полушкина Т., Рябова С., Якимова О. Региональная экономика и управление: Учебное пособие, 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2008. С.126-127.
6. Коробова О.В., Герасимов Б.И., Быковский В.В. Региональная экономика: реструктуризация системы управления развитием региона. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. С.14.
7. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т.: Пер. с англ. 11-го изд. Т.1. М.: Республика, 1992. С.381.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1988. XVIII. С.190.
9. Мироедов А.А. Совершенствование управления региональной экономикой на базе новой концепции его информационного обеспечения: автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора экономических наук: А.А. Мироедов. Иваново, 2007. С.18-19.
10. Островский Н. Критерии устойчивого развития: муниципальные аспекты // <http://n-t.ru/tp/ns/kur.htm> (дата: 03.11.2012г.)
11. Плышевский Б.П. Факторы развития российской экономики на этапе послекризисного восстановления // ТЕИС. 2004. С. 167–176.
12. Польшин А.О. Конкурентные возможности регионов: Методология исследования и пути повышения. М.: КРАСАНД, 2010. С.21-22.
13. Портер М. Международная конкуренция. М.: Международные отношения, 1993. 896с.
14. Сеньков В.И., Сенькова Н.В. Качество экономического роста регионов: теоретические аспекты, критерии оценки и методология анализа // региональная экономика: теория и практики. 2010. № 32 (167), С.12-18.
15. Растворцева С.Н. Сущность социально-экономической эффективности развития региона // <http://regionsar.ru/node/216> (дата: 03.11.2012г.)
16. Сеньков В.И., Сенькова Н.В. Качество экономического роста регионов: теоретические аспекты, критерии оценки и методология анализа // региональная экономика: теория и практики. 2010. № 32 (167), С.12-18.
17. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, С.1391.
18. Тихомирова Е.И. Комплексный подход к оценке устойчивости экономического роста и конкурентоспособности регионов Российской Федерации // Вопросы статистики, 2006. № 2, С.9-18
19. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. С.141.
20. Харченко Е.В. Государственное регулирование национальной экономики: учебное пособие / Е.В. Харченко, Ю.В. Вертакова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2011. С.75-78.
21. Челноков И. В., Герасимов Б. И., Быковский В. В. Региональная экономика: организационно-экономический механизм управления ресурсами развития региона / Под науч. ред. д-ра эконом. наук, проф. Б. И. Герасимова. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. С.31.
22. Экономика, управление и финансы региона в период его экономического роста. Монография / С.В. Лаптев, С.А. Демкина, Л.И. Мещерякова и др. под общей ред. д-ра экон. наук, проф. С.В. Лаптева. Воронеж: ВГПУ, 2008. С.15.

References

1. Andreev A.V. Bases of regional economy: manual / A.V. Andreev, L.M. Borisov, E.V.Pluchevskaya. – 2nd prod. I erased. – M: KNORUS, 2000. Page 141-145.
2. Aralbayeva F.Z. Kuzayeva T.V. Innovative factors of development of regional social and economic systems//http://iupr.ru/domains_data/files/zurnal_14_11/Aralbaeva.pdf (date: 03.11.2012r.)
3. Vorotin V. E. Macroeconomic regulation in the conditions of global transformation [Text]: monograph / Century of E.Vorotin. – To. : Knowledge, 2002. – 165c.
4. Granberg, A.G.Strategiya of territorial social and economic development of Russia: from idea to realization//economy Questions. – 2001. – No. 9. – Page 15-27.
5. Kovalenko E. Zinchuk G., Kochetkova S., Maslov S., Polushkina T. Ryabov S., Yakimov O. Regional economy and management:

Manual, 2nd prod. reslave. and additional – SPb. : St. Petersburg, 2008. – Page 126-127.

6. *Korobova O. V., Gerasimov B. I. Bykovsky V.V.* Regionalnaya economy: restructuring of a control system by region development. - Tambov: Publishing house of Tamb. the state. техн. un-that, 2002. – Page 14.

7. *Makkonnell K.R.* Page Bryu. L.Ekonomiks: Principles, problems and policy. In 2 t. : The lane from English 11th prod. T.1. – M: Republic, 1992. – Page 381.

8. *Marx K.* Capital. Criticism of political economy. T. I. Book of I. Process of production of the capital. - M: Politizdat, 1988. XVIII. - Page 190.

9. *Miroyedov A.A.* Improvement of management by regional economy on the basis of the new concept of its information support: автореф. yew. on competition of a scientific degree of the Doctor of Economics: A.A.Miroyedov. – Ivanovo, 2007. – Page 18-19.

10. *Ostrovsky N.* Criteria of a sustainable development: municipal aspects / <http://n-t.ru/tp/ns/kur.htm> (date: 03.11.2012г.)

11. *Plyshevsky, B.P.* Faktory of development of the Russian economy at a stage of post-crisis restoration//TEIS. 2004 . Pp 167-176.

12. *Polynyov A.O.* Competitive opportunities of regions: Methodology of research and increase way. M: KRASAND, 2010. Pp 21-22.

13. *Porter M.E.* International competition. – M: International relations, 1993. – 896с.

14. *Senkov V. I. Senkova N. V.* Quality of economic growth of regions: theoretical aspects, criteria of an assessment and analysis methodology//regional economy: theory and practitioners. – 2010 . - No. 32 (167), Page 12-18.

15. *Rastvortseva S. N.* Essence of social and economic efficiency of development of the region//<http://regionsar.ru/node/216> (date: 03.11.2012г.)

16. *Senkov V. I. Senkova N. V.* Quality of economic growth of regions: theoretical aspects, criteria of an assessment and analysis methodology//regional economy: theory and practitioners. – 2010 . - No. 32 (167), Page 12-18.

17. Soviet encyclopedic dictionary/HI. edition of A.M.Prokhorov. – 2nd prod. – M: Soviet encyclopedia, Page 1391.

18. *Tikhomirov E.I.* Integrated approach to an assessment of stability of economic growth and competitiveness of regions of the Russian Federation//statistics Questions, 2006. - No. 2, S. 9-18

19. *Uskov, T.V.* Upravleniye sustainable development of the region [Text]: monograph / T.V. Uskov. – Vologda: ISERT of the Russian Academy of Sciences, 2009. – Page 141.

20. *Harchenko E.V.* State regulation of national economy: manual / E.V. Harchenko, Yu.V.Vertakova. – 5th prod. reslave. and additional – M: KNORUS, 2011. – Page 75-78.

21. *Chelnokov I.V., Gerasimov B.I. Bykovsky V.V.* Regional economy: the organizational and economic mechanism of resource management of development of the region / Under науч. edition of the Dr. house-keeper. sciences, prof. B.I.Gerasimov. Tambov: Publishing house of Tamb. the state. техн. un-that, 2002. - Page 31.

22. Economy, management and region finance during its economic growth. Monograph / Page V. Laptev, S.A.Demkina, L.I.Meshcheryakova, etc. under the general editorship of the Dr. экон. sciences, prof. S. V. Laptev. – Voronezh: VGPU, 2008. – Page 15.

УДК 338.48

Н.В. ПЕТРОВА

аспирант Института экономики Карельского национального центра РАН, специалист отдела НИР Карельского института туризма – филиала РМАТ
E-mail: petrova_natalya@mail.ru

UDC 338.48

N.V. PETROVA

postgraduate student of Institute of Economics of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, specialist of Science Research Department of Karelian Institute of Tourism – the branch of RIAT
E-mail: petrova_natalya@mail.ru

СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ СЕЛА

RURAL TOURISM IN THE REPUBLIC OF KARELIA AS MAJOR WAY OF DIVERSIFICATION OF ECONOMICS ON RURAL TERRITORIES

В статье освещаются основные проблемы сельских территорий в Республике Карелия, а также возможность их развития путем организации сельского туризма. В качестве главных предпосылок к развитию сельского туризма в Республике Карелия рассматриваются благоприятные природные условия, наличие культурно-исторических достопримечательностей и незанятого кадрового потенциала.

Ключевые слова: сельские территории, сельский туризм, агротуризм, диверсификация сельской экономики.

The article reviews major problems of rural territories in the Republic of Karelia and their development opportunities with the help of rural tourism. The author searches nature, cultural and historic sights and human potential as main pre-conditions for rural tourism development in Karelia.

Keywords: rural territories, rural tourism, agrotourism, diversification of economics on rural territories.

В условиях диверсификации экономики Республики Карелия туризм играет все более возрастающую роль в социально-экономическом развитии тех сельских территорий, которые, обладая значительным неиспользуемым туристско-рекреационным потенциалом, испытывают снижение занятости населения в отраслях, традиционно доминировавших в структуре экономической базы муниципальных образований: лесном, горнодобывающем, агропромышленном комплексах. В подобных условиях только многопрофильность сельской экономики может обеспечить комплексное развитие сельских территорий [5].

Проблемы села требуют к себе повышенного внимания – как в силу весомости доли сельского населения (более 20%), так и значительного количества сельских поселений. На конец 2008 г. в Республике Карелия насчитывалось 775 сельских населенных пунктов и 11 поселков городского типа [6]. Особенностью региона является и то, что несколько районных центров также представляют собой сельские поселения (п. Калевала, п. Лоухи, п. Муезерский, п. Пряжа).

Одной из важнейших социально-экономических проблем в сельской местности остается проблема занятости населения. Демографический ресурс сельских территорий Республики Карелия на начало 2011 г. составлял 140,9 тыс. чел. (21,9 % общей численности населения республики). За период с 1995 по 2011 гг. численность сельского населения в Республике Карелия сократилась на 29 % (на 57,6 тыс. чел. в абсолютном выражении). Линия тренда указывает на дальнейшее сокращение численности сельского населения (рис. 1).

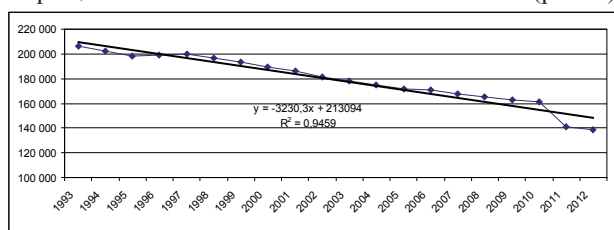

Рис. 1. Динамика изменения численности сельского населения в Республике Карелия (на 1 января).

Основным видом деятельности в сельской местности является сельское хозяйство, которое в Республике Карелия в значительной степени деградировало и не обеспечивает былой занятости населения. В таких отраслях, как охота, сельское и лесное хозяйство в 2009 г. было занято 28,1 тыс. чел. (8,3 % от среднегодовой численности занятых в экономике Республики Карелия), в то время как в 2005 г. этот показатель был выше – 35,3 тыс. чел., что составляло более 10 % от общего числа занятых в экономике региона [9]. Проводимые реформы в сельском хозяйстве республики не создали условий для роста производства, повышения производительности труда и эффективности агропромышленного комплекса. Сельское хозяйство и весь агропромышленный комплекс до настоящего времени находятся в состоянии затяжного системного кризиса, который распространился как на экономическую, так и на социальную сферу [8]. С 1990 по 2011 гг. значительно сократилось производство картофеля, производство

овощей находится на уровне кризисных 90-х гг. 20 в. и не имеет тенденции к увеличению на протяжении последних нескольких лет (рис. 2,3) [2].

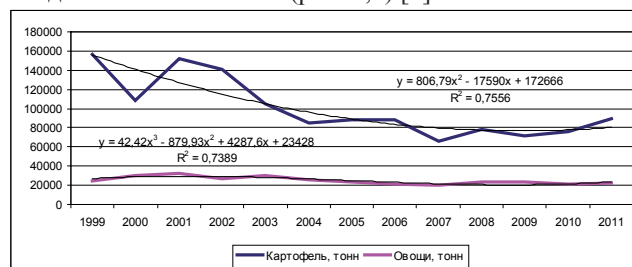

Рис. 2. Производство продукции сельского хозяйства в Республике Карелия (по всем категориям хозяйств).

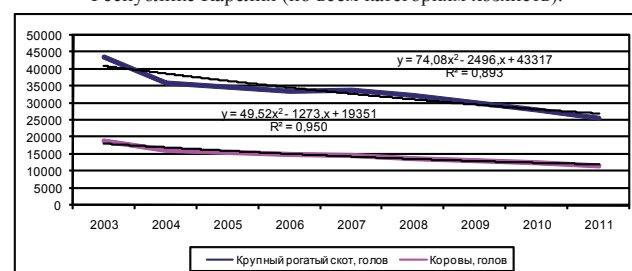

Рис. 3. Поголовье скота в хозяйствах всех категорий.

При этом спад производства, который с 1990 г. испытывают крупные сельскохозяйственные предприятия, в последние годы начал распространяться также на фермерские и личные подсобные хозяйства [8].

Одним из возможных вариантов выхода из затяжного кризиса является диверсификация сельской экономики и развитие несельскохозяйственных видов экономической деятельности.

Стратегией социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 г. одной из задач обеспечения развития и условий эффективного производства сельскохозяйственной продукции в республике, повышения качества жизни населения, занятого сельскохозяйственным трудом, названо развитие альтернативных сфер занятости на селе, содействие развитию новых видов деятельности на селе (туризм, ремесла, рыболовство, дары леса, информационные услуги и др.) [3].

Республика Карелия обладает благоприятными природными и климатическими условиями для развития туризма, в том числе и сельского. Организации туристской деятельности также способствует разнообразие природных ландшафтов и наличие большого количества историко-культурных памятников (на государственном учете находится свыше четырех тысяч культурно-исторических и природных достопримечательностей [10]).

Факторами, определяющими возможности развития сельского туризма в Республике Карелия, являются [8]:

- уникальные памятники истории и культуры;
- экологически чистая и живописная окружающая природная среда;
- биоразнообразие экосистем лесов, рек, озер, Белого моря;
- гостеприимство сельских жителей и другие.

В настоящее время Республика Карелия – интенсивно развивающийся туристско-рекреационный ре-

гион. Так, в 2010 г. Республику Карелия посетило 1,62 млн. чел., что на 20 % превышает показатель 2000 г. [7]. Однако лишь незначительная часть этого потока приходится на сельский туризм.

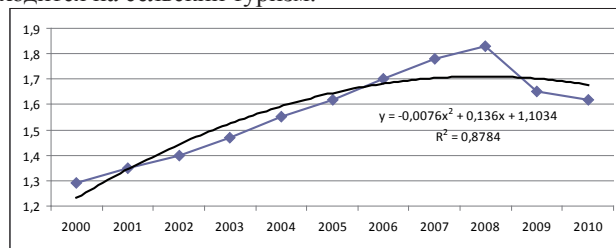

Рис. 4. Общее количество посетителей Республики Карелия (статистика + экспертная оценка).

Понятие сельского туризма связано с отдыхом и проживанием в сельской местности, получением комплекса туристических услуг, обусловленных целями посещения данной территории.

Зарубежный опыт показал, что сельский туризм, или агротуризм, особенно в условиях реализации целевых программ развития экономики, оказывает позитивное влияние на сохранение и развитие сельских территорий, рациональное использование их ресурсного потенциала, стимулирует развитие личных подсобных хозяйств, расширяя спрос на экологически чистые, натуральные продукты питания, также способствует развитию инфраструктуры сельских территорий [5].

Участниками туристской деятельности в сельской местности являются [1]:

- Граждане, ведущие личные подсобные хозяйства в соответствии с Федеральным законом от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве», владельцы сельских жилых домов, квартир и других строений, проживающие на территории региона и предоставляющие туристские услуги.
- Туристы, прибывшие в сельскую местность и вступившие в экономические отношения с занятыми в сфере туризма гражданами, ведущими личное подсобное хозяйство, а также с крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и сельскохозяйственными потребительскими кооперативами.
- Крестьянские (фермерские) хозяйства – предоставляющие услуги в сфере сельского туризма хозяйства, созданные и осуществляющие деятельность в соответствии с Федеральным законом от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».
- Сельскохозяйственные потребительские кооперативы – зарегистрированные на территории региона сбытовые, снабженческие, перерабатывающие, обслуживающие, заготовительные кооперативы, созданные и осуществляющие деятельность в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» и предоставляющие туристские услуги.

На сегодняшний день специалисты в сфере туризма используют экспертный подход для оценки

влияния сельского туризма на экономику региона. Расчеты весьма затруднительны, поскольку сельский туризм характеризуется существованием теневого рынка (аренда дач, загородных коттеджей и т.д.), а также высокой долей неорганизованного туризма. Несмотря на это, на основе результатов опроса представителей турбизнеса в Республике Карелия и анализа информации, представленной на интернет-ресурсах, Институтом экономики КарНЦ РАН была проведена оценка рынка сельского туризма в регионе. Исследование показало, что количество туристов в рамках данного сегмента составляет 20-25 тыс. чел. в год, а доход от сельского туризма в регионе равен 115 млн. руб. в год [4].

Министерство экономического развития, государственные органы исполнительной власти и администрации местного самоуправления Республики Карелия совместно с образовательными, научными учреждениями оказывают поддержку сельским жителям в решении вопросов, связанных с вовлечением в туристский бизнес [8]:

- организуются обучающие курсы,
- осуществляется информационно-рекламная поддержка,
- привлекаются инвестиции на обустройство сельских усадеб и строительство загородных туристских комплексов,
- инвестиционные проекты в сфере туризма получают приоритетную поддержку при выделении грантов в целях создания собственного бизнеса, субсидий на компенсацию части процентной ставки по коммерческим кредитам, налоговых льгот.

На эти цели привлекаются как средства бюджета республики и муниципальных образований (в рамках республиканских и муниципальных целевых программ), так и средства международных программ и фондов. Стимулирующее влияние на развитие сельского туризма в Карелии оказала успешная реализация мероприятий трёх республиканских целевых программ развития туризма на 2000-2002, на 2003-2006 годы и на период до 2010 года, муниципальных целевых программ развития туризма, международных проектов [8].

Таким образом, в Республике Карелия туризм может выступать в качестве альтернативного вида деятельности в целях диверсификации сельской экономики. Для развития сельского туризма в Республике Карелия имеются две главные составляющие: естественные условия (природные и культурно-исторические) и незанятый кадровый потенциал. На данном этапе необходима оценка дохода от сельского туризма в регионе и определение перспективных центров развития сельского туризма.

Развитие сферы туризма позволит повысить конкурентоспособность сельских территорий Республики Карелия за счет создания дополнительных источников дохода и рабочих мест, развития инфраструктуры села, а также сохранения его традиций и культуры.

Библиографический список

1. Ведомственная целевая программа «Развитие сельского туризма в Алтайском крае» на 2009-2012 годы.
2. Отчет Министерства сельского, рыбного и охотничьего хозяйства Республики Карелия за 2011 год.
3. Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 г. / Постановление Законодательного Собрания РК от 24.06.2010 г. № 1755-IV ЗС.
4. Жирнель Е.В., Толстогузов О.В. Региональный туристский рынок: проблемы оценки и управления / Е.В.Жирнель, О.В.Толстогузов // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 6 [Электронный ресурс] — Режим доступа к журн.: <http://www.science-education.ru/100-5119>
5. Кундиус В.А. Сельский туризм на Алтае как альтернативный вид деятельности в стратегии диверсификации сельской экономики / В. А. Кундиус и др. // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2011. № 9 (83). С. 25-28 С.113-119.
6. Муниципальные образования Республики Карелия: сборник / Карелиястат. Петрозаводск, 2009. 207 с.
7. Туризм в Республике Карелия : статистический сборник. Петрозаводск : Карелиястат, 2010. 38 с.
8. Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/>
9. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://krl.gks.ru/>
10. Портал Информационного туристского центра РК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ticrk.ru/>

References

1. Departmental target program «Rural tourism development in Altay region» for 2009-2012.
2. Report of Ministry of Agriculture, Fishing and Hunting of Karelia in 2011.
3. Strategy of social-economic development of the Republic of Karelia till 2020 г. / Resolution of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia dated 24.06.2010. № 1755-IV ЗС.
4. Zhirnel E., Tolstoguzov O. Regional tourist market: problems of estimation and management / E.Zhirnel, O.Tolstoguzov // Modern problems of science and education. 2011. № 6 – URL: <http://www.science-education.ru/100-5119>
5. Kundius V. Rural tourism in Altay region as alternative kind of activity in diversification strategy of rural economics / V.Kundius and others // Journal of Altay State Rural University. 2011. - № 9 (83). Pp. 25 – 28.
6. Municipalities of the Republic of Karelia: materials / Kareliastat.- Petrozavodsk, 2009. 207 p.
7. Tourism in the Republic of Karelia: statistic materials. Petrozavodsk: Kareliastat, 2010. 38 p.
8. Official portal of Public Authorities of the Republic of Karelia – URL: <http://www.gov.karelia.ru/>
9. Official website of Territorial branch of the Federal State Statistics Service in the Republic of Karelia – URL: <http://krl.gks.ru/>
10. Portal of Information Tourist Centre of the Republic of Karelia – URL: <http://www.ticrk.ru/>

УДК 332.14

Н.С. ТРУСОВА

аспирант Юго-Западного государственного университета
E-mail: sonya78@yandex.ru

UDC 332.14

N.S. TRUSOVA

postgraduate student of the South Western state university
E-mail: sonya78@yandex.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

SIMULATION OF INVESTMENT ACTIVITY IN REGIONAL LEVEL

Основной задачей исследования является оценка инвестиционной активности в регионах, для чего нами предлагается модель, связывающая функцию желательности инвестиций на душу населения с функцией желательности валового регионального продукта на душу населения.

Ключевые слова: инвестиционная активность, инвестиционная привлекательность, функция желательности, инвестиции на душу населения, валовой региональный продукт.

The main objective of the study is to assess the investment activity in regions, that's why we offer a model, that relates the investment desirability function per capita and the desirability function GRP per capita.

Keywords: investment activity, investment attractiveness, desirability function, investments per capita, gross regional product.

Совершенствование процессов управления инвестиционной сферой в Российской Федерации заключается в необходимости оценки и учета степени инвестиционной активности в регионах как результата действия множества факторов, определяющих состояние инвестиционного потенциала каждой территории.

Общий показатель потенциала или риска рассчитывается как взвешенная сумма частных видов потенциала или риска. Показатели суммируются каждый со своим весовым коэффициентом.

Итоговый ранг региона рассчитывался по величине взвешенной суммы частных показателей. В результате каждый регион, помимо его ранга, характеризуется количественной оценкой: насколько велик его потенциал как объекта инвестиций и до какой степени велик риск инвестирования в данный регион [3].

В табл. 1 и табл. 2 приведен состав критериев и веса, определяющих их влияние на кредитоспособность и инвестиционную активность региона.

Таблица 1.

Критерии и веса, определяющие финансовое состояние региона

Критерий	Вес
Отношение государственного долга к доходам бюджета	0,20
Отношение объема заемных средств к доходам бюджета	0,20
Доля собственных доходов в общем объеме доходов	0,20
Объем собственных доходов бюджета	0,15
Отношение дефицита бюджета к доходам бюджета	0,10
Доля средств, направляемых в бюджеты других уровней, в расходах	0,10
Доля выделяемых кредитов и бюджетных ссуд в расходах	0,05

Таблица 2.

Критерии, определяющие уровень экономического развития региона

Критерий	Вес
Отношение задолженности по налогам к объему налоговых платежей	0,35
Доля прибыльных предприятий в общем количестве зарегистрированных на территории региона	0,25
Сальдо прибылей и убытков предприятий	0,25
Денежные доходы населения в расчете на одного жителя	0,15

По каждому из критериев определяется место региона на нормированной линейке значений для анализируемых субъектов Российской Федерации, т.е. рассчитывается локальный рейтинг по частному показателю. Значения локальных рейтингов суммируются с учетом весовых коэффициентов, определяющих степень влияния критериев на кредитоспособность и инвестиционную активность. Полученные значения ранжируются и строятся сводные рейтинги по финансовым и экономическим показателям [1].

Интегрированный рейтинг относительной кредитоспособности и инвестиционной активности – это про-ранжированная сумма значений сводного рейтинга по финансовым показателям и сводного рейтинга по экономическим показателям с весовыми коэффициентами 0,65 и 0,35 соответственно. Установленные таким образом рейтинги с точки зрения теории измерений являются обобщенными индексами, вычисленными по

аддитивной формуле усреднения с учетом их весов (взвешенное арифметическое среднее).

К положительным характеристикам рейтинга относительной кредитоспособности и инвестиционной активности относится «прозрачность» методики его определения.

Корреляционный анализ, выполненный в программе SPSS (Superior Performance Software System – система программного обеспечения высшей производительности), показывает статистическую взаимосвязь между показателями как «финансовой», так и «экономической» группы (табл. 3, табл. 4).

Из табл. 3 следует, что на высоком уровне значимости коррелируют лишь следующие пять пар показателей финансовой группы:

1. отношение объема заемных средств к доходам бюджета – отношение сальдо бюджета к доходам бюджета ($r = -0,824$);
2. доля собственных доходов в общем объеме доходов – объем собственных доходов бюджета ($r = 0,577$);
3. доля собственных доходов в общем объеме доходов – доля средств, направляемых в бюджеты других уровней, в расходах ($r = -0,433$);
4. объем собственных доходов бюджета – доля средств, направляемых в бюджеты других уровней, в расходах ($r = -0,402$);
5. объем собственных доходов бюджета – доля выделяемых кредитов и бюджетных ссуд в расходах ($r = -0,313$).

Остальные пары показателей финансовой группы, с учетом принципа Бонферрони, не связаны друг с другом статистически значимой корреляцией.

Из показателей группы экономического развития регионов на высоком уровне значимости коррелируют следующие три пары:

1. задолженность по налогам – доля прибыльных предприятий ($r = -0,381$);
2. задолженность по налогам – сальдо прибылей и убытков предприятий ($r = -0,313$);
3. сальдо прибылей и убытков предприятий – денежные доходы населения на одного жителя ($r = 0,440$).

Для совершенствования методики оценки инвестиционной активности регионов представляется целесообразным включить в множество информативных показателей инвестиционной активности регионов следующие: ВРП на душу населения, руб.; удельный вес численности населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения, %; удельный вес лиц с высшим образованием в численности занятых в экономике, %; среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.; сальдированный финансовый результат (прибыль минус убытки) деятельности организаций на душу населения, руб.; индекс физического объема инвестиций в основной капитал, %.

Результирующим показателем («выходом») следует принять удельный показатель, характеризующий инвестиционную активность в регионах – объем инвестиций

в основной капитал на душу населения в рублях.

В табл. 5 определены статистически значимые корреляции исходных показателей по выборке регионов.

В результате выявлены следующие корреляции в ЦФО:

1. объем инвестиций в основной капитал на душу населения – ВРП на душу населения ($r = 0,833$);
2. объем инвестиций в основной капитал на душу населения – удельный вес численности населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения ($r = 0,448$);
3. объем инвестиций в основной капитал на душу населения – среднедушевые денежные доходы населения ($r = 0,667$);
4. объем инвестиций в основной капитал на душу населения – сальдированный финансовый результат (прибыль минус убытки) деятельности организаций на душу населения ($r = 0,464$);
5. ВРП на душу населения – удельный вес численности населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения ($r = 0,603$);
6. ВРП на душу населения – среднедушевые денежные доходы населения ($r = 0,855$);
7. ВРП на душу населения – сальдированный финансовый результат (прибыль минус убытки) деятельности организаций на душу населения ($r = 0,512$);
8. удельный вес численности населения в трудоспособном возрасте в общей численности ВРП на

душу населения – среднедушевые денежные доходы населения ($r = 0,704$);

9. среднедушевые денежные доходы населения – сальдированный финансовый результат (прибыль минус убытки) деятельности организаций на душу населения ($r = 0,346$).

Таким образом, в наибольшей степени объем инвестиций в основной капитал на душу населения определяется такими предикторами, как ВРП на душу населения, удельный вес численности населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения, среднедушевые денежные доходы населения и сальдированный финансовый результат (прибыль минус убытки) деятельности организаций на душу населения. В свою очередь, эти предикторы также коррелируют между собой, что усложняет задачу моделирования инвестиционной активности в регионах.

Следующим важным этапом является нормирование исходных показателей с целью приведения их в безразмерный вид. Как правило, в этих целях прибегают к так называемому «естественному» нормированию, осуществляемому по формуле:

$$\text{Частный индекс} = (X - X_{\min}) / (X_{\max} - X_{\min}), \quad (1)$$

где X – значение соответствующего информативного показателя для региона;

$X_{\max}$ и $X_{\min}$ – соответственно максимальное и минимальное значения показателя по массиву региональных данных.

Таблица 3.

Корреляционная матрица финансовых показателей кредитоспособности регионов ЦФО в 2012 году

Показатели (П)		П1	П2	П3	П4	П5	П6	П7
Объем государственного долга к доходам бюджета - П1	коэффиц. корреляции	1,000	-0,020	0,163	-0,166	-0,108	-0,088	-0,203
	уровень значимости	-	0,870	0,185	0,177	0,379	0,476	0,098
Объем заемных средств к доходам бюджета - П2	коэффиц. корреляции	-0,201	1,000	0,092	-0,106	-0,824	0,210	0,129
	уровень значимости	0,870	-	0,457	0,391	0,001	0,085	0,294
Доля собственных доходов в общем объеме – П3	коэффиц. корреляции	0,163	0,092	1,000	0,577	-0,226	-0,433	-0,216
	уровень значимости	0,185	0,457	-	0,001	0,064	0,001	0,077
Объем собственных доходов - П4	коэффиц. корреляции	-0,166	-0,106	0,577	1,000	0,030	-0,402	-0,313
	уровень значимости	0,177	0,391	0,001	-	0,805	0,001	0,009
Отношение сальдо бюджета к доходам - П5	коэффиц. корреляции	-0,108	-0,824	-0,226	0,030	1,000	-0,125	-0,161
	уровень значимости	0,379	0,001	0,064	0,805	-	0,312	0,188
Доля средств, направленных в бюджеты в расходах - П6	коэффиц. корреляции	-0,088	0,210	-0,433	-0,402	-0,125	1,000	0,021
	уровень значимости	0,476	0,085	0,001	0,001	0,312	-	0,866
Доля выделяемых кредитов в расходах - П7	коэффиц. корреляции	-0,203	0,129	-0,216	-0,313	-0,161	0,021	1,000
	уровень значимости	0,098	0,294	0,077	0,009	0,188	0,866	-

Таблица 4.

Корреляционная матрица экономических показателей кредитоспособности регионов ЦФО в 2012 году

Показатели		Задолженность по налогам	Доля прибыльных предприятий	Сальдо прибылей и убытков предприятий	Денежные доходы населения на одного жителя
Задолженность по налогам	коэффиц. корреляции	1,000	-0,381	-0,313	-0,216
	уровень значимости	-	0,001	0,009	0,077
Доля прибыльных предприятий	коэффиц. корреляции	-0,381	1,000	0,262	0,058
	уровень значимости	0,001	-	0,031	0,639
Сальдо прибылей и убытков предприятий	коэффиц. корреляции	-0,313	0,262	1,000	0,440
	уровень значимости	0,009	0,031	-	0,001
Денежные доходы населения на одного жителя	коэффиц. корреляции	-0,216	0,058	0,440	1,000
	уровень значимости	0,077	0,639	0,001	-

Таблица 5.

Корреляционная матрица показателей инвестиционной активности регионов ЦФО в 2012 году

Показатели (П)	коэффициент	П1	П2	П3	П4	П5	П6	П7	П8
Инвестиции в основной капитал на душу населения – П1	коэффиц. корреляции	1,000	0,833	0,448	0,020	0,667	0,464	0,223	-0,036
	уровень значимости	-	0,001	0,001	0,864	0,001	0,001	0,053	0,753
Валовой региональный продукт на душу населения – П2	коэффиц. корреляции	0,833	1,000	0,603	0,009	0,855	0,512	0,137	-0,025
	уровень значимости	0,001	-	0,001	0,939	0,001	0,001	0,243	0,829
Удельный вес трудоспособного населения – П3	коэффиц. корреляции	0,448	0,603	1,000	-0,047	0,704	0,076	-0,069	-0,129
	уровень значимости	0,001	0,001	-	0,686	0,001	0,512	0,552	0,262
Удельный вес лиц с высшим образованием – П4	коэффиц. корреляции	0,020	0,009	-0,047	1,000	0,037	-0,045	0,313	0,070
	уровень значимости	0,864	0,939	0,686	-	0,749	0,701	0,006	0,549
Среднедушевые доходы населения – П5	коэффиц. корреляции	0,667	0,855	0,704	0,037	1,000	0,346	0,119	0,025
	уровень значимости	0,001	0,001	0,001	0,749	-	0,002	0,307	0,829
Результат деятельности организации на душу населения – П6	коэффиц. корреляции	0,464	0,512	0,076	-0,045	0,346	1,000	0,264	-0,085
	уровень значимости	0,001	0,001	0,512	0,700	0,002	-	0,021	0,466
Удельный вес прибыльных организаций – П7	коэффиц. корреляции	0,223	0,137	-0,069	0,313	0,119	0,264	1,000	-0,099
	уровень значимости	0,053	0,243	0,552	0,006	0,307	0,021	-	0,395
Индекс физического объема инвестиций – П8	коэффиц. корреляции	-0,036	-0,025	-0,129	0,070	0,025	-0,085	-0,099	1,000
	уровень значимости	0,753	0,829	0,262	0,549	0,829	0,466	0,395	-

При естественной нормировке реальные случаи, когда установленные в статике максимальное и минимальное значения показателя не описывают всего множества реальных значений. Подобные случаи могут наблюдаться при их оценке в динамике. Другим подходом является установление значений $X_{\max}$ и $X_{\min}$ экспертом как наиболее и наименее предпочтительных. Здесь, однако, возникает проблема: эксперт достаточно уверенно может установить области, где инвестиционную активность по данному показателю следует характеризовать как «плохая», «удовлетворительная», «хорошая», но не «абсолютно неприемлемая», «идеальная». Поэтому целесообразно перейти к психофизическим шкалам оценки показателей, задаваемых функциями специального вида – функциями желательности.

Психофизическая шкала устанавливает соответствие между натуральными значениями показателей в физических шкалах и психофизическими параметрами – субъективными оценками «ценности» этих значений. Обычно функцию желательности $d(x)$ строят таким образом, чтобы в наиболее распространенной области «удовлетворительно» она была близка к линейной и в то же время изменялась от 0 до 1 на всем возможном множестве значений показателя. При таком подходе к нормированию функция желательности должна быть более «чувствительна» к изменению значений информативного показателя x в области «удовлетворительно» и менее чувствительна вне ее.

Наиболее известной и часто используемой явля-

ется функция желательности Харрингтона, впервые примененная им в задачах контроля качества массовой продукции. Шкала Харрингтона устанавливает соответствие между лингвистическими оценками желательности значений показателя x к числовым интервалами $d(x)$ (табл. 6).

Таблица 6.

Числовые интервалы шкалы Харрингтона

Лингвистическая оценка	Интервалы значений функции желательности $d(x)$
Очень хорошо	1,00-0,80
Хорошо	0,80-0,63
Удовлетворительно	0,63-0,37
Плохо	0,37-0,20
Очень плохо	0,20-0,00

При таком шкалировании значения функции желательности $d(x)$ изменяются в интервале от 0 до 1, причем значение $d_i \approx 0$ соответствует абсолютно неприемлемой величине i -го показателя качества жизни, а $d_i \approx 1$ – идеальной величине.

Аналитически для монотонных по предпочтениям критериев, характерных, в том числе, и для показателей инвестиционной активности, функция желательности Харрингтона задается следующей формулой:

$$d_i = d(z_i) = \exp(-\exp(-z_i)), \quad (2)$$

$$z_i = (X_i - X_{i0}) / (X_{i1} - X_{i0}), \quad (3)$$

где z_i – кодированные значения i -го показателя, представляющие собой безразмерные величины;

X_i – значение i -го информативного показателя;

Таблица 7.

Регрессионный анализ показателей инвестиционной активности регионов ЦФО по полной выборке

Модель	Предиктор (функция желательности)	коэффициент	стандартная ошибка	t - критерий	уровень значимости
1	2	3	4	5	6
1	Свободный коэффициент	-0,004	0,055	-0,074	0,941
	ВРП на душу населения	0,986	0,149	6,633	0,001
	Удельный вес трудоспособного населения	0,023	0,096	0,241	0,811
	Удельный вес лиц с высшим образованием	-0,004	0,072	-0,049	0,961
	Среднедушевые доходы населения	-0,160	0,143	-1,117	0,268
	Результат организаций на душу населения	0,002	0,093	0,017	0,987
	Удельный вес прибыльных организаций	0,105	0,082	1,285	0,203
	Индекс физического объема инвестиций	0,068	0,075	0,912	0,365
2	Свободный коэффициент	-0,004	0,054	-0,073	0,942
	ВРП на душу населения	0,988	0,131	7,548	0,001
	Удельный вес трудоспособного населения	0,023	0,094	0,243	0,809
	Удельный вес лиц с высшим образованием	-0,004	0,071	-0,052	0,959
	Среднедушевые доходы населения	-0,160	0,142	-1,126	0,264
	Удельный вес прибыльных организаций	0,105	0,079	1,339	0,185
	Индекс физического объема инвестиций	0,068	0,074	0,918	0,361
3	Свободный коэффициент	-0,004	0,053	-0,080	0,936
	ВРП на душу населения	0,988	0,130	7,608	0,001
	Удельный вес трудоспособного населения	0,023	0,093	0,245	0,807
	Среднедушевые доходы населения	-0,161	0,141	-1,144	0,256
	Удельный вес прибыльных организаций	0,104	0,075	1,390	0,169
	Индекс физического объема инвестиций	0,067	0,071	0,095	0,348
4	Свободный коэффициент	0,002	0,046	0,038	0,970
	ВРП на душу населения	0,992	0,128	7,760	0,001
	Среднедушевые доходы населения	-0,148	0,130	-1,140	0,258
	Удельный вес прибыльных организаций	0,097	0,068	1,418	0,160
	Индекс физического объема инвестиций	0,065	0,070	0,929	0,356
5	Свободный коэффициент	0,028	0,037	0,751	0,455
	ВРП на душу населения	0,974	0,126	7,716	0,001
	Среднедушевые доходы населения	-0,125	0,127	-0,980	0,330
	Удельный вес прибыльных организаций	0,089	0,068	1,319	0,191
6	Свободный коэффициент	0,021	0,036	0,570	0,570
	ВРП на душу населения	0,866	0,061	14,211	0,001
	Удельный вес прибыльных организаций	0,092	0,068	1,360	0,178
7	Свободный коэффициент	0,051	0,029	1,742	0,086
	ВРП на душу населения	0,881	0,060	14,620	0,001

X_{i1} и X_{i0} – границы области «удовлетворительно» в исходной шкале:

$$d_{i0} = d(z_1(X_{i0})) = 0,37; d_{i1} = d(z_1(X_{i1})) = 0,69. (4)$$

Функция желательности Харрингтона представляет собой монотонно возрастающую функцию, изменяющуюся от 0 до 1. При кодированном значении информативного показателя $z = 0$ (нижняя граница области «удовлетворительно») функция желательности принимает значение 0,368, при $z = 1$, т.е. верхней границе области «удовлетворительно», $d(z) = 0,692$. Для ее построения достаточно, чтобы эксперты указали границы исходных показателей X_{i0} и X_{i1} , внутри которых инвестиционную активность можно считать удовлетворительной [2].

В рассматриваемом случае целесообразно эти значения положить равными $X_{i0} = X_{cp}$ и $X_{i1} = X_{cp} + \text{СКО}[X]$, т.е. соответственно средней величине X_{cp} и величине,

превышающей среднее значение показателя на одно среднеквадратическое отклонение. При таком нормировании в области «удовлетворительно» будет находиться половина регионов, примерно треть регионов «попадает» в область «плохо», и шестая часть регионов будет характеризоваться термином «хорошо».

На наш взгляд, такая нормировка является естественным отражением существующей ситуации в сфере инвестиционной привлекательности регионов современной России и регионов ЦФО в частности.

В результате применения к данным полной выборки процедуры множественного линейного регрессионного анализа пакета статистических программ SPSS оказалось, что статистически значимым является лишь один коэффициент регрессии – для предиктора «функция желательности ВРП» (табл. 7), а все остальные предикторы оказались неинформативными для предсказания

значений функции желательности инвестиций.

С учетом статистической значимости коэффициентов, регрессионная модель принимает следующий вид:

$$d_{\text{ИНВЕСТ}} = 0,05056 + 0,881 d_{\text{ВРП}}, (5)$$

где $d_{\text{ИНВЕСТ}}$ – функция желательности инвестиций на душу населения, $d_{\text{ВРП}}$ функция желательности ВРП на душу населения.

Модель (5) объясняет 73,5 % общей дисперсии функции желательности инвестиций, что характеризует ее достаточно высокие прогностические свойства. Проверка остатков на нормальность также показала удовлетворительные результаты.

Из прочих предикторов наиболее значимым явля-

ется функция желательности «удельный вес прибыльных организаций». Согласно табл. 34, этот предиктор исключен из модели лишь на последнем этапе регрессионного анализа с величиной t-критерия 1,360.

Таким образом, для предсказания основного показателя инвестиционной активности – величины инвестиций в основной капитал – нами предлагается модель (5), связывающая функцию желательности инвестиций на душу населения с функцией желательности валового регионального продукта на душу населения. Эта модель «работоспособна» во всем интервале реальных значений информативных показателей инвестиционной привлекательности.

Библиографический список

1. Абдуллин И.И. Структурный и функциональный анализ региональной инвестиционной системы. Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2007; С. 9-10, С.122-127.
2. Кетова К.В. Идентификация и прогнозирование обобщающих показателей развития региональной экономической системы. Прикладная эконометрика. 2009; № 3: С. 56-71.
3. Костылева Д.В. Статистические оценки приоритетов региональной социально-экономической политики. Вопросы статистики. 2008; №7: С. 34-38.

References

1. Abdulin I.I. Structural and functional analysis of the regional innovation system. Bulletin of the Tatar State Humanitarian Pedagogical University. 2007, 9-10: 122-127.
2. Ketova K.V. Identification and prediction of general indicators of development of the regional economic system. Applied Econometrics. 2009, 3: 56-71.
3. Kostyleva D.V. Statistical evaluation of the priorities of the regional socio-economic policy. Statistical Issues. 2008; 7: 34-38.

УДК 330.88

С.А. УСТЕНКО

кандидат экономических наук, управляющий Орловским филиалом АКБ «Ланта-Банк»

E-mail: ustenko_aa@mail.ru

UDC 330.88

S.A. USTENKO

candidate of economic sciences, managing director of the Orel branch AKB «Lanta-bank»

E-mail: ustenko_aa@mail.ru

АСПЕКТЫ МИКРОЭВОЛЮЦИИ И РОССИЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ASPECTS OF MICROEVOLUTION AND RUSSIAN PROBLEMS

В статье рассматриваются вопросы, связанные с анализом теоретических аспектов микроэкономической эволюции, которые позволяют обратить внимание на тенденции и проблемы при формировании жизненного цикла российских инновационных фирм и их адаптацию в мировой инновационный процесс.

На основании исследования предложены главные вопросы, на которые должно ответить общество для формирования эффективного системного механизма развития инновационной экономики России.

Ключевые слова: эволюционная экономическая теория, микроэкономическая эволюция, жизненный цикл организации, адаптация, инновации.

The article discusses the issues associated with the analysis of the theoretical aspects of microeconomic evolution, which allows to draw attention to trends and problems in the formation of the life cycle of innovative Russian companies and their adaptation in the world the innovation process.

On the basis of the study, proposed the main questions, which should answer the society for the formation of the effective mechanism of development of innovation economy of Russia.

Keywords: evolutionary economic theory, the microeconomic evolution, life cycle of the organization, adaptation, and innovation.

Эволюция экономики – это набор концептуальных положений, методов, теоретических инструментов анализа по изучению необратимо развивающейся социальной среды.

Фундаментальная идея эволюционной экономики состоит в объединении двух концепций: первой, рассматривающей длинноволновую динамику, проблемы индустриального развития инноваций, рыночные структуры, эволюцию форм; второй, направленной на жесткую критику неоклассических догм и изучение особенностей становления развития формальных и неформальных институтов, которые конституируют «структурную схему» экономической системы.

Бесспорно, эти два направления взаимосвязаны и требуют совместного рассмотрения. Первое можно назвать технологическим, второе – социоорганизованным, так как оно затрагивает социальные аспекты эволюции институтов и особенности функционирования организаций, изменения в которых сопровождают и даже определяют технологические преобразования и долгосрочную динамику научно-технического прогресса. Обычно выделяют три направления эволюционной экономической теории: микроэкономическое, макроэкономическое и институциональное [1, с.11].

Одним из направлений эволюционной экономической теории, как уже было сказано, является микроэкономическое, предметом исследования которого является поведение фирм на микроэкономическом уровне, в том числе и их инновационный уровень.

Первую эволюционную модель фирмы связывают с именами Р.Нельсона и С.Винтера, а её разработку относят к 60-70-м годам 20 века [2, с.20]. Чрезвычайно интересные выводы в отношении понимания эволюции экономической системы содержатся в работе Р.Сиерта и Дж.Марча [3]. Они считают, что иерархическая структура поддерживает такие властные механизмы и проявляет особенности функционирования, которые направлены на закрепление существующих правил, но не на изменение сложившихся процедур. Все выше-названные авторы рассматривают рутинизированные процедуры как некую отправную точку анализа эволюционного процесса. Несколько позже появились эволюционные модели Дж.Меткалфа, Дж.Сильверберга, Д.Ленерта и Б.Верспагена [4].

Институционально-эволюционная теория позволила создать магистральное направление в моделировании развития фирмы, которое можно назвать инновационно-технологическим, вытекающим из идей Шумпетера об эндогенном технологическом росте. Для того чтобы объяснить происходящее на микроуровне изменения, Шумпетер предлагал рассматривать пять основных направлений, являющихся детерминантами динамики инновации и соответственно инновационно-технологических изменений. К ним относятся: производство новой продукции; освоение новой технологии; завоевание новых рынков; разработка и использование новых ресурсов; новая организация и структура.

С решением этих и других задач как раз и сталкивается переход российской экономики на инновационный

путь развития, а действие всего механизма генерации инновационного пути развития должно определяться наличием «синтезаторов», которые непосредственно производят инновацию, обеспечивают динамизм обновления, выражающийся в рождении одних инновационных фирм и умирании других, и «имитаторов», которые способны только воспринимать уже готовые новации, а сам процесс имитации не является инновацией, так как только характеризует быстроту распространения и фактически старения новшества. Когда оно становится достоянием многих, то перестает быть новшеством, исчерпывается эффективность вложений, которые были осуществлены на внедрение инновации.

Микроэволюционная модель Нельсона – Винтера опирается на понятие рутины, естественного отбора и селекции. Причем механизм отбора происходит в результате осуществления рутины и поиска. Организации строят свою деятельность на взятых из прошлого стереотипах поведения и прошлых тенденциях их функционирования. Окружающая среда организации выступает как результат взаимодействия между ними.

Под рутинной понимается структура поведения, которая предсказуема и приводит к аналогичным схемам решений в повторяющихся ситуациях. В соответствии с рассматриваемым подходом Нельсона – Винтера выделяют три типа рутин: управленческо-технологические; инвестиционные; рутины поиска. Последние и представляют инновационную составляющую развития фирмы, в то время как управленческо - технологические и инвестиционные определяются внешней средой, внутренними особенностями фирмы, а также прошлым тезаурусом. Поиск является многоаспектным. Он может касаться улучшения технологии сбыта, снабжения, организации, совершенствования маркетинговой деятельности и т.д. Но кроме этого он может включать возможные варианты поиска по совершенствованию самого поиска.

Чем ближе поиск к действующим рутинам, тем выше вероятность его успеха, но тем ниже ценность результатов, так как такой поиск приводит только к косметическим изменениям, оставляя внутреннюю сущность работы организации и соответствующего набора рутин нетронутой. Направлениями поиска можно считать шумпетерианские комбинации, создающие инновационный динамизм. То есть поиск новых продуктов, рынков, ресурсов, организационной структуры и т.д. выступает в качестве направления общего инновационного поиска для фирмы. Здесь с очевидностью проявляется кумулятивный эффект, выраженный в коррекции целей и направлений поиска в процессе поиска. С точки зрения технологии, используемой фирмой, он выражается в предпочтениях, которые отдаются уже действующим технологиям перед совершенно новыми и неопробованными.

Рутинные процедуры многообразны и подвержены процессу селекции. Можно различить два типа отбора: внутренний, с помощью которого выбирается внутреннее строение организации, способ отношений между участниками, и внешний, когда происходит от-

бор из стохастически изменяющихся параметров внешней среды. В результате сочетания этих видов отбора организация отказывается от одних рутин и вводит вместо них другие, если считает это необходимым. Вместе с процессом селекции, фактически выбора из имеющихся альтернатив, идет процесс поиска тех рутинных операций, которые наиболее адаптивны среде и эффективны. По теории К.Менара, существуют три момента, которые заставляют так вести себя организации: ориентация организации мотивациями ее участников, что создаст определенную внутреннюю детерминированность организации, проще говоря, проблемность, разобщенность; важность стохастических компонентов во внешней среде, что способствует изменению организацией схем своего функционирования; непосредственно рутинные процедуры, с помощью которых можно установить существующие аномалии, чтобы выработать и применить в действии механизмы приспособления к изменяющимся условиям среды [5, с.16-19].

Роль внешней среды как «стартера» мутаций и появление новых рутин является определяющей. С инновационно-технологической точки зрения взаимодействие внутри организационных аспектов с внешними приводит к новым комбинациям рутин, обновление которых вызвано устранением недостатков в предыдущих рутинных. Таким образом, создается фактор инноваций. Например, П. Гудмен различает две разновидности изменений [6, с.10]. Во-первых, запланированные изменения, которые обеспечены только внутриорганизационными решениями и процедурами, и, во-вторых, изменения адаптации, которые происходят в результате перемен в отношениях с элементами внешней среды, в значительной мере с подобными организациями и в сфере институциональных соглашений.

Изменения этих двух типов в итоге предстают изменениями в структурах рынков, которые можно рассматривать в виде «равнодействующих стратегий организаций, имеющих определенную власть на рынке», а также как результат «того способа, при помощи которого эти стратегии связываются между собой, перемешивая конфликты и сотрудничество» [6, с.17].

Таким образом, развитие организации непосредственно проявляется на стыке взаимодействия факторов внешней и внутренней среды организации. Внешняя среда задается состоянием спроса на функционирование той или иной оргструктуры, технологическими новшествами, используемыми фирмой, институциональной структурой, в которой «плавают» организация. Внутренняя среда во взаимодействии с внешней, определяющая динамизм организации и ее эффективность, задается набором мотиваций участников организации, их побудительными компонентами, которые обнаруживаются в групповой динамике в борьбе коалиций за право контроля в организации.

Что же следует понимать под динамизмом организации и ее жизненным циклом? Динамизм прежде всего характеризуется изменениями структуры организации, системы внутренних отношений и способности адаптации, которая и определяет инновационную жизнеспособность

организации. Он выражается в увеличении иерархических уровней, что является ответом на рост организации, который всегда в рамках существующей социально-экономической парадигмы, сориентированной на поощрение роста, выступает в качестве критерия успешности работы организации – усложнения системы обработки информации на фирме, процедур контроля и принятия решений.

Отсюда, жизненный цикл организации можно рассматривать как рост ее разнообразия, противоборство с которым приводит к внутриорганизационным издержкам (на поиск информации; контроль; обеспечение эффективного подчинения звеньев внутрифирменной иерархии и т.д.), увеличению числа формальных правил и процедур, что в долгосрочном периоде со всей очевидностью сказывается на технологическом потенциале организации, навыках персонала, мотивациях, системе ценностей. Нарастающие негативные процессы ускоряют падение организации, которое проявляется в неспособности организации изменять свою структуру и в силу изменений, происходящих вокруг данной организации. Однако организации не исчезают совсем из поля институциональной матрицы. Из них или их элементов образуются новые организации и структуры, которые заимствуют элементы распадающихся организаций, либо старым организациям удастся обновиться и сместить кривую жизненного цикла вверх или начать ее инновационное развитие в результате неиспользования эволюционных инновационных моделей. Возникает новый жизненный цикл новой организации.

Теория жизненного цикла, то есть анализ деятельности организации и закономерностей ее поведения на различных, единообразных для всех организаций этапах, позволяет выявить факторы, способствующие инновационным изменениям и задающие вектор адаптации.

Понятие «адаптация» в ходе экономических преобразований претерпело несколько изменений. В России на стадии либерализации цен и приватизации адаптация носила стихийный характер, то есть выражалась в виде спонтанных реакций предприятий на слабопредсказуемые действия правительственных органов, определяющие условия «среды обитания» хозяйствующих субъектов. Такой вид адаптации мог привести только к потере ощущения перспективы, так как целевая установка на смену титула собственности и краткосрочную максимизацию прибыли на фоне лавинообразно нарастающего спада оказывала дезориентирующий эффект. Если на этой стадии предприятия были сориентированы «вовне», то есть на ожидание новых правительственных актов, то на следующем этапе жесткой антиинфляционной политики – «вовнутрь», удерживая свой объем производства и продаж на приемлемом уровне, пытаясь сохранить свои лучшие технологии и наиболее квалифицированное ядро трудового коллектива. Более сложная обстановка сложилась в период мирового финансового кризиса, который практически стал главной проблемой еще очень слабого инновационного продвижения российских предприятий.

В целом же ситуация состоит в том, что концепция жизненного цикла обладает серьезными ограничениями на применимость, так как рождена самой рыночной структурой определенного уровня организации и отражает этапы развития фирмы как элемента этой структуры. В рыночной системе хозяйствования фирма в течение своей жизни проходит шесть основных стадий развития: «рождение», «детство», «юность», «ранняя зрелость», «окончательная зрелость», «старение», охватывающих период времени около 30-40 лет.

Процесс принятия решений фирмой можно разделить на четыре составляющие: рутинные, селективные, адаптивные и инновационные. Теория жизненного цикла говорит о том, что фазы «окончательная зрелость» и «старение» инвестиционно непривлекательны в том случае, если не выработано особых моделей поведения с учетом инновационных составляющих процесса развития фирмы. Важность заключается в целесообразности инвестирования предприятий на первых четырех фазах жизненного цикла, которые сталкиваются с серьезными препятствиями инновационного развития: ухудшением состояния основных фондов, нехваткой оборотных средств, высокими издержками производства, архаичностью организационной структуры, отсутствием финансового менеджмента, неплатежеспособностью заказчиков и т. д.

Теоретические аспекты микроэкономической эволюции позволяют обратить внимание на тенденции и проблемы при формировании жизненного цикла российских инновационных фирм и их адаптацию в мировой инновационный процесс. Важно оценить: какова же инновационная стартовая составляющая экономики России для участия в мировых процессах? Статистика показывает, что сегодня доля «новой экономики» в ВВП России составляет до 4%, а в развитых странах – до 50%. На НИОКР в России тратится 1% ВВП (половина за счет государства), а в развитых странах Европы – по 4% [7]. Российские институты, оказывающие поддержку компаниям, исследовательским коллективам в разработке и внедрении инноваций, работают неэффективно.

Статистика инноваций, методология которой была разработана в Центре исследований и статистики науки Минпромнауки России и РАН, обеспечивает детальную информацию для комплексного развития в промышленности и в сфере услуг. Как показывают расчеты, инновационную ситуацию в промышленности по существу определяют четыре отрасли – химическая и пищевая промышленность, машиностроение и металлургия. Они охватывают свыше 70 % всех инновационных промышленных предприятий и, как правило, отличаются максимальным уровнем инновационной активности, в два-три раза превосходящим средний по промышленности. Так, в металлургии величина этого показателя составила – 16,7%, в химической промышленности – 14,8%, в машиностроении – 14,7%. Высокий уровень научного потенциала, сложившийся в указанных отраслях, несомненно, способствует более активному внедрению инноваций в производство. В остальных отраслях доля инновационно-активных предприятий не превы-

шала 2-5%. Наименьшее значение данного показателя наблюдалось во вторичной переработке сырья – 1,7%, в деревообрабатывающем и целлюлозно-бумажном производстве – 2,4%, электроэнергетике и легкой промышленности – по 2,7% [7].

Низкий уровень инвестиционной активности в России, характерный для всех видов деятельности, связанных с инновациями, в большей степени затронул и процессы технологического обмена. Они протекают вяло, характеризуются неустойчивой динамикой и не занимают адекватного своей значимости места в инновационных жизненных циклах предприятий. Подобные тенденции, как и неразвитость собственного научного персонала предприятий, ведут к снижению качественного уровня нововведений в российской промышленности.

Что касается сферы услуг, которая является наиболее динамичным сектором в передовых индустриальных государствах, то в России она отличается в среднем еще более низким уровнем инновационной активности, чем в промышленности. Недостаточный собственный научный потенциал сферы услуг обуславливает довольно высокую степень кооперации при разработке технологических инноваций. Приоритеты инновационной деятельности в сфере услуг по-прежнему отданы двум стратегическим целям – расширению ассортимента услуг инновационно-активных предприятий – 49,6% и улучшению их качества – 49,6% [8, с.40]. Подобная нацеленность определяется необходимостью выживания в условиях кризиса, а, следовательно, и стремлением привлечь в сжатые сроки максимально возможное число клиентов.

В конечном счете незначительная доля высокотехнологического экспорта демонстрирует сырьевую ориентацию отечественной экономики и низкую конкурентоспособность российских предприятий на международном рынке наукоемкой продукции. В сравнении с развитыми индустриальными государствами эта величина сопоставима лишь с показателями, достигнутыми в Португалии (3,6%) и в Греции (4,2%), тогда как в среднем по странам ЕС она составляет 17,1%, Япония – 24,6%, США – 27,6% [7].

Современные приоритеты инновационной деятельности обусловлены недостаточной конкурентоспособностью выхода на мировые рынки. Предприятия, ориентируясь на максимальное удовлетворение спроса, в большей мере адаптируются к диверсификации производства и внедрению импортозамещающей продукции. Перечисленные цели при всей их значимости заслоняют одну из важнейших задач инноваций – достижение высокого уровня конкурентоспособности отечественной продукции, позволяющего занять достойное место в складывающемся миропорядке.

Анализ основных тенденций развития инновационных процессов показывает, что за прошедшие десятилетия реформирования в России не сложился системный инновационный жизненный цикл на микроуровне, Россия по-прежнему остается страной с экономикой сырьевой направленности, слабо просматривается фор-

мирование механизма инновационного развития на рыночной основе при поддержке его со стороны государства, что влияет на невосприимчивость предприятий к нововведениям.

В то же время анализ показывает, что внедрение такого потенциального привлекательного механизма будет вынуждено решать такие главные проблемы, как:

- недостаток квалифицированного персонала (управленцы разного ранга, ученые, ИТР, рабочие);
- неразвитость инновационной инфраструктуры и рынка технологии;
- недостаточность правовой базы;
- недостаточность собственных денежных средств;
- недостаточная финансовая поддержка со стороны государства;
- практически отсутствует «инновационное хобби» в органах власти, нет консолидированной позиции в инновационной политике и международных отношениях;

• научно-исследовательская деятельность оторвана от государственных и корпоративных задач, а академическая, инженерная и образовательная элиты крайне консервативны;

• гуманитарные технологии неразвиты, а технологически понимаемая инновационная деятельность не выходит за пределы лаборатории и т.д.

Все это должно сложить опорный каркас инновационного механизма развития экономики России, эффективность которого зависит от того, как общество ответит на следующие главные, на наш взгляд, вопросы:

- как «развивается» инновационное предпринимательство в России, благодаря или вопреки политике государства в этой области?
- какова эффективность управления инновационными проектами?
- что должно сделать государство для создания системного эффективного механизма по формированию инновационного пути развития, адаптированного на мировой порядок?

Библиографический список

1. *Маевский В.И.* Введение в эволюционную макроэкономику. М.: Япония сегодня, 1997, С.11-13;
2. *Nelson R., Winter S.* An Evolutionary Theory of Economics Change – Cambridge, Harvard University Press, 1982. Нельсон и Винтер. Эволюционная теория экономических изменений. – М.: Финстатинформ, 2000, С.474;
3. *Cyert P. and March J.* A Behavioral Theory of the Firm. Englewood Cliff. – N-Y: Prentice – Hall, 1963;
4. *Силверберг Дж., Верспаген Б.* Экономическая динамика и адаптация поведения. Приложение к одной эволюционной модели эндогенного роста // Эволюционный подход и проблемы переходной экономики. М.: ИЭ, ЦЭМИ РАН, 1995. С. 149-177. Silverberg G. and Lehnert D. Long Waves and «Evolutionary Chaos» in a Simple Schumpeterian Model of Embodied Technical Change // Structural Change and Economics Dynamics, 1993, Ч. – P. C. 9-37. Silverberg G. and Verspagen B. Collective Learning, Innovation and Growth in a Boundedly Rational, Evolutionary Economics, Ч, 1994.
5. *Менар К.* Экономика организаций. М.: Инфра – М, 1996.
6. *Менар К.* Экономика организаций. М.: Инфра – М, 2005.
7. <http://www.gks.ru> – официальный сайт Росстата, Российский статистический ежегодник (2011-2012 г.г.) (электронная версия – RAR);
8. *Блинников А.Е.* Оперативно-логическое управление качеством отливок с применением нейронных сетей // Литейщик России, 2008, №6, С.38-41.

References

1. *Mayevsky V.I.* Introduction to evolutionary macroeconomics. - M.: Japan today, 1997, p.11-13;
2. *Nelson R. and S. Winter* An Evolutionary Theory of Economics Change - Cambridge, Harvard University Press, 1982. Nelson and winter. Evolutionary theory of economic change. - M: Finstatinform, 2000, c.474;
3. *Cyert P. and J. March* A Behavioral Theory of the Firm. Englewood Cliff. - N-Y: Prentice - Hall, 1963;
4. *Silverberg J., Verspagen B.* Economic dynamics and adapt behavior. Application to a single evolutionary model of endogenous growth // Evolutionary approach and the problems of transitional economy. - M: ie, CEMI RAS, 1995. - C. 149-177. G. Silverberg and Lehnert D. Long Waves and «Evolutionary Chaos» in a Simple Schumpeterian Model of Embodied Technical Change // Structural Change and Economics Dynamics, 1993, H. - Q. R. S. 9-37. Silverberg G. and B. Verspagen Collective Learning, Innovation and Growth in a Boundedly Rational, Evolutionary Economics, H, 1994;
5. *Menard K.* Economics organizations. - M: Infra - M, 1996;
6. *Menard K.* Economics organizations. - M: Infra - M, 2005;
7. <http://www.gks.ru> - the official site of Rosstat, the Russian statistical Yearbook (2011-2012) (electronic version - RAR).
8. *Blinnikov A.E.* Operatively-logical control of the quality of castings using neutron networks // Caster Russia, 2008, №6, p.38-41.

УДК 332.133.6

UDC 332.133.6

О.В. ШАТОХИНА

O.V. SHATOKHINA

соискатель факультета экономики и управления
Орловского государственного университета
E-mail: olga_shatohina@mail.ru

competitor of chair of applied economic disciplines of the
Orel state university
E-mail: olga_shatohina@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ МАРКЕТИНГА ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ПАРКОВ

THE USE OF THE MARKETING CONCEPT SYNERGIES IN THE CREATION AND OPERATION OF INDUSTRIAL PARKS

В статье рассматриваются индустриальные парки как действенный механизм улучшения социально-экономического климата страны. Обосновывается целесообразность использования в процессе создания и функционирования индустриальных парков маркетинга взаимодополнения, который позволяет использовать достоинства и нивелировать недостатки всех участников процесса.

Ключевые слова: индустриальные парки, региональный маркетинг, маркетинг взаимодополнения.

The article examines industrial parks as an effective mechanism for improving the socio-economic climate of the country. The feasibility of use in the creation and operation of industrial parks marketing synergies, which allows the use of the advantages and disadvantages of all level stakeholders.

Keywords: industrial parks, regional marketing, marketing synergies.

Будучи одной из первых по численности населения страной мира и имея мощную капиталовооружённость, Советский Союз разделял первое-второе место с США. Однако инвестиционный процесс к концу 80-х прекратился. Если учесть, что физический и моральный износ основных производственных фондов составляет пятьдесят лет, то соответственно ежегодная амортизация – естественная убыль капитала составляет 2%. Таким образом, можно констатировать, что за тридцать лет Россия потеряла 80% основного капитала. На протяжении этих лет незначительное воспроизводство капитала присутствовало, но новые собственники некогда государственных предприятий не готовы вкладывать денежные средства в развитие, желая получить максимальную отдачу от оставшегося капитала.

Следствием данной политики является отставание по абсолютному большинству отраслей промышленности от индустриальных держав. Так, по производству электромоторов, генераторов, трансформаторов Россия отстает от США в 2,9 раза, от Германии – в 5,2, от Финляндии – в 14,6. В легкой промышленности отставание от Америки – в 5,9 раза, Германии – 4,4, Южной Кореи – 16,4. Производство медицинской аппаратуры на душу населения в 29 раз меньше, чем в США, в 17 раз меньше, чем в Германии, производство лекарств соответственно в 66 и 31 раз меньше. [10]

Изменение сложившейся ситуации возможно только благодаря политике накопления основного капитала, путем развития промышленного сектора, кластерного подхода к развитию ведущих отраслей, увеличению масштабов производства и объемов продаж, восстановлению позиций региональных товаропроизводителей

на внутреннем и внешнем рынке.

Все развивающиеся и развитые страны начинали подъем производства с создания сети индустриальных парков. В США их работает около 300, в каждой европейской стране – десятки, а в Китае – около 600 [14]. Индустриальный парк – это территория, на которой созданы максимально комфортные условия для организации нового производства, где участники (резиденты) получают возможность использовать синергию и эффект масштаба в содержании капиталоемкой инфраструктуры, что, в свою очередь, способствует снижению себестоимости производства и, как следствие, получению большей прибыли для предприятия, соответственно больших налоговых отчислений в местный и федеральный бюджет.

Развитие промышленности посредством создания и развития индустриальных парков требует консолидации усилий государственных институтов, предприятий естественных монополий и субъектов промышленной деятельности на основе рационального сочетания их взаимных интересов.

Необходима государственная поддержка, основным направлением которой должна стать стимулирование экономической активности. Разработка промышленного маркетинга на государственном и муниципальном уровне для российских предприятий является актуальной задачей экономического развития, которая позволит создать базу для эффективной экономической деятельности промышленных предприятий.

Целевую помощь из федерального бюджета начали оказывать совсем недавно, и объемы ее невелики. Дефицит внимания на федеральном уровне компенси-

руют региональные власти. На региональном уровне утверждаются стратегии, в рамках которых составляются инвестиционные проекты, носящие комплексный стимулирующий характер, где основными показателями эффективности при обосновании государственных инвестиций выступает отдача на рубль вложенных бюджетных средств.

Государство должно вырабатывать взаимовыгодные формы сотрудничества с реальным бизнесом и профессиональными девелоперами, содействовать в вопросах территориального планирования, развитии транспортной и социальной инфраструктуры. Но воплощение проектов должно быть в руках бизнеса, который хорошо понимает, что такое инвестиционные затраты, окупаемость, и сможет сделать проект действительно эффективным.

При наличии системной целенаправленной политики стимулирования индустриальных парков темпы их создания в России могли бы быть гораздо выше. В Китае, где не только реализуется стимулирующая промышленность политика, но и работает мощная государственная корпорация развития «Факел», – нечто родственное нашему ОАО «Особые экономические зоны», – за 40–50 лет создано около 400 индустриальных парков. В нашей стране за восемь лет без должной поддержки – лишь четыре десятка действующих. Правда, в Китае самый маленький парк равен самому большому российскому.

В настоящее время государство пытается заниматься созданием индустриальных парков самостоятельно. Местной властью выделяются необходимые территории, предоставляются преференции по ввозу и вывозу продукции без НДС, дополнительные льготы.

В некоторых регионах под конкретные инвестиционные проекты вводят пониженную ставку арендной платы на землю; вводят налоговые каникулы сроком до десяти лет с момента запуска проекта или снижают ставки, иногда увязывая их размер с объемом инвестиций. Так, Ивановская область вводит закон о налоге на имущество, предусматривающий существенные льготы, в Ярославской области готовы давать землю под строительство предприятий бесплатно.

Примером для подражания может стать принятый в 2009 году в Ставропольском крае Закон № 98 «О региональных индустриальных, туристско-рекреационных и технологических парках». В нем прописаны основные цели, принципы, условия создания парков, механизмы управления и контроля за их деятельностью, а также правовые основы государственной поддержки. По мнению краевых властей, принятый закон закрепил понятие «резидент индустриального парка» с тем, чтобы присвоение статуса автоматически влекло за собой применение налоговых льгот. В результате механизм поддержки не «размывается» по многочисленным нормативным актам. Благодаря закону модель поддержки стала понятна и получила нормативное закрепление, что в России очень важно. К тому же в законе предусмотрена территориальная привязка – для получения статуса резидента нужно зарегистрироваться на

территории индустриального парка или муниципально-го образования, чтобы налоги поступали в местный и краевой бюджеты. [9]

В России есть успешные результаты создания индустриальных парков в Калужской, Ульяновской областях, Татарстане. Однако общая проблема заключается в том, что они строятся на бюджетные деньги и это очень дорого. Так, создание индустриального парка в 200–300 гектаров требует 2–3 млрд. рублей.

Вторая проблема заключается в целеполагании при создании индустриальных парков государством. Государство преследует две цели: создание новых рабочих мест и увеличение налоговых поступлений в бюджет. Эффективность парка государство оценивает исходя из этих параметров. При этом задача обеспечения эффективности парка как бизнеса уходит на второй план: он может быть планомерно убыточен, хотя в него вложены миллиарды рублей.

Для решения указанных проблем необходимо создание максимально комфортных условий для привлечения частных инвестиций в индустриальные парки. В частности, наряду с государственными необходимо стимулировать создание частных индустриальных парков. Во-первых, это будет способствовать снижению бюджетных расходов государства. Во-вторых, повышению эффективности расходов, поскольку частный парк не может быть убыточен по определению.

Однако сегодня частные промпарки поставлены в неравные условия с государственными. Последние финансируются из бюджета, куда поступают налоговые отчисления от резидентов. А частник все делает за свой счет. Федеральным законодательством не урегулировано содержание общей территории в индустриальных парках. Так, по мнению директора ИП «Орел» А. Есеничева, для покрытия данных издержек нужно предусмотреть возврат частным индустриальным паркам некоторой доли налоговых доходов от резидентов. [11]

Для выбора наилучшего пути, ведущего к решению существующих в формировании и развитии индустриальных парков проблем, необходимо использовать принципы маркетинга, ориентирующего управление на удовлетворение потребностей участников рынка. Маркетинг как методология рыночной деятельности получил заслуженное признание в России, в научной и практической среде. Не случайно маркетинг как один из главных элементов управления производственно-хозяйственной деятельностью уже в течение длительного времени широко используется в экономике различных стран как небольшими, так и крупными фирмами, частными компаниями, государственными, акционерными предприятиями и организациями для производства и сбыта всех видов товаров и услуг.

В полной мере данный постулат относится также к процессам формирования и развития индустриальных парков. Вопрос заключается лишь в том, какая из многочисленных концепций маркетинга в наибольшей степени соответствует цели и задачам продвижения стратегии развития региона, исключая возможные не-

гативные явления для всех субъектов рынка.

Создание индустриальных парков связано с необходимостью учёта запросов различных субъектов управления, в том числе органов власти регионов и муниципальных образований, собственников и менеджеров предприятий промышленности, связи, транспорта, услуг и т.д., а также населения. Для того чтобы учитывать специфику запросов разных субъектов управления, создано немало концепций маркетинга.

Так, создание новых и усиление имеющихся преимуществ с целью привлечения в регион инвестиций, способных повысить благосостояние жителей региона, является задачей регионального маркетинга. Основоположники теории и практики регионального маркетинга в России А.М. Лавров и В.С. Сурнин считают региональный маркетинг элементом системы рыночных отношений, который, в отличие от общепринятого в практическом отношении маркетинга, действует на ином уровне – на уровне области, края, республики (так называемый мезоуровень) [3, С. 30]. Субъектами регионального маркетинга выступают органы законодательной и исполнительной власти, бюджетные организации, промышленные, торговые, финансово-кредитные предприятия региона различных форм собственности. Кроме того, в сферу регионального маркетинга попадают органы и предприятия, не находящиеся на территории региона, но взаимодействующие и оказывающие влияние на субъекты региона. Помимо предприятий и организаций, масштабным и одновременно единичным субъектом регионального маркетинга выступает население региона с его основными характеристиками.

Сегодня региональный маркетинг рассматривается учёными не только как вид маркетинга, но и как цельная концепция, применяемая органами управления для разработки и реализации стратегии и тактики развития территории с привлечением всего имеющегося в её распоряжении потенциала. При этом в экономической литературе акцентируется внимание на целевую ориентированность и комплексность регионального маркетинга, необходимость слияния в единый процесс всех элементов предпринимательской, хозяйственной, производственно-сбытовой деятельности и объединения их в систему, действующую в интересах региона. [7, С. 31-32]

А.П. Панкрухин под маркетингом территории понимает деятельность, предпринимаемую для создания, поддержания или изменения мнений, намерений или поведения субъектов, внешних по отношению к данной территории, но так или иначе влияющих на её развитие. [4, С. 83-96] При этом А.П. Панкрухин подчёркивает, что территориальный маркетинг может быть направлен как на внутренних, так и на внешних для региона субъектов.

Существуют концепции маркетинга, которые акцентируют внимание на формирование отношений между субъектами управления. Так, маркетинг партнёрских отношений представляет собой процесс формирования целостной системы, целью которой является

построение долгосрочных взаимовыгодных отношений с индивидуальными клиентами и партнерами, государством и частным бизнесом на основе совместного создания ценностей, а также получения и распределения выгоды от этой деятельности между всеми участниками взаимодействия. [5, С. 42]

Признавая достоинства данных концепций маркетинга, следует отметить их недостатки. Так, взаимодействие означает взаимную связь, обусловленность, а также взаимное воздействие субъектов друг на друга. Вместе с тем, субъекты могут взаимодействовать в одном процессе, преследуя противоположные стратегические цели, имея разные интересы, руководствуясь разными принципами, что будет иметь негативные последствия. Данное обстоятельство требует создания в системе управления дополнительных корректирующих механизмов. В свою очередь, истинное партнёрство может быть реализовано только по принципу взаимодополнения. [12, С. 29]

В данном контексте взаимодополнение – это более высокий уровень отношений по сравнению с простым взаимодействием и интеграцией. Взаимодополнение позволяет выстраивать и поддерживать цепочки взаимоотношений в интересах создания ценностей, востребованных каждым заинтересованным лицом.

В этой связи мы полагаем, что формировать и развивать индустриальные парки необходимо на основе концепции маркетинга взаимодополнения. Ключевая идея маркетинга взаимодополнения в сфере управления социально-экономическим развитием состоит в возможности и необходимости формирования такого образа отношений между субъектами, при котором каждый из них, специализируясь на выполнении конкретных функций, взаимно дополняет другого в процессе реализации цели системы в целом, способствует усилению достоинств и нивелированию недостатков друг друга. [12, С. 95-96]

Необходимым условием создания максимального эффекта является зарождение в системе отношений на любом уровне (фирма, общность, муниципальное образование, регион, страна) Коллективного разума, от имени «МЫ» решающего возникающие задачи. При этом используется потенциал мудрости каждого участника, то есть мудрости «Я», и одновременно – потенциал коллективной мудрости, то есть мудрости «МЫ».

Взаимодополнение создает синергетический эффект, который обусловлен совместным использованием ресурсов, принадлежащих населению, бизнес-сообществу и органам управления региона. В условиях глобализации именно взаимодополнение является основой, способной обеспечить повышение конкурентоспособности страны, региона, муниципального образования. [13] Таким образом, использование концепции маркетинга взаимодополнения позволит региональным и федеральным властям совместно со всеми участниками процесса обеспечить устойчивое экономическое развитие страны.

Библиографический список

1. *Гордон Ян. Х.* Маркетинг партнёрских отношений. СПб.: Питер, 2001. 384с.
2. *Данько Т.П.* Управление маркетингом. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2001. 334с.
3. *Лавров А.М., Сурнин В.С.* Формирование рыночной экономики: региональный аспект. Ч.2. Региональный маркетинг и тенденции его развития. Кемерово: Кузбасвузиздат, 1994. 164 с.
4. *Панкрухин А.П.* Маркетинг территорий. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Питер, 2006. 416 с.
5. *Пёртая О.А.* Маркетинг партнерских отношений в современном страховом бизнесе. Страховое дело 2006; ноябрь: С. 41-48.
6. *Портер М.Э.* Конкуренция. М.: Издательский дом «Вильямс», 2000. глава 7.
7. *Самостроенко Г.М.* Интеграционный маркетинг региона: Учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. Орёл, Изд-во ОРАГС, 2005. 140 с.
8. Вестник КрасГУ, Гуманитарные науки 2003. №4.
9. *Великанова О., Проценко Н., Ольховская У., Перечнева И.* Обзор индустриальных парков. Эксперт 2012; №48: С. 100-109.
10. *Гурова Т., Ивантер А.* Мы ничего не производим. Эксперт 2012. №47: 21-28.
11. *Ткачева Татьяна* Выбор резидента. Почему в индустриальных парках Воронежской области остается немало свободных площадок. Российская газета (Экономика Центрального округа) 2013. N6046.
12. *Самостроенко Г.М.* Маркетинг взаимодополнения в системе государственного и муниципального управления. Современная экономика: проблемы и решения 2012. № 3: С. 93-102.
13. *Самостроенко Г.М., Прокофьев, А.В.* Логисто-маркетинг: синергия взаимодополнения. Российское предпринимательство 2007; №5, выпуск 1: С. 25-30.
14. <http://www.indparks.ru>

References

1. *Gordon Ian. X.* Relationship marketing. - St. Petersburg.: Peter, 2001. 384 p.
 2. *Danko T.P.* Marketing Management. Ed. 2nd, revised. and add. - Moscow: INFRA-M, 2001. 334 p.
 3. *Lavrov A.M., Surnin B.C.* Formation of a market economy: regional aspect. P.2. Regional marketing and trends of its time development. Kemerovo Kuzbasvuzizdat, 1994. 164 p.
 4. *Pankrukhin A.P.* Marketing area. Ed. 2nd, revised. and add. - St. Petersburg.: Peter, 2006. 416 p.
 5. *Perth O.A.* Relationship marketing in today's insurance business 2006; November: Pp. 41-48.
 6. *Porter M.E.* Competition. - Moscow: Publishing House "Williams", 2000. Chapter 7.
 7. *Samostroenko G.M.* Integration Marketing Region: Studies tutorial. Ed. 2nd, revised. and add. - Orel Publishing House ORAGS 2005. 140 p.
 8. Vestnik of KSU, Gimanitarnye science 2003; № 4.
 9. *Velykanova O., Procenko N., Olkhovskaya U., Perechneva I.* Overview of industrial parks. Expert 2012; No 48: Pp. 100-109.
 10. *Gurov T.A. Ivanter* We do not manufacture. Expert 2012; No 47: Pp. 21-28.
 11. *Tkachev Tatiana* Choice resident. Why in the industrial parks of the Voronezh region remains a lot of free sites. The Russian newspaper (Central Business District), 2013; N6046.
 12. *Samostroenko G.M.* Marketing synergies in the state and municipal management. The modern economy: problems and solutions 2012; No 3: Pp. 93-102.
 13. *Samostroenko G.M., Prokofiev A.B.* Logistics Marketing: synergistic ergy complementarity. Russian Entrepreneurship 2007; No 5, edition 1: Pp. 25-30.
 14. <http://www.indparks.ru>
-
-

С.И. АБРАМОВ

кандидат педагогических наук, зав. кафедрой общей педагогики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
E-mail: serganika@mail.ru

S.I. ABRAMOV

candidate of pedagogical Sciences, head of of General pedagogy Department of Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities
E-mail: serganika@mail.ru

СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД В КОНТЕКСТЕ СВЕТСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

THE SUBJECT-SUBJECT APPROACH IN A CONTEXT OF A SECULAR AND RELIGIOUS PEDAGOGICAL PARADIGM

В статье рассматриваются вопросы подхода к определению субъект-субъектного подхода в светской и религиозной педагогике. Анализируются изменения, происходящие в современном образовании, характеризующие смену образовательной парадигмы, переход от авторитарной к личностной педагогике. Определяется место, которое занимает православно-ориентированный субъект-субъектный подход, как к формированию личности субъекта, так и национальной идеи в целом.

Ключевые слова: педагогическая парадигма, субъект-субъектный подход, антропоцентризм, теоцентризм, соборность, национальная идея.

In article approach questions to definition the subject - subject approach in secular and religious pedagogics. Analyzed the changes happening in modern education, characterizing change of an educational paradigm, transition from authoritative to personal pedagogics. Defined the place which is taken by the pravoslavno-focused subject - subject approach as to formation of the identity of the subject, and national idea as a whole.

Keywords: pedagogical paradigm, the subject-subject approach, anthropocentrism, a teotsentrizm, conciliarity, national idea.

На данном этапе развития современной педагогики, под которой понимают: «Науку о воспитательных отношениях, возникающих в процессе взаимосвязи воспитания, образования и обучения с самовоспитанием, самообразованием и самообучением и направленном на личностное развитие человека» [9, стр. 8], принято говорить о субъект-субъектном педагогическом подходе в образовании. При этом, как правило, указывается, что в светской и религиозной парадигмах этот подход будет иметь различные трактовки.

1. Так в светской педагогической парадигме, основанием которой является **антропоцентризм**, человек рассматривается как существо самоценное и самооправданное. Источник развития помещен в самом субъекте – человеке, исходная аналогия, по мысли Б.С. Братуся, – аналогия зерна. Зерно будет произрастать, куда и как ему надо, при наличии соответствующей почвы, влаги, воздуха. Человек будет развиваться в лучшем для него направлении при наличии внимания, принятия, эмпатии и т.п. При этом, свобода личности является одним из главных образовательных принципов, который никем, ничем и никогда не должен быть ограничен. Т.е. каждая личность свободна, самобытна, индивидуальна и находится «по ту сторону добра и зла», и в качестве таковой личности выступает как учащийся, так и педагог.

Такое понимание субъект-субъектных отношений может привести к следующим результатам: в процес-

се педагогической деятельности любая общая идея, исходящая извне, неизбежно нивелирует личность, делает ее несвободной, способствует обезличиванию, а не воспитанию: «...Из такой школы могут выходить нумера, а не люди, статические количества, а не нравственные величины» [7], – писал В.О. Ключевский, предупреждая об опасности негативного отношения личностной педагогики к использованию идеи патриотизма, национальной (и любой другой общей) идеи в образовательно-воспитательном процессе. Об этом же писал профессор о. Василий Зеньковский: «Субъективизм ребенка и субъективизм педагога одинаково шатки и недостаточны, – необходимо опираться на объективную сферу, на те ценности, которые возвышаются над личностью и придают ей значительность... Личность и метафизически и эстетически не замкнута в себе, – она входит в систему мира, подчинена его законам, сопряжена с высшими началами, стоящими над миром. Нельзя поэтому объявлять идею личности верховным и последним принципом педагогики... Педагогика должна быть укоренена в целостном мировоззрении, должна освещать основные свои проблемы теми принципами, которые ей дает антропология, философия и религия» [3, стр. 11].

2. Поэтому религиозная (православная) педагогическая парадигма, основанием которой является **теоцентризм**, решительно выносит источник развития вове человека. Если использовать метафору зерна, то человек подобен почве, на которую долж-

но еще попасть зерно Божественного слова (притча о сеятеле (Мф. 13, 3-9.), а если оно не попадет, то заполнится другими посевами, не исключено – бесовскими (притча о плевелах Мф. 13, 24). Что же касается движения исключительно из самого себя, то из самого себя человек ничего хорошего родить не может. Профессор А.И. Осипов говорит по этому поводу следующее: «Христианский взгляд на человека зиждется на утверждении двух одинаково неприемлемых гуманистическим и секулярным сознанием положений:

1. «заданным» богоподобным величии человека (...Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его (Быт. 5,1). (человек-субъект – образ Божий);

2. и «данным» настолько глубоким его падением, что самому Богу потребовалось прийти, чтобы «прежде падший воскресити образ» (человек – объект Спасения) [4, стр. 56].

То есть с точки зрения православной парадигмы нормальным человеком является Христос, который, по мысли А.С. Хомякова, есть не авторитет, а Истина. «Обычный» же человек, который заведомо духовно ущербен и болен, может стать нормальным, подлинным человеком, лишь веруя Христу (как Истине), приобщаясь к Его жизни, «подражая» Ему.

Таким образом, появляется высшая идея для осуществления воспитания в рамках русской культуры, это идея религиозного воспитания, направленного на достижение живого Образа, с которым может быть установлена личная обратная связь (одно из толкований термина «религия»: от «лигас» – связь, «ре» – обратная), «...когда будет выбрано, принято, уверовано – Кто есть Истина, в отличие от холодно-рационального что есть истина» [1 стр.15.]. Причём такая связь может осуществиться только в случае свободного выбора субъекта. Свт. Григорий Богослов пишет: «Детовождение (педагогика-С.А.) – всего более соблюдает свободу. Ибо тайна спасения – для желающих, а не для насильствуемых» [2 стр.312.].

При этом Спасение в православии понимается как: «...избавление от всех зол и вечное обретение в Боге всех благ, дарующее вместо смерти – жизнь, вместо тьмы – свет, вместо рабства страстям и постыднейшим деяниям – совершенную свободу всем соединившимся со Христом, Спасителем всех, которые обретают тогда всякую радость, всякое блаженство и всякое ликование» [6 стр.77.]. В Спасении происходит восстановление утраченной «райской педагогики», основанной на непосредственных субъект-субъектных отношениях между человеком и Богом, Который являлся «...в раю

во время прохлады дня» (Быт. 3,8) для общения с людьми. И именно эта живая непосредственная связь человека с Богом была первой и совершенной религией человеческого рода.

Таким образом, можно утверждать, что религиозная педагогическая парадигма не отрицает субъект-субъектного подхода в педагогике, наоборот, этот подход получает более полное содержание, связанное с высшей идеей – личностного общения Бога и человека, которое не может осуществиться только в соответствии с принципом свободы, но и любви. Именно во имя любви к человеку в мир пришёл Христос. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». (Ин.3,16). Таким образом, человек, объективируясь – обнаруживая свои недостатки, слабости, борется с ними, т.е. самообразуется, становится субъектом педагогической деятельности, Педагогом в которой выступает Бог.

Но такое самообразование невозможно вне Церкви, которая, по мысли Хомякова, «... не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати». Он утверждал, что во всей жизни человека и народа первичным является религиозное начало. Какова вера – таков человек. Какова вера – таков и народ. При этом Хомяков отличал веру от верения – под которым он подразумевал чисто внешнее, формальное отношение к религии и всем тем предписаниям, которые ею установлены. Такое понимание Церкви ставит А.С. Хомяков в фундамент понятия «соборности», которое, по его словам, есть «единство в свободе по закону любви» [5]. Именно идея Соборности как принципа субъект-субъектных отношений, по мысли В.И. Слостёнина, может объединить педагогов и учащихся в их осознанном, свободном стремлении к духовно-нравственному возрождению России. «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация, – пишет В.И. Слостёнин. Идея, являющаяся своего рода «нормой всех норм» и выступающая связующим звеном между системой базовых ценностей и Идеалом, оказывается доминантой духа человеческой общности» [7].

Такой вектор развития субъект-субъектных отношений как в образовательном, так и в общественно-социальном пространствах, будет соответствовать, по нашему мнению, критерию В.С. Соловьёва, предъявляемого им к национальной идее, которая: «...есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [8, стр.221].

Библиографический список

1. Братусь Б. С. Опыт обоснования гуманитарной психологии Журнал Вопросы психологии 1990, N 6. С. 15.
2. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. М., 1843.
3. Зеньковский В.В. Протоиерей. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М. 1993. Свято-Владимирское Братство. 1993.
4. Осипов А.И. Богословские аспекты прав человека // Журнал Московской патриархии. 1984. № 5, стр. 56.
5. Осипов А.И. О выдающемся самобытном богослове А.С.Хомякове. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://ots-v-v.livejournal.com/153063.html>, свободный. - Загл. с экрана.

6. Симеон Новый Богослов. Божественные гимны. Сергиев Посад. 1917.
7. Сластенин В.А. Национальная идея как феномен православной педагогической культуры. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=20>, свободный. - Загл. с экрана.
8. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах, т. 2, М., 1988. стр. 221
9. Столяренко Л.Д. Самыгин С. И. Педагогика. «MapT» М.-Р-н-Дону, 2003.

References

1. Bratus B.S. The experience of justification for humanitarian psychology Journal Voprosy psihologii 1990 N-6 p. 15.
2. Gregory The Theologian Creation Tonnes. 1.- М., 1843.
3. Zenkovskij V.V. Archpriest. Problems of education in the light of Christian anthropology. М. 1993. Piously-Vladimir Brotherhood. 1993.
4. Osipov A.I. The theological aspects of human rights // the Journal of the Moscow Patriarchate. 1984. № 5, PG. 56.
5. Osipov A.I. Of the outstanding original theologian A.S. Khomyakov. [The electronic resource.] URL: <http://ots-v-v.livejournal.com/153063.html>
6. Simeon The New Theologian. Divine hymns. Sergiev Posad. 1917.
7. Slastenin V.A. The national idea as a phenomenon of Orthodox pedagogical culture. [The electronic resource.] URL: <http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=20>.
8. Soloviev V.S. Works in 2 volumes, vol. 2, М., 1988. p. 221
9. Stolyarenko L.D. Samygin S.I. Pedagogy. «MapT» М.-Р-н-Don, 2003.

УДК 124.6

UDC 124.6

С.Н. АСТАПОВ

S.N. ASTAPOV

доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Южного федерального университета
E-mail: seastapov@yandex.ru

doctor in philosophy, professor of the History of Philosophy
Department of Southern Federal University
E-mail: seastapov@yandex.ru

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОВИДЕНИЕ: ФИЛОСОФСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ БОГОСЛОВСКИХ ПОЗИЦИЙ

PREDESTINATION AND PROVIDENCE: THE PHILOSOPHICAL EXPLICATION OF THE THEOLOGICAL POSITIONS

В статье анализируются основные позиции в современной англо-американской философии религии по проблемам, связанным с христианской доктриной предопределения или провидения. Автор статьи считает, что современные дискуссии по данным проблемам являются философской экспликацией богословских споров в истории христианства о божественной благодати. В статье рассматриваются концепции Августина, Иоанна Дамаскина, Фомы Аквинского, М. Лютера, Ж. Кальвина, Л. Молины.

Ключевые слова: божественное предведение, предопределение, провидение, теология, философия религии.

It is analyzed the main positions of contemporary Anglo-American philosophy of religion on the problems, which are connected with the Christian doctrine of predestination or providence. The author of the article finds that the present discussions on these problems are the philosophical explication of the theological debates in Christian history about God's grace. The conceptions of St. Augustine, St. John of Damascus, Thomas Aquinas, M. Luther, J. Calvin, L. Molina are considered in the article.

Keywords: foreknowledge of God, predestination, providence, theology, philosophy of religion.

Одним из постулатов теистической религии является утверждение о всемогуществе и всеведении Бога. С ним очень тесно связана идея предопределения: как всё изначально зависит от Бога. В этой идее можно выделить каузальный и телеологический моменты. Каузальный момент состоит в том, что конечной причиной любого происходящего события является Бог. В силу того, что для Бога нет ни прошлого, ни настоящего,

ни будущего, то всё происходящее есть деятельность Бога. Смысл каузального предопределения, смысл которого лучше всего выражает латинское слово *prae-determinatio*. Телеологический момент состоит в том, что Бог трансцендентен миру, а Его управление миром происходит так, что любое событие есть реализация божественного замысла. Всё происходит с определённой целью, точнее говоря с целью, предопределённой

Богом. Такой момент предопределения лучше всего выражает латинское слово *praedestinatio*, несущее в себе смысл «предназначение». Если *praedeterminatio* есть взгляд на мировой порядок «с точки зрения Бога» – как предзаданный в вечности порядок (ещё одно латинское слово для этого – *praeeordinatio*), то *praedestinatio* – это взгляд на Бога «с точки зрения мира» как на предвечный источник всего происходящего.

С понятием «божественное предопределение» тесно связаны понятия «божественное провидение», «божественный промысел», «божественное предведение». Богословы, в зависимости от конфессиональных особенностей своих доктрин, устанавливают различные соотношения между этими понятиями, тем самым по-разному их определяют. Однако можно заметить и инвариантные моменты в их дефинициях. Так, провидение понимается как деятельность Бога, определяющая весь ход событий в мире. Божественный промысел – непрерывное действие Бога по направлению мира в целом и каждого человека в отдельности к благим целям и, в конечном счёте, к спасению. Предведение (предвидение, предзнание (*praescientia*, *praevision*) как синонимы) понимается как изначальное знание Бога о том, что произойдёт, так как всё, что происходит, является осуществлением божественного замысла.

И каузальный, и телеологический моменты предопределения, а также специфика его соотношения с провидением, промыслом и предведением представляют преимущественный интерес для метафизики, а не для богословия. Для христианского богословия самым важным является вопрос о спасении. Поэтому вопрос о предопределении в христианской мысли ставился, прежде всего, как частный (но очень значимый) вопрос сотериологии. Он может быть сформулирован так: «Какова роль Бога (божественной благодати) и роль человека в его спасении?». Очевидна неразрывная связь этого вопроса с доктриной искупления и проблемой оправдания человека. Однако в силу того, что богословие – это мысль, в значительной степени погружённая в проблемы антропологии, то вопрос о предопределении получил антропологическую экспликацию: «Является ли поступок человека его свободным и ответственным действием или предопределён Богом?» Социально-историческая экспликация (провиденциализм) и онтологическая экспликация (вопрос о соотношении времени и вечности) лежат ещё дальше от магистральной линии сотериологии и уходят в область философии.

Данное исследование имеет целью показать, что обсуждаемые в современной англо-американской философии проблемы, связанные с предопределением, провидением или предвидением, имеют многовековую историю, а также различные способы решения в этой истории.

В христианстве вопрос о предопределении впервые остро был поставлен в связи с учением Пелагия. Сам Пелагий о предопределении не высказывался. Он учил, что человек по своей свободной воле может как уклоняться от добра, так и успешно бороться с грехом и достигать праведности, тем более после того, как Христос

своим учением и примером ясно показал путь к высшему благу. Но отрицание Пелагием трансформирующей силы первородного греха вело к значительному преуменьшению искупительной жертвы Иисуса Христа и благодати как особой силы Бога, действующей в человеке, но не принадлежащей природе человека. За это Пелагий и его последователь Целестин были подвергнуты осуждению на Лиддском (415 г.) и Карфагенском (418 г.) соборах.

Самым известным и ярким критиком Пелагия был Аврелий Августин. Именно он связал воедино вопросы об искуплении, действии благодати и предопределении. Основные идеи Августина сводятся к следующим.

1. Благодать Божия совершенно не может считаться благодатью, если даётся в соответствии с заслугами.

2. Никаких заслуг у человека нет, поскольку из-за греха Адама род человеческий рождается виновным перед Богом.

3. Благодать есть дарование Богом спасения, которое относится не ко всем людям, а лишь к избранным.

4. Решение даровать спасение является изначальным, то есть оно предшествует не только вере «избранных», но и самому их появлению. Это и есть предопределение. Иначе говоря, предопределение есть изначальное (предвечное) избрание к спасению.

5. Предопределение как избрание совершается на основе предзнания (предведения) – божественного знания о тех, кто станет избранными. Предзнание и предопределение неразделимы в том смысле, что одно не предшествует другому, но различимы в том смысле, что Бог не всё совершает из того, что Ему известно. Иначе говоря, предопределение всегда является и предзнанием, а предзнание является предопределением только тогда, когда это знание Бога о своих действиях [1].

Рассуждения Августина вызвали возражения у некоторых христианских писателей (например, Викентия Лиринского и Иоанна Кассиана Римлянина), и возражения эти можно назвать возражениями против введения доктрины предопределения в христианское богословие. Суть их в следующем.

1. Если Бог изначальное всё предопределил (то есть решил определённым образом совершить), то Он предопределил и грех. Иначе говоря, грехопадение Адама совершилось по замыслу Бога.

2. Если Бог предопределил к спасению лишь часть людей, то других (значительно большую часть) Он предопределил к гибели. Образ Бога, в этом контексте, приобретает черты злого демиурга, который творит людей, чтобы насладиться их страданиями и гибелью.

3. Если Бог всё предопределил, то ни покаяние, ни добродетельная христианская жизнь не являются необходимыми, потому что «избранные» уже избраны для вечной жизни, а погибающие, сколько бы ни калялись, – предопределены к гибели. Если же Бог может изменить своё решение в отношении какого-

либо человека, то это уже не предопределение.

В сочинении «О предопределении» Августин со ссылками на Библию объясняет неправомерность таких выводов из его учения. Он пишет, что неверно думать, будто Бог предопределяет зло. Нужно считать, что Бог предопределяет наказание тем, кто совершит зло. Неверно говорить, что Бог большую часть людей создал к их гибели. Бог предвидел, что на Его призыв откликнутся немногие, именно они предопределены к спасению. Предопределив избранных, Бог предузнал своё дело, посредством которого избранные становятся святыми и непорочными, то есть избранные не могут не совершать добрых дел, но как все люди, будучи подверженными греху, они не могут совершать только добрые дела. Иначе говоря, никто не может сказать о себе, избранный он или отверженный.

При всей аргументации Августин не может, во-первых, убедить читателя, что Бог любит всех людей, что Сын Божий призван был искупить грехи всего человечества, а во-вторых, дать человеку надежду на спасение, не позволить ему скатиться на дно греховной пропасти, отчаявшемуся от мнения, что он в числе отверженных.

Доктрина Августина не была принята православным Востоком. Ему ближе оказалось учение Иоанна Кассиана Римлянина. Восточные отцы Церкви считают более уместным говорить не о предопределении, а о промысле Бога. Промысел в православии отождествляется с провидением и понимается как «непрестанное действие всемогущества и благодати Божией, которым Господь сохраняет бытие и силы тварей, направляет их к благим целям, вспомоществует всякому добру, а возникающее через удаление от добра зло пресекает и обращает к добрым последствиям» [7, – стлб.1919]. Предельно чётко православное понимание промысла выразил Иоанн Дамаскин: «Промысл есть имеющее место со стороны Бога попечение в отношении к тому, что существует. Промысл есть воля Божия, по которой всё сущее целесообразным способом управляется» [2, с.183]. Основой божественного промысла является, по Дамаскину, предведение, но в спасении человека именно промысел играет ведущую роль, поскольку в нём выражается активность Бога. Предопределение, в отличие от промысла не есть постоянная активность, а какое-то уже состоявшееся (в отношении наличного состояния) решение Бога: «Должно знать, что Бог всё наперёд знает, но не всё предопределяет. Ибо Он наперёд знает то, что в нашей власти, но не предопределяет этого. Ибо Он не желает, чтобы происходил порок, но не принуждает к добродетели силою. Поэтому предопределение есть дело божественного повеления, соединённого с предведением. Но по причине предведения Своего, Бог предопределяет и то, что не находится в нашей власти. Ибо по предведению Своему Бог уже предрешил всё,сообразно со Своею благодатию и правосудием» [2, с.187]. О свободе человека в своих поступках Иоанн Дамаскин пишет следующее: «Выбор того, что должно быть делаемо, находится в нашей власти, а исполнение добрых дел [должно быть приписано] содействию Бога,

сообразно с предведением Своим достойно помогающего тем, которые своею правою совестью добровольно избирают добро; порочных же дел – не обращению внимания со стороны Бога, который, опять по предведению Своему достойно покидает [дурного человека]» [2, с.185]. В целом, православная сотериология на первый план выдвигает учение о соединении (синергии) действий Бога и человека в деле спасения.

В Католической Церкви доминирующей точкой зрения на предопределение стала точка зрения Фомы Аквинского. Фома различает предопределение и провидение, считая первое неотъемлемой частью второго. Провидение, согласно Фоме, есть «план» упорядоченности (ratio ordinis) вещей к цели: «Всякое благо, наличествующее в сотворённом, сотворено Богом. В сотворённых вещах благо усматривается не только в их субстанции, но также и в том, как они упорядочены относительно цели, в особенности же – относительно их конечной цели, каковая суть ... божественная благодать. Это благо порядка, существующее в сотворённом, также сотворено Богом. А поскольку Бог обуславливает вещи через посредство Своего ума, поскольку [далее] отсюда понятно, что образ каждого следствия необходимо имеет в Нём своё предбытие... то необходимо, чтобы образ упорядоченности вещей к их цели [также] имел своё предбытие в божественном уме; а образ упорядоченных к цели вещей, строго говоря, [и есть] провидение» [8, с. 294]. Тем, кто возражал против доктрины провидения на основании того, что в мире существует случайность, зло и свобода поступка, Фома отвечал так. Во-первых, случайность может выступать как нарушение каких-то частных причин, но не является нарушением всеобщего их порядка, предусмотренного Богом. Во-вторых, зло есть порча и изъян в благе, но Бог позволяет присутствовать изъянам в частных следствиях, чтобы выявилось совершенство блага. В-третьих, хоть поступок человек и совершает по свободной воле, причина наличия и действия этой воли определена Богом.

Предопределение Фома Аквинский рассматривает в рамках не метафизики, как провидение, а сотериологии: «Предопределение – это своего рода способ упорядочения некоторых лиц к вечному спасению, существующий в божественном уме, и исполнение этого порядка пассивно находится в предопределённом и активно – в Боге» [8, с. 306]. Фома не оставляет без внимания вопросы предыдущих дискуссий о предопределении и рассматривает их в следующем порядке.

1. Правильно ли приписывать предопределение Богу?
2. Отвергает ли Бог кого-либо из людей?
3. Избирает ли Бог предопределённых?
4. Является ли причиной отвержения или избрания предвидение заслуг?
5. Будет ли предопределённый непременно спасён?
6. Неизменно ли количество предопределённых?
7. Способствуют ли предопределению молитвы святых?

Фома считает абсолютно правильным приписывать Богу предопределение, поскольку цель спасения превышает возможности тварной природы, и человек должен к спасению быть движим извне. Так как предопределение является частью провидения, а в провидение входит допущение некоторых изъянов в мире, что определяет степени совершенства бытия, то осуждение (предопределение к гибели) следует признать существующим как допущение изъяна. Предопределение к спасению, в силу этого, нужно мыслить как избрание лишь некоторых («выбор в порядке помысла»), несмотря на то, что Бог любит всех. Заслуги человека не играют в этом никакой роли, потому что основанием предопределения служит благодать Бога, и неправильно полагать, будто предопределение есть возврат некоего долга, то есть неправильно логически идти от следствия (заслуги) к причине (предопределению). Предопределённый будет непременно спасён, поскольку порядок провидения непоколебим. Но так как имеет место ещё и случайность в силу действия ближайших причин, и свобода воли, то не все подчинены провидению необходимо. Количество предопределённых неизменно и с формальной (нумерической) стороны, и с содержательной, поскольку оно осуществляется как выбор и определение со стороны Бога. В предопределении нужно учитывать два момента: само определение (замысел) и его следствие (явленность). Молитвы не могут повлиять на определение, но влияют, так же, как и добрые дела, на следствие, поскольку замысел Бога не отменяет действия вторичных причин, поскольку они также являются частью его замысла.

Таким образом, Фоме Аквинскому удалось создать умеренную доктрину предопределения. В своих воззрениях Фома близок Августину, хотя он не приходит к тем крайностям учения, о которых было сказано выше. Он пытается согласовать всемогущество Бога и свободу воли человека. Однако метафизическая глубина рассуждений Аквината не давала богословской ясности в учении о спасении, особенно в вопросе о том, насколько необходимы таинства, молитвы и добрые дела для спасения, если оно предопределено.

Этот вопрос определённо решают деятели Реформации: Мартин Лютер и Жан Кальвин. Суть доктрины Лютера об оправдании, в том виде, как она представлена в трактате «О рабстве воли», может быть выражена в трёх пунктах.

1. Бог неизменен, следовательно, вечно и неизменно его знание, которое в отношении всего происходящего есть предвидение, даже того, что нам кажется случайным и зависящим от нашей воли.

2. Бог совершает всё неизменно, и ему ничто не в состоянии помешать.

3. И добро, и зло в человеке творит Бог. Точнее, зло происходит от нашей природы, но по воле Бога, ибо и зло Бог употребляет во спасение [4].

Итак, предопределение Лютер сводит к предзнанию, отмечая, что выражением этого предзнания предопределения является предусмотренная необходимость любого события. Всё совершается либо

в силу внешней необходимости, либо по желанию, но желание появляется также не случайно: именно такое желание и именно в данный момент возникает потому, что Бог предвидел (то есть сделал необходимым) его. Избранные несомненно предопределены изначально к своему спасению, и следует полагать, что остальные также изначально предопределены к гибели.

Жан Кальвин из всех авторов эпохи Реформации наиболее последовательно и жёстко отстаивает концепцию двойного предопределения. Хотя и у него она не самозначима, а выступает моментом доктрины искупления. Основные пункты доктрины Кальвина о предопределении таковы.

1. Предопределение – это предвечный замысел Бога, в котором Он определил то, как Он желает поступить с каждым человеком. Неверно утверждать, что предопределение подчиняется предзнанию, или не всё, что Бог предзнает, Он предопределяет. В знании Бога нет ни прошлого, ни будущего, что Бог знает (а знает Он всё), то и делает, что делает, то и знает.

2. Следовательно, всё: доброе и злое, совершается в соответствии с божественным предопределением. Это означает, что одних людей Бог предопределил к спасению, а других к вечному осуждению.

3. Неверно, что Бог избирает людей к спасению, предвидя их будущую праведность, а других оставляет в проклятии, предвидя их склонность к злу. Так могло бы быть, если бы Бог только предвидел, но не располагал человеческими жизнями. Склонность к злу – общая характеристика всего человеческого рода. Бог избирает некоторых, чтобы они были святы и непорочны, то есть люди *становятся* святыми по причине их избрания.

4. От избрания следует отличать «внешнее призвание». Не все, кого Бог призывает к спасению, являются избранными. Но это не обман Бога, а его «как бы средняя милость» между отвержением и избранием. Существует два призвания: общее, обращённое ко всем (для многих оно является основанием сурового приговора к гибели), и особое, с которым Господь обращается к верным – тем, кого Он предопределил быть подобными образу своего Сына.

5. Адам был предопределён к гибели. Поскольку падение Адама повлекло гибель многих людей, оно не могло произойти помимо воли Бога. Вообще ничего не происходит без воли на то Бога.

6. Хотя падение Адама и было предопределено, причиной этого падения был собственный порок Адама, но порок этот принадлежал не его природе (в отличие от нашей, которая после грехопадения Адама наследует его порочность), так она была сотворена доброй. Причина падения Адама глубоко сокрыта и непостижима, но именно Бог судил пасть Адаму, предвидя спасение человечества и прославление Своего имени.

7. Предопределение есть не что иное, как порядок и осуществление божественной справедливости [3].

Из такой жёсткой доктрины следовало, что зло является частью божественного плана, согласно ко-

тому спасутся лишь немногие, точнее немногие из призванных. Как же в таком случае может вменяться в вину человеку то зло, к совершению которого он предопределён? Кальвин отвечал, что и виновность человека уже вменена изначально. Иначе говоря, человек не может уйти от вины за поступок, сославшись на его вынужденность, необходимость. Сам злой поступок свидетельствует, что совершает его виновный человек. Совершение же доброго поступка свидетельствует не о доброте человека, а о милости Бога, причём это может быть милость в отношении не субъекта, а объекта поступка. Кальвин превращает христианство из религии любящего Бога в религию Бога, реализующего некий план, который предполагает наказание и многочисленные жертвы.

Впрочем, анализ вероучительных документов лютеранских и кальвинистских церквей демонстрирует, что ни в одном из этих документов радикальное «двойное предопределение» не заявлено в качестве вероучительного принципа.

В конце XVI в. иезуит Луис Молина разработал оригинальную доктрину «срединного знания» Бога, выступающую таким вариантом учения о предопределении, который объясняет полную свободу поступков человека. Согласно Молине, Бог обладает триединым предведением:

1. о содержании всего возможного («естественное знание»);

2. о том, что произойдёт в реальном будущем, то есть о том единственном случае из числа возможных, который действительно произойдёт («срединное знание»); в отношении человека это означает, что человек совершает поступок, руководствуясь только собственной волей, а не реализуя божественный замысел, но Бог предвечно знает об этом поступке;

3. просматривая все возможности и последствия их реализации, Бог создаёт определённый порядок (мир с определённым набором существ и обстоятельств), который и становится единственно реальным миром («свободное знание» или предопределение).

Таким образом, предопределение в доктрине Молины выступает божественным созданием условий, в которых человек принимает решение действовать определённым образом; или, говоря иначе, Бог создаёт определённую цепь ситуаций, которые обуславливают деятельность человека. Молина считал, что спасаются или осуждаются Богом те, о которых Бог заранее знает, что одни будут сильны в добродетели, а другие умрут во грехе. Сотериологическая несостоятельность (спасение не благодатный дар, а ответ на добродетели) учения Молины вызвала его критику со стороны доминиканцев и янсенистов.

Таким образом, богословская сторона вопроса о предопределении связывает его с учением об оправдании и, в конечном счёте, спасением человека и является ведущей для конфессионального сознания. В философской плоскости проблема предопределения – это, прежде всего, проблема соотношения божественного

произвола и человеческой свободы. Она имеет несколько граней:

1. Если поступок человека предопределён Богом, то ответственность за поступок, в конечном счёте, возлагается на Бога, что ведёт к идее о невозможности моральной ответственности.

2. Если всё предопределено, то предопределён и грех. Иначе говоря, Бог обрекает человека совершать греховные поступки, творить зло и страдать мир от всего этого.

3. Если есть предопределение к осуждению, то не может быть благ Бог, изначально обречённый большую часть людей на вечные муки.

4. Если человек свободен, то или Бог не управляет миром, или Его управление состоит в реакции на результаты деятельности свободных существ.

5. Если божественное управление миром состоит в реагировании на свободные акты тварей, то либо у Бога нет изначального замысла, который Он реализует в мироздании, либо Он постоянно пересматривает детали этого замысла.

6. Если Бог вынужден постоянно корректировать свой замысел, то действия Бога имеют темпоральную зависимость, то есть Бог не вечен.

В целом, эти позиции выражают две крупнейшие проблемы религиозного сознания: нравственных отношений и абсолютности (суверенитета) Бога. В отношении путей решения этих проблем определяют две позиции: инкомпатибилизм и компатибилизм. Первая позиция утверждает выбор одной из альтернатив: либо свобода (либертарианизм), либо предопределение (детерминизм типа учений Августина, Лютера или Кальвина). Либертарианизм богословским истоком имеет пелагианство или близкое ему арминианство. Вторая позиция говорит о возможности совмещения (по-английски *compatibility*) человеческой свободы и божественного провидения. В современной англо-американской философии компатибилистская позиция представлена такими течениями, как 1) «открытый теизм» или «оупенизм» (*open theism*); 2) респонсивизм; 3) молинизм; 4) провиденциализм в томистском или кальвинистском (в том виде как он представлен не у Кальвина, а в кальвинизме) вариантах.

«Открытый теизм» заявляет о том, что для Бога знание о будущем является неопределённым и лишённым истинностного значения. Однако это не подрывает всемогущество Бога. Последнее проявляется в том, что Бог любое положение дел обращает к благу в соответствии со своим изначальным замыслом. Таким образом, Бог не обладает предведением в классическом его понимании, а предопределение предстаёт как превращение любого события, какими бы причинами и обстоятельствами оно ни было вызвано, в один из моментов на пути к достижению спасения. Тем самым, «открытый теизм» провозглашает свободу и моральную ответственность человека, не нарушая суверенитета Бога. Однако у «открытого теизма» есть одно слабое место, на которое направлена критика со стороны христианского сознания: если Бог не всё знает изначально, то

неопределённые Его обещания, а значит, бессмысленны пророчества. Такой Бог не может быть Богом пророческих религий, в такого Бога нельзя верить как в Истину. Философская критика «открытого теизма» представлена Томасом Флинтом и сводится, главным образом, к тому, что «открытый теизм» ограничивает всеведение Бога [10].

Респонсивизм (от английского *response* и латинского *responsum* – ответ, отклик), утверждая божественное предведение, рассматривает божественный промысел как реакцию или ответ на событие, исходя из этого предведения. Иначе говоря, Бог не является причиной происходящего, но Он изначально знает о и том, что произойдёт, и о том, каковы будут последствия этого события. Поэтому Он действует так, чтобы это событие «вписалось» в общий план спасения. Респонсивизм, обладая преимуществами «открытого теизма», преодолевает его недостатки. Однако, теория респонсивизма вызывает другой вопрос: почему Бог изначально зная о событии, действует в отношении этого события не изначально, то есть, обладая предведением, не предопределяет? Если же и знание, и действие изначально, то респонсивизм ничем не отличим от традиционного провиденциализма. М. Мюррей и М. Рей предлагают ещё одну линию критики респонсивизма: если Бог совершает своё действие в ответ на изначально известное ему действие свободного существа, то у Бога должно быть изначально знание и самого этого действия – действия, которое возникает только как решение определённой ситуации. Либо это знание неполно (оупенизм), либо знание о решении возникает не ранее самого решения. «Последнее означает, что знание Богом будущего и Его провиденциальные решения образуют замкнутый круг в объяснении: каждое объясняет другое и само объясняется через другое» [5, с.84].

Молинизм основывается на приведённых выше положениях учения Л. Молины. Утверждая абсолютность Бога, источником греха и зла он провозглашает свободные поступки людей. Вместе с тем, он обосновывает необходимость существования ада и вечных мук: если есть существа, воля которых стремится только к злу, то им Бог предопределил участь населить ад, муки же – это образ их бытия, а не условия, созданные для них Богом. Тем не менее, молинизм также сталкивается с возражениями не только сотериологического, но и философского плана. Их приводит Нильс Пайк [6]. Главное из них – это наличие в божественном предведении знаний, представляющих собой не истинные утверждения, а «мнения», чья истинность определяется с совершением событий, о которых эти мнения высказываются. В таком случае мнения Бога об актуальном мире и события актуального мира не зависят друг от друга, что решает проблему свободы человека, но создаёт трудности для объяснения вездесущности Бога. Пайк предлагает решить эту проблему признанием вечности Бога как всевременности при одновременном отказе от концепта «сущностное всеведение». Тогда присутствие Бога в любом событии делает понятным диалектическое единство «мнение вообще» – «истина здесь и сейчас».

Кроме того, молинизм порождает серьёзную онтологическую проблему для христианской богословской мысли. Согласно Молине, Бог проективно рассматривал другие миры – те, которые Он мог бы сотворить, но не сотворил, выбрав для сотворения наиболее совершенный. Из этого следует одно из двух. Либо Бог несовершенен, так как ему требуются попытки или «мысленные эксперименты», чтобы определить, какой мир Он создаст – и в этом случае некоторые замыслы Бога остаются нереализованными или, по крайней мере, некоторые замыслы Бога отличаются от Его действий. Либо, если признать, что в сфере Божественного всё возможное действительно (известная характеристика Бога как *possest* – «бытия-возможности», данная Николаем Кузанским), то следует считать, что эти «потенциальные миры» составляют какую-то особую сферу бытия, то есть наряду с реальным миром придётся допустить существование «мнимых миров». От этого допущения остаётся один шаг до «эонов» Оригена...

Однако что же делает неубедительным традиционный провиденциализм, выраженный в доктринах католичества, лютеранства и кальвинизма? Почему современная философская мысль ищет альтернативных путей решения проблемы провидения? Посмотрим, как отвечает по первым четырём позициям проблемы соотношения божественного произвола и человеческой свободы томистская философия (5 и 6 позиции – вне проблемного поля этой философии).

Томисты считают, что предопределена Богом судьба человека в целом, а не каждое действие человека. Бог – сверхъестественная первопричина всех действий, которая вызывает следствия, становящиеся, в свою очередь, причинами второго порядка и т.д. – поэтому не обязательно усматривать прямую причинную связь между волей Бога и решением человека. Предопределение есть своего рода стратегия человеческой жизни, тогда как тактика складывается под воздействием различных причин и обстоятельств. Человек совершает свободные поступки, за которые несёт ответственность, так как источник поступка – индивидуальная воля человека. Не предопределён и грех, поскольку его источником является свободное решение человека. Зло и страдание происходят в силу несовершенства разных уровней бытия, а они существуют для того, чтобы через сравнение с несовершенным выявлялось совершенное – к которому должен стремиться человек. Наряду с Божественным избранием к спасению следует мыслить и отвержение, которое можно определить как часть Божественного провидения в отношении тех, кто отклонился от достижения высшей цели человека – вечной жизни. Отвержение не делает Бога неблагим, но подчёркивает справедливость его предвечного замысла: вечные муки – это уровень бытия тех, кто не принимает благодатного дара спасения. Бог управляет миром так, что не нуждается в постоянном контроле над событиями – мировой порядок, устроенный Богом, таков, что всё происходит согласно божественному плану и благодаря ему и не требует ежеминутного божественного вмешательства или реакции на процессы. Вмешательство требуется в

особых случаях, и тогда оно происходит – случается чудо.

Уязвимым для критики местом томизма является учение об уровнях совершенства бытия. Создал ли Бог несовершенный мир или мир *стал* несовершенным в силу развёртывания божественного замысла (не сам по себе – это томистская доктрина исключает) – и тот и другой варианты не снимают с Бога «ответственности» за несовершенство мира, а затем и за зло. Вопрос о существовании зла – самый острый для религиозного сознания, и как показано в ряде работ Р. Суинберна, самый многогранный и сложный для рациональной мысли вопрос из тех, через которые эта мысль объясняет природу Бога. Фома Аквинский в духе своей эпохи считал, что не всё в Боге выразимо, объяснимо и понимаемо, что есть место Тайне, которая может открыться, вызвав благоговейный трепет, но от этого дело объяснения не продвинется. Но уже в другую эпоху Г. Лейбниц, убеждённый в силе разума, доказывал, что Бог создал наилучший из всех возможных миров.

В дискуссиях о провидении и предопределении современные англо-американские философы не апеллируют к православному учению. Это объясняется, на-

верное, не столько тем, что православная доктрина не признаёт предопределения, – божественный промысел (провидение) она ведь признаёт, – сколько тем, что православное учение в целом, а в отношении вопроса о промысле – особо, остерегается философской экспликации, а иногда и выступает категорически против неё. Причиной тому служит тенденция к пелагианству или либертарианизму (а значит, к инкомпатибилизму), которая проявляется, если доктрину божественного промысла перенести из апофатического дискурса православного богословия в рационалистический дискурс философии. Об этом определённо свидетельствуют концепции представителей русской философии всеединства: В.С. Соловьёва, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого. Они говорят об автономии или самоопределении личности человека, как результате грехопадения, рассматривая промысел Бога лишь как общую стратегию спасения мира. Но есть и более близкая к ортодоксальному богословию философская позиция, рассматривающая жизнедеятельность человека как реализацию в нём логосного начала, заложенного Богом. Она представлена в творчестве современного греческого философа Х. Яннараса [9].

Библиографический список

1. *Августин Аврелий*. О предопределении святых // Августин Аврелий. Антипелагианские сочинения позднего периода. М.: АС – ТРАСТ, 2008. С. 321–380.
2. *Иоанн Дамаскин*. Точное изложение православной веры. М., Ростов н/Д.: Приазовский край, 1992. 446 с.
3. *Кальвин Ж.* Наставления в христианской вере. М.: Изд-во РГГУ, 1998. Т.2 (Кн. III). 464 с.
4. *Лютер М.* О рабстве воли // Лютер М. Избранные произведения. СПб.: Андреев и согласие, 1994. 432 с.
5. *Мюррей М., Рей М.* Введение в философию религии. М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2010. 432 с.
6. *Пайк Н.* Современный взгляд на проблему предвещения // Философия религии: Альманах: 2008–2009. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 161–175.
7. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина. Б/г. Репринт: М.: Концерн «Возрождение», 1992. Т.2. (Стлб. 1129–2464).
8. *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Книга I. Вопросы 1–43. Киев: Эльга, Ника-Центр; М.: Элькор-МК, 2000. 560 с.
9. *Яннарас Х.* Личность и Эрос // Яннарас Х. Избранное: Личность и Эрос. М.: РОССПЭН, 2005. С. 89–400.
10. *Flint T.P.* Divine Providence // The Oxford Handbook of Philosophical Theology / Edited by Thomas P. Flint, Michael C. Rea. – Oxford University Press, 2009. P. 262–285.

References

1. *Augustine, St.* A Treatise on the Predestination of the Saints // Augustine, St. The Anti- Pelagian Works of the Late Period. Moscow, 2008.
2. *John of Damascus, St.* An exact exposition of the Orthodox Faith. Moscow, Rostov-on-Don, 1992.
3. *Calvin J.* The Institutes of the Christian Religion. Moscow, 1998.
4. *Luther M.* On the Bondage of the Will. Moscow, 1993.
5. *Murray M.J., Rea M.C.* An Introduction to the Philosophy of Religion / Transl. from English. Moscow, 2010.
6. *Pike N.* A Latter-Day Look at the Foreknowledge Problem // Philosophy of religion: Almanac: 2008–2009. Moscow, 2010.
7. Complete the Orthodox Theological Encyclopedia: in 2 volumes. V. 2. Moscow. 1992.
8. *Thomas Aquinas.* Summa Theologica. Book 1. Kyiv, Moscow, 2004.
9. *Yannaras C.* Person and Eros. // Yannaras C. Selected Works: Person and Eros. Moscow. 2005.
10. *Flint T.P.* Divine Providence // The Oxford Handbook of Philosophical Theology / Edited by Thomas P. Flint, Michael C. Rea. – Oxford University Press, 2009.

И.В. АСТЭР

кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения Российского педагогического университета им. А.И. Герцена
E-mail: iaster@inbox.ru

I.V. ASTER

candidate of philosophical sciences the associate professor of religious studies of the Russian pedagogical university of A.I. Herzen
E-mail: iaster@inbox.ru

**ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

**THE PROBLEM OF SPIRITUALLY-MORAL DEVELOPMENT
OF THE INDIVIDUAL IN MODERN RUSSIA: THE SOCIAL ASPECT**

Статья посвящена актуальной проблеме социального образования. Анализируется потенциал данной отрасли образования в плане создания условий для духовно-нравственного развития личности. В статье рассматриваются существенные компоненты потенциала социального и духовного образования. Обращается внимание на необходимость взаимодействия образовательных учреждений различных типов с целью интеграции их влияний на личность в её духовно-нравственном развитии.

Ключевые слова: *духовность, социальное образование, духовно-нравственное развитие, постсекуляризм.*

Article is devoted to an actual problem of social education. Examines the potential of the education sector in terms of creating conditions for the spiritual and moral development of the individual. The article discusses the essential components of the capacity of social education. Draws attention to the need for educational institutions of various types with a view to integrating their influences on personality in its spiritual and moral development.

Keywords: *spirituality, social education, spiritual-moral development, post-secularisation.*

В процессе секуляризации, под которой мы понимаем утрату обществом «священного», институт религии теряет свою функцию на высшее определение реальности, что приводит общество к глубокому кризису. Бесконечный поток информации, обесценивающий язык и лишаящий человека возможности остаться наедине с собой, приводит к конформизму мышления и обособлению от других. Имея лишь инстинкты и пристрастия, человек легко поддается всевозможным манипуляциям с его сознанием. Неспособность современного человека побыть наедине с самим собой, отсутствие трансцендентных практик приводит к ослаблению его ответственности перед другими, он способен лишь потреблять, используя окружающую среду в качестве средства для удовлетворения своих низших потребностей.

Однако, как известно, любой кризис может стать поворотным пунктом – от прошлого регресса к будущему прогрессу. И чем более глубокий внутренний кризис испытывает общество, тем больше конструктивных возможностей имеет оно потенциально. Рефлексивное осмысление пройденного пути, понимание утраты позволяет двигаться дальше, сохраняя все лучшее из прошлого и конструируя новые формы.

Таким образом, секуляризация – это процесс, в результате которого на смену изжившим себя религиозным формам могут прийти новые. А социальный прогресс, как выяснилось в процессе исторического развития общества, связан, главным образом, не с экономическим, техническим или информационным совершен-

ствованием, но с приростом милосердия, любви и других добродетелей, посредством которых возможно спасение человечества. Экономический прогресс в развитых капиталистических странах, уменьшив нищету, приумножил эгоизм, социальное одиночество, депрессию, чувство неудовлетворенности. Постепенно религия, способная сформировать позитивно-практическое жизненное поведение ее последователей, в процессе секуляризации превратилась в одну из возможных сфер человеческой жизнедеятельности, не имеющей обязательного статуса.

Как демонстрируют данные социологических исследований, следование традиционным религиям отличается глубоко верующих людей от атеистов по многим характеристикам личности, смягчая отрицательные качества. Уже в подростковом возрасте атеисты более равнодушны, более непримиримы к недостаткам других, более мстительны, обладают низким уровнем самоконтроля, злопамятностью и социальной неустойчивостью. Также у атеистов наблюдается склонность к зависимому поведению [4].

Результаты проведенного нами эмпирического исследования показали, что отношение к таким видам девиантного поведения, как наркомания, пьянство, табакокурение, проституция и пр. у опрошенных старшеклассников (16-17 лет) православной гимназии г. Санкт-Петербурга намного отрицательней, чем у учеников светского образовательного учреждения. Так, если в православной гимназии 85% учащихся никогда не употребляли алкогольные напитки и не курили, то

в светской школе таковых оказалось 3%; если в православной гимназии никто из опрошенных ни разу не употреблял наркотики, то в обычной школе 20% уже успели попробовать психостимуляторы (амфетамины, экстази) и препараты каннабиса (конопля, марихуана, гашиш).

Полученные результаты, установившие существование зависимости социального здоровья от степени религиозности молодых людей, подтверждают правомерность введения в 2012 году в учебную программу российских школ дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики». Полагаем, что знакомство учащихся с историей и основами культуры одной из традиционных религий поспособствует, в том числе, и формированию здорового образа жизни. Данные религиозные учения до сих пор обладают значительным потенциалом развития, так как накопили громадный опыт таких гуманных норм, как доброта к ближнему, милосердие, почитание родителей, забота о сиротах, осуждение воровства, туеядства, пьянства, супружеской неверности, высокомерия и пр.

Эксперимент со временем принесет свои плоды. Но его успешность, во многом, будет зависеть от профессионализма педагогов. Соответственно, важно организовывать как краткосрочные курсы, повышая квалификацию учителей в сфере теологии, истории и теории религии, так и открывать новые теологические и религиоведческие кафедры. О выполнении этой насущной задачи говорили 28 ноября 2012 г. на совещании «Теология в вузах: взаимодействие Церкви, государства и общества». Так, в частности, Предстоятель Церкви назвал четыре важные причины открытия новых кафедр теологии в высшей школе. Во-первых, «теология в вузах — это культурный императив для общества, которое долгое время было практически отчуждено от религии». Во-вторых, теология способствует развитию социального служения в обществе, заниматься которым должны не только священнослужители, но, главным образом, миряне. В-третьих, необходимо воспитание «гуманитариев широкого профиля, в том числе таких, которые будут способны преподавать детям основы религиозных культур». И, в-четвертых, теология — это отличное «противоядие от распространения в обществе религиозного радикализма, который обычно развивается спонтанно» [1].

Педагог должен уметь раскрыть основные достоинства традиционных религиозных учений, научить не только религиозной терпимости, но и сопереживанию, заботе о других.

Сегодня все острее обсуждаются пути преодоления ксенофобии, профилактики этно-религиозных конфликтов. В российском обществе существует определенная психологическая установка на деление Мы-Они, поиск врагов (внутренних и внешних), виноватых во всех социально-экономических бедах, вера в мировой заговор. Безусловно, наиболее эффективный путь предотвращения агрессии и религиозного радикализма — создание соответствующих образовательных и воспитательных стратегий.

Важной частью в направлении утверждения гума-

нистических ценностей и порицания деструктивных должен стать межконфессиональный христианский и межрелигиозный диалог. Общение и взаимодействие не для «галочки» между представителями различных религиозных традиций, как на уровне лидеров, теологов, так и между рядовыми верующими, приведет не только к веротерпимости, но будет реальным средством противодействия секуляризации российского общества, процессом куда более опасным, чем наступление «еретиков» и инославных. Хорошей базой для такого сотрудничества может стать образовательная деятельность. Так, на территории Санкт-Петербурга помимо православных духовных учебных заведений действуют Высшая католическая семинария, евангелическая академия, лютеранские семинарии, пресвитерианская семинария, существуют иудейский, исламский и буддистский образовательные центры, открытые для межконфессионального взаимодействия.

Наиболее плодотворным нам представляется привлечение внимания педагогов и учащихся к социальному образованию. В рамках системы духовного образования Русской Православной Церкви можно вводить в программы обучения кандидатов в священнослужители не только предметы, знакомящие с юридическим обеспечением жизни прихода и организацией финансовой отчетности [3], но и курсы по социальному служению. И как в период образовательной подготовки, так и после рукоположения предоставлять возможность проходить практику в церковных социальных службах (по примеру практики для недавно рукоположенных диаконов и иереев в проектах православной службы «Милосердие» в Москве). Акцент на разработке христианской антропологии и концепции общества, развитие социальной доктрины Церкви, а также учет знаний современной социологии, психологии, экономики, демографии и др. общественных и гуманитарных наук будет способствовать тому, что социальное учение Церкви не превратится в абстракцию, оторванную от действительности.

Необходимо также формирование широкой партнерской сети образовательных учреждений, готовящих будущих социологов, с территориальными социальными учреждениями для обмена опытом и знаниями как в области социальной работы, так и в делах милосердия; профессионального общения и практического взаимодействия церковных и светских учреждений, занимающихся практической социальной работой; создание современных ресурсных центров сопровождения социальных работников для реализации кратковременных и долговременных совместных социальных программ, для внедрения инновационных технологий и методик психолого-социальной помощи населению.

Одно из актуальнейших направлений социального служения Церкви — духовно-нравственное просвещение населения страны. Причем если в советский период секулярного российского общества под духовно-нравственным просвещением понимался приобщение человека к гуманитарной культуре, включающей, возможно, традиции религии, то в православном служении

под просвещением не следует понимать «научить или наставлять, или образовать, или даже осветить, но всего высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю его правду сквозь какой-то очистительный огонь...» [2,108]. Слово может оказать огромное влияние на жизнь человека, а потому важно аккуратно и ответственно распоряжаться им с той или иной целью. И одной из главных задач Русской Православной Церкви должна стать ориентация человека на поиск и обретение своего лучшего Я. Существует иерархическая зависимость нравственной сферы от духовной, последняя определяет первую. Духовность же формируется в активной деятельности субъекта.

Человек не может являться средством государственных, общественных или экономических принципов, так как он – не одиночка, но часть целого – социума, равно как и Церковь не находится вне общества или государства, они взаимосвязаны и влияют друг на друга. Чувство бессмысленности существования подталкивает сегодня людей к поиску своей личности, своего происхождения и своего будущего. Бессмысленность преодолевается, когда находишься вблизи от любящего и дарующего надежду. Благодаря социальной и духовной поддержке можно преодолеть страх перед экономическим кризисом, перед безработицей и даже войной; не бояться ни одиночества, ни болезни, ни старости; не страшиться ни смерти, ни того, что будет после. Подобная поддержка – это ценность, проявляющаяся в готовности к самопожертвованию ради ближнего и сообщества.

Организация благотворительной деятельности, предполагающей причастность личности, – задача государства и Церкви, поскольку данная деятельность способствует как преодолению бюрократизма структур социального обеспечения, с каждым днем становящихся все более обезличенным, так и децентрализации крупных корпораций и политических объединений, использующих все более совершенные технологии, сводящих роль личности к наблюдению, но не деятельному творческому участию. Нельзя отнимать у отдельных лиц те дела, с которыми они способны справиться самостоятельно, как нельзя передавать крупным организациям функции мелких, которые те вполне могут выполнять без посторонней поддержки; но создавать условия для развития и совершенствования человеческой личности.

Цель планомерной социальной работы – создание общества, в центре которого будет личность, ориентированная на общественные блага, не замыкающаяся на собственном спасении. Масса – толпа, не имеющая собственного лица, но лишь привычки, легко управляемая путем воздействия на страсти и инстинкты, сулящие ей более легкую жизнь. Сообщество же личностей обладает волей к ответственности и стремится к установлению мира в обществе и гармонии в своей душе. По мысли С.Л. Франка, только любовь способна создать

соответствующую преобразующую атмосферу. Любовь не только по отношению к единоверцам и родственникам, но и к инаковерующим: «Высший и универсальный долг христианина есть долг любви к ближнему – к каждому человеку и ко всем людям, – так как он обязан во всех смыслах помогать ближнему и спасать его, он осознает себя косвенно ответственным за всякое зло, всякое страдание, всякую нужду в мире – за все, что есть в мире несовершенного, греховного. Ибо всякое такое зло как бедствие он осознает как итог своего упущения в исполнении долга любви» [5,141].

Стараясь принять ответственность за исполнение высшего долга – любви, христианин должен использовать различные подручные средства – аскетизм, созерцание, культовые действия; и по мере освоения более простых практик, приступать к исполнению более сложных – задач из сферы христианского должностования. Так, новоначальный посредством аскетических практик может учиться управлять своим телом, проходя подвиги волевого сдерживания потребностей в еде, питье, сексуальном удовлетворении. Затем он преодолевает чувства злости, зависти, раздражения и др. пороковые наклонности. Возвышение над собственными физиологическими потребностями позволяют человеку овладеть бескорыстием, сопереживанием.

Человек, чтобы стать подлинной личностью, должен научиться жертвовать собой, преодолевая самодостаточность и гордыню. Он должен стремиться к преображению, исцелению духа, к преодолению самости и общению с другими. Личность есть «бытие в общении». Чем глубже взаимодействие человека с другими, чем более открыт и оригинален он в диалоге, тем более в человеке личностного. Самостоятельность мышления, чувств, слова, поступков постепенно преобразуют человека в личность. Личностью становятся, совершенствуясь в любви и верности, тем самым, развивая духовные способности, действуя по собственной инициативе, осуществляя свои права, независимо от внешних влияний, но исходя из собственной ответственности.

Важным становится диалог Русской Православной Церкви и научного сообщества, сотрудничество церковных и светских образовательных учреждений социогуманитарного профиля. К примеру, на базе Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы осуществляется образовательная программа «Социальная работа в Русской Православной Церкви», дающая не только возможность повысить свою квалификацию как приходским социальным работникам, так и будущим священнослужителям, но развивающая социально-позитивную активность студенческой молодежи. В социальном образовании можно обнаружить и значительный миссионерский ресурс, но это тема для дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на совещании «Теология в вузах: взаимодействие Церкви, государства и общества» (28 ноября 2012 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2619652.html> Дата обращения: 11 января 2012 года.
2. Гоголь Н.В. Авторская исповедь. Всероссийский фонд культуры. Псковское отделение. 1990.
3. Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (2 февраля 2011 года). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1402889.html>. Дата обращения: 11 января 2012 года.
4. Конецкая Н.В. Религиозность подростков в Санкт-Петербурге // Материалы по исследованию религиозной ситуации на Северо-Западе России и в странах Балтии: Вып. V. [Санкт-Петербург – город толерантной культуры]. Политехника-сервис, 2009. С.54-58.
5. Франк С.Л. Свет во тьме. М.: Факториал, 1998.

References

1. Speech of his Holiness Patriarch Kirill at the meeting of the «Theology in institutes of higher education: interaction between the Church, state and society» (November 28, 2012.) [Online resource]: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2619652.html>
2. Gogol N.V. Author's confession.- All-Russian Fund of culture. Pskov Department. 1990.
3. The report of his Holiness Patriarch of Moscow and all Russia Kirill at the Council of bishops of the Russian Orthodox Church (February 2, 2011). [Online resource]: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1402889.html>.
4. Konetskaya N.V. Religiosity of teenagers in St. Petersburg // Materials for the study of the religious situation in the North-West of Russia and in Baltic countries: Vol. V. (Saint-Petersburg is a city of tolerance culture). - Polytechnic-service, 2009.
5. Frank S.L.. The light in the darkness. - M.: Factorial, 1998.

УДК 1(091) ФУКО М.

UDC 1(091)FUKO M.

И.Б. БУЛЫШКИН

аспирант кафедры логики, философии и методологии
науки Орловского государственного университета
E-mail: sophialogos@yandex.ru

I.B. BULYSHKIN

postgraduate student of logic, philosophy and methodology
of science, Orel State University
E-mail: sophialogos@yandex.ru

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ М. ФУКО

MICHEL FOUCAULT'S GENEALOGICAL PROJECT

В статье рассматривается генезис генеалогического проекта М. Фуко и его основные характеристики. Анализируется влияние ницшеанской генеалогии на становление генеалогического проекта М. Фуко. Уделяется внимание закладыванию образа генеалогии как метода в процессе исследования М. Фуко проблемы «стирания реальности дискурса».

Ключевые слова: методология, генеалогия, дискурс, метафизика, история.

In article is considered Michel Foucault's genealogical project and it's main characteristics. There is analyzed an influence of Nietzschean genealogy to formation of the genealogical project of M. Foucault. The attention is paid to mortgaging of an image of genealogy as method in the course of M. Foucault's research of a problem of "deleting of reality of a discourse".

Keywords: methodology, genealogy, discourse, metaphysics, history.

Одним из ключевых моментов в понимании движения мысли М. Фуко является определение того, был ли у М. Фуко метод, который им использовался при исследовании истории безумия, истории знания, власти или «техник самости» (techniques de soi). Трудно дать однозначный ответ на этот вопрос: или у Фуко был метод, и он пользовался им от книги к книге, от проблемы к проблеме, или же, наоборот, у М. Фуко отсутствует метод, а его творчество есть не что иное, как вид беллетристики,

может быть, простая работа историка, в которой косвенным образом намечаются методологические стратегии. Мы будем исходить из первого мнения, которое поддерживается рядом исследователей, считающих, что метод присутствует в творчестве французского философа [5]. Для того чтобы попытаться дать более или менее четкое описание метода М. Фуко, необходимо уйти от понимания творчества философа в линейном и телеологическом смысле. Его книги необходимо рассматривать не

как ступени, ведущие к ранее описанной, сформулированной цели, которая своей тотализирующей функцией предзадает четкий логический метод ее достижения, но как проблематизации. У М. Фуко нельзя обнаружить методологию в классическом, модернистском смысле, так как избегая любого, даже малейшего отголоска логоцентризма и телеологии, М. Фуко придает своей методологии нехарактерный вид, вид литературно-поэтический. Постановка вопросов и поиск ответов на них без диктатуры *cogito* и доминирования «единственного автора» – вот то поле, в котором заключено любое исследование, произведенное М. Фуко.

Однако в своей первой работе «Психическая болезнь и личность» Фуко предстает как феноменолог. Впоследствии именно в связи с этим он будет пытаться вычеркнуть данную работу из своей интеллектуальной биографии на протяжении всей жизни, называя своей первой книгой «Историю безумия» [4, с. 5]. По периодизации творчества философа, предложенной Н.С. Автономовой, выделяется три этапа: первый характеризуется как археологический и представлен такими работами, как «Рождение клиники: археология взгляда медика» (1963), «Слова и вещи: археология гуманитарных наук» (1966) и «Археология знания» (1969); второй период, обращенный к исследованию власти знания, сопряжен с генеалогией как методологической установкой и представлен двумя главными работами – «Надзирать и наказывать» (1975) и «Воля к знанию» («История сексуальности» т. 1, 1976); в рамках третьего периода рассматриваются вопросы, касающиеся эстетики существования, доминантой здесь выступает субъект («Использование удовольствий», «Забота о себе» – второй и третий тома «Истории сексуальности» (1984 г.)) [1, с. 89]. Именно ко второму, генеалогическому периоду мы и хотели бы обратиться, для того чтобы попытаться выявить, что такое генеалогия в понимании М. Фуко, имеет ли влияние на становление генеалогии как методологической установки «Генеалогия морали» Ф. Ницше, и на решение каких задач нацелен генеалогический проект французского философа.

В одном из интервью М.Фуко озвучил такую мысль: «...очень важно читать небольшое количество авторов, вместе с которыми ты думаешь, над которыми ты работаешь, но о которых не пишешь» [6, с. 280-281]. Ф.Ницше, впрочем, как и М. Хайдеггер, был основополагающим автором для творчества М. Фуко и, в частности, для генеалогического проекта французского философа [10]. Ницшеанский способ постановки вопросов, манера исследования и стиль, бесспорно, оказали влияние на М. Фуко. Это следует как из заявлений самого Фуко, так и непосредственно из работ философа. «Мы – ницшеанцы», – говорит он Ж. Делезу. В интервью, данном перед самой смертью, он с еще большей конкретностью произносит: «Я попросту ницшеанец, и пытаюсь по мере возможного и на определенном количестве тем, с помощью текстов Ф. Ницше – но еще и пользуясь антиницшеанскими тезисами (которые все-таки можно назвать ницшеанскими!) – рассмотреть, что можно сделать в той или иной области» [6, с. 281].

Отсекая всяческие попытки поиска аутентичной мысли Ф. Ницше, М. Фуко выбирает горизонтальное прочтение его текстов без погружения в метафизическую глубину и подлинность: «Я не верю, что существует одно единственное ницшеанство. Нет никаких оснований утверждать, что существует подлинное ницшеанство или что наше прочтение является более правильным, чем другие» [9]. Развивая идею генеалогии Ф. Ницше, М. Фуко экстраполирует генеалогию на совершенно разнообразные проблемы и процессы в отличие от Ницше, применявшего ее в основном к сфере морали.

Начиная с инаугурационной речи, произнесенной в Коллеж де Франс 2 декабря 1970 г., М. Фуко намечает магистральные линии своего генеалогического проекта. Исследуя системы исключения и процедуры контроля дискурса, М. Фуко обозначает способы «стирания реальности дискурса» в ходе истории философской мысли. В процессе исследования данной проблемы происходит закладывание образа генеалогии как метода. В связи с этим важно отметить три темы, через которые проявляется «стирание реальности дискурса».

Во-первых, это тема основополагающего субъекта, которому «вменяется в обязанность непосредственно своими намерениями вдыхать жизнь в пустые формы языка; именно он, пробиваясь сквозь плотность и инертность пустых вещей, вновь обретает – в интуиции – тот смысл, который был, оказывается, в них заложен; именно он опять же, по ту сторону времени, создает горизонты значений, которые истории в дальнейшем придется лишь эксплицировать, и где высказывание, науки, дедуктивные ансамбли найдут, в конечном счете, свое основание. По отношению к смыслу основополагающий субъект располагает знаками, следами, буквами, но для того, чтобы их обнаружить, ему нет нужды проходить через особую реальность дискурса» [8].

Второй темой, выделяемой М. Фуко, является тема изначального опыта, которая предполагает, что наравне с опытом или прежде него уже имеются некие предваряющие значения, которые «блуждали по миру, располагали его вокруг нас и с ходу делали его открытым для своего рода первичного распознавания. Таким образом, наша изначальная сопричастность миру как будто бы обосновывает для нас возможность говорить о нем, говорить в нем, его обозначать и называть, судить о нем и, в конечном счете, познавать его в форме истины» [8]. Вещи словно бы сообщают некоторый смысл, а язык подбирает его и «с рудиментарного своего проекта, уже говорит нам о некоем бытии, своего рода нервюрой которого он является...» [8].

Третьей темой, устраняющей реальность дискурса, М. Фуко называет универсальную медиацию. Смысл ее сводится к тому, что все вещи, все может принять форму дискурса, все может быть сказано, и дискурс может говориться обо всем. После того, как логос, одновременно являющийся сказанным дискурсом, позволяет сознанию развернуть посредством понятий всю рациональность мира, вещи (единичные особенности которых логос превратил в понятия), обнаружив смысл и обменявшись им, возвращаются «в свое безмолвное

внутреннее, в сознание самих себя» [8].

В завершении рассмотрения тем, М. Фуко утверждает, что дискурс – всегда не более, чем игра: «... будь то в философии основополагающего субъекта, или же в философии изначально опыта, или же, наконец, в философии универсального посредничества, дискурс – это всегда не более чем игра. Игра письма в первом случае, чтения – во втором, обмена – в третьем, и этот обмен, это чтение, это письмо всегда имеют дело только со знаками. Попадая, таким образом, в разряд означающего, дискурс аннулируется в своей реальности» [8]. Также М. Фуко отмечает, что современная цивилизация, как никакая другая, позитивно относится к дискурсу. «Где его столько почитали?» – задается он вопросом. Но, несмотря на такое отношение к дискурсу, наша цивилизация, демонстрирующая свою логофилию, скрывает в себе страх, страх от «стремительно разрастающегося дискурса» и его неконтролируемости, беспорядочности и внезапного появления высказываний, открываясь, таким образом, как цивилизация, таящая в себе глубокую логофобию. Анализируя состояние логофобии, М. Фуко выделяет приоритетные задачи своего генеалогического исследования, которые можно свести к следующему: «Нужно подвергнуть сомнению нашу волю к истине, нужно вернуть дискурсу его характер события и нужно лишить, наконец, означающее его суверенитета» [8]. Для решения поставленных задач, М.Фуко избирает ряд методологических принципов.

Прежде всего, это принцип переворачивания, направленный на то, чтобы в фигурах автора, дисциплины, воли к истине и т.д. видеть не источник дискурса, а «негативную игру рассеивания и прореживания дискурса» [8].

Следующий принцип – прерывности – в отношении дискурса указывает на то, что под дискурсом нет никого великого безмолвного рассказа, непрерывного и ожидающего своего реванша, есть лишь не универсальные, а, напротив, локальные моменты прерывистости. По выражению М. Бланшо, М. Фуко никогда не вдохновлял психоанализ, и, тем более, он не готов принять некое коллективное бессознательное, «фундамент всякого дискурса и всей истории, нечто вроде «прадискурсивного провидения» [2, с. 20]. Отбрасывая всякий скрытый смысл, единое начало, ницшеанский *Ursprung* (происхождение), или же *Wunderursprung* (чудесное происхождение), М. Фуко говорит: «Дискурсы должно рассматривать как прерывные практики, которые перекрещиваются, иногда соседствуют друг с другом, но также и игнорируют или исключают друг друга» [8].

Принцип специфичности предполагает, что мир не является простым для понимания и прочтения, так как не существует никакого «прадискурсивного провидения», позволяющего расшифровывать мир. Дискурс не может разрываться в игре предваряющих значений, более того – его следует понимать «как насилие, которое мы совершаем над вещами, во всяком случае – как некую практику, которую мы им навязываем; и именно внутри этой практики события дискурса находят принцип своей регулярности» [8].

Последний принцип у М. Фуко носит название

«правило внешнего» [8]. Согласно этому правилу, нужно двигаться не внутрь дискурса в поиске его ядра, но брать дискурс, его появление и его регулярность как исходную точку и «идти к внешним условиям его возможности, к тому, что дает место для случайной серии этих событий и что фиксирует их границы» [8].

Таким образом, именно в инаугурационной речи М. Фуко делает набросок генеалогии как метода, направленного на преодоление метафизических, тотализирующих понятий, таких как субъект, изначальноный опыт или универсальная медиация. Генеалогия, преодолевающая обращения к поиску начала происхождения вещей и самотождественного, на которых выстроена современная цивилизация, ее история и философия *cogito*, подавляет дискурс и навязывает ему функцию означающего. Начиная с этого выступления, М.Фуко закладываются принципы, которыми он будет пользоваться при изучении недискурсивных практик, а также власти-знания.

В дальнейшем М. Фуко продолжил развивать идею генеалогии, и уже в небольшой работе «Ницше, Генеалогия, История», написанной в 1977 году, он дал развернутое описание своего генеалогического проекта.

Следуя за мыслью Ф. Ницше, М. Фуко говорит о том, что генеалогия должна строить свои «циклопические постройки» не из «великих благодетельных заблуждений», но из «маленьких незаметных истин, найденных строгими методами» [7]. Характеристика генеалогии строится на негативном описании того, чем она не является и чему противоположена, через противопоставление тотализирующим понятиям и явлениям. Отбрасывая надисторическую перспективу, поиск истины, которая есть лишь род заблуждения, трансцендентальный субъект или тождественное само себе сознание, проявляется вся антиплатоническая, анти-телеологическая составляющая генеалогического проекта. Внимание генеалогии направлено не на поиск и описание происхождения (*Ursprung*), но на сингулярность событий. Тем самым генеалогия противопоставляет себя «метафизическому развертыванию идеальных сигнификаций теологических бесконечностей» [7]. Главная цель генеалогии в отношении «происхождения» в том, чтобы разрушить созданный им миф. Для этого мы, вслед за М. Фуко, попытаемся дать дефиницию «происхождения» как ключевого понятия, используемого в процессе характеристики генеалогии, и очертить круг проблем, выстраивающихся вокруг него.

Генеалогия противопоставляет себя происхождению (*Ursprung*) как поиску подлинного, истоку, а также чудесному происхождению (*Wunderursprung*), которое ищет метафизика модерна, и, соответственно, противоположна исследованиям исторической философии, которая ставит вопросы о начале и происхождении (*uber Herkunft und Anfang*) [7]. М. Фуко обращает внимание на то, что у Ницше встречается два употребления слова *Ursprung* (происхождение) – явственное и неочевидное. В первом варианте *Ursprung* противопоставляется другому термину – *Wundersprung* (чудесное происхождение), которое ищет метафизика. Для М. Фуко бо-

лее важным оказывается неочевидное употребление Ursprung, то есть наряду с такими терминами, как Entstehung (возникновение), Herkunft (происхождение), Abkunft (прибытие), Geburt (рождение), которые очень близки по значению. Тем не менее, М. Фуко обращает внимание на то, что их различие является важным, в частности, для определения объекта генеалогии [7].

Характеризуя движение генеалогии, М. Фуко отмечает, что оно направлено не к метафизике глубины, но к философии плоскости. Таким образом, генеалогия обходит ловушки, спрятанные в точной сути вещи, абсолютизации истины, поиске происхождения, которое у Ф. Ницше описано терминами Herkunft или Entstehung [7]. Попытаемся развести эти два понятия.

Herkunft употребляется Ф. Ницше в «Человеческое слишком человеческое» как термин для описания истока «нравственности, аскезы, справедливости и наказания» [7]. М. Фуко отмечает, что у Ф. Ницше данный термин связан с принадлежностью к одной группе – крови, традиции, расе или социальному типу. Французский философ обращает внимание на то, что исток привязывает к телу: «Он вписывается в нервную систему, настроение, пищеварительный аппарат. Плохое питание, затрудненное дыхание, хилое и тщедушное тело тех, чьи предки совершили ошибки; отцы принимают следствия за причины, верят в реальность потустороннего или устанавливают ценность вечного, но страдает от этого именно тело ребенка» [7]. Генеалогия в анализе истока выступает как артикуляция тела и истории, показывает тело с отпечатками истории и историю, разрушающую тело. В отношении происхождения как Herkunft, генеалогия не претендует на восстановление пути эволюции событий, вида, судьбы народа. По словам М. Фуко, генеалогия удерживает то, «что произошло, в присущей ему разрозненности», открывает то, что «в корне познаваемого нами и того, чем мы являемся, нет ни истины, ни бытия, но лишь экстериорность случая» [7].

Другое обозначение происхождения в текстах Ф. Ницше – Entstehung. По словам М. Фуко, этот термин «означает, скорее, выход на поверхность, точку проявления», «это есть принцип и сингулярный закон явления» [7]. Однако, неверно судить о выходе на поверхность по конечному результату, как это происходит в метафизике. В отличие от нее, генеалогия разрушает веру в работу предназначения и образываемую ею неразрывную континуальность. Генеалогия, отмечает М. Фуко, «восстанавливает различные системы порабощения: не столько предусмотрительное могущество смысла, сколько случайную игру доминаций» [7].

В смысле общего противопоставления происхождения и генеалогии, можно говорить от том, что оно «прежде мира и времени, оно всегда рядом с богами, обычно предпочитают верить, что изначально вещи были совершенны, что они выходили ослепительными из рук создателя, или в свете без тени первого утра» [7]. Но слово Происхождение надо произносить с иронией, говорит М. Фуко. Происхождение – это тот груз, который тащит мыслителя в метафизическую глубину, с одной стороны, и возносит в вертикальном движении туда, где

боги и вещи были совершенны и выходили из рук создателя ослепительными.

Именно эта нацеленность на поиск первоотличка, подлинности и изначальной точки породила развертывание процесса, свойственного истории, общепринятой истории как науки, истории историков, по выражению М. Фуко. Этой тенденции М. Фуко, вслед за Ф. Ницше, противопоставляет генеалогически понятую историю, обозначаемую в текстах Ф. Ницше как «Wirkliche Historie» – «историческое чувство» [7]. «Wirkliche Historie» отрицает любую надисторическую и вневременную точку опоры, «бессмертие человека», «египтизм» метафизики. «Эта история историков обеспечивает себя вневременной точкой опоры; она претендует на суждение обо всем с апокалипсической объективностью, но это означает, что она предположила существование вечной истины, бессмертной души и сознания, всегда идентичного самому себе» [7].

Движение сил, действующих в истории, происходит без заданных координат и специально созданных разметок, – нет ничего, кроме превратности борьбы. О силах истории М. Фуко пишет следующее: «Они всегда появляются в уникальной случайности событий. В противоположность христианскому миру, повсеместно сотканному божественным смыслом, в отличие от мира греческого, поделенного между управлением воли и проявлением великой космической бессмысленности, мир действительной истории знает лишь одно царство, в котором нет ни провидения, ни конечной причины, но «лишь железная рука необходимости, встряхивающая рог случая» [7]. «Wirkliche Historie», отстраняясь от телеологической континуальности и абсолютизации, вновь вводит в ткань истории – становление, событие и меняющееся отношение сил.

Отмежевываясь от феноменологии и гегелианства, господствующих в послевоенной Франции, – с одной стороны, философии сознания и марксизма – с другой, пытаясь не впасть в философию субъекта или объекта, используя «Wirkliche Historie» как методологическую установку, М. Фуко совершает, по выражению П. Вейна, научную революцию, «вокруг которой бродили все прочие историки» [3]. По мнению П. Вейна, М. Фуко – совершенный историк: «Он первый законченный позитивист-историограф» [3]. История, попавшая в поле зрения генеалогиста, таким образом, перестает выступать в образе кумулятивного накопления фактов и влияний, эволюция которых ведет историю к конечной и великой цели. Историческое чувство для М. Фуко низко, а генеалогия иронична. «История-генеалогия в варианте Фуко, таким образом, полностью осуществляет программу традиционной истории; она не обходит вниманием общество, экономику и т.д., но она иначе структурирует эту материю: для такой истории нет веков, народов и цивилизаций, а есть практики» [3].

Таким образом, именно в работах «Порядок дискурса» и «Ницше, генеалогия, история», М. Фуко формулирует генеалогический проект, который он применит к исследованию истории и власти. М. Фуко как философ-историк мира дискурсов намерен покон-

чить с антикварной историографией поиска Ursprung. Генеалогия в применении к истории должна отринуть все предпосылки, сформированные сознанием модерна, которое всегда замалчивает дискурсы. М. Фуко вступает на пути, предложенные Ф. Ницше, выводящие из философии субъекта и метафизических сумерек происхождения и антропологического сна, в который погружена мысль философии и истории модерна. Замена субъекта анонимной мыслью без субъекта, прорыв сквозь избыток в виде смысла, линейного генезиса,

Ursprung и кумулятивной истории, потеря ими своего исключительного положения – вот на что направлена генеалогическая работа М. Фуко. Отказываясь от ложной непрерывности и телеологических взаимосвязей, он вводит новый вокобуляр: разрыв, прерывность, серия, случайность, борьба, событие, способный внести прерывность в само наше бытие. Так он проводит санацию мира дискурсов, освобождая их от довлеющей угрозы изначально означаемого.

Библиографический список

1. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 2008. 704 с. 800 экз. – ISBN 978-5- 8243-1022- 7.
2. Бланшо М. Мишель Фуко, каким я его себе представляю/ М. Бланшо; пер. с фр. и послесловие В.Е. Лапицкого. Сер. XX век. Критическая литература. СПб.: Machina, 2002. 96 с. – ISBN 5-901410-45-9 (в пер.).
3. Вейн П. В сторону античности. Фуко: революция в историографии [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/vein.html>, свободный. – Загл. с экрана.
4. Власова О. А. Ранний Фуко: до «структуры», археологии и «власти»/М. Фуко. Психическая болезнь и личность; пер. с фр., предисловие и коммент. О. А. Власовой. 2009. С. 5-65.
5. Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время/А.В. Дьяков. Сер. «Gallicinium». СПб.: Алетея, 2010. 672 с. 1000 экз. – ISBN 978 – 5 – 91419 – 284 – 3.
6. Фуко М. Возвращение морали/М. Фуко. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Пер. с фр. Б.М. Скуратова под общ. Ред. В. П. Большакова. Сер. «Новая наука политики»; в 3 ч. Ч. 3. 2006. С. 271 – 287.
7. Фуко М. Ницше, генеалогия, история [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/look/xxb/fuko/>, свободный. – Загл. с экрана.
8. Фуко М. Порядок дискурса [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/21_f/uk/o_43.htm, свободный. – Загл. с экрана.
9. Michel Foucault. Politics. Philosophy. Culture. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://ru.scribd.com/doc/28967897/Michel-Foucault-Politics-Philosophy-Culture>, свободный. – Загл. с экрана.
10. Nythamar de Oliveira. Foucaults genealogy of modernity. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.geocities.com/nythamar/foucault.html>, свободный. – Загл. с экрана.

References

1. Avtonomova N.S. Cognition and translation. Experience in the philosophy of language / N.S. Avtonomova. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2008. –704 p. - 800 copies. - ISBN 978-5 - 8243-1022 - 7.
2. Blanchot M. Michel Foucault as I imagine it/ M. Blanchot, trans. with Fr. and an afterword V.E. Lapitski. Ser. XX century. Critical literature. St. Petersburg.: Machina, 2002. – 96 p. - ISBN 5-901410-45-9 (in the lane.).
3. Wayne P. Towards antiquity. Foucault: a revolution in the historiography [electronic resource]: [site]. Mode of access: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/vein.html>, free. - Caps. screen.
4. Vlasova O.A. Early Foucault to “structure” archeology “and” power “/ M. Foucault. Mental illness and personality, trans. with Fr., preface and commentary by O.A. Vlasova. - 2009. - P. 5-65.
5. Dyakov A. Michel Foucault and his time / A. Dyakov. Ser. «Gallicinium». St. Petersburg.: Aletheia, 2010. – 672 p. - 1000 copies. - ISBN 978 - 5 - 91419 - 284 - 3.
6. Foucault M. The return of morality / M. Foucault. Intellectuals and Power: Selected Political articles, speeches and interviews. Trans. with Fr. B.M. Skuratova// V. Bolshakov (ed). Ser. “The new science of politics”, in 3 parts - Part 3. - 2006. - P. 271 - 287.
7. Foucault M. , Nietzsche, genealogy, history [electronic resource]: [site]. Mode of access: <http://www.nietzsche.ru/look/xxb/fuko/>, free. - Caps. screen.
8. Foucault M. The order of discourse [electronic resource]: [site]. Mode of access: http://krotov.info/libr_min/21_f/uk/o_43.htm, free. - Caps. screen.
9. Michel Foucault. Politics. Philosophy. Culture. [Electronic resource]: [site]. Mode of access: <http://ru.scribd.com/doc/28967897/Michel-Foucault-Politics-Philosophy-Culture>, free. - Caps. screen.
10. Nythamar de Oliveira. Foucaults genealogy of modernity. [Electronic resource]: [site]. Mode of access: <http://www.geocities.com/nythamar/foucault.html>, free. - Caps. screen.

УДК 316.334;304.3

UDC 316.334;304.3

А.А. ВОЗЬМИТЕЛЬ

доктор социологических наук, зав. сектором комплексных исследований образа жизни Института социологии РАН

E-mail: Vozmitel@isras.ru

В.И. УВАРОВА

кандидат философских наук, руководитель НОЦ «Теоретическая и прикладная социология» Госуниверситета-УНПК

E-mail: social_centra@mail.ru

М.Н. ЯКОВЛЕВА

научный сотрудник Института социологии РАН

E-mail: m-m-21-42@mail.ru

A.A. VOZMITEL

doctor of sociological sciences, Head of Sector of complex researches of way of life, Institute of sociology RAS

E-mail: Vozmitel@isras.ru

V.I. UVAROVA

PhD in Philosophy, Head of SEC "Theoretical and applied sociology", State University- ESPC

E-mail: social_centra@mail.ru

M.N. YAKOVLEVA

scientific employee of Institute of sociology RAS

E-mail: m-m-21-42@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ*

SOCIOPOLITICAL SITUATION AND DAILY LIFE IN RUSSIA AND BELARUS IN A CONTEXT OF BECOMING OF THE ALLIED STATE: PROBLEMS AND APPROACHES

Любая общественно-политическая система успешно функционирует при условии, что ее цели, ценности и нормы воплощаются в повседневной жизни людей. В этом контексте главная социально-политическая проблема становления Союзного государства – как ему стать своим для большинства граждан.

Ключевые слова: социально-политическая ситуация, повседневная жизнь, ценности, интеграция, союзное государство.

Any political system successfully functions provided that its purposes, values and norms are embodied in a daily life of people. In this context the main sociopolitical problem of becoming of the Allied state is how it can become their own for the majority of citizens.

Keywords: sociopolitical situation, daily life, values, integration, allied state.

Развитие интеграции России и Беларуси в рамках Союзного государства является ключевым не только для внешней и внутренней политики каждой из стран, но и для дальнейшего развития отношений на всем постсоветском пространстве. С распадом СССР для России и бывших советских республик остро встала проблема определения их места и роли в модернизирующемся и глобализирующемся мире. Они стали полем реализации разнообразных геополитических проектов: вестернизации, «балканизации», сближения с НАТО и т.п., основная цель которых – изоляция и ослабление России, а также создание таких условий, которые сделают невозможным формирование в той или иной форме сильных и влиятельных объединений на постсоветском пространстве. Характерно высказывание Х.Клинтон о том, что США не допустят воссоздания никаких форм союзов, включая таможенный, на постсоветском пространстве.

В этой ситуации будущее России в мире остаётся в достаточной мере неопределённым. В настоящее время она входит в ряд международных союзов: БРИКС, Евразийский и Таможенный союзы, ОДКБ, ШОС

(Шанхайская организация сотрудничества) и ряд других объединений, большинство из которых азиатской направленности. Однако роль и влияние России в этих союзах обусловлены не новыми наработками или реализацией целенаправленной стратегии, а в большей мере – наличием ядерных сил и прочих элементов глобальной военной мощи, оставшихся от советского периода, которые все больше теряют свою значимость. Не меньше проблем с самоопределением на геополитической карте и у стран – бывших республик СССР. Однако эти проблемы носят иной характер, поскольку их самоопределение не может проходить с позиции силы.

За 20 лет раздельного существования бывших советских республик каждая из них успела приобрести свой собственный опыт выхода на международную арену, который наряду с рядом преимуществ ведения самостоятельной независимой политики высветил и целый ряд проблем, связанных с целенаправленным влиянием определенных политических блоков, преследующих собственные интересы, а также с необходимостью принятия новых условий (политических, экономических, культурных и т.п.) «входа» в те или иные геополитиче-

* Статья подготовлена при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда. Проект № 13-23-01009

ские союзы. В связи с этим можно отметить несколько ключевых проблем.

Первая из них связана с тем, насколько условия вхождения в те или иные союзы соответствуют культурным традициям и цивилизационной направленности государств, стремящихся к ним присоединиться. Например, интеграция в рамках Евросоюза основывается не только на экономических мотивах. Здесь есть определенный социокультурный код, наработанный веками, сплавляющий народы и государства. Очевидно, что вхождение в такой союз на долговременной основе возможен на уровне не столько политических договоренностей, сколько культурных традиций. Отсюда следуют вопросы о социокультурной идентичности, сохранении её исторической обусловленности и о динамике ценностей и социокультурных ориентирах нового поколения наших стран, которое не имеет опыта жизни в СССР.

Вторая группа проблем связана с изменением оценки привлекательности народами наших стран политики ЕС (двойственный характер которой наиболее отчетливо проявился в последнее десятилетие), поскольку прозападные настроения (стремление присоединиться к ЕС или НАТО) в той или иной степени были характерны для многих стран на постсоветском пространстве. Украинское общество с этой точки зрения уже длительное время находится в состоянии раскола. В Беларуси этот процесс не проявляется столь ярко. Однако отсутствие явного противостояния не означает отсутствия скрыто идущих процессов, которые рано или поздно могут дать «неожиданные результаты». В России эти процессы, хотя и в меньшей степени, также имеют место. Особенно остро проявляется эта проблема, когда прозападные ориентации у правящего класса вступают в конфликт с интересами основной массы населения.

В-третьих, немаловажную роль в выстраивании отношения к России народов бывших советских республик играет сохранение стереотипа «имперских амбиций» России, которая потенциально может диктовать (а подчас и диктует) свои условия странам с меньшим политическим и экономическим весом. Регулярные «санитарные» или таможенные запреты товаров из стран, заподозренных в нелояльности, показывают, что Россия не готова к самостоятельности соседей.

В-четвертых, отсутствие стратегического курса развития России, неопределенность и непоследовательность выстраивания ее отношений с ближайшими соседями. Попытки российского руководства восстановить пространство делаются только на экономической основе при отсутствии какой-либо идеологии российской государственности. Потеряв статус сверхдержавы, Россия не организовала новых интеграционных экономических и гуманитарных проектов, привлекательных для соседей и других партнеров. Рынок полурабского труда для выходцев из стран Центральной Азии на эту роль не годится. Перспектива объединения с Таможенным союзом России, Казахстана и Беларуси не вызывает энтузиазма у других стран СНГ. В результате бывшие советские республики все больше сближаются с Западом

или другими мировыми и региональными лидерами (Китаем, Турцией и др.).

Все это прямо соответствует существующему на Западе плану отделения России от Европы путем создания своеобразного «санитарного кордона» вдоль западных границ РФ, составленного из ряда стран – бывших республик распавшегося Советского Союза и бывших дружественных ему государств Центральной Европы. Среди этих «окончательно оторванных» государств создатели этого плана очень хотели бы видеть именно Беларусь, поскольку это отчетливо обнаружило бы «преодоление» прежних наиболее тесных и дружественных связей, которые исторически возникли у России с ее ближайшим окружением, и появление соответствующих этому плану идейно-политических переориентаций.

Поэтому успешная интеграция России и Беларуси представляет собой во внешнеполитическом плане наиболее радикальное средство противодействия подобным попыткам формирования антироссийских блоков, а во внутривнутриполитическом – сохранение и укрепление в каждой из этих стран исторических традиций совместного решения назревших трудностей и задач на почве согласованного и взаимовыгодного объединения и распределения усилий во всех основных сферах их общественной жизни.

Ключевую роль в этом процессе играет Союзное государство России и Беларуси, договор о создании которого был подписан в 1999 году. В качестве стратегической цели Союзного государства было провозглашено устойчивое социально-экономическое развитие государств-участников Союза на основе объединения их материального и интеллектуального потенциалов, использования рыночных механизмов функционирования экономики, а также создания и развития унифицированных денежно-кредитных, бюджетно-налоговых и валютных систем, финансовых рынков, роста материального благосостояния граждан обеих стран.

Несмотря на ряд успехов в экономической сфере, становление Союзного государства идет очень медленно, наталкиваясь на большое количество трудностей и препятствий, в том числе связанных с различиями в подходах к построению системы экономических и политических отношений находящихся у власти элит в обеих объединяющихся странах.

Показателен в этом отношении последний «калийный конфликт», когда российские олигархи развалили Белорусскую калийную компанию, которая вносит значимый вклад в бюджет Беларуси. Последовавшие вслед за этим резкие действия белорусской стороны – арест генерального директора и объявление в международный розыск одного из владельцев российской компании Уралкалий, резкие ответные заявления России о готовности фактически объявить очередной виток торговой войны с Беларусью красноречиво свидетельствуют не просто о множестве еще не решенных проблем, но, прежде всего, о том, что Союзное государство не имеет еще прочной политической и правовой основы. За два десятилетия так и не выстроены нормальные, прозрач-

ные рыночные отношения. Фактически отношения двух стран выстраивают властные структуры и крупный капитал, действуя зачастую вне правового поля.

В успехе экономической интеграции наших стран многое зависит от соотношения внутренних политических сил, особенно от того, какая из этих сил является в проводимой экономической политике определяющей, ведущей, выражающей и реализующей волю своих трудящихся граждан. И ситуация здесь неблагоприятна.

Действительно, проводившаяся в России уже 20 лет радикально-либеральная экономическая и трудовая политика, абсолютизовавшая принцип «дерегулирования экономики», идею устранения государства от контроля за ее трансформацией и функционированием на новых рыночных основаниях, привела Россию к системному экономическому и социальному кризису, результаты которого широко известны.

Итог неутешителен. Его подводит Василий Симчера, директор НИИ статистики Госкомстата РФ в 2000-2011 гг.: «у 20% россиян уровень доходов и потребления всё ещё ниже «советского». Правда заключается в том, что и теперь, спустя 20 лет после развала СССР, мы не приблизились к тем экономическим показателям, которые были в советские времена» [3].

В отличие от России, Беларусь за годы реформ в основном сохранила свою производственную базу и сельское хозяйство. В стране сохранилось самодостаточное сельское хозяйство и экспортно-ориентированная современная промышленность; авто- и тракторостроение, нефтепереработка, химическое производство, микроэлектроника, точное приборостроение и т.д.

Несмотря на это и в Беларуси реальный сектор экономики подошел к опасной черте. Средств на обновление производства, несмотря на объявленную в стране модернизацию, нет ни в бюджете, ни тем более у самих предприятий. Внешние инвестиции ничтожно малы. При этом власти продолжают финансировать убыточные отрасли. В этих условиях без четких приоритетов промышленность Беларуси может окончательно обвалиться.

Некоторые аналитики склонны винить в этом Таможенный союз и Единое экономическое пространство, условия работы в которых якобы невыгодны для Беларуси. Однако, по мнению зампреда Белорусской научно-промышленной ассоциации (БНПА) по модернизации экономики и инвестиционной политике Георгия Грица, корень зла – в неконкурентоспособности белорусской продукции [5]. Промышленность стала заложницей производства, устаревшего физически и морально.

По мнению представителя БНПА, стране «нужна новая управленческая команда, которая вызывала бы доверие не только у главы государства, но у населения и бизнеса».

Таким образом, несмотря на все различия социально-политического и социально-экономического устройства России и Беларуси, в обеих странах стоит проблема изменения курса в социально-экономической и трудовой сфере, который бы вызывал доверие и у биз-

неса, и у населения.

При этом, как представляется, прояснение и проявление основных не только экономических, но также политических и социальных особенностей наших стран, проблемных с точки зрения их объединения, – необходимое условие построения модели реинтеграции, обеспечивающей равноправный и демократический характер союза, социальный мир и устойчивое развитие.

Проблемы политического устройства в России и Беларуси

Внешне политические системы наших стран представляются весьма схожими. В сегодняшней России, как и в Беларуси, всё, в конечном счете, решает только один человек – Президент. Построенная В.В. Путиным в начале 2000-х вертикаль власти приостановила распад страны, но породила тотальную коррупцию чиновников и засилье криминального и полукриминального бизнеса. В общественном мнении страны эта вертикаль выступает как инструмент классового господства крупной буржуазии и тесно связанного с ней слоя государственной бюрократии [1, С.168-172].

В такой фрагментированной приватизированной власти воспроизводятся отношения господства и подчинения, а взаимодействие индивидов во властных структурах «происходит по неформальным, неполитическим правилам (сговора, закулисных договорённостей, внутриаппаратной, внутриадминистративной борьбы) в противовес присущей демократическому порядку публичной политике, понимаемой как «честная игра по формальным правилам» [2, С.92].

Отсюда, увы, традиционное для российского общества противопоставление «мы» и «они», не раз приводившее его к социальным катаклизмам.

Преодолеть все углубляющийся раскол в российском обществе можно только при реализации социальной политики, одной из наиболее важных задач которой станет координация деятельности государственных органов, общественных институтов и социальных групп населения в направлении активизации их партнерских взаимоотношений с целью достижения общественного согласия.

Происходящие в наших странах процессы отчетливо показывают, что в демократически развивающейся политической системе граждане должны иметь возможность оспаривать действия правительства, властей и выступать против тех из них, с которыми они не согласны. А это предполагает высокую степень осознанности ими своих прав и готовность решительно их защищать.

Во многом формирование этих черт происходит в гуще повседневной жизни, в результате общения людей друг с другом и с представителями местной власти. Отсюда чрезвычайная важность для становления Союзного государства механизмов прямой демократии, всемерная поддержка и укрепление органов местного самоуправления как основных координаторов и реализаторов актуальных и важных гражданских инициатив, формирования активной гражданской позиции людей.

Однако, несмотря на принятый 10 лет тому назад

закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» оно продолжает существовать в основном как рычаг власти региональной. В Беларуси современные проблемы развития местного самоуправления прежде всего связаны с безальтернативностью выборов депутатов, заранее утвержденных и согласованных с исполкомами и спецслужбами. В то же время местные органы не наделены достаточными полномочиями и не располагают соответствующей материальной базой для решения социально-экономических проблем.

Таким образом, низкий уровень аутентичности демократии в наших странах становится препятствием на пути интеграции, которая отвечала бы интересам подавляющего большинства наших народов.

Неудивительно, что при стремлении властных структур России и Беларуси к сохранению существующих социально-политических моделей интеграционный процесс смещается преимущественно в сферу экономики. Происходит «стихийная» интеграция между отдельными производственными субъектами России и Беларуси, в которой в настоящее время задействованы 79 центральных и региональных производственных объединений в РФ.

Сегодняшнее социально-экономическое и социально-политическое устройство России и Беларуси не удовлетворяет очень многих граждан. Рассогласование, параллельное существование «жизненных миров» власти и народа в России свидетельствует о неукорененности наличной социально-политической системы, ее слабости и непривлекательности для значительной части населения.

Социальные проблемы интеграции

Фундаментальные исследования, проведенные в России, зафиксировали пока еще не доведенное до конца разрушение всей привычной для советских людей повседневной жизни. Практически по всем анализируемым показателям социального благополучия и социального самочувствия наблюдается довольно резкое их ухудшение по сравнению с советским временем. Эту ситуацию уже отразили международные эксперты: «Если во времена СССР по уровню социального развития Россия занимала 25-е место и лишь немногим отставала от США (18-е место), то к 2000 г., к моменту прихода во власть Путина, она скатилась до 60-го места, а уже в 2006 г. – до 65-го» [4, С.5].

Так, ухудшение возможностей для обучения и образования детей сродни социальной катастрофе. Если подавляющее большинство советских россиян оценивали их как «хорошие», то примерно столько же сегодняшних граждан России (76,2%) оценивают их как «удовлетворительные» и «плохие». Всё это, конечно же, сказывается на социальном самочувствии людей, на их удовлетворённости жизнью в целом, которая у 52% советских респондентов складывалась «хорошо» и лишь у 2% – «плохо». У россиян, опрошенных в 2008 году, эти цифры составляют 20% и 28% соответственно. При этом, если в советское время доминировало хорошее

социальное самочувствие (52%), то сегодня – удовлетворительное (52%) [1, С.103-116].

Повседневная жизнь обедняется и приобретает качество товара. И на этом диком рынке оказываются востребованными, прежде всего, сомнительные нравственные качества (умение приспособиться, связи с нужными людьми, крайний индивидуализм), которым в конкурентной борьбе явно проигрывают трудолюбие, добросовестное отношение к делу, отзывчивость, чуткость, принципиальность.

Особо отметим изменение отношения к труду, превратившемуся из главной социальной ценности, основы развития общества и личности – в ценность периферийную. Труд – дело чести, доблести и геройства – превратился в сугубо частное дело.

Квалифицированный труд обесценивается. Профессионалы нередко вынуждены работать не по специальности и на рабочих местах, не требующих высокой квалификации. Все большее число людей относится к своей работе лишь как к средству добывания необходимых материальных жизненных благ. Потеря смысла жизни, повседневный пессимизм и неверие в будущее ослабляют мотивацию к труду, можно даже сказать, – во многих случаях ликвидируют ее полностью.

Усугубляет ситуацию и бесконечный миграционный поток в Россию, который стимулирует структурную деградацию нашей экономики, поддерживая и закрепляя ее сырьевой характер. «Продукт», который «производит» такая миграция, не имеет никакого отношения к воспроизводству самой простой экономической системы, не говоря уже о развитии экономики. Более того, увеличение доли низкоквалифицированных мигрантов из бывших азиатских и закавказских республик в условиях, когда Россию активно покидают высококвалифицированные кадры, хоронит модернизацию промышленности и сельского хозяйства. Выгоды от дешевого труда достаются предпринимателям, а социальные издержки перекладываются на российский социум.

В результате неконтролируемой миграции из Средней Азии и Закавказья мы имеем снижение уровня национальной безопасности, повышение социальной напряженности и снижение качества жизни российского общества в целом. При сохранении такой миграционной «политики» Россия рискует в перспективе «интегрироваться» со среднеазиатскими республиками, а не с Беларусью, которая позиционирует себя как «центр Европы».

Таким образом, проблемная ситуация заключается в **противоречии** между необходимостью становления Союзного государства, которое должно стать привлекательным для наших народов, обеспечивая высокое качество жизни простых людей, и рассогласованностью (нередко противопоставлением) как интересов нынешних властей наших стран, так и интересов властных структур и простых граждан.

Выявленное противоречие позволяет определить **проблему** исследования, заключающуюся в необходимости научного осмысления и выявления общего и особенного в социально-политической ситуации и об-

разе жизни населения двух стран, основных факторов, определяющих интеграционные и дезинтеграционные тенденции в социально-политических ситуациях и образе жизни граждан России и Беларуси, а также представлений населения и экспертов наших стран о реально возможных и желательных характеристиках власти Союзного государства. Это позволит определить наиболее эффективные пути и средства социально-политической реинтеграции России и Беларуси, усовершенствовать нормативно-правовую базу Союзного государства и способствовать принятию решений по его укреплению.

Объект исследования – социально-политические условия и повседневная жизнь людей в странах постсоветского пространства, находящихся в процессе реинтеграции.

Предмет исследования – влияние социально-политических условий и особенностей повседневной жизни людей в России и Беларуси на процесс реинтеграции наших стран.

Основная цель исследования – определение интеграционных и дезинтеграционных тенденций в социально-политических ситуациях и образе жизни населения России и Беларуси.

Говоря более конкретно, необходимо прояснить, что нас объединяет, а что разъединяет в социально-политических ситуациях и образе жизни; что нужно и можно взять из нашего общего прошлого и самостоятельного постсоветского развития; что утратило свою роль и значимость; какие реально наблюдаемые в наших странах формы человеческой активности, взаимодействия людей, а также их смысложизненные установки и отношения могут способствовать, а какие препятствовать нашему общему цивилизованному развитию в перспективе.

Исследуя реально складывающиеся социально-политические ситуации в наших странах, актуальные характеристики массового сознания и поведения людей, их отношения друг к другу, к работе, отдыху, властным структурам, к участию в политической жизни, реальным и желательным формам взаимодействия наших стран, мы получим информацию, достаточную для разработки сценариев их социально-политической реинтеграции.

Основные задачи исследования

– сравнительный анализ базовых характеристик образа жизни в России и Беларуси, общего и особенного в них;

– выявление характеристик социально-политических ситуаций и повседневной жизни людей в России и Беларуси, способствующих и препятствующих интеграционному процессу;

– сравнительный анализ представлений населения и экспертов России и Беларуси о реально возможных и желательных характеристиках власти Союзного государства;

– выявление отношения населения и экспертов России и Беларуси к реинтеграции наших государств в

сферах политики, идеологии (общих целей и смысложизненных установок), образа жизни;

– анализ взаимосвязи процессов, происходящих в повседневной жизни людей с характеристиками политической власти и отношением к ней в России и Беларуси;

– определение средств и методов утверждения в повседневной жизни граждан Союзного государства общезначимых целей, норм и мотиваций, способствующих становлению общего для наших народов цивилизованного образа жизни.

Методика эмпирического исследования

Исходя из проведенного анализа ситуации и определения основных понятий исследования социально-политической ситуации и повседневной жизни людей в России и Беларуси в контексте становления Союзного государства, авторы предлагают следующую принципиальную схему проведения исследования и анализа (см. рисунок 1).

Процесс реинтеграции России и Беларуси должен рассматриваться во всей совокупности внешних и внутренних условий.

Действие внешних условий реинтеграции проявляется в непосредственном целенаправленном воздействии западных стран, преследующих свои цели на постсоветском пространстве. Отражением этого воздействия является изменение ментальности наших народов, системы их ценностных ориентаций, проявляющейся в распространении квазилиберальных ценностей, и, наоборот, в снижении распространенности ценностных систем, традиционных для наших стран.

К последствиям этих процессов следует отнести приоритеты основного направления развития наших народов, которые в данном контексте выстраиваются по оси восток – запад. Отсюда следует необходимость выбора таких эмпирических индикаторов, как:

– поддержка населением интеграции России и Беларуси;

– оценка отдельных направлений интеграции респондентами и экспертами (военной, социальной, экономической, культурной, духовной, политической);

– влияние интеграции на повседневную жизнь наших народов.

Для оценки того, как проявляются интеграционные процессы в повседневной жизни наших народов, используются базовые характеристики образа жизни в России и Беларуси, к которым относятся:

– *уровень и качество жизни*. Для их измерения используются такие эмпирические индикаторы, как качественные статические и динамические оценки респондентами материального положения своей семьи, их представления о минимальном доходе, необходимом для обеспечения достойной жизни. В качестве эмпирических индикаторов качества жизни выступают показатели – удовлетворенность/неудовлетворенность людей различными сторонами своей жизни, а также страхи, распространенные в обществе.

– *нормы повседневной жизни*. Есть два базисных

фактора, определяющих социальное поведение людей: личностный, отражающийся в осознанных намерениях, целях, способах их достижения, и социальный – воздействие макро- и в особенности микросреды (господствующих в ней норм, взглядов, отношений, ценностей и т. п.), проходя через которую общественные требования либо принимаются, либо отвергаются, либо видоизменяются, преломляясь через призму специфических условий, социальных ориентаций и т.п.

Каковы нормы, господствующие в этих микросредах, таковы реально функционирующие нормы образа жизни. Судить об этом мы можем по содержанию социально-нравственного опыта масс, находящему свое отражение в оценке людьми степени распространенности в их микросредах наиболее общих норм жизнедеятельности, повседневного поведения людей, дающих в совокупности представление об определенном ценностно-нормативном наполнении реально складывающегося образа жизни и его соответствии (несоответствии) задачам общественного развития (см. табл. 2.1).

Другие важные эмпирические индикаторы этого блока – отношение респондентов к работе, их представления о соотношении работы и досуга, доминирование коллективизма – индивидуализма, здорового – нездорового образа жизни, укорененности ценностей общества потребления, отношение к людям других национальностей.

– *терминальные и инструментальные ценности.* К терминальным ценностям нами относятся ценности семьи, материального благополучия, интересной работы, уверенности в завтрашнем дне, уважения со стороны окружающих, карьеры, власти, безопасности, справедливости, неограниченной свободы, стремление к Богу, чистой экологии. В качестве инструментальных ценностей в исследовании выступают средства достижения успеха и благополучия в современной России: способности, талант, образование, деньги, трудолюбие, связи с «нужными» людьми, забота прежде всего о себе, честность, принципиальность, умение приспособиться, умение преступить закон, мораль, нравственные ограничения.

– *социально-нравственные установки (модели поведения личности, в которых реализуются ценности).* К эмпирическим индикаторам этого блока мы относим различные характеристики социально-нравственного состояния общества: альтруизм, отзывчивость, готовность прийти на помощь другим людям, честность, принципиальность, аскетизм, патриотизм, коллективизм в противопоставлении эгоизму, крайнему индивидуализму, космополитизму, гедонизму, культу денег, продажности, жестокости.

Успех процесса реинтеграции зависит от схожести / различия социально-политической ситуации в России и Беларуси. С точки зрения того, какие направления являются для наших стран сходными, а по каким придется выстраивать приоритеты и компромиссы, можно выделить:

– *характер власти:* для кого власть, конкретные

положительные и отрицательные характеристики власти с точки зрения построения цивилизованного государства и интеграционного процесса, отношение (доверие / недоверие) к власти, коррупция (продажность / не продажность) власти, демократичность / авторитарность власти;

– *оценку социально-политической ситуации в России и Беларуси с точки зрения стабильности;*

– *отношение к действующим президентам России и Беларуси и их политическим перспективам в качестве президента Союзного государства.*

То, насколько привлекательным в глазах населения станет Союзное государство, зависит от его эффективности в разных сферах. Оценка эффективности нынешних государственных структур России и Беларуси позволит спрогнозировать, какая из моделей государственного развития является желательной с точки зрения населения. Исходя из этого, представляют интерес следующие эмпирические показатели эффективности государства.

1. Экономическая эффективность:

– оценка населением итогов развития экономик России и Беларуси за последние 20 лет,
– способность этих экономик к позитивному развитию.

2. Политическая эффективность:

– способность власти решать жизненно важные проблемы не только привилегированных групп, но, прежде всего, простых людей,
– ответственность власти,
– участие граждан в системе местного самоуправления.

3. Социальная эффективность:

– реальное соотношение прав и свобод граждан,
– востребованность в современных социально-политических системах России и Беларуси определенных социально-нравственных качеств,
– состояние социальной инфраструктуры.

4. Общая эффективность социально-экономической системы характеризуется нами способностью власти модернизировать экономику, ликвидировать коррупцию, повысить уровень и качество жизни населения, предотвращать техногенные и природные катастрофы, возродить передовую науку, культуру, образование, решать актуальные демографические и миграционные проблемы.

Дальнейшее углубление интеграционных процессов возможно только при поддержке населения наших стран. Основными эмпирическими индикаторами, характеризующими этот процесс, являются представления населения о: целях интеграции, основных востребованных направлениях интеграции, характере власти Союзного государства, формах его социально-политического устройства.

В данном контексте принципиальная возможность создания единого государства требует прояснения социально-политических идеалов россиян и белорусов.

Обозначенный выше комплекс эмпирических индикаторов позволит построить вероятностную мо-

дель дальнейшего развития интеграционного процесса России и Беларуси. В рамках такой модели условно можно выделить три принципиально различных сценария развития:

– *модернизационный* (что обеспечит производство

новых идей, технологий и социальных инноваций – страна мастеров, ученых, инженеров и менеджеров),

– *инерционный* (нет реальных предпосылок для модернизации),

– *революционный* (форсмажорный).

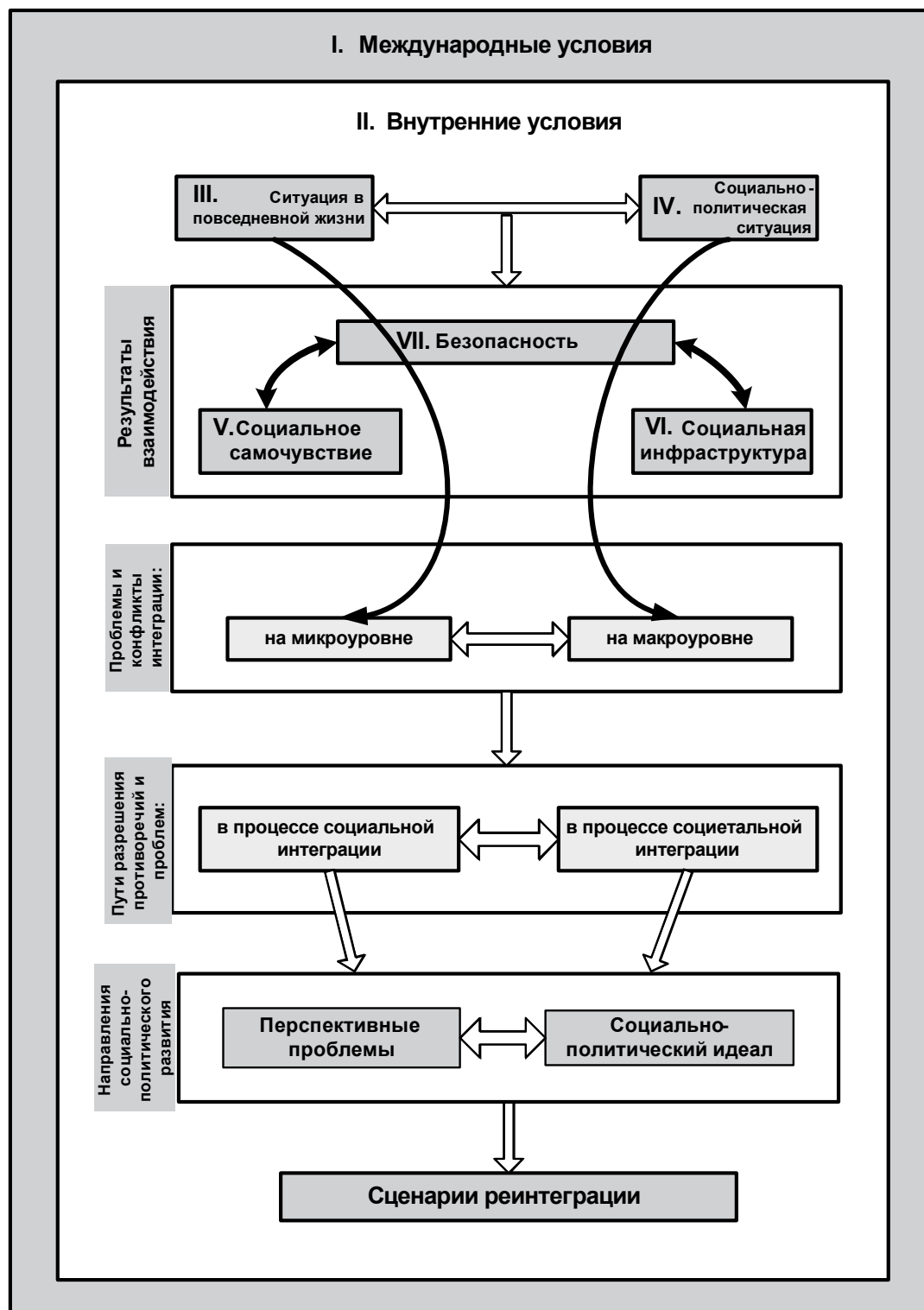

Рис. 1. Принципиальная схема проведения исследования и анализа.

Библиографический список

1. *Возьмител А.А.* Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: Институт социологии РАН, 2012.
2. *Коробицына О.* Цифры не лгут, но лукавят! // Аргументы и факты 2012, №51.
3. *Лейн Д.* Российская трансформация: становление мировой державы? // Мир России. Социология. Этнология 2010, № 4.
4. *Левшина И.* Белорусская промышленность оказалась на грани стагнации. Новостной Интернет-ресурс Беларуси NAVINY.BY. 6 сентября 2013 года: http://naviny.by/rubrics/economic/2013/08/28/ic_articles_113_182811/
5. *Павлова П.В.* Демократия versus кликократия // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка /ред.колл.: С.В. Патрушев [(отв.ред.) С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. М.: РАПН; РОССПЭН, 2011.

References

1. *Vozmitel A.A.* Way of life: tendencies and character of changes in reformed Russia. - M.: Institute of sociology RAS, 2012.
2. *Korobitsina O.* Figures don't lie, but dissemble! // Arguments and facts 2012, №51.
3. *Lane D.* Russian transformation: becoming of world power? // World of Russia. Sociology. Ethnology 2010, № 4.
4. *Levshina I.* Belarus industry has appeared on the verge of stagnation. The news Internet-resource of Belarus NAVINY.BY. on September, 6th, 2013: <http://naviny.by/rubrics/economic/2013/08/28/ic_articles_113_182811/>
5. *Pavlova P.V.* Democracy versus clickocracy // Citizens and political practices in modern Russia: reproduction and transformation of the institutional order/editorial board: S.V.Patrushev [(editor-in-chief) S.G.Ajvazova, P.V. Panov]. - M.: RAPS;RPE, 2011.

УДК 21+ 001.8:130.2

В.Н. ДАРЕНСКАЯ

кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры и культурологии Восточноукраинского национального университета им. В. Даля
E-mail: darenska@yahoo.com

UDC 21+ 001.8:130.2

V.N. DARENSKAJA

PhD of Philosophy, Associate professor of Philosophy of Culture and Cultural Studies Department of East-Ukrainian National University named after V. Dal'
E-mail: darenska@yahoo.com

ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

FOLK'S TRADITIONAL CULTURE AS A SUBJECT OF PHILOSOPHICAL REFLECTION

Статья посвящена исследованию традиционной народной культуры как предмета философской рефлексии. Феномен традиционной народной культуры анализируется как источник экзистенциального опыта для современного человека. Показаны сущность и «механизмы» конституирования экзистенциальных смыслов в мировоззренческих измерениях и различных предметных сферах этого типа культуры.

Ключевые слова: народная культура, этничность, традиция, сакральное, мировоззрение, смысл.

The article is devoted to the investigation of folk's traditional culture as a subject of philosophical reflection. The phenomenon of folk's traditional culture analyses as a source of existential experience for contemporary man. The essence and "mechanisms" of constituting of basic existential senses in worldview dimensions of this culture and in its different spheres and are demonstrated here.

Keywords: folk's culture, ethnic, tradition, worldview, sacral, sense.

...народная культура с ее концепцией
незавершенного бытия и веселого времени...
М.М.Бахтин [2, 142].

В современном глобализирующемся мире явления, относимые к тому, что принято называть «традиционной народной культурой», на первый взгляд, становятся все более архаическими образованиями. Тем не менее, этот тип культурных явлений остается очень интересным для философской рефлексии – уже хотя бы потому, что в качестве Иного противостоит посттрадиционной

культуре, а значит, является насущной инаковостью для самоопределения последней. Но еще более важна «метафизика» народной культуры как исторически и логически первичного определения человека как родового существа.

Вследствие этого традиционная народная культура представляет собою весьма специфический предмет

исследования, требующий для своего адекватного понимания особой *экзистенциальной вовлеченности*. Как пишут А.М. Сагалаев и И.В. Октябрьская, «вселенная традиционного мировоззрения просто необъятна, и, как таковая, вряд ли исчерпаема. Пока наши знания о ней бессистемны и отрывочны. Видимо, это обусловлено самим объектом изучения – пластичным и податливым, но всегда остающимся «вещью в себе». Нетрудно подобрать некую схему, объемлющую сумму фактов и непротиворечиво их объясняющую. Но не может быть понимания без сопереживания. А стремление объяснить все – следствие привычного, увы, взгляда свысока на иные цивилизации» [5, 186]. Необходимость «сопереживания», естественно, не означает, что современный человек может преодолеть свою «внеаходимость» (М.Бахтин) и полностью «вжиться» в эту «вселенную традиционного мировоззрения», но он вместе с тем может по принципу контраста более остро осознать многие ее грани, которые сам человек традиционной народной культуры мог и не осознавать в силу их привычности для него.

Традиция изучения народной культуры как предмета философской рефлексии, т.е. в первую очередь, как экзистенциального феномена, берет свое начало в эпоху романтизма, начиная с трудов И. Гердера. Среди отечественных ученых эта традиция была заложена в исследованиях народной поэзии и мифологии Н.Костомаровым и народного календаря М. Максимовичем. В XX веке новые теоретико-методологические подходы, созданные исследователями первобытных культур, позволили включить эту тематику в контекст фундаментальной философской рефлексии об универсальных структурах человеческого мышления. В частности, К. Леви-Стросс показал, что мифологическое мышление при всей его конкретности, чувственности и метафоричности способно к обобщениям, классификации и анализу, обладает теми же свойствами гомологии, оппозиции, корреляции и трансформации, какие характерны и для научного мышления, а специфика его заключается в том, что символы, которыми оно оперирует, связаны с непосредственными ощущениями и чувственными качествами, что не мешает им выступать «посредниками между образами и понятиями и в качестве знаков преодолевать противоположность чувственного и умообразного» [См.: 3, 83].

Наиболее популярным сегодня определением специфики традиционной культуры является «дорефлексивный традиционализм» (С.С.Аверинцев). Для обозначения отличий мифологического мировоззрения от исторического такое определение, возможно, и оправданно. Однако оно совершенно не учитывает наличие специфической *внутренней рефлексивности самого мифологического мышления* – рефлексивности, которая уже малопонятна современному человеку (в этом смысле как раз мы можем казаться «наивными» и «примитивными», с точки зрения человека архаики). Например, об одном из важных аспектов этого типа рефлексивности «устных культур» пишет Е.С. Новик в статье «Архаические верования в свете межличностной

коммуникации» (1994). В частности, поскольку «межличностная коммуникация превращает партнеров в единую самоорганизующуюся систему и потому каждое действие одного из них воздействует на состояние или поведение другого», это означает, что «в результате любой вид человеческой деятельности оказывается в устной культуре в высшей степени рефлексивным» [4, 121].

Экзистенциальный уровень миропереживания, свойственный человеку традиционной народной культуры, обычно концептуализируется как «миф вечного возвращения» (М. Элиаде), т.е. включенность человека в неизменные циклы миропорядка. В целом это правильно, однако не учитывает особенности тех традиционных культур, которые сложились у монотеистических и, в особенности, у христианских народов. Здесь линейное мировое время вступает в сложные отношения с циклическим временем природы и внутренним экзистенциальным временем личности. Подобным образом и мифологическое мышление в этих культурах принципиально трансформируется, не являясь уже имманентным носителем религиозного сознания, как это было в дохристианский период, но оставаясь формой воспроизводства «устной культуры», жизненной мудрости и образом целостного мировосприятия.

В отличие от формального значения термина («традиционная народная культура» как массовая культура доиндустриальных обществ), его содержательное определение требует особого экзистенциального анализа, т.е. исследования того, каким образом структурируется субъект этой культуры и какой способ мироотношения при этом вырабатывается. Целью настоящей статьи является феноменологическая реконструкция экзистенциального опыта человека традиционной народной культуры; отдельными задачами являются его сопоставление с опытом человека современной техногенной цивилизации, а также возможности их конструктивного взаимодействия.

Первое, на что по контрасту обращает внимание современное сознание, – это ритуализация и сакрализация быта как неперенная черта традиционной народной культуры. Жизнь человека традиционной народной культуры и объективно организована, и субъективно переживается как выполнение универсального ритуала: дело здесь не только в ритуализированности всех сфер жизни, но в том, что сама жизнедеятельность осознается и организуется как исполнение великого обряда воспроизведения вселенской Жизни. Поэтому все ритуальные действия здесь всегда в той или иной степени приобретают и сакрализованный характер, поскольку оказываются причастными к великому ритуалу Бытия. Бросающаяся в глаза ритуализированность повседневных действий – здесь лишь следствие, *внешнее выражение абсолютного Ритуала как бытийного состояния: ритуала самой воспроизводящей себя Жизни*. В этой культуре счастье, благосостояние и покой может дать лишь *правильное* поведение, то есть такое, которое гармонизирует отношение человека с природой и обществом и дарит ощущение целостности бытия. Человек,

который живет Традицией, ощущает свою защищенность. Опыт предков имеет характер абсолютного аргумента и не требует критической проверки или анализа. Там, где уже начинается его критика и проверка с иных мировоззренческих позиций, там первоначальное целостное мировосприятие становится проблематичным. Поэтому традиционная народная культура – это всегда *культура доверия*. Естественно, это несколько не означает отсутствия у человека этой культуры способности к критическому мышлению – наоборот, у него она является весьма острой по отношению ко всем нарушениям *правды мироустроющего бытия*; в частности, и по отношению к деструктивным проявлениям современной техногенной цивилизации (ярким примером такой критичности традиционного народного сознания по отношению к современной цивилизации, например, является повесть В.Распутина «Прощание с Матерой»).

Культура доверия в данном случае вообще не является продуктом «некритического усвоения» опыта предков, но органическим выражением глубочайшего экзистенциального опыта. Суть его в следующем. Как пишут известные исследователи первобытного мировоззрения Г. и Г.А. Франкфорт, фундаментальное различие в отношении современного и древнего человека к окружающему миру заключается в том, что «для современного человека мир явлений есть в первую очередь «Оно», для древнего – и также для примитивного человека – он есть «Ты»... «Ты» есть живое присутствие, чьи качества и возможности могут быть хоть немного расчленены не в результате активного исследования, но оттого, что «Ты», присутствуя, проявляет себя... Это не означает (как часто думают), что первобытный человек для объяснения природных явлений наделяет неодушевленный мир человеческими характеристиками. Для первобытного человека неодушевленного мира попросту не существует. По этой-то причине он и не «персонифицирует» неодушевленные явления и не наполняет пустой мир духами мертвых... В любой момент он может столкнуться с любым явлением не как с «Оно», а как с «Ты». В этом столкновении «Ты» проявляет свою личность, свои качества, свою волю. «Ты» не может быть созерцаемо с умственной отрешенностью, оно переживаемо как жизнь, встретившаяся с другой жизнью; оно вовлекает все существо человека в двусторонние взаимоотношения» [7, 25-27]. Такая экспликация мироотношения человека традиционной народной культуры в терминах современной философии культуры имеет особую ценность, поскольку позволяет подняться над тривиальными тезисами о том, что человек этой культуры «воспринимал мир как живой организм», каждое из явлений которого было исполнено скрытым смыслом («мир как текст»). Это действительно так, однако следует анализировать и экзистенциальный коррелят такого мироотношения. И таким коррелятом является своего рода тотальное «Ты-сознание», следствием которого становится тотализация нравственных отношений, распространяемых на все сущее – та тотализация «принципа ответственности», о которой в наше время пишет немецкий философ Г. Йонас. Однако в традиционной

народной культуре, кроме того, «принцип ответственности» находится в органическом единстве с «принципом доверия».

Отсюда возникает и другая важнейшая характерная особенность традиционной народной культуры – максимальная персонализация всего окружающего. В традиционной народной культуре и сам дом, и все, что в нем есть – окна, дверь, печь, стол, посуда, – участники бесконечного драматического действия, «актеры», которые имеют свой голос, свое лицо, свой характер, то есть являются на самом деле особыми живыми существами, способными к полноценному диалогу с человеком. Разумеется, наделяет окружающие предметы «душой» сам человек, но следует задуматься: удовлетворяя какую потребность он это делает? Потребность эта – ощутить себя живым в живом мире. Постигая родственные своей жизни разные формы жизни вокруг, человек народной культуры сознает и себя как живое существо, и свое место во Вселенной (причем это осознание не является продуктом абстрактных рассуждений, не непосредственно «вплетено» в повседневную жизненную практику как ее смысложизненная подоснова).

Как известно, символическое значение объекта в значительной степени может быть выведено из его непосредственно наблюдаемых качеств (или, по крайней мере, соотнесено с ними), как они представлены в наивной «натурфилософской» картине мира [1, 272-273]. Например, вода обладает целым рядом эмпирически засвидетельствованных свойств, с которыми явно связаны ее символические признаки. Она аморфная, бесструктурная, вездесущая и всепроникающая (окружает сушу со всех сторон, проступает из-под земли, льется с неба). Отсюда – представление о воде как о стихии хаоса, в том числе первозданного; о «мировом океане», со всех сторон обволакивающем космос. Тем не менее, этот естественный символизм вовсе не возникает естественным образом – он является результатом развития своеобразного «Ты-сознания» традиционного человека, наделяющего все сущее качеством глубочайшей субъектности, уходящей корнями в таинственную подоснову всего бытия.

Обычно считается, что традиционная культура уже по самому ее определению – это культура, «обращенная в прошлое». Однако понимание ее экзистенциальных оснований позволяет утверждать, что она не в меньшей степени является, как это ни парадоксально на первый взгляд, и «футуристической» в своей основе. Человек этой культуры со-существует сразу в трех временных измерениях – настоящем, прошлом и будущем. Причем будущее в ней переживается не менее реально, чем современность, оно было «здесь-бытием» для носителя данной культуры, поскольку обнаруживалось не только в мысли, а и в ритуальном действии, цель которого – предотвратить плохое и predisположить судьбу. Впрочем, в отличие от «прогрессизма» современной цивилизации здесь само будущее понимается принципиально иначе. Оно не связано с изменением *внешних* человеку устоев жизни, но является усилием, направленным *вовнутрь*, – это установление своей душевно-

духовной и практической жизни в соответствие с законами Мировпорядка.

Этот «хронотопический» параллелизм бытия человека традиционной народной культуры дополнялся существующим в его сознании стойким параллелизмом свойств вещей и качеств характера или судьбы человека. Что заставляло крестьянина мыслить аналогиями, искать эти аналогии, придавать им такое большое значение, строить на них свои обычаи? Объяснение напрашивается такое: эти аналогии взыскивали впечатления определенной логики схваченной взаимосвязи событий сегодняшних и грядущих, делали понятными истоки человеческой судьбы, давали успокоительную уверенность во владении тайной причинно-следственной связи всего со всем в этом мире. Поэтому тотальный символизм мышления, присущий даже самому «темному» крестьянину (а традиционная культура вообще суперсимволична), был прежде всего не средством «поэтического» видения мира (что, однако, не отрицает и его глубокой эстетичности), а прежде всего выполнял утилитарную (а также психотерапевтическую) функцию.

Исходные «сверхсимволы» народной культуры: Жизнь и Смерть, Бытие и Небытие – и две больших загадки Природы, и два полюса, к которым в равной степени тяготеет человеческое существование. Традиционная культура живет под знаком «Memento mori!» Человек этой культуры ощущает «тот» мир не менее реальным, чем «этот». И дело не только и даже не столько в «религиозных взглядах» якобы «темных» крестьян. Дело в том, что человек традиционного общества умеет жить в вечности. Он хорошо сознает, кто он и откуда, куда пойдет и кого и что оставит на этом мире. Поэтому культ предков – закономерное явление народной культуры, которое берет свое начало из самой глубокой архаики. Уважая предков, человек убеждался в собственной неслучайности на этой земле. А это ощущение давало силу и мужество преодолеть любое бедствие. Народная культура более чем всякая другая культура учит человека умирать. Учит воспринимать всерьез, мужественно и мудро собственную неминуемую смерть, а тем самым и жизнь, которая предшествует смерти как ее фактическая «прелюдия». Поэтому человеку этой культуры не нужно утонченности М. Монтеня для рассуждений о том, что высшее предназначение человеческого разума – «учиться умирать», но сама повседневная жизнь заставляет его, не успокаиваясь, снова и снова ставить вопросы о смысле человеческого бытия. Традиционная народная культура проникнута идеей ответственности человека перед Богом, перед обществом (в частности, перед предками и потомками), а главное – самого человека перед самим собой за то, что ты сделал с собственной душой, кому, в конце концов, отдал ее – Богу или Дьяволу?

С другой стороны, традиционная народная культура принципиально «экстравертна». Для носителя этой культуры родовые ценности преобладают над индивидуальными. Все, что связано с родом, приобретает сакральный характер. «Хоть по шею в воду, но к родному

роду», – говорили раньше у нас на Слобожанщине. Род требовал подчинения индивида своим целям и интересам, но последний, как правило, не ощущал это как бремя, а если и ощущал, глубоко понимал правомерность требований семьи. «Жизненный мир» родового бытия, к сожалению, обычно очень искаженно понимается в современной культурологии, основанной на стереотипах мировосприятия современного индивидуализма и формализации человеческих отношений. В действительности же «погруженность» в родовое бытие как раз актуализирует самые яркие проявления человеческой индивидуальности – не только в силу особой открытости и теплоты отношений, но и в силу общего диалектического принципа, в соответствии с которым индивидуальное мощнее всего проявляется именно «в лоне» всеобщего. Опыт русской «деревенской» прозы и аналогичных ей явлений показывает это с предельной убедительностью.

Общественная санкция, человеческое «добро» – условие согласования интересов личности с традициями рода. Но также человек традиционной народной культуры стремится получить и санкцию всех «мировых» сил, их «добро» в ответственные моменты жизни. Отсюда повышенная семиотичность окружающего мира для человека этой культуры. Нейтральных, «немых» предметов или явлений народная культура не знает. Любая вещь или событие а priori является знаком (хотя сама знаковость всегда амбивалентна – она может быть противоположной в разных местностях даже одного региона). Так или иначе, весь мир опосредованно или непосредственно оказывается втянутым в решения человеком своих личных проблем. Выражение «весь мир» – в данном случае не преувеличение и не гипербола. В особенности это ощущается в заговорах. Так, один из заговоров от зубной боли начинается обращением к «трех братьям»: «Яр в поле, камень в море, а месяц на небе...» В отличие от претензии современного человека «овладеть» природой, человек традиционной народной культуры стремится к другому – найти *свое законное место* в Универсуме. Это место, как видим, вовсе не мизерное, а если вдуматься, свидетельствует о подлинном, а не иллюзорном *величии человека*, имеющего здесь статус совершенно особого существа, связывающего в себе все силы и смыслы мирового бытия и Сверхбытия. И традиционная народная культура в целом, как никакая другая, обращена к первоначалам бытия ежеминутно, на уровне первичного мироощущения.

В «интенциональном» отношении народная культура продуцирует самое мощное человеческое Желание – «сверхжелание» Жизни в ее абсолютном, метафизическом смысле, обеспечивая мощную идентичность «Я» и «Мы» в тотальности родового и мирового бытия. (В отличие от нее посттрадиционные культуры продуцируют лишь множество «желаний», бесконечно их умножая и «измельчая», но постепенно «размывая» и проблематизируя Желание как таковое). «Внутри» народной культуры человек реально ощущает себя полноправным властителем Универсума, – последний разворачивается как внутреннее пространство его бытия и сознания,

а само сознание становится завершенным – *миро-объемлющим*, а деятельность – *миро-образующей*. (Тем самым, следует понимать, что современные представления о традиционном человеке как якобы живущем в «бессилии» и постоянном «страхе» перед силами природы – это мифологема современного человека, плод совершенно иного мировоззренческого сознания.)

Человеческая жизнедеятельность всегда требует универсализации разных форм опыта на основе причастности к абсолютным (или же, в худшем варианте – хотя бы искусственно абсолютизируемым) ценностям, которые определяют целостность «жизненного мира» личности. Поэтому *за любым разнообразием культурных «образов мира» и форм их опредмечивания, a priori должна существовать определенная протоструктура человеческой целостности, которая включает в себя универсальный сюжет воспроизведения Жизни и победы над смертью*. Этот своего рода «основной миф культуры» (В.Ф. Петров-Стромский) является универсальной внутренней формой человеческого мироотношения, наиболее непосредственно воплощаясь в традиционной культуре и опосредствованно – в посттрадиционной. Его универсальное содержание, независимое от конкретной культурной формы, в которой он может быть «закодированным», может быть представлено определенной схемой. Первой частью «сюжета» в этой схеме будет священная история о том, каким образом все возникло; об этом рассказывает космогонический миф, который символически разыгрывается в «главном» ритуале. Вторая часть схемы (и второй, производный тип ритуальных действий) представляет собою «вечное повторение подобного» – ее развертывание в пространстве и времени человеческой практики. Ритуал, таким образом, дает «абсолютное» понимание сути и смысла мироздания, и благодаря этому выполняет функцию глубинного смыслового структурирования сознания людей. Предложенная схема может иметь более развернутый вид, включая в себя еще также и третье звено, связанное с концом мира и конечной судьбой человека. С другой стороны, общая схема может быть свернутой к простейшему и самому абстрактному виду: Космос (первоначальная гармония) – Хаос (смерть) – Жертва (творческое действие) – Космос (возрождение).

Преимущество в передаче «основного мифа культуры» от народной культуры к современным типам культуротворчества исследована явно недостаточно, хотя можно указать и ряд блестящих примеров этого. В частности, на примере становления жанров художественной литературы это было сделано в исследованиях О.М. Фрейденберг. Как отмечает автор, «в первобытной семантике мы вскрываем прежде всего картину мировой жизни, того, что происходит вокруг днем и ночью, на земле и в обществе, под землей и на небе. Эта метафорическая картина остается единой, и она же осмысляет и komponует обряд, бытовой обычай, вещь, действие, слово. Именно оттого, что слово осмысляется вариантно общему потоку жизни, создается сюжет и рассказ... То, что сюжет рассказывает своей композицией, то, что рассказывает о себе герой сюжета,

есть «автобиография природы», рождающейся в борьбе, страдающей и терпящей смерть, чтоб возродиться снова» [8, 298-299].

Универсальный сюжет воспроизведения Жизни и победы над смертью (хаосом) в «скрытой» форме содержится и в других сферах посттрадиционной культуры (в частности, например, в научной картине мира). Но на более поздних этапах развития цивилизации, когда непосредственное, то есть «ритуальное» в узком смысле слова, воспроизведение «основного мифа» исчезает, возникает эффект отчуждения от первоначальной осмысленности мира, замещаемой здесь формами социальной и технологической целерациональности.

Особой формой «превращенного» воспроизведения «родового» принципа народной культуры является национальная идентичность, которая представляет собой конвенциональную конструкцию, продукт коллективного представления, которое формируется с помощью разного рода дискурсивных практик. Национальную идентичность можно рассматривать как форму «нарратива» и «перформанса», то есть системно создаваемого коллективного рассказывания – представления о себе и «других». Социально-родовая общность и определяющие события ее исторического бытия разворачиваются здесь в особый дискурс «космогонического» типа, который воссоздает модель архаического мифа и его основные элементы (противостояние сил света и тьмы, первособытия, культурные герои, эсхатологические мотивы). В свою очередь, конstellации современных текстов из разных сфер культуры, современного политического дискурса, «языка рынка» и СМИ формируют современную «оболочку» национального мифа, за которой скрыты его базовые, архаические структуры. Дискурс национальной идентичности структурирован как своеобразная «псевдоморфоза» (О.Шпенглер), в которой «нация» принимает на себя субъектность бывшего родового и конфессионального сообществ.

Однако, и национальная идентичность, поглотив идентичности родо-племенную и конфессиональную, постепенно остается без внешних «источников» своей энергии и своего воспроизведения. Поэтому со временем в глобализованном мире развивается радикальный тип денационализации – так называемый «номадический» (Ж. Аттали) тип человека, «нового кочевника», избирающего себе место проживания исключительно из экономических и других сугубо прагматических соображений, абсолютно независимо от своего национального происхождения. С другой стороны, естественной протест против глобализации и «номадизма» часто имеет выражение в радикальных национальных движениях, в которых идея нации сакрализуется *de facto*, становясь для их участников высшей экзистенциальной ценностью.

Впрочем, трудно не заметить, что такая инверсия с самого начала была заложена в идее нации и феномене национальной идентичности. Исторически национальная идентичность была основана на интенции принять на себя функции как сакральности языческого типа (святенность рода), так и сакральности христианско-

го сообщества. Идея суверенности «нации» формирует так называемую «гражданскую религию», в соответствии с которой, например, за Народ-Родину человек обязан умереть, защищая ее на войне, – а если он будет уклоняться от этого «священного долга», то будет наказан по закону, но именно «именем народа». Здесь, как и всегда в культуре, ритуал смерти конкретно очерчивает сферу того, что *de facto* сакрализуется.

В свою очередь, «номадический» человек глобального мира, желая окончательно освободиться от обязанностей перед любым «народом» как таковым, апеллирует к «человечеству», «правам человека», создавая учреждения, которые их непосредственно репрезентируют и защищают.

Но если человек ужасается экзистенциальной пустоте «номадизма» и ищет «укорененности», ему остается апеллировать к «народности». Но «народы» существуют лишь в мире, в котором реально существует сакральное в конкретном человеческом опыте. Поэтому современный модус «народности», утрачивая свои архаические элементы, ныне прежде всего становится путем к воспроизведению аутентичного опыта, сакрального в рамках религиозных традиций, которые уже всегда будут сохранять исторически приобретенные национальные признаки.

Особый интерес представляет собой также и взаимодействие экзистенциального опыта человека традиционной народной культуры с опытом человека современной техногенной цивилизации, особенно в форме внутриличностного конфликта. Интересным материалом для исследования этой темы являются, например, воспоминания-самоанализ П.А. Флоренского. В своих воспоминаниях о. Павел свидетельствует, что в нем изначально таился особый, самый глубинный опыт мировосприятия, которое не могло найти адекватной формы выражения в науке: «Факты и фикции науки были для меня гораздо менее естественны, нежели мистическая фауна сказок... Глубоко затаилось в душе восприятие мира как живого и духовного... Этому не было места в области мысли, научное приличие требовало, чтобы об этом не говорилось, с этим не считались и относились как к несуществующему. Но оно не переставало существовать и ушло в подполье. В душевной жизни моей образовалась трещина, начало возникать раздвоение, трещина стала шириться и впоследствии привела к большому кризису» [6, 223-224].

О. Павел Флоренский не отрицает именно научной значимости своего первичного, «детского» опыта мировосприятия, отмечая, что он как раз оказался более близким образу неклассической науки XX столетия, чем те сугубо научные знания, которые он жадно усваивал в юности. В личности о. Павла особо ярким образом на экзистенциальном уровне проявилось столкновение двух типов мировосприятия, в основе которого было несоответствие рациональной

схемы мироздания, создаваемой наукой, первичному бытийному опыту и поиск нового образа истины, отвечающего высшим требованиям человеческого духа (личностность, вечность и абсолютность). «В своем сказочном миропонимании, – отмечал о. Павел, – находил я совсем иные представления о пространстве и времени и совсем иные предпосылки о строении мира. Конечно, словесно я владел нехитрой механикой возрожденской механики и мог рассуждать пред другими с безукоризненной механической ортодоксальностью... Под защитным покровом приятных научных понятий во мне жили, не вполне выраженные и до сих пор, иные понятия. Но я был настолько одинок в них, что не решился бы высказаться, да и, вероятно, не нашел бы соответственных слов. Когда в первом году XX века появились первые сведения об опытах, если не ошибаюсь, Кауфмана, установившего в катодных лучах существование добавочной электромагнитной массы, зависящей от скорости, они блеснули мне чем-то давно знакомым, именно их ожидал я. Дальнейшее развитие этого рода понятий повело к принципу относительности, который был принят мною вовсе не по долгому обсуждению, и даже без изучения, а просто потому, что было слабою попыткой облечь в понятие иное понимание мира. Общий принцип относительности есть в некоторой степени обрубленная и упрощенная моя сказка о мире. Но брешь в механике пробита, и теперь открыты выходы и к моим заветным стремлениям» [6, 268]. Данное свидетельство весьма важно не только как свидетельство личного опыта, но и для понимания социокультурных предпосылок «образа мира» народной культуры в современных условиях. Оно указывает на тот факт, что на уровне первичного нерасчлененного, неразвернутого, «детского» опыта мировосприятия, действительно, наличествуют потенциальные возможности формирования самых различных «картин мира», которые затем могут быть актуализированы и использованы в рамках тех или иных научных парадигм.

В качестве обобщения рассмотренной проблематики можно тезисно сформулировать следующие выводы: 1) традиционная народная культура как экзистенциальный феномен определяется доминантой «Ты-сознания» и органическим единством принципов доверия и ответственности; 2) человек народной культуры ощущает себя полноправным властителем Универсума, – последний разворачивается как внутреннее пространство его бытия и сознания, а само сознание становится завершенным – миро-объемлющим, а деятельность – миро-образующей; 3) во взаимодействии экзистенциального опыта человека традиционной народной культуры (хотя бы в форме «детского мировосприятия») с опытом человека современной техногенной цивилизации коренится неисчерпаемый источник мировоззренческой рефлексии и построения «картин мира» в различных сферах познания и творчества.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Сб. научных статей. Вып. 35. М.: Наука, 1997. С. 263-275.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 512 с.
4. Новик Е.С. Архаические верования в свете межличностной коммуникации // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сборник статей памяти С.А.Токарева. М.: Наука, 1994. С. 110-163.
5. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 236 с.
6. Флоренский П. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М.: Изд. АСТ, 2004. 374 с.
7. Франкфорт Г., Франкфорт Г.А. Миф и реальность // Г. Франкфорт, Г.А. Франкфорт, Дж Уилсон, Т. Якобсен. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М.: Наука, 1984. С. 18-31.
8. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

References

1. Апресян Ю.Д. Deixis in lexis and grammar and naive model of world. In.: Semiotic and informatics. Coll. of papers. 35 issue. Moscow, 1997. pp. 263-275.
2. Bakhtin M.M. Creative work of Francois Rabelais and folk's culture of Middle Ages and Renaissance. Moscow, 1990. 543 p.
3. Meletinsky E.M. Poetics of Mythos. Moscow, 1976. 512 p.
4. Novik E.S. Archaic beliefs in the light of intersubjective communication. In: Historical and ethnography researches of folklore. Coll. of papers in memory of A.S.Tokarev. Moscow, 1994. pp. 110-163.
5. Sagalaev A.M., Otkrybskaja I.V. Traditional worldview of tiurcs of South Asia. Sign and Ritual. Novosibirsk, 1990. 236 p.
6. Florenskiy P. For my children. Remembers of past days. Moscow, 2004. 374 p.
7. Frankfort G., Frankfort G.A. Mythos and Reality. In.: Frankfort G., Frankfort G.A., Wilson G., Jacobsen T. On a threshold of philosophy. Spiritual searches of archaic man. Moscow, 1984. pp. 18-31.
8. Frejdenberg O.M. Poetics of topic and genre. Moscow, 1997. 448 p.

УДК 1(091)МАМАРДАШВИЛИ М.К.

UDC 1(091)MAMARDASHVILI M.K.

И.А. ИНЮШИНА

аспирант кафедры логики, философии и методологии
науки Орловского государственного университета
E-mail: esche.iggdrasil@gmail.com

I.A. INYUSHINA

postgraduate student of logic, philosophy and methodology
of science, Orel State University
E-mail: esche.iggdrasil@gmail.com

ВЛИЯНИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЗНАНИЯ НА ФИЛОСОФСКИЙ СТИЛЬ ПОЗДНЕГО М. К. МАМАРДАШВИЛИ

**THE INFLUENCE OF THE PHILOSOPHICAL CONCEPT OF CONSCIOUSNESS TO STYLE
OF LATE M.K. MAMARDASHVILI**

В статье рассматривается стиль философствования М.К. Мамардашвили позднего периода творчества. Осуществлена попытка показать взаимосвязь философского стиля и процесса формирования концепции сознания М.К. Мамардашвили прежде всего с помощью таких векторных понятий, как «философский опыт», «неклассическая онтология», «собранный субъект», «апофатический философский жест», «реальная философия».

Ключевые слова: философский стиль, сознание, неклассическая онтология, «собранный» субъект, философский опыт, создание речевого пространства.

The article deals with the style of philosophizing M. Mamardashvili's late works. There is attempt to show the relationship of philosophical style and formation of M.K. Mamardashvili's concept of consciousness, and primarily with such vector concepts as «philosophical experience», «non-classical ontology», «self-collected subject», «apophatic philosophical gesture», «real philosophy».

Keywords: philosophical style, consciousness, non-classical ontology, self-collected subject, philosophical experience, the creation of the speech area.

Рассмотрение особенностей стиля философствования, условий, в которых он формируется, безусловно, является важным для анализа совокупности идей в творчестве любого мыслителя. Фигура М.К. Мамардашвили представляется особенно интересной потому, что его философия не осталась в рамках теории, а стала образом жизни, говорением о действительности, и что более всего важно – философский стиль оказался тесно взаимосвязан с концептуальным развитием идей о сознании. В данной статье осуществлена попытка осветить влияние философских идей грузинского мыслителя на способ их выражения, то есть на манеру философствования позднего этапа творчества. Если разделить деятельность М. К. Мамардашвили на два периода, философ-пишущий и философ-говорящий, то это влияние наиболее ярко прослеживается именно на последнем этапе творчества.

Поздним периодом творчества М.К. Мамардашвили можно считать его работы, лекции и интервью конца 70-х – 90-х гг. Если сделать обзор творчества философа данного периода, то можно заметить, что это в основном курсы лекций, многие из которых получили свою текстовую форму благодаря расшифровкам аудиозаписей: «Введение в философию» и «Очерк современной европейской философии» (1978-1980 гг.), «Лекции по античной философии» (1980 г.), «Вильнюсские лекции по социальной философии (опыт физической метафизики)» (1981 г.), «Лекции о Прусте» (1982 и 1984 гг.), лекции по философии Декарта и Канта, изданные после смерти автора как «Картезианские размышления» и «Кантианские вариации» (1981-1982 гг.). Работа М.К. Мамардашвили «Классический и неклассический идеалы рациональности» (1984 г.) в основе своей имеет курс лекций «Аналитика познавательных форм и онтология сознания», прочитанных в мае 1980 г. в Латвийском государственном университете. Не менее интересным представляется создание работы «Символ и сознание», впервые опубликованной в 1982 г. – она является результатом совместных размышлений и бесед М.К. Мамардашвили с А.М. Пятигорским; в основе лежит более ранняя работа «Три беседы о метатеории сознания» (1971 г.). Многие тексты, которыми мы сейчас располагаем, – это доклады, выступления, интервью с 1984 г. по 1990 г. Приоритет в вербализации идей на данном этапе действительно принадлежит устным формам речи, а большинство текстов являются вторичными источниками, зачастую не отредактированными автором. Принимая во внимание это обстоятельство, Д. Ренье, В.П. Визгин, вслед за Ж.-П. Вернаном, называют М.К. Мамардашвили «грузинским Сократом» [3,4,13]. В.П. Визгин подчеркивает, что «с Сократом его роднит преданность стихии мыслящей речи. Именно речи, а не письма. Беседы, а не трактата» [4, с. 17].

Философии М.К. Мамардашвили свойственна чувственно воплощенная мысль, развивающаяся в чувственно-эстетическом плане бытия. Его лекции – это импровизации на заданную тему, а сам он художник-философ. В. П. Визгин называет «пластичным» наполненный метафорами язык М.К. Мамардашвили. Здесь

интересно было бы вспомнить о значении пластики в греческой культуре, которую отмечал А.Ф. Лосев, тем более, что сам В.П. Визгин обращает внимание на поэтичность философии грузинского Сократа, основываясь на греческом значении слова «поэзия»: «Можно, видимо, сказать, что Мераб Мамардашвили дает нам поэтическую версию философии, т.е. философии живой, личной, современной и вечной одновременно» [4, с. 27]. Философская мысль вдохновляется настоящим моментом, является в самый миг своего возникновения. «Лекции о Прусте», прочитанные М.К. Мамардашвили в 1984 г., служат достаточной иллюстрацией к правомерности проведения параллелей между древнегреческим и грузинским философами. Эти лекции менее всего являются подготовленным текстом. Прежде всего – это беседы о Прусте, создание речевого пространства, вовлечение слушателей в образы романа с помощью метафоры, это мышление о настоящем, диалог с Прустом. Диалогизм как одну из основных черт стиля философствования позднего периода творчества М.К. Мамардашвили подчеркивают А.В. Ахутин и Е.В. Ознобкина [1,12].

«Лекции о Прусте» – это не просто беседа, но философское событие, существующее благодаря усилию мыслителя все время возвращать себя в интуицию начала философствования, где работают первичные условия возможности события мысли. Е.В. Ознобкина называет этот метод позднего М.К. Мамардашвили «апофатическим философским жестом» [12, с. 37]. Подобный «жест» может быть естественным только в условиях речевого пространства. Такая форма философствования, когда философская позиция не просто вербализуется в текстах и выступлениях, но именно проживается, характерна для позднего периода творчества М.К. Мамардашвили, имеющего феноменологическую направленность и экзистенциально-персоналистическую установку. Философия Мамардашвили этого этапа – это то, суть чего Мераб Константинович закрепил понятием «реальная философия» [7, с. 9]. Реальная философская рефлексия возможна только через индивидуальные акты сознания, через работу над впечатлениями, в тот момент, когда определенное состояние сознания субъекта можно охарактеризовать как философствование. «Реальной философии» нельзя научить, так как возможность ее существования есть результат жизненных исканий: «Сначала – только из собственного опыта, до и независимо от каких-либо уже существующих слов, готовых задачек и указывающих стрелок мыслей – в нас должны естественным и невербальным образом родиться определенного рода вопросы и состояния» [7, с. 11]. Следовательно, воспринимать уже существующие философские идеи можно только как похожие или непохожие модели мировосприятия. Рассмотрение той или иной философской концепции при этом не сводится к интерпретации или одному из возможных описаний мира. Данный процесс вернее охарактеризовать как работу сознания, «испытание на себе философии ..., ибо понять – значит сделать понимаемое собственной возможностью» [6, с. 269].

Собственный философский опыт М.К. Мамардашвили, благодаря которому он выстраивает концепцию сознания, необходимо понимать как неклассический, основанный на принципе необратимости сознания, выражающемся в индивидуации внутренних актов. Именно на основе своего философского опыта, в рамках собственной философии сознания М.К. Мамардашвили трактует творчество К. Маркса, И. Канта, Р. Декарта, М. Пруста, Г. Гегеля, античную и современную для него западную философию. Для того чтобы данный тезис был корректным в условиях разделения творчества М.К. Мамардашвили на устный и письменный период и принятием во внимание того, что не все работы о вышеуказанных философах принадлежат к позднему периоду творчества, необходимо отметить, что уже в работах 60-х годов М.К. Мамардашвили начинает выстраивать неклассическую онтологию. В работах академического периода К. Маркс, например, трактуется М.К. Мамардашвили феноменологически [4, с.30]. В середине 70-х годов опыт неклассической онтологии на этапе своего формирования сосредотачивается в «Стреле познания» и в Рижских лекциях 1979 г. И только о творчестве 80-х -90-х гг. можно с некоторым правом говорить как об установившемся неклассическом мышлении. Говоря о данной эволюции, современный болгарский философ Деян Деянов отмечает, что не было резкого поворота от Мамардашвили пишущего к Мамардашвили говорящему, прежде всего потому, что аналитические инструменты, используемые М.К. Мамардашвили в 80-х гг., идентичны тем, которые были разработаны им в 1970-х, а общий идейный план непрерывно выстроен на базе формирования неклассической онтологии на протяжении всего творчества [5, с. 371]. По мнению Д. Деянова, 70-е гг. – это письменный период, а не устный, как об этом пишут Э. Соловьев, В. Подорога, Н.В. Мотрошилова, В.П. Визгин, Е.В. Ознобкина, А.В. Ахутин и др. Деяновым оспаривается значимость экзистенциальной сотериологии в понимании философского творчества М.К. Мамардашвили, приоритет отдается неклассической онтологии ума, отталкивающейся от современной ситуации. При этом современная ситуация для М.К. Мамардашвили – это ситуация на данный момент, и философия любого мыслителя – это философия на данный момент. Разумеется, нельзя признать, что К. Маркс или Г. Гегель конца 60-х гг. и Р. Декарт или М. Пруст 80-х гг. рассматриваются М.К. Мамардашвили полностью аналогично с точки зрения применения собственной концепции сознания. Стремление философа встроить «классическое в неклассический опыт», соотнося эти два понятия не в контексте смены эпох или культур, а в контексте способов мышления и современной ситуации действительно характерно в большей степени для позднего М.К. Мамардашвили как говорящего философа. Данную тенденцию можно проиллюстрировать на примере экстраполяции некоторых аспектов концепции сознания М.К. Мамардашвили на трактовку философии Р. Декарта.

М.К. Мамардашвили доказывает неклассичность

мышления Р. Декарта, одновременно выявляя то, что принято считать классическим в философии картезианства. Установив ориентиры для анализа, М.К. Мамардашвили философствует по поводу того, что интересует его самого, переживает философские идеи Р. Декарта через опыт личного вопрошания. В связи с этим, предметом рассуждений становится основной для Картезия принцип *cogito*. Ценным является то, что М.К. Мамардашвили, описывая данный принцип с помощью философской техники собственного учения, указал и существенные отличия декартовской конструкции, которые должны были в любом случае присутствовать, так как порождены опытом Декарта, а не опытом М.К. Мамардашвили. Личностный опыт философа М.К. Мамардашвили особенно отметил, подчеркнув своеобразие жизненных обстоятельств Р. Декарта, сделавших его таким, каким он стал: «Говоря об экзистенциальном облике Декарта, можно сказать, что его тексты представляют собой не просто изложение его идей или добытых знаний. Они выражают реальный медитативный опыт автора, проделанный им с абсолютным ощущением, что на кон поставлена жизнь и что она зависит от разрешения движения его мысли и духовных состояний, метафизического томления» [8, с. 508].

Именно поэтому, по мнению М.К. Мамардашвили, смысл настоящего у Р. Декарта метафизичен и выражается с помощью акцентуации словом «теперь» («теперь, когда [я] мыслю», «теперь, когда говорю»). Н.В. Мотрошилова отмечает, что у Мамардашвили разъяснение употребления «теперь» приобретает теологический (непрерывность творения), личностно-смысло-жизненный и онто-гносеологический характер [11]. Как отмечалось выше, моменту настоящего М.К. Мамардашвили придает огромное значение. В этом аспекте можно увидеть некоторую аналогию между установкой *cogito* и моделью опыта просыпания, предложенной М.К. Мамардашвили в лекциях о М. Прусте, помогающей понять момент, отделяющий «неживое» состояние сознания от акта живого восприятия, когда сознание собирается в точке идентификации: «Весь наш опыт сознания моделирован опытом просыпания. ... Какие есть основания для того, что, проснувшись, я хватаю самого себя, и это – Я?» [9]. Принцип *cogito* изображен как феноменологическая редукция, «которая обращена и к окружающему природному, социальному, культурному миру, и к самому философствующему, медитирующему субъекту» [11]. Сознание воспринимает мир не в последовательности восприятия объектов мира, последовательной данности «внешнего» «внутреннему», а через вечное настоящее, не рассматривая актуальным то, что могло быть дано до акта *cogito*. Восстанавливая в памяти ситуацию просыпания у М.К. Мамардашвили, мы видим, что идентификация субъекта является результатом феноменологической редукции, отбрасывающей то, что стало знанием для сознания до того момента, как оно проснулось, восприняло новые образы, совершило усилие во времени. М.К. Мамардашвили говорит о необходимости преодоления естественной установки, называя ее смертельной болезнью: «Что это – смертельная болезнь? Знание, предварительное знание. В том

числе мое уверенное знание о самом себе: каков я, что мне надо, в каких условиях и как я могу себя уважать. И каков должен быть мир, в котором я мог бы достойно жить, в котором выполнялся бы мой образ. Потому что мир должен функционировать так, чтобы в нем могло жить такое «я», которое я мог бы уважать» [9]. В отличие от декартовского, опыт М.К. Мамардашвили неклассичен, так как жизнь сознания осуществляется прерывно. Только наличие индивидуальных актов, индивидуальных впечатлений обуславливает жизнь сознания, напротив, в сфере общих актов, или Логоса, сознания нет, есть мертвый дубль. Получать интенсивный опыт непрерывно невозможно, так как для этого нужны огромные усилия. Поэтому, утверждал М.К. Мамардашвили, человек нуждается в флиртных разговорах, и они, в свою очередь, являются свидетельством того, что было пережито нечто необыкновенное, достигнута полнота бытия. У Р. Декарта восприятие дополняется иным источником, помимо того, что мы воспринимаем – «врожденными идеями». Они дают основание непрерывности, заключающейся в наличии «действующей причины». Действующая причина проявляется в действии, происходящем в настоящий момент так, что рождающее не предшествует тому, что рождается. Для М.К. Мамардашвили сущность «действующей причины» заключается в том, что действие берется как готовое в смысле естественной установки, и до определения индивидуальных смыслов «действующая причина» дана в потенциальной бесконечности. В акте *cogito*, при отказе от естественной установки, не происходит удвоения бытия: нам врожденно знание о Боге, но его бытие не удваивается потому, что Бог там, где действующий из «внутреннего» человек. Поэтому Бог не является причиной существования человека, но фактом, его сохраняющим. Онтология Р. Декарта, по мнению М.К. Мамардашвили, основывается на взаимодействии триады таких структур, как: свободное творение мира Богом; воспроизводство и дление его, опосредованное пониманием бытия, которое не предполагает «выхода» к наглядности самого творения; понимание объектов мира как символов человеческих сознательных усилий. Синтез данных структур осуществляется сознанием, которое необратимо, так как наблюдатель и наблюдаемое совпадают. Сознание непрерывно участвует в бытии, через это участие оно случается как бытие. Именно необратимость сознания субъекта вводит фигуру Декарта в неклассический опыт.

Для М.К. Мамардашвили в картезианском принципе *cogito* мысль и существование едины. Более того, бытие у Р. Декарта, как и у М.К. Мамардашвили, выступает как действие, форма субъекта, которого последний называет «собранным». Вся совокупность философских построений Р. Декарта является результатом воспитания себя, а не обучения других, является философствованием о бытии, самобытии и самосозидании. Так же можно говорить и в отношении философии М.К. Мамардашвили.

М.К. Мамардашвили воплощает «собранный» субъект собственной концепции сознания, философствую-

щий и переживающий момент философствования и восприятия объекта рефлексии только в настоящем. М.К. Мамардашвили постоянно совершает «усилие во времени» (о котором пишет в поздних работах, как о необходимом для жизни сознания), то есть постоянную внутреннюю работу, требующую сил для того, чтобы констатировать, что следующий момент времени не будет упущен, так же как и настоящий. Это усилие является самоценным. Сознание должно быть направлено на усилие всегда, только так субъект признается живым. Характеризуя сущность жизни, М. К. Мамардашвили отмечает наличие невыразимого в ее определении. По его мнению, жить – значит «найти себя живым», то есть почувствовать, ощутить себя живым в культуре, мысли, духе, а не просто физически [9]. Реализация данного (и единственного) смысла жизни, по М.К. Мамардашвили, заключается в получении позитивного опыта через реализацию индивидуального впечатления. Как отмечает философ, надо иметь на это мужество, быть взрослым, не потерять себя в обстоятельствах и не поддаться искушению фактами. Собранный субъект, его идентичность не должна распадаться, иначе актуализируется самая большая опасность для человека – опасность «перестать быть в мире с самим собой, перестать уважать себя» [9].

Проблему сохранения целостности идентичности несмотря на меняющуюся социальную или, например, культурную ситуацию, по мнению М.К. Мамардашвили, можно решить, прежде всего, следуя соответствию языка и живой действительности. Язык должен выражать духовное состояние человека, «а духовное состояние – это всегда то, что является продуктом какой-то работы и самосознания» [10, с.168]. Если принимать язык таким, каким он становится под влиянием идеологических и социальных ловушек, то реальность отменяется и субъект выпадает из мыслительной традиции. Тоталитарные структуры сознания вынуждают отрицать индивидуальные начала культуры и бытия. Язык становится новоречью, представляет собой «двоемыслие», реальность становится тенью, призраком, по словам М.К. Мамардашвили [10, с. 167]. Взаимоотношение языка и идеологии у Мамардашвили в данной ситуации напоминает идею Р. Барта о возникновении мифа как семиологической системы, когда системы естественного и вторичного языка смещены по отношению друг к другу таким образом, что знаки естественного языка как совокупность означающего и означаемого поступают в распоряжение мифа (вторичного языка, метаязыка, на котором говорят о первичном – естественном языке). Миф, как бы паразитируя на знаках естественного языка, создает свою совокупность означаемого и означающего: «Миф представляет собой особую систему в том отношении, что он создается на основе уже ранее существовавшей семиологической цепочки: это вторичная семиологическая система» [2, с. 271]. В интервью «Философия действительности» М.К. Мамардашвили говорит о новом антропологическом типе советского времени, отказавшемся от чувства реальности и под влиянием идеологии строящем фразы с помощью шаблонных слов («советский солдат», «защитник родины») [10, с.174]. Возможно, по этой при-

чине язык М.К. Мамардашвили, как инакомыслящего философа, насыщен метафорами и не содержит устоявшихся академизмов.

Таким образом, философский стиль позднего М.К. Мамардашвили – это результат реализации в жизни и мышлении концепции сознания, ставшей мировоззрением для ее автора. Философский стиль позднего М.К. Мамардашвили складывается на основе живой рефлексии, ощущения настоящего момента, но эта тенденция присутствует, так или иначе, и на раннем этапе творчества философа в рамках процесса формирования концепции сознания. Однако реализуется она по-настоящему только в неклассической онтологии поздней философии грузинского философа, позволившей реализовать теоретические концепты философии сознания в повседневной и творческой деятельности.

Можно сказать, что М.К. Мамардашвили пережил философию лично, с той ответственностью и мужеством, которое требуется человеку, чтобы быть. Основным моментом, касающимся идеи «собранного» субъекта, – ощущение настоящего момента и вербализация мысли о действительности с помощью соответствия языка тому, что действительно есть – это личный философский опыт М.К. Мамардашвили. Язык «собранного» субъекта – это метафорический язык М. К. Мамардашвили, который выражает то, как философ «находит себя живым» в реализующихся индивидуальных впечатлениях. Можно сказать, что язык «собранного» субъекта – это язык философского стиля М. К. Мамардашвили, отражающий реальность через призму идей концепции сознания, получившей свое наивысшее воплощение в мироощущении философа.

Библиографический список

1. Ахутин А.В. В стране Мамардашвили / Н.В.Мотрошилова (ред.)// Мераб Константинович Мамардашвили. Сер. Философия России второй половины XX века. 2009. С. 42-84.
2. Барт Р. Мифологии. Пер. с фр., вступ.ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2008. 351 с. 3000 экз. – ISBN978-5-8291-0979-0 (в пер.).
3. Вернан Ж.-П. Грузинский Сократ. Вопросы философии. 1992. № 5. С. 116-118.
4. Визгин В.П. Мы все его так любили: вспоминая Мераба Мамардашвили / Н.В.Мотрошилова (ред.)// Мераб Константинович Мамардашвили. Сер. Философия России второй половины XX века. 2009. С. 17-33.
5. Деянов Д. Мамардашвили и европейская философия XX века/ Н.В.Мотрошилова (ред.)// Мераб Константинович Мамардашвили. Сер. Философия России второй половины XX века. 2009. С.368-389.
6. Калинин В.В. Понятия «классического» и «неклассического» в философии М.К.Мамардашвили/М.К. Мамардашвили// Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб, 2010. С. 259-284.
7. Мамардашвили М.К. Введение в философию. Философские чтения. СПб, 2002. С. 7 – 173.
8. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. Философские чтения. СПб, 2002. С. 507-817.
9. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/mmk/topology.html>, свободный. - Загл. с экрана.
10. Мамардашвили М.К. Философия действительности/М.К.Мамардашвили// Сознание и цивилизация. СПб, 2011. С.167-180.
11. Мотрошилова Н.В. «Картезианские медитации» Гуссерля и «Картезианские размышления» Мамардашвили [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/vopros/29.html>, свободный. - Загл. с экрана.
12. Ознобкина Е.В. Заметки о философии Мераба Мамардашвили/Н.В.Мотрошилова (ред.)// Мераб Константинович Мамардашвили. Сер. Философия России второй половины XX века. 2009. С.33-42.
13. Ренье Д. Сознание и совесть: Мамардашвили об общей отправной точке эпистемологической и моральной рефлексии/ Н.В.Мотрошилова (ред.)// Мераб Константинович Мамардашвили. Сер. Философия России второй половины XX века. 2009. С. 298- 318.

References

1. Ahutin A.V. In the Land of Mamardashvili/N.V.Motroshilova (ed.)// Merab Konstantinovich Mamardashvili. Ser. Russian philosophy of the second half of the XX century. - 2009. - P. 42-84.
2. Bart R. Mythology/ R. Bart, trans. with Fr., introduction and commentary by S. Zenkin. Moscow: Academic Project, 2008. - 351 p. - 3000 copies. - ISBN978-5-8291-0979-0 (in the lane.).
3. Vernant J.-P. Georgian Socrates/J.-P. Vernant // Problems of Philosophy. - 1992. - № 5. - P. 116-118.
4. Vizgin V.P. We all loved him so much: remembering Merab Mamardashvili/N.V.Motroshilova (ed.)// Merab Konstantinovich Mamardashvili. Ser. Russian philosophy of the second half of the XX century. - 2009. - P. 17-33.
5. Deyanov D. Mamardashvili and the european philosophy of the XX century/N.V.Motroshilova (ed.) // Merab Konstantinovich Mamardashvili. Ser. Russian philosophy of the second half of the XX century. - 2009. - P.368-389.
6. Kalinichenko V.V. The concepts of “classical” and “non-classical” in the philosophy of M.K. Mamardashvili/M.K. Mamardashvili// Classical and non-classical ideals of rationality. - St. Petersburg, 2010. - P. 259-284.
7. Mamardashvili M.K. Introduction to Philosophy/M.K. Mamardashvili/Philosophical reading. - St. Petersburg, 2002. - P. 7 - 173.
8. Mamardashvili M.K. Cartesian thinking/M. Mamardashvili// Philosophical reading. - St. Petersburg, 2002. - P. 507-817.
9. Mamardashvili M.K. Psychological topology of way [electronic resource]: [site]. Mode of access: <http://philosophy.ru/library/mmk/topology.html>, free. - Caps. screen.
10. Mamardashvili M.K. Philosophy of reality/ M.K. Mamardashvili// Consciousness and civilization. St. Petersburg, 2011. P.167-180.
11. Motroshilova N.V. Husserl’s “Cartesian Meditation” and Mamardashvili’s “Cartesian thought” [electronic resource]: [site]. Mode of access: <http://philosophy.ru/library/vopros/29.html>, free. - Caps. screen.
12. Oznobkina E.V. Notes on the philosophy of Merab Mamardashvili / N.V.Motroshilova (ed.) // Merab Konstantinovich Mamardashvili. Ser. Russian philosophy of the second half of the XX century. - 2009. - P.33-42.
13. Rainier D. Consciousness and Conscience: Mamardashvili on a common starting point of the epistemological and moral reflection/ N.V.Motroshilova (ed.) // Merab Konstantinovich Mamardashvili. Ser. Russian philosophy of the second half of the XX century. - 2009. - P. 298 - 318.

И.П. КОРНЕЕВА

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
E-mail: korneeva_i@bsu.edu.ru

I.P. KORNEEVA

PhD of Philosophy, associate Professor of Chair of Philosophy of Belgorod State National Research University
E-mail: korneeva_i@bsu.edu.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА С ПОЗИЦИЙ СИНЕРГИЙНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

MAN'S RELIGIOUS INTEGRITY FROM THE POSITION OF SYNERGETIC-ANTROPOLOGICAL APPROACH

В статье с позиций синергийно-антропологического подхода рассматриваются особенности целостной системы «человек», что позволяет автору обратиться к исследованию религиозной подсистемы указанной системы. Автор выделяет уровни бытия, виды религиозной целостности, показывает ее связь с условиями своего существования, отмечает такое ее обязательное свойство, как поддержание работы абсолюта, требующее самоуправления и самопреобразования системы.

Ключевые слова: синергийно-антропологический подход, целостная система «человек», религиозная целостность человека, уровни бытия религиозной целостности человека, виды религиозной целостности человека, свойства религиозной целостности человека.

The author studies the features of integrated system of «man» from the position of synergetic-anthropological approach and it allows her to turn to the study of religious sub-system of this system. The author distinguishes levels of existence, types of religious integrity, shows it's relationship with the conditions of existence, notes such it's mandatory property as supporting the work of the absolute, which requires self-government and self-transformation of system.

Keywords: synergetic-anthropological approach, integrated system of «man», man's religious integrity, levels of man's religious integrity, types of man's religious integrity, properties of man's religious integrity.

В современной науке прочно утвердилось особое направление – синергетика, изучающее общие закономерности явлений и процессов в сложных неравновесных системах на основе присущих им принципов самоорганизации. Это могут быть системы различных уровней бытия, в том числе взаимосвязанных между собой, – физические, химические, биологические, экологические, социальные и др. К числу таких самоорганизованных систем относится и система человеческого уровня бытия. Ее изучение с позиций синергетики представляется возможным в виде междисциплинарного направления научных исследований, рассматривающего общие закономерности процессов перехода от хаоса к порядку и обратно применительно к человеку. Данный научный синергийно-антропологический подход не следует отождествлять с синергийно-антропологическим подходом, предлагаемым С.С. Хоружим. В рамках последнего обосновывается необходимость создания цельной неклассической модели человека на основе реконструкции духовной практики исихазма в православной традиции.

С позиций научного синергийно-антропологического подхода человек рассматривается как сложная самоорганизованная система с интегративным качеством целостности. Известный исследователь целостной системы человека Н.А. Тельнова из Волгограда отмечает следующие ее признаки:

Во-первых, целостность человеческой системы многомерна. Н.А. Тельнова ссылается на слова В. Франкла: «Отличительным признаком человеческого бытия является сосуществование в нем антропологического единства и онтологических различий, единого человеческого способа бытия и различных форм бытия, в которых оно проявляется» [Цит. по: 4].

Это означает, добавим, что деятельная природа человека раскрывается в профессиональном, политическом, научном, эстетическом, нравственном, религиозном и других видах деятельности и отношений. В многоплановом освоении и развитии общественной культуры состоит сущность человека.

Во-вторых, в определенных видах деятельности и отношений самоорганизованная человеческая целостность проявляется в единстве природных, социальных, смысловых пластов бытия. «С точки зрения системного подхода, – пишет Н.А. Тельнова, – человеческое бытие представляет собой целостную самоорганизующуюся систему с реверсивной связью, которая выступает как органическое единство отношений структурно-смысловых, функциональных пластов (природного, социального и индивидуального) и определяется через конгруэнтные им познавательные, деятельностные и коммуникативные способы самореализации человека» [4]. Взаимосвязь природного и социального возможно адекватно осмыслить, по мнению

Н.А. Тельновой, в рамках новой парадигмы их коэволюции, полифонизма, комплексности, координации, паритетности, системной оптимизации, изоморфизма.

В-третьих, как указывает автор, целостность предполагает свою смысловую и ценностную незавершенность, связь с трансцендентным миром.

Рассматриваемая таким образом целостность может быть структурирована как связь ряда подсистем, каждая из которых имеет собственные свойства и закономерности развития и занимает свое место в системе «человек».

Одной из таких подсистем является религиозная, обусловленная освоением человеком соответствующего мира культуры, определенным видом деятельности и отношений. Охарактеризуем ее подробнее.

Предварительно отметим, что объяснение религиозной целостной самоорганизации человека дано в рамках самих религий. С позиций христианства, человек организуется телесно, душевно и духовно на основе веры в Бога, в буддизме человек поэтапно освобождает себя от жизненных страданий, возвышая дух и т.д. Нас же будет интересовать та религиозная целостная самоорганизация человека, которую необходимо объяснить в рамках научного подхода, обобщающего все религиозные трактовки самоорганизации человека и использующего для этого собственную систему понятий. Это уже упоминавшиеся понятия системы, целостной организации, уровней целостности.

Религиозная самоорганизованная целостность объединяет собой следующие уровни человеческого бытия:

- биологический с подуровнями:
 - ✓ телесный;
 - ✓ биополя и биоэнергетики;
- психологический, обеспечивающий механизм функционирования веры в абсолют;
- социальный, на котором закрепляются особые качества деятельности и общения;
- мировоззренческий – систему взглядов на мир, включающую в себя ценностно-нормативные компоненты веры.

Биологический, психологический, социальный уровни бытия человека как таковые включаются в общую целостную систему «человек», но в рамках религиозной самоорганизации эти уровни формируются и связываются особым образом. Религиозная целостность организуется под воздействием веры в абсолют. Взаимодействие, взаимообусловленность, взаиморазвитие уровней задаются проникновением человеком высшими религиозными ценностями, стремлением к религиозному идеалу. Целостность поддерживает действие идеала и возвышает человека над своим обыденным существованием. Человек продвигается к религиозному абсолюту, и религиозный абсолют открывается ему. Возникает та смысловая связь, которая соединяет эмпирический и трансцендентный миры. Религиозная целостность получает тем самым свое место в целостной самоорганизации человека.

Рассмотрим особенности взаимодействия выведенной системы с внешними условиями своего су-

ществования, отметив, что система складывается, функционирует и развивается в особой деятельности и отношениях, связанных с освоением символов и знаков религиозной культуры.

Вера в абсолют обеспечивает стабильность системы в разнообразных условиях общественной деятельности: в противоречивой или духовно деградирующей общественной системе, в условиях отсутствия соответствующей человеку религиозно-культурной среды. Вера в абсолют при определенных обстоятельствах и состоянии религиозной системы может исчезнуть, и тогда целостность прекратит свое существование, распадется или перейдет на новый уровень самоорганизации. Возможно состояние разбалансированной системы, в которой проявляется «несчастное», «разорванное» сознание. В любом случае о целостности религиозной системы свидетельствует определенный порядок ее самоорганизации в условиях внешних воздействий.

Возможно выделить различные связи и отношения между уровнями самоорганизованной религиозной системы. Телесные недуги часто становятся причиной обращения человека в веру. Истории церковно-религиозной жизни известны немощные, убогие, старцы, обладавшие силой необычайного внутреннего единения с Богом. Существует целостность, в которой уровень веры обусловлен состоянием здоровья, возрастом организма.

Верующий человек может развить в себе особую энергетику воздействия на других во имя их блага в виде способности к ясновидению, дара исцеления больных, изгнания бесов и др. Серафим Саровский, Матрона Московская в истории русской православной церкви были такими известными прорицателями и целителями. Религиозная самоорганизация данного вида целостности демонстрирует развитие экстраординарных способностей человека.

В религиозной жизни существует также факт «нетленного тела» или «по-особому одухотворенной телесности». В известной статье «Феномен нетленного тела, или реальность ирреального» В.И. Антонов рассказывает о нетленном теле хамбо-ламы Итигэлова Д.Д., умершего в Бурятии в состоянии нирваны в 1927 г. и выкопанного из земли в 2002 году. Тело Итигэлова Д.Д., находящееся сегодня в стеклянном саркофаге в Иволгинском дацане, по свидетельству ученых, производит впечатление тела живого человека и оказывает положительное энергетическое воздействие при прикосновении к нему (мысленному или телесному). От контакта с ним улучшается настроение, повышается тонус, мысли становятся ясными и чистыми, хочется сделать добро [1, с. 33].

Данная религиозная самоорганизованная целостность свидетельствует о том, что человек превратился по ходу своей эволюции в «другое существо», по мнению П.Д. Успенского. «...Для становления другим существом человек должен желать этого на протяжении длительного времени... Эволюция человека зависит от понимания им того, что он может получить и что он должен ради этого отдать» [5, с. 391]. Человек «должен

обрести те способности и силы, каковыми он также не обладает...» [Там же].

Отметим общее для всех видов целостности свойство. Религиозная целостность всегда – одухотворенное человеческое бытие, свидетельствующее о стремлении к идеалу и высшим ценностям. «Одухотворяясь, человек возвышается над эмпирией, внутренне освобождается от зависимостей (материальных, социальных, психических) эмпирического существования» [2, с. 61]. Человек обретает свободу. Он оказывается способен управлять собой, своими желаниями, влечениями, инстинктами. Выдающийся представитель католической философии XX века Д. фон Гильдебранд отмечал облагораживающее воздействие веры на природные побуждения человека. Религия, согласно ему, является «стремлением к контакту с действительностью, которая превосходит все эгоцентрическое и обязывает нас и помогает нам преодолевать рамки субъективных склонностей, влечений и инстинктов, корнящихся исключительно в нашей природе» [3, с. 47]. Все мировые религии предписывают человеку в целях управления собой соблюдение нравственных норм общественно-го поведения. Десять заповедей Нагорной проповеди Христа, пять заповедей для мирянина в этике Будды, нормы и добродетели Корана призваны обеспечить стабильность человеческих взаимодействий.

Религиозная целостность тем или иным образом в зависимости от вида мировой религии предполагает следование принципу аскетизма, преобразующему человеческую телесность, но не означающему отказа от нее. Посты, обеты и другие практики воздержания формируют человеческую телесность и связываются со

всеми уровнями бытия религиозной целостности.

Религиозная целостная самоорганизация требует поддержания работы абсолюта, постоянных усилий человека в деле управления собой, самовоспитания. В связи с этим вспоминается фильм «Жизнь Пи» (режиссер Энг Ли, США, Тайвань, 2012 г.), с успехом прошедший недавно на экранах кинотеатров мира. Главный его герой мальчик Пи по очереди посещает христианский и буддийский храмы, мусульманскую мечеть, в которых молится Аллаху, Христу, поклоняется Будде. Все религии для него означают веру в единого мирового Бога. Попав в экстремальную ситуацию, Пи постоянно ощущает свою связь с Богом, мобилизуется физически и духовно и выживает.

Таким образом, с позиций синергично-антропологического подхода человек может быть рассмотрен как целостная самоорганизованная система, проявляющаяся через различные формы своего бытия в единстве социальных, природных и смысловых уровней. В рамках этой системы может организоваться и функционировать религиозная подсистема. Биологический, психологический, социальный и мировоззренческий уровни связываются и преобразуются в ней на основе веры в религиозный абсолют. Религиозная целостность означает одухотворенное состояние человека. Функционирование и развитие ее определяются внутренними связями и отношениями в ней, а также ее взаимодействием с внешней средой. Уровни человеческого бытия в религиозной целостности по-разному соотносятся и обуславливают друг друга, что свидетельствует о неоднозначности ее закономерностей и позволяет выделить ее виды.

Библиографический список

1. Антонов В.И. Феномен нетленного тела, или реальность ирреального // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2010. № 1.
2. Апресян Р.Г. Одухотворенность // Человек. 1996. № 4.
3. Гильдебранд Д. фон. Этика. С.-Петербург: Изд-во Алетейя. 2001.
4. Тельнова Н.А. Целостность человека: онтологический подход: автореф. дис. ... докт. филос. н. Саратов. 2002: <http://www.dslib.net/ontologia/celostnost-cheloveka.html>
5. Успенский П.Д. Психология возможной эволюции человека // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. Москва: Политиздат. 1990.

References

1. Antonov V.I. The Phenomenon of Incorruptible Body, or Unreal Reality // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. 2010. № 1.
2. Apresyan R.G. Spirituality // Man. 1996. № 4.
3. Gildebrand D. fon. Ethics. S. Petersburg: Aleteia. 2001.
4. Telnova N.A. Man's Integrity: Ontological Approach: Author's Abstract of Dissertation of Doctor of Philosophy. Saratov. 2002 [Online resource]: <http://www.dslib.net/ontologia/celostnost-cheloveka.html>
5. Uspensky P.D. Psychology of Possible Evolution of Man // Deluded Mind? Variety of Nonscientific Knowledge. Moscow: Politizdat. 1990.

УДК 316.4; 316.2

UDC 316.4; 316.2

М.Б. ЛЮСКИН

доцент кафедры философии, политологии, социологии Национального исследовательского университета (МЭИ)

E-mail: LiuskinMB@mpei.ru

Э.Ю. КАЛИНИН

старший преподаватель кафедры философии, политологии, социологии Национального исследовательского университета (МЭИ)

E-mail: KalininEU@mpei.ru

M.B. LIUSKIN

associate Professor of Philosophy, sociology, political science Department, National Research University (MPEI)

E-mail: LiuskinMB@mpei.ru

E.U. KALININ

senior Lecturer of Philosophy, sociology political science Department National Research University (MPEI)

E-mail: KalininEU@mpei.ru

ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

SOCIAL RATIONALITY POST-CLASSICAL SOCIOLOGISTS TODAY

В статье анализируются процессы эволюции и организации общества модерна и постмодерна в рамках концепции постклассической социальной рациональности. Вместо спонтанного возникновения мифов общества модерна современное общество постмодерна создало рациональное производство мифологии. Это производство представляет собой единство виртуального и социального, которое все больше господствует над реальностью.

Ключевые слова: постклассический, рациональность, социология.

The analysis of processes of evolution and the organization of society of a modernist style and postmodern within the concept of post-classical social rationality. To the place of spontaneous emergence of myths of society of a modernist style, modern society of a postmodern created rational production of mythology. This production represents unity virtual and social which dominates over reality more and more.

Keywords: Post-classical, rationality, sociology.

Введение

В современном противоречивом и динамичном мире успешное общение, отсутствие конфликтов и устранение или минимизация радикализма и экстремизма все больше зависят от наличия взаимопонимания. А понимание, в свою очередь, связано с развитием и эффективным применением адекватных социальных концепций.

Долгое время как в рамках традиционного марксизма, так и в рамках большинства западных некоммунистических концепций противопоставлялись глобальное и национальное или региональное как рациональное и иррациональное, законосообразное и уникальное, «открытое и закрытое общество» (А. Бергсон и К. Поппер) и т.д. Судьба большинства концепций классической социальной рациональности и социальные процессы последних десятилетий XX века привели к общему переходу от классической социальной рациональности к постклассической.

Остановимся сначала на концепциях рационализма.

Концепции классического и постклассического рационализма

Рациональность изначально не была в европейской культуре универсальным понятием. Вместе с развитием западной цивилизации его смысл, значение и ценность

претерпели большую эволюцию. Однако если попытаться выразить специфику западной цивилизации одним словом, то это будет разум. Что касается других цивилизаций, то, по меньшей мере, разум будет одним из таких слов и, скорее всего, не самым важным. Если для европейской цивилизации рациональность представляет ее сущность и специфику, то в других цивилизациях она всегда играла подчиненную роль.

Основное представление классической рациональности – это идея вневещного естественного порядка, бесконечной причинной цели, пронизывающей все бытие, трансцендентной по отношению к человеку, но рационально постижимой. Идея порядка формируется при одновременном предположении непрерывности и однородности контролируемого субъекта (и поддающегося общезначимому обобщению, а следовательно, объективного) опыта относительно этого мира», т.е. неразрывно связана с определенной концепцией познающего субъекта – эта конструкция декарто-кантовского рефлексивного «чистого» или «универсального» сознания. Между реальным отношением или вещью, как она есть, и ими же, как они предстают в сознании, есть поле, не пробегаемое созерцанием и заполненное социальной механикой, продуктом действия которой является то или иное осознание человеком реальности – как внешней, так и внутренней. Поэтому ответить на вопрос, что это

за предметные формы и как они возникли, равнозначно ответу на вопрос, что или какой “агент” представляет (или подставляет) вещи сознанию [7, с.255-258]. В последнем отрывке наиболее отчетливо видны все 3 члена триады: 1) объект, 2) сознание, 3) “социальная механика” или “агент” – неважно как именуется этот “средний член”. Ее не надо понимать буквально как социальные отношения, что часто делалось не только в истмате, но и в исследованиях социальной детерминации познания. «Социальная механика» – это единство деятельностной и общительной сторон практики или операционально-коммуникативная сеть актов общения и действий, опосредующая отражение рефлексивным сознанием как социального, так и когнитивного предмета.

Стержневой, системообразующий характер для неклассической рациональности имеет понятие “превращенная форма” (взятое у К. Маркса). Превращенная форма – это “объективная видимость”, которая “представляет” или “замещает” “социальную механику”. “Неклассичность” подхода К. Маркса заключается в переходе от диады к триаде: введении вместо пары обыденное – просвещенное (абсолютное) сознание тройки обыденное – идеологическое (превращенное) – просвещенное.

Наличие превращенных форм в социальной системе и позволяет любому из индивидов-элементов данной системы с той или иной степенью рациональности существовать в ней, не зная ее устройства. Для классического подхода это служит признаком иррациональности их поведения, а то и системы в целом. Но для постклассического рационализма еще это является признаком практической эффективной работы системы и потому практической рациональности, не зависящей от того, что творится в головах теоретиков.

Трансцендентальное может быть расшифровано и показано как понятие «как если бы трансцендентное». А понятие «априорное» – «как если бы абсолютное». То есть, если не утверждать независимое от человека бытие Бога (абсолюта), тогда развитие человека и человечества идет путем самотрансцендирования, при котором те или иные трансцендентальные формы сначала выступают как будто априорные и абсолютные, а затем сменяются в ходе исторического развития на другие, выступающие в том же качестве.

Трансцендентализм имеет дело не столько с человеком, сколько с рафинированной и сакрализованной его сущностью, выступающей в виде трансцендентального субъекта. В отличие от трансцендентного субъекта, создающего трансцендентный мир и задающего его законы, трансцендентальный субъект не только растолковывает людям заповеди высших инстанций, но и устанавливает определенный социальный порядок.

Проективное воспроизведение мира порождает в мире мнимые сущности, симулякры, в нем не существующие (например, мифические существа). Проективная модель человеческого сознания изображает нечто как происходящее в действительности, но на деле проецирует в нее интерпретации и модусы освоения некоторого объекта, который потерял свою «естественность» и стал предметом воображения и желания.

Классическая социальная рациональность

Концептуальная система, использовавшая в явном виде представление о социальной рациональности, – это система Макса Вебера. Остановимся только на некоторых ее аспектах. М. Вебер вводит четыре вида социального действия: 1) целерациональное, 2) ценностно-рациональное, 3) аффективное, 4) традиционное (через привычку). Первый вид определяет специфику западной социальной рациональности и второй – социальную рациональность всех остальных цивилизаций. Если ценностно-рациональное относительно рационально, то абсолютно рациональным в смысле Вебера может быть только целерациональное действие, которое во всех отношениях поддается расчленению.

Формальная рациональность, в веберовском понимании, – это, прежде всего калькулируемость, формально-рациональное, это то, что поддается количественному учету, что без остатка исчерпывается количественной характеристикой. Эта рациональность включает в себя: частную собственность на ресурсы, свободный труд, рациональное ведение хозяйства, всеобщность рынка, рациональное государство и право, рациональную технику, рациональный образ жизни и хозяйственную этику, во многом связанную с протестантизмом и шире – с западными религиозными формами), а также рациональным образом мыслей (включающим науку и философию). Она новый этап целевой рациональности, который позволяет ввести универсальную количественную меру. Вебер не учитывает того, что и в развитом целерациональном (формальном) обществе необходимо сохраняются ритуально-символические подсистемы. [3]

Община, общество, общественность

С позиций классического рационализма, рассматривающего человека и общество в рамках универсальной рефлексии, развитие общества прошло две основные стадии. 1) Община (*gemeinschaft* – по Ф. Тённису), или «закрытое общество» по А. Бергсону, т.е. общество, члены которого в своем жизненном поведении руководствуются нерелефлексивными мифами и неосознанными моральными нормами [1, с.288], [23] или ценностно-рациональное общество, по М. Веберу. По Бергсону, закрытость связана с пространственно-временной и количественной локализацией и ограниченностью. 2) «Открытое общество», или общество в узком смысле (*gesellschaft* – по Ф. Тённису), или целерациональное общество, по М. Веберу, – это общество разума, с одной стороны, и глобальное общество – с другой, по А. Бергсону. По К. Попперу, это последовательные стадии развития общества, т.е. традиционное и рефлексивное общество (Модерн). Постмодерн в социальном и культурном смысле демонстрирует единство первой и второй вышеназванных стадий. То же самое относится и к взаимоотношению этносов и других социальных групп. Этнотипы второй половины XX века по-прежнему демонстрируют символически-ритуальные механизмы воспроизводства этнического

самосознания в противовес знаково-формальным механизмам социальной идентичности, коммуникации и действия, существующим в рамках общества модерна (или противопоставление жизненного мира и горизонта повседневности Э. Гуссерля, Ф. Броделя, Ю. Хабермаса и формальных структур новоевропейского общества).

В рамках такого неклассического противопоставления становится ясно, что вопреки классической модели Бергсона-Поппера ещё в Западной цивилизации эпохи Модерна не редуцируется нерелексивное к рефлексивному. Или «искусственные» сконструированные общности (например, нации, с позиций конструктивизма) не исключают полностью ни вне себя, ни внутри себя «естественных» (органических) общностей (общин). Т.е. существует не только социальная идентичность, подобие и индивидуальная единичность, но и этно-символические культурные различия.

С точки зрения постклассической социальной рациональности вышеописанные полюса ни генетически, ни логически не исключают друг друга, а наоборот, сосуществуют вместе, включая посредника. И тогда от пары рациональное (рефлективное) – иррациональное (нерелективное, этническое, традиционное, «закрытое» и т.п.) надо перейти к триаде рефлективное – нерелективное – установки или рациональное – нерациональное – иррациональное.

Посмотрим, как на примере экономической системы К. Маркс реализует постклассический подход.

Постклассическая рациональность социальной (экономической) системы

Маркс пытался разрушить представление, заранее заданное любому экономическому исследованию, о «гомо экономикусе» – некотором стержне, с которым связана некоторая рациональная сумма потребностей, целей и средств достижения последних. Наблюдая экономическую систему, он обратил внимание на то, что способность агента экономического действия ориентироваться в системе рыночного хозяйства отличается от внешнего взгляда, который охватывал бы все точки пространства этой системы, не по степени, а в принципе. Например, есть рациональная организация труда и производства в пределах фирмы, т. е. в пределах, которые охватываются взглядом экономического агента и где все элементы действия и ситуаций доступны обозрению. А вот вне отдельной фирмы возможная «рациональная» организация всей системы экономики для Маркса выглядит принципиально иной. Например, в силу существования частной собственности, ставящей этому естественный предел. Неустрашимость сознания приводит в свою очередь к тому, что объективирующая (натуральная или позитивная) познавательная установка оказывается ограниченной. Это постклассический ход мышления, исключающий классическую прозрачность сознания или некоторую абсолютную внешнюю систему отсчета, с которой любая система могла быть воспроизведена уже в рациональном контролируемом виде, предполагает существование разных очагов самодетельности в системах.

Таким образом, при постклассическом рациональном подходе к экономической (и шире – социальной) системе мы обнаруживаем, что «экономический человек» («homo economicus») – это объективная превращенная форма. Она, закрывая (экранируя) и замещая работу «социальной технологии» (системы объективных социальных связей), представляет (или подставляет) сознанию человека, вовлеченного в действие экономической (шире – социальной) системы, квазипредмет. При этом этот человек «наглядно», т.е. непосредственно, очевидно представляет как надо эффективно практически действовать в этой системе, не зная всего её устройства, т.е. «homo economicus» – духовная технология управления экономическим поведением индивида, возникшая уже в эпоху Нового времени.

Этапы развития социологии и общественных наук

Общая социальная рациональность Западной цивилизации (особенно Нового времени) находят свое выражение не только в развитии философии, но и общественных наук и социологии как общей дисциплины. За последние годы в нашей стране бурно развивается социология как центральная и общая наука об обществе, долгое время остававшаяся в тени исторического материализма как философской дисциплины. Дискуссия о соотношении предметов и методов первой и второй сейчас многим кажется неактуальной. Однако привычка некритически заимствовать отдельные положения и целые концепции без учета национально-исторического контекста и специфики вновь привели к печальным последствиям как на практике (если вспомнить «либерализацию» и приватизацию в современной России), так и в теории (если обратить внимание на полное бездумное отвержение социально-философских концепций марксизма и на буквальное использование западных социальных теорий без дополнительной интерпретации, переосмысления и развития).

Ключевыми вопросами (в ситуации «смены вех») являются: 1) вопрос о существовании (или не существовании) «классиков» и «классического» этапа развития социологии и социальной философии; 2) вопрос о возможности (не возможности) различения последних. По этим вопросам нет единого мнения, как в нашей стране, так и за рубежом. При господстве плюрализма вопрос о различении науки и философии, как и вопрос о «классике» кажутся догматическими и излишними. Однако такое единодушие царит, как правило, только в философии и культуре постмодерна, где отвергаются или обходятся вопросы истины и метода.

В широком смысле социология как систематическое знание об обществе существовала в Западной цивилизации почти с самого её зарождения. Но если понимать социологию как отдельную дисциплину с отдельным, дифференцировавшимся в ходе общественного развития предметом, то социология возникла во второй половине XVIII в. как теория промышленного общества. Само появление социологии свидетельствовало о наступлении нового исторического этапа в

развитии, явившегося результатом разделения политической, экономической и гражданской сфер. Это новое историческое состояние осмысливалось и концептуализировалось через несколько базисных характеристик этого состояния: индустриализм, капитализм, демократическое социальное устройство и массовая культура.

Что касается социологии как науки, так же как и отдельных социальных наук, то оба эти вопроса являются центральными, т.к. принцип объективности формирует науку в целом (как особый вид деятельности) и все её типы, в том числе и общественные науки. Это явно проявляется как в эмпирических исследованиях, так и в теоретических обобщениях. История развития социологии и частных общественных наук позволяет выделить этапы их развития, характеризующиеся общими характеристиками предмета и метода. Первый – 1) начальный этап развития – позитивистский (объективистский). На этом этапе зарождающиеся общественные науки большей частью заимствуют методологию уже развитого естествознания, т.е. объект общественных наук – общество или отдельные его элементы и аспекты изучаются по образу и подобию природных: например, люди – как социальные атомы, а их взаимодействия – как притяжение и отталкивание. При дальнейшем развитии общественных наук прямые аналогии, как правило, исчезают, но сохраняется позитивистская (объективированная, натурализованная) методология. Работы О. Конта, Г. Спенсера и С. Милля – образцы такого подхода, а они выступают как классики этого позитивистского этапа. Однако, по нашему мнению, классическим надо называть 2) второй этап, когда вводятся основные идеализации предмета, адекватные изучаемому объекту, как то: социальное действие, социальный конфликт, коллективные представления, социальная группа, класс и т.д.

Тогда «классиками» т.е. теми учеными, которые создали первую адекватную идеальную картину объекта (первые адекватные «идеальные предметы») будут, прежде всего, Э. Дюркгейм, В. Парето, М. Вебер, Г. Зиммель и некоторые другие. Они не только ввели вышеперечисленные понятия и создали их теоретические концепции, но и разработали методологические понятия, концепции и подходы: «идеального типа», «оценка», «отнесение к ценности», «понимание» и другие (М. Вебер); «социальный факт» – Э. Дюркгейм; «социальное знание», «ценность» – М. Шеллер и т.д. Немецкие социологи сделали это на основе философии неокантианцев и М. Шеллера, разработавших концепции ценности, смысла, понимания и различения «наук о природе» и «наук о духе». В целом можно сказать, что на втором – классическом (или собственном этапе развития) социология (как и другие социальные общественные дисциплины) получает собственный предмет, свою спецификацию принципа объективности, свою методологию, т.е. приобретает выявление объективных смыслов, ценностей и интересов эпохи (осмысление и оценку), что отличает её по типу объективации и методологии от естествознания и делает её (как и всю группу общественных наук) отдельным, особым типом науки, отличающимся как от естественных, так и от тех-

нических наук. При этом надо заметить, что социальная философия и социология (вместе со специальными общественными науками) на классическом этапе своего развития отличаются друг от друга соответственно отсутствием или наличием объективации своего предмета. При этом сам процесс познания и его средства вынесены «за скобки» готового теоретического предмета.

И в XX веке позитивистская методология для любых типов наук по-прежнему предполагала единые и единственные логические и методологические нормы научного знания и познания, невозможность их дифференциации и исторического развития. За образец бралось точное естествознание, прежде всего математизированная теоретическая физика. И все науки должны были стремиться к этому идеалу, последовательно к нему приближаясь: эмпирический этап, формализованный этап, гипотетико-дедуктивный этап, наконец, аксиоматизация.

Постпозитивизм смягчил требования позитивизма, но, по сути, выбирать надо было между историческим релятивизмом и формально-логическим идеалом. Объединения не произошло. Как определенная модификация и развитие постпозитивизма, с одной стороны, и синтез англо-американской философии науки, немецкой классической философии, марксизма (прежде всего концепции практики и мировоззрения) – с другой, явилась концепция трех последовательных этапов развития науки и научной рациональности В.С. Степина, которые проходят, как наука в целом, так и каждая научная дисциплина в отдельности. Не имея возможности обсудить эту концепцию в полном объеме, особенно применительно к естественным и техническим наукам, мы обратимся к ней в связи с развитием социологии (и всего типа общественных наук): «классический тип научной рациональности, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к познающему субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире». [22, с.633]

Нетрудно заметить, что определению классического типа научной рациональности, данной выше по В.С. Степину, соответствуют и «позитивистская», и «классическая» социология (точнее, этапы её развития) т.е. они отличаются онтологией, а не методологией. При этом то, что первая тяготеет к материализму (объективизму), а вторая – к объективному идеализму (субъективизму), в данном случае не важно, т.к. не ставится вопрос о происхождении этой первичной онтологии.

В других терминах классическая социология (взятая в широком смысле, т.е. первые два этапа) связана с построением социальной метафизики и использует «естественную установку» как данность, будь то естественная данность материи или духа.

Переход к неклассике в социологии начался тогда, когда естественная данность подвергается ревизии или анализу, выявляется роль «феномена» и т.д. Этот переход или поворот связан с философской феноменологией Э. Гуссерля. Пересечение социологии с фено-

менологией Э. Гуссерля происходит в его концепции «феноменологического конституирования Другого» и интересубъективного «жизненного мира».

В результате этого феноменологического поворота возникает неклассическая социология (и дочерние общественные науки) феноменологической ориентации, где не только феноменологическая онтология не позволяет её редуцировать ни к объекту, ни к содержаниям сознания или рефлексивным действиям субъекта, но и методология не является объективирующей. В этой ситуации граница между феноменологической философией и феноменологической социологией становится зыбкой, и в результате мы имеем дело с единой неклассической феноменологической социальной рациональностью (или социальной философией, т.к. доминирует необъективирующая познавательная установка).

«Следуя требованиям феноменологического метода, социальные феноменологи предлагают «воздержаться от веры в объективную реальность социальных объектов как исчерпывающую их онтологический статус. ... в феноменологической социологии такие «объекты», как мотив, план, проект... столь же «реальны», как и социальные факты. Феноменологическая социология исследует процесс социального конструирования реальности как воплощенных форм человеческой деятельности и интерпретации». Основной порок модернистской («классической») социологии феноменологи усматривают в её неспособности воздержаться от свойственной обыденному сознанию в естественной установке наивной веры в «объективность» социального мира, ведущей к натурализации «божественного социального». Поэтому ей не удалось возвыситься до подлинно научной установки анализа процесса конституирования интересубъективных социальных значений [18], [14, с.72-73]. Разницу между феноменологической философией и феноменологической социологией Н.М. Смирнова видит в том, что первая «стремится постичь фундаментальные основания всякого опыта и на их основе сформулировать фундаментальные принципы феноменологического конструирования любых идеальных предметностей», а последняя стремится исследовать частную проблему «конституирования социального мира как универсума интересубъективных значений и правил их интерпретации». [14, с.74] Однако заметим, что в области гносеологии и онтологии Э. Гуссерль продолжает линию И. Канта по развитию деятельностной концепции трансцендентального субъекта и с этой точки зрения его концепция представляет из себя модифицированную классическую философскую рациональность.

В свою очередь направления в социологии, которые порождены феноменологической, а также символической и коммуникативной философией (символический интеракционизм Ч. Кули, У. Томаса и Г. Мида, феноменологическая социология А. Шюца, «социальное конструирование П. Бергера и Г. Лукмана, а также «теория коммуникативного действия» Ю. Хабермаса), относятся к конструктивизму как третьему этапу развития социологии и её переходу от классического к не-

классическому типу научной рациональности. [4],[6] [11-21]. «Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций познавательной деятельности. Экспликация этих связей рассматривается как условие объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между научными и социальными ценностями, по-прежнему не являются предметом научной рефлексии [22, с.634]. Применительно к общественным наукам надо добавить, что в неклассической рациональности социальных наук рассматривается связь между социальными знаниями и социальным конструированием реальности с одной стороны и связь между познавательной деятельностью (её средствами и операциями) и социальной предметностью – с другой. В первом случае – это социальное конструирование реального социального объекта, во втором – это методологическое рефлексивное конструирование идеального социального предмета. Это направление, этот этап, точнее, эта тенденция являются в настоящий момент наиболее распространенной и влиятельной как в области развития социологии, так и в области конкретных социальных наук. Э.Г. Юдин выделил исторические типы внутри научной рефлексии: онтологизм, гносеологизм и методологизм. Онтологизм, гносеологизм и методологизм как исследовательские стратегии и типы научного самосознания соответствуют естественным, социогуманитарным и техническим наукам. С точки зрения постклассической рациональности все три стратегии, как и все три типа научного знания, присутствуют в каждом из типов наук, но доминирующая стратегия соответствует специфике предмета, доминирующий тип знания является конечным продуктом – целью, остальные же типы предметности и исследовательской деятельности выполняют функцию средства.

С этой точки зрения, весь позитивизм может быть понят и рассмотрен как реализация стратегии гносеологизма или как один из видов классического рационализма в сфере внутринаучной рефлексии (с его лозунгом “наука сама себе философия”!). С позиций последовательно основных стадии общенаучного развития (классическую, неклассическую, постнеклассическую – как в концепции В.С. Степина). В частности социальные (социогуманитарные) науки на классическом этапе развития оказываются тогда, когда ключевой идеализированный предмет адекватен сущности объекта (ценности – для общественных наук и смысла – для гуманитарных наук.

А оппозиция «натуральное (объективированное) – конструктивное (рефлексивное)» есть оппозиция классического рационализма. Уже К. Маркс расширил модель субъективности до триады, рассматривая три уровня сознания: 1) обыденное (практическое), превратное (превращенное) – идеологию, и 3) подлинное – рефлексивно-деятельностное – научное. В такой иерархии сознания подлинным являлось рефлексивное, а промежуточным – социально-превращенное (идеологическое) сознание. В дальнейшем вышеупомянутая пара классического рационализма трансформирова-

на 3. Фрейдом в триаду: Оно – Я – Сверх- Я. Трактуя связку «Оно – Я» как противопоставление сознательного и бессознательного, а ось «Я – Сверх-Я» увязывая с контрастностью рефлексивного и нерефлексивного сознания, можно совместить уровни бессознательного (натурального), рефлексивного и нерефлексивного сознания в единой постклассической модели человеческой субъективности.

Во второй половине XX века появились социологические концепции, в которых явно или неявно рассматривается относительность социологического знания не только применительно к средствам исследователя, но и к его ценностям, а также относительность социологического знания в зависимости от ценностей, имманентных объекту. Эти социологические концепции, с точки зрения В.С. Степина, являются постнеклассическими. С нашей точки зрения, эти концепции являются в собственном смысле постклассическими. К таким концепциям относятся прежде всего концепции П. Бурдьё (габитуса), Э. Гидденса (структуриации), Н. Лумана (самореферентных или автопозисных (самовоспроизводящихся) систем), а также морфогенеза М. Арчер, трансформационного социального действия Р. Бхасекара, методология двойной рефлексивности Т. Шанина и некоторые другие. Существуют также интегративные концепции, например, Дж. Александера, которые также могут быть отнесены к постклассическим. [4],[18-32]

К ним примыкают социологические концепции постмодерна 3. Баумана и др. Здесь необходимо отметить, что большинство концепций постмодерна методологически, а не онтологически являются классическими или неклассическими. Те же концепции, в которых реализуются постмодерн не только по содержанию, но и по форме (например, Ж. Лиотара и Ж. Бодрийяра), не являются социологическими, так как в них не проводится объективация предмета. В лучшем случае их можно называть философскими [2], [19]

Необходимо обратить внимание на направление или, может быть, этап развития социологии, который непосредственно выступает в качестве общей методологии и онтологии к PR проблематике. Это направление можно назвать социальным конструктивизмом. В психологии (особенно в социальной психологии) одной из господствующих парадигм также является парадигма конструктивизма (конструкционизма). В рамках этой парадигмы, в отличие от когнитивизма, конструкционизм основывается на реляционном представлении генезиса значений и знаний о мире. С этой точки зрения, интерпретации реальности всегда контекстуальны и возникают не внутри изолированного индивидуального субъекта, а в социальном «пространстве» между субъектами социального взаимодействия. Инструментом продуцирования значений и создания образа мира выступает социально-дискурсивная практика. В рамках теории социальных представлений С. Московичи и последователей был осуществлен переход от бинарной схемы субъект – объект к триаде: Эго-Альтер(Другой)-Объект. Эта концепция близка к концепции постклас-

сической рациональности, разделяемой авторами, и достаточно пригодна для применения к анализу PR- феноменов, но ограничена определенными дисциплинарными рамками.

В советской, а затем и в российской философско-методологической традиции возникло мощное методологическое направление, превратившееся в широкое «проектное движение». Однако это почти универсальная по объекту изучения методологическая школа оказалась методологически ограниченной рамками конструктивизма, поэтому большая часть гуманитарной специфики, связанной с феноменами духа, сознания и символа, оказалась нераскрытой.

Начиная с 70-х годов, в области социологии обособилось направление, которое можно назвать «социальным конструкционизмом», в рамках которого социальные проблемы не выступают как данности, а связаны с дискурсивными способами их задания аналитиками и коммуникативными менеджерами (PR менеджерами) и с деятельностью тех или иных социальных групп. В рамках этого направления исследовалась связь между СМК, массовыми коммуникациями и конструированием социальных проблем. Но и в этом направлении изучение PR проблематики слабо представлено, хотя сам подход, как и у школы С. Московичи, представляется перспективным для анализа последней и также ограничен дисциплинарными рамками и парадигмой конструктивизма.

Наиболее радикальной концепции среди конструктивистского подхода к социогуманитарным наукам является междисциплинарная концепция «радикального конструктивизма» С. Цоколова, опирающаяся на родственные междисциплинарные концепции: коммуникационного конструктивизма П. Вацлавика, радикального конструктивизма Э. фон Глазерсфельда, синергетики Х. фон Ферстера, аутопозиса У. Матураны и Ф. Варелы и нейробиологического конструктивизма Г. Рота. Все эти концепции объединяет расширительное толкование тех или иных естественнонаучных моделей, применимость которых автоматически распространяется на социогуманитарные объекты. Фактически этот класс конструктивных концепций является симбиозом двух парадигм: натуралистической и конструктивистской. Из-за этого симбиоза натурализм лишается своей конкретности, а конструкция становится некоторым символическим объектом. Применение подобного рода концепций в области массовых коммуникаций связано с объединением бихевиоризма и теории информации, но такое объединение не является ни устойчивым, ни универсальным и очень ограничено в своей применимости, особенно к PR объектам.

Ни в одной из постклассических социологических концепций проблематика PR почти не затрагивается и, тем более, не анализируется гносеологические и онтологические аспекты применения той или иной концепции к анализу тенденций развития современного общества. Но коммуникативная проблематика в их работах занимает большое место, как и исследование форм управления (манипуляции) людьми. Например, в

концепции симулякра Ж. Бодрийяра. Кроме того отметим концепции радикализованного модерна Э. Гиденса, теории исчерпанности модерна Ф. Феррароти, концепцию незавершенного модерна Ю. Хабермаса, постиндустриального (информационного, постэкономического) общества Д. Белла, З. Бжезинского, П. Дракера, В. Иноземцева, М. Кастельса, О. Тоффлера, А. Этциони и др. Однако роль PR объектов в футурологических моделях практически не рассматривалась при всем росте влияния и универсальности PR объектов в общественном развитии и их особом месте в процессах глобализации. [6], [18-21], [15-26]

Виртуальность и социальность

Проблема осмысления виртуального существования, возникшая в последней трети XX века, все больше стала перемещаться в компьютерные и социогуманитарные науки. Остановимся на связи виртуального и социального на примере анализа работ Д.В. Иванова. Компьютеризация и PR-изация повседневной жизни вводит в обиход виртуальную реальность в качестве симуляций реальных вещей и поступков. Поведение изображаемого объекта воспроизводит пространственно-временные характеристики поведения не только природного но и социального объекта. В качестве универсальных свойств виртуальной реальности можно выделить: 1) нематериальность воздействия 2) условность параметров; 3) эфемерность существования.

Виртуализация – это замещение реальности ее симуляцией. Социальное содержание виртуализации – симуляция институционального строя и социально-ценностных характеристик общества первична по отношению к её техническому содержанию. Общее представление о феномене замещения реальности симуляциями и симулякрами позволяет разрабатывать собственно социологический подход: не компьютеризация жизни виртуализирует общество, а виртуализация общества компьютеризирует жизнь.

Институциональный строй представляет то устойчивое и объективное по отношению к индивидам, что можно назвать социальной реальностью. Но он есть и результат самоотчуждения индивида. Превращение в последнее время этой реальности в видимую и неустойчивую объясняется ее историчностью и множественностью. В эпоху Постмодерна сущность человека отчуждается уже не только в социальной, но и в виртуальной форме. В любой виртуальной реальности человек имеет дело не с вещью, а с симуляцией (изображаемым). Человек эпохи Модерна, застающий

себя в социальной реальности, воспринимает ее все-речь, как естественную данность, в которой приходится жить. Человек эпохи Постмодерн, погруженный в виртуальную реальность, «живет» в ней, сознавая ее условность, управляемость ее параметров и возможность выхода из нее. Социальная виртуальность – это перспектива того, что отношения между людьми примут форму отношений между симуляциями и симулякрами, что является перспективой виртуализации общества. В этой перспективе появляется возможность трактовать общественные изменения, различая старый и новый типы социальной организации с помощью дихотомии «реальное/виртуальное». Однако в противовес универсалистской трактовке виртуального в философском постмодерне и расширительной концепции социального виртуального у Д. Иванова, с нашей точки зрения, все представляется не столь радикальным. Если человек заменяет других людей и вещи симуляциями и симулякрами, то это можно отнести к некоторому социальному экстремизму, который из маргинального становится в перспективе все более и более массовым. Но если человек заменяет и себя, точнее, позволяет заместить себя в своем сознании чьей-то символической конструкцией, то для конструктора такое действие – это манипуляция, а для агента манипуляции (марионетки) – это шизофрения. И если явление не маргинально, а массово, то такой мир неизлечимо болен.

Заключение

Анализ процессов эволюции и организации общества модерна и постмодерна в рамках концепции постклассической социальной рациональности позволяет утверждать, что абсолютистская устремленность Просвещения на универсальную рационализацию и рефлексию всей социальной и духовной жизни оказалась ограничена, если не вовсе подорвана. Претензия на универсальное критико-рефлексивное «расколдовывание» традиционного «закрытого общества» сменилось обратным процессом универсального «заколдовывания» в рамках глобализованного мира. При этом ни трансцендентальная субъективность, ни превращенные формы никуда не делись, они только преобразовались. Вместо спонтанного возникновения мифов, присущего как общине, так и обществу модерна, современное общество постмодерна создало рациональное производство мифологии, что как средство и как результат все больше связывается с существованием и функционированием PR систем и с виртуальной социальностью как особым видом социального существования.

Библиографический список

1. Бергсон А. Два источника морали и религии М.: Канон, 1993.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть М.: Добросвет, 2000.
3. Вебер М. Избранное М.: Прогресс, 1980.
4. Волков Ю.Г., Ничитуренко В.Н., Самынин С.И. Социология: История и современность Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
5. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: СПбГУ, 2000.
6. Кравченко С.А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире М.МГИМО – Университет, 2007.
7. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992.
8. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.

9. *Московичи С.* Машина, творящая богов М.: Издательство «КСП+», 1998.
10. *Поппер К.* Открытое общество и его враги т. 1, 2 М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1993.
11. Проблемы теоретической социологии СПб. СПбГУ, Вып. 1, 2 1994-1996.
12. Современная зарубежная социология 70-80-е годы М.: ИНИОН, 1993.
13. Современная социальная теория Новосибирск НГУ: 1995.
14. Современная теоретическая социология: Э. Гидденс М.: ИНИОН, 1995.
15. Современные социологические теории общества М.: ИНИОН, 1996.
16. Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна М.: ИНИОН, 1996.
17. Социология на пороге XXI века М.: Интеллект, 1998.
18. Социо-логос Вып.1 М.: Прогресс, 1991.
19. *Степин В.С.* Теоретическое знание М.: Прогресс-Академия, 2000.
20. *Теннис Ф.* Общность и общество. М.: Владимир Даль, 2003.
21. *Шерозия А.Е.* Психика. Сознание. Бессознательное. Тбилиси: Мецниереба, 1979.

References

1. *Bergson A.* Two sources of morals and M religion: Canon, 1993
 2. *Bodriyyar Zh.* Symbolical exchange and death of M: Dobrosvet, 2000
 3. *Weber M.* Chosen in the M.: Прорече, 1980
 4. *Wolves of Yu.G., Nichipurenko V. N., Samynin S. I.* Sociology: History and present Rostov-on-Don: Phoenix, 1999
 5. *Ivanov D. V.* Society virtualization. SPb. : St.Petersburg State University, 2000
 6. *Kravchenko S. A.* Modernist style and postmodern sociology in dynamically changing world of M. MGIMO – University, 2007
 7. *Mamardashvili M. K.* As I understand philosophy. M: Progress, 1992
 8. *Mamardashvili M. K.* Classical and nonclassical ideals of rationality. Tbilisi: Мецниереба, 1984
 9. *Moskovichi.* The car creating gods of M: KSP + publishing house, 1998
 10. *Popper K.* Open society and its enemies of t. 1, 2 M: International fund «Cultural Initiative», 1993
 11. Problems of theoretical sociology of SPb. St.Petersburg State University, Vyp. 1, 2 1994-1996
 12. Modern foreign sociology 70-80th years of M: INION, 1993
 13. Modern social theory Novosibirsk NSU: 1995
 14. Modern theoretical sociology: E.Giddens of M. : INION, 1995
 15. Modern sociological theories of society of M: INION, 1996
 16. Sociological theories of the modernist style, the radicalized modernist style and M postmodern: INION, 1996
 17. Sociology on a threshold of the XXI century of M: Intelligence, 1998
 18. Sotsio-logos Vyp.1 of M.: Прорече, 1991
 19. *Stepin V. S.* Theoretical knowledge of M: Progress Academy, 2000
 20. *Tennis F.* Obshchnost's and society. M: Vladimir Dahl, 2003
 21. *Sheroziya A.E.* Mentality. Consciousness. Unconscious. Tbilisi: Мецниереба, 1979
-

УДК 2 (091):1(470)

UDC 2 (091):1(470)

А.А. МИРГОРОДСКИЙ

соискатель Центра гуманитарного образования Национальной академии наук Украины
E-mail: mirgorodskiy87@mail.ru

A.A. MIRGORODSKI

competitor of Center of arts education of National Academy of Sciences of Ukraine
E-mail: mirgorodskiy87@mail.ru

КОНЦЕПТ ЛЮБВИ В ФИЛОСОФИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

THE CONCEPT OF LOVE IN RENAISSANCE PHILOSOPHY

В статье доказывается, что идеалом философии любви эпохи Возрождения становится творческое вдохновение в гармонии духа и тела.

Ключевые слова: *agape, caritas, философия любви неоплатонизма, Эрос, эстетика любви.*

In the article it is noticed that the creative inspiration in garmony of a mind and body becomes an ideal of philosophy of love of Renaissance.

Keywords: *agape, caritas, philosophy of love of neoplatonism, Eros, aesthetics of love.*

Любовь относится к одной из высших смысло-жизненных ценностей человека, становление которой отражает весь духовно-культурный путь человечества. На каждом этапе исторического развития наблюдается своеобразие в утверждении этой ценности в человеческом бытии. В конце XIX – первой половине XX вв. наблюдается интерес к любви уже как особому предмету философских изысканий. Философия любви развивается в направлениях психоаналитической интерпретации феномена любви (З. Фрейд, Э. Фромм), в философско-антропологической школе (М. Шелер), в русской религиозной философии (прежде всего у Вл.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Б.П. Вышеславцева, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина). Тем не менее, сохраняется интерес и к тому значимому в понимании любви «повороту», который осуществлён был ещё ренессансными мыслителями, прежде всего на основе неоплатонической мистики и гедонистического принципа. Показать важность этих подходов для современной культуры ставит своей задачей автор.

В общей оценке эволюции представлений о любви, сложившейся в эпоху Возрождения целесообразно, на наш взгляд, исходить из концептуализации темы В.П. Шестаковым [1], который в развитии теории любви в данный период выделяет три этапа: первый (поэтический), или проторенессанс – время зарождения в итальянской поэзии «сладостного нового стиля» (*dolce stile nuovo*); второй этап, относящийся к XV веку, характеризуется появлением философских трактатов о любви, а в метафизическом смысле в этот период разрабатываются подходы к обоснованию философского пантеизма; третий этап (XVI в.) определяется как эротико-дидактический – представлен сочинениями практического и назидательного характера.

Если анализировать раннее европейское Возрождение, то своеобразную философию любви мы находим в творчестве таких итальянских и французских поэтов и писателей, как Данте Алигьери, Франческо Петрарка,

Джованни Боккаччо, Франсуа Вийон, Франсуа Рабле. Идеалом в любви становится гармония духа и тела, однако эта общая для эпохи установка дополняется своеобразным авторским видением феномена любви. Так, Данте Алигьери связывает любовь с творческим вдохновением и воспекает идеал неразделенной любви, воплощённый в образе Беатриче. Поэзия Данте отражает его философскую эстетику – из этой связки рождается одна из самых возвышенных страниц мировой литературы. «Чтобы философствовать, надо любить», – утверждал Поэт. На протяжении всей своей жизни Данте оставался верен своему идеалу любви, о чем впоследствии будет говорить Н.А. Бердяев в своих рассуждениях об идеальной влюбленности. Тема влюбленности также чрезвычайно важна и для понимания творчества Франческо Петрарки, «вдохновенно воспевавшего Лауру, образ которой символизировал собой всю прелесть мира» [2, с. 6]: «Благословен день, месяц, лето, час / И миг, когда мой взор те очи встретил! / Благословен тот край, и дол тот светел, / Где пленником я стал прекрасных глаз». Эти возвышенные слова свидетельствуют о том, что любовь здесь не просто условный поэтический приём, а принцип самой жизни, приобретающий форму сонета. Истинная любовь, как утверждает поэтически, захватывает всего человека, уже не способного мыслить себя вне служения женщине – земной, но при этом несущей и облик божественной красоты.

Самым ранним произведением второго этапа становления ренессансной «философии любви» являются «Диалоги о любви» Лоренцо Пизано [2, с. 21-47]. Мыслитель исходит из идеи, что Бог является источником всякой любви, однако сама по себе любовь как феномен человеческого бытия есть единство любящих, демонстрирующее прежде всего отказ от своекорыстия: «Секрет тут в том, что нельзя дарить любовь и нельзя совершенно ей отдаться, пока не достигнуто полное взаимоуподобление. Любящий как бы переливает себя в любимого и притягивает его силой своей любви, кото-

рая скрепляет их воедино. Тогда отдают уже не чужому, но как бы самому себе» [2, с. 21]. Любовь в понимании итальянского гуманиста неразрывно связана с красотой, интеллектом, волей людей. Для достойной любви необходимо, по его мнению, чтобы деяния любви освещались неугасимым светом естественного разума и целомудрия. Вместе с тем в оригинальных философских размышлениях о любви Лоренцо Пизано чувствуется и влияние аристотелизма. Так, утверждается, что материя вовсе не чужда любви, хотя и оформляет её дух. В определённой степени эта мысль будет близка и Л.П. Карсавину, который считал, что только дух способен возвысить материю – именно поэтому, по мысли русского философа, любовь *р а с т ё т*, отвергая подчинённость телесному, созерцая красоту и истину. По сути в обеих позициях наличествуют признаки гиллозоизма, одушевления материи.

Для понимания ренессансного толкования феномена любви особо важно подчеркнуть нацеленность эпохи на возрождение идеи античного Эроса как восхождения от чувственных стремлений к духовной силе, к благу и красоте. В этом контексте будет размышлять о любви Николай Кузанский [3], по мнению которого восхождение к высокому смыслу любви начинается от человека – именно в любимом обнаруживаются бесконечные и невыразимые основания для любви. Красота любимого совершенно неизмерима, бесконечна, ничем не ограничена, непостижима и потому может быть сравнима с абсолютным совершенством, то есть Богом. Бог в интерпретации философа – абсолютный максимум, отсюда ничего не может находиться за Его пределами, быть противоположным Ему, в Боге совпадают все противоположности. Единство Вселенной, всеобщая связь всего со всем обозначается словом любовь и уподобляется Святому Духу, доказывает мыслитель. Любовь представляет собой высшую связь, а Святой Дух – совершенную любовь. Исходя из этого, Н. Кузанский доказывает, что Бог всегда связан со своим творением. Эта интенция немецкого мыслителя особенно, на наш взгляд, присутствовала в интерпретациях любви последующими религиозными философами, её по-особому ощущал С.Н. Булгаков, в философских размышлениях которого красной нитью проходит мысль о чрезвычайном великодушии Бога. Бог настолько великодушен, что даёт людям свободу не любить Его (а любить кого-то вместо Него), тогда как Он всегда любовно связан со всем и каждым.

Центральным моментом в плане утверждения связи ренессансной эпохи с культурой античности в XV в. стало творчество Марсилио Фичино, а также деятельность созданной им Флорентийской академии. На собраниях академии присутствовала практически вся флорентийская интеллигенция того времени. Философский платонизм, в том числе теория любви Платона, был одной из популярнейших тем академического обсуждения. Фичино – крупнейший ренессансный мыслитель, развивающий философию любви в духе платонизма. Он пишет «Комментарий на “Пир” Платона. О любви» [2, с. 49-71]. Много позже подобный шаг сделает

и В.С. Соловьёв, написав «Смысл любви» и тем самым продолжив традицию христианского платонизма. В произведении Фичино представлена грандиозная диалектика любви, охватывающая собой не только человеческие чувства, но и отношения всех вещей и процессов в мире. По словам В.П. Шестакова [1], Фичино использует различные источники, которые относятся к философии любви: идеи эроса Платона, дружбы Аристотеля и стоиков, учение о космической любви Прокла, христианскую идею *caritas* и даже представления о куртуазной любви, но доминанта в его рассуждениях остаётся платоновская. Фичино видел в любви силу, которая соединяет тело и душу, материю и дух, человека и природу. По его мнению, любовь придаёт хаосу форму и организует мир в единое целое. В процессе любви происходит превращение любящего и любимого: один до самозабвения отдаёт себя другому, умирает в нём, но затем воскресает, возрождается и начинает жить уже не одной, а двумя жизнями. То есть, любовь – это единение душ, обмен душами, удвоение творческих потенций жизни. «Платон называет любовь горькой вещью, – пишет он. – И справедливо, потому что всякий, кто любит, умирает. Орфей называет её <...> сладостно-горькой, так как любовь есть добровольная смерть. Поскольку она есть смерть, она горька, но, так как смерть эта добровольна, – сладостна. Умирает же всякий, кто любит...» [2, с. 58]. Фичино в любви видит наслаждение и страдание, одновременно грусть и радость: «Ибо кто однажды умер, воскресает дважды, и за одну жизнь обретает две, и из себя одного превращается в двоих» [2, с. 59].

В этих строчках просматривается метафизическая сложность любви, проявляющаяся в слиянии, взаимном проникновении божественного и человеческого, в проблесках высшего смысла в обыденном, повседневном, в рождении единства в многообразии, в соединении разного, но в любви тождественного. В целом, в неоплатонизме любовь – это желание наслаждаться красотой, поиск прекрасного, который получает удовлетворение тремя способами: с помощью разума (интеллекта), зрения и слуха. Для Марсилио Фичино чувства не имеют отношения к любви, ибо они связаны с вожделением, отсюда желание соития и любовь противоположны. Вместе с тем всякая любовь благородна и праведна, потому что имеет божественный источник. Любовь – движущая сила, которая заставляет творения искать воссоединения с Богом, это «крепчайший обруч, скрепляющий мироздание в одно великолепное сооружение, а людей – во всеобщее братство» [4, с. 440]. Это духовное круговращение (круговой ток) – от Бога к миру и от мира к Богу. Таким образом, любить – значит занять место в этом мистическом круговращении. При этом любовь без познания слепа, ведь познание устремляет любовь к высшей цели, к благу, которые и есть красота. Как видим, в целом, Николай Кузанский и Марсилио Фичино развивали идею космической любви. Аналогичные идеи продолжили и углубили Л. да Винчи, Я. Бёме, Дж. Бруно, И.-В. Гёте. Особую популярность в последующие эпохи получила идея о том, что человеку присуще чувство всеобъемлющей любви.

Джованни Пико делла Мирандола опирается в своих размышлениях о смыслах человеческого бытия на одну из основных идей платонизма о том, что зачатие и рождение – проявление бессмертного начала в смертном существе. Он считает, что человек возвышается до высшей части универсума, очистившись от «грязи» земного тела и превратившись благодаря любви в «духовное пламя». Человек воспаряет до умопостигаемого неба, счастливо успокаивается в руках Отца [2, с. 9]. В его интерпретации любовь – это желание высшей красоты. Красота же есть облик любви, составляющей сущность мира. В свою очередь, всеохватывающая любовь пронизывает мир, потому что Бог сотворил её. Следовательно, где есть единство, есть любовь – там есть и Бог. Благодаря любви, возрастая от совершенства к совершенству, человек достигает такой ступени, на которой, как говорит философ, соединяя свою душу с умной природой и из человека сделавшись ангелом, он весь воспламеняется ангельской любовью. Итак, любовь происходит от красоты. На это обращает внимание и Леон Эбрео в своих «Диалогах о любви» [2, с. 72-77]. В его философии сущность прекрасного проявляется в грации, представляющей собой как бы отблеск идеальной, божественной красоты в материальном мире. Отсюда возникает и потребность в любви, то есть желание обладать и наслаждаться красотой. Материальный мир наполнен огромной любовью к своему идеальному началу, находящемуся в Боге, который приемлет мир дружбы. У Эбрео любовь – это творческий процесс единения с Богом в восхождении к высшим началам бытия. Смысл связи-любви состоит в интуитивном познании, что сообразуется с идеями большинства философов эпохи российского Серебряного века, в частности, с идеей интуитивного познания сердцем П.А. Флоренского, И.А. Ильина.

Мистический эротизм проявляется в творчестве Джордано Бруно. Для него истинная любовь – это путь божественного познания, выражающийся в героическом энтузиазме. Любовь обращена к Богу и являет человеку рай. В гедонистическом эротизме Мишеля Монтеня любовь – это жажда вкушать наслаждение от предмета желаний. Любовь присуща всем, «нею уравниваются человек с животным» [5, с. 243]. Лоренцо Валла представляет ренессансную линию философии любви в мировоззренческом плане оптимистично [6]. Предметом его трактата «О наслаждении» являются как земные удовольствия (речь идёт, в частности, о восхвалении винопития, женских прелестей, как в творчестве вагантов, миннезингеров), так и загробные. В этих своих размышлениях философ использует эпикурейское учение о наслаждении. Однако в христианской части трактата появляется критика как эпикурейства, так и стоицизма. Такое, на первый взгляд, противоречие в учении Лоренцо Валла аргументированно пояснил А.Ф. Лосев [7]. По его мнению, Валла учит о таком удовольствии или наслаждении, которое ничем не отягощено, ничем плохим не грозит, которое бескорыстно и беззаботно, которое глубоко человечно и в то же самое время божественно. Бог всё творит только для любви.

Любовь же разлита по всему миру. Отсюда все и всё наследуют вечную любовь, но только вместе с Богом.

Неоплатоническая линия в философии любви продолжена Франческо Каттани [2, с. 89-125], в большей мере интересующегося земной человеческой любовью, нежели небесной, божественной. «Изумительная красота, – пишет философ, – рождается в теле мира от союза столь различных и противоположных вещей, которые, объединяясь, составляют большое одушевлённое творение. И если дозволено сравнивать большое с малым, мир подобен человеку...» [2, с. 109]. Благодаря учению Каттани происходит постепенная психологизация в понимании категории любви, «очеловечивание» её. Мыслитель считает, что хотя телесная любовь и несовершенна, но только она позволяет человеку идти путём самопознания, самоусовершенствования, восходить через духовное очищение к красоте более высокой, к любви небесной. Чистоту и целомудренность этой бесконечной небесной любви подчёркивает более поздний трактат Тулли Арагоны «О бесконечности любви» [2, с. 155-202]. Целью возвышенной любви, как утверждается в нём, является духовная потребность так воплотиться в любимом, чтобы составить с ним единое существо: «... в любви совершенной, о которой рассуждаем мы сегодня, любящий и влюблённый – единое целое, в котором один перевоплощён в другого» [2, с. 198]. Но эта любовь предполагает и телесный элемент, что неоднократно подчёркивается в ходе интеллектуального диалога (в жанре которого написано произведение Арагоны). Главная идея тут – нельзя любить до определенного предела, потому что настоящая любовь беспредельна и бесконечна, причём, «любовь бесконечна не в действительности, а в потенции...» [2, с. 179].

Таким образом, постепенно в сочинениях о любви в эпоху Возрождения начинают доминировать не космология или онтология, а психология, этика, эстетика любви при сохранении религиозного подтекста в её трактовке. К примеру, для Джузеппе Бетусси настоящая любовь необходима для продолжения рода человеческого, ориентирована на телесное начало, но это только начало пути. Любовь, как утверждает он, «способна провести нас через созерцание красоты телесной и смертной к приобщению к красоте вечной и небесной. Ибо истинная любовь не отвращает нас от Бога, но является лестницей, к высшей красоте ведущей» [2, с. 285]. Писатель Бальдассаре Кастильоне также считал [2, с. 79-86], что любовь – стремление к красоте, а красота означает победу идеального начала над чувственным. Истинная любовь носит духовный и разумный характер. Любовь закрепляется поцелуем, но поцелуй – не столько единение тел, сколько слияние душ (Гёте), при котором одна душа управляет двумя телами. Заметим, что спустя время, поэт Серебряного века З.Н. Гиппиус будет обоготворять именно поцелуй как символ любви.

Трактаты о любви в поздний ренессансный период постепенно превращаются по жанру в художественные произведения. В XVI в. во Франции возникает поэтическая школа «Плеяда», глава которой П. Ронсар, воспе-

вая любовь к Кассандре и Елене, в поэтических образах рассуждает о любви. В литературу Великобритании тема любви входит благодаря творчеству Д. Чосера, Ф. Сидни, Д. Донна. Но настоящим гимном любви становятся произведения У. Шекспира: «Любовь способна низкое прощать / И в доблести пороки превращать, / И не глазами – сердцем выбирает» («Сон в летнюю ночь»). Та же мысль и в «Венецианском купце». Творческая сила любви раскрывается в сонетах: «Любовь – маяк, к которому суда доверятся и в шторме, и в тумане». В творчестве Шекспира проявляется и антиномизм чувственной (Венера) и возвышенной, идеальной любви (Адонис), что характерно для философии неоплатонизма. Подлинный трагизм жизни и любви запечатлён в шекспировских трагедиях «Ромео и Джульетта», «Отелло», «Гамлет» [8]. В них утверждается любовь как сила, которую не могут преодолеть никакие человеческие страсти и конфликты. В трагедии «Король Лир» Корделия любовью спасает своего отца, не сразу духовно прозревающего. Любовь Ромео и Джульетты стремится преодолеть социальный конфликт, вражду двух семейств. Влюбленные погибают, но ценой своей жизни и силою своей любви они достигают мира между семьями Монтекки и Капулетти. Феодальный закон мести уступает новому миру любви: «Затмил бы звезды блеск её ланит, / Как свет дневной лампаду затмевает, / Глаза ж её с небес струили б в воздух / Такие лучезарные потоки, / Что птицы бы запели, в ночь не веря ... / О говори, мой светозарный ангел! / Ты надо мной сияешь во мраке ночи, / Как легкокрылый посланец небес». Интересно, что поистине шекспировский сюжет семейной вражды на фоне любви главных героев будет разворачиваться и в повести «Тени забытых предков» украинского писателя М. Коцюбинского.

В эпоху Возрождения рождается особое мировоззрение, которое принято называть утопическим. В рамках этого «жанра» идея любви связывается с созданием разумной социальной организации для гармониза-

ции общественных отношений, поиска общественного устройства, при котором любовь будет основана не на корысти, а на свободной привязанности и взаимном чувстве (Т. Кампанелла «Город Солнца»). Томас Мор в «Утопии» осуждает захватнические войны и роскоши феодального дворянства. Автор рисует идеальный общественный строй острова Утопии. Подобные философские идеи содержатся и в работе Шарля Фурье «Новый любовный мир» [9, с. 21-32]. Фурье пишет, что цель природы – в равновесии обоих видов любви – любви чувственной и любви сентиментальной. Материальная (чувственная) любовь не уступает по рангу любви сентиментальной. Фурье ратует за гармоничное обеспечение лицам всех возрастов наслаждения благами любви, причем не меньшее, чем то, каким в настоящее время пользуются люди в расцвете сил. Образцом философии любви испанского Возрождения стал «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса. Дон Кихот Ламанчский – «странствующий рыцарь без страха и упрека» – верен гуманизму Золотого века, который воплощается в идеале – возлюбленной Дульсинеи. Ренессансный гуманизм проявляется и у Э. Роттердамского, который своими произведениями возвращает к духу раннеапостольского христианства. В целом, в эпоху Реформации (в частности, в протестантизме) придается большое значение чистоте в моногамическом браке, освященном божественной любовью.

Таким образом, можно утверждать, что в разнообразных по жанру и мировоззренческим подходам сочинениях деятелей эпохи Возрождения присутствует гармоничный синтез любви-эроса и любви-агапе. Философия любви как направление метафизических размышлений в этот культурно-исторический период имеет прежде всего эстетическое измерение. В мировоззренческом же плане наблюдается синтез неоплатонизма и христианства. Все это роднит данную традицию с философией любви русского Серебряного века, ставшего «ренессансом» философской культуры рубежа XIX-XX вв.

Библиографический список

1. Шестаков В.П. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство. М.: Республика, 1999. 464 с.
2. О любви и красотах женщин: трактаты о любви эпохи Возрождения / Составитель В.П. Шестаков. М.: Республика, 1992. 368 с.
3. Кузанский Н. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1979. 488 с.
4. Философия любви. В 2 т. Ч. 1 // Антология любви / [сост. А.А. Ивин]. М.: Политиздат, 1990. 510 с.
5. Этика: Энциклопедический словарь. Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. 671 с.
6. Валла Лоренцо. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М.: Наука, 1989. 475 с.
7. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
8. Шекспир У. Собрание сочинений. Избранное. В 2-х ч. Ч. 2. / Составитель А. Аникст. М.: Просвещение, 1984. 208 с.
9. Трактаты о любви: сборник текстов / Сост. О.П. Зубец. М.: ИФ РАН, 1994. 187 с.

References

1. Shestakov V.P. Eros and culture: Philosophy of love and European art. M.: Respublica, 1999. 464 p.
2. About love and beauties of women : treatises about love of Renaissance age / Compiler V.P. Shestakov. M.: Respublica, 1992. 368 p.
3. Kuzanskiy N. Makings in 2 volumes. V. 1. M.: Mysl, 1979. 488 p.
4. Philosophy of love. In 2 v. P. 1 // Anthology of love / Compiler A.A. Ivin. M.: Politizdat, 1990. 510 p.
5. Ethics: Encyclopaedic dictionary / edited by R. G. Apresyan and A. A. Guseynov. M.: Gardariki, 2001. 671 p.
6. Valla Lorenzo. About the veritable and false blessing. About a free agency. M.: Nauka, 1989. 475 p.
7. Losev A.F. Aesthetics of the Renaissance age. M.: Mysl, 1978. 623 p.
8. Shakespeare William. Collected works. Select. In 2 v. P. 2 / Compiler A. Anikst. M.: Prosveshchenije, 1984. 208 p.
9. Treatises about love: collection of texts / Compiler O. P. Zubets. M.: IF RAN, 1994. 187 p.

УДК 130.2

UDC 130.2

А.В. НОЗДРУНОВ

аспирант кафедры логики философии и методологии
науки Орловского государственного университета
E-mail: pod_tarnum@mail.ru

A.V. NOZDRUNOV

postgraduate student of logic, philosophy and methodology
of a science of the Orel state university
E-mail: pod_tarnum@mail.ru

ФЕНОМЕН МОРАЛЬНОЙ РЕГУЛЯТИВНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

PHENOMENON OF MORAL REGULATORY SYSTEM IN MODERN CULTURE

В статье рассматривается моральная регулятивная система. Выделяются ее основные параметры: абстрактность; субъективность; свобода выбора и, как следствие, постоянная ответственность за него; равнозначная ответственность как перед самим собой, так и перед внешней действительностью; индивидуальный характер нормирования. Раскрываются механизмы возникновения и функционирования. Обосновывается исключительный характер данной регулятивной системы.

Ключевые слова: регулятор, норма, мораль, культура, система.

In article are considered moral regulatory system. Its key parameters, such as abstractness, subjectivity, a freedom of choice and as a result constant responsibility for it, equivalent responsibility, both before by itself, and before external reality, individual nature of rationing are allocated. Emergence and functioning mechanisms reveal. Exclusive character of this regulatory system locates.

Keywords: regulator, norm, morals, culture, system.

Изначальное употребление категории морали связывается с именем Цицерона, в трудах которого она выступает только как латинский аналог греческой дефиниции «этика», то есть основные предпосылки моральной регуляции формировались синкретично с ней. Как отмечает С.С.Хоружий: «В ту эпоху для греческого разума еще было в значительной мере неведомо, что представляет собой человеческая личность, взятая сама по себе, an sich; но зато, напротив, было прочно известно почти все о том, как эта личность может и должна действовать в мире, который окружал и определял ее» [18; 85-97]. Данная тенденция получила свою окончательную абсолютизацию в этической концепции Аристотеля. «Философия Стагирита развертывает обширный этический дискурс, поразительно проработанный и подробный» [18].

Античное отождествление предметного поля этического и морального сводилось к теоретическому описанию добродетелей, в которых доминантное значение отводилось умеренности и мере. Такое тождество не могло сохраняться вечно, что в конечном итоге должно было привести к дифференциации данной категории. Преломляясь в модусе мировоззрения, разного для различных исторических эпох, классическая этика постоянно совершенствовалась и дополнялась постановкой всевозможных вопросов, центральное место которых отводилось под моральный стержень личности. Подобная тенденция хорошо заметна в работах А.А.Гусейнова: «Аристотелевское определение добродетели как середины было продолжением и завершением укорененного в древнегреческом сознании требования меры. Средневеково-христианская этика

и по существу, и по субъективным установкам была комментарием к евангельской морали. Исходным пунктом и существенным основанием этики Канта является убеждение морального сознания в том, что его закон обладает абсолютной необходимостью» [7; 5-18].

Изменения в неклассической философии не могли не затронуть и этики как науки, взгляды которой также деформируются и приобретают новые качества, свойственные для всего периода XIX века. В связи с этим, представления о морали также приобретают новые, специфические основания. По мнению некоторых исследователей, в частности, Хоружего С.С.: «лишившись своих классических и Аристотелианских оснований и находясь в поиске новых принципов и моделей, как в этике, так и в антропологии, – философия с необходимостью должна обратиться к неклассическому дискурсу» [18; 85-97]. Несмотря на то, что классическая и постклассическая этические традиции с определенного момента развивались параллельно, между ними, тем не менее, происходила некоторая взаимосвязь.

Практически все философские системы неклассического периода включают в себя этические компоненты, отличные по своему содержанию, но схожие на основании некоторых тенденций, о которых мы можем судить по ряду признаков. А. Гусейнов выделяет два таких общих признака; во-первых, антинормативизм, понимаемый как «отказ от самостоятельных и общезначимых программ нравственного совершенствования человека; его еще можно назвать контекстуализмом, имея в виду, что в познании морали акценты сместились с общих принципов (универсальных основоположений) на частные, предметные воплощения» [6]. Стоит от-

метить, что такой подход способствует формированию принципиально нового направления этической мысли – прикладной этике. Во-вторых, это новая диспозиция этики по отношению к морали как к своему предмету. «Этика из теории, легитимизирующей (проясняющей, обобщающей и продолжающей) моральное сознание, стала инстанцией, разоблачающей и дискредитирующей его; она теперь уже – не столько теория морали, сколько ее критика» [6]. Вместе с тем, происходит деформация диспозиция морали и личности, и, следовательно, нормативной модели регуляции ее поведения. Если для поздней классической философии мораль стоит над индивидом, то неклассическая философия трансформирует отношение к морали уже через переживание субъекта.

Феномен прикладной этики своим существованием демонстрирует один из парадоксов моральной системы регуляторов. Несмотря на то, что в основе прикладной этики лежит моральная ответственность специалиста, а также на теоретическом уровне используется одинаковый категориальный аппарат, прикладная этика по своей природе выступает как законодательная регулятивная система, так как несет предписательный характер. Данная особенность подчеркивается на примере «Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека»: «В октябре 2005 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла путем аккламации Всеобщую декларацию о биоэтике и правах человека. Впервые в истории биоэтики государства-члены и международное сообщество обязались уважать и реализовывать основополагающие принципы биоэтики, изложенные в едином документе. Декларация затрагивает этические вопросы, касающиеся медицины, наук о жизни и связанных с ними технологий применительно к человеку, и, как отражено в ее названии, основывается на тех принципах, которые она утверждает в нормах, обеспечивающих уважение человеческого достоинства, прав человека и основных свобод» [2; 2].

Рассмотрев многообразие функций морали в системе этики, которая зависит от той или иной философской традиции (классической или неклассической), мы можем приступить к рассмотрению определения морали как минимальной основы моральной регулятивной системы. Стоит отметить, что противоречие между различными определениями может коррелироваться за счет первоначальных установок принципиально разных этических традиций.

Исторически сформировались две диаметрально противоположные позиции, касающиеся взаимоотношений категорий морали и нравственности. С одной стороны, нравственность выступает в качестве синонима морали или же имеет с ней весьма незначительные различия. Сторонниками такой позиции являются, к примеру, Г.О. Дробницкий, что подтверждается следующей цитатой: «Общеввропейская традиция в понимании и толковании слова «Мораль» восходит к ранней античности. Этимологически «мораль» восходит к латинскому *mos*, множественное число *mores* – «нравы». Точно так же и синоним ее, «нравственность», имею-

щийся в некоторых европейских языках (*Sittlichkeit* в немецком), происходит от термина «нравы» (*Sitten*), что можно считать результатом натурализации латинского слова. Уже в самом происхождении слова «мораль» можно увидеть источники многосмысленности и расплывчатости обозначаемого им понятия» [10; 22].

С другой стороны, семантическое значение данных категорий разводится. Впервые такая позиция была сформулирована в работах Г.В.Ф. Гегеля, в которых мораль понималась с точки зрения субъективного модуса личности, ценность которой определяется ее намерением: «Чтобы быть моральным, каждый поступок должен прежде всего совпадать с моим намерением, ибо право моральной воли состоит в том, что в ее наличном бытии получает признание лишь то, что внутренне существовало как умысел. Умысел касается лишь формальной стороны, т.е. внешняя воля должна быть во мне и как нечто внутреннее. Напротив, во втором моменте возникает вопрос о намерении при совершении поступка, т.е. об относительной ценности поступка для меня.... Первым разрывом в поступке является разрыв между тем, что составляло умысел, и тем, что налично-сущее и совершено; вторым – между тем, что существует внешне как всеобщая воля, и внутренним особенным определением, которое я ему придаю....» [4; 160]. Субъективная структура моральности, получая свою абсолютизацию и объективность, трансформируется в более совершенную, по мнению мыслителя, форму – нравственность, и уже она начинает детерминировать поступки индивида или являться объективным критерием его поведения: «Есть ли индивид, объективной нравственности безразлично, она одна только есть пребывающее и сила, управляющая жизнью индивидов. Поэтому нравственность представляли народам как вечную справедливость, как в себе и для себя сущих Богов, по сравнению с которыми суетные деяния индивидов остаются лишь игрою волн» [4; 201].

Последняя позиция интересна для нашего исследования тем, что в категории морального выделяются два различных компонента. Моральность, в том виде, в котором она существует у Г.В.Ф. Гегеля, в полной мере отвечает всем характеристикам моральной регулятивной системы. Нравственность, в свою очередь, используя и оперируя тождественными с моральностью категориями, способна существовать только в модусе традиционной регулятивной системы, т.к. критерии ее формирования, а также условия ее целей и, следовательно, санкций нарушения определяются традиционным нормированием. То есть, фактически, нравственность продолжает рассматриваться Г.В.Ф. Гегелем в античном дискурсе Стагирита. Демаркация между моральностью и нравственностью в полной мере оформляется в такой исторической социокультурной ситуации, которую Ю. Хабермас описывает как: «Но после того, как в ходе динамики цивилизации запас традиции был почти полностью израсходован, современное общество оказалось вынужденным регенерировать моральные энергии единства из своего собственного секулярного содержания, иначе говоря, из коммуникативных ресурсов

жизненных миров, проникнутых сознанием имманентности своих конструкций самости» [17; 37].

Необходимо понимать, что категории морали и моральной регулятивной системы не тождественны (несмотря на то, что мораль является одним из примеров морального нормирования). Данный тезис наглядно демонстрируется при анализе регулятивных функций морального нормирования, которыми, по сути, выступают ценности. При допущении того, что основной интенцией ценности морали выступают категории «блага» или «добра» (как например у Н.О. Лосского, где данные качества персонифицируются в Боге: «Как бы ни расходились между собой нравственные правила, которым следуют разные народы, эпохи и отдельные лица, все же они могут быть поняты как различные ступени восхождения к одной и той же цели... ведущие, однако, вверх по направлению к одной и той же области бытия и ценностей, к порогу Царства Божия» [14; 96]), моральная регулятивная система также должна возводить своей конечной целью данные категории, что на практике не совсем верно. Наиболее наглядно это видно на примере введенного Ф.Ницше феномена «ресентимента». М.Шеллер так определяет данную категорию: «Ресентимент – это самоотравление души, имеющее вполне определенные причины и следствия. Оно представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой натуры, – запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам. В первую очередь имеются в виду такие душевные движения и аффекты, как жажда и импульс мести, ненависть, злоба, зависть, враждебность, коварство» [19]. При этом «Носитель же ресентимента, наоборот, представляется самому себе «добрым», «чистым», «человечным»» [19].

Одним из необходимых условий существования моральной системы регуляции выступает абстрактный или общий характер ее норм и предписаний. Моральное нормирование формирует общую интенцию деятельной или поведенческой модели индивида, допускающую в своей структуре в большей или меньшей степени определенную степень конкретности. Тем не менее, в конечной модели предписаний поведения такой тип регуляции не затрагивается конкретный, практический компонент поведения.

Наиболее ярким примером абстрактного характера моральной регуляции выступает этическая концепция И. Канта. В качестве самых простейших (и, следовательно, более конкретных) паттернов морального поведения в его концепции выступают максимы поведения как этические установки, имеющие ценность только для конкретного субъекта. В свою очередь регуляцию более высокого порядка (составляющую, по мнению мыслителя, объективацию морального закона, экстраполируя его на все человечество) формируют гипотетические и категорические императивы: «Если допускают, что чи-

стый разум может заключать в себе практическую основу, т. е. достаточную для определения воли, то имеются практические законы; а там, где этого нет, все практические основоположения будут только максимами.... Так, кто-нибудь может сделать своей максимой не оставлять неотомщенным ни одного оскорбления, и тем не менее он может понять, что это не практический закон, а только его максима;... Но для существа, у которого разум не единственное определяющее основание воли, это правило есть императив, т. е. правило, которое характеризуется долженствованием, выражающим объективное принуждение к поступку, и которое означает, что, если бы разум полностью определил волю, поступок должен был бы неизбежно быть совершен по этому правилу.... Императивы определяют или условия причинности разумного существа как действующей причины только в отношении результата и достаточности для него, или же определяют только волю, [безразлично], будет ли она достаточной для результата или нет. Максимы, следовательно, хотя и основоположения, но не императивы. А сами императивы, если они обусловлены, т. е. определяют волю не просто как волю, а только в отношении желаемого результата, т. е. если они гипотетические императивы, они, правда, практические предписания, но не законы» [11; 331-333].

Абстрактная природа нормативной базы моральной регулятивной системы детерминирует поливариантность ее применения. Любая конструкция морального долженствования не способна дать индивиду четкий план действия (за исключением морального запрета на некоторые поступки), насколько бы тотальной такая установка не была. По этой причине право конкретизации морального требования и выбора линии поведения из нескольких инвариантов, по сути, всегда остается за человеком, вне зависимости от внешних обстоятельств, мнимо управляющих субъективным выбором. Из этой посылки формируется еще одна уникальная особенность моральной регуляции, при которой индивид несет моральную ответственность за свои поступки вне зависимости от формы или модели их исполнения. Данный тезис можно проиллюстрировать на анализе простейшей максимы, предложенной И. Кантом: «Так, кто-нибудь может сделать своей максимой не оставлять неотомщенным ни одного оскорбления» [11; 331]. В первую очередь, необходимо отметить, что интроспекция данной установки происходит в модусе моральной регулятивной системы (то есть этого не требует традиция или закон). Данная максима не детерминирует индивида к выполнению какого-либо определенного сценария, то есть фактически, способ и критерий «отмщения» устанавливается субъективно. Но в большей степени наличие обязательной ответственности продуцирует тотальный характер данной максимы. В отличие от других регулятивных систем, моральное нормирование не предполагает каких либо конкретизаций или исключений (за исключением редких уточнений), по этой причине каждый акт ее выполнения способен ставить человека перед дилеммой. С одной стороны, исполнение максимы вступает в конфликт с другими моральны-

ми установками, с другой стороны, сформулированная и принятая индивидом максима сама по себе накладывает ответственность за свое исполнение.

Важно понимать, что норма моральной регуляции с необходимостью должна быть индивидуальной. Она может полностью или частично восприниматься или копироваться другими индивидами, но, тем не менее, в своем проявлении должна быть осмыслена и принята каждым человеком самостоятельно. Только при таком условии она способна осуществлять регулирующую функцию и, следовательно, становится обособленной от других типов регуляций. Эту тонкую грань можно рассмотреть на примере этического учения М. Ганди, важную роль в котором играет категория «ахимса». Принцип ахимсы, или ненасилия, имел принципиальное значение для его мировоззренческой установки: «Для Ганди истина – не столько категория познания, сколько моральный принцип, имеющий самое широкое применение [3; 8]. ...Ахимса – основа для поисков истины. Я каждый день убеждаюсь, что эти поиски напрасны, если они не строятся на принципах ахимсы» [3; 246] и по своей структуре является нормой моральной регуляции. В то же время, сконструированная Махандосом по принципу ахимсы сатьяграха (форма протеста, при которой происходит полный отказ от сотрудничества с неудовлетворяющей протестующих властью), способна функционировать только в модусе законодательной регуляции. В дальнейшем она потенциально способна трансформироваться в моральную норму (не обязательно тождественную ахимсе) для другого субъекта следующего сатьяграхе, через ее переосмысление. Так, амбивалентно трансформируясь в законодательную (значительно реже в традиционную) регуляцию, моральная норма имеет теоретическую возможность стать всеобщей, как об этом, к примеру, мечтал И. Кант: «... если бы эта воля сделала себя также и всеобщим законом природы, могли бы, несомненно, служить волне подходящим типом для нравственно доброго...» [11; 394].

Личностный характер моральной регулятивной системы способствует возникновению еще одной уникальной черты, свойственной данному типу регуляции. С одной стороны, в качестве объекта морального нормирования выступает непосредственно индивид, но с другой стороны, фигурирует многоуровневая система субъектов. В первую очередь субъект тождественен объекту. Личность сама формулирует моральные нормы должностования по отношению к самому себе, придерживается их, а также сама несет ответственность в случае их неисполнения. В то же самое время, субъектом моральной регуляции параллельно может также выступать некто «посторонний», который способен персонифицироваться как в абстрактной трансцендентной субстанции, так и во вполне конкретной личности.

Само наличие роли «постороннего» в качестве еще одного субъекта моральной регулятивной системы ставит перед исследователями проблему доминантного субъекта. Как уже было отмечено ранее, непосредственное формирование моральной регулятивной системы

совпадает с развитием представлений о динамичной форме посмертного воздаяния, критерием которого становится совокупность всех хороших и плохих действий индивида. По этой причине единственной нерушимой основой молодой моральной регуляции мог выступать только «посторонний». В дальнейшем, с развитием моральных представлений, религиозная догматика отходит на второй план, т.к. с одной стороны, она не охватывает всего многообразия морального регулирования, а с другой стороны, она не останавливает от аморального поведения личностей, их разделяющих. Кроме того, моральная регулятивная система в полной мере функционирует и у неверующих людей. Данный спор весьма хорошо проиллюстрирован в эссе У. Эко «Когда на сцену приходит другой» [20; 9-25]. В нашем исследовании мы согласны с У. Эко в том, что неверующий индивид по определению должен быть более моральным, и дело даже не в том, как он полагает, что: «Другой взгляд Другого определяет и формирует нас. Мы (как не в состоянии существовать без питания и без сна) неспособны осознать, кто мы такие, без взгляда и ответа Других.... При отсутствии со стороны других новорожденный, брошенный в джунглях, не очеловечивается» [20; 14-15]. В первую очередь, если доминанта остается за «посторонним», то и большая часть ответственности также перекладывается на него, будь то моральная установка наставника, или, к примеру, одобрение церкви. Это происходит за счет личностной особенности данной регуляции. Во вторую очередь, диалектика с посторонним дает возможность прощения единичных прегрешений. Так, к примеру, практически во всех более развитых религиозных формах присутствует дифференциация поступка, при которой добродетельная и негативная деятельность суммируются (будь то карма, страшный суд и т.д.). В более древних религиях данный компонент отсутствует. К примеру, у скандинавских племен для достижения первичного «рая» было достаточно с честью умереть в бою: «все павшие в битве с тех самых пор, как был создан мир, обитают теперь у Одина в Вальгалле» [16; 36], а для попадания в «рай» после Рагнарека хватало не становиться клятвопреступником или злодеем-убийцей: «... Синдри. В этом чертоге будут жить хорошие, праведные люди. На Берегах Мертвых есть чертог огромный и ужасный, дверью на север. ... по чертогу текут ядовитые реки. Те реки переходят вброд клятвопреступники и злодеи-убийцы» [16; 54].

Этическая концепция о добродетелях постепенно формируется в моральную систему регуляторов не спонтанно. Необходимой к этому предпосылкой является постепенная трансформация коллективной и космоцентрической мировоззренческой системы на индивидуальное или личностное мировоззрение. Индивид перестает мыслить себя только в модусе своего социального окружения, обособляя свое собственное «Я», и, следовательно, начинает нести ответственность за результаты своих действий не только перед окружающими людьми, но что важно, и перед самим собой. Более того, импликация этических представлений в эк-

зистенциальную сферу индивида способствует нормированию не только поступков человека, но также его мыслей и желаний. Пример этому мы находим в работах Нила Сорского: «Сочетанием святые Отцы называют собеседование с пришедшим помыслом, т.е. как бы тайное от нас слово к явившемуся помыслу, по страсти или бесстрастно; иначе, принятие приносимой от врага мысли, удержание ее, согласие с ней, и произвольное допущение пребывать ей в нас. Это святые отца почитают уже не всегда безгрешным, но оно может быть и похвально, если богоугодно разрешится» [15; 18]. На этой же особенности моральной регулятивной системы основываются большинство пролонгированных комплексов вины.

После выделения субъекта моральной системы регуляторов мы должны обозначить ее механизмы и свойственные ей санкции. Важнейшими категориями для такого типа нормирования являются дефиниции «совести» и «стыда», причем в некоторых концепциях они рассматриваются как тождественные «Отсюда делаются два противоположных вывода относительно природы совести.... Другой состоит в том, что совесть – это обобщенный и интериоризированный (перенесенный во внутренний план) голос значимых других. Так что совесть истолковывается как специфическая форма стыда...» [8; 205]. Основываясь на этих категориях, индивид проводит оценку последствия своих действий (а также действий других людей, в сравнении со своими ценностями) и сам выбор, заставляющий человека переосмысливать мотивы, основания своего морального выбора, свои представления и т.д. Дефиниции совести и стыда функционируют как механизмы существования моральной регуляции. Санкцией в этом случае для индивида будет выступать «раскаяние», которое по своей значимости не будет уступать санкциям других регулятивных систем. В качестве примера воздействия раскаяния как санкции моральной регуляции мы можем привести отрывок из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Дикарь стал добывать деньги поденною работой в Женеве, добытое пропивал, жил как изверг и кончил тем, что убил какого-то старика и ограбил. Его схватили, судили и присудили к смерти. Там ведь не сентиментальничают. И вот в тюрьме его немедленно окружают пасторы и члены разных Христовых братств, благотворительные дамы и проч. Научили они его в тюрьме читать и писать, стали толковать ему Евангелие, усовещивали, убеждали, напирали, пилили, давили, и вот он сам торжественно сознается наконец в своем преступлении. Он обратился, он написал сам суду, что он изверг и что наконец-таки он удостоился того, что и его озарил господь и послал ему благодать.... И вот наступает последний день. Расслабленный Ришар плачет и только и делает, что повторяет ежеминутно: «Это лучший из дней моих, я иду к господу!»» [9; 264-265].

Вопрос о естественности моральной регулятивной системы для человечества весьма противоречив, и тем более, не имеет решения вне контекста своей уникальности, который трактуется двояко. С одной стороны, мы

можем привести позицию К. Лоренца, в которой мораль или моралеподобные механизмы торможения агрессии рассматриваются неотъемлемым атрибутом любого биологически развитого животного существа, обладающего «естественным вооружением». Проточеловек, по своей природе не имеющий достаточных средств для нанесения непреднамеренного вреда своему соплеменнику, на генетическом уровне лишен таких механизмов. Тем не менее, с развитием интеллектуальных способностей и технического потенциала человек превращается в самое опасное существо. При этом в качестве компенсации начинает формироваться «осмысленная мораль», основной целью которой является замещение моралеподобных механизмов, тормозящих агрессию, которая уже свойственна животным. Сам мыслитель пишет по этому поводу так: «Гораздо полезнее скромно осознать, что она [мораль] «всего лишь» компенсационный механизм, который приспособливает наше инстинктивное наследие к требованиям культурной жизни и образует с ним функционально единую систему. Такая точка зрения разъясняет многое из того, что непонятно при ином подходе» [13]. Соглашаясь с такой позицией, антропологическая моральная система регуляторов теряет свою уникальность и превращается в физиологическую особенность, формирующуюся у индивида по определенному алгоритму. С другой точки зрения, даже если мы допускаем этический компонент в поведении животных (если он не является одной из разновидностей природных инстинктов), то он все равно не имеет своего законченного вида, то есть, по сути, не образует полноценной регулятивной системы. В этом случае вся этичность животных весьма схожа с категорией «нравственности», то есть, четко детерминирована принятыми в стае (или же продиктованными инстинктами) обычаями и, следовательно, практически не зависит от индивидуальных особенностей единичной особи. Исходя из таких предпосылок, феномен моральной регулятивной системы является уникальной особенностью только развитого человеческого общества, и, следовательно, не способен формироваться, не будучи связанным с развитием культуры.

В нашем исследовании мы в большей степени склоняемся ко второй позиции по нескольким причинам. С одной стороны, до определенного исторического периода мы не находим в человеческой этичности основных признаков (субъекта и санкций) уникальной и законченной регулятивной системы (к примеру, Гесиод в книге «Труды и дни», порицая своего брата за несправедливость, в качестве предполагаемой санкции делает акцент не на необходимости его раскаяния, а устрашает его лишением вполне материальных благ «Если богатство великое кто иль насильем добудет, или разбойным своим языком – как бывает нередко... Боги легко человека такого унижат, разрушат дом, – и лишь краткое время он тешиться будет богатством» [5; 61]), а с другой стороны, наличие этих же специфических признаков не фиксируется исследователями и у животных.

Так как основные ценности моральной регуляции не являются для человеческого сознания врожденными,

то необходимо показать основные механизмы, при помощи которых происходит их усвоение и дальнейшее структурирование. Учитывая специфику такой формы нормирования, его становление является квинтэссенцией взаимодействия самых различных элементов, таких например, как образование, воспитание, влияние авторитетов, воздействие искусства, субъективные психические свойства индивидов и т.д., которые образуют бесконечное количество всевозможных сочетаний. Тем не менее, мы можем выделить две основные общие особенности, характерные для моральной регуляции. В первую очередь, это временные границы ее формирования. Для существования моральной регуляции индивид должен начинать осознавать себя вне контекста своего окружения, то есть выделять свое собственное «я». У ребенка данный возрастной предел наступает приблизительно в три года. Во вторую очередь, это социальные условия. Подобно остальным регулятивным системам, моральные нормы и ценности усваиваются и затем закрепляются индивидом во время процессов социализации и инкультурации. Но особенностью является то, что моральная регулятивная система формируется, имплицитно включая в себя опыт внешних регулятивных систем, то есть тесно с ними связывается.

Широкое употребление в обыденном языке таких слов, как бессовестный (или его аналоги в других) или безнравственный, ставит еще одну проблему, касающуюся моральной регулятивной системы, а именно – возможность существования современного индивида вне контекста моральной регуляции. Острота проблемы подкрепляется субъективностью (и, следовательно, уникальностью) границ морального регулирования.

Центральной категорией в данной проблематике выступает дефиниция морали, теоретическая интенция которой непосредственно для индивида должна быть направлена в первую очередь на его этическое совершенствование. Но в практических отношениях это не совсем так. За счет многомерности возможных вариантов реализации моральных принципов, она продуцирует ряд внутренних противоречий, допущение которых будет являться своеобразным компромиссом. Например, Р.Г. Апресян в качестве такого компромиссного варианта предлагает вариант «этического квадрата», включающего в себя два основных моральных противоречия «Я – другие» и «универсализм – партикуляризм». Взаимоотношение данных противоречий выявляет четыре основных моральных принципа, а именно – наслаждения, пользы, личностного совершенствования и милосердной любви. Доминанта каждого из этих принципов обозначается как гедонизм, перфекционизм, утилитаризм и альтруизм [1; 153]. При этом сам исследователь делает очень важное замечание: «ни один из принципов морали сам по себе не гарантирует того, что избрав его, человек исполнит нравственный

закон и обеспечит себе путь к подлинному совершенству. Нравственное совершенство и заключается, заключалось бы в том, что человек в своих поступках, в своем образе мысли воплощает все моральные принципы» [1; 154-155]. При таком подходе любая «моральная» модель, кроме последней (совершенной), в специфических условиях способна трактоваться как аморальная. При этом все они будут представлять собой моральную регуляцию. Более того, в юрисдикцию моральной регулятивной системы способны включаться и частный случаи (конфликт двух различных этических максим), при которых для определенного типа поступков производятся некоторые исключения. Наиболее ярким примером таких исключений служат поступки, касающиеся близких людей. То есть, фактически, можно заключить, что моральная регулятивная система также является обязательной для любого социального индивида, вне зависимости от его моральности.

Таким образом, моральная регулятивная система начинает формироваться в весьма специфических социокультурных условиях, в которых она обособливается от регулятивных систем внешнего типа, а так же имплицитно включает в себя категорию морали, но не является тождественной с ней. Формируя свои уникальные способы оценки и контроля поступков индивида, не выходя за рамки субъективной модальности, моральная регуляция способна подвергать корреляции поступки, предписанные другими регулятивными системами, тем самым постфактум осуществляя за ними контроль. Все это актуализирует изучение феномена морального нормирования.

Фактически, моральная система регуляторов имеет ряд существенных отличий от внешних регулятивных систем, к которым относятся: способы трансляции, индивидуальность для каждого индивида, а также механизмы их реализации. При этом данные группы регуляции тесно взаимодействуют друг с другом. В общем виде для всех внешних систем данное взаимодействие сводится к основам формирования или ограничения. При этом моральная система регуляции специфически взаимодействует с каждой из внешних систем регуляции.

Анализ эмпирического материала и логика аналитических рассуждений позволяют выделить основные параметры моральной регулятивной системы, такие как абстрактность, субъективность, свободу выбора и, как следствие, постоянную ответственность за него, равнозначную ответственность как перед самим собой, так и перед внешней действительностью, индивидуальный характер нормирования, увидеть специфику механизмов ее существования и функционирования. Так механизмами осуществления моральной регуляции будут выступать категории «совести» и «стыда», а санкцией «раскаяние».

Библиографический список

1. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. М., 1995. 353с.
2. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. Unesco. <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001461/146180r.pdf>
3. Ганди М.К. Моя жизнь.. Изд. Восточной литературы Москва. С.419.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
5. Гесиод. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТЕКСТОВ / Лабиринт, 2001, С.256.
6. Гусейнов А.А. История этических учений. http://www.i-u.ru/biblio/archive/guseynov_istorija/.
7. Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль: современные исследования. М.: Прогресс-Традиция, 2009. http://www.guseinov.ru/publ/Ethica_moral_sovr.html
8. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. М.: Гардарики, 2000. С. 472.
9. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Изд. «Художественная литература» М., 1973. С.816.
10. Дробницкий О.Г. Моральная философия: Избр.труды / Сост. Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002. 523 с.
11. Кант И. Критика практического разума. Кант, Иммануил СОЧИНЕНИЯ В ШЕСТИ ТОМАХ М., «Мысль», 1965. (Философ. наследие). Т. 4. Ч. I. 544 с. С.311-501.
12. Кант И. Метафизика нравов. «Великие мыслители». М. Мир книги. 2007. С.400.
13. Лоренц К. Агрессия (так называемое «Зло»). ПРОГРЕСС»; «УНИВЕРС» <http://www.lib.ru/PSIHO/LORENC/agressiya.txt>
14. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат. 1991. 368 С.
15. Сорский Н., Устав о скитской жизни. Изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1991. С.80.
16. Стурлусон Снорри. Младшая Эдда. Репринтное воспроизведение издания 1970 года. Санкт-Петербург «НАУКА». 2006, С.138.
17. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. Пер. с нем. М.: Издательство «Весь Мир», 2002. 144 с.
18. Хоружий С.С. «Кризис классической европейской этики в антропологической перспективе» Этика науки. М.: ИФРАН, 2007, <http://ec-dejavu.ru/e/Ethics.html>.
19. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. Пер. с нем. К.ф.н. А.Н.Малинкина. <http://max-scheler.philosophy.spbu.ru/>
20. Эко У. Когда на сцену приходит другой. Ст.9-25. У.Эко. Пять эссе на тему этики / Перев. с итал. Е.А.Костюкович. СПб.: «Симпозиум», 2007. 158.

References

1. Апресян R.G. Ideya of morals and basic standard and ethical programs. – М, 1995. – P. 353.
2. Universal declaration on bioethics and human rights. Unesco. <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001461/146180r.pdf>
3. Gandhi M.K. My life. For printing “Institute of oriental studies of Academy of Sciences of the USSR”. Prod. East literature Moscow. Page 419
4. Hegel G.W.F. Philosophy of Right. The lane with it. : Edition. D.A.Kerimov and V.S.Nersesyants; Bus Vstup of SI. V.S.Nersesyants. – М.: Thought, 1990. – 524 pages.
5. Hesiod. COMPLETE COLLECTION of TEXTS / V.N.Yarkho’s Introductory article. O.P.Tsybenko and V.N.Yarkho’s comments. Labyrinth, 2001 – Page 256
6. Guseynov A.A. Istoriya of ethical doctrines. http://www.i-u.ru/biblio/archive/guseynov_istorija/.
7. Guseynov A.A. Etika and morals in the modern world//Ethical thought: modern researches. М.: Progress-Tradition, 2009. http://www.guseinov.ru/publ/Ethica_moral_sovr.html
8. Guseynov A.A. Апресян R. G. Etika: Textbook. — М.: Gardarika, 2000. – Page 472
9. Dostoyevsky F.M. Brothers Karamazov. Prod. M. “fiction”, 1973. – Page 816
10. Drobniysky O.G. moral philosophy: Izbr.Truda / Sost. R. G. Апресян. – М.: Gardarika, 2002. – 523 pages.
11. Kant I. Critique of Practical Reason. Kant Immanuel of the COMPOSITION IN M.’s SIX VOLUMES, “Thought”, 1965. (Philosopher. heritage).- T. 4. H. I. - 544 pages - Page 311-501.
12. Kant I. Metaphysics of Morals. “Great thinkers”. М. Mir of the book. 2007 . Page 400
13. Lorentz K. On Aggression. PROGRESS”; <http://www.lib.ru/PSIHO/LORENC/agressiya.txt> “UNIVERS”
14. Lossky N.O. of a condition of absolute good: Ethics bases; Character of the Russian people. – М.: Politizdat. 1991 . – 368 P.
15. Sorsky N., the Charter about skitsky life. Prod. Holy Trinity-St. Sergius Lavra. 1991 – Page 80
16. Sturluson Snorri. Younger Edda. Reprint reproduction of the edition of 1970. St. Petersburg “SCIENCE”. 2006 – Page 138
17. Habermas Yu. future of a human nature. The lane with it. – М.: Whole world publishing house, 2002. – 144 pages.
18. Horuzhy S.S. “Crisis of classical European ethics in anthropological prospect” Ethics of science. - М.: IFRAN, 2007, <http://ec-dejavu.ru/e/Ethics.html>.
19. Sheler M. Resentiment in structure moraly. The lane with it. Cand.Phil.Sci. A.N.Malinkina. <http://max-scheler.philosophy.spbu.ru/>
20. Eko U. When another comes to a scene. Art. 9-25. U.Eko. Five essays on ethics / Perv. with ital. E.A.Kostyukovich. – SPB. : “Symposium”, 2007. – 158.

О.В. ТРЕТЬЯКОВ

кандидат исторических наук, доцент Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации
E-mail: oleg020862@mail.ru

O.V. TRETYAKOV

candidate of Historical Sciences, Associate Professor .
Academy of Federal Guard Service of Russian Federation
E-mail: oleg020862@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

INFORMATION PROCESSES: PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

В статье рассмотрены философско-методологические аспекты теории информационных процессов в контексте постнеклассической науки. Показано, что информационные процессы необходимо рассматривать как многостадийное, необратимое становление структуры в открытой неравновесной системе.

Ключевые слова: информация, философия науки и техники, постнеклассическая наука, теория информационных процессов.

The article considers the philosophical and methodological aspects of the theory of information processes in the context of post-non-classical science. It is shown that the information processes should be seen as a multistage, irreversible formation of structures in an open non-equilibrium system.

Keywords: information, the philosophy of science and technology, post-non-classical science, theory of information processes.

В новейший период развития науки теория самоорганизации открытых систем различной природы выявила несовершенство традиционной исследовательской стратегии, стремления однозначно интерпретировать гетерогенные полиморфные системы, состоящие из разнородных, порой несопоставимых элементов. Общим, что объединяет развитие таких систем (в значимом числе случаев), является информация с инвариантными законами ее функционирования, характеристиками и свойствами. Для общей теории информации в рамках синергетики важно, что постнеклассическая наука вместо поиска причинных отношений стала апеллировать к таким целостным факторам, как симметрия, упорядоченность и др. Описание объектов, основывавшееся прежде на модальности долженствования, стало осуществляться теперь в модальности возможности, когда выбор одного из разрешенных состояний не предписывается с необходимостью [1].

Наука XIX и XX столетий оперировала обратимыми (классическая механика) и необратимыми (равновесная термодинамика) процессами. Наряду с этим в природе реализуются необратимые процессы, приводящие к созданию пространственно-временных (диссипативных) структур. Такая необратимость играет существенную конструктивную роль, из нее следует различие между прошлым и будущим («стрела времени»), обусловленное не особенностями нашего описания, а самой природой вещей.

Важнейшее концептуальное положение постнеклассической науки имеет прямое отношение к процессу генерации информации, являющемуся типично необратимым, поскольку генерация – это выбор, и коль скоро он сделан, происходит событие, разделяющее

прошлое и будущее. Можно заключить, что если бы не различие между прошлым и будущим, информация не могла бы возникать. Это еще раз подтверждает, что рассмотрение и анализ феномена информации возможны только в рамках постнеклассической картины мира.

Неравновесные состояния скрытых систем весьма конструктивны именно благодаря их способности к самоорганизации, (т.е. к пороговому локальному самоупорядочению) с образованием диссипативных структур. Такое поведение – необходимый элемент процесса рецепции информации. Таким образом, второе концептуальное положение постнеклассической науки также имеет отношение к информации, так как рецепция есть процесс неравновесный. Кроме того, поскольку рецепция информации означает возникновение определенной упорядоченности в воспринимающей системе, это не только неравновесная, но далекая от равновесия система. Рецепторная система, следовательно, есть система диссипативная.

Важнейшим состоянием синергетической системы является хаос, или, точнее, хаотическая динамика. «Связанная с разупорядоченностью неустойчивость движения позволяет системе непрерывно прощупывать собственное пространство состояний, создавая тем самым информацию» [2]. Нет необходимости комментировать связь информации с вышеуказанным третьим концептуальным положением постнеклассической науки. Примером, в полной мере иллюстрирующим эту связь, является рассмотрение мозга здорового бодрствующего человека как предельно неустойчивой хаотической системы [3, 12]. Генерация логической информации человеком имеет благодаря этому неограниченные возможности. Связь информации с идеями

теории самоорганизации представляет собой основу постнеклассической науки [4, 11]. Интерпретируемый ею мир-реальность представляется не только как мир траекторий, но и как мир процессов. Неопределенность мира, не являющегося ни автоматом, ни хаосом, не исключает значимой деятельности индивида в нем.

Рассмотрим методологические особенности мира-реальности в контексте постнеклассической науки.

Одной из основных таких особенностей является то, что «новый» мир не поддается строгому, четкому и однозначному описанию. Поэтому методологической платформой для определения сущности информации является многомерность этого феномена.

Задача дискриминации различных определений не должна возникать, поскольку разные модели имеют право на существование. По-видимому, вместо дискриминации необходимо установление связи между альтернативными описаниями, относящимися к одному и тому же многомерному феномену. Основа для решения этой задачи – рассмотрение единого информационного процесса, разные стадии которого как раз и порождают множество определений, ибо на каждой отдельной стадии информация проявляет свои специфические черты. К сожалению, идея об отсутствии инвариантной «базовой истины» в отношении информации оказалась чуждой кибернетике.

Целесообразно рассмотреть черты, объединяющие и разъединяющие кибернетику и синергетику.

Эти общенаучные направления развились на одной и той же основе – теории систем, оба оперируют такими понятиями, как «система», «структура», «организация». Оба направления связаны с изучением сложных динамических систем, различных по своей природе, оба абстрагируются от вещественного содержания систем, стремясь сформулировать общие законы их организации.

В сороковых годах XX века в рамках кибернетики были предприняты попытки создания теории самоорганизующихся технических систем без выяснения конкретных механизмов самоорганизации. Правильные догадки о такой возможности не были развиты. К синергетике впервые пришли отнюдь не кибернетики, а специалисты в области физической химии и физики, изучавшие нелинейные колебания, колебательные химические реакции и стимулированное излучение лазера. Следует признать, что, с одной стороны, кибернетика имеет огромное практическое значение, с другой – в ее рамках оказалось принципиально невозможно создать единую теоретическую концепцию.

На фоне этого появление синергетики было воспринято как рождение нового объединяющего направления в науке. В рамках синергетики удалось раскрыть сущность феномена информации на основе перехода современного познания от парадигм бытия к парадигме становления.

Рассмотрим принципиальные различия кибернетического и синергетического подходов.

1. Кибернетика изучает законы управления и связи, оперируя законами управления и информаци-

онных взаимодействий (с помощью обратных связей) на нескольких уровнях одновременно.

Синергетика имеет дело с системами неуправляемыми, их развитие можно только направлять, при этом небольшое энергетическое воздействие-укол в нужном месте пространства-времени оказывается достаточным, чтобы система перестроилась и возник новый тип структур.

2. Основным фактором развития кибернетических систем служит информация, и в силу этого кибернетика отвлекается от энергетических и вещественных субстратов. Однако кибернетические системы действуют в рамках традиционной науки (классической и квантовой механики) и в их поведении нет ничего, что не могло бы быть предсказано с помощью этих законов. Они вполне детерминированы.

Поведение синергетических систем не противоречит законам традиционной науки, но не прогнозируется ими.

3. Кибернетика использует информацию, как нечто данное. Выяснение причин и механизмов ее возникновения не входит в ее задачи.

С позиций синергетики для генерации информации принципиально важны хаотические состояния систем, выход из которых сопровождается созданием новой информации.

4. Синергетика позволяет проследить эволюцию информационной системы как эволюцию ценности и новизны созданной информации.

Кибернетика, как и математическая теория связи (традиционная теория информации), не рассматривает понятия ценности и новизны в информации.

В изучении многомерного мира одним из ведущих принципов является принцип дополнительности, согласно которому существует связь между альтернативными описаниями одного и того же сложного объекта. Каждое из определений не охватывает полноты сущностных характеристик объекта как целого, но дополняет другие. Таким образом, если различные определения одного и того же явления не содержат ошибок, они позволяют соединить его альтернативные модели для охвата всей многомерной реальности. Подобный антифундаментализм безусловен при описании феномена информации. Именно это обстоятельство является причиной беспокойства тех исследователей, которые считают, что логический фундаментализм имеет неограниченную область применения, а потому существует жесткое определение термина «информация».

Вместе с тем, такая лаконичная и жесткая дефиниция невозможна: большинство определений верны, но все они являются частными, ибо отражают либо лишь определенный этап процесса (например, «передача сведений»), либо его цель («приобретение новых знаний»).

Ценность информации определяется как мера повышения вероятности достижения цели, что предполагает некоторое целенаправленное действие. В.И. Корогодиным в связи с этим вводится понятие оператора как устройства (механизма), обеспечивающего достижение цели. Отсюда следует определение информации как совокупности приемов, правил и сведений,

необходимых для построения оператора [5]. Таким образом, информация приобретает вид плана, алгоритма, программы, что согласуется с алгоритмическим определением информации А.Н. Колмогоровым [6]. Это определение также является частным, ибо оставляет открытым вопрос: откуда берется программа?

Рассмотрим это на примере. Допустим, перед конструктором стоит цель существенно улучшить в заданном направлении параметры некоторой машины. Значимым этапом работы будет проектирование технологий для создания усовершенствованного варианта машины. Это и есть организация оператора по некоторой программе. Но необходимым и важным элементом работы является генерация новой и ценной идеи усовершенствования. Отсутствие такой идеи сделает бессмысленной всю дальнейшую деятельность. Понадобится еще целая серия информационных актов: рецепция и отбор самим автором, кодирование (составление чертежей), рецепция и отбор оптимального варианта техническим советом, рецепция информации технологами, ее кодирование и – как завершающий этап – создание действующей модели. В данном случае речь идет о разумной генерации новой информации и заранее сформулированной цели. При этом «узкая» цель построения конкретной машины может расходиться с целями и общими тенденциями научно-технического прогресса (например, некий конструктор совершенствует турбовинтовой самолет, а общей тенденцией является создание реактивных аппаратов). Итак, феномен информации – многостадийный процесс. Генерация и рецепция информации являются неравновесными и необратимыми процессами. Именно это делает информацию объектом постнеклассической науки и раскрывает причину прежних неудачных попыток дать универсальное определение сложного феномена, рассматривая всякий раз лишь какой-либо один из множества его аспектов. Такой подход позволяет примирить друг с другом различные частные определения и на их основе построить представление о едином информационном процессе, состоящем из отдельных связанных друг с другом стадий. Порядок стадий и их число в конкретных случаях различны. Промежуточным этапом может быть запоминание информации с помощью специальных устройств, обладающих памятью. При этом передача информации в «память» возможна на разных этапах процесса. Так, например, в некоторых случаях необходимо двойное кодирование: после генерации в сознании «творящего» и после рецепции уже закодированной в его сознании информации для ее передачи в «память» или для дальнейших целенаправленных действий. В результате этого стадия рецепции не обязательно предваряется генерацией новой информации.

Следует оговориться относительно термина «информация». Под ним будем понимать процесс, но, тем не менее, употреблять его с глаголами «хранить», «запасать», «обладать». Во всех этих случаях необходимо понимать изменения, которые происходят с системой в результате протекания информационного процесса.

Представляется возможным привести в соответствие каждую стадию информационного процесса с

тем или иным определением понятия «информация».

Первой стадией информационного процесса является процесс генерации информации. Этой стадии соответствует определение генерации информации как случайного запоминаемого выбора, предложенное американским биохимиком Г. Кастлером [7]. (Г. Кастлер впервые приложил к процессам превращения нуклеиновых кислот методы теории информации).

Следующей стадией информационного процесса является рецепция информации как необратимый и неравновесный процесс. Рецепторная система – это диссипативная система, способная самопроизвольно повышать степень своей упорядоченности. На стадии рецепции созданная информация воспринимается неравновесной материальной средой, способной создавать асимметричные структуры, отбираемые с помощью соответствующих правил (законы сохранения, термодинамики), естественного отбора, отбора разумными элементами (людьми или созданными людьми устройствами). Поэтому понятие об информации на стадии ее рецепции ассоциируется с образованием структур, созданием порядка из беспорядка. Сказанному соответствует следующее определение: «...информация означает порядок, коммуникация есть создание порядка из беспорядка, или, по крайней мере, увеличение степени той упорядоченности, которая существовала до получения сообщения» [1].

Третьей стадией информационного процесса является кодирование, то есть подготовка, сообщения для передачи по каналу связи к блоку управления и переработки или в блок памяти. Данной стадии информационного процесса соответствует следующее определение: «Информация – это сведения, содержащиеся в данном сообщении и рассматриваемые как объект передачи, хранения и переработки» [8].

Четвертая стадия информационного процесса – передача информации по каналу связи. В данном случае принципиально важно не содержание информации, а математическая величина – количество информации, вычисленная К. Шенноном. До сих пор принято считать шенноновское определение исчерпывающим [9, 14].

Заключительными стадиями информационного процесса являются процесс считывания и реализации информации (согласно программе, семантике) для целенаправленных действий и процесс редупликации с помощью оператора. Данные стадии «отвечают» за реализацию некоторой программы. Поэтому можно говорить об информации как о некоем плане построения и развития определенной системы. (Так, в исследовании, посвященном информационным проблемам изучения биосферы, Ю. П. Петров говорит об информации как о «плане строения клетки и, следовательно, всего организма» [10]).

Методология постнеклассической науки подразумевает использование тех определений, содержание которых, во-первых, отражает реальную действительность и, во-вторых, удобно для данного типа исследований [4, 13]. В контексте рассматриваемой проблематики очевидно, что явление информации может рассматри-

ваться под разными углами зрения. Так, для биолога – это программа синтеза белков, закодированная в генах, для геодезиста – план местности, для телефониста – система отобранных согласно коду сигналов, для поэта и композитора – это образы, рождающиеся из хаоса на интуитивном уровне.

Каким бы сложным нам ни казался информационный процесс, необходимо помнить, что своим происхождением он обязан материальной среде. Генерируемая информация не может быть запомнена вне связи с материей, а результат процесса никогда не находится в противоречии с законами природы, хотя и не прогно-

зируется ими.

Таким образом, информационные процессы необходимо рассматривать как многостадийное, необратимое становление структуры в открытой неравновесной системе, начинающееся со случайного запоминаемого выбора, который эта система делает, переходя от хаоса к порядку, и завершающееся целенаправленным действием согласно алгоритму или программе.

На основе изучения общих свойств информации разных иерархических уровней можно попытаться понять природу взаимоотношений между информацией и объектами материального мира.

Библиографический список

1. Мелик-Гайказян И. В. Информация и самоорганизация: Методологический анализ. Томск: Изд-во ТПУ, 1995.
2. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. Пер. с англ. М.: Мир, 1979.
3. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990.
4. Мелик-Гайказян И. В. Информационные процессы и реальность. М.: Наука, Физматлит, 1997.
5. Корогодин В. И. Информация и феномен жизни. Пушкино: АН СССР, 1991.
6. Колмогоров А. Н. Теория информации и теория алгоритмов. М.: Наука, 1987.
7. Кастлер Г. Возникновение биологической организации. М.: Мир, 1967.
8. Смирнов Г. А. Логические аспекты целостности // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1995-1996 / Гл. ред. Д. М. Гвишиани. М.: Эдиториал УРСС, 1996. С. 108-127.
9. Шеннон К. Математическая теория связи // Работы по теории информации и кибернетике. М.: ИЛ, 1963.
10. Петров Ю. П. О различных формах и видах информации: Информационные проблемы изучения биосферы. М.: Наука, 1988.
11. Perry J. Il filosofo e il computer // Informatica e scienze umane. Milano, 1991. P. 28-67.
12. Radovan M. Homo cybernetes: In search of an aim // Synthesis philos. – Zagreb, 2002. Vol. 17, fasc. 2. P. 381-391.
13. Robertson D. S. The information revolution // Communication research. Beverly Hills ; L., 1990. Vol. 17, N 2. P. 235-254.
14. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. T. 27. P. 379-423, 623-656.

References

1. Melik-Gaykazyan I. Information and self-organization: Methodological analysis. - Tomsk: TPU, 1995.
2. Nicolis G., Prigogine I. Self-organization in nonequilibrium systems. - M: Mir, 1979.
3. Nicolis G., Prigogine I. Knowledge of the complex. Introduction. - M: Progress, 1990.
4. Melik-Gaykazyan I. Information processes and reality. - M: Nauka, Fizmatlit, 1997.
5. Korogodin V. I. Information and the phenomenon of life. - Pushchino: AN of USSR, 1991.
6. Kolmogorov A. N. Information theory and the theory of algorithms. - M: Nauka, 1987.
7. Kastler G. The appearance of biological organization. - M: Mir, 1967.
8. Smirnov G. A. Logical aspects of the integrity of the // System studies. Methodological problems. Yearbook 1995-1996 / CH. amended by D. M. Gvishiani. - M: editorial URSS, 1996. - C. 108-127.
9. Shannon K. Mathematical theory of communication // Works on information theory and Cybernetics. - M: IL, 1963.
10. Petrov Y. P. Various forms and types of information: Information problems of the study of the biosphere. - M: Nauka, 1988.
11. Perry J. Il filosofo e il computer // Informatica e scienze umane. – Milano, 1991. – P. 28-67.
12. Radovan M. Homo cybernetes: In search of an aim // Synthesis philos. – Zagreb, 2002. – Vol. 17, fasc. 2. – P. 381-391.
13. Robertson D. S. The information revolution // Communication research. – Beverly Hills ; L., 1990. – Vol. 17, N 2. – P. 235-254.
14. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. – 1948. – T. 27. – P. 379-423, 623-656.

УДК 177.61:284

UDC 177.61:284

В.Э. ТУРЕНКО

аспирант кафедры философии Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова
E-mail: amo-ergo_sum@ukr.net

V.E. TURENKO

postgraduate student, Department of Philosophy, National Pedagogical Dragomanov University
E-mail: amo-ergo_sum@ukr.net

ВЗГЛЯД ВОСТОЧНОЙ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ НА ЛЮБОВЬ К БОГУ

VIEW EASTERN PATRISTIC TRADITION ON THE LOVE OF GOD

В статье анализируется любовь к Богу в свете традиции восточных Отцов Церкви. Автор, рассматривая причины и последствия любви человека к Богу, доказывает, что для восточнопатристической мысли этот вид любви есть наиболее таинственный по своей природе и является главнейшим в человеческой жизни.

Ключевые слова: Бог, восточная патристика, любовь, человек, жизнь.

The article examines the love of God in the light of the tradition of the Eastern Fathers of the Church. By examining the causes and consequences of man's love for God shows that according to the view of representatives of Eastern patristic, this kind of love is the most mysterious in nature and is the most important in human life.

Keywords: God, the Eastern patristic, love, human, life.

Любовь к Богу, как специфический вид любви, кажется, на первый взгляд, сугубо богословской разновидностью любви, такой, что не имеет никакого отношения к философии. Однако, как отмечает западный исследователь В. Кнох, «понятие и осознание феноменов Бога и любви «записаны» только у человека. А потому и этот вид любви «записан» в человеке, а отсюда есть тео-антропологическим» [6, с.125]. В идеале, как отмечает современная этическая мысль, любая подлинная любовь в т.ч. и к Богу придает смысл всем человеческим делам, познанию, нравственности [5, с.3].

Стоит заметить, что в контексте постижения любви между Богом и человеком восточная святоотеческая традиция оппонирует аристотелевской философии любви, согласно которой невозможна любовь между Богом и индивидом [4, с. 132], а также платоновской. Ведь, как отмечает российский исследователь философии любви Р. Апресян, «платоновский эрос следует от низшего к высшему, тогда как в христианстве (Библии и патристическом наследии) идет путь с горы (любовь к Богу) до низу (любовь к лицу противоположного пола, ближнего, врага) [1, 183]. Любовь, таким образом, для христианского мировоззрения – это всегда кенозис.

Что же касается другого теоретико-методологического источника восточнопатристической философии любви – библейской герменевтики любви к Богу, то немецкий библеист Р. Шнакенбург отмечает, что в Библии существует внутренняя связь между любовью к Богу и любовью к ближнему. Это имеет большое значение как для религиозной веры, так и для понимания морали. Это означает, что человеку в любви к Богу безоговорочно указывается любовь и к ближним: «Ибо не любящий брата своего, которого видит, не может любить Бога, которого не видит. И такую мы заповедь получили от Него: Кто любит Бога, тот пусть любит и брата своего», так сказано в 1Ин. 4, 20-21» [13, 107 – 108].

Симеон Новый Богослов в «Божественных гимнах» говорит, что только Бога мы вправе называть предметом любви. Почему? Симеон так объясняет: «Что это за вещь, которая скрыта для любой бренной природы? Что это за свет мыслящий, который для всех является невидимое? Что это за богатство, которое в мире в полной мере никто не смог найти или завладеть им полностью? Ведь оно неуловимое для всех и маловато для этого мира, оно предпочтительнее всей Вселенной, столь желанный более всех видимых вещей, насколько Бог сотворил, величественнее их всех. Поэтому я уязвим любовью к Нему и пока не увижу Его, я болею внутри и горя умом и сердцем, с вздохами здесь и там, нигде не находя Того, Кого полюбил всей душой, и часто оглядываюсь назад в надежде увидеть моего Желаемого. А Он, как невидимый, совершенно мне не является; когда же я в отчаянии и начинаю плакать, Он появляется мне и на меня смотрит Тот, Кто все созерцает. Когда Он оказывается внутри моего сердца, я становлюсь богаче всех богачей мира сего, становлюсь сильным из всех сильных мира и крупнейшим царем из всех властвующим» [11, с.345-346].

Поэтому логичными есть слова Василия Великого, что Господа Бога любить нужно всей силой, как мы только можем любить, а также любить ближнего и врагов, чтобы стать подобными Тому, Кого мы в первую очередь должны любить. А на все остальное тратить силу любви не разрешено: Любовь (αγάπη) до Бога не есть нечто, чему мы можем научиться. Ведь ни у кого мы не учились любоваться светом, быть привязанным к жизни, никто не учил любить родителей или воспитателей. Так же, а может и еще больше, невозможно научиться извне любви Божией [PG 31, 908C]¹.

¹ Цитирование большинства трудов восточных Отцов Церкви приводится по общепринятой пагинации Греческой Патрологии Ж.-П. Миня.

Последнее созвучно со словами известной российской исследовательницы философии любви Т. Кузьминой: «любовь – это всегда событие (чувство – В.Т.), которое не зависит от человека, любовь именно «случается» с человеком, он в своей любви является рабом, он не может любить или не любить по собственному желанию [7, 71].

В беседе восемнадцатой другой представитель восточной святоотеческой мысли Исаак Сирин, будто продолжая слова Отца-каппадокийца, отмечает: «любовь к Богу не есть нечто такое, что пробуждается бессознательно или незаметно, и благодаря лишь знанию Священного Писания не может она возникнуть в человеке, и никто не может начать любить Бога, заставляя себя к этому. Благодаря чтению, заучиванию Писания и его ум может найти благоговение, которое происходит страх перед Ним, это страх детей или страх рабов. Так пробуждается разум для стремления к достоинству и ревности о благах. Тот же, кто считает или задумывается в себе или учит, что любовь Божия в нем благодаря тщательному выполнению того, что завещано законами или другими подобным вещам, или благодаря принуждению и борьбе, или благодаря человеческим способам и средствам – тот не знает, о чем говорит. И даже благодаря закону и заповеди, которые Он Сам дал относительно любви, позволяют нам любить Бога, ведь через закон рождается страх, а не любовь» [10, 185].

Исаак Сирин далее подчеркивает, что в основе любви к Богу должен быть не страх тварный (трусость), а страх Божий. Есть две черты, которые обозначают любовь к Богу:

1. при упоминании о Нем – у нас возникают слезы: ведь как и в межличностных отношениях, когда мы вспоминаем, кого любим – плачем;

2. постоянный разговор с Богом – традиционно, в любви между людьми важным компонентом играет общение» [3, 119].

Святитель Григорий Богослов также пишет, что подобно тому, как мы любим друг друга, так Бог любит нас. Ведь есть Отец любви (της αγαπης πατηρ) и сама Любовь (αγαπη). Любит (αγαπα) так, что желает нам только добра и пытается терпеть всякие вины [PG 35, 842A]. Соответственно, у кого божественная любовь, того любит и Бог [PG 35, 593B].

Поэтому в размышлениях о том, как получить любовь к Богу, преподобный Симеон Новый Богослов замечает, что она никогда не появится в безопасной душе. Итак, подытоживая о появлении любви к Богу в сердце и душе человеческой, Исаак Сирин подчеркивает: «пока не получит человек Духа откровения и не сочтается душа в своих движениях той мудрости, выше мира. И пока величие Божие не узнает человек на собственном опыте, позволяют ему приблизиться к этому замечательному вкусу любви» [10, 184 - 185].

Любовь к Богу, подобно стреле, которая пронизывает все наше естество: тело, душу и дух. Понятие «стрелы любви» является одной из отличительных черт восточнопатристической философии любви; это понятие можно встретить на страницах трактатов Григория

Нисского, Исаака Сирина и других представителей данной философско-богословской традиции.

Также, рассматривая понимание восточными Отцами Церкви любви к Богу, стоит сказать про идею «трезвого опьянения». Эта идея еще идет от греческого апологета Оригена и проходит красной нитью через всю патристическую традицию. Однако, наиболее последовательно и поразительно, по нашему мнению, эту концепцию отображает Исаак Сирин: «при сильном и божественном желании человек начинает возбуждаться к божественной любви и сразу становится опьяненным от нее, как вином; расслабляются все члены его, мысль его находится в постоянном недоумении, сердце его отводится в плен к Богу, и таким образом, как сказал я, уподобляется тому, кто излишне выпил вина» [9, 133-134].

Григорий Нисский тоже отмечает, что любовь к Богу возникает не просто и не по воле того, кто желает этого, но трудом и большими заботами, и при помощи Христовой [PG 46, 300B]. Поэтому и любовь к Богу преодолевает смерть, становится любовью в сердце человеческого, как в Библии, «могучей, как смерть» (Песни Песней 8, 6).

Важным аспектом любви к Богу является то, что, по мнению восточных патрив, она постоянно проверяется, испытывается через искушения. Ведь преподобный Феодор Студит замечает, что любовь к Богу была непременным атрибутом святости [12, 440]. Также этот мыслитель подчеркивает, что любовь к Богу – это узкий и тесный путь, где присутствуют испытания на прочность нашей любви к Нему; где могут находиться скорби, голод, различные потребности и другое [12, 491]: «ибо испытывает нашу любовь к Нему, сохраняем мы ее и не заменяем ей что-то мимолетное, плохое и смертельное, одновременно сладкое на вкус, но горькое по результатам, которое карает сильнее, чем меч обоюдоострый» [12, 679 – 680].

Украинский философ В. Малахов отмечает, что человек, лишь попросившись со всеми вещами, благами и надеждами, в безрассудном порыве любви, которая не рассчитана больше ни на что, – достигает человек конечной цели своего бытия. И «искорка» души направляется с его «очага» в «легкую тишину» невыразимого общения с Богом, а значит в любви к Богу [8, 26 – 27].

Так что любовь к Богу – это особый путь человека к Богу. Западный богослов И. Ратценгер (Папа Римский Бенедикт XVI) толкует, как встречу с Богом человека: «в развитии этой встречи ясно обнаруживается, что любовь является не только чувством. Чувство приходит и уходит. Чувство может быть перелетной чудесной искрой, но это не полнота любви. Именно через процесс очищения и созревания, через которые эрос становится вполне самим собой – любовью в полном смысле слова. В этом и заключается зрелость любви – привлечь весь потенциал человека и приобщить, так сказать, человека к его собственной целостности. Встреча с видимыми явлениями Божьей любви может вызвать в нас чувство радости, которое рождается из опыта быть любимым [2, 24].

Итак, осуществив краткое исследование относительно идеи любви к Богу в восточной святоотеческой традиции, стоит отметить в первую очередь, что восточная патристика рассматривает именно эту любовь наиболее таинственным, можно даже сказать мистическим образом. Ведь для объяснения чувства любви к Богу восточные Отцы Церкви выработали концеп-

цию «трезвого опьянения» и понятие «вкуса любви», которые наиболее фундаментально отражают важнейший смысл и содержание этой разновидности любви в структуре человеческой жизни. Напоследок стоит заметить, что многие философы в последующие эпохи истории размышлений о любви отмечают, что любовь есть только там, где есть связь человека и Бога.

Библиографический список

1. *Апресян Р.Г.* От «дружбы» и «любви» – к «морали»: об одном сюжете в истории идей // Этическая мысль. Москва. 2000.
2. *Бенедикт XVI.* Бог є Любов. Львів. 2008.
3. *Вуратис Н.* Жизнь во Христе согласно опыту святых отцов / Пер. с новогреч. Москва. 2008.
4. *Жмир В.* Возлюби? // Філософська думка. 2006 № 6.
5. *Зубец О.П.* Мораль в зеркале любви / Размышление о любви. М.: Знание, 1989.
6. *Кнох В.* Бог в поисках человека. Москва. 2006.
7. *Кузьмина Т.А.* Любовь как моральный принцип / Философия любви. Под ред. Д.П. Горского; сост. А.А. Ивин. Ч.1. Москва. 1990.
8. *Малахов В.А.* Наука расставания. Москва. 1992.
9. Преподобный Исаак Сирин. О чине размышления и о различных видах его / Преподобный Исаак Сирин. О Божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты; [пер. с сирийского]. Санкт – Петербург. 2008.
10. Преподобный Исаак Сирин. Снова того же маар Исаака. О разных вопросах / Преподобный Исаак Сирин. О Божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты; [пер. с сирийского]. Санкт-Петербург. 2008.
11. Преподобный Симеон Новый Богослов. Гимн седьмой / Преподобный Симеон Новый Богослов. Слова и гимны. Творения в 3 кн. Книга третья. Москва. 2011.
12. Преподобный Феодор Студит. Великое оглашение / Преподобный Феодор Студит / Творения: В 3 тт. Том первый: Нравственно-аскетические творения. М.: 2010.
13. *Шнакенбург Р.* Етичне послання Нового Завіту; [пер. с нім.]. Київ. 2005.

References

1. *Apresyan R.A.* Of “friendship” and “love” – to the “morality”: on one plot in the history of ideas // Ethical Thought. Moscow. 2000.
2. *Benedict XVI.* God is love. Lviv. 2008.
3. *Vuratis N.* Life in Christ, according to the experience of the Fathers [trans. with modern greek.] Moscow. 2008.
4. *Zhmir V.* Love? // Filosofska Dumka. – 2006 – № 6/
5. *Zubec O.* Morale in the Mirror of Love / Thinking about love. Moscow 1989.
6. *Knox C.* God in Search of Man. Moscow. 2006.
7. *Kuzmina T.* Love as a moral principle / Philosophy of love. Ed. D. Gorsky, comp. A. Ivin. V.1. Moscow. 1990.
8. *Malakhov V.* Science separation. Moscow. 1992.
9. St. Isaac the Syrian. About the rank and reflection on the different types of his / St. Isaac the Syrian. O Divine mysteries of the spiritual life. Newly discovered texts, [trans. with syr.]. Sankt – Petersburg. 2008.
10. St. Isaac the Syrian. Again the same maar Isaac. On various issues // St. Isaac the Syrian. O Divine mysteries of the spiritual life. Newly discovered texts, [trans. with syr.]. Sankt – Petersburg. 2008.
11. St. Symeon the New Theologian. Hymn of the Seventh / St Symeon the New Theologian. Words and hymns. Creation of 3 vols. V.3. Moscow. 2011.
12. St. Theodore the Studite. Great reading / St Theodore the Studite / Creation: In 3 vols. V.1. Moscow. 2010.
13. *Schnackenburg R.* Ethical message of the New Testament [trans. with germ]. Kyiv. 2005.

УДК 316.728

UDC 316.728

С.В. ШАКАРБИЕВА

кандидат философских наук, доцент кафедры управления персоналом Волгоградского государственного социально-педагогического университета
E-mail: svetlana-shakarbieva@yandex.ru

S.V. SHAKARBIYEVA

candidate of philosophical sciences, associate professor of human resource management, Volgograd state social and pedagogical university
E-mail: svetlana-shakarbieva@yandex.ru

ПРОЕКТНЫЕ МЕТОДЫ В ОРГАНИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

DESIGN METHODS IN THE DAILY OCCURRENCE ORGANIZATION

Статья посвящена значению проектных методов в организации повседневности. Анализируется понятие «повседневность» с точки зрения необходимости структурного подхода. Предлагается объединить методы социального проектирования и способы организации повседневности средствами социоинженерии.

Ключевые слова: повседневность, социальная инженерия, проектирование.

The article is devoted to the value of the designed methods in the organization of everyday life. The actual concept of “everyday life” is analyzed in terms of the necessity structural approach. We propose to combine the methods of social designing and the ways of organizing everyday life by means of social engineering.

Keywords: everyday life, social engineering, design.

Вопросы, связанные с изучением повседневности, охватывают всевозможные виды жизнедеятельности человека: духовную и физическую; досуговую и профессиональную; экономическую и политическую и др.

Представляется, организация повседневности должна базироваться на умении каждого человека осознавать, формулировать и структурировать свои рабочие и досуговые цели. Не секрет, что в российском менталитете довольно слабо выражена структурированная, целенаправленно сформированная рациональность, педантичность и скрупулезность. Отсюда следует ярко выраженный дисбаланс – творческий подход к решению проблем, с одной стороны, часто не совмещается с намеченными целями и задачами (если они вообще намечаются), с другой стороны, что приводит к бессистемным, хаотичным и нецелостным (половинчатым) результатам.

Одним из продуктивных методов решения данной проблемы можно назвать внедрение в сознание россиянина проектного подхода по реализации личных и профессиональных целей. При этом проектированию повседневности в этом процессе стоит отвести основное место.

Для исследования данной проблематики нами было разработано глубинное интервью, целью которого является изучение необходимости в создании личного жизненного проекта у среднего россиянина (на примере г. Волгограда и области), т.е. насколько люди готовы проектировать или планировать свое отдаленное или хотя бы ближайшее будущее. Несмотря на то, что исследование находится в стадии реализации, уже сейчас можно делать предварительные выводы. Например, респонденты, которым более 40 лет, в большинстве своем никогда глобально не проектировали собственное

будущее. Оно как бы негласно уже было спрограммировано условиями социальной действительности (школа, средне-специальное или высшее заведение, армия (у мужчин), работа по распределению, семья, карьера, пенсия). Исключение составляют ученые и спортсмены. Респонденты от 35 до 39 лет представляют, что такое проект не только в научной, но и профессиональной сфере. При этом отмечается, что реализация проекта в профессиональной сфере требует больших эмоциональных и физических затрат в связи с необходимостью успеть реализовать поставленные цели в срок. Также отмечается, что после окончания проекта почти всегда наступает период релаксации и спада активности по всем направлениям. Респонденты же 22-33 лет показывают более позитивные результаты в ходе интервью. Они в основном имеют представление о проектировании. Особенно часто встречаются среди интервьюируемых те, что уже принимали личное участие в реализации или сами являются авторами социальных проектов. И хотя к собственной жизни они редко применяют методы проектирования, тем не менее, готовы использовать их, чтобы структурировать планы на будущее.

В ходе исследования выявляется также и некая универсальная группа людей, не объединяемая по возрастному признаку. Это те из интервьюируемых, которые, несмотря на отсутствие системного подхода к проектированию собственных жизненных перспектив, весьма удачно создают и некоторые даже реализуют авторские творческие проекты. Правда, почти все из них отмечают, что данный процесс носит скорее бессистемный, стихийный характер.

Эти предварительные результаты наталкивают на мысль о том, что самой повседневности, в которой и происходит непрерывный процесс трансформации со-

циума, уделяется, мягко говоря, мизерное внимание. Что же такое повседневность, и как она связана с методами проектирования? Этот вопрос мы и хотели бы поднять в данной статье.

Синонимами повседневности принято считать такие понятия, как: обыденность, будничность, прозаичность; шаблонность, обыденщина, ежедневность, обычность, каждодневность, обиходность, затрапезность, проза жизни, житейские мелочи, житейская проза, жизненная проза. Антонимами этого понятия являются: необычность, необыкновенность, праздничность.

Таким образом, повседневностью можно считать всю человеческую жизнь, рассмотренную с точки зрения тех функций и ценностей, которые заполняют жизнь личности, включая труд, быт, отдых, передвижения и т. д. Повседневность постоянно воспроизводится как мощный пласт отношений, ценностей, как постоянная система человеческих забот. Это неизбежно заставляет все сферы деятельности общества, выходящие за ее рамки, например, государственность, вписываться в нее или, наоборот, подавлять ее в условиях господства авторитарных версий псевдосинкретизма [1]. Одна из форм раскола характеризуется резким разведением повседневности и высших ценностей, опосредованных форм жизни. Вся сфера жизни повседневности может быть для нее разрушительной, как и наоборот. Господство в обществе пульсации, крайностей в принятии решений, инверсионной логики и инверсионных скачков постепенно дезорганизует повседневность. Представляется, что процессы организации и дезорганизации повседневности в большой степени образуют сущность понятия «социальная инженерия», которая, в свою очередь, неразрывно связана с проектированием социальной сферы.

Одним из первых исследователей, объединивших понятия «повседневность» и «социальная инженерия», был А. Шюц. Он отмечал, что повседневность является продуктом социального конструирования связей истории и человека как носителя социальных реалий, определенного временем. Разводя понятия «типичность» и «индивидуальность», ученый обращал внимание, что первое более характеризует повседневность, чем второе. В частности, А. Шюц делает вывод о том, что чем менее человек типичен, тем более с ним сложно общаться. Он также выявил аспекты повседневности: 1. Трудовая деятельность 2. Специфическая уверенность в существовании мира 3. Напряженное отношение к жизни 4. Особое переживание времени 5. Специфика личностной определенности действующего индивида (особая форма социальности) [2].

В настоящее время принято считать, что социальная инженерия – это больше область виртуального конструирования реальности в Интернет-пространстве. Предметом данного направления исследований является рассмотрение основных методов социальной инженерии, по мнению многих исследователей, – одного из основных инструментов хакеров XXI века. При этом основное внимание уделяется роли человеческого фактора в защите информации.

О человеческом факторе в программировании выходило несколько работ, одна из них – книга Ларри Константина так и называется «Человеческий фактор в программировании». Это, пожалуй, единственная книга на данную тему, переведенная на русский язык. Вот что пишет автор в предисловии: «Хорошее программное обеспечение создается людьми. Так же как и плохое. Именно поэтому основная тема этой книги — не аппаратное и не программное обеспечение, а человеческий фактор в программировании (peopleware)». Несмотря на то, что книга Л. Константина, скорее, по психологии, чем по программированию, первое издание книги было признано классическим трудом в области информационных технологий [3].

Его работа позволяет более пристально рассмотреть современное меняющееся устройство «здания» под название «социум»: в «основании» размещается повседневность; в области «крыши» – информационные технологии, требующие постоянного обновления, а само «здание» – это общество. Проблема лишь в том, какой «архитектурный стиль» выбрать, чтобы придать интеграционным процессам современности прочность и изящество, гарантирующие устойчивость конструкции.

Имеющиеся представления о повседневности и социальной инженерии в настоящее время особенно востребованы, так как становится очевидным факт интеграции всех сфер жизнедеятельности человека. В частности, совершенствование информационных технологий ведет к непрогнозируемым трансформациям обыденности, в центре которой находится все тот же человек, испытывающий на собственном опыте влияние результатов этих трансформаций. Следовательно, современное понятие социальной инженерии неизбежно меняется, объединяя в себе все возможные методы конструирования таких общественных отношений, в основе которых лежит гибкая система, адаптирующая человека к конструктивным изменениям, которые призваны не разрушать построенное в прошлом, а лишь во время переустройства его.

В связи с этим, мы будем рассматривать понятие *социальной инженерии* как механизм самоорганизации общества, способный инициировать, создавать и развивать устойчивость различных систем, отвечающих за сохранение социокультурных, социально-экономических, социально-политических связей. С точки зрения инженерной терминологии здесь больше подходило бы применение понятия «ребер жесткости», не позволяющих системе, конструкции рухнуть или быть разрушенной.

Не секрет, что в современной России одной из главных проблем, отвечающих за системный характер отставания нашей страны от развитых государств, является проблема игнорирования, исключения отдельного человека, гражданина из активного поля реализации своих профессиональных навыков и творческого потенциала. Таким образом, именно с этими проблемами не реализованности он, человек, творит повседневность. Или, лучше сказать, *существует* в повседневности.

Другими словами, из определения повседневности, приведенного в начале статьи, как бы выпадают важные его элементы – функции и ценности. Если у человека нет влиятельных знакомых, родственников или других стимулирующих косную бюрократическую машину способов воздействия, то ему невозможно даже надеяться на качественное изменение жизни, а, значит, и обыденной жизни.

Возвращаясь к нашему пониманию социальной инженерии (с технической точки зрения), можно говорить о том, что в российском варианте конструирования реальности вообще отсутствуют те самые «ребра жесткости», благодаря которым «здание» должно быть устойчивым. Может быть, этим и объясняется такой высокий процент алкоголизма, наркомании и других проявлений девиантного поведения?

По мнению П. Ревко, повседневность включает в себя различные материальные и ценностные комплексы, связанные с предметными обстоятельствами жизни людей, которые осознаются ими как частная сфера (дом, семья, ближайшее окружение), сфера будничных событий «рядового человека», оторванного от понимания функционирования социальных институтов, влияние которых в зоне непосредственного существования «простого» индивида кажется ему либо ничтожным, либо фатальным. Таким образом, к повседневности относятся социальные явления и индивидуальные состояния, классифицируемые в качестве обычных, обиходных, то есть не принадлежащих к явлениям однократным, необычным или харизматическим [4].

Повседневность как частная, приватная жизнь наполнена, прежде всего, тем, что имеет отношение к досугу, дому, семье. Реальное бытие пронизано человеческой телесностью, бытовой сферой. Являясь формой протекания человеческой жизни, повседневность поддерживает стабильность функционирования человеческих обществ и представляет собой целостный социокультурный мир.

Нам близка позиция П. Ревко, связанная с тем, что постоянство жизненных ситуаций осваивается человеком всякий раз заново, поэтому повседневность проявляет себя не только в монотонной и рутинной повторяемости фигур мышления и речи, актов коммуникации и поведения. Повседневность вырабатывает ряд специальных форм, позволяющих культивировать новое в рамках хорошо известного старого.

Думается, ставшая сегодня актуальной в науке проблематика социальной аномии, социальной апатии, показывает, прежде всего, необходимость изменения представлений о повседневности как исключительно бытовой сфере. Она давно перестала быть таковой уже только потому, что в нее (бытовую сферу) окончательно

вошли информационные технологии, моделирующие некие разнообразные модели поведения, не связанные с внутренней, приватной жизнью человека. Часто навязываемые сценарии входят в противоречие с уже имеющимися установками «мышления и речи, актов коммуникации и поведения», что приводит не только к разрушению целостной картины мира, но и, как следствие, к серьезным социальным деформациям.

Представляется, решение данной проблемы должно носить исключительно системный, социоинженерный характер, в основе которого лежат проектные технологии. Однако социальное проектирование в России лишь набирается опыта, поэтому еще долгое время самой главной трудностью останется отсутствие финансирования данной области. Оно неизбежно будет носить местный, «пунктирный» характер, так как почти ничего не делается для создания коммуникационных механизмов, соотносящих федеральный и местные уровни взаимодействия.

С помощью социального проектирования возможна активизация творческого потенциала каждого человека, начиная с раннего возраста, используя информационные ресурсы, которыми располагают почти все. Причем, уже сегодня в Интернете предлагается огромное количество конкурсов разной направленности, в которых может принять участие каждый, реализуя свои способности. Как результат – возможное изменение структуры повседневности: с одной стороны, люди активно используют досуг, развивая свой творческий потенциал и зарабатывая дивиденды, а с другой – государство получает информацию о целой армии талантливых граждан. Правда, получая эту информацию, оно (государство) ее (информацию) игнорирует, так как наблюдается полное отсутствие все тех же коммуникационных механизмов вовлечения этих людей из области повседневности в область деловой активности. Как следствие, те немногие, кто не только способен творить, но и реально создают качественный продукт, основываясь лишь на собственном энтузиазме, быстро осознают личную «непригодность», опускают руки и служат остальным примером для «не подражания».

Таким образом, одним из главных вопросов, требующих незамедлительного ответа, представляется, должен звучать так: возможно ли использовать социальное проектирование как механизм, соединяющий повседневность с профессионализмом и выстраивающий социоинженерные связи таким образом, чтобы система становилась все более самоорганизующейся, гибкой и устойчивой, способной предупреждать явления социальной аномии, активизируя творческий потенциал каждого человека?

Библиографический список

1. Что такое повседневность? <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/p/povsednevnost.html> (дата обращения: 19.10.2013)
2. ШЮЦ, (Schutz) Альфред. 1) Структура повседневного мышления //Социологические исследования. 1988. № 2. 2) Collected papers. I-II. Hague, 1962-1966. 3) The phenomenology of the social world. L., 1972.
3. Кузнецов М.В., Симдянов И.В. Социальная инженерия и социальные характеры http://www.softtime.ru/sql/?id_article=106(дата обращения: 19.10.2013)
4. Ревко П. Искусственные интеллектуальные системы и повседневная жизнь человека.http://www.gumer.info/bogoslov_

Buks/Philos/revko/02.php(дата обращения: 19.10.2013)

References

1. What is everyday? <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/p/povsednevnost.html>(reference date: 19.10.2013)
2. Schutz A. 1) The structure of everyday thinking // sociologic research 1988. № 2) Collected papers. I–III. Hague, 1962–1966.
- 3) The phenomenology of the social world. L., 1972.
3. Kuznetsov M.V., Simdjanov I.V. Social engineering and social characters http://www.softtime.ru/sql/?id_article=106(reference date: 19.10.2013)
4. Revko P. Artificial intelligent systems and the daily life. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/revko/02.php(reference date: 19.10.2013)

УДК 141.131

UDC 141.131

С.В. ШКУРО

кандидат богословия, зав. кафедрой богословия и философии Казанской духовной семинарии
E-mail: schkuro@yandex.ru

S.V. SHKURO

candidate of Theology, head of Theology and Philosophy Department of Kazan Theological School
E-mail: schkuro@yandex.ru

ЛОСЕВСКИЙ ПЕРЕВОД ТРАКТАТА «О БОЖЕСТВЕННЫХ ИМЕНАХ» ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА

LOSEV'S TRANSLATION OF THE TREATISE «ON THE DIVINE NAMES» OF DIONYSIUS THE AREOPAGITE

Статья посвящена переводу трактата Дионисия Ареопагита «О божественных именах», выполненному А.Ф. Лосевым. Выявляются причины повышенного интереса философа к данному тексту, характеризуются особенности лосевского переводческого стиля в сопоставлении с греческим оригиналом и переводом Г.М. Прохорова.

Ключевые слова: *Corpus Areopagiticum, трактат «О божественных именах», А.Ф. Лосев, особенности перевода.*

The article is devoted to the translation of the treatise by Dionysius the Areopagite «Of the divine names», performed by A.F. Losev. The causes of the increased interest of the philosopher to this text are detected, the features of Losev's translation style are characterized in comparison with the Greek original and translation, made by G.M. Prokhorov.

Keywords: *Corpus Areopagiticum, treatise «Of the divine names», A.F. Losev, features of translation.*

Выдающийся русский религиозный мыслитель Алексей Федорович Лосев (1893–1988), которому выпал тернистый путь философа «из подполья» в годы воинствующего советского атеизма, всю свою долгую жизнь оставался убежденным приверженцем и страстным защитником православного вероучения. В секулярном мире, из которого всеми способами изгонялись даже воспоминания о православных традициях, о церковном прошлом русского общества, не приходилось ожидать глубокого понимания религии. Само Священное Писание в то время было недоступным для думающего человека, не говоря уже о богатом гимнографическом, агиографическом и богословском наследии, накопленном православием в течение столетий. И в первую очередь это относится к литературе на иностранных языках, особенно древних, традиция изучения которых в отечественной образовательной практике практически прервалась после революции.

Вне сомнения, Лосев прекрасно осознавал это и считал делом всей своей жизни разъяснение соотечественникам тех идей, знакомства с которыми они были

начисто лишены. Во многих работах Лосев выступает не только как внимательный и вдумчивый исследователь античной и средневековой философии, эстетики, но и как популяризатор учений платоников, неоплатоников, христианских богословов, умело пользующийся «эзоповым языком». Одним из ярких примеров может служить его полемически заостренная работа «Неоплатонизм, изложенный ясно, как солнце» [1, с. 183–200] (она представляет собой главу из книги «История эстетики», завершенной к 1936 г., но так и не вышедшей в свет). Просветительская направленность этого текста очевидна: его автор стремится убедить неискушенного читателя в том, что интерес к неоплатонизму в современном обществе должен быть возрожден (а неоплатонизм он рассматривает как философский фундамент православия).

Еще одним серьезным шагом в религиозно-просветительской деятельности Лосева можно считать перевод трактата «О божественных именах». Этот текст, написанный, вероятно, в V-начале VI в. на греческом языке, дошел до нас в составе собрания богос-

ловских сочинений, надписанного именем Дионисия Ареопагита и известного под названием *Corpus Aereopagiticum*. Переводы корпуса были знакомы еще древнерусскому читателю, однако качественный комплексный перевод на современный русский язык впервые был издан только в 1994 г. Г.М. Прохоровым, а при жизни Лосева об этом и речи не было. Именно поэтому Лосев, стремясь донести до своих современников идеи и образы оригинала, дважды (!) переводил с греческого этот весьма объемный корпус сочинений, что свидетельствует об осознававшейся Лосевым чрезвычайной значимости Ареопагитского корпуса для православного богословия и религиозной философии.

Причина лосевского особенного внимания к этим текстам очевидна. Достаточно вспомнить об имяславских исканиях философа, чтобы понять, почему именно Ареопагит вызывал у него живейший интерес, почему именно этого автора Лосев хотел сделать «удобочитаемым» и переводил столь настойчиво. На *Corpus Aereopagiticum* с его учением об исхождении божественных энергий, развитым впоследствии Григорием Паламой и воспринятым всей исихастской традицией, в первую очередь опирались приверженцы имяславия в своей энергетической доктрине.

Судьба лосевских переводов была печальной: они дважды исчезали (после ареста 1930 г. и после бомбежки 1941 г.), и «больше испытывать волю Божию Алексей Федорович, по его словам, не стал» [4, с. 105]. Однако в 1995 г. в архивах ФСБ были обнаружены рукописи, изъятые в 1930 г., и среди них оказались два машинописных экземпляра перевода трактата «О божественных именах» с утраченными первыми страницами (сохранившийся текст начинается с главы I, 2). Этот перевод был сверен с греческим подлинником В.В. Библиным и увидел свет только в 2009 г. (см. [3, с. 142–218]), благодаря чему теперь мы имеем возможность оценить его по достоинству.

Отношение Лосева к Дионисию Ареопагиту в целом и к его сочинению «О божественных именах» в частности представляется совершенно однозначным: русский философ дает высочайшую оценку как самим текстам Ареопагитского корпуса, так и их влиянию, оказанному на всю последующую православную мысль. В работе «Историческое значение Ареопагитик» он пишет: «Значение же это настолько огромно, настолько исключительно и глубоко, что надо сказать без всякого преувеличения, *это есть исповедание веры всей византийской мистики и философии*» [3, с.121–122]. По мнению философа, это «самая гуща... того глубокого и органического соединения живейшей и ожигающей мистики и отвлеченно-философских утончений, которым так отличается восточное богословие и философия» [3, с. 107].

Прямые параллели проводит Лосев между учением Ареопагита о божественных именах и имяславием: «... Имяславие зиждется на мистически-символической и диалектической *антиномии* сущности Божией и идеи (энергии) Божией. <...> Эти принципы – всецело принадлежат Дионисию Ареопагиту и составляют центр

его умозрения» [3, с. 110–111]. В своей работе (к сожалению, незавершенной в дошедшем до нас виде) «Дионисий Ареопагит с точки зрения имяславия» (1923) Лосев приводит множество цитат именно из трактата «О божественных именах», содержащего ключевые для имяславской доктрины рассуждения, центральные понятия (*Божественное имя, энергия* и под.), основополагающие утверждения о сущности божественных энергий и их действии в человеке. Молитва определяется здесь как «произнесение имен и умное всматривание в Божественные идеи, энергии» [3, с. 114].

Итак, Лосев, придавая столь большое значение творениям Дионисия («одного из наименее известных теперь, но одного из наиболее популярных писателей в древней и Византийской церкви» [3, с. 107]), неоднократно настойчиво переводил Ареопагитики, из которых до нас почти полностью дошел только его перевод трактата «О божественных именах». Не подлежит сомнению, что одной из целей философа была просветительская – донести до современного читателя, не искушенного в средневековом греческом, словесно-образное многоцветье оригинала, в которое облечены важнейшие для православия (и прежде всего имяславия) идеи. Перевод Ареопагитик – первый (и самый необходимый) шаг к пониманию христианского неоплатонизма Дионисия, а значит (по мысли Лосева), и философских основ православного мистического богословия в целом.

Обозначим некоторые особенности лосевского перевода трактата «О божественных именах» в сопоставлении с греческим оригиналом и переводом (ставшим классическим) Г.М. Прохорова [2]. В первую очередь следует упомянуть о лаконизме лосевского стиля. Нередко у Лосева формулировки более кратки и емки (что больше соответствует специфике греческой грамматики), чем в [2]. Например, фрагмент οὐδὲ τὸ κακὸν ἔχει τὴν κακίαν (DN IV, 21) Лосев переводит как *и нет порока в делающем добро из зла* [3, с. 177] (ср. витиеватую фразу в [2, с. 365]: *да и Тому, Что обращает во благо и само зло, несвойственно воспринимать зло*).

При этом, что характерно, Лосев очень часто для удобства читателя вставляет в текст перевода собственные слова и обороты, делающие понятнее значение сказанного («В тексте встречаются излюбленные Лосевым квадратные скобки, поясняющие смысл...» [4, с. 105]), а также приводит в сложных случаях греческие соответствия. Вот типичный пример такой разъяснительной работы: *Действительно, от блага [исходит] свет, и он подобие благодати <...>. Поэтому оно и солнце (ἡλιο), что оно все творит совокупно (ᾠλλή ποιεῖ) и собирает рассеянное (DN IV, 4)* [3, с. 163–164]. В данном и подобных случаях без указания греческих параллелей остались бы неясными языковые тонкости оригинала (в частности, подразумевающего, как в приведенном фрагменте, этимологическую связь лексем).

Кроме того, лосевский перевод нередко отличается чисто лексическими находками. Так, греческое *taV lovgia* в [2] переводится ближе к оригиналу как *Речения*,

но это непривычно для русского читателя. Лосев же соблюдает православную традицию, употребляя лексику *Писания*. Еще пример разночтений: абстрактному понятию *ταῖς ἀγαθῶν* соответствуют *Добро* в [2] и *Благо* у Лосева. Второй вариант кажется нам логичнее хотя бы потому, что в производных номинациях с тем же греческим корнем в обоих переводах используется, как правило, корень *благ-* (*благодать, благодатный, благолепно* и под.), что обеспечивает смысловую корреляцию между исходным и производными понятиями.

Встречаются разночтения и в употреблении синонимических пар. Греческие синонимы *ἔρω* и *ἀγάπη* последовательно переводятся Лосевым (например, в DN IV, 12) как *вожделение* и *любовь* соответственно, тогда как в [2] им соответствует пара *Любовь* и *Приязнь*. Представляется, что лосевский вариант точнее выражает смысловые нюансы греческих слов, так как избранные им синонимы имеют соответствующие понятийные акценты и коннотации в современном русском языке. Еще пример: любопытна попытка Лосева передать средствами русского словообразования сходства и различия между греческими синонимами: *ἡ μοναδικὰ καὶ ἡ ἐνὰ δὲ* – как *единственность* и *единичность* (тогда как в [2] первый термин просто заимствуется: как *Монада* и *Единица* (DN I, 4)).

Интересно проследить в связи с этим, как менялись переводческие установки Лосева в подобных случаях. В работе «Дионисий Ареопагит с точки зрения имяславия» (1923) Лосев цитирует небольшой фрагмент анализируемого трактата в собственном переводе, где находим следующий контекст, посвященный *Причине всего сущего*: ...*Она – эйдос (идея), творящая идею в том, что лишено идеи, поскольку она – первоначальная идея всего; она не-идеальна в эйдосах, поскольку выше эйдоса* [3, с. 115]. Греческое слово *εἶδος*, как близкий

самому Лосеву философский термин, ученый оставляет без изменения. Однако в основном переводе, который был сделан, вероятно, позже, Лосев заменяет греческое слово на русское: *Образотворный образ в безобразном, как начало образности; но и безобразное в образах, как пребывающее превыше образа* (DN II, 10) [3, с. 155]. Смысл текста несколько модифицируется при такой лексической замене (*эйдос (идея) > образ*), Лосев апеллирует к языковому опыту неискушенного русского читателя, высвечивая смысловую глубину исконного славянского слова. Иной, но близкий эквивалент находит и Прохоров: *Вид, творящий виды в том, что не имеет вида, как видоначало; безвидная среди видов как превосходящая вид* [2, с. 273]. При этом оба переводчика успешно сохраняют «плетение словес» греческого фрагмента, изобилующего однокорневыми повторами.

Как и любой перевод, лосевский не обходится, впрочем, без некоторых недоразумений. Так, на наш взгляд, греческое слово *τάξις* удачнее переведено в [2, с. 361] как *порядок*, чем в лосевской версии – как *сложение*: ...*И болезнь является недостатком сложения* (DN IV, 20) [3, с. 176]. Еще пример: Лосев допускает неточность в переводе цитаты из 23 псалма (Пс. 23:7, 9) «*Ἐπάροθτε, πύλαι αἰώνιοι*» («*Поднимитесь, двери вечные*»), заменяя обращение прямым объектом и страдательный оборот – действительным: «*Откройте вечные двери*» [3, с. 208].

В целом лосевский перевод трактата «О божественных именах» (с утраченной главой I, 1) написан прекрасным, доступным философским языком, несущим отчасти отпечаток и собственного лосевского стиля. Этот перевод обладает несомненными достоинствами и мог бы прекрасно выполнять просветительскую задачу, сложись его судьба не столь печально (как, заметим, и философская судьба его автора).

Библиографический список

1. Алексей Федорович Лосев: из творческого наследия: современники о мыслителе. М.: Русский мир, 2007. 776 с.
2. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя; Изд-во Олега Абышко, 2002. 854 с. (Византийская библиотека. Источники).
3. Лосев А.Ф. Избранные труды по имяславия и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита. С приложением перевода трактата «О Божественных именах» / А.Ф. Лосев; подг. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. СПб.: Изд-во Олега Абышко; «Университетская книга СПб», 2009. 224 с.
4. Тахо-Годи А.А. Тексты, связанные с Ареопагитским корпусом // Лосев А.Ф. Избранные труды по имяславия и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита. С приложением перевода трактата «О Божественных именах». СПб.: Изд-во Олега Абышко; «Университетская книга СПб», 2009. С.105-106.

References

1. Aleksei Fedorovich Losev: From Creative Heritage. Contemporaries About The Thinker. – Moscow: Russkii mir, 2007. 776 p.
2. Dionysius the Areopagite. Writings. The Interpretation of Maximus the Confessor. S. Petersburg: Aletheia; Publishing House of Oleg Abyshko, 2002. 854 p.
3. Losev A.F. Selected Works on Onomatodoxy and Corpus Areopagiticum Dionysiacum. With Application of the Translation of the Treatise «On the Divine names». S. Petersburg: Publishing House of Oleg Abyshko; “Universitetskaya kniga. SPb”, 2009. 224 p.
4. Takho-Godi A.A. Texts Related to Corpus Areopagiticum // Losev A.F. Selected Works on Onomatodoxy and Corpus Areopagiticum Dionysiacum. With Application of the Translation of the Treatise «On the Divine names». S. Petersburg: Publishing House of Oleg Abyshko; “Universitetskaya kniga. SPb”, 2009. P. 105–106.

УДК 811. 161. 1'36

UDC 811. 161. 1'36

Ю.В. АКИМОВА

преподаватель кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета
E-mail: redactor@petrsu.ru

А.А. ЛЕБЕДЕВ

преподаватель кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета
E-mail: perevodchik88@yandex.ru

З.И. МИНЕЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета
E-mail: zmineeva@rambler.ru

Y.V. AKIMOVA

lecturer of Russian Language Department, Petrozavodsk State University
E-mail: redactor@petrsu.ru

A.A. LEBEDEV

lecturer of Russian Language Department, Petrozavodsk State University
E-mail: perevodchik88@yandex.ru

Z.I. MINEEVA

candidate of philological science, Associate professor of Russian Language Department, Petrozavodsk State University
E-mail: zmineeva@rambler.ru

АКТУАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ***CURRENT WORD FORMATION IN THE AREA OF NEW INFORMATION TECHNOLOGIES**

В статье рассматриваются производные неологизмы разных частей речи, получившие распространение в новостях, блогах и комментариях русскоязычной сети Интернет в конце 2012 – начале 2013 г. С помощью семантического и словообразовательного анализа определены актуальные деривационные модели и прагматика использования неологизмов.

Ключевые слова: русский язык, неологизмы, способ деривации, суффиксация, бленд, префиксация, сложение, прагматика, интернет.

The article elaborates on derivative neologisms of different parts of speech that have entered news, blogs and comments in the Russian-language Internet in late 2012 – early 2013. Current derivative models and pragmatics of neologisms' use were identified by means of semantic and word-formation analysis.

Keywords: Russian language, neologisms, derivation, suffixing, blend, prefixation, addition, pragmatics, Internet.

Начало XXI века – время развития новых технологий, которые меняют нашу жизнь, способы получения и передачи информации, воздействуют на характер общения. Интернет-рейтинг мировых языков показывает, что по числу пользователей русский язык занимает 9 место [1, 371]. Сегмент русскоязычного интернета расширяется, прирастая, обогащаясь новыми лексическими единицами и грамматическими формами.

Пространство Интернета открывает исключительно широкие возможности для самовыражения человека, позволяет ему обсуждать свои проблемы и личные переживания, затрагивать бытовые темы, давать оценку общественно-политическим, спортивным, культурным событиям. При этом свежая мысль и острые эмоции зачастую приходят в столкновение, противоречие с недостаточно выразительными узуальными средствами языка, следствием чего является конструирование на основе разнообразных словообразовательных моделей новых, по большей части окказиональных единиц.

Неологизмы вызывают интерес исследователей, осмысливающих функции новых дериватов в СМИ [4; 6; 13, 9], в Интернете [5], включающих новообразова-

ния в толковые [10], толково-словообразовательные словари [3], новых слов и значений [11].

Цель статьи состоит в рассмотрении новых дериватов, отсутствующих в лексикографических источниках последних лет издания [2, 10, 3], с точки зрения семантики и словообразования.

Материалом исследования послужили ключевые политические Интернет-издания: «Газета.ру» (<http://www.gazeta.ru>); «Лента.ру» (<http://www.lenta.ru>); «Московский комсомолец» (<http://www.mk.ru>); а также сайты с наибольшим числом пользователей (<http://www.utro.ru> и некоторые другие).

Как показал проведенный анализ, словообразовательные процессы затрагивают имена существительные, прилагательные, глагол. В основном, при образовании неологизмов начала XXI в. используется морфологический способ деривации, включающий префиксацию, суффиксацию и их сочетание, сложение, а также усечение и блендинг.

1. Имена существительные. Наиболее репрезентативной является группа агентивов (*nomina agentis*), к которой мы относим номинации человека

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ 2012-2016 гг.

независимо от лексико-грамматической отнесенности мотивирующего слова [7]. Появление значительного числа новых номинаций человека обусловлено экстралингвистическими факторами, активными общественно-политическими процессами в российском обществе; активная деятельность разных политических партий, этнических и профессиональных сообществ требует соответствующих обозначений их представителей; новые агенты используются, как правило, одновременно для номинации и оценки, как способ обозначить свою позицию и выразить точку зрения по обсуждаемому вопросу.

Префиксальное словообразование представлено в нашем материале неологизмами с префиксами со-, экс-, анти- и префиксоидом аэро-: *сокнижник*; *экс-премьер*, *экс-сенатор*, *экс-капитан*, *экс-руководитель*, *экс-глава*, *экс-муж*, *антипут*; *аэробобошир*. Новые единицы использованы в следующих контекстах.

Но больше такого *сокнижника* у меня не было (mk.ru 09.03.2013). Провокационный билборд появился возле клубного магазина в комплексе “Эмирейтс Стэдиум”. Прямо у входа на домашний стадион “Арсенала” британская букмекерская контора “Paddy Power” вывела плакат, откровенно высмеив в изображении на нем *экс-капитана* сборной России по футболу Андрея Аршавина (utro.ru 01.03.2013); ...*экс-сенатор* /Л. Нарусова/ обсуждала с президентом работу над изданием пятитомника сочинений Анатолия Собчака (news.ru. 06.02.2013.); В Следственном комитете рассказали о статусе *экс-главы* Минобороны в деле о хищениях (utro.ru 10.03.2013); Арестованная московская квартира *экс-руководителя* департамента имущественных отношений Минобороны РФ Евгении Васильевой, проходящей по резонансному делу «Оборонсервиса», может стоить от 3 до 5 миллионов долларов, рассказали в четверг РИА Новости эксперты рынка недвижимости (utro.ru 07.03.2013); Не стоните *антипуты*, подождите вы немного, станет прохор президентом (lenta.ru. 06.03.2012).

Префиксы присоединяются к полной (глава, книжник) и к усеченной основе (антипут). Наибольшей продуктивностью обладает словообразовательная модель с префиксом экс-; многочисленные неологизмы: *экс-губернатор*, *экс-глава* и т. п. утрачивают признаки окказионального образования и обнаруживают тенденцию к переходу в разряд узуальных.

Суффиксация используется активнее других способов, в том числе так называемая нулевая суффиксация, или, по другой терминологии [Шапошников 2010: 93], бессуффиксное (безаффиксное) словообразование. Без использования материально выраженного суффикса образованы отсубстантивные агенты *зоопсихолог* (‘специалист по зоопсихологии’) от названия отрасли науки и *объектофил* (‘человек, испытывающий страсть к неживым объектам, например, к машинам’) от *объектофилия*.

С помощью суффиксов –ист, –ец, –овец, –ик, –ник, –як; –ор, –ыш и суффиксоида –оид образуются агенты мужского рода, составляющие наиболее многочис-

ленную группу. В нее входят следующие единицы: *нашист* и *нашик* (‘член движения «Наши»’) от *наши*; *булгаристы* (‘сторонники теории происхождения татар от волжских булгар’) от *булгары*; *фаровец* (‘член «Федерации автовладельцев России»’) от звуковой аббревиатуры *ФАР*; *тоцевцы* (‘представители Татарского общественного центра’) от звуковой аббревиатуры *ТОЦ*; *азатлыковцы* (‘члены движения «Азатлык», русск. «Свобода»’) от «Азатлык»; *болотник*, *болотняк* и *болотныш* (‘участник выступлений оппозиции на Болотной площади в Москве’) от *Болотная* (площадь); *едросник* (‘член партии «Единая Россия»’) от *едро*, сложения инициальных частей названия партии; *путинградец* и *путиноид* (‘сторонник президента Путина’) от онимов *Путинград* и *Путин*; *джорджец* (‘грузин’) от усеченного транслитерированного *Джорджия*, названия государства Грузия (англ. Georgia); *креатор* (‘активный оппозиционер, инициирующий протестные выступления’) от прилагательного *креативный*; *никчёмныш* (‘ни на что не годный, никчемный человек’) от прилагательного *никчемный*; *либероид* (‘сторонник либеральных взглядов, оппозиционер’) от *либерал*, *либеральный*; *хохлоид* (‘украинец’) от этнонима *хохлы*. Ниже приводятся контексты, в которых зафиксированы новообразования.

Глупенький *нашист*... (mk.ru 12.03.2013); *Нашик*, судя по уровню владения русским языком? (gazeta.ru. 27.05.2011); Инициатива татарских национал-сепаратистов уже вызвала резкое осуждение у представителей *булгаристов* (считающих современных татар потомками волжских булгар – прим. ИА REGNUM) (utro.ru 10.01.2013); При этом *фаровцы* резонно замечают, что подать около 27 млн исков налоговые органы даже теоретически не могут (avtovzglyad.ru 16.10.2012); Лидер набережночелнинских *тоцевцев*... готов идти на компромиссы (utro.ru 10.01.13); Имам мечети «Гали»... заявил, что национализм «азатлыковцев» является «признаком слабого ума и отсутствия нравственности» (utro.ru 10.01.13); Понятие вообще размытое, сейчас говорим «оппозиционер» – подразумеваем «болотник» (lenta.ru. 05.06.2012); Все эти *болотняки* бескорыстно ковали ему победу (inosmi.ru. 18.04. 2012); ...«*болотныши*» сразу всплывут с криками о «произволе российской власти» (yaplakal.com, 05.09.201); Гопотской *едросник* дает ссылку на вирусняк (livejournal.com.12.07.2012); *Путинградец* – не умничай (kv.by.14.07.2009); Вы можете быть и хороший человек, но ярый *путиноид* (mk.ru.29.07. 2008); Пора привыкать к новому названию. Не грузины – *джорджцы* (lenta.ru. 06.07.2011); Это болотные *креаторы* пусть по фонтанам орут, а у меня профессия есть (lenta.ru. 26.11.2012); В детстве помню, были такие маленькие, чахлые *никчёмныши*, которые старались дружить с большими сильными ребятами (mk.ru 13.03.2013); *либероиды* не имеют никакого отношения к либералам (lenta.ru. 18.09.2012); Любите же вы *хохлоиды*... (lenta.ru. 27.01.2012).

Займствованные лексемы, подобные *креатор*, как правило, не относят к числу дериватов русского языка.

Действительно, *креатор* генетически произошло от английского *creator* – ‘творец’, однако в настоящее время соотносится по значению с однокоренными словами современного русского языка *креативный*, *креативность*, вследствие чего с позиции синхронии является производным и мотивированным суффиксальным образованием наряду с *креативицик*, при наличии общего экстенционала *креативицик* эксплицирует положительное (или нейтральное) отношение говорящего к объекту речи, референту, а *креатор* выражает негативное отношение адресанта, используется в приведенном контексте с явно иронической окраской.

Агенты женского рода, в основном, являются коррелятами существительных мужского рода и образуются либо от агента мужского рода при помощи продуктивного суффикса –к- (*либерастка*, *толерастка*, *грантососка*), либо непосредственно от субстантивной или адъективной основы при помощи суффикса –ниц- (*художница*); –янк (*болотнянка*); –иц (*болотница*).

А вот *либерастка* Мария Гайдар сбежала (lenta.ru. 13.10.2012); Достала эта *толерастка* ... надо её в отставку (lenta.ru. 21.03.2012); Левозащитная *грантососка* – это российский источник? (lenta.ru. 30.08.2012); Наберите слова «Новые заводы России»..., а потом только с Вами можно будет о чем-то говорить, *болотнянка* (maxpark.com.04.03.2012); Это *болотница* кичанова выдала ваши мечты о концлагерях для русских! (lenta.ru. 20.06.2012).

Агентив *художница* (‘спортсменка, занимающаяся художественной гимнастикой’) образован от усеченной основы прилагательного *художественная* (гимнастика).

Российская гимнастка Евгения Канаева стала олимпийской чемпионкой среди *художниц* в индивидуальном первенстве (vesti.ru.11.08.2012).

С помощью большинства из вышеназванных суффиксов производятся лексемы мужского и женского рода, обозначающие лиц по принадлежности к организации, федерации, ассоциации, последователи теорий, сторонники движений.

Сравнительно небольшая часть исследуемых единиц используется в ассертивных высказываниях (*фаровцы* и др.), основной корпус агентов является продуктом экспрессивного словообразования и входит в состав иллокутивных экспрессивных речевых актов, часто выражающих вербальную агрессию. Нередко агентив становится центром такого высказывания, цель которого – выразить собственное неприятие иной позиции, выразить порицание, неодобрение, иронию.

Коннотация пейоративности присуща лексеме в целом, а не отдельной её части, деривату. Так, суффикс –ник входит в состав большого числа нейтральных лексем, с его же помощью образована номинация *едросник*, позволяющая демонстрировать неуважительное, пренебрежительное отношение к сторонникам партии «Единая Россия». Следствием использования разных возможностей словообразовательной системы, различных деривационных моделей является вариативность номинаций участников митинга оппозиции

на Болотной площади с экспликацией разной степени пейоративности: от почти нейтрального *болотник* до *болотняк*, *болотнянка* и *болотный*.

Суффикс –ец, как правило, образует стилистически нейтральные существительные со значением ‘тот, кто принадлежит к указанной в основе организации, общности’; отсубстантивный дериват *путинградец* имеет коннотацию негативной оценки и иронии при мотивирующем ониме *Путинград*, как стали называть Нижний Тагил после местных митингов в поддержку Путина. Виртуальный город фигурирует в заголовках статей: «В *Путинграде* выбрали спасителя» (gazeta.ru.15.10.2012).

Суффиксация используется при образовании агентов с модификационным значением: *жирик* от *Жириновский*; *наиштик* от *наишт*; *джорик* от *Джорджия* и *джорджец*. Деминутивы с суффиксом –ик способствуют разграничению ролей в диалоге, подчеркивают малозначимость оппонента и собственное превосходство адресанта.

Тебя что *наиштик* в гугле заблокировали (lenta.ru. 28.05.2012); *Джорики* зажигают! /в публикации о российских шпионах, задержанных в Грузии/ (lenta.ru. 06.07.2011).

Сочетание префикса за- и суффиксов –ец и –к- используется при образовании агентов мужского и женского рода с семантикой ‘сторонник’, ‘сторонница’ от имени собственного *Путин*: *запутинец* и *запутинка*.

Я не ярый *запутинец*, а просто адекватный человек (lenta.ru. 14.06.2012); Зато одна *запутинка* тут с пеной у рта доказывала, что нельзя так (lenta.ru. 20.09.2012).

Конфикс под- - –ник использован в негативно-оценочной лексеме *подпиндосник* (‘проамерикански настроенный сторонник российской оппозиции’) от *пиндос* – ‘американец’. Данная модель реализована при создании слова *подкаблучник* – ‘мужчина, находящийся в подчинении женщины’, буквально – под каблуком.

Понятно, что ты по национальности еще не русский, а по нации – пока *подпиндосник* (gazeta.ru); А *подпиндосники* могут только жалобно визжать на форумах (mk.ru. 23.09.2011).

Сложение представлено тремя моделями: чистого сложения без интерфикса (*политпроститут*), сложением с интерфиксом (*грантосос* – ‘человек, получающий гранты, живущий на гранты’) и в сочетании с суффиксацией (*белоленточница*). При этом возможно объединение части слова и слова: *политпроститут*, двух полных слов: *едророботы*, *едрохомячки*; с использованием интерфикса: *грантосос*; в случае с *душеполезный* возможна мотивация двумя словами при сращении (полезный душе); объединение двух основ, интерфикса и суффикса: *белоленточник*, *белоленточница*.

Достал этот *политпроститут* (mk.ru. 2012/03/12); Верно, *едророботы* и *едрохомячки*? (lenta.ru. 06.10.2012).

Зоотроп *хомячок* активно используется для обозначения оппозиционных активистов, которые участвуют в политической жизни исключительно в Интернете. В противовес ему появилось обозначение «едрохомячок»,

которое однозначно характеризует лицо по его политической позиции как человека, поддерживающего партию власти «Единая Россия».

Чирикова – известный западный грантосос (mk.ru.01.06.2011); *У белоленточников вранье – это стиль жизни* (mk.ru. 22.06.2012); *Вы же не белоленточница Ксения с жалкими монетами?* (lenta.ru. 10.09.2012).

Агенты мужского и женского рода, образованные от словосочетания *белая ленточка*, в подавляющем большинстве случаев имеет отрицательную коннотацию и используется оппонентами оппозиционеров.

С помощью усечения основы при образовании агентов реализуется тенденция к экономии языковых средств; в качестве мотивирующих слов выступают как имена собственные (*Ходор* от *Ходорковский*), так и нарицательные: вместо четырехсложного *га-старбайтер* (от немецкого *Gastarbeiter* в значении ‘рабочий-иммигрант’) и семисложного *оппозиционеры* используются двухсложные *гастер* и *оппры*.

Гастеры в Москву приезжают работать нелегально, живут непонятно где и только среди своих, соответственно и социализации никакой (lenta.ru. 27.11.2012); *То-то болотные оппры не возмущаются кровавым испанским режимом, а ведь там и стреляли по демонстрантам резиновыми пулями, а не только дубинками разгоняли* (lenta.ru. 25.09.2012).

Подобного рода усечения характерны для жаргона: *препод* вместо литературного *преподаватель*; *комп* вместо *компьютер* и др.

Один из относительно новых способов словообразования – блендинг (контаминация, стереоскопия), при котором образование неологизмов происходит путем объединения частей двух слов, распознаваемых в деривате и передающих последнему коннотации мотивов. С помощью блендинга создаются единицы, часто используемые в языковой игре. Прагматика использования блендов состоит также в имплицитном оскорблении, когда резко негативная оценка выражается не открыто, а формально скрытым образом; однако и говорящему, и воспринимающему в равной степени очевидна связь новообразования с оскорбительными, подчас обценными мотивами.

Блендами в нашем материале являются *едрот*, *либераст*, *оппозаст*, *толераст* и т.п. *Едрот* от *едро* (Единая Россия) и *патриот*, *идиот* и т.п. Финаль агента – *от* накладывается на краткое название партии, образованное путем сложения инициальных частей слов.

Губернатор Челябинской области конченный едрот (lenta.ru. 16.08.2012).

Негативно-оценочная коннотация лексемы *едрот* дополняется синтагматически: сочетанием с прилагательным *конченный* (синоним – *отпетый*, то есть имеющий некие негативные качества в наибольшем количестве).

Агент *либераст* образовался соединением начальной части слова *либерал* и конечной части бранного вульгарного, негативно-оценочного аналога нейтрального *гомосексуалист* [12, 427]; дериват прижился в интернет-сообществе и довольно часто используется

при выражении негативного отношения к разделяющим либеральные взгляды оппонентам.

Просто я не либераст и комплексов не имею (lenta.ru. 25.10.2012).

Аналогично образование лексем *оппозаст* (‘представитель оппозиции’) и *толераст* (‘толерантный человек’).

Он Ксюхин друг и оппозаст, но никто же этого не подхватывает /об Илье Яшине/ (lenta.ru. 19.12.2012); *Далеко пойдете, товарищ толераст* (lenta.ru. 06.08.2012).

Блендинг использовался при создании группы слов: *кремлебот*, *пиндобот*, *едробот*, *оппоскрипт* – с семантикой ангажированного оппонента, несамостоятельного, слепо действующего по чьей-либо указке, зависимого. Вторые компоненты новообразований – *бот* и *-скрипт* называют программы, выполняющие поставленные задачи в автоматическом режиме, без участия человека. Разница между ними состоит в том, что *бот* устроен сложнее, чем *скрипт*, и потенциально может выполнять больше действий.

А кремлебот или оппоскрипт роли не играет (lenta.ru. 11.05.2012); *...не, едроботы не думают, в методичке все написано* (lenta.ru. 28.08.2012); *О, пиндобот пытается сделать хорошую мину при плохой игре!* (lenta.ru. 17.07.2012).

Агент женского рода *дерьмократка* можно рассматривать как суффиксальное образование от агента мужского рода и как блендинг на основе узуальной лексемы *демократка*.

...самая выдающаяся дерьмократка новой формации /о Собчак/ (mk.ru. 26.05.2012).

Однокоренные *дерьмократ* и *дерьмократия* вошли в словарь, сопровождаемые внушительным рядом помет: «искаж. груб. ирон. презр. разг.-сниж.» [12, 142].

Попозиционер, *попозиционерка*, *попозиция* образованы на основе слов *оппозиционер*, *оппозиционерка*, *оппозиция* при перестановке букв, что позволило придать окказиональным новообразованиям коннотацию негативной оценки, выраженной в шутливой форме.

Хватит нести бред, попозиционер вы наш (lenta.ru. 13.12.2011); *И опять попозиция искажает историю* (lenta.ru.09.05.2012).

При блендинге используется включение варваризма, иноязычного слова, воспроизведенного средствами соответствующей графики: *правозаSHITник*; в этом случае происходит переосмысление морфемной структуры слова и русский корень заменяется английским словом, которое выделено графически – размером букв и использованием латиницы. В приведенном контексте соседствуют два бленда; второй, *журналиюшка*, также соединяет в себе два слова: нейтральную номинацию лица по профессии и уничижительный деминутив.

Вы правозаSHITник, сидите на форумах, зарплату отработываете? Или демократическая журналиюшка? (lenta.ru.09.08.2011).

Существительные с предметным значением. С помощью суффикса –к- образуются универбы, являющиеся однословными аналогами словосочетаний. Как

более экономные обозначения реалий, они достаточно быстро вытесняют в речи сочетания слов, от которых были произведены. В настоящее время слово *открытка* не соотносится носителями языка со словосочетанием *открытое письмо*; более употребительными, чем мотивирующие словосочетания, являются и такие единицы, как *электричка*, *зачетка*, *академка*, *косметичка* (с предметным значением) и многие другие; большая часть универбов состоит из стилистически маркированных, разговорных лексем, в то время как исходные словосочетания нейтральны в стилистическом отношении: *нобелевка* – нобелевская премия, *социалка* – социальная сфера, *молочка* – молочная продукция, *повременка* – повременная оплата; подобных примеров довольно много. Регулярное пополнение этого разряда слов свидетельствует о том, что продуктивность этого способа деривации не снижается, а является стабильной.

В интернет-материалах данная модель реализуется в окказионализмах *выделенка*, *шоферка*, *первичка*. *Выделенкой* называют выделенную, специально обозначенную полосу проезжей части дороги для удобства движения транспорта; *шоферкой* – шоферское удостоверение, водительские права – документы, дающие возможность работать шофером; *первичкой* – первичный цикл (строительства). В последнем случае дериват совпал с ранее употреблявшимся словом, называвшим первичную комсомольскую или партийную организацию.

Контекст может содержать как непосредственно мотивирующее словосочетание, так и другие маркеры, позволяющие безошибочно определить семантику неологизма.

Выделенки стали убирать (avtovzglyad. ru. 02.01.2013); *Надеюсь, что девочка не пострадала от переохлаждения, а у алчного барана отнимут шофёрку и примерно накажут* (mk.ru 12.03.2013); По информации компании “Домус финанс”, самая дорогая “первичка” Подмоскovie находится в Реутове (lenta.ru. 28.11. 2012).

В образовании окказионализмов с предметным значением участвует суффикс –ник: *паркетник* (‘непригодный для российских дорог автомобиль’) от *паркет*; *маршрутник* (‘маршрутное такси’) от *маршрутка*.

Почти все ДТП этого дня – как иллюстрации к старому анекдоту: «Я думал – проскочу...». В том числе и красавец МАН 17-го маршрута, что не сумел затормозить, когда под него полз красненький *паркетник*. Поддев бампером, *маршрутник* протащил последнего 30 метров до бордюра.

Морфемная структура выделенных слов обыгрывается в тексте: *паркетник* и *маршрутник* противопоставляются друг другу; первая номинация выражает ироничное отношение говорящего: *паркетник*, как следует из контекста, – это автомобиль, который может передвигаться по исключительно ровной, как паркет, поверхности, следовательно, не подходит для российских дорог, по которым уверенно ездят *маршрутники*.

Абстрактные существительные образуются префиксальным способом (*антигламур*), суффиксальным с

помощью –ость (*рукопожатность*) и –и́й- (толерастия), а также с помощью блендинга (*дерьмократия*).

...был *антигламур* полный (utro.ru 20.02.13); Вот она *дерьмократия* во всей красе (mk.ru.21.09.2012); ... когда *либерастия* берёт власть, они крадут вообще ВСЁ (lenta.ru. 28.08.2012); *толерастия* до добра не доведет (lenta.ru. 05.05.2012).

Окказионализм *рукопожатность* образован от имени прилагательного. Под *рукопожатностью* понимается готовность пожать другому человеку (представителю либеральной оппозиции) руку. Также само по себе слово выражает высшую степень одобрения, что выражается в одиночном восклицании «Рукопожимаю!».

За что и не люблю демократов... За *рукопожатность* – *нерукопожатность* (mk.ru. 19.01.2012).

Бленд *неполживость* образован наложением названия эссе-обращения А. И. Солженицына «Жить не по лжи» и абстрактного существительного *лживость* [2, т. 9, 177]. Мелиоративное значение новообразования в конкретном ироничном контексте нивелируется.

Двойная польза – *неполживость* возрастает и на секомые и Путин прогоняется (lenta.ru. 26.10.2012).

II. Имена прилагательные образуются с помощью префиксов про-: *провластная* (партия), *пропутинский* и экс-: *экс-панамский*; суффиксов -оват-, -ев-, -евск-, -ск-: *звероватый* (народ); *нишевая* (партия); *либерастский* (подход); в том числе в сочетании со сложением: *брайтенбичевский* от Brighton Beach.

Ну, и что нам опять *провластная* партия об этом скажет? (mk.ru 12.03.2013); *Пропутинский* митинг в Москве вновь устроят в один день с протестной акцией (mk.ru. 04.02.2012); Организаторы *пропутинского* митинга обещают провести следующую акцию вновь в один день с оппозицией (gazeta.ru. 04.02.2012); *Экс-панамский* дипломат (echo.msk.ru 09.03.2013); Мы не должны становиться *нишевой* партией (mk.ru 13.03.2013); Поросячий *брайтенбичевский* вид (mk.ru 12.03.2013); ...типичный *либерастский* подход: критиковать все, при этом ничего не предлагать (lenta.ru. 24.01.2012).

Адъективная группа новых дериватов, образованных префиксацией, суффиксацией и сложением, многочисленна, ей отводится менее значительная роль в интернет-общении, чем агентам, однако некоторые единицы (*пропутинский*, *провластный*) проявляют достаточно высокую активность и обнаруживают тенденцию к утрате признаков окказиональности.

III. Словообразование глаголов осуществляется с помощью префиксального (*отдемократизировать*), префиксально-суффиксального (*подгавкивать*) способов и сложения (*рукопожимать*).

Окказиональный глагол *отдемократизировать* использован в комментарии к новости о скоростном рекорде, поставленном американским роботом: Или пообещали *отдемократизировать* по самые микросхемы, если рекорд не побьет (lenta.ru. 06.03.2012).

Выбранная автором словообразовательная модель вызывает ассоциации с глаголами *отлупить*, *отодрать* и т.п., имеющими семантику агрессивного

действия: 'нанести побои, избить, причинить вред'. Соответственно, неологизм встраивается в ряд глаголов с коннотацией негативно оцениваемого агрессивного действия, антонимичного семантике корневой морфемы «демократ». Новообразование представляет собой своего рода семантико-грамматический оксюморон; автор дает негативную оценку внешней политике США, которую считает агрессивной. Негативную коннотацию имеет лексема в целом, а не отдельный ее элемент; глаголы с префиксом *от-* могут и не включать негативных коннотаций (*отредактировать*).

Конфикс *под-* и *-ива-* используется при образовании глагола со значением сопроводительного, неполного действия.

Огрызаются. А нашики подгавкивают» (lenta.ru 31.10.2012).

Глагольный неологизм используется как оппозиционерами, так и приверженцами официальной политики российского государства.

Эти шавки Вашингтона будут и дальше подгавкивать из-за угла (lenta.ru.20.10.2011).

В обоих случаях субъектами действия выступают лица, на которые направлена вербальная агрессия автора сообщения; глагол имеет коннотацию негативной оценки производителя действия.

Окказионализмы в анализируемом материале имеют, как правило, пейоративную коннотацию; слов с положительным, мелиоративным значением немного; к их числу относится глагол *рукопожимать*, образованный сложением с интерфиксацией и используемый для выражения высокой положительной оценки и высшей степени одобрения.

Достойный повод. Рукопожимаю! (lenta.ru 12.01.2013).

Одно из первых употреблений однокоренного сложного прилагательного *нерукоподатный* связано с передачей В. Соловьева «К барьеру» 2007 года, когда телеведущий назвал *нерукоподатным* Э. Лимонова. Генетически первым было префиксальное прилагательное со значением негации, что соответствует общей логике рассматриваемых неологизмов: первыми вербализуются более сильные негативные эмоции; слово прижилось и дало жизнь абстрактным существительным на *-ость*.

Проведенный анализ показал, что новые номинации ориентированы не только на референцию лица, предмета, качества, действия, но также на характеристику и оценку.

Большая часть неологизмов образуется с помощью морфологического способа, а также усечения и блендинга. Дериваты с продуктивными префиксами *экс-* и *про-* имеют тенденцию к переходу из разряда окказиональных единиц в узуальные, синонимичные прилагательные *провластный* и *пропутинский*, суще-

ствительные *экс-капитан*, *экс-сенатор* и др. довольно частотны и используется не только в комментариях и блогах посетителями сайтов, но и журналистами в публикациях разнообразных Интернет-источников.

Из всех производных имен агентивы представляют собой наиболее динамичную и стабильно пополняющуюся группу [8], обладающую наибольшей репрезентативностью, что объясняется высокой потребностью современного российского общества в обозначении лица по принадлежности к общественным движениям, профессиональным, общественно-политическим, религиозным и др. группам. Интернет-пользователи используют более десятка продуктивных (*-ец*, *-ник*, *-овец*) и непродуктивных (*-ыш*) суффиксов, а также конфиксы (*за-* – *-ец/-к(а)* и *под-* – *-ник*) в словообразовательных моделях при конструировании агентивов.

Богатство деривационных возможностей системы русского языка позволяет конструировать однокоренные и разнокорневые синонимы, формирующие ряды взаимозаменяемых единиц: *нашист* и *нашик*; *либераст* и *либеройд*; *болотник* и *болотняк*; *запутинец* и *путиноид*; *едросник* и *едробот*.

Новые информационные технологии предоставляют возможность интернет-пользователю выражать свое мнение, обозначать свою позицию, встраивая себя, свое окружение и собеседника, оппонента в соответствующие социальные группы. Новые слова могут однозначно указывать на политическую позицию пишущего: использование слов *пропутинский*, *пропутинец*, *нашистик*, *едрохмячок* показывает, что автор не разделяет взглядов партии власти; в то же время окказионализмы *либераст*, *либерастка*, *попозиционер*, *грантосос* выражают негативное отношение к представителям политической оппозиции. Новые дериваты формируют словообразовательные гнезда, в которые входят абстрактные существительные, агентивы мужского и женского рода, прилагательные, глаголы: *либераст* – *либерастка* – *либерастия* – *либерастский*; *толераст* – *толерастка* – *толерастия*; *рукопожимать* – *рукопожатность* – *нерукопожатность* и др.

Целью появления многих окказионализмов выступает стремление к языковой игре, выражению своего негативного отношения и негативной оценки в шуточной форме (*попозиционер*), без нанесения явного оскорбления, без использования грубой или бранной лексики (*толераст*).

Невозможно сегодня выразить свои мысли, чувства, используя лексику середины прошлого века. Русский язык, оставаясь самим собой, естественным образом меняется, порождая необходимые новые языковые средства, с помощью которых человек получает возможность понять и выразить себя в современном мире.

Библиографический список

1. *Арефьев А.П.* Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М., 2012, 482 с.
2. Большой академический словарь русского языка. Под ред. К.С. Горбачевича. М.; СПб., 2004-2013.
3. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Рус.яз, 2001. Т. 1. 1232 с., т. 2. 1088 с.
4. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдения над языком современных масс-медиа. М., 1994. 280 с.
5. *Кронгауз М.А.* Самоучитель олбанского. М.: АСТ – CORPUS, 2013. 416 с.
6. *Крысин Л. П.* Слово в современных текстах и словарях. М.: Знак, 2008. 320 с.
7. *Минеева З.И.* Сложные агентивы современного русского языка // Уч.зап. Петрозаводского гос. Ун-та. 2012. № 7. Т.2. С. 68-72.
8. *Минеева З.И.* Динамические явления в словообразовании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №6. Ч. I. 2013. Тамбов. С. 128-131.
9. *Николина Н.А.* Современный русский язык. Морфемика: учеб.пособие / Н.А. Николина, Л.В. Рацибурская. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 144 с.
10. Новейший большой толковый словарь русского языка. Гл.ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», М.: «РИПОЛ-классик», 2008. 1536 с.
11. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 2 т. Т. 1. СПб., 2009 – 816 с. (НСЗ)
12. *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004. 768 с.
13. *Шапошников В.Н.* Словообразование 1990-х // Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. М., 2010. С. 90-102.

References

1. *Aref'ev A.P.* Russkij jazyk na rubezhe XX-XXI vekov. M., 2012 – 482 s.
 2. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka / pod red. K.S. Gorbachevicha. M.; SPb., 2004-2013 (BAS-3).
 3. *Efremova T.F.* Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj: v 2 t. M.: Rus.jaz, 2001. T.1 – 1232 s., t.2 – 1088 s.
 4. *Kostomarov V.G.* Jazykovoj vkus jepohi. Iz nabljudenija nad jazykom sovremennyh mass-media. M., 1994. – 280 s.
 5. *Krongauz M.A.* Samouchitel' olbanskogo. M.: AST – CORPUS, 2013. – 416 s.
 6. *Krysin L.P.* Slovo v sovremennyh tekstah i slovarjah. M.: Znak, 2008. – 320 s.
 7. *Mineeva Z.I.* Slozhnye agentivy sovremennogo russkogo jazyka // Uch.zap. Petrozavodskogo gos. Un-ta. 2012. № 7. T.2. P. 68-72.
 8. *Mineeva Z.I.* Dinamicheskie javlenija v slovoobrazovanii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. №6. Ch. I. 2013. Tambov. S. 128-131.
 9. *Nikolina N.A.* Sovremennij russkij jazyk. Morfemika: ucheb.posobie / N.A. Nikolina, L.V. Raciburskaja. M.: FLINTA: Nauka, 2012. – 144 s.
 10. Novejšij bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka /gl.red. S.A. Kuznecov. SPb.: «Norint», M.: «RIPOL-klassik», 2008. 1536 s.
 11. Novye slova i znachenija. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-h godov HH veka: v 2 t. T. 1. – SPb., 2009 – 816 s. (NSZ)
 12. *Himik V.V.* Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj jekspressivnoj rechi. SPb., 2004. – 768 s.
 13. *Shaposhnikov V.N.* Slovoobrazovanie 1990-h // Russkaja rech' 1990-h: Sovremennaja Rossija v jazykovom otobrazhenii. M., 2010. S. 90-102.
-
-

УДК 82-6

UDC 82-6

М.В. АНТОНОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы XI-XIX вв. Орловского государственного университета
E-mail: gavvila05@yandex.ru

Е.Ю. ВАГАНОВА

магистрант кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета
E-mail: vaganov_2.91@mail.ru

M.V. ANTONOVA

doctor of Philology, Professor of the Department of History of Russian literature XI-XIX centuries, Orel state University
E-mail: gavvila05@yandex.ru

E.J. VAGANOVA

master student of the Department of Theory and Methods of Teaching Russian language and literature, Orel state University
E-mail: vaganov_2.91@mail.ru

**АВТОР И АДРЕСАТ «ПОСЛАНИЯ О РАЕ» АРХИЕПИСКОПА НОВГОРОДСКОГО ВАСИЛИЯ КАЛИКИ
ЕПИСКОПУ ТВЕРСКОМУ ФЕОДОРУ ДОБРОМУ: К ВОПРОСУ О ДИАЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ**

**THE AUTHOR AND THE RECIPIENT OF THE «POSLANIJE O RAJE» OF THE NOVGOROD ARCHBISHOP
VASILII KALIKA TO THE TVER BISHOP THEODORE DOBRYI: THE QUESTION OF DIALOGICAL SITUATION**

Диалогичность является принципиальной установкой для древнерусского послания. Между автором и адресатом существуют специфические иерархические отношения, характерные для данного жанра. В «Послании о рае» включено в макродиалогическую коммуникативную ситуацию, отражающую обстоятельства полемики с последователями Григория Паламы на Руси. Конкретная эпистолярная ситуация общения отличается своеобразием, так как также включает в себя полемику, что приводит к модификации системы образов. С одной стороны, автор как носитель истины противопоставляет себя адресату. С другой стороны, автор уравнивает себя с адресатом на основании равенства общественного положения.

Ключевые слова: диалогизм, древнерусское послание, коммуникативная ситуация, система образов.

Dialogism is one of the main principle for the ancient message. There are specific hierarchical relations between the author and the addressee, which is typical for this genre. The «Poslanije o paje» is included in the communication situation of macrodialogue, reflecting the circumstances of polemics with the followers of Gregory Palama in Russia. The situation of communication in this work is specific because it also includes the controversy, which leads to modification of system images. On the one hand, the author as a bearer of truth opposes itself to the addressee. On the other hand, the author equalizes himself with the addressee on the basis of equality of social status.

Keywords: dialogism, Old Russian message, communicative situation, the system of images.

Основы поэтики древнерусской литературы как отрасли филологического знания были определены Д.С. Лихачевым в его известной монографии «Поэтика древнерусской литературы». Именно в этом труде были доказаны ныне общепринятые положения о литературном этикете и абстрагированности средневековой русской литературы. В других своих работах Д.С. Лихачев убедительно показал, что жанр, образ автора и стиль являются взаимосвязанными и взаимоопределяемыми категориями в древнерусской книжности [См.: 5; 6; 7]. Строгая кодифицированность влекла за собой требование соответствия облика автора и суммы художественных приемов избранному жанру, именно поэтому Д.С. Лихачевым было введено понятие «жанрового образа автора» и стиля, характерного для того или иного жанра.

В данной статье мы обратимся к рассмотрению системы образов и коммуникативной ситуации в «Послании о рае» новгородского архиепископа Василия Калики, обращенном к тверскому епископу Феодору Доброму.

Василий Калика в молодости был известен в Новгороде как Григорий, священник Космодемьянской церкви «в Холопье улице». Есть сведения, сообщаемые им самим в «Послании о рае», о его паломничестве в Святую Землю, за что ему и дали прозвище Калика. В 1330 г. он был избран новгородцами по жребию владыкой. После монашеского пострижения он отправился во Владимир Волынский, где пребывал тогда митрополит киевский и всея Руси Феогност, и получил там – в 1331 г. – посвящение в архиерея. После этого в течение 21 года Василий Калика управлял новгородской епархией. В июне 1352 г. он умер на пути из Пскова, где совершал по случаю моровой язвы, или чумы, многочисленные богослужения, исполняя таким образом свой архипастырский долг [8].

Вообще влияние Василия Калики в Новгороде было очень велико (об этом свидетельствует хотя бы то, что ему удалось в 1342 г. успокоить «черных людей», поднявших бунт против посадника Федора). У Василия Калики сложились хорошие отношения с московским

князем Иваном Калитой, от которого он «много чести видел». Новгородский архиепископ проявил себя стойким борцом за православие и за независимость Руси в конфликте со шведами в 1348 г. [8].

С Тверью у новгородского архиепископа сложились особые близкие отношения. После тверского погрома 1327 г. великий князь тверской Александр Михайлович нашел убежище в Пскове. Сюда после возвращения из Москвы из неудавшегося посольства о мире к Ивану Калите в 1333 г. приехал Василий Калика и крестил здесь сына изгнанника Михаила. Восемь лет спустя крестника привезли из Твери в Новгород, чтобы здесь Василий наставил его в книжном учении. Естественно, что в Твери почитали новгородского архиепископа.

«Послание о рае» Василия Калики помещено под 1347 г. в Софийской первой, Воскресенской и других летописях. Оно пользовалось на Руси большой популярностью и бытовало в большом количестве списков и нескольких редакциях. Н.К. Голейзовский предположил, что произведение было написано по поручению митрополита Феогноста, который сам не мог открыто демонстрировать свое неприятие учения паламитов из-за опасения санкций со стороны Константинополя. Поводом для написания «Послания» стала вспыхнувшая в Твери «распря о рае», причем именно в тот год, когда противники Григория Паламы потерпели существенное поражение в Византии. «Выступление тверского епископа в поддержку исихастских взглядов на возможность непосредственного созерцания «мысленного рая» не могло не вызвать неудовольствия Феогноста, – пишет Н.К. Голейзовский. – По сути дела, Василий Калика выступает в «Послании о рае» с полномочиями митрополита, как учитель и наставник не зависимо от него епископа. Характер «Послания» говорит о том, что высказанные в нем положения самостоятельны и вполне искренни. В какой степени взгляды Василия Калики были близки взглядам Феогноста? Об этом можно только гадать. Во всяком случае, нет оснований сомневаться, что с главными положениями «Послания о рае» Феогност был согласен» [4].

Эпистолярный жанр уже в эпоху античности состоял в тесном родстве с диалогом и диатрибой. По выражению одного из создателей античной эпистолярной концепции Артемона, «письмо является как бы одной стороной диалога» [См.: 1, 7; 11, 26]. Одним из устойчивых мотивов эпистографии в Византии (и, соответственно, на русской почве) был мотив беседы, который в древнерусской литературе приобретает характер не просто беседы друзей, но общения единомышленников, объединенных «любовью о Христе». Поэтому произведения такого типа зачастую имели форму ответов на конкретные вопросы в письменной или устной форме, предварительно представленные автору эпистолы, на что обычно указывается в тексте.

Тип письма в форме вопросов и ответов наметился в ранневизантийский период, например, у Василия Великого и Григория Нисского. В творчестве же Феодора Студита он утвердился [9, 204]. Естественно, что диалогичность становится принципиальной уста-

новкой для послания вообще и древнерусского в частности, а форма вопросов и ответов проникает в древнерусскую литературу, что выявляется даже из самоназваний произведений. Одним из авторов данной статьи было введено в научный оборот понятие ситуации общения, характерной для эпистографии. Принимая во внимание то обстоятельство, что в средневековой книжности принцип диалогизма текста и наличия коммуникации между автором и читателем (или слушателем) характерен не только для послания, следует указать на «гомилетичность» древнерусской литературы как на специфическую категорию поэтики: «... мотив и ситуация общения двух сторон коммуникации (автора и воспринимающего субъекта) характерны не только для послания, но и для проповеди, поучения, вопросно-ответной беседы <...> «гомилия» в древнерусской литературе в целом – это не столько топос или устойчивая словесная формула, сколько категориальный признак группы сочинений с ясно выраженной прагматической коммуникативной установкой» [2, 56]. «Гомилетичность реализуется через специфическую для каждого из жанров ситуацию общения, качество которой выражается в специфике образов субъектов коммуникации и их иерархического соположения» [2, 56], то есть ситуации общения разнятся в вышеперечисленных жанрах, что и позволяет их идентифицировать. Именно на этом положении основана методика анализа системы образов и коммуникативной структуры в древнерусском послании.

В связи с тем, что жанр в древнерусском произведении может быть «многослойным», образ автора также оказывается отнюдь не однозначным, «он как бы «перетекает», переходит из чина в чин, из состояния в состояние, приобретая в соответствии с конкретными содержательными задачами черты проповедника, полемиста, наставника и пр. Однако базовым должен оставаться именно эпистолярный тип автора» [2, 44]. Охарактеризовать образ автора и определить его специфику можно только в соотношении с образом адресата. Между автором и адресатом существуют специфические иерархические отношения, которые характерны для эпистолярного типа коммуникации и позволяют «вычленив жанр послания из ряда сходных жанров с установкой на письменное или устное обращение к читателю или слушателю, то есть жанров, имеющих ясно выраженную прагматическую коммуникативную задачу» [2, 44]. В послании в соответствии с правилами написания текста этого типа автор должен стоять на более низкой ступени, а адресат – на более высокой. В проповеди или поучении это соотношение кардинально иное: в идеале автор стоит выше адресата. Однако, поскольку жанр конкретного текста практически никогда не может быть признан «чистым», то иерархия образов участников общения может иметь специфическое воплощение, в том числе – изменяться в различных частях текста, которые могут иметь разные задачи.

«Послание о рае» является частью широкой русско-византийской полемики между последователями Григория Паламы и его противниками. В этом смысле

содержание «тверской распри», которое стало известно Василию Калике и его сторонникам («увѣда смирение наше и святыи сбор священныи», «якоже бо слышахом»), является своего рода репликой в макродиалогической ситуации. Послание в целом оказывается ответом на имеющиеся сведения о позиции Феодора Доброго и тверского духовенства. В строгом смысле сочинение нельзя назвать ответным, поскольку официального первичного послания Василий, естественно, не получал. Однако по формальным признакам сочинение построено именно как ответ. Причем макродиалогическая ситуация поддерживается микродиалогической: Василий Калика воспроизводит предполагаемые (воображаемые) реплики своего оппонента и собственные ответы на них, которые организуют логико-семантическую структуру семантемы.

Макродиалогическая рамочная ситуация отражена в прескрипте и завершающей части семантемы (древнерусское послание, по модели византийского, может быть композиционно разделено на следующие части: инскрипт (внешний адрес), прескрипт, семантему (основную часть) и клаузулу. Семантема включала в себя собственно сообщение, обрамленное вводной и заключительной частями, насыщенными эпистолярными традиционными формулами) [3, 154-155]. В прескрипте указывается на наличие сведений о распри в среде тверского духовенства, которая является следствием влияния дьявола и «лихих людей». Послание оказывается ответной репликой Василия и Новгородского «святого собора священного», необходимость которой диктуется христианским долгом: «понеже, брате, по Божию повелѣнию, должни есми другъ къ другу послания творити о исправленыхъ намъ Божественных писаний отъ святых апостолъ и великих святитель, якоже бо тѣ святии апостоли бес престания послания творяху другъ къ другу». В заключительной части семантемы автор провоцирует развитие макродиалогической ситуации, поскольку призывает своего адресата не только самому внять и признать истинность его богословской позиции, но и донести эту истину до тверского духовенства: «И сими словесы уверися, брате, и весь священныи соборъ тако научи и укрепи сице мудрствовати, якоже ти изъяхъ отъ Божественнаго писания в семь послании».

Аналогичная ситуация макродиалога выявляется относительно антилатинской полемики в XI-XIII вв. В корпус антилатинских сочинений входят трактат перемыславского митрополита грека Леона (сер. XI в.) об опресноках, Послание патриарха Константинопольского Михаила I Керулария к патриарху Антиохийскому Петру III (сер. XI в.), Стязание с латиною киевского митрополита грека Георгия (вт. пол. XI в.), Послание о вере латинской Феодосия Печерского (1069?), Послание митрополита Иоанна II антипапе Клименту III (вт. пол. XI в.), Послание митрополита Киевского Никифора к Владимиру Мономаху против латинян. Главная задача всех этих сочинений – обличение католиков, которые нарушают христианские законы и заповеди. Наибольший интерес для нас представляет Послание о вере латинской Феодосия Печерского, обращенное к

князю Изяславу, которое обладает сложной диалогической организацией: в нем, во-первых, имеется «рамочная» ситуация общения автора и адресата, связанная с идеей воспитания души, во-вторых, воспроизводится вымышленная ситуация общения между правочерными родителями Феодосия и им самим, в третьих, моделируется вероятная ситуация полемики между адресатом и «кривочерным» латинянином [См.: 2, 50-51]. Кроме того, в целом послание становится очередным высказыванием в череде полемических выступлений против католицизма.

Если полемика с паламитами может быть признана коммуникативной «внешней» ситуацией «Послания о рае», то ситуация общения Василия Калики и Федора Доброго должна расцениваться как «внутренняя» диалогическая ситуация (ситуация общения). В ней естественно обнаруживается наличие двух коммуникаторов: автора и адресата. Зачастую, в посланиях адресат бывает выражен весьма неопределенно и общо: он именуется, имеются обращения к нему, но собственно облик адресата формируют выражения, относящиеся в эпистолярной топике. Однако в данном случае мы встречаемся с созданием *литературного образа адресата* за счет того, что составитель послания приписывает ему вымышленные реплики, которые, очевидно, отражают реальную позицию тверских последователей Григория Паламы и актуализируют ситуацию общения в рамках данного сочинения.

Как уже было сказано, основными коммуникаторами (сторонами общения) в «Послании о рае» являются автор и адресат – Василий Калика и Федор Добрый.

Образ автора реализуется через «я-позицию», которая прослеживается на протяжении всего текста: в прескрипте именуется в качестве стороны общения «Василии, милостью Божиею архиепископъ Новгорода», в основной части семантемы используются выражения, грамматически выражающие первое лицо единственного числа: «и пребыхъ много дний о взыскании исправления Божественнаго закона», «и се пишу к тебѣ», «Слышахъ, брате, что повѣстуеши», «самовидецъ есмь сему, брате», «своима очима видѣль есмь постницу его», «якоже ти изъяхъ отъ Божественнаго писания в семь послании».

В начале семантемы встречаются выражения: «увѣда смирение наше», «якоже бо слышахом», указывающие на первое лицо множественного числа. Если первое из них является отражением традиции самоназывания высокопоставленных иерархов церкви и государства во множественном числе, то во втором случае мы имеем дело с так называемым «расширением» образа автора, то есть «мы-позицию». Образ автора и при использовании «мы-позиции» остается, с одной стороны, достаточно конкретным: это, в первую очередь, новгородское священство, с которым объединяет себя автор в образе «мы»: «увѣда смирение наше и святыи сбор священныи». С другой стороны, несомненна де-конкретизация и создание образа «мы», включающая ту часть православных, которые исповедуют истинную позицию по отношению к полемическому вопросу, что

проявляется в следующем высказывании: «Ино, брате, о того есмы погибели не слышали, ни в Писании где обрѣли о томъ святомъ раю, но всѣ вѣдаемъ от святаго Писания, что насади Богъ рай на вѣстоцѣ, въ Едемѣ». В образ «мы», таким образом, включены христиане, которые действуют в соответствии со святым писанием и учением отцов церкви. Не случайно далее в тексте автор приводит многочисленные богословские доказательства своей правоты: это доказывает, что идейная позиция Василия и его окружения стоит на прочном богословском основании.

Василий Калика предстает перед читателем как мудрый и заботливый пастырь, знающий многие божественные книги. Но в первую очередь он выступает как полемист. Аргументами в споре становятся отрывки из Паремий, где содержались рассказы из книг Ветхого Завета, апокрифические «Книга Еноха», «Хождение Агапия в рай», «Слово о Макарии Римском», цитирует Евангелие, ссылается на Иоанна Златоуста, обнаруживает знание средневековой топографии. Василий конкретизирует ряд средневековых легенд об аде и рае: «червь неусыпающий, и скрежетъ зубный, и рѣка молненная Моргъ, и что вода входитъ въ преисподняя и паки исходить 3-жды днемъ». Одним из основных доказательств становится свидетельство очевидцев – мужей новгородских. Этот апокрифический рассказ о посещении места, где начинается земной рай, пронизан глубоким символизмом, на который обратил внимание еще Н.К. Голейзовский: «Все «реалии» эпизода, включая конкретных действующих лиц – аллюзия, и воспринимать их следует только как прообразы и символы. А «дети и внучата» героев, реально существующие новгородцы, – духовные наследники канонических представлений о земном рае, сохранившие благодаря твердой вере духовное здоровье, «доброе», то есть крепкое, способное противостоять духовным болезням – еретическим сомнениям, охватившим верхушку тверского духовенства» [4].

Образ адресата на протяжении произведения в основном реализуется за счет обращений «брате» и реконструированных Василием его реплик, в которых передаются основные идеи Федора Доброго и его последователей. Собственно эти высказывания позволяют понять, в чем суть позиции русских паламитов: «Рай погибѣ, в нем же был Адамъ»; «И нынѣ, брате, мнить ти ся мысленый рай, но все мыслено мнится видѣниемъ»; «Или, брате, имешь себѣ мыслити, аще насади Богъ на вѣстоцѣ рай, почто обрѣтется въ Иерусалимѣ, тѣло Адамле?». Василий Калика постоянно обращается к своему корреспонденту, не только называя его «брате», но и предлагая задуматься, прислушаться к его доводам и пр.: «А се, брате, в Прилозѣ всѣмъ явлено есть, в чудесѣхъ святаго архангела Михаила, что възмѣи праведнаго Еноха, посади его въ честномъ раю»; «И та вся мѣста мучимая не погибоша, а мѣсто се святое како погибе, повѣжь ми, брате, в немъ же есть и Пречистая Богородица, и множество святыхъ, еже по възкресении Господни явишася многимъ въ Иерусалимѣ и паки внидоша в рай?»; «Размысли себѣ, брате: коль свѣтель

свѣтъ именуется в Бытии, запятый твердью» и т.п.

Создаваемый в «Послании о рае» образ Федора Доброго («ты») тесно связан с его сторонниками, тверичами, которые стоят на той же идеологической позиции («вы»). Надо сказать, что не все тверские жители попадают в эту группу. В самом начале текста обнаруживаем многозначительное замечание: «...учинило у васъ въ Тѣхъри промежи вами, в тѣхъ людехъ Божиихъ, поспѣшениемъ и по свѣту дьяволу и лихихъ людей, якоже бо слышахомъ, распрю, бывшую в васъ о ономъ честномъ раю...» Таким образом, прения о земном рае и выступление последователей Григория Паламы расцениваются как дьявольское наваждение. В этом смысле «люди Божии» оказываются «прельщены», но, очевидно, не все были подвержены этому влиянию. Центральной фигурой, естественно, является епископ, именно с ним ведется полемика. В Послании практически отсутствует «вы-позиция», более того, тверичи, скорее, находятся в заблуждении, которое Василий предлагает своему корреспонденту разрешить, объяснив истину, с которой тот должен согласиться под давлением аргументов автора.

Однако с самого Федора, вероятно, Василий Калика вины не снимает. Отношение между автором и адресатом нельзя назвать традиционно эпистолярным, поскольку послание обращено к идейному противнику и включает в себя полемику. Отметим, что от собственно обличения Василий воздерживается, адресация к Федору остается именно на уровне полемики, противопоставления одной позиции другой с приведением авторитетных для христианского мира ссылок на священные тексты и сочинения отцов церкви.

Полемическая модальность оказывает несомненное влияние на иерархию образов автора и адресата в произведении. Даже в прескрипте нет традиционного умаления автора и восхваления адресата. Они равновелики, поскольку оба являются епископами, возглавляют епархии. Но в послании нет даже эпистолярно правильного выражения дружелюбия в модифицированной форме «любви о Христе». Единственное выражение этого типа – «еже о Господѣ брату», – всего лишь указание на монашеский чин. В Послании нет ни единого определения к обращению «брате», которое могло бы свидетельствовать о доброжелательном отношении автора к адресату.

Василий Калика, очевидно, рассматривает самого себя как истинного поборника устоев христианства, продолжателя дела отцов церкви. Именно этим, с нашей точки зрения, объясняется его стремление обратиться с полемическим посланием к Федору Доброму. В этом его призвание: «Кто во что позванъ, тотъ в томъ пребываетъ».

Таким образом, диалогическая ситуация в «Послании о рае» как полемическом сочинении отличается определенным своеобразием. Образ автора реализуется через «я-позицию», которая противопоставляется «ты-позиции», характерной для адресата. Образ автора тяготеет к расширению до «мы-позиции», включающей в себя новгородских людей и истинных христиан.

Самого себя Василий Калика рассматривает как носителя истины, он видит свою миссию в том, чтобы выступить с полемикой против русских исихастов.

Образ адресата создается за счет постоянно повторяющихся обращений «брате» и вымышленных реплик Федора Доброго, которые представляют точку зрения русских исихастов. В свою очередь, эти высказывания организуют структуру семантемы.

Автор иерархически возвышается над адресатом, что противоречит правилам составления эпистолы, но

совершенно естественно для полемического сочинения. Адресат, с одной стороны, уравнивается с автором в связи с тем, что Василий Калика и Федор Добрый занимают одинаковое иерархическое положение как руководители епархий. С другой стороны, в связи с полемической направленностью послания адресат лишен филофронетической формулы, автор не испытывает к нему дружелюбия, а название «братом о Господе» подчеркивает лишь наличие монашеского сана.

Библиографический список

1. Античная эпистолография. М., 1967.
2. Антонова М.В. Послания Феодосия Печерского: ситуация общения // Вестник лаборатории аналитической филологии. Вып.5. Йошкар-Ола, 2012. С.41-57.
3. Антонова М.В., Никищенко Г.В. Формуляр древнерусского послания: Феодосий Печерский, его современники и последователи // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. №3-1. С.154-161.
4. Голейзовский Н.К. «Послание о рае» и русско-византийские отношения в середине XIV века. Электронный ресурс: www.bookrevue.ru (Посещение 25.04.2013).
5. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
6. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
7. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили. М.; Л., 1073.
8. Панченко А.М. Василий Калика // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.) / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. Электронный ресурс: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3757> (Посещение 25.04.2013)
9. Попова Т.В. Византийская эпистолография // Византийская литература. М., 1970.
10. Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае (Подготовка текста, перевод и комментарии Н. С. Демковой) // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. Электронный ресурс: <http://lib.pushkinskijdom.ru> (Посещение 25.04.2013). В статье текст послания цитируется по данному изданию.
11. Сметанин В.А. Эпистолография. Свердловск, 1970.

References

1. Antique epistology. M., 1967.
2. Antonova M.V. Messages by Feodosy Pechersky: the situation of communication // The Bulletin of the laboratory of analytical Philology. Vol.5. Yoshkar-Ola, 2012. Pp.41-57.
3. Antonova M.V., Nikishchenkova G.V. The Formulary of the Old Russian message: Feodosy Pechersky, its contemporaries and followers // Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and social Sciences. 2010. №3-1. C.154-161.
4. Goleizovsky N.K. «Message of Paradise» and the Russo-Byzantine relations in the middle of the XIV century. Electronic resource: www.bookrevue.ru (Visit 25.04.2013).
5. Likhachev D.S. Poetics of the ancient Russian literature. M., 1979.
6. Likhachev D.S. A Man in the literature of Ancient Russia. M., 1970.
7. Likhachev D.S. Development of Russian literature of the X-XVII centuries. Epochs and styles. M.;L., 1073.
8. Panchenko A.M. Vasily Kalika // Dictionary scribes and literature of Ancient Russia. Vol. 1 (XI - the first half of the XIV century) / USSR Academy of Sciences. Institute of Russian literature; Resp. amended by D. S. Likhachev. – L.: Nauka, 1987. Electronic resource: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (Visit 25.04.2013).
9. Popova T.V. Century Byzantine epistology // Byzantine literature. M., 1970.
10. Poslanije o paje of the Novgorod archbishop Vasilii Kalika to the Tver bishop Theodore (Preparation of the text, translation and commentary by N. C. Demkhova) // The Library of the Literature of Ancient Russia / Russian Academy of Sciences. Institute of Russian literature; Ed. by D. S. Likhachev, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseev, N. V. Ponyrko. - SPb.: Science, 1999. – V.6: XIV - the middle of the XV century. Electronic resource: <http://lib.pushkinskijdom.ru> (Visit 25.04.2013). In the article the text of the message quoted in this publication
11. Smetanin V.A. Epistology. Sverdlovsk, 1970.

УДК 821.161.1(091)ТУРГЕНЕВ И.С.

UDC 821.161.1(091)ТУРГЕНЕВ И.С.

А.А. БЕЛЬСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой журналистики и связей с общественностью Орловского государственного университета
E-mail: aa_bel@mail.ru

А.А. BELSKAYA

candidate of Philology, associate professor, of the department chair of journalism and communications about the public, Orel state university
E-mail: aa_bel@mail.ru

КРЕСТ И РОЗА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ» И.С. ТУРГЕНЕВА

CROSS AND ROSE IN THE ART SPACE IN I.S. TURGENEV'S NOVEL «FATHERS AND SONS»

В статье выявляется смыслообразующая роль креста и розы в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети». Доказывается, что они участвуют в развитии авторской концепции, приобретают в тексте символическую окраску и крест является «разгадкой» романа, основные идеи которого – идеи «примирения» внутренних и внешних противоречий и «жизни бесконечной».

Ключевые слова: крест, роза, фуксия, смыслообразующая роль, символическая окраска, авторская концепция, идея «примирения».

The article reveals the semantic role of the cross and rose in the I.S. Turgenev's novel «Fathers and Sons». It is proved that they are involved in the development of the author's concept, acquire symbolic meaning in the text and the cross is the «clue» of the novel, which basic ideas are the ideas of «reconciliation» of internal and external contradictions and «eternal life».

Keywords: cross, rose, fuchsia, semantic role, symbolic color, author's concept, the idea of «reconciliation».

С момента публикации роман И.С. Тургенев «Отцы и дети» вызвал бурные споры, которые не утихают среди учёных до сих пор. Основная причина различных интерпретаций романа – его многозначность. Последнее время возрос интерес к рассмотрению мифологического и метафорического контекстов романа, его весьма сложной системы символов, благодаря которым открываются смысловые глубины и семантические коды произведения. Уже заглавие романа – «Отцы и Дети» – выступает как семантический код, зашифрованный в ёмкой метафоре. Полагаем, что не менее значимыми семантическими кодами в тексте являются *крест* и *роза*.

Наша цель – попытаться разобраться в их семантической окраске и выявить роль в формировании «мерцающего подтекста» романа [14, с.37].

В «Отцах и детях» *крест* упоминается много раз, но особое значение он приобретает в сюжете двух героев: Базарова (кленовый лист, по форме напоминающий *крест*, и *крест* на могиле героя), и княгини Р., присылающей Павлу Петровичу Кирсанову кольцо, перечеркнутое *крестом* [23, с.32]. В науке нет однозначного толкования семантического смысла данного образа в тургеневском тексте. Одни учёные считают, что *крест* обращает к мифу о царе Эдипе, разгадавшем загадку Сфинкса, и в образе *креста* заложена идея судьбы человека [17, с.86], жизнь которого – видимость, неминуемо заканчивающаяся «закатом» (смертью). Другие исследователи, в частности американский учёный, профессор Университета штата Огайо Айрин Мазинг-Делик, полагают, что княгиня Р. находит разгадку в «*кресте*» как самопожертвованию и примире-

нии [11], что ближе христианской традиции. Семантика другого образа – *розы* – подробно рассмотрена в работах И.В. Грачевой, Т.Б. Трофимовой и др. [9, с.52-54; 22, с.131-132]. Учёными доказано, что *роза* осуществляет в тексте характерологическую (Фенечка), психологическую (Базаров) функции и наполняет художественное пространство романа разнообразным культурным подтекстом. Надо добавить, что *роза*, точно так же как *крест*, играет важную роль в сюжете двух героев романа: Фенечки, которая не только сравнивается с *розой* («Бывает эпоха в жизни молодых женщин, когда они вдруг начинают расцветать и распускаться, как летние *розы*; такая эпоха наступила для Фенечки»), но и атрибутами которой являются *розы* («подле нее лежал целый пук <...> красных и белых *роз*»), и Базарова, иносказательно просящего о любви посредством *красной розы*. Как видно, *роза* и *крест* присутствуют в сюжете только главного героя романа – Евгения Базарова, причём, выступают как бинер, ибо обозначают противоположные явления человеческого бытия: смерть и вечность, чувственная любовь и любовь-жертва. Между тем в романе Тургенева есть ещё один персонаж, с образом которого не только соотносятся *крест* и *роза*, но и «двойниками» которого являются княгиня Р. и Фенечка. Это Анна Сергеевна Одинцова.

Впервые читатель встречается с Анной Сергеевной, причёска которой украшена «легкими ветками *фуксий*», красиво падающими с её блестящих волос на покатые плечи, на бале [23, с.68]. Известно, что одной из отличительных особенностей сопутствующей героине *фуксии* является то, что её верхняя чашечка из четы-

рѣх листьев похожа на *крест*, а сам цветок – на *розу*. Первыми таинственные знаки *креста* и *розы* в *фуксии* обнаружили члены религиозно-мистического «Ордена Розы и Креста». Напомним, что розенкрейцеры, не принимающие Распятия, в качестве эмблемы своего Ордена избрали *розу с крестом* и трактовали их как знаки божественного света Вселенной (*роза*) и земного мира страданий (*крест*), вечности (*роза*) и времени (*крест*), души человека (*роза*), распятой на его теле (*крест*), возрождающихся сил природы (*роза*) и оплодотворяющего духа (*крест*), как знаки Девы Марии и Христа, женского и мужского начал, материального и духовного, чувственной и духовной любви. В свою очередь, *фуксия* входила в 12 магических растений розенкрейцеров, которые наделяли данный цветок качествами Венеры: мягкость, нежность, теплота, красота, изящество [24].

Тургенев мог знать об этом, по крайней мере, Анна Сергеевна Одинцова обладает многими из названных качеств. Мог знать писатель также этикетное значение *фуксии* – благожелательность. Возможно, Одинцова именно поэтому выбирает *фуксию* для своего бального туалета. Но семантика флорообраза в тексте иная. Представляется, что с помощью *фуксии*, известной своими красивыми цветами и переменчивым характером, автор уже при первом знакомстве с героиней дешифрует такую характерную её черту, как противоречивость (ум «пытлив и равнодушен»; «сомнения не утихали до забывчивости и никогда не дорастали до тревоги»; «ни перед чем не отступала и никуда не шла», «ей ничего не хотелось, хотя ей казалось, что ей хотелось всего» и др.). Открывается данный смысл фитообраза за счёт такой смежной детали, как цветовой контраст *белый/чёрный* в первой портретной зарисовке героини. Не исключено, однако, что *фуксия*, цветки которой, в отличие от большинства цветов, обращены вниз, на землю, выступает в тексте метафорой приоритета для героини всего земного и символически указывает на то, что сама она и есть «мать-земля». По крайней мере, данная семантика отчётливо реконструируется в контексте романа. В сне-бред Базарова двоящийся облик Анны Сергеевны («Одинцова кружилась перед ним, она же была его мать») прямо связывается с категорией «матери-земли». В контексте других образов-символов базаровского сна Одинцова предстаёт «прародительницей всего сущего», Жизни, и в этом смысле она (Одинцова) – «мать», «мать-земля», «мать-природа», т.е. подательница и благ, и разрушения одновременно. Е.Ю. Полтавец считает, что в «Отцах и детях» *фуксии*, одному из любимых цветков розенкрейцеров, присуща символика *креста* [18, с.355], правда, как она соотносится с образом Анны Сергеевны Одинцовой, исследователь не поясняет. Полагаем, что символическое значение *фуксии*, в которой, как было замечено розенкрейцерами, сопрягаются два знака – *крест* и *роза*, сложнее и, помимо собственных коннотативных смыслов, вмещает символику и *креста*, и *розы*. Несомненный интерес представляет дефиниция их роли в контексте образа Анны Одинцовой и её романских «двойников», с образами которых непосредственно связаны *крест* (княгиня Р. – Нелли) и *роза*

(Фенечка), и выявление «многообразно и причудливо» дешифрованной в тексте информации (содержания) *имён* данных героинь.

Одной из важных смысловых доминант в «Отцах и детях» является *роза*. В науке давно замечено, что цветочные образы, пусть и периферийный сегмент, но значимый компонент поэтики романов Тургенева. Цветы (цветок) присутствуют в них, прежде всего, как важная изобразительная деталь: примета пейзажа, деталь усадебного сада или интерьера, женского туалета, т.е. в своём прямом значении. Но, кроме эстетической функции, флористические образы в тургеневских романах нередко выполняют символическую функцию, которая возникает в результате высокой степени обобщения в тексте их или традиционных, или коннотативных смыслов. В «Отцах и детях» широким семантическим спектром обладает *роза*, с которой в романе связан, прежде всего, образ Фенечки. Сначала автор сравнивает героиню с «летней розой» [23, с.135] и, тем самым, характеризует, не прибегая к многословным описаниям, индивидуальные особенности личности молодой, цветущей, живущей «нежными страстями» Фенечки. *Роза* в контексте образа героини приобретает, если не основополагающее, то существенное значение и символизирует, с одной стороны, её природную красоту, молодость, женское начало, с другой – доброту, жертвенность, чистоту души и чистоту помыслов. Данными значениями семантика *розы* в тексте не исчерпывается. Флористический образ не только помогает проникнуть во внутренний мир героини, но и способствует пониманию потаённого смысла романа в целом. Изображая Фенечку человеком «сердечной стихии» и одновременно матерью, живущей нежными заботами о сыне, автор акцентирует в сюжете героини не столько тему страстной любви, сколько тему материнства. С образом Фенечки с младенцем на руках («есть ли на свете что-нибудь пленительнее молодой красивой матери со здоровым ребенком на руках») в роман Тургенева входит тема поклонения Богородице. Недаром Фенечка сравнивается с *розой*. Общеизвестно, что в христианской традиции образ *розы* символизирует «божественный свет» и «целомудренную красоту» и посвящён Деве Марии, и сама она почитается как *роза* и имеет своим атрибутом *розу* [21, с.386]. Образ тургеневской Фенечки-розы обращает к мотиву положительно прекрасной Розы-Богородицы. Точно так же, как в христианстве Роза-Богородица освобождается непорочным зачатием от последствий первородного греха, в «Отцах и детях» образ Фенечки-розы нравственно возвышается автором. Одной из обаятельных и значимых черт героини является материнство, которое выше сплетен и предрассудков.

Иной смысл *роза* приобретает в сцене в Марьино, когда Базаров, увидев Фенечку, подле которой на скамейке лежит «пук еще мокрых от росы красных и белых *роз*», просит подарить ему *красную розу* [23, с.138]. Базаров, конечно, не случайно выбирает *красную розу*: в античной греко-римской мифологии, а позже в европейской культуре она символизирует любовь, страсть,

желания. Расставшись с Одинцовой, Базаров ищет сочувствия и сострадания («Хоть бы кто-нибудь надо мною сжалился») и, прося у Фенечки *красную розу*, иносказательно взывает к любви. Наивная и простая Фенечка вряд ли осознаёт двусмысленность намёков Базарова. Для Фенечки *роза* – знак признательности матери за спасённого сына.

Нетрудно заметить, что в пределах одного флоросимвола *розы* соединяется широкое поле значений, присущих различным культурам (античной, христианской) – чувственная любовь и совершенство. Семантическая окраска данного фитообраза в романе разная: если в контексте образа Базарова *роза* выступает олицетворением страсти, любви-эроса (др.-греч. $\epsilon\rho\omicron\varsigma$); то в контексте образа Фенечки – нежной материнской любви, любви-сторге (др.-греч. $\sigma\tau\omicron\rho\eta$), требующей постоянной жертвы и потому благодатной, угодной Богу. Впрочем, в семантическом ореоле образа Фенечки *роза* сохраняет, в том числе, символику обаятельной женской красоты. Присутствие нескольких семантических значений *розы* в контексте образа героини свидетельствует о сочетании в ней двух творящих сил женщины – женственности и материнства.

Примечательно, что такие мужские персонажи романа, как Базаров и Павел Петрович Кирсанов, не сумевшие добиться любви от своих избранниц – Анны Сергеевны и княгини Р., – ищут их «двойника» в лице Фенечки. В своё время Г.А. Бялый заметил, что в жизненной драме двух антагонистов есть нечто общее: и тот и другой страдают от неудачной любви, которую «не в состоянии вытравить из сердца». «Тайна» любви так сильно захватывает их, что Павел Петрович чувствует к Фенечке «нечто вроде любви из-за ее внешнего сходства с княгиней Р.», а для Базарова мимолетное влечение к Фенечке – «это тоже некий суррогат его глубокого чувства к Одинцовой» [5, с.107]. Объединяет столь непохожих между собой героинь сокрытое в них стихийное женское начало и способность каждой из них по-своему рождать через любовь новую жизнь.

Прав М.О. Гершензон, что «живым» и «жгучим» в творениях Тургенева является то, что «он действительно любил: женщина и ее любовь» [8, с.152]. В науке постоянно проводится параллель между такими героинями «Отцов и детей», как Анна Одинцова и княгиня Р., и основной, объединяющей их чертой учёные называют таинственность. Обе героини, действительно, – женщины-загадки, женщины-сфинксы: Анна Сергеевна – «довольно странное существо», с «таинственной улыбкой»; у княгини Р. – «загадочный взгляд» и «странная жизнь». По мнению Ю.В. Лебедева, «загадка двух этих совершенно различных женщин одна: и княгиня Р., и Одинцова – люди сердечной стихии, разум не властен над их поступками, их индивидуальное “я” – игрушка в руках владеющих ими жизненных сил» [13, с.76]. Учёными также замечено, что любовь Базарова к Анне Сергеевне «повторяет» несчастную любовь Павла Петровича Кирсанова к княгине Р., имя которой причудливо зашифровано в тексте романа. На протяжении всего действия её зовут княгиня Р. Данная буква входит

в латиницу и в кириллицу, и потому её может читаться двойко («эр» или «пэ»), что, по мнению И.Н. Исаковой, подчеркивает загадочность и таинственность героини. Хотя в конце романа становится известно её имя – *Нелли*, но оно тоже не снимает завесу тайны, т.к. сложно определить, «русское оно (переделанное на английский манер) или иноязычное» [12, с.64]. Думается, последнее определить несложно. Княгиню Р. называет *Нелли* англоман Павел Петрович Кирсанов. Известно, что благодаря англоманам из числа дворянской знати в Россию проникает имя *Нелли* как английская уменьшительная форма имён *Анна*, *Елена*, *Элеонора*. Сложно определить, какое из этих имён является личным именем княгини Р. Поскольку дериват *Нелли* носит межантропонимический характер и объединяет концепты нескольких имён, то читатель невольно включается в авторскую игру, пытаясь расшифровать загадку имени героини. Рискнём предположить, что *Нелли* – это уменьшительная форма имени *Анна* (а не Елена, как у Ф.М. Достоевского в «Униженных и оскорблённых», и не Элеонора, как у первой жены Ф.И. Тютчева). В пользу этого свидетельствует, во-первых, то, что Тургенев в повести «Ася» уже «экспериментировал» с именем *Анна*, используя малораспространённый его дериват; во-вторых, то, что княгиня Р. играет ключевую роль в судьбе Павла Петровича Кирсанова точно так же, как Анна Одинцова, – в судьбе его антагониста Базарова. С данными героинями в романе связана одна и та же ситуация – ситуация духовного перерождения (рождения) человека под влиянием любви и его гибели (смерти) от любви. Следовательно, посредством этих женских персонажей в романе реализуется определённая творческая задача автора, и потому выбор их имён не мог быть произвольным у писателя.

Вероятнее всего, *Анна* и *Нелли* у Тургенева – это разные формы единого имени, и используя их, писатель вскрывает типическое (первичный апеллатив) и индивидуальное (форма) в своих героинях. Поскольку в период создания «Отцов и детей» денотат *Нелли* не был широко известен, а значит, не обрёл нового понятия, то он совпадал с понятием первичного апеллатива, сопутствующего имени в его первоначальном ономастическом употреблении, т.е. имени *Анна*. Оно происходит от древнееврейского *Hannā* (от ивр. *hēnā* – «храбрость», «сила») с последующей греко-латинской адаптацией (от греч. *Αὔα, Άννα* – «грация», «миловидность») и в переводе означает «милость», «благодать», «строющая Восхождение». Как пишет иерей Олег Давыденков, древние греки и римляне словом «благодать» выражали понятие о приятных свойствах лица или предмета, а также о тех чувствах, которые эти предметы или лица возбуждали в окружающих людях (такие душевные состояния, как сочувствие, благоволение, милость, милосердие, благодарность, благоугождение и т.п.). В древнееврейском языке, языке Ветхого Завета, слову «благодать» соответствует слово *gen*, которое в своём первоначальном значении указывает на свойства предметов, возбуждающие у людей чувства эстетического удовольствия и удовлетворения. Только в Новом

Завете слово «благодать» начинает использоваться для выражения отношения Бога к человеку [10]. Нельзя не заметить, что героинь Тургенева – Анну Одинцову и княгиню Р. (Нелли) – помимо таинственности и загадочности объединяют «приятные» свойства внешности: обе удивительно сложены, миловидны, обаятельны и изысканны. Можно обнаружить черты сходства и во внутреннем мире героинь, которые живут не столько разумом, сколько впечатлениями и воображением. Наконец, будучи воплощением женственности, и Анна Сергеевна, и княгиня Р. (Нелли), «возбуждают» у полюбовавшихся их Базарова и Павла Кирсанова одно и то же высокое «чувствование» – Любовь. Павел Петрович не может забыть «непонятный, почти бессмысленный, но обаятельный образ» княгини Р.; Базаров, столкнувшись в лице Анны Сергеевны с иррациональной, всепоглощающей стихией любви, не в силах противостоять ей. Важно и существенно, что каждый из героев не просто влюбляется в свою избранницу на всю жизнь, любовь меняет их мироотношение (Павел Кирсанов), потрясает «основы убеждений» (Базаров) и, что самое главное, под влиянием любви им приоткрывается таинственная, скрытая сущность бытия, что-то «заветное и недоступное», куда никто не может проникнуть. По сути дела, намёк на одно из крупнейших событий в жизни Базарова и Павла Петровича Кирсанова содержится уже в имени их избранниц, этимологическое значение которого – «строющая Восхождение». После встречи с княгиней Р. (Нелли) привыкший к любовным победам Павел Кирсанов испытывает новое, неведомое ранее чувство и переживает внутреннее преображение. Недаром герой носит имя апостола Павла, с которым в христианстве связана идея духовного преображения [Деян. 22:4-7]. В свою очередь, «великий охотник до женщин и женской красоты» Базаров, который не признаёт власти любви и красоты над собой, «таинственных отношений между мужчиной и женщиной», встретив Анну Сергеевну, преображается и, пусть «с негодованием», но сознаёт «романтика в самом себе» [23, с.87]. Следовательно, личностная сущность Анны Одинцовой и княгини Р. (Нелли) отвечает тайному смыслу их имени – *благодать*. С.М. Аюпов, правда, пишет о несоответствии имени, означающем «благодать», и личности, в частности Анны Сергеевны, олицетворяющей «равнодушную» природу и являющейся «Ангелом Смерти» [1, с.163].

Напомним, однако, что автор учения о метафизической реальности имени в образовании личности П.А. Флоренский выделяет два уровня имени *Анна* и считает, что его высшему «заданию» соответствуют «недра *благодати*», а на низших планах усваиваются главным образом «стихийно-мистические начала», но всегда «в окраске благодатности» [25, с.25]. Тургеневские героини относятся к последнему типу. Анна Одинцова и княгиня Р. (Нелли), неся в себе что-то стихийное, являясь олицетворением иррациональных – «каких-то тайных ... неведомых сил», – воплощают стихийно-мистическую энергию бытия и манят неразгаданным. При этом обе героини являются проводниками не

каких-то природных закономерностей, а того, что находится за пределами этого мира. Наконец, те чувства, которые «вселяют» Анна Одинцова и княгиня Р. (Нелли) любящим их мужчинам, становятся для тех не только «бездной», но и «благодатью». И Павел Петрович, и Базаров, несмотря на мучительные внутренние терзания, ощущают приток изменяющих их благодатных сил. Павел Кирсанов испытывает возвышенные, идеальные страдания. Отрицатель и позитивист Базаров приходит к признанию метафизической и эстетической ценности мира – таинственности и красоты бытия, тайны и загадки человека, таинства и поэзии любви.

Несмотря на то, что в едином имени Одинцовой и княгини Р. содержится дешифровка одного и того же сообщения, героини не тождественны друг другу. Немаловажно, что форма имени княгини Р. – *Нелли* – привносится извне и, соответственно, не освящена. Отсюда двойственность жизни героини: днём она – светская дама, легкомысленная кокетка, с увлечением предающаяся «всякого рода удовольствиям», бросающаяся «навстречу всему, что могло доставить ей малейшее развлечение»; ночью – кающаяся грешница, которая плачет, молится, не находит покоя и часто до самого утра мечется по комнате, тоскливо ломая руки, или сидит, вся бледная и холодная, над псалтырем [23, с.30]. Присущее княгине Р. раздвоение приводит к тому, что она порой впадает в состояние безумия: «Иногда, большею частью внезапно, это недоумение переходило в холодный ужас; лицо ее принимало выражение мертвенное и дикое; она запиралась у себя в спальне, и горничная ее могла слышать, припав ухом к замку, ее глухие рыдания» [23, с.31]. Но хотя княгиня Р. проживает свою жизнь, она осознаёт абсурдность собственного существования, и в её изломанной, находящейся во власти природных стихий душе есть стремление освободиться от зла и порока. Следовательно, имя героини даже в иноязычной краткой форме не умоляет своей сути.

Анна Сергеевна Одинцова обладает более цельным – «свободным» и «решительным» – характером, что отчётливо проявляется в её отношении к миру. В отличие от княгини Р., безрассудной в своих чувствах, Одинцова, которой тоже ведомы «смутные», ей самой непонятные движения сердца, так устраивает свою жизнь, что в ней нет места «тяжелым» переживаниям. Анна Сергеевна мечтает полюбить, но стремится к безусловной любви, чтобы «жизнь за жизнь», «без сожаления и без возврата» [23, с.93]. Впрочем, от Базарова (и от читателя) не укрывается противоречивость умной, проницательной и в то же время равнодушной, ищущей любовь, но и скучающей Одинцовой. Базаров постоянно упрекает Анну Сергеевну: «...вы очень любите комфорт, удобства, а ко всему остальному очень равнодушны»; «Вам хочется полюбить <...> а полюбить вы не можете: вот в чем ваше несчастье» [23, с.91;93]. Герой прав и не прав одновременно. Действительно, полюбить «без сожаления и без возврата» красивая, независимая Одинцова не может во многом потому, что привыкла к материальному и душевному комфорту. Но главным, конечно,

является то, что у Анны Сергеевны нет внутреннего – духовного – единства с Базаровым. Испытывая благорасположенность к поразившему «воображение» «странному лекарю», Одинцова, по словам Тургенева, «мало влюбляется в Базарова», а значит, не ощущает в себе тайны Божественного присутствия – «безмерного, где-то существующего счастья» [23, с.96]. Кроме того, в отношениях с Базаровым сама Анна Сергеевна отчасти движима эгоистическими желаниями («хотела и его испытать и себя изведать»). Надо, однако, отдать должное героине, которая честно оценивает ситуацию («Я виновата...»). В свою очередь, Базаров, любя «глупо, безумно», одержим не только сильной мужской страстью к женщине, но и «комплексом любви-ненависти» [13, с.104], что не может не пугать Одинцову: «Нет, – решила она наконец, – бог знает, куда бы это повело, этим нельзя шутить, спокойствие все-таки лучше всего на свете» [23, с.99]. Не желая удовлетворяться приманками страстей, Анна Сергеевна не позволяет себе перейти «известную черту», видя за ней «даже не бездну, а пустоту... или безобразие» [23, с.99].

Существенное значение для понимания личности героини имеет её отчество – *Сергеевна* (от римского родового имени *Sergius* – «высокий, высокочтимый»), которое способствует созданию образа «владельческой особы», недостижимой для Базарова. Патроним княгини Р. неизвестен, что служит ещё одним доказательством отсутствия у неё целостности. Личностные качества героинь выражают также их фамилии. Если фамилия Одинцовой мотивирована в тексте (живёт в своём замкнутом мире), то у княгини Р., казалось бы, нет. Вместе с тем А.В. Вашенко высказывает интересное предположение, что в контексте произведения неназванная фамилия героини «прочитывается как “Рок” – понятие, сочетающее в себе и мистику бытия, и неотвратимость любви одновременно» [6, с.31-44].

В свою очередь, Анну Сергеевну Одинцову можно отнести к типу способных к самопожертвованию, но «роковых» женщин. Подобно княгине Р., Одинцова не только строит восхождение полюбившего её Базарова, но и становится причиной его «смерти» (внеличностная роль). Павел Кирсанов и Базаров оказываются в идентичном положении: с одной стороны, через любовь они ощущают действие чего-то высшего, с другой – любовь роковым образом приводит их к смерти. Герои романа переживают её дважды. Сначала это метафорическая смерть. Гибельной и разрушительной для Базарова и Павла Кирсанова становится «сильная и тяжелая» страсть к женщине: Павел Петрович «чуть с ума» не сходит, терзается, ревнует, «таскается» повсюду за княгиней Р.; охваченный страстью Базаров иногда напоминает хищного зверя («пожирающий взор», «зверское лицо», «загоревшиеся глаза»). В последующем терминальная тема развивается в романе в разных плоскостях: Базаров, заразившись тифом, умирает, и его смерть – это уход в инобытие, в неведомую жизнь, причём, уход, неразрывно связанный с имморталогическими (бессмертие) рассуждениями автора; смерть Павла Кирсанова – это внутренняя смерть

(«мертвец» при жизни). В этом смысле Павел Петрович оказывается «маленьким» (имя *Павел* – от латинского *paulus*, что означает «малый», «маленький») по сравнению с Базаровым, который не только «благородно возвышается» (что соответствует этимологическому значению имени героя – *Евгений*, от греч. *ευγενής* – «благородный») в спорах с Павлом Кирсановым, поступает «благородно» после дуэли с ним; возвышенна сама базаровская смерть, ибо, по словам архимандрита Феодора (А.М. Бухарев), несёт «на себе явную печать жертвы» [4, с.181].

Вместе с тем «смерть» героев романа служит подтверждением амбивалентности имени *Анна* у Тургенева. Стоит отметить, что, начиная с А.С. Пушкина, в русской литературе этому имени присуща фатальность и двойственность (Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, А.И. Куприн, М.А. Булгаков и др.). Возможно, обусловлено это тем, что лица с библейскими именами часто бывают носителями роковых событий. Показательно, что для другой героини романа – Фенечки – писатель избирает имя *Федосья* (от греч. *Θεοδοσία*), которое точно так же, как имя Одинцовой и княгини Р. – *Анна/Нелли*, связано с понятием «благодать», но принадлежит к немногочисленному числу собственно христианских – теофорных – имён и означает «Божья благодать». Соответственно, имя Фенечки у Тургенева – это имя с подтекстом, намекающим на то, что она – большая «благодать», чем Анна Сергеевна и княгиня Р. (Нелли), поскольку творит добро, угодное Богу.

Что касается Анны Одинцовой и княгини Р. (Нелли), то единство благодатного и фатального проявляется даже в модели поведения героинь при прощании с любящими их мужчинами. И княгиня Р. (Нелли), и Анна Сергеевна возвышаются до *милости* – сочувствия и сострадания (что соответствует этимологическому значению имени героинь), но при этом их образы неотделимы от мотива трагической вины. Симптоматично, что в портрете Анны Сергеевны во время её посещения умирающего Базарова преобладает *чёрный* цвет («дама под *чёрным* вуалем, в *чёрной* мантилье»), и она предстаёт одновременно «благодетельницей» и предвестником смерти, а её *поцелуй* («Анна Сергеевна приложила губами к его лбу») – это и милость, и своего рода печать смерти. В свою очередь, княгиня Р. перед смертью присылает Павлу Петровичу подаренное им кольцо с вырезанным на камне сфинксом («... и этот сфинкс – вы») и проводит на нём крестообразную черту, веля сказать, что «крест – вот разгадка» [23, с.32].

Известно, что *кольцо* и *крест* обладают амбивалентной символикой. *Кольцо*, в частности, присущи значения защиты, единения уз людей, с одной стороны, и власти – с другой (19, с.178-179). Что касается крестообразной черты на кольце со сфинксом (мифическое существо с головой женщины, которое в греческой мифологии считается «крылатой душительной», задающей хитроумные загадки и убивающей всех, кто не может их отгадать) и слов: «крест – вот разгадка», то можно предположить, что в жизни самой княгини Р. побеждает вера как спасающая благодать.

Соответственно, героиня, обретая перед смертью мистическую связь с Высшей силой («обрела благодать у Бога») [Лк. 1:30], преодолевает в себе ветхую душу. Но дешифровать, какой смысл княгиня Р. вкладывает в слова: «крест – вот разгадка», – обращённые к Кирсанову, – достаточно сложно. Напоминает ли она Павлу Петровичу о быстротечности человеческой жизни, или предрекает ему судьбу как крестную ношу, или намекает, что от понимания силы земной любви необходимо возвыситься до понимания силы Божественной любви и что все стихии, в том числе, стихия любви преодолеваются Крестом, обращённостью к Богу и направляет, тем самым, к идее примирения и преодоления смерти, или стремится донести мысль, что личное крестное страдание возвышает больше, чем сиюминутное счастье? Как бы то ни было, Кирсанов не приходит к Богу, а всю свою жизнь ставит «на карту женской любви», не примиряется с жизнью, а умирает духовно («Да он и был мертвец»). Показательна сцена в русской церкви Дрездена и авторское замечание о Павле Петровиче, что «жить ему тяжело... тяжелей, чем он сам подозревает...»: «Стоит взглянуть на него в русской церкви, когда, прислонясь в сторонке к стене, он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начнет почти незаметно креститься» [23, с.187]. В конце романа автор всё же вводит в семантический ореол образа Павла Кирсанова *крест*. Он отзывается в судьбе одержимого страстью, не примирившегося («горько стиснув губы»), не освободившегося от гордости Павла Петровича как крестное страдание, тяжкое бремя жизни и одновременно как крестное знамение, которое свидетельствует о том, что он, пусть «незаметно», старается освятить свои мысли и чувства, а значит, подчиниться Господней воле. Впрочем, как не смог Кирсанов разгадать загадку женщины-сфинкса, так и не сумел приблизиться к постижению её сакрального знания («крест – вот разгадка»). Отсюда, думается, прижизненная смерть героя.

Таким образом, если *роза* раскрывает особенности характера растворившейся в добродетельной любви и материнстве Фенечки, то *крест* – княгини Р. как символ искупления и восхождения её духа. Несмотря на то, что любовь милой, доброй Фенечки озарена Божественным присутствием, ценностное значение для героини имеет в основном физический мир (дом, сын, семья), поддержание в нём покоя и гармонии. Напротив, княгиня Р. приходит к обращению своей женственности к духовным качествам. Симптоматично, что *роза* и *крест* оказываются имплицитно связанными также с образом главной героини романа. Нами уже отмечалось, что в романах Тургенева цветочные образы играют концептуальную роль: *желтофиоли* – в «Дворянском гнезде», *гелиотропы* – в «Дыме» и др. [См.: об этом: 2, с.286-287; 3, с.265-266], – поэтому едва ли случайно в «Отцах и детях» Одинцову сопровождает *фуксия*, в венчике цветка которой угадывается *роза*, а в верхней чашечке из четырёх чашелистиков и листьях, расположенных крест-накрест, – *крест*. Вероятнее всего, через *фуксию*, сочетающую в себе знаки *розы* и *креста*, автор зашиф-

ровывает информацию о многозначности и сложности личности героини и её особом – объединяющем и централизующем – положении в системе женских персонажей.

В отличие от жизненных перипетий княгини Р. (отчасти Фенечки), которые даны не как совершающиеся, а как совершённые события, в романе показана своеобразная женская инициация Анны Сергеевны Одинцовой. Заметим, что, согласно Рене Генону, символ *розы* и *креста* обоими образующими его элементами как раз и выступает обозначением инициации, т.е. определенного духовного состояния, пережитого в опыте приобщения к истинному знанию – «реинтеграцию существа в центр этого состояния и полный расцвет его индивидуальных способностей» [7, с.355]. В романе Тургенева главная героиня проходит через два испытания: испытание любовью («тайное отвращение ко всем мужчинам» – «как все женщины, которым не удалось полюбить, она хотела чего-то, сама не зная, чего именно» – «он [Базаров – А.Б.] поразил воображение» – «она как будто хотела и его испытать и себя изведать» – «влияние различных смутных чувств» – «себя не понимала» – «заставила себя дойти до известной черты, заставила себя заглянуть за нее – и увидела за ней даже не бездну, а пустоту... или безобразие» – «чувствовала себя виноватою») и испытание смертью Базарова. В эпилоге автор сообщает, что Анна Сергеевна, наконец, делает свой «крестный выбор» – «вышла замуж, не по любви, но по убеждению» [23, с.185]. Можно допустить, что всё, пережитое Одинцовой в «опыте» с Базаровым, подготавливает её к пониманию того, что любовь – это удел избранных. Тогда получается, что через зашифрованную в *фуксии* символику *розы* и *креста* Тургенев сообщает о развитии скрытых в героине индивидуальных способностей и примирении, гармоническом уравнивании в ней конфликтующих между собою в человеческой жизни начал: женского – стихийного и мужского – сознательного, иррационального (эмоции) и рационального (ум), природного и духовного миров, чувственной и жертвенной любви.

Впрочем, образ Анны Сергеевны Одинцовой – это один из самых сложных женских образов в русской литературе и потому вряд ли допустима его однозначная трактовка. В свою очередь, специфика любого символа такова, что «план его содержания» разомкнут в бесконечность. Так, символический смысл сопровождающей Анну Сергеевну *фуксии*, верхние чашелистики которой напоминают *крест*, а цветок – *розу*, может прочитываться не только как гармоничное сочетание *креста* и *розы*, но и как перечеркнутая *крестом роза*. Возможно, автор потому замысловато дешифрует имена Одинцовой – Анна и княгини Р. – *Нелли*, образ которой раскрывается через символику *креста*, чтобы читатель смог прочесть утаённое сообщение: в судьбе обеих героинь победу одерживает *Крест*. Тогда получается, что и Анна Сергеевна, и княгиня Р. у Тургенева – это не только воплощение неразгаданной тайны, но и хранительницы тайны. В отличие от княгини Р., в контексте образа Одинцовой *крест* едва ли имеет сотериологический (от

латинского *soter* – спаситель) смысла или символизирует крестную муку, скорее, он выступает «феноменом человеческого сознания», направленным против хаотических порывов души [16, с.24]. С обеими героинями в романе связана тема искушения, стихийного женского начала. Отсюда появление в тексте библейской символики, в частности сравнения косы Анны Сергеевны с «тёмной змеей» [23, с.94]. В Библии греховное женское начало прямо связывается со змеей [Быт. 3:1]. Кстати, *коса* тоже является символом женского начала и женской силы. Правда, саму Одинцову, таящую в себе неодолимое искушение для Базарова, страшат любые знаки греховного искуса. Так, увидев однажды в «портике» «ужа» (вид неядовитых змей), Анна Сергеевна не любит «больше посещать это место» [23, с.164]. В отличие от многих героев романа, Одинцова не узнаёт разрушительной силы страсти («бездна», «пустота», «безобразие»), как, впрочем, и созидательной силы материнской любви («Божья благодать»). Вместе с тем символика *креста* не только не отменяет, а, напротив, подчеркивает связь душевного и духовного начал в героине. Больше того, автор не исключает, что на «*кресте*» может расцвести «*роза*» – счастье и любовь («...они [Анна Сергеевна с мужем – А.Б.] живут в большом ладу друг с другом и доживутся, пожалуй, до счастья... пожалуй, до любви»), по крайней мере, в романе задан вектор движения героини к обретению идеала.

Венчает роман Тургенева тоже *Крест*. В эпилоге «Отцов и детей» присутствует целый ряд образов-символов, семантически образующих две парадигмы: *земля* – *небо*, *смерть* (кладбище, могила, каменные плиты) – *вечность* (цветы, птицы, поющие на заре, молитва, святая и преданная любовь родителей Базарова), – и взаимодействуют три мотива: *смерть* – *жизнь* (новые семьи, рождение детей) – *вечность* [23, с.187-188]. Объединяет все эти образы, парадигмы и мотивы *Крест*, который выступает в романе и как знак смерти, уничтожения, и как символ организации пространства и времени мира, и как символ структуры человека и сущности его существования; наконец, как христианский символ. Помимо родителей Базарова, преодолевших в себе сомнение и смиренно принявших свой *крест*, несущих бремя жизненных тягот и скорби, образ *креста* непосредственно связан с судьбой их сына, нигилиста, позитивиста, атеиста, отрицавшего Бога и вечную жизнь. Уже само романное существование героя, представляющее собою борьбу противоположных сил и крестное страдание, обращает к образу *Креста*. Но, главное, *Крест* моделирует в тургеневском тексте «восхождение духа, стремление к Богу, к вечности» [20,

с.12], причём как автора, так и героя. Прав архимандрит Феодор (А.М. Бухарев), утверждая, что Базаров уходит в «другую жизнь не с одними семенами смерти в своей душе», а и любви [4, с.164-165]. В свою очередь, в заключении романа Тургенев, который сам плохо верил в бессмертие души, смог найти в сфере своего творческого духа «взволнованные и жаркие слова о бессмертии, утверждающие таинственную жизнь за роковой гранью могилы» [15, с.105].

Сложность мировоззрения Тургенева состоит в совмещении двух противоположных начал: «постоянной мысли о тщете всего земного», пустоте мироздания, отсутствия в нём Бога, с одной стороны, и признания гармонического единства мира, закона равновесия и красоты всего сущего – с другой. Проявление «силы вечной жизни» писатель находит в Природе, которая сияет «вечною красотой», но это – «*равнодушная природа*» – она безучастна и безразлична к тем, кто своею сменой подтверждают её вечность. Видя онтологическую драму человека в «немоте» Вечности, в том, что сам он слишком мал в бесконечности времени и беспредельности пространства мира, писатель не сводит пространственно-временное бытие личности к «точке», оно – бесконечно и беспредельно. Констатируя в финале «Отцов и детей» смысловую и пространственную близость человека к вечному, Тургенев, тем самым, утверждает, что он, человек, (в том числе Евгений Базаров) – это не только *genus (под)*, но и *genius (дух)* (отсюда имя героя), т.е. не только родовое, но и духовное существо, повинующееся закону «вечной смерти» и одновременно вмещающее в себя всю полноту «вечной жизни». Соответственно, в конце романа автор рассуждает не столько о «великом спокойствии “равнодушной природы”», сколько о непрерывности и закономерности развития человеческого бытия, непреходящей ценности её «вечных начал» – «святой и преданной» любви, добра, жертвы – и высоком смысле всего сущего – «вечном примирении и жизни бесконечной».

Итак, в художественном пространстве «Отцов и детей» *крест* и *роза* играют важную смыслообразующую роль, участвуют в развитии авторской концепции, по-своему выражая и одновременно формируя её, и приобретают в контексте романа обобщённо-символическую окраску. Особое место в сюжетных линиях центральных романских персонажей (Базаров и Одинцова, Павел Кирсанов и княгиня Р.), в их судьбе занимает *крест*, который становится «разгадкой» всего тургеневского романа, основополагающими идеями которого являются идеи «примирения» внутренних и внешних противоречий и «жизни бесконечной».

Библиографический список

1. Аюпов С.М. Эволюция тургеневского романа 1856-1862 гг.: Соотношение метафизического и исторического. Казань: изд-во Казанского университета, 2001. 292 с.
2. Бельская А.А. «Дым» И.С. Тургенева: личные имена собственные в контексте романа и пушкинская антропонимика // Вестник Брянского государственного университета. №2 (2011): История. Литературоведение. Право. Языкознание. Брянск: БИО БГУ, 2011. № 2. С. 285-292.
3. Бельская А.А. «Лизин текст» И.С. Тургенева и А.С. Пушкина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4 (54). Орел, 2013. С.259-267.

4. Бухарев А.М. Разбор двух романов, касающихся важных затруднений и вопросов современной мыслительности и жизни: «Что делать?» г. Чернышевского и «Отцы и дети» г. Тургенева // Архимандрит Федор (А.М. Бухарев). О духовных потребностях жизни. М.: Столица, 1991. 320 с.
5. Бялый Г.А. Роман Тургенева «Отцы и дети». М.; Л.: Гослитиздат, 1968. 137 с.
6. Ващенко А.В. И.С. Тургенев и Уилла Кэзер: аспекты межкультурного диалога // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2009. С 31-40.
7. Генон Р. Заметки об инициации // Рене Генон. Символика креста. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С.355-619.
8. Гершензон М.О. Образы прошлого. А.С. Пушкин. И.С. Тургенев. П.В. Киреевский. А.И. Герцен. Н.П. Огарев. М.: изд-во ОКТО; Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1912. 556 с.
9. Грачева И.В. Каждый цвет – уже намек: О роли художественной детали в русской классике // Литература в школе. 1997. № 3. М., 1997. С. 49-54.
10. Иерей Олег Давыденков. Учение о благодати как о силе, нас освящающей. Понятие о благодати в свете Свщ. Писания // Иерей Олег Давыденков. Догматическое богословие. URL: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_boge2/davudenko_dogmatika_1g_29_all.shtml
11. Irène Masing-Delic. Базаров перед Сфинксом: научное анатомирование и эстетическая форма в романе Тургенева «Отцы и дети». URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/slave_0080-2557_1985_num_57_3_5502
12. Исакова И.Н. «Зовут его Николаем Петровичем Кирсановым». О поэтической ономастике // Русская словесность. М., 2005. №4. С. 58–65.
13. Лебедев Ю.В. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». – М.: Просвещение, 1982. 144 с.
14. Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50 годы). Л., 1982. 208 с.
15. Орловский С. О религиозных исканиях Тургенева // Русская мысль. М., 1911. – Год тридцать второй, кн. IX. С. 82-105.
16. Остапова Н.В. Символ креста в истории культуры: Автореф. дисс ... канд. культурологии. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т., 2004. 24 с.
17. Полтавец Е.Ю. Сфинкс. Рыцарь. Талисман // Недзвецкий В.А., Пустовойт П.Г., Полтавец Е.Ю. И.С. Тургенев. «Записки охотника», «Ася» и другие повести 50-х годов, «Отцы и дети». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 83-104.
18. Полтавец Е.Ю. Цветочки Лизы Калитиной: итальянский и французский контекст // Тургеневские чтения. Вып. 5. М.: Русский путь, 2011. С.350-368.
19. Рогалевич Н.Н. Словарь символов и знаков. М.: Харвест, 2004. 512 с.
20. Топоров В.Н. Крест // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2-х т. Второе изд. Т. 2. М., 1988. С.12-14.
21. Топоров В.Н. Роза // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2-х т. Второе изд. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 386–387.
22. Трофимова Т.Б. «Как хороши, как свежи были розы...»: Образ розы в творчестве Тургенева // Русская литература. СПб, 2007. № 4.– С. 127-138.
23. Тургенев И.С. Отцы и дети // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Т.VII. М.: Наука, 1981. С.5-190.
24. Ульрих И.В. Ключ к целительным силам растений (взгляд астролога). URL: <http://ligis.ru/librari/2216.htm>
25. Флоренский П.А. Имена // Священник Павел Флоренский. Малое собр. соч. Вып.1. Имена. М.: Купина, 1993. 319 с.

References

1. Ayupov S.M. Evolution of Turgenev's novel 1856-1862 years: The ratio of the metaphysical and historical. - Kazan: Kazan University Publishing, 2001. – 292 p.
2. Belskaya A.A. «Smoke» by I.S. Turgenev: Personal names in the context and Pushkin antroponymics // The Bryansk State University Herald. №2 (2011): History / Science of Literature Law / Linguistics. – Bryansk, 2011. – Pp. 285-292.
3. Belskaya A.A. Turgenev's and Pushkin's «Liza's text» // Scientific notes of Orel State University. Vol. 4 – no. 54. 2013. – Orel, 2013. – Pp. 259-267.
4. Bukharev A.M. Analysis of two novels dealing with important difficulties and issues of modern life and mentation: Chernyshevsky's novel «What to do?» and Turgenev's novel «Fathers and Sons» // Archimandrite Theodore (A.M. Bukharev). On the spiritual needs of life. - Moscow: Capital 1991. – 320 p.
5. Bialy G.A. Turgenev's novel «Fathers and Sons». - Moscow, L.: Goslitizdat, 1968. – 137 p.
6. Vashenko A.V. I.S. Turgenev and Willa Kezer: The aspects of cross-cultural dialogue // The Moscow University Herald. Series 19: Linguistics and Cross-Cultural Communication - Moscow, 2009. – Pp. C 31-40.
7. Guenon R. Notes on the initiation // Rene Guenon. The symbolism of the cross. – Moscow: Progress-Tradition, 2003. – Pp. 355-619.
8. Gershenzon M.O. Images of the past. A.S. Pushkin. I.S. Turgenev. P.V. Kireyevsky. A.I. Herzen. N.P. Ogarev. - Moscow: OKTO Publishing; Skoropechatni partnership A.A. Levenson, 1912. – 556 p.
9. Gracheva I.V. Each colour is a hint: The role of artistic details in the Russian classics // Literature in school. 1997. № 3. – Pp. 49-54.
10. Priest Oleg Davydenko. The doctrine of grace as a force us sanctifying. The concept of grace in the Scripture // Priest Oleg Davydenko. Dogmatic theology. URL: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_boge2/davudenko_dogmatika_1g_29_all.shtml
11. Irène Masing-Delic. Bazarov in front of the Sphinx: scientific anatomy and aesthetic form in the Turgenev's novel «Fathers and Sons». URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/slave_0080-2557_1985_num_57_3_5502
12. Isakova I.N. «His name is Nikolai Petrovich Kirsanov» About poetic onomastics // Russian literature. – Moscow, 2005. №4. - Pp. 58–65.
13. Lebedev Y.V. I.S. Turgenev's novel «Fathers and Sons». – Moscow: Publishers «Prosveshchenye», 1982. – 144 p.
14. Markovich V.M. I.S. Turgenev and the russian realistic novel of the XIX century (30-50 years). – Leningrad, 1982. – 208 p.
15. Orlovskiy S. About religious Turgenev's quests // Russkaya mysl. – Moscow, 1911. – Thirty-second year, the book IX. – Pp. 82-105.

16. *Ostashova N.V.* The symbol of the cross in the history of culture: synopsis of a thesis... Cultural Studies - St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2004. – 24 p.
17. *Poltavets E.Yu.* Sphinx. Knight. Talisman. Nedzveckiy V.A. Pustovoyt P.G. Poltavets E.Y. I.S. Turgenev. «A Sportsman's Sketches», «Asya» and other stories of the 50th years, «Fathers and Sons». – Moscow: The Moscow University Publ., 2000. – Pp. 83-104.
18. *Poltavets E.Yu.* Lisa Kalitina's Flowers: Italian and French context // Turgenev reading. №5. – Moscow: Russkij Put, 2011. – Pp. 350-368.
19. *Rogalevich N.N.* Dictionary of Symbols and Signs – Moscow: Harvest, 2004. – 512 p.
20. *Toporov V.N.* Cross // Myths of the World: An Encyclopedia: In 2 Vols second ed. Volume 2. – Moscow, 1988. – Pp. 12-14.
21. *Toporov V.N.* Rosa // Myths of the World: An Encyclopedia: In 2 Vols second ed. Volume 2. – Moscow, 1988. – Pp. 386–387.
22. *Trofimova T.B.* “How fair, how fresh were the roses...”: The image of a rose in the Turgenev's works // Russian literature. - St. Petersburg, 2007. № 4. – Pp. 127-138.
23. *Turgenev I.S.* Fathers and Sons // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol. VII. - Moscow: Nauka, 1981. – Pp.5-190.
24. *Ulrich I.V.* The key to the healing powers of plants (astrologer's opinion). URL: <http://ligis.ru/librari/2216.htm>
25. *Florenskiy P.A.* Names // The priest Pavel Florensky. Small collection of works. №1. Names. - Moscow: Kupina, 1993. – 319 p.

УДК 415.61

UDC 415.61

ВАН ЛИВЭНЬ

WANG LIWEN

аспирант кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета
E-mail: xiaowenpetty2007@hotmail.com

postgraduate student of Department of Russian, Moscow State Pedagogical University
E-mail: xiaowenpetty2007@hotmail.com

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

STRUCTURAL TYPES OF COMMON SIMILES THAT CHARACTERIZE THE PERSON'S APPEARANCE

В статье на материале семантической группы «внешность человека» рассматриваются некоторые аспекты моделирования и структурной типологии устойчивых сравнений русского языка. Автор считает, что структура устойчивого сравнения предопределяет парадигматические и синтагматические особенности устойчивой компаративной единицы, влияет на развитие системы её значений, на синтаксические функции и специфику функционирования в художественных текстах и в разговорной речи. Исследование структурных моделей УС – необходимое условие для дальнейшего анализа семантики устойчивых компаративных единиц и их прагматических функций.

Ключевые слова: моделирование, структурная типология, устойчивые сравнения, одноэлементная структура, двухэлементная структура.

In this article the semantic group «appearance of the person» is researched from some aspects of modeling and structural typology of common similes in Russian language. The author think that the structure of common similes predetermines their paradigmatic and syntagmatic features, and affects the development of its system, the syntactic functions and specifics of the functioning in the literary texts and in colloquial speech. Study on the structural models of common similes is a necessary condition for further analysis of the semantics of common similes and their pragmatic functions.

Keywords: modeling, structural typology, common simile, one-element structure, two-element structure.

Описание структурных типов устойчивых сравнений (далее УС) требует обращения к методике моделирования. Модель в лингвистике – отвлечённая схема, образец, по которому строятся (образуются) те или иные языковые единицы. Модель должна отражать внутреннюю сущность языкового явления. Единицы всех уровней языка в той или иной мере характеризуются «моделируемостью», то есть могут быть подвергнуты структурной типизации и обобщению в виде моделей.

Возможность применения метода моделирования во фразеологии определяется тем, что любая фразеологическая единица состоит из слов-компонентов, связанных между собой синтаксической связью: «В качестве воспроизводимых языковых единиц фразеологические обороты всегда выступают как определенное структурное целое составного характера, складываясь из различных по своим морфологическим свойствам слов, находящихся между собой в разных синтаксических

отношениях» [5; 99]. Расчленённость фразеологизма, наличие у него той или иной внутренней структуры, которая характеризуется непроницаемостью и постоянством, заставляет фразеологов искать связи между структурными и семантическими свойствами ФЕ: «Структурная модель – это каркас фразеологизма, один из факторов, обеспечивающих его устойчивость и воспроизводимость, в определенной мере даже регулирующий его семантическую тождественность» [2; 51].

Вместе с тем фразеологический материал, по мнению многих ученых, с трудом поддается моделированию [Палевская, 1972], [Молотков, 1968], [Огольцев, 1974], [Мокиенко, 1989], [Шанский, 2010]. Не случайно понятие «фразеологическая модель» стало употребляться в лингвистике значительно позже, чем появились термины «словообразовательная модель», «модель словосочетания». Основным качеством фразеологизма считалась иррегулярность – как формальная, так и прежде всего семантическая» [2; 49]. Богатством и разнообразием прототипических словосочетаний, непредсказуемостью актуального фразеологического значения, глубокие различия в степени семантической деактуализации компонентов, определяющиеся типом ФЕ «по степени семантической слитности», – все эти факторы приводят к тому, что при определении фразеологической модели учёные неизменно подчёркивают её условный, «относительный» характер: «<...> под фразеологической моделью мы понимаем структурно-семантический инвариант устойчивых сочетаний, схематически отражающий относительную стабильность их формы и семантики» [2; 53].

Устойчивые сравнения занимают особое место в системе фразеологических единиц. Их специфика проявляется, в частности, в том, что описание системы УС моделирование оказывается более действенным методом, чем при описании собственно фразеологизмов. Это связано с тем, что в структурно-логическом отношении устойчивое сравнение отчётливо разбивается на две части: сравнительную и сопроводительную. Сравнительная часть состоит из сравнительного союза *как (словно, точно, будто)* и образа сравнения: *как заря*. Именно эти элементы компаративной структуры обычно воспроизводятся, и благодаря этому сравнительная часть характеризуется постоянством, неизменностью.

Сопроводительная часть представляет собой слово, выражающее общий признак сравниваемых предметов, т.е. основание сравнения: *красная* – как заря, *блестящие и ровные* – как жемчуг, *черный* – как жук, *белый* – как извьсть, *блестеть* – как у кошки, *лазить* – как обезьяна, *худой* – как привидение и т.д. Слова, выражающие основание сравнения, как правило, характеризуются регулярностью употребления, но в воспроизводимую часть компаративной структуры не входят. Поэтому мы вслед за В.М. Огольцевым классифицируем модели УС в зависимости от способов выражения сравнительной части [3; 148].

Обращение к структурной типологии устойчивых сравнений вообще и анализируемой нами семантической группы в частности представляется не только необ-

ходимой, но и неизбежной ступенью анализа: структура устойчивого сравнения неразрывно связана с его семантикой; она в значительной мере предопределяет системные отношения той или иной устойчивой компаративной единицы с другими, а также её синтаксические функции и синтагматические связи в составе предложения/высказывания.

Одноэлементные структуры

Одноэлементными мы будем считать такие устойчивые компаративные структуры, в которых есть только один из трёх логических элементов сравнения – элемент **В (образ сравнения)**. При этом мы не учитываем так называемый «показатель сравнения» – специальное средство, которое указывает на факт сравнения предметов¹ (компонент *m*), поскольку таким средством располагает любая компаративная конструкция [3; 148].

Модель mB: 1) Структурный тип «как (словно, точно) + имя существительное в именительном падеже»: *как агат, как аист, как акробат, как антрацит, как араб, как арап, как арбуз, как атлас, как барабан, как баран, как барс, как бархат, как барышня, как бесенята, как битюг, как бог, как боров, как босяк, как бочка, как бревно, как бродяга, как бугай, как буйвол, как бумага, как бурак, как бусинки, как бык, как былинка, как васильки, как ведьма, как веник, как верблюд, как вишня, как вишни, как вобла, как войлок, как волк, как ворон, как воск, как галка, как галчонок, как глина, как говядина, как гора, как грабли, как грач, как девочка, как девушка, как девчонка, как доска, как дуб и др.*

Данная группа устойчивых сравнений наиболее многочисленна (всего 294 сравнения из 450, что составляет около 63,3% нашего материала). Для подобных УС основание сравнения в значительной мере определяется самим сочетанием показателя *m* (сравнительного союза) с тем или иным образом *B*. Иными словами, признак уже существует в коллективном сознании говорящих и для его проявления достаточно указания на сам факт сравнения при воспроизводимом элементе **В**: *как агат – чёрный* (о глазах человека); *как жердь – длинный* (о человеке); *как оса – тонкий(-ая), с тонкой талией* (преим. о женщине); *как роза – румяная* (о девушке); *как грабли – большие, грубые* (о руках человека)².

Подобные сравнения часто употребляются в текстах без слов, выражающих элемент *C* (признак сравнения); необязательность такого выражения и позволяет отнести эти компаративные структуры к одноэлементным. Отметим, что некоторые исследователи считают такие конструкции двухэлементными, включая слово, выражающее основание сравнения (прилагательное или глагол) в состав воспроизводимых компонентов [1; 80]

2) Структурный тип «как (словно, точно) + субстантивированное прилагательное или причастие»: Среди анализируемых нами УС мы обнаружили 19 единиц с субстантивированным прилагательным (*как мертвый, как нищий, как неживой, как сонный, как угорелый, как*

1 Эти средства будут подробно рассмотрены нами в следующем параграфе.

2 Значения УС здесь и далее определяются в опоре на следующий лексикографический источник: [Огольцев, 2001]

сумасшедший, как деревянный, как каменный и др.) и 15 – с субстантивированным причастием (как *затравленный, как нарисованный, как обрубленный, как жёванный, как влитой и т.п.*). Эти компаративные структуры отличаются следующей особенностью: субстантивированное прилагательное или причастие одновременно обозначает и образ сравнения (В), и отчасти выражает признак, лежащий в основании сравнения: *как нищий – одетый, одеваться – плохо, бедно, быть оборванным, ходить в лохмотьях* (о человеке); *как шёлковый – мягкий, нежный* (о волосах, коже человека); *как налитой – плотный, крепкий, упитанный* (о человеке, о частях тела); *как нарисованный – красивый* (о человеке); *как обрубленный – необычайно короткие* (о руках, ногах, пальцах человека).

Модель mBβ. Элемент β – это слово-распространитель, поясняющее элемент В; оно обычно выражено согласованными прилагательными (причастиями) или предложно-падежными формами существительных.

1) Структурный тип «как (словно, точно)+имя существительное в именительном падеже + согласованное определение, выраженное прилагательным или причастием», например, *как коломенская верста, как булавоочная головка, как смертный грех, как новый гривенник [двугривенный], как водовозная [старая, загнанная, измученная; разбитая] кляча, как холмогорская корова, как вороново (воронье) крыло, как мокрая курица, как гусиные лапы (лапки), как сонная [осенняя] муха, как маков цвет, как новый <медный> пятак, как крысиный [мышинный] хвост [хвостик], как печеное яблоко.*

Эта группа УС довольно многочисленная. Тип продуктивный. Основание сравнения может быть именем прилагательным: *красные как гусиные лапы* (о ногах, руках человека); глаголом: *быть, выглядеть как водовозная [старая, загнанная, разбитая] кляча.*

Элемент β уточняет, конкретизирует, обогащает образное представление. Во многих случаях именно он является «семантическим центром» устойчивого сравнения. Например, значение УС *как печёное яблоко* полностью определяется наличием дополнительной характеристики β – «печёное» (так говорят о сморщенном, морщинистом лице старого человека). Ср.: *как <наливное> яблоко [яблочко]* – о румянном, краснощёком, пышущем здоровьем человеке.

2) Структурный тип «как (словно, точно) + имя существительное в именительном падеже + существительное в косвенном падеже с предлогом или без предлога»: *как кот в сапогах, как кот на сало [масло], как кровь с молоком, как мешок с костями, как баран на новые ворота, как на корове седло, как сорока на колу [на суку], как царь (царица) на троне.*

Как и в предыдущем структурном типе, слово-распространитель β несёт важную смысловую нагрузку. Его наличие или отсутствие определяет компаративное значение. Так, в структуре УС *как кот на сало [масло]* элемент β «на сало» предопределяет глагольное основание «смотреть», глядеть – с вождением, а УС *как кот* (модель mB), хотя имеет тот же компонент В («кот»),

выражает совсем иные значения: 1) жмуриться от удовольствия; 2) ходить, ступать – легко, мягко.

Таким образом, мы видим, что распространяющие компоненты β (управляемые существительные, согласуемые прилагательные) существенно изменяют основание сравнения, поэтому УС моделей mB и mBβ (при одном и том же образе сравнения) – это разные компаративные единицы, характеризующие объект сравнения по разным основаниям.

Модель mβ. Основная разновидность УС данной модели в наиболее обобщённом виде может быть представлена следующей схемой: «как (словно, точно) + существительное в косвенном падеже с предлогом или без предлога»: *как из (после) бани, как под венец (к венцу), как на вешалке, как на выставке, как на гвозде, как на дрожжах, как на жерди, как из-под земли, как на картинке [картине], как на колу, как без костей, как на манекене, как в огне, как от оскомины, как на палке, как на парад, как на параде, как на похоронах, как на праздник, как на пружинах, как на пугале <огородном>, как на свадьбу, как на троне, как на ходулях, как на чучеле, как на шарнирах, как на шесте, как на шиле.*

Главная особенность этого типа состоит в том, что здесь опускается элемент В. Элемент В как таковой не выражен, он лишь представлен своим «семантическим ограничителем» – синтаксически зависящим от него компонентом. Здесь имеет место своеобразный эллипсис (опущены структурно необходимые компоненты), свёртывание компаративной конструкции. Рассмотрим логическую структуру УС *шея как у гуся* – длинная, тонкая. О шее человека. В этой устойчивой конструкции шея человека (А) подвергается сравнению с шеей гуся (В) по признакам «длинная, тонкая» (С); таким образом, конструкция характеризуется своего рода формальной тавтологичностью основных элементов сравнения; по существу же сравнению подвергаются *человек и гусь*, при этом сопоставление ограничивается лишь одним «атрибутом», одной частью тела – *шеей*.

В рамках данной модели выделяются следующие наиболее продуктивные структурные типы:

1) Структурный тип «как (словно, точно) + имя существительное в родительном падеже с предлогом у»: *шея /как у бугая, как у быка, как у гуся; глаза /как у волка (волчицы), как у кошки, как у кролика, как у газели, как у кориуна, как у ястреба, как у орла, как у совы, как у филина; волосы /как у дьякона (дьячка), как у монаха, как у русалки; ноги /как у журавля, как у слона, как у цапли; усы /как у кота, как у моржа, как у таракана; зубы /как у лошади, как у хорька; лицо /как у мертвеца [у мертвого], как у покойника (покойницы); руки /как у обезьяны, как у орангутанга; талия /как у осы; уши /как у осла; лицо, кожа /как у трубочиста, как у негра, как у цыгана.*

Это очень многочисленная группа УС, тип продуктивен. Сравнение компонентов А и В осуществляется путем логического ограничения компонента В. Средством ограничения (β) выступает имя в родительном падеже с предлогом, представляющее собой особое проявление элемента В компаративной конструкции.

Основание сравнения имеет имплицитное, реже эксплицитное выражение.

2) Структурный тип «как + существительное в предл. п. с предлогом на» чаще всего предполагает характеристику не природных внешних данных человека, а его одежды с точки зрения её соответствия фигуре. Ср.: *как на вешалке, как на жерди, как на колу, как на шесте, как на палке, как на пугале, как на чучеле, как на манекене* – висеть, болтаться (о чрезмерно свободной, обвисающей одежде)³. Выявлены и другие УС данного типа: *как на дрожжах, как на пружинах, как на шиле, как на шесте, как на шарнирах, как на ходулях, как на троне*.

Остальные УС данной модели труднее поддаются типизации. Дифференциация сравнений возможна исключительно по формальному признаку – в зависимости от падежной формы существительного – элемента В: родительный падеж (*как из/после бани, как из-под земли, как без костей, как от оскомины*); винительный падеж (*как под венец, как на бал, как на праздник, как на парад, как на свадьбу*) и т.д.

Многие структурные типы УС с элементом В, представленным косвенным падежом существительного с предлогом, имеют заданное вторичное основание сравнения, например, *нарядиться как под венец – красиво, сидеть на ком-л. как на пугале* (об одежде) – *некрасиво*.

3) Структурный тип «как (словно, точно) + глагол в личной форме + существительное в косвенных падежах с предлогом и без предлога в роли дополнений и обстоятельств».

В нашем материале сравнения с образом В, выраженным глаголом, крайне малочисленны (примерно 5 единиц). В основном это сравнения, в которых глагольный компонент имеет структурный распространитель – управляемое существительное (модель mBβ): *как рублём подарил, словно муху проглотил, как аршин проглотил, словно огнём обжечь*.

По нашим наблюдениям, в словарях зафиксировано только одно устойчивое сравнение данной модели, непосредственно характеризующее внешность человека и при этом не содержащее управляемых существительных: *как плывёт* – ходить плавно, грациозно. О женщине. В этом УС глагол в личной форме – элемент В не имеет при себе распространителя β. Сравнения *как одеревенел, как окаменел, как окостенел* находятся на периферии нашего семантического поля, так как они характеризуют прежде всего физическое и душевное состояние человека, лишь косвенно отражающиеся в его внешнем виде.

Двухэлементные структуры

Двухэлементными мы будем считать такие конструкции, в которых компаративные отношения не выражены специальным словом – сравнительным союзом, поэтому обязательным оказывается наличие двух логи-

ческих элементов сравнения). В нашем материале представлена лишь одна двухэлементная модель: АВm.

Модель АВm. Структурный тип «имя существительное в именительном падеже + имя существительное в творительном падеже»: *борода лопатой, бородка клином, нос крючком, нос картошкой, губы бантиком, ноги колесом, грудь колесом и др.* Элемент В – предмет, выраженный именем существительным в творительном падеже. Существительное в именительном падеже обозначает элемент А, а в роли показателя компаративных отношений выступает флексия творительного падежа зависимого существительного. Общий признак предметов А и В не получает точного выражения: он очевиден и потому не требует экспликации.

На факт сопоставления губ, рта человека – с сердечком или с бантиком, бороды – с клином или с лопатой в этих случаях указывает форма «творительного сравнительного», но эту функцию данная форма способна проявлять лишь в сочетании с элементом А (следовательно, то, что сравнивается /А/ – неотъемлемый компонент таких УС).

Устойчивых сравнений модели **СВm** – «Глагол в спрягаемой форме + существительное в т.п.» (типа *заливаться соловьём*), а также «Прилагательное/либо глагол/ + существительное вин. п. с предлогом с» (*разбиться в лепёшку*) среди компаративных структур, характеризующих внешний вид человека, мы не обнаружили.

Общее количество проанализированных нами УС – **около 450**. Представим вышеназванные модели и структурные типы УС в количественном аспекте:

Таблица 1.

Модели и структурные типы УС, характеризующих внешний вид человека

Одноэлементные УС Модель mB		
Структурные типы УС	Кол-во УС	%
1) как (словно, точно) + имя существительное в именительном падеже:	≈ 294	≈65,3%
2) как (словно, точно) + субстантивированное прилагательное или причастие:	≈ 42	≈9,3%
Модель mBβ		
1) как (словно, точно)+имя существительное в именительном падеже + согласованное определение	≈ 19	≈4,2%
2) как (словно, точно) + имя существительное в именительном падеже + существительное в косвенном падеже с предлогом или без предлога	≈ 14	≈3,1%
Модель mβ		
1) как (словно, точно) + существительное в косвенном падеже с предлогом или без предлога	≈ 63	≈14%
2) как (словно, точно) + глагол в личной форме + существительное в косвенных падежах с предлогом и без предлога в роли дополнений и обстоятельств	≈ 8	≈1,7%
Двухэлементные УС Модель АВm		
1) имя существительное в именительном падеже + имя существительное в творительном падеже	≈ 10	≈2,2%

3 В Словаре устойчивых сравнений русского языка В.М.Огольцева все эти УС даны как синонимы. Несколько особняком в этом ряду пейоративных характеристик мешковатой, слишком просторной, некрасивой одежды стоят сравнения *как на выставке, как на картинке* (о человеке красиво, нарядно одетом).

Из этой таблицы явствует, что модель **mB** является наиболее продуктивной, при этом в системе УС, характеризующих внешний вид человека, абсолютно преобладают сравнения с элементом В – формой именительного падежа существительного. Достаточно много сравнений, образное ядро которых – прилагательное или причастие в форме именительного падежа. При этом основной элемент В часто бывает осложнён структурно-семантическим компонентом β (модель **mB β**). Последний может выступать в структуре УС и как самостоятельный компонент (модель **m β**). Двухэлементные модели составляют периферию в системе структурных типов УС, характеризующих внешность человека.

Степень структурной осложнённости модели, степень удалённости от основного прототипического варианта (**mB**, где В – сущ. в им.п.) в значительной мере

определяет степень очевидности признака-основания сравнения для носителей языка. Так, УС *как кошка* может ассоциироваться у носителей языка с разными признаками: *ласковость, привычка ластиться к кому-л.; влюбчивость; блудливость; живучесть; ловкость, гибкость, проворство в движениях; способность легко и ловко лазить, прыгать, карабкаться; способность видеть в темноте; способность падать на ноги при падении* и проч. Однако если сравнительная часть включает дополнительные элементы (ср., например, *как драная кошка*), то признак С становится более определённым: тощая, худая, жалкого вида. О женщине.

Таким образом, исследование структурных моделей УС – необходимое условие дальнейшего анализа семантики устойчивых компаративных единиц, их системных связей и функционирования в речи.

Библиографический список

1. Кунин А.В. Устойчивые адъективные сравнения в русском и английском языках // Русский язык за рубежом 1969; № 3. С. 80–86.
2. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989.
3. Огольцев В.М. Устойчивые компаративные структуры в системе современного русского языка: дис. на соискание учёной степени доктора филол. наук. Том 1. Сыктывкар, 1974.
4. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978.
5. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: URSS, 2010.

References

1. Kunin A.V. Stable adjective comparison in Russian and English // Russian language abroad 1969; 3: 80–86.
2. Mokienko V.M. Slavic phraseology. Moscow: High school, 1989.
3. Ogoltsev V.M. Stable comparative structures in the modern Russian language: thesis for the Doctor's degree of Philological science. Volume 1. Syktyvkar, 1974.
4. Ogoltsev V.M. Common similes in the Russian phraseology. Leningrad, publishing house of Leningrad university, 1978.
5. Shansky N.M. Phraseology of the modern Russian. Moscow: URSS, 2010.

УДК 82 (091) (470)

UDC 82 (091) (470)

В.В. ДВОЕГЛАЗОВ

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
Вятского государственного гуманитарного универси-
тета
E-mail: vladimir6798@yandex.ru

V.V. DVOEGLAZOV

postgraduate student of Russian and Foreign Literature
Department, Vyatka State University of Humanities
E-mail: vladimir6798@yandex.ru

АКСИОЛОГИЯ «ПРАВЕДНИЧЕСТВА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И И.С. ТУРГЕНЕВА

AXIOLOGY OF «RIGHTEOUSNESS» IN LERMONTOV' AND TURGENEV'S WORKS

В статье рассматриваются основные способы и приемы художественного воплощения «праведничества» в творчестве М.Ю. Лермонтова и И.С.Тургенева. «Праведничество» понимается как этико-философская категория авторского сознания, представленная в образной системе произведения. Разработка художником этической ситуации создает возможность для введения в сюжет героя, выражающего авторскую точку зрения на «правду» человеческой жизни. В центре внимания автора статьи – исследование ценностных элементов сознания героя.

Ключевые слова: авторское «праведничество», этическая ситуация, сознание героя-«праведника».

The article deals with the basic ways of artistic realization of «righteousness» in Lermontov' and Turgenev's works. «Righteousness» is considered as the ethical and philosophical category of author's consciousness submitted in the image system of work. An ethical situation, developed by the writer, creates an opportunity for introduction into a plot of the hero expressing the author's point of view on «pravda» of the human life. The valuable elements of the hero's consciousness are the main point of this research work.

Keywords: author's «righteousness», an ethical situation, consciousness of the hero – «righteous» person.

Изучение способов и приемов художественного воплощения авторского «праведничества» в литературе первой половины XIX века актуально для развития отечественной науки в XXI веке. Современное литературоведение, опираясь на значительный опыт предшествующих лет, разрабатывает методологию познания обозначенной этико-философской категории в основном на материале творчества писателей второй половины XIX и XX столетий: Н.А. Некрасова, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова; В.Г. Распутина, А.И. Солженицына, Ф. Абрамова. При анализе исследователи призывают, главным образом, учитывать совокупность объективных, внешних (семейное и дружеское окружение, традиции, личностное влияние круга знакомых) и субъективных, имманентно-личных формирующих источников наследия художника (круг чтения, мировоззрение, религиозная позиция, взгляд на природу человеческой личности). Нередко для обнаружения феномена «праведничества» в творческой системе автора во внимание принимается культурологическое объяснение христианско-православных «первооснов русской души» (В.Н. Ильин) и констант русской культуры. Не умаляя достоинств вышеперечисленных подходов, отметим: существенным фактором научного познания эстетических формально-содержательных характеристик «праведничества» является понимание его как этико-философской категории авторского сознания, обнаруживающего и утверждающего в художественном образе «первичную и самозаконную правду, до конца

самоочевидную и неотразимую» (А.П. Скафтымов). Несомненно, с точки зрения чистого религиозного сознания смысл высшей жизненной правды должен совпадать с центральной этико-философской идеей учения Христа – человеческим проявлением всемирной любви. Способы проявления такого высокого духовного чувства могут быть самыми различными. Сознание художника, сложно отраженное в его поэтическом мире, представляет собой неоднородное соединение различных по своим качественным характеристикам мыслительных форм. Это и обуславливает целостный подход к изучаемой категории, учитывающий нравственно-философскую позицию каждого художника наравне с его писательской техникой, системой поэтических средств.

Познание авторской онтологической «правды» в художественном мире М.Ю. Лермонтова представляется сложной задачей. При формально-церковном подходе к эстетическому явлению «праведничества» богоборческие мотивы «отрицательного» «демонического» характера в творчестве поэта, отождествленные с биографической личностью автора, могут оставаться камнем преткновения в познании лермонтовского идеала человеческого бытия [4]. Однако ситуацию «разряжают» публикации, авторы которых обращают внимание и на «светлую сторону удивительного творчества», стремясь отделить «вечное от временного», «согревающее душу – от напускного позерства» [12, с. 13]. Особо ценны работы, ставящие целью поиск объективной ис-

тины путем углубленного этико-философского анализа: [5], [7], [8], [11].

По мнению многих современных исследователей, освоение целостной «художественной вселенной» писателя сопрягается с постижением его философии. В художественном сознании Лермонтова экзистенциальное отчаяние личности, одиночество соединяется с тоской по идеалу, развивается и углубляется представление о бытии как непрерывном столкновении противоречивых начал («безверие и вера», «скептицизм и мечтательность», «трагизм безысходности и несгибаемое мужество», «жажда бурь и стремление к покою») [11, с. 461]. Антитетическая система «любимых поэтических средств Лермонтова-художника», по мнению И. Андроникова, словесно отражает глубинное состояние личности: «день первый – день последний», «позор – торжество», «падение – победа», «свиданье – разлука», «демоны – ангелы», «небо – ад», «блаженство – страданье»...» [1, т.1, с. 16]. Однако обозначенная противоречивость характера парадоксально задает личности поэта и близкого ему лирического героя внутреннюю монолитность; диалектическое единство сложно обуславливает особенности построения творческой реальности авторского текста: «эти контрасты, эти смены душевных состояний в сочетании с верностью Лермонтова излюбленным идеям и образам сообщают его поэзии удивительное своеобразие, выражение неповторимое» [1, т.1, с. 16].

Исследователи литературно-философской позиции М.Ю. Лермонтова (Б. Эйхенбаум, В.Ф. Асмус, Д.Е. Максимов, Б.Т. Удодов) обнаружили две главные взаимосвязанные «идеи», которые волнуют писателя на протяжении всего творческого пути, – человек и воля: личность, наделенная волей, изначально соединяет в себе потенциальную возможность свободного обращения к добру или злу. Как пишет В.Ф. Асмус, для Лермонтова «воля есть источник и условие деятельности, творчества, начала положительной, равно как и разрушительной активности» [5, с.88]. С этой мыслью писатель не расстается вплоть до создания им вершинного философского романа. Своеобразный волюнтаризм Лермонтова включает сознательное признание и допущение существования высшей воли, внеположной человеческой деятельности. Сложившееся противоречие (свобода проявления человеческой воли и своеобразный фатализм) снимается идейно: по Лермонтову, все волевые проявления человека должны стремиться к благу совершенства. Так в процессе обращения к «всеобщим» вопросам у художника формируется представление об идеале.

Давно отмечено, что «Лермонтов – поэт глубокой, напряженной и страстной мысли» [5, с.83], «выдающийся мыслитель» [12, с. 189]. Поэтические тексты Лермонтова не просто демонстрируют художественное постижение смысла бытия и жизненной правды через череду сомнений и разочарований, но вполне определенно отражают особое знание высшей истины, которое развивалось по мере движения к поэтической мудрости:

Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно.

Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно.

И всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нём,
И в нём лишь буду я спокоен. («Мой дом»)

Для автора правда бытия предстает как особая форма человеческой мысли, признающей отражение и бытие «сверхчеловеческого» идеала в земном мире:

Когда б в покорности незнания
Нас жить создатель осудил,
Невыполнимые желанья
Он в нашу душу не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Недолжно вечно было знать [1, т.1, с. 93].

«Праведничество» следует трактовать в таком случае как состояние личности, испытывающей душевное ощущение «всеобщего», иррационального («звук высоких ощущений»), и активное стремление к нему при сохранении полноты земной жизни. Художественным воплощением такого чувства является состояние лирического героя в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» [1, т.1, с. 93]. Романтическое открытие природы, подготовленное вниманием к тайной жизни земного мира, помогает человеку выйти за пределы собственного «я» и открыть сферу вселенской гармонии, соприкоснуться с тайной мироздания.

В науке справедливо отмечено, что в творчестве Лермонтова 1837-1841 гг. ясно обнаруживается тенденция к объективности, выходу из состояния углубленного самопознания и самовыражения личной правды, представленного исповедальными монологическими формами поэзии. «Чисто-художественный», объективный метод творчества с начала 1837 года (времени создания «Смерти поэта») складывается как стремление художника к познанию всего многомерного мира. Именно поэтому романтическая мировоззренческая концепция приобретает черты реалистической. Однако характерные для современного поколения тоска, бездействие, корыстные побуждения, относительность истины нередко приводят лирического героя вновь к горьким сетоаниям по поводу парализации волевой природы человека.

Таким образом, проблема душевного развития, движения, деятельности человека тесно сопрягается в творчестве Лермонтова с авторским представлением о человеческом совершенстве, земном идеале – «праведничестве». Такое определение отнюдь не случайно. Объективный метод художника в зрелый период, как заметили ученые, характеризуется демократизацией – своеобразным, но совершенно естественным при-

ближением к народной житейской мудрости. Об этом писал, в частности, Д.Е.Максимов. Так, в творчестве Лермонтова обнаружилась тема «простого человека» как представителя народа и непосредственного носителя народного сознания [6, с.113]. Современная литературная критика, по-видимому, рассматривает такой «смирненный» лермонтовский тип в качестве максимального художественного приближения к образу «объективного» «праведника» [9, 13].

Характеризуя поэтическое мировоззрение Лермонтова, современные авторы пишут о включении в его состав «мифа о некоей глубинной народной правде» [10, с. 202]. Тем не менее, мы отметили, что «правда» как онтологическое понятие имеет и особую, волевую, окраску в индивидуальном сознании поэта. Самым ярким и, думается, первым серьезным художественным воплощением идеи авторского «праведничества» становится поэма переходного периода – «Песня про царя Ивана Васильевича...» (1837-1838).

В поисках и утверждении «праведного» характера художник обратился к историческому прошлому, к психологической разработке не имеющей временных границ этической ситуации и, следовательно, к образному выражению самостоятельных мировоззренческих взглядов.

Несомненно, авторская позиция в тексте предельно скрыта за фольклорным сказовым фоном «Песни...». Формально повествование принадлежит гусярам, исполняющим произведение на свадьбе в средневековой Руси. Однако «фольклорное начало» сливается с неповторимым «лермонтовским элементом»: «лермонтовское начало воплощено в образно-смысловой структуре поэмы, в ее образах-характерах и сюжетостроении, в проблематике» [11, с. 492]. Частная, конкретно-сюжетная напряженная коллизия (оскорбление чести семьи и нравственный долг ее защиты) осмысливается автором как серьезная философская проблема, ставшая предметом описания: столкновение эгоистического своеволия и понимания относительности духовной свободы с необходимостью соблюдения чести как воплощения высшего нравственного закона. Обрисовка центральных противоположных характеров Кирибеевича и Калашникова отмечена психологизмом, раскрывающим содержание личностного сознания героев.

Как справедливо указано современным ученым, «в Кирибеевиче подкупает искренность и сила его страсти»; персонаж «близок лермонтовским героям, неспособным на компромиссы с собой и жизнью» [11, с. 492-493]. Однако волевое начало героя подчинено разрушительным, порочным душевным страстям по оценкам того этического мира, представителями которого выступают Калашников, Алена Дмитриевна и в целом весь народ.

Купец Калашников – личность столь же действующая, волевая, но с изначально иными морально-нравственными представлениями. В словах героя, обращенных к братьям, раскрыта должная система поведения человека в сложившейся ситуации:

Я скажу вам, братья любезные,
Что лиха беда со мною приключилася:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой беды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до последних сил;
А побьет он меня – выходите вы
За святую правду-матушку» [1, т.1, с. 523].

«Практический разум» Калашникова подчинен «правде», которая, по мнению героя, претендует своим исключительным характером («святостью») на роль универсального закона человеческого общежития. Художественное исполнение кульминации произведения в таком случае представлено как столкновение, физический и идейный поединок двух персонажированных волей, индивидуальных «правд», этико-философских систем. Содержание этих систем отчетливо проявляется не только в поведении героев, но и во внешнем акте говорения – монологе центрального персонажа:

А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного. . .
И промолвил ты правду истинную:
Об одном из нас будут панихиду петь,
И не позже, как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи;
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын, –
Вышел я на страшный бой, на последний бой!

[1, т.1, с. 525]

Фатализм Калашникова, проявившийся в экзистенциально предельный момент боя («И погнулся крест и вдавился в грудь; // Как роса из-под него кровь закапала; — // И подумал Степан Парамонович: // «Чему быть суждено, то и сбудется; // Постояю за правду до последней!») – признание действия высшей абсолютной воли. В таком отношении Калашников духовно свободен, в отличие от скованного страстной волей Кирибеевича, чье «хотение» поддерживается лишь царской властью.

Проникая в суть монолога Калашникова перед боем, оценивая безмолвие Кирибеевича, рассматривая идейную сторону ответного слова героя перед царем, мы можем вполне определенно сказать: суть вневременной «правды» заключена именно в сознании купца, «нравственно близкого к народу». Онтологическая «правда» должна пониматься как честь, проявление любви [8] и активное противостояние своеволию, признание и утверждение высшего закона бытия, не зависящего от оков человеческих страстей и пределов земного суда.

Истинность такого поведения, «праведность» купца утверждена народной памятью о погибшем герое: в качестве собственно фольклорного факта – исполняемой «Песни...» – и в пределах мира самого повествования:

И проходят мимо люди добрые, –
Пройдет стар человек – перекрестится,
Пройдет молодец – приосанится,
Пройдет девица – пригорюнится,
А пройдут гусяры – споют песенку [1, т.1, с. 528].

В таком случае доказывается давно открытый А.А. Гореловым факт: «праведничество» – категория народной этико-философской оценки личности. Однако вполне возможна и собственно авторская характеристика такого типа человеческого сознания.

Во-первых, Лермонтов создает произведение, в котором представлены «любимые» им черты человеческой природы, каких поэт не видит в современном «поколении»: активность воли, гордость, исключительность характера.

Однако, во-вторых, следует принять во внимание давнее научное предположение, согласно которому в «Песне...» нашел отражение факт реальной действительности: гибель А.С. Пушкина [4, 5]. «Праведность» центрального персонажа «Песни...» безошибочно определяется интертекстуальным сопоставлением с личностью Пушкина, художественно оцененной Лермонтовым в стихотворении «Смерть поэта». Лирический герой, признавая наличие неподкупного, истинного «божьего суда», риторически заявляет, обращаясь к «надменным потомкам // Известной подлостью прославленных отцов»: «И вы не смаете всей вашей черной кровью // Поэта *праведную* кровь!» [1, т.1, с.158; *курсив* наш – В.Д.]. Для автора обоих произведений волевая жизнь, глубинно совпадающая с законом чести, любви, героической отваги онтологически свободна и «праведна».

Таким образом, «праведничество» предстает в поэме как личностное проявление «практического разума»: волевое действие сознания, включающего в качестве непреходящей бытийной ценности идею высшей «правды».

Автором, наиболее близким Лермонтову в разработке темы «праведничества», на наш взгляд, следует признать И.С. Тургенева.

Центральной проблемой раннего творчества Тургенева является вопрос о соотношении «дела» и «мысли» в человеческой жизни. Таким образом, наблюдается ощутимая связь с лермонтовской диалектикой: активное проявление человеком природной воли и сохранение им углубленного аналитического состояния неверия, ограниченного пределами собственного сознания. Основные моменты тургеневского решения этого вопроса даны в двух статьях: «ФАУСТ, траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844. Санкт-Петербург» (1845) и «Гамлет и Дон-Кихот» (1860).

Художник продолжает изучение типа «лишнего человека» на почве новой общественно-исторической

ситуации и собственных философских взглядов. Характеризуя «скептика», Тургенев в такой человеческой личности увидел связь с гамлетовским эгоизмом, мыслительной сосредоточенностью, страданием, сомнением в истине. Гамлетовской натуре, по мнению Тургенева, противостоит характер Дон-Кихота – «самого нравственного существа в мире», живущего «вне себя, для других, для своих братьев, для истребления зла. <...> В нем нет и следа эгоизма, он не заботится о себе, он весь самопожертвование. <...> он знает, в чем его дело, зачем он живет на земле, а это – главное знание» [2, т.5, с.332-333]. Объединяющим началом для представленных характеров становится их философская интерпретация: и Гамлет, и Дон-Кихот представляют для художника «две коренные, противоположные особенности человеческой природы» [2, т.5, с.331]. К такому выводу Тургенева приводят рассуждения об основном принципе человеческой жизни: сознательное или бессознательное движение в соотношении с выбранным идеалом. Причем идеал для человека, по Тургеневу, – понятие совокупное, включающее три элемента: правду, красоту и добро [2, т.5, с.331]. Внимательно анализируя характер скептика-аналитика и стойка-практика, сам автор этюда испытывает особую симпатию к представителю «добрых дел»: «А все-таки без этих смешных Дон-Кихотов, без этих чудаков-изобретателей не подвигалось бы вперед человечество – и не над чем было бы размышлять Гамлетам» [2, т.5, с. 346]. Завершая статью рассмотрением «всеобщих типов» в универсальном масштабе, автор риторически раскрывает свою позицию: «Все пройдет, все исчезнет, высочайший сан, власть, всеобъемлющий гений, все рассыплется прахом...

Все великое земное
Разлетается, как дым...

Но добрые дела не разлетятся дымом; они долговечнее самой сияющей красоты; “Все минется, – сказал апостол, – одна любовь останется”» [2, т.5, с.348].

По справедливому суждению Г.Б. Курляндской, активно разрабатываемая в ранних произведениях Тургенева тема «лишнего человека» оказывается органично «связанной с поисками своего национального положительного героя» [3, с.9]. Определенный результат такого поиска отражен в повести «Яков Пасынков» (1855).

Повествование о трагической любви рассказчика, имеющего черты индивидуалиста-романтика, выходит за пределы воплощения собственно этической ситуации (морального упрека Софье Злотницкой и последующей, казалось бы, неминуемой дуэли повествователя с Константином Асановым, которому героиня отдала свое сердце). Неожиданно возникающий в трудную минуту заглавный персонаж (Яков Пасынков) разрешает конфликт и становится центральным героем всей повести, занимая мысли рассказчика вплоть до последних строк.

В представлении рассказчика, возможность мирного решения конфликта кроется, несомненно, в харак-

тере Пасынкова: «... несмотря на смешные его платья, на его крайнюю бедность, все его очень любили, да и невозможно было его не любить: более доброй, благородной души, я думаю, и на свете не было. <...> Пасынков был очень вежлив и кроток со всеми, хотя ни в ком никогда не заискивал; если его отталкивали – он не унижался и не дулся, а держался в стороне, как бы сожалея и выжидая» [2, т.5, с.59]. Для уяснения истоков такого поразительно несовременного и непрактичного добронравия вводится описание истории рождения и воспитания «последнего романтика»: преодолевая все трудности жизни, герой остается верным своей жизненной позиции, семантически сконцентрированной в немецком слове «resignation». Покорность следует рассматривать здесь не столько с позиции фатализма, сколько в разумно-деятельном ключевом смысле: как сознательное душевно-духовное смирение, восприятие своего бытия как неотъемлемой части целого мира. Автор показывает природную, сущностную сторону личности человека, оказавшегося изначально в социально неблагоприятной обстановке, но сохранившего верность лучшим своим качествам вопреки обстоятельствам. Отсутствие эгоистического своеволия, обращенность сознания Пасынкова к миру, способность испытывать «чистые наслаждения» при общении с природой привлекают рассказчика, раскрывают причину испытываемой им радости при встрече с «добродушным идеалистом».

Композиционно текст повести оформлен так, что заглавного героя мы видим во всех трех главах. Так перед читателем полностью раскрывается его своеобразное «житие». Однако в первых двух частях Пасынков – реальный участник событий, в последней мы встречаемся с характеристикой уже умершего героя, данной в словах Софьи Злотницкой и рассказчика.

Центральный эпизод второй главы – встреча рассказчика с умирающим Пасынковым. Повествователь предельно обнажает скрытую часть души персонажа – личные переживания.

Воссоздавая интимно-личную сторону человеческой жизни (читатель неожиданно узнает о тайно скрываемом нежном чувстве Пасынкова к возлюбленной рассказчика), автор повести открывает парадоксальную и редчайшую способность личности: подчинение собственной воли, своего стремления к личному счастью, общему долгу – благу других.

Вся жизнь Пасынкова проникнута романтическим пафосом. Даже смерть, как говорит сам герой, приходит от самой настоящей стрелы: «Ты знаешь, в моей судьбе было всегда много смешного. Помнишь мою комическую переписку по делу вытребования бумаг? Вот я и ранен смешно. И в самом деле, какой порядочный человек, в наше просвещенное столетие, позволит себя ранить стрелой?» [2, т.5, с. 71]. Однако его романтической натуре чужды индивидуалистические черты, окрашенные разочарованностью. Лишь однажды, в момент приближения смерти, у героя прорываются ноты отчаяния и одноминутной тоски, жалости к себе: «И вдруг, отвернувшись, он прижал лицо к подушке и тихо заплакал.

Я вскочил, нагнулся к нему и начал утешать его...

– Ничего, – промолвил он, приподняв голову и встряхнув волосами, – это так; немножко горько стало, немножко жалко... себя, то есть... Но всё это ничего. Всё стихи виноваты. Прочти-ка мне другие, повеселее» [2, т.5 с.77]. Цельность натуры задается показом героя во всю человеческую величину. Разочарование в жизни частично сменяется утверждающим пафосом после чтения лермонтовской поэзии: « – Трескотня риторическая! – проговорил мой бедный друг тоном наставника, – а есть хорошие места. Я, брат, без тебя сам попытался в поэзию пуститься и начал одно стихотворение: «Кубок жизни» – ничего не вышло! Наше дело, брат, сочувствовать, не творить... » [2, т.5, с. 77]. Однако сознательный предсмертный монолог Пасынкова всё же предельно заостряет проблему счастья и долга, «чистого наслаждения» и «практики дела», оставляя проблему неразрешенной: « – А что, брат, ты сделался практическим человеком? – спросил он вдруг, устремив на меня такой ясный, такой сознательный взгляд, что я невольно вздрогнул и хотел было ответить, но он тотчас же продолжал: – А я, брат, не сделался практическим человеком, не сделался, что ты будешь делать! Мечтателем родился, мечтателем! Мечта, мечта... Что такое мечта? Мужик Собакевича – вот мечта. Ох!...» [2, т.5, с. 78]

Лишь заключительная, третья, глава снимает напряженность проблемы и, как кажется, содержит объективную в пределах текста «праведную» оценку смиренного, всецело подчиненного другому бытия. В последней части повествования перед нами предстают три героя: Софья Злотницкая-Асанова, Марья Петровна и рассказчик. Все они, при определенной автономности судеб, художественно скрепляются образом Пасынкова. В разговорах с рассказчиком бывшая возлюбленная демонстрирует «честную душу», волевую натуру, родственную натуре заглавного героя: «Наша жизнь не от нас зависит, – заключает Софья Николаевна; но у нас есть один якорь, с которого, если сам не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга» [2, т.5, с.89]. Образ Маши – эпизодический, раскрывающий реальное дело искренней любви «праведника»: «Милая Маша! (писал он крупным разборчивым почерком) ты вчера прислонилась своей головой к моей голове, и когда я спросил: зачем ты это делаешь? Ты сказала: хочу послушать, о чем вы думаете. Я тебе скажу, о чем я думал: я думал, как хорошо бы выучиться Маше грамоте! Она бы вот это письмо разобрала...» [2, т.5, с.86]. И только рассказчик, сознательно удаляющийся в область воспоминаний, завершает оценивающую характеристику дорогого и близкого друга: «Мир праху твоему, непрактический человек, добродушный идеалист! И дай Бог всем практическим господам, которым ты был чужд и которые, может быть, даже посмеются теперь над твоей тенью, дай им Бог изведать хотя сотую долю тех чистых наслаждений, которыми, наперекор судьбе и людям, украсилась твоя бедная и смиренная жизнь» [2, т.5, с.89].

Особая авторская оценка характера Пасынкова, безусловно, проявляется в виде самого выбора этого героя в качестве предмета мысли. Как уже было отме-

чено тургеневцами, писатель «вверил рассказчику, как энтузиасту прекрасного, выражение авторских оценок и отношений»; «философское осмысление некоторых закономерностей духовной жизни в связи с заключением о Пасынкове, как последнем романтике, без напряжения живущем в соответствии с идеалом, осмысление ценности человеческого богатства чувств и прозрений, связанное с полемическим выпадом против трезвенной практической современности, несомненно, выражает авторский голос писателя и по форме является авторским вкраплением в повествовательном изображении рассказчика» [3, с. 52-53].

На почве романтизма рассказчик и разночинец Пасынков дружески сближаются. Рассказчик, размышляя в конце повести о жизни «непрактического человека», как кажется, демонстрирует приобщение к «правде» смиренного друга. В душе героя пробуждаются «чувства, то грустные, то нежные», «сладостная боль» пронизывает его существование в момент воспоминания. Такое вполне определенное состояние – «слияние со всемирной гармонией» – начало пути возможного преображения. Интересно, что подобное ощущение характерно и для персонажей других тургеневских повестей, и для героев романа «Рудин».

Лермонтов и Тургенев – художники разных, но тесно взаимосвязанных литературных эпох. Удачно угаданная и художественно воссозданная «правда» реальности не удовлетворяла ни автора «Думы» и «Героя нашего времени», ни создателя «Дневника лишнего человека» и повести «Ася». Оба писателя, при столь разном стилевом наборе поэтических средств, объединились идейно в философском признании иной, высшей «правды» и поиске «праведника», концентрирующего в своей личности авторский взгляд на положительные основы человеческого бытия. Поиски не остались толь-

ко в пределах мыслительных форм. Они органично, в соответствии с поэтическим даром каждого художника, нашли воплощение, столь различное по форме, но близкое в сущностной силе изображения.

Важные переключки обнаруживаются прежде всего на сюжетно-композиционном уровне: каждый художник разрабатывает такую этическую ситуацию, которая помогает свободно и органично вводить в повествование героя-«праведника». В обоих случаях перед нами любовная коллизия. Однако в «Песне...» Лермонтова истинная любовь сближается с понятием чести, долга, традиции, правды. У Тургенева любовь – особое чувство, в совокупности с другими проверяющее исключительность характера персонажа: «Как я ее любил, это известно одному Богу. <...> Я не перестал ее любить даже тогда, когда узнал, что сердце ее принадлежит Асанову» [2, т.5, с. 76].

Главное идейное совпадение обнаруживается в художественном раскрытии сознания «праведного» героя, определяющего весь волевой и поведенческий комплекс личности. Этико-философская позиция лермонтовского персонажа определяется наличием в его сознании идеи жизненной «правды», понимаемой как честь, любовь, духовная свобода. Герой Тургенева – личность, способная сочетать романтические ощущения с искренним деятельным подчинением личной судьбы служению на благо мира. Оба героя, признавая существование надличностных мировых сил, придающих жизни самоценный характер, задающих уверенность во вселенной гармонии и тем самым являющихся непреходящей основой бытия, способны к самостоятельным подвигам, демонстрируют героические поступки, в которых каждый автор видит проявление онтологической «правды».

Библиографический список

1. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1988-1989
2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1982. Сочинения: в 12 т.
3. Курляндская Г.Б. Структура повести и романа И.С.Тургенева 1850-х годов. Тула: Приокское кн. изд-во, 1977
4. Лермонтовская энциклопедия [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/default.asp?feb/lermenc/lre/lre.html>
5. Литературное наследство. М.Ю.Лермонтов. Т.43/44.М., 1941-1948. Кн.1.
6. Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. М.; Л.: Наука, 1964.
7. М.Ю.Лермонтов. Проблемы идеала: Межвузовский сборник научных трудов. Отв. ред. И.П. Щерблякин. Куйбышев, 1989
8. Игумен Нестор (Кумыш) Христианские тенденции в поэме М.Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» / игумен Нестор (Кумыш) // Лермонтовские чтения-2007: Сб.статей / под ред. С.Серейчика. СПб., 2007 С. 97-104.
9. Мартыанова С.А. Ценностные аспекты русской классики XIX в. в литературоведении XX в. / С.А.Мартыанова // Наука о литературе в XX веке (история, методология, литературный процесс). Сб.ст. М., ИНИОН РАН, 2001. С. 59-77.
10. Никольский С.А., Филимонов В.П. Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII - середины XIX столетия. М., 2008.
11. Удодов Б.Т. М.Ю. Лермонтов / Б.Т.Удодов // Аношкина В.Н., Громова Л.Д. История русской литературы. 1800-1830. М.: Оникс, 2008. С. 460-520.
12. Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов. Сост., вступ.ст. и комментарии М.Д.Филина. М.: Русский мир, 1999
13. Хализев В.Е. «Герои времени» и праведничество в освещении русских писателей XIX века. // Русская литература XIX века и христианство М.: изд. МГУ, 1997. С.111-119

References

1. *Lermontov M.* Works: in 2 vol. – M., 1988-1989
2. *Turgenev I.S.* Completed Works: in 30 vol. – M., 1982. – The Composition: in 12 vol.
3. *Kurlyandskaya G.B.* Structure of the novella and the novel by Ivan Turgenev 1850-s – Tula, 1977
4. Lermontovskaya encyclopedia [Electronic resource]: [web site]. Mode of access: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/default.asp?feb/lermenc/lre/lre.html>
5. Literary legacy. Mikhail Lermontov. T.43/44. – M., 1941-1948. – Book 1.
6. *Maksimov D.E.* Lermontov's poetry – M., 1964.
7. Mikhail Lermontov. Problems ideal: the interuniversity collection of scientific works. – Kuibyshev, 1989
8. *Nestor (Kumysh)* Christian trends in the Lermontov's poem «Pesnya pro tsarya Ivana Vasilievicha, molodogo oprichnitsa i udalogo kuptsa Kalashnikova» // Lermontov's Reads -2007.– SPb., 2007. – p. 97-104
9. *Martyanova S.A.* Value aspects of Russian classics of the XIX century in the literature of the XX century // The Science of literature in the XX century (history, methodology, literature process). – M., 2001.– p.59-77
10. *Nikolskij S.A., Filimonov V.P.* Russian worldview. The meanings and values of Russian life in the Russian literature and philosophy XVIII - mid XIX century.– M, 2008
11. *Udodov B.T.* M.Lermontov // Anoshkina V.N., Gromova L.D. History of Russian literature. 1800-1830.– M., 2008.– p. 460-520
12. Fatalist. Overseas Russia and Lermontov / ed. by Filin M.D. – M., 1999
13. *Halizev V.E.* «Heroes of time» and «righteousness» in coverage of Russian writers of the XIX century // Russian literature of the XIX century and Christianity – M: Moscow State University, 1997. – Pp.111-119

УДК 070+316.77

А.Л. ДМИТРОВСКИЙ

кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью Орловского государственного университета
E-mail: dmittrovsky@pochta.ru

UDC 070+316.77

A.L. DMITROVSKY

candidate of Philology, associate professor of journalism and public relations, Orel state university
E-mail: dmittrovsky@pochta.ru

ПРОБЛЕМА ФАКТА В МЕДИАТЕКСТЕ

FACT PROBLEM IN THE MEDIA TEXT

Статья посвящена разъяснению взаимодействия таких существенных для функционирования журналистики категорий, как «факт» и «медиатекст», в рамках предлагаемой автором концепции экзистенциальной теории журналистики. Даны определения, примеры; намечены причины и решение проблемы неверного толкования факта теоретиками журналистики.

Ключевые слова: экзистенциальная теория журналистики, факт, медиатекст, философия журналистики, творческая деятельность, публицистика, беллетристика, журнализм, массовая коммуникация, смысл.

Article is devoted to an explanation of interaction such essential to functioning of journalism of categories as «fact» and «media text» within the concept of the existential theory of journalism offered by the author. Definitions, examples are given; the reasons and a solution of the problem of incorrect interpretation of the fact are planned by theorists of journalism.

Keywords: existential theory of journalism, fact, media text, journalism philosophy, creative activity, journalism, fiction, journalism, mass communication, sense.

Журналистика, как деятельность в рамках врождённого в плоть общества социального института, протекает в пространственно-временном континууме социальной коммуникации. Следовательно, понятие социальной (смысловой) коммуникации выступает для теории журналистики родовым, а понятие массовой – видовым понятием.

Стоит отметить важный момент. Схемы «коммуникационного акта» (модели, процесса) кочуют из одно-

го учебника журналистики (монографии) в другой, но никого, почему-то, за редчайшим исключением, нестораживает вопиющая подмена: для понимания человеческой («социальной», «массовой» и т.д.) коммуникации предлагается телефонно-телеграфная модель связи.

Подобный техницистский подход к человеку, превращающий его до простого «приёмо-передатчика», превращает разнообразное и сложное человеческое общение в «обмен информацией», примитивно-бихевиористскую

схему «стимул-реакция». «Техническая схема передачи информации по сути дела есть разновидность материальной, точнее – модулированной энергетической коммуникации»¹.

Понятно, что оправдана такая модель лишь в некоторых технических сферах (проводная и радиосвязь, теория информации, телекоммуникация и т.д.), т.е. в собственно информационной коммуникации, но никак не приемлема в социальной (хотя бы потому, что закодированные сообщения движутся не в социальном, а в геометрическом пространстве-времени).

Социальная же коммуникация есть «движение смыслов в социальном времени и пространстве»². Предпосылками её выступают генетическая (биологическая, видовая) и психическая (внутриличностная) коммуникации. Все три типа являются смысловыми, т.е. «в качестве передаваемого сообщения выступает не данная в ощущениях вещь или вещественное свойство, а умопостигаемый смысл». При этом соблюдается следующий закон коммуникации: «сообщения смысловых коммуникаций всегда имеют идеальное (духовное) содержание и, как правило, но не всегда – материальную, чувственно воспринимаемую форму». Пример последних – телепатия или подражание. Ясно, что подобное «движение смыслов» возможно лишь между субъектами социальной коммуникации, т.е. людьми (личностями, если говорить точнее). Ключевыми выступают, таким образом, три категории: «смысл», «социальное пространство», «социальное время».

Автор общей теории социальной коммуникации А.В.Соколов, выделяя в целесообразной социальной коммуникации три основных цели, преследуемых коммуникантами и реципиентами (познавательную, побудительную и экспрессивную), пишет о сущности понятия смысл следующее:

«Не будем стремиться к ответу на вопрос: «что такое смысл вообще?» и не будем уточнять смыслы, скрытые в небесной механике, системе кровообращения и моделях атома. Нас интересуют те смыслы, которые содержатся в социально-коммуникационных соотношениях. <...> Для достижения этих целей содержание коммуникационных сообщений должно включать: знания и умения (коммуникант нечто знает или умеет и может поделиться этим опытом с другими людьми); стимулы (волевые воздействия, побуждающие к активности); эмоции (коммуниканту важно эмоционально «разрядиться», получить сочувствие, а реципиент ищет положительных эмоций и душевного комфорта). Именно эти продукты духовной человеческой деятельности мы называем смыслами»³.

К этому стоит добавить небольшое уточнение:

Если знания и умения как содержание «познавательной» сферы социальной коммуникации не вызывают возражений, то содержание «побудительной» сферы («стимулы») должно, на наш взгляд, быть до-

полнено мотивами⁴. Это объясняется тем, что стимулы выступают для человека внешними побудительными воздействиями, но не менее важна ведь и внутренняя мотивация человека, особенно высокоразвитого. Мотивы как раз и признаются психологией внутренними побудительными причинами действий и поступков человека, личности.

То же касается и третьей сферы социальной коммуникации и соответствующего содержания – «экспрессивного». Необходимо отметить, что человеческая потребность «выразиться», «разрядиться» возникает не только от эмоциональной переполненности, подверженности той или иной эмоции, страсти, чувству. Она возникает (опять же, у высокоразвитых индивидуумов) и в силу длительных (эстетических, нравственных и т.п.) размышлений о происходящем вокруг, о себе и смысле своего существования. То есть в результате экзистенциальной рефлексии.

Следовательно, содержание «экспрессивной» сферы социальной коммуникации должно включать помимо указанных А.В.Соколовым эмоций ещё и экзистенциалии – рефлексивные переживания, возникающие в результате осмысления человеком себя как проблемы в ситуации непосредственного личностного выбора. Так, например, тоска – чувство, т.е. длительная, устойчивая эмоция, а осознание безысходности – экзистенциалия, ибо является продуктом рефлексии – осмысления человеком своего положения (человек здоров, сыт-обут-одет, но... «соседи злы, начальство не ценит, коллеги неинтересны» и т.д.).

Таким образом, можно заключить, что содержанием коммуникационных сообщений в социальной коммуникации должны выступать: стимулы и мотивы, знания и умения, эмоции и экзистенциалии. Перейдём к понятию социального пространства и социального времени, или – социальному хронотопу.

«Социальное пространство – это интуитивно ощущаемая людьми система социальных отношений между ними»⁵. Система социальных отношений разнообразна и многомерна, поскольку включает отношения родственные, служебные, интимные, соседские, случайные знакомства и т.д. Когда произносится фраза «он пошёл вверх» («круто поднялся» и т.п.) или «он опустился на социальное дно», то имеется в виду как раз социальное пространство.

«Социальное время – это интуитивное ощущение течения социальной жизни, переживаемое современниками. Это ощущение зависит от интенсивности социальных изменений. Если в обществе изменений мало, социальное время течёт медленно; если изменений много, время ускоряет свой ход. Согласно «социальным часам», десятилетия застоя равны году революционной перестройки»⁶. Движение смыслов в социальном времени, соответственно, – есть длительность сохранения

1 Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002. С. 28.

2 Там же. С. 27.

3 Там же. С. 30.

4 Дмитриевский А.Л. Мотивация и развитие личности журналиста // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010, №1. Ч.2 «Гуманитарные и социальные науки» («Филология»).

5 Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. – С. 37.

6 Там же. С. 38.

ими своей ценности и актуальности для общества.

Выделение таких категорий, как социальные время и пространство, связано с тем, что смыслы имеют идеальную природу, а потому и измеряться должны «идеальными инструментами», коими как раз и выступают категории социального пространства и времени. В отличие от технической коммуникации, оперирующей сообщениями, текстами, сигналами, т.е. объектами, имеющими материально предьявленную форму, смыслы никак не могут быть «отслежены в земной атмосфере или измерены сверхточным хронометром».

Ещё одна особенность социальной коммуникации в том, что коммуникант никогда не стремится к простой передаче сообщения «из пункта А в пункт В»; его интересует доведение его послания до той социальной группы (отдельного реципиента), с которой он состоит в тех или иных социальных отношениях. Более того, этот смысл должен не просто «дойти», но и быть ими понят. Иначе социальной (смысловой) коммуникации не случится.

Журналистика как вид коммуникационной деятельности относится к групповому управлению обществом, когда группа (в нашем случае – социальный институт) воздействует на массовую совокупность людей, руководит ею. Это становится возможным благодаря тому, что, являясь творческой, данная группа способна генерировать и транслировать в массы те или иные мировоззренческие смыслы, определяющие духовную жизнь управляемого общества.

Мировоззренческие смыслы, с философско-антропологической точки зрения, являются совокупностью объясняющих мир знаний, ценностей и поведенческих императивов, а также идеальных представлений, представляющих определённую «концепцию человека», которая фундирует все важнейшие общественные связи, нормы и понятия: право, нравственность и мораль, тип государственного и общественного устройства, иные отношения.

Таких – исторических, «принципиальных» – концепций человека может быть выделено четыре: условно обозначаемых как период «Тела», период «Души», период «Разума», период «Экзистенции». В наше время (вторая половина XX века – первая половина XXI века) отмечается кризис «культуры Разума» и переход человечества к новому пониманию сущности человека – как существа экзистенциального⁷ (по крайней мере, об этом писали ведущие философы-антропологи – Шелер, Франкл, Фромм, Ясперс и др., ставя проблему самого физического выживания человека в ближайшем будущем).

Современное понимание человека в журналистике, базирующееся на философско-антропологическом подходе, предполагает выделение трёх акторов (действующих лиц) журналистско-коммуникационной деятельности: автора-журналиста, Читателя (адресата) и Героя публикации. «Антропологическое изучение жур-

⁷ Дмитриевский А.Л. Проблема теории журналистики в свете научно-методологических и философских подходов XXI века // Учёные записки Орловского государственного университета. 2011, №4. Ч.2 «Гуманитарные и социальные науки» («Философия»).

налистики предполагает обращение не только к выделенным субъектам – автору, герою и адресату, но и к типам взаимоотношения между ними»⁸.

Поскольку основное взаимодействие между ними осуществляется в рамках создания автором коммуникационного сообщения и понимания его смысла реципиентом-читателем (коммуникационным пониманием, в отличие от познавательного, когда речь идёт о понимании причинно-следственных связей вообще), представляется интересным рассмотреть соответствующие «типы» авторов (коммуникантов) и читателей (реципиентов) на основе выделяемых коммуникативистикой форм коммуникационного понимания.

А.В. Соколов выделяет в коммуникационном понимании три формы⁹:

- коммуникационное познание (реципиент получает новое для него знание; при этом коммуникационное познание сливается для него с познавательным);
- коммуникационное восприятие (реципиент, получив сообщение, не способен постичь его глубинный смысл, хотя может быть автором разумных утвердительных высказываний по поводу его содержания);
- псевдокоммуникацию (реципиент запоминает, повторяет, переписывает отдельные слова или фразы, не понимая даже поверхностного смысла сообщения).

«Однако представляется возможным и необходимым дополнить предложенные три формы коммуникационного понимания ещё одной (мельком упоминаемой самим же А.В.Соколовым как «сопереживание») – коммуникационным самопониманием. Это связано с тем, что понимание в широком смысле есть не только мыслительный, но и чувственный процесс. Посему можно утверждать, что понимание смысла может быть не только познавательным (результатом гносеологической интенции), но и эмоционально-чувственным, т.е. результатом моего рефлексивного переживания (сопереживания; воспроизведения в моём субъективно-интимном внутреннем мире тех состояний и процессов, что были закодированы автором-коммуникантом в сообщении, и их кристаллизации в виде экзистенциалей).

Таким образом, понимаемый мной смысл и мои экзистенциальные переживания становятся соотносительными. Меняется и мой статус как субъекта понимания: установка на самоценность понимаемого смысла приводит к ясной установке на собственную самоценность и, далее, к своего рода субъект-субъектному взаимодействию – единству «исследования» и самопознания. В данном случае я не просто «узнаю» нечто новое (получаю новое для меня знание), но и, одновременно «думая» о себе и пытаюсь найти основание всем моим поступкам (выборам), отвергаю или не понимаю многого в себе, либо наоборот, обнаруживаю в себе высокоценные качества. Тем самым я меняю собственную духовную и личностную структуру, перестраиваю

⁸ Блохин И.Н. Антропология журналистики: интерпретации, основания, действующие лица // Теория журналистики: в поисках смысла, структуры и назначения / Ред.-сост. М.Н.Ким. СПб., 2007. С. 91.

⁹ Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. С. 33-34.

себя... Таким образом, коммуникационное самопознание выступает высшей формой коммуникационного понимания: сообщение (и, соответственно, смысл) не просто пространственно дошло до меня, воспринято и осмыслено мной, но и произвело в моей духовной структуре определённую «перестройку».

Начальным источником знаний, умений, стимулов, мотивов, эмоций и экзистенциальных является индивидуальная психика, где эти смыслы зарождаются и движутся в психическом времени и пространстве. Для того чтобы началась социальная коммуникация, коммуникант должен «опредметить», овеществить свои смыслы, то есть воплотить их в содержании коммуникационного сообщения. Коммуникационное сообщение движется в материальном пространстве и времени (например, в виде газетного текста или телепередачи), достигая в конце концов своего реципиента. Для того чтобы социальная коммуникация завершилась, реципиенту нужно «распредметить» смысловое содержание сообщения, то есть понять его и включить понятые смыслы в свою психику, точнее – в индивидуальную память, в структуру собственной личности.

Как видим, в предложенной А.В. Соколовым общей теории социальной коммуникации, являющейся для журналистики (массовой коммуникации) управляющей («детерминирующей») надсистемой, понятие факта практически отсутствует. Он заменён «смыслом» (смыслами). С другой стороны, дана достаточно применимая на практике дефиниция этой категории, которая, как мы помним, является ключевой для определения «границ» факта, его структуры и объёма.

Однако факт, с точки зрения философии науки (что также было отмечено), имеет не только смысловую составляющую, но и ряд других, например, социальную или онтологическую. Эта троичная структура факта отмечается и в филологии, о которой и пойдёт речь ниже.

Структура факта в филологии

Понятия факта в чистом виде (как предмета изучения) в филологии нет. Здесь под фактом, скорее, понимается текст. Текст – как некое свершённое событие, как факт создания (и само существование) некоего произведения, отражающего некую жизненную реальность. Как оказалось, определений понятия «текст» существует очень много. Мы остановились на наиболее частотном, принадлежащем И.Г. Гальперину:

«Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку»¹⁰.

Как видим, по большинству параметров это определение текста вообще подходит и для текстов журналистских. Разница будет уже в качестве и характере «типов

связи» внутри «документа». А также будет зависеть от характеристик той среды (культура и социум), в которой будет функционировать данный документ (текст). Это подтверждает и сам исследователь:

«Текст представляет собой некое завершённое сообщение, обладающее своим содержанием, организованное по абстрактной модели одной из существующих в литературном языке [журналистике] форм сообщений (функционального стиля, его разновидности и жанров) и характеризуемое своими дистинктивными признаками»¹¹. При этом – любой текст подразумевает и некую «схему» его реализации, создания (пусть и не осознаваемую автором), своего рода алгоритм.

Текст, как и факт, имеет весьма сложную – многослойную и многоуровневую – структуру и потому существует много подходов к его анализу. В результате их рассмотрения Л.Г. Бабенко приходит к следующему выводу:

«Текст в зеркале интерпретации – это словесное художественное произведение, представляющее реализацию концепции автора, созданную его творческим воображением индивидуальную картину мира, воплощённую в ткани художественного текста при помощи целенаправленно отобранных в соответствии с замыслом языковых средств (в свою очередь, также интерпретирующих действительность), и адресованное читателю, который интерпретирует его в соответствии с собственной социально-культурной компетенцией»¹².

При этом исследователь приводит слова Д.С. Лихачёва, отмечавшего теснейшую связь художественного текста с действительностью, реальностью, жизнью общества и культуры: «Литературное произведение распространяется за пределы текста. Оно воспринимается на фоне реальности и в связи с ней. Город и природа, исторические события и реалии быта – всё это входит в произведение, без которых оно не может быть правильно воспринято. Реальность – как бы комментарий к произведению, его объяснение. Наиболее полное и конкретное восприятие нами прошлого происходит через искусство и больше всего через литературу. Но и литература отчётливее всего воспринимается при знании прошлого и действительности. Нет чётких границ между литературой и реальностью»¹³.

Эту же мысль, но в гораздо более жёстком варианте можно адресовать журналистским текстам: однако, если у художника (писателя, поэта) есть право на вымысел и домысел в работе с фактическим материалом, то журналиста «правда жизни» интересует не в философско-эстетическом, а в самом непосредственном виде, в виде «жизни как она есть». В последние десятилетия специалисты (прежде всего в Америке) заговорили о так называемом «новом журнализме», когда внимание репортёра сосредоточено на восприятии характерных деталей, мельчайших подробностях быта своего героя. При этом, в противовес «объективному журнализму», журналисту предоставляется право не

10 Цит. по: Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М., Екатеринбург, 2004. С. 30.

11 Там же. С. 33.

12 Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. С. 46.

13 Цит. по: Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. С. 62.

столько констатации фактов без их анализа, но наоборот, от него требуют стремиться раскрыть их причины и следствия, дают право на выражение своего мнения и оценок (что вновь возвращает, в какой-то мере, журналистику к истокам, литературе и искусству)¹⁴.

В литературе и искусстве, особенно в связи с распространением постмодернистского проекта, роль субъекта также возрастает. Правда, эффект оказывается обратным – «смерть автора», релятивизм (относительность всех традиций, принципов, морали и т.д.). Уолтер Онг высказался ещё парадоксальнее: «Каждое письменное произведение для автора является его собственной эпитафией». Он и другие последователи маклюэнизма считают, что письменно-печатные средства информации разрушают интерактивность и естественность устных форм дописанных коммуникаций и превращают понятие «читателя для писателя» в иллюзию. Ими введён и обоснован термин «фиктивность писательской аудитории». В своей жёсткой форме эта концепция ведёт к нивелированию понятия авторства¹⁵.

Тем не менее, роль автора в художественном произведении (как и в журналистике) всегда оценивалась (и оценивается) высоко, особенно в связи с развитием в XX веке идей антропологии:

«...Вершину иерархии семантических компонентов содержания текста составляет индивидуально-авторская концепция мира, ибо любое произведение представляет собой субъективный образ объективного мира действительности. Это универсальная черта любой индивидуальной картины мира, которая всегда «несёт в себе черты своего создателя». В этом заключается парадоксальный секрет художественного текста: отображая действительность, художник обнаруживает себя, и наоборот, выражая свои думы и чаяния, он отображает мир и себя в мире. В результате этого плоть художественного произведения, отторгнутая материально от своего создателя, в то же время несёт на себе его печать. Она, как двуликий Янус, имеет лицо создателя (образ автора) и лик объективной действительности (образ мира)»¹⁶.

То же можно сказать и о журналистике. Речь идёт об «индивидуально-мифологической картине мира» (А.Л.Дмитровский)¹⁷, (в отличие от «индивидуально-авторской») которая, с восхождением на всё более высокие уровни мастерства, начинает проявляться всё явственнее в творчестве публициста. Мы помним массу примеров, когда газетные репортёры становились (или являлись одновременно), публицистами, а потом и писателями или поэтами.

Повторимся: в большей части элементов понятие «текст» (в литературе) и «факт» (в журналистике) схожи. Другое дело, на каком из внутренних элементов сделан акцент, тем более что для классификации «кванта

информации текста» художественного произведения многие исследователи-лингвисты называли смысл, объясняя это тем, что в художественном произведении заложен смысловой заряд, сила воздействия которого не ограничена местом и временем, ибо содержание художественного текста не замкнуто, относительно бесконечно и потому великие произведения искусства не утрачивают актуальности многие века, получая в разные времена различную интерпретацию.

Из предыдущих размышлений мы помним, что смыслами оперирует и социальная коммуникация – надсистема журналистики, и именно смыслом предлагалось отграничивать факт от несущественного информационного мусора, шумов. Можно говорить, что именно смысл (точнее, смыслы определённого типа) составляет, пожалуй, наиболее значимую часть содержания любого текста. Для обозначения содержательной стороны текста в более широком смысле используется и термин «семантическое пространство».

«...Семантическое пространство текста – это ментальное образование, в формировании которого участвует, во-первых, само словесное литературное произведение, содержащее обусловленный интенцией автора набор языковых знаков – слов, предложений, сложных синтаксических целых (виртуальное пространство); во-вторых, интерпретация текста читателем в процессе его восприятия (актуальное семантическое пространство)»¹⁸.

Содержание, таким образом, формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл – это мысль об этой действительности, т.е. интерпретация того, что сообщается в тексте. Содержание базируется на денотативных (референтных) структурах, отражающих объективное положение вещей в мире (то есть реальных фактах, имеющих пространственно-временную привязку). Смысл же базируется на единицах иного рода, связанных с интуитивным знанием, личностными переживаниями.

«Универсальные смыслы «человек», «пространство», «время» являются доминантами семантического пространства текста, а соответствующие им текстовые категории выполняют общие текстообразующие функции. К ним относятся моделирующая, координирующая и характерологическая функции. Учитывая значимость этих категорий в формировании семантики художественного текста, считаем необходимым выделить в качестве важнейших следующие сферы семантического пространства, которые требуют специального рассмотрения и лингвистического анализа. Это концептуальное, денотативное и эмотивное пространства текста»¹⁹.

Попытаемся рассмотреть каждое «пространство» текста, поскольку, по нашему мнению, здесь кроется ключевая мысль для нашей работы – характеристика основных элементов, составляющих факта (понимаемого в широком смысле – как события, ставшего содержанием журналистского выступления). В данном же случае

14 Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. М., МГУ, 1999. С. 141, 146.

15 Там же. С. 244.

16 Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. С. 97.

17 Дмитриевский А.Л. Экзистенциальная теория журналистики: попытка метатеории // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2012. №2 (10). СС. 61-82.

18 Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. С. 99.

19 Там же. С. 103.

– текста вообще.

1) Итак, содержание концептуального пространства текста составляет т.н. «содержательно-концептуальная информация», которая, по мнению И.Р. Гальперина, «сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами содержательно-фактуальной информации, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической и культурной жизни народа, включая отношения между отдельными индивидуумами, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия»²⁰.

Эта информация выводится из всего текста как целого и потому анализ текстов с этой позиции, как правило, ограничивается частной задачей – анализом так называемых «концептов». Это достаточно сложная категория, о которой в науке ведутся горячие споры. Мы не будем глубоко вникать в нюансы этих дискуссий, ограничившись общим пониманием идеи концепта.

Прежде всего, надо отметить, что концепты составляют не только содержание индивидуального сознания, сколько богатство всей культуры, носителем которой выступает человека и язык его нации. Концепты являются собой своего рода общие для всей нации символы, знаки и понятия: счастье, труд, любовь, добро и зло и т.д. Благодаря набору тех или иных концептов, люди одной нации (ментальности), даже плохо зная язык, способны понимать друг друга. Можно сказать даже, что концепты очень близки таким понятиям, как «ценности» (например, «западные ценности» или традиционные, «христианские» и т.д.) или «мифологема» (сказки, поверья, фольклор). Концепт – это своего рода сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. Зачастую (большинством простых людей), концепты даже не осознаются. Именно поэтому важнейшая роль в их совершенствовании принадлежит писателям, поэтам, религии. Простейший классический пример общенациональных концептов-символов – флаг, герб и гимн.

Следует также отметить, что концепты многокомпонентны и представляют собой поле знаний, представлений, понятий, ассоциаций, имеющих ядро и периферию. Можно, наверное, говорить о том, что ядро концепта составляет общенациональный культурный смысл, а наполнение периферии – уже личный опыт человека. Так, к примеру, в творчестве русской писательницы Н.А.Тэффи, прожившей нелёгкую жизнь, одним из важнейших концептов стал концепт «счастье», имеющий, в целом, положительную окраску. Однако жизненный опыт наполнил его периферию как минимум двумя трактовками счастья: счастье может быть злым, пожирающим человека зверем (когда герои рассказов радуются не своим удачам, а неудачам окружающих – например, рассказ «Счастье»); и счастье может быть счастьем-мукой (когда героиня подпадает под власть вещи, например, воротничка – «Жизнь и воротник»). Эти отрицательные трактовки счастья породили любимый персонаж Тэффи – «русскую дуру», а фактически –

новый культурный концепт, наравне с «обломовщиной» или «новыми русскими» вошедший в нашу культуру.

2) Следующий элемент текста – денотативно-событийное пространство. Его изучает так называемый «денотативный подход», также находящийся в стадии разработки, который «нацелен на выявление отображённого в художественном тексте объективного мира»²¹: на материале преимущественно одного законченного текста исследуются закономерности отображения реальной действительности «в её дискретности и континуальности одновременно»²². Ведь автор, выделяя реалии из целостной окружающей действительности, воспринимает некоторую реальную ситуацию, как раз и называемую «денотативным источником текста».

Эта реальная ситуация (то есть некое событие, факт), подтолкнувшая автора к написанию текста (известно, что многие свои сюжеты, например, Достоевский черпал, в том числе, в светской и криминальной хронике, прессе), рассматривается двояко:

- 1) как повод к написанию текста,
- и 2) как «организатор» его содержания.

Если с «ситуацией» в первом значении всё достаточно просто – это конкретный жизненный факт (в том числе, возможно, отобранный писателем из газеты или ТВ, либо лично увиденный, пережитый), то второе значение особенно интересно для данной работы и требует пояснения:

«...Это воплощённое в тексте индивидуально-авторское знание о мире, представленное в интерпретированном отображении глобальной ситуации, состоящей из макроситуаций и микроситуаций, связанных определёнными отношениями и в совокупности раскрывающих главную тему литературно-художественного произведения». Таким образом, компонентами денотативного пространства текста являются: глобальная, макро- и микроситуации. Все они связаны в структуру, аналогичную структуре факта: «Глобальная ситуация имеет характер события и связана с раскрытием главной темы в целостном тексте, макроситуации описывают конкретный текстовый эпизод в рамках текстового фрагмента, а микроситуации репрезентируются отдельным высказыванием или цепочкой высказываний»²³.

Даже невооружённым глазом видно, что структура, описанная выше, почти полностью совпадает с классическим строением журналистского текста:

- опорная идея (опорный эпизод; яркий факт как повод к выступлению);
- система конкретных ситуаций (эпизодов) и размышлений к ним;
- подробности (беседы, мнения, статистика, описания, интересные детали и т.д.).

3) Третий элемент текста – эмотивно-смысловое пространство.

«Основополагающие категории художественного

21 Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. С. 155.

22 «Дискретный» – «раздельный, состоящий из отдельных частей» (Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 167); «континуальный» – «непрерывный» (Лебедев С.А. Философия науки. С. 208).

23 Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. С. 160-161.

20 Цит. по: Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. С. 104.

текста, являющиеся носителями субъективного и объективного, – автор и персонаж, которые всегда занимают центральное положение в художественном произведении вследствие его абсолютной антропоцентричности. Это обуславливает и путь интерпретации художественного текста, в основе которого всегда лежит антропоцентрический подход.

Чувства, которые автор приписывает персонажу, предстают в тексте как объективно существующие в действительности (диктальные), а чувства, испытываемые автором и выражаемые им, имеют субъективную окраску (модальность). В целостном тексте гармонически переплетаются диктально-эмотивные смыслы (уровень персонажей) и модально-эмотивные смыслы (уровень авторского сознания), совокупность которых и составляет ядро эмотивного содержания текста»²⁴.

Таким образом, различие между текстами художественными и текстами журналистскими будет заключаться в том, что в художественном тексте эмотивные смыслы персонажей, как правило, имеют преобладающее значение (мы следим и сопереживаем именно героям), и одновременно они созданы автором, его воображением, «объяты» его активной волей и его эмотивными смыслами (включёнными в структуру образа автора). В журналистском тексте, очевидно, эмотивная составляющая героя публикации (его мысли, мнения, оценки и эмоции),

во-первых, реальна – это живой конкретный человек со своими переживаниями,

во-вторых, если не преобладает над эмотивностью автора публикации, то, по крайней мере, имеет не меньшее значение.

Кроме того, (3) публицист не скрывается за маской «образа автора» (который может быть каким и кем угодно), а выступает прямо, открыто делаясь с читателем своими взглядами и, зачастую, непосредственно участвуя в событиях.

Рождается очевидная мысль: из взаимодействия вышеозначенных трёх «пространств» складываются различные типы текстов, в зависимости от акцента на той или иной из них. Причём не только, к примеру, художественных и журналистских, но и текстов внутри журналистики. Текстов различных сфер деятельности журналистов – репортёрской, публицистической, беллетристической.

Причём, если вспомнить теорию фракталов, то текст по отношению к факту будет иметь статус интерпретирующей системы (надсистемы), т.е. системы более высокого уровня. И то, что верно для текста в целом (на своем «горизонтальном» уровне он состоит из трёх видов пространства), будет верно и для его «малого элемента», «кирпичика» – факта.

Это косвенно подтверждает и философ науки С.А.Лебедев, выделяя в структуре предложения (выражения, высказывания, суждения) (а простой факт, как правило, укладывается в одно предложение – «суждение факта», по М.И.Стюфляевой) денотат, значение и смысл.

«Денотат – объект (область значений), обозначаемый любым именем. Денотатом собственного имени является один-единственный предмет (например, создатель общей теории относительности, пятая проблема Гильберта и т.д.). Денотатом общего имени является класс однородных предметов (электрон, атом, прямая линия и т.д.). Существуют имена, у которых денотат отсутствует (например, «круглый квадрат», «совершенное общество» и т.д.). Денотаты могут быть как конкретно-чувственные (планета, протон и т.д.), так и абстрактные (число, идеальный газ, теория и т.д.)»²⁵. Ясно, что основой факта могут быть лишь конкретно-чувственные, денотаты собственного и общего имени.

«Смысл – мысленное содержание любого выражения в отличие от обозначаемого этим выражением предмета (денотата). Усвоить смысл некоторого выражения – значит понять ту конкретную информацию о некотором предмете, которую это выражение содержит. Например, выражения «создатель частной теории относительности» и «создатель общей теории относительности» обозначают одного и того же учёного – А.Эйнштейна, но сообщают о нём разную информацию, то есть имеют разный смысл»²⁶. То есть смысл – то личное, что вкладывает в высказывание (текст) журналист («Что он хочет сказать?»). Вспоминается классическое упражнение актёров: произнести какое-либо слово, например «любовь», несколько десятков раз с различной интонацией. Каждый раз смысл меняется (от, например, нежности или иронии до презрения), хотя значение слова остаётся прежним – «чувство» (в этом, очевидно, преимущество радио перед газетой, а телевидения перед ними вместе – можно не только понимать и слышать интонации, но и видеть мимику).

Самое сложное для понимания понятие – «значение».

«Значение – содержание, высказываемое в том или ином языковом выражении. Значение выражения необходимо отличать, с одной стороны, от денотата, а с другой – от его смысла. Денотат представляет собой лишь одну сторону значения выражения. Два разных имени могут иметь один и тот же денотат, но разные значения (например, «создатель частной теории относительности» и «создатель общей теории относительности»). Другим аспектом значения языкового выражения (имени, предложения, текста) является его смысл. Смысл – это то содержание выражения, которое усваивается в процессе его понимания (например, имя «атом» имело разный смысл в физике XIX в. и в физике XX в.)»²⁷.

То есть значение выполняет роль связующего звена между денотатом и смыслом, создаёт своего рода условия, среду для осознания человеком его восприятия и его дальнейшего осмысления и выражения, а также служит для понимания нас другими людьми. В этом плане значение носит социально-нормативный характер (прежде всего, в узком смысле слова – это слова, значение которых зафиксировано в словарях), но говоря в целом,

25 Лебедев С.А. Философия науки. С. 344.

26 Там же. С. 537.

27 Там же. С. 366-367.

24 Там же. С. 203-204.

можно сказать, что «значение» в широком смысле слова – это совокупность механизмов мышления и общения (то, с помощью чего мы способны понимать высказывания друг друга).

Получается, исходя из определения факта, данного М.И.Стюфляевой²⁸, что фактически денотатом выступает предикативное суждение, то есть субъект высказывания и уточняющий его предикат с атрибутивной группой – то событие, что попало в поле зрения журналиста. Смыслом – то, что хотел сказать (имел в виду) журналист. А значением выступит «концептуальная информация», начиная от языкового выражения воспринятого и заканчивая ментальными (культурными) концептами, на которых журналист строит свое произведение. Выходит, что значение и смысл оказываются теми самыми «оценочными ореолами», а собственно ядро факта составит денотат.

Однако повторимся: денотат, значение и смысл можно разграничить, это, в принципе и желательно мысленно делать («отделять факты от мнений», чтобы не запутаться в собственных мыслях), но надо учитывать и то, что они представляют собой неразрывное целое. Это объясняется тем, что восприятие человека избирательно, субъективно (эмоционально) окрашено и «категоризировано» (по пути от «онтологичности» к «концептуализированности»). Объективного восприятия не бывает, это аксиома психологии.

Тем не менее, можно дать такое определение факта, которое помогло бы журналисту в любой трудной ситуации чётко и быстро отделить оценочный ореол от собственно факта:

факт в журналистике есть совокупность проверяемых деталей.

Теперь можно обратиться к специфике медиатекстов и рассмотреть особенности использования в них фактов.

Факт в журнализме

Традиционно к «информационным», а в нашей интерпретации информационно-аналитическим жанрам относят: сообщение, заметку, репортаж, интервью, корреспонденцию и отчёт. А.А.Тертычный добавляет к ним ещё один – некролог.

При этом надо отметить, что учёный не пользуется понятием факта, заменяя его термином «событие», хотя даже беглого взгляда хватает, чтобы увидеть сильное «сходство» его «события» с вышеприведёнными формулировками факта (например, словарными или М.И.Стюфляевой):

«Событие можно определить как точно фиксированный в пространстве и во времени (т.е. с ясным началом и концом) шаг в общественном процессе»²⁹.

Напомним, что основная цель деятельности репор-

тёров – поиск, обработка и оглашение значимых (востребованных аудиторией) фактов.

А важнейшие характеристики факта – его пространственно-временная привязка и свершённость. Этимология же слова «событие» предполагает дление, со-бытие, то есть незавершённость, динамику происходящего. Именно это отсутствие завершённости и требует от публицистов и экспертов выстраивания прогнозов. Подобное разделение (на факт, как завершённый, а событие – как длящийся «общественный процесс»), предлагаемое в том числе и нашим научным руководителем, нам кажется более точным и корректным, поскольку позволяет более ясно понимать предмет отображения.

Так, уже на следующей странице, А.А.Тертычный приводит примеры «событий», качественно отличающиеся друг от друга:

Событие 1. Двадцать миллионов человек участвуют в забастовках трудящихся, проходящих в стране в эти дни под лозунгами: «Зарплату вовремя!», «Нет безработице!»

Событие 2. Правительство обсуждает на очередном заседании вопрос о повышении платы за проезд в городском транспорте.

Событие 3. Коллектив завода освоил выпуск новых детских велосипедов.

Событие 4. Известный путешественник и альпинист Ф.Конюхов покорил новую горную вершину в Южной Америке.

Если исходить из его же определения события, то первые два примера – ими не являются. Их ключевые слова – «участвуют» (1) и «обсуждает» (2). То есть «ясного конца» их мы не наблюдаем: забастовки могут длиться ещё сколь угодно долго, а правительство может обсуждать иные вопросы годами. Одно из двух: либо определение хромает, либо исследователь объединил под одним термином два качественно различных явления («было» и «происходит»).

Если же ввести предложенное выше разделение на факт и событие (как длящийся факт), то путаница исчезает и журналисту будет легче и проще осуществлять свою профессиональную деятельность: для факта он изберёт одну жанровую форму (например, заметку или сообщение), а для события более ёмкую и адекватную – репортажа.

Кроме того, Событие 1 вообще трудно назвать фактом: оно расплывчато, недостаточно конкретно: «двадцать миллионов», «в эти дни», «в стране». Событие 3 тоже не отличается конкретикой: какой завод? Когда?

Собственно фактом, как получается, можно признать лишь последний, четвёртый, пример.

Думается, что уже из вышеприведённого вытекает логичная мысль: репортёров в сфере информационно-аналитической деятельности интересует преимущественно денотативное преломление факта или события, их, так сказать, непосредственная «фактичность»: конкретные характеристики места, времени, действия, затем – персонифицированные участники (очевидцы) события, привлекаемые именно для выяснения деталей, конкретных подробностей произошедшего, и уже

²⁸ Факт выступает в форме суждения, в котором установление общих свойств посредством предикативной связи сочетается с указанием на единичные свойства, что достигается при помощи разного рода атрибутов. При этом любое суждение строится по формуле «S есть P», где S – субъект высказывания (о чём/ком говорится), а P – предикат, сказуемое (что говорится).

²⁹ Тертычный А.А. Жанры... С. 14.

в третью очередь – причины и мотивы произошедшего.

Именно поэтому классический шестерик включает в себя четыре главных (что? когда? где? кто?) и два уточняющих вопроса (как/каким образом? и почему/зачем?).

Приведём пример:

«ОСЕНЬ. БЕЗРАБОТИЦА ПОТЯНУЛАСЬ КНИЗУ

На 7 сентября уровень фиксированной безработицы, по информации заместителя руководителя Управления труда и занятости Орловской области Николая Макеева, уменьшился к соответствующей дате прошлого года на 0,1 процента и составил 1,3 процента.

Всего же за восемь минувших месяцев в областную службу занятости обратилось 58,3 тысячи человек, из них 16 тысяч – в поиске работы. Не секрет – у безработицы женское лицо: 51,7 процента обратившихся – женщины. Найти подходящее дело смогли 9,3 тысячи человек.

<...> [далее следует аналогичная информация]

...В среднем по области коэффициент напряжённости – один человек на одно свободное рабочее место. На соответствующую дату прошлого года конкуренция была повыше – полтора человека на место.

Интересно, что наибольшим спросом у работодателей на рынке труда области пользовались менеджеры, водители, швеи, врачи, медицинские сёстры, каменщики, продавцы продовольственных товаров, подсобные рабочие». («Орловская правда», 10 сентября 2011 г.)

Видимо не зря в профессиональной среде подобные заметки называют «информациями»: это действительно, «просто информация». Её основу составляет факт выступления (пресс-конференции? Рассылки пресс-релиза?) областного чиновника с отчётом о состоянии дел с безработицей. Но факт этот практически нивелирован – указана лишь должность и имя. Всё остальное содержание текста – некомментированные данные, либо тенденции, то есть абстракции, на невозможность признания которых фактами указывала М.И. Стюфляева.

И прямо рядом опубликована совершенно иная заметка:

«И ВИНЫ НЕ ВИДЕВШИЕ

7 сентября Верховский районный суд вынес обвинительный приговор в отношении бывшего специалиста Управления федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Орловской и Курской областям за злоупотребление должностными полномочиями.

В 2009 году старший государственный инспектор решил изменить показатели результативности своей работы в лучшую сторону, добавив в них несколько фактов якобы выявленных нарушений. Он составил административные протоколы на 12 ни в чём не повинных жителей Орловской области, которые будто бы торговали на рынках Верховского района животноводческой продукцией без необходимых ветеринарных справок.

Весной этого года прокуратура Верховского района совместно с УМВД по Орловской области проводили проверки, которые подтвердили факты злоупотребления должностными полномочиями инспектора.

– В ходе проверки мы узнали, что в документах паспортные данные людей, на которых были составлены протоколы, порой даже не совпадали с настоящими, – рассказывает прокурор Верховского района Денис Сапов, – а некоторые граждане вообще не знали, что в отношении их были составлены протоколы. Мы подробно изучили большое количество протоколов и выявили, что пострадали 12 человек.

Верховским судом 7 сентября теперь уже бывший инспектор признан виновным, и в отношении его вынесен приговор с назначением наказания в виде штрафа в размере 180 тысяч рублей.

Как видим, данная заметка, несмотря на свою «малость», структурно выстроена точно по принципу построения художественного текста: основу составляет опорный факт «суд вынес решение» (главная ситуация), являющийся темой заметки; затем он подтверждён двумя эпизодами (макроситуациями) – «суд установил» и «беседа журналиста с прокурором, участником проверки». Дополнен текст микроситуацией «размер наказания». Следует также отметить, что заметка имеет кольцевую композицию.

В отличие от первой заметки, расплывчатой в силу абстрактности, невыявленности факта, данный текст содержит в себе и составляющую «значения». В частности, ту часть концептуальной информации, что отсылает к общекультурным ценностям. Здесь неявно использован концепт «справедливость», что придаёт заметке глубину, а читателю предоставляет повод к размышлению.

Итак, в журнализме первостепенное значение получает денотативная составляющая факта (конкретные пространственно-временные характеристики). При этом неявное, либо наоборот, сознательное включение в текст концептуальной информации позволяет вписать частный, «голый» факт в общекультурную систему общественного сознания.

Публицистический факт

Традиционный жанр публицистики – статья и её разновидности. К разновидностям относятся рецензия, обозрение, обзор, письмо и обращение (воззвание), адресный очерк и др. (включая эссе; все почему-то считают его жанром беллетристики, но это в корне неверно). Основа этих жанров – постановка и/или разрешение какой-либо социально значимой проблемы (ситуации). Сходное мнение имеет и А.А.Тертычный (говоря о предмете «аналитической журналистики»):

«Ситуацией можно назвать определённое, повторяющееся на протяжении достаточно большого отрезка времени состояние отношений, сложившихся между членами какого-либо коллектива, между коллективами, между социальными группами, слоями, между странами и т.п., соотношение сил, взаимных требований и ожиданий»³⁰.

Специфика статьи – в предмете публицистического исследования. Предметом публицистики выступает факт, содержащий в себе социальную проблему (соци-

30 Тертычный А.А. Жанры... С. 18.

альная проблема – ситуация, характеризующаяся наличием разрыва между ожиданиями аудитории и реальным положением дел). Преломление факта в таком случае получает свою специфику, определяемую целью выступления. Хорошо об этом сказано у М.И. Стюфляевой:

«Предметом исследования публициста является не конечный процесс, а его становление, отдельные, наиболее выразительные моменты. Как правило, в каждой конкретной публикации не предусматривается окончательное решение проблем. Важно увидеть ростки новых идей и отношений, обратить внимание общественности на формирующиеся тенденции.

В качестве факта в точных науках выступает результат акта единичного наблюдения. Обычно при этом имеются в виду не случайные явления, попавшие в поле зрения учёного, а итоги специально поставленного эксперимента. Но сам по себе такой факт ничего не значит, он должен быть помножен на статистический коэффициент. Вот почему эксперимент воспроизводится многократно в тех или иных вариантах. <...>

Однако подобное «умножение» фактов достаточно редко встречается в публицистике и художественном творчестве; гораздо более распространено явление иного порядка: здесь сохраняет значение факт как итог единичного наблюдения. Будучи одним из кирпичей общего здания концепции, он не утрачивает своей изначальной ценности. Это – отдельная нота, звучание которой делает возможной общую гармонию.

Публициста привлекает в факте не только проявление общего, но и в не меньшей мере признаки единичного, неповторимого. Вывод строится не на отрицании частных мотивов, а на их утверждении. Создаваемая теория-концепция в свою очередь придаёт новое освещение входящим в неё фактам.

Вот почему в литературе и публицистике возможна типизация одного факта, с наибольшей полнотой и очевидностью выражающего ситуацию, концентрирующего социальный опыт»³¹.

Из приведённого отрывка можно сделать как минимум три значимых вывода. Во-первых, стоит взять на вооружение мысль о том, что публицист нацелен не на исследование фактов как свершившихся процессов, а именно на «ростки нового», на те, пока скрытые, но уже набирающие ход тенденции, которые в будущем могут привести к тем или иным последствиям. То есть публициста интересуют в большей степени как раз события, а не факты. Происходящее и будущее, нежели прошедшее.

Во-вторых, публицист, тем не менее, ограничен «правдой факта», он не имеет права на домысел. Изначальный факт (опорный факт) выступает отправной точкой для выстраивания концепции. Задача – найти и соединить отдельные, на первый взгляд, факты в систему фактов.

Затем, в-третьих, спрогнозировав складывающуюся ситуацию и получив вероятностный результат развития событий дать ему оценку. И уже далее, в зависимости от положительного или отрицательного развития собы-

тий, либо критиковать наметившуюся тенденцию, либо пропагандировать.

Можно сделать вывод, что в публицистике факт преломляется своей концептуальной стороной. Напомним, что концептуальная информация содержит в себе, во-первых, набор средств выражения содержания, а, во-вторых, включает культурный пласт, представленный в сознании человека концептами, базовыми культурными ценностями.

Именно поэтому факт в публицистике ценен не сам по себе (хотя без него она невозможна), а тем, что на его основе, через сознательное и умелое использование концептов (так сказать, социальных архетипов), публицист активизирует глубинные культурные слои аудитории (общественности), побуждая её к тем или иным действиям. По всей видимости, в этом суть образного выражения «публицистический образ вырастает на стволе публицистической идеи». Публицистическая идея в данном случае – конкретный, заряженный социальной проблемой, факт (денотат), а образ (публицистическая метафора) – задействованный для интерпретации факта культурный концепт.

Таким образом, один и тот же факт будет в журнализме задействован своей преимущественно денотативной стороной, в публицистике же акцент сместится на концептуально-значимую составляющую.

Однако следует отметить ещё один момент. Публицистика – всегда пристрастное, личностно заинтересованное исследование социальных процессов. Поэтому здесь начинает проявлять себя и эмотивно-смысловое начало, правда, как и фактологичность, не имеющее довлеющего значения. Фактологическое и эмоционально-смысловое начала как бы уравниваются в публицистике концепцией публициста, причинно-следственным анализом проблемы.

Факт и образ в беллетристике

В рамках беллетристики, как третьей сферы деятельности в журналистике, мы выделяем «опорный» жанр – рассказ и составляющие её периферию безадресные очерк и фельетон, зарисовку, путешествие и ряд новых для нашей журналистики жанров, объединяемых термином «сторителлинг» – фиче, бытовую, любовную и криминальную историю (лавстори, крим-стори), реконструкцию «нового журнализма»...

В отличие от художественно завершённых, «замкнутых» в своей завершённости и потому оторванных от живой жизни произведений искусства, произведения беллетристические прямо связаны с происходящими в обществе событиями, посвящены им, их осмысляют. Добавим, что от публицистики они отличаются «безадресностью», отсутствием конкретных упоминаний (изменением, часто незначительным) фамилий, имён, мест и дат, хотя само событие или персонаж читателем, без сомнения, легко угадываются (например, в фельетоне или рассказе).

Таким образом, беллестристику можно определить как сферу деятельности журналистики, связанную с удовлетворением потребности аудитории в

31 Стюфляева М.И. Поэтика публицистики. СС. 18-20.

художественно-образном ценностном осмыслении происходящих событий. Именно поэтому предметом отражения в беллетристике (а в советской теории печати – в художественно-публицистических произведениях) выступает человек во всём разнообразии его отношений с окружающей действительностью.

Следовательно, как индивидуально-профессиональную деятельность, беллетристику можно охарактеризовать как публичную смысло- и образ-порождающую деятельность на основе ценностного осмысления бытия человека в мире. Говоря просто, беллетристы пытаются рассказать аудитории, каковы другие люди в различных обстоятельствах и объяснить, почему.

А.А. Тертычный, характеризуя ситуацию с беллетристикой (по его терминологии – «художественно-публицистическими жанрами») пишет:

«В настоящее время традиционные полнокровные жанры российской журналистики, наиболее полно представляющие использование художественного метода (очерк, фельетон, памфлет), значительно потеснены или где-то в полной мере вытеснены из коммуникационного «оборота» информационными или аналитическими [т.е. публицистическими] жанрами. Однако это не означает, что художественный метод отображения действительности (отображения её своеобразными средствами) исчез из арсенала современного журналиста. Художественный анализ по-прежнему существует»³².

Предметом осмысления и описания выступают люди, наши современники, зачастую – наиболее яркие личности. Тот же исследователь выделяет несколько основных аспектов, могущих привлечь интерес публики:

- пристрастия какого-либо человека (редкие и/или экзотические увлечения, хобби);
- необычные возможности личности, выходящие за пределы «нормы» (магнетизм, экстрасенсорика, феноменальная память или необычная физическая сила);
- высокие профессиональные качества;
- физиологические особенности (необычная или яркая внешность, рост и т.п.);
- нравственные примеры и пороки («гении» и

«злодеи»).

Как видим, нетрудно убедиться в том, что в жанрах беллетристических эмотивно-смысловое начало преобладает. И аудиторию, и соответственно журналиста интересует внутренняя жизнь личности, её переживания, эмоции, отношения к окружающим событиям. Здесь наиболее слабым является денотативное начало (факт нужен лишь как повод, окаймление «бриллианта личности»), а на первое место выходят эмоции и экзистенциальности самого автора и его героев.

Факт, особенно в рассказе, типизируется (упрощается до фабулы) и служит, как в традиционном художественном тексте, общим организующим сюжет и перипетии элементом. Впрочем, повторимся: полного отрыва, как в искусстве и литературе, от современности не происходит – события и люди узнаваемы. Однако использование художественного метода осмысления современных событий даёт авторам больший простор в интерпретации реальности.

Как пример можно привести деятельность известного питерского журналиста-расследователя Андрея Константинова. Помимо своей нормальной журналистской работы, он пишет «романы» о сотрудниках правоохранительных органов, жизни «бандитского Петербурга» и т.п. Это связано во многом и с тем, что накопленного материала и «оперативных разработок» – масса, но реализовать эти сведения в прессе не хватает доказательств. На помощь и приходит беллетристика. Часто книги предваряются специальной оговоркой, что это – художественное произведение и совпадения с жизнью случайны. Но канва событий и персоналии российской действительности настолько узнаваемы, что даже далёкому от политики человеку ясно, о ком идёт речь (в интернете по этому поводу, кстати, идут жаркие дискуссии: кто-то считает его слишком откровенным, кто-то наоборот – сильно вуалирующим реальные события).

В любом случае: беллетристическая форма позволяет автору прямо высказать свою трактовку и понимание событий, а также мнение и оценки по поводу происшедшего. В данном случае фактографическое начало отходит на второй план, а на первом месте оказывается концептуально-смысловая составляющая, преобладающая в ней последней.

32 Тертычный А.А. Жанры... С. 46.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М., Екатеринбург, 2004.
2. Блохин И.Н. Антропология журналистики: интерпретации, основания, действующие лица // Теория журналистики: в поисках смысла, структуры и назначения / Ред.-сост. М.Н.Ким. СПб., 2007.
3. Дмитриевский А.Л. Мотивация и развитие личности журналиста // Учёные записки Орловского государственного университета. 2010, №1. Ч.2 «Гуманитарные и социальные науки» («Филология»).
4. Дмитриевский А.Л. Проблема теории журналистики в свете научно-методологических и философских подходов XXI века // Учёные записки Орловского государственного университета. 2011, №4. Ч.2 «Гуманитарные и социальные науки» («Философия»).
5. Дмитриевский А.Л. Экзистенциальная теория журналистики: попытка метатеории // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2012. №2 (10).
6. Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. М., МГУ, 1999. С. 141, 146.
7. Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия. М., 2008.
8. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2003.
9. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002.

10. Стюфляева М.И. Поэтика публицистики. Воронеж, 1975.
11. Теория журналистики: в поисках смысла, структуры и назначения / Ред.-сост. М.Н.Ким. СПб., 2007.

References

1. Woman L.G. Filologicheskyy text analysis. Theory bases, principles and aspects of the analysis. – M, Yekaterinburg, 2004.
2. Blochin I.N. Antropologiya of journalism: interpretations, bases, characters//journalism Theory: in search of sense, structure and an appointment / Edition - сост. М. N. Kim. – SPb. 2007.
3. Dmitrovsky A.L. Motivation and development of the identity of the journalist//Scientific notes of the Oryol state university. – 2010, No. 1. – Ch.2 «Humanitarian and social sciences» («Philology»).
4. Dmitrovsky A.L. Problema of the journalism theory in the light of scientific and methodological and philosophical approaches of the XXI century//Scientific notes of the Oryol state university. – 2011, No. 4. – Ch.2 «Humanitarian and social sciences» («Philosophy»).
5. Dmitrovsky A.L. Existential theory of journalism: metatheory attempt//Sign: problem field of media education. – 2012. – No. 2 (10).
6. Zemlyanova L.M. Zarubezhnaya коммуникативистика in anticipation of information society. – M, Moscow State University, 1999. – Page 141, 146.
7. Lebedev S. A. Filosofiya of science: short encyclopedia. – M, 2008.
8. Ojegov S. I. and Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of Russian: 80 000 words and phraseological expressions / the Russian Academy of Sciences. Russian institute of V.V.Vinogradov. – 4 prod. additional – M., 2003.
9. Sokolov A.V. General theory of social communication. – SPb. 2002.
10. Styuflyayeva M. I. Poetika of journalism. – Voronezh, 1975.
11. Journalism theory: in search of sense, structure and an appointment / Edition - сост. М. N. Kim. – SPb. 2007.

УДК 821.161.1(091) ЗАЙЦЕВ Б.К.

UDC 821.161.1(091) ЗАЙЦЕВ Б.К.

Е.Ф. ДУДИНА

кандидат филологических наук, руководитель научного
отдела Орловского государственного университета
E-mail: L.Dudina-n@yandex.ru

E.F. DUDINA

candidate of philological sciences, head of scientific
department, Orel state university
E-mail: L.Dudina-n@yandex.ru

ТЕМА МЕЩАНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б.К. ЗАЙЦЕВА 1910-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ «МАТЬ И КАТЯ», «КАССАНДРА»)

NARROW-MINDEDNESS SUBJECT IN THE WORKS B. K. ZAYTSEVA 1910TH YEARS (ON A MATERIAL OF STORIES «MOTHER AND KATYA», «CASSANDRA»)

В статье рассматриваются произведения Б.К. Зайцева 1915 года. Анализируются художественные способности и приемы раскрытия мещанской психологии: речевая характеристика, характеристика героя через вещное и личностное окружение, восприятие его другими персонажами, сюжетная типология, авторская ирония и т.д.

Ключевые слова: русская литература, мещанство, мещанская психология, неореализм, речевая характеристика, вещное окружение, сюжетная типология, авторская ирония, комедия положений.

In article the works are considered B. K. Zaytseva 1915. Art ways and methods of disclosure of Philistine psychology are analyzed: the speech characteristic, the characteristic of the hero through a real and personal environment, perception his other characters, subject typology, author's irony, etc.

Keywords: Russian literature, narrow-mindedness, Philistine psychology, neo-realism, speech characteristic, real environment, subject typology, author's irony, situation comedy.

В биографических сведениях (письмо С.А. Венгеру) от 1912 года Б.К. Зайцев писал: «Ход литературного развития приблизительно таков: начал с повестей натуралистических; ко времени выступления в печати – увлечение так называемым «импрессионизмом», затем выступает элемент лирический и романтический. За последнее время чувствуется растущее тяготение к реализму» [6: 91]. Помимо новых веяний западных

и российских символистов, на его творчество оказал огромное воздействие опыт классической литературы. «...Мы сизмальства питались Пушкиными и Гоголями. Отрочество наше озарял Тургенев. Юность – Лев Толстой, позже пришли Достоевский, Чехов. Мы выросли во мнении, что литература наша очень хороша, но она – продолжение всего нашего склада, наших мнений, троек, охот» [3: 9], – написал Б.К. Зайцев в «Слове

о Родине» в 1938 году.

Ученые размышляют о влиянии на творчество писателя Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. О пушкинских мотивах в творчестве Б.К. Зайцева пишут Е.Т. Атаманова, О.Н. Калениченко и др., о влиянии творчества Н.В. Гоголя – Ю.А. Драгунова, Л.М. Петрова, о линии Ф.М. Достоевского – Л.М. Аринина, Е.А. Тюхова и др., о тургеневских мотивах – Ю.А. Драгунова, Н.А. Куделько и др., о линии А.П. Чехова – Ю.А. Драгунова, А.В. Кандидов, И.В. Ксенофонтов, М.Г. Миронова, А.Д. Струк, Е.А. Тюхова и др.

В период 1910-х годов, по словам самого Б.К. Зайцева, в его произведениях чувствуются тургеневско-чеховские мотивы.

По словам А.П. Черникова, в данный период времени в произведениях писателя отражаются изменения, происходившие в поэтике реализма начала XX века: «стремление к емкости и концентрированности изображения. К широкому использованию подтекста, акцентно-синтезирующих, символических деталей, образов и картин; изображение быта как конкретно-чувственной формы воплощения бытия. Это была уже иная школа – школа Чехова, через которую прошли и многие другие писатели-реалисты серебряного века – Бунин, Шмелев, Куприн, Сергеев-Ценский – участники знаменитого, объединившего в своих рядах лучшие реалистические силы того времени «Книгоиздательства писателей в Москве», членом-вкладчиком которого Зайцев стал с самого начала его основания – с марта 1912 года» [9: 15-16].

Широк круг жизненных наблюдений писателя, и обширен круг его героев. В значительной своей части это представители тех социальных групп, жизнь и быт которых он лучше всего знал, люди, среди которых он жил. Перед нами жизнь и быт провинциальной России с её обедневшими чудаками-дворянами («лишними людьми»), такими как Виктор Михайлович из рассказа «Бездомный» (1915) или развеселый дворянин Федюка из романа «Дальний край» (1912)¹, мелкими помещиками – Колгушин («Мать и Катя» (1915)) или помещиками, бездарно прожившими свою жизнь («Земная печаль» (1915)). Появляются у Б.К. Зайцева тип «мещанина по духу» в рассказах «Мать и Катя», «Кассандра» (1915), типы революционера (Степан) и интеллигента Пети из романа «Дальний край» (1912), отставные офицеры, на склоне лет живущие в деревне, сельское духовенство («Церковь»). Писатель обращается к жизни неприкаянного студенчества, мы видим героев, по разным причинам не окончивших университет или не блещущих талантом – студент Фомин из рассказа «Кассандра», студенчество в романе «Дальний край» и т.д. Перед нами студенты-политики, хлыщи, зубрили и «огромная масса никаких». С легкой иронией автор характеризует в романе студенческое общество: «Первые

собирали деньги – таинственно, иногда глубокомысленно; устраивали сходки, говорили «студенчество», «публика». Путевский институт называли «Путейкой», Технологический – «Технология». Вторые приезжали на рысаках – это были дети богатых инженеров; они носили рейтузы, высочайшие воротнички, проборы; почти все заказывали чертежи и проекты. Возникает тема театра: актеры и актрисы разной степени таланта, очень часто неудачники, – «Актриса», «Актёрское счастье» (1913), «Вечерний час» (1913), «Дальний край».²

В рассказе «Мать и Катя» автор обращается к теме мещанства, очень тонко раскрывает мещанскую психологию героев. Так, частный поверенный Бобка мнит себя культурным человеком и представляется «на одной ноге с дворянами». Перед нами чиновник «средней руки», кичащийся своей «солидностью» и «внушительностью». Автор в несколько комичном виде высвечивает недостатки и даже пороки «окультурившегося» чиновника.

С легкой иронией автор описывает Бобкину манерность и тягу к «шикарному». Показательной, на наш взгляд, является уже первая встреча с героем в ресторане: «Бобка сел солидно, оглянулся, как бы оценивая порядочность окружающего, – и попросил карточку. Он, действительно, бывал тут нередко. Ему нравилось, что в этом ресторанчике недорого, но, как он полагал, «шикарно». Шикарность состояла в том, что было много зеркал, подделки под красное дерево, что пошло был расписан потолок, и видимо имитировал Вену. Злые люди утверждали, что ресторан содержат австрийские шпионы» [5: 29]. На самом деле, несмотря на стиль «модерн» и подделку «под заграницу», ресторан оставался все той же истинно русской «забегаловкой», когда студенты заказывали одну чашу пива на несколько человек, начинали орать и что-то доказывать, а за соседним столиком обнаруживались заснувшие от выпитого посетители, в итоге кругом начинало царить «воинствующее» настроение. Данный «ресторанный» фрагмент произведения является, на наш взгляд, одной из иллюстраций, характеризующей нравственный облик России начала XX века. Развращенное сознание общества прикрывается «мишурой» искусственного благополучия.

Достаточно емкая характеристика героя дается через его восприятие другими персонажами. «С Мещанской улицы дворянчик!» – оценивает поведение Бобки его любовница.

Тяга к богатству и завышенная самооценка заставляют героя попадать в ситуации, позволяющие говорить о наличии сюжетной «комедии положений» в произведениях Б.К. Зайцева. Так, склонность к игре, изощрениям и «значительности» приводят Бобку к аресту и штрафу (ситуация «маленького скандала» после выигрыша на бегах): «... на рассвете оказались в трактире Бабынина на Земляном валу. По дороге Егунов

¹ Федюка ведет разгульную жизнь, является grossмейстером общества козлорогов, он «гордо носил красный жилет, проживал остатки состояния, говорил «ты» официантам – по стародворянской привычке, пил абсент в чистом виде и пел цыганские романсы, когда бывал в духе» [4: 434].

² Подобную насмешку над средой полубообразованности мы находим ещё у А.Н. Островского, который вывел целый ряд отечественных «купцов во дворянстве». За внешней просвещенностью героев, заемными словечками, часто карикатурно искаженными («антриган», «проминаж», «гольтепа») таилась грубость понятий, душевная неразвитость персонажей пьес драматурга.

(...) решил заехать домой. Заехали и взяли еще денег и цепь судебного пристава. Егунов был самолюбив, да и Бобка знал себе цену; но как раз вышло, что в трактире Бобынина к ним отнеслись недостаточно почтительно. Егунов рассердился, надел цепь и объявил, что именем закона накладывает печати на все вокруг, вообще всех арестует и «препроводит». Бобка помогал ему; кончилось же тем, что препроводили именно их в ближайший участок, где они провели раннее и позднее утро. Далее Егунова посадили на неделю, а Бобка предстал перед мировым и выложил двадцать пять рублей компенсации» [5: 50-51].

В деревне Бобка демонстрирует свою «русскость» и простоту ношением национальной рубашки и красных сафьяновых туфель, «потому, что деревня, здесь полагается не стесняться» [5: 51]. Вмешивается в совершенно далекую для него сферу деятельности – сельское хозяйство: учит Колгушина вести хозяйство, разводить огороды и дорогих кур, «а не сеять какую-то глупую рожь: пусть уж с этим возятся мужики» [5: 51].

Показательным, на наш взгляд, является описание Б.К. Зайцевым Бобкиного отношения к священнику. Архиерей воспринимается героем не через духовную призму, а исключительно с визуальной точки зрения. «От архиерея должно пахнуть сладостью и таким затхлым, тепленьким. А этот простоват. И голос не такой. Нет, он скорее на монаха афонского смахивает» [5: 56]. В конечном итоге чиновник снова высвечивается автором в комичном свете: называет архиерея «превосходительством», а на прощание кланяется и даже машет ему вслед платком, как «близкому другу».

В рассказе «**Кассандра**» героями являются владелица шляпной мастерской, служащая большой конторы, студент-юрист, безвестный художник. Подобно Бобке из «Матери и Кати», они стремятся к «красивой жизни», имея для этого слишком маленький потенциал. Автор со знанием дела указывает на черты мещанской психологии, проявляющейся у его персонажей.

Так, таланты Антонины Владимировны, небогатой мещанки средней руки, владелицы шляпного заведения, были скромны, «вкус умерен, средства невелики», однако она оправдывала свою квартиру на Бронной, «с полутемной лестницей и запахом сырости в нижнем этаже» [5: 68].

Мещанская психология проявляется в простейшем непонимании неадекватности ситуации. Антонина Владимировна была счастлива, что ей однажды привели настоящую графиню («из небогатых графинь, но настоящую»), что имеет «успех» в третьеразрядном ресторане и ей завидуют девушки «легкого поведения». Доказательством тонкого вкуса и изысканности компаньона для неё становится заказ Фомина, состоящий из почек на сковороде, которую подавали на пылающих углях. Она была способна судиться с одной из своих клиенток из-за пятидесяти рублей.

Раскрытие образа происходит при помощи речевой характеристики. Диалоги персонажей пестрят некорректированной лексикой. В «Кассандре», как и в

рассказе «Мать и Катя»³, Б.К. Зайцев прибегает к использованию словесных несоответствий в речи персонажей⁴. Подобный прием используется автором с целью подчеркнуть необразованность героев. Так, Антонина Владимировна, желая высказать восхищение элегантностью графини, использует выражение «прирожденная вульгарность». Обозначает свои отношения со студентом Фоминым как «самые интимные», то есть дружеские. Измена, по её словам, выглядит как «эксплуатация труда честной девушки», а слово «циничный» означает «добродушный». Ей внушают уважение непонятные слова, произносимые во время зубрежки Фоминым: «сервитут», «узуфрукт».

Мещанское бытие отражено и в вещном окружении героини. В её комнате «стояла огромная постель, над ней висели разные поэтические карточки, веерочки, искусственные цветы. В углу граммофон. Над ним раскрашенная фотография: вид Ялты с крымских гор» [5: 82]. Подобное проявление безвкусицы символизирует, на наш взгляд, с одной стороны, стихийность бытия героини, с другой – доминирование быта над духовными потребностями.

Образованная г-жа Переверзева, служащая конторы, на поверку оказывается ничуть не умнее Антонины Владимировны. Считая себя вполне интеллигентной дамой, г-жа Переверзева не обладает элементарными знаниями, которые получает образованный человек. Отношение мужчины к женщине в её понимании зависит от количества нарядов последней. Ей льстит выражение «унылая Кассандра», в котором была как бы обозначена её «связь» с мифологическими богами: «Правда, было неизвестно, кто такие Приам и Гекуба, но вряд ли они плохие люди, это сразу чувствуется. Затем, сама Кассандра, – если и не богиня, то около того, и главное: она предсказывала правду, а её считали безумной. «Это безусловно про меня! – подумала г-жа Переверзева. – Я даже удивляюсь, что Андрюшин мог так удачно сказать!».

Она взглянула на себя в зеркало. Конечно, в её наружности есть нечто трагическое. Черные волосы, большие черные глаза – именно это было у Кассандры» [5: 83].

Перед нами «непризнанный художник» Шалдеев, закончивший Строгановское училище, но преподающий чистописание. Он не дворянин – «из простолюдинов. Из-за Москва-реки», но мечтает спасти мир и

3 Чтобы подчеркнуть несоответствие занимаемого положения и стремлений персонажа, автор в речи Бобки намеренно, на наш взгляд, сталкивает просторечия и тягу к «условно» высокому стилю: «Бобка поправил перстень на пальце».

– Тут солидная публика. И притом, меня все знают. Дают самый лучший стол, быстро служат. Евстафий – ну-ка, отец родной, водочки там, закусона».

Мать оглянулась и слегка приснула в салфетку. «Нашел солидную публику!»

– Бобка, где ты выучился говорить: отец родной?

– Выучился! Обыкновенные дворянские слова» [5: 30].

4 Подобную насмешку над средой полуобразованности мы находим ещё у А.Н. Островского, который вывел целый ряд отечественных «купецов во дворянстве». За внешней просвещенностью героев, заёмными словечками, часто карикатурно искаженными («антриган», «проминаж», «гольтепа») таилась грубость понятий, душевная незрелость персонажей пьес драматурга.

покорить его своим талантом, при этом зарабатывание денег «изготовлением рисунков для обоев» считает ниже своего достоинства, хотя без угрызений совести занимает в долг у Антонины Владимировны и после изгнания Фомина занимает его место не только в сердце хозяйки квартиры, но и в её постели.

Предстает в неприглядном свете и студент-юрист Фомин, который не обладает научным талантом, зубрит и пишет шпаргалки. Заводит роман с уже немолодой хозяйкой квартиры, находится у неё на содержании. Мечты его, в отличие от желаний Шалдеева, ни в коей мере не относятся к спасению мира. Его воображение рисует женитьбу на богатой наследнице после окончания университета: «... станет ездить на собственной лошади в правление мануфактуры, где большинство акций принадлежит жене. На стороне будет содержать какую-нибудь девушку и навещать её» [5: 80]. Мечты Фомина напоминают грезы Миши из пьесы А.Н. Островского «За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Балзаминова)». Мелкий писарь из присутствия воображает себя женатым на богатой, непременно в голубом плаще на бархатной подкладке и раскатываю-

щим по Зецепе в собственной коляске: «Вот едем мы дорогой, все нам кланяются. Приезжаем в Эрмитаж, и там все кланяются, я держу себя гордо» [7: 380].

Заканчивается история пребывания Фомина в доме у Антонины Владимировны неудавшимся романом с семнадцатилетней мастерицей Леночкой, из-за чего хозяйка и выгоняет его с квартиры. После измены «как юноша сообразительный, будущий юрист быстро оправился, основавшись в соседнем переулке; и высчитал, что за полмесяца комната его оплачена вперед: пятнадцать рублей следует дополнить» [5: 87].

Мы видим, как автор раскрывает мешанскую психологию героев в своих произведениях. Это и речевая характеристика героя, и характеристика героя через вещное и личностное окружение, восприятие его другими персонажами, сюжетная типология, авторская ирония и т.д. Благодаря вниманию к конкретному человеку возникает картина нравов России в целом. Перед нами люди, оторвавшиеся от природной естественности, нравственно и духовно ограниченные, очень часто стремящиеся занять в обществе «не свое» положение.

Библиографический список

1. Дудина Е.Ф. Творчество Б.К. Зайцева 1901-1921 годов: своеобразие художественного метода. Монография. Орел, Изд-во ОГУ, 2007. 188 с.
2. Дудина Е.Ф. Своеобразие художественного метода Б.К. Зайцева 1900-1921 годов. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Орел, 2012. № 5 (49). С. 183-188
3. Зайцев Б.К. Сочинения: В 3 т. Сост. и подгот. текста Е. Воропаевой и А. Тархова; коммент. Е. Воропаевой. М.: Худож. лит.; ТЕРРА, 1993. Т. 2. 588 с.
4. Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. М.: Русская книга, 1999. Т. 1. 608 с.
5. Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. Улица святого Николая: Повести. Рассказы. М.: Русская книга, 1999. Т. 2. 544 с.
6. Зайцев Б.К. Собр. соч.: Письма 1901-1922 гг. Статьи. Рецензии. Сост. Е.К. Дейч и Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга, 2001. Т. 10 (доп.). 384 с.
7. Островский А.Н. Полное собрание сочинений. В 12-ти т. Под общ. ред. Г.И. Владыкина и др. Пьесы (1956-1866). М.: «Искусство», 1974. Т.2. 808 с.
8. Островский А.Н. Пьесы. М., 1983. 382 с.
9. Черников А.П. Б. Зайцев – классик 20 века. Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева: Сб. ст. // Третьи Межд. Зайцевские чтения. Калуга, 2001. Вып. 3. С. 9-18.

References

1. Dudina E.F. Tvorchestvo B. K. Zaytsev 1901 - 1921: originality of an art method. [Text] / E.F monograph. Dudina. – Eagle, regional public institution Publishing house, 2007. – 188 pages.
2. Dudina E.F. Svoyeobraziye of the art B. K. method. Zaytseva 1900-1921 of [Text] / E.F. Dudina//Scientific notes of the Oryol state university. Humanities series. – Eagle, 2012. – No. 5 (49). – Page 183-188
3. Hares B.K. of the composition: In 3 t. [Text] / B. K. Zaytsev; Cocr. and subgoth. E. Voropayeva and A. Tarkhov's text; comment. E. Voropayeva. – M.: Худож. litas. ; TERRA, 1993. – Т. 2. – 588 pages.
4. Zaytsev B.K. Sobr. соч. : In 5 t. Silent dawns: Stories. Stories. Novel. M.: Russian book, 1999. – Т. 1. – 608 pages.
5. Zaytsev B.K. Sobr. соч. : In 5 t. Saint Nikolay's street: Stories. Stories [Text] / B. K. Zaytsev. – M.: Russian book, 1999. – Т. 2. – 544 pages.
6. Zaytsev B.K. Sobr. соч. : Letters of 1901 - 1922. Articles. Reviews [Text] / B. K. Zaytsev; Cocr. E.K. Deych and T.F. Prokopov. – M.: Russian book, 2001. – Т. 10 (additional). – 384 pages.
7. Ostrovsky A.N. complete works. In 12 t. [Text] / A.N. Ostrovsky; Under a general edition of G. I. Vladynkin, etc. Plays (1956 – 1866). M.: “Art”, 1974. T.2. 808 pages.
8. Ostrovsky A.N. of [Text]/A.N play. Ostrovsky. – M, 1983. – 382 pages.
9. Chernikov A.P. B. Zaytsev – the classic of the 20th eyelid of [Text] / A.P. Chernikov//Problems of studying of life and B.K. Zaytsev's creativity: Сб. Art./Third Mezhd. Zaytsevsky readings. – Kaluga, 2001. – Vyp. 3. – Page 9 – 18.

УДК 811.1611(091) ЗАЙЦЕВ Б.К.

UDC 811.1611(091) ЗАЙЦЕВ Б.К.

Е.Ф. ДУДИНА

кандидат филологических наук, руководитель научного
отдела Орловского государственного университета
E-mail: L.Dudina-n@yandex.ru

E.F. DUDINA

candidate of philological sciences, head of scientific
department, Orel state university
E-mail: L.Dudina-n@yandex.ru

**КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЗМА В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б.К. ЗАЙЦЕВА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
РЕАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА РАССКАЗА)**

**THE HISTORICISM CONCEPT IN THE EARLY WORKS B. K. ZAYTSEVA AS MANIFESTATION
OF REALISTIC TENDENCIES IN HIS CREATIVITY (ON THE EXAMPLE OF A STORY GENRE)**

В статье рассматриваются реалистические тенденции в творчестве Б.К. Зайцева, в частности обращение к историзму, к характеристике социально-политического строя в России начала XX века.

Ключевые слова: русская литература, историзм, социально-политический строй, неореализм, автобиографизм, художественный метод.

In article realistic tendencies in B. K. Zaytsev's creativity, in particular the appeal to historicism, to the characteristic of a socio-political system in Russia the XX century beginnings are considered.

Keywords: Russian literature, historicism, socio-political system, neo-realism, avtobiografizm, art method.

Неоднозначность подхода к вопросу о существовании индивидуальных художественных методов конкретных авторов заключается в сложности бытования этих методов в эпоху конца XIX-начала XX века, которая проявлялась не только в возможности проникновения конкретно-исторических методов друг в друга, что привело к их взаимообогащению, но и, несомненно, в праве на их индивидуальное существование. Вполне подтвержденная точка зрения на творчество Вл. Соловьева как романтика не умоляет его заслуг перед символистами, Н. Гумилева называют то реалистом, то романтиком, З. Гиппиус считают продолжательницей идей М.Ю. Лермонтова, И.А. Бунина относят то к реалистам, то к неореалистам. Иными словами, вполне закономерная точка зрения о наличии «чистых» методов существует одновременно с размытостью категорий и определений.

Рассмотрение творчества Б.К. Зайцева в контексте анализа его художественного метода периода 1900-1921 года является неотъемлемой частью масштабной теоретической и историко-литературной проблемы соотношения неореализма, символизма, романтизма в русской литературе рубежа XIX – XX веков.

В истории русской литературы начала XX столетия Б.К. Зайцев по праву занимает одно из ведущих мест. Наряду с Л.Андреевым, А. Белым, В. Брюсовым, И. Буниным, С. Сергеевым-Ценским, М. Пришвиным, И. Шмелевыми другими деятелями Серебряного века он активно участвовал в формировании литературного процесса исторического периода, определяемого ныне как «переходный», «рубежный», «декадентский». Одновременно его имя теснейшим образом связано с понятиями «возвращенная литература» и «литература Русского зарубежья». Среди писателей-эмигрантов

(М. Арцыбашев, И. Бунин, Вяч. Иванов, А. Куприн, В. Набоков, А. Ремизов, В. Ходасевич, И. Шмелев и др.) Б.К. Зайцев занимает достойное место. В эмиграции он стал известен не только как автор малых и крупных эпических произведений: рассказов, повестей, романов, художественных библиографий, но как председатель Союза русских писателей и журналистов (с 1947 года).

Если говорить о синтезе как о явлении культуры Серебряного века, то Б.К. Зайцев – один из писателей, творчество которого гармонично соединяет в себе как классические традиции, так и тенденцию к использованию новых методов, диктуемых временем. На начальном этапе литературного пути, в период искания, прослеживается несомненное тяготение к представителям «нового искусства», так называемого «левого крыла». В этот период времени с символистами его сближает мистическое ощущение жизни, признание потустороннего мира, предчувствие тайны, озарение и т.д.

Справедливо, что творческий метод автора не может существовать вне конкретно-индивидуального своего проявления, то есть окружающий мир, несомненно, находит субъективное преломление в сознании писателя. Испытав на себе влияние модернизма, Б.К. Зайцев во многом оставался реалистом. Эволюция изображения мира и человека в его произведениях идет от мистического мироощущения к реалистическому восприятию жизни. Реалистическое восприятие жизни у него выражается в принципах изображения действительности. Он обращается к историзму и психологизму.

По замечанию М.В. Михайловой, «публицист не может существовать без исторического мышления» [12, 3]. В начале XX века наряду с произведениями, написанными под влиянием модернистских установок,

у Б.К. Зайцева появляется ряд работ, созданных под воздействием меняющегося социально-политического строя, общественных движений и внешнеполитических столкновений России. Перед нами возникают картины народных волнений, революции 1905-1907 гг., русско-японской войны, первой мировой войны, последствий революции 1917 года. В рассказе «Хлеб, люди и земля» прослеживается отношение к русско-японской войне 1904-1905 гг., крестьянским волнениям; в «Черных ветрах» (1906) говорится о стачках, забастовках рабочих, народных восстаниях; в рассказе «Завтра!» (1906) проявляется реакция литератора на первый день русской революции 1905 года.

В рассказе «Хлеб, люди и земля», ведя речь об устройстве земли, о людях, живущих и работающих на ней, писатель обращает внимание на то, что чуждо многолетнему жизненному укладу: война, крестьянские волнения, технический прогресс в его отрицательном проявлении.

Одновременно в произведении присутствует описание пахоты, роста хлебов, многотонных вагонов с мукой, упоминание многовекового жизненного уклада и как противоположный отрицательный полюс – вагоны с солдатами, идущими на смерть, крестьянские бунты. Ю.М. Камильянова справедливо отметила, что в данный период творчества Б.К. Зайцева еще «интересуют крупные поверхностные связи, в глубь человеческих, социальных противоречий он пока не вникает, ограничиваясь интуитивным, неосознанным подходом к мировому бытию» [9: 25]. Однако уже сейчас, на наш взгляд, появляются первые проблески интереса писателя к социальному устройству – событиям, мимо которых не мог пройти ни один честный писатель.

Привычным явлением становятся выступления крестьян, которые в 1900-1904 гг. достигли значительного размаха – около 600 волнений в 42 губерниях европейской части России. Б.К. Зайцев легким штрихом обрисовывает ставшие обыденными пожары в помещичьих усадьбах: «Иногда над горизонтом подымается пламя – пожар: мужики ли жгут помещика, сам ли помещик горит, или сами мужики? Пламя час и два и больше бьет сверху, но никто не слышит. Все щели, бугры и косокры земли полны сна; ниоткуда не выгонишь ни лошади, ни человека; десятками верст идут поля, отъемы лесов, зелена. Деревенский мир разлегся широко – и молчит в ночной час» [5: 46]. Непривычное сочетание деревенского пожара, на борьбу с которым издревле собирались всем миром, и странно спокойный сон человечества подчеркивают ощущение разлома, творящегося в мире.

Это ощущение разлома подтверждается и вмешавшейся в многолетний жизненный уклад войной. Подробно не описывая военные действия, кровь и скорбь, писатель достаточно ясно дает нам понять и свое, и мировое отношение к войне: «Мужики тоже много говорят; их разговоры угрюмы; летом отдавали лошадей, а теперь подходит к людям: соседний уезд двинули уже; все чаще, чаще проходят поезда с людьми в товарных вагонах, с севера на юг и восток. Шинели выглядывают из полураздвинутых дверей, сидят на

деревянных лавочках, временами хохочут, хлеблют что-то, острят, орут песни. На платформе на них часто смотрят мужики в армяках, подпаски с кнутами, девки; хмурый коричневый народ молчаливо провожает их, и бабы кой-где всхлипывают. А поезд с человеческим телом недолго застаивается на станции, ему нужно дальше, надо дать место следующему – тот тоже с солдатами и солдатами» [5: 48]. «Но уже мало одного хлеба; уже нужно на замену съеденных где-то человеческих тел, которые везут все по той же дороге, – новые. Опять отвечает земля, и по разным проселкам ползут подводы «в уезд», «в управу» – в неизвестное и темное место, где сортируют людей, обучают ходить, стрелять и убивать» [5: 49].

Особенно страшным становится сравнение солдатских тел и мешков с хлебом: «В вагонах мужики-солдаты скоро засыпают. Тогда они совсем похожи на кули с мукой, что везут им навстречу» [5: 48]. Так же, как зреют зелена для «подтапливания мужицкого тела», так везут тысячи солдат для «подтапливания» смертоносной войны¹.

В романе «Дальний край» (1912) социальная и нравственная проблематика тесно переплетаются между собой: Степан, первоначально ставший активным участником революционных действий, вдохновленный революционным движением, мечтающий преобразовать мир, несущий в себе чистые и благородные идеалы, после личного участия в террористическом акте, приведшем к смерти гимназистки, разочаровывается в революции, не простив себе грех убийства, приходит к вере.

В рассказе «Жизнь и смерть» (1915) перед нами – военный лазарет, полный раненых солдат, и именно эти солдаты, когда-то хлебопашцы, защищают Родину и, если им прикажут, «все полягут. Не побегут» [5: 366].

Рассказ «Жизнь и смерть» является своеобразным гимном хлебопашцам, отдающим жизнь за Родину. Произведение несет автобиографический характер, оно выглядит практически зеркальным отражением письма Б.К. Зайцева Г.И. Чулкову от 11 (24) декабря 1914 года.

Герой-повествователь рассказа так же, как и Б.К. Зайцев, работает в лазарете и ухаживает за ранеными солдатами: «Работа состоит здесь в том: кормить их, поить чаем, помогать на перевязке» [5: 366]. В произведении указывается и конкретное время действия – начало ноября (письмо Г.И. Чулкову датировано 11 (24) декабря 1914 года). Из письма Г.И. Чулкову: «Мне пришлось два дня жить в лазарете здесь, верстах в 12-ти. Я видел несколько десятков людей, бывших там, стрелявших, убивавших, коловших штыками. Это очень интересные люди. О многом, от чего мы холодеем, они рассказывают со смехом. Но на них есть такой отпечаток: они побывали в необыкновенном месте, и видели необыкновенное. Иногда даже казалось, что они продолжают видеть это необыкновенное. Некоторых пре-

¹ В более поздних произведениях, созданных в 1910-1920 годы, писатель, переживший последствия русско-японской войны, первой русской революции, первой мировой войны, революционных событий 1917 года (расстрел пасынка, смерть друзей), на наш взгляд, более открыто высказывает свое отношение к военным действиям, унесшим тысячи человеческих жизней.

следовали временами страшные воспоминания. Я не видел, чтобы так *серьезно молились*, как тут. Вообще много удивительного. Между прочим, когда я переписывал их – меня поразило, как колоссальная Россия! Просто – сколько губерний, уездов, полков, племен. Но из тридцати против фамилий 17-и я записал: «хлебопашец». И вот эти-то хлебопашцы все и вынесут. Как может быть ты знаешь, сейчас трудный для нас момент борьбы: немцев прислали много с Запада, они наседают, быть может, дойдут до Вислы. *Но это ничего*: наши не выдадут. Я в этом непоколебимо уверен.

На войне П.П. Муратов, Гриф, оба в артиллерии. Много еще разных знакомых людей. Последнее письмо от Муратова было, как и от тебя, – 19-го ноября; он пишет, между прочим, что научился любить солдат, как народ; он говорит «наш умнейший народ правильно относится к войне: как к великому горю, которое следует перенести как следует» [8: 130-131]. Фрагмент письма П.П. Муратова практически копируется писателем в рассказе: «Один мой друг пишет из армии: «Я успел полюбить солдат, то есть как часть народа. Наш умнейший народ понимает, какое страшное несчастье война» [5: 368].

В отличие от произведения эпистолярного жанра, художественное произведение всегда трехмерно, объемно. Оно не хроникально и в определенной мере отличается от настоящих событий. В рассказе, благодаря портретной характеристике солдат, оценке их поведения, введению диалогов и монологов дается более объемная картина военных событий и отношения к ним.

Перед нами предстает картина боли, воспоминаний и раскаяния. Как и в письме, повествователь отмечает, что почти все раненые – хлебопашцы: «Из тридцати семнадцать хлебопашцы. Так и быть должно. Если взглянешь в окошко или туманным утром выйдешь по большаку – сколько полей, жнивья, озимых, пахоты – на миллионы рук» [5: 366]. И эти миллионы заняты враждебным для себя делом – войной.

Именно эти пахари: рыжеватый мужик Хрисанф, которого все называют Крысаном («Он и есть Крысан. Высокий, нескладный. Ходит несколько коряво»), и Келка очень странной, непонятной народности «винць», «винь», (финн) терпят боль, когда на перевязке снимают разложившиеся частицы с развороченного пальца, и иступленно молятся о содеянных грехах: «я видел, он (Келка – Е.Д.) стоял перед постелью, голову в неё уткнул и руками сжал. Пусть бы актер сыграл так отчаяние!» [5: 367]. Они из тех, «кем государства держались», не выдадут. «Все помаленьку, полегоньку. А прикажут им – все полягут. Не побегут» [5: 366].

«Это очень интересные люди. О многом, от чего мы холодеем, они рассказывают со смехом» [8: 131], – написал Б.К. Зайцев Г.И. Чулкову. А от чего именно холодеет кровь, мы узнаем из рассказа низкорослого, черного, веселого солдата: «И они стоят, и мы стоим (австрийцы и русские – Е.Д.), значит, и им страшно, и нашим. Они кричат – сдавайтесь, и мы им тоже кричим. Ротный наш говорит... «погоди колоть, ребята, сейчас сдадутся». И только сказал – раз ему пуля в лоб. Наши осерчали. Нет,

не уйдешь. Они драла. Я на какого-то наскочил, как-ак дал ему штыком в зад, даже хрустнуло. Штук застрял, вытащить не могу. А он бежит, меня за собой тянет. Ружье жаль бросать, ах ты, дьявол этакий! Было к своим утащил, в Австрию. Ну, тут сбоку наш, Миронов, ему раза дал, попритих он». Это рассказывалось раза три. Всегда с успехом» [5: 367]. Подобное нереальное сочетание юмора и ужасов войны, понимание содеянного греха и молитвы, нежелание умереть и ожидание смерти только подчеркивают реальность событий, даже некоторую натуралистичность происходящего.

Противоестественность войны показана и в образе гвардейца, человека необыкновенной красоты: «Даже черные волосы его ложатся симметрично, кольцами, как все в нем гармония и симметрия. Он из черниговской губернии, но похож на Софокла» [5: 367-368]. Этот Софокл – образец гармонии и красоты убил около тридцати человек, и его не оставляет понимание содеянного греха.

Б.К. Зайцев пишет в рассказе: «Из них мало, кто хочет драться. И умирать никому не хочется. Но если выпало общее горе – это горе война, – надо драться. Они смотрят на себя, как на обреченных. Наверное, есть у некоторых озлобление. Но я его не видел» [5: 368].

Открытая оценка военных действий дана Б.К. Зайцевым в письме: «Думаю, что у всех нас одно чувство – чтобы кончилась в нем (1915 году – Е.Д.) эта ужасная бойня или, если хотите, великое испытание, посланное людям за то, что они много нагрешили, и «забыли Бога». Не знаю, как ты, Георгий, а я ясно чувствую, и даже чувствую, что *все без исключения* ответственные за эту войну. Я тоже ответственный. Мне – это тоже напоминание – о несправедливой жизни. Но, конечно, главная тяжесть ответственности на тех, кто идеей своей жизни сделал «мамону» – и слава Богу – не русский народ и не русская культура утверждала эту идею. Слава Богу, даже, она русским совершенно чужда» [8: 130-131].

В рассказе только молитва и вера в Бога поддерживают и рассказчика, и солдат. Не случайно после воспоминаний о воюющих знакомых и друзьях, «с кем в пестрой, иногда блестящей сутолоке столиц сжигали жизнь», появляется лирическое отступление в форме молитвы о страждущих и путешествующих: «О плавающих, путешествующих, негодующих, страждущих и плененных – и о спасении их...» [5: 367]. Автор верит, что если существует Божий суд, то Келка «попадет в селения блаженных». И кланяется в пояс воинам, подобно пришедшей с пирогами старухе, которая «поклонилась в пояс. Верно, так она покойника поцелует в венчик на лбу» [5: 368]. «Спаси и помилуй рабов Божиих Павла, Сергия, Александра»... А затем следует прибавлять: «и все христоролюбивое воинство» – старинное и теперь так мучительно-жалобное выражение. Да, все христоролюбивое воинство» [5: 368], – завершает Б.К. Зайцев свое повествование в рассказе «Жизнь и смерть».

Образ трагической России революционной поры предстает в произведениях многих писателей, таких как: «Двенадцать» А. Блока, «Взвихренная

Русь» А. Ремизова, «Солнце мертвых» И. Шмелева, «Окаянные дни» И. Бунина, «Петербургские дневники» З. Гиппиус, «S.O.S.» Л. Андреева.

Рассказы Б.К. Зайцева «Улица святого Николая» (1921), «Уединение» (1921), «Белый свет» (1921) явились, по словам самого автора, «лирическим отзывом на современность» [7: 589]. В данных произведениях он передал объективную оценку событий революционной и постреволюционной России, нашедшую преломление в субъективном сознании писателя. По словам Л.М. Ариной, в рассказах Б.К. Зайцева 20-х годов предстает образ «трагической» России [1: 29]. Здесь нет «оды» революции, перед нами правдивое изображение действительности с её хаосом, убийствами, голодом, холодом. Так, «Улица Св. Николая»² представляет, по замечанию А.М. Романенко, своего рода исторический репортаж; «наблюдения и размышления над жизнью знаменитой московской улицы, в переулках вокруг которой в разные периоды обитал он сам (Б.К. Зайцев – Е.Д.)» [13: 26]. Перед нами московский довоенный Арбат с его роскошествами, Арбат первой русской революции, первой мировой войны и Арбат советского времени. «Событийный ряд арбатских появлений и исчезновений, – отмечает С.В. Сомова, – становится метонимическим воплощением новейшей российской истории» [15: 69].

В рассказе «Белый свет» в объективно-изобразительной манере на социально-бытовом уровне предстает страшная картина разорения России.

Рассказ построен как цепь быстро сменяющих друг друга кадров, взятых как бы с разных позиций. Текст в целом и отдельные его фрагменты (предложения) строятся на перечислении, соединение частей текста неурегулированно и беспорядочно. Подобное построение текста, напоминающего фрагменты киноплёнки, помогает автору документально приблизить повествование к читателю, «ореальить» художественное пространство текста.

Перед нами предстают картины Москвы 1921-го года, представленные через «отстраненный» монолог лирического героя, беседующего с неким третьим – самим собой, читателем. Рассказ напоминает дневниковые записи. Произведение, на наш взгляд, во многом автобиографично. Лирический герой-писатель, дочь-гимназистка, болезнь главного героя взяты из жизни самого Б.К. Зайцева.

Мы видим московские будни на фоне всеобщего хаоса. Обыденным явлением стали политики, «поедающие» газету «Крах империализма», философы, беседующие о выдаче пайка, лозунги («Надо бить в набат»). Рынок становится средоточием Москвы, «знаменем политики, сердцем всех баб, солдат и спекулянтов, родиной слухов, гнездом фронды, суетой, печалью, ничтожеством и безобразием убогой жизни» [6: 339]. Перед нами дамы, торгующие кольцами, старушки с ветхими книжонками, девушки в накинутах сверх шубок пла-

² Данное произведение Б.К. Зайцева достаточно подробно проанализировано в работах А.М. Романенко [13], Л.М. Ариной [1], А.П. Черникова [16], С.В. Сомовой [15], Н.В. Рябиной [14], Л.В. Красновой [10].

тьях (все на продажу), очереди за продуктами, отсутствие электричества. Новые хозяева – новая жизнь. Наблюдается сочетание несочетаемого – на фоне всеобщей нищеты и голода – книжная лавка, учебники, книги о театре, стихи Блока, Ахматовой, Уайльд, Гегель.

Происходит полнейшее переосмысление жизненных ценностей. Появляются особые «Заповеди счастья», ратующие не за духовную чистоту, а за осуществление простых физиологических потребностей: еду, сон, тепло. Поистине культовое значение приобретают паёк, примус, получивший человеческое имя Михаил Михайлович, печь-помощница, дрова-союзники. Но страшнее всего холод.

Как и произведения 900-х годов, рассказ «Белый свет» построен по принципу контраста. В рассказе одновременно представлены страшный быт разоренной Москвы: «нищие», «дети вспухающие», «людоеды», судьба, с которой приходится смириться («... хочешь не хочешь, её примешь. Я – уже принял. Я живу в ней, в ней иду. Прохожу сквозь тебя, жизнь, и просматриваю. Печаль, веселье и трагедия, цена на молоко, очередь в булочной, новый декрет, смех, смерть, пирожные и муки голода», «тьма, снежок. Холодные улицы, зеленые огни» [6: 336]) и тут же мечты об океанах, о чем-то далеком и неведомом, подобные миражу в пустыне: «Сиянье далеких океанов, древние наречия, озера, тонкий свет пейзажа, поля риса и монастыри буддистов, перезвон неведомых колоколов и легкий танец радости, и сонный плеск весла бамбукового. Изящно-краткий звук стиха. Лепестки вишен, падающие в фарфоровую чашечку вина золотистого» [6: 337]. Подобный уход от действительности, представленный лирическими отступлениями, на наш взгляд, служит подтверждением обыденности происходящего, так как человеку в тот период времени только в мечте можно было «сбежать» от жестокой реальности. Намеренное столкновение противоположных реальностей является подтверждением всеобщего хаоса, подчеркивает антижизненность, античеловечность происходящего.

В описании революции Б.К. Зайцев, на наш взгляд, близок А. Блоку. Аллюзии блоковской поэмы «Двенадцать» (1918) явно прослеживаются в рассказе «Белый свет»³. Отрывок из рассказа может быть прочитан как своеобразный диалог с «Двенадцатью». Те же герои: писатель-поэт; «худая собачонка» и блоковский «нищий пёс безродный»; «четверо парней, в тулупчиках, с лицами явно-веселыми», напоминают нам гвардейцев Блока; те же старуха-нищенка, тощий интеллигент. Данные персонажи были заявлены Б.К. Зайцевым ещё в рассказе «Улица святого Николая». Подобный прием сквозного использования персонажей (в какой-то мере типизация героев), также, на наш взгляд, является чертой реалистического метода.

Б.К. Зайцев видит тот же хаос, что описан в

³ Л.М. Арина провела сравнение поэмы А. Блока «Двенадцать» (1918) и рассказа Б.К. Зайцева «Улица св. Николая» (1921), она воспринимает рассказ Б.К. Зайцева как своеобразный диалог-диспут с блоковской поэмой, выделив ряд параллелей, обозначив наличие мистического героя. Подобные параллели мы находим и в рассказе «Белый свет» [1].

«Двенадцати». Порой кажется, что писатель прямо цитирует А. Блока, но если поэт заволаживает искушение переступить грань, это могучее разрушительное начало, соблазн безудержности, то Б.К. Зайцев, безусловно, его отрицает.

Единственно «Властной» в маленькой бедной жизни становится смерть, и уже не нужны ни «драмы и томления, и страсти сердца, и любви мечтания» [6: 340]. Поистине символической становится смерть ребёнка. Церковь Николы Плотника, «гроб посредине, маленький. Весь в цветах. Свечи – смутное золото. Смутно и темно – холодно по углам. Двое у изголовья девочки: вечные двое – отец, мать...» [6: 341]. Революция – стремление к свободе, лучшей жизни, а на самом деле – террор и хождение по крови. Смерть ребенка, да и смерть вообще становится вполне обыденным явлением, которое никто не замечает, а заметив, остается равнодушным. «Тысячи тысяч косит, купается, радуется, мы же идем да идем. И смеемся, работаем, пьем. Живем *ежедневно*» [6: 341].

Подобная обыденность казни и «убийства по ошибке» воспроизведена Б.К. Зайцевым и в рассказе «Уединение» (1921): «День весенний. Переулочек Палашевский. Сильно каплет с крыш, и лужи, и лазурь. Бежит народ, и выстрелы. «Ограбили!» Матрос сталкивает девочку в калитку. Бледное лицо, злое. И вдруг тихо стало, уже не бегут, идут все мрачные, и только солнце светит. В тишине и пустоте из ворот дома выезжают розвальни. На них поклажа. Укрыта неким брезентом. Да, но странно, ноги выглядывают. «Что такое?» – «Не видишь – люди!» Лошадь тяжело влегла в хомут свой; солдат шагает рядом. «Да что, за что?» – Вон, во дворе прикончили, у стенки. Больше ничего. Прохожий сумрачен, и зол, и стыден. Солнцу же не стыдно. И конек мужицкий, среди бела дня везет по улицам Москвы тела казненных» [6: 332]. Или описание случая на вокзале: «В суете присмотришься к носилкам. Тут же водрузились у дверей. Молодой человек, ничком, стриженный, с виском простреленным. Собака обнюхивает; ноги разутые из-под шинели. Да, по нечаянности. Народ пужали. Разве сладишь с ними? Ну, понятно, надо бы повыше, через головы. Не разберешь в проклятой мгле» [6: 332].

Одновременно с описанием ужасов революции в произведениях 20-х годов уже открыто выступают религиозные мотивы. В очерке «О себе» Б.К. Зайцев вспоминал: «Станным образом революция, которую я всегда остро ненавидел, на писании моем отразилась неплохо. Страдания и потрясения, ею вызванные, не во мне одном вызвали религиозный подъем. Удивительного в этом нет. Хаосу, крови и безобразию противостоит гармония и свет Евангелия, Церкви. (Само богослужение есть величайший лад, строй, облик космоса). Как же человеку не тянуться к свету? Это из жизни души» [7: 589].

В «Улице св. Николая» Арбат окружен тремя церквями: Николы Плотника, Николы на Песках и Николая Явленного. Все равны равенством страдания и равенством любви «к великому и запредельному», несмотря ни на что, «колокола звонят. Свечи теплятся. Ризы сияют на иконах, хор поет» [6: 328]. «И Никола Милостивый, тихий и простой святитель, покровитель страждущих, друг бедных и заступник беззаступных, распростерший над твоею улицей три креста своих, три алтаря своих, благословит путь твой и в метель жизненную проведет» [6: 329].

В «Уединении» священник произносит в церкви молитву о любви к ближнему, девочки беседуют о бессмертии души: «Тело умрет, а дух вновь воплотится с тем, чтоб совершенствоваться. Если прожил недостойно, то душе труднее вознестись (...), душа не может умереть. Ведь и любовь бессмертна» [6: 333].

Что касается рассказа Б.К. Зайцева «Белый свет», то при сравнении с поэмой А. Блока, видно – Иисус Христос в последней необходим, но невидим и неузнаваем, а у Б.К. Зайцева он в человеческой душе, в желании жить, в мечтах, во взаимопомощи: «Жизнь наладится, наверно. Велика Москва, любвеобильна. Не покинут добрые. И действительно, утраешься. Кто-нибудь пойдет к аптекарю, кто-нибудь самовар наладит. И хоть в хаосе – все же протекут, как надо, дни, и ты встанешь...» [6: 338]. Отсюда параллель со Святым причастием: «И среди трагедии и фарса, цены на молоко, возни с обедом, очереди в булочной, среди смеха, смерти, сладких пирожков и рева голода подымлет свой бокал, с вином, крови подобным» [6: 341].

«История России, социальные противоречия, столкновения различных сил, по справедливому замечанию А.В. Курочкиной, выступают в произведениях писателя одновременно и как исторические факты, и как субъективное переживание, вызванное этими событиями» [11: 46].

Действительно, перед нами возникают не просто картины столичной, провинциальной и военной действительности России начала XX века, мы непосредственно наблюдаем авторское отношение к историческим событиям. Историческое видение автора обнажается на разных уровнях художественной структуры. Персонажи (интеллигенты, студенчество, крестьянство, нищие, солдаты и др.) становятся ключевыми при изображении исторического хода событий. Появляется обращение к автобиографизму, благодаря которому сюжетная линия произведения приобретает максимально реальные черты. Мы видим сочетание религиозных мотивов и исторически конкретных фактов, дающее тот сплав, который в конечном итоге помогает максимально раскрыть идею нравственных устоев, не покидающую писателя на протяжении всего его творческого пути.

Библиографический список

1. *Аринина Л.М.* Образ «трагической» России в произведениях Бориса Зайцева 20-х годов. // В поисках гармонии (о творчестве Б.К. Зайцева). Межвузовский сб. науч. тр. Орел, 1998. С. 28-35.
2. *Блок А.* Собр. соч.: В 6 т. Под общ. ред. М.А. Дудина. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1982. Т. 5. 406 с.
3. *Дудина Е.Ф.* Творчество Б.К. Зайцева 1901-1921 годов: своеобразие художественного метода. Монография. Орел, Изд-во ОГУ, 2007. 188 с.
4. *Дудина Е.Ф.* Своеобразие художественного метода Б.К. Зайцева 1900-1921 годов. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Орел, 2012. № 5 (49). С. 183-188.
5. *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: В 5 т. Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. М.: Русская книга, 1999. Т. 1. 608 с.
6. *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: В 5 т. Улица святого Николая: Повести. Рассказы. М.: Русская книга, 1999. Т. 2. 544 с.
7. *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: В 5 т. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. Т.4. 624 с.
8. *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: Письма 1901-1922 гг. Статьи. Рецензии. Сост. Е.К. Дейч и Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга, 2001. Т. 10 (доп.). 384 с.
9. *Камильянова Ю.М.* Мир прозы Бориса Зайцева (1900-1920-е годы). Уфа: «Восточный университет», 1999. 124 с.
10. *Краснова Л.В.* Структурообразующие функции пространства и времени в малой прозе Бориса Зайцева. // Творчество Б.К. Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX века: Сб.ст. // Четвертые Международные научные Зайцевские чтения. Калуга, 2003. Вып. 4. С. 13 – 22.
11. *Курочкина А.В.* Своеобразие повествовательной структуры в лирической прозе Б. Зайцева. // Калужские писатели на рубеже Золотого и Серебряного веков. Сб. ст.: Пятые Международные юбилейные научные чтения. Калуга, 2005. Вып. 5. С. 46-55.
12. *Михайлова М.В.* Современное состояние изучения творчества Б.К. Зайцева. // Калужские писатели на рубеже Золотого и Серебряного веков. Сб. ст.: Пятые Международные юбилейные науч. чтения. Калуга, 2005. Вып. 5. С. 3-6.
13. *Романенко А.* Земные странствия Бориса Зайцева. // Зайцев Б.К. Голубая звезда: Повести и рассказы; Из воспоминаний. М., 1989. С. 5-31.
14. *Рябинина Н.В.* Москва Бориса Зайцева. // Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева: Сб. ст. // Вторые Межд. Зайцевские чтения. Калуга, 2000. Вып. 2. С. 62-72.
15. *Сомова С.В.* Поэтика сюжета прозы Б. Зайцева: Рассказы и повести 1901-1921 годов. Самара, 1998. 152 с.
16. *Черников А.П.* Серебряный век русской литературы. Калуга: Издательство «Гриф», 1998. 452 с.

References

1. *Arinina L.M.* Obraz of "tragic" Russia in Boris Zaytsev's works of the 20th years of [Text] / L.M. Arinina//in search of harmony (about B. K. Zaytsev's creativity). Interuniversity сб. науч. тр. – Eagle, 1998. – Page 28 – 35.
2. *Blok A.* Sobr. soch. : In 6 t. [Text] / A. Blok; Under a general edition of M. A. Dudin. – L. : Худож. litas. Leningr. otd-ny, 1982. – Т. 5. – 406 pages.
3. *Dudina E.F.* Tvorchestvo B. K. Zaytsev 1901 - 1921: originality of an art method. [Text] / E.F monograph. Dudina. – Eagle, regional public institution Publishing house, 2007. – 188 pages.
4. *Dudina E.F.* Svoeobraziye of the art B. K method. Zaytseva 1900-1921 of [Text] / E.F. Dudina//Scientific notes of the Oryol state university. Humanities series. – Eagle, 2012. – No. 5 (49). – Page 183-188.
5. *Zaytsev B. K.* Sobr. soch. : In 5 t. Silent dawns: Stories. Stories. Novel [Text] / B. K. Zaytsev. – M.: Russian book, 1999. – Т. 1. – 608 pages.
6. *Zaytsev B. K.* Sobr. soch. : In 5 t. Saint Nikolay's street: Stories. Stories [Text] / B. K. Zaytsev. – M.: Russian book, 1999. – Т. 2. – 544 pages.
7. *Zaytsev B. K.* Sobr. soch. : In 5 t. Gleb's travel: Autobiographical tetralogy [Text] / B. K. Zaytsev. – M.: Russian book, 1999. – Т.4. – 624 pages.
8. *Zaytsev B. K.* Sobr. soch. : Letters of 1901 - 1922. Articles. Reviews [Text] / B. K. Zaytsev; Сост. Е.К. Deych and Т.Ф. Prokopov. – M.: Russian book, 2001. – Т. 10 (additional). – 384 pages.
9. *Kamilyanova Yu.M.* Mir of Boris Zaytsev's prose (1900 – the 1920th years) [Text] / Yu.M. Kamilyanova. – Ufa: «East university», 1999. – 124 pages.
10. *Krasnova L.V.* Strukturososidayushchiye of space and time function in [Text] / L.V Boris Zaytsev's small prose. Krasnova// B.K. Zaytsev's Creativity in a context of the Russian and world literature of the XX century: Сб.ст. // Fourth International scientific Zaytsevsky readings. – Kaluga, 2003. – Vyp. 4. – Page 13 – 22.
11. *Kurochkina A.V.* Svoeobraziye of narrative structure in [Text] / A.V B. Zaytsev's lyrical prose. Kurochkina//the Kaluga writers at a turn of Gold and Silver centuries. Сб. Art.: Fifth International anniversary scientific readings. – Kaluga, 2005. – Vyp. 5. – Page 46 – 55.
12. *Mikhaylova M.V.* a current state of studying of creativity B. K. Zaytseva [Text] / m of V. Mikhaylov//the Kaluga writers at a turn of Gold and Silver centuries. Сб. Art.: The fifth International anniversary науч. readings. Kaluga, 2005. – Vyp. 5. – Page 3 – 6.
13. *Romanenko And.* Boris Zaytsev [Text] / A. Romanenko's terrestrial wanderings//Zaytsev B. K. Blue star: Stories and stories; From memoirs. – M, 1989. – Page 5 – 31.
14. *Ryabinina N.V.* Moskva Boris Zaytseva [Text] / N of V. Ryabinin//Problems of studying of life and B. K. Zaytsev's creativity: Сб. Art.//the Second Mezhd. Zaytsevsky readings. – Kaluga, 2000. – Vyp. 2. – Page 62 – 72.
15. *Somova S. V.* Poetika of a plot of prose of B. Zaytsev: Stories and stories of 1901 - 1921 of [Text] / Page of V. Somov. – Samara, 1998. – 152 pages.
16. *Chernikov A.P.* silver age of the Russian literature of [Text] / A.P. Chernikov. Kaluga: Grif publishing house, 1998. – 452 p.

УДК 8.1

UDC 8.1

В.А. ЖЕЛАМСКАЯ

аспирант Института языкознания Российской академии наук
E-mail: JelaV@rambler.ru

V.A. ZHELAMSKAYA

postgraduate student of Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences
E-mail: JelaV@rambler.ru

**ПРОБЛЕМА НАИМЕНОВАНИЙ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ)**

DENOMINATIONS OF BUSINESS DOCUMENTS (USING THE MATERIAL OF FRENCH AND ITALIAN LANGUAGE)

В статье выделяются и рассматриваются лексемы, используемые во французском и итальянском языках для наименования видов документов. Все наименования делятся на две большие группы: наименования, являющиеся сходными в рассматриваемых языках, и наименования, различающиеся в двух рассматриваемых языках. Делается семантический анализ лексической группы, служащей для наименования документов.

Ключевые слова: вид документа, наименование документа, метафорический перенос, коммуникативная интенция.

The paper deals with the lexemes used in French and Italian languages for denomination of document type. All the denominations are divided into two big groups: denominations which are similar in concerned languages, and denomination which are different in two concerned languages. The paper provides semantic analysis of the lexical group used for denomination of the documents.

Keywords: document type, document denomination, metaphoric transfer, communicative intention.

Деловая документация и, в более общем виде, официально-деловой стиль до сих пор остаются недостаточно изученной и разработанной областью лингвистики. В то время как развитые европейские языки предоставляют нам огромное количество материала. Возможно, невнимание лингвистов к данной теме объясняется крайней сложностью проблемы, так как для проведения качественного анализа и правильного понимания документов требуются не только знания в области лингвистики (прежде всего, стилистики и лингвистики текста), но также и в области документоведения, юриспруденции и экономики.

Однако с точки зрения не ученого лингвиста, а человека, который каждый день в силу своих профессиональных обязанностей вынужден сталкиваться с этой сложнейшей группой текстов и, более того, сам порождать их, деловые документы являются одним из самых важнейших продуктов речевой деятельности человека. И именно такая огромная практическая значимость данной группы текстов и определила основной подход к ее рассмотрению: мы сталкиваемся с большим количеством пособий, которые содержат практические советы по написанию документов и даже уже готовые их модели (на материале французского см., например [Кистанов, Шашкова, 1995], [Мелихова, 2001], [Gandouin, 1995], [Grand-Clément, 1991], [Mauray, 1986], [Vial, 1992] и многие другие). Но подобные издания, написанные в популярном ключе, весьма далеки от научного подхода. С лингвистической же точки зрения документы – это особый тип текста со своими особыми типами коммуникативных задач, определяющими видо-

вую принадлежность документа. Отличаясь большим разнообразием видов (решение, протокол, договор, отчет и т.д.), документы, тем не менее, связываются наличием специфических лексическим и синтаксическим черт, присущих официально-деловому стилю.

В данной статье мы пытаемся осветить лишь один из элементов комплексного анализа деловых документов – проблему их наименования и сопоставления наименований в разных языках.

Мы взяли материал из двух крупнейших европейских языков – французского и итальянского. До сих пор большинство работ по официально-деловому стилю делались на материале английского и немецкого языков. Французский и, тем более, итальянский язык анализировались в этой области крайне редко (см., например [Lesina, 1994], [Resmond, 1947]).

Французский и итальянский являются близкородственными языками. Оба относятся к романской группе языков. Таким образом, в рассматриваемом нами вопросе о наименованиях деловых документов в них будет наблюдаться значительная общность, но также и неминуемые расхождения.

Наименование логично сделать начальным элементов анализа деловых текстов, так как именно со стоящего в начале документа наименования и начинается рассмотрение данного текста. Каковы же функции наименования документа?

Во-первых, наименование документа выполняет классифицирующую функцию для этой группы текстов. Оно сразу позволяет нам отнести тот или иной текст к определенному виду: договор, сертификат и

т.д. Документация отличается видовым многообразием, поэтому необходимо сразу обозначить вид документа путем его наименования, т.е. классифицировать. Наименование занимает одну из начальных позиций текста, чаще всего после обозначения составителя текста, даты и места написания, что говорит об особой важности его роли.

Во-вторых, и это крайне важно для лингвистического анализа документации, наименование документа сжато выражает коммуникативную интенцию пишущего. Если, к примеру, документ озаглавлен как приказ, то мы сразу можем предположить, что его составитель хочет что-то приказать определенным исполнителям. Коммуникативная интенция совпадает с функцией документа, то есть определяет, для чего составлен тот или иной деловой текст. Таким образом, наименование документа предопределяет его содержание и тематику.

Выполняя эту важнейшую функцию, наименование документа будет косвенно играть еще две важные роли: структуроопределяющую и стилиеопределяющую. Интенция составителя служебного текста, сжато выраженная в наименовании документа, будет определять структуру (строение) и стиль (лексические и грамматические особенности) данного текста.

Для продолжения нашего исследования сделаем две важные оговорки. Во-первых, нас интересует именно наименование вида документа, а не полное наименование документа. Так при полном наименовании документа «*Avis No99-A-09 du 1-er juin 1999 relatif à l'acquisition par les sociétés Koramic et Wienerberger des sociétés Migeon SA et Bisch SNC*» «Заклучение №99-A-09 от 1 июня 1999 о приобретении компаниями Koramic и Wienerberger компаний Migeon SA и Bisch SNC» видовым наименованием будет являться *Avis*. Остальная же часть состоит из конкретизирующих элементов: указание порядкового номера документа, точной даты его составления и конкретной его темы с указанием заинтересованных лиц. Таким образом, полное наименование подробнее раскрывает содержание и тематику делового текста, что необходимо для его более точной классификации и опознавания.

Почти всегда в полном наименовании документа будет присутствовать его порядковый номер, играющий роль идентификатора. Затем следуют различные предложные или причастные конструкции, уточняющие предметную область текста, его ключевые элементы. Во французском языке среди предложных конструкций отметим уточнительные конструкции с широко употребляемыми предлогами *de* и *sur*. В итальянском языке, к примеру, употребляются причастные обороты с *relativo a* «касающийся...».

Во-вторых, мы выбрали наименования именно деловых документов. Таким образом, вне сферы нашего внимания остались наименования юридических доку-

ментов (закон, конституция, кодекс и т.д.), международных документов (пакт, конвенция и т.п.), а также наименования ценных бумаг (акция, вексель и др.).

Все присутствующие во французском и итальянском языках наименования документов мы разделили на две группы. К первой группе отнесли сходные для обоих языков наименования, то есть выражаемые лексемами, восходящими к общему корню с учетом регулярных фонетических соответствий. Кроме того, у данных лексем должно совпадать значение. Ко второй группе относятся лексемы, не нашедшие соответствия в одном из двух рассматриваемых нами родственных языков. Такое несоответствие может быть двух видов: либо по способу выражения (употребляется специфическая лексема), либо по семантике (у лексической единицы есть соответствие в сравниваемом языке, но их семантика сильно отличается). Это так называемые специфические для данного языка наименования. Отметим, что речь идет именно о специфическом лексическом наполнении для обозначения соответствующего типа документов по сравнению с другим языком (итальянским или французским), так как семантическое поле данной группы лексем будет общим.

Для наглядности все лексемы, сходные для рассматриваемых языков, мы укажем в виде таблицы и приведем их перевод на русский язык, хотя, оговоримся, в данном случае речь идет скорее об эквиваленте, о чем говорит и наличие нескольких вариантов перевода на русский язык. Можно выделить несколько причин данного явления. Во-первых, определенная лексическая единица может использоваться для обозначения нескольких видов документов, и тогда мы имеем дело с многозначной лексемой. Яркие тому примеры – лексемы *bordereau (m.)* и *avis (m.)* во французском языке (см. ниже). Во-вторых, деловые документы испытывают сильное влияние национальных и языковых традиций. Поэтому документы, выполняющие одну и ту же функцию, могут иметь разное видовое обозначение в различных языках исключительно в силу культурных традиций. Например, российскому «акту приемки» во французской деловой традиции будет соответствовать *procès-verbal (m.) de réception*. То есть по русской традиции этот документ относится к актам по своей видовой принадлежности, а французская деловая культура его классифицирует как тип протокола. В-третьих, мы сталкиваемся с синонимией в языке-переводе, т.е. одно слово оригинального языка имеет несколько эквивалентов в языке-переводе. В русском языке, в частности, заимствованному слову с общеевропейским корнем может соответствовать исконное славянское слово: контракт-договор, сертификат-свидетельство и т.д.

Итак, в результате анализа нами была составлена следующая таблица:

Французский язык	Итальянский язык	Перевод
Accord (m.)	Accordo (m.)	Соглашение, договор
Acte (m.)	Atto (m.)	Акт, закон, постановление
Attestation (f.)	Attestazione (f.)	Удостоверение, свидетельство, отзыв, аттестация
Bilan (m.)	Bilancio (m.)	Баланс, балансовый отчет, смета

Bon (m.)	Buono (m.)	Ордер, талон, чек, бона
Brevet (m.)	Brevetto (m.)	Патент
Bulletin (m.)	Bollettino (m.)	Запись, свидетельство, квитанция, бюллетень
Certificat (m.)	Certificato (m.)	Свидетельство, удостоверение, аттестат, справка, сертификат, акт
Circulaire (f.)	Circolare (f.)	Циркуляр, циркулярное письмо
Communication (f.)	Comunicazione (f.)	Сообщение, извещение, уведомление
Communiqué (m.)	Comunicato (m.)	Коммюнике, официальное сообщение
Compte-rendu (m.)	Resoconto (m.)	Отчет, доклад, протокол
Concession (f.)	Concessione (f.)	Разрешение, концессия
Conclusion (f.)	Conclusione (f.)	Заключение, вывод
Conditions (pl., f.)	Condizioni (pl., f.)	Условия, положения
Contrat (m.)	Contratto (m.)	Договор, контракт, соглашение
Convention (f.)	Convenzione (f.)	Соглашение, договор
Décision (f.)	Decisione (f.)	Решение, постановление, заключение
Déclaration (f.)	Dichiarazione (f.)	Декларация, заявление
Demande (f.)	Domanda (f.)	Просьба, прошение, заявление, запрос, заявка, требование
Détermination (f.)	Determinazione (f.)	Решение, постановление
Directive (f.)	Direttiva (f.)	Директива, указания
Disposition (f.)	Disposizione (f.)	Распоряжение, приказ, предписание, постановление, положение, условие
Facture(f.)	Fattura (f.)	Фактура, накладная, счет (на товар)
Feuille (f.)	Foglio (m.)	Ведомость, бюллетень
Instruction (f.)	Istruzione (f.)	Инструкция, предписание
Inventaire (m.)	Inventario (m.)	Инвентарная опись (ведомость), список
Lettre (f.)	Lettera (f.)	Письмо
Liste (f.)	Lista (f.)	Список, перечень, опись, реестр, ведомость
Mandat (m.)	Mandato (m.)	Приказ, договор поручения, распоряжение о производстве платежа
Norme (f.)	Norma (f.)	Норма, правило, стандарт
Note (f.)	Nota (f.)	Сообщение, справка, инструкция, пояснительная записка, опись, список
Notification (f.)	Notificazione (f.)	Извещение, уведомление, авизо
Offre (f.)	Offerta (f.)	Оферта, предложение
Ordre (m.)	Ordine (m.)	Приказ, распоряжение
Pacte (m.)	Patto (m.)	Договор, соглашение
Permis (m.)	Permesso (m.)	Письменное разрешение, пропуск
Plan (m.)	Piano (m.)	План, проект, график
Procès-verbal (m.)	Processo verbale (m.)	Протокол
Programme (m.)	Programma (m.)	Программа, план, график
Protocole (m.)	Protocollo (m.)	Протокол
Quittance (f.)	Quietanza (f.)	Квитанция, расписка в получении
Recommandation (f.)	Raccomandazione (f.)	Рекомендация
Rapport (m.)	Rapporto (m.)	Сообщение, доклад, отчет, рапорт, протокол, отзыв, оценка, докладная записка
Réclamation (f.)	Reclamazione (f.)	Рекламация, жалоба, протест, возражение, требование
Registre (m.)	Registro (m.)	Реестр, список, книга записей, перечень, ведомость
Règlement (m.)	Regolamento (m.)	Распоряжение, постановление, предписание, устав, положение, регламент
Règles (pl., f.)	Regole (pl.,f.)	Правила
Relation (f.)	Relazione (f.)	Отчет, доклад, сообщение
Répertoire (m.)	Repertorio (m.)	Перечень, список, опись, реестр, каталог
Résolution (f.)	Risoluzione (f.)	Постановление, резолюция
Rôle (m.)	Ruolo (m.)	Список, реестр, опись, перечень
Spécification (f.)	Specificazione (f.)	Спецификация, описание, детализация
Statut (m.)	Statuto (m.)	Статут, устав (организации), положение
Table (f.)	Tabella (f.)	Таблица, ведомость, реестр, сводка, график

Перечислим наименования документов на французском языке, не имеющих соответствия в итальянском языке:

1. Arrangement (m.) – соглашение.

Итальянский язык заимствовал из французского слово *Arrangement* (m.), а также имеет и собственный вариант – *Arrangiamento* (m.). Но чаще употребляется их синоним *Accomodamento* (m.) ‘починка, приведение в порядок, любовная сделка’. Для нас же важно отметить, что все эти три лексемы не могут быть названиями вышеобозначенной группы документов.

2. Avenant (m.) – дополнительное соглашение.

3. Avis (m.) – заключение, отзыв, уведомление, сообщение, извещение, предупреждение, указание, инструкция, распоряжение.

Соответствующее ему итальянское слово *Avviso* (m.) ‘сообщение, объявление, извещение, мнение, уведомление, предупреждение, совет’ употребляется намного реже и, кроме того, не имеет значения «заключения», т.е. не используется для обозначения данного типа документов. Таким образом, при схожести значений этой пары слов, мы в то же время наблюдаем и их значительные семантические расхождения.

4. Bordereau (m.) – ведомость, реестр, опись, спецификация, бордеро (опись документов).

Итальянский язык заимствовал данное слово из французского языка, но употребляет его значительно реже, преимущественно в значении «бордеро». В итальянском языке существует два вида написания данного слова – *Bordereau* (абсолютное соответствие с французским языком) и *Borderò* (итальянизированный вариант, в котором вводится соответствие написания и произнесения слова). Оба варианта мужского рода.

5. Commandement (m.) – приказ, официальное предписание (через судебного исполнителя), требование о внесении платежей.

6. Démarche (f.) – обращение, ходатайство, запрос.

7. Devis (m.) – смета, расчет, сводная таблица.

8. Etat (m.) – ведомость, список, формуляр, журнал, смета, опись, сводка, сообщение.

Как мы видим, слово *Etat* (m.) употребляется для наименования довольно обширной и разнородной группы документов. Соотносимое же с ним итальянское слово *Stato* (m.) не имеет этой группы значений, сохраняя при этом общность всех других значений: государство, состояние, положение, сословие.

9. Notice (f.) – уведомление, извещение, сообщение.

10. Pouvoir (m.) – доверенность.

Соотносимое с ним итальянское слово *Potere* (m.) ‘сила, способность, возможность, влияние, вес, власть, господство, полномочия’ не употребляется в качестве наименования рассматриваемого типа документов.

11. Procuration (f.) – доверенность.

Соответствующее ей в итальянском языке слово *Procurazione* (f.) является устаревшим словом и имеет значение «добывание, приобретение, посредничество». Данное итальянское слово не является наименованием определенного вида документа.

12. Proposition (f.) – предложение.

Соотносимое с данной лексемой итальянское слово *Proposizione* (f.) было полностью вытеснено из общепотребительного языка лексемой *Proposta* (f.) – «предложение» и сохранилось исключительно в некоторых специальных значениях, таких как «основные положения суждения» (философский термин), «вид теоремы» (математический термин), «пропозиция» (лингвистический термин).

13. Récapitulatif (m.) – сводная таблица, сводка.

14. Récépissé (m.) – расписка (в получении), квитанция, уведомление о получении.

15. Relevé (m.) – выписка, список, перечень, ведомость. В основном, этот тип документов относится к банковской и бухгалтерской сфере:

Relevé (m.) de salaires – платежная ведомость

Relevé (m.) de compte – выписка из счета

Relevé (m.) d'identité bancaire (RIB) – выписка из банковского счета

По своему происхождению это субстантивированное причастие прошедшего времени глагола *Relever*, одно из значений которого «делать выписки, записывать, выписывать, замечать, отмечать, фиксировать».

Составим такой же список для итальянского языка:

1. Bolletta (f.) – расписка, квитанция, накладная, таможенная декларация, таможенное свидетельство, счет (на оплату).

2. Capitolo (m.) – договор, соглашение.

3. Consuntivo (m.) – расходная смета.

Данная лексема является сокращением от сочетаний *bilancio (conto) consuntivo* (m.) – расходный баланс (расходная смета).

4. Delega (f.) – доверенность.

5. Disciplinare (m.) – инструкция, правила.

Данное слово произошло в результате процесса субстантивации и метафорического переноса прилагательного *disciplinare* «дисциплинарный, исправительный».

Во французском же языке соответствующее прилагательное *disciplinaire* тоже субстантивировалось, но метафорический перенос оказался более сложным и пошел в другом направлении: *disciplinaire* (m.) – солдат дисциплинарной (штрафной) роты, штрафник.

6. Distinta (f., comm.) – спецификация, ведомость, перечень.

Данное слово употребляется исключительно в сфере торговли, о чем и свидетельствует соответствующая пометка в словаре.

7. Elenco (m.) – список, указатель, перечень, ведомость.

8. Informativa (f.) – официальный письменный ответ, извещение, сообщение.

Данное наименование является сокращением от *lettera (f.) informativa* – «информационное письмо». Произошел процесс номинализации прилагательного, согласованного с родовым существительным – письмо.

9. Listino (m.) – список, бюллетень.

10. Notifica (f.) – уведомление, извещение, сообщение.

Данная лексема является синонимом и производной от слова *notificazione* (f.).

11. *Parere* (m.) – мнение, отзыв.

Во французском языке присутствует слово *Parère* (m.), но оно относится к узкоспециальной юридической терминологии и означает «официальное подтверждение существования определенного торгового обычая», что, как мы видим, сильно отличается от значения соответствующего итальянского слова.

12. *Preventivo* (m.) – смета, предварительный бюджет.

Данное наименование документа произошло путем субстантивации прилагательного *preventivo* – предварительный, предупредительный, предохранительный, профилактический. Во французском языке также имеется соответствующее прилагательное с аналогичным значением – *préventif*, но в отличие от итальянского языка оно не перешло в категорию существительных.

13. *Prezzario* (m.) – прейскурант.

14. *Procura* (f.) – доверенность.

15. *Proposta* (f.) – предложение.

16. *Reclamo* (m.) – жалоба, рекламация.

Родственное французское слово *réclame* (f.) имеет абсолютно другое значение – «реклама, хвала», что подчеркивается также его недавним заимствованием итальянским языком.

17. *Rendiconto* (m.) – отчет

Это слово состоит из двух частей: *rendi* – личная форма глагола *rendere*, и существительное *conto* (m.). Во французском языке соответствующей по значению лексемы, имеющей к тому же сходную модель образования, мы не находим.

Синонимичные *rendiconto* слова *compte-rendu* (фр.) и *resoconto* (ит.) имеют немного другую словообразовательную модель: *rendu* и *reso* – это формы причастий прошедшего времени глаголов *rendre* и *rendere* соответственно. При этом *resoconto* (ит.) отличается намного большей спаянностью составляющих частей, чем его французский эквивалент. Об этом свидетельствует и предшествование причастия существительному и форма множественного числа *resoconti* («отчеты»), где причастие, входящее в состав данного слова, теряет собственный показатель множественного числа. *Compte-rendu* (франц.) же будет иметь форму множественного числа *comptes-rendus*, где показатель множественности присутствует в обеих частях. Кроме того, французский язык не только не допускает слитного написания этого слова, но позволяет и раздельное написание без использования объединительного дефиса.

Обе модели (с личной формой глагола и с причастием) имеют в своей основе синонимичные для итальянского и французского языков выражения *rendere conto* и *rendre compte* – «отчитываться, давать отчет».

18. *Richiesta* (f.) – требование, просьба, заявление, заявка, прошение.

19. *Verbale* (m.) – протокол, акт.

Французский язык сохранил глагол *verbaliser* ‘составлять акт, протокол, протоколировать’ и соответствующее ему имя действия *verbalisation* (f.) ‘протоколирование, внесение в протокол’, но не имеет однокоренного существительного для наименования

данной группы документов. Напомним, что протокол по-французски – *procès-verbal* (m.). Данное единое слово (о чем свидетельствует его нормативное написание через дефис) произошло в результате слияния существительного *procès* (m.) и однокоренного с описываемой группой слов прилагательного *verbal* (-e), не подвергшегося, в отличие от своего родственника в итальянском языке, процессу номинализации.

Итак, как показал проведенный анализ, абсолютное большинство лексем (55 лексические пары) являются сходными для обоих языков. Из них почти все относятся к так называемой общеевропейской лексике, имеющей латинские корни и затем заимствованной большинством европейских языков, не относящихся к романскому ареалу: *Contrat* (фр.) – *Contratto* (итал.) – *Contract* (англ.) – *Kontrakt* (нем.) – *Контракт* (рус.). В то же время мы находим соответствия, характерные именно для романских языков: *compte-rendu* (m.) – *resoconto* (m.), *feuille* (f.) – *foglio* (m.), *procès-verbal* (m.) – *processo verbale* (m.).

Интересно отметить случай несовпадения рода во французском и итальянском языках при общности лексемы: *feuille* (f.) – *foglio* (m.). Здесь мы имеем дело с характерным для итальянского языка способом снятия многозначности слова путем создания для него соответствующего коррелята мужского рода и выделения ему определенной части значений. Так, в итальянском языке исходно существовала лексема *foglia* (f.), обозначающая листок растения. Слово же *Foglio* (m.) закрепило за собой значение «лист (бумаги, но не растения!), бланк, документ, банкнота». Французские же лексемы объединяют в себе все эти многообразные значения.

Перейдем теперь к анализу несовпадений. Случаев несовпадений для обоих языков примерно в три раза меньше, чем случаев сходства.

Их можно разделить на две группы. К первой мы относим лексемы, не имеющие близкого коррелята в сравниваемом языке, например: *avenant* (m.), *récépissé* (m.) для французского языка и *capitolato* (m.), *elenco* (m.) для итальянского языка. То есть в этом случае мы будем иметь дело с несовпадением плана выражения. Во вторую группу мы включаем лексемы, имеющие соответствие в другом рассматриваемом языке, но данное соответствие будет иметь сильные семантические расхождения с данной лексической единицей и, что для нас самое важное, не употребляется в качестве наименования определенного вида документов, например: *arrangement* (m.), *procuration* (f.) во французском языке и *reclamo* (m.), *parere* (m.) в итальянском языке. В данном случае идет речь о несовпадении плана содержания.

Кроме того, в итальянском языке мы столкнулись с двумя случаями образования наименования документов по моделям, не использованным для данных слов во французском языке: *rendiconto* (m.), *disciplinare* (m.), *preventivo* (m.) и *verbale* (m.). В первом случае идет речь об особом сочетании глагольной формой, а в трех других о субстантивации прилагательных для обозначения вида документа.

Рассмотрим теперь семантику описываемой груп-

пы слов. Как выглядит структура значения лексем, используемых для наименования определенного вида документов?

Здесь мы сталкиваемся с двумя видами случаев. В первом случае, самом простом с семантической точки зрения, для обозначения определенного вида документа используется отдельная особая лексема, значение которой практически полностью этим и исчерпывается. Обозначение наименования документа является основным, а часто и единственным значением таких лексем. Наличие других значений у данных слов возможно, но число их крайне ограничено, и все они будут находиться уже на периферии. К таким лексемам относятся, к примеру, *certificat* (фр.) / *certificato* (ит.), *directive* (фр.) / *direttiva* (ит.). Всего таких лексем 27 во французском языке и 29 – в итальянском (учитывались и несовпадающие лексем). К этой группе относится и пара *circulaire* (фр.) / *circolare* (ит.), образовавшаяся в результате сжатия формы термина: полный вариант – *lettre (f.) circulaire* / *lettera (f.) circolare* (ср. «циркулярное письмо» и «циркуляр»). Именно поэтому обе лексем относятся к женскому роду, т.е. сохраняют род и связь с выпавшим, но легко восстанавливаемым определяемым существительным. Подобным образом образовалось в итальянском языке и наименование документа *Informativa* (f.) – официальный письменный ответ, которое было рассмотрено ранее.

Во втором случае наименование вида документа является лишь одним из значений слова. Таких лексем 43 во французском языке и 45 в итальянском.

Значение слова является определенным образом организованной системой, и мы наблюдаем связь между типом документа, обозначенным определенной лексемой, и всеми остальными значениями данной лексической единицы. Значение «наименования документа» в этом случае не будет являться «прототипическим значением» лексем, но образуется от него и тесно с ним связано. Основная функция, выполняемая документом, обозначается в наименовании его вида: принятое решение будет официально закреплено в «Решении» (*Décision* (фр.) / *Decisione* (ит.)), обоюдная договоренность сторон по какому-либо вопросу – в «Соглашении» (*Accord* (фр.) / *Accordo* (ит.)) и т.д. Этим объясняется и большое количество отглагольных существительных, употребляемых для наименования вида документа: название действия переносится затем на документ, для которого это действие является определяющим (например, заявлять – заявление (действие) – официальное заявление (документ)).

Данная модель метафоризации может иметь некоторые специфические особенности в каждом конкретном случае.

Возьмем пару *Mandat* (фр.) / *Mandato* (ит.). Эти слова произошли от латинского глагола *mandare* «вручать, передавать, поручать, доверять, вверять», который сохранился в итальянском языке, но был утерян во французском. Поэтому документы, именуемые *Mandat* (фр.) / *Mandato* (ит.), тоже будут связаны с передачей каких-либо прав или обязанностей другому лицу, различного

рода поручений (платежных, транспортных, на ведение дел и т.п.).

Отметим еще лексем *Relation* (фр.) / *Relazione* (ит.). Самое известное значение этих слов «связь, отношение» имеет, на первый взгляд, мало общего с тем видом документа, который обозначает рассматриваемая пара – «отчет, доклад». Эти слова произошли от формы супина латинского глагола *referre*, имеющего много значений, в частности, «относить, связывать» (что дало значения «отношения, связь»), но также и «сообщать, передавать» (откуда лексем *Relation* (фр.) / *Relazione* (ит.) и получили значение «отчет, доклад», то есть «то, что было сообщено, доложено»).

Описанная модель метафорического переноса для образования наименования типа документа является самой распространенной, но далеко не единственной. В других случаях характер передаваемой в документе информации переносится на наименование всего документа, например: *norme* (фр.) / *norma* (ит.), *plan* (фр.) / *piano* (ит.). Лексем именно этой группы часто употребляются во множественном числе, подчеркивая множественность содержащихся в них высказываний определенного типа: *conditions* (фр.) / *condizioni* (ит.).

Близка к вышеописанной модели и лексема *Etat* (m.). Основное значение данного слова – «состояние». В результате семантического переноса *Etat* (m.) обозначает любой вид документа, констатирующего или описывающего состояние или ситуацию (согласно французского толкового словарю Larousse). С таким крайне общим значением связано и наличие большого числа эквивалентов при переводе на русский язык: ведомость, список, формуляр, журнал, смета, опись, сводка, сообщение.

Особую модель метафоризации нам демонстрирует лексема *pouvoir* (m.): *pouvoir* (глагол «мочь») – *pouvoir* («власть, полномочия») – *pouvoir* (документ, дающий полномочия, власть – доверенность).

Явная семантическая связь существует и в тех случаях, когда в качестве лексем для обозначения типа документа используется прономинализованное причастие прошедшего времени: *comunicare* («сообщать») – *comunicato* («сообщенный, переданный») – *comunicato* (m.) (то, что было сообщено, передано – «сообщение, коммюнике»). Таким образом, все наименования документов являются семантически обусловленными.

Количественный подсчет числа лексем, относящихся к первой (для обозначения определенного вида документа используется специальная лексема) и ко второй группе (наименование вида документов является одним из значений слова), показал, что итальянский и французский языки намного чаще используют лексические единицы, относящиеся ко второй группе (их в два раза больше). Рассматриваемые языки предпочитают экономить свои лексические ресурсы и использовать уже существующие лексем.

Завершая разговор о семантике рассматриваемой группы слов, сделаем еще одно важное замечание: лексем, сходные для обоих рассматриваемых языков, будут обладать и сходной структурой значения. Так, и

французское *offre* (f.), и соответствующее ему итальянское *offerta* (f.), ведущие свое происхождение от глаголов *offrir* и *offrire* соответственно, имеют основное значение «предложение», которое затем переносится и на название документа «оферта», в котором содержится предложение другому лицу о заключении договора.

Из 55 пар сходных для французского и итальянского языка лексем лишь одна пара показала различие в структуре значения – *Permis* (фр.) / *Permesso* (ит.). Оба слова являются субстантивированными причастиями прошедшего времени от глаголов *permettre* (фр.) / *permettere* (ит.) – «разрешать, позволять». Французское слово *Permis* (m.) используется исключительно для наименования документов, в которых содержится разрешение на совершение каких-либо действий, а собственно действие разрешения обозначается отглагольным существительным *Permission* (f.). В итальянском же языке соответствующее отглагольное существительное *Permissione* (f.) вышло из употребления, и *Permesso* (m.) объединило в

себе эти два значения (действие и документ), чем и объясняется различие в значениях этой пары слов.

Проведенный сравнительный анализ лексем французского и итальянского языка, используемых для наименования вида документа, выявил большую общность данной группы слов в обоих языках, но также и помог обнаружить естественные отличия в лексическом наполнении. Выявились также две группы лексем, различающиеся по структуре значения: лексемы, используемые исключительно для обозначения документа, и лексемы, для которых рассматриваемое значение является переносом от их главного значения.

Наименование документа является важнейшей его частью, определяющей дальнейшую структуру и содержание. Поэтому анализ лексических единиц, используемых для обозначения вида документа, имеет большое значение для изучения языка деловой документации и является первым шагом в дальнейшей работе над данной темой.

Библиографический список

1. Демьянова Л.И. Деловая и частная корреспонденция на итальянском языке. Справочно-учебное пособие. К.: Логос, 2004.
2. Кистанова Л.Ф., Шапкова С.А. Деловое общение на французском языке: Учеб. пособие. – Мн.: Выш. шк., 1995.
3. Мелихова Г.С. Французский язык для делового общения. М.: Рольф, 2001.
4. Пахно В.А. Итальянско-русский и русско-итальянский финансово-кредитный словарь. М.: Рус. яз. Медиа, 2004.
5. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА – М, 2007.
6. Gandouin J. Correspondance & Rédaction administratives, Armand Colin Éditeur, Paris, 1995.
7. Grand-Clément O. La correspondance personnelle, administrative et commerciale, © CLE INTERNATIONAL, 1991, Paris.
8. Il dizionario della lingua italiana di Giacomo Devoto e Gian Carlo Oli. - Casa Editrice Felice Le Monnier S.p.A., Firenze, 1990.
9. Le petit Larousse. Grand Format, Paris: Larousse, 2003.
10. Lesina R. Il nuovo manuale di stile. Ediz. 2 – Bologna, Zanichelli editore S.p.A., 1994.
11. Maury P. 200 modèles de lettres, © Marabout, 1986.
12. Resmond C. Le style administrative, P., Albin, 1947.
13. Vial P. Pratique de la correspondance, BORDAS, Paris, 1992.
14. Vocabolario della lingua italiana di Nicola Zingarelli; undicesima edizione a cura di Miro Dogliotti e Luigi Rosiello. – Nicola Zanichelli S.p.A., Bologna, 1988.

References

1. Demianova L.I. Business and private correspondence in Italian language. Handbook. - K. Logos, 2004.
2. Kistanova L.F., Shashkova S.A. Business communication in French: handbook. – Mn.: High school, 1995.
3. Melikova G.S. French language for business communication. – M.: Rolf, 2001.
4. Pakhno V.A. Italian – Russian and Russian – Italian Credit and Financial Vocabulary. – M.: Russian language. – Media, 2004.
5. Rajzberg B.A., Lozovskij L.Sh., Starodubtseva E.B. Modern economical vocabulary. 5th edition, revised and supplemented. – M.: INFRA – M, 2007.
6. Gandouin J. Correspondance & Rédaction administratives, Armand Colin Éditeur, Paris, 1995.
7. Grand-Clément O. La correspondance personnelle, administrative et commerciale, © CLE INTERNATIONAL, 1991, Paris.
8. Il dizionario della lingua italiana di Giacomo Devoto e Gian Carlo Oli. - Casa Editrice Felice Le Monnier S.p.A., Firenze, 1990.
9. Le petit Larousse. Grand Format, - Paris: Larousse, 2003.
10. Lesina R. Il nuovo manuale di stile. Ediz. 2 – Bologna, Zanichelli editore S.p.A., 1994.
11. Maury P. 200 modèles de lettres, © Marabout, 1986.
12. Resmond C. Le style administrative, P., Albin, 1947.
13. Vial P. Pratique de la correspondance, BORDAS, Paris, 1992.
14. Vocabolario della lingua italiana di Nicola Zingarelli; undicesima edizione a cura di Miro Dogliotti e Luigi Rosiello. – Nicola Zanichelli S.p.A., Bologna, 1988.

УДК 811.131.1

UDC 811.131.1

Л.И. ЖОЛУДЕВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романского языкознания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: l.zholudeva@gmail.com

L.I. ZHOLUDEVA

candidate of Philology, senior teacher of chair of Romance linguistics of Lomonosov Moscow State University
E-mail: l.zholudeva@gmail.com

**ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО НОРМИРОВАНИЯ В РАННИХ ИТАЛЬЯНСКИХ И ПОРТУГАЛЬСКИХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ: ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВЫ НОРМЫ**

**LANGUAGE STANDARDIZATION ISSUES IN EARLY ITALIAN AND PORTUGUESE LINGUISTIC
TREATISES: TERRITORIAL AND FUNCTIONAL BASES OF LANGUAGE NORM**

Статья посвящена трактовке проблем нормализации и кодификации языка в итальянских и португальских лингвистических сочинениях XVI столетия. Итальянские грамматисты сходятся в признании доминирующей роли флорентийского диалекта, однако единый взгляд на функциональную базу нормы отсутствует. Португальские авторы при кодификации языка, как правило, опираются на узус – не только письменный, но и устный.

Ключевые слова: история лингвистических учений, итальянский язык, португальский язык, языковая норма.

The article is devoted to how standardization and codification of language is treated in the XVI-century Italian and Portuguese linguistic treatises. All Italian linguists recognize the dominance of the Florentine dialect; however, there is no common view on what register should constitute the basis of literary norm. Portuguese grammarians tend to base their recommendations on the actual use, both written and spoken.

Keywords: history of linguistics, Italian language, Portuguese language, language norm.

В эпоху Возрождения вопросы языкового нормирования занимают одно из центральных мест в лингвистических сочинениях, посвященных романским языкам. Одновременно с осознанием самостоятельности, ценности и возможностей народных языков наступает и осознание их качественного отличия от нормированных литературных языков с богатой текстовой историей – в первую очередь, латинского и греческого. На данном этапе соотношение между народными языками и латынью видится уже не статичным – по модели «латынь – устойчивый, нормированный язык, народный язык – неустойчивый и хаотичный, лишенный правил», – а динамичным [5, с. 52; 21. с. 311-328]: становится очевидным, что народный язык может быть усовершенствован путем сознательной, целенаправленной работы, в том числе путем его нормализации и кодификации.

Потребность в нормализации и кодификации народных языков также поддерживается практической необходимостью в унификации языка при подготовке книг к печати [24, с. 94-95; 27, с. 78]. Возникает своего рода замкнутый круг: книгопечатание привлекает внимание к проблеме языковой нормы, а тиражируемые печатным путем лингвистические сочинения, в свою очередь, вовлекают в обсуждение данной проблемы все больше участников. Таким образом, позднее Возрождения и начало Нового времени в романской Европе оказываются ознаменованы всплеском интереса к лингвистической

проблематике.

При общности интереса к проблеме нормирования языка, между романскими лингвистическими традициями неизбежно обнаруживаются расхождения в трактовке нормы и в подходе к языковой кодификации. Эти расхождения объясняются различиями в состоянии и условиях развития романских языков, особенностями социолингвистических ситуаций в романских странах, а также спецификой восприятия античного наследия и, не в последнюю очередь, спецификой профессиональной деятельности и научных интересов авторов отдельных сочинений [6, с. 48-49].

Специфика подхода к языковому нормированию и кодификации в рамках различных национальных лингвистических традиций становится наиболее очевидной при их сопоставительном изучении. Именно поэтому в данной статье мы, опираясь на труды итальянских и португальских ренессансных авторов, попытаемся продемонстрировать, насколько по-разному в одну эпоху в странах романской речи могли трактоваться проблемы языкового нормирования. Мы сосредоточимся на том, как в итальянских и португальских лингвистических сочинениях трактуются проблемы выбора территориальной и функциональной основ нормы.

Предпосылки для обсуждения проблем языкового нормирования в Италии и Португалии оказываются весьма несхожими. Для Италии XVI век стал веком споров о языке – questione della lingua. Парадоксальным

образом Италия столкнулась с проблемой языковой унификации задолго до наступления политической централизации и при фактическом отсутствии общенациональной самоидентификации [12, с. 130]. В этой ситуации обсуждение языковых проблем приобрело особую остроту, а круг обсуждаемых в связи с языковой нормализацией и кодификацией вопросов оказался необычайно широким. В противоположность Италии, Португалия к началу XVI века представляла собой единое, централизованное государство, распространившее свое влияние далеко за пределы национальной территории [6, с. 47], а португальцы не только ощущали себя единой нацией, но и в ряде сфер – в первую очередь, в мореплавании – осознавали свое превосходство над всеми прочими европейцами [8, с. 56-57]. Наряду с подъемом национального самосознания, предпосылкой для обсуждения португальцами проблем нормализации и кодификации языка стало то, что на новых территориях они сталкивались с необходимостью объясняться с местным населением, обучать его португальскому языку, параллельно изучая и описывая туземные языки, и заниматься проповедью христианства [4, с. 152-155].

Сопоставление трактовки языковой нормы и подходов к кодификации языка в ранних итальянских и португальских лингвистических сочинениях нам представляется необходимым начать с краткой характеристики круга сопоставляемых памятников. История описания и кодификации итальянского литературного языка начинается с появления в 1445-50 гг. краткой грамматики флорентийского вольгаре, известной как «Grammatichetta vaticana» [25, с. 270]. Ее авторство более полувека после публикации в 1908 году вызывало споры [11, с. 392-393]; на настоящий момент считается установленным, что она принадлежит перу Леона Баттисты Альберти, гуманиста и эрудита, известного в первую очередь сочинениями, посвященными математике и архитектуре. Грамматика Альберти, не будучи опубликованной, не смогла оказать существенного влияния на развитие итальянской лингвистической мысли; однако она заслуживает внимания, во-первых, как наиболее ранний опыт описания и кодификации итальянского языка, а во-вторых, как пример грамматического описания, выполненного с опорой на современный автору узус.

Первой из опубликованных грамматик итальянского языка стало сочинение Франческо Фортуньо «Regole grammaticali della volgar lingua» (1516). Именно эта грамматика, а также трактат Пьетро Бембо «Prose della volgar lingua» (1525) пользовались особой популярностью и оказали наибольшее влияние на характер кодификации итальянского литературного языка. Для обоих авторов характерно внимание к языку исключительно в письменной форме и ориентация на литературные модели – узус классиков итальянской литературы Треченто. В несколько смягченной форме подобный подход предлагался и применялся в ряде более поздних сочинений о языке – в частности, в трактате «L'Hercolano» Бенедетто Варки (опубликован в 1570 г.).

Принципиально иным был подход к описанию

языка, характерный для сочинений Джарджорджо Триссино: «Epistola de le lettere nuovamente aggiunte alla lingua italiana 1524 «Castellano» (1529), «Dubbi grammaticali» (1529), «Grammatichetta» (1529). В отличие от П. Бембо и его единомышленников, Дж. Триссино относился к сторонникам так называемого «придворного языка», то есть, призывал пишущих по-итальянски ориентироваться не столько на литературные модели, сколько на узус образованных – в первую очередь, придворных – кругов.

Грамматики Паоло дель Поццо («Regole osservanze, e avvertenze sopra lo scrivere correttamente la lingua volgare Toscana in prosa & in versi», 1545) и Пьерфранческо Джамбуллари («Regole della lingua fiorentina» (1551-52)), как и трактат Клаудио Толемеи «Il Cesano della lingua toscana» (написан в 1525г.), написаны с позиций третьего направления в итальянских спорах о языке – флорентинизма. Для этого направления характерно внимание к узусу – не только письменному, но и устному – современной авторам Флоренции (или же, шире, Тосканы). Отдавая должное классической литературе на флорентийском вольгаре, они все же избегают пуризма и архаизирующих тенденций в кодификации языка.

Среди созданных в ту же эпоху описаний португальского языка выделяются такие сочинения, как грамматика Фернана де Оливейры («Grammatica da lingoagem portuguesa», 1536) и Жоана де Барруша («Grammatica da lingua portuguesa», 1540) – первые грамматические описания португальского языка, трактаты Дуарте Нунеша де Леан («Orthografia da lingoagem portuguesa», 1576), Магальяенша де Гандаву («Regras que ensinam a maneira de escrever a ortografia da lingua portuguesa», «Dialogo em defensam da mesma lingua», 1574). Грамматика Фернана де Оливейры отличается вниманием к узусу, причем внимание здесь уделяется как языку в его письменной форме, так и живой разговорной речи; именно устная речь «выступает в грамматике и как основа фиксируемой нормы, и как объект кодификации» [8, с. 109], что для ренессансных лингвистических сочинений являлось большой редкостью. Грамматика Жоана де Барруша более консервативна по духу; здесь в качестве ориентира в процессе кодификации языка зачастую выступает латынь, за счет чего автор нередко делает выбор в пользу архаичных форм, характерных для северных диалектов португальского языка [8, с. 110]. Латинизирующие тенденции отмечаются и у авторов орфографических трактатов того времени, в том числе у Магальяенша де Гандаву. Дуарте Нунеш де Леан, с его интересом к историческим изменениям в языке, в выборе нормативных вариантов часто руководствуется знанием фонетических процессов. Как мы видим, во многих отношениях подходы португальских авторов XVI века к нормированию языка будут различными, однако при этом между ними не прослеживаются принципиальных противоречий, подобных тем, что характерны для итальянской лингвистической мысли XVI в.

В данной статье мы ограничимся сопоставительным анализом итальянских и португальских линг-

вистических сочинений, относящихся к XVI веку. В следующем столетии проблемы языкового нормирования в итальянской лингвистической традиции будут обсуждаться уже несколько в ином ключе. XVII век в Италии пройдет под знаком деятельности Академии делла Круска; в 1612 году выйдет в свет первый в Европе академический словарь – Словарь Академии делла Круска. В португальской лингвистике XVII век станет веком заката гуманизма [8, с. 31-35]; несмотря на то, что это не будет означать заката португальской лингвистики – напротив, именно в XVII в. появятся выдающиеся лингвистические сочинения таких авторов, как Амару де Робореду, Алвару Феррейра де Вера, Томаш Эштеван и других, – основное внимание в этот период будет уделяться уже несколько иным вопросам; так, на первый план выйдут проблемы универсального языка, лингвистической типологии, прагматики и преподавания языка.

Проблема территориальной базы нормы

Среди проблем, с которыми сталкивались авторы ранних грамматик романских языков, особое место занимает проблема вариативности. Как для Италии [23], так и, хотя и в меньшей степени, для Португалии актуальной в данную эпоху была проблема территориального и социального варьирования языка. Нормализация языка, понимаемая как стихийный отбор вариантов из тех, что представлены в узусе, с их последующим закреплением в качестве «правильных», нормативных [9, с. 23-24], в это время представляет собой не вполне завершённый процесс в португальском языке и едва начавшийся в итальянском; это объясняется особенностями социолингвистических ситуаций в Италии и Португалии и, в целом, условиями формирования романских литературных языков в эпоху Возрождения.

В Португалии XVI век – это время, когда территориальная, социальная и функциональная основы нормы уже оформились и наступает этап устранения остатков полиморфии, обогащения словарного состава (в том числе, за счёт диалектизмов и заимствований) и дальнейшего развития синтаксиса [8, с. 57; 2, с. 65]. Как для устной, так и для письменной формы существования языка ориентиром в процессе языкового нормирования служит узус образованных слоёв населения.

В Италии к XVI в. назревает необходимость в унификации языка в его письменной форме. Унификация устной речи в этот период даже не становится предметом обсуждения: в устной сфере доминируют диалекты, в том числе структурно весьма далекие от диалекта Флоренции, который со второй половины XV века занимает доминирующие позиции в литературном обиходе. Однако несмотря на то, что на практике тексты на народном языке, адресованные читателям из разных регионов, пишутся на флорентийском диалекте (часто с примесью черт других диалектов или латинизированном) [12, с. 134-135], все же нельзя в полной мере говорить о выдвигании Флоренции (или Тосканы) в качестве территориальной базы нормы в том же смысле, в котором территориальной базой нормы португальского

языка стали южные диалекты. Ориентиром при нормализации итальянского языка стал язык художественных произведений на флорентийском вольтаре XIV века – язык, на котором спустя два столетия не говорил уже никто в Италии, поскольку живая речь Флоренции за это время претерпела целый ряд изменений фонетического и морфологического характера.

Проблема территориальной базы нормы, таким образом, становится одним из наиболее обсуждаемых вопросов в рассматриваемых нами лингвистических сочинениях. Одним из проявлений этого в итальянской лингвистической традиции стало обсуждение проблемы названия литературного языка (вольтаре, тосканский, флорентийский, придворный или итальянский) – проблемы, которой целиком посвящены такие трактаты, как “Il Cesano” Клаудио Толемеи и “Castellano” Джанджорджо Триссино и которая затрагивается почти всеми участниками языковой полемики в Италии первой половины XVI века. Даже в тех сочинениях, где название литературного языка не обсуждается напрямую, авторы вольно или невольно дают понять, какова их позиция в том, что касается выбора территориальной базы итальянской языковой нормы.

Все без исключения грамматисты признают особую роль Тосканы в процессе нормализации и стандартизации литературного языка. Так, Л.Б. Альберти называет сам литературный язык «тосканским»:

“Molto studia la lingua toscana d’essere breve e espedita” «Тосканский язык весьма стремится к краткости и быстроте»¹ (11v 5-6)

Он упоминает Тоскану как своего рода колыбель общетосканского языка, где он сложился на латинской основе, но и не без влияния варварских наречий:

“Alieni sono in Toscana più nomi barbari, lasciati da gente Germana” «Чужды для Тосканы многие варварские слова, оставшиеся от германцев» (11r 12-14).

Наименование «la lingua Tosca», наряду с наименованием «la volgar lingua», становится основным и в грамматике Ф. Фортуньо:

“E così la lingua Tosca li pronuncia, della quale, come dicemmo la penna dev’esser seguitatrice” «И так эти слова произносятся в тосканском языке, которому должно подражать перо» (II p.35);

“...perché nella volgar lingua si doppia in molti nomi e verbi la consonante, laquale si trova scempia nella latina, ma di rado si scempiano le doppie, onde, oppenione, appena, seguendo gli antichi libri Toschi, e secondo la Tosca pronuncia scriveremo.” «... так как в народном языке согласные во многих именах и глаголах удваиваются там, где в латыни не удваивались, а обратное происходило редко, мы будем писать «орпенione», «аррена», подражая старым тосканским книгам и тосканскому произношению» (II p. 46).

У П. Бембо язык называется не только «volgar lingua», но и «la fiorentina lingua», при этом Боккаччо и Петрарка называются уроженцами Тосканы:

“Perciò che se io volessi dire che la fiorentina lingua

¹ Здесь и далее перевод цитат из итальянских лингвистических сочинений мой. – Л.Ж.

più regolata si vede essere, più vaga, più pura che la provenzale, i miei due Toschi vi porrei dinanzi, il Boccaccio e il Petrarca.” «Так как, если бы я хотел сказать, что флорентийский язык более правилен, изящен и чист, чем провансальский, я привел бы в пример двух моих тосканцев – Боккаччо и Петрарку» (I, 14).

Б. Варки высказывает точку зрения, что язык в равной степени может называться итальянским, тосканским и флорентийским:

“E.: Dunque dicono il vero coloro che affermano, la lingua Fiorentina essere e Toscana, e Italiana. V.: Il vero.” «Э.: Таким образом, правду говорят те, что утверждают, будто флорентийский язык является и тосканским, и итальянским? В.: Да». (Q X)

Однако говоря о том, какой из итальянских вольгаре является самым прекрасным, Варки называет свой родной вольгаре флорентийским:

“niuno niega la lingua Fiorentina esser più bella di tutte l’altre Italiane” (Q VII) «никто не отрицает, что флорентийский язык – самый красивый из всех итальянских».

Дж. Триссино противопоставляет понятия «тосканский» и «итальянский», устанавливая между ними родо-видовые отношения. Однако он отдает себе отчет в том, что общий для Италии литературный язык сложился на тосканской основе, и в завершении «Письма о буквах» пишет, что лучше слишком «приблизиться к тосканскому», чем чрезмерно от него «отдалиться»:

“giudico manco riprensibile peccato l’accostarsi troppo al toscano che ‘l discostarsi troppo da esso” (§23).

Похожее суждение можно встретить у Ф. Фортуньо, который, не будучи сторонником «придворного языка», тем не менее разделяет взгляд Триссино на тосканский как основу общеитальянского языка, к которому все прочие итальянские вольгаре относятся как частное к общему:

“E quindi alcuni scrivono *immagine, giammai, e femmina*: ma tali voci a me par che più seguano la Romana pronunciazione che la Tosca, e con solo m io ho veduta tal ultima voce scritta in antichi libri Fiorentini: onde si po dire, che tal scriver **segue il particolar idioma, e non generale Italico...**” «И поэтому некоторые пишут *immagine, giammai и femmina*, но мне кажется, что это [написание] слов более подражает римскому произношению, чем тосканскому, а последнее слово я в старых флорентийских книгах видел написанным с одним *m*; так что можно сказать, что такое написание подражает частному наречию, а не общему итальянскому [языку]». (II p.43)

В португальской лингвистической традиции отношения между южными диалектами, составившими территориальную основу нормы, и прочими диалектами (в частности, архаизирующими диалектами Севера), видятся менее равноправными, чем отношения между разными вольгаре Италии, что объясняется, в первую очередь, централизацией страны и доминирующим положением столичного региона. Так, Ф. Оливейра, говоря об одной из диалектных черт, пишет:

“se estas & quaesquer outras semelhantes as meteremos em mão dhũ homẽ velho da beyra ou aldão não lhe parecerão mal” (OI, xxxvi, Dlv) «если эти или какие-нибудь

другие сходные [слова] мы скажем старику из Бейры или крестьянину, они не покажутся ему плохими²».

Таким образом, носители диалектов противопоставляются носителям литературного языка по возрастному и социальному признаку. О «деревенском» характере речи жителей Бейры пишет и Д. Нунеш де Леан [8, с. 106]. Более положительно диалектные явления оцениваются в грамматике Барруша, но это связано не столько с более либеральным пониманием им нормы, сколько с тем, что северные диалекты португальского языка по сравнению с южными отличаются большим консерватизмом, а значит, находятся ближе к латыни, что для Барруша является одним из важных критериев отбора вариантов при кодификации.

В силу все той же политической централизации и отсутствия проблем, связанных с формированием национальной идентичности, вопрос о названии языка в португальской лингвистике не ставился. Эта проблема осталась типичной особенностью итальянских споров о языке XVI века и в дальнейшем неоднократно вызвала своей кажущейся пустотой и абстрактностью недоумение у историков лингвистики [17, 19]. С нашей точки зрения, столь ожесточенная полемика была вызвана не столько необходимостью в кодификации языка, для которой этот вопрос действительно не представлял особой важности, сколько политической ситуацией и кризисом идентичности в итальянском обществе [2, с. 181], где роль «хозяев» языка одновременно означала ведущую роль в культурном объединении страны и в конструировании своеобразного мифа о новой, единой Италии.

Проблема функциональной базы нормы

Представления о функциональной базе нормы в итальянских и португальских лингвистических сочинениях оказываются еще менее сходными, чем представления о территориальной базе нормы и соотношении литературного языка и диалектов. В итальянских лингвистических сочинениях, пожалуй, наиболее проблемным, пусть не всегда эксплицитно сформулированным, был вопрос, может ли язык в его устной форме быть нормированным и подлежит ли он кодификации.

Автор первой опубликованной грамматики итальянского языка Ф. Фортуньо не был тосканцем, и его грамматика адресована, в первую очередь, таким же, как он, ценителям итальянской литературы Треченто, пользующимся в быту диалектами, отличными от флорентийского. Именно в силу этого вторая книга «*Regole grammaticali della volgar lingua*» почти полностью посвящена проблеме наличия / отсутствия геминации согласных: для фонетики диалектов Севера Италии характерно упрощение геминат, отсюда дополнительные сложности, с которыми сталкивались северяне, писавшие по-тоскански. Грамматика Фортуньо, созданная на основе пристального изучения письменного узуса Данте, Петрарки и Боккаччо, была призвана кодифицировать – а точнее, наметить пути кодификации – ита-

² Данная цитата приводится в переводе М.А. Косарик. Далее перевод мой. – Л.Ж.

льянского языка в его письменной форме [24, с. 102]. Однако Фортунно не отвергает полностью идею, что нормированный язык может существовать и в устной форме:

“E dir possiamo per conchiusione de questa parte di regola con l'autorità delle scritture de gli autori nostri, che chiunque in contrario modo parla, o scrive, non lo fa senza commetter errore.” «В заключении этой части правила можно сказать, опираясь на авторитет написанного нашими авторами, что тот, кто иначе говорит или пишет, совершает ошибку». (I, 24).

Примечательно, что здесь “parla” предшествует “scrive”, что соответствует высказанной Фортунно во второй части грамматики мысли, что “la penna della lingua è seguitatrice” «перо подражает речи (букв. «следует за речью»)» (II, 44).

В отличие от Ф. Фортунно, П. Бембо, также уроженец Севера Италии, в “Prose della volgar lingua” сосредотачивается исключительно на языке в его письменной форме. Между понятиями «литературный язык» и «язык литературы» Бембо ставит знак равенства; устами одного из участников диалога он заявляет:

“questo favellare tuttavia non è lingua, perciò che non si può dire che sia veramente lingua alcuna favella che non ha scrittore” «Это наречие все же не является языком, так как не может в полной мере называться языком наречие, не имеющее писателей» (I, 14).

Бембо справедливо указывает на то, что основной предпосылкой для языковой унификации в Италии стала литературная мода на сочинения на флорентийском диалекте, который, таким образом, превратился в общепитальянский язык высокой литературы:

“...non solamente i viniziani compositori di rime con la fiorentina lingua scrivono, se letti vogliono essere dalle genti, ma tutti gli altri italiani ancora” «...не только венецианцы пишут стихотворения на флорентийском языке, если хотят, чтобы их читали, но и все прочие жители Италии» (I, 15).

Дж. Триссино в своем «Письме о буквах» также пишет о том, что для него «подражание тосканскому» в «Софонисбе» было средством сделать произведение понятным для всех жителей Италии:

“Come ne la predetta Sofonisba si vede: ne la quale ho imitato il toscano, quanto ch'io mi pensava dal resto d'Italia poter essere facilmente inteso” «Это можно увидеть и в вышеупомянутой «Софонисбе»: в ней я подражал тосканскому, поскольку мне казалось, что так меня смогут легко понять в остальных частях Италии» (§22).

Однако Триссино не останавливается на тосканизации собственных произведений; предложенная им реформа орфографии, по-видимому, имела и гораздо более амбициозные задачи. Так, в начале «Письма о буквах», обращаясь к адресату письма папе Клименту VII он пишет:

“...così parimente convenevole cōja mi pare che ... la pronunzia italiana sia in qualche parte illuminata et ajutata” «...точно так же мне кажется подобающим помочь [правильному] итальянскому произношению и проявить его» (§3).

“e così facendo ... ci aiuterà mirabilmente ad asseguire la pronunzia toscana, e la cortigiana, le quali senza dubbio sono le più belle d'Italia” «и так... нам будет легче следовать тосканскому и придворному произношению, которые, без сомнения, являются самыми прекрасными в Италии» (§6).

Таким образом, предпринятая Триссино попытка адаптировать орфографию для более последовательной передачи «тосканского» и «придворного» произношения (разница между ними, по Триссино, оказывается несущественной и сводится, преимущественно, к наличию / отсутствию тосканской дифтонгизации и противопоставлению по открытости / закрытости *o* и *e* в конкретных словах: см. «Письмо о буквах», §21) означала, что он не считал абсолютно невозможным функционирование итальянского литературного языка также и в устной форме. Даже если речь в этом случае шла о крайне ограниченной функциональной сфере (скажем, о декламации литературных произведений), сама идея устной реализации литературного языка, несомненно, являлась для той эпохи нетривиальной.

Грамматисты-уроженцы Тосканы отличаются принципиально иным взглядом на функционирование литературного языка, чем их современники из других регионов. Для них характерно, по сути, отождествление литературного языка с их родным вольгаре [21, с. 335], поэтому, в их представлении, он обладает не только письменной, но и устной формой. Для того чтобы услышать литературный итальянский язык, по их мнению, необходимо было прислушаться к тому, как говорят жители Флоренции [2, с. 183].

К. Толемеи в своем трактате «Чезано» подчеркивает, что первичной для языка является именно устная форма существования:

“la lingua, ... per il fine al quale fu da la natura ordinata, non ha bisogno d'alfabeto alcuno” «язык не нуждается в алфавите для выполнения своей естественной (природной) задачи» (VIII, 54-55).

Толемеи не согласен с теми, кто признает только язык Петрарки и Боккаччо достойным подражания и, в конечном счете, достойным того, чтобы стать основой итальянского литературного языка. С его точки зрения, тосканский вольгаре хорош сам по себе, а писатели лишь позволили ему ярче проявить его достоинства:

“Che ci bisognarebbe fare se 'l Boccaccio non havesse il suo Decamerone scritto, o 'l Petrarca i suoi versi? Tacer forse per questo o punto non scrivere?... Nè dubbito che se quel secolo nel quale scrisse il Boccaccio havesse hanti alcuni altri eccellenti spiriti gli quali o Istorie o Orazioni o libri morali havessero scritti, molto più si vedrebbe riccamente per le carte vestirsi la lingua nostra. La quale, quantunque ne'libri tutte le sue ricchezze non mostri, pur con la voce viva le va a parte a parte altrui scoprendo.” (IX, 9-11) «Что бы нам было делать, если бы Боккаччо не написал свой «Декамерон» или Петрарка свои стихи? Молчать или не писать вовсе? ... И я не сомневаюсь, что, если бы в те годы, когда писал Боккаччо, нашлись бы другие блестящие умы и написали бы речи или книги о истории или морали, наш язык был бы еще богаче украшен.

Хотя язык наш не показывает в книгах всего своего богатства, в живой речи оно мало-помалу открывается».

Литературоцентризм Бембо и его единомышленников жители Тосканы, таким образом, противопоставляют локальный патриотизм и убежденность в превосходстве собственного вольгаре – как в письменной, так и в устной форме [12, с. 139] – над всеми прочими.

Делу распространения литературного языка за пределы Тосканы были призваны служить, в частности, грамматики, написанные носителями флорентийского вольгаре [24, с. 111-112]. Пьерфранческо Джабуллари во вступлении к своей грамматике пишет:

“il disio nondimeno ardentissimo di giovare in quel ch’io poteva; se non a’ nostri medesimi, che di me non hanno bisogno; a’ forestieri almanco, ed a’ gioventù che bramano di saper regolatamente parlare et scrivere, questa dolcissima lingua nostra, tanto onorata et pregiata” (Intr., 9-12) «я весьма хотел бы быть полезным, насколько смогу, не столько для наших [земляков], которые во мне не нуждаются, сколько для чужеземцев и для молодых, которые желают научиться правильно говорить и писать на нашем прекраснейшем языке, столь прославленном и достойном».

Как мы видим, речь идет, в первую очередь, об умении правильно говорить и лишь во вторую – об умении правильно писать (ср. П. Бембо: “non si vede ancora chi delle leggi e regole dello **scrivere** abbia scritto bastevolmente” (I, 1) «еще не нашлось того, кто подробно описал бы законы и правила **письма**»). Не случайно в рукописной версии грамматика Джабуллари называлась “De la lingua che si parla e scrive in Firenze”.

В менее известной грамматике флорентийца П. Дель Россо описывается “l’uso de’l **parlare**” (Vallance, p.66), хотя сочинение и озаглавлено “Regole osservanze, e avvertenze sopra lo **scrivere** correttamente la lingua volgare Toscana in prosa & in versi”. Дель Россо уделяет немало внимания фонетическим явлениям, характерным для устной речи Тосканы и не находящим письменного отображения – в частности, фоносинтаксическому удвоению, эпитезе и тосканскому придыханию [29, с. 67-70].

Б. Варки также придает большую важность тому, что флорентийский вольгаре – не застывший язык, сфера употребления которого ограничивается литературными произведениями; он продолжает жить в речи современных ему флорентийцев, чья речь, согласно Варки, и должна служить главным образцом для изучающих итальянский язык:

“La lingua Fiorentina ... non solo ha parole (come s’è detto), ma alcuni modi, e maniere di favellare... ma ancora una certa peculiare, o speziale, o particolare proprietà, come hanno tutte l’altre lingue, la quale è quella che io dico non potersi imparare, se non da coloro che son nati, e allevati da piccioli in Firenze” (Q VII) «Во флорентийском языке... есть не только слова (как уже говорилось), но и некоторые способы изъясняться... и одна особая, необычная черта, особенное свойство, из тех, что есть у каждого языка, а именно: ему можно научиться только у тех, кто

родились и росли с самого детства во Флоренции».

При всем разнообразии точек зрения итальянских авторов грамматик и трактатов о языке на то, какой может быть функциональная база литературного языка, все же оказывается возможным выделить некоторые общие тенденции. Большинство авторов не считают невозможным функционирование литературного языка в устной сфере [12, с. 145]. Наибольший оптимизм в этом отношении характерен для так называемых «флорентинистов»; сторонники «придворного языка» и часть архаистов (в частности, Ф. Фортуньо), сосредотачиваясь на кодификации языка в его письменной форме, в ряде случаев также апеллируют к устной речи. Лишь П. Бембо, чьи лингвистические труды оказали, пожалуй, наиболее глубокое влияние на характер кодификации итальянского языка [20, с. 242], ограничивается обсуждением письменной формы его существования.

Для португальских ренессансных лингвистов внимание к вопросам кодификации письменной речи характерно в той же степени, что и для европейской ренессансной лингвистики в целом [8, с. 109, 16, с. 736]; это объясняется как практической необходимостью в фиксации нормы, так и большей «осязаемостью» письменной речи, облегчающей процессы нормализации и кодификации.

Автор орфографического трактата «Regras que ensinam a maneira de escrever a ortografia da lingua portuguesa» Магальяенш де Гандаву, в отличие от более поздних авторов, таких как Алвару Феррейра де Вера (автор орфографического трактата “Orthografia ou modo para escrever certo na lingua portuguesa”, 1631), опирается на письменный узус. Он критикует тех, кто “escrivieron e <...> escriven sus obras en castellano” (D6) «написали и пишут свои труды на кастильском», и предпринимает попытку кодификации португальского языка в его письменной форме, ориентируясь на латынь. Однако, с его точки зрения, это не противоречит стремлению приблизить орфографию к произношению:

“não havia de aver pessoa que se prezasse de si, q não trabalhasse por saber algũ latim, que nisso consiste o falar bem Portugues: & desta maneira facilmete evitarão todos estes erros, & serão perfectos em guardar a orthographia & pronunciação dos vocabulos” (Gan, A5). «Необходимо, чтобы все уважающие себя люди старались изучать латынь, ибо это означает хорошо владеть португальским языком; так они легко избегнут всех этих ошибок и смогут наилучшим образом соблюдать [правила] написания и произношения слов».

Для грамматики Ф. Оливейры характерно внимание как к письменной, так и к устной речи – в первую очередь, обиходно-разговорной [5, с. 43]. Как пишет М.А. Косарик, «Устная речь выступает в его грамматике и как основа фиксируемой нормы, и как объект кодификации» [8, с. 109]. Так, Оливейра заявляет о своем намерении вывести грамматические правила путем наблюдения за узусом, речью: notemos o falar dos nossos homes & da hi ajunaremos preçeitos (Ol, v, Av v) «обратим внимание на то, как у нас говорят, и на основании этого составим рекомендации». Внимание грамматиста при-

влекают многие процессы, протекавшие в его эпоху в устной речи, в частности, усиление редукции гласных (OI, xviii, Bv; xxv, Bvii v; xxvi, Bviii) и тенденция к эпитезе после конечного -r (OI, xxix, Cij v).

Для Ж. Барруша, несмотря на то, что в его лингвистической концепции узус имеет меньший вес, чем в концепции Ф. Оливейры (Косарик стр. 100), грамматика – это “*hũ módo certo e iusto de falár & escrever, colheito do uso, e autoridade dos barões doutos*” (Bar, 2) «точный и правильный способ говорить и писать, основанный на обычае и авторитете образованных людей».

В целом, для португальской лингвистической доктрины рассматриваемой эпохи узус, как письменный, так и устный, играет первоочередную роль, служит главным ориентиром при кодификации языка. Относительное языковое единство и существование социального слоя, чья речь считалась престижной и пригодной для подражания, в ренессансной Португалии решало проблему базы языковой нормы. В этот же период в Италии единственным безусловным авторитетом в том, что касалось языка, были писатели, умершие более чем за столетие до появления первой печатной грамматики итальянского языка, созданной с опорой на их узус [2, с. 202]. Языковая норма, таким образом, оказывалась заведомо оторванной от живого узуса [1, с. 329]. Попытки флорентийских грамматистов сблизить норму с живым узусом современной им Флоренции лишь в отдельных случаях имели успех, тогда как в целом доминирующим в процессе нормализации и кодификации языка надолго остался архаизирующий подход и понимание языковой нормы как искусственного кода, сфера

действия которого ограничена письменной речью [22, с. 44-45].

На примере итальянских и португальских лингвистических сочинений XVI века особенно заметным становится то, как одни и те же вызовы эпохи – развитие книгопечатания, формирование национального самосознания, осмысление роли национального языка и необходимость в его изучении и описании – в разных национальных лингвистических традициях оказываются встречены и осмыслены весьма различным образом. Для португальцев XVI век был эпохой достижений в самых разных областях, и на этом фоне кодификация языка воспринималась как дело государственной значимости и, одновременно, дело, к которому причастно все население страны (учитывая особую роль узуса в процессе кодификации). В Италии XVI век – период, когда страна далека от политического единства; за господство на Апеннинском полуострове борются Франция и Испания, а папский престол и те города и земли, которые сохраняют независимость, действуют в своих интересах, не будучи объединены общей национальной идеологией. В этой ситуации попытки языковой унификации, подготовленные не столько «снизу», путем унификации узуса, сколько «сверху», благодаря литературной моде, оказываются сопряжены с целым набором проблем. В итальянских «спорах о языке» родились и оформились не только лингвистические концепции, оказавшие влияние на формирование и кодификацию итальянской языковой нормы, но и, во многом, сама идея языкового и культурного единства итальянцев, столь важная для дальнейшей истории страны.

Библиографический список (References)

1. Alisova T.B., Chelysheva I.I. History of the Italian Language: from early texts to the XVI century. Moscow: MSU Publishers, 2009.
2. Alisova T.B. Standardization of the Italian Literary Language: XVI century. // Proceedings of the Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences 1960. vol. X: 177-203.
3. Volf E.M. Normalization and Codification: First Grammars and Linguistic Treatises on Ibero-Romance Languages. In: Language Norm: Typology of Normalization Processes. Moscow: Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences, 1996: 105-127.
4. Volf E.M. The Development of Standard Romance Languages. The Portuguese Language. Moscow: Science, 1983.
5. Kosarik M. A. The Importance of Renaissance for the Development of Linguistics as Science. In: Lomonosov Symposium 1994. Moscow: MSU Publishers, 1994: 38-53.
6. Kosarik M. A. On Certain Peculiarities of the First Grammar of the Portuguese Language by Fernão Oliveira. In: History and Modern State of the Ibero-Romance Languages. Moscow: MSU Publishers, 1988: 44-54.
7. Kosarik M. A. Continuity and Development of Ideas of Apology and Fixation of Language Norm in Portuguese Linguistics. In: Camões Symposium (Proceedings of the First Symposium of Russian Portugalists). Moscow: NTK “Conservatorium”, 1994: 10-12.
8. Kosarik M. A. Sociolinguistic Issues in Early Portuguese Linguistic Treatises. Moscow: MAKSPress, 2013.
9. Semeniouk N.N. Development of Language Norm and Types of Codification Processes. In: Language Norm: Typology of Normalization Processes. Moscow: Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences, 1996: 23-44.
10. Stepanova L.G. Towards the History of Early Italian Grammars: Unedited Remarks of a Contemporary on the Margins of P. Bembo’s “Prose della volgar lingua” (1525, book III). Saint Petersburg: Science, 2005.
11. Stepanova L.G. XIV-XVI Century Italian Linguistics. Saint Petersburg: Christian Humanities University Publishers, 2000.
12. Chelysheva I.I. Theory and Practice of Language Standardization in the XVI Century Italy. In: Language Norm: Typology of Normalization Processes. Moscow: Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences, 1996: 128-153.
13. Chelysheva I.I. The Development of Romance Literary Languages. The Italian Language. Moscow: Science, 1990.
14. Devoto G. Profile of the History of the Italian Language. Florence: La nuova Italia, 1953.
15. Durante M. From Latin to Modern Italian. Essay on Linguistic and Cultural History. Bologna: Zanichelli, 1994.
16. Gonçalves M.F. Thirty Years of Portuguese Linguistic Historiography. Proceedings of the XXXV International Symposium of Spanish Linguistic Society. Leon, University of Leon, Dpt. of Spanish and Classic Philology, 2006. Electronic Publication: <http://www3.unileon.es/dp/dfh/SEL/actas.htm>.
17. Hall R.A. The significance of the Italian Questione della Lingua. Studies in Philology 1942, Vol. 39; 1: 1-10.
18. Kukenheim L. Outline of the History of Italian, Spanish and French Grammar of the Renaissance. Utrecht: H & S Publishers, 1974.

19. Labande-Jeanroy T. Language Controversy in Italy. Strasbourg; Paris: Istra Maison d'édition, 1925.
20. Marazzini C. Theories. In.: Serianni L., Trifone P. (eds.) History of the Italian Language. Turin: Einaudi, 1993: 231-335.
21. Migliorini B. History of the Italian Language. Florence: Sansoni, 1963.
22. Nencioni G. On Written and Spoken Language. Bologna: Zanichelli, 1983.
23. Nencioni G. Between Grammar and Rhetoric. The Case of Polymorphy in the XIII-XVI Century Literary Language. Florence: Olschki, 1953.
24. Patota G. Grammatical Issues. In.: Serianni L., Trifone P. (eds.) History of the Italian Language. Turin: Einaudi, 1993: 93-139.
25. Skytte G. From Alberti to Fornaciari. Development of the Italian Grammaticography. *Revue Romane* 1990; 2: 268-278.
26. Tralbalza C. History of the Italian Grammaticography. Milan: Hoepli, 1908.
27. Trovato P. History of the Italian Language: Early XVI Century. Bologna, Il Mulino, 1994.
28. Vitale M. Language Controversy. Palermo: Palumbo, 1978.
29. Vallance L. The Dismissed Grammarian. *Regole osservanze, e avvertenze sopra lo scrivere correttamente la lingua volgare Toscana in prosa & in versi* (Naples, 1545) by Paolo del Rosso, First Tuscan Grammar of the XVI Century. *Vox Romanica* 2009; 68: 45-97.
30. L.B. Alberti The First Grammar of the Italian Language. The Vatican Grammar. (Ed. by Cecil Grayson). Bologna: Commissione per i Testi di Lingua, 1964.
31. Pietro Bembo Prose reflectons on volgar lingua. (Ed. by Mario Marti.) Padua: Liviana, 1955.
32. João de Barros Grammar of the Portuguese Language. Lisbon: Faculty of Philology, 1971.
33. Magalhães P. De Gândavo Rules of writing and Orthography og the Portuguese Language. Introduction by M. L. Carvalhão Buescu. (Facsimile of the first edition, 1574). Lisbon: Biblioteca Nacional, 1981.
34. Paolo del Rosso Rules, Observations and Recommendations on How to Write Correctly in Tuscan Prose and Verse. Naples, 1545.
35. Francesco Fortunio Grammar Rules of the Native Tongue. Bologna: Arnaldo Forni, 1979.
36. Fernão de Oliveira Grammar of the Portuguese Language. Facsimile Edition. Lisbon: Biblioteca Nacional, 1981.
37. Claudio Tolomei The Cesano on the Tuscan Language. Florence: Crusca Accademy, 1996.
38. Giovan Giorgio Trissino Linguistic Treatises. Rome: Salerno Editors, 1986.
39. Benedetto Varchi The Ercolano. Milan: Typography of Italian Classics, 1804.

УДК 821.161.1(091) ТУРГЕНЕВ И.С.

UDC 821.161.1(091) ТУРГЕНЕВ И.С.

Н.В. ИЛЮТОЧКИНА

зав. отделом Дома-музея Государственного мемориального и природного музея-заповедника И.С. Тургенева «Спаское-Лутовиново»
E-mail: ilunata@yandex.ru

N.V. ILYUTOCHKINA

chief of the House-Museum of the I. S. Turgenev State Memorial and Preserve Museum «Spasskoe-Lutovinovo»
E-mail: ilunata@yandex.ru

КОНЦЕПТ ДОМА В РОМАНАХ И.С. ТУРГЕНЕВА 1850-Х ГОДОВ

CONCEPT OF THE HOUSE IN I.S. TURGENEV'S NOVELS IN 1850-ES

Статья посвящена анализу концепта «дом» в романах И. С. Тургенева. Выявляются основные концептуальные слои, семантический потенциал, индивидуально-авторская реализация художественного концепта.

Ключевые слова: дом как художественный концепт, семантика, концептуальные слои, индивидуально-авторская реализация.

The article is devoted to the analysis of concept "house" in I.S. Turgenev's novels. Semantic potential, the author's individual realization of artistic concept, and main conceptual layers are revealed.

Keywords: house as artistic concept, semantics, conceptual layers, the author's individual realization.

Специфическая тенденция современной науки – поиск смысловых и общекультурных доминант, присутствующих в художественной литературе. Одним из терминов, вошедших в новейшее литературоведение, является «художественный концепт», а одной из аксиологических доминант русского национального сознания и одновременно ключевых понятий, наиболее

репрезентативных для постижения «ценностных кодов» творчества большинства отечественных авторов и И.С. Тургенева, в частности, – «дом». Начиная с Л.В. Пумпянского, исследователями отмечается сходство сюжетных схем тургеневских романов, в построении которых основную роль играет возможность пересечения героями структурной границы дома, яв-

ляющего местом развития основных событий и играющего сюжетобразующую роль (В.В. Высоцкая, В.А. Доманский и др.). К изучению дома в текстах Тургенева учёные подходят с различных позиций. Тема пространственной организации дома затрагивается в работах В.С. Краснокутского, Л.В. Миндыбаевой, В.Г. Щукина. На важную роль предметно-бытовой обстановки дома в тургеневских произведениях указывают Л.П. Гроссман, Л.В. Миндыбаева, Л.Н. Назарова, С.Е. Роговер, А.Г. Цейтлин, В.Г. Щукин и др. «Дом» как место «прикреплённости» персонажей писателя и как часть «бытового пространства» – «пространства действия героя» – рассматривается И.И. Величкиной. О доме – своеобразном двойнике тургеневского героя пишут В.А. Громов, Розана Казари, о значимости мотива и пространственного образа дома в романах писателя – А.А. Бельская, Н.В. Логутова, В.М. Маркович и др. Символика пространства дома в поэтике писателя изучается О.В. Дедюхиной.

Не будет преувеличением утверждать, что «дом» в тургеневском романе предстает концептуально осмысляемым пространством. Между тем в практике конкретного анализа романов писателя «дом» как концептуальное понятие почти не проанализирован. Исключение составляет работа голландского учёного Йоста Вана Баака, в которой изучается сюжетная история данного концепта в русской литературе и отмечается его «амбивалентный характер», в том числе в произведениях Тургенева [1].

Наша цель – рассмотреть «дом» как «слово-индекс», за которым в тургеневских текстах скрывается комплексный образ, концепт, вбирающий в себя архетипические, мифологические, культурно-исторические представления и одновременно актуализирующий индивидуальные – авторские – признаки, что будет способствовать прояснению и способов организации пространства романов писателя, и его художественной модели мира.

В современной науке существует множество интерпретаций понятия «концепт». Литературоведы в основном осмысливают его как художественное явление, которое реализуется в произведении в образах. Под «концептом» мы будем понимать смысловую структуру, воплощенную в устойчивых образах и обладающую культурно значимым содержанием, семиотичностью, символической и ментальной природой. Нами учитываются следующие актуализированные в концепте слои: понятийный, предметный, ассоциативный, образный, символический и ценностно-оценочный [9, с.74].

Анализ показывает, что в романах Тургенева 1850-х годов семантика слова «дом» многозначна, и его концептуальный слой реализуется в следующих когнитивных слоях: 1) строение, 2) усадьба, 3) жилище, 4) семья, семейный очаг, 5) родной кров, память о предках, связь поколений, 6) родина.

Когнитивные признаки дома как строения (материал, цвет, расположение, границы, время строительства) присутствуют во всех романах Тургенева. Это и дом Дарьи Михайловны Ласунской – «огромный ка-

менный, сооруженный по рисункам Растрелли во вкусе прошедшего столетия, он величественно возвышался на вершине холма, у подошвы которого протекала одна из главных рек России» [10, с.208]; и дом Липиной и её брата Волынцева – «недавно выстроенный и выбеленный» («Рудин») [10, с.205]; и «небольшой домик» Лаврецких в Васильевском, выстроенный в прошлом столетии из «прочного соснового леса», который «на вид казался ветхим, но мог простоять ещё лет пятьдесят или более» («Дворянское гнездо») [11, с.61]; и дом Стаховых в Кунцеве – «небольшой деревянный домик с мезонином, выкрашенный розовой краской», стоящий посреди сада («Накануне») [11, с.170] и т.д.

Нередко дом ассоциируется в тургеневских текстах с бытовым пространством всей дворянской усадьбы. В романе «Накануне» читаем: «Анна Васильевна, к великой радости Елены, переселилась в Москву, в свой большой деревянный дом возле Пречистенки, дом с колоннами, белыми лирами и венками над каждым окном, с мезонином, службами, палисадником, огромным зелёным двором, колодцем на дворе и собачей конуркой возле колодца» [11, с.249]. Такое понимание дома сродни русским народным представлениям, когда под словом «дом» мыслилось «всё хозяйство вообще, включая жилую избу и дворовые постройки: хлев, овин, баню, амбары, сараи и т.д.» [5, с.232].

Наиболее часто в романах Тургенева встречается употребление слова «дом» в значении «жилище» (обитание, общение, уклад, быт, атмосфера, планировка, интерьер), как обжитого, ограждённого от внешнего мира пространства. Подобное восприятие дома связано с древней традицией. В славянской мифологии и устном народном творчестве дом всегда является защитой, убежищем и противопоставляется всему остальному, «чужому» и обычно враждебному миру [6, с.232]. В свете архетипических представлений «дом-жилище» – это пространство безопасное, защищающее от внешнего мира. Аналогичную трактовку Дом получает в романе Тургенева «Рудин»: «А на дворе поднялся ветер и завыл зловещим завываньем, тяжело и злобно ударяясь в звенящие стёкла <...> Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть тёплый уголок... И да поможет господь всем бесприютным скитальцам!» [10, с.322]. Точно так же, как в концептосфере русского народа, дом у Тургенева – уютное безопасное пространство («тёплый уголок»), которому противостоит опасное – «зловещее», «злобное» – пространство внешнего мира. В сочетании слов «кров», «тёплый уголок» раскрывается образ дома как средоточия тепла, добра, безопасности, уюта. Напротив, негативно окрашенная лексика: «зловещий», «злобно», «бесприютный» – определяют образ пути, драматическую участь странника.

Нередко дом соотносится в романах Тургенева с таким понятием, как «семейная жизнь». В «Накануне» в пылу семейного спора, разгорячённый Николай Артемьевич Стахов произносит: «В кои-то веки приедешь домой, хочешь отдохнуть, – говорят: семейный круг, intérieur («внутренний» – *Н.И.*), будь семьянином, – а тут сцены, неприятности. Минуты нет покоя.

Поневоле поедешь в клуб или... или куда-нибудь. Человек живой, у него физика, она имеет свои требования, а тут...» [11, с.192]. Понимание семейной жизни как замкнутого геометризованного пространства круга также обращает к архетипическим представлениям. По К. Г. Юнгу, «семейный круг» входит в число наиболее важных архетипов и символизирует уют, защиту, закон, порядок [12]. В «Накануне» ассоциатами дома как «семейной жизни» выступают «отдых», «покой», «семейственность».

Немаловажно, что дом часто наделяется в тургеневских текстах антропоморфными свойствами и предстаёт живым существом – подвижным, меняющимся, преображающимся (в «Дворянском гнезде» – «стены дома недоумевают»; «дверь на балкон широко зевала, раскрытая настежь»; дом Калитиных «глянул <...> своим темным фасом»; в «Накануне» – дом Стаховых «как-то наивно выглядывал из-за зелени деревьев» и т.д.).

Сквозным в романах Тургенева становится образ «дома-гнезда». Наряду с традиционным пониманием «дома-гнезда» в значении «жилище», «семья» [5, с.362], связанным с архаическим сознанием, у писателя наблюдается индивидуально-авторское расширение ассоциативного потенциала концепта: 1) родовая усадьба, 2) род, 3) вечность.

В «Рудине» понятие «гнездо» впервые появляется в рассказанной главным героем скандинавской легенде, заканчивающейся словами о человеке, который «в самой смерти найдёт <...> свою жизнь, своё гнездо...» [10, с.230]. Здесь понятие «гнездо» соотносится с вечностью. Смысл легенды состоит в том, что не жизнь чревата смертью, т.е. концом, но смерть – жизнью (гнездом), неким новым рождением. Впоследствии понятие «гнездо» возникает в финале романа, в словах Лежнева, обращённых к Рудину: «Но помни: что бы с тобой ни случилось, у тебя всегда есть место, есть гнездо, куда ты можешь укрыться. Это мой дом... слышишь, старина? У мысли тоже есть свои инвалиды: надобно, чтоб и у них был приют» [10, с.321]. В сознании Лежнева «дом», «приют», «гнездо» объединяются как категории одного ряда. Напротив, для Рудина «дом» – это лишь «угол», нечто, вызывающее ассоциативное представление о замкнутом и безвыходном жизненном пространстве («Угол есть, где умереть»). Значимее, чем дом, для Рудина понятие «приют» («...приюта я не стою»). Наконец, «гнездо» никак не соотносится в речи героя с представлениями о «приюте» и «доме». Стоит согласиться с В.М. Марковичем, что в рассуждениях Рудина «гнездо» имеет более высокое значение, связанное с обретением «высшей цели» и «высшего смысла жизни», а дом, в авторской интерпретации, ассоциируется не только с представлением о «сфере житейских радостей и житейских благ», но и с представлением «о тех или иных формах духовной ограниченности, о быстроте и ничтожности земной жизни» [8, с.127]. Рудин, пожалуй, – единственный герой Тургенева, у которого изначально нет определённой сферы существования, нет домашнего очага, и до конца романа он – «бесприютный скиталец», умирающий на чужбине и обретающий смысл жизни через преодо-

ление, вне «крова дома». Важно, однако, не столько то, что Рудин существует без дома и без родины, сколько то, что ему присуща внутренняя бездомность – восприятие дома как чуждого себе. Права А.А. Бельская, что «для Рудина *замкнутое* и *безопасное* пространство дома не является идеологически ценным, ценностное значение для героя имеет *открытое* и *опасное* пространство внутреннего пути». Недаром центральной оппозицией в романе является оппозиция *дом/путь* (с акцентом на последний), которая «способствует формированию тургеневской картины бытия и выражению глубинных представлений писателя о мире и человеке: значимо и ценно то, что связано с жертвой, с тем, что не просто получено, а достигается усилиями воли, приобретается посредством поиска» [4, с.41].

Индивидуальность Тургенева сказывается в том, что в романах 1850-х годов он неизменно противопоставляет «дом» «бездомности», которая, по словам А.А. Бельской, «соотнесена у писателя с идеей поиска (пути) и “округлением” жизни человека (самореализацией “я” в мире)» [2, с.101]. Как в «Рудине», так и «Дворянском гнезде» ключевой оппозицией является оппозиция *дом/путь*, но в последнем романе она моделируется с помощью ещё двух оппозиций: *европейский, ухоженный дом/родовой, ветхий дом* (Лаврецкий); *дом/комнатка*, впоследствии – *монастырь* (Лиза). Об особенностях первой оппозиции Йост Ван Баак замечает, что с образом Лаврецкого в романе связаны два дома: один из них – роскошный, ухоженный, европейский – вызывает у героя лишь горькие воспоминания, и он предпочитает поселиться в заброшенном доме в Васильевском. «С самого начала ясно, – пишет учёный, – что контраст этих двух домов окажется определяющим и для характера персонажа, и для сюжета в целом» [1]. В романе особое значение имеет описание родового дома в Васильевском, куда приезжает Лаврецкий из-за границы: «“Вот я и дома, вот я и вернулся”, – подумал Лаврецкий, входя в крошечную переднюю» [11, с.61]. Опираясь на такие понятия, как родина, род, почва, родная земля, писатель создает в романе образ «дома-гнезда» – мирного, покойного, уютного, закрытого пространства, связанного с житейскими человеческими радостями, семьёй, родом. Дом в Васильевском воплощает родовую память, связь с предками, Родину («никогда не было в нем так глубоко и сильно чувство родины»). Между тем Лаврецкий, который обретает дом-Родину, теряет гнездо-семью (сбывается пророчество Глафиры Петровны: «Только помяни моё слово, племянник: не свить же тебе гнезда нигде, скитаться тебе век»), и в финале романа предстаёт «бездомным странником».

В отличие от дворянского гнезда Лаврецких, в другом дворянском гнезде – гнезде Калитиных связь поколений не прерывается: «... дом Марьи Дмитриевны не поступил в чужие руки, не вышел из её рода, гнездо не разорилось» [11, с.154]. При этом дом Калитиных не просто меняется «под лад новым обитателям» («дом Марьи Дмитриевны как будто помолодел: его недавно выкрашенные стены белели приветно, и стёкла раскрытых окон румянились и блестели на заходящем

солнце; из этих окон неслись на улицу радостные, лёгкие звуки звонких молодых голосов, непрерывного смеха; весь дом, казалось, кипел жизнью и переливался весельем через край»), в нём (доме-гнезде) утерян «рай» прежнего «золотого века» дворянства – Лиза уходит в монастырь. Так в романе возникает «оппозиция *дом/монастырь*» (А.А. Бельская). Примечательно, что «приятнейшему в городе» дому Калитиных в тексте противостоит «чистая, светлая», «небольшая комнатка во втором этаже» Лизы Калитиной, которую Марфа Тимофеевна называет «келейкой»: «– А ты, я вижу, опять прибирала свою келейку» [11, с.150]. Образ комнатки-келейки появляется в том момент, когда преисполненная самоотверженной любви Лиза принимает решение уйти в монастырь. Потеряв надежду на личное счастье, осознав своё назначение в служении Богу (отмолить «свои грехи и чужие»), героиня Тургенева дальнейшее пребывание в родном доме считает невозможным: «... чувствую я, что мне не житьё здесь; я уже со всем простилась, всему в доме поклонилась в последний раз; отзывает меня что-то; тошно мне, хочется мне запереться навек» [11, с.151]. Надо согласиться с А.А. Бельской, что выражением основной оппозиции тургеневского романа – *дом/монастырь* становятся, в том числе, два фитообраза – «комнатное розовое деревце с расцветшим *розаном* – символ убежища, приюта, дома, чистой и преданной земной любви Лизы, и *желтофиоли* – символ жертвенного служения и крестного пути героини», и эта флористическая пара (*розан/желтофиоли*) воплощают те драматические обстоятельства, в которые поставлена Лиза Калитина, покидающая родной дом и избирающая путь иночества» [3, с.266]. Духовным пространством для тургеневской героини становится монастырь, уход в который означает движение из замкнутого, теряющего духовные связи пространства дома («Я всё знаю, и свои грехи, и чужие, и как папенька богатство наше нажил...») по направлению к духовному миру – монастырю. Заметим, что, начиная со средневековых представлений, разрыв с грехом и грешной жизнью мыслится как уход, пространственное «перемещение из места грешного в место святое» [7, с.299]. Соответственно, в «Дворянском гнезде», с одной стороны, монастырь выступает антидомом, с другой – образуется ассоциативная вертикаль духовно-нравственного восхождения героини.

В романе «Накануне» оппозиция *дом/путь* является основной в сюжете главной героини Елены Стаховой и определяет вектор её идейно-нравственного движения (от желания делать добро к практической деятельности). Именно Еленой выстраивается важная ассоциативная цепочка: дом – семья – родина: «Ведь это все-таки мой дом, – думала она, – моя семья, моя родина...» [11, с.244]. Дом, соединённый в сознании Елены с семьёй, родиной, имеет для неё несомненную ценность. Неслучайно героиня, характеризуя свои доверительные отношения с Инсаровым, прибегает к метафорическому сравнению возлюбленного с домом: «Мне с ним хорошо, как дома» [11, с.227]. Это указывает на принятие героиней дома. Вместе с тем, для неё, живущей жаждой «дейтельно-

го добра», после того, как Инсаров помогает ответить на вопрос, «как делать добро», пребывание в отчем доме – семье, родине – становится сродни нахождению в тюрьме: «Точно я в тюрьме, и вот-вот сейчас на меня повалятся стены» [11, с.224]. Гнетущее психологическое состояние Елены обусловлено тем, что свою будущую жизнь, надежды на реализацию благородных устремлений она связывает не с пространством родного дома – Россией, а с родиной Инсарова: «Но уже мне нет другой родины кроме родины Д.» [11, с.298]. Примечательно, что понятие «родина Д.» в рассуждениях Елены оказывается в одном ряду с понятиями «дорога», «цель», «гнездо»: «...у него (Инсарова – И.И.) есть дорога, есть цель – а я, куда я иду? где мое гнездо?» [4, с.226].

Как видно, в романах Тургенева 1850-х годов Дом является сущим началом с аксиологической точки зрения, но идеал – должное – для центральных героев писателя лежит в Мире. Отсюда разная оценка тургеневскими персонажами *дома* как жилища: для героев-*homo familias* (Лежнев, Наталья Ласунская и др.) он сопрягается со светом, уютом, покоем, гнездом, воспринимается как «своё» пространство, связан с позитивными эмоциями и выполняет охранительную функцию; для героев-странников *дом* (изначально или в процессе развития романых событий) – «чужое» пространство. Следовательно, семантика *дома* носит у Тургенева амбивалентный характер. С одной стороны, *дом* в соответствии с национальными представлениями осмысливается писателем как средоточие уюта, тепла, комфорта, как сфера житейских радостей, и, соответственно, признаётся ценность *дома* как «своего», безопасного, защищающего от внешних невзгод пространства, связанного с семьёй, родом, родиной. С другой стороны, герои Тургенева зачастую *дома* не обретают или лишаются его. Недаром традиционными оппозициями в романах писателя являются оппозиции *дом/бездомье* (*гнездо/безгнездовье*), *дом/путь* (*дорога*), *дом/мир*. На фоне этих оппозиций нельзя не заметить две противоположные модели движения героев: центробежная – от дома (Рудин, Лаврецкий, Лиза Калитина, Елена Стахова) и центростремительная – к дому (Лежнев, Волынец, Наталья Ласунская и др.). При этом «бездомность» тургеневских героев – это высокая миссия, поскольку через бездомье, страдания и порой гибель они приобщаются к высшим ценностям.

Таким образом, в романах Тургенева концепт «дом» представляет собой одну из важнейших пространственных констант. Он вбирает в себя как универсальные общечеловеческие и национальные признаки, так и индивидуально-авторские. Наряду с реализацией в тургеневских текстах общечеловеческих когнитивных признаков концепта: «тепло», «уют», «семейность», – присутствуют авторские: «неподвижность», «духовная ограниченность», «ничтожность земной жизни». Своеобразие Тургенева состоит в том, что быт дома и бытие в нём осмысливается как феномен дворянской культуры. При этом особое значение в романах писателя имеют внутренние переживания героев, связанные с домом, а обратной стороной является феномен бездомности, поиска смысла бытия через странничество.

Библиографический список

1. Баак Й. О русской концептосфере // [Фонд имени Д. С. Лихачева]. URL: <http://www.lfond.spb.ru/programs/likhachev/100/stenogrammi/baak>
2. Бельская А.А. «Дума» М.Ю. Лермонтова в контексте романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. Орел, 2009. С. 95-102.
3. Бельская А.А. «Лизин текст» И.С. Тургенева и А.С. Пушкина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4 (54). Орел, 2013. С.259-267.
3. Бельская А.А. «Странники» И.С. Тургенева: от Рудина к Лаврецкому / ред.-сост. Е.Н. Левина // Спасский вестник. Вып. 15 Тула: Гриф и К, 2008. С. 37-50.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : Т. 1-4. М. : Рус. яз., 1981 Т. 1. А – З. 1981. 699 с.
5. Краткая энциклопедия славянской мифологии: Около 1000 статей / Н. С. Шапарова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Русские словари», 2001. 624 с.
6. Лотман Ю.М. Семиосфера. - СПб. : Искусство-СПб, 2004. 704 с.
7. Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30 – 50-е годы). Л. : Изд. Ленинградского ун-та, 1982. 208 с.
8. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003. 280 с.
9. Тургенев И.С. Полн. Собр. Соч. и писем: В 30 т. Сочинения : В 12 т. Изд. 2-е, испр. и дополн. С. Т. V. М. : Наука, 1980. 544 с.
10. Тургенев И.С. Полн. Собр. Соч. и писем: В 30 т. Сочинения : В 12 т. Изд. 2-е, испр. и дополн. С. Т. VI. М. : Наука, 1981. 496 с.
11. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.

References

1. Baak J. About Russian concept sphere // [D. S. Likhachev's fund]. URL: <http://www.lfond.spb.ru/programs/likhachev/100/stenogrammi/baak>
 2. Belskaya A. A. M.Y. Lermontov's "Duma" in the context of I. S. Turgenev's novel ["Nest of the Gentry"] // Scientific notes of The Orel State University. Series: The humanities and social studies. – Orel, 2009. № 3. - Pp. 95-102.
 3. Belskaya A.A. Turgenev's and Pushkin's «Liza's text» // Scientific notes of Orel State University. Series: The humanities and social studies. Vol. 4 – no. 54. 2013. – Orel, 2013. – Pp. 259-267.
 4. Belskaya A. A. I. S. Turgenev's "Wanderers": From Rudin to Lavretskiy / editor-compiler E. N. Levina // Spasskiy vestnik. – Number 15 – Tula: Grif and K, 2008. – Pp.. 37-50.
 5. Dal V. I. Explanatory dictionary of the alive Russian language: Vol. 1-4. – M. : Rus. lang., 1981 – Vol. 1. A – Z. 1981. 699 p.
 6. Short encyclopaedia of Slavonic mythology: About 1000 articles / N. S. Shaparova. – M.: ООО «Publishing house AST»: ООО «Publishing house Astrel»: ООО «Russkie slovani», 2001. 624 p.
 7. Lotman Y.M. Semiosphere. – Saint-Petersburg. : Iskustvo-Saint-Petersburg, 2004. 704 p.
 8. Markovich V.M. I.S. Turgenev and Russian realistic novel of the XIX century (30-ies – 50-ies). L.: Publishing of the Leningrad University, 1982. 208 p.
 9. Tarasova I.A. Georgiy Ivanov's style of idioms: cognitive aspect. – Saratov: Publishing of the Saratov University, 2003. 280 p.
 10. Turgenev I.S. Complete works and letters: In 30 vol. Literary works: In 12 vol. Publ. 2, corrected and with additions. C. V. V. - M. : Nauka, 1980. 544 p.
 11. Turgenev I.S. Complete works and letters: In 30 vol. Literary works: In 12 vol. Publ. 2, corrected and with additions. C. V. VI. - M. : Nauka, 1980. 496 p.
 12. Young K.G. About archetypes of the collective unconscious // Archetype and symbol. - M.: Renessans, 1991. 304 p.
-

А.Ф. КАЛИНИН

кандидат филологических наук, доцент кафедры естественных и гуманитарных дисциплин Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова (Балашовского филиала)
E-mail: Kalininarkadiy@mail.ru

A.F. KALININ

candidat of Philology, associate professor of natural-sciences and humanities department, Saratov state agrarian University of N.I. Vavilov (Balashov branch)
E-mail: Kalininarkadiy@mail.ru

**ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТИПА *ВОТ ГОЛОС ТАК ГОЛОС!* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ И ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)**

**PHRASEOLOGICAL SENTENCE SUCH TYPE AS VOICE IS VOICE! IN RUSSIAN LANGUAGE
(STRUCTURAL AND GRAMMATICAL, LOGICAL AND SEMANTICAL ASPECT)**

*В результате разноаспектного анализа русских фразеологизированных предложений типа *Вот голос так голос!* описана их лингвистическая сущность, охарактеризованы семантические структуры, что позволило предложить их структурно-грамматическую и семантическую классификации и приблизиться к построению общей типологии данных единиц, что имеет определенное значение для теории синтаксиса простого предложения в русском языке.*

Ключевые слова: русский язык, фразеологизированное предложение, структурно-грамматический аспект, логико-семантический аспект, семантическая структура предложения, односоставное и двусоставное предложение.

*Upon analyzing Russian phraseological sentence such type as *Voice is voice!* from various aspects, their formal and semantic organisation has been appeared, their linguistic essence has been described and semantic structures have been characterized. All the above have given opportunity to propose their semantical, structural and grammatical classifications and to approach the task of creating a general typology of these units.*

It has determinate for syntax theory of simple sentence in the Russian language.

Keywords: Russian language, phraseologically bound sentence, structural and grammatical aspect, logical and semantic aspect, one-member sentence and two-member sentence, semantic structure of sentence.

Лингвистическая сущность фразеологизированных предложений типа *Вот голос так голос!* не исследована, не изучена их формальная и смысловая организация, не определены их типология и место в системе простого предложения в русском языке, что представляется весьма актуальным.

Вначале отметим, что в системе простого предложения в русском языке, как и в других славянских и шире – индоевропейских языках, наличествуют различные оппозиции; центральными из них являются противопоставления свободные / фразеологизированные предложения и двусоставные / односоставные предложения.

Предложения типа *Вот голос так голос!* являются фразеологизированными. Следует подчеркнуть, что место синтаксических фразеологизмов в языке недостаточно определено ни по отношению к фразеологии, ни по отношению к синтаксису, хотя они представляют собой значительный языковой массив и широко употребляются в разговорной речи и в отражающих эту речь жанрах художественной литературы и публицистики, просторечии [11;14;15].

Фразеологизированными предложениями, или предложениями фразеологизированной структуры, или синтаксическими фразеологизмами, мы считаем, вслед

за авторами «Русской грамматики», предложения с индивидуальными отношениями и с индивидуальной семантикой, словоформы в которых соединяются идиоматически, а служебные и местоименные слова, частицы и междометия функционируют в них не по действующим синтаксическим правилам, а также фразеологические построения с утраченными или ослабленными грамматическими или прямыми лексическими значениями тех компонентов, с которыми связано выражение тех или иных субъективно-модальных значений [18, с.217].

Свободные предложения строятся по свободным структурным схемам и имеют живые грамматические связи между компонентами.

Относительно оппозиции двусоставное предложение / односоставное предложение подчеркнем, что в современной русистике существуют две противоположные точки зрения на проблему двусоставности / односоставности предложения.

Традиционная признает наличие в языке двусоставных и односоставных предложений, поскольку эти две равноправные языковые формы отражают разное представление внеязыковой действительности человеком как творцом и носителем языка. Двусоставное

предложение категоризует существование отношений «определяемое – определяющее», «предмет и приписываемый ему предикативный признак». Односоставное предложение категоризует предмет или признак как существующий независимо, не сочлененный предикативно с другим предметом или признаком [2; 12; 16].

Другая концепция, проводимая Г.А. Золотовой и ее сторонниками, утверждает наличие в языке только двусоставных предложений. Исходя из двучленности акта мышления, Г.А. Золотова полагает, что смысл односоставных предложений – в отнесении предикативного признака к окружающей среде, воспринимаемой говорящим «здесь» и «сейчас» [8].

Следовательно, проблема типологии простого предложения, определения его односоставности или двусоставности является в языке актуальной.

Полагаем наличие и в русском языке, и в других индоевропейских языках двусоставных и односоставных предложений и считаем, как и другие исследователи, что смысл односоставных предложений состоит в оценке определенного факта, ситуации как существующих независимо, вне отношений «предмет – признак».

В статье рассмотрены русские фразеологизированные предложения типа *Вот голос так голос!* С целью выявления лингвистической сущности и решения проблемы их классификации и типологии данные предложения исследуются в двух основных аспектах: структурно-грамматическом и логико-семантическом.

При изучении в структурно-грамматическом аспекте учитываются их формальная организация, грамматические значения предложения и отношения между образующими его словоформами.

Предложения типа *Вот голос так голос!* являются фразеологизированными. Они открываются указательной частицей *вот*, за которой следует соединение посредством утвердительной частицы *так* двух одинаковых форм одного и того же знаменательного слова – имени существительного в именительном падеже: *Вот учитель так учитель!*; *Вот красота так красота!* В совокупности они представляют собой главный член.

Фразеологизированные предложения типа *Вот голос так голос!* в структурно-грамматическом аспекте – это односоставные субстантивные предложения, предикативная основа которых представлена одним главным членом, и означают, что предмет обладает высокой степенью характеризующего его признака. Такие предложения имеют яркий экспрессивный характер и значение точного соответствия называемому, истинности и полноты.

В состав фразеологизированного предложения типа *Вот голос так голос!* может быть введено подлежащее – указательное слово или собственное имя [18, с. 384]: *Вот это красавицы так красавицы!*; *Вот он ученый так уж действительно ученый!*; *Вот наш Сидоров врач так врач!*

В этом случае данные фразеологизированные односоставные предложения трансформируются в двусоставные субстантивные предложения.

В соответствии с классификацией односоставных

предложений акад. А.А. Шахматова фразеологизированные предложения типа *Вот голос так голос!* могли бы быть определены как односоставные именные сказуемо-бесподлежащие предложения [20].

Исследуемые фразеологизированные односоставные субстантивные предложения могут быть нерасчлененными – в их составе отсутствуют детерминанты: *Вот мороз так мороз!* и расчлененными – в них наличествуют детерминанты.

Детерминанты в таких фразеологизированных предложениях имеют разные значения: пространственные: *Вот дворцы там так дворцы!*; временные: *Вот жара теперь так жара!*; значения отношения к лицу – субъектная детерминация – *у кого* со значением субъекта, носителя свойства, качества: *Вот у кого талант так талант!*; *Вот у Петрова способности так способности!*

С целью выявления лингвистической сущности фразеологизированных предложений типа *Вот голос так голос!* в структурно-грамматическом аспекте исследуем, как в них реализованы синтаксические категории модальности, времени и лица, формирующие универсальное грамматическое значение предложения, – предикативность [4, с. 268]¹, а также синтаксическая категория субъекта и семантическая категория агенса, или деятеля.

Синтаксическая категория модальности изучена еще недостаточно, чаще всего в ней разграничивают объективную модальность (отнесенность содержания предложения к действительности с точки зрения реальности/ирреальности, устанавливаемую говорящим) и субъективную модальность (значение достоверности/вероятности), которым соответствуют определенные способы их выражения, однако выделяют и другие модальные значения [3; 5; 9].

Объективная модальность присуща любому предложению и может быть выражена четырьмя способами: морфолого-синтаксическим, конструктивно-синтаксическим, интонационно-синтаксическим, лексико-синтаксическим. Каждому из способов свойственны свои средства выражения объективно-модального значения: морфолого-синтаксическому – глагольное наклонение (формы индикатива выражают реальность, императив и конъюнктив передают значение ирреальности), конструктивно-синтаксическому – типы безглагольных бытийных предложений (*Шум*; *В поле буря*; *Книги на полках*); интонационно-синтаксическому – интонация, лексико-синтаксическому – модальные лексические элементы. Основным способом выражения объективной модальности является морфолого-синтаксический.

Во фразеологизированных предложениях типа *Вот голос так голос!* проявляется объективная модальность реальности/ирреальности, способами ее выражения являются конструктивно-синтаксический, морфолого-синтаксический и интонационно-синтаксический. В исследуемых фразеологизированных предложениях типа *Вот голос так голос!*, являющихся повествовательными, проявляется объективная модальность реальности,

если связочный глагольный компонент *быть* в составе главного члена употреблен в форме настоящего, прошедшего или будущего времени. Ср.: *Вот радость так радость!* – *Вот радость была так радость!* – *Вот радость будет так радость!*

Объективная модальность ирреальности проявляется в данных фразеологизированных предложениях, в которых связочный глагольный компонент употреблен в форме сослагательного наклонения: *Вот радость была бы так радость!*

В фразеологизированных предложениях типа *Вот голос так голос!* на фоне объективной модальности реальности/ирреальности посредством вводно-модальных компонентов *конечно, несомненно, безусловно, вероятно, возможно, пожалуй* и др. выражается субъективная модальность, имеющая значение достоверности/вероятности: *Вот свадьба у них, конечно, так свадьба; Вот, пожалуй, мастер так мастер!*

Теперь о категории времени. Данная категория выражает отношение высказывания к моменту речи. Понятие синтаксической категории времени ввел в русистику акад. А.А. Шахматов, который считал наличие такой категории во всех типах предложений – как в глагольных, так и в неглагольных [20, с.19].

Необходимо различать категории морфологического и синтаксического времени. Морфологическая категория времени проявляется только в формах изъявительного наклонения. Синтаксическая категория времени характеризует уровень предложения и имеет свои средства выражения: структурную схему предложения как исходный член оппозиции, эксплицирующий синтаксическое настоящее время, и глагольное слово (знаменательное и служебное) с его средствами словоизменения, поставленными на службу синтаксису [7, с. 543].

Оригинальная концепция категории синтаксического времени разработана В.В. Востоковым, выделяющим в данной сложной категории прямое синтаксическое время, внутрисинтаксическое время и субъективно-оценочное время [6].

Синтаксическая категория времени реализуется или в системе временных форм предложения, образующих парадигму, или во вневременности – одной из форм ее проявления.

Полагаем, как и авторы «Русской грамматики», что фразеологизированные предложения типа *Вот голос так голос!* имеют четырехчленную модально-временную парадигму: настоящее, прошедшее и будущее время синтаксического индикатива и форму синтаксического сослагательного наклонения [18, с. 384]: *Вот (был, будет, был бы) поступок так поступок!; Вот (было – будет, было бы) путешествие так путешествие!*

Специфика фразеологизированных предложений типа *Вот голос так голос!* состоит в том, что основным способом выражения временных значений в них является конструктивно-синтаксический. В таких фразеологизированных предложениях проявляется расширенное настоящее время: *Вот пляжи там так пляжи!; Вот леса в Сибири так леса!*

Определенную роль в выражении временных значений в них играет морфолого-синтаксический способ, а также лексико-синтаксический. Детерминанты со значением времени в составе данных предложений влияют на выражение времени; они уточняют, конкретизируют в них значение времени. Так, в фразеологизированном предложении *Вот соревнования так соревнования на следующей неделе!* значение будущего времени выражено детерминантом времени «на следующей неделе».

Синтаксические категории лица, субъекта и семантическая категория агенса (деятеля) являются центральными в теории простого предложения, определяют его структурно-семантический тип.

Синтаксическое лицо – одна из основных категорий предикативности, устанавливающая отношение высказывания к говорящему, к собеседнику или к лицу, не участвующему в речи, т. е. к третьему лицу.

Синтаксическое лицо передается в предложении личными глагольными формами, личными и притяжательными местоимениями, существительным в функции подлежащего, вводным компонентом.

Главный член исследуемых фразеологизированных предложений не указывает на лицо, но по значению данные предложения соотносятся с третьим лицом: *Вот артист так артист!*

Вместе с тем в составе расчлененного предложения может быть детерминант, выражающий отношение высказывания к первому, второму или третьему лицу: *Вот везение так везение у меня (у тебя, у него)!; Вот сюрприз так сюрприз мне (тебе, ему)!*

Таким образом, фразеологизированные предложения типа *Вот голос так голос!* могут иметь полную микропарадигму лица.

Грамматический, или синтаксический субъект, – это словоформа с предметным значением, грамматически господствующая по отношению к словоформе, которая называет признак предмета [10, с.353]. Синтаксический субъект может проявляться как в словосочетании, так и в предложении: *Лунная ночь; Ночь – лунная; Мы пишем; Пароход отплыл.*

В более узком толковании грамматический субъект – это подлежащее. [10, с.353]

В фразеологизированных предложениях типа *Вот голос так голос!* отсутствуют словоформы с предметным значением, при которых имелись бы словоформы, обозначающие их признак, и поэтому они являются бессубъектными предложениями.

Агнс, или деятель, – это производитель глагольного действия. Агнс, или деятель, соотносится только с действием, это предмет (в широком понимании) действительности, производящий действие.

В фразеологизированных предложениях типа *Вот голос так голос!* отсутствуют словоформы, которые обозначали бы глагольное действие, и поэтому данные фразеологизированные предложения являются безагнсными.

Итак, исследование предложений типа *Вот голос так голос!* в структурно-грамматическом аспекте показало, что они являются фразеологизированными одно-

составными субстантивными предложениями в системе простого предложения в русском языке, бессубъектными, безагенсными и характеризуются спецификой выражения категорий модальности, времени и лица.

При исследовании фразеологизированных предложений типа *Вот голос так голос!* в логико-семантическом аспекте мы учитываем то, что в современной лингвистике сложился ряд концепций по поводу общей семантики предложения.

Распространенной является денотативная, или референтная, концепция значения предложения, базирующаяся на выявлении отношений между высказыванием и обозначаемой им ситуацией или событием [13;17].

Широко представлены в русистике и в зарубежной лингвистике исследования, авторы которых идут к смыслу предложения исходя из его формальной устроенности. Семантическая структура предложения определяется нами на основе его формальной организации.

Мы полагаем, как Daneš Fr., Н.Ю. Шведова, Н.Н. Арват, В.А. Белашапова и другие исследователи, что семантическая структура предложения – это содержание предложения, обобщение соответствующих лексических значений, осуществляемое и направляемое моделью предложения [21; 18;1;2].

Различают элементарные, простейшие семантические структуры, в состав которых входят элементарные семантические компоненты: семантический предикат (семантический предикативный признак), семантический субъект (носитель признака, действия, состояния) и семантический объект, и неэлементарные, расширенные семантические структуры, включающие в свой состав неэлементарные семантические компоненты с разнообразными определительными и обстоятельственно-определительными значениями [18; с. 124-125].

Проведенный компонентный анализ фразеологизированных предложений типа *Вот голос так голос!* показал, что семантические структуры данных предложений могут быть двух-, трех- и четырехкомпонентными.

Двухкомпонентные элементарные семантические структуры фразеологизированных предложений типа *Вот голос так голос!* состоят из семантического субъекта – главного члена предложения, представленного частицей *вот* и соединением в именительном падеже двух одинаковых форм одного и того же знаменательного слова при помощи частицы *так*, и семантического предиката, имплицитного, словесно не выраженного. Семантика схемы – существование, наличие предмета или предметно представленного действия, состояния; предмет здесь представлен как субъект бытия, существования: *Вот дождь так дождь!; Вот сон так сон!; Вот дома так дома!; Вот борьба так борьба!*

Трехкомпонентные семантические структуры фразеологизированных предложений типа *Вот голос так голос!* делятся на две группы:

1. элементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта – субъектного детерминанта, выраженного именем существительным или личным местоимением в косвенном падеже

с предлогом *у* со значением субъекта обладающего, носителя свойства, качества, семантического предиката (имплицитного), обозначающего существование, наличие предмета или предметно представленного действия, состояния, и семантического объекта со значением отношения к лицу, выраженного соединением в именительном падеже двух одинаковых форм одного и того же знаменательного слова и частиц *вот* и *так*: *Вот гастролы так гастролы у него!; Вот апартаменты так апартаменты у них!; Вот поля так поля у Иванова!; Вот дача так дача у соседа!*

2. неэлементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта, выраженном соединением в именительном падеже двух одинаковых форм одного и того же знаменательного слова и частиц *вот* и *так*, семантического предиката (имплицитного), обозначающего наличие, существование предмета или предметно представленного действия, состояния, и семантического конкретизатора (квалификатора) с пространственным, временным, образа и способа действия, причинным или целевым значением: *Вот погода так погода сегодня!; Вот мода так мода напояз!; Вот ответ так ответ сгоряча!; Вот встреча так встреча неожиданно!; Вот отдых так отдых на Кипре!*

Четырехкомпонентные семантические структуры фразеологизированных предложений типа *Вот голос так голос!* делятся на три группы:

1. элементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта – субъектного детерминанта, выраженного существительным или местоимением в косвенном падеже с предлогом, семантического предиката (имплицитного), обозначающего существование, наличие предмета или предметно представленного действия или состояния, и двух семантических объектов со значением отношения к лицу: *Вот подарок так подарок ей от сына!; Вот поездка так поездка у них с детьми!; Вот бизнес так бизнес у нее с партнерами!*

2. неэлементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта – субъектного детерминанта, выраженного именем существительным или местоимением в косвенном падеже с предлогом, семантического предиката (имплицитного), обозначающего существование, наличие предмета или предметно представленного действия или состояния, семантического объекта со значением отношения к лицу (принадлежности), выраженного соединением в именительном падеже двух одинаковых форм одного и того же знаменательного слова и частиц *вот* и *так*, и семантического конкретизатора с пространственным, временным, образа и способа действия, причины или цели значением, выраженном наречием или существительным в косвенном падеже: *Вот радость так радость у них теперь!; Вот работа так работа у Иванова там!; Вот костюмы так костюмы у них напояз!*

3. неэлементарные семантические структуры

ры, состоящие из семантического субъекта, выраженного соединением в именительном падеже двух одинаковых форм одного и того же знаменательного слова и частиц *вот* и *так*, семантического предиката (имплицитного), обозначающего существование, наличие предмета или предметно представленного действия или состояния, и двух семантических конкретизаторов с пространственным, временным, образа и способа действия, причины или цели значением, выраженных наречиями или существительными в косвенных падежах: *Вот пруды так пруды неожиданно здесь!*; *Вот переполох так переполох теперь там!*; *Вот экспонаты так экспонаты напояказ там!*; *Вот врач так врач теперь здесь!*; *Вот поворот так поворот неожиданно здесь!*¹

Приведенный перечень семантических структур фразеологизированных предложений типа *Вот голос так голос!* не является законченным и может быть продолжен. Наиболее частотными в современном русском языке являются двухкомпонентные семантические структуры.

Анализ данных фразеологизированных предложений, нацеленный на выявление семантических компонентов в их семантической структуре, показывает, что такие предложения являются *д в у с о с т а в н ы м и*

(двучленными).

Исследование фразеологизированных предложений типа *Вот голос так голос!* в двух основных аспектах: структурно-грамматическом и логико-семантическом выявило различие в их типологии.

Данные предложения являются односоставными субстантивными фразеологизированными предложениями в структурно-грамматическом аспекте, или на поверхностном уровне, однако в логико-семантическом аспекте, или на глубинном уровне, они представляют собой *д в у с о с т а в н ы е* предложения из-за наличия в их семантической структуре семантического предиката и семантического субъекта.

Следовательно, при решении проблемы типологии простых фразеологизированных предложений в русском языке и в других индоевропейских языках необходимо учитывать данные разноаспектного анализа, что имеет принципиальное значение для теории синтаксиса простого предложения.

Такое исследование фразеологизированных предложений типа *Вот голос так голос!* позволило предложить их структурно-грамматическую и семантическую классификации, что дает возможность построения общей типологии и, по-видимому, должно учитываться при изучении синтаксиса простого предложения.

¹ Примечание. При этом принимается во внимание мнение о том, что в современной лингвистике наблюдается тенденция к осмыслению предикативности в сторону формального и содержательного сужения [19, с. 446-447].

Библиографический список

1. Арват Н.Н. Компонентный анализ семантической структуры простого предложения. Черновцы: Изд-во Черновиц. гос. ун-та, 1976.
2. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высш. шк., 1977.
3. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филологические науки. - 1979. - №2. С.54-61.
4. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С.254-294.
5. Волкова Е.П. Особенности выражения модального значения необдуманности действия в конструкциях с инфинитивом // Вестник Московского государственного областного ун-та. Серия «Русская филология». 2008. - №1. С.40-45.
6. Востоков В.В. Система грамматических значений простого предложения в современном русском языке. автореф. дисс. докт. филол. наук. М.: 2000. 38с.
7. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.
8. Золотова Г.А. Об основаниях классификации предложений // Русский язык за рубежом. - 1989. - №5. С.66-73.
9. Золотова Г.А. О категории модальности. // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. - Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С.16-20.
10. Краткий справочник по современному русскому языку/под ред. П.А. Леканта. - М.: Высш. шк., 1995.
11. Ксенофонтова Л.В. Статус синтаксической фразеологии в языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы IV Междунар. конгр. исслед. рус.яз. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С.428.
12. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.: Высш. шк., 2004.
13. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972
14. Меликян В.Ю. Синтаксические фразеологические единицы русского языка // Русский язык в школе. - 2010. №11. С.55-60.
15. Меликян В.Ю. Основы теории синтаксической фразеологии. - Saarbrücken, 2011.
16. Моница Т.С. Проблема тождества предложения: Монография. М.: МПУ, 1995.
17. Москальская О.И. Вопросы синтаксической семантики // Вопросы языкознания. 1977. №2. С.45-56.
18. Русская грамматика: В 2т. – Т.П. Синтаксис. М.: Наука, 1980.
19. Сидорова М.Ю. Синтаксические термины и синтаксические сущности (на примере понятия предикативность) // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы IV Междунар. конгр. исслед. рус.яз. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. - С.446-447.
20. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
21. Daneš Fr. Semantická struktura větného vzorce // Otázky slovanské syntaxe, II. Brno, 1968.

References

1. Arvat N.N. Component analysis of semantic structure of a simple sentence. Chernovtsy: Publishing house Chernovits. the state. un-that, 1976.
2. Beloshapkova V.A. Modern Russian. Syntax. M.: Vyssh. shk., 1977.
3. Bondarenko V.N. Types of modal values and their expression in language//Philological sciences. 1979. №2.C. 54-61.
4. Vinogradov V.V. Main questions of syntax of the offer//Researches on the Russian grammar. M.: Science, 1975.S. 254-294.
5. Volkova E.P. Features of expression of modal value of rashness of action in designs with an infinitive//the Messenger Moscow state regional un-that. Russian Philology series of. 2008. №1.C. 40-45.
6. Vostokov V.V. Sistema of grammatical meanings of a simple sentence in modern Russian. автореф. уеу. докт. филол. sciences. / Vostokov Valery Viktorovich M.: 2000 . 38с.
7. Grammar of the modern Russian literary language. M.: Science, 1970.
8. Zolotova G.A. About the bases of classification of offers//Russian abroad. -1989 . -№5.C. 66-73.
9. Zolotova G.A. About category of a modality. // Modality in language and the speech: new approaches to studying. - Kaliningrad: RGU publishing house of I. Kant, 2008.S. 16-20.
10. The short reference book on modern Russian language / under the editorship of P. A. Lekant. - M.: Vyssh. shk., 1995.
11. Ksenofontova L.V. Status of syntactic phraseology in language//Russian: historical destinies and present: тр. and materials IV Mezhdunar. конгр. исслед. Russian language - M.: Publishing house Mosk. un-that, 2010.C. 428.
12. Lekant P.A. Sintaksis of a simple sentence in modern Russian. M.: Vyssh. shk. 2004.
13. Lomtev T.P. Offer and its grammatical categories. M., 1972
14. Melikyan V.Yu. Syntactic phraseological units of Russian//Russian at school. 2010.№11.C. 55-60.
15. Melikyan V.Yu. Bases of the theory of syntactic phraseology. – Saarbrücken, 2011.
16. Monina T.S. Problema of identity of the offer: Monograph. M.: MPU,1995.
17. Moskalskaya O.I. Questions of syntactic semantics//linguistics Questions. 1977.№2. Page 45-56.
18. Russian grammar: In 2т. – T.II. Syntax. M.: Science, 1980.
19. Sidorova M.Yu. Syntactic terms and syntactic essence (on the example of concept predicativity)//Russian: historical destinies and present: тр. and materials IV Mezhdunar. конгр. исслед. Russian language. M.: Publishing house Mosk. un-that, 2010. Page 446-447.
20. Shakhmatov A.A. Sintaksis of Russian. - M.: Editorial URSS,2001.
21. Dane š Fr. Semanticka struktura větneho vzorce//Otazky slovansk ě syntaxe, II. Brno, 1968.

УДК 070.2

UDC 070.2

А.И. КОНДРАТЕНКО

A.I. KONDRATENKO

кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью Орловского государственного университета

candidate of political sciences, associate professor of journalism and public relations, Orel state university

СОЗДАНИЕ СЕТИ ЛОКАЛЬНЫХ ГАЗЕТ В ОРЛОВСКОМ РЕГИОНЕ В 1930-Е ГОДЫ

CREATING THE NETWORK OF LOCAL NEWSPAPERS IN OREL REGION IN 1930S

Формирование сети локальной (районной) печати в Орловском регионе проходило в период раскулачивания, коллективизации, голода и политических репрессий. Статус и тематика газет определялись руководством коммунистической партии: основное содержание – вопросы сельского хозяйства. Районная периодика стала средством внеэкономического регулирования производственной деятельности, повседневного информирования, удовлетворения культурных потребностей. Газеты выступили в роли арбитров и экспертов в конфликтном процессе адаптации социума к новым условиям существования.

Ключевые слова: *печать, газета, регион, коммунистическая партия, социум.*

Creating the network of local (district) press in Orel region happened in the time of dispossession of kulaks, collectivization, famine and political oppressions. Newspapers' status and topics were determined by the leadership of communist party, and issues of agriculture shaped the main contain. District periodicals became a source of external economic regulation for industrial activities, everyday informing, satisfying of cultural needs. Newspapers acted as arbiters and experts in a conflict process of society's adaptation to the new living conditions.

Keywords: *press, newspaper, region, communist party, society.*

С началом НЭПа уездная печать пережила крайне трудные времена. Её прежний «конёк» – политическая трескотня – был мало востребован в 1920-е годы. Отсутствие средств привело к массовому закрытию местных газет, которые начали выходить ещё в годы революции и гражданской войны. Отсутствие уездных газет было болезненно ощутимо на фоне нараставших проблем и противоречий в крестьянской среде. Сказывалось и то, что в конце 1920-х годов на спад пошло рабселькорское движение.

С образованием Центрально-Чернозёмной области и округов (1928 год) функции низовой печати были возложены на окружные газеты, однако масштаб их деятельности (население каждого округа – около 1 млн. человек) не позволял в достаточной мере выполнять роль локальной прессы. Стремительная ломка старой жизни потребовала создания и новой сети газет. В постановлении ЦК ВКП(б) от 11 августа 1930 года «О реорганизации сети газет в связи с ликвидацией округов» говорилось: «В соответствии с решением ЦК ликвидировать окружные газеты. На основе ликвидируемых окружных газет, а также колхозных и некоторых фабрично-заводских печатных газет, должна быть развернута сеть районных газет... Для обслуживания районов, особенно не имеющих своих газет, следует шире практиковать выездные редакции и сменные полосы отдельных районов» [1].

Сохранившаяся в архиве телеграмма в Центрально-Чернозёмный обком редактора окружной «Орловской правды» Я.Н. Солодкого (1930 год) свидетельствует о том, что редакции районных газет формировались в кратчайшие сроки, за счёт сотрудников «Орловской правды» [2]. В депеше сообщалось: «Нами выделены и райкомами утверждены: Дмитровский район – Должиков редактором, Шифрин секретарём; Новосильский район – Афанасьев редактором, Воронович секретарём; Болховский район – Гончаров редактором, Малец секретарём. Выделим по приходе из отпуска Карякина зав. отделом. Можем выделить Баршта – партиец, соц[иальное] происхождение служащий – редактором в Малоархангельский район. Просим вашего утверждения. К организации районных газет приступили. Сильно тормозит работу отсутствие указаний со стороны полиграфтреста местной типографии. Уже выясняется полное отсутствие шрифтов. “Орловская правда”. Солодкий».

Отсутствие необходимой технической базы не являлось основанием для отказа от открытия районных газет. В качестве временной меры рассматривалась возможность использования довольно примитивных технологий выпуска: «В тех районах, где за отсутствием кадров и полиграфической базы создать печатную газету пока нельзя, организуются многотиражки, печатающиеся на стеклографе» [3].

Хронология создания районных газет (территория современной Орловской области):

1928: «По ленинскому пути» (Болхов).

1930: «Колхозная правда» (Малоархангельск), «Голос колхозника» (Змиевка), «На колхозной строй-

ке» (Дмитровск), «Мценская правда», «Знамя Ленина» (Ливны), «Болховская коммуна».

1931: «Колхозник» (Новосиль), «Коллективист» (Верховье), «Ленинский путь» (Кромы), «Урицкая правда» (Нарышкино), «Ударник» (Долгое).

1932: «По пути Ленина» (Красная Заря), «Ударник» (Колпна), «Пятилетка» (Русский Брод).

1933: «Колхозный путь» (Дросково).

1934: «Колхозник» (Глазуновка), «Шаблыкинский колхозник».

1935: «Знамя Ленина» (Корсаково), «Ленинский путь» (Хомутово), «Путь социализма» (Знаменское), «Сталинский путь» (Залегощь), «За урожай» (Тросна), «Сосковский колхозник», «Сталинец» (Красная Заря), «Сталинец» (Никольское), «Красное знамя» (Моховое).

1936: «Красное знамя» (Тельче), «За социализм» (Покровское).

1938: «Путь Ильича» (Орловский район).

Расскажем кратко об истории создания и деятельности в 1930-е годы газет в ряде районов.

Болхов. Издание местной газеты было возобновлено в 1928 году. Не удалось установить, когда именно вышел первый номер. В ГАОО сохранился номер газеты «По ленинскому пути» («специальное издание «Орловской правды» в Болховском районе) – № 6 (с начала выпуска № 8) за 30 июля 1929 года (тираж 1850 экз.). Если предположить, что газета выходила ежемесячно, можно сделать вывод, что её первый номер вышел в ноябре 1928 года – вероятнее всего 7 ноября, как это было принято в то время – приурочивать любое заметное событие к годовщине революции или к Первомаю. Сохранившийся номер был подписан заместителем ответственного редактора А. Рассадниковым. Приуроченный к 12-й годовщине революции номер газеты подписал ответственный редактор Смолинский, декабрьский номер – ответственный редактор Дорофеев. К концу 1929 года тираж вырос до 2400 экз. В 1930 году преемником газеты «По ленинскому пути» стала «Болховская коммуна». Редакторами районной газеты были Г. Гончаров, затем Е. Старков, М. Крючков, Т.Н. Хобишев, П.Н. Карпов. Штат редакции и типографии составлял 10 человек.

Верховье. Местная периодика первоначально существовала в виде стенной газеты райкома ВКП(б) «Коллективист» – с 27 марта 1930 года. Журналисты «Орловской правды», выезжавшие в Верховье, выпускали здесь пять номеров газеты. В печатном виде она стала выходить с 12 сентября 1931 года. Первым редактором «Коллективиста» был назначен С.И. Гармашев, в 1935 году эту должность занимал Ф.К. Тришин.

Змиёвка. 7 декабря 1929 года «Орловская правда» напечатала подборку отчётов с районных совещаний своих внештатных корреспондентов и читателей. Здесь сообщалось, что совещание в Свердловском районе одобрило инициативу редакции «Орловской правды» взять культурное шефство над свердловским колхозным комбинатом. Было решено оказать всемерную поддержку избранной редколлегии в своевременном выпуске выходящей дважды в месяц печатной

газеты в Свердловском районе. Однако первый номер районной газеты «Голос колхозника» вышел в свет только 8 сентября 1930 года. Тираж составлял 5 тыс. экземпляров. Первым редактором был В. Волчков. В октябре 1930 года редактором был назначен Е. Конкин, его в 1931 году сменил Г. Кошелев, в 1935 году врио редактора был С.П. Юшков.

Ливны. Издание местной газеты возобновилось 7 сентября 1930 года – она получила название «Знамя Ленина». Штат редакции составили бывшие сотрудники елецкой окружной газеты, которые попали под сокращение в связи с ликвидацией округов. Елецким горкомом ВКП(б) в Ливны были направлены П.А. Руденский (редактор), Е.В. Гарин-Харин, С.С. Семёнов, У.И. Жуковин, В.В. Волгин [4]. В последующие годы газету редактировали Бражников, И.А. Милковский, Н.О. Огнев, Н.А. Чернодуб.

Нарышкино. В январе 1932 года на районной партийной конференции в отчетном докладе райкома ВКП(б) подчеркивалось: «Постановлением секретариата обкома ВКП(б) от 12 июня 1931 г. Урицкому району разрешено организовать печатную газету. Решением бюро РК ВКП(б) от 25 июня 1931 г. фракции [ВКП(б)] райисполкома и другим было поручено закончить всю работу по организации типографии, строительству здания и приобретению всего необходимого для работы газету к 15 августа 1931 г. 6 сентября вышел первый номер «Урицкой правды». Выпущено номеров газеты: за сентябрь – 4, октябрь – 6, ноябрь – 8, декабрь – 7. На четвертый квартал устанавливалась норма 9 номеров с тиражом 3000 экз. Выпущено за квартал 20 номеров. «Урицкая правда» начинает проникать во все сферы жизни района, но она пока еще слабо мобилизует волю и энергию трудящихся масс на борьбу за проведение всех хозяйственно-политических кампаний. Действенность рабселькорских заметок – слабое место в работе редакции. На новые формы и методы (бригады, рейды и т.д.) газета еще не перешла. Слабо освещается борьба на культурном и идеологическом фронте, но из номера в номер газета всё больше начинает квалифицироваться и становится в шеренгу борцов за генеральную линию партии, за выполнение пятилетки в 4 года, за строительство социализма» [5]. Первым редактором газеты был Е.Р. Гельфанд.

Орловский район. Здесь районная газета была основана значительно позже, чем в других районах. Дело в том, что до сентября 1937 года роль районной газеты выполняла городская «Орловская правда». Однако с образованием Орловской области встал вопрос о создании самостоятельного печатного органа в пригородном районе. Первый номер газеты «Путь Ильича» вышел в свет 26 сентября 1938 года. Редактором работал А. Шевченко.

Становление редакций при всей поддержке власти оставалось в основном делом энтузиастов. Вот как вспоминал о тех днях бывший газетчик из Малоархангельского района Е. Наумов: «В начале сентября [1930 года] мы познакомились с редактором А. Барштом и уже не теряли связи с редакцией. Мы стали

её корреспондентами и добровольными помощниками. Организовали курсы газетных работников при редакции, и Баршт пригласил меня и трёх моих друзей на эти курсы. Досрочно закончив программу средней школы, мы приступили к занятиям. После окончания курсов мне была предоставлена работа в редакции «Колхозной правды»: для начала послали в Протасово, Бузулук и на станцию [Малоархангельск] для организации стенгазет» [6].

Главные темы газет определялись партийным руководством. В основном это были коллективизация и организация сельскохозяйственного производства (сев, уборка урожая социалистическое соревнование), партийная работа (чистка в партии), культурная революция в деревне и борьба с пережитками (пьянством, религиозностью крестьян, кражами). В целом же созданные одновременно с колхозами районные газеты должны были играть всё более заметную роль в росте сельскохозяйственного производства, превратиться в некие рабочие инструменты.

К областному совещанию редакторов газет 1 февраля 1933 года в газете «Коммуна» была опубликована большая подборка материалов с десятью портретами руководителей редакций и шапкой «Величайшей бдительности требует партия от печати». Редактор ливенской газеты Бражников рассказывал читателям области о планах редакции: «Организуем в одном-двух колхозах массива МТС опорные колхозные бригадные газеты. Возьмём их под особое наблюдение. Работники редакции будут поочередно выезжать на несколько дней для помощи этим газетам. Кроме того, организуем выездную редакцию-курсы».

24 февраля в «Коммуне» была помещена анонимная реплика «Что им до борьбы за урожайность» (подзаголовок «Вместо обзора печати»). Публикация была посвящена критике «Мценской правды» и её редактора Просекова. Вывод был однозначен: «Газета не организовала колхозников на внедрение агротехники, на подготовку естественных удобрений к весне».

Естественно, страницы районных газет не могли быть заполнены только производственными материалами. Газеты уделяли внимание вопросам культурного развития, благоустройства, торговли и быта. В марте 1937 года редактор залегощенской газеты «Сталинский путь» И.М. Полев рассказывал: «Я поднял [на страницах газеты] вопрос о безобразиях и жульничестве в потребкооперации. Когда я поднял этот вопрос, дней в течение нескольких пришлось посадить 13 человек, причём 7 человек из них уже осудили» [7].

Сотрудник болховской газеты В. Прохорцев в заметке «Культрабату ведут церковь и винлавка» писал: «Всего в 4-5 километрах от Болхова расположены деревни Струкова и Щигры. Тем не менее, это очень отсталые в культурном отношении деревушки. Здесь единственными представителями «культуры» являются церковь и... лавка спиртротреста. Молодежь часто «развлекается» водкой и гнусавым церковным пением. Ни избы-читальни, ни стенгазеты, ни радио, ни газет нет. Зимой Болховское райпо решило было взять шефство над этими деревнями, но, видно, раздумало.

Начавшаяся культработа снова замерла» [8].

Одна из типичных заметок покровской газеты – «Семь бойцов»: «Третьего сентября колхозники колхоза имени Сталина Протасовского сельсовета пережили необычную радость и гордость. В этот день призывная комиссия приняла от них надежное пополнение для доблестной и непобедимой Рабоче-Крестьянской Красной Армии – 7 ровесников Октября – лучших стахановцев, показавших образцы высокой производительности труда на уборке и осеннем севе: Анискина Павла, Морозова Федора, Морозова Николая, Гришина Гавриила, Шелованова Михаила, Калинкина Василия и Мартынова Ефима» [9].

На особом контроле у областного руководства всегда находилась постановка пропагандистской работы газетчиков по информированию населения о важнейших политических событиях, о работе органов власти. Эти новости было необходимо донести до каждой сельской избы (такая функция районной печати была идентична функции радио). На одном из совещаний заведующий сектором печати обкома С. Елозо обрушился с критикой: «Газета Должанского района, редактор которой т. Ефимов, не удосужилась напечатать речь т. Сталина [...] Как можно не напечатать большевистско-политический документ? [...] Разве допустил бы такую ошибку Должанский район [...] если бы у работников печати был более высокий политический уровень, была бы более высокая большевистская бдительность?» [10]

Характерно, что серьёзный упрек можно было получить и за слишком рьяное исполнение обязанностей. Так, на областном радиосовещании работников печати и рабселькорского актива 31 августа 1933 года была высказана критика в адрес газет «Болховская коммуна» («из двух полос полторы заняты постановлениями райкома и РИКа (райисполкома. – А.К.)») и «Мценская правда» (в номере за 18 августа «три четверти газеты занято постановлениями») [11].

По давней традиции, местные редакции были центром притяжения литературных сил, школой для самодеятельных поэтов и прозаиков. Иные газеты пытались издавать даже самостоятельные литературные приложения, но инициативы «снизу» редко находили весомую поддержку. Представитель оргкомитета Союза советских писателей Курской области Михаил Киреев 17 апреля 1936 года писал редактору залогощенской газеты «Сталинский путь» Ивану Полеву по поводу двух присланных номеров местной «Литературной газеты» (её также редактировал Полев): «В принципе нельзя не приветствовать инициативу группы товарищей, решивших организовать литгазету в одном из глухих районов нашей области. Но дело в следующем: уж так ли у вас настоятельна нужда в таком издании? Нам кажется, что Ваша литгазета возникла очень искусственно. Приехали два-три бойких на перо товарищей – дело зашумело. Название «Литературной газеты» обязывает ко многому, тем более что наш теперешний читатель, даже живущий в самом глухом районе, никакой стеной от настоящей культуры не отделён. По-нашему, литстраница в районной газете – гораздо целесообразнее» [12].

Характер взаимоотношений редакций и партийных комитетов разного уровня (обкомов, райкомов и т.д.) в основном определялся практикой текущей деятельности. Никаких законодательных актов в данной сфере не существовало, руководствовались постановлениями разных лет, которые, естественно, в чём-то противоречили друг другу. Общепринятой практикой было механическое исполнение указаний очередного совещания редакторов. В 1930-е годы данные совещания проходили регулярно, иногда на протяжении трёх дней. Регулярно публиковались директивные статьи. Так в одной из них заведующий сектором печати обкома А. Домрачёв сделал обзор должанского «Ударника»: «Редакция пишет: «Крепче ударим по кулаку», «Беспощадный отпор оппортунистам, организаторам саботажа в хлебозаготовках». Но где эти кулаки и оппортунисты? В каких сельсоветах и колхозах? Откуда их надо гнать?» [13]

1 марта 1933 года областная газета «Коммуна» печатает постановление обкома ВКП(б) «О перестройке работы районной печати в связи с постановлением IV пленума обкома ВКП(б) “О руководстве с/х”» (так в тексте. – А.К.). Вначале констатировался ряд недостатков, затем обозначались задачи:

- усилить борьбу против всяких проявлений оппортунизма; своевременно разоблачать классового врага, срывать с него маску, пресекать его вредительскую работу;

- помогать парторганизациям очищать колхозы и совхозы от антисоветских и кулацких элементов;

- проводить рейды, буксиры (шефство передовиков над отстающими. – А.К.), выездные редакции;

- пересмотреть состав газетных кадров;

- переводить членов партии, имеющих необходимую теоретическую подготовку и опыт партийной работы из числа партактива и рабселькоров на работу в газеты.

Перед районными редакциями этим постановлением обкома ставились также оперативные задачи по проведению сева, усилению связей с массами, контролем за работой колхозов и т.д. Партия хотела полновластно руководить печатью, но возможностей для этого было явно недостаточно. Редактор залогощенской газеты И.М. Полев на областном совещании редакторов выступил крайне резко: «У нас ряд газет, да собственно, большинство их, работают очень плохо [...] Секретари райкомов совершенно не руководят газетой. Никаких замечаний в течение двух лет я никогда не получил. То ль у меня плохо, то ль хорошо, ничего я не получал от такого секретаря» [14]. Вторил критике и редактор покровской газеты Н.А. Чернодуб: «Райком партии не обращает внимания на газету» [15].

В журнале «Ленинская печать» в начале 1933 года заместитель редактора А. Домрачёв писал: «В Верховском районе издаётся газета «Коллективист». Редактирует её тов. Кочетков. Газета имела немало сигналов о двурушничестве, измене партии ряда коммунистов. Что должен был сделать редактор, имея такие сигналы? Конечно, разоблачить двурушников, потребовать выгнать их из партии, показать на этих конкретных

фактах новую тактику оппортунистов, призвать парторганизацию к бдительности. Разве может иначе поступить редактор большевистской газеты!

Но т. Кочетков действует по-другому. Он посылает письма в районные организации и успокаивается. «Так спокойнее, без возни», – рассуждает тов. Кочетков» [16].

Сделанные по партказу обзоры зачастую страдали поспешностью, необъективностью, были больше похожи на эмоциональный окрик. В то же время районные редакции постепенно обретали силу, занимали свою нишу в системе периодики. Бывший заместитель редактора и ответственный секретарь «Болховской коммуны» В.М. Малец вспоминал: «Мы успешно провели подготовку к весеннему севу. Наряду с общими обзорами из номера в номер публиковали подборки по конкретным вопросам: подготовка семян, инвентаря, сбруи, подборка пахарей, сеяльщиков и т.д. И вдруг как гром среди ясного неба грянул. «Коммуна» в обзоре раскритиковала нас в пух и в прах за то, что мы якобы не ставили серьезных вопросов, измывались важные темы и далее в таком роде.

В отсутствие редактора (он был закреплён за одним из колхозов в качестве уполномоченного райкома ВКП(б). – А.К.) мы всем коллективом внимательно прочитали обзор и... категорически опровергли необоснованные обвинения областной газеты. Потом я посоветовался с секретарём райкома партии, подобрал комплект нашей газеты за последние месяцы и отправил его вместе с обзором «Коммуны» и нашим коллективным письмом в редакцию журнала «Советская печать». Около месяца пришлось нам ждать ответ из редакции журнала. Теперь даже трудно себе представить, как мы обрадовались, когда журнал «Советская печать» решительно выступил в защиту коллектива «Болховской коммуны» и преподал областной газете «Коммуна» урок того, как не надо относиться к младшим собратьям и по форме, и по существу» [17].

Не всегда районным газетчикам удавалось добиться объективной оценки. Редактор одной из районных газет С.Я. Натаров рассказывал на совещании в обкоме ВКП(б): «Я в 1935 году работал в Глазуновке, секретарь райкома этого района называл редакторов дураками, выгонял их из своего кабинета. Один коммунист (директор совхоза) избивал рабочих в колхозе [так в стенограмме. – А.К.]. Об этом давались сигналы в газету «Правда», об этом сигнализировали коммунисты, писали они тов. Сталину, я об этом писал в обком партии. Из обкома приехал представитель, проверил факты, все факты подтвердились. После этого пять дней шёл актив [т.е. шло заседание актива], обсуждались итоги обследования, проведённого представителем обкома партии, и решили – всех тех, которые ослушались секретаря райкома, убрать из района за проявленное ослушание секретаря. В числе ослушавшихся был и я, меня из Глазуновки перебрали в Ивнянский район» [18].

Действительно, на заседании бюро Курского обкома ВКП(б) в ноябре 1935 года рассматривался вопрос «О состоянии Глазуновской парторганизации» Был

заслушан доклад Т. Иванова и Токмакова. Бюро постановило: «Отозвать в распоряжение обкома ВКП(б) редактора районной газеты тов. Натарова» [19].

Любой конфликт, отступление от генеральной линии партии были чреваты для районного газетчика. Показательна история, произошедшая с будущим известным писателем М.М. Горбовцевым, который работал в колпинской газете «Ударник». Этот эпизод вполне мог оказаться последним в его биографии литератора, если бы от преследований не спас... псевдоним. В конце 1932 года в главном областном журнале «Ленинский путь» появилась большая статья А. Домрачёва «Районной печати – конкретное партийное руководство». Как полагается, были там и положительные примеры, и отрицательные. В частности, руководитель местной прессы со скрупулёзностью сыщика рассказал о таком факте: «7 ноября колпинская газета «Ударник» напечатала очерк – «зарисовки» М. Горынь «Колпна в прошлом, настоящем и будущем» (очерк имел важнейшее политическое значение – он был опубликован в день 15-летия Октябрьской революции. – А.К.). Автор говорит о том, как относились колхозники в 1932 году к колхозному строительству и революции. «... встаёт на трибуне коммунар из бывшей с.-х. артели «Коллективный труд», Дровосеченского сельсовета, Барков А.Ф. Вот что сказал этот коммунар: «Вот, примерно в 1932 г. у меня были такие мысли: вся эта революция и всё это колхозное движение придумано для того, чтобы мы на кого-то работали. То есть полагал, что колхоз – новая барщина». Горынь продолжает:

«Много было ораторов, много порассказали, как лишний пуд не только ржи – картошки боялись сдать государству, как от займов, будто собаки от червей бегали».

И эта кулацкая контрреволюционная клевета на колхозное строительство появилась не где-нибудь, а на страницах большевистской газеты».

Назвав М. Горыня кулацким клеветником, Домрачёв восклицал: «Как могло случиться, что октябрьский номер «Ударника» стал трибуной кулака? Редактор т. Дурнев не проявил большевистской бдительности к кулацкому выступлению Горыня. Райком не руководит газетой, не следит за её политической линией и работой. Больше того: в отсутствие т. Дурнева райком доверил редактирование газеты... М. Горынь. Ошибку газеты и собственную райком исправил только после указаний обкома» [20].

В ходе последующих чисток этот «компромат», к счастью, не мог замарать уехавшего из Колпны Горбовцева: бдительные органы и партруководство так и не наказали крамольного журналиста Горыня.

Многочисленные конфликты редакторов, сотрудников газет и партийных руководителей были отражением сложного пути становления районной печати, мучительного поиска ею своего места в социуме, в производстве, в системе власти. К моменту образования Орловской области (сентябрь 1937 года) 24 редакции не имели плоских печатных машин, шрифтов [22] (накануне Великой Отечественной войны в области на-

считывалось 65 районных газет). Как отмечалось на совещаниях, «во многих редакциях районных газет насчитывалось 1 – 2 работника», в течение 1937 года сменилось 29 редакторов районных газет (две трети были сняты с работы, треть – пошли на повышение [23]), «редакции районных газет до последнего времени не были укомплектованы кадрами» [24], «многие районные газеты до сих пор продолжают выходить на низком идейно-политическом уровне, неграмотные, допускают серьезные политические ошибки» [25].

В 1938 – 1939 гг. в Орловской области был «твёрдо решён» вопрос о штатах районных газет (в ежедневных – от 10 до 27, в прочих 5–8 сотрудников), укреплена материальная база редакций и типографий, увеличены периодичность выхода и объём (с двух до четырех полос) многих газет, повышены должностные оклады (ответственный секретарь – с 250 до 400 рублей, инструктор газеты со 175 – 200 до 350, корректор со 150 – 200 до 300). С 1938 года в редакции «Орловской правды» проводилась двухмесячная практика редакторов районных газет [26].

29 августа 1940 года в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О районных газетах» (от 13 июля 1940 года) бюро Орловского обкома ВКП(б) приняло решение о перестройке работы районных газет. В первую очередь предполагалось уменьшить удельный вес

общесоюзной информации (в отдельных номерах верховского «Коллективиста» доля материалов ТАСС достигала $\frac{3}{4}$), усилить внимание журналистов к местной тематике, положить конец появившейся в 1937 году тенденции показывать всё происходящее в районе «в черных красках».

Процесс создания на Орловщине районной прессы начался в конце 1920-х годов и завершился в начале 1940-х. Отличительной особенностью новых изданий был их ярко выраженный производственный характер. Хотя газеты во многом отличались друг от друга, характер подачи материалов был в целом шаблонный, лексика – скудной. Становление районной печати пришлось на уникальное десятилетие в российской истории, которое было крайне сложным периодом социальной ломки, коллективизации, голода, раскулачивания и политических репрессий. Но несмотря на эти объективные условия, благодаря труду журналистов и других энтузиастов печати, районная периодика стала, пусть и с множеством ограничений, средством повседневного информирования социума, удовлетворения его культурных потребностей, мощным средством внеэкономического регулирования производственной деятельности. Газеты взяли на себя роль арбитров и экспертов в адаптации социума к новым условиям существования.

Библиографический список

1. О реорганизации сети газет в связи с ликвидацией округов. Постановление ЦК ВКП(б) от 11 августа 1930 г. // О партийной и советской печати. Сб. документов. М., 1954. С. 400 – 401.
2. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИВО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 647. Л. 45–47.
3. Центральная-Чернозёмная область. Справочная книга. Воронеж, 1931. С. 589.
4. ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1173. Л. 42.
5. Новая жизнь (Нарышкино), 2002, 18 дек.
6. Звезда (Малоархангельск), 2000, 1 сент.
7. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1020. Л. 43.
8. По ленинскому пути (Болхов), 1930, 3 сент.
9. За социализм (Покровское), 1938, 7 сент.
10. ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2602. Лл. 28, 238.
11. ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2604. Л. 28.
12. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 599. Лл. 55, 57.
13. Домрачев А. Районной печати – конкретное партийное руководство // Ленинский путь (Воронеж). 1932. № 13. С. 19.
14. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1020. Лл. 39, 41.
15. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1020. Л. 113.
16. Домрачёв А. Крепче удар по правым и левым капитулянтам // Ленинская печать (Воронеж). 1933. № 2. С. 10.
17. Летописцы. С. 65.
18. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1020. Л. 26.
19. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 11. Д. 1538.
20. Ленинский путь (Воронеж). 1932. № 13. С. 18.
21. Докладная записка отдела печати Оргбюро ЦК ВКП(б) по Орловской области о состоянии периодической печати (ноябрь 1937 г.) // Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. П-52. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.
22. Докладная записка отдела печати Оргбюро ЦК ВКП(б) по Орловской области о состоянии периодической печати (ноябрь 1937 г.) // ГАОО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.
23. Отчет о работе отдела печати Оргбюро ЦК ВКП(б) по Орловской области по 12 апреля 1938 г. // ГАОО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 262. Л. 4.
24. Из выступления секретаря обкома ВКП(б) Т. Антропова на первом областном совещании рабочих и сельских корреспондентов 25 – 26 февраля 1938 г. // Стенограмма - ГАОО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 263. Л. 7.
25. Там же, л. 5.
26. См. : Протокол совещания у секретаря обкома ВКП(б) Т. Антропова 3 марта 1939 г. // ГАОО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 725.

References

1. About reorganization of a network of newspapers in connection with elimination of districts. The resolution of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) of August 11, 1930//About the party and Soviet press. Сб. documents. - М,

1954. - Page 400 - 401.

2. The state archive of political history of the Voronezh region (further – GAOPIWO). T. 2. Оп. 1. 647. L. 45–47.
3. Central Chernozem area. Reference book. – Voronezh, 1931. – Page 589.
4. GAOPIWO. T. 2. Оп. 1. 1173. L. 42.
5. New life (Naryshkino), 2002, 18 Dec.
6. Star (Maloarkhangelsk), 2000, 1 Saint.
7. The state archive of political history of Kursk region (further – GAOPIKO). T. P-1. Оп. 1. 1020. L. 43.
8. On a Lenin way (Bolkhov), 1930, 3 Saint.
9. For a socialism (Pokrovsk), 1938, 7 Saint.
10. GAOPIWO. T. 2. Оп. 1. 2602. NN. 28, 238.
11. GAOPIWO. T. 2. Оп. 1. 2604. L. 28.
12. GAOPIKO. T. P-1. Оп. 1. 599. NN. 55, 57.
13. Domrachev A. The regional press – the concrete party management//the Lenin way (Voronezh). – 1932. - No. 13. - Page 19.
14. GAOPIKO. T. P-1. Оп. 1. 1020. NN. 39, 41.
15. GAOPIKO. T. P-1. Оп. 1. 1020. L. 113.
16. Domrachev A. Krepeche blow to the right and left defeatists//Lenin press (Voronezh). – 1933. - No. 2. - Page 10.
17. Chroniclers. – Page 65.
18. GAOPIKO. T. P-1. Оп. 1. D. 1020. L. 26.
19. GAOPIKO. T. P-1. Оп. 11. 1538.
20. Lenin way (Voronezh). – 1932. - No. 13. – Page 18.
21. The report of a news department of Organizational bureau of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) across the Oryol region about a condition of periodicals (November, 1937)//the State archive of the Oryol region (further – GAOO). T. P-52. Оп. 1. 147. L. 1.
22. The report of a news department of Organizational bureau of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) across the Oryol region about a condition of periodicals (November, 1937)//GAOO. T. P-52. Оп. 1. 147. L. 1.
23. The report on work of a news department of Organizational bureau of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) on the Oryol region till April 12, 1938//GAOO. T. P-52. Оп. 1. 262. L. 4.
24. From speech of the secretary of regional committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) T. Antropov on the first regional meeting of workers and rural correspondents on February 25 - 26, 1938//the Shorthand report - GAOO. T. P-52. Оп. 1. 263. L. 7.
25. In the same place, I. 5.
26. See: The meeting protocol at the secretary of regional committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) T. Antropov on March 3, 1939//GAOO. T. P-52. Оп. 1. 725.

УДК 81' 373. 43:14 (091)

UDC 81' 373. 43:14 (091)

С.В. КОШЕЛЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и педагогики Госуниверситета-УНПК
E-mail: sonulisha@mail.ru

S.V. KOSHELEVA

candidate of philological science, Associate professor of Russian language and pedagogical State University-ESPC
E-mail: sonulisha@mail.ru

НОВООБРАЗОВАНИЯ В ФИЛОСОФСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.СОЛОВЬЁВА

NEW WORD CONSTRUCTIONS IN THE PHILOSOPHICAL WORKS OF V. SOLOVYOV

В статье рассматриваются наиболее продуктивные окказиональные и потенциальные словообразовательные модели, отмеченные в философских произведениях Владимира Соловьёва.

Ключевые слова: новообразования, окказионализмы, словообразовательные модели, символизм.

The article deals with the most productive occasional and potential derivative models identified in the philosophical writings of Vladimir Solovyov.

Keywords: new word constructions, occasional words, derivative models, symbolism.

Русский философ, поэт, богослов, публицист и литературный критик Владимир Сергеевич Соловьёв не считал себя ни поэтом-символистом, ни теоретиком символизма и даже критиковал современных ему символистов за излишнюю красоту, которая оторвана в их творчестве, как ему казалось, от идеи Добра и Истины. Тем не менее, его философское учение ока-

зало огромное влияние на творчество таких символистов, как Андрей Белый, Александр Блок. В центре всей его философской системы находится первосимвол, или сверхсимвол – Вечная Женственность (или София). Именно через Софию, объединяющую в себе материальное и духовное, общество должно прийти, по мнению Владимира Соловьёва, ко Всеединству, взаи-

мопроникновению всего во всё. Также София является для человека неким вдохновителем на созидание, в том числе и созидание нематериальных, непреходящих духовных ценностей.

Выход из духовного кризиса, о котором неоднократно рассуждали символисты, Соловьёв видел только во Всеединстве через Софию, Мировую Душу, которая, как сказано выше, соединяла в себе как божественное начало, так и вещественное, духовное и конкретное. Философ мечтал о перерождении общества и общественного сознания, повороте их в сторону духовного, нематериального.

Весьма символично, на наш взгляд, провести параллель между идеей объединения и формой, в которую эта идея заключена, в частности, со словообразовательными моделями, наиболее продуктивными в его философских текстах: «Чтения о Богочеловечестве», «Оправдание добра» (нравственная философия), «Духовные основы жизни».

Наиболее продуктивными являются словообразовательные модели, созданные путём сложения или сращения. По ним активно создаются как прилагательные, так и существительные, например, **бесконечномогих** («Наша воля стремится к *господству* вместо *единения*, ум наш вместо *разумения* всеединого сущего предаётся произвольным *рассуждениям* о **бесконечномогих** предметах...»), **внутренно-обязательное** («Но, будучи необходимым *ограждением* личной свободы или естественных прав человека, общественность есть вместе с тем самым *ограничение* этих прав, но ограничение не случайное и произвольное, а **внутренно-обязательное**, вытекающее из существа дела»), **мнимонравственное** («... в-третьих, наконец, эта **мнимонравственная** прямолинейность и непримиримость изобличает отсутствие самого основного и элементарного нравственного побуждения – *жалости*...»), **зверочеловечество** («Исторический процесс есть долгий и трудный *переход* от *зверочеловечества* к *богочеловечеству*»), **родотворение** («Когда же человек эту высшую силу обращает туда же, на животное дело **родотворения**, то ясно, что он тратит ее по-пустому; ибо дело деторождения у человека, как и у животных, этого вовсе не требует, оно весьма успешно совершается чрез обыкновенные органические отправления без всякого высокого пафоса личной любви»).

Если рассматривать собственные словообразовательные модели с точки зрения продуктивности отдельных корней, то необходимо отметить, что словообразующими корнями являются, прежде всего, местоименные: *себя*, а также *все* (*всё*) и *сам* (*само*).

Модели образования как существительных, так и прилагательных и причастий с компонентом *все-* (как по типу сложения, так и сращения) можно считать собственной высокопродуктивной словообразовательной моделью философского текста [Гайденок 2003, Азарова, 2010 и др. исследователи]. У Владимира Соловьёва мы отмечаем следующие потенциальные и окказиональные образования, созданные по вышеуказанным словообразовательным моделям: **всесовершенном**,

всеуничтожающая, **всеозаряющей**, **всеосвещающим**, **всеединящем**, **всепобедной**, **вседержительное**, **всецелости**, **всечеловечество** («Духовные основы жизни»); **всечеловек**, **всеодолевающим** («Оправдание добра»); **всеединой** («Чтение о Богочеловечестве»). А также с первой частью сам- (само-): **самосушим**, **самоположение**, **саморазличение**, **самозаконен** («Чтения о Богочеловечестве»), **самосознательная**, **самообладающая**, **самотождество**, **самообожествление**, **самобог** («Оправдание добра»).

Вообще, следует отметить, что философский текст тяготеет к вариациям сращений, и даже те образования, которые должны были бы трактоваться как сложное слово (*всеединство*), могут интерпретироваться в философском тексте как сращения благодаря эксплицированию (то есть растолкованию символики) в тексте целых компонентов. Тенденция к переосмыслению границ слова проявляется в том, что при обнажении внутренней формы слова части сложного слова легко меняются местами: человеко-бог, богочеловек. Причём, у Соловьёва в «Духовных основах жизни» человеко-бог (с дефисным написанием), а уже в «Оправдании добра» написание без дефиса.

Среди сложных образований, существительных или прилагательных, самой продуктивной моделью создания потенциальных и окказиональных слов в философском тексте (впрочем, и в поэтических текстах символистов) считается модель образования абстрактных существительных на *-ость*: **безнародность**, **чужеземность** («Оправдание добра»), **полночисленность**, **всецелость** («Духовные основы жизни»).

Для философского текста вообще также характерны и продуктивны словообразовательные модели с отрицательным префиксом не-. Надо заметить, что в XIX веке в таких словах с отрицанием префикс не- писался через дефис. У Вл. Соловьёва встречаем слитные образования с не- : **неумеряемых**, **непротиводействием** («Духовные основы жизни»), **недеяние** («Оправдание добра»).

С точки зрения словообразования окказиональными словами можно считать те, которые образованы по непродуктивным, малопродуктивным моделям или с явными нарушениями системной продуктивности. К таким словам можно отнести, например, существительное **перво-дух**, образованное путём сложения числительного и существительного, причём с использованием дефиса наряду с соединительной гласной.

В целом, надо отметить, дефисные образования весьма характерны для философских текстов. И в этом отношении Владимир Соловьёв не является исключением. Так, встречается словообразовательная дефисная модель, состоящая из предлога местоимения *себя* и существительного **бытие** (Это отношение мы могли сначала представить только в самой общей логической форме (как **в-себе-бытие**, **для-себя-бытие** и **у-себя-бытие**). Однако использование такой модели не является оригинальным, поскольку встречается и у других философов, например, у Гегеля в переводе Шпета («истину чистой негативности и **для-себя-бытия** в себе самом»)).

Чрезвычайно частотными и продуктивными в философском и, в меньшей степени, в поэтическом тексте являются предлоги-префиксы-послелог *с-* / *со-* и *со-* как в слитном, так и в дефисном варианте. У Соловьева дефисное обособление *со* преследовало, скорее, задачу акцентирования корня: «действительное *сострадание*, или жалость не может иметь своекорыстных мотивов, и есть чувство *чисто*-альтруистическое, в противоположность *со-радованию*, или *со-наслаждению*, которое есть чувство смешанного и неопределенного... характера». В философском тексте Вл. Соловьёва *со-* получает большее значение, чем в общеупотребительном языке (значение совместности), приобретает символическую функцию репрезентации некоего значения совместности, сообщества, соборности. «Хлеб насущный для духа – это все те воздействия свыше и **совне**» (Духовные основы жизни).

В целом, большая часть слов, имеющих отклонение от узуса и звучащая непривычно, образована по продуктивным словообразовательным моделям, поэто-

му может относиться к разряду потенциальных слов. Например, **источной** – **исток** («Если человек есть по существу больше, чем животное, то его выделение из животного царства, его внутреннее самоопределение как человека должно начинаться именно в этой **источной** области, в этом средоточии органического бытия»), **общник** – **общий** («Кафоллично и божественно великое таинство евхаристии или *причащения*, в котором человек, телесно и существенно воспринимая всеединое тело Христово (в нём же обитает вся полнота Божества) и физически, хотя и невидимо с ним соединяясь, становится действительно участником и **общником** **бого-человеческой** и духовно-телесной всецелости»), **внушитель** – **внушать** («Так заключал Игезий, за что и был прозван **внушителем** смерти»), **чувствилище** – **чувствовать** («Хотя общее экономическое **чувствилище** и соединяет ныне все части земного населения ощутительно для них самих связью, однако эта связь далеко не везде одинаково крепка и не все эти части равномерно чувствительны») и другие примеры.

Библиографический список

1. *Азарова Н.М.* Конвергенция философского и поэтического текстов XX – XXI вв. / Диссертация на соискание учёной степени доктора филол. наук. М., 2010. 852 с.
2. *Григорьев В.П.* Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986. 255 с.
3. *Кожеевникова Н.А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX в. М., 1986. 251 с.
4. Русские философы, конец XIX-середина XX в. / Сост. А.Л. Доброхотов и др. М., 1993. – 367 с.
5. *Соловьёв В.С.* Сочинения в 2-х т. М., 1990. Т. 1. 892 с., Т. 2. 822 с.

References

1. *Azarov N.M.* Convergence of philosophical and poetic texts of the XX-XXI c. / Dissertation on competition of a scientific degree of the Doctor of philological sciences. – M, 2010. – 852 p.
2. *Grigoriev V.P.* Word creation and adjacent problems of the language of the poet. M, 1986. – 255 p.
3. *Kozhevnikova N.A.* Usage of the words in Russian poetry in the beginning of the XX c. of M., 1986. – 251 p.
4. Russian philosophers, the end of the XIX - the middle of the XX century / Composer A.L.Dobrokhoto, etc. M, 1993. – 367 p.
5. *Soloviyev V.S.* Essays in two volumes. M, 1990.V. 1–892 c., V. 2. – 822 p.

УДК 811.161.1(072.3)

UDC 811.161.1(072.3)

С.Л. ЛУКИНА

аспирант кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета
E-mail: s.lukina2012@yandex.ru

S.L. LUKINA

postgraduate student of theory and methodology of teaching Russian language and literature Department, Orel State University
E-mail: s.lukina2012@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ»

TO THE QUESTION OF DEFINITION «TEXTUAL COMPETENCE»

В статье рассмотрен вопрос определения понятия «текстовой компетенции» в отечественной научной литературе, определены ее структурные компоненты, описаны основные группы текстовых умений.

Ключевые слова: текстоцентрический подход; компетенция; языковая, коммуникативная, культуроведческая, текстовая компетенции; текстовые умения.

The article reviews the question of definition “textual competence” in domestic scientific literature, determines its structural component and describes the main groups of text skills.

Keywords: text centric approach; competence; linguistic, communicative, cultural studies, textual competence; text skills.

С конца XX века российская образовательная система претерпевает значительные изменения, происходит становление новой, компетентностно ориентированной парадигмы. Новая парадигма акцентирует внимание на практическом аспекте обучения и реализации личностно ориентированного подхода в преподавании русского языка, способствующего развитию языковой личности.

Языковую личность мы рассматриваем с точки зрения создаваемых ею текстов. Созданный текст показывает языковые, когнитивные, прагматические возможности личности, ее ценностные установки, мотивы поступков. Языковая среда формирует мировоззрение личности. Именно умение работать с текстом (читать, понимать, осмысливать тексты, создавать свои собственные) понимается как важное общеучебное умение, характеризующее уровень культуры человека вообще. В связи с этим можно говорить о становлении текстоцентрического подхода в обучении русскому языку, который, в свою очередь, представлен разными направлениями:

- содержательно-композиционным, основными понятиями которого являются текст, тема, основная мысль, микротема, абзац, средства межфразовой связи, план;
- стилистическим, где представлены функциональные стили и жанровые разновидности речи, стилистические ресурсы языка и речевая ситуация;
- типологическим, рассматривающим функционально-смысловые типы речи, выделение «данного» (темы) и «нового» (ремы) [5].

Реализация этих направлений требует формирования текстовой компетенции как одной из важнейших составляющих языковой личности. Значение текстовой компетенции для обучения и развития школьников не-

возможно переоценить. Зачастую именно от степени владения текстовой компетенцией зависит успешность усвоения обучающимися большинства общеобразовательных дисциплин.

Трактовка понятия «текстовая компетенция» в научной литературе отличается неоднозначностью, это в свою очередь затрудняет возможность теоретических обобщений в этой области. Целью данной статьи является рассмотрение различных точек зрения на текстовую компетенцию и ее виды, описанные в отечественной научной литературе.

К компетенциям, определяющим уровень владения родным языком, обычно относят следующие: коммуникативную, языковую и лингвистическую (языковедческую), культуроведческую и текстовую. Остановимся подробнее на каждой из этих компетенций и попытаемся определить место текстовой компетенции в перечне оставшихся «филологических» компетенций.

Термин «компетенция» был предложен Н. Хомским, который одним из первых заговорил о языковой компетенции, определив ее как врожденное знание, позволяющее говорящему не только создавать, но и распознавать правильно сформулированные речевые высказывания [10]. Языковую (в широком смысле слова) компетенцию исследователь рассматривал как «систему интеллектуальных способностей, систему знаний и убеждений, которая развивается в раннем детстве и во взаимодействии со многими другими факторами определяет... виды поведения» [11].

Продолжая идеи Н. Хомского, этнолингвист Д. Хаймс вводит в употребление термин «коммуникативная компетенция», которую рассматривает как способность к участию в речевой деятельности, как внутреннее знание ситуативной уместности языка [12].

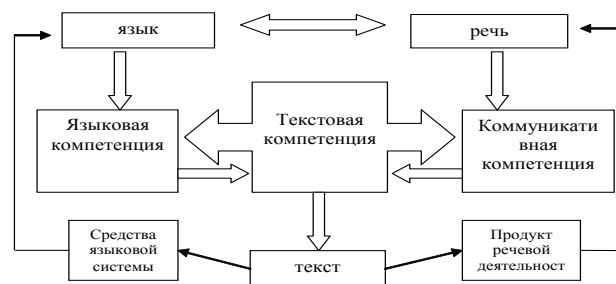
В отечественной лингводидактике в научный обиход термин «коммуникативная компетенция» был введен М.Н. Ватютневым. Исследователь выделяет два вида компетенций: языковую и коммуникативную. Языковую компетенцию он рассматривает как приобретенное интуитивное знание небольшого количества правил, лежащих в основе построения глубинных структур языка, которые преобразуются в процессе общения в разнообразные высказывания [2]. Под коммуникативной компетенцией М.Н. Ватютнев понимает «выбор и реализацию программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения; умение классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у учеников до беседы, а также во время беседы в процессе взаимной адаптации» [2, 38].

Современный период развития методики преподавания русского языка характеризуется повышенным вниманием к обучению языку как средству приобщения к национальной культуре. Такой подход к изучению языка развивает культуроведческую компетенцию, предполагающую «осознание языка как формы выражения национальной культуры, понимание взаимосвязи языка и истории народа, национально-культурной специфики русского языка, освоение норм русского речевого этикета, культуры межнационального общения» [9]. В культуроведческую компетенцию входит и знание русских невербальных средств общения (мимики, жестов). Существенное место в формировании культуроведческой компетенции занимает текст художественной литературы как наиболее удачное средство духовного и эстетического воспитания и обучения речевому общению учащихся, как посредник между языком и культурой, так как в нем с помощью языковых средств представлен предметно-духовный мир носителей языка.

Формирование перечисленных «филологических» компетенций школьников осуществляется в процессе текстовой деятельности, включающей комплекс действий, связанных с написанием, произнесением, восприятием, пониманием и интерпретацией текстов разных жанров. Знание закономерностей построения текста и различных его типов, выделение их характерных признаков важно для совершенствования коммуникативной компетенции учащихся, которая, в свою очередь, возможна лишь на уровне текста. В связи с этим нам представляется оправданным выделение еще одной компетенции – текстовой. Современные исследователи в области текстологии и речеведения рассматривают текстовую компетенцию, с одной стороны, как самостоятельную дисциплину, с другой – в качестве компонента коммуникативной компетенции. Связано это с коммуникативным подходом к изучению текста. По мнению И.В. Салосиной, правильнее всего остановиться на точке зрения о частичном пересечении всех «филологических» компетенций. Процесс их формирования и развития является одновременным: невозможно освоить основы построения текста при

отсутствии знаний о нормах современного языка и т.д. [7, 56]. Таким образом, текстовую компетенцию следует рассматривать как самостоятельную категорию, определяющую степень владения русским языком.

Учитывая тесную связь между выбором формы, вида, содержания текстовой деятельности и ситуации, сферы общения, а также самих участников коммуникативного взаимодействия, можно предположить, что формирование текстовой компетенции является процессом интегративным, который включает филологическую, педагогическую и психологическую составляющие. Интегративный показатель – взаимос-

вязь языковой и коммуникативной компетенций (рис.1).

Рис. 1. Взаимосвязь языковой, коммуникативной и текстовой компетенций.

На рисунке показан двусторонний процесс взаимодействия «филологических» компетенций, в центре которого находится текстовая компетенция. Она основывается на компетенции языковой и, в свою очередь, обуславливает коммуникативную компетенцию. Коммуникативная компетенция опирается на знания, умения, навыки, готовности, лежащие в области языка. Правильность, точность речи определяют успешность общения. Языковая компетенция создает предпосылки для осуществления всех видов текстовой деятельности. Каждая из этих компетенций требует развития мышления, которое возможно осуществлять через систематически организованную работу с текстом, развивающую аналитические и синтетические умения учащихся в аспекте мыслительной деятельности.

В то же время не следует забывать, что текст как конечный продукт текстовой компетенции является основным средством речевой коммуникации. Это единица языка и единица речи. Как единица языка, текст строится при помощи средств языковой системы, обеспечивающих его целостность и связность. Как единица речи, он представляет собой продукт речевой деятельности. Таким образом, происходит взаимосвязь трех компетенций, где текстовая компетенция – интегративное качество личности, показатель развития его речевой и педагогической культуры.

Коммуникативная, языковая и текстовая компетенции используются как социально значимые и являются средствами окультурации (освоение родной культуры) и аккультурации (освоение чужой культуры). Сочетания всех трех сегментов образуют область формирования культуры речи как умения эффективно использовать языковые возможности в соответствии с ситуацией,

сферой и задачами общения. Целенаправленная работа по формированию текстовой компетенции предоставляет большие возможности для углубления знаний и совершенствования языковой компетенции.

М.Я. Дымарский разграничивает языковую и текстовую компетенции, считая, что последняя направлена на формирование группы особых навыков, усваиваемых при изучении языка не автоматически и обеспечивающих лишь специфическую часть речемыслительных действий человека. Исследователь понимает текстовую компетенцию как совокупность только тех представлений, знаний и навыков, которые обеспечивают продуцирование текстов, не нарушающих неписаных норм (данной) культурно-письменной традиции, то есть владение нормой текстообразования [4, 212]. Структура текстовой компетенции, предложенная М.Я. Дымарским, представлена в виде иерархии трех основных компонентов. Первый компонент текстовой компетенции – способность анализировать и членить текст – понимается ученым как умение выделять тему текста, расчленять ее на подтемы, устанавливать между ними определенную иерархию. Второй компонент текстовой компетенции – способность обеспечивать связность текста – заключается во владении языковыми средствами, способствующими созданию взаимосвязей между элементами содержания. Это позволяет создателю текста обеспечить адекватный синтез целого получателем. Средства связности в тексте М.Я. Дымарский делит на две группы:

1. универсальные средства, которые функционируют при организации любого речемыслительного произведения на данном языке (союзы, местоименные, синтаксическая неполнота, синтаксический параллелизм видо-временных форм глаголов-сказуемых);

2. специфически текстовые средства связи, встречающиеся в письменной форме речи, специфически текстовые союзы (между тем, в то же время и т.п.) и союзные предложения (в самом деле, на самом деле, несомненно, безусловно, известно / как известно, в данном / этом случае, в связи с... – и мн. др.). Именно последняя группа специфических текстовых средств позволяет создателю текста добиться не только связности изложения, но обеспечивает адекватный синтез целого читателем.

Третий компонент текстовой компетенции – умение создавать целостный текст – рассматривается как связующее звено между первым и вторым компонентом и требует владения арсеналом жанрово-стилистических и языковых средств текста. Следовательно, текстовая компетенция может рассматриваться как интегративный показатель, который включает речевую компетенцию (первые два компонента) и языковую – третий компонент [4].

На интегративный характер текстовой компетенции указывает Н.Ш. Сайфутдинова, выделяя следующие структурные компоненты: опыт текстовой деятельности, знания о теории текста, тестовые умения и эмоционально-ценностное отношение к процессу и результату текстовой деятельности. При подробном

изучении содержания курсов дисциплин гуманитарного цикла, ученый предлагает рассматривать текстовую компетенцию в широком и узком смысле:

а) в широком смысле «как совокупность знаний, умений и навыков в области восприятия и создания текста;

б) в узком – как совокупность знаний, умений и навыков в области вербальных средств, позволяющих производить текстовые действия в соответствии с логикой и особенностями текстовой деятельности» [6, 19].

«Текстовая компетенция, – пишет Н.Ш. Сайфутдинова, – это сложное, многогранное явление, которое <...> предполагает знание языка и его системы, умение пользоваться ею в целях общения для восприятия и создания различных текстов <...> и свободное оперирование текстовыми действиями, наличие текстовых знаний, текстовых умений и опыта текстовой деятельности» [6].

В исследованиях последних лет также говорится о многокомпонентности текстовой компетенции, несмотря на различные точки зрения по поводу ее структурных компонентов и их взаимосвязи.

А.В. Свиридова считает, что текстовая компетенция «подразумевает наличие знаний о типах речи (описании, повествовании, рассуждении), о грамматике текста, о его структуре, о разнообразии средств связи в тексте, о стилевой структуре языка, о жанрах в рамках функциональных стилей, о стилистических средствах языка, о законах формирования текста, о способах повышения информативности текста, о создании креолизованных текстов, о средствах и способах выражения позиции (или личности) производителя текста, о паралингвистических средствах общения, которые сопровождают устный дискурс» [8]. Она рассматривает текстовую компетенцию как результат «межпредметной интеграции», являющейся базой развития коммуникативно-креативных умений учащихся, и выделяет следующие структурные параметры:

– владение основными текстоведческими понятиями;

– владение схемами анализа текстов;

– владение законами создания собственного текста [8, 174].

О.Е. Грибова относит текстовую компетенцию к числу базовых, позволяющих оптимально выполнять учебную деятельность, и рассматривает ее как «набор средств, действий, правил, реализующихся в процессе вербального взаимодействия языковых личностей путем перекодирования с одного уровня вербальных единиц на другой при понимании чужих текстов и создании собственных» [3].

Большинство исследователей (Н.С. Болотнова, О.Е. Грибова, И.В. Салосина, Н.Ш. Сайфутдинова и др.) сходятся на мнении о том, что формирование представлений о состоянии текстовой компетенции зависит от степени владения языковой личностью различными текстовыми умениями, которые, бесспорно, можно отнести к числу базовых, общеучебных умений, необходимых для успешного и полноценного обучения детей.

Выделяют следующие группы текстовых умений:

1. умение воспринимать текст: осознанное, выразительное чтение текста; определение темы и основной мысли текста; озаглавливание текста; определение микротемы с учетом их последовательности и смысловой взаимосвязи; выделение изобразительно-выразительных средств; выявление речевых ошибок; выражение собственной точки зрения и определение авторской позиции;

2. умение воспроизводить текст: изложение текста в устной и письменной форме; редактирование текста; составление тезисов, планов, конспектов текста;

3. умение образовывать текст: создание собственных текстов различных стилей, жанров и типов; раскрытие темы и основной мысли текста [1, 3, 6, 7].

Таким образом, текстовые умения состоят из 3-х групп умений: текстовосприятия, текстовоспроизведения и текстообразования и формируются при осуществлении всех видов речевой деятельности.

Изучив работы, посвященные рассматриваемой проблеме, мы пришли к выводу, что до сих пор отсутствует единое определение термина «текстовая компетенция», нет единой точки зрения и в определении компонентного состава текстовой компетенции. Но следует отметить, что всеми исследователями [3, 4, 6, 7, 8] признается многокомпонентность структуры текстовой компетенции, хотя их представления о ней могут существенно различаться.

В последнее десятилетие ученые все чаще обраща-

ются к проблеме формирования текстовой компетенции и выделения ее структурных составляющих. Интерес вызван высокими современными требованиями к общекультурному, коммуникативному, когнитивному развитию языковой личности. Приоритетным направлением новых образовательных стандартов (2010 год) является реализация развивающего потенциала общего среднего образования, актуальной задачей становится обеспечение развития универсальных учебных действий как собственно психологической составляющей фундаментального ядра образования. На формирование регулятивных, познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий на уроках русского языка влияет текстовая компетенция. Она остается одним из факторов образовательного процесса, который способствует формированию ценностно-смысловой, общекультурной, учебно-познавательной, информационной, коммуникативной, социальной ориентаций ученика. Признавая правомерность различных определений текстовой компетенции, мы можем с уверенностью утверждать, что *текстовая компетенция* – сложное многогранное лингвистическое явление. Структура текстовой компетенции представляет ряд специфических компонентов, которые в совокупности дают объективные сведения о ее состоянии. Формирование текстовой компетенции достигается в результате целенаправленного обучения, что предоставляет большие возможности для углубления знаний и совершенствования языковой и коммуникативной компетенций.

Библиографический список

1. Болотнова Н.С. Текстовая деятельность на уроках русской словесности: методики лингвистического анализа художественного текста. // Методическое пособие. Томск, 2002. 64с.
2. Вятютнев М.Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах. // Русский язык за рубежом. 1977. №6. С. 38-45.
3. Грибова О.Е. Текстовая компетенция: лингвистический, психологический и онтологический анализ: Монография. М.: АПК и ППРО, 2009. 120с.
4. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX - XX вв.). М.: Изд. 2. 2001. 328с.
5. Казарцева О.М. Культура речевого общения: теория и практика обучения: Учеб. пособие. – 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2000. 496 с.
6. Сайфутдинова Н.Ш. Текстовая компетенция как проектная основа обучения школьников гуманитарным предметам: дис., Сочи, 2000, 153с.
7. Салосина И.В. Текстовая компетентность: от восприятия к интерпретации. // Вестник Томского государственного педагогического университета. Выпуск 10 (73). Томск. 2007.
8. Свиридова А.В. Текстовая компетенция – основная цель обучения русскому языку (к проблеме воплощения в учебный процесс новых ФГОС). // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. Выпуск 1. С.173-178.
9. Стандарт основного общего образования по русскому языку [Электронный ресурс] // <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=262>
10. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Под общ. ред. В.А.Звягинцева; Серия переводов. Выпуск I. М., 1972. 233 с.
11. Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 122 с.
12. Hymes D. On Communicative Competence. In J.B.Pride and J.Holmes (eds.), Sociolinguistics. Harmondsworth: Penguin, 1972, pp. 269-293.

References

1. Bolotnova N.S. Text activities in Russian literature lessons: methods of linguistic analysis of literary text. [Text] / Bolotnova N.S. // Methodical aid. Tomsk, 2002. – p.64.
2. Vyatutnev M.N. Communicative direction of teaching of Russian language in foreign schools. [Text] / Vyatutnev M.N. // Russian language abroad. – 1977. – №6 – pp.38-45.
3. Gribova O.E. Textual competence: linguistic, psychological and ontological analysis. Monograph. M.: APKandPPRO, 2009. p.120.
4. Dymarsky M.Y. Problems of text formation and literary text (based on Russian prose of XIX-XX cent.). 2nd edition. M.:2001. p.328.
5. Kazartseva O.M. Culture of verbal communication: theory and practice of teaching. Training aid. 3^d edition. – M.: Flinta: Science, 2000. – p.496.

6. Saifutdinova N.S. Textual competence as project basis of teaching humanities to school children: thesis. – Sochi, 2000. – p.153.
7. Salosina I.V. Textual competence: from perception to interpretation. Bulletin of Tomsk state pedagogical university. Issue 10 (73). Tomsk, 2007.
8. Sviridova A.V. Textual competence – the main aim of Russian language teaching (to the problem of introduction new FSES to educational process). [Text] / Sviridova A.V. // Bulletin of Chelyabinsk state pedagogical university. Issue 1. – 2012. – pp.173-178.
9. The standard of general basic education in Russian language [electronic resource]. // <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=262>
10. Khomsky M. Aspects of syntax theory. [Text] / Noam Khomsky; edited by Zvyagintsev V.A. Series of translations. – Issue 1. – M., 1972. – p.233.
11. Khomsky M. Language and thinking. / Noam Khomsky. // M.: Moscow university edition, 1972. – p.122.
12. Hymes D. On Communicative Competence. In J.B.Pride and J.Holmes (eds.), Sociolinguistics. Harmondsworth: Penguin, 1972. – pp. 269-293.

УДК 811.161.1

UDC 811.161.1

Е.В. МАКСИМЮК

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии
E-mail: Grechko_EV@mail.ru

E.V. MAKSIMYUK

candidate of Philology, associate professor of foreign languages, Siberian state automobile and road academy
E-mail: Grechko_EV@mail.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗОВ СОЗНАНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ОБРАЗ СЧАСТЬЯ ДЛЯ СЕМЬИ)

CONSCIOUSNESS IMAGE RECONSTRUCTION BASED ON THE RESULTS OF EXPERIMENTAL RESEARCH (IMAGE OF HAPPINESS FOR A FAMILY)

Данная работа отражает результаты эксперимента, эксплицирующего коллективное представление о семейном счастье. В ходе анализа выявляются приоритеты в отношениях внутри семьи, общественно значимые и личностные интересы и потребности, мотивы, идеалы, ценностные ориентации и установки индивида, регулирующие его поведение. Автор классифицирует типы ментальных корреляций признаков внутри образа, отслеживает динамику признаков внутри разных возрастных групп.

Ключевые слова: экспликация, образ, сознание, репрезентация.

The article is devoted to the reflection of experimental results which explore collective conception of happiness for a family. Priorities in relations inside the family, socially valuable and private interests, needs, motives, ideals, vital guiding lines and personal attitudes regulating human behaviour are being revealed through the analysis. The author classifies mental correlation types of the signs inside the image, analyses sign dynamics inside different age groups.

Keywords: explication, image, consciousness, representation.

Современное языкознание характеризуется перестройкой и переосмыслением задач и перспектив развития. Е. С. Кубрякова отмечает четыре принципиальные установки развития российской лингвистики:

- экспансионизм (размывание границ, расширение пределов, выход в смежные области);
- антропоцентризм (обращение к проблеме «человек в языке»);
- неофункционализм (рассмотрение языка как деятельности);
- экспланаторность (объяснительность) [5, с.239].

Переход на антропоцентрическую парадигму требует рассмотрения языка как одного из психических про-

цессов, который может протекать во взаимодействии с другими психическими процессами. Психическое отражение не может быть пассивным, оно формируется в процессах деятельности активного субъекта через непрерывное взаимодействие человека с окружающей средой, миром при постоянном взаимодействии, связи внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, индивидуального и социального. В связи с этим постепенно в процессе жизнедеятельности индивида образуется целая цепь единых и в то же время расчлененных представлений. Рассматривая на примере феномена счастья данную структуру детерминации, мы обнаруживаем спиральную аксиологическую развер-

стку смыслов – от личного, субъективного к безлично-му, объективному. Сознание человека – это осмысление им мира, форма отражения мира, существующая и имеющая смысл только в обществе; как общественный феномен оно является социально опосредованным отражением действительности [2, с.48]. В образах счастья отражаются отношения личности к обществу, к человеку, эксплицируются как общественно значимые, так и личностные интересы и потребности, мотивы, идеалы, ценностные ориентации и установки индивида, регулирующие его поведение во всех сферах жизни.

Образы счастья представляют для нас интерес в силу ярко выраженной контаминированной смысловой структуры, в рамках которой объективная сторона будет представлена знаниями принципов и норм общества, знаниями общечеловеческих ценностей, а субъективная сторона будет отражать личностные представления о нравственных принципах, нормах, ценностях, являющихся основой взаимоотношений между людьми. «Каждая личность формируется под влиянием общественного опыта, на ее формирование оказывают влияние также такие факторы, как нравственные мотивы, отношение к людям, к обществу, потребности, интересы, идеалы» [4, с.137].

Семиологический подход к изучению сознания также предполагает изучение дискурса как семиосферы в рамках дихотомии «свое» – «иное». Метод идентификационных систем, используемый нами при эксперименте, позволяет выявить и объяснить множественность оснований для установления общности представлений. Через слово (идентификацию представления) индивид сам для себя разъясняет: через объекты, события, качества, свойства, отношения, которые оказываются в фокусе внимания его сознания в момент идентификации, с учетом свойств, которые реализуются на разных уровнях осознаваемости как «выводное знание – представление» [1, с. 24]. При этом происходит концентрация внимания на какой-то одной особенности объекта, порой несущественной, но затемняющей все остальные характеристики и актуальной по принципу «для меня здесь и сейчас».

В качестве экспериментальной методики среди респондентов использовался направленный семантический эксперимент с письменной фиксацией ответов. Лимит времени на ответы при этом не устанавливался. В эксперименте участвовали респонденты женщины и девушки в возрасте от 18 до 54 лет, студентки и административный персонал предприятий г.Омска. Данный возрастной ценз обусловлен тем, что образы сознания взрослых людей, в отличие от корреляционных структур сознания детей и подростков, характеризуются большей степенью оформленности и константности компонентов в силу их неоднократного соотнесения с устоявшейся когнитивной базой опыта, что позволило нам выявить и сформировать стержневую структуру образа, определить ядерные перманентные компоненты самого образа и его оценки сознанием говорящего.

В задании содержалось слово – стимул, выполняющее функцию векторного направляющего сознания на

определенный фрагмент образа сознания, с одной стороны, и образа действительности – с другой. Таким образом, был создан искусственный тоннель к выходу не только на базовые, но и на периферийные зоны образа и сознания.

При попытке дать определение феномену счастья человек опирается не только на энциклопедические знания, накопленные им в процессе жизнедеятельности, но и на личный опыт, в том числе сенсорно-перцептивные воспоминания. При этом вербализованная форма знаний человека не будет до конца адекватным отражением того, что он хотел сказать. Это связано с тем, что между осознанным и вербализованным, как и между осознанным и неосознанным, не имеется однозначного соответствия. Подразумеваемое может быть шире вербализованного, а то, что переживается как знакомое понятное, не всегда поддается экспликации, вербальному описанию. Кроме того, трудно сказать, где кончается сенсорика и начинается интеллект [3, с.5].

Представление образов счастья для семьи – это в большей степени представление образов идеальной семьи в сознании респондентов. Основным пространственным образом при этом будет выступать дом, отражающий в русском языковом сознании важнейшие фрагменты картины мира: возникновение, жизнь, смерть, судьба, общество с его социальной иерархией, нравственные понятия, качественные и количественные характеристики.

Перед нами – ментальная модель возможного мира, она образуется в результате интериоризации событий, явлений и фактов внешнего действительного мира во внутреннюю сферу говорящего (респондента) и реорганизуется в его сознании в идеальный образ в соответствии с усвоенным им национальным стереотипом и собственной ценностной шкалой. Полученный нами в результате анкетирования образ счастья для семьи непротиворечив – дифференция состоит лишь в подходах респондентов (альтернативных способах) к выражению содержания. Это альтернативы терм (имен), предикатов (пропозициональных функций) и пропозиций. Респонденты по-разному воспринимают ситуацию и по-разному выражают отношение к ней: кто-то большее значение придает структуре объекта, кто-то его качественным характеристикам, а для кого-то наиболее важным оказывается выражение своего отношения к нему. В связи с чем возникают разные способы идентификации объекта (именные дескрипции) – «семьи» и разное тема-рематическое членение высказываний.

Можно выделить два основных подхода к представлению семьи в сознании говорящих: конструктивно-интегративный и синтезированный. В первом случае подчеркивается социально-ролевой характер данного образования:

Счастье для семьи, когда супруги любят друг друга.

Счастье для семьи – это мама и папа, любящие друг друга и меня.

Счастье для семьи, когда муж и жена верны друг другу.

Счастье для семьи – это любовь и понимание меж-

ду мужем и женой.

Во втором случае подчеркивается интеграция людей в единое целое, которое становится атрибутивным свойством этого образования, его качественной характеристикой, единым образом жизни:

Счастье для семьи, когда все живут дружно.

Счастье для семьи, когда все живут вместе, делят все радости и горести.

Счастливая семья – это крепкая семья.

При этом в фокусе внимания оказываются как сами действующие субъекты ситуации, так и ее характеристики. «Фокусировка внимания на одном или нескольких участниках – это важный механизм, определяющий тему сообщения и принцип ее развертывания в текст» [6, с. 255]

Для представления образа счастья для семьи характерна тема-рематическая конверсивность: позицию темы сообщения могут занимать как сами участники ситуации, так и ее качественные характеристики – это особый способ маркировки степени актуальности для говорящего разных сторон высказывания (список участников ситуации при этом остается константным – это муж и жена (супруги), выполняющие при этом функцию родителей (мамы и папы), и их дети. Раскрытие понятийного содержания образа счастья для семьи при этом осуществляется разными способами:

– **через характеристику конституирующих членов ситуации (дескрипцию именных групп):** *мама и папа, любящие и уважающие друг друга;*

– **через дескрипцию целого:** *крепкая семья.*

Суммируясь, эти образы складываются в образ идеальной семьи путем приращения знаний респондентов об эмпирическом образе семьи. В жизни семьи далеко не всегда соответствуют данному образу, но в данном случае мы имеем дело не с фактическим, а с желаемым, АКЦЕНТНЫМ образом.

Данные атрибутивные образы, представление желаемых характеристик как постоянных качеств – один из способов представления степени актуальности в сознании говорящих обладанием данным перечнем качеств. Параметры, эксплицированные нашими респондентами, относятся к вечно актуальным для человека любого общества: *счастье для семьи – это мама, папа, любящие друг друга и меня. Взаимопонимание между нами и помощь в любую минуту.*

Актуализация численного состава осуществляется путем статусно-ролевой номинации, детерминированный характер отношений заявляется в предикатной части причастного оборота. Возвратность этого отношения многократно подчеркнута экстравертивной перспективой в конструкции «друг друга», в семантике лексемы «взаимопонимание», а также эксплицируется посредством конструкции : предлог «Между» + Тв.п – открывающей коррелятивную перспективу и интегрированный характер социального образования – семьи, отражающий отношения включения.

– **через предикативные конструкции:** *супруги любят и уважают друг друга.* Предикативная конструкция НСВ акцентуализирует внимание на длительности

и повторяемости действия и его возвратности, т. е. имеет другую коммуникативную и информационную направленность (аспектуализацию);

– **через категорию состояния:** *взаимопонимание в семье, любовь и понимание между мужем и женой.* Категория состояния контекстуально эквивалентна бытийным конструкциям. Данное состояние представляется респондентам залогом гармоничного существования в сфере, заявленной в локальном расширителе;

– **через модальность высказывания:** *умение понимать и прощать друг друга.*

Если первые подходы маркируют парадигму качеств и действий как необходимую данность, то последний представляет ее как приобретенное качество – результат целенаправленной деятельности индивидов.

– **через обобщенно-личные конструкции:** *помогают, ценят, уважают, доверяют.*

Обобщенно-личные конструкции сообщают о желаемом (желание имплицировано) положении дел. Цель всех типов высказываний – сообщение о положении дел, но подходы при этом разные – характеристики могут приписываться индивидам, а могут приписываться ситуации в целом, при этом все они проходят путь статусно-ролевой и функциональной идентификации в высказывании. Субъекты рассматриваются вместе с набором должных им свойств, причем эксплицируются только универсальные, переходящие из одной жизненной ситуации в другую, которые не элиминируются и не замещаются другими свойствами в иной ситуации. Это – любовь, понимание, уважение, верность, доверие, умение прощать и адекватно оценивать ситуацию. Детали в данных образах счастья для семьи редуцированы до нуля. Субститут описания образа счастья при этом становится перечень действующих лиц и эскиз сцены: внесобытийное описание – экзистенциальная предикация – способ существования.

О качествах и событиях необязательно судить по их позитивным проявлениям. Характеризация возможна и через прямые симптомы неосуществленных действий непротекающих процессов и ненаступивших состояний – их причин и следствий:

Счастье для семьи – когда родители не ссорятся.

Счастье для семьи, когда дети не убегают из дома.

Счастье для семьи, когда непьющий и негулящий муж.

При экспликации отсутствия какого-то события одновременно стимулируется внимание к событийным смыслам.

Перцептивный образ счастья для семьи представлен социально маркированными номинативными высказываниями посессивного характера:

Счастье для семьи – душевный покой у всех членов семьи.

К интенциональному подходу можно отнести высказывания номинативного характера, представляющие в сумме парадигму важных условий бытия, к которым следует стремиться семье, при этом они имеют двоякую направленность – они и залог успешного функционирования с одной стороны и цель – с другой:

Таблица 1.

Когнитивный признак	Тип корреляции	Динамика признака в %		Динамика концепции в %	
		До 17	После 17	До 17	После 17
Любовь	Интеракционная (посессивная)	22	12	86	84
Уважение		11	18		
Дружба		10	3		
Верность		8	0		
Поддержка/забота		6	5		
Стабильность		6	8		
Доверие	Социально-бытовая	4	4	12	16
Понимание		19	34		
Здоровье		5	9		
Общие друзья		2	0		
Обеспеченность	Атеистическая	5	7	2	0
Отсутствие возможности экзистенции		2	0		

Счастье для семьи – это здоровье.

Счастье для семьи – это достаток.

Вариативной разновидностью данного подхода являются атрибутивные конструкции метафорического характера: *Дом – полная чаша.*

Представленной является и частно-субъектная разработка образа счастья для семьи как представление идеального образа одного или нескольких ее членов. Для каждой социальной роли и для каждого члена семьи список критериев будет свой:

Счастье для семьи – это здоровые и умные дети.

Счастье для семьи – послушные и умные дети.

Счастье для семьи – внимательный и заботливый муж.

Счастье для семьи – красивая и ласковая жена.

Динамика актуализации выявленных когнитивных признаков образа счастья для семьи отражена в табл. 1.

Следует отметить то, что взрослые респонденты оценивают **семью как единую ячейку** общества, а подростки сепарируют ее **на составляющие компоненты** и много внимания уделяют **атрибутивным характеристикам** каждого члена семьи. Так, например, в рамках корреляционной структуры образа счастья для семьи как обладания детьми будет аксиологизирован не только фактор наличия, но и качественные характеристики – **физическое и эмоциональное состояние, интеллектуальные способности**, успешность интерактивного плана – общение между детьми и родителями – **дружба, доброта и забота**. Для образа мужа как залога счастливой семьи актуализируются когнитивные характеристики – отсутствие склонности к выпивке и «походам налево». Стоит отметить и то, что в рамках образа счастья для семьи, представленного подростками, присутствуют когнитивные признаки, не актуализированные взрослыми респондентами, – это **верность и умение прощать**. Векторность взгляда взрослых и подростков дифференцируется по принципу *взгляд изнутри – взгляд со стороны*. Подросткам

свойственен последний, реакции их в большей степени **аналитичны и эмоционально-оценочны**. Кроме того, образы счастья для семьи будут различаться **ядерной компонентой – у подростков будет доминировать – любовь, а у взрослых – взаимопонимание**. **Позиция субдоминантного когнитивного признака** отражает первую оппозицию **с точностью до наоборот: у подростка – это взаимопонимание, у взрослого – любовь**. И у тех и других можно выделить еще одну субдоминантную единицу, которая на этот раз будет единой – **уважение**. Определения в форме перечислительной парадигмы типа: *счастье – это забота, общие интересы, уважение, взаимопомощь* – нередко заменяются в образах, представленных подростками, лексемой «дружба» или однокоренными определителями «дружно, дружный» в соотношении их со статусно-ролевыми определениями членов семьи. При этом замечено, что спектр ролей в рамках образа счастья для семьи у подростков шире, чем у взрослых респондентов, так же как и количественный состав эксплицированных когнитивных признаков счастья: ср. (у подростков) *мужчина – женщина; муж – жена; родители – дети*. У взрослых: *муж – жена; родители – дети*.

Это свидетельствует о многоаспектности взгляда на семью подростками, об актуальности данного фрагмента действительности для респондентов и о проработанности его сознанием подростка. Общая структура образа счастья для семьи представлена в табл. 2.

Таблица 2.

Счастье для семьи							
Характер отношений						Благосостояние	
Взаимопонимание	Уважение	Верность	Любовь	Забота	Доверие	Физическое	Материальное
						Эмоциональное	Психологическое

Библиографический список

1. *Васильев В.П., Васильева Э.В.* Ассоциативное поле как экспонент концепта. // Вестник Кем ГУ. – Серия Филология, 2002. Вып.4. С.24.
2. *Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Академия, 2006. Т.1. С.48.
3. *Залевская А.А.* Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований. // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2007. №5. С. 4-13.
4. *Крыга Т.И.* Ассоциативное поле как форма овнешнения нравственного сознания. // Языковое сознание. Устоявшееся и спорное: XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации, 29-31 мая 2003 г. М., 2003. С. 137.
5. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века. // Язык и наука конца 20 века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 239-320.
6. *Переверзев К.А.* Пространства, ситуации, события, миры: к проблеме лингвистической онтологии. // Логический анализ языка. Языки пространств. Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С.255.

References

1. *Vasilyev V.P., Vasilyeva E.P.* Associative field as concept excomponent [Text]/ V.P. Vasilyev, E.P. Vasilyeva // Herald of Kemerovo State University. Subject: Philology, 2002. V.4. P.24.
 2. *Velichkovskiy B.M.* Cognitive science: Bases of cognitive psychology: in 2 V. [Text]/ B.M. Velichkovskiy. – Moscow: Academy Press, 2006. – V.1. – P.48.
 3. *Zalevskaya A.A.* Dynamics in general scientific approach to the problem of knowledge and some other psycholinguistic research aims [Text]/ A.A. Zalevskaya // Psycholinguistic issues. - Moscow: Institute of Foreign Languages, Russian Academy of sciences, 2007, – №5. – P. 4-13.
 4. *Kryga T.I.* Associative field as an extroversive form of moral consciousness [Text]/T.I. Kryga // Linguistic consciousness. Fixed notions and disputable issues. The 14th International symposium on psycholinguistics and communication theory. The 29th to 31 May, 2003. – Moscow, 2003. – P. 137.
 5. *Kubryakova E.S.* The evolution of linguistic ideas in the 2nd half of the 20th century [Text]/ E.S. Kubryakova // Language and science of the late 20th century. - Moscow: Institute of Foreign Languages, Russian Academy of sciences, 1995. – P. 239-320.
 6. *Pereverzev K.A.* Spaces, situations, events, worlds: in addition to linguistic ontology issue [Text]/ K.A. Pereverzev // Logical analysis of language. Languages of spaces. Managing editors: N.D. Arutyunova, I.B. Levontina. – Moscow: The languages of Russian culture, 2000. – P. 255.
-

УДК 811.161.1

UDC 811.161.1

О.Г. МРАМОРНОВА

сотрудник ректората Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых Кирилла и Мефодия
E-mail: r-roxy@mail.ru

O.G. MRAMORNOVA

collaborator of the Rectorate of Postgraduate and doctoral courses named after Holy Cyril and Methodius
E-mail: r-roxy@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОЗДНИХ РЕДАКТОРСКИХ ПРАВОК «ЖИТИЯ ВАСИЛИЯ НОВОГО»

FEATURES OF LATE CORRECTIONS OF THE "LIFE OF ST. BASIL THE NEW"

В настоящей статье рассматриваются особенности правок третьей древнерусской редакции, принадлежащей свт. Димитрию Ростовскому (конец XVII в.), и третьей южнославянской редакции болгарского еп. Софрония Врачанского (рубеж XVIII-XIX вв.). Выявляются основные языковые приемы, применяемые редакторами, и дается сравнительный текстологический анализ поздних редакций.

Ключевые слова: языковой метод, стиль языка, прием компрессии, сжатие текста, метод цепного упрощения.

In this article the features of third Old Russian edition of the "Life of St. Basil the New" by Rostov's Metropolitan Dimitry (end of XVIIth century) and third South Slavonic edition by Bishop of Vratsa Sofronius (XVIII-XIX centuries) are considered. Linguistic methods of editors is analyzed and comparative definition of later editors is given.

Keywords: linguistic method, style of language, text compression, linguistic chain simplification.

Жития святых считались на Руси самым популярным чтением. Жития святых (Четьи Минеи), написанные свт. Димитрием Ростовским, сделали достоянием всего славянского народа и предметом всеобщего наслаждения [1, 264].

«Житие Василия Нового» (далее – ЖВН), как известно, входит в третий том (март-апрель-май) Четых Минеи Димитрия Ростовского и по содержанию представляет собой «выжимку» из большого текста ЖВН, переведенного на древнерусский язык еще в X в. (далее – ЖВН1)

Житие Василия Нового в обработке свт. Димитрия Ростовского (далее – ЖВНДР), согласно характеристике С.Г. Вилинского, получило название «Третьей древнерусской редакции» [2, 894–946].

Главный принцип, который применялся свт. Димитрием для создания своей редакции, заключался прежде всего в приеме компрессии древнейшей редакции Жития. Объем текста в обработке святителя был сокращен более чем наполовину за счет невнесения в ЖВНДР второго видения Григория о Страшном Суде. Кроме того, «сжатие» содержания происходило путем отказа от многих фрагментов, в т. ч. исторических, на взгляд редактора не относящихся к житийной теме. Например, святитель неоднократно заменял подробные описания личностей правителей, представленных в большом количестве в ЖВН1, на более лаконичные характеристики. Язык ЖВНДР в стилистическом отношении получился не столь красноречив и многообразен, каким он представлен в ЖВН1. Редакторская правка Димитрия Ростовского проявлялась также в упрощении языка на синтаксическом уровне: в тексте не упо-

требляются формы плюсквамперфекта, следовательно, отсутствуют сложноподчиненные предложения, из прошедших времен употребляются лишь аорист и имперфект, а формы перфекта встречаются только во 2 л. ед. ч. в значении аориста и имперфекта во избежание омонимии с 3 л. ед. ч. Кроме того, на содержательном уровне происходит упрощение сюжета: многочисленные подробные описания героев из ЖВН1 опускаются, либо заменяются на краткие характеристики. Наблюдается также полный отказ от всевозможных отвлеченных авторских рассуждений и цитат из Священного Писания, что в большом количестве представлено в древнейшей редакции. В своем варианте святитель делает акцент на житийном компоненте. События и персонажи в новой редакции ЖВН при этом связаны прямо или косвенно с жизнью преподобного Василия, сюжетные линии плавно следуют одна за другой. В редакции святителя происходит перекомпоновка текста, которая, с одной стороны, заключается в отказе от некоторых «ненужных» фрагментов (например, подробное описание неких людей, не имеющих прямого отношения к Василию, подробные характеристики правителей в нескольких поколениях и т. д.) и, с другой стороны, – заострении внимания на определенных сюжетах, играющих ключевую роль в Житии (например, описание мучений преподобного Василия в начале повествования, описание некоторых испытаний, постигших Григория, и описание мытарств, через которые пришлось пройти праведной Феодоре).

На рубеже XVIII–XIX вв. редакция Димитрия Ростовского была взята за основу для следующей переработки болгарским епископом Софронием

Врачанским, который подверг ЖВНДР еще большей компрессии и перевел на болгарский язык, причем понятный простому населению (далее ЖВНСВ).

Болгарская редакция Софрония Врачанского именуется «Третьей южнославянской редакцией» [2, 946–973].

В предисловии к рукописи, где помещалось данное житие, Софронием было записано, что он перевел «на болгарский простий и краткий язык к разумению и уведению болгарскому простому невежому народу на внешнюю и душевную ползу» [3, 2]. В редакции ЖВНСВ отсутствуют посторонние сюжеты, остается непосредственно описание «знакомства» Василия с патриkiem и хождение по мытарствам старицы Феодоры. Стоит отметить, что произведения под названием «Житие Василия Нового» у Софрония нет, а то, что было заимствовано и переработано у Димитрия Ростовского, носит название «Сказание Григория, ученика преподобного Василия Нового о преставлении Феодоры, служительницы тому святому Василию и о видении его» и является седьмой (из девяти имеющихся) статьей, помещенной в рукописную книгу «Исповедание православной веры христианския и обычаи и законы еврейския и мохаммеданския религии и состояние» (РНБ, Собрание Погодина 1204, лл. 61 об.–75, 1805).

Примечательно, что в болгарской редакции ЖВН происходит своеобразная перекомпоновка сюжета. Еп. Софроний останавливается, главным образом, не на житийной составляющей, а на описании мытарств. Сюжетная линия, таким образом, претерпевает значительные изменения. Главный акцент ставится не на самом житии св. Василия, а на описании увиденной Григорием загробной жизни. Для редактора хождение по мытарствам имеет назидательный характер: Софроний описывает, что может произойти с человеком, который ведет греховную жизнь. Из всех мытарств автор особо выделяет прелюбодеяние и пьянство (вероятно, это были самые распространенные грехи среди его паствы). Их он описывает особенно подробно.

Также в болгарской редакции наблюдается перестановка акцентов. Количество главных персонажей сокращено до трех: это сам преподобный Василий, Феодора, прислуживающая ему, и Григорий, ставший учеником, а впоследствии и «списателем жития». Удивительно, что на жизни Василия Нового внимание редактора не заостряется, а основная часть повествования посвящена мытарствам, через которые прошла праведная Феодора после смерти. Следует предположить, что именно личности этой женщины уделяется особое внимание, редактор характеризует ее как «христолубивую и целомудренную».

Второе по важности место занимает ученик Григорий. Он, в свою очередь, является «общим знакомым» для Василия и Феодоры. Его личность, устремленная к новым познаниям, привлекает редактора гораздо больше, чем личность Василия Нового. Григорий доносит до читателя то, что сокрыто от взора обычных людей. Именно благодаря Григорию читатель узнает о Василии, который являлся образцом святости

и по молитвам которого происходило много чудес. В болгарской редакции Василий словно является «посредником» между Григорием и умершей Феодорой. По молитвам преподобного Григорий в сонном видении через Феодору увидел то, что происходит с душой после телесной смерти.

В языковом плане редакция Софрония не столь многообразна, как предшествующая редакция Димитрия Ростовского, т. к. за основу болгарской редакции был взят разговорный язык.

Процесс «цепного редактирования» текста ЖВН выглядел примерно следующим образом: переизбыток фрагментов и развернутых описаний, представленных в ЖВН1, «зачищался» в ЖВНДР, оставался лишь «сухой» сюжет с несколькими событийными линиями, после чего и это казалось излишним для ЖВНСВ и было выбрано лишь описание мытарств, а краткое описание встречи преп. Василия с патриkiem, а также описание Григория служили как бы фоном для основного сюжета. Кроме того, текст ЖВНСВ был переведен на новый (на тот момент) болгарский язык.

Для сравнения, содержание текста ЖВН1 начинается словами из псалма царя Давида «В память вечную будет праведник», далее приводятся слова из псалмов сына Давида Соломона и посланий ап. Павла. Предисловие занимает примерно две страницы, после чего появляется заголовок «житіе преподобнаго», после которого примерно на одну страницу подробно описываются судьбы правителей: сначала царя Василия, а потом и его четырех сыновей. Наконец, «в десятое и бо лѣтъ» по царствовании Леонта и Александра некий магистрианин увидел человека, шедшего в царскую страну пешком, очень бедно одетого. Это и был будущий св. Василий Новый.

В отличие от древнейшей редакции, третья древнерусская редакция (ЖВНДР) лишена вводных предисловий, а начинается непосредственно с рассказа о том, что некий человек (магистрианин) из подчинения благочестивых царей Льва Премудрого и его брата Александра увидел человека «по пустыни ходяща, худыми вѣдѣна рубы, образомъ странна и страшна».

В редакции ЖВНДР редактор отказывается от всевозможных описаний, не имеющих прямого отношения к основному содержанию Жития, от большинства фрагментов редактор отказывается вовсе, а выбранные сокращает путем пересказа или перефразировки. В получившемся сокращенном варианте автор убирает излишние вводные слова, в избытке употребляющиеся в ЖВН1, отказывается от сложноподчиненных предложений, от прямой речи, не употребляет форм плюсквамперфекта.

Житие под редакцией болгарского епископа Софрония Врачанского по содержанию является самым компактным из всех редакций и фрагментарно сокращенным.

Начинается текст следующими словами «Сей преподобный Василіа бѣше в црѣтво Льва премудраго, въ десятое лѣто црѣтованіе егѡ», затем так же, как и в ЖВНДР описывается, как некий человек магистриана-

нин из Асийской земли увидел преп. Василия, одетого в «худыи и раздранныя ѡдежды на образ страшень и чуждень».

Что касается стиля языка редакций, то он может быть охарактеризован следующим образом: древнейшей редакции (ЖВН1) присущи:

1. живость и простота языка,
2. наличие прямой речи,
3. ведение диалогов,
4. наличие развернутых предложений, члены которых состоят между собой в подчинительной связи,
5. наличие подробных описаний и характеристик персонажей,
6. употребление однородных членов предложения,
7. наличие в редакции форм дв. ч.

Язык Димитрия Ростовского, описанный в ЖВНДР, выдержан в строгом церковнославянском стиле. В частности, можно выделить главные его особенности:

1. повсеместное употребление форм перфекта во 2 л. ед. ч. на месте имперфекта либо аориста во избежание омонимичных форм с 3 л. ед. ч.;
2. полный отказ от форм плюсквамперфекта, а

следовательно, и

3. отказ от сложноподчиненных предложений;
4. отказ от прямой речи в пользу использования описательного способа передачи предложения либо перефразирования;
5. построение предложения при помощи синтаксической конструкции «дательный самостоятельный»;

Редакция ЖВНСВ характеризуется следующим образом: язык повествования живой, разговорный. Софроний Врачанский прибегает к приемам пересказа в свободном стиле, однако некоторые моменты заимствованы с высокой точностью. В «исполнении» Софрония в большом количестве употребляются диалектные слова (восточно-болгарские), а также заимствования из греческого и турецкого языков, повсеместно используется пересказывательное наклонение как грамматический фактор и показатель разговорного характера языка, формы инфинитива повсеместно заменяются т. н. да-конструкциями.

Метод «цепного сокращения», характерный для поздних редакций, можно отразить в следующей таблице:

фрагменты, вошедшие:	
из ЖВН1 → в ЖВНДР	из ЖВНДР → в ЖВНСВ
Рассказ о том, как Василия, идущего в Цариград, доставили патрикию, пытали и после ввержения в воду он спасся чудесным образом.	
Исцеление некоего Иоанна, знакомство с его супругой Еленой и проживание у них в доме;	
Рассказ о Константине Дуке, который пришел на помощь в Греческую землю для борьбы против иноплемеников и погиб от рук соплеменников. Предсказание Василием мученической кончины двум братьям-протоспафариям;	
Рассказ о царском зяте Сароните, об его обличении святым Василием, об избииении Василия и Елены Саронитом;	
Упоминание о некоем человеке по имени Константин, о том, что он позвал Василия жить к себе в дом, выделил ему отдельную келью и в качестве помощницы приставил к нему «благочестивую старицу» Феодору. в ЖВНДР Константин имеет прозвище Варвар;	
Более подробный рассказ о «деятельности» Василия (о посещении и «Феодориного» храма, об утешении людей, приходящих к Василию);	
упоминание о том, как Василий обличил царя Романа и тот обещал исправиться;	
Предсказание Анастасии (супруге патрикия) ее близкой кончины, а также предсказание жене Константина Багрянородного Елене того, что у нее родится сначала дочь, а потом сын.	
Рассказ о знакомстве с Василием Новым некоего мирянина по имени Григорий, который стал его учеником и свидетелем многих чудес, а также впоследствии «списателем того жития».	
Рассказ о некоторых чудесах, совершаемых Василием и наблюдаемых Григорием: обличение «лживой инокини», разоблачение пресвитера, благословение винного погреба у винопродавца, предсказание некоей женщине по имени Феодотия судьбы пришедшего с ней сына и исцеление его, благословение некоего человека на путешествие в восточную страну и предсказание о его спасении из реки Хелидон.	
Описание «вышепомянутого» Григория.	
В ЖВНДР сказано, что жил в доме своих родителей. Ему сподобилось стать учеником преп. Василия	В ЖВНСВ о Григории лишь упоминает и говорится о том, что он жил в «упостничестве» и очень полюбился св. Василию.

Григорий взял благословение у Василия отправиться в путь в некую деревню.	
Описание некоторых испытаний, случившихся в дороге с Григорием: история с найденным поясом, история с Мелетиной, едва не погубившей Григория, исцеление Григория от ее чар.	
Рассказ о том, что «вышепомянутая» Феодора, приняв иноческий постриг, скончалась. Много людей печалилось по этому поводу, потому что старица была очень добрая, «Христоролюбивая и целомудренная».	
Григорию пришло желание узнать, где находится душа Феодоры, сподобилась ли она милости Божией после своего служения преп. Василию.	
Григорий обращается за помощью к своему духовному отцу Василию, чтобы тот помог приоткрыть тайну о местонахождении души Феодоры. Василий молится, чтобы его духовному сыну во сне случилось видение.	
Описание сонного видения Григорию: явление Феодоры и ее подробный рассказ о том, как душа разлучалась с телом.	
Подробный рассказ Феодоры о мытарствах, через которые ей пришлось пройти. В ЖВНСВ каждое мытарство вынесено отдельно и озаглавлено	
Подробное описание 20-ти мытарств: 1. Грехи словес (Поругание, сквернословие) 2. Ложь. 3. Осуждение и клевета. 4. Чревоугодие и пьянство. 5. Лениность. 6. Татьба. 7. Сребролюбие и скупость. 8. Лихва 9. Неправда. 10. Зависть. 11. Гордость. 12. Гнев и ярость 13. Злопомнение. 14. Убийство и разбой. 15. Чародеяние. 16. Блуд. 17. Прелюбодеяние. 18. Содомия (мужеложство). 19. Ересь. 20. Немилосердие и жестокосердие.	Подробное описание 20-ти мытарств: 1 – о празднословии. 2. – о лжи. 3. – об осуждении. 4. – чревоугодие. 5. – о ленивстве. 6. – о татьбах 7. – о сребролюбии и скупости. 8. – о лихве. 9. – о неправде, сиречь зулум. 10. – о зависти. 11. – о гордости. 12. – о гневе и ярости. 13. – о злопомнении 14. – об убийстве. 15. – об обаянии и чародеянии. 16. – о блуде. 17. – о прелюбодеянии 18. – о содомском грехе. 19. – о ереси. 20. – о немилосердии.
Рассказ о том, что Феодоре после прохождения через мытарства удалось увидеть райские селения и ад крошечный.	
В ЖВНСВ в райских селениях были показаны обители святых, в том числе и будущее место пребывания св. Василия.	
Описание того, как наутро Григорий пошел к своему учителю Василию и рассказал о сонном видении.	
Рассказ о том, что Григорий «впал в некое сомнение» по поводу православной веры и посчитал, что иудеи веруют в Бога лучше. Григорию, по молитвам св. Василия, было явлено «второе» видение о Страшном суде, в котором, в частности, иудеи, не веровавшие во Христа, находятся в геенне огненной.	
Описание кончины св. Василия: он достиг почти столетнего возраста и перед кончиной попрощался с Григорием.	
Краткое описание видения некоему человеку о св. Василии, видение райских пределов. После чего тот благочестивый человек рассказал о св. Василии и память о святом распространилась еще больше.	

В свое время С. Г. Вилинский, при публикации ЖВН в разных редакциях, исследовал содержательные стороны текстов и, в частности, разобрал, какие части из самой первой древнейшей редакции ЖВН1 вошли в дальнейшие, в частности, в ЖВНДР, а какие были опущены. Таким образом, Вилинскому удалось кратко и достаточно точно передать содержательную сторону редакций. Получилось, что в ЖВНДР не попали следующие сюжеты из ЖВН1: предисловие, подробные историческое описание о династии правителей, подробности, касающиеся приглашения святого во дворец, его знакомство с Григорием, чудо с поясом святого, описание некоторых чудес и предсказаний, в частности, исцеление Григория, случай с тиуном, отнявшим у святого обувь; исцеление мечтавшего о царской власти, а

также еще ряда людей (в частности, человека по имени Феодор, некоего раба, человека, страдающего лихорадкой, бесноватого из Пафлагонии и др.); пророчество о приходе Руси, исцеление бесноватой женщины, освобождение Иоанна от чар, обретение украденных драгоценностей, видение Григория о Страшном суде (в ЖВНДР это «второе» видение лишь кратко упоминается и дается ссылка на более «подробное» его описание в Великих Четьих-Минеях); не вошел также сюжет об исцелении больного ребенка, подробная предсмертная беседа и молитва св. Василия, заключительное поучение [1, 267].

Кроме того, С.Г. Вилинским была проведена работа над перечнем мытарств: их количество в ЖВНДР стало 20 вместо 21, представленного в ЖВН1. Святитель

добавил мытарство лениности (5-е) и ереси (19-е); 2-е (порушение) и 7-е мытарства (праздноречие и сквернословие) из ЖВН1 он объединил в одно 1-е мытарство (грехи словес: поругание, сквернословие); 11-е (пьянство) и 14-е (объядение и чревоугодие) мытарства – в одно 4-е (чревоугодие и пьянство). Кроме того, Димитрий «убрал» мытарство идолослужения, встречающееся в ЖВН1 (15-е) [1, 269]. Вилинский дает следующее объяснение данному факту: «исключение из числа мытарств идолослужения и добавление мытарства ереси, очевидно, сделаны в соответствии со словами ангелов Феодоры, что через мытарства проходят только души людей, просвещенных верою и св. крещением «невернии же Эллина идолослужители, и Сарацыни, и вси чуждїи Бїга сѣмѣ не приходят» (937): при таком условии сохранение мытарства идолослужения было нецелесообразно, а введение мытарства ереси, как испытания в правоте веры, оказалось необходимым» [1, 270].

Что касается перечня мытарств в редакции Софрония Врачанского, то сокращениям они почти не подверглись, и по порядку и названиям были заимствованы из третьей русской редакции свт. Димитрия.

Итак, можно сказать, что поздняя редакция свт. Димитрия Ростовского носит и житийный, и исторический характер. Фигура св. Василия занимает главное место в повествовании, остальные герои являются связующим звеном между ним и происходящими событиями. Сокращение текста идет путем «отсеивания» некоторых фрагментов. Отказ происходил, в основном, от излишних подробных исторических описаний и рассуждений между сюжетными линиями, в большом количестве представленных в древнейшей редакции ЖВН, также свт. Димитрий не заострял пристального внимания на второстепенных героях, чего нельзя сказать о ре-

дакции ЖВН1. На первый план выходит главный герой св. Василий, вокруг которого разворачиваются все события. Ученик преп. Василия Григорий и помощник Феодора являются героями «второго плана», жизнь которых неразрывно связана с главным героем. В тексте присутствует описание многих чудес Василия как неопровержимое доказательство агиографичности повествования. В целом, редакторская работа свт. Димитрия связана с тщательным «очищением» текста от излишних описаний (остается только житийный компонент), грамматическим оттачиванием (последовательное использование церковнославянского языка) и лаконичностью содержания, дабы не утомлять читателя.

Болгарская редакция еп. Софрония Врачанского получилась более нравоучительная, нежели житийная, т. е. основной акцент ставится не на житии св. Василия как таковом, а на мытарствах, пройденных Феодорой. Для автора тема мытарств носит нравственно-назидательный характер, что является гораздо важнее, чем обычное историческое описание.

Текстологическую и грамматическую стороны древнейшей редакции ЖВН1 однозначно охарактеризовать нельзя: повествование достаточно длинное, наряду с агиографичным присутствуют также и исторический, и нравственный компоненты. Отдается предпочтение длинным описаниям-предысториям к некоторым событиям, размышлениям на отвлеченные темы, подробным характеристикам второстепенных героев.

Таким образом, длинное и подробное описание ЖВН в древнейшей редакции перешло в сжатое, агиографичное по характеру Житие под редакцией свт. Димитрия Ростовского, которое, в свою очередь, получило нравственно-назидательный и социальный контекст у болгарского епископа Софрония Врачанского.

Библиографический список

1. Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 1, Одесса, 1913.
2. Вилинский С.Г. Житие Василия Нового в русской литературе. Ч. 2. Одесса, 1911.
3. Соболевский А.И. Неизвестные труды Софрония Врачанского. С.-Петербург, 1908.

References

1. Vilinskiy S.G. The Life of St. Basil the New in Russian literature. P. 1, Odessa, 1913.
2. Vilinskiy S.G. The Life of St. Basil the New in Russian literature. P. 2, Odessa, 1911.
3. Sobolevskiy A.I. Unknown works of Sofonius of Vrachan. S.-Petersburg, 1908.

Т.Б. НАЗАРОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры ан-
глийского языкознания Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: tamara_nazarova@mail.ru

T.B. NAZAROVA

doctor of Philology, the professor of chair of English
linguistics of the Moscow state university of M. V. Lomonosov
E-mail: tamara_nazarova@mail.ru

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

DYNAMIC PROCESSES IN BUSINESS ENGLISH VOCABULARY

В статье с опорой на аутентичные образцы современного англоязычного бизнес-дискурса описываются некоторые из процессов, происходящих в лексике делового английского: появление новых полилексемных бизнес-терминов, созданных по аналогии с получившими большое распространение терминологическими единицами; возникновение консубстанциональных терминов как показатель взаимодействия разных лексических страт в словарном составе английского языка делового общения; развитие фразовых глаголов с терминирующими значениями.

Ключевые слова: английский язык делового общения, словарный состав делового английского, ключевая бизнес-терминология, слова общего языка, консубстанциональный термин, фразовый глагол.

In the article Business English vocabulary is shown to be a dynamic whole comprising four lexical strata. As numerous specimens of authentic business discourse are subjected to close examination, several processes are uncovered and detailed step by step: new polylexemic business terms evolve by analogy with a host of widely used core terminological items; consubstantial terms are derived from high-frequency General English words; monolexemic verbs gradually acquire counterpart phrasal verbs with terminological implications.

Keywords: Business English, Business English vocabulary, core business terminology, General English words, consubstantial term, phrasal verb.

Английский язык делового общения (Business English), его реальное бытование и функционирование являются одной из наиболее сложных, интересных и привлекательных проблематик в современных научных исследованиях отечественных ученых. Работы, выполненные с начала 90-х гг. прошлого столетия, позволили, **во-первых**, преодолеть редукционизм в толковании ключевого термина путем выявления тех функционально-коммуникативных типов речи, которые, взаимодействуя друг с другом и объединяясь в единое целое, дают представление об истинной природе и реальной онтологии английского языка, используемого в деловых целях: техника ведения беседы (Socializing for business purposes), телефонное общение (Telephoning for business purposes), деловая переписка (Business correspondence), деловая документация и контракты (Business documents and contracts), язык деловых совещаний (the English of business meetings), презентация товаров и услуг (Presenting in English), техника ведения переговоров (Negotiating) и средства массовой информации, ориентированные на деловое сообщество (the English of the business media). [8, 9]

Во-вторых, последовательно выделены и с достаточной степенью убедительности описаны пласты (или страты) в лексике английского языка делового общения с уточнением функциональной специфики каждого из них: слова общего языка (General English words),

официально-деловая лексика (formal vocabulary items), ключевая бизнес-терминология (core business terminology), отраслевые терминосистемы (industry-specific terminologies) и, шире, отраслевые лексические подсистемы (industry-specific vocabularies). [7, 8, 9, 10]

Первый из перечисленных пластов свидетельствует о неразрывной и преемственной связи делового английского с общим языком (General English): в любом образце дискурса деловой направленности – устном и письменном, монологическом, диалогическом или полилогическом – неизменно присутствуют разные объемы и перечни слов общего языка. В первом из представленных ниже четырех образцов общение осуществляется в устной форме в ситуации знакомства участников конференции в такой отрасли, как ИТ (Information Technology); во втором фрагменте общение опосредовано телефоном; третье высказывание взято из письма-запроса (enquiry); в четвертом из приведенных фрагментов дается начало ответа на запрос (reply to enquiry).

Good to meet you, Paul. Are you staying here in town?
Yes, at the *Post House*. It's just outside the city centre.

Business English in 30 Days [18, p. 30]

Good morning, NutriFruits. Ivana speaking. How can I help you?

I'd like to speak to Mr Slavicek, please.

Business Vocabulary Builder [5, p. 93]

Dear Sir/Madam

Please would you send me your Spring catalogue and price list, quoting CIF prices, Le Havre?

Dear Mr Raval

Thank you for your enquiry of 31 January. We enclose our Spring Catalogue and

current price list quoting CIF prices Le Havre.

Oxford Handbook of Commercial Correspondence [3, p. 42, 54]

Приведенные выше и многие подобные им контексты прямого и опосредованного общения в деловых целях едва ли могут обходиться без опоры на частотную лексику общего языка (General English words): глаголы be, meet, stay, speak, help, send, существительные town, city, centre, post, house, прилагательные good, current, служебные слова (предлоги, союзы, частицы).

Второй пласт словарного состава бизнес-английского – официально-деловая лексика – охватывает слова, многие из которых сопровождаются пометой *formal* в одноязычных толковых словарях. Эта страта выполняет особую функцию в деловом дискурсе, содействуя созданию и поддержанию официально-делового стиля, столь значимого для многообразия ситуаций делового общения преимущественно в письменной форме – обсуждение документов, их редактирование и оформление. Особенностью реального бытования единиц этого лексического пласта является их системная связь с близкими по смыслу словами общего языка, например: advise и inform, assist и help, modify и change, establish и open, alternative и choice, terminate и end, stipulate и demand. В связи с этим объективным явлением сопряженности двух страт в лексике английского языка делового общения специалисты – как теоретики, так и практики – все чаще упоминают понятие и термин «внутриязыковой перевод» (“intralinguistic translation”): переключаясь с устного диалогического общения на опосредованное письменное взаимодействие, говорящие на современном английском языке в разных коммуникативных ситуациях используют одну из двух страт – слова общего языка, отличающиеся повышенной частотностью употребления, и официально-деловую лексику (совокупность единиц менее частотных, как об этом свидетельствуют данные многомиллионных аутентичных корпусов ведущих англоязычных издательств). [7, с. 88-89, 106-107]

Третий и четвертый лексические пласты английского языка делового общения принимают на себя нагрузку когнитивного характера, так как охватываемые ими термины – ключевые и отраслевые – обозначают более специализированные по сравнению со словами общего языка понятия, которые становятся опорой понимания нами мира бизнеса в целом и, в зависимости от условий коммуникации, важнейшим звеном понимания нами той или иной из составляющих деловое сообщество первичных, вторичных и третичных отраслей (primary/secondary/tertiary industries). [7, 10, 12] В семиотиче-

ском плане можно утверждать, что ключевые бизнес-термины указывают на концептуальные связи и общие понятия разных отраслей (“identity” – «тождество»), в то время как каждая из отраслевых терминологических систем свидетельствует об очевидных, существенных и неизбежных различиях между ними (“otherness” – «отсутствие тождества»). [11, с. 328-331] Иначе говоря, ключевая бизнес-терминология является носителем центростремительной силы, связывающей разные области, сферы и отрасли в единое бизнес-пространство, например: **acquisition** – one company taking over controlling interest in another company; **contract** – a formal written agreement between two or more parties; **competitor** – a company which is in the same market; **delivery** – transport of ordered goods to customer. [7, 10, 12]

Отраслевые терминосистемы воплощают центробежные силы, подчеркивая специфику каждой отрасли и тем самым отличая ее от других, например: **the chemical industry** (chemical products, organic chemicals, commodity chemical, chemical engineer, chemical companies, chemical concern, the manufacture of chemicals and plastics, pharmaceutical operations, a manufacturer of food ingredients, personal care products, paints); **the construction industry** (traditional construction crafts, transportation infrastructure, railways, canals, bridges, tunnels, manufacturing facilities, factories, warehouses, the design community, conceptual and aesthetic design, civil and structural consulting engineers, technical design, quantity surveyors, the trades/the contractors). [7, 12]

В многообразии развернутых произведений речи деловой направленности представленные выше четыре пласта сосуществуют, опираясь на разные в количественном отношении перечни лексических единиц – от менее формальной страты слов общего языка к многосложной официально-деловой лексике, ключевым бизнес-терминам и к одной из отраслевых терминосистем. Приведем фрагмент современного англоязычного бизнес-дискурса, в котором частотные слова и обороты общего языка – a complex relationship with, since the earliest days, this situation, combined with, tend to do sth – функционируют наряду с менее частотной формальной лексикой (например enshrine и reinforce), ключевыми бизнес-терминами industry, regulator, market, transnational company и отраслевой лексикой the media industry, the freedom of the press, the media.

The media industry has always had a complex relationship with governments and their appointed regulators, even in the United States, where the freedom of the press has been enshrined in the constitution since the earliest days.

This situation, combined with differences in culture and language, has tended to reinforce national markets in the media, with more national operators and fewer transnational companies than in, for example, oil, car manufacturing, drugs, chemicals, computers, or electronic and electrical equipment.

Business: The Ultimate Resource, p. 1861-1862.

В наиболее общем плане выделенные к настоящему

моменту и всесторонне изученные лексические пласты делают вполне оправданными суждения о **статических** и **динамических** составляющих словарного состава английского языка делового общения. С одной стороны, объективно существуют устойчивые и регулярно воспроизводящиеся лексические и терминологические страты. С другой стороны, деловой английский, будучи важнейшей частью коммуникации в многообразии ситуаций общения далеко за пределами англоязычных стран и культур, постоянно развивается, меняясь, расширяясь и преобразовываясь в ответ на непрерывное развитие и неизбежную изменчивость реальности и реалий делового мира.

Первым по значимости в когнитивном плане является процесс постоянного пополнения ключевого терминологического пласта, оперативно реагирующего на новые понятия, возникающие в деловом сообществе. Расширение собственно терминологической страты, охватывающей общие для многообразия отраслей, областей и сфер бизнес-термины, осуществляется за счет разных ресурсов. Начнем с тех случаев, когда новые терминологические единицы создаются по аналогии с имеющимися в системе полилексемными терминами. Обратимся к бизнес-терминам, обозначающим должности в иерархии компании. Список высших должностных лиц открывается термином Chief Executive Officer (CEO). В корпусном словаре New Oxford Business English Dictionary for learners of English (Oxford University Press, 2005) мы находим и другие полилексемные терминологические единицы. Перечислим их, следуя особенностям их орфографического оформления в этом одноязычном издании: Chief Financial Officer (CFO), Chief Information Officer (CIO), Chief Operating Officer (COO).

В другом авторитетном корпусном словаре New Longman Business English Dictionary (Pearson Education Limited, 2007) структура словарной статьи подчинена родо-видовому принципу организации материала. По этой причине рассматриваемые многоэлементные бизнес-термины оказываются в словарном гнезде родового термина *officer*, сопровождаемого 11 видовыми терминами, в регистрации которых используются строчные буквы и соответствующие аббревиатуры. В словнике мы находим упомянутые ранее *chief executive officer* (CEO), *chief financial officer* (CFO), *chief investment officer* (CIO) и *chief operating officer* (COO), а также *compliance officer*, *knowledge officer*, *press officer/press secretary*, *procurement officer/purchase officer*, *public relations officer* (PRO).

Оба словаря – NOBED и NLBED – являются корпусными и по этой причине от издания к изданию неизбежно расширяют предлагаемые ими словники. Вместе с тем, немало ситуаций, когда терминологические единицы, встречающиеся в современном деловом дискурсе и демонстрирующие однозначную связь с определенным фрагментом рассматриваемой терминосистемы, оказываются не зарегистрированными в каком-либо из постоянно обновляемых авторитетных одноязычных учебных бизнес-словарей, например Chief Resources

Officer и Chief Human Resources Officer, которые следуют распространенной морфосинтаксической модели **adj + n**, обозначают новые должности в структуре компаний и сопровождаются аббревиатурами – CRO и CHRO соответственно.

Процесс создания новых единиц в динамике прямой и опосредованной деловой коммуникации явно опережает корпусную обработку обширных массивов аутентичного речеупотребления. Убедительным подтверждением сказанного являются еще два термина, созданных по той же модели и не учтенных при составлении словников корпусных бизнес-словарей: Chief Ethics Officer и/или Chief Ethical Officer, которые возникли вслед за участвовавшими случаями нарушения кодекса поведения представителями высших звеньев управления крупных компаний.

Аналогичный разрыв между реальностью речеупотребления и словником корпусного словаря сохраняется и в отношении нового термина *individual public offering* (IPO), созданного по аналогии с широкоупотребительным *initial public offering* (IPO).

IPOs – The Path Toward Free Agent Finance

As power continues to devolve from firms to individuals, we see a democratization of finance, one that is intensifying considerably. The first stage was expanding the number of people who invest in stocks and bonds; the next stage – just a few years away – will be expanding the number of people who issue their own stocks and bonds, including freelancers, home business owners and self-employed persons. These people will go directly to markets in order to get the funds they need to finance their startups, expansions and improvements. ... This democratization could also move into forms of equity financing, such as venture capital. In this theoretical landscape, a free agent could raise equity financing through a new kind of IPO – an Individual Public Offering. Modeling their offering after current direct public offerings, free agents could sell their shares directly to the public, without the help of underwriters.

Soundview Executive Book Summaries. January 2002, p. 8.

С одной стороны, очевидна потребность в новом термине, фиксирующем новую понятие и размещающем его в рассматриваемой терминосистеме с опорой на имеющиеся языковые ресурсы. С другой стороны, бросается в глаза факт неизбежной омонимии аббревиатур.

Появление новых бизнес-терминов свидетельствует как о динамике внутри одного лексического пласта в словарном составе английского языка делового общения, так и о непрерывном взаимодействии разных лексических страт. В этом смысле история термина *slack* представляет особый интерес, так как эта терминологическая единица является примером возникновения консубстанционального термина, созданного на основе слова общего языка. В подобных случаях целесообразно рассматривать материал, двигаясь от уровня общего языка, отраженного в одноязычном толковом словаре, по направлению к бизнес-словарям и аутентичному бизнес-дискурсу. В корпусном словаре Macmillan English Dictionary существительное *slack* зарегистриро-

вано наряду с прилагательным и глаголом. Очевидно, что это многозначное слово: 1 people, equipment, or money that could be used more effectively in an organization: *There is still a great deal of slack in the budget.* 2 the fact that a rope is loose, rather than being held or fixed tightly: *There's too much slack in the rope.* (p. 1341)

Слово slack представлено и в бизнес-словарях. Значение существительного объясняется в New Oxford Business English Dictionary следующим образом “people, money, time or space that a company is not using fully” (p. 512) и сопровождается иллюстративным высказыванием *There's very little slack in the budget.* Значение и контекст в определенной степени совпадают с тем, что мы находим в другом корпусном толковом одноязычном словаре New Longman Business English Dictionary: **slack** money, space, or people that an organization is not using at present, but could use in the future: *There is very little slack in the training budget for this year.* (p. 502)

Различия между толкованиями и иллюстративными высказываниями не столь значительны: лексикографы использовали разные термины (company и organization, budget и training budget) и варианты грамматические конструкции (There's... и There is...) для передачи примерно одинаковых смыслов.

Примечательным является то, как slack функционирует в современном бизнес-дискурсе, возникая в менее привычных морфосинтаксических и лексико-фразеологических сочетаниях и демонстрируя тем самым не только новые употребления, но и новое значение. В первом из наиболее интересных случаев содержится определение рассматриваемой лексической единицы, которое кардинально отличается от толкований, предлагаемых в авторитетных одноязычных словарях: “... the time it takes to think up new procedures and products; in other words, slack...” Это определение является терминологическим по природе, так как связывает исходный термин с двумя другими бизнес-терминами (procedure и product) и, что немаловажно, ограничивает его концептуальную составляющую понятием time (время). Встречающиеся в аутентичном бизнес-дискурсе сочетания не противоречат этому терминологическому значению и укрепляют его позицию в привычных для мира бизнеса системах концептуализации и категоризации: benefits of slack, the role of slack in change and growth, creative management of slack, create productive slack in your organization, time slack, control slack. Завершая обсуждение этого консубстанционального термина, приведем показательный фрагмент текста:

... knowledge workers have an intrinsic need for slack time for the conceptualizing and immersion process phases. Using slack to give knowledge workers room for these intangible needs is nothing less than an investment in your human capital. Without slack, your employees won't have time to adapt to changes in the marketplace, and your company can lose its inventiveness.

Soundview Executive Book Summaries. May 2002, p. 3.

Реальность речепотребления свидетельствует не только об изменении значения рассматриваемой еди-

ницы: slack приобретает адгерентную положительную коннотацию, отличающуюся от ингерентной отрицательной, присущей в общем языке словам slack adj (slack safety standards), slack v (Stop slacking and get back to work.) и slack off phr v (This really isn't the time to start slacking off. You've got exams next week.).

Динамические процессы наблюдаются и в другой разновидности единиц общего языка, используемых в современном дискурсе деловой направленности. Одной из самых динамично развивающихся является лексическая подсистема фразовых глаголов – столь характерных для английского языка устойчивых сочетаний глагола и послелога, отличающихся разной степенью идиоматичности (go about, go after, go ahead, go back, go back on, go along, go along with). В аутентичном материале, приведенном ниже, есть случаи как нормативного воспроизведения распространенных фразовых глаголов (set up), так и творческого контекстуально-обусловленного использования сочетаний глагола и частицы. Особый интерес вызывают фразовые глаголы manage up и manage down, созданные пишущим для передачи специализированных смыслов, которые приближают эти единицы к частям речи (глаголам и прилагательным) с терминирующими значениями. Новые фразовые глаголы вынесены в название раздела (Managing Up and Down), в то время как в названиях подразделов даются эквивалентные сочетания герундия и бизнес-термина (Managing Your Team и Managing Your Boss), а собственно значения новых образований разъясняются в самом тексте с опорой на высказывания разной протяженности: manage down в значении “set up a system that enables you and your employees to get meaningful work done”; manage up в значении “establishing a mutually beneficial partnership with your boss”. Ниже воспроизводятся соответствующие фрагменты из рассматриваемого образца аутентичного бизнес-дискурса.

Part IV: Managing Up and Down Managing Your Team

Managers can get the most out of their employees by helping them achieve meaningful progress every day. Sadly, most managers don't seem to be aware of this. To be an effective boss, you have to set up a system that enables you and your employees to get meaningful work done. The heart of that system is delegation.

Managing Your Boss

Just as your productivity depends on how you manage your team, it depends at least as much on how you deal with your boss by “managing up”. That does not mean manipulating your boss or apple-polishing; it means establishing a mutually beneficial partnership.

Soundview Executive Book Summaries.
Extreme Productivity, p. 6-7.

Изучение материала современного англоязычного бизнес-дискурса позволило сделать несколько выводов в отношении процессов, происходящих в словарном составе английского языка делового общения. Лексика делового английского отличается многообразием; в ней сосуществуют по меньшей мере четыре пласта

разной функциональной значимости: слова общего языка, официально-деловая лексика, ключевая бизнес-терминология и отраслевые терминосистемы.

Каждая из этих страт важна для процесса делового общения и, опираясь на определенную совокупность лексических единиц, являет собой неизбежную статическую составляющую бизнес-английского. Вместе с тем, выделенные и достаточно четко дифференцированные лексические пласты динамичны по природе, отражая, фиксируя и объективируя изменчивость мира бизнеса и подвижность его концептуальной системы: в каждой из четырех страт неизменно появляются новые моно- и полилексемные единицы.

Более того, отличаясь друг от друга по функциональной специфике и предназначению, эти пласты постоянно взаимодействуют, тем самым демонстрируя подвижность границ, их разделяющих. Динамические процессы в словарном составе английского языка делового общения настолько интенсивные и непрерывные, что даже корпусные лексикографы, располагающие самыми усовершенствованными методиками описания многомиллионных выборок устного и письменного материала, не справляются с задачей регистрации многообразных проявлений изменчивости языка в речевой деятельности говорящих и пишущих в деловых целях.

Постоянно обнаруживаются расхождения между данными самых современных корпусных словарей и реальностью аутентичного речепотребления в глобальном коммуникативном пространстве. Язык и речь по-прежнему противостоят любой попытке ограничения в виде словарной статьи, содержащей фиксированный фрагмент знания с раз и навсегда заданными границами и параметрами. Это обстоятельство еще раз возвращает нас к известному высказыванию выдающегося отечественного ученого профессора Ольги Сергеевны Ахмановой об открытости и подвижности границ нашего знания языка: “Our knowledge of language is never complete. It is not a “finite state”, because of the perpetual interaction between the processes of speech and the amount of knowledge derived from them by particular individuals at any given time.” [2, p. 119] Продолжая эту линию рассуждений, известный американский специалист в области изучения поэзии утверждает в одной из своих книг, что процесс приобретения знаний – это непрерывное движение по направлению к бесконечности вкупе с неизбежным ощущением ограниченности каждого отдельно взятого факта или фрагмента знания: “...striving after the infinite ... maintaining the discrepancy between an infinite reach and a finite grasp.” [1, p. 207]

Библиографический список (References)

1. *Abrams M.N.* The Fourth Dimension of a Poem and Other Essays. New York, London: W. W. Norton & Company, 2012. 240 p.
2. *Akhmanova O.S.* Semantics. // Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguists. – Tokyo, 1983. – P. 116-121.
3. *Ashley A.* Oxford Handbook of Commercial Correspondence. Oxford University Press, 2003. 304 p.
4. *Business: The Ultimate Resource*. – Bloomsbury Publishing Plc, 2002. 2172 p.
5. *Emmerson Paul.* Business Vocabulary Builder. Intermediate to Upper-intermediate. Macmillan Publishers Limited, 2009. 176 p.
6. *Macmillan English Dictionary for Advanced Students*. – Bloomsbury Publishing Plc, 2002. – 1692 p.
7. *Nazarova T.B.* Business English. A Course of Lectures with Exercises, Activities and Tasks. – 2nd edition. M.: AST/Astrel, 2009. 272 p.
8. *Nazarova T.B.* Business English. An Introductory Course for Advanced Students. M.: Dialogue-MSU, 1997. 134 p.
9. *Nazarova T.B.* Business English Vocabulary: Stratification and Methodology. //New Developments in Modern Anglistics. Akhmanova Readings 1996. M.: Dialogue-MSU, 1997. P. 27-36.
10. *Nazarova T.B.* Dictionary of General Business English Terminology [Текст] / T.B. Nazarova M.: AST/Astrel, 2002. 128 p.
11. *Nazarova T.B.* Semiotics in an ELT Setting. // Vocabulary Acquisition as Ongoing Improvement. – AST/Astrel, 2006. P. 306-351.
12. *Nazarova T.B., Kuznetsova Ju.N., Presnoukhina I.A.* Business English Vocabulary. A Special Course. M.: AST/Astrel, 2007. 320 p.
13. *New Longman Business English Dictionary*. – Pearson Education Limited, 2007. 594 p.
14. *New Oxford Business English Dictionary*. Oxford University Press, 2005. 616 p.
15. *Soundview Executive Book Summaries*. January 2002. 8 p.
16. *Soundview Executive Book Summaries*. May 2002. 8 p.
17. *Soundview Executive Book Summaries*. February 2013. 8 p.
18. *Weston, Lynn and Eleanor Halsall.* Business English in 30 Days [Текст] / L. Weston, E. Halsall. – AST/Astrel, 2005. 256 p.

УДК 811.133.1'28

UDC 811.133.1'28

Т.И. РЕТИНСКАЯ

доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Орловского государственного университета
E-mail: tatret@mail.ru

T.I. RETINSKAYA

doctor of Philology, Professor of Department of Romance Languages Orel State University
E-mail: tatret@mail.ru

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ ЖОЗЕФА КРЕССО «LE PAIN AU LIÈVRE»)**

**FUNCTIONING OF REGIONALISMS IN THE FICTION TEXT
(ON THE MATERIAL OF JOSEPH CRESSOT'S STORYBOOK «LE PAIN AU LIÈVRE»)**

Статья посвящена описанию единиц регионального варианта французского языка, функционирующих в произведении Жозефа Крессо «Le pain au lièvre». Модель полиаспектного исследования лексико-стилистической подсистемы в системе художественного текста включает такие компоненты, как определение тематики произведений, выявление семантических доминант, характеристика концентрации и частотности регионализмов, анализ приемов инкорпорации и семантизации территориально ограниченных в употреблении лексем, не входящих в лексическую систему французского литературного языка.

Ключевые слова: региолект, художественный текст, Жозеф Крессо, семантическая доминанта, концентрация региональных лексем, семантизация регионализмов.

The article is devoted to the description of the units of the French regional variant functioning in the Joseph Cressot's work «Le pain au lièvre». The model of the polyaspect lexical-stylistic study of the subsystem in the system of the fiction text includes components such as the definition of the subject of the work, the identification of the semantic dominants, the characteristic of the concentration and frequency of regionalisms, the analysis of the techniques of incorporation and semantization of the lexemes limited in use territorially which are not a part of the lexical system of the French literary language.

Keywords: regiolect, fiction text, Joseph Cressot, semantic dominant, concentration of regional lexemes, semantization of regionalisms.

Одно из направлений, по которому осуществляется исследование региональных вариантов французского языка¹, – лингвостилистическое. Оно предполагает стилистико-прагматический анализ регионализмов в художественном тексте и сопоставительное описание региональных лексем, используемых французскими писателями XX – начала XXI века.

Методика изучения регионализмов в ткани художественного произведения включает несколько этапов: определение тематики произведений, выявление семантических доминант, описание частотности и концентрации региональных лексических единиц, характеристика приемов инкорпорации и семантизации локально ограниченных в употреблении лексем². Обозначенную методику мы применили при анализе элементов региолекта, функционирующих в сборнике рассказов Жозефа Крессо «Le pain au lièvre» [7].

Основная тематическая линия анализируемого художественного произведения – изображение французской деревни начала XX века. Рассказчик подробно описывает жизнь и быт жителей небольшой деревеньки Шатуайено (*Chatoillenot*), расположенной в окрестностях Лангра – одного из городов департамента Верхняя Марна (провинция Шампань). Ж. Крессо выделяет та-

кие характерные черты своих односельчан, как умение жить автономно и противостоять невзгодам и лишениям, трепетное отношение к труду на земле, готовность помочь друг другу. Крестьяне стремились передавать профессиональные традиции из поколения в поколение и всегда предъявляли высокие требования к качеству выполняемой работы.

В предисловии ко второму изданию книги член Французской академии Жан Геэнно отметил, что язык шампанского автора отличается богатством словарного состава [9, 9]. Сборник рассказов французского писателя-областника насыщен лексемами, заимствованными из региолекта Шампани, и это является одной из отличительных черт его идиолекта.

Следует уточнить, что этот региональный вариант французского языка включает в себя лексические единицы, зафиксированные на территории, которую занимает не только департамент Верхняя Марна, но и департаменты Марна и Об. Автор словаря «Региональный диалект Шампани» Мишель Тамин определяет французский региональный язык как языко-пароль, который позволяет идентифицировать пользователей специфического субязыка [13, 6]. Ж. Крессо использует местный языковой субстрат в качестве сред-

ства, позволяющего воссоздать речевой портрет носителя шампанского региолекта.

Региолектный словарь исследованного сборника рассказов Ж. Крессо состоит из 132 единиц, которые дают 193 словоупотребления. Примечательно, что в качестве заглавия автор выбирает региональную лексему *pain au lièvre*³ ‘кусоч хлеба, который крестьянин приберегает от обеда в поле, чтобы угостить своих детей’. В рассказе «Хлеб» писатель показывает, какую роль в жизни крестьянской семьи играл хлеб, и основным штрихом к описанию этого священного пищевого продукта служат заметки о том, с каким чувством дети искали кусок хлеба в заплочной корзине отца, возвращавшегося с полевых работ [7, 73-78].

Обозначенный словарь отличается тематическим разнообразием. Большинство регионализмов, функционирующих в анализируемом художественном тексте, относятся к четырем семантическим доминантам «Крестьянский труд», «Крестьянский быт», «Ландшафт», «Человек». Обозначенные семантические макрополя содержат 114 лексем (86,4%). Нижеследующая таблица отражает количество лексических единиц, входящих в их состав:

Название семантической доминанты	Количество лексем
Крестьянский труд	37 (32,5%)
Крестьянский быт	35 (30,7%)
Ландшафт	25 (21,9%)
Человек	17 (14,9%)

С помощью региональных слов Ж. Крессо описывает:

1. особенности возделывания виноградной лозы: *accoler* ‘подвязывать побеги виноградной лозы’, *mêler* ‘начинать созревать’, *ordon* ‘междурядье’, *grisard – melon – parisien – tenturier* ‘сорта винограда’, *paisseau* ‘подпорка для подвязывания побегов виноградной лозы’, *verjus* ‘невызревшая гроздь виноградной лозы’;

2. особенности землепользования: *faire bout et rive* ‘устанавливать границы земельного участка’, *finage* ‘граница земельного участка’;

3. особенности возделывания зерновых культур: *roie* ‘борозда’, *sombrer* ‘пахать землю перед посевами яровых культур’, *tournière* ‘загон (при вспашке)’;

4. уборку урожая: *êteules* ‘стерня’, *grenaille* ‘низкосортное зерно’, *meulon* ‘большой стог сена’, *tisse* ‘временно сложенные снопы’, *trézet* ‘составленные на жнивье тринадцать снопов’;

5. особенности обработки конопли: *naiser* ‘мочить коноплю’, *naisoir* ‘мочило для конопли’, *poupée* ‘вязанка конопли для изготовления рубашечной ткани’;

6. инструмент и приспособления для ведения сельского хозяйства: *fauchet* ‘деревянные грабли для заготовки сена’, *râtelot* ‘коса’, *serpette* ‘серб’;

7. погодные условия: *droit vent* ‘северный ветер’;

8. особенности обработки дерева: *ételle* ‘древесная стружка’;

9. спиртные напитки и технологию их производства: *brûler* ‘гнать водку’, *goutte* ‘водка’, *repasse* ‘вторая перегонка’;

10. жилые постройки: *chambr’haut* ‘комната, расположенная на первом этаже’, *couverte* ‘плита перекрытия’, *poêle* ‘отапливаемая комната’;

11. предметы домашнего обихода: *beuchin* ‘плотная плетеная корзина’, *casserolier* ‘набор подержанной кухонной посуды’, *chazère* ‘сундук из ивовой лозы’, *topette* ‘плоская бутылка’;

12. особенности ведения домашнего хозяйства: *buer* ‘стирать’;

13. продукты питания: *échaillon* ‘греческий орех’, *lèche* ‘кусоч хлеба’;

14. прием пищи: *marender* ‘есть между обедом и ужином’;

15. растения: *coucou* ‘первоцвет’, *épine noire* ‘терновник’, *gouttes de lait* ‘подснежники’, *jeannette* ‘нарцисс-жонкиль’, *pas d’âne* ‘мать-и-мачеха’, *veilleuse* ‘безвременник’, *viorne* ‘ломоноос’;

16. представителей животного мира: *bougre* ‘медведка’, *orlosette* ‘ящерица’, *védret* ‘разновидность ящерицы’;

17. окружающий рельеф: *ru* ‘ручей’, *Sauveur* ‘родник’;

18. человека: *cossonier* ‘продавец яиц’, *faraud* ‘хвастун’, *roulant* ‘бродячий ремесленник’;

19. обрядовые действия: *bruant* ‘трещотка’, *mai de fayard* ‘ветка букового дерева, которую юноши прикрепляют над входной дверью дома девушек в качестве символического послания в ночь с 30 апреля на 1 мая’;

20. традиционные детские игры: *chique* ‘игра в шары’, *trouille* ‘игра в мяч’.

В ходе анализа территориально ограниченных в функционировании лексем выделены сезонные слова (*mots saisonniers* / термин Г. Тюайона [14, 29]), употребляемые в определенное время года, и лексем, используемые вне зависимости от времени года. Приведем примеры.

1. *Сезонные слова:*

• *L’attirail endormi se réveillait : paniers de viorne à deux bosses, charpaignes longues pour le raisin choisi, hottes et cuveaux, et l’arsenal des sécateurs, serpettes et ci-seaux* [7, 36] (*charpaigne* ‘корзина из ивовой лозы для сбора винограда’).

2. *Регионализмы без темпорального маркера:*

• *Nous préférons la croûte à la mie et, quand nous étions seuls au moment du marender, la miche prenait une singulière figure. Mon père ne demandait pas qui avait « talonné » ; un couteau justicier refaisait l’équilibre et distribuait la mie aux innocents comme aux coupables* [7, 77-78] (*marender* ‘есть между обедом и ужином’, *talonner* ‘резать хлеб’).

Одними из важных критериев характеристики регионализмов являются критерии концентрации региональных единиц в художественном произведении и их частотность. Впервые количество неконвенциональных единиц и их концентрация в тексте были исследованы

Э.М. Береговской. Этот анализ был осуществлен на материале художественной прозы второй половины XX века. Все обследованные авторы были разделены на четыре группы в зависимости от концентрации арготических лексем в их произведениях: с высокой (1 арготизм: 10 до 100 слов), средней (1 арготизм: 100 до 500 слов), малой (1 арготизм: 500 до 1000 слов) и ничтожно-малой концентрацией (1 арготизм: 1000 и больше слов). Отдельным словом считалось всякое слово, отделенное от других слов пробелом [2, 78]. Применение вышеизложенной методики определения концентрации ненормативных лексем в художественном тексте показывает, что Ж. Крессо вводит регионализмы в сборник рассказов в средней и малой концентрации.

В нижеследующей таблице процитируем самые частые единицы региолектного словаря писателя Шампани:

Регионализмы	Количество словоупотреблений
<i>goutte</i> 'водка'	7 (3,6%)
<i>poêle</i> 'отапливаемая комната'	7 (3,6%)
<i>balonge</i> 'бадя для винограда'	4 (2%)
<i>épine noire</i> 'терновник'	4 (2%)
<i>finage</i> 'граница земельного участка'	4 (2%)
<i>jeannette</i> 'нарцисс-жонкиль'	3 (1,6%)
<i>moutelle</i> 'маленькая речная рыба'	3 (1,6%)
<i>raisseau</i> 'подпорка для подвязывания побегов виноградной лозы'	3 (1,6%)
<i>pas d'âne</i> 'мать-и-мачеха'	3 (1,6%)
<i>taque</i> 'чугунная доска в камине'	3 (1,6%)
<i>tisse</i> 'временно сложенные снопы'	3 (1,6%)

Отдельного рассмотрения заслуживают формы инкорпорации регионализмов в ткань художественного текста. Способы введения и семантизации 4 арготизмов в произведениях французских писателей XX века подробно описаны Э.М. Береговской [2, 83-97]. Одной из характеристик индивидуального стиля Ж. Крессо является применение как контекстуального, так и текстуальных способов семантизации локально ограниченных в употреблении лексем. Треть региональных лексем рассказчик-повествователь вводит с помощью прямого (контекстуального) метода инкорпорации лексических единиц:

- Cela commençait avec *les coucous bariolés*, les pendeloques des « cœurs-de-Marie », les giroflées brunes, les couronnes impériales [7, 186] (coucou 'первоцвет').

- Les réputations étaient faites et quand on acceptait la goutte, on savait ce qu'on risquait [7, 50] (goutte 'водка').

- Le reste revient à la friche, à la pâture, à la broussaille; devant ces coudriers et ses épines, un aïeul n'en croirait pas ses yeux: la place de son labeur est pourtant là, entre les *mergers* où il porta sa pierre [7, 206] (*merger* 'каменная изгородь').

Прибегая к прямому методу, писатель рассчитывает на то, что читателю «известно значение данной лексемы, или на его языковую интуицию, на его способность семантизировать незнакомую лексику за счет контек-

ста» [2, 93].

Ж. Крессо использует и другие средства текстуального пояснения региональных лексем:

1. перевод с региолекта на литературный французский:

- Venaient enfin les tas, les *trézets*, treize grebes dont douze en croix, épis croisés et la treizième ouverte en capuchon, coiffant le tout [7, 214] (*trézet* 'составленные на жнивье тринадцать снопов').

2. перевод с литературного языка на региолект; такой перевод может быть снабжен комментарием:

- Venait alors le premier labour, le plus profond, le plus pénible, dans une terre tassée, alourdie, engraisée par l'hiver et pourtant si caillouteuse qu'elle ne veut ni bêche ni houe. <...>. Ce labour se disait: *sombrer*, et il y fallait de la force [7, 201] (*sombrer* 'пахать землю перед посевом яровых культур').

3. расшифровка с помощью более или менее прозрачных перифраз:

- Tout ce qui avait filleuls, neveux, petits-enfants préparait les *roulées*. Je me suis longtemps émerveillé devant les œufs de couleur [7, 156] (*roulée* 'пасхальное яйцо').

4. подробное толкование:

- Au cep dépouillé, il ne reste que les *verjus*, enfants tardifs des floraisons d'été, qu'on viendra grappiller – peut-être – dans les dernières feuilles rouges [7, 36] (*verjus* 'невызревшая гроздь виноградной лозы').

5. употребление нейтрального синонима, относящегося к тому же денотату, что и регионализм:

- Pendant ce temps les hommes s'attablent pour un solide déjeuner. Invariable menu; <...>: l'un a donné le petit salé, l'autre le gros os de sa poitrine et sa rate, la *nice*, qui grille en pétaradant [7, 57] (*nice* 'селезенка').

6. параллельное использование региональных лексем:

- Nos deux plus belles sources, je les ai gardées pour la fin. Il en est une toute petite et que son éloignement a sans doute sauvée de nos prisons, c'est le *Sauveur*; la *perle*, la *sauvageonne* [7, 162] (*Sauveur* – *perle* – *sauvageonne* 'родник').

Следует обратить внимание на то, что один из основных приемов инкорпорации регионализмов, к которому обращается Ж. Крессо, – выделение специфических лексических единиц курсивом. Посредством обозначенного приема введено 90 региональных лексем.

В заключение отметим, что регионализмы – не только одно из ярких средств выразительности художественной речи; они отражают мировоззрение писателя Шампани. Автору удалось запечатлеть самые характерные черты языка своих соотечественников и тем самым сохранить лингвистическое наследие. Изучение региолектного словаря Ж. Крессо, впервые опубликованного в 1943 году, приводит к постановке вопроса о месте использованных автором регионализмов в лексическом фонде носителя региолекта в начале XXI века. Возможно, проведение полевых исследований позволит найти ответ на этот актуальный вопрос.

Примечания

¹ Региональный вариант французского языка, или региолект, – комплекс территориально ограниченных в употреблении лексем, не входящих в лексическую систему французского литературного языка. Упомянем о том, что от диалектов эту территориальную модификацию французского языка отличает, по справедливому замечанию В.Г. Гака, «несистемность, разрозненность специфических явлений, большая и притом нередко прерывистая территория распространения, не обусловленная историческими традициями» [3, 125].

² Методика полиаспектного исследования лексико-стилистической подсистемы в системе художественного произведения впервые предложена Э.М. Береговской [1].

³ Анализ регионализмов, включенных в ткань художественного текста, осуществлен на основе детального изучения шести лексикографических источников [5], [6], [8], [10], [12], [13]. Отметим, что словарь регионализмов может выступать в качестве лингвокультурологического источника, благодаря которому исследователь интерпретирует элементы языковой модели мира носителей регионального варианта общенационального языка.

⁴ Под семантизацией неконвенциональной лексики понимается раскрытие ее значения.

⁵ Методика анализа инкорпорации и текстуального пояснения арготизмов в художественном тексте неоднократно апробирована при характеристике паролных слов, введенных в ткань интернет-сообщений веб-форума, созданного представителями профессиональной группы [4, 77-79; 11, 113-115].

Библиографический список

1. *Береговская Э.М.* Социальные диалекты и язык современной французской прозы. Смоленск: СГПИ, 1975.
2. *Береговская Э.М.* Арго и язык французской художественной прозы XX века. Смоленск: СмолГУ, 2009.
3. *Гак В.Г.* Введение во французскую филологию. М.: Просвещение, 1986.
4. *Ретинская Т.И.* Социолингвистический и функционально-стилистический анализ французских профессиональных арго: монография. Оrel: ОГУ, 2011.
5. *Bésème-Pia L.* Lexique du paysan et du vigneron champenois. Rethel : J.-L. Binet, 1994.
6. *Conreau J.-C., Rasselet C.* Janvry – Germigny. Les mots oubliés. Reims : Éds Guerlin-Martin & Fils, 1998.
7. *Cressot J.* Le pain au lièvre. P. : France Loisirs, 1987.
8. *Daunay J.* Parlers de Champagne. – Langres – Saints-Geosmes : Dominique Guéniot Éditeur, 1998.
9. *Guéhenno J.* Préface // Le pain au lièvre. P. : France Loisirs, 1987. P. 7-12.
10. *Philipponnat G.* Le parler champenois. Recueil des mots particuliers aux vigneron champenois suivi des surnoms donnés aux habitants des communes viticoles. – Ay-Champagne : Imprimerie Plantet, 1979.
11. *Retinskaya T.* Forum web : un instrument d'étude pour les argots de métiers // Registres de langue et argot(s). Lieux d'émergence, vecteurs de diffusion / S. Bastian & J.-P. Goudaillier (éds). Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien : Éds Peter Lang GmbH, 2011. P. 107-118.
12. *Rota S.* Recueil de beaux mots et expressions de la Champagne d'après « Le Patois champenois » de Prosper Tarbé. Reims : Éds du Coq à l'Âne, 2007.
13. *Tamine M.* Le parler de Champagne. P. : Christine Bonneton Éditeur, 2009.
14. *Tuaillon G.* Les régionalismes du français parlé à Vourey, village dauphinois. P. : Éds Klincksieck, 1983.

References

1. *Beregovskaya E.M.* Social dialects and the language of modern French prose. Smolensk: SSPI, 1975.
2. *Beregovskaya E.M.* Argo and the French language of the XX century's fiction. – Smolensk: SmolSU, 2009.
3. *Gak V.G.* Introduction to the French philology. M.: Prosveschenie, 1986.
4. *Retinskaya T.I.* Sociolinguistic and functional and stylistic analysis of the French professional argot: monograph. Orel: OSU, 2011.
5. *Bésème-Pia L.* Lexique du paysan et du vigneron champenois. Rethel : J.-L. Binet, 1994.
6. *Conreau J.-C., Rasselet C.* Janvry – Germigny. Les mots oubliés. Reims : Éds Guerlin-Martin & Fils, 1998.
7. *Cressot J.* Le pain au lièvre. P. : France Loisirs, 1987.
8. *Daunay J.* Parlers de Champagne. – Langres – Saints-Geosmes : Dominique Guéniot Éditeur, 1998.
9. *Guéhenno J.* Préface // Le pain au lièvre. – P. : France Loisirs, 1987. P. 7-12.
10. *Philipponnat G.* Le parler champenois. Recueil des mots particuliers aux vigneron champenois suivi des surnoms donnés aux habitants des communes viticoles. – Ay-Champagne : Imprimerie Plantet, 1979.
11. *Retinskaya T.* Forum web : un instrument d'étude pour les argots de métiers // Registres de langue et argot(s). Lieux d'émergence, vecteurs de diffusion / S. Bastian & J.-P. Goudaillier (éds). – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien : Éds Peter Lang GmbH, 2011. P. 107-118.
12. *Rota S.* Recueil de beaux mots et expressions de la Champagne d'après « Le Patois champenois » de Prosper Tarbé. – Reims : Éds du Coq à l'Âne, 2007.
13. *Tamine M.* Le parler de Champagne. P. : Christine Bonneton Éditeur, 2009.
14. *Tuaillon G.* Les régionalismes du français parlé à Vourey, village dauphinois. P. : Éds Klincksieck, 1983.

УДК 8; 821.161.1

UDC 8; 821.161.1

Л.В. РЫЖКОВА-ГРИШИНА

кандидат педагогических наук, проректор по научной работе и международным связям Рязанского института бизнеса и управления
E-mail: Rapsod@list.ru

L.V. RYZHKOV-GRISHIN

candidate of pedagogical sciences, vice rector for scientific work and international relations of the Ryazan institute of business and management
E-mail: Rapsod@list.ru

«ВЕЧНОЕ ЗЕРНО» КАК АЛЛЕГОРИЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ Н.И. ТРЯПКИНА

«ETERNAL GRAIN» AS ALLEGORY OF LIFE AND DEATH IN TRYAPKIN'S POETIC PARADIGM

В статье рассматривается натурфилософская тема жизни и смерти в творчестве Н.И. Тряпкина (1918 – 1999), русского и советского поэта, лауреата Государственной премии России по литературе 1992 года. Свое отношение к этому сложному философско-психологическому вопросу поэт выразил через образ «вечного зерна», метафоры непрекращающейся жизни. Данная тема, имея различные смысловые нюансы, в целом решалась поэтом в позитивном ключе.

Ключевые слова: «вечное зерно», жизнь и смерть, время, бесконечность, Н.И. Тряпкин.

In article the physiophilosophical subject of life and death in Tryapkin's (1918 – 1999) creativity, the Russian and Soviet poet, the winner of the State award of Russia in literature of 1992 is considered. The poet expressed the relation to this question difficult philosophical psychologically in an image of «eternal grain», a metaphor of incessant life. This subject, having various semantic nuances, as a whole decided the poet positively.

Keywords: «eternal grain», life and death, time, infinity, N.I. Tryapkin.

Характеризуя лирику Н.И. Тряпкина в целом, становится очевидным ее позитивный характер, что явственно отразилось в его стихотворениях на такую сложную философско-психологическую тему жизни и смерти, в рассуждениях о сути и предназначении земного бытия человека. Следует подчеркнуть, что стихотворений пессимистического характера, отмеченных печатью уныния и беспросветности, у поэта немного. Его лирический герой – оптимист, причем, оптимист-философ, которому подвластны все четыре стихии: «Земля, Вода, и Воздух, и Огонь! / Святитесь все – и ныне и вовеки... / Лети, мой Конь! / Лети, мой вечный Конь, / Через моря вселенские и реки!» [2, с. 366]. Можно предположить, что поэт далеко не патетически верил в то, что однажды умерев, он когда-нибудь обязательно возродится: «Чтоб снова тлеть – и заново рождаться» [Там же]. Видимо, эта вера имела очень глубокие корни, и надо сказать, что подобный взгляд – отражение мировоззрения, восходящего к натурфилософии древних и, в частности, к идее реинкарнации души, ее вечного круговорота, которую мы находим в индуизме, буддизме и других мировых религиях.

В этом смысле примечательно стихотворение «Песнь песней», в котором поэт задается вопросом: «Где поколение отцов? Где предки наши?» и, проводя параллель с жизнью уже своего поколения, итожит: «А ты, земное колесо, / Не сбавишь хода. / И все грозней в мое лицо / Глядит природа» [2, с. 371]. И понимая неотвратимость собственного грядущего конца, восклицает: «И пусть там снова целину / Поднимут внуки / И снова к вечному зерну / Приложат руки» [2, с. 372].

Вечное зерно... Мы невольно останавливаем внимание на этом завораживающем образе, ведь перед нами – величественная метафора вечной, непрекращающейся жизни, свидетельствующая о зоркости поэта и поистине безграничных возможностях слова, которые были ему подвластны. «Смертен человек, но не смертно человечество. Преходяще все на земле, но вечно зерно, в котором невидимо, неслышимо, неощутимо, в каком-то непостижимом состоянии живет жизнь» [1, с. 69]. Поэт часто задумывался об этом и, конечно, как и все другие люди, надеялся на потомков – своих внуков, понимая, что и они – участники того же круговорота, и что их ждет та же «горстка праха»:

А после вновь – песок, песок,
Да эта птаха,
Да этот скорбный голосок
Над горсткой праха [2, с. 372].

Обратим внимание на ритмический рисунок строфы, здесь мы видим ямб с чередующимися мужскими и женскими рифмами.

- / - / - / - /
- / - / -
- / - / - - /
- / - / -

Но далее энергия стиха становится мощной, кипучей, почти неуправляемой, словно вырывающейся за пределы стихотворения, и поэт неожиданно меняет мягкий в данном случае ямб (благодаря чередующимся мужским и женским рифмам) на исключительно муж-

ской, безапелляционный – жесткий и решительный, словно рубленый. И хотя облегченная стопа здесь продолжает присутствовать, как и ранее, характер стиха становится иным.

Есть тайна среди тайн: Рождение и Смерть,
Рождение и Смерть,
И да восславит Гимн земную круговерть,
Земную круговерть! [2, с. 373].

- / - - - / - / - - - /
- / - - - /
- - - / - / - / - - - /
- / - - - /

Анализируя это стихотворение, исследователь, казалось бы, всё понимает разумом, ведь любая строфа поддается разъятию, каждую строчку можно рассмотреть, что называется, под лупой. Мы видим, что в первом и третьем стихах по шесть стоп, из которых две – облегченные, второй и четвертый стихи содержат всего по три стопы с одним пиррихием. Но после этого объяснения мы с недоумением говорим себе, что это ничего не дает нам для понимания того, как поэт добивался такой музыкальности и «ворожейной» красоты. Любой исследователь признается в этом и, положив руку на сердце, скажет, что чем больше он занимается теорией и практикой стихосложения, тем все более убеждается в том, что тайна рождения стиха подобна тайне рождения самой жизни.

Совсем иначе выглядит в стихотворении его третья, завершающая часть. Здесь уже меняется не только ритмический рисунок, но и размер – с чеканного ямба поэт переходит на медитативный анапест:

Все-то ближе да ближе
Тот последний исход.
Никого не обижу
У моих у ворот [2, с. 373].

- - / - - / -
- - / - - /
- - / - - / -
- - / - - /

Лирический герой словно подводит итоги прожитого, с грустью смотрит он на жизненную круговерть, эту жалкую и возвышенную суету, уже все понимая и все принимая: «И пускай наши ветки / Снеговой унесет. / Призывают нас предки / Свой исполнить черед» [2, с. 374].

Четвертая часть стихотворения несет на себе печать соломониной снисходительности: все проходит. Вот и поэт Н.И. Тряпкин, в свою очередь, отмечает: «Проходит все – и солнце, и трава, / И грозы всех богов и Тамерланов. / И сколько слез и сколько торжества / Укрыли вы, подножия курганов!» [2, с. 374]. А вот в пятой и шестой частях стихотворения уже нет этого примирительно-философского настроения, здесь лирический герой предстает залихватским, разбитным молодцом, ведь на дворе стоит Апрель. Это, видимо, так много значило для самого поэта, что он даже выделил

прописной буквой название месяца.

Тема жизни и смерти в интерпретации Н.И. Тряпкина, тем не менее, имела и другое звучание. Осознание мысли о бренности земной жизни человека рождало у него строки глубокие и прочувствованные, с налетом грусти и даже скорби, особенно это проявлялось с возрастом. Но уже в сорок лет поэтом было написано стихотворение «Две элегии», где идет речь о близости холодов, шорохах «пустующего сада», пении петуха, более похожего на зов «из дальнего, невидимого града» [2, с. 205]. Через десять лет зов «невидимого града» стал слышен поэту еще более явственно, в стихотворении «Заповедь» эта мысль будет высказана еще пронзительнее, ведь в этом возрасте «Жизнь перешла за ту черту, / Где слышишь голос вьюг полныхных» [2, с. 224].

В духе народной традиции смерть поэт связывает с холодами, близостью наступающей зимы, ледяной стужей, вьюгами, но самое примечательное – с переходом за некую черту, границу между мирами.

Обратимся к стихотворению 1981 года «Будильник», полному тяжелых предчувствий, охвативших лирического героя. В этом стихотворении ход обычных часов в ночной тиши воспринимается им не как простое тиканье, а как стук копыт неведомого всадника. И все стихотворение охвачено мрачноватыми мистическими настроениями, словно жутковатый покров, туманная завеса укрывает от нас некое таинство. И только: «Звучно кокают подковы. Путь ложится напрямик. / Конь копытами считает каждый камень, каждый миг» [3, с. 171]. Поэт задается вопросом: «Кто он – всадник неустанный? Просто путник или гонец? / Из какого он предела и в какой спешит конец?» [Там же]. И он понимает, что этот невидимый, таинственный Всадник – неусыпное Время, которое отсчитывает каждое мгновение жизни, и лирическому герою становится страшно, ведь эта жизнь видится ему конечной, и всадник, к его ужасу, неутомим.

Тема жизни и смерти звучит и в стихотворении «Погулял с котомочкой немного...». Границы его поэтической парадигмы расширялись, если в предыдущем стихотворении мы говорили о чувстве страха и мистических настроениях, то теперь этого нет, вместо них появляется смирение и христианская кротость.

Конечно, настроения поэта менялись, поскольку ничто человеческое ему не было чуждо, и все же душа его не хотела мириться с таким печальным концом, ему хотелось верить в бессмертие, и он верил в это. Ему хотелось думать о цикличности жизни, и он думал об этом. Ведь он понимал, что «Рождение и Рост» сменяют друг друга. И потому призывал слушать «великий хорал» Времени и смотреть «вечному Солнцу» в глаза, но самое главное – его лирический герой был готов к активным действиям и созидательному труду во имя этого и восклицал: «И руки свои приготовим для новых борозд» [3, с. 140]. Это строки из стихотворения 1970 года «Знакомое поле...», где выражено страстное желание жить, но не для того, чтобы бессмысленно и бесцельно продолжать свое существование, а чтобы

творить и создавать красоту, и он уже готов был прокладывать эти новые борозды ради Вечного Зерна. Так преломлялась на страницах лирики Н.И. Тряпкина тема жизни и смерти, она расширяла границы его сознания и принимала поистине громадные масштабы. Натурфилософский аспект темы жизни и смерти в его

поэтическом пространстве становится чем-то более значимым и цельным, нежели просто лирическая тема. Это было его прорывом к поэтический космос, отражением бесконечности бытия, а может быть, и прикосновением к тому, что еще Пифагор называл «музыкой сфер».

Библиографический список

1. Рыжкова-Гришина Л.В. Свеча Земли. Творческий путь Н.И. Тряпкина: Монография. Рязань: Скрижали, Рязанский институт бизнеса и управления, 2012. 294 с. (Научная школа по русскому языку и развитию речи).
2. Тряпкин Н.И. Горящий Водолей / Сост., вступ. ст. С.С. Куняева. М.: Молодая гвардия, 2003. 493 с.
3. Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Дет. литература, 1983. 190 с.

References

1. Ryzhkov-Grishin L.V. Earth candle. Career of Tryapkin: Monograph. Ryazan: Tables, Ryazan institute of business and management, 2012. 294 pages (School of sciences on Russian and speech development).
2. Tryapkin N.I. Burning Aquarius / Sost. vstyp. Art. of S. S. Kunyayev. M.: Young guard, 2003. 493 pages.
3. Tryapkin N.I. Poems. M.: It is put. literature, 1983. 190 pages.

УДК 82-193.1 КЛЕОБУЛ+82-193.1 СИМФОСИЙ

UDC 82-193.1 KLEOBUL+82-193.1 SIMFOSY

Т.В. СТРУКОВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Орловского государственного института искусств и культуры
E-mail: tatynasssss@mail.ru

T.V STRUKOVA

candidate of Philology, Lecturer of Department of Foreign Languages, Orel State Institute of Arts and Culture
E-mail: tatynasssss@mail.ru

ЖАНР ЗАГАДКИ В АНТИЧНОЙ И ПОЗДНЕЙ ЛАТИНСКОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГАДОК КЛЕОБУЛА И СИМФОСИЯ)

GENRE OF THE RIDDLE IN THE ANTICUE AND LATE LATIN POETRY (BASED ON THE RIDDLES OF CLEOBULUS AND SIMFOSIY)

В статье анализируется концептосфера загадок Клеобула и Симфосия, отображение в них когнитивной картины мира. Особое место отводится рассмотрению мифопоэтической образности и сюжетов прецедентных текстов. Автор приходит к заключению, что большинству загадок свойственна познавательно-эвристическая функция.

Ключевые слова: метафора, концепт, концептосфера, перцептивный образ, прецедентный текст.

The author of the article analyzes concept sphere of Cleobulus's and Simfosiya's riddles and displaying in them a cognitive picture of the world. A special attention is given to consideration of myth poetic imagery and plots of precedent texts. The author comes to the conclusion that the majority of the riddles is characterized by cognitive and heuristic function.

Keywords: metaphor, concept, concept sphere, perceptive image, precedent text.

Загадка – один из древнейших фольклорных жанров, возникновение которого традиционно связывают с существованием тайной магической речи первобытного общества, с архаическим ритуалом, «моделирующим преодоление хаоса и упорядочение состава мира путем обозначения и именованя каждого его элемента», а также с явлениями языкового табу. Загадки представляют собой «одновременно и продукт, и инструмент языковой категоризации и концептуализации мира,

идентификации, сравнения и систематизации его элементов» [6: 234].

С течением времени, в процессе взаимовлияния праславянского наследия, средневековой славянской книжности, античной, библейской и восточной традиций сформировалась «ведущая ритуально-игровая коммуникативная функция» загадки, которая характеризует прагматику загадок как «особый вербальный акт диалогического характера, цель которого может, в зави-

симости от ситуации, определяться как обучение, развитие или организация досуга» [7].

В отечественном и зарубежном литературоведении загадка преимущественно рассматривается как жанр устного народного творчества. Однако ещё в античные времена появились авторские загадки. Первыми авторами литературных стихотворных загадок являются Клеобул Линдский и его дочь Клеобулина. Клеобул Линдский был одним из семи древнегреческих мудрецов, которые стали знамениты благодаря своим замысловатым изречениям. До нашего времени дошла только одна загадка Клеобула (в переводе академика М.Л. Гаспарова), в которой в завуалированной форме описывается год:

Есть на свете отец, двенадцать сынов ему служат;

Каждый из них родил дочерей два раза по тридцать;

Черные сестры и белые сестры, друг с другом нескожи;

Все умирают одна за другой, и все же бессмертны.

В основе композиционной структуры произведения лежит прием развернутой метафоры (год уподоблен поэтом «отцу», месяцы – «сыновьям», недели – «дочерям», а дни и ночи – «сестрам»), поскольку метафорическая номинация «активно участвует в формировании личностной модели мира, играет крайне важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым моментом категоризации языка, мышления и восприятия» [4:12].

Наряду с введением в текст метафорических эквивалентов, автором используются оценочные эпитеты «черный», «белый» и «бессмертный», характеризующие отличительные особенности представленных концептов, а также указывающие на то, что поэт создает перцептивный образ, формирующийся в сознании читателя в процессе восприятия окружающего мира. При этом употребление метафорических эквивалентов концептуализирует содержание абстрактных понятий. Следовательно, концептосфера загадки состоит из двух компонентов: перцептивного образа (представляющего собой совокупность впечатлений, формирующихся без каких бы то ни было реминисценций) и когнитивного (метафорического) образа, посредством которого абстрактный концепт приобретает аналоги в материальном мире.

Особая роль в тексте загадки отводится числовому коду. Поэтический текст представляет собой своего рода «числовую» загадку. К «числовым» принадлежат загадки, в которых «число становится главным элементом «загадочного» текста, а счет их – основной операцией подобного текста. К таким «сильно»-числовым текстам относятся загадки космогонического цикла – о составе основных элементов мирового пространства и структуре соответствующего ему мирового времени, и не только о составе и структуре, но и о последовательности, очередности творения» [9:351]. Наряду с числовой функцией в поэтическом тексте присутствует категория счетности (термин В.Н. Топорова – Т.С.), которая заключается в том, что для нахождения отгадки

нужно совершить операцию складывания («Каждый из них родил дочерей два раза по тридцать»).

Для дифференциации целостного образа времени (года) древнегреческим автором используется прием градации восходящего типа: один отец – двенадцать сыновей – дочерей два раза по тридцать. В результате «загадка обнаруживает себя как художественное творчество<...>строгое, сухое, «однозначное» число<...>теряет четкость своих очертаний, интуитивизируется, мифологизируется, эстетизируется, включаясь... в сложную метонимически-метафорическую игру» [9:358].

Очевидно, что загадка Клеобула принадлежит к загадкам космогонического цикла и повествует о структуре и последовательности мирового (мифического) времени, так называемого времени «первопредметов», «перводействий» и «первотворения», сферы «первопричин» и последующих за ним действительных эмпирических событий. В произведении античного поэта отразились особенности мифологического мышления: сближение причинно-следственного процесса с материальной метаморфозой, сущности вещи – с ее происхождением, а объяснение устройства вещи – с рассказом о ее творении (создании). По сути, загадка Клеобула представляет собой изложение истории возникновения сакрального времени, а упоминание о мифических прасобытиях позволяет концептуализировать архаичную модель мира.

Античное мировосприятие находит воплощение в загадках древнеримского поэта Симфосия, автора 100 загадок, написанных гекзаметром в форме 3-стишия. Обращение латинских авторов к жанру загадки, по видимому, было обусловлено стремлением «увидеть в знакомом предмете что-то неожиданное и выразить это в кратких словах» или наоборот «пересказать, ничего не потеряв, что-то общеизвестное». Вот почему отличительной особенностью поздней латинской поэзии является открытие «в простейшем предмете диалектического парадокса, заострение его в антитезу и увенчивание сентенцией, часто – с мифологической аналогией» [1:18].

Тематика загадок Симфосия достаточно разнообразна: в них в иносказательной форме описываются явления природы, животные, растения, насекомые, предметы труда и быта. В небольшом стихотворном предисловии поэт поясняет, что загадки эти представляют собою импровизации, возникшие у него на веселом пиру во время Сатурналий.

Во многих загадках Симфосия отражаются его представления о мифологической картине мира. В связи с этим поэтом активно используются концепты прецедентных текстов, в частности, древнегреческих и древнеримских мифов. Это обусловлено тем, что в эпоху раннего средневековья сюжетно-образная структура мифологических текстов составляла когнитивный компонент литературной и культурной жизни. В современной науке отмечается, что прецедентные тексты «выступают средством установления и поддержания контакта адресата и адресанта, и при их использова-

нии необходимо учитывать наличие у адресата достаточного объема фоновых знаний, пересекающихся с фоновыми знаниями адресанта, только так возникает эффект «узнавания» закодированного смысла <...> Обладая богатейшими возможностями в выражении эмоционально-оценочного отношения человека к окружающей его действительности, прецедентные тексты способствуют созданию значимой, содержательной, выразительной картины мира» [8:661].

В основу загадки Симфосия о тростнике положен древнегреческий миф о Боге Пане, изобретателе свирели:

Глубям прибрежным сосед, я дружен с любящим богом,

Сладостным музам пою; а окрасившись черною краской,

Помощь несущ языку, и персты мне опорой служат [3:416].

Описывая музыкальный инструмент, поэт не только упоминает о способе его происхождения, но и указывает на способы обращения человека с ним. В связи с этим загадка свойственна познавательной-эвристической функции, поскольку процесс отгадывания сконцентрирован на формировании наглядно-образного мышления читателя (субъекта познания). Познавательная активность читателя направлена на объект познания (поиск отгадки). В ходе познания объект распрямляется и постигается читателем на рациональном и абстрактном уровне (нахождение отгадки).

Создавая иносказательное описание элемента материального мира, поэт обращается к приему реминисценции, которая является одной из форм функционирования прецедентного текста, вызывающего в сознании читателя определенные ассоциации. В процессе поиска отгадки читатель выстраивает причинно-следственные связи, выделяет общие и отличительные признаки изображаемого объекта. Для правильного преобразования зашифрованного описания отгадку «необходимо произвести ряд мыслительных операций, основанных на переименовании в сознании образных ассоциаций, возникающих в результате тесного взаимодействия отдельного фрагмента окружающей действительности, имеющего знаковое выражение, и всего объема знаний о мире», причем «такое раскодирование возможно в условиях единообразного определения предмета представителями отдельной лингвокультурной общности» [2:265].

Обращает внимание, что Симфосий употребляет концепты прецедентных текстов преимущественно для описания объектов предметно-вещного мира. Так, иносказательно изображая черепицу, он указывает не только на способ ее происхождения, но и упоминает имя римского бога огня – Вулкана, по-видимому, для того, чтобы детализировать (конкретизировать) процесс изготовления кровельного материала:

Тело мне – ком земляной, а силы мои – от Вулкана;
Вышла я из земли, а живу под небесною высью.

Часто бываю влажна, но всегда лишь на самое ма-

лое время [3:416].

Наряду с использованием мифологической образности, Симфосий вводит в произведение пространственно-временную оппозицию «земля» / «небо», указывающую на способ применения зашифрованного предмета человеком, в частности, а также на авторскую объективацию пространства, в целом. В современной науке отмечено, что категория пространства являлась одним из важнейших элементов мифопоэтической архаичной модели мира. В своей загадке латинский поэт стремится материализовать пространство, овесть его, указать на «результаты практической деятельности человека, при которой главная цель обычно состоит в том, чтобы от природы и пространства как одного из ее аспектов «брать» нужное...» [10:58].

Мифологическое сознание характеризуется наличием представлений о двух основных космогонических объектах – небе и земле. Данная установка нашла отражение в загадке Симфосия о быке, который изображается им не только как священное животное, но и как воплощение божественной и царственной власти, стихийных проявлений природы, а также олицетворение мужской сексуальности и плодовитости:

Царский прелюбодей, деревянный любовник подруги,

Я с Киликийской горой ношу одинакое имя,

И хоть брожу по земле, но знакомы мне тропы и в небе [3:421].

Прием смыслового контраста применяется поэтом для иносказательного описания птицы феникс:

Жизнь приносит мне смерть, а смерть приносит рождение.

Должен я умереть, еще не увидевши света.

Манов, подземных богов, зову я своими отцами [3:420].

Введение в текст произведения антитезы жизнь/смерть позволяет автору охарактеризовать уникальность сказочной птицы, обладающей способностью сжигать себя и возрождаться вновь из пепла. Мысль о бессмертии и воскрешении феникса из мертвых сопровождается упоминанием духов умерших, Манов.

Подобно загадке Клеобула, в поэтических текстах Симфосия особое место отведено использованию числового кода. Так, для завуалированного описания кентавра автором применяются числовые номинации «два» и «четыре». Числовая доминанта «два» традиционно соотносилась с характеристикой свойств и качеств человека. Введение поэтом в текст числовой номинации «четыре» нужно для того, чтобы подчеркнуть дифференцирующий признак загаданного концепта:

Две руки и четыре ноги в моем обладанье.

Я – один, и я – не один, на себя не похожий,

Сам я иду и себя я везу: тело телу опора [3:422].

В сознании читателя, хорошо знакомого с древнегреческой мифологией, наличие двух рук и четырех ног, несомненно, ассоциировалось с кентавром – диким существом, получеловеком, полуконем, обитателем гор и лесных чащ. Для детализации описания мифологиче-

ского существа автором используется прием смысловой тавтологии: «един»/ «не един»; «тело телу опора».

При этом нужно отметить, что в центре внимания Симфосия оказывается изображение исключительно внешнего облика кентавра. Указание на символическое значение образа, как и на его происхождение, отсутствует, что подчеркивает установку автора на предметно-бытовую описательность.

В то же время упоминание образов прецедентных текстов указывает на отражение в загадках автора его представлений о мифологической картине мира. «Из мифов творения известно, что происхождение вещей – поздняя стадия космогенеза, связанная, как правило, с топикой дома, быта, хозяйства (исключение могут составлять сакральные предметы глубоко символического значения), чему соответствует и место загадок о вещах в корпусе загадок. Тем не менее количество вещей, которые становятся объектами загадывания, как и количество загадок о вещах в любом достаточно представительном «загадочном» корпусе, достаточно велик и дает повод для ложных в своей основе представлений о том, что загадки «разыгрывают» преимущественно и прежде всего «предметно-вещный» состав мира», – заключает В.Н. Топоров [11:597].

Мифопоэтическая образность присутствует во многих загадках Симфосия предметно-бытовой тематики. Имплицитно описывая кувшин, поэт делает акцент на способе его происхождения:

Матерь моя – земля, а отец – Прометей-огненосец.
Две у меня руки над полым вскинуты чревом.

Если же я упаду, моя мать меня делит на части [3:429].

Упоминание в тексте образа титана Прометея, защитника людей, по-видимому, связано с преданием о том, что Прометей вылепил людей из земли (согласно другой версии, он вылепил их из глины, смешав землю с водой). Возможно, именно поэтому земля, являясь строительным материалом, именуется автором «матерью» зашифрованного концепта, а титан-создатель – отцом. Во второй строке мифологический подтекст отсутствует. В ней описываются перцептивные признаки художественного образа, посредством использования метафорических эквивалентов: ручки кувшина уподоблены рукам человека, а сама форма кувшина – телу человека. В третьей строке получает воплощение представление автора о мифологической картине мира.

Особый интерес представляют загадки Симфосия, в которых в краткой иносказательной форме излагаются мифологические сюжеты. В загадке о яблоке поэтом перифрастически описывается знаменитая история раздора трех богинь (Геры, Афины и Афродиты), похищение Елены Парисом и последовавшая за этим Троянская война:

Я помогаю красавцу в любви, я утеху богиням,
Из-за меня меж троих великая вспыхнула ссора,
Жаркая встала война, высокая рухнула Троя [3:429].

По сути, загадка представляет собой лаконичный пересказ общеизвестной истории, что стало характерной особенностью «школьной поэзии» риторического

века, представители которой являлись «дилетантами», а стихи для них были «лишь одним из способов показать свою принадлежность к ученому и просвещенному обществу» [1:16-17].

Наряду с приемом реминисценции, латинский поэт активно применяет такие художественные средства, как метафора, сравнение, антитеза, эпитет, которые позволяют воспроизвести коллективное знание о действительности, а также воссоздать индивидуально-авторскую картину мира.

Особое место в загадках Симфосия отведено употреблению метафорических эквивалентов, поскольку «метафора играет большую роль в категоризации концептов, показывая как новое познается человеком через известное» [5:10].

Иносказательно изображая розу, латинский поэт одновременно указывает и перцептивный признак растения (цвет), и когнитивный, формируемый с сознанием читателя посредством метафорического осмысления создаваемого автором образа:

Красным цветом меня, рождая, земля напитала,
А для защиты его даны мне острые копыя.

Всем бы я хороша, но век, мне отпущенный, краток [3: 423].

Как уже отмечалось, в творчестве Симфосия преобладают загадки бытовой тематики, в которых изображаются предметы повседневного обихода, растения, животные, насекомые, птицы и другие. В отдельных загадках поэта в качестве признаков, дифференцирующих концепт, приводится перечень функций, свойственных или несвойственных ему. Этим обусловлено отсутствие в произведениях эпитетов, и доминирование глагольных конструкций:

Четверо мчатся сестер, похожих одна на другую,
Словно бегут вперегонки, хоть общее делают дело.

Все они рядом бегут, но друг друга никак не догонят [3:428].

Подобно загадке о розе, в структуре художественного текста особое место отведено использованию метафорического эквивалента, который употребляется автором вместо аналогичного ему буквального выражения (колеса уподоблены поэтом «сестрам»). Наряду с этим особое значение приобретает введение автором приема числовой номинации, свойственного загадке как жанру с эвристической направленностью, поскольку «не только человек, но и другое заполнение мира – насекомые, животные, деревья, жилище – дом, вещи (мебель, утварь, средства передвижения и т.п.) – усвоили в себе загадке принцип числового кодирования, которое в значительной части обеспечивает связь объектов мира, являющихся предметом загадывания и разгадывания и, следовательно, некое, хотя бы относительное единство самого мира» [9:360].

К поэтическим находкам Симфосия следует отнести создание загадки-метаграммы, подразумевающей перестановку (замену) букв. К ним принадлежит загадка о камне. В первой строке, как и в большинстве других загадок, присутствует мифологический подтекст.

Поэтом упоминается образ праведника Девкалиона, спасшегося во время девятидневного потопа, насланного Зевсом на землю, и уничтожившего все человечество. В последующих строках поэт указывает на способ происхождения и характерные свойства представленного концепта:

Девкалионов я друг, из потопа вышедший целым;

Родственник черной земли, но гораздо и крепче и тверже;

Букву двумя замени – и я стану горяч и воздушен [3:428].

Обращение к жанру метаграммы, по-видимому, обусловлено стремлением латинского поэта усложнить семантическую структуру загадки, придать ей игровое начало (данный жанр станет очень популярным в XIX столетии в зарубежной и русской литературе).

В целом, загадки Симфосия характеризуются отчетливо выраженной эвристической направленностью,

поскольку вся латинская поэзия «вышла из школы», а само оглавление произведений латинских авторов «похоже на список картинок в букваре», в них описываются «предметы и образы, с которыми каждый сталкивается в быту или первом школьном чтении» [1:17].

Анализ поэтических текстов Клеобула и Симфосия показывает, что концептосфера их загадок – это сфера словесно-образного и логического мышления, заключающая в себе описание объектов внешнего мира, а также абстрактных категорий и понятий. Основным назначением жанра загадки в античной и поздней латинской поэзии было ее познавательно-эвристическое начало. Знакомясь с трансформированным описанием объектов материального и нематериального мира, читатель постигает его нюансы и закономерности, выстраивает ассоциативные параллели, выделяет частные и общие признаки иносказательно представленных образов и приходит к определенному умозаключению.

Библиографический список

1. *Гаспаров М.Л.* Поэзия риторического века // Поздняя латинская поэзия. БВЛ. 1982.
2. *Ларионова О.Н.* Когнитивная составляющая русских загадок // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. №1.
3. Поздняя латинская поэзия. М., 1982.
4. *Пономарева О.Б.* Когнитивные и прагмо-стилистические аспекты семантической деривации (на материале английского языка в сопоставлении с русским и немецкими языками). Тюмень, 2005.
5. *Попова З.Д.* Из истории когнитивного анализа в лингвистике // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
6. *Седакова И.А., Толстая С.М.* Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999.
7. *Семененко Н.Н.* Проблема описания функционально-категориального статуса загадок как паремического жанра // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Сер. Языкознание. №127 (16). 2011.
8. *Ташихманова Д.С.* Интертекстуальность и прецедентность как средства отражения языковой картины мира // Язык и ментальность. Сер. Славянский мир. Вып. 5. СПб., 2010.
9. *Топоров В.Н.* Заметка о числовом коде русских загадок // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т.1. М., 2005.
10. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т.1. М., 2005
11. *Топоров В.Н.* Из наблюдений над загадкой // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т.1. М., 2005

References

1. *Gasparov M.L.* Poeziya rhetorical eyelid//Late Latin poetry. BVL. – 1982 .
2. *Larionova O.N.* Cognitive component of the Russian riddles//Messenger of the Tyumen state university. – 2010 . - No. 1.
3. Late Latin poetry. – M, 1982.
4. *Ponomareva O.B* Cognitive and pragmo-stylistic aspects of a semantic derivation (on an English material in comparison to Russian and the German languages). – Tyumen, 2005.
5. *Popova Z.D.* From history of the cognitive analysis in linguistics//Methodological problems of cognitive linguistics. – Voronezh, 2001.
6. *Sedakova I.A. Tolstaya S. M.* Slavic antiquities. The ethnolinguistic dictionary under the editorship of N. I. Tolstoy. – T. 2. – M, 1999.
7. *Semenenko N.N.* Problema of the description of the functional and categorial status of riddles as paremicheskyy genre//News of the Russian state pedagogical university of A. I. Herzen. – It is gray. Linguistics. - No. 127 (16). – 2011 .
8. *Tashikhmanova D.S.* Intertekstualnost and pretsedentnost as means of reflection of a language picture of the world//Language and mentality. It is gray. Slavic world. Vyp. 5 . – SPb. 2010. –
9. *Toporov V.N.* Zametka about a numerical code of the Russian riddles//V. N. Axes of research on etymology and semantics. – T.1. - M, 2005.
10. *Toporov V. N.* Prostranstvo and text//V. N. Axes of research on etymology and semantics. T.1. – M, 2005
11. *Toporov V. N.* from supervision over a riddle//V. N. Axes of research on etymology and semantics. T.1. – M, 2005

С.А. ТИХОМИРОВ

кандидат филологических наук, докторант кафедры
русского языка Московского педагогического государ-
ственного университета
E-mail: quantor@inbox.ru

S.A. TIKHOMIROV

candidate philological sciences, doctoral chair of Russian
language Moscow Pedagogical State University
E-mail: quantor@inbox.ru

ОБРАЗЫ ПРАВДЫ И КРИВДЫ В СЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ И МИФОЛОГИИ

IMAGES OF THE TRUTH AND FALSEHOOD IN SLAVIC TEXTS AND MYTHOLOGY

В статье описаны некоторые аспекты образов/понятий Правды и Кривды как одного из основных выражений главного этического противопоставления, оппозиции типа доли – недоли. Отмечено, что оба образа/понятия до определенной степени связаны с т.н. «народным христианством» и имеют в своей основе религиозно-дуалистические корни. Наиболее отчетливо образы Правды и Кривды отразились в т.н. «Глубинной» («Голубиной») книге». Средневековая философия и фантазия вносили, таким образом, в историю образов Правды и Кривды своеобразную идею единства, связывая повесть грехопадения с повестью искупления. Общеиндоевропейские истоки образов Правды и Кривды, а также битв между Правдой и Кривдой в славянских представлениях могут быть реконструированы благодаря точному совпадению с аналогичным мотивом спора Правды (др.-инд. sat-ya) с противоположным началом в «Ригведе», сходными мифологическими различиями в других праславянских и индоевропейских источниках. Таким образом, для раннего славянского поэтического и предправового сознания выстраивается ряд совмещенных противопоставлений: Правда и Кривда, правый суд – неправый суд, жизнь – смерть.

Ключевые слова: образ, понятие, Правда, Кривда, противопоставление, оппозиция, доля, недоля, христианство, дуализм, sat-ya, «Ригведа», миф, славянское, сознание, гипербола, феномен, язык.

In article some aspects of images/concepts of the Truth and the Falsehood as one of the main expressions of the main ethical opposition, opposition like share - not share are described. It is noted that both images/concepts to a certain degree are connected with so-called “national Christianity” and have in the basis religious and dualistic roots. Most distinctly images of the Truth and the Falsehood were reflected in so-called. To the “deep” (“Pigeon”) book”. The medieval philosophy and the imagination brought, thus, in history of images of the Truth and the Falsehood a peculiar idea of unity, connecting the story a grekhopadekniya with the atonement story. All-Indo-European sources of images of the Truth and Falsehood, and also fights between the Truth and the Falsehood in Slavic representations can be reconstructed thanks to exact coincidence to similar motive of dispute of the Truth (other – Indus. sat-ya) with the opposite beginning in “Rigveda”, similar mythological distinctions in other praslavyansky and Indo-European sources. Thus, for early Slavic poetic and prelegal consciousness a number of the combined oppositions is built: The truth and Falsehood, the right court – wrong court, life – death.

Keywords: image, concept, however, Falsehood, opposition, opposition, share, not share, Christianity, dualism, sat-ya, “Rigveda”, myth, Slavic, consciousness, hyperbole, phenomenon, language.

Отметим, что Правда и Кривда – в славянской мифологии и легендарном сказительстве – одно из основных выражений главного противопоставления, оппозиции типа доли – недоли. По-видимому, оба образа/понятия до определенной степени связаны с т.н. «народным христианством» и имеют в своей основе религиозно-дуалистические корни.

Еще А.Н. Веселовским указано [1] на возможную связь славянских образов Правды и Кривды с т.н. «отреченными» книгами, с легендами богомилов, катаров (патаров), с гностическими и манихейскими практиками.

В понятиях т.н. «Святой Руси» образы Правды и Кривды встречаются в сказках, преданиях и духовных стихах, где они являются выражением главного духовного противоречия, столкновения противоположных

начал – Божественного и сатанинского, доброго и злого, света и тьмы, доли и недоли.

Наиболее отчетливо образы Правды и Кривды отразились в т.н. «Глубинной» (или «Голубиной») книге»: *Это не два зверя собиралися, / не два лютые собега-лися: / Это Правда с Кривдой соходилася, / Промежду собой они бились-дрались./ Кривда Правду одолеть хочет; Правда Кривду переспорила. Правда пошла на небеса / ... А Кривда пошла у нас вся по всей земле.* Хотя в окончательной редакции этого сюжета в «Голубиной книге» сказалось влияние христианства, не подлежит сомнению, что истоки этого текста восходят к глубокой языческой древности.

Образы Правды и Кривды можно встретить в некоторых славяно-русских крестных сказаниях как не-

сомненно органично родственные нашей литературной старине, это вполне можно заключить из сведений славяно-русских духовных стихов и былин. Так, например, как отмечает Веселовский А.Н.: «у Готфрида из Витербо, в «*Legenda aurea*» и др., последнее из райских деревьев найдено не в Эдеме, а на Ливане; поэтому его могли назвать выросшим на Ливане, ливанским, леванитовым. Это и есть т.н. «леванитов крест»; по общему поверью, на этом именно дереве распяли Христа: и «распеше Христа на дрѣве, иже отъ главы ядамови играѣте», что объясняет известную символику распятия, у подножия которого помещают обыкновенно мертвую голову» [1].

Средневековая философия и фантазия вносили, таким образом, в историю образов Правды и Кривды своеобразную идею единства, связывая повесть грехопадения с повестью искупления, Эдем с Голгофой, делая из дерева, которое было поводом к греху первого человека, орудие его спасения. Глубинный стих, на который мы указывали выше, а точнее – апокрифический текст, легший в основу т.н. «Голубиной книги», вводит в эту онтологическую трактовку новый элемент, очевидно под влиянием иноверных для православного сознания представлений: образ райского дерева, ставшего крестом, данная трактовка переносит с Голгофы на Фавор: на нее выпадает Глубинная книга, «ко честной главе ко Адамовой», «у чудного креста леванитова»; в былинах о смерти Василия Буслаева «пуста-голова, человечья кость», лежащая на Фавор-горе (или Сорочинской), – это также и Адамова голова, а весь рассказ о смерти в данной части, по-видимому, основан на заключении русского апокрифа о крестном древе, где говорится, что Соломон нашел Адамову голову, которую, по громадной величине (гиперболизированный признак), отрок принял за камень. Василий Буслаев, встретив на дороге пустую голову, пнул ее прочь; она провещилась человеческим голосом и напорошила смерть, которую он и находит, скача вдоль через высокий камень, очутившийся на месте головы [1].

Очень характерно это смешение Голгофы с Фавором в белорусской редакции стиха о Глубинной книге: Христос не только преобразился на Фаворе, но и «на распятѣ был»: *И тьякла руда на коренийцу / Со яво руды кора выросла, / И брали кору по вси попам, / По всим попам по поповичам, / По всим царквам по царковачкам.*

В данном случае мы сталкиваемся со средневековым христианским символизмом на славянской почве, привязанным, по-видимому, к легенде о крестном древе уже в трактовках Тертуллиана и блаженного Августина: кровь Спасителя не только искупляла греховность человечества, но и образно смывала грех прародителя, капая на его голову, которая представлялась лежащей у подножия креста. Остается неясным только загадочное растение, вырастающее от божественной крови Спасителя. Здесь канва первых редакций духовного стиха, вероятно, либо испорчена, либо изменена, либо дополнена неясной «врезкой», заменившей какое-нибудь другое название. К примеру, в одной греческой леген-

де о нахождении честного Креста рассказывается, что на месте, где некие евреи умышленно закопали крест Спасителя, выросла трава, «пахучая и врачующая». Это *ocimum basilicum*, современный базилик, душики, мало-российские васильки, которые в народной русской (и славянской) обрядности до сих пор связаны с культом креста: их кладут в церквях под распятие, делают их них кропило, откуда, может быть, и одно из старинных названий кропила – *василок*. И в этом смысле их действительно берут «по попам, по поповичам, по церквам, по церковачкам». Как отмечает Веселовский А.Н.: «Это один из хороших образчиков того, как литературное содержание легенды может не только переходить в обряд, но и становиться неотъемлемою принадлежностью народно-поэтических воззрений. Другая сторона народного творчества раскрывается нам в судьбах леванитова креста: я говорю о том явлении, что чем далее в обращении, тем более обезличивается первоначально конкретный образ, исчезает его историческое и местное приурочение, он становится общим местом, из собственного имени нарицательным. В Глубинной книге, в намеках былины о Василье Буслаеве, отношения леванитова креста к Фавору и крестной легенде еще ясны; в отрывках не то былины, не то духовного стиха, напечатанных в сборнике Кирши Данилова «Чуден крест Леванидовский», является как нечто определенное, рядом с глубокими омутами днепровскими и высокими горами Сорочинскими. На Сорочинской же горе (то есть Фаворе) находится он и в былине о Михаиле Потыке. Но уже в стихе о сорока каликах он очутился под Киевом, кругом него становятся калики; с переходом его из духовных стихов в былинку он показывается на всех богатырских росянах; около него на Почай-реке стоят терема Чурилы Опленковича. Самое значение эпитета до того забыто, что являются даже луга Леванидовы и книга Аеванидова» [1].

Таким образом, т.н. «леванидов крест» утратил всякое специальное значение и стал синонимом креста, т.е. распятия как такового. Ср., например, с тем, что в житии Филиппа Иранского рассказывается про святого, который ехал по реке Выге и, сойдя с плота, «пошелъ въ гору, гдѣ ему ангелъ Господень исповѣдалъ и благовѣстилъ, къ Леванидову кресту надъ Лужаномъ озеромъ... И створилъ пришествіе к кресту къ Леванидову, и нача ся Христу молити подъ крестомъ Леванидовымъ по благовѣствованію ангела Господня, и преклонъ колѣни, и нача ся молити Христу».

Должно полагать, вероятно, что это – простое распятие, возможно с адамовой головой у подножья, заимствованной из древней легенды о райском древе.

Перейдем теперь к образам Правды и Кривды духовного стиха: они отсылают нас к т.н. «отреченной», апокрифической легенде о царе Соломоне.

Некоторые из образов и текстов, например, о птице Страфили и звере Индрике (инороге), могут быть объяснены лишь после более тщательного изучения с составом данного апокрифа, а также апокрифов духовных стихов, интертекстуально «смежных» с ним.

В этом смысле очень интересно содержание ве-

щих снов, вставленных в большую часть редакций Глубинной книги.

1. Сон о Правде и Кривде.

*Возговорил Володимир князь,
Володимир князь Володимирович:
Ой ты гой еси, премудрый царь,
Премудрый царь, Давыд Есеевич!
Мне ночесъ, сударь, мало спалось,
Мне во сне много виделось:
Кабы с той страны со восточной,
А с другой страны с полуденной,
Кабы два зверя собиралися,
Кабы два лютые собегалися,
Промежду собою дрались билися,
Один одного зверь одолет хочет.*
*Возговорил премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Есеевич:
Это не два зверя собиралися,
Не два лютые собегалися,
Это Кривда с Правдой соходилася,
Промежду собою бились-дрались;
Кривда Правду одолет хочет;
Правда Кривду переспорила.
Правда пошла на небеса,
К самому Христу, Царю Небесному;
А Кривда пошла у нас вся по всей земле,
По всей земле по Свет-Русской,
По всему народу христианскому.
От Кривды земля восколебалася.*

В некоторых стихах образы Правды и Кривды в виде зверей предстают перед нами белым и серым зайцем:

*Кабы белой заец, кабы серой заец,
Кабы белой заец одолет хочет?*
*Как бы серой белого приодолел:
Бел пошел во чисто поле,
А сер пошел во темны леса, –*

или вместо них выступают двое юношей, Как отмечает Веселовский А.Н.: «толкование во всех случаях одно и то же; иногда аллегорические образы отсутствуют и во сне представляется» [1]:

*Будто Кривда с Правдой побивалася,
Будто Кривда Правду одолет хочет.*

Аполог о Правде и Кривде встретился уже в сказаниях о Соломоне, и, к примеру, Веселовский А.Н. [1] не раз указывает на его дуалистический характер, на его «связь с иранскими представлениями о святости правды, удалившейся на небо в образе птицы, когда Джемшид позволил себе ложное слово; наконец, на появление его в народных легендах и новеллах, почерпавших свои мотивы в отреченной литературе. Греховная сила Кривды остается царить на земле, которая по понятиям дуалистов находится под властью демона; Правда удалена на небо, в духовное царство доброго бога. Позднее с православной точки зрения первоначально дуалистический смысл аполога был понят ина-

че: вознесение правды на небо, «к самому Христу, царю Небесному», представляется ее победой; в старинных русских изображениях Страшного Суда можно видеть, как «Правда Кривду стреляет, и Кривда пала со страхом». В апологе соломоновской легенды такое толкование не заметно».

В этом отношении показательно, что в «Беседе трех святителей», составленной во многом по образцу древнейших «Вопросов Иоанна», встречается та же загадка в форме, сохраненной Соломоновским сказанием на славянской почве: «Вопросъ: Что есть бѣль щить, а на бѣлѣ щитѣ заецъ бѣль: и прилетѣ сова и взя зайца, а сама ту саде? Отвѣтъ: Бѣль щить есть свѣтъ, а заецъ правда, а сова кривда».

Заметим наконец, что романы, сказания и пр. о Мерлине и Соломоне, которые А.В. Веселовский самым подробным образом исследует на предмет (в том числе) апокрифических данных о Соломоне и Китоврасе, также начинается видением о борьбе двух зверей: борются красный и белый драконы, как в указанном выше тексте борются белый и серый заяц; когда один одолел другого, также дается аллегорическое толкование, с тою лишь разницею, что образы Правды и Кривды заменены другими историческими мотивами.

2. Сон о дереве.

Говорит царь Волонтоман (Владимир, Волот и т. д.) Давиду:

*Мне царю Волонтоману
Мало спалось, много во сне виделось;
Как в моем ли было зеленом саду
Выросло деревцо сахарное,
Из далеча из чиста поля
Прилетала пташечка малешечка,
Садилась на деревцо сахарное,
Распущала перья до сырой земли:
Ужь ты можешь ли, царь, про то ведати?*
*Им ответ держал премудрый царь:
- Как тебе царю Волонтоману
Мало спалось, грозно во сне виделось,
В твоём ли было зеленом саду и т.д.*

Собственно далее по тексту дается аллегорическое толкование сна.

Нужно отметить, что образы Правды и Кривды в сходных мотивах повторяются и в тождественных пословицах разных славянских народов, возводимых к единой общеславянской традиции.

Образы Правды и Кривды можно встретить и русских народных сказках в обработке Афанасьева Александра Николаевича [4].

Противопоставление правды, правоты (и других производных от слав. *ргавъ, «правый») и неправоты, кривды пронизывает всю терминологию древнейших славянских предправовых и правовых текстов (типа «Русской Правды», судебника 11 в., само название которого содержит слово «правда» в древнем архаическом предправовом смысле).

Общеиндоевропейские истоки образов Правды и Кривды, а также битв между Правдой и Кривдой в

славянских представлениях могут быть реконструированы благодаря точному совпадению с аналогичным мотивом спора Правды (др.-инд. sat-ya) с противоположным началом в «Ригведе», сходными мифологическими различиями в греческом предправе, в т.ч. - в противопоставлении двух Правд - двух Дике в ранней греческой трагедии. Как и в других индоевропейских традициях, различие Правды и Кривды символизировалось в конкретных понятиях правого - левого, прямого - изогнутого (что сказывалось в роли имён, производных от соответствующих обозначений: греч. Лаий как «левый», слав. Крив и т.п.). Соответственно в русской мифологии и культуре, а также в фольклорных текстах сохраняются предправовые формулы типа «даю (правую) руку свою на отсечение», «хоть правую руку отрубить». Противоположные по значению формулы, связанные с Кривдой, сохранены в былевом эпосе: *Как по кривде судить, да быть убитому*.

Сравним образы Правды и Кривды в русских пословицах и поговорках [3]: *Правда в лаптях; а кривда, хоть и в кривых, да в сапогах; Правда у Петра и Павла* (где в Москве был застенек, тюрьма – авт.); *Правда к Петру и Павлу ушла, а кривда по земле пошла; Пришла правда не от Петра и Павла, а от Воскресения в Кадашах* (намек на московскую голову (главу исполнительной власти) Шестова, 1845); *За правду Бог и добрые люди; Кто правду хранит, того Бог наградит; Кто правды желает, тому Бог помогает; Кто правого винит, тот сам себя язвит; И твоя правда, и моя правда, и везде правда – а нигде ее нет* (представления о социальной справедливости и общественном устройстве в России и в мире

– доступной славянскому мировидению ойкумене); Суд правый кривого дела не выправит (прибавка: а кривой суд правое скривит (о судебной системе)). Сравним: *На деле прав, а на дыбе* (т. е. на пытке) *виноват* или *На деле прав, а на бумаге виноват*.

Таким образом, для раннего славянского поэтического и предправового сознания выстраивается ряд совмещенных противопоставлений: Правда и Кривда, правый суд – неправый суд, жизнь – смерть. При вероятном наличии индоевропейских предправовых истоков (где в древнейшей форме правда обозначалась причастием на *-nt от корня *es, «быть истинным», ср. рус. «суть», «истинная правда, сущая правда»; др.-инд. satya-, хетт. asant-, «сущий, истинный»; др.-англ. soþ, отсюда англ. sooth и т.п.) на мифологический сюжет спора Правды и Кривды в славянской и других индоевропейских традициях могли оказать влияние и распространённые в древневосточной литературе (древнеегипетской, хурритской, хеттской и др.) сюжеты, описывающие спор Правды и Кривды и двух людей (часто братьев – доброго и злого (ср. с Каином и Авелем)), воплощающих противоположные начала дуалистического мифа, на что, в частности, указывают Иванов В.В. и Топоров В.Н. [2]. Общеиндоевропейские истоки образов Правды и Кривды, а также битв между Правдой и Кривдой в славянских представлениях могут быть реконструированы благодаря точному совпадению с аналогичным мотивом спора Правды (др.-инд. sat-ya) с противоположным началом в «Ригведе», сходными мифологическими различиями в других праславянских и индоевропейских источниках.

Библиографический список

1. Веселовский А.Н. Мерлин и Соломон: избранные работы. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; СПб.: Terra Fantastica, 2001. С. 212-217.
2. Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов), в кн.: Славянское языкознание, 8-й Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978.
3. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература. В. И. Даль. 1989.
4. Правда и Кривда // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Наука, 1984-1985. (Лит. памятники). Т. 1. 1984. С. 152-163.

References

1. Veselovsky A.N. Marylin and Solomon: the chosen works. M: Publishing house EKSMO-Press; SPb.: Terra Fantastica, 2001. – Page 212-217.
2. Ivanov V.V., Axes of Century of N. About language of the ancient Slavic right (to the analysis of several key terms), in book: Slavic linguistics, 8th International congress of Slavists. Reports of the Soviet delegation. M., 1978.
3. Proverbs of the Russian people. M: Fiction. V.I.Dal. 1989.
4. Truth and Falsehood//A.N. Afanasyev's National Russian fairy tales: In 3 t. M: Science, 1984-1985. (Litas. monuments). T. 1.1984. Page 152-163.

СИНСЕМИЯ ПЛЮРАТИВОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.С. ВЫСОЦКОГО

SINSEMIYA OF PLURATIVES IN THE WORKS OF V.S. VYSOTSKY

В статье рассматривается явление плюрализации в произведениях В.С. Высоцкого. Речь идёт о тех плюративах, которые созданы на основе синсемии. Определяются значения новообразований, парадигматические отношения, в которые вступает плюратив.

Ключевые слова: плюрализация, плюратив, новообразование, синсемия.

The article discusses the phenomenon of pluralization in V.S. Vysotsky's works. It is about those pluratives which are created on the basis of sinsemiya. The meanings of new growths, the paradigmatic relations in which plurative enters are defined in this article.

Keywords: pluralization, plurative, new growth, sinsemiya.

Плюрализацией называется процесс приобретения существительными, имеющими только единственное число, множественного числа с изменением значения [3; 6]. Использование этого способа в творчестве одного автора ещё не стало предметом детального рассмотрения, но о плюрализации в произведениях В.С. Высоцкого уже говорилось [4: 80, 85; 7; 13; 14].

Новообразований, созданных на основе синсемии, – свойстве слова «совмещать в одном контексте (употреблении) 2 и более значений (причём, как узальных, так и окказиональных)» [4: 68], в произведениях В.С. Высоцкого немного. Нами выделено 11 таких плюративов.

В повести «Жизнь без сна (Дельфины и психи)» отмечены следующие плюративы, созданные на основе синсемии: «Жили-были питекантропы, родами и гуртами, попарно ли, моногамно ли, только были у них свои любви и печали, свои горести и радости и делили они их между собой поровну, будьте уверены».

Существительные любви, печали, горести, радости являются отвлечёнными. Среди причин употребления отвлечённых существительных в форме множественного числа можно назвать следующую: «Формы множественного числа образуют лишь те слова, которые могут называть не только отвлечённые качества, состояния или действия, но и единичные их проявления: *боль* – *боли*, *обман* – *обманы*, *мука* – *муки*, *печаль* – *печали*, *радость* – *радости*, *движение* – *движения*» [10: 462]. «Отвлечённые существительные во множественном числе нередко указывают на конкретные проявления качеств, действий: *Он стал перечислять красоты родной страны (Каз.)*. Существительные, обозначающие эмоции, настроения, ощущения, во множественном числе получают оттенок конкретности и интенсивности проявления чувства: *ужасы войны, радости и печали первой любви*» [1: 231].

В повести В.С. Высоцкого плюратив любви совмещает следующие значения: «чувство самоотверженной и глубокой привязанности, сердечного влечения» и «склонность, пристрастие к чужому-нибудь» [9: 329].

Существительное горесть может употребляться во множественном числе в значении «тяжёлое переживание» [9: 135]. В повести В.С. Высоцкого мы отмечаем плюратив горести, поскольку это новообразование имеет значение «горе, печаль, скорбь, тяжёлые переживания», т.е. объединяет значения мотивирующего слова.

Плюратив радости создан на основе совмещения трёх значений: «весёлое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения»; «то, что (тот, кто) вызывает такое чувство»; «радостное, счастливое событие, обстоятельство» [9: 629].

Употребление существительного радость во множественном числе встречаем в рассказе И. Грековой «Без улыбок»: «Наряду с этим в моей новой жизни были и свои радости»; в повести С. Довлатова «Иная жизнь»: «Что стоят все мои обиды? Все бывшие муки и нечаянные **радости**?» и др. Существительное печаль во множественном числе отмечено в названии иконы Божией Матери «Утоли моя печали», в стихотворении В. Тушновой «Много счастья и много печалей на свете...», в романе В. Аксёнова «Новый сладостный стиль»: «Этот дом над волной навеивает печали...» и др. **Печали** и **радости** могут быть употреблены в одном контексте: «Тут свои идеальные **радости** и **печали**, как улыбка сквозь слёзы, как солнечный луч при дожде» (И.А. Гончаров «Хорошо или дурно жить на свете?»); «Может быть, – подумал я, – ты оттого-то именно меня любила: **радости** забываются, а **печали** никогда...» (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени») и др.

Новообразование печали встречается также в стихотворениях В.С. Высоцкого («Баллада о бане», «Енгибарову – от зрителей», «Спасите Наши Души»).

В Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой отмечены следующие значения слова **печаль**: 1. Чувство грусти, скорби, тоски; состояние душевной горечи. 2. Грустное, скорбное выражение (глаз, лица, уст и т.п.). 3. То, что вызывает, обуславливает чувство скорби, тоски; беда, несчастье. 4. То, что является предметом беспокойства, заботы [2: 96].

В произведениях В.С. Высоцкого слово *печаль* чаще всего употребляется в первом значении: «чувство грусти, скорби, тоски; состояние душевной горечи» («Он сочинял стихи, Николай, и пел печальные песни. И в них была блатная жалостливость, которая казалась глубокой **печалью**...» («Роман о девочках»); «Сначала было Слово **печали** и тоски...»; «Я ему про свои неполадки, // Но ему незнакома **печаль**...» («Экспресс Москва-Варшава, тринадцатое место...»); «И знаю я: **печаль**-тоску мне эту // Век носить с собой» («Свои обиды каждый человек...»). Кроме того, существительное **печаль** в стихотворении «Открытые двери больниц, жандармерий...» приобретает необычное значение: «жидкость»: «Вливали в нас тоску-**печаль**...». И наоборот, слово **печаль** употребляется и в значении «нечто твёрдое, противоположное жидкости, которое должно растаять, но – «как вечный снег: // Не тает, не тает. // Не тает она и летом // В полуденный зной...» («Свои обиды каждый человек...»).

В повести «Жизнь без сна (Дельфины и психи)» плюратив **печали** объединяет значения: «чувство грусти, скорби, тоски, состояние душевной горечи»; «то, что вызывает чувство скорби, тоски; беда, несчастье»; «то, что является предметом беспокойства, заботы». В повести В.С. Высоцкого плюративы употребляются попарно: **любви** и **печали**, **горести** и **радости**. Новообразования **печали** и **горести** находятся в синонимических отношениях. Кроме того, плюративы **печали** и **горести** антонимичны плюративу **радости**.

В «Балладе о бане» В.С. Высоцкого слово *печаль* «входит в первый полуряд из 6 однородных – **пороки**, **грехи** и **печали**, **равнодушие**, **согласье** и **спор**. В первой триаде объединяются формы множественного числа, в которых содержится градационное снижение свойства (качества, признака): «предсудительный недостаток» – «недостаток, ошибка, проступок» – «чувство грусти и скорби, душевной горечи <из-за пороков и грехов>». Таким образом, последний член триады (его можно назвать слабым компонентом триады) причинно обусловлен сильным и средним компонентами триады, на определённом уровне суммирует их значения» [8: 22]:

Все пороки, грехи и **печали**,
Равнодушие, согласие и спор –
Пар, который вот только наддали,
Вышибает, как пули, из пор.

Существительное **печали** в стихотворениях «Енгибаров – от зрителей» и «Спасите Наши Души» мы относим к плюративам, поскольку здесь происходит объединение значений. Значение новообразования **печали** определено нами как «грусть, тоска, печаль, забота, беспокойство в их совокупности».

В.С. Высоцкий употребляет форму множественного числа (**печали**) в стихотворении «Енгибаров – от зрителей», стремясь показать, как много горя, грусти, тоски, печали у людей, так много, что они могут даже убить другого. Клоун «крал тоску», «воровал... грустные минуты у людей», «горе наше брал он на себя» и «захлебнулся горем», «сил своих не рассчитав». Поэт показывает, что эти чувства: грусть, тоска, печаль – не одного дня, что эти «печали» спрятаны далеко в душе – «во внутренних карманах»:

Он у нас тем временем **печали**
Вынимал тихонько из души.
Тяжелы **печали**, ошутимы...

В стихотворении «Спасите наши души» на объединение значений указывает и впереди стоящее местоимение *всем*:

Конец всем **печалям**,
Концам и **началам** –
Мы рвёмся к причалам
Заместо торпед!

В этом же произведении мы выделяем плюративы **концы** и **начала**.

Слово *конец* имеет форму множественного числа в значении «причальная верёвка, трос»: *отдать концы* и в значении «путь, расстояние между двумя пунктами» (разг.): *идти в оба конца пешком* [9: 284]. В первом («предел, последняя грань чего-нибудь в пространстве или во времени, а также примыкающая к этому пределу часть, период») и в четвёртом (переносное – «смерть, кончина») [9] значениях существительное *конец* употребляется в единственном числе. В «Балладе о бане» плюратив **концы** синтезирует первое и четвёртое значение. Получается: «конец всем концам», т.е. «всем пределам, последним граням, смертям и кончинам».

Существительное *начало* может употребляться либо только в единственном числе, либо только во множественном. Употребление слова *начало* только в единственном числе отмечено в значениях: 1. Первый момент или первые моменты какого-нибудь действия, явления. *Начало работы*. 2. Исходный пункт, исходная точка. *Начало главы*. *Начало улицы*. 3. Первоисточник, основа, основная причина (книж.) *Организирующее начало*. [10: 390]. Форму только множественного числа это существительное имеет в следующих значениях: 4. Основные положения, принципы (какой-нибудь науки, учения). *Начала химии*. 5. Способы, методы осуществления чего-нибудь. *Организовывать дело на новых началах*. *На общественных началах*. [10]. В «Балладе о бане» плюратив **начала** объединяет первое и второе значение. «Конец всем **началам**», т.е. «первым моментам действия, исходным пунктам».

Плюративы **концы** и **начала** являются в этом стихотворении абсолютными антонимами.

Плюратив **концы** отмечен также в песне «Мао Цзедун – большой шалун...»:

Уже трепещут мужнины враги!
Уже видать **концы** –

Жена Лю Шаоци

Сломала две свои собачие ноги.

Лю Шаоци к моменту начала «культурной революции» занимал должность Председателя КНР, был популярен среди народных масс, что не нравилось Мао Цзэду. Атака на Лю Шаоци началась с нападок на его супругу Ван Гуанмэй, даму хорошо образованную, внешне привлекательную. Жена Мао Цзэдуна, амбициозная и недалёкая Цзян Цин, не имеющая вообще никакого образования, не считая трёх месяцев обучения в школе драматического искусства, испытывала к Ван Гуанмэй личную ненависть, с особым пристрастием руководила она «специальной группой по расследованию дела Ван Гуанмэй». Но ноги у Ван Гуанмэй не ломали. Она была арестована и провела за решёткой 11 лет. А попытка Цзян Цин захватить власть после смерти мужа провалилась, и «банда четырёх», куда входила вдова Мао Цзэдуна, была предана суду.

«В 1979 году процесс «банды четырёх» был ещё у всех на слуху. Не прошёл мимо и Высоцкий. В некоторых исполнениях «Лекции о международном положении» звучало:

У нас деньжищи! Что же тратим тыщи те
На воспитанье дурней и дурёх?
Вы среди нас таких ребят отыщете –
Замену целой «банде четырёх».

Впрочем, в то время, когда Высоцкий писал «Песенку про жену Мао Цзэдуна», такой конец она предвидеть не могла. Казалось, – впереди ждут только победы: Уже видать концы – жена Лю Шаоци Сломала две собачие ноги. В разгар «культурной революции» самые, видимо, красивые из «красных охранников» изнасиловали и выбросили в окно Мэй – молодую (пятую по счёту) жену Председателя Китайской Народной республики Лю Шаоци. Наверное, даже хунвейбинам было присуще чувство стыда, поэтому их настенные агитки – дацзыбао – представили этот не слишком «революционный» эпизод как попытку самоубийства: «Капутистка (то есть – идущая по капиталистическому пути) Мэй сломала две свои собачьи ноги» [15: 498].

Видать концы происходит от фразеологизма *конца-края не видать* в значении «нет границ, пределов чему-либо» [12: 79]. Происходит и формальное, и семантическое преобразование фразеологизма. Он получает значение «приблизиться к границам, пределам чего-либо» (вспомним первое значение слова *конец*: «предел, последняя грань чего-нибудь в пространстве или во времени...»).

Синсемия отмечена в стихотворении «Горизонт»:
Меня ведь не рубли на гонку привели.
Меня просили: «Миг не проворонь ты.
Узнай, а есть предел там, на краю земли,
И можно ли раздвинуть горизонты?»

Слово «горизонт» многозначное, имеет как прямое значение, так и переносное. Горизонт, согласно словарию, обозначает видимую границу (линию кажущегося соприкосновения) неба с земной или водной поверх-

ностью, а также небесное пространство над этой границей, часть земной поверхности, наблюдаемое на открытой местности. А в переносном значении – круг знаний, идей, действий, возможностей. Томенчук замечает, что «ключевые слова здесь – мираж, простор, круг» [11:156].

В.П. Изотов отметил, что плуратив горизонты, «объединяя несколько значений базового слова, синтезирует следующие значения: «совокупность знаний, идей, интересов, круга действий, возможностей, линий кажущегося соприкосновения неба с землей или водной поверхностью»» [7: 17]. «Объединение значений осуществляется в форме множественного числа, и это накладывает дополнительный оттенок значения – оттенок множественности, суммарности значений» [5: 70]. «Раздвинуть горизонты» – продвинуться дальше, не останавливаясь на достигнутом, ведь жизнь есть движение, а «остановка же бывает только одна, с жизнью несовместимая» [11: 159].

Плуратив близости, образованный на основе синсемии, отмечен в «Студенческой песне» и в стихотворении «Я был завсегдатаем всех пивных...»:

Кто старше нас на четверть века, тот
Уже постиг и близости и дали.
(«Студенческая песня»)
Я мажу джем на черную икру,
Маячат мне и близости и дали, –
На жиже – не на гуще мне гадали, –
Я из народа вышел поутру –
И не вернусь, хоть мне и предлагали.
(«Я был завсегдатаем всех пивных...»)

Лексема *близость* является абстрактной, множественного числа в языке не имеет. Плуратив близости объединяет два значения: «то, что находится, происходит на небольшом расстоянии; связь тесным личным общением, дружбой, любовью».

В «Романе о девочках» нам встретились такие новообразования, как нежности и неприличности: «А вожатые сидят где-нибудь в лесу, поют всякие нежности и неприличности, и их же – нежности и неприличности – совершают...» [14: 225].

В стихотворении «Два письма» отмечен плуратив развраты :

Так в столице, говорит, всякие развраты,
Да и женщин, говорит, больше, чем мужчин.

Значение новообразования развраты складывается из объединения двух значений существительного разврат: «половая распущенность; испорченность нравов, низкий моральный уровень поведения, отношений». К такому решению нас подталкивает контекст: жена переживает за мужа, который уехал в столицу, где «всякие развраты».

Существительное разврат в произведениях В.С. Высоцкого встретилось только в «Песенке о слухах»: «– А вы знаете? Мамыкина снимают – // За разврат его, за пьянство, за дебош!». Отмечено также слово развратный: «И снова пугали маму моим неве-

роятно **развратным** будущим и печальным концом где-нибудь в больнице...» («Роман о девочках»).

Так, синтезируя значения базового слова, плюративы приобретают дополнительный оттенок в своём значении. Новообразования данной группы вступают в парадигматические отношения: среди плюративов данной группы есть как антонимы, так и синонимы. Выделены контекстуальные антонимы (нежности и неприличности («Роман о девочках»)) и абсолютные (концы и начала («Баллада о бане»); печали, горе-

сти антонимы к плюративу радости («Жизнь без сна (Дельфины и психи)»)). Новообразования печали и горе-сти находятся в синонимических отношениях.

Синсемия плюративов – явление, ещё не ставшее предметом лингвистических штудий, однако это очень перспективное направление исследований, о чём свидетельствует то обстоятельство, что эти единицы представлены в языковой палитре крупнейшего мастера русского слова В.С. Высоцкого.

Библиографический список

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2010. 448 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2-х т. Т.2. М.: «Русский язык», 2000. 1088 с.
3. Изотов В.П. О новых словах Г.Р. Державина и об одном неканоническом способе словообразования // Творчество Г.Р. Державина. Специфика. Традиции. Науч. ст., докл., очерки, заметки / Тамбовский гос. пед. ин-т и др. Тамбов: ТГПИ, 1993. С. 280-283.
4. Изотов В.П. Лингвовысоцковедение // Гуманитарные проблемы глазами молодых. Вып. I. Орёл, 1994 (а). С. 79-86.
5. Изотов В.П. Синсемия // Семантика языковых единиц. Ч.I. – Памяти А.Ф. Лосева. Лексическая семантика. М.: Альфа, 1994 (б). С. 68-71.
6. Изотов В.П. Плюрализация. Харьков, 1996. 22 с.
7. Изотов В.П. Плюрализация у В.С. Высоцкого // Неизбранные работы. Статьи, тезисы, заметки, идеи и материалы к ним. Орёл, 1997. С. 14-17.
8. Изотов В.П. Толковый словарь «Баллады о бане» В. С. Высоцкого. Орёл, 1998. 21 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1996. 928 с.
10. Русская грамматика: научные труды / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / Н.С. Авилова и др. / Т. I. М., 2005. 784 с.
11. Томенчук Л. Высоцкий и его песни: приподнимем занавес за краешек. Днепропетровск: СІЧ, 2003. 246 с.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2-х т. Т.1. М.: «Цитадель», 1997. 391 с.
13. Хвастова Е.В. Эйнштейн и Эйнштейны // Полифилология-7. Межвузовский сборник научных трудов. Орёл, 2008. С. 10-11.
14. Хвастова Е.В. Плюрализация в творчестве В.С. Высоцкого (на материале «Романа о девочках») // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах / Сб. науч. трудов. Орёл: ОГУ, 2010. С. 24-225.
15. Цыбульский М. Жизнь и путешествия В. Высоцкого. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 640с.

References

1. Golub I.B. Stilistika of Russian is blue. – M: Iris press, 2010. – 448 pages.
2. Efremova T.F. New dictionary of Russian. The sensible word-formation: In 2 t. T.2. – M: “Russian”, 2000. – 1088 pages.
3. Izotov V.P. About new words Derzhavin and about one not initial way of word formation//G. R. Derzhavin's Creativity. Specifics. Traditions. Nauch. Art., doкл. sketches, notes / the Tambov state. пед. in-t, etc. – Tambov: TGPI, 1993. – Page 280-283.
4. Izotov V.P. Lingvovysotskovedeniye//Humanitarian problems eyes of the young. Vyp. I. – Eagle, 1994 (and). – Page 79-86.
5. Izotov V.P. Sinsemy//Semantics of language units. Ch.I. – A.F.Losev's memories. Lexical semantics. – M: Alpha, 1994. – Page 68-71.
6. Izotov V.P. Pluralization. – Kharkov, 1996. – 22 pages.
7. Izotov V.P. Pluralization at V. S. Vysotsky//Not elite of work. Articles, theses, notes, ideas and materials to them. – Eagle, 1997. – Page 14-17.
8. Izotov V.P. Explanatory dictionary «Ballads about a Ban» of V. S. Vysotsky. – Eagle, 1998. – 21 pages.
9. Ojegov S. I. Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of Russian. – M: AZ, 1996. – 928 pages.
10. Russian grammar: scientific works / the Russian Academy of Sciences. Russian institute of V. V. Vinogradov/N S. Avilov, etc./T. I. – M, 2005. – 784 pages.
11. Tomenchuk L. Vysotsky and his songs: let's raise a curtain for an edge. – Dnepropetrovsk: SICH, 2003. – 246 pages.
12. Phraseological dictionary of the Russian literary language: In 2 t. T.1. – M: «Citadel», 1997. – 391 pages.
13. Hvastova E.V. Einstein and Eynshteyna//Polyphilology-7. Interuniversity collection of scientific works. – Eagle, 2008. – Page 10-11.
14. Hvastova E.V. Pluralization in V. S. Vysotsky's creativity (on a material «The novel about girls»)/the Word, the phraseological unit, the text in the literary language and dialects / Sb.Nauch. works. – Eagle: Regional public institution, 2010. – Page 24-225.
15. Tsybulsky M.Zhizn and V. Vysotsky's travel. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2004. 640c.

УДК 81'373.21; 81'28.2

UDC 81'373.21; 81'28.2

Е.В. ЦВЕТКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова
E-mail: elv15@list.ru

E.V. TSVETKOVA

candidate of Philology, associate professor of Russian Kostroma state university language of N.A.Nekrasov
E-mail: elv15@list.ru

**КОСТРОМСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ УСАДЬБЫ И ЕЁ ЧАСТЕЙ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИМ ТРУДОМ Г. Г. МЕЛЬНИЧЕНКО**

**KOSTROMA NAMES OF COUNTRY ESTATE AND ITS PARTS IN COMPARISON
WITH WORKS IN LINGUISTIC GEOGRAPHY BY G. G. MELNICHENKO**

Статья посвящена сопоставлению костромской микротопонимии, основанной на лексемах печище, осырок, творило и др., с материалами соответствующей лингвистической карты Г. Г. Мельниченко, которое позволяет не только найти соответствия, подтвердить наличие наименований и их значений, но и сделать дополнения, расширяющие ареалы распространения лексем и их производных.

Ключевые слова: топонимия, микротопонимия, лингвистическая карта, костромские говоры, наименования усадьбы и её частей.

The article is dedicated to comparison of Kostromamicrotoponymy based on lexemes pechishche, ossyrok, tvorilo, etc. with the materials of the corresponding linguistic map by G. G. Melnichenko, which allows not only to establish a correspondence, confirm presence of the names and their meanings, but also to insert additions, expanding the areal space of the lexemes and their derivatives.

Keywords: toponymy, microtoponymy, linguistic map, Kostroma dialects, names of country estate and its parts.

Микротопонимия, как особая часть лексико-семантической системы говоров, часто является важным свидетельством наличия в народной речи многих слов, подчас во всём многообразии их значений. Микротопонимы, как бы консервируя в себе лексику, ставшую основой для их образования, позволяют выявить некоторые лексические особенности народной речи. Наиболее наглядно это можно проследить, сопоставляя апеллятивные и топонимические сведения, в том числе и с привлечением материалов лингвогеографических источников.

Так, изучая представленные в лингвогеографических трудах Г.Г. Мельниченко наименования усадьбы и её частей, мы выяснили, что они в определённой степени нашли отражение в микротопонимической системе костромского края. Выявленные в лексико-семантической системе костромских говоров апеллятивные и топонимические материалы соответствующей тематики мы сравнили со сведениями лингвистических карт Г.Г. Мельниченко, которые представляют распространение лексики нескольких тематических групп на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества. В данной статье мы обращаем внимание на такие названия усадьбы и её частей, как печина, печище, план, плант, осырок, подсырок, творило, представленные на карте №23 [1. С. 27].

Слово печина, как показывает лингвистическая карта, распространено в южной части Ярославской области и к западу от неё. Слово печище отмечено в основном в

Ярославской области, отдельные случаи его употребления зафиксированы северо-западнее Великого Устюга, а также и в Костромской области (Солигалич, Кологрив, Георгиевское) [1. С. 27. С. 62]. Носителями этих слов, по предположению Г.Г. Мельниченко, являются потомки одной из этнических групп кривичей [2. С. 63].

В костромских говорах, как свидетельствуют материалы ККОС (картотеки костромского областного словаря), слово печина обычно означает глину, используемую при кладке печей: *Глина, из которой делают печи.* (п. Красное); *Глина, которой обмазывают кирпичи, когда складывают печь. Ты печину приготовил?* (г. Кологрив); *Ты печину-ту подбери...* (д. Бережок Пышугск.); *Глина, из которой делают печи. Печину сейчас трудно сыскать буде.* (д. Калинки Судиславск.). Имеется и значение 'перегоревшая или высохшая печная глина' (с пометой Костром. в СРНГ, а также в вологодских, архангельских, калининских, вятских и других говорах [5. Вып. 27. С. 5]. Печинка (в ККОС) – *кусочек глины, выковыренный из связи печных кирпичей. Опять она печинку ест.* (п. Кадый). Слово печище в костромском крае известно и в значениях 'остатки от дома' (в СРНГ дано с пометами Киров., Якут.), 'место, где раньше находился дом с хозяйственными постройками и земельным наделом' (в СРНГ дано с пометой Калин.), 'остатки от бывшего селения' (в СРНГ даётся с пометами Олон., Арх., Волог., Яросл., Калин., Моск. – в основном севернорусское) [5. Вып. 27. С. 6 – 7]: *От деревни ничего не осталось, одни печища торчат.* (д. Панкратово-

Чухломск.); *От дома-то одно печище и осталось.* (д. ЕкатеринкиноКадыск.) и т. д.

В ЯОС, содержащем и костромские материалы (в районах Ярославской области в её границах на 1940 г.), даются такие значения слова печина, как часть крестьянской усадьбы, занятая домом и двором, крестьянская усадьба; остатки сгоревшего или сломанного дома (с указанием Ореховского, в настоящее время части Галичского района Костромской области); остаток печи после пожара (с указанием Нейского района); обломок кирпича, упавший со свода печи; глина между кирпичами в печи; поляна в лесу с хорошей травой; выцветшее место, пятно в поле и т. д.; печище – часть крестьянской усадьбы, занятая домом и двором, крестьянская усадьба (с указанием Нейского района); место, где раньше стоял дом (с указанием Костромского района) [8.О – П. С. 103 – 104]. Сравним со значениями этого слова, данными в ССРЛЯ: 1. Семейная община у русских на севере, основывающаяся на коллективном землевладении; существовала в пережиточной форме до XIX в. *Да и по части древности рода здешний крестьянин, как новгородец, перецегиляет своих одноплеменных собратьев. Гнездили они в лядинах, на печищах.* Гл. Усн. Непорв. связи. 2. Остатки развалившейся печи. – Слов. Акад. 1793: печище [7. Т. 9. С. 1147]. В СлРЯХI – ХУП вв.: место, где стояла печь; остатки печи, жилища; небольшая северная деревня, преимущественно заброшенная, бывшего родового поселения большой семьи, общины; земельное угодье, относящееся к такой деревне [6. Вып. 15. С. 39 – 40].

В костромской микротопонимии это названия полей, покосов, мест в лесу, возможно, находящихся в пределах или вблизи бывших усадеб и их частей. Печище. Название места в лесу. *В Печище очень дремучий лес. Там легко заблудиться.* (д. Никулино Макарьевск.); Печище. Покос. *На Печище даже косить не будем, уж больно змей много. Находится за рекой Межой, севернее Петушихи.* (д. Петушиха Межевск.); Печище. Сенокосное угодье ТОО «Нива». *Печище находится по возвышенности, вокруг него леса.* (г. Мантурово); Печище. Поле. *Печище – за деревнями Угорье и Пестово.* (д. Угорье Мантуровск.). По словам диалектоносителей, возникновение топонима можно связать и с другими значениями термина печище, например, по связи с особенностями почвы: Малое Печище. Пашня с рассыпчатой почвой, покос. *Седни всех погнали косить на Малое Печище.* (п. Шулёво Мантуровск.); Печище. Поле. *Наверно, названо так из-за песчаных почв.* (д. Никулино Макарьевск.). Однако, как видим, сведения микротопонимии способны расширить ареал распространения наименования в интересующем нас значении (Макарьевский, Мантуровский районы).

Слово план отмечено в западной части, отдельными островками – на северо-востоке княжества. Его фонетический вариант плант встречается редко, в основном на тех же территориях [1. С. 27.2.С.62]. Ареалы распространения этих слов позволяют предположить, «что их носители являются потомками одной из этнических групп новгородцев» [2. С. 63]. В СРНГ указываются

значения слова план: земельный участок отдельного хозяина; усадьба (с пометами Кубан., Петроград., КАССР, Коми АССР, Волог., Калинин., Новг., Моск., Смол., Яросл., Тамб., Куйбыш., Измаил., Новорос., Черномор., Азерб. ССР, Киров., Том. – как в севернорусских, так и в южнорусских и среднерусских говорах); место, земля под домом, иногда и под другими постройками (Калин., Мурман., Волог., Киров., р. Урал – в основном севернорусское); приусадебный участок (Киров., Калинин., Новг.); земля, принадлежавшая колхозу (Волог.); поле в соответствии с землемерным планом (Кемер.); межа (Кемер.); улица в селе, одна сторона улицы (Ряз., р. Урал., Том.); налог с крестьянского двора (Новосиб.) [5. Вып. 27. С. 80]. Плант – земельный участок отдельного хозяина (Калуж., Тамб., Куйбыш., Калинин., Сиб., Азерб. АССР); огород (Новосиб.); межа (Самар., Тобол.); улица села (Тамб., Белг., Ворон., Пенз., Том.); одна сторона улицы (Куйбыш., Том.); площадь (Ворон.); часть села (Ворон.); дорога с поля, идущая и по деревне (Ворон.) [5. Вып. 27. С. 82].

Ареалы распространения лексемы подтверждаются и материалами областных словарей. Например, в русских говорах Карелии: план ‘приусадебный участок’; ‘дом с надворными постройками, усадьба’ [4. Т. 4. С. 530]. По материалам ККОС: *Осырок, план, земля, участок, огородец, которая даётся колхознику для посадки картошки и всего остального.* (Пыщугск.). *Земельный участок с домом, постройками, огородом, садом; усадьба. Там уже не наши осырок, у нас на одном плане два дома. Приусадебный участок, дворинный участок.* (Вохомск.). Костромские микротопонимы, основанные на данной лексеме, нами не зафиксированы.

Слова сыр и подсырок перемежаются в северной части Ярославской области и в районе Грязовца [2. С. 62]. Слово осырок встречается редко на территории княжества, отдельными островками, в том числе и в костромском крае (Галич, Антропово, Палкино) [2. С. 62]. За пределами княжества: на территории Пыщугского и Вохомского районов. Слова с корнем сыр-, возможно, принадлежат потомкам одной из этнических групп новгородцев [2. С. 63]. По материалам ККОС, в костромских говорах довольно распространённое слово осырок имеет значения: 1. Усадьба. *Во своей деревне милочка через два осырочка.* (Вохомск.). 2. Участок, на котором стоит дом с хозяйственными постройками, сад, огород. (д. СолдатовоПавинск.). 3. Земельный участок около дома. *Раньше-то весь осырок разрабатывали.* (д. НосковоПыщугск.). 4. Приусадебный участок. *Осырок у нас большой – десять соток.* (д. ИраклихаПыщугск.). Или более конкретно: 1. Огород, где растут овощи. *Сходи в осырок и нарви луку.* (д. АнискиноВохомск.). *Надо на осырок сходить, капустного листа для щей сорвать.* (п. Вохма). *Весь день осырокцистила, осоту нонце уйму наростло, ак так спину-ту и ломит.* (п. Песочный Вохомск.). *Так называют огород. Пойдём осырок полоть.* (д. Плосково Поназыревск.). *В осырке у нас всего помаленьку было: и морковка, и капуста, и лучок, и огурчики, так кой-чего.* (д. МихайловицаМежевск.). *Пойду*

в осырок луку нациплю. (с. Спас Вохомск.). 2. Часть огорода, свободная от грядок. *В осырке уж пора сено косить.* (п. Вохма). *Я на своём осырке сено сушить буду.* (д. Сенькино Вохомск.). 3. Земельный участок около дома для выращивания картофеля, а также под траву для сенокоса. *Вспахали осырок да посадили картошку-то.* (Медведица Павинск.). *Поди в осырок, огреби картошку.* (д. Смородинцы Шарьинск.). *На моём осырке трава плохая уродилась.* (д. Пospelово Вохомск.). *Место это на огороде для покоса. Осырок у вас велик ли?* (с. Николо-Шанга Шарьинск.). *Осырок, огумно – часть поля, огорода, которая используется только для сенокоса. Сходи на осырок, нарви щавеля.* (д. Дегтярёво Павинск.). *Поле за гумном. На осырок поди, зови батьку обедать, чё он не идёт?* (п. Вохма). *Место для косьбы. Осырок надо выбрать хороший, где травы много.* (д. Доброумово Павинск.). 4. Земельный надел в определённое количество соток, который может находиться и не рядом с домом. *Осырок – сорок соток. Был у нас свой осырок.* (п. Талица Вохомск.). *Участок земли, чаще в сорок соток, отданный колхознику в пользование. В осырке-то выкосили уж давно.* (д. Выставка Вохомск.). *Хозяйство крестьянина (до сорока соток), обнесено изгородью. Осырок у нас хороший.* (п. Вохма).

В СРНГ даются сведения о таких значениях слова осырок, как земельный участок с домом, хозяйственными постройками, огородом, садом и т. п.; усадьба (с пометой Костром., а также Вят., Мар. АССР); приусадебный участок (с пометой Костром., а также Вят., Киров., Волог., Горьк.); место, занимаемое хозяйственными постройками (Киров.); часть усадебной земли, занятая под огородом (Киров., Волог., Мар. АССР); огород на низком месте (Новосиб.); часть крестьянской усадьбы, где находится ток для молотьбы и овин (Вят.); участок леса (Мар. АССР) [5. Вып. 24. С. 100]. Подсырок – усадьба, приусадебный участок (с пометами Яросл., Волог.) [5. Вып. 28. С. 210]. В ЯОС слово сыр определяется как крестьянская усадьба; приусадебный участок, занятый овощами; приусадебный участок, где растёт трава для покоса [8. С – Т. С. 94]; осырок – крестьянская усадьба (с указанием на Антроповский район Костромской области) [8. О – П. С. 60]; место, занятое садом и огородом; подсырок – сад, крестьянская усадьба [8. П – Р. С. 37].

В микротопонимии это, например, названия поля, покоса, земельного надела: Галииносырок / Галин осырок / Галииносырок. Поле. *За земляницей на Галииносырок пойду, поди, назрела. Это Маручатский сельсовет. Поле находится недалеко от деревни Кузнецово и деревни Талилово. Оно было дано одной женщине – Галине Петровне, как надел. Она сажала там картофель, а потом сделала себе сенокос. Теперь там косят другие люди, но место так и называется Галииносырком (осырок – огород).* (Вохомск.). Папулиносырок / Папулиносырок. *Папулино – деревня, находилась в четырёх километрах от деревни Макарята. Люди говорили, что деревня названа по имени Мелети Папуленского. Мелетя на Папулиносенокосит, дом у него там, осы-*

рок, Папулиносырок. Мелетиносырок – Мелетя косит. (Вохомск.).

Слово творило встречается редко. Отмечено оно и на костромской территории (Кологрив, Мантурово). Имеет место данная лексема и за пределами княжества, в том числе и на территории Костромской области: в Межевском, Шарьинском, Пыщугском, Вохомском районах. Носителями этих слов предположительно являются потомки одной из этнических групп новгородцев, «которые смешались с носителями слов с корнем сыр-» [2. С. 63]. В ЯОС даются следующие значения слова творило: крестьянская усадьба (в том числе и в Галичском районе Костромской области); приусадебный участок; в старой деревне – земельный надел крестьянина из общей площади, подлежащий разделу; западня; творина – крестьянская усадьба (в Антроповском районе Костромской области) [8. С – Т. С. 99].

По материалам ККОС: *Огород это.* (с. Заветлужье Пыщугск.); *У меня в деревне-то большое творило было, а здись одна грядка.* (г. Кологрив); *В этом году в твориле всегоросло.* (д. Терёхино Октябрьск.); *Пойду на творило, откопну картошки.* (п. Полдневица Поназыревск.); *Огород, земельный участок. У них в деревне-то творило хорошее было.* (с. Никола Межевск.); *Осырок, огородец, хозяйство, обнесённое изгородью. Творило у меня большое.* (с. Вохма). В костромской микротопонимии лексема творило соответственно также встречается редко: *Творило – средний лес в четырёх километрах от деревни Чмутово. Сходи, дед, в Творило, намери грибов.* (д. Чмутово Галичск.).

Рассматриваемая нами лексика относится к группе слов, обозначающих и усадьбу в целом, и какие-то её части. По принципам наименования это названия целого по части, поскольку, обозначая сначала соответствующие части усадьбы, они могли затем при сохранении первоначального значения обозначать и усадьбу в целом. При этом одни утрачивали своё первое значение, а другие, по причине распространения литературного слова усадьба, стали употребляться только в прежнем своём значении. Наименования, обозначающие усадьбу в целом, образовывались обычно лексико-семантическим способом, на основе ассоциации с названиями отдельных частей усадьбы (например, творило), различных угодий (например, осырок, подсырок) и т. д. Наименования, обозначающие часть усадьбы, образовались суффиксальным или префиксально-суффиксальным способом (например, печище, подсырок). В микротопонимии продуктивен лексико-семантический способ (творило → Творило, печище → Печище). Описательные конструкции чаще создаются на основе антропонимов (Галииносырок, Милетиносырок).

Ареалы распространения рассматриваемых нами лексем уточняются при создании карт ЛАРНГ в соответствии с Программой (карты ЛСЛ 7 001, ЛСЛ 7 002 темы «Огородничество» и карты ЛСЛ 16 001, ЛСЛ 16 002 темы «Крестьянское жилище») [3. С. 143 – 144; 214 – 215].

Количество имеющихся в наших материалах ми-

крупнопонимов изучаемой тематики невелико, однако они являются свидетельством наличия исследуемых лексем в костромских говорах, а также дополнением к сведениям лингвистической карты Г.Г. Мельниченко,

расширяющим их значения и ареалы распространения на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества и за его пределами.

Библиографический список

1. Мельниченко Г.Г. Лингвистические карты. Приложение к книге «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование)». Ярославль, 1974. 94 с.
2. Мельниченко Г.Г. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. Ярославль: ЯГПИ, 1974. 271 с.
3. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Научно-методическое пособие. СПб.: изд. ИЛИ РАН, 1994. – 336 с.
4. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Т. 4. СПб.: изд-во С.-Петербургского ун-та, 1990. – 688 с.
5. Словарь русских народных говоров. М., Л., СПб., 1965. 2011.
6. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 15. М.: Наука, 1989. 285 с.
7. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., Л., 1950 – 1965.
8. Ярославский областной словарь. Учебное пособие. Ярославль: изд. ЯГПИ, 1981 1990.

References

1. Melnichenko G.G. Linguistic cards. The annex to the book “Some lexical groups in modern dialects in the territory of the Vladimiro-Suzdalsky principality of XII – the head of the XIII century. (Territorial distribution, semantics and word formation)”. Yaroslavl, 1974. – 94 pages.
 2. Melnichenko G.G. Some lexical groups in modern dialects in the territory of the Vladimiro-Suzdalsky principality of XII – the head of the XIII century Yaroslavl: YaGPI, 1974. – 271 p.
 3. Program of collecting of data for the Lexical atlas of the Russian national dialects. Scientific and methodical grant. SPb. : prod. OR Russian Academy of Sciences, 1994. – 336 pages.
 4. Dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent areas/Hl. edition. A.S. Gerd. T. 4 . SPb. : Page publishing house - Petersburg un-that, 1990. – 688 p.
 5. Dictionary of the Russian national dialects. M, L. SPb. 1965 – 2011 .
 6. The dictionary of Russian of XI – XVII of centuries Vyp. 15 . M: Science, 1989. – 285 pages.
 7. Dictionary of the modern Russian literary language: In 17 t. M, L. 1950 – 1965 .
 8. Yaroslavl regional dictionary. Manual. Yaroslavl: prod. YaGPI, 1981 – 1990.
-

В.В. ЧАРКИН

аспирант кафедры истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета
E-mail: chessman-box@mail.ru

V.V. CHARKIN

postgraduate student of history of Russian Literature
Department XI- XIX centuries, Orel State University
E-mail: chessman-box@mail.ru

РОЛЕВАЯ ЛИРИКА С.Я. НАДСОНА

THE ROLE LYRICS OF S.Y. NADSON

В статье рассматривается репрезентация авторской позиции в ролевой лирике С.Я. Надсона. Приводятся точки зрения исследователей по проблеме функционирования ролевой лирики. Устанавливается, что основной формой выражения авторского сознания является «я» героя, сознание которого принципиально отличается от авторского.

Ключевые слова: лирика С.Я. Надсона, автор, ролевая лирика, герой ролевой лирики, способ выражение авторского сознания.

In the article is examined the representation of author's position in the role lyrics of S.Y. Nadson. The points of view of researchers on the problem of the functioning of role lyrics are given in this article as well. It is established that the basic form of the expression of author's consciousness is "self-concept" of the hero, whose consciousness principally is differed from the author's.

Keywords: Nadson's lyrics, the author, role lyrics, the hero of role lyrics, the method of the expression of the author's consciousness.

Одной из форм представления авторского сознания является ролевая лирика, в которой «выражаются переживания лица, заметно отличающегося от автора» [13, с. 352].

Термин «ролевая» по отношению к лирике впервые был использован Влад. Вас. Гиппиусом (Басманов, Вл.; Бестужев, Вл.; В.; Владимир Г.; Г-ъ, Вл.; Нелединский, Вл.; Сумароков) в статье «Некрасов в истории русской поэзии XIX века», в которой отмечалось: «От Кольцова к Некрасову идет и вся вообще традиция ролевых стихотворений, герой которых наделен социально-психологической характеристикой именно как герой из народа. Но Некрасов пошел на этом пути гораздо дальше Кольцова. Кольцов и в ролевых своих стихотворениях оставался, прежде всего, лириком. Основным поэтическим заданием его было не создание образа-характера, а то лирическое содержание, которое с этим образом соединялось» [3, с. 267-268].

Понятие «герой ролевой лирики» достаточно долго не было востребовано в литературоведении. Вводились иные термины, которые значительно проигрывали по своей смысловой наполненности: Н.Л. Степанов предлагал героя, сознание которого принципиально отличается от авторского, называть «лирический персонаж» [11, с. 109-110], Л.А. Плоткин – «объективный» герой [10, с. 35], Д.Е. Максимов использовал термин «условный лирический персонаж» [5, с. 9].

Специфика лирики, принципиально отличающейся от автопсихологичной, была выявлена Б.О. Корманом. «Сущность «ролевой» лирики заключается в том, что автор в ней выступает не от своего лица, а от лица раз-

ных героев. Здесь используется лирический способ овладения эпическим материалом: автор дает слово героям, явно отличным от него. Он присутствует в стихотворениях, но скрыто, как бы растворившись в своих героях, слившись с ними», – отмечал исследователь [4, с. 165].

Особый акцент Б.О. Корман делал на стилистических особенностях ролевой лирики, в которой «стилистически окрашенное слово несет однозначно характеристическую функцию: оно помогает соотнести образ «я» с определенной социально-бытовой и культурно-исторической средой. В лирических же стихотворениях, где выступают автор-повествователь, собственно автор или лирический герой, сочетание и смена разнородных стилистических элементов передают сложное движение авторской мысли и чувства» [4, с. 166].

Однако существовала и другая точка зрения. «Определение Кормана внутренне противоречиво, как и сам термин: если «ролевая», то не лирика; если голос героя является ведущим и впитывает в себя голос самого автора, то опять-таки, речь идет уже не о лирике, а о произведении лиро-эпическом» [2, с. 56]. С подобной трактовкой ролевой лирики согласиться трудно, так как часто в лирическом стихотворении, маркированном чужой, стилистически окрашенной речью, нет событийного плана, который является обязательной чертой любого лиро-эпического произведения.

Несколько сомнительной представляется точка зрения С.Н. Бройзмана, утверждающего, что в ролевой лирике выделяются два субъекта, которые всегда «вну-

тренне связаны», а герой никогда полностью не отделен от автора. Если с первой частью тезиса исследователя можно согласиться, то вторая требует некоторой корректировки, так как персонаж, от лица которого делается лирическое признание, чаще всего бывает носителем совершенно иного сознания. Героем ролевой лирики, как правило, становится представитель иной среды или социальной группы, иного гендерного типа.

Можно предположить, что умозаключение С.Н. Бройтмана выстроено на основе анализа лирики А.А. Блока, в которой, действительно, персонажи: раб («Я – тварь дрожащая...», «Я миновал закат багряный...»), рыцарь («Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...»), отрок («Я, отрок, зажигаю свечи...»), иннок («Никто не скажет: Я безумен»), демон («Прижмись ко мне крепче и ближе», «Иди, иди за мной – покорной...»), Гамлет («Я – Гамлет. Холодеет кровь...»), Петр I («Дни и ночи я безмолвен...») и т.д. выражают авторское «я» и передают мироощущения самого поэта. И в таком случае, на наш взгляд, речь идет не о герое ролевой лирики, а о герое-маске, персонаже, при создании которого «автор прямо указывает на отождествление себя и маски»[7, с. 261].

Если основным образом стихотворения становится герой-маска, то происходит слияние «я» автора и голоса персонажа, от лица которого делается лирическое признание. На уровне стилистики текста автор и герой также не разделяются. Сознание героя ролевой лирики, напротив, имеет ярко выраженную стилистическую окрашенность, как правило, не имеющую аналогов в автопсихологичной лирике автора. Именно поэтому «каждое из произведений “ролевой” лирики более или менее однородно, тогда как в лирике, где выступают собственно автор, повествователь и лирический герой, могут сочетаться и широко использоваться в пределах одного стихотворения и традиционный фольклорный оборот, и просторечное выражение, и высокая книжная лексика»[7, с. 260].

Основная форма ролевой лирики – монолог, указывающая на то, что предметом изображения становятся духовные переживания героя. В стихотворении С.Я. Надсона «Мать» лирическое признание делается от лица героини. Следует отметить, что автор на грамматическом уровне разграничивает собственно авторское начало, выраженное на уровне номинации текста, и сознание героини. Для этого используется грамматическая форма женского рода: «я разрыдалась». Однако появляется она только в последней строфе, а через весь текст проходит обобщенная форма «мы», которой подчеркивается духовная близость матери и ее детей: «Полно, не плачьте: быть может, и справимся, ...// Добрые люди помогут – оправимся...»[8, с. 67]

Эмоциональное состояние героини, ее отчаяние передают риторические вопросы и восклицания:

Спите, ребятки; умаялись ноженьки:
Шутка ль семь верст отхватать?
Вон уж и то износились сапоженьки;
Новых-то негде достать.

Холодно? Натё, закройтесь, родимые...

Дров ни полена, – беда!

Трудно мне, детушки, трудно, любимые,
Давит злодейка нужда[8, с. 67].

Героиня представлена в тексте как личность, бесконечно любящая своих детей и способная ради них преодолевать трудности. Тревога и страх за их жизни являются чувствами, определяющими ее внутреннее состояние.

Стихотворение С.Я. Надсона представляет собой своеобразное развитие темы, заданной в стихотворении Н.А. Некрасова «Еду ли ночью по улице темной...», что проявляется как идейно-тематическом уровне, так и на уровне формы: произведения написаны дактилем.

Оба произведения являются развитием темы женской доли. В стихотворении Н.А. Некрасова представлено сознание героя-разночинца, который размышляет о жизни гражданской жены, у С.Я. Надсона передан монолог женщины, похоронившей мужа. Сходство текстов заключается и в том, что исповедь героев вызвана похожими жизненными ситуациями: беспросветная нужда, трагическая предопределенность будущего, смерть (в стихотворении Н.А. Некрасова – ребенка, в стихотворении С.Я. Надсона – мужа героини).

Определенное влияние на содержательную сторону стихотворения С.Я. Надсона оказала и поэма Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос». Событийным центром этого лиро-эпического произведения являются похороны крестьянина («Как водится, в яму спустили./ Засыпали Прокля землей./ Поплакали, громко повыли./ Семейю пожалели...») и размышления о судьбе его семьи:

За Дарьей – соседей, соседок
Плелась негустая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь незавидна судьба,
Что Дарье работы прибудет,
Что ждут ее черные дни...[9, с. 335]

В стихотворении С.Я. Надсона трагический пафос также определяется потерей кормильца:

Трудно мне, детушки, трудно, любимые,
Давит злодейка нужда.
Мужа сегодня на денежки медные
Скрыли в могиле сырой[8, с. 67].

При этом в поэме Н.А. Некрасова Дарья – сильная женщина, которая готова на любую работу, а надсоновская героиня – слаба физически («Грудь истомили болезнь и страдание,/ Силушки нет работать...»).

Стихотворение «Мать» осложнено внутренним конфликтом, которого нет в поэме Н.А. Некрасова. Героиня понимает, что выжить ее дети смогут только, если она сможет переступить через свою гордость и пойдет просить милостыню:

Страшно, родные, просить подаяния,
В холод под вьюгой стоять.
Страшно, родные, людского презрения.

Страшно насмешек людских.
Много любви и немного смирения
Надо чтоб вытерпеть их[8. с. 67]

Представление об эмоциях героини дается развернутой анафорой «страшно, родные» и усиливается повтором лексемы «страшно». Так, внутренний мир надсоновской героини оказывается противопоставленным миру внешнему, наполненному злом, и автор, как и в большей части автопсихологичной лирики, то есть в стихотворениях с субъектной организацией, утверждает, что противостоять жестокости мира невозможно.

Следует отметить, что некоторые идеи стихотворения С.Я. Надсона были развиты его современником К.М. Фофановым. Основу фофановского стихотворения «Молитва» составляет конфликт героини и общества, а типологическое сходство обнаруживается в развитии мотива противостояния жестокого мира и личности.

В стихотворении К.М. Фофанова также представлено сознание женщины, которая страдает из-за «людского презрения». А система анафор, передает состояние героини:

Дева Пречистая, мать Господняя,
Много обид протерпела сегодня я,
Много страданий и много гонения.
Больше роптала – нет сил для терпения[12, с. 110]

Если героиня К.М. Фофанова обращается с молитвой к Богородице, потому что «неспособна защитить себя от завистливого и жестокого мира»[6, с. 164], то героиня С.Я. Надсона убеждена, что терпение и любовь к людям помогут ей смириться с унижением.

Стилистика текстов раскрывает принадлежность героинь к народной среде. В стихотворении С.Я. Надсона использованы обороты: «умаялись ноженьки», «Шутка ль семь верст отхватать?», «Давит злодейка нужда», «Завтра пойду я с сумой...» и т.д. У К.М. Фофанова – «мною забитою», «толчки-то темные», «сердце любви исполнено».

Обращение к внутреннему миру женщины и особенностям ее сознания вызвано стремлением показать полную трагизма жизнь России. Женщина в представлениях поэтов эпохи безвременья оказывается наиболее незащищенной от жестокого мира.

Стихотворение «Чтоб вы все поняли, – начну изда-лека...» является рассказом о детстве другого персонажа ролевой лирики. Героиня стихотворения – свободолубивая девушка, выросшая в семье простых рыбаков. Она с детства впитала дух свободы. Очевидно поэтому, она представлена поэтом как дитя моря. Удивительное проникновение в мир природы, полное слияние с ним – основная черта героини стихотворения.

Произведение С.Я. Надсона становится утверждением идеи женской свободы, которая формируется несмотря ни на какие жизненные трудности и помогает выстоять в любых испытаниях.

Примером ролевой лирики С.Я. Надсона является стихотворение «Он к нам переехал прошедшей весной...», в котором также представлено женское сознание. Героиня стихотворения – пожилая женщина, которая почувствовала искреннюю материнскую любовь к совершенно постороннему человеку.

В стихотворении возникает антитеза столицы и тихого уголка на берегу моря. Если столица губит людей, то спокойная и гармоничная жизни рядом с природой возрождает к жизни.

Однако главным является образ героини, которая оказывается способной на настоящее глубокое чувство и самоотречение ради спасения жизни чужого человека.

Анализ текстов позволяет сделать вывод, что женщина в ролевой лирике С.Я. Надсона идеализирована. Каждая из героинь оказывается сильной личностью, готовой нести добро.

Таким образом, в ролевой лирике проявляются особенности мировосприятия С.Я. Надсона. Его героини – яркие личности, способные на открытое проявление чувств. По этому качеству героини ролевой лирики являются своеобразным развитием образа героини любовной лирики поэта. Даже обреченность на страдания не делает их слабыми и беззащитными. Создается устойчивое впечатление, что женщина в художественном мире поэта оказывается более душевно сильной, чем мужчина. В ней почти нет рефлексии, зато проявляется страстное стремление облегчить жизни и защитить любимых людей. Обращение к воспроизведению женского сознания доказывает потребность С.Я. Надсона придать своей лирике более универсальный и обобщенный характер.

Библиографический список

1. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX-начала XX века в свете исторической поэтики. М.: Изд-во РГГУ, 1997. 310 с.
2. Гаркави А.М. Проблема родовой классификации литературных жанров и некоторые возможности изучения лирики Н.А. Некрасова // Жанр и композиция литературного произведения. Межвуз. сборник. Калининград: Изд-во КГУ, 1976. Вып. 2. С. 49–63.
3. Гиппиус В.В. Некрасов в истории русской поэзии XIX века // От Пушкина до Блока / Отв. ред. Г. М. Фридляндер. М.–Л.: Наука, 1966. С. 267–268.
4. Корман О.Б. Лирика Н.А. Некрасова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1964. 390 с.
5. Максимов Д.Е. О лирике Лермонтова // Литературная учеба 1939. №4. С. 7–33.
6. Малыгина Т.В. Авторское сознание в лирике К.М. Фофанова: диссер. ... канд. филол. наук. Орел: ОГИИК, 2005. 196 с.
7. Максимов Д.Е. О лирике Лермонтова // Литературная учеба. 1939. № 4. С. 7–33.
8. Мартынов Е.Ю. Механизмы ввода героя-маски А.А. Блока в художественное произведение. Прямая и косвенная номинация // Молодой ученый. 2012. №6. С. 260–264.
9. Надсон С.Я. Полное собрание стихотворений: Подготовка текста и примечания Ф. И. Шушковой: М.–Л.: Советский писатель, 1962. 504 с.
10. Некрасов Н.А. Мороз, Красный нос // Сочинения в 3-х томах. Т. 1. М.: Худ. лит., 1959. С. 321–355.

11. Плоткин Л.А. Писатель и эпоха: статьи/ Сост. Н.Н. Наумова; вступ. ст. А. Павловского. Л.: Сов. писатель, 1981. 496 с.
12. Степанов Н.Л. Лирика Пушкина. М.: Сов. писатель, 1959. 414 с.
13. Фофанов К.М. Стихотворения (1880-1887). СПб.: Книгоизд-во Г. Гоппе, 1887. 182 с.
14. Хализов В.Е. Теория литературы М.: Высшая школа, 2002. 438 с

References

1. Broitman S.N. Russian lyrics of the XIX - beginning of XX century in the light of historical poetics. M: Publishing house of the RSUH, 1997. 310 p.
 2. Garkavi A.M. Problem generic classification of literary genres and some possibilities of studying lyrics N.A. Nekrasov // Genres and composition of the literary work. Interuniversity collection. Kaliningrad: Publishing house KSU, 1976. Vol. 2. P. 49-63.
 3. Gippius V.V. Nekrasov in the history of Russian poetry of the XIX century//From Pushkin to Block / Executive editor M. Friedlander. M.-L.: Nauka, 1966. P. 267-268.
 4. Corman O.B. Lyrics N.A. Nekrasov. Voronezh: Publishing house of Voronezh state University, 1964. 390 p.
 5. Maksimov D.U. About the lyrics Lermontov// Literary studies 1939. №4. P. 7-33.
 6. Malygina T.V. Author's consciousness in the lyrics by K.M. Fofanov: dissertation of candidate of philological Sciences. Orel,: OSIIC, 2005. 196 p.
 7. Martyanov E.J. Mechanisms input hero mask A.A. Block in a work of fiction. Direct and indirect nomination // Young scientist. 2012. №6. P. 260-264.
 8. Nadson S.J. Complete collection of poems: Preparation of the text and notes F. I. Шушковой: М-HP Soviet writer, 1962. 504 p.
 9. Nekrasov N.A. The frost, the Red nose// Works in 3 volumes. Vol. 1. M: Artistic literature., 1959. P. 321-355.
 10. Plotkin L.A. Writer and the epoch articles/ Comp. N.N. Naumova; introductory article by A. Pavlovsky. L.: Soviet writer, 1981. 496 p.
 11. Stepanov H.J. Lyrics of Pushkin. M.: Soviet writer, 1959. 414 p.
 12. Fofanov K.M. Poems (1880-1887). SPb.: Publisher G.Goppe, 1887. 182 p.
 13. Khalizev V.E. Theory of literature M.: Higher school, 2002. 438 p.
-

УДК 378.141.21:355.235.212

UDC 378.141.21:355.235.212

М.Ю. БОЕВ

кандидат исторических наук, проректор по дополнительному образованию и воспитательной работе
Орловского государственного университета
E-mail: Ahim88@rambler.ru

M.Y. BOEV

candidate of historical sciences, vice president for additional
education and education work, Orel state university
E-mail: Ahim88@rambler.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИЕМА ВОСПИТАННИКОВ В КАДЕТСКИЕ КОРПУСА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX ВВ.

LEGAL AND REGULATORY FRAMEWORK FOR ENROLLMENT IN CADET CORPS OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE LATE 19TH CENTURY AND THE EARLY 20TH CENTURY

В статье на основе анализа нормативно-правовых актов анализируются нормы, требования и правила приема воспитанников в кадетские корпуса Российской Империи. Выявляется динамика изменений нормативного регулирования порядка функционирования кадетских корпусов в связи с проводившимися в конце XIX-начале XX вв. государственными преобразованиями в военной сфере.

Ключевые слова: кадетские корпуса, военно-учебные заведения, нормативно-правовое регулирование, государственные преобразования в военной сфере.

On the basis of government regulations study the article analyzes the norms, requirements and rules of enrolling applicants in cadet corps of the Russian Empire. The dynamics of changes in regulatory regime of functioning of cadet corps in connection with the state reforms in the military sphere at the end of the 19th century – the beginning of the 20th century.

Keywords: cadet corps, military schools, legal and regulatory framework, state reforms in the military sphere.

Военно-учебная система Российской Империи, пройдя длительный путь развития, к концу XIX-началу XX вв. включала несколько уровней: начальную военную подготовку, среднеспециальную и высшую. Важнейшая роль в этой системе принадлежала кадетским корпусам.

Кадетские корпуса были организованы в 1882 г. на базе военных гимназий. Последние появились в 1863 г. в результате военных реформ Д.А. Милютин и по своей организации приближались к учебным заведениям министерства просвещения. В них отсутствовало деление кадет на роты, на воспитательские должности назначались гражданские педагоги, так как их работа не должна была носить специфического, военного характера. Большую часть воспитанников гимназий составляли дети дворян, главным образом офицеров и чиновников, зачисленных в интернат на казенный счёт. Однако наряду с этим к приёму допускались и лица недворянского происхождения. Кроме того, приём на казенные вакансии был несколько затруднён введением в 1873 г. конкурсного экзамена.

С восшествием на престол императора Александра III принцип организации военных гимназий был подвергнут существенному пересмотру. На наш взгляд, можно чётко выделить три причины реформы. Во-первых, общегражданская воспитательная система гимназий не формировала у воспитанников отношения к военной службе как единственно возможной карьере дворянина. Это приводило к тому, что значительная часть

выпускников военных гимназий отказывалась продолжать образование в военных училищах, а незанятые там вакансии активно занимались выходцами из других сословий. Во-вторых, военные гимназии при комплектовании контингента воспитанников не реализовывали в полной мере благотворительный принцип. То есть, помимо детей заслуженных или малообеспеченных офицеров принимались за плату как в интернаты, так и приходящими учениками мальчики из обеспеченных семей. В-третьих, царская администрация стремилась максимально ограничить доступ в военно-учебные заведения лицам недворянского происхождения, а система приёма в военные гимназии этого не обеспечивала. Все вышесказанное явилось основанием для появления высочайшего повеления от 21 июня 1882 г. о переименовании военных гимназий в кадетские корпуса и высочайше утверждённого 14 февраля 1886 г. «Положения Военного Совета» о кадетских корпусах [1].

В 1886 учебном году Александровский корпус, согласно плану реформ кадетских корпусов военного министра П. С. Ванновского [2, с. 294-298], начал трансформироваться из военно-учебного заведения, предназначенного исключительно для приходящих учеников, в интернат. Такое изменение условий обучения шло параллельно с изменениями условий приема в корпус. Если до 1886 года в корпус принимались на обучение «сыновья лиц всех сословий», то теперь в корпусе руководствовались правилами приема, установленными для всех российских кадетских корпусов.

Между тем, с 1882 года, когда военные гимназии были переименованы в кадетские корпуса, то есть с момента начала кардинальных реформ в системе военно-учебных заведений, правила приема неоднократно менялись. В связи с этим представляется необходимым хотя бы в общем виде проследить изменения правил приема в кадетские корпуса, начиная с 1882 года.

С 1882 по 1884 год кадетские корпуса пользовались правилами приема, установленными в апреле 1882 года для военных гимназий. Минимальный возраст при поступлении в младший первый класс определялся в 10 лет. По вносимой плате все воспитанники подразделялись на казеннокоштных, обучавшихся за счет государства, своекоштных, за которых платили родственники или опекуны, и стипендиатов, получавших необходимые средства от различных организаций, отдельных благотворителей. Своекоштные и стипендиаты в свою очередь делились на пансионеров, живших в интернатах при корпусах, и приходящих учеников, которые только посещали занятия.

Кандидаты, претендовавшие на вакансии казеннокоштных пансионеров, распределялись на 13 разрядов, по очередности которых они допускались к вступительному экзамену. Эти разряды включали:

1. Сыновей генералов, штаб- и обер-офицеров, убитых на войне или умерших от ран, на войне полученных, погибших на службе в мирное время или «лишившихся зрения или ума от усиленных служебных обязанностей». К первому разряду причислялись также дети погибших на войне, сошедших с ума или ослепших чиновников всех ведомств, но только в том случае, если отцы их принадлежали к потомственному дворянству.

2. Круглые сироты генералов, штаб- и обер-офицеров.

3. Сыновья кавалеров ордена св. Георгия всех степеней.

4. Сыновья офицеров, чиновников военного ведомства и принадлежащих потомственному дворянству гражданских чиновников, которые состояли под покровительством комитета о раненых.

5. Сыновья генералов и «все молодые люди, числящиеся Пажами Высочайшего Двора».

6. Полусироты штаб-офицеров.

7. Полусироты обер-офицеров.

8. Сыновья штаб- и обер-офицеров, награжденных орденами св. Владимира 3 и 4 степеней с мечами.

9. Сыновья полковников.

10. Сыновья преподавателей, воспитателей, как военных так и гражданских, прослуживших не менее 5 лет в военно-учебном ведомстве.

11. Сыновья штаб- и обер-офицеров, награжденных орденами св. Анны и св. Станислава всех степеней с мечами, а также знаком отличия военного ордена.

12. Сыновья штаб-офицеров ниже чина полковника.

13. Сыновья всех обер-офицеров и военных священников.

В каждый из приведенных разрядов могли быть включены в соответствии со служебным положением отцов сыновья военных медиков и «классных чиновников всех ведомств, имевших отличия за военные заслуги».

Своекоштными пансионерами и приходящими учениками в первую очередь могли стать имевшие право обучаться на казенный счет и, кроме того, сыновья чиновников всех ведомств как из потомственных, так и из личных дворян.

В том случае, если количество претендентов было больше числа имеющихся вакансий, устраивались экзамены. От сдачи экзаменов были освобождены только стипендиаты. При этом, однако, как уже отмечалось, казеннокоштные допускались к сдаче экзаменов в порядке старшинства разрядов, а своекоштные и приходящие только после казеннокоштных.

Но уже 7 апреля 1884 года с целью усиления деятельности корпусов «благотворительного принципа» были высочайше утверждены новые правила приема в кадетские корпуса [3]. Все претенденты делились на 14 разрядов, сходных с теми 13-ю, что существовали по правилам 1882 года. Однако для них было введено новое весьма существенное ограничение. Казеннокоштными воспитанниками могли быть отныне зачислены сыновья только тех офицеров и чиновников, военных священников, которые пробыли на действительной военной или морской службе не менее 10 лет или «хотя не выслужили этого срока, но приобрели право на сохранение при отставке мундира». Требование это не распространялось на первые четыре разряда, то есть на детей офицеров и чиновников, погибших на войне или при исполнении служебных обязанностей в мирное время, круглых сирот, сыновей кавалеров ордена св. Георгия всех степеней и лиц, получивших тяжелые ранения. Более того, для этих категорий были отменены вступительные экзамены, что поставило их в крайне благоприятное положение по отношению к другим кандидатам. Принятые меры свидетельствуют об усилении принципа благотворительности, за который так ратовал военный министр П.С. Ванновский. Руководствуясь этим же принципом, были проведены изменения и в содержании других разрядов.

Еще более значительные перемены внесли правила 1884 года в прием своекоштных пансионеров. В большинстве кадетских корпусов эти вакансии отныне могли занимать дети всех офицеров, без различия сословий и потомственных дворян, независимо от того занимали они чиновничьи должности или не служили. При этом правила особо подчеркивали, что в первую очередь своекоштными следует принимать тех, кто обладает правом обучения на казенный счет.

Правила 1884 года были положены в основу соответствующего раздела «Положения военного совета о кадетских корпусах, высочайше утвержденного 14 февраля 1886 года». При этом пансионеры стали именоваться интернами, а приходящие ученики – экстернами. Вскоре после принятия этого документа по инициативе П. С. Ванновского было начато активное сокраще-

ние среди кадетов доли экстернов, и в первую очередь тех из них, кто не принадлежал к дворянству. Именно с этой целью, например, Александровский кадетский корпус реорганизовали в интернат.

В ноябре 1887 года в правила приема были внесены изменения, согласно которым экстернами во все корпуса, за исключением Николаевского, могли поступать исключительно обладавшие правом приема на казенный счет, да и то только в три младших класса.

Таким образом, изменения, внесенные в правила приема в 1884-87 годах, сделали большинство кадетских корпусов недоступными для детей купцов, мещан или крестьянства.

В 1898 году были разработаны новые правила приема воспитанников в кадетские корпуса, которые вводились как временные, сроком на пять лет. В общем, правила приема 1898 года сохранили существующую систему. Условия приема экстернов и своекоштных интернов не претерпели никаких изменений. Казеннокоштные воспитанники также сохранили свой состав, но вместо 14-ти разрядов были разделены на девять.

Наиболее существенным нововведением, заключавшемся в правилах 1898 года, была замена для претендентов на казенные вакансии вступительных конкурсных экзаменов баллотировкой. То есть если раньше в пределах каждого отдельного разряда между претендентами происходило соревнование, позволявшее отобрать наиболее способных учеников, то теперь из списков претендентов путем жеребьевки избиралось столько человек, сколько имелось вакансий. Это говорит о том, что Главное управление военно-учебных заведений (ГУВУЗ) вынуждено было идти на снижение уровня успеваемости кадет ради усиления благотвори-

тельного принципа при отборе претендентов в корпуса.

После того как истек пятилетний срок, установленный для испытания правил 1898 года, они были утверждены с 1903 года как постоянно действующие [4], при этом несколько разрядов казеннокоштных воспитанников было вновь объединено и их общее количество сократилось до шести.

Последнее крупное преобразование правил приема в кадетские корпуса было произведено в 1906 году [5]. В условиях значительного превышения количества претендентов над числом имеющихся в корпусах вакансий, по решению Военного совета, для всех поступающих были восстановлены конкурсные экзамены. Право приема на казенный кошт по самому высшему первому разряду получили сыновья подпрапорщиков, если их отцы участвовали в боях и были награждены знаками отличия военного ордена или состояли под покровительством комитета о раненых по первому или второму разрядам. Под напором общественного мнения правительство было вынуждено несколько поступиться принципом сословности и разрешило поступать своекоштными интернами во все кадетские корпуса сыновьям лиц всех сословий, кроме сыновей и внуков лиц, родившихся в иудейской вере. Однако преимущественным правом на обучение за свой счет по-прежнему пользовались те кандидаты, которые могли быть приняты казеннокоштными.

Итак, изменения правил приема на протяжении всего рассматриваемого периода имели своей целью, с одной стороны, обеспечить сословный характер кадетских корпусов, с другой стороны, создать условия для более полной реализации на практике «благотворительного принципа» комплектования корпусов воспитанниками.

Библиографический список

1. Положение Военного совета о кадетских корпусах, высочайше утверждённое 14 февраля 1886 г. // ПСЗ. СПб., 1888. Собр. 3. Т. 6. С. 59-77.
2. *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий. 1881-1903. М., 1973.
3. Положение Военного совета об изменении правил приёма малолетних в кадетские корпуса, высочайше утверждённое 7 апреля 1884 г.// ПСЗ. СПб., 1887. Собр. 3. Т. 6. С. 59-77.
4. Правила о приёме в кадетские корпуса казённокоштных и своекоштных интернов, высочайше утверждённое 7 сентября 1903 г.// ПСЗ. СПб., 1905. Собр. 3. Т. 23. С. 917.
5. Приёмные правила и программы для поступления в разные классы кадетских корпусов, принятые в 1906 г. СПб., 1913. 137 с.

References

1. The Statute of the Military Council Concerning Cadet Corps, His Imperial Majesty's Edict of February 14th, 1886. // Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Saint Petersburg, 1905. Collected works 3, volume 23, pp. 59-77.
2. *Zaionchkovskiy P.A.* Autocracy and the Russian Army at the turn of the 19th century. 1881 – 1903. Moscow, 1973.
3. The Statute of the Military Council Concerning Changes in the Rules of Enrolling Minors in Cadet Corps, His Imperial Majesty's Edict of April 7th, 1884. // Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Saint Petersburg, 1887. Collected works 3, volume 6, pp. 59-77.
4. The Rules Concerning Enrolment of interns educated at the expense of the crown and fee-paying interns in Cadet Corps, His Imperial Majesty's Edict of September 7th, 1903. // Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Saint Petersburg, 1905. Collected works 3, volume 23, p. 917.
5. The Rules of Enrollment and Programs for Entering Different Categories of Cadet Corps Enacted in 1906. Saint Petersburg, 1913. 137 p.

УДК 378.124.082:355.235.12

UDC 378.124.082:355.235.12

М.Ю. БОЕВ

кандидат исторических наук, проректор по дополнительному образованию и воспитательной работе
Орловского государственного университета
E-mail: Ahim88@rambler.ru

M.Y. BOEV

candidate of historical sciences, vice president for additional education and education work, Orel state university
E-mail: Ahim88@rambler.ru

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОТРУДНИКОВ РОССИЙСКИХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ
В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.**

**THE LEGAL STATUS OF RUSSIAN CADET CORPS' EMPLOYEES
AT THE END OF THE 19TH CENTURY – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY**

В статье рассматриваются различные аспекты правового статуса сотрудников российских кадетских корпусов. В том числе исследуются права и обязанности всех корпусных служащих, порядок и процедуры утверждения в должности и увольнения из корпуса, условия продвижения по должности. Также рассматриваются вопросы соотношения компетенций Главного управления военно-учебных заведений и корпусной администрации при реализации кадровой политики на местах.

Ключевые слова: сотрудники кадетских корпусов, правовой статус, процедуры утверждения и увольнения из кадетского корпуса, Главное управление военно-учебных заведений.

The article considers different aspects of the legal status of Russian Cadet Corps' employees. The rights and responsibilities of all the corps' employees are studied, the order and the procedures of confirmation to a post and firing from the cadet corps as well as the conditions of promotion are outlined. The questions of correlation of the Main Headquarters of military schools and the Corps Administration when carrying out personnel policies at the local level are considered.

Keywords: cadet corps employees, legal status, procedures of confirmation to a post and firing from the cadet corps, Main Headquarters of military schools.

Правовой статус большей части сотрудников российских кадетских корпусов был достаточно высок. Это следует из оценки прав и обязанностей различных категорий служащих корпусов, которые были подробно расписаны в «Положении Военного Совета о кадетских корпусах», высочайше утверждённом 14 февраля 1886 г. [1, С. 60-70].

Особое значение в определении правового положения, должностных прав и обязанностей сотрудников кадетских корпусов выполняло Главное управление военно-учебных заведений. В августе 1863 г. Александр II утвердил «Положение о Главном управлении военно-учебных заведений» и его штат. Согласно принятым документам под руководством Управления находились все сухопутные кадетские корпуса, Пажеский корпус, Константиновское военное училище, Николаевское училище гвардейских юнкеров, Аудиторское училище и все училища военного ведомства. Все три военные Академии, а также артиллерийское и инженерное училища ГУВУЗ не подчинялись. В 1864 г. Аудиторское училище перешло из ведения ГУВУЗ под руководство генерал-аудитора, а после создания Главного военно-судного управления подчинено ему. Так был заложен принцип, по которому власть ГУВУЗ не распространялась на высшее академическое

военное образование и на заведения, готовившие офицеров для специальных родов войск. Эта особенность сохранилась неизменной на протяжении всего существования Главного управления и являлась постоянным предметом дискуссий среди военных теоретиков. Особенно часто высказывалось мнение о желательности передачи ГУВУЗ артиллерийских училищ, но реализованы эти планы так и не были.

Обособый параграф «Положения» указывал, что в ГУВУЗ должны сосредотачиваться все дела: а) по личному Составу подведомственных ему заведений; б) по определению в заведения и выпуску из них воспитанников; в) по воспитанию и образованию воспитанников; г) по хозяйству заведений. Соответственно этим задачам ГУВУЗ состояло из четырех отделений: 1-е, инспекторское, ведало составом воспитанников и сотрудников, 2-е отделение было учебным, 3-е – хозяйственным, а 4-е отделение – контрольным. В обязанности последнего входила «ревизия книг о суммах и проверка книг о материальном имуществе». При этом контрольное отделение считалось временным и должно было действовать лишь до «издания новых законоположений об отчетности вообще».

Ключевой фигурой в должностной структуре корпуса являлся директор. Кандидатура директора ка-

детского корпуса выбиралась Главным начальником военно-учебных заведений «из числа генералов или полковников, получивших образование в одном из высших учебных заведений и сверх сего известных опытною в деле воспитания». Назначение его на должность производилось «Высочайшим приказом» [1, С. 69-70]. Объём власти директора был очень значителен. Во-первых, он обладал правом принимать на службу в корпус «всех должностных лиц, кроме инспектора классов, лиц духовного звания, медицинских и фармацевтических чиновников». Во-вторых, мог отстранять от исполнения служебных обязанностей всех своих подчинённых. По праву налагать взыскания и предавать суду он приравнивался к командиру полка [1, С. 69]. Кроме того, директор являлся председателем хозяйственного комитета вверенного ему корпуса и нес ответственность «за всякий ущерб казённому интересу, лично им произведённый или происшедший от непосредственного личного его упущения или бездействия власти» [1, С. 69]. Директор председательствовал и в педагогическом комитете корпуса, включавшем кроме него инспектора классов с помощником, корпусного священника, всех ротных командиров и части воспитателей и преподавателей. При этом, если мнение директора по тому или иному вопросу не совпадало с мнением комитета, решение принимал директор, а протокол заседания пересылался в ГУВУЗ. Из всего вышесказанного видно, что практически все стороны жизни кадетского корпуса определялись решением лица, его возглавлявшего. По справедливому замечанию А.А. Михайлова, «единовластие директора могло иметь весьма отрицательные последствия, если он игнорировал мнение своих подчинённых и пытался всё решать сам, не обладая иногда талантом администратора или педагога». Именно такая сложная ситуация возникла в Псковском корпусе, когда пост директора там занимал на протяжении 1892-1901 гг. генерал-лейтенант И.А. Боголюбов [2, С. 73]. Отметим, что ни официальная документация, ни воспоминания воспитанников и сотрудников Александровского корпуса, относящиеся к исследуемому периоду, не позволяют говорить о каких-то серьёзных конфликтных ситуациях, возникавших в корпусе в результате единоличных некомпетентных решений директора.

Инспектор классов в соответствии с «Положением Военного Совета» 1886 г. являлся «ближайшим помощником директора по учебной части и непосредственным начальником всех чинов, служащих в корпусе по этой части». Помимо руководства учебной работой он должен был содействовать директору «в приискании для корпуса преподавателей», отбирать и выписывать учебные пособия и необходимые книги, составлять годичные расписания занятий и даже руководить литографией, если таковая имела в корпусе» [1, С. 70].

Кандидатура на должность инспектора рекомендовалась Главным начальником военно-учебных заведений «из числа лиц, получивших образование в одном из высших учебных заведений и приобретших известность продолжительной и полезной деятельностью по

учебно-воспитательной части» [1, С. 70]. Назначение производилось опять же «Высочайшим приказом». Таким образом, должность инспектора мог занимать как офицер, так и штатский. Отметим, что, например, в Александровском корпусе, как и в Псковском, из семи инспекторов классов, занимавших эту должность на протяжении всего исследуемого периода, штатским был только один человек.

Для облегчения деятельности инспектора классов «Положение» 1886г. устанавливало должность помощника инспектора классов. В качестве такой службу мог нести и штатский, и военный человек, но непременно обладавший высшим образованием. Он назначался на должность директором корпуса, а затем утверждался Главным начальником военно-учебных заведений. Как инспектор классов, так и его помощник могли, помимо основной деятельности, заниматься преподаванием, но не более 6 часов в неделю [1, С. 70-71].

Должность ротных командиров в кадетских корпусах замещалась «штаб- или обер-офицерами из лиц, окончивших курс в военных училищах или высших учебных заведениях и преимущественно таким, которые занимали уже должности офицеров-воспитателей в корпусах или ротных командиров в училищах и успели обратить на себя внимание своею полезной деятельностью по военно-учебной части» [1, С. 70-71]. Избирались ротные командиры директором, а утверждались на должности Главным начальником военно-учебных заведений. При этом те из них, кто ранее служил офицером-воспитателем, утверждался «сразу по избрании», а остальные «предварительно прикомандировывались на срок не более одного года» [1, С. 70-71].

В соответствии с «Положением» 1886 г. ротные командиры были «ближайшими помощниками директора корпуса по части воспитательной». Каждый из них возглавлял не только одну из рот, но и должен был осуществлять «общее руководство деятельностью офицеров-воспитателей ... без стеснения, однако, сих последних в подробностях воспитательной работы по каждому из порученных им кадет» [1, С. 72].

Важнейшую часть штатных сотрудников каждого кадетского корпуса составляли воспитатели, которые были максимально приближены к детям и осуществляли непосредственное педагогическое воздействие на них.

Принципы отбора и обязанности офицеров-воспитателей были подробно изложены в «Положении» 1886г. Согласно этому документу они назначались директором корпуса из числа офицеров «окончивших курс в военных училищах или высших учебных заведениях, состоящих в чинах не выше штабс-капитана гвардии или капитана армии и прослуживших в офицерском звании не менее 4 лет, из которых не менее 2-х в строю» [1, С. 72]. В течение первых двух лет службы офицер-воспитатель считался «исполняющим должность» и лишь по прошествии этого испытательного срока он либо включался в штат корпуса, либо «откомандировывался к месту постоянного служения» [1, С. 72].

Установить количество ежегодно прикомандированных офицеров во всех кадетских корпусах за весь

исследуемый период не удалось. Между тем, имеющиеся данные за 1899-1916 гг. [3] по отдельным корпусам позволяют утверждать, что число прикомандированных постоянно колебалось как в течение одного учебного года в пределах двух человек, так и по отдельным годам: от двух до пяти человек в начале каждого года и от одного до пяти в конце. В среднем же, количество офицеров, находящихся на испытании, в начале года составляло 4 человека, а в конце – 3. Выявленная динамика числа прикомандированных указывает на то, что значительная часть офицеров по прошествии испытательного срока отправлялась обратно в часть, не удовлетворив требованиям, которые предъявлялись к кандидатам на должность корпусного воспитателя. Таким образом, администрация с помощью постоянной ротации прикомандированных стремилась отбирать наиболее способных к педагогической деятельности офицеров.

В непосредственном ведении каждого офицера-воспитателя состояли кадеты одного класса или классного отделения численностью не более 35 человек. При этом на его плечи ложился практически весь груз воспитательной и значительная часть учебной работы. Помимо постоянного наблюдения за поведением и «умственным образованием» своих воспитанников, он был должен проводить с ними все внеклассные занятия (чтения, беседы, экскурсии и т.д.), помогать в подготовке уроков, обучать строевым упражнениям. Кроме того, офицеры-воспитатели поочередно назначались дежурными по роте и в таком случае оставались в ротном помещении на всю ночь. Обладали воспитатели и правом вести преподавательскую работу, но не более чем 9 часов в неделю.

В связи с отводимой ролью к офицерам-воспитателям предъявлялись высочайшие требования. Так «Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов» гласила, что «воспитателю при соответствующих его призванию качествах ума, сердца, характера и образования, благовоспитанности и физическом здоровье необходимы: практическое здравомыслие, житейская опытность, понимание явлений телесной и духовной жизни детей вообще, умение обращаться с ними и способность подчинять их своему влиянию, верная оценка пороков, заблуждений и слабостей, господствующих в современном обществе, близкое знакомство с настоящими условиями жизни и ясное понимание требований офицерской службы» [4, С. 60].

Ещё одна основная категория сотрудников корпуса – преподаватели. В соответствии с «Положением» 1886 г. преподаватели избирались директором корпуса с помощью инспектора классов преимущественно из лиц, имевших высшее образование. Не требовалось высшего образования только для так называемых «учителей искусств», то есть тех, кто обучал кадет пению, танцам. [1, С.71]. Все преподаватели и учителя делились на штатных, «состоящих на действительной службе в корпусе» и частных, «допускаемых к преподаванию... лишь при недостатке штатных преподавателей». Для зачисления в штат корпуса надлежало иметь «не менее 15 уроков в неделю по одному ли предмету,

по нескольким ли предметам в совокупности или же по какому-либо предмету всё положенное по оному числу уроков, хотя бы оно было и менее 15 в неделю» [1, С.71]. Кандидатуры штатных преподавателей после избрания их директором корпуса должны были быть утверждены Главным начальником военно-учебных заведений. Для частных такого утверждения не требовалось.

Необходимо отметить, что на протяжении всего исследуемого периода кроме штатных сотрудников к работе, например в Александровском корпусе, привлекалось значительное количество частных преподавателей, то есть работавших в корпусе на временной основе, часто совмещая её с преподаванием в других учебных заведениях столицы.

Так в Александровском кадетском корпусе с 1886-1887 по 1898-1899 учебные годы работало 42 частных преподавателя, что составляет 51% всех корпусных преподавателей. Кроме того, 14 человек преподавали privately некоторые дисциплины, одновременно занимая в корпусе штатные должности, в подавляющем большинстве случаев офицеров-воспитателей. Эта группа частных преподавателей составляла 17%. Общее количество педагогов, находившихся в штате корпуса, составляло лишь 27 человек, или 33%. Таким образом, число частных педагогов за период с 1886 по 1899 гг. составляло 56 человек, или 67% всех преподавателей [5, Приложение I.].

Для оценки периода с 1900 по 1917 гг. были привлечены сведения за 1904, 1908 и 1915 гг. [6]. Полученные данные показывают, что процент штатных преподавателей в целом остался на прежнем уровне, колеблясь от 29 до 33%. При этом процент частных педагогов, не занимавших в корпусе штатных должностей, несколько уменьшился и в среднем составлял 43%. Это уменьшение происходило за счёт роста числа офицеров-воспитателей и сотрудников администрации, которые privately давали уроки по некоторым учебным дисциплинам. В среднем эта группа преподавателей составляла 27%.

Итак, за весь исследуемый период соотношение штатных и частных преподавателей в целом оставалось неизменным и составляло 31 и 69% соответственно. При этом отметим, что частные педагоги «со стороны» постепенно вытеснялись собственными корпусными сотрудниками, совмещавшими работу штатных воспитателей и администраторов с преподаванием. Так если в 1886-1899 гг. частные педагоги «со стороны» составляли 51%, то в 1900-1917 гг. в среднем лишь 43%. Но даже с учётом этого положение в столичном Александровском корпусе прямо противоположно ситуации в губернском Псковском, где на протяжении 1882-1916 гг. работал только один частный преподаватель [2, С. 82].

Чинам хозяйственно-финансовой части в «Положении Военного Совета о кадетских корпусах» 1886г. посвящена целая глава [1, С. 74-75]. Так эконом избирался директором корпуса из гражданских чиновников и утверждался в должности Главным начальником военно-учебных заведений. В его ведении находилась

«кухня с пекарней и квасоварней, буфет, столовая, бельё, посуда и приборы, склады продовольственных товаров и склады пришедших в негодность вещей», а также вся прислуга «во время исполнения ею разных обязанностей по упомянутым выше частям хозяйства».

Смотритель зданий и заведующий обмундированием избирались директором из офицеров, причём первый не должен был иметь чин выше полковника, а второй – капитана. Как и эконо, они утверждались в должности Главным начальником Военно-учебных заведений. Смотритель зданий отвечал не только за состояние всех корпусных построек, но и за их отопление, освещение, внутреннюю обстановку, за обоз и конюшню, пожарные приспособления. Заведующий обмундированием, помимо ремонта и закупки одежды кадетов, ведал сапожной и швальной мастерскими, прачечной и цейхгаузом. Ему был также поручен надзор за летним лагерем со всеми постройками и имуществом. Эконом, заведующий обмундированием и смотритель зданий могли налагать на подчинённых им нижних чинов и служителей дисциплинарные взыскания, пользуясь в этом отношении правами командиров рот. Секретарь и бухгалтер назначались директором корпуса из числа гражданских чиновников. При этом предпочтение отдавалось тем из них, кто имел опыт служебной деятельности.

Медицинский персонал кадетских корпусов по «Положению» 1886г. состоял из старшего и младшего врачей. Эти вакансии могли замещаться исключительно военными медиками. Они избирались Главным начальником военно-учебных заведений по согласованию с Главным военно-медицинским инспектором и утверждались в должности последним. В общем порядке службы врачи подчинялись непосредственно директору своего корпуса, а в «деятельности же своей по специальной части надзору в Петербурге Главного военно-медицинского инспектора, а в прочих окружающих военно-медицинских инспекторов» [1, С.73]. В то же время старший врач руководил служившими в корпусе «нижними чинами медицинской части», то есть не имевшими классного чина фельдшерами и лазаретными служителями. Он обладал правом налагать на них взыскания в тех же пределах, что и командир отдельного батальона. Помимо здоровья кадетов, корпусные

медики были обязаны следить за качеством продовольственных товаров и соблюдением гигиенических норм в помещениях [1, С.73]. Отметим, что до 1888 г. в корпусах имелась ещё и штатная должность классного медицинского фельдшера, которая затем была упразднена.

Кроме того, к сотрудникам кадетских корпусов следует отнести и штатное духовенство. Оно включало 3-х православных священнослужителей: законоучителя и одновременно настоятеля корпусной церкви, церковного дьякона и псаломщика.

Проведённое нами исследование позволяет заключить, что огромное значение служебных обязанностей такой категории служащих, как офицеры-воспитатели, заставлял администрацию корпусов отсеивать значительную часть претендентов в процессе их прикомандирования. Анализ полученных данных позволяет утверждать, что для всех кадетских корпусов, в том числе и столичных, на протяжении рассматриваемого периода характерна тенденция усиления военного элемента в штатах, что неоднократно подчёркивалось в трудах П.А. Зайончковского [7, С. 294-297] и Л.Г. Бескровного [8, С. 29-31]. Отмечаемое А.А. Михайловым заметное сокращение в губернских корпусах количества преподавателей предметников, чьи функции частично переходили к ротным командирам, имело место и в столичном корпусе. Но что было абсолютно не характерно для губернского корпуса, так это положение с частными преподавателями, которых в столице было 69%, а, например, в Пскове без учета ротных командиров лишь один человек. Такое положение накладывало свой отпечаток на всю кадровую работу в корпусе.

Итак, на протяжении рассматриваемого периода в императорских корпусах удавалось сочетать, прежде всего, с помощью нормативно-правового регулирования сложные вопросы общеобразовательной подготовки, начальной военной подготовки и специфического военного воспитания с благотворительными задачами, заключающимися в предоставлении заслуженным и нуждающимся офицерам дополнительных социальных прав и гарантий. Полученные данные, безусловно, помогут внести ряд корректив в нормативно-правовое регулирование деятельности современных кадетских корпусов.

Библиографический список

1. Положение Военного совета о кадетских корпусах, высочайше утверждённое 14 февраля 1886 г. // ПСЗ. СПб., 1888. Собр. 3. Т. 6. С. 59-77.
2. Михайлов А.А. Псковский кадетский корпус, 1882-1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.
3. Российский государственный военно-исторический архив, ф. 356, оп. 1, д. 83, д. 84, д. 85, д. 86, д. 88, д. 87, д. 89, д. 90, д. 91, д. 92, д. 96, д. 98, д. 99, д. 100, д. 101 (списки офицерам и чиновникам корпуса по старшинству).
4. Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб., 1905. 120 с.
5. Крутецкий А.Д. Александровский кадетский корпус за первые 25 лет существования. Краткая историческая записка. СПб., 1898. 196 с.
6. РГВИА, ф.356, оп.1, д. 356, л. 22-23; д. 660, л. 21-22об.; д. 665, л. 36-38.
7. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий. 1881-1903. М., 1973. 351 с.
8. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. М. 1986. 237 с.

References

1. The Statute of the Military Council Concerning Cadet Corps, His Imperial Majesty's Edict of February 14th, 1888. // Complete

Collection of Laws of the Russian Empire, Saint Petersburg, 1905. Collected works 3, volume 6, pp. 59-77.

2. *Mikhailov A.A.* Pskov Cadet Corps, 1882-1917: thesis of the candidate of historical sciences, Saint Petersburg, 1994.
 3. Russian State Military Historical Archive (RSMHA), file 356, inventory 1, case 83, case 84, case 85, case 86, case 88, case 87, case 89, case 90, case 91, case 92, case 96, case 98, case 99, case 100, case 101 (the lists to the officers and the clerks of the corps in order of precedence).
 4. Instruction on Upbringing for Cadet Corps. Saint Petersburg, 1905. 120 p.
 5. *Krutetskiy A.D.* Alexandrovskiy Cadet Corps Within the First 25 Years of Its Existence. Concise Historic Note. Saint Petersburg, 1898. 196 p.
 6. Russian State Military Historical Archive (RSMHA), file 356, inventory 1, case 356, pp.22-23; case 660, pp. 21-22 (overleaf); file 665, pp.36-38.
 7. *Zaionchkovskiy P.A.* Autocracy and the Russian Army at the Turn of the 19th century. 1881 – 1903. Moscow, 1973. 351 p.
 8. *Beskrovniy L.G.* The Army and the Navy of Russia at the Beginning of the 20th Century. Moscow, 1986. 237 p.
-

УДК 35.08:342.9

UDC 35.08:342.9

Н.С. ГОНЧАРУК

N.S. GONCHARUK

кандидат политических наук, доцент кафедры административного и финансового права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: gontscharuk@yandex.ru

candidate of political sciences, Associate professor of the department of administrative and financial law, Russian Presidential Academy of National economy and Public Administration
E-mail: gontscharuk@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

MODERNISATION'S PROBLEM OF THE STATE CIVIL SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL ASPECTS

Статья посвящена имеющимся правовым пробелам и необходимости модернизации законодательства, связанного с порядком прохождения государственной гражданской службы. В работе также предложен авторских взгляд на решение некоторых правовых проблем по данному аспекту.

Ключевые слова: государственная служба, права граждан, процедура конкурсного отбора, должности государственной гражданской службы.

The article is about the legal gaps and the need to modernize the law relating to the order of the passage of the civil service. In the paper is also the author's answer of some legal issues on this aspect.

Keywords: public service, civil rights, competitive selection procedure, positions of the state civil service.

Развитие института государственной гражданской службы в Российской Федерации тесно связано с формированием единой нормативно-правовой системы по вопросу прохождения государственной гражданской службы, которое можно отнести к 2003-2004, в связи с принятием двух основных федеральных законов (Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О системе государственной службы в Российской Федерации» и Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О государственной гражданской службе Российской Федерации»). Данные федеральные законы, на первый взгляд, достаточно подробно отразили целый ряд вопросов, связанных с прохождением государственной гражданской службы. К 2013 году было издано немало

указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, локальных нормативно-правовых актов субъектов России и государственных органов.

Тем не менее, до сих пор существует множество проблем, в том числе и правовых пробелов, связанных с прохождением государственной гражданской службы.

Например, проведенный ещё в 2010 г. мониторинг правоприменительной практики в сфере государственной гражданской службы в Центральном федеральном округе показал, что в правовом регулировании имеется ряд пробелов[1]. Стоит отметить, что данный мониторинг был проведен также и в других федеральных округах в рамках реализации Федеральной программы «Реформирование и развитие системы государ-

ственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)» утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 10.03.2009 № 261.

В настоящее время Управлениями выявлены некоторые вопросы, которые на федеральном уровне по-прежнему остаются не урегулированными:

- определение соотношения классных чинов федеральной государственной гражданской службы, дипломатических рангов, воинских и специальных званий, классных чинов правоохранительной службы, а также соотношение классных чинов федеральной гражданской службы и классных чинов государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации (часть 4 статьи 14 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ, часть 12 статьи 11 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ) – (Управлениями по Белгородской, Брянской, Курской, Липецкой, Рязанской, Смоленской, Тверской областям);

- порядок выкупа государственным гражданским служащим подарка, полученного им в связи с протокольным мероприятием, служебной командировкой или другим официальным мероприятием (пункт 6 части 1 статьи 17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ) – (Управлениями по Брянской, Воронежской, Тульской областям);

- перечень должностей гражданской службы, в случае замещения которых гражданин после увольнения с гражданской службы не вправе в течение двух лет замещать должности, а также выполнять работу на условиях гражданско-правового договора в коммерческих и некоммерческих организациях, если отдельные функции государственного управления данными организациями входили в должностные обязанности гражданского служащего, без согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов (пункт 1 части 3 статьи 17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ) – (Управлениями по Брянской и Воронежской областям);

- порядок ведения Сводного реестра государственных гражданских служащих Российской Федерации (часть 5 статьи 43 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ) – (Управлениями по Брянской, Воронежской, Ивановской, Костромской, Курской, Липецкой, Орловской, Рязанской, Тверской, Тульской, Ярославской областям и по Москве);

- перечень должностей гражданской службы, по которым может устанавливаться особый порядок оплаты труда (часть 15 статьи 50 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ) – (Управлениями по Брянской, Воронежской, Ивановской, Калужской, Костромской, Смоленской, Тверской, Тульской областям и по Москве);

- о медицинском страховании гражданского служащего (пункт 5 части 1 статьи 52 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ) – (Управлениями по Белгородской, Брянской, Воронежской, Ивановской, Курской, Костромской, Липецкой, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тверской,

Тульской, Ярославской областям, и по Москве);

- об установлении случаев, порядка и размеров выплаты по обязательному государственному страхованию (пункт 7 части 1 статьи 52 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ) – (Управлениями по Белгородской, Брянской, Ивановской, Калужской, Костромской, Курской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской областям и по Москве);

- о государственном пенсионном обеспечении граждан Российской Федерации, проходивших государственную службу, и их семей (пункт 11 части 1 статьи 52 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ) – (Управлениями по Брянской, Ивановской, Калужской, Костромской, Курской, Липецкой, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской областям, и по Москве);

- об утверждении перечня должностей гражданской службы, по которым предусматривается ротация гражданских служащих, а также порядок ротации государственных гражданских служащих (часть 3 статьи 60 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ) – (Управлениями по Брянской, Воронежской, Ивановской, Курской, Костромской, Орловской, Рязанской, Тверской, Тульской областям);

- о порядке заключения на конкурсной основе договора на обучение между государственным органом и гражданином на обучение с обязательством последующего прохождения гражданской службы после окончания обучения в течение определенного срока (часть 2 статьи 61 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ) – (Управлениями по Ивановской, Калужской, Костромской областям);

- положение о кадровом резерве на гражданской службе (часть 8 статьи 64 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ) – (Управлениями по Белгородской, Брянской, Ивановской, Костромской, Курской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской областям и по Москве);

- о порядке работы комиссии по служебным спорам (часть 11 статьи 70 (Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ) – (Управлениями по Брянской, Ивановской, Курской, Орловской, Тамбовской областям и по Москве).

На региональном уровне вопросы государственной гражданской службы, отнесенные к ведению субъектов Российской Федерации, урегулированы органами государственной власти субъектов Российской Федерации, входящих в Центральный федеральный округ достаточно полно, однако, в ряде субъектов Российской Федерации некоторые полномочия, предоставленные органам государственной власти субъектов, остаются нереализованными.

В Орловской области, например, не определен перечень должностей гражданской службы, по которым может устанавливаться особый порядок оплаты труда, а также порядок установления оплаты труда гражданских служащих субъекта Российской Федерации, для которых оплата труда производится в зависимости от показателей эффективности и результативности про-

фессиональной служебной деятельности, определяемых в срочном служебном контракте (часть 15 статьи 50 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ). Также не установлен порядок, размеры и случаи выплат по обязательному государственному страхованию государственных гражданских служащих субъекта Российской Федерации (пункт 7 части 1 статьи 52 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ);

- не установлен порядок и условия возмещения расходов, связанных с переездом гражданского служащего и членов его семьи в другую местность при переводе гражданского служащего в другой государственный орган (пункт 9 части 1 статьи 52 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ);

- не установлен порядок и условия предоставления единовременной субсидии на приобретение жилой площади один раз за весь период гражданской службы (пункт 4 статьи 53 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ);

- не установлен порядок заключения на конкурсной основе договора на обучение между государственным органом и гражданином с обязательством последующего прохождения гражданской службы после окончания обучения в течение определенного срока (часть 2 статьи 61 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ).

Выявленные пробелы в законодательстве до сих пор устранены не в полной мере и по ряду отмеченных пунктов нет точных сроков окончания устранения выявленных недочётов.

Тем не менее, данный мониторинг показал лишь часть проблем, существующих в области правового регулирования государственной гражданской службы. Например, в отношении ст. 22 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ, в которой говорится о том, что конкурс для замещения должности государственной гражданской службы не проводится или может не проводиться. Постановлением Конституционного Суда РФ от 03.02.2009 № 2-П часть вторая статьи 22, предусматривающая случаи, в которых конкурс для замещения должности государственной гражданской службы не проводится или может не проводиться, признана соответствующей Конституции РФ. Однако в данной статье речь идёт о том, что конкурс не проводится при назначении на замещаемые на определенный срок полномочий должности гражданской службы категорий «руководители» и «помощники (советники)», – те должности, которые будут определять ход всей работы соответствующих подразделений и государственных органов, что на наш взгляд, может потенциально составлять возможность для коррупционных преступлений и тем самым нарушать равный доступ граждан к государственной гражданской службе.

Ещё одним примером в отношении необходимости дальнейшей проработки правовых норм, связанных с прохождением государственной гражданской службы, является процедура конкурсного отбора. На протяжении многих лет со дня принятия Федерального закона № 79-ФЗ большинство специалистов сходятся во мнении о том, что процедура конкурсного отбора на должности

государственной гражданской службы несовершенна и необходим ее пересмотр. Однако до введения конкретных правовых норм, корректирующих существующий порядок процедуры конкурсного отбора, законодательные органы не дошли. Для прозрачности прохождения конкурсного отбора, на наш взгляд, существующую практику формирования конкурсной комиссии следовало бы изменить. Имея достаточно развитые Интернет-технологии, данную процедуру можно было бы без вложения колоссальных затрат усовершенствовать и сделать более прозрачной, тем самым создав действующий механизм отбора наиболее профессиональных кандидатов для замещения должностей государственной гражданской службы. Например, с помощью специальной программы вполне возможно сделать механизм отбора членов конкурсной (и/или аттестационной) комиссии непредугадываемым и неизвестным как для кандидатов, которые должны проходить конкурс, так и для представителя нанимателя. Всю процедуру конкурсного отбора (или даже аттестации) можно было бы проводить в виде он-лайн конференции в режиме реального времени. Возможно было бы ввести норму, согласно которой каждый желающий, прошедший процедуру регистрации на сайте соответствующего государственного органа, где предполагается проводить конкурсный отбор претендентов на замещение вакантных должностей, мог бы наблюдать за данными процедурами, но не участвовать в ней непосредственно. Предлагаемая процедура отчасти будет схожа (в отдельных ее моментах) с проведением процедуры избрания Президента РФ всенародным голосованием в марте 2012 г., когда за данным процессом могли наблюдать любые зарегистрированные в системе пользователи. Только в данном случае можно использовать уже имеющиеся в каждом отделе у государственных органов вебкамеры и др. оборудование. Сам состав комиссии, включая и независимых экспертов, также мог бы определяться компьютерной программой из заранее сформированной базы кандидатов, созданной из претендентов, проживающих во всех регионах России. Порядок создания базы членов конкурсных комиссий также можно было бы усовершенствовать и закрепить в указанном выше Федеральном законе. Созданная подобным способом комиссия была бы действительно независимой, так как предсказать результат, кто будет в нее входить, сложно (и технические возможности в настоящее время позволяют в случае взлома программы это установить) и, следовательно, становится невозможным осуществить подкуп членов комиссии, договориться с ними о заданиях и т.д. Таким образом, прекратит действовать набор на должности государственной службы по принципу «свой-чужой», а процедура отбора кандидатов будет действительно более доступна для тех людей, которые ходят работать на благо государства, а не ради только собственной выгоды и наживы и использования тех привилегий, которые дает государственная служба.

Также внесение поправок в Федеральный закон № 79-ФЗ в отношении должностей категории руководители и помощники (советники) с обязательным для них прохождением процедуры конкурсного отбора

и аттестации (даже для тех, с кем заключён срочный контракт) позволило бы более полно реализовать свои права гражданам на равный доступ к государственной гражданской службе. Было бы гораздо понятнее, кто на эти должности претендует, какими профессиональными качествами и знаниями обладает кандидат. И если он действительно достоин этой должности, так почему

бы ему не подтвердить свою квалификацию, знания и умения и не пройти аттестацию, а также и процедуру конкурсного отбора?

Но пока данные предложения остаются лишь мечтами, а доступ ко многим должностям государственной службы как был практически «закрытым», так и будет оставаться не реализуемым для большинства граждан.

Библиографический список

1. <http://minjust.ru/node/1582>
2. Федеральный Закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О государственной гражданской службе Российской Федерации»//СПС «Консультант Плюс».
3. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О системе государственной службы в Российской Федерации»//СПС «Консультант Плюс».
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.02.2009 № 2-П //СПС «Консультант Плюс».

References

1. <http://minjust.ru/node/1582>
2. Federal Law from 27.07.2004 № 79-FZ (as amended on 02.07.2013) "About the State Civil Service in the Russian Federation" // "Consultant Plus".
3. Federal Law from 27.05.2003 № 58- FZ (as amended on 02.07.2013) "About the system of the State Civil Service in the Russian Federation" // "Consultant Plus".
4. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 03.02.2009 № 2-P // "Consultant Plus".

УДК 343.915

UDC 343.915

Е.В. ДЕМИДОВА

доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права КЮИ МВД России
E-mail: kostin62@mail.ru

E.V. DEMIDOVA

senior lecturer department of criminology and penal law
KLI MIA of Russia
E-mail: kostin62@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

TO THE ISSUE OF JUVENILE CRIME IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

В настоящей статье показана структура, динамика преступности несовершеннолетних в Республике Татарстан. Приводятся статистические данные преступности несовершеннолетних Российской Федерации. Дается понятие преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетний, несовершеннолетний преступник, правонарушение, Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей.

In this paper shows the structure, dynamics of juvenile crime in the Republic of Tatarstan. Provides statistics of juvenile delinquency Russian Federation. The concept of juvenile delinquency.

Keywords: crime, minor, juvenile offender, offense, detention centers for juvenile offenders.

Резкое социально-экономическое расслоение общества особенно болезненно воспринимается детьми и подростками. Увеличивающийся разрыв между реальными доходами и привлекательными жизненными стандартами, невозможность достижения последних правомерными способами обусловили интенсивное вовлечение несовершеннолетних даже из относительно благополучных в социальном смысле семей в криминальную деятельность или вызвали высокую степень

психологической готовности к этой деятельности¹. Вследствие этого на почве социально-экономических контрастов возникают конфликты, разрешаемые, к сожалению, зачастую криминальным путем.

Кто же такие несовершеннолетние, совершающие преступные деяния?

Несовершеннолетние преступники – это лица, со-

¹ Криминология. Под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2002. С. 771.

вершающие противоправные действия в раннем возрасте, позже, как правило, значительно труднее поддаются исправлению и в итоге составляют основной резерв для взрослой и рецидивной преступности.

По мнению ряда авторов, а именно Ю.Ф. Кваши, А.С. Зайналабидова, А.П. Зрелова, Д.Ю. Тамбовцева, Н.А. Свистуновой, М.В. Краснова, преступность несовершеннолетних объясняется: избранием несовершеннолетними антисоциального образа поведения в связи с неадекватной оценкой обстоятельств и отсутствием жизненного опыта в целях самоутверждения². На наш взгляд, данное определение преступности несовершеннолетних недостаточно полно, не содержит ряд признаков, которые присущи данному социальному явлению.

Обращаясь к проблеме преступности несовершеннолетних, следует исходить из того, что она представляет собой часть преступности в обществе, которая развивается под воздействием тех же факторов, что и преступность в целом. В силу этого при изучении преступности лиц в возрасте от 14 до 18 лет используются общекриминологические характеристики, показатели, а также иные категории. В то же время анализ должен быть направлен на выявление факторов и обстоятельств, значимых именно для преступности несовершеннолетних, позволяющих установить ее специфику и необходимые меры воздействия.

Президент Российской криминологической ассоциации А.И. Долгова представляет преступность несовершеннолетних как особый объект криминологического исследования, который рассматривается в следующих позициях:

1. общеправовых, как предусмотренность специальных глав в Уголовном, Уголовно-процессуальном, Уголовно-исполнительном кодексах, содержащих особенности привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних, расследования данной категории дел, а также назначения наказания и его исполнения;

2. криминологические, как специфика:

- а) преступлений несовершеннолетних (виды, формы, мотивы);

- б) личности несовершеннолетнего (т.е. незначительный возраст и период ее формирования, ограниченная дееспособность, динамика содержания социально-ролевых и социально-психологических функций);

- в) комплекса причин и условий преступности;

- г) результативности мер специального профилактического воздействия³.

Несмотря на пристальное внимание к рассматриваемым проблемам ученых и практиков интерес к ним не снижается.

Преступность несовершеннолетних как социальная проблема продолжает оставаться в центре внимания ученых, государственных и общественных институтов. Это объясняется особенностями подростковой преступ-

ности, постоянным изменением социальных условий и законодательства, а также гуманными соображениями, необходимостью оградить подрастающее поколение от вовлечения в противоправную деятельность⁴.

Преступность среди несовершеннолетних вызывает повышенное внимание, и это вполне обоснованно, т.к. она является своеобразным индикатором социальной ситуации в стране. Этот вид преступности чрезвычайно чутко реагирует на состояние общества⁵. Рост преступности несовершеннолетних, как правило, свидетельствует о неблагоприятных социальных процессах.

Анализ преступности несовершеннолетних, с одной стороны, – инструмент выявления криминогенных факторов в социуме, а с другой – база для прогноза преступности в целом.

Криминализация детей и подростков – это криминализация будущего нашей страны. По процессам, происходящим в детской и молодежной среде, мы можем с большой долей вероятности судить о том, каким будет наше общество в перспективе, в том числе какой будет преступность.

Помимо исследовательских и прогностических аспектов изучения преступности несовершеннолетних есть еще один гуманитарный. Дети относятся к числу наименее защищенных социальных групп населения. Такое направление воздействия, как профилактика преступности в смысле защиты от нее, защиты от поражения социальных групп «криминальным вирусом», имеет наибольшее значение именно применительно к несовершеннолетним: детям и молодежи⁶. К сожалению, уровень криминальной пораженности данной части населения в современный период достаточно высокий.

Специфика преступности несовершеннолетних может быть рассмотрена как обусловленная комплексом взаимосвязанных факторов, относящихся к возрастным, социальным, психологическим особенностям несовершеннолетних, специфике социального статуса⁷. Установление таких специфических черт, обуславливающих правонарушающее поведение несовершеннолетних, особенности их качественных и количественных параметров, их анализ являются основой для разработки мер предупреждения, ориентированных на применение в отношении данной возрастной группы.

От того, какие перспективы развития в настоящее время будет иметь исследуемая нами проблема, во многом зависят состояние и тенденции преступности в будущем и даже более широко нравственный климат в обществе⁸.

4 Кошелева Е.В. Криминологическое изучение влияния социально-негативных свойств семьи на преступность несовершеннолетних: дис. ... канд. психолог. наук. Москва, 2005. С. 3.

5 См.: Селиванова О.А. Психолого-педагогическая реабилитация безнадзорных подростков в условиях открытого социума: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2005.

6 См.: Сморгунова Н.Ф. Предупреждение беспризорности среди детей и подростков в России (20—90-е гг. XX в.): автореферат ... канд. пед. наук. Владимир, 1998.

7 См.: Алексеев А.И. Криминология. М., 1998; Карпец И.И., Эминова В.Е. Криминология. М., 1992; Лунеев В.В. Преступность XX века. М., 1997.

8 См.: Прялухина А.В. Социально-психологические детерминанты и особенности подростковой безнадзорности: автореф. дис. ...

2 См.: Криминология. Под общ. ред. Ю.Ф. Кваши. Ростов-на-Дону, 2002.

3 Криминология: учебник для вузов. Под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2010. С. 890.

Динамика зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними в Российской Федерации и Республике Татарстан в 1995—2010 гг.⁹

Годы	Число зарегистрированных преступлений (фактов) в России	Число зарегистрированных преступлений (фактов) в Республике Татарстан
1995	209 777	3 687
1996	202 935	3 432
1997	182 798	3 134
1998	189 293	3 123
1999	208 313	4 201
2000	195 426	4 056
2001	185 379	4 205
2002	139 681	3 504
2003	145 368	3 328
2004	154 414	3 484
2005	154 734	3 538
2006	150 264	3 675
2007	139 099	3 132
2008	116 090	2 388
2009	94 720	2 100
2010	78 548	1 655

МВД по Республике Татарстан совместно с другими министерствами и ведомствами республики продолжило осуществление мероприятий по дальнейшему развитию и совершенствованию государственной системы профилактики правонарушений. В их числе разработка и реализация комплекса различных мер упреждающего и профилактического характера, широкое внедрение в повседневную деятельность современных технологий, новых форм и методов борьбы с преступностью, активная работа по оптимизации законодательной базы в этой сфере.

Правовой основой проводимой в республике профилактической работы в этой сфере является Постановление кабинета министров Республики Татарстан от 10.11.2010 года № 890 «О Комплексной программе профилактики правонарушений в Республике Татарстан на 2011 – 2014 годы».

За 9 месяцев 2012 года расследовано 989 преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием, что на 17,9% меньше аналогичного периода прошлого года (АППГ – 1 204).

канд. психол. наук. М., 2005.

9 См.: Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития. СПб., 2006; Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003; Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997; Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2002; Сведения ИЦ МВД РТ о состоянии преступности и правопорядка в Республике Татарстан (по итогам 6 месяцев 2006 года). Казань, 2006; Сведения ИЦ МВД РТ о состоянии преступности и правопорядка в Республике Татарстан (по итогам 2006 года). Казань, 2007; Сведения ИЦ МВД РТ о состоянии преступности и правопорядка в Республике Татарстан (по итогам 2007 года). Казань, 2008; Сведения ИЦ МВД РТ о состоянии преступности и правопорядка в Республике Татарстан (по итогам 2008 года). Казань, 2009; Сведения ИЦ МВД РТ о состоянии преступности и правопорядка в Республике Татарстан (по итогам 2009 года). Казань, 2010; Сведения ИЦ МВД РТ о состоянии преступности и правопорядка в Республике Татарстан (за 2000 год). Казань, 2011; Состояние преступности и правопорядка в Республике Татарстан по итогам 2010 года. Казань, 2011.

Подавляющее большинство преступлений в структуре подростковой преступности составляют кражи и грабежи – 74% (624 и 107 преступлений соответственно). При этом несовершеннолетними лицами в отчетном периоде совершено 5 убийств, 14 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, 1 изнасилование, 11 разбойных нападений.

Рост подростковой преступности зафиксирован в 15 районах Республики Татарстан, в том числе в Актанышском (с 3 до 7), Альметьевском (с 39 до 48), Верхнеуслонском (с 15 до 27), Менделеевском (с 15 до 22), Мензелинском (с 2 до 6) и Тетюшском (с 4 до 13).

Высокий удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием, зафиксирован в Агрызском (13,3%), Верхнеуслонском (12,9%), Аксубаевском (12,3%), Менделеевском (8,7%), Сармановском (8%), Елабужском (6,9%) и Зеленодольском (6,8%) районах республики.

По состоянию на 01.10.2012 на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних ОВД Республики Татарстан состоит 4 тыс. 91 подросток, из них 1 446 совершили административные правонарушения, 822 – общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности, 113 освобождены от уголовной ответственности; 193 обвиняются в совершении преступлений, 171 условно осужденный, 328 ранее судимых.

За 9 месяцев 2012 года сотрудниками полиции Татарстана оформлено 20 тыс. 55 административных протоколов в отношении несовершеннолетних и взрослых лиц, нарушивших административное законодательство в данной сфере: привлечены к административной ответственности за совершение мелкого хулиганства 538 подростков; за распитие алкогольных напитков и пива, нахождение в состоянии опьянения в общественных местах – 3 544. За вовлечение подростков в употребление спиртных напитков и пива, наркотических и психотропных веществ к административной ответственности привлечены 718 взрослых лиц.

Одной из эффективных мер воздействия на стадии ранней профилактики подростковой преступности является направление несовершеннолетних правонарушителей в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. В 2012 году в подобные учреждения направлен 51 подросток-правонарушитель, из них 34 – в специальное училище, 17 – в специальную школу. В Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП) помещены 311 подростков, в том числе за совершение общественно опасных деяний – 150, административных правонарушений – 110.

Анализ приведенных выше данных позволяет нам сделать вывод о том, что подростковая преступность на сегодняшний день становится существенной угрозой национальной безопасности нашей страны, преодоление которой требует серьезного совершенствования всей системы профилактики, основываясь на всеобъемлющем, глубоком изучении, определении причин и условий преступности несовершеннолетних.

Характеристика несовершеннолетних осужденных в Республике Татарстан¹

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Пол:							
мужчины	1 970	1 981	1 939	1 828	1 380	1 209	982
женщины	145	145	162	137	116	123	93
Социальное положение:							
учащиеся	1 247	1 236	1 330	1 187	1 030	950	775
работающие	203	158	136	100	74	52	32
трудоспособные, неработающие и неучащиеся	647	709	613	561	389	328	252
нетрудоспособные	40	52	42	18	13	10	7
Воспитание:							
полная семья	1 150	1 144	1 135	1 183	1 035	907	635
семья с одним родителем	832	855	804	562	400	368	380
вне семьи (детский дом, интернат)	133	127	162	83	61	57	60
Совершили преступления:							
в группе лиц	1 283	1 190	1 094	962	656	591	472
с участием взрослых	512	450	362	458	268	275	200
в состоянии алкогольного опьянения	486	392	367	283	209	152	127
в состоянии наркотического или иного опьянения	10	7	14	7	5	3	0

Динамика преступности среди несовершеннолетних и примененных к ним мер наказания²

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Всего осуждено	20 190	21 106	23 164	23 428	24 073	23 733	22 401
Кол-во осужденных несовершеннолетних	2 115	2 126	2 101	1 865	1 496	1 332	1 075
%	10,5	10,0	9,0	8,0	6,2	5,6	4,8
Из них к условной мере	1 533	1 496	1 435	1 113	845	702	561
%	72,5	70,4	68,3	59,7	56,5	52,7	52,2
Из них к лишению свободы	421	441	384	349	261	187	144
%	20,0	20,7	18,3	18,7	17,4	14	13,4
Из них ранее судимы	353	414	388	327	275	301	209
%	16,7	19,5	18,5	17,5	18,4	22,6	19,4

1 Судебная статистика. Управление Судебного департамента в Республике Татарстан. Казань, 2009. С. 32. Судебная статистика. Управление Судебного департамента в Республике Татарстан. Анализ данных о работе районных (городских) судов и мировых судей Республики Татарстан за 12 месяцев 2010 г. Казань, 2011. С. 34.

2 Судебная статистика Управления Судебного департамента в Республике Татарстан. Казань, 2007. С. 19; Судебная статистика Управления Судебного департамента в Республике Татарстан. Казань, 2009. С. 31. Судебная статистика Управления Судебного департамента в Республике Татарстан. Анализ данных о работе районных (городских) судов и мировых судей Республики Татарстан за 12 месяцев 2010 г. Казань, 2011. С. 34.

УДК 321.7

UDC 321.7

Д.А. КУЗИН

аспирант кафедры административного и муниципального права Орловского государственного университета
E-mail: dimk_189@mail.ru

D. A. KUZIN

postgraduate student of the department administrative and municipal Law, Orel State University
E-mail: dimk_189@mail.ru

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ПРИНЦИПЫ

THE PUBLIC POWER IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT, PRINCIPLES

В данной статье подлежат рассмотрению такие правовые категории, как «власть» и «публичная власть». На основе анализа различных теоретических подходов делается попытка выявить соотношение данных понятий. Определяется субъект и объект публичной власти. Также рассматриваются основные принципы осуществления публичной власти.

Ключевые слова: власть, публичная власть, публичный интерес, субъект публичной власти, объект публичной власти, принципы публичной власти.

This article deals with such legal categories as “power” and “public power”. The analysis of the different theoretical approaches allows making an attempt to identify the relationship of these concepts. The subject and the object of public power are determined here. It also considers the basic forms and principles of public power.

Keywords: power, public power, public interest, the subject of public power, the object of public power, principles of public power.

Для определения понятия «публичная власть» необходимо разобраться с таким феноменом человеческого социума, как «власть», так как данные понятия соотносятся как частное и общее.

Сущностью любого государства как самостоятельного явления выступает власть, это то первичное, главное и устойчивое, что определяет его содержание, назначение и функционирование¹. Человечество пыталось на протяжении всей своей истории постигнуть сущность власти, выработать подходы к ее изучению. Наиболее соответствующим как зарубежным, так и отечественным традициям является рассмотрение власти в качестве разновидности каузальных отношений, предложенное ещё Томасом Гоббсом (1588-1679)². «Каузальное объяснение подразумевает, что основными структурными элементами властного отношения являются субъект власти – агент, выступающий причиной изменения (возможного изменения) действий другого агента (объекта), и объект власти – агент, изменение деятельности (сознания) которого есть следствие воздействия со стороны субъекта. При отсутствии каузальной связи никакие отношения между акторами не могут считаться «властными»³. Иными словами, смысл властного воздействия выражается в терминах причинно-следственной связи: «Поведение С

является причиной поведения П»⁴. Однако следует обратить внимание на то, что не каждое каузальное отношение следует именовать властью.

Ряд авторов толкуют отношения власти весьма широко. Так М. Марсаль вслед за Аристотелем считает, что «власть не есть факт специфически человеческий, она имеет условия и корни в биологической структуре, которая обща с животными»⁵. Подобных точек зрения придерживаются Бертран де Жувенель и А.М. Дюверже. Мы же, как и большинство ученых, считаем, что субъектом власти может выступать только человек (либо коллектив людей). Критерием отграничения «субъекта» от «несубъекта» является наличие сознания и воли. Отметим, что они могут выступать как в индивидуальной форме, так и в коллективной, в случае, когда субъектом власти выступает определенная социальная группа, коллектив людей, в том числе и институтизированный, например орган государственной власти, орган местного самоуправления.

В вопросе о том, кто (что) является объектом власти, точки зрения ученых также расходятся. Вячеслав Филиппович Халипов к числу объектов относит «... явления, предметы, органы, учреждения, предприятия, население»⁶. Ж. Ломм к числу объектов власти относит учреждения, режимы, структуры. Схожие мысли можно найти и у Б. Рассела, Э. Голдмена, К. Боулдинга, ко-

1 См.: Теория государства и права / Отв. Ред. д.ю.н., проф. В.Д. Перевалов. М.: Норма, 2006. С. 47.

2 См.: Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х томах. Т.2. М.: Мысль, 1991. Технология власти ... С.231-247.

3 Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ // Полис 2000. №1. С.98-99.

4 Dahl R. Power as the Control of Behavior... P.46.

5 Marsal M. L'autorité. Paris, 1961. P.9. Цит. по: Догадайло Е.Ю. Личность в системе отношений власти: теоретико-правовой и социально-психологический аспекты. Дисс... канд. юрид. наук. М., 1995. С.55.

6 Халипов В.Ф. Власть. Основы кратологии. М.: Луч, 1995. С.94.

торые утверждают, что власть может осуществляться и над неодушевленными предметами и животными⁷. Нам представляется целесообразным распространить на объект те же требования, которые предъявляются к субъекту, т.е. наличие сознания и воли. В соответствии с таким подходом и субъектом, и объектом властных взаимоотношений будут являться только человек либо коллектив людей.

Исходя из вышесказанного, попытаемся дать следующее определение власти как общесоциальной категории. Власть – это асимметричное социальное отношение, выражающееся в возможности субъекта воздействовать на поведение объекта.

Не менее дискуссионным является вопрос определения понятия, сущности и особенностей публичной власти. Категория власти включает в себя социальные и психологические моменты. Прямым следствием этого является то, что в основе любой власти лежат определенные интересы. Для современной науки традиционно классификация интересов на публичные и частные. В советский период понятие публичный интерес как таковое не рассматривалось. Впервые данный вопрос подвергся исследованию Юрием Александровичем Тихомировым⁸. Он определяет публичные интересы как «... общественные интересы, без удовлетворения которых невозможно, с одной стороны, реализовать частные интересы, с другой – обеспечить целостность, устойчивость и нормальное развитие организаций, государств, наций, социальных слоев, наконец, общества в целом. Это – официально признанные интересы, имеющие поддержку государства и правовую защиту. Следовательно, публичный интерес есть признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития»⁹.

В данном определении публичный интерес определяется через более широкое понятие – общественный интерес (интерес социальной общности). Фактически получается формула: «публичный интерес = общественный интерес + закрепление его правом». Логически продолжая процитированную мысль, можно сказать, что публичный и общественный интересы не тождественны друг другу, не каждый общественный интерес является публичным, так же как и не каждый публичный интерес является общественным.

Элементами структуры любой власти являются интерес и воля. Любая власть представляет собой волевую реализацию чьих-то интересов. Исходя из этого, можно выделить публичную и частную власть как реализующую публичные и частные интересы соответственно. И публичная, и частная власти будут выступать в качестве разновидностей социальной власти.

Под публичной властью следует понимать волевые отношения, в рамках которых реализуются общественно значимые, системообразующие, публичные интересы. Наличие данной власти служит условием и гарантией сохранения целостности и нормального функционирования определенной общности. Частная власть представляет собой власть, реализующую индивидуальные, частные интересы определенного человека либо совпадающие частные интересы группы людей. Примером частной власти будет власть отца над детьми, власть руководителя предприятия в отношении работников и др. Во всех перечисленных случаях посредством власти реализуются либо частные интересы отдельного человека, либо совокупность совпадающих интересов группы людей.

В советский период существовало два подхода к определению публичной власти. Согласно первому подходу, публичная власть отождествлялась с общественной. Л.А. Григорян писал, что «термин «публичная власть» означает всего лишь «общественная власть». А общественная власть существует во всяком обществе»¹⁰. Другие же авторы исходили из того, что публичную власть нельзя отождествлять с общественной, публичная власть является синонимом государственной и политической власти. А.И. Ким, полемизируя с Л.А. Григоряном, утверждал: «...мы убеждены, что общественная и публичная власть не тождественны; тождественны же публичная и государственная власти, порожденные политическими отношениями»¹¹. Данную точку зрения разделяют также В.Е. Гулиев и А.Г. Аникевич.

Несколько особняком стоит мнение Т.Н. Семеновой, которая считает, что публичная власть – это «не всякая существующая в обществе власть, а только такая, которая охватывает всех его членов, власть в пределах всего социального организма в целом»¹². В периодике тех лет также можно было встретить высказывание о том, что публичный характер власти означает руководство общими делами общества. Такие подходы гораздо ближе к современному пониманию сущности публичной власти, но они не вписывались в существующие идеологические каноны, к тому же данные точки зрения не были достаточно аргументированы и подверглись критике.

В современной научной литературе также отсутствует единообразное понимание природы публичной власти. В.Ф. Халипов дает следующее определение: «Публичная власть – власть (в присутствии публики), открытая народу и его суждениям, общественная по характеру, не частная, вовлекающая в управление широкие круги населения»¹³. А.А. Югов считает, что пу-

7 См. например: Кейзеров Н.М. Власть без будущего. Критика буржуазных теорий о будущем государства и права. М.: Издво «Юридическая литература», 1967. С.60-61; Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ // Полис, 2000. №1. С.98-99.

8 См.: Тихомиров Ю.А. Публичное право. М.: Издательство БЕК, 1995.

9 Тихомиров Ю.А. Публичное право. М.: Издательство БЕК, 1995. С.54-55.

10 Григорян Л.А. Советы – органы власти и народного самоуправления. М., 1965. С. 17. См. также: Он же. Народовластие в СССР. М., 1972. С. 16-21.

11 Ким А.И. Государственная власть и народное представительство в СССР. Томск: Издательство Томского университета, 1975. С.65.

12 Семенова Т.Н. Государство и государственная власть в классово-антагонистическом обществе // Философские науки. 1978. №6. С. 14.

13 Халипов В.Ф. Власть. Основы кратологии. М.: Луч, 1995. С. 134.

бличная власть «... есть система всеобщего участия населения в решении совместных дел»¹⁴. В.Е. Чиркин отмечает: публичная власть – это разновидность социальной власти, возникающая в «территориальных объединениях людей», имеющая «общий, общественный, а не частный характер. Это – территориальные публичные коллективы... Власть в таком коллективе предназначена сохранять и охранять коллектив...»¹⁵.

Более точным, по нашему мнению, является определение, предложенное В.И. Савиным. «Публичная власть – это суверенная власть, представляющая способность народа, а также юридически закрепленное право (возможность) лиц, замещающих должности в государственных или муниципальных органах, воздействовать от имени государства на его население либо население государственных или муниципальных образований в той или иной сфере общественной жизни с целью осуществления общегосударственной политики»¹⁶.

В свою очередь Конституция РФ не использует понятие «публичная власть», а указывает на то, что народ осуществляет свою власть через органы государственной власти и местного самоуправления. Поэтому с определенной долей условности именно его можно назвать высшим органом публичной власти. Воля народа, а не какого-либо органа государственной власти или высшего должностного лица является основой для построения и деятельности системы органов государственной власти в Российской Федерации. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что именно народ является субъектом публичной власти в Российской Федерации, обладающим правом осуществлять свою власть путем непосредственной и представительной демократии. Именно народ прямо или косвенно осуществляет формирование остальных субъектов публичной власти – государственных органов и органов местного самоуправления. Объектом публичной власти всегда является человек, выступающий в различных общественно правовых статусах.

В юридическую практику РФ термин «публичная власть» был впервые введен официальными документами Конституционного суда РФ, в которых она определяется как широкое понятие, включающее государственную власть на федеральном и региональном уровне и местное самоуправление.¹⁷

Для полного раскрытия категории «публичная власть» необходимо рассмотреть принципы организации и функционирования публичной власти

Принципы (от лат. «*prīncipiūm*» – первоначально, основа) – это основополагающие идеи (требования),

характеризующие содержание, сущность и назначение в обществе публичной власти; определяющие в своей совокупности идеальную модель (способ) организации и деятельности объектов публичной власти.

Обозначим основные принципы публичной власти и дадим им краткую характеристику.

1. Принцип законности. В классическом виде содержание данного принципа закреплено в ст. 15 Конституции РФ: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. Органы государственной власти, местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». Можно сказать, что реализация публичной власти должна осуществляться только в рамках, установленных правом.

2. Принцип единства системы публичной власти. Идея единства власти в различные исторические эпохи наполнялась различным содержанием. На сегодняшний день единство власти можно понимать трояко: как социальное единство, как единство целей и направлений деятельности, и, наконец, как организационное единство¹⁸.

Под организационным единством понимается принадлежность всей полноты власти либо одному органу (например, монарху), либо определенному виду органов (советы). Исходя из этого, теория разделения власти отвергается как неприемлемая. Учитывая, что «плюсы» и «минусы», а также результаты организационного единства органов власти общеизвестны, отметим, что на сегодняшний день сфера применения данного аспекта принципа значительно сужена и ограничивается, в основном, сферой исполнительной власти (в частности, правоохранительных органов).

Гораздо чаще единство власти рассматривается как единство целей и направлений деятельности. Любая властная деятельность а priori включает в себя процесс целеполагания. Причем в основе процесса целеполагания, осуществляемого различными органами, должны лежать идентичные, схожие базовые принципы, ценности, идеи. Только наличие такого единства способно обеспечить полноценную реализацию целей и задач, стоящих перед институтами публичной власти. В то же время не стоит и абсолютизировать данную грань принципа: в современном демократическом обществе абсолютного единства быть не может. Отсутствие каких-либо разногласий, как правило, говорит о стагнации, преобладании тоталитаристских тенденций, отсутствии в обществе плюралистических и демократических начал.

Достаточно актуален вопрос социального единства власти. С формальной точки зрения социальное единство определяется источником власти. Власть может

14 Югов А.А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации: Монография. Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 1999. С. 12.

15 Чиркин В.Е. Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 9.

16 Савин В. И. Муниципальное право России. Учебно-методическое пособие. М.: «Формула права», 2007. С. 8.

17 См. например Постановление Конституционного суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92–94 Конституции Республики Коми от 31 октября 1994 г. «Об органах исполнительной власти в Республике Коми»// СЗ РФ. 1998. № 4. Ст. 532.

18 См.: Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: Учебник. М.: Юрист, 2001. С. 142–146.

принадлежать народу (большинство стран), трудящимся (социалистические страны) либо блоку сил¹⁹. С содержательной же точки зрения социальное единство означает социальную базу власти, те социальные группы, страты, классы, которые составляют социальный фундамент власти, на которые в основном ориентируется деятельность и которыми в большей степени поддерживается деятельность субъектов публичной власти.

3. Принцип гласности. Данный принцип также является одним из основополагающих принципов. Применительно к деятельности субъектов публичной власти данный принцип означает обеспечение открытости и доступности информации об их решениях и действиях.

4. Принцип компетенционной самостоятельности и независимости различных субъектов публичной власти. Данный принцип по своему содержанию является аналогичным принципу разделения власти в сфере государственной власти. Отметим, что внедрение данного принципа позволит создать ситуацию, когда различные субъекты публичной власти, обладая собственной компетенцией, не смогут произвольно вторгаться в сферу компетенции других субъектов, подменять их и ограничивать их самостоятельность. Введение же системы взаимного сдерживания, аналогичной системе сдержек и противовесов в сфере государственной власти, не позволит непропорционально усиливаться отдельным видам публичной власти, вытесняя другие виды власти из сферы принятия решений.

5. Принцип ответственности. На сегодняшний день практически все ученые, так или иначе затрагивающие в своих исследованиях вопросы власти, отмечают необходимость установления взаимной ответственности субъектов и объектов власти²⁰. Причем в силу российской специфики акцент делается именно на ответственности субъектов, и в первую очередь органов публичной власти, так как институт ответственности граждан теоретически более разработан и применяется на практике гораздо активнее. Тем не менее, стало уже почти аксиоматичным, что личность (выступая в большинстве случаев в ка-

честве объекта власти) и различные органы власти (являясь, как правило, субъектами власти) несут равную ответственность друг перед другом и, согласно формулировке Конституционного Суда РФ, «связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностью»²¹.

Рассмотренные выше пять принципов свойственны публичной власти во всех исторических эпохах и любых обществах и государствах. В современных демократических обществах для публичной власти характерен еще один принцип – принцип признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Конституция РФ в ст. 2 провозглашает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». В ст. 18 Конституции закреплено: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Однако последовательная реализация данного принципа требует четкого правового закрепления не только прав граждан, но и корреспондирующих им обязанностей соответствующих органов публичной власти. И если перечень прав и свобод человека и гражданина, закрепленный в законодательстве, в целом соответствует современным представлениям и международным нормам, то с закреплением корреспондирующих обязанностей дело обстоит несколько хуже. Полная ясность в вопросе распределения компетенции между субъектами публичной власти различных видов и уровней в рассматриваемой области в действующем законодательстве отсутствует. На практике нередко возникают ситуации, когда не совсем понятно, чья же именно обязанность корреспондирует тому или иному праву человека.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что публичная власть – это совокупность общественных отношений связанных с возможностью субъекта обеспечить подчинение воли объекта в целях реализации закрепленных правом общественных интересов. Осуществление публичной власти должно основываться на следующих принципах: законности, единства системы публичной власти, гласности, компетенционной самостоятельности и независимости, ответственности и принципе признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина

21 См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 г. №17-п по делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова// СЗ РФ. 1996. №1. Ст.54.

Библиографический список

1. *Dahl R.* Power as the Control of Behavior // *Power* / Ed. by S. Lukes. Oxford, 1986.
2. *Барнашов А.М.* Единство власти и его воплощение в государственном строительстве в СССР. Томск, 1979.
3. *Бобылев А.И.* Общество, гражданское общество, личность, государство, право. Их взаимодействие на современном этапе // *Право и политика*, 2001. №3.
4. *Гоббс Т.* Избранные произведения в 2-х томах. Т.2. М.: Мысль, 1991.
5. *Григорян Л.А.* Народовластие в СССР. М., 1972.
6. *Григорян Л.А.* Советы – органы власти и народного самоуправления. М., 1965.
7. *Догадайло Е.Ю.* Личность в системе отношений власти: теоретико-правовой и социально-психологический аспекты.

Дисс... канд. юрид. наук. М., 1995.

8. *Кейзеров Н.М.* Власть без будущего. Критика буржуазных теорий о будущем государства и права. М.: Юридическая литература, 1967.
9. *Кейзеров Н.М.* Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. М., 1972.
10. *Ким А.И.* Государственная власть и народное представительство в СССР. Томск: Издательство Томского университета, 1975.
11. *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ // Полис, 2000. №1.
12. Постановление Конституционного суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92–94 Конституции Республики Коми от 31 октября 1994 г. «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» // СЗ РФ, 1998. № 4. Ст. 532.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 г. №17-п по делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова// СЗ РФ. 1996. №1. Ст.54.
14. *Савин В.И.* Муниципальное право России. Учебно-методическое пособие. М.: «Формула права», 2007.
15. *Савин В.И.* Ответственность государственной власти перед обществом // Государство и право, 2000. №12.
16. *Семенова Т.Н.* Государство и государственная власть в классово-антагонистическом обществе // Философские науки, 1978. №6.
17. Теория государства и права / Отв. Ред. д.ю.н., проф. В.Д. Перевалов. М.: Норма, 2006.
18. *Тихомиров Ю.А.* Публичное право. М.: Издательство БЕК, 1995.
19. *Халипов В.Ф.* Власть. Основы кратологии. М.: Луч, 1995
20. *Чиркин В.Е.* Конституционное право зарубежных стран: Учебник. М.: Юрист, 2001.
21. *Чиркин В.Е.* Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права, 2009. № 7.
22. *Югов А.А.* Правовые основы публичной власти в Российской Федерации: Монография. Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 1999.

References

1. *Dahl R.* Power as the Control of Behavior // Power / Ed. by S. Lukes. Oxford, 1986.
2. *Barnashov A.M.* The unity of the government and its embodiment in the state building in SSSR. –Tomsk, 1979.
3. *Bobilev A.I.* Society, civil society, the individual, state, law. Their interaction at the present stage // Law and Policy, 2001. № 3.
4. *Thomas Hobbes.* Selected Works in 2 volumes. V.2. M: Mysl', 1991.
5. *Grigoryan L.A.* Democracy in the USSR. Moscow, 1972.
6. *Grigoryan L.A.* Soviets – authorities and organs of popular self-government. Moscow, 1965.
7. *Dogadaylo E.Yu.* Personality in the system of power relations: theoretical and legal, social and psychological aspects. Diss ... Candidate in Law. M., 1995.
8. *Keizerov N.M.* Power without future. The criticism of bourgeois theories about the future of the state and law. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1967.
9. *Keizerov N.M.* Power and authority. The criticism of bourgeois theories. Moscow, 1972.
10. *Kim A.I.* Government and the people's representation in the Soviet Union. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 1975.
11. *Ledyayev V.G.* Power: a conceptual analysis // Polis, 2000. №1.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 15, 1998 №3-P “In the case on the constitutionality of Articles 80, 92-94 of the Constitutional Republic of Komi from 31 October 1994” “On the bodies of executive power in the Republic of Komi” // Collection of Laws of the Russian Federation, 1998. № 4. Art. 532.
13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 20, 1995 № 17-P of the case on the constitutionality of several provisions of paragraph “a” of Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with V.A. Smirnov's claim // Collection of Laws of the Russian Federation. – 1996. – № 1. – Article 54.
14. *Savin V.I.* Russian municipal law. Manual. – M.: – “Formula Prava”, 2007.
15. *Savin V.N.* The government's responsibility to the society // State and Law, 2000. № 12.
16. *Semenova T.N.* The state and the government in a class-antagonistic society // Philosophical Sciences, 1978. № 6.
17. Theory of State and Law / Ed. Doctor of Law, Professor V.D. Perevalov. M.: Norma, 2006.
18. *Tikhomirov Yu.A.* Public Law. M.: BEK, 1995.
19. *Khalipov V.F.* Power. Basics of kratology. M.: Luch, 1995.
20. *Chirkin V.E.* The constitutional law of foreign countries: Textbook. M.: Yurist, 2001.
21. *Chirkin V.E.* The public power in modern society // Journal of the Russian Law, 2009. № 7.
22. *Yugov A.A.* Legal basis for public authorities in the Russian Federation: Monograph. Ekaterinburg: Ural State Law Academy, 1999.

УДК 341: 502.34

UDC 341: 502.34

А.Ю. ЛИПОВЕЦКАЯ

аспирант, ассистент кафедры международного и
международного частного права Орловского государ-
ственного университета
E-mail: anes89@mail.ru

A.Y. LIPOVETSKAYA

postgraduate student, assistant chairs international and
international private law, Orel state university
E-mail: anes89@mail.ru

ОРХУССКАЯ КОНВЕНЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

AARHUS CONVENTION AS ENVIRONMENT PROTECTION MECHANISM

Орхусская конвенция конвенция Европейской Экономической Комиссии ООН «О доступе к информации, участию общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды». Конвенция была подписана в г. Орхусе в Дании 25 июня 1998 г. Цель Конвенции поддержка защиты прав человека на благоприятную окружающую среду для его здоровья и благосостояния, на доступ к информации, на участие общественности в процессе принятия решений и на доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды.

Ключевые слова: Орхусская конвенция, доступ к экологической информации, участие общественности по вопросам окружающей среды.

The UNECE Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-making and Access to Justice in Environmental Matters. Convention was signed on June 25, 1998 in the Danish city of Aarhus. The Convention purpose support of protection of human rights on favorable environment for its health and welfare, on access to information, on participation of the public in governmental decision-making process and on access to justice on the questions concerning environment.

Keywords: the Aarhus Convention, access to ecological information, public participation concerning environment.

Вопросы осуществления прав граждан на участие в принятии экологически значимых решений регулируются большим количеством нормативно-правовых актов как международного, так и российского (федерального, регионального и местного) уровней. Формы и механизмы общественного участия могут быть различными [3].

В силу части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

К актам международного уровня можно отнести:

Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 14 июня 1992 год);

Декларация министров по вопросам окружающей среды региона Европейской экономической комиссии Организации Объединенных наций (София, 25 октября 1995 год);

Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхус, 25 июня 1998 год);

Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий и Конвенция по охране и исполь-

зованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17 марта 1992 года);

Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Эспо, 25 февраля 1991 год), Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Киев, 21 мая 2003 года).

В Декларации Конференции ООН по окружающей среде и развитию провозглашено, что для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него.

К актам российского уровня можно отнести:

Право граждан на участие в процессе принятия решений базируется на Конституции РФ, среди основных статей:

ст. 32 Конституции РФ закрепляет право граждан участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей;

ст. 33 Конституции РФ говорит о праве граждан обращаться лично и направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления;

ст. 31 Конституции РФ гарантирует право граждан на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетов;

ст. 42 Конституции РФ, в соответствии с которой

«каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением»;

ст. 72 Конституции РФ, согласно которой вопросы владения, пользования, распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами относятся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов.

Федеральный конституционный закон от 28.06.04 № 4-ФКЗ «О референдуме в Российской Федерации»;

Земельный кодекс РФ – п.1 ст.1, п. 3 ст. 31, п. 3 ст. 72;

Водный кодекс РФ – п.6 ст.3;

Лесной кодекс РФ – п.7 ст.1

Градостроительный Кодекс РФ – п.5 ст. 2, статьями 28 и 47;

Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» – статья 12;

Федеральный закон Российской Федерации от 02.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» – статьи 11 и 12;

Федеральный закон РФ от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» – статьи 3, 6, 14 и другие.

На региональном и местном уровнях могут быть приняты свои законы.

Несмотря на обширную нормативно-правовую базу, регламентирующую участие общественности в принятии решений, не совсем ясен механизм общественного участия, роль учета общественного мнения сведена к минимуму. Из многих нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней изъяты нормы, регламентирующие учет общественного мнения при осуществлении хозяйственной деятельности.

Несмотря на то, что вопросы охраны окружающей среды и природопользования находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, субъекты Российской Федерации неактивно участвуют в законопроектной деятельности.

Орхусская конвенция занимает особое место среди международных природоохранных конвенций. Например, Генсеком ООН Кофи Аннаном разработка и начало внедрения Орхусской конвенции были оценены как «самый значительный шаг в формировании мирового гражданского общества». Общеизвестно, что ее положения отвечают высочайшим современным стандартам в сфере свободы информации и демократии участия. Конвенция, как ни один другой международный правовой документ высочайшего уровня по вопросам экополитики, базируется на идее прав человека и прав общественности. Она уникальна также тем, что имеет процедурный характер и касается любой сферы, где может оказываться влияние на окружающую среду.

Эта международная конвенция основывается на положениях 1-й Стокгольмской декларации по проблемам окружающей среды, 10-й декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию, резолюции Генеральной Ассамблеи о Всемирной хартии природы и Хартии о необходимости обеспечения здоровой окру-

жающей среды, а также Европейской хартии по окружающей среде и здравоохранению.

На каждую страну-участницу конвенции налагаются обязательства по принятию необходимых законодательных, регламентирующих мер для создания и поддержания четкой, открытой и согласованной структуры для осуществления положений конвенции.

С 1998 года конвенцию подписали и ратифицировали более 40 стран западной и восточной Европы, центральной Азии (кроме Узбекистана). Россия подписала конвенцию, но до сих пор не ратифицировала ее, хотя официальные лица часто говорят о том, что работа по ратификации ведется [1].

Например, последнее упоминание о работе по ратификации Орхусской конвенции на официальном сайте Минприроды датировано ноябрем 2011 года. «Минприроды России подготовлены проекты соответствующих Федеральных законов, предложения Министерства по ратификации Орхусской конвенции на данный момент находятся на согласовании в федеральных органах исполнительной власти». С тех пор ничего не изменилось – документы до сих пор находятся на согласовании в федеральных органах власти.

Кроме того, даже российские общественники в конце 1990-х выступали против присоединения к этой конвенции, поскольку согласно действующему на тот период российскому законодательству, любая намечаемая деятельность должна была пройти обсуждение с общественностью, кроме того, любая экологическая информация должна была быть открыта [2].

«В то время наше внутренне экологическое законодательство было настолько гармонизировано, и многие нормы были гораздо шире, чем конвенция. В то время ратификация конвенция ослабила бы многие пункты. 15 лет назад никто не мог предположить, что все экологическое законодательство будет изменено в худшую сторону до неузнаваемости», – считает юрист Экологического Правозащитного Центра «Беллона» Нина Попарво [3].

Присоединение к конвенции потребует внесения в российское законодательство многочисленных изменений, публикацию экологической информации, а также открытие и содержание национального Орхусского центра, через который любое заинтересованное лицо сможет получить интересующие его сведения об охране окружающей среды, природоохранных мероприятиях и угрожающих экологии проектах. Бюджетные затраты на реализацию этих мероприятий оцениваются в 44 млн рублей, ежегодные расходы – еще в 8,6 млн рублей [4].

Конвенция провозглашает *право каждого человека на здоровую окружающую среду*, что означает “жить в окружающей среде, благоприятной для здоровья и благосостояния”.

Цель этой конвенции – гарантировать права:

- **на доступ к экологической информации,**
- **на участие общественности в процессе принятия решений,**
- **на доступ к правосудию.**

Эти права являются способами осуществления

основного права – права на здоровую окружающую среду.

Орхусская конвенция – это соглашение между европейскими странами о работе с общественностью по вопросам окружающей среды. Страны, подписавшие эту конвенцию, обещают:

- Сделать доступными правительственные документы об экологической ситуации сегодня.
- Разрешить общественности участвовать в процессе принятия решений и сделать этот процесс прозрачным.
- Предоставить право общественности привлекать к ответственности в суде государственные или частные предприятия.

Под термином «общественность» может пониматься один гражданин или несколько граждан. Обычно это организации или группы инициативных граждан в соответствии с национальным законом. Общественность – это физические или юридические лица, которые официально не являются ответственными за принятие решений по обсуждаемому вопросу, но интересы которых могут быть затронуты этим решением.

Доступ к экологической информации:

Право знать означает возможность для каждого человека получать информацию о состоянии окружающей среды. Открытость и доступность информации для граждан является основой демократического общества. Согласно Орхусской Конвенции, люди имеют особое право получать экологическую информацию.

Собирать и распространять экологическую информацию – является обязанностью государственных органов. Государственные службы должны не только собирать информацию, но также сообщать общественности, где можно получить эту информацию, и проводить общую работу по повышению информированности населения об экологической ситуации в регионе и о методах получения информации, и участия в процессе принятия решений.

Любой человек может требовать информацию без доказательств его заинтересованности. Очень важно помнить, что вы не обязаны являться гражданином или резидентом страны, информацию которой вы хотите получить. “Любой” – это действительно любой человек.

Информация в общественных списках, регистрах и файлах должна предоставляться бесплатно. Другие виды информации могут быть поданы за определенную сумму. Но она должна быть в разумных пределах, и органы власти должны указывать обстоятельства, по которым эта сумма может взиматься.

Экологическая информация - это информация:

- о состоянии элементов окружающей среды, таких как вода, воздух, почва;
- о биоразнообразии;
- о таких факторах, как отравляющие вещества, радиационное излучение, шумы и различные виды деятельности, влияющие на здоровье человека;
- о безопасности и состоянии здоровья человека, культурных объектов и зданий, условиях человеческой жизни.

Эта информация может быть в любом виде – письменном, электронном, визуальном и в иной материальной форме. Это не имеет значения. Общественность имеет право получить ее.

Запрос может быть отклонен только, если:

- он является необоснованным или сформулирован в общем виде;
- материал находится на заключительном этапе его подготовки;
- разглашение запрашиваемой информации отрицательно повлияет на конфиденциальность работы государственных органов, национальную безопасность, международные отношения, отправлению правосудия, конфиденциальность коммерческой информации.

Участие общественности в принятии решений по конкретным видам деятельности

Заинтересованная общественность адекватно, своевременно и эффективно информируется, в зависимости от обстоятельств, либо путем публичного уведомления, либо в индивидуальном порядке на самом начальном этапе процедуры принятия решений по вопросам, касающимся окружающей среды (о проекте, либо о процедуре, либо о возможностях участия общественности, публичном слушании, наконец, о самом информирующем государственном органе и состоянии окружающей среды).

Общественные слушания – это встречи общественности, разработчика проекта и лиц, принимающих решение. На общественных слушаниях граждане могут задавать вопросы и высказывать свое мнение.

Принятие нормативных и других юридических актов. Проекты нормативных и других юридических актов должны быть опубликованы на стадии их разработки. А общественность может внести замечания непосредственно или через представительный консультативный орган. Результаты участия общественности должны быть учтены в максимальной форме.

Доступ к правосудию:

Каждая страна должна обеспечивать всем заинтересованным лицам доступ к правосудию.

Представители общественности должны обладать информацией об административных и судебных процедурах для оспаривания действий или бездействия частных лиц и государственных органов, которые нарушают положения национального законодательства, относящегося к окружающей среде.

Должны обеспечиваться адекватные и эффективные средства правовой защиты, включая при необходимости средства правовой защиты в виде судебного запрещения, и быть справедливыми, беспристрастными, своевременными и не связанными с недоступно высокими затратами. Решения, принимаемые в соответствии с настоящей статьей, выносятся или протоколируются в письменной форме.

Общественность имеет доступ к решениям судов и, по возможности, других органов.

Также должна быть предоставлена информация об административных и судебных процедурах рассмотрения решений (для того чтобы общественность знала свои права).

Должны быть устранены финансовые и другие препятствия для доступа к правосудию.

Широкий доступ к правосудию означает, что каждый человек имеет возможность осуществить свои права. (Права на защиту своих интересов в суде имеет любой гражданин, организации, правительственные должностные лица и коммерческие предприятия).

Орхусская конвенция состоит из трех взаимосвязанных элементов:

Орхусская Конвенция является наиболее демократичным на сегодняшний день международным документом, закрепляющим права граждан на защиту своих прав в судебном порядке.

Для гармонизации российского законодательства в соответствии с международной конвенцией необходимо изменить более 40 законов Российской Федерации. В российском законодательстве необходимо закрепить [3]:

- совершенствование доступа к экологической информации;
- обеспечение информирования на раннем этапе;
- обеспечение участия общественности в подготовке проектов нормативных актов;
- развитие механизмов учета предложений, рекомендаций и замечаний общественности, высказанных в процессе общественных обсуждений.

В соответствии со статьей 21 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации и Министерство иностранных дел Российской Федерации должны представить свои предложения по вопросам присоединения/ратификации конвенции в правительство Российской Федерации.

Законопроект необходимо согласовать со всеми заинтересованными органами власти Российской Федерации (83 субъекта Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, 22 органа исполнительной власти).

В заключение хотелось бы отметить, что ратификация данной конвенции включена в План реализации Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства от 18 декабря 2012 г. № 2423-р).

Библиографический список

1. Практика Комитета по вопросам соблюдения Орхусской конвенции (2004–2011). Под ред. А. Андруевич, Т. Алге, К. Конрад, З. Козак. Львов. 2012. 238 с.
2. Киреева А. Российскому обществу нужна Орхусская конвенция / Электронное периодическое издание Беллона. Ру www.bellona.ru
3. Общественное участие в принятии решений, влияющих на окружающую среду: сборник материалов всероссийской конференции 18–19 апреля 2013 года, Санкт-Петербург.
4. Российским «зеленым» обещают международные стандарты демократии / научно-практический портал «Экология производства» <http://www.ecoindustry.ru/news/view/31422.html#>
5. Конвенция Европейской Экономической Комиссии ООН «О доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» (Заклучена в г. Орхусе 25.06.1998) / справочная правовая система КонсультантПлюс; сайт Конвенции <http://www.unece.org/env/pp/>

References

1. Case Law of the Aarhus Convention Compliance Committee (2004–2011). A.Andrusevych, T.Alge, C.Konrad(eds),Lvov. 2012. 238 p.
2. Kireeva A. The Aarhus convention / the Electronic periodical publication Bellona.Ru www.bellona.ru
3. Public participation in the decision-making, influencing environment: collection of materials of the All-Russian conference on April 18-19, 2013, St. Petersburg.
4. To Russian «green» promise the international standards of democracy / a scientific and practical portal «Production ecology» <http://www.ecoindustry.ru/news/view/31422.html#>
5. The UNECE Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-making and Access to Justice in Environmental Matters (was signed on June 25, 1998 in the Danish city of Aarhus) / help legal system ConsultantPlus; Convention site <http://www.unece.org/env/pp/>

УДК 355.648:347.615.1-054.6

UDC 355.648:347.615.1-054.6

Е.Н. МИХАЙЛОВА

аспирант кафедры трудового права, гражданского и арбитражного процесса Юго-западного государственного университета, ведущий специалист-эксперт отдела организации исполнительного производства Управления ФССП России по Курской области

И.В. МИХАЙЛОВ

кандидат медицинских наук, ассистент кафедры нормальной физиологии Курского государственного медицинского университета

E.N. MIKHAILOVA

postgraduate student, Chair of the labour law, civil and arbitration process, of South-Western State University, leading expert of the Department of Executive production Control FSSP is Russia's Kursk region

I.V. MIKHAYLOV

Ph.d. Assistant Professor Department of normal physiology of the Kursk State Medical University

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗЫСКАНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SINGL QUESTION OF COLLECTING ALIMENTARY OBLIGATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Данная статья посвящена исследованию вопросов, связанных с взысканием алиментных платежей по исполнительным производством с участием иностранного элемента. В настоящее время наметилась тенденция к увеличению количества браков, заключаемых гражданами России с иностранными гражданами, в результате чего возникает необходимость детальной регламентации брачно-семейных отношений в вышеуказанной сфере, в том числе алиментных отношений, осложненных иностранным элементом.

Ключевые слова: алименты, брачно-семейные отношения, иностранный элемент, проблемы взыскания.

This article is dedicated to the study of issues related to the enforcement of maintenance obligations on Executive proceedings with a foreign element. Currently there is a trend towards an increasing number of marriages between nationals of Russia with foreign citizens, resulting in the need for detailed regulation of marital and family relations in this area, including the maintenance of relations with foreign element.

Keywords: child support, marriage and family relations, a foreign element, the problem of foreclosure.

В соответствии с Конституцией РФ в России высшей ценностью является человек, его права и свободы, защита которых – основная задача государства. На любом этапе развития страны первоочередными становятся вопросы, связанные с поддержкой малоимущих и социально незащищенных слоев населения. Особенно это актуально для стран, провозглашенных социальными государствами, то есть государствами, которые берут на себя заботу о своих малообеспеченных гражданах. [1]

Механизм взаимодействия государства и общества в вопросах, касающихся социальной поддержки незащищенных слоев российского общества, законодательно недостаточно проработан, следствием чего является несоблюдение баланса интересов сторон. Так как государство не обеспечивает должный уровень социальной защиты общества, обязанности по содержанию малообеспеченных лиц возлагаются на трудоспособных членов семей.

На территории Российской Федерации право на получение алиментного содержания возникает у различных категорий граждан. Брачно-семейные отношения являются основой для возникновения алиментных правоотношений. В первую очередь, оказывать финансовую поддержку обязаны родители своим несовершеннолетним детям, а также нетрудоспособным

совершеннолетним детям, нуждающимся в помощи.

В свою очередь трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать и заботиться о своих нетрудоспособных родителях. Также на получение алиментного содержания вправе претендовать супруги и бывшие супруги на основаниях, установленных главой 14 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ).

Правом на получение алиментов обладают и лица, перечень которых содержится в главе 15 СК РФ, а именно, братья и сестры, внуки, бабушки и дедушки и так далее.

Таким образом, правом на получение алиментного содержания обладает достаточно обширный круг лиц, однако на практике основную массу алиментных обязательств составляют обязательства по взысканию алиментов в пользу несовершеннолетних детей.

Согласно статистическим данным Федеральной службы государственной статистики, в настоящее время в Российской Федерации наблюдается постоянный устойчивый рост количества неполных семей. Таких семей в России насчитывается более 6 млн. В свою очередь из них: более 5 млн. матерей-одиночек и около 600 тыс. одиноких отцов.

Таким образом, острота вопроса, связанного с уплатой алиментов на содержание детей, не вызывает сомнений, ведь более половины родителей, не прожи-

вающих с детьми, периодически уклоняются от уплаты алиментов, а каждый третий – не платит их вообще.[3]

Несомненно, в условиях глобального кризиса института семьи, роста индивидуализма в обществе, процветания алкоголизма и наркомании все большее количество браков в России, да и во всем мире, будет распадаться, вследствие чего вырастет количество родителей-одиночек, имеющих право на получение содержания на детей.

Не менее актуальным для российского и зарубежного общества стал вопрос, связанный с массовым формированием браков российских граждан с иностранцами.

Для заключения брака с иностранным гражданином на территории России важно учитывать весь спектр правовых тонкостей международных договоров и законодательств различных государств. Однако, несмотря на все сложности оформления интернациональных браков, количество их неуклонно растет, в свою очередь увеличивается и количество разводов. В связи с этим остро встает вопрос регулирования возникающих алиментных обязательств с участием иностранного элемента.

Рассматривая проблему регламентации алиментных отношений, осложненных иностранным элементом, необходимо отметить, что в настоящее время обозначенной проблематике уделено недостаточное количество внимания, несмотря на то, что в последнее время вопросы, возникающие в вышеуказанной сфере, приобретают все большее социальное, политическое, культурное значение.

Как показывает практика, чаще всего ситуация, когда необходимо провести взыскание алиментов с иностранного гражданина, случается, если один из супругов выехал из страны на постоянное место жительства за пределы Российской Федерации либо когда один из супругов изначально был иностранцем.

Порядок взыскания алиментов с иностранного гражданина во многом зависит от наличия заключенного между Россией и иностранным государством двух- или многостороннего договора, который регулирует семейные взаимоотношения. В настоящее время соглашения об оказании правовой помощи по семейным делам заключены между Россией и большинством стран СНГ, а также некоторыми европейскими, африканскими и азиатскими государствами.

Для регулирования алиментных отношений, осложненных наличием в них иностранного элемента, применяются нормы Международных Конвенций и договоров о правовой помощи, а также коллизионные нормы национального законодательства.

Основополагающими международными нормативными актами, регулирующими «интернациональные» алиментные отношения, являются: Конвенция о взыскании за границей алиментов от 20 июля 1956 г., г. Нью-Йорк; Гагская конвенция о признании и исполнении судебных решений по делам об алиментах в пользу детей от 1958 г.; Гагская конвенция о праве, применимом к алиментным обязательствам от 1973 г.; Гагская конвенция о взыскании алиментов на детей и

других форм поддержки семьи от 2007 г.

К сожалению, Российская Федерация не является участницей ни одной из вышеперечисленных конвенций, и поэтому получение алиментов с иностранного гражданина – процесс достаточно длительный и трудоемкий, включающий в себя несколько вариантов реализации.

Во-первых, возможно предъявление иска по месту жительства лица, на которого возлагается обязанность по выплате алиментов, а именно в суд соответствующего государства, на территории которого проживает ответчик. Таким образом, спор будет рассматриваться в соответствии с законодательством иностранного государства, и в случае вынесения положительного решения оно непосредственно будет принято к исполнению.

Во-вторых, существует возможность предъявить иск в суд РФ по месту регистрации истца. В данном случае речь идет о подсудности по выбору истца, которая осуществляется в соответствии с нормами ст. 29 Гражданского процессуального кодекса РФ.

В дальнейшем полученное решение о взыскании алиментных платежей необходимо направить в государство, где проживает ответчик для прохождения процедуры признания. Если решение российского суда будет признано, то оно будет исполняться в иностранном государстве.

Несомненно, что в целях дальнейшего совершенствования и развития института алиментных отношений с участием иностранного элемента назрела необходимость в заключении новых и совершенствовании уже существующих многосторонних договоров о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, а также иных законодательных актов, основная цель которых должна заключаться в выработке единообразного подхода к регламентации международных частноправовых отношений.

Нередко после расторжения брака, заключенного между гражданами Российской Федерации, лицо, на которое возлагается обязанность по уплате алиментного содержания, выезжает за границу в надежде скрыться от компетентных органов. В таком случае бремя взыскания алиментных платежей с ответчика, по сути являющегося иностранным элементом, возлагается на Федеральную службу судебных приставов РФ (далее – ФССП РФ), поэтому не стоит забывать и о необходимости постоянного совершенствования комплексной программы по оптимизации взыскания алиментов, проводимой ФССП РФ на протяжении последних лет.

Так, в результате ее реализации произошло снижение количества судебных актов о взыскании алиментных платежей. Например если в 2007-2008 годах возбуждалось в среднем 1,2 млн. исполнительных производств, в 2009 году – 1,1 млн., то в 2010 году – 977 тыс., в 2011 – 881 тыс., а в 2012 – уже 787 тыс.[2]

По нашему мнению, необходимо не только снизить количество поступающих на исполнение судебных актов, но и более эффективно исполнять те решения суда, на основании которых уже возбуждены исполнитель-

ные производства. Для этого нужно применять весь имеющийся комплекс мер принудительного характера, включающий в себя: проверку имущественного положения должника, розыск и арест счетов (в том числе и валютных) должника в кредитных учреждениях, запрет на выезд должника за пределы Российской Федерации и так далее.

В целях совершенствования вышеуказанного комплекса мер стоит обратиться к зарубежному опыту. Например, в Финляндии исполнительный процесс осуществляется на основе информационной системы взысканий, поддерживаемой с помощью автоматической обработки данных, что в свою очередь облегчает и ускоряет процесс принудительного исполнения и обеспечивает доступ к информационным данным в отношении должника.

То есть в момент поступления в единую информационную систему сведений о предъявлении к исполнению исполнительного документа система автоматически начинает сбор информации о должнике и в течение 24 часов в службу поступает вся информация из государственных и кредитных учреждений о наличии у должника собственности, счетов в банках, а также любая информация от транспортных организаций, страховых и медицинских компаний.

Таким образом, быстрый доступ судебных исполнителей к данным, касающимся имущественного по-

ложения должника, значительно ускоряет процесс исполнения.[4]

Применительно к российской системе принудительного исполнения решений суда можно сказать, что сбор информации о должнике занимает значительно больше времени, а это существенно снижает шансы на исполнение решения. Следовательно, с целью повышения исполнения решений суда необходимо наладить электронный информационный обмен со всеми государственными органами, обладающими информацией об имущественном положении должника, а также кредитными и иными учреждениями.

С целью повышения эффективности исполнения алиментных обязательств с участием иностранного элемента необходимо, по нашему мнению, совершенствовать способы взаимодействия Федеральной службы судебных приставов РФ и Международного союза судебных исполнителей в рамках заключенного в ноябре 2008 года в Париже Соглашения о сотрудничестве. Также важным направлением в развитии системы взаимодействия должно стать систематическое проведение семинаров и конференций, заседаний советов и конгрессов Международного союза судебных исполнителей. Итоговой целью сотрудничества должно стать создание единого правового и информационного пространства в сфере исполнения алиментных обязательств.

Библиографический список

1. Воронов Е.Н. Практические проблемы взыскания алиментных обязательств. Семейное и жилищное право. 2013; № 3. С. 2-5.
2. Доклад директора ФССП России А.О. Парфенчикова на коллегии ФССП России по итогам деятельности за 2012 год от 23.01.2013. <http://www.fssprus.ru/>
3. Комментарии уполномоченного при президенте России по правам ребенка Павла Астахова от 26.04.2012. http://www.gazeta.ru/social/news/2012/04/26/n_2314345.shtml
4. Организационная структура органов принудительного исполнения Финляндии от 15.10.2012. http://www.r86.fssprus.ru/finljandskaja_respublika/

References

1. Voronov E.N. practical problems of recovery of maintenance obligations. Family and housing law. 2013; 3: 2-5.
2. Report of the FSSP Russia on board the FSSP Parfenčikova S.a. of Russia on the basis of the activities for the year 2012 from 23.01.2013. <http://www.fssprus.ru/>
3. Comments by Presidential Commissioner for children's rights Pavel Astakhov from 26.04.2012 http://www.gazeta.ru/social/news/2012/04/26/n_2314345.shtml
4. The organizational structure of the enforcement bodies of Finland on October 15, 2012. http://www.r86.fssprus.ru/finljandskaja_respublika/

УДК 341.221.25.28

UDC 341.221.25.28

К.И. ПОЛЯКОВ

аспирант кафедры международного и международно-частного права Орловского государственного университета
E-mail: kostya_polyakov@list.ru

K.I. POLYAKOV

postgraduate student of International and International Private Law of the Orel State University
E-mail: kostya_polyakov@list.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ МУРМАНСКОГО ТОРГОВОГО ПОРТА

THE INTERNATIONAL LEGAL REGIME OF THE MURMANSK COMMERCIAL PORT

Правовой режим Мурманского торгового порта в большей мере регулируется нормами национального права. С развитием экономических отношений возникает необходимость создания максимально-благоприятных условий для экспортеров и импортеров торгового мореплавания, заставляя тем самым государство осуществлять свою суверенную власть в портах с учетом сложившейся мировой практики, которая облегчает процедуру захода и пребывания иностранных торговых судов.

Ключевые слова: открытый торговый порт, стивидоры, морская администрация порта, правовой режим.

The legal regime of the Murmansk commercial port is mainly regulated by national law. With the development of economic relations is necessary to create maximally favorable conditions for exporters and importers of commercial navigation, thus forcing the state to exercise its sovereign authority in the ports given the prevailing international practice, which makes for easier entry and stay of foreign merchant ships.

Keywords: open trading port, harbor, sea port authorities, legal regime.

Мурманский морской торговый порт является открытым для захода всех иностранных торговых судов. Государство объявляет перечень открытых портов в «извещениях мореплавателям». Помимо открытых портов, в правовом отношении противопоставляются закрытые порты.

Рассматривая законодательную базу Мурманского торгового порта, необходимо уточнить его основные виды деятельности.

Мурманский торговый порт осуществляет погрузку, разгрузку и обслуживание Российских и иностранных судов; транспортно-экспедиторские и складские операции с грузами; перевалка на морской транспорт грузов с других видов транспорта и обратно; перевалка крупногабаритных и тяжеловесных грузов. Завоз таких грузов в порт осуществляется по согласованию грузовладельца и порта[1].

Как упоминалось ранее, Мурманский морской торговый порт является открытым, тем самым обеспечивается свободный доступ всех торговых судов независимо от флага и без какой-либо дискриминации. Так же нельзя забывать про суда терпящие бедствие, которые также могут осуществить заход в порт.

Немного отойдя от темы открытости, целесообразно отметить ключевые направления в развитии деятельности данного субъекта, а именно: ориентация на общемировые стандарты обслуживания, оптимизация управления портовым комплексом, постоянный рост грузооборота. В связи с чем с 2010г. реализуется совместный проект, правительства РФ, правительства Мурманской области и администрации муниципальных

образований Кольского района и города Мурманска о создании портовой особой экономической зоны (ПОЭЗ).

Спустя два года постановлением Администрации города Мурманска от 12.10.2012 N 2432 был утвержден административный регламент исполнения функции по осуществлению муниципального контроля на территории особой экономической зоны.

Затронутые два ключевых понятия по оптимизации и развитию порта, а именно: создание портовой особой экономической зоны и открытости порта, наглядно демонстрируют стремление соответствию общемировым стандартам. Открытость Мурманского торгового порта находится на стадии постоянного дополнения, будь это изменения в КТМ или новые постановления и распоряжения правительства. Ввиду чего сегодня актуализированное в международно-правовой литературе высказывание нашло свое воплощение. А именно, «Что если перечень портов открытых для захода атомных иностранных судов будет доведен до всеобщего сведения, подобно тому, как это делается в отношении портов принимающих обычные суда» [2].

Вследствие, для захода атомных судов в эти порты, не потребуется предварительного разрешения прибрежного государства. Данное высказывание в симбиозе с понятием открытого торгового порта, вылилось в изменение и дополнение открытости Мурманского морского торгового порта.

Распоряжением правительства Российской Федерации от 14.10.03 №1491-р по решению Главы Правительства РФ Михаила Касьянова, который утвер-

дил перечень морских портов Российской Федерации, в которые разрешается заход (выход) судов и иных плавсредств, транспортирующих ядерные материалы, радиоактивные вещества и изделия, их содержащие, в транспортных упаковочных комплектах[3]. В частности, в перечень попали: Архангельский морской торговый порт (Архангельская область), порт г. Большой Камень; Владивостокский морской торговый порт; Высоцкий морской торговый порт (Ленобласть); Морской порт Диксон, Морской порт Дудинка (Красноярский край), Морской торговый порт Калининград; Кандалакшинский морской торговый порт (Мурманская область); Мурманский морской торговый порт; Морской торговый порт Певек; Морской торговый порт Провидения (Чукотка) Морской торговый порт Санкт-Петербург и Морской порт Усть-Луга (Ленобласть). В дальнейшем Распоряжение Правительства РФ от 25 марта 2010 г. № 417-р дополнено следующей позицией: «Витино». Изучив выше сказанное, складывается вывод.

На сегодняшний день понятие «открытый порт» упрощается. Непосредством изменения и дополнения новых глав и частей, кодекса торгового мореплавания, а по упрощенной форме в виде распоряжений правительства. Тем самым включение в список захода (выхода) судов и иных плавсредств разных видов осуществляется в упрощенной форме[4].

Мурманский торговый порт относится к Северному бассейну Российской Федерации, насчитывает 97 единиц причалов и пользуется услугами двадцати стивидоров.

Портовая администрация основывается в своих распоряжениях на своде обычаев, норм и договоров, которые учитывают общепризнанные принципы и нормы международного права.

Учитывая сложную структуру формы собственности порта, возникает вопрос о контроле и принадлежности порта к органам государственной власти, что сказывается за надзорной деятельностью.

Обеспечение такой нормативной базой, позволяет осуществлять контроль, в определенных стандартах над собственниками, которые заключили договоры аренды портовых территорий. Перечислим основные нормативные акты регулирующие деятельность Мурманского торгового порта и опишем их.

Свод обычаев и правил терминалов ОАО «Мурманский морской торговый порт» и ЗАО «Агротсфера» (далее Свод обычаев порта) основывается на Гражданском Кодексе Российской Федерации, Федеральный закон Российской Федерации от 26.12.1995 г. «Об акционерных обществах», Кодекс торгового мореплавания, «Общих правилах плавания и стоянки судов в морских портах Российской Федерации», Закон «О морских портах в Российской Федерации» от 8 ноября 2007 г. N 261-ФЗ, также необходимо упомянуть о обязательных постановлениях морской администрации порта Мурманск, практике работы морских торговых портов и стивидорных компаний.

Свод обычаев порта отчасти определяет режим ра-

боты, предоставляемые услуги, правила, нормы обработки судов и грузов, производственные возможности порта, требования к участникам транспортного процесса. [5].

Определив сферу деятельности и режим работы, раскрытие полноты содержания международно-правового режима Мурманского торгового порта не допускается. В частности и по тем причинам что Правовой режим – это широкое юридическое понятие, в связи с чем единой точки зрения в теории права и правоприменительной деятельности как самого понятия, так и содержания данного феномена нет.

Правовой режим – это порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования. – С. С. Алексеев

Правовой режим – одно из проявлений нормативности права, но на более высоком уровне. Он соединяет в единую конструкцию определенный комплекс правовых средств, который диктуется возникающими целями А. В. Малько

Расхождение во взглядах ученых, изучающих феномен «правового режима», проявляется в основном в подходе к «ширине» рассматриваемого понятия. Общим является то, что все авторы видят в режимах совокупность средств, направленных на достижение какой-либо общественной цели.

В случае, расхождения положений свода обычаев порта с положениями международных или национальных нормативных документов, применяются положения последних.

Необходимо выявить международно-правовую нормативную базу регламентирующую порядок осуществления деятельности Мурманского торгового порта.

К примеру обработка транспортных плавсредств, производится на основании договоров с клиентами. Договоры могут предусматривать иные условия, не предусмотренные «Сводом обычаев» или отличные от них, в том числе условия, определяющие взаимную ответственность сторон за невыполнение обязательств по подаче, обработке и обслуживанию транспортных средств. В этих случаях применяются условия договоров. Функции портовых властей осуществляет государственное учреждение «Морская администрация порта Мурманск» (МАПМ).

МАПМ на акватории порта осуществляет государственный надзор за безопасностью плавания всех судов и плавучих средств за соблюдением национального законодательства и международных договоров в области безопасности мореплавания «Конвенция о безопасности мореплавания 2002года», охраны человеческой жизни на море «Конвенция по охране человеческой жизни на море 1960 года», предупреждения загрязнения окружающей природной среды «Конвенция по предотвращению загрязнения с судов», резолюция «О принципах, относящихся к транзитной торговле государств, не имеющих выхода к морю», Конвенции ООН по морскому

праву 1982 г, выполняет иные функции в соответствии с требованиями международных договоров и действующего законодательства Российской Федерации. [6].

Приведенный выше ряд конвенций, устанавливает сложные существенным образом отношения субъектов права.

В свете современного международного права государства стремятся в одностороннем порядке принять наиболее выгодные условия для осуществления морской деятельности. Что в очередной раз подтверждает актуальность феномена международно-правового режима торговых портов.

Библиографический список

1. *Бекяшев К.А, Ануфриева Л.П.* Международное публичное право: учеб. 4-е изд., Изд-во Проспект. 784 с., 2005.
2. *Бекяшев К.А. Сапронов В.Д.* Мировое рыболовство: вопросы международного сотрудничества. М.: Агропром. 584 с., 2003.
3. *Калинкин Г.Ф.* Режим морских пространств. М., 331 с., 2002.
4. *Коломбос Д.* Международное морское право. М.: Прогресс, 1975. 206 с.
5. *Колодкин А.Л.* Правовой режим территориальных вод и открытого моря. М.: Морской транспорт, 1961. 320 с.
6. Комментарий к Кодексу торгового мореплавания Российской Федерации / Под ред. Г.Г. Иванова. М.: Спарк, 2000. 734 с.

References

1. *Bekyashev KA, LP Anufrieva, Ustinov.* Public international law: studies. 4th ed., Publishing House of the prospectus. 784., 2005.
2. *Bekyashev KA Sapronov VD* World Fisheries: international cooperation. M.: Agricultural industry. - 584 p., 2003.
3. *Kalinkin GF* Mode of maritime areas. M., with -331., 2002.
4. *Kolombos D.* The international law of the sea. Moscow: Progress Publishers, 1975. 206.
5. *Kolodkin AL* The legal regime of the territorial waters and the high seas. M.: Sea, 1961. 320.
6. Commentary on the Code of Merchant Shipping of the Russian Federation / Ed. GG Ivanov. M.: Spark, 2000. 734 p.

УДК [349.3:364.013]-058.862(470.319)

UDC [349.3:364.013]-058.862(470.319)

Е.Н. СЕЛЮТИНА

кандидат юридических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
E-mail: seljutina1@rambler.ru

E.N. SELIUTINA

candidate of Juridical Sciences, associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: seljutina1@rambler.ru

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЕДОМСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ ПО ПРИЗРЕНИЮ ДЕТЕЙ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ СЕРЕДИНЫ XIX- НАЧАЛА XX ВВ.

CREATION AND ACTIVITIES OF ESTABLISHMENT OF DEPARTMENT OF THE EMPRESS MARIA FEDOROVNA FOR CONTEMPT OF CHILDREN IN THE ORYOL PROVINCE OF SULFURS. XIX - THE HEAD OF THE XX CENTURIES.

Призрение и образование детей составляли важный аспект государственно-правовой политики Российской Империи в сер.XIX–нач.XX вв. Учреждения ведомства императрицы Марии Федоровны представляли собой развитую централизованную сеть, функционировали практически в каждой губернии, включая Орловскую. На основе архивных материалов в статье проанализирована деятельность наиболее крупных детских приютов Орловской губернии.

Ключевые слова: правовая политика, призрение детей, учреждения ведомства императрицы Марии, Орловская губерния.

Contempt and education of children made an important aspect of state and legal policy of the Russian Empire in XIX – the head of the XX centuries. Establishments of department of empress Maria represented the developed centralized network, functioned practically in each province, including Oryol. On the basis of archival materials in article activity of the largest children's shelters of the Oryol province is analyzed.

Keywords: legal policy, contempt of children, establishments of department of empress Maria, Oryol province.

В настоящее время в России приоритетными направлениями государственной деятельности являются защита прав детей, наиболее полное удовлетворение их интересов и потребностей. Немалое значение при этом имеет возрождение благотворительности, широко развитой и в Российской Империи. В связи с этим, обобщение исторического опыта развития государственного и общественного призрения, форм частной благотворительности, деятельности различных социально-ориентированных детских учреждений имеет несомненное научное и практическое значение.

В государственной правовой политике Российской Империи в отношении несовершеннолетних сер. XIX-нач. XX вв. существенное внимание уделялось проблемам организации присмотра и воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Большое значение в осуществлении государственного и общественного призрения принадлежит воспитательным домам, приютам и другим заведениям для сирот, нуждающихся и больных детей, относящимся к учреждениям ведомства императрицы Марии Федоровны. Начало деятельности Ведомства было положено в 1797 году, когда император Павел I передал управление благотворительными учреждениями императрице Марии. К середине XIX века система общественного государственного призрения детей в России представляла собой разветвленную сеть благотворительных обществ и учреждений, имевшихся почти в каждой губернии Российской Империи, в том числе и в Орловской. В этот период благотворительность приобретает светский характер, личное участие в ней воспринимается обществом как высоконравственный поступок, благородство души и считается неотъемлемым делом каждого [1, с. 73].

Орловская губерния в сер. XIX-нач. XX века включала современные Орловскую и Брянскую области, а также часть Липецкой. Территория Орловской губернии была разделена на 12 уездов: Орловский, Мценский, Болховский, Елецкий, Ливенский, Малоархангельский, Кромской, Карачевский, Брянский, Дмитровский, Севский, Трубчевский [2, с. 8]. По результатам Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. в Орловской губернии проживало 2033798 человек, из них детей до 14 было 797959 человек, в том числе детей до 10 лет – 562176 [3].

В Орловской губернии действовало всего четыре учреждения для детей, относившихся к ведомству императрицы Марии: Мариинский детский женский приют в городе Орле, Орловский приют для детей низших сословий «Сборня», Трубчевский детский приют, Краснослободский сельский сиротский приют [4, с. 207-208].

Деятельность приютов ведомства императрицы Марии в Орловской губернии была организована в соответствии с Положением о детских приютах 1839 года (в последующем – в редакции 1891 года) [ПСЗРИ]. Основной целью являлось призрение бедных детей обоего пола, их религиозно-нравственное воспитание и начальное образование. Общее управление приютами осуществляло Орловское губернское попечительство

детских приютов, подотчётное Главному управляющему Ведомства учреждений императрицы Марии, при котором состояла Канцелярия по управлению всеми детскими приютами. Согласно параграфу 52 Высочайше утвержденного 18 июля 1891 г. Положения о детских приютах Ведомства учреждений Императрицы Марии, попечительства детских приютов были обязаны представлять ежегодно в Главное управление Ведомства годовые отчеты о своей деятельности, на основании которых составляются доклады для Их Императорских Величеств, общие отчеты о деятельности приютов.

Самым крупным заведением был Мариинский женский приют, основанный в 1870 г. Основными источниками денежных средств, на которые содержались дети, были пожертвования частных лиц, пособия от Орловского и Мценского уездных земств, проценты с капитала, образовавшегося также из пожертвований, и суммы, выручаемые от спектаклей, балов и др. (Таблица 1).

Таблица 1.
Средства Орловского губернского попечительства за 1893 г. (По материалу ГАОО) [5]

Источник дохода	Сумма
Всего капитала по остаткам от 1892 г.	44210 руб.
Из них:	
% бумагами	42250 руб.
наличными деньгами	1960 руб.
В 1893 г. поступило:	3351 руб.
Из них:	
% с капитала	125 руб.
членских взносов	300 руб.
пожертвований от разных лиц	1200 руб.
пособия от Орловского и Мценского уездного земства	300 руб.
пособия Орловского благотворительного комитета на противохолевые меры	300 руб.

В приюте воспитывались девочки от 7 до 16 лет. В основном это были дети мещан, но принимались и девочки других сословий – крестьяне, дети нижних чинов (Таблица 2).

Таблица 2.
Распределение по сословиям воспитанниц Мариинского детского приюта 1893-1894 гг. (По материалам ГАОО) [6]

	1893 г.	1894 г.
Дети чиновников	-	3
Дети нижних чинов	12	21
Дети мещан	36	36
Дети крестьян	16	9

В день открытия приюта было принято 47 девочек, количество призреваемых постоянно увеличивалось, и в 1893 году в приюте находилось более 70 детей.

Мест всем нуждающимся не хватало. В связи с этим, губернское попечительство приняло решение расширить здание приюта, сделав пристройку. Местная

городская дума выделила на эти цели в 1875 году 1000 рублей и 20 сажень бутового камня. Кроме того дума передала в распоряжение попечительства десятую часть, которая выделялась из ежегодного сбора с орловского купечества, для находящихся в приюте детей беднейших мещан города Орла. В 1909 году Орловский Мариинский женский детский приют был значительно расширен благодаря крупному частному пожертвованию. По завещанию умершей вдовы орловского купца Александры Васильевны Булаткиной, в собственность приюта перешел большой каменный дом с надворными постройками и садом, находившийся на 2-й Курской улице. Дом был пожертвован с тем условием, чтобы в него был переведен женский приют с наименованием «Мариинский детский приют в память орловского купца Александра Алексеевича Булаткина», на что было получено Высочайшее Его Императорского Величества соизволение. Дом вместе со службами оценивался в сумму свыше 25000 рублей. Кроме того, собственный капитал приюта составлял 35000 рублей. [4, с. 207]

Обучение детей в приюте производилось соответственно с программами, принятыми по всех приютах Ведомства. Образование девочек в приюте было двухклассным. При этом, второй класс имел 2 отделения. В первом классе преподавался Закон Божий (молитвы), чтение, письмо и начала арифметики. В первом отделении 2 класса преподавались Ветхий и Новый Завет, чтение и письмо с грамматическими упражнениями и арифметика (четыре действия над числами первой сотни).

Во втором отделении 2 класса преподавались Катехизис и богослужения, арифметика (четыре действия над всеми числами и действия над числами именованными), русский язык – этимология и синтаксис. Кроме того дети обучались рукоделию, хозяйству и церковному пению. Уроки начинались в 9 утра и заканчивались три раза в неделю в 12 часов и три раза в 13 часов. [7]

Девочки не только учились, но и зарабатывали рукоделием. Так, например, в отчете о деятельности приюта за 1893 г. отмечалось, что за работу по заказам частных лиц было получено 227 руб. 15 коп., из которых на материалы для рукоделий потрачено 12 руб. 39 коп.; девочкам, выполнявшим работы в качестве поощрения выдано 95 рублей. [7]

В каникулярное время все оставшиеся в приюте девочки занимались рукоделием, на лето их увозили на дачу.

Мариинский женский приют выполнял не только задачи общественного призрения осиротевших детей. В конце XIX века в Орловской губернии женский детский приют становится и доступной школой для обучения детей, находящихся под присмотром родителей (родственников), но не имеющих средств обучить ребенка грамоте и рукоделию. Родители обращались с прошением об определении в приют девочек приходящими ученицами, в том числе с оплатой стоимости обучения. Жена мещанина Прасковья Ивановна Рогова просит об определении ее дочери Марьи Роговой 9 лет вольноприходящей в женский детский приют для обучения

грамоте и рукоделию, так как мать не имеет возможности по бедности своей обучать ее. Крестьянка Наталья Гавриловна Полякова просит определить в приют вольноприходящей вторую ее дочь для обучения грамоте и рукоделию, старшая дочь уже обучается там. Почтово-телеграфный чиновник Орловской почтово-телеграфной конторы Иван Грабилин (титularный советник) просит принять его дочь Зою 7 лет 6 месяцев от роду в мещанский приют на пятой Курской улице для обучения вольноприходящей с платой за право обучения [8]

Так в 1894 году из 69 воспитанниц на полном содержании находились 45, приходящих с оплатой стоимости обучения – 24.

Вскоре после Орловского приюта был открыт Трубчевский приют. 1 июня 1875 года по предложению уездного предводителя дворянства Александра Яковлевича Полетика Трубчевский приют для сирот принял первых воспитанников. Для помещения приюта был снят на три года дом с двором, садом и огородом и службами, состоявший из четырех комнат и кухни. А в 1878 году на пожертвования жителей был выстроен двухэтажный дом, в который перевели воспитанников. Средства на содержание приюта приходили из различных источников, среди которых немалую долю составляли пожертвования (Таблица 3).

Таблица 3.

Средства Трубчевского детского приюта за 1894 г.
(По материалам ГАОО) [9]

Источник дохода	Сумма
Средства приюта в 1894 году всего из них:	7773 руб. 17 коп.
основной капитал в процентных билетах	4400 руб.
осталось от прошлого года	831 руб.
отпущено Трубчевским земством	700 руб.
взносы почетных членов приюта (годовые членские)	400 руб.
взносы о подписке взамен визитов	78 руб. 60 коп.
высыпанных из кружек для подавания	73 руб. 51 коп.
аренда сада приюта к снятию плодов	50 руб.
сборы от гулянья, вечеров и елок, бывших в саду приюта	411 руб.
проценты на хранящийся в бумагах капитал	110 руб.
проценты по купонам, отрезанным от конверсированных процентных бумаг, предъявленных к обмену	74 руб.
сбор за поздравления жителей с праздниками и именинам	123 руб.
5% сбор с доходов от капиталов за 1894 г.	9 руб. 25 коп.
от продажи овощей приюта, корзин детского ремесла и других изделий	2 руб. 89 коп.
за пение детей	8 руб.
от разных лиц продуктами и вещами на сумму	107 руб. 76 коп.
собственных продуктов, овощей, сала, мяса, молока на сумму	210 руб. 25 коп.

К 1 января 1895 года в Трубчевском приюте находились 32 сироты (16 мальчиков и 16 девочек), большинство из которых являлись крестьянскими детьми (22 человека).

Занятия с сиротами заключались в обучении грамоте по установленной программе и Закону Божию. Для обучения нотному пению был принят учитель музыки. Учили детей рукоделию – шитье платья и белья, вязание чулок для себя, приучали и к домашнему труду, например, воспитанники стирали белье, мыли посуду, носили дрова, занимались огородничеством – очищали посевы от сорных трав, убирали овощи [10].

В приютах Орловской губернии признавались не только сироты. Часто родители, не имеющие средств для содержания детей, как правило, вдовы, оставшиеся с малолетними детьми на руках без средств к существованию, ходатайствовали о помещении их в приюты. Например, вдова Марья Ушакова имеет 4 малолетних детей, снимает квартиру, имущества никакого не имеет, живет за счет случайного поденного заработка и терпит нужду. Ходатайствовала о принятии в женский детский приют ее дочери Александры 9 лет. [11].

При этом установился определенный порядок помещения в приюты детей.

1. Подача прошение губернатору (устно – в канцелярии, письменно – собственноручно или, вследствие неграмотности, по просьбе другим человеком) или непосредственно попечительнице приюта. В соответствии с параграфом 115 Положения о детских приютах для помещения ребенка в приют необходимо было предоставить следующие документы: документы, удостоверяющие личность родителей (или свидетельство о смерти), метрическое свидетельство о рождении и крещении ребенка, удостоверение о бедности просителя, подписанное лицами в соответствии с сословной принадлежностью родителей, сви-

детельство о привитии оспы. [12]

2. Для выяснения обстоятельств – семейного и имущественного положения просителя, его поведения и нравственных качеств, привлечения к уголовной ответственности (состоянии под судом и следствием), подтверждения обстоятельств, заявленных в прошении (например, болезнь ребенка) направлялся запрос в полицейское управление по месту жительства просителя. Проводилось полицейское дознание, по итогам которого составлялся рапорт.

3. Собранные материалы направлялись главе попечительства.

Прием детей зависел от наличия вакансии, но и этом случае брали далеко не всех нуждающихся. Отказано в приеме на полное содержание могло быть (при наличии свободных мест) по причине возраста ребенка, а также обеспеченности просителя в семейном и имущественном положении [13]

Таким образом, государственное участие в признании детей, нуждающихся в помощи и защите, имеет свои исторические особенности. Развитие системы детских приютов в России XIX – нач. XX века, входящих в ведомство учреждений императрицы Марии, основано на светской благотворительности и отчасти государственной поддержке. Была создана централизованная система, действовавшая на основе Положения о детских приютах. Нравственное воспитание, начальное образование детей осуществлялось в соответствии с утвержденными единообразными требованиями. В Орловской губернии в приютах учреждений ведомства императрицы Марии находились дети в возрасте от 7 до 16 лет. Количество мест было ограничено, могли принять не всех нуждающихся. Кроме воспитания детей и обучения их начальным знаниям, руководство приютов стремилось сформировать у воспитанников и трудовые, ремесленные навыки.

Библиографический список

1. Жилиева С.К. Становление и развитие органов борьбы с детской беспризорностью и преступностью в дореволюционной России : Монография. Орел :ОрЮИ, 2009. 98 с.
2. Гулярян А.Б. Общественно-политическая жизнь Орловской губернии в конце XIX – начале XX века. Монография. Орел: изд-во ОрелГАУ, 2007. 207 с.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по губерниям, семейному состоянию и возрастным группам. Орловская губерния// [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_gub_97.php?reg=112
4. Благотворительные учреждения России. - С-Пб, 1912. От. I. 304 с.
5. Сведения для отчета за 1893 г. из приюта Ведомства Императрицы Марии//ГАОО Ф. 17. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.
6. Сведения для отчета за 1893 г. из приюта Ведомства Императрицы Марии//ГАОО Ф. 17. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.
7. Сведения для отчета за 1893 г. из приюта Ведомства Императрицы Марии//ГАОО Ф. 17. Оп. 1. Д.2. Л. 16.
8. ГАОО Ф. 17. Оп. 1. Д.2. Л. 64, 68, 70,72.
9. Ведомость Трубчевского приюта для сирот// ГАОО Ф. 17. Оп. 1. Д. 4. Л 3.
10. Ведомость Трубчевского приюта для сирот// ГАОО Ф. 17. Оп. 1. Д. 4. Л 5.
11. ГАОО Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
12. Положение о детских приютах ведомства учреждений Императрицы Марииот 18 июля 1891 г. //ПЗСР.Собрание 3. Т. 11. 7950.
13. ГАОО Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 6, 33.

References

1. Zhilyaeva S. K. Formation and development of bodies of fight against children's homelessness and crime in pre-revolutionary Russia: Monograph. - Orel: ORYuI, 2009. - 98 pages.
2. Gulyaryan A.B. Political life of the Oryol province at the end of XIX – the beginning of the XX century. Monograph. Orel:

publishing house of ORELGAU, 2007. - 207 pages.

3. First general population census of the Russian Empire 1897. Population distribution on provinces, a family condition and age groups. Oryol province//[Electronic resource] access Mode: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_gub_97.php?reg=112
 4. Charitable establishments of Russia. - S-Pb, 1912. From. I. 304 pages.
 5. Data for the report for 1893 from a shelter of Department of Empress Maria//GAOO F. 17 .Оп. 1. F. 4. P. 17.
 6. Data for the report for 1893 from a shelter of Department of Empress Maria//GAOO F. 17 .Оп. 1.F 4. P. 15.
 7. Data for the report for 1893 from a shelter of Department of Empress Maria//GAOO F. 17 .Оп. 1.F 2.P. 16 .
 8. GAOO F. 17 .Оп. 1 . F 2. P. 64, 68, 70, 72.
 9. The sheet of the Trubchevsky shelter for orphans//GAOO F. 17 .Оп. 1. F 4.P. 3.
 10. The sheet of the Trubchevsky shelter for orphans//GAOO F. 17 .Оп. 1. F 4.P. 5.
 11. GAOO F. 17 .Оп. 1 . F. 2. P. 7 .
 12. The provision on children's shelters of department of establishments of Empress Maria of July 18, 1891//PZSR. Meeting 3.T. 11 . 7950 .
 13. GAOO F. 17 . Оп. 1 . F. 2. P. 6, 33.
-

УДК 378.66 – 3 -057.875:303.442.3:316.344.34

UDC 378.66 – 3 -057.875:303.442.3:316.344.34

Е.А. АЛДОШИНА

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры физвоспитания Орловского государственного аграрного университета
E-mail: sport@orelsau

E.A. ALDOSHINA

candidate of pedagogical sciences, senior teacher of chair of the Physical education of the Orel state agrarian university
E-mail: sport@orelsau

АНАЛИЗ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ, НЕОБХОДИМЫХ ВЫПУСКНИКАМ АГРАРНЫХ ВУЗОВ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ANALYSIS OF THE PERSONAL QUALITIES NECESSARY FOR GRADUATES OF AGRARIAN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS FOR IMPLEMENTATION OF EFFECTIVE PROFESSIONAL ACTIVITY

Профессионализм и компетентность – это те качества, от которых зависят жизненные и профессиональные успехи выпускников аграрных вузов.

В статье изучена динамика процесса формирования личностных качеств у студентов аграрного вуза посредством сравнения исходного и нового уровней в контрольной и экспериментальной группах.

Осуществляется исследование динамики формирования личностных качеств на основе уровней, достигнутых студентами в период профессионального становления в аграрном вузе. Автором дается сравнение показателей динамики уровней развития познавательных способностей студентов в контрольной и экспериментальной группах.

Ключевые слова: педагогический процесс, личность, профессиональная деятельность, личностные качества, профессионализм.

Professionalism and competence is those qualities on which vital and professional successes of graduates of agrarian higher education institutions depend.

In article dynamics of process of formation of personal qualities at students of agrarian higher education institution on means of comparison of initial and new levels in control and experimental groups is studied.

Research of dynamics of formation of personal qualities on the basis of the levels reached by students in the period of professional formation in agrarian higher education institution is carried out. The author gives comparison of indicators of dynamics of levels of development of informative abilities of students in control and experimental groups.

Keywords: pedagogical process, personality, professional activity, personal qualities, professionalism.

Введение

Практика профессиональной деятельности выпускников аграрных вузов требует решения задачи формирования специалистов нового типа, обладающих высокой адаптационной и профессиональной мобильностью. Это происходит в условиях становления нового типа общественных отношений. Данные отношения требуют наличия социально активной личности. В настоящее время в обществе значительно повысился спрос на социально-активную личность, способную самостоятельно принимать решения и нести ответственность за их реализацию. В соответствии с этими фактами объективно возрастает потребность в высокопрофессиональных специалистах аграрной отрасли [9].

Однако, как отмечает министр сельского хозяйства, многим выпускникам аграрных вузов не хватает профессионализма и достаточного уровня развития личностных качеств. Аграрная отрасль испытывает огромный дефицит в хорошо подготовленных и преданных своему делу кадрах. Многие выпускники аграрных вузов уезжают из сельской местности в города из-за отсутствия желания работать в

аграрном секторе и низкого уровня профессионализма. Поэтому формирование профессиональной готовности у студентов аграрных вузов в период их обучения приобретает первостепенное значение.

Психолого-педагогические механизмы профессиональной подготовки разных специалистов раскрыты в теориях деятельности: А.Г. Асмолова [1], В.В. Давыдова [2], Е.П. Ильина [3], Е.А. Климова [4], В.И. Ковалева [5], С.И. Самыгина [6], Н.Ф. Талызиной [7], Волковой О.П. [8] и др.

Изучение вопросов профессионального становления специалистов осуществлялось Г.А. Волковицким, Э.Ф. Зеером, В.М. Распоповым, Т.В. Кудрявцевым, О.В. Лешер, А.И. Сухаревым, Леонтьевым А.Н. и др.

На основании изучения опыта профессиональной подготовки студентов аграрных вузов, анализа философской, психолого-педагогической и научно-методической литературы была выявлена и сформулирована проблема исследования, которая обусловлена противоречиями между:

– потребностью аграрного сектора в квалифициро-

ванных, профессионально-компетентных специалистов и недостаточным уровнем сформированной готовности к профессиональной деятельности у выпускников аграрных вузов;

– необходимостью повышения эффективности процесса профессиональной подготовки студентов аграрных вузов в современных условиях и недостаточной разработанностью программно-методического обеспечения данного процесса;

– потребностью повышения уровня готовности к профессиональной деятельности студентов аграрных вузов и отсутствием методических рекомендаций по ее формированию.

Организация исследования

Исследования проводились в период с 2009 по 2013 годы на кафедре физического воспитания Орловского государственного аграрного университета.

Работа выполнена в соответствии с планом НИР Орловского государственного аграрного университета в рамках темы: «Оптимизация процесса профессиональной подготовки специалистов агропромышленного комплекса» (шифр «Профессионал»).

Всего в исследованиях приняло участие более 200 студентов и преподавателей Орловского государственного аграрного университета.

Исследования проводились в четыре этапа.

На первом этапе (2009-2010 гг.) – аналитико-диагностическом – проводилось теоретическое исследование проблемы формирования профессиональной готовности у студентов аграрного вуза в процессе профессиональной подготовки; изучались философская, психолого-педагогическая литература по проблемам формирования профессионализма у специалистов агропромышленного комплекса. В этот период был сформулирован понятийный аппарат, определена рабочая гипотеза, намечены цели и задачи исследования, выбраны пути и средства разработки педагогической технологии формирования профессиональной готовности у студентов аграрного вуза.

На втором этапе (2010-2011 гг.) – поисково-констатирующем – проверялись отдельные компоненты педагогической технологии формирования профессиональной готовности студентов аграрного вуза.

Были проведены поисковые эксперименты с целью апробации отдельных организационно-педагогических условий формирования профессиональной готовности у студентов аграрного вуза, проводилась оценка данного процесса и его совершенствование; проводились прямые и косвенные наблюдения за реальным образовательным процессом в вузе, проводился констатирующий этап эксперимента.

На третьем этапе (2011-2012 гг.) – опытно-экспериментальном – проводился педагогический эксперимент, а также работа по обработке, анализу и систематизации полученных результатов, по уточнению теоретических и экспериментальных выводов, по внедрению результатов исследования в практику профессиональной подготовки будущих специалистов аг-

ропромышленного комплекса.

На четвертом этапе (2012-2013 гг.) – обобщающем – проводилось уточнение теоретико-экспериментальных выводов, обобщение, систематизация и описание полученных результатов исследования и внедрение их в практику профессиональной подготовки будущих специалистов агропромышленного комплекса.

Результаты исследования

Исследование динамики процесса формирования личностных качеств у студентов аграрного вуза осуществлялось посредством сравнения исходного и нового уровней в контрольной и экспериментальной группах. Параметры уровней сформированных личностных качеств определялись на основе критериев и показателей, качественный анализ которых проводился посредством метода срезов.

Материалы исследования фиксируют невысокий авторитет профессиональной деятельности в секторе АПК. Так, лишь 20% респондентов отмечают, что профессия специалиста АПК интересовала их ранее и интересует в настоящее время, только 7% опрошенных из предложенных вариантов профессионального имиджа профессионала специалиста АПК назвали такое качество, как интеллектуальность и техническая образованность. Качества же организованности, дисциплинированности, трудолюбия, силы воли (безусловно, важные) импонируют 48% опрошенных. Решение о выборе профессии специалиста АПК в большинстве случаев принимается благодаря общественному мнению, через ближайшее социальное окружение желающих стать специалистами АПК.

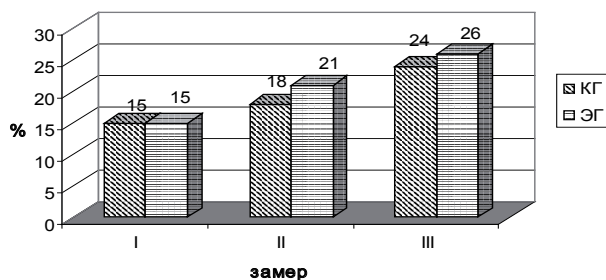
В результате вышеприведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. общеобразовательный уровень потенциальных специалистов АПК невысок и имеет тенденцию скорее к снижению, чем к повышению;
2. профессиональная ориентация складывается спонтанно;
3. без серьезных коррективов в формирование личностных качеств профессиональную подготовку студентов аграрного вуза осуществлять нецелесообразно.

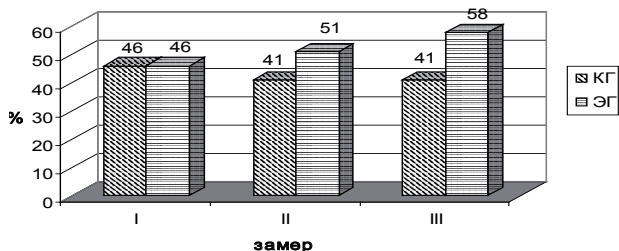
Исследование динамики формирования личностных качеств осуществлялось на основе уровней, достигнутых студентами в период профессионального становления в аграрном вузе (высшего, среднего, критического и недопустимого). Основные сведения, полученные в ходе эксперимента, отображены в виде диаграмм (рис.1).

В ходе анализа динамики формирования личностных качеств среди студентов, достигших «высокого» уровня, наглядно просматривается устойчивый рост всех показателей.

Студенты, достигшие "высокого" уровня развития личностных качеств

Студенты, достигшие "среднего" уровня развития личностных качеств

Студенты с "низким" уровнем развития личностных качеств

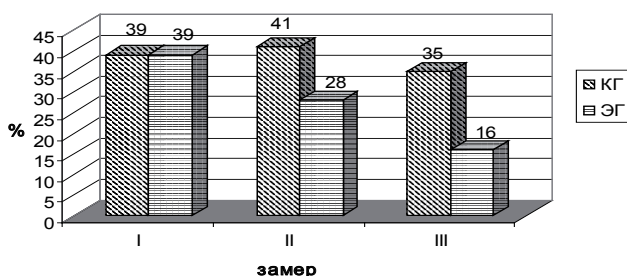

Рис.1. Динамика формирования личностных качеств у студентов контрольной и экспериментальной групп.

Это свидетельствует о высокой эффективности разработанной педагогической технологии формирования готовности к профессиональной деятельности у студентов. Данный вывод подтвердился тем, что исходные уровни развития личностных качеств у студентов контрольной и экспериментальной групп были, в достаточной степени, равны.

Тенденция к повышению уровня личностных качеств на основе анализа профессиональной подготовки студентов экспериментальной группы, достигших среднего уровня, также просматривается достаточно наглядно.

Немаловажным обстоятельством, снижающим результаты исследования на начальном этапе, явилась недостаточная координированность в проведении мероприятий по созданию оптимальных организационных и педагогических условий для повышения эффективности формирования готовности к профессиональной деятельности у студентов аграрного вуза.

Педагогические воздействия, рассчитанные на индивидуализацию обучения, формирование личностных

качеств, необходимых специалисту АПК, дают достаточно весомые результаты. Так, рост числа студентов со средним уровнем развития личностных качеств в экспериментальной группе довольно динамичен и полностью превышает такой рост в контрольной группе.

Студентов, имеющих низкий уровень развития личностных качеств по результатам первого замера, рассматривали как базу для увеличения роста количества студентов со «средним» уровнем их развития. Как видно из данных первого среза, количество студентов с низким уровнем развития личностных качеств в контрольной и экспериментальной группах отличается не существенно. Второй же срез показал, что на этот раз изменения произошли, и изменения достаточно весомые. Ряды «троечников» в контрольной группе пополнились за счет не сумевших удержаться на среднем уровне, в экспериментальной же группе – наоборот – произошло уменьшение числа студентов с критическим уровнем развития личностных качеств за счет перемещения на средний уровень. В ходе третьего среза наблюдался положительный результат по обеим группам, но показатели в экспериментальной группе были, все же, выше.

Рассмотрение динамики формирования личностных качеств среди студентов аграрного вуза, имеющих низкий уровень их развития, также представляет определенный интерес. Особую озабоченность вызвало то обстоятельство, что в результате первого среза в экспериментальной группе количество неуспевающих значительно превосходило аналогичный показатель в группе контрольной. Чтобы сделать какое-либо заключение, нужны были аргументы. Главный, и самый неприятный, напрашивался сам собой – условия проведения эксперимента не в полной мере способствуют созданию условий для формирования личностных качеств у студентов с низким уровнем способностей. Вполне вероятно, что не все факторы смогли учесть.

Как отмечалось ранее, критерием достоверности данных, полученных в ходе исследования, объективности суждения относительно динамики развития личностных качеств у студентов были определены результаты выполнения ими комплексных профессиональных задач. Результаты выполнения комплексных профессиональных задач студентами ГПС контрольной и экспериментальной групп представлены на рисунке 2. Сравнение результатов работы контрольной и экспериментальной групп на основе оценок в 4-балльной системе. В результате получили возможность проверить объективность выводов, полученных в ходе исследования.

Даже наиболее общий подход к сравнительному анализу позволяет сделать вывод о том, что результаты работы экспериментальной группы значительно выше, чем аналогичные результаты в контрольной группе. Именно данное обстоятельство является наиболее важным. При детальном анализе динамики изменения результатов выполнения комплексных профессиональных задач обратим внимание на ряд моментов, заслуживающих, на мой взгляд, более углубленного внимания.

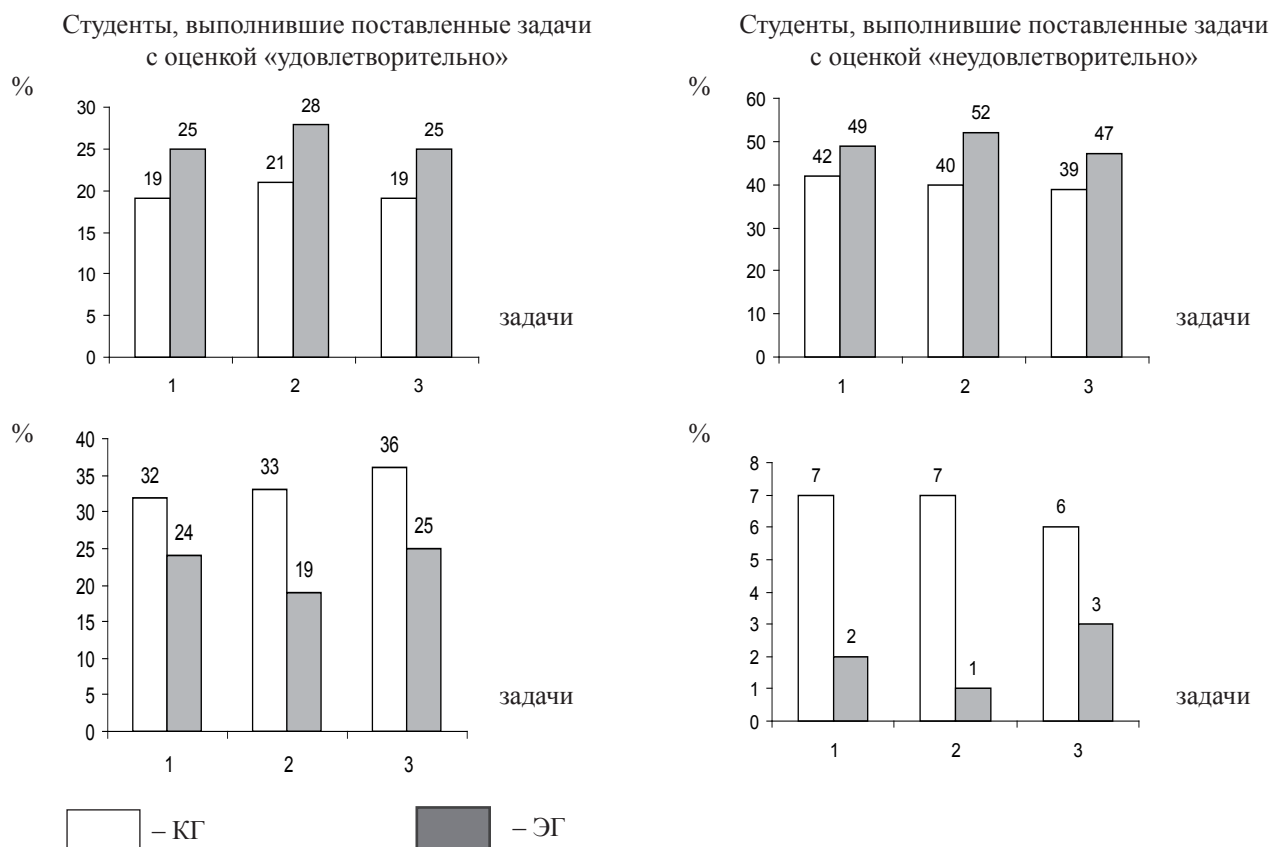

Рис.2. Результаты выполнения комплексных профессиональных задач студентами контрольной и экспериментальной групп.

Таблица 1.

Динамика уровней развития личностных качеств у студентов контрольной группы

Компоненты личностных качеств студентов	Уровни развития личностных качеств, %					
	В начале эксперимента			В конце эксперимента		
	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
Мнемические способности	12	63	25	10	62	28
Вербально-логические способности	11	79	10	9	78	13
Адаптивные способности	12	60	28	11	60	29
Настойчивость	16	55	29	17	52	31
Ответственность	16	58	26	14	57	29
Самостоятельность	29	52	19	21	56	23
Трудолюбие	14	60	26	11	61	28
Средние показатели (в %)	15	61	24	13	60	27

Таблица 2.

Динамика уровней развития личностных качеств у студентов экспериментальной группы

Компоненты личностных качеств студентов	Уровни развития личностных качеств, %					
	В начале эксперимента			В конце эксперимента		
	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
Мнемические способности	25	58	17	10	56	34
Вербально-логические способности	21	67	12	9	66	25
Адаптивные способности	10	69	21	8	69	23
Настойчивость	16	54	30	13	56	31
Ответственность	15	53	32	8	59	33
Самостоятельность	35	46	19	12	62	26
Трудолюбие	20	54	26	10	61	29
Средние показатели (в %)	19	56	25	11	59	30

В таблице 1. приведены данные, характеризующие уровень сформированных личностных качеств у студентов контрольной группы, полученные по окончании педагогического эксперимента.

Результаты динамики развития личностных качеств у студентов экспериментальной группы представлены в таблице 2.

Сравнение показателей динамики уровней развития познавательных способностей студентов в контрольной и экспериментальной группах позволяют сделать следующие выводы.

1. В процессе проведенного исследования сочли возможным применить моделирование, позволяющее описать объект с точки зрения его компонентов и функций, и как результат выявить профессионально значимые личностные качества, определяющие степень готовности студентов к профессиональной деятельности.

2. В проведенном эксперименте были выделены уровни сформированности личностных качеств: низкий, средний, высокий. Значения этих показателей отражены как в количественном, так и в качественном выражении.

3. В ходе опытно-экспериментальной работы было осуществлено отслеживание перехода студентов с «низкого» уровня готовности к профессиональной деятельности на «средний» и «высокий».

Выводы

1. В ходе исследования были установлены наиболее важные личностные качества, необходимые выпускникам аграрного вуза для эффективной профессиональной деятельности. К ним относятся: ответственность за результаты своего труда, трудолюбие, дисциплинированность, организованность, коллективизм, доброжелательность во взаимоотношениях, разносторонность, увлеченность своей профессией, оптимизм. Как показало проведенное исследование, развитию данных качеств надо уделять особое внимание в процессе обучения студентов в аграрном вузе.

2. В результате проведенного исследования были выявлены факторы, определяющие высокую степень готовности студентов аграрного вуза к эффективной профессиональной деятельности. К ним относятся: необходимый уровень развития профессиональных знаний, умений и навыков (ранговый показатель 23,7%); высокая мотивация выпускников к профессиональной деятельности в агропромышленном комплексе (21,2%); наличие сформированных навыков у выпускников по организации самообразовательной деятельности (19,2%); активная жизненная позиция (14,5%); необходимый уровень развития

психологических и личностных качеств (9,3%); наличие необходимого уровня физической готовности к профессиональной деятельности в агропромышленном комплексе (7,8%); наличие умений применять правильные решения и нести за них ответственность (4,3%).

3. Специальную готовность студентов характеризуют способности определять характер и содержание профессиональной деятельности в зависимости от ситуации, принимать правильные профессиональные решения.

Психологическую готовность определяют способности анализировать свою профессиональную деятельность, подавлять собственную неуверенность и проявлять активность.

Физическую готовность характеризуют способности проявлять высокий уровень работоспособности во время профессиональной деятельности в сельскохозяйственном производстве.

4. В ходе опроса респондентов была выявлена ранговая структура педагогических условий, необходимых для эффективного формирования готовности к профессиональной деятельности у студентов аграрного вуза. К ним относятся: практическая направленность всех видов занятий (ранговый показатель 19,1%); создание обстановки на занятиях для повышения уровня познавательной активности студентов (18,7%); постоянный поиск путей повышения уровня мотивации у студентов к занятиям и дальнейшей профессиональной деятельности (17,2%); насыщенность процесса профессиональной подготовки студентов активными формами и методами обучения (14,1%); создание в ходе занятий благоприятной атмосферы для саморазвития студентов (10,9%); формирование установки на профессиональное самосовершенствование студентов (7,8%); выработка активных критериев оценки уровня готовности к профессиональной деятельности (6,3%); разработка педагогических мер для сокращения сроков адаптации к профессиональной деятельности в АПК (5,9%).

5. Количество испытуемых, достигших высокого уровня готовности к профессиональной деятельности, в конце педагогического эксперимента составило в ЭГ – 27%, а в КГ – 23%; среднего 58% и 42%, низкого 15% и 35% соответственно.

Наиболее существенные отличия испытуемых ЭГ по сравнению с КГ наблюдались в показателях развития трудолюбия, организованности, дисциплинированности, профессиональной направленности и работоспособности.

Библиографический список

1. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2002. 416 с.
2. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М., 1996.
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2004. 154 с.
4. Климов Е.А. О принципиальных основах управления процессом профессионализации личности на этапе выбора профессии. // В сб.: Мат.-лы к XX Международному психологическому конгрессу. М., 1992. С. 89-91.

5. Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельности/ В.И. Ковалев. М.: Наука, 1988. 191 с.
6. Самыгин С.И. Педагогика и психология высшей школы/ С.И. Самыгин, М.В. Буланова-Топоркова, Л.Д. Столяренко, А.В. Духавнева. Ростов На Дону: Феникс, 2002. 324 с.
7. Талызина Н.Ф. Практикум по педагогической психологии. М.: Академия, 2002. 192 с.
8. Волкова О.П. Компетентностный подход при проектировании образовательных программ. // Высшее образование в России. 2005. №4. С. 34-39.
9. Зеер Э.Ф. Психология профессий/ Э.Ф. Зеер. М.: Академия, 2005. 336с.

References

1. Asmolov A.G. Psikhologiya of the personality: principles of all-psychologists-chesky analysis / A.G. Asmolov. – M: Sense, 2002. – 416 pages.
2. Davidov V.V. The theory of developing training / Century V. Davidov. - M, 1996.
3. Ilyin E.P. Motivation and motives / E.P. Ilyin. - SPb. 2004. - 154 pages.
4. Klimov E.A. About basic bases of management of process of professionalizing of the personality at stage choice of profession/ E.A. Klimov//On Saturday. : Mat. - лы to the XX International psychological congress. – M, 1992. - Page 89-91.
5. Kovalev V.I. Motivy of behavior and activity / Century. I.Kovalev. - M: Science, 1988. - 191 pages.
6. Samygin S.I. Pedagogika and psychology of the highest of school/ Page. I.Samygin, M. V. Bulanova-Toporkova, L.D.Stolyarenko, A.V.Dukhavnev. - Rostov On Don: Phoenix, 2002. – 324 pages.
7. Talyzina N.F. Praktikum on pedagogical psychology / N.F.Talyzina. – M: Academy, 2002. – 192 pages.
8. Volkov O.P. Competence-based approach at design of educational programs / Islands of P. Volkov//the Higher education in Russia. – 2005. – №4. – Page 34-39.
9. Zeer E.F. Psikhologiya professions / E.F. Zeer. – M: Academy, 2005. – 336с.

УДК 377

UDC 377

С.А. ГУДКОВ

аспирант кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета
E-mail: sergeygudkov@mail.ru

S.A. GUDKOV

postgraduate student of the Orel State University
E-mail: sergeygudkov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАФИКИ УЧАЩИМСЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ НЕЛИНЕЙНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ

FEATURES OF TEACHING COURSE COMPUTER GRAPHICS STUDENT ART SPECIALTY USING NON-LINEAR METHODS OF TEACHING

Сочетание модульного подхода к обучению с использованием средств нелинейного представления знаний, как и искусственного представления знаний, представляется наиболее перспективным. Также целесообразным в плане педагогической эффективности представляется использование отдельно нелинейных технологий обучения в среде курса компьютерной графики. Применение нелинейных технологий способствует активному конструированию знаний учащимися на основе самостоятельно изучаемого материала.

Ключевые слова: нелинейные методы обучения, компьютерная графика, модульный подход.

The combination of a modular approach to learning with the use of non-linear representation of knowledge, as well as an artificial representation of knowledge is the most promising. Also useful in terms of teaching effectiveness is the use of a separate non-linear learning technologies in the medium of computer graphics course. The use of non-linear technology contributes to active construction of knowledge by students on the basis of self-study material.

Keywords: nonlinear learning methods, computer graphics, modular approach.

В ходе подготовки программы учебного курса компьютерной графики для учащихся художественных специальностей следует внимательно отнестись к проектированию всего периода обучения, начиная с содержания и структуры учебного плана и заканчи-

вая формами и методами контроля процесса обучения. Особое внимание следует уделить главной составляющей обучающей среды – технологии обучения.

Известно, что педагогическая технология представляет собой упорядоченную совокупность дей-

ствий, операций и процедур, которая в изменяющихся условиях образовательно-воспитательного процесса инструментально обеспечивает достижение таких результатов, которые будут легко прогнозируемы с самого начала, а также диагностируемы в ходе самого процесса обучения. Стратегию же современного педагогического образования составляют в основном личностно-ориентированные педагогические технологии, которые заключаются в преобразование позиции преподавателя и позиции студента в личностно-равноправные позиции. Смысл такого преобразования в том, что преподаватель не столько учит и воспитывает учащегося, сколько дает стимул к самостоятельному общему и профессиональному развитию, создавая условия для самодвижения учащегося. Таким образом, наиболее целесообразным и перспективным в плане педагогической эффективности представляется использование нелинейных технологий обучения в обучающей среде курса компьютерной графики. В процессе ориентации личностной модели ученика на предлагаемую педагогическую модель преподаватель выступает чаще как проводник знаний, передающий готовую информацию последовательно (линейно) модуль за модулем, в системе обучения с набором лекций, семинаров и лабораторных практикумов. Такая технология называется линейной (модульной)[1]. В новых проектах ГОС предлагается объединить дисциплины, связанные с информационными технологиями в один модуль, который будет состоять из основной и изменяемой части и который будет призван реализовать новый компетентностный подход в образовании. В системе подготовки учащихся художественных специальностей такой модуль, направленный на формирование рассмотренных выше компетенций и навыков, можно было бы назвать «Информатика и компьютерные технологии в дизайне». Внедрение и активное применение модульного подхода может представляться довольно эффективным решением, так как материал, изучаемый по информационным дисциплинам, имеет тенденцию постоянно изменяться и совершенствоваться. Кроме естественного обновления основного содержания, объективно отражающего прогресс в постоянно меняющейся предметной области, существует также и более субъективная составляющая, связанная с общей направленностью образования и стратегическим отбором материала, подлежащего изучению. Также и традиционные средства и технологии обучения являются в большинстве случаев линейными. К ним относятся учебники, методические пособия и рекомендации, обучающие компьютерные программы, которые направлены на линейные технологии и методики обучения, работающие в большей мере по принципу последовательной передачи готовых знаний, обозначения навыков и умений по отдельным разделам (модулям) предметной области. Таким образом, выявление в дисциплине отдельных модулей, которые отражают как фундаментальные основы работы вычислительной техники и общие тенденции развития информационных технологий, так и специальные, направленные на изучение конкретной области знаний вопросы, способствует:

– оперативной и наиболее эффективной коррекции образовательных программ в соответствии с изменениями потребностей общества, требований науки и техники;

– появлению качественно новых программ на базе уже существующих;

– повышению уровня адаптации к все повышающимся требованиям предварительной подготовки студента.

Разделение дисциплины на основную и изменяемую части и разделение этих частей на отдельные модули позволяет сформировать учебный материал так, что у студента появится возможность выбора наиболее оптимального для него направления обучения, и также обеспечивает требуемое качество подготовки будущего специалиста. Исходя из этого, проектирование учебно-методического комплекса по графическим дисциплинам информационной направленности, необходимо начинать с выявления тех компетенций, которые должны быть сформированы в процессе изучения данного курса, то есть с выявления компонентного состава информационной компетентности. Выявить составные части информационной компетентности можно исходя из решаемых задач, видов профессиональной деятельности и требований к квалификации специалистов, которые должны учитывать запросы работодателей и быть ориентированы на международные стандарты, так как выпускнику необходимо выполнять не только все виды профессиональной деятельности, указанные в образовательном стандарте, но и быть готовым к реализации своего личностного потенциала в условиях довольно нечетких профессиональных границ. Такой подход представляется эффективным в решении вопросов преподавания компьютерной графики учащимся художественных специальностей. С другой стороны, перспективным представляется сочетание модульного подхода к обучению с использованием средств нелинейного представления знаний (например, энциклопедий), методов искусственного представления знаний (например, баз знаний, мультимедиа). Применение нелинейных технологий в ходе обучения способствует активному конструированию своих знаний учащимися на основе самостоятельно изучаемого материала. В ходе применения подобных методов учащиеся применяют свои учебные знания в одной и той же среде, но при этом конечная цель обучения для разных учеников может довольно сильно отличаться. В этом заключается основная идея нелинейной технологии. Таким образом, следует отметить, что в основе технологии обучения развивающих, научно-исследовательских направлений образования (активных методов обучения) стоит не передача готовых знаний, а методики познания. То есть, формирование личностной модели учащегося происходит под влиянием нелинейной модели знаний. В последнее время нелинейные структуры обрели широкое применение в информационных технологиях. По принципу нелинейных структур построены контекстные справочные системы в подавляющем большинстве компьютерных программ, при помощи которых

пользователь имеет возможность самостоятельно получить знания по индивидуальной образовательной программе. Таким образом, в качестве важнейших инструментов получения знаний в настоящее время выступают компьютеры и сопутствующее программное обеспечение, в то время как основным методом познания для учебных целей является моделирование, в частности компьютерное. Исходя из этого, технологию компьютерного моделирования удобно применять при выполнении учебных проектов, выступающих в качестве дидактического средства нелинейных технологий обучения в рамках нелинейных моделей знаний. Вследствии этого они представляют собой педагогические инструменты познания при активных (проблемное, развивающее, исследовательское) методах обучения. В курсе технологической ориентации, таком как преподавание компьютерной графики учащимся художественных специальностей, учебные проекты занимают значительную долю учебно-методического комплекса. Построение модели подобной нелинейной технологии обучения можно разделить на следующие этапы:

1. постановка задачи;
2. выбор источников по данной предметной области (обзор литературы);
3. выбор инструментов познания;
4. составление плана выполнения проекта (теоретическое, экспериментальное, теоретико-экспериментальное);
5. создание модели решения задачи (выполнение работ по проекту);
6. анализ результатов, выводы и составление отчета по проекту (в виде реферата, статьи, отчета);
7. обобщение и систематизация полученных ранее знаний по данной предметной области (формирование элементов теории).

К нелинейным технологиям обучения можно отнести такие виды обучения, которые включают в себя следующие методы: метод проекта, применение компьютера как инструмента познания (базы знаний, базы данных, электронные таблицы, компьютерные сети, средства мультимедиа и др.), компьютерное моделирование (применение моделирующих программ), конструирование собственных знаний учениками (обучение младших), лабораторный практикум. Особое внимание следует уделить методу проектов. Под проектом следует понимать целенаправленную деятельность, направленную на получение какого-либо значимого результата. Таким образом, учебные проекты могут выступать как форма организации творческой деятельности учащегося по решению практических задач и направлены на проблемы межпредметного профиля. Исходя из этого, учебный проект является наиболее популярной и эффективной формой организации работы учащихся. В его основе лежит упор на развитие познавательных навыков учащихся, их умения самостоятельно конструировать свои знания, умения находить нужное в информационном пространстве, развитие критического мышления. Следовательно, метод проектов рассчитан на возможность самостоятельной деятельности

учащихся, так как в его рамках предполагается решение определенной поставленной задачи, предусматривающей, с одной стороны, использование целого комплекса разнообразных методов, с другой же – интегрирование знаний и умений из самых разных областей науки, техники, а также различных творческих областей. Именно поэтому наряду с модульным подходом использование проектной формы обучения представляется наиболее эффективным в курсе компьютерной графики, где приоритетными целями являются навыки и умения практической деятельности учащихся. В настоящее время проектные формы организации учебного процесса получают широкое распространение как на Западе, так и в России. “Это связано, с одной стороны, с ориентацией на развитие самостоятельности учащихся при освоении новых средств. С другой стороны, появление сложных деятельности, часто неукладывающихся в рамки отдельного предмета, требуют новых форм, при которых получение новых знаний и усвоение новых приемов работы происходит параллельно” [2]. В рамках данного подхода учащийся может выполнять несколько проектов одновременно. Такие проекты могут охватывать одну или несколько тем, изучаемых в ходе курса компьютерной графики. Следует выделить курсовое проектирование, подразумевающее выполнение учебного проекта с целью завершения определенного курса обучения по дисциплинам, которые связаны со специализацией обучения. Подобный курсовой проект может разрабатываться в течение целого или половины учебного года и, как правило, предполагает выполнение учащимся самостоятельной творческой работы, в ходе которой применяются полученные весь период изучения курса знания, совершенствуются и демонстрируются практические навыки работы будущего специалиста. В ходе краткого анализа технологий обучения можно сделать вывод о наиболее эффективном и целесообразном построении курса компьютерной графики для учащихся художественных специальностей на основе нелинейных технологий обучения наряду с описанным ранее модульным подходом. Это позволит организовать обучение по индивидуальным программам, в ходе которых каждому учащемуся будет обеспечено оптимальное протекание процесса усвоения материала с разумным и экономным использованием его психических и физиологических возможностей, с наиболее эффективным отбором содержания подготовки и форм организации, методов и приемов самостоятельной работы. Такая модель построения курса будет соответствовать современным ритмам развития образовательного процесса, в ходе которого осуществляется переход к новым методам и технологиям обучения, направленным не столько на приоритет знания и исполнения, сколько на вариативность, гибкость, индивидуально-творческие, личностно-центрированные и в определенной мере субъективные формы и методы подготовки специалистов.

Библиографический список

1. Байденко В.И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: Методическое пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 55 с.
2. Пак Н.И. О нелинейных технологиях обучения. // Информатика и образование, 1997, №5, с.11-14.
3. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. М.: Народное образование, 1998, 256 с.
4. Слостенин В.А., Руденко Н.Г. О современных подходах к подготовке учителя// Педагог, 1996, № 1.

References

1. Baydenko V.I. Identifying competencies of college graduates as a necessary stage of designing a new generation of SES of HPE: Toolkit. M.: Research Center of quality problems of training, 2006. 55 p.
2. Pak N.I. Non-linear learning technology. // Computers & Education, 1997, № 5, p.11-14.
3. Seleucus G.K. Modern educational technology. M.: Education, 1998, 256 p.
4. Slastenin V.A., Rudenko N.G. On the modern approaches to the training of the teacher // Educator, 1996, № 1.

УДК 373. 5. 016 : 62

UDC 373. 5. 016 : 62

А.А. КАЛЕКИН

A.A. KALEKIN

доктор педагогических наук, кандидат технических наук, профессор, зав. кафедрой технологии и предпринимательства Орловского государственного университета
E-mail: KalekinOGU@yandex.ru

candidat tehnikesky Sciences, Professor, head of technology and entrepreneurship, of Orel State University
E-mail: KalekinOGU@yandex.ru

ИНЖЕНЕРНАЯ ПЕДАГОГИКА ШКОЛЫ

ENGINEERING PEDAGOGY SCHOOL

Обосновывается использование инженерной педагогики при подготовке бакалавров педагогического образования для работы в профильных школах с индустриально-технологическим направлением профилизации старшеклассников в выборе профессий и специальностей сферы современного материального производства.

Ключевые слова: профильная школа, бакалавр технологии, инженерная педагогика школы, компетенция бакалавра технологии.

The article justifies the use of engineering pedagogy in the preparation of bachelors pedagogical education to work in specialized schools with industrial-technological direction specialisation high school students in the choice of professions and specialties spheres of modern material production.

Keywords: profile school, bachelor of technology, engineering pedagogy of the school, its competence bachelor of technology.

Технологическая революция XXI века, связанная с интенсивным развитием и использованием нанотехнологий, робототехники, биотехнологий и других перспективных технологий требует формирования в нашей стране, начиная с общешкольного образования, научно-технологического потенциала, адекватного современным вызовам мирового технологического развития.

Под технологической деятельностью человека понимается активное отношение к окружающему миру и последовательность использования приёмов при целесообразном преобразовании материалов, энергии и информации для создания материальных и духовных ценностей в интересах людей.

Происходящие в нашей стране изменения в системе производственных отношений приводит, в конечном счёте, к возникновению принципиально но-

вых форм трудовой технологической деятельности. Отсюда следует: человека надо со школьной скамьи **целенаправленно** готовить к деятельности в условиях новых общественных, производственных и нравственных отношений. В практику общеобразовательной и профессиональной подготовки молодёжи вводится принципиально новая идея **профильного обучения**, что в перспективе приведёт к сближению и в определённом смысле объединению общеобразовательной и начальной профессиональной школы.

Следует заметить, что общее (школьное) образование обслуживает, в основном, приобщение растущего человека к культуре и весьма слабо ориентировано на жизненное и профессиональное самоопределение растущей личности. Продолжается отчуждение школьников от содержания образования, которое не даёт

адекватной мировоззренческой картины, не позволяет составить представления обо всём пространстве труда людей, не даёт необходимой информации для построения обоснованных жизненных и профессиональных планов [4].

Под профильным обучением в общеобразовательной школе понимается специальная образовательная система, отличительными признаками которой являются:

- формирование классов, начиная с 9-го, определенного профиля согласно интересам школьника и его родителей, материалов тестирования, в которых ведущие учебные предметы имеют достаточно четкую профессиональную направленность;
- включение в учебный план профильных классов элективных курсов, спецкурсов и факультативов, раскрывающих содержание конкретного направления будущей профессиональной деятельности школьника;
- заменой трудовой подготовки школьника курсом профессиональной подготовки по соответствующему профилю;
- профессиональная (предпрофильная и профильная) подготовка школьников-старшеклассников организуется и ведется педагогами (бакалаврами, магистрами), получившими в вузе общинженерную отраслевую технологическую подготовку, а также под патронажем кафедр (факультетов) вузов или других образовательных учреждений (НПО и СПО), которые несут наряду со школой ответственность за материальную базу, качество и результативность подготовки школьников при выборе профессий и специальностей после окончания школы в сфере современного материального производства.

Необходимость профильного обучения в старших классах школы диктуется следующими факторами [9].

Во-первых, профильное обучение берет на себя компенсаторную функцию коррекции содержания общего среднего образования, которое отстаёт от задач приближения его к требованиям рационального профессионального выбора молодыми людьми и сохраняет некоторую академическую заданность, выраженную в преподавании, «основ наук». Есть острая необходимость преодоления отчуждения школьников от содержания образования, которое не дает адекватной мировоззренческой картины, не позволяет составить представлений обо всем пространстве труда людей, не дает необходимой информации для построения обоснованных жизненных и профессиональных планов.

Во-вторых, у значительной части выпускников школы, вступающих в современный рынок труда, формируется запрос на новый тип образования, интегрирующий традиционное для нашей школы гимназическое образование с реальным, то есть позволяющим если не получить профессию, то составить четкое представление о характере профессионального труда людей на основе личного опыта.

В-третьих, профильное обучение должно реализовать принципы вариативности и дифференциации содержания общего среднего образования в пределах единого образовательного пространства для формиро-

вания и удовлетворения индивидуальных образовательных запросов.

В-четвертых, профильное обучение развивает техническое мышление учащихся, творческие способности и нравственные стороны личности.

В-пятых, профильное обучение формирует систему знаний об основах конкретной отрасли производства и её специальностей.

Методологические основы профильного обучения развивают и конкретизируют идею трудовой школы в соответствии с новыми условиями и возможностями нашего общества. В рамках этой идеологии в систему общего школьного образования вводится принципиально новая составляющая, а именно *целенаправленная подготовка молодёжи к выполнению в общественном производстве определённых видов трудовой деятельности*.

Вузами совместно со школами разрабатываются специальные программы этой подготовки с учётом трудовых запросов данного региона, а также интересов и склонностей учащихся. Расширяется само представление о содержании подготовки школьников к производительному труду. Если в настоящее время в общеобразовательной школе его нередко соотносят с трудом производственно-физическим, то в системе профильного обучения возрастает роль труда интеллектуализированного. Такой труд становится особенно актуальным в современных социально-экономических условиях, когда высокоинтеллектуальные технологии проникают во все сферы жизни, когда возрастает роль совмещения, взаимозаменяемости профессий, когда рабочий и менеджер должны в относительно короткий срок адаптироваться к новым производственным условиям [4].

С целью решения этих социально значимых задач в общеобразовательных школах, начиная с 8-го класса, создаются профильные классы с учётом трудовых запросов региона, интересов и склонностей учащихся.

Заслуживает внимания опыт Липецкого государственного технического университета, где профильная подготовка учащихся осуществляется на основе договора между школой и вузом. Учебный план составляется школой и соответствующим факультетом ЛГТУ, утверждается педагогическим советом школы и ученым советом факультета [3].

Разрабатывается учебный план, как правило, с позиции единого организационно-методологического документа на период обучения с 8-го по 11 классы. Этот план профильного обучения обязательно доводится до сведения учащихся и их родителей при комплектовании 8-го класса. Каждый конкретный учебный план профильного класса содержит инвариантную и вариативную части. В вариативной части планируется углубленное изучение предметов избранного профиля, а также часы профессиональной подготовки. При обучении общеобразовательным предметам углубленного курса школа может использовать наряду с государственными авторские программы, которые утверждаются научно-методическим советом школы по предваритель-

ному согласию с институтом усовершенствования учителей и учёным советом факультета.

Таким образом, дальнейшее совершенствование общего образования будет развиваться в том достаточно значимом для государства плане, что значительная часть выпускников школы получит не только общее среднее образование, но и жизненно значимую профессиональную ориентацию на получение после окончания школы соответствующей профессии и специальности.

Демократично решаются системой профильного обучения и проблемы развития способностей и талантов учащейся молодёжи. Обеспечивается это, прежде всего, путём целенаправленного углубленного изучения отдельных учебных предметов и введением специальных предметов профессиональной подготовки. Именно этот, практически значимый и экономически эффективный путь, даёт возможность лучше готовить подрастающее поколение к жизни в современных социально-экономических условиях, к тому, чтобы работать и действовать в жёсткой конкурентной среде.

По этому пути идёт и Департамент образования г. Москвы. В частности, в 2013-2014 учебном году в г. Москве стартует пилотный проект по организации профильного обучения старшеклассников в вузах. При вузах будут сформированы классы, в которых школьники смогут не только получить предусмотренный законом объём знаний, но и подготовиться к поступлению в конкретное высшее учебное заведение. Подобные классы появятся в Высшей школе экономики, Московском государственном университете путей сообщения, МИФИ и РГГУ, в них будет учиться 671 старшеклассник. В дальнейшем перечень вузов, участвующих в проекте, будет увеличиваться [7].

Цели профильного образования будут достигнуты, если старшеклассники будут иметь возможность в процессе освоения учебного материала испытать себя выполнением нескольких проб, которые включают освоение информации, трудовых операций технологических процессов и главное – оценочных отношений к планируемым и достигнутым результатам трудовой деятельности.

Анализ опыта профильного обучения показывает, что его нельзя свести только к проблеме подготовки школьников к трудовой деятельности. Педагогические средства профильного обучения предоставляют достаточно широкие возможности для взаимного обогащения содержания научно-методической и учебно-методической деятельности школы и вуза. В этом плане довузовская подготовка становится важным технологическим звеном, обеспечивающим непрерывность различных образовательных траекторий при переходе от общего среднего образования к заключительным этапам высшего профессионального.

Если считать, что основным практико-ориентированным школьным предметом является «Технология», то ведущим педагогом в технологическом образовании и профессиональном самоопределении старшеклассников при выборе будущих профессий и специальностей, особенно в сфере современного материального про-

изводства, стоит учитель технологии (ныне бакалавр педагогического образования согласно ФГОС ВПО направления подготовки 050100. 62 «Педагогическое образование» профиля «Технология»).

Среди профилей в школе особое место занимает индустриально-технологическое направление, которое в большей степени, чем другие направления профилизации, ориентирует старшеклассников на выбор профессий и специальностей в сфере современного материального производства.

Основная особенность индустриально-технологического профильного обучения образования заключается в его гибкости при условии общего старта всех школьников, избравших профиль, но различных финишей:

а) целевая интенсивная подготовка к поступлению в технические учебные заведения разного профиля и сложности;

б) целевая интенсивная подготовка к приобретению наукоемких и сложных исполнительских профессий;

в) подготовка к приобретению как рабочих, так и других профессий средней сложности.

Активная профориентация, тестирование, интервьюирование, рейтинговые оценки успешности, расширение вариативной части индустриально-технологического профиля и индивидуализации воспитательно-образовательного процесса развития личности позволяют создать режим максимального благоприятствования для достижения высоких результатов целевого интенсивного продвижения учащегося вперед по линиям предпрофессионального и профессионального самоопределения.

В перспективе профильное обучение в школе, по замыслу, стремится переродиться в индивидуальные планы воспитательно-образовательного процесса развития личности, подготовки к выбору жизненного пути, плана непрерывного образования и деловой карьеры каждым учащимся. Это и следует считать одним из показателей социальной зрелости выпускника школы.

Успешность профильного обучения сегодняшних школьников, очевидно, определяет место России в современной и завтрашней цивилизации, положение страны в мировом разделении труда, создает предпосылки для возрождения новых производительных сил и производственных отношений.

В основе нового направления педагогического процесса лежит не только развитие потенциала каждого ученика, но и постоянное саморазвитие педагога.

По словам руководителя группы разработчиков стандартов второго поколения общеобразовательной школы А.М. Кондакова, «когда мы говорим о современном учителе и его конкурентоспособности, то мы, конечно, должны видеть в нем не только блестящего предметника, но и педагога – личность, человека, который должен чувствовать себя конкурентоспособным, спокойно общаться с представителями любой семьи, конфессии, культурной группы, он должен быть абсолютно конкурентоспособен по отношению к современным технологиям, Интернету, компьютерам и так далее.

Это очень сложная задача – подготовка такого учителя. На сегодняшний день система педагогического образования, за очень редким исключением, обеспечить подготовку такого учителя нам не может. Если мы говорим о стандарте второго поколения, то без решения ключевой проблемы – подготовки современного, конкурентоспособного учителя, который уважаем в обществе, - нам ничего не сделать» [1].

На первый план выходит личностный потенциал педагога, его установки и направленность его личности, готовность к проектированию своего профессионального развития.

Проблема совершенствования профессиональной подготовки бакалавра технологии имеет определенную специфику особенно при работе в профильных школах. Эта специфика предопределена тем, что в пределах одного класса учитель должен быть готов к профориентации школьников по различным индустриально-технологическим направлениям.

Чтобы готовить школьников к выбору будущих профессий, бакалавр технологии должен сам быть профессионально подготовленным, особенно в сфере современного материального производства.

Отсюда существенно возрастают требования к подготовке будущих бакалавров технологии. Бакалавру технологии предстоит в рамках одного и того же технологического профиля осуществлять подготовку старшеклассников по самым различным направлениям. Соответственно, требуется пересмотр содержания предметной подготовки будущих бакалавров технологии [8].

Однако практически осуществить подготовку будущих бакалавров технологии одновременно по нескольким индустриально-технологическим направлениям, на наш взгляд, невозможно. С одной стороны, подготовка будущих бакалавров технологии ограничена определенными временными рамками, а с другой – слишком широк и разнообразен круг формируемых технологических знаний и умений.

Поэтому встает вопрос о качестве образованности бакалавра технологии, его профессиональной компетенции, которая бы позволила бы ему осуществлять свою деятельность наиболее эффективным образом.

Отсюда, исследования по формированию в вузе профессионально компетентных будущих бакалавров технологии для успешной работы в профильных школах, способствующих своими действиями профессиональной ориентации учащихся на продолжение обучения в средне специальных и высших профессиональных учебных заведениях и на трудовую деятельность в сфере современного материального производства, являются актуальными и перспективными в педагогической науке.

Сегодняшний образовательный стандарт высшего профессионального образования дает будущему бакалавру технологии только общетехническую ориентацию в сфере современного материального производства, не увязывая их с конкретной отраслью производства.

Подобная профессиональная подготовка будущего бакалавра технологии ограничивает его осведомлен-

ность о профессиях и специальностях современного производства, что не позволяет грамотно ориентировать школьников на выбор будущих профессий.

Общеинженерная деятельность занимает центральное место в структуре трудовой производственной деятельности человека. Следовательно, одной из главных функций бакалавра технологии является передача школьникам опыта осуществления этой деятельности. Именно поэтому формирование готовности бакалавра технологии к осуществлению общеинженерной деятельности признается нами в качестве приоритетной цели.

На наш взгляд, сегодняшний бакалавр технологии должен обладать общеинженерной подготовкой [8].

Что из себя представляет общеинженерная подготовка будущего бакалавра технологии и чем она отличается от общетехнической (заложенной в требованиях сегодняшнего государственного образовательного стандарта)?

Общеинженерная подготовка будущего бакалавра технологии по сравнению с общетехнической заключается в том, что здесь знания, умения, навыки и компетенции бакалавра «увязываются» с определенной отраслью материального производства. Поэтому не случайно при выявлении ценностных ориентаций городских и сельских школьников просматривается следующее: наиболее значимыми ценностями являются для них – это счастливая семейная жизнь, любовь, здоровье, свобода, независимость в действиях и поступках. Одновременно важнейшие социально-значимые ценности – такие как творчество, активная деятельная жизнь, интересная работа по созданию материальных ценностей и познание через обучение, отвергаются большинством подростков. Вот почему сегодняшние выпускники школ в основном идут на получение гуманитарных специальностей, а не технологических. Это еще раз подчеркивает важность технологической подготовки учащихся, формирование у них трудовой мотивации и подготовки к дальнейшей социальной адаптации в современных условиях развития общества.

Профессиональная компетентность будущего бакалавра технологии для работы в профильной школе в значительной степени определяется его уровнем общеинженерной подготовки, т.е. общеинженерной компетенцией.

Исходя из этого основной комплексной задачей подготовки будущего бакалавра технологии для работы в профильной школе является формирование у него общеинженерной компетенции, являющейся главной составляющей его профессиональной компетентности.

Общеинженерная компетенция бакалавра технологии профильной школы – способность применять инженерные знания отраслей современного материального производства, умения и личностные качества для формирования у школьников (особенно, у юношей) на уроках технологии в период предпрофильной подготовки и профильного обучения трудовой мотивации, стимулирование интереса к получению специальностей по профильным направлениям, востребованным в данном

регионе.

Подготовку будущих бакалавров технологии с общеинженерной компетенцией можно достичь за счет введения в их учебный план «практичных» специализаций, позволяющих им успешно работать в профильных школах, в которых учащиеся объединены по образовательно-профессиональным интересам, связанным с продолжением образования и со сферой их будущей трудовой деятельности.

В Орловском государственном университете для подготовки будущих учителей технологии к работе в профильных школах еще на стадии организации факультета технологии, предпринимательства и сервиса (1997 г.) в учебный план специальности «Технология и предпринимательство» (по нашей инициативе и решению УМО по педагогическому образованию Министерства образования и науки Российской Федерации) были введены две специализации, определяющие важные отрасли материального производства.

1. «Строительство и ремонт индивидуального жилья»;

2. «Крестьянская усадьба и семья (крестьянское хозяйство)».

Указанные специализации в настоящее время при подготовке бакалавров технологии в ОГУ трансформировались в учебном плане в отдельные технологические дисциплины (*технология строительного производства* и *технология сельскохозяйственного производства*) в виде *прикладного бакалавриата*, позволяя будущему педагогу обстоятельно получить знания в таких важных отраслях для нашего региона – Орловской области, как строительство и сельское хозяйство [9].

Для подготовки бакалавров технологии к работе в профильных школах, реализующих свои знания по профессиональному самоопределению школьников в сфере современного материального производства, необходима особая педагогика, взаимодействующая с техническими науками. Такая педагогика имеется для технических вузов, осуществляющих подготовку высококвалифицированных специалистов с высшим техническим образованием и она называется *инженерной педагогикой* [5,6].

Бакалавр технологии не готовит из школьников технических специалистов, его главная задача – трудовое воспитание, а не обучение, т.е. способствовать старшеклассникам в самоопределении выбора будущей профессии и специальности в сфере современного материального производства. Поэтому для подготовки бакалавра технологии нужна не инженерная педагогика, а какая-то другая, использующая, по-видимому, базу инженерной педагогики, но выполняющая другую, то есть школьную задачу. Такую педагогику мы условно называем *инженерной педагогикой школы* [8,9].

В чем общее и в чем различие в понятиях «инженерная педагогика» и нами предлагаемой – «инженерная педагогика школы»?

В широком смысле слова если в словосочетании «инженерная» и «педагогика» имеется в виду использование педагогической науки для подготовки спе-

циалистов с высшим техническим образованием, то в словосочетании «*инженерная педагогика школы*» имеется в виду использование педагогической науки для подготовки в вузе бакалавров технологии с общеинженерными знаниями и умениями для их дальнейшей реализации в профильной школе при оказании помощи школьникам в их профессиональном самоопределении в сфере современного материального производства путем выбора профиля обучения.

Методология инженерной педагогики школы – это учение о наиболее общих закономерностях, принципах, методах жизненного и профессионального получения будущим бакалавром технологии в вузе инженерных знаний для их последующей реализации в школе при подготовке учащихся к обоснованному профессиональному самоопределению в сфере современного материального производства путем выбора профиля обучения в старших классах.

Вопрос о предмете инженерной педагогики школы – фундаментальная методологическая проблема. Категория «предмет науки» имеет онтологические и гносеологические измерения. Это означает, что она выражает объективную и субъективную стороны познания, а также изменение и развитие изучаемой действительности. Вот почему в историческом процессе изменяются взгляды на предмет всякой науки, в том числе и на предмет педагогики. При этом современная тенденция к дифференциации и интеграции наук изменяет и установившуюся систему педагогических наук. В этой области появилось много новых, пограничных с общей педагогикой направлений. Общая педагогика при этом остается базовой в системе педагогических наук.

Определяя предмет инженерной педагогики школы как науки, мы должны отделить его от предмета остальных наук – педагогических и непедагогических, для которых объектом изучения является обучение как дидактическая система.

Главное отличие инженерной педагогики школы от общей педагогики состоит в том, что в ней выдвигаются иные цели и утверждаются новые ценности формирования профессиональной компетентности бакалавра технологии с общеинженерной подготовкой. Ими становятся знания, умения, навыки, способности, необходимые бакалавру технологии профильной школы. Ее предметом являются педагогические системы подготовки учительских кадров (цель, закономерности, принципы, содержание образования, методы, формы организации и средства обучения), а также педагогические аспекты профессиональной деятельности бакалавра технологии профильной школы, способствующей на старшей ступени общего образования профессиональному самоопределению школьников (особенно юношей) в сфере современного материального производства.

Инженерная педагогика школы еще недостаточно представлена в науке как самостоятельная отрасль и не получила необходимого методологического обоснования как система педагогических категорий. Не были предметом специального исследования основные термины инженерной педагогики школы, их методологические

и регулятивные функции. Вместе с тем изучение опыта и теоретические изыскания позволяют сформулировать следующие определения объекта, предмета и задач исследования инженерной педагогики школы.

Объектом инженерной педагогики школы является педагогическая система высшего профессионального образования подготовки педагогических кадров – бакалавров технологии с общеинженерной компетенцией для работы в профильных школах с индустриально-технологическим направлением профилизации старшеклассников в сфере современного материального производства.

Предметом инженерной педагогики школы является проектирование и реализация содержания педагогической системы формирования общеинженерной компетенции будущего бакалавра технологии, способствующая профессиональному самоопределению школьников (особенно, юношей) на старшей ступени профильной школы в сфере современного материального производства.

Задачи исследования в инженерной педагогике школы:

1. разработка методологии и технологий проектирования педагогических систем подготовки учителей (бакалавров, магистров) технологии к работе в профильных школах;
2. изучение закономерностей, принципов функционирования и развития инновационного процесса подготовки бакалавра технологии к работе в профильных школах;
3. изучение процесса формирования бакалавра как личности и профессионала в условиях инновационной образовательной, научно-исследовательской и учебной деятельности;
4. изучение содержания и процесса (технологий) профессионального самоопределения учащихся в сфере современного материального производства.

Инженерная педагогика школы – самостоятельное направление в педагогике высшей школы, которая, взаимодействуя с техническими науками, технологиями и техникой, изучает теоретические проблемы подготовки бакалавров технологии профильных школ, классов с индустриально-технологическим направлением.

Инженерная педагогика школы базируется на педагогике высшей школы, инженерной педагогике и педагогике школы (раздел: жизненное и профессиональное самоопределение школьников).

Исходя из вышесказанного, проблема подготовки в вузе бакалавров технологии с общеинженерной компетенцией к работе в профильных школах, базирующая на инженерной педагогике школы, помогает школьникам через подготовленного педагога в профессиональ-

ном самоопределении осознанного выбора будущей трудовой деятельности в сфере современного материального производства, является актуальной для российской системы образования.

Вывод. 1. Анализ современного состояния подготовки в вузе будущих бакалавров технологии и реализуемая сегодня государственная политика в области общего образования – переход на профильное обучение в школах – показал необходимость и целесообразность введения в педагогическую науку нового понятия – «инженерная педагогика школы».

2. Дано понятийно-терминологическое определение инженерной педагогики школы и общеинженерной компетенции бакалавра технологии профильной школы.

Инженерная педагогика школы – самостоятельное направление в общей педагогике, базирующее на педагогике высшей школы, инженерной педагогике и педагогике школы (раздел: жизненное и профессиональное самоопределение школьников), которое взаимодействуя с приоритетными направлениями развития технических наук, технологиями и техникой, изучает теоретические и практические проблемы подготовки бакалавров технологии для работы в профильных классах (школах) с индустриально-технологическим направлением профилизации старшеклассников.

Общеинженерная компетенция бакалавра технологии профильной школы – способность применять в профильной школе инженерные знания, умения и личностные качества для формирования у школьников (особенно у юношей) на уроках технологии трудовой мотивации профессионального самоопределения в сфере современного материального производства.

3. Не все выдвигаемые положения бесспорны и однозначны, в частности в предлагаемой автором понятийно-терминологической трактовке «инженерной педагогики школы» и «общеинженерной компетенции бакалавра технологии профильной школы». Видимо, прав академик РАО В. В. Краевский, утверждая, что педагогика как наука единственна, но может быть приложена к различному контингенту воспитанников и обучающихся, поэтому и возникают новые трактовки к термину «педагогика» [2].

Такова ситуация в современной педагогике, как и в науке вообще. Тем не менее, автор, опираясь на многолетний опыт подготовки учителей (ныне бакалавров) технологии (как в должности декана, так и заведующего кафедрой технологии и предпринимательства Орловского государственного университета), обозначает свою позицию в контексте собственной целостной концепции системы высшего профессионального образования.

Библиографический список

1. Кондаков А.М. Стандарты второго поколения: преемственность и инновационность. // Учительская газета. 2008. № 41.
2. Краевский В.В. Общие основы педагогики. М.: Изд. центр «Академия», 2006.
3. Куприянов М.П. Профильное обучение: теоретические основы, технологии, опыт внедрения / М. П. Куприянов, Т.А. Герасименко, О.П. Околелов, Н.З. Поповичева // Инновации в высшей технической школе России: Вып. 2. Современные технологии в инженерном образовании: Сб. ст. М.: МАДИ (ГТУ), 2002.
4. Лернер П.С. Проблемы проектирования профильного образования старших школьников. / Инновации в высшей техни-

ческой школе России: Вып. 2. Современные технологии в инженерном образовании: Сб. ст. – М.: МАДИ (ГТУ), 2002.

5. Методология инженерной педагогики / А. А. Кирсанов, В. М. Жураковский, В. М. Приходько, И. В. Федоров. М.: МАДИ (ГТУ); Казань: КГТУ, 2007

6. Основы инженерной педагогики / А. А. Кирсанов, В. М. Жураковский, В. М. Приходько, И. В. Федоров. М.: МАДИ (ГТУ); Казань: КГТУ, 2007.

7. Правительство Москвы //Поиск. 2013. №36.

8. Калекин А.А. Теоретико-методологические основы системы отраслевой подготовки бакалавра педагогического образования к работе в профильной школе (с индустриально-технологическим направлением профилизации старшеклассников): Монография /А.А. Калекин.-Орёл: Изд-во ОГУ, 2012.

9. Калекин А.А. Система технологической подготовки бакалавра педагогического образования к работе в профильной школе: Автореф. дис. д-ра пед. наук. Специальность 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (общетехнические дисциплины и трудовое обучение). М., 2012.

References

1. Kondakov AM Standards Second Generation : Continuity and innovation / A.M . Kondaks / / Teacher newspaper . 2008 . Number 41.

2. Kraevsky V. General Principles of Pedagogy / V. Krajewski . / M. Ed. Center «The Academy », 2006.

3. Kupriyanov M.P. Profile Education : Theoretical foundations , technology, experience in implementing / MP Kupriyanov , TA Gerasimenko , OP Okolelov , NZ Popovicheva / / Innovations in Higher Technical School Russia : MY . 2 . Modern Technologies in Engineering Education : Sat Art. - Moscow: MADI (STU), 2002.

4. Lerner P.S. Design Problems professional education of senior School / PS Lerner . / Innovation in Higher Technical School Russia :MY . 2 . Modern Technologies in Engineering Education : Sat Art. - Moscow:MADI (STU) , 2002.

5. Metodologiya Engineering Education / AA Kirsanov, VM Zhurakovsky, Prikhodko V.M., I.V. Fedorov. Moscow: MADI (STU); Kazan: Kazan State Technical University , 2007.

6. Osnovy Engineering Education / AA Kirsanov Zhurakovsky VM , VM Prikhodko, IV Fedorov . - Moscow: MADI (STU) ; Kazan: Kazan State Technical University , 2007.

7. Pravito Istvo Moscow // Search is 2013 . - № 36.

8. Kalekin A.A. Theoretical and methodological foundations of the industry Bachelor of Teacher Education to work in a profile school (with the industrial- technological direction of profiling high school students) : Monograph / AA Kalekin. - Eagle Publishing House of the OSU, 2012.

9. Kalekin A.A. System Technology Bachelor of teacher education to work in the specialized school : Author. dis. Dr. ped. Science. Specialty 13.00.02 - Theory and a training and education (technical disciplines and employment training). - М., 2012.

Т.Ю. КАРЗАНОВА

аспирант кафедры методики, педагогики и психологии Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
E-mail: karzanova.tatyana@gmail.com

T.YU. KARZANOVA

postgraduate student of the Department of Methodology, Psychology and Pedagogy, Russian language state university named after A.S. Pushkin
E-mail: karzanova.tatyana@gmail.com

ТРАДИЦИОННЫЙ И ИНТЕНСИВНЫЙ ТИПЫ ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

TRADITIONAL AND INTENSIVE TEACHING IN MODERN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE METHODS

Данная статья посвящена рассмотрению понятий «традиционное обучение» и «интенсивное обучение», разграничиваются понятия «акселерированное обучение», «ускоренное обучение», «интенсификация обучения». Анализируется положение традиционной и интенсивной формы обучения в современной методике обучения РКИ с точки зрения их эффективности. Рассматриваются основные составляющие традиционного и интенсивного обучения.

Ключевые слова: традиционное обучение, интенсивное обучение, акселерированное обучение, ускоренное обучение, интенсификация обучения.

This article is devoted to the examination of the definitions «traditional teaching» «intensive teaching», the definitions «accelerated teaching», «intensified teaching», «intensification» are differentiated. The state of traditional and intensive teaching in the modern Russian as a foreign language methods is analyzed from the point of effectiveness. Basic components of traditional and intensive teaching are viewed.

Keywords: traditional teaching, intensive teaching, accelerated teaching, intensified teaching, intensification.

Изучение иностранных языков в настоящее время пользуется большой популярностью в связи с развитием науки и техники, активным расширением международных контактов в политической, экономической и научной сферах деятельности. Немаловажной является возможность прямого обращения к иноязычным источникам информации без посредника, что, в свою очередь, накладывает отпечаток и на методику преподавания иностранных языков.

Подобный социальный заказ современного общества нашел свое отражение в появлении интенсивных методов обучения, которые более чем за 50 лет существования не потеряли своей актуальности. Сеть учебных заведений, специализирующихся на использовании интенсивных методик обучения иностранным языкам, в том числе и русскому языку как иностранному (РКИ), в настоящее время активно расширяется. Целью подобного обучения является достижение максимального объема усвоенного учебного материала в минимальный срок. Высокая эффективность достигается, главным образом, путем интенсификации всей дидактической деятельности. Но прежде чем остановиться на особенностях методики интенсивного обучения, рассмотрим содержание традиционного обучения и выявим их основные отличия.

Термин «традиционное обучение» подразумевает, прежде всего, классно-урочную организацию обучения, сложившуюся в XVII в. на принципах, сформулированных Я.А. Коменским в труде «Великая дидактика». На

сегодняшний день наиболее распространенным является именно традиционный тип обучения. Выделим отличительные признаки традиционной классно-урочной организации обучения [5]:

- учащиеся приблизительно одного возраста и уровня подготовки составляют группу, состав которой в основном является постоянным на весь период обучения;
- группа работает по единому годовому плану и программе согласно расписанию;
- основной единицей занятий является урок, который, как правило, посвящен одному учебному предмету, теме;
- работой учащихся на уроке руководит преподаватель: он оценивает уровень знаний каждого учащегося и в конце учебного года принимает решение о переводе учащихся на следующий уровень.

При таком обучении учащиеся усваивают знания в готовом виде, предполагается усвоение и воспроизведение знаний, их применение в аналогичных ситуациях. Среди особенностей этого типа обучения можно назвать его ориентированность в большей степени на память, а не на мышление. Развитие творческих способностей, самостоятельности, активности часто отходит на второй план. Учебно-познавательный процесс в большей степени носит репродуктивный характер, вследствие чего у учащихся формируется репродуктивный стиль познавательной деятельности. Как показывает практика, объем сообщаемой информации

превышает возможности ее усвоения. Кроме того, отсутствует возможность приспособить темп обучения к различным индивидуально-психологическим особенностям учащихся. А.А. Вербицкий выделяет ряд противоречий, которым обладает традиционная форма обучения [2]:

1. Противоречие между обращенностью содержания учебной деятельности в прошлое и ориентацией субъекта учения на будущее содержание профессионально-практической деятельности и всей культуры. Будущее выступает для учащегося в виде абстрактной, не мотивирующей его перспективы применения знаний, поэтому учение не имеет для него личностного смысла.

2. Двойственность учебной информации – она выступает как часть культуры и в то же время лишь как средство ее освоения, развития личности.

3. Противоречие между целостностью культуры и ее овладением субъектом через множество предметных областей – учебных дисциплин как представительниц наук. В результате вместо целостной картины мира учащийся получает разрозненную информацию.

4. Противоречие между способом существования культуры как процесса и ее представленностью в обучении в виде статических знаковых систем. Обучение предстает как технология передачи готового, отчужденного от динамики развития культуры учебного материала, вырванного из контекста как предстоящей самостоятельной жизни и деятельности, так и из текущих потребностей самой личности.

5. Противоречие между общественной формой существования культуры и индивидуальной формой ее присвоения учащимися. Учащийся не объединяет свои усилия с другими для производства совместного продукта – знания. Принцип индивидуализации, понимаемый как изоляция обучающихся в индивидуальных формах работы и по индивидуальным программам, особенно в компьютерном варианте, исключает возможности воспитания творческой индивидуальности.

Нам думается, что для решения вышеперечисленных проблем необходимо внедрять в традиционную форму обучения методы, способствующие более эффективному развитию активного, творчески мыслящего учащегося. Одним из способов такого развития является интенсификация обучения, тесным образом связанная с понятием интенсивного обучения, которое будет рассмотрено в дальнейшем.

В данном случае затрагивается общедидактическая проблема оптимизации обучения – такая его организация, при которой при минимальных затратах времени, усилий и средств поставленные задачи решаются максимально эффективно. Таким образом, интенсификация способствует оптимизации обучения: улучшается качество обучения и производительность. Это обеспечивается использованием средств наглядности, максимального использования аналитических и имитативных способностей учащихся, созданием благоприятных

условий для контроля и самоконтроля.

Необходимо отметить, что понятия «интенсификация» обучения и «интенсивное обучение» не являются синонимичными, а соотносятся как цель и средство. Однако, внедрение в учебный процесс интенсивного обучения считается важной задачей в направлении интенсификации обучения. Обратимся теперь к рассмотрению понятия интенсивного обучения.

А.Н. Щукин определяет данное понятие как «особым образом организованное обучающее общение, в ходе которого происходит активизация обучающихся как в образовательном, так и в воспитательных планах» [7, С. 12]. Важной особенностью интенсивного обучения является тот факт, что оно протекает в сжатые сроки и при большой ежедневной концентрации учебных часов, именно способами организации и проведения занятий оно и отличается от традиционного обучения. [1, С. 82-83]

Как уже было отмечено, понятия интенсивного обучения и интенсификации обучения не тождественны, так же как и понятия интенсивного и краткосрочного обучения, где как раз и реализуется интенсификация. В этой связи хотелось бы отметить, что существуют несколько терминов, обозначающих быстрое обучение иностранным языком: краткосрочное обучение, ускоренное или «акселерированное» обучение и интенсивное обучение.

Итак, интенсивное обучение за минимальный временной срок обеспечивает максимально эффективные результаты, при этом учащийся не только не испытывает перегрузок при учении, но, наоборот, проходит его достаточно легко и с удовольствием.

Краткосрочное обучение, как правило, представляет собой традиционное (грамматико-переводное) обучение, лишь формально сокращенное по времени. Ускоренное, или «акселерированное», обучение (от англ. acceleration – «ускорение») относится уже к нетрадиционным методам и предполагает повышение эффективности знаний, полученных в короткие сроки. Иногда «акселерированное» обучение становится синонимом «интенсивного» обучения, смысл которого заключается в том, чтобы найти правильные и надежные механизмы, которые помогают людям наиболее результативно, в кратчайшие сроки и без напряжения овладевать иностранными языками.

И.М. Румянцева отмечает, что в терминах «акселерированное» и «интенсивное» обучение разница все-таки существует [6]. При внешней видимости ускорения и эффекта, ускоренное обучение порой бывает не вполне полноценным с точки зрения результата, поскольку не всегда задействует внутренние механизмы, позволяющие человеку достичь максимального прогресса в овладении иностранным языком, т.е. механизмы «интенсификации» обучения.

В современной методике преподавания иностранным языкам, в том числе РКИ, методы интенсивного обучения или их элементы приобретают все большую популярность. Отметим некоторые из них, базирующиеся на концепции активизации психических

резервов личности Г. Лозанова, основоположника интенсивного обучения: эмоционально-смысловой метод (И.Ю. Шехтер), интенсивный метод обучения устной речи взрослых (Л. Ш. Гегечкори), суггестопсихотерапевтический метод (В.В. Петрусинский), метод погружения (А.С. Плесневич), ритмопедия (Г.М. Бурденюк), гипнопедия (Э.М. Сировский), «экспресс»-метод (Илона Давыдова), метод активизации возможностей личности и коллектива (Г.А. Китайгородская), психотерапевтический метод (ИЛПТ) (И.М. Румянцева).

Рассмотрим основные составляющие интенсивного обучения как иностранным языкам, так и РКИ.

Интенсивный курс направлен на сохранение социально-психологических аспектов жизненного общения. Преподаватели в условиях данной формы организации снимают психологические барьеры, активизируют речевую деятельность учащихся, их лексико-грамматические знания, показывают коммуникативную целесообразность использования в речи тех или иных речевых формул, дают интересный материал по страноведению.

Интенсивное общение представляет собой обучающее общение. Речь идёт о двухплановой организации общения, когда основной формой реализации учебного процесса становится принцип косвенного целеполагания, т.е. игра в самом широком смысле слова. Можно сказать, что интенсивный курс – это одна большая, хорошо организованная игра.

Обратим особое внимание на учебные материалы интенсивного курса по РКИ, изданные в 80-90х гг. XX века: «Мосты доверия» (Г.А. Китайгородская, Я.В. Гольдштейн, Т.Э. Смородинская), «Русская речь интенсивно» (Т.К. Кирш, Н.Г. Крылова, Л.В. Мельникова). Материалы включают в себя прежде всего текст-полилог, в котором задействованы все его участники, получившие свои роли-легенды. Полилог интенсивного курса естественный. Он сюжетно и тематически организован, построен на экстралингвистической информации. Полилог состоит из коммуникативных блоков, смысловых блоков вокруг отобранных ситуаций. Коммуникативный блок определяет мотивированность и целенаправленность речевой ситуации, которая используется для организации учебного материала. Преподаватель должен создать в аудитории максимальную плотность общения. Ситуация должна быть моделью общения, а речевые единицы, входящие в неё, должны быть представлены во множестве вариантов. В рамках ситуаций предъявляются и отрабатываются: языковой материал, формулы речевого этикета и речевые средства по интенциям. [3; 4]

Наш небольшой практический опыт показывает, что элементы интенсива, применяемые на уроках РКИ, эффективны в процессе овладения речью.

Обобщая вышеизложенный материал, можно сделать вывод о необходимости сознательного внедрения способов интенсификации в традиционную модель обучения РКИ для получения более высоких результатов.

Библиографический список

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М.: Издательство «Икар», 2009. 447с.
2. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высшая школа. 1991. 207с.
3. Жаркова Т.Л. Что такое интенсивный курс русского речевого поведения // Живая методика. Для преподавателя РКИ. М.: Изд-во «Русский язык. Курсы», 2005. С. 33-64.
4. Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш.шк., 1986. 101 с.
5. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения. М.: Учпедгиз, 1955. 651 с.
6. Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. М.: ПЕРСЭ; Логос, 2004. 319с.
7. Щукин А.Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам: Учебное пособие. М.: Филоматис, 2008. 188с.

References

1. Azimov Je.G. Shchukin A.N. Novyy slovar metodicheskikh terminov i ponyatiy [New methodical terms and concepts dictionary]. Moscow, 2009.
2. Verbitskiy A.A. Aktivnoe obucheniye v vyshey shkole: kontekstnyy podkhod [Active teaching in high school: context approach]. Moscow, 1991.
3. Zharkova T.L. Chto takoye intensivnyy kurs russkogo rechevogo povedeniya // Zhivaya metodika. Dlya prepodavatelya RKI. [What is Russian language behavior intensive course// Living methods. For RAFL teacher]. Moscow, 2005.
4. Kitaygorodskaya G.A. Metodika intensivnogo obucheniya inostrannym yazykam [Methods of foreign languages intensive teaching]. Moscow, 1986.
5. Komenskiy Ya.A. Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya [Selected pedagogical works]. Moscow, 1955.
6. Rumyantseva I.M. Psikhologiya rechi i lingvopedagogicheskaya psikhologiya [Speech psychology and psychology of linguistic pedagogy]. Moscow, 2004.
7. Shchukin A.N. Sovremennyye intensivnyye metody i tekhnologii obucheniya inostrannym yazykam: Uchebnoye posobiye. [Modern intensive methods and technologies of foreign language teaching: School book]. Moscow, 2008.

УДК 373.3.013.8

UDC 373.3.013.8

Н.И. КИСЕЛЕВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета
E-mail: nadin-orel2009@yandex.ru

N.I. KISELEVA

candidate of pedagogical sciences, assistant professor of theory and teaching methods Russian language and literature, Orel State University
E-mail: nadin-orel2009@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ КОРРЕКЦИОННО-РАЗВИВАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ

MODERN APPROACHES TO THE ORGANIZATION OF THE CORRECTION AND DEVELOPMENT

В статье рассмотрены современные подходы к организации коррекционно-развивающего обучения. Выявлены проблемы, с которыми сталкивается современная система коррекционно-развивающего обучения в условиях интеграции. Показаны основные приёмы использования технологии языкового образования в классах интегрированного обучения.

Исследование опыта реализации коррекционно-развивающего обучения в России необходимо не только для того, чтобы дать характеристику своеобразия современных процессов модернизации образования, но и для теоретического обогащения концепции инклюзивного образования, основной целью которой является реструктуризация школ в соответствии с потребностями всех учеников.

Ключевые слова: мейнстриминг, инклюжен, интеграция, парадигма личностно ориентированного обучения, экзистенциальная сфера, амплификация, аттракция.

The article describes the modern approaches to remedial developmental learning. The problems faced by the modern system of Correction and Development in terms of integration. The basic techniques for using technology in the classroom language education integrated education.

Study experience in implementing remedial developmental education in Russia is necessary not only to give the characteristic peculiarity of modern processes of modernization of education, but also for the enrichment of the theoretical concept of inclusive education, whose main aim is to restructure schools to meet the needs of all students.

Keywords: mainstreaming, inklyuzhen, integration, personality-oriented learning paradigm, existential sphere amplification attraction.

Образовательную политику многих стран характеризует установка на десегрегацию школ, расширение доступа к образованию в школах общего типа. Происходящие изменения выражаются понятиями «раннее коррекционно-педагогическое вмешательство», «мейнстриминг» (mainstreaming), когда главным направлением признается расширение социальных контактов детей с отклонениями в развитии с их сверстниками, для чего организуется совместная досуговая деятельность, и «инклюжен» (инклюзивное образование, от англ. inclusion – включение), предполагающее совместное обучение и получение коррекционно-образовательных услуг.

В нашей стране используется термин «интеграция» в широком значении как включение в общество и процесс взаимного приспособления и объединения и в узком значении как процесс включения в общеобразовательную школу, где организуется совместное обучение.

В исследованиях интеграционных процессов, осуществляемых в России, выделяются внешние и внутренние условия, которые влияют на успешность процесса интеграции.

К внешним условиям, обеспечивающим эффективную интеграцию детей с отклонениями в развитии, от-

носятся: раннее выявление нарушений (на первом году жизни) и проведение коррекционной работы с первых месяцев жизни. В этом случае можно нормализовать ход психического развития у 28 % детей и добиться положительных изменений у остальных воспитанников к концу первого года жизни [1]. Эти своевременные меры позволят подготовить ребенка к посещению массового детского сада и обучению впоследствии в массовой школе.

Внешним условием является желание родителей обучать ребенка вместе со здоровыми детьми. Это обеспечивает позитивное принятие идеи интеграции, стремление и готовность помогать ребенку в процессе совместного обучения. Без участия родителей в процессе интеграции и активной поддержки ребенка идея интеграции становится проблематичной. Важным является также обеспечение возможности оказывать интегрированному ребенку эффективную, квалифицированную коррекционную помощь. Без удовлетворения особых образовательных потребностей и коррекции отклонений в развитии интеграция будет несостоятельной.

К внутренним условиям, обуславливающим успешность интеграции, относят уровень психофизического развития ребенка – чем ближе он к норме, тем боль-

ше возможность успешного совместного обучения. Внутренним условием также является возможность овладения общим образовательным стандартом в предусмотренные для нормально развивающихся детей сроки. В этом случае школьники учатся в одном классе и усваивают программу в одинаковые сроки. Наконец, важным является психологическая готовность ученика с отклонениями в развитии к интегрированному обучению.

Принципы интегрированного обучения:

1. принцип интеграции через раннюю коррекцию. Психологическая коррекция отклонений с первых месяцев жизни создает основу для наиболее ранней интеграции ребенка в социальную и общеобразовательную среду;

2. принцип интеграции через обязательную коррекционную помощь каждому интегрированному ребенку. Общая и специальная образовательная системы могут быть проницаемы, сближены только при условии обеспечения коррекционной помощи интегрируемым учащимся. Принципиальным в интеграции признается обоснованный отбор для совместного обучения. В процессе отбора выявляются те дети, которые могут учиться в общеобразовательной школе.

Организационные формы интеграции:

1. комбинированная интеграция. При ней дети, близкие по своему психофизическому развитию к возрастной норме, по 1-2 человека на равных воспитываются в массовых группах (классах), получая постоянную коррекционную помощь учителя-дефектолога специальной группы (класса).

2. частичная интеграция. Отражает такую форму интегрированного обучения (воспитания), при которой дети, не способные на равных со здоровыми сверстниками овладевать образовательным стандартом, в массовых группах (классах) находятся только часть дня (например, вторую половину), по 1-2 человека на группу (класс).

3. временная интеграция означает, что все воспитанники специальной группы (класса) вне зависимости от уровня психофизического и речевого развития объединяются со здоровыми детьми не реже 2 раз в месяц для проведения различных мероприятий воспитательного характера.

Реализация всех этих моделей предполагает обязательное руководство процессом интеграции со стороны учителя-дефектолога, который помогает педагогам в организации воспитания и обучения ребенка с отклонениями в развитии в коллективе здоровых сверстников;

4. полная интеграция рекомендуется и признается эффективной для детей, которые по уровню своего психофизического развития соответствуют возрастной норме и психологически готовы к совместному со здоровыми сверстниками обучению. Такие дети по 1-2 человека включаются в обычные группы детского сада или в классы школы, при этом они обязательно должны получать коррекционную помощь либо по месту обучения, либо в группе крат-

ковременного пребывания специального детского сада или школы, либо в специализированных центрах.

Приемлемость использования отмеченных моделей оценивается не одинаково. Считают, что полная и комбинированная интеграция может быть эффективна лишь для части детей с достаточно высоким уровнем психофизического развития. Частичная и особенно временная интеграция целесообразна для большинства детей с отклонениями в развитии, в том числе и с интеллектуальной недостаточностью.

Наиболее распространена в России такая форма интегрированного обучения, как специальные классы в массовой школе.

Предполагается, что учебный процесс в условиях образовательной интеграции будут определять две основные парадигмы.

Антропологическая парадигма (от греч. *anthropos* – человек) означает уважение к человеку, его достоинству, к его интересам и потребностям. Это значит, что в центре образовательного процесса находится ученик. Его потребности и возможности определяют количество и качество получаемого образования. Не ребенок приспособляется к существующим стандартным программам, а, напротив, содержание образования определяется в соответствии с познавательными возможностями и потребностями ученика.

Парадигма личностно ориентированного обучения означает, что интегрированное обучение дифференцируется и индивидуализируется в зависимости от раскрытых возможностей учащегося и осознания им себя личностью.

Выделяются следующие практические методики, облегчающие процесс обучения.

Ученику предоставляется право выбора учебной деятельности. Это усиливает мотивацию учения, увеличивает ценностный смысл приобретаемых знаний. Полезно совместно с учеником обсудить объем, содержание, уровень трудности учебной работы, чтобы школьник ориентировался в предлагаемом задании, знал свои возможности, смог в дальнейшем планировать свою работу.

Ориентировочный этап работы сменяется операционально-исполнительским. Усвоение знаний осуществляется в соответствии со следующими уровнями: различения или узнавания предмета (явления, события, факта); запоминания учебного материала, его понимания, применения на практике и переноса знаний в новые ситуации. Чаще всего учителя «передают» ученикам способы действий, алгоритмы, схемы, образцы. Недостаточно ведется работа над осмыслением и освоением принципов действий, глубиной освоения учебного материала, который часто механически заучивается. Выявить и восполнить пробелы в подготовке школьников помогают дозированные, неперегруженные учебные задания, также дифференцированные программные задания, позволяющие уточнить и лучше осмыслить изучаемое. В процессе обучения широко используются реальные жизненные ситуации.

Ученики имитируют и интерпретируют, объясняют их. Предпочтительней является групповая форма работы, в процессе которой ученик включается в продуктивную деятельность, постепенно и последовательно постигает глубину понимания учебного материала.

Учителя в условиях интеграции могут использовать различные образовательные технологии и инновационные методики (технологии развивающего обучения по В.В. Давыдову, Д.Б. Эльконину, оптимизации по Ю.К. Бабанскому, методики В.Ф. Шаталова, С.Н. Лысенковой, Дальтон-план, школы Монтессори, Френе, Вальдорфскую школу и т.д.). Это по большому счету варианты индивидуального и группового способов обучения. В условиях образовательной интеграции перспективна технология коллективного способа обучения, которая включает четыре формы организации обучения: коллективную, групповую, парную, индивидуальную. Групповая и парная работа позволяет объединить учащихся по способностям, создавать адекватное образовательное пространство с учетом их обученности и обучаемости.

Эффективность организации совместного обучения зависит во многом от правильно поставленной коррекционной работы. Необходимо понимание особенностей ее содержания и отличий от аналогичной работы в специальной школе.

Стратегия и тактика коррекционной помощи основываются на каузально-системном подходе к диагностике, которая включает выявление на основе данных из разных областей медицины органических предпосылок нарушений в развитии ребенка, анализ формирования различных функций и систем на феноменологическом уровне (от греч. *phainomenon* – являющееся); осуществление психолого-педагогической квалификации уровня актуальности и ближайшего развития ребенка, оценку социальной ситуации развития и девиаций (нарушений) развития.

В коррекционной работе на первый план выдвигается коррекция социального опыта и межличностных отношений в классе. В связи с этим коррекционные занятия в качестве обязательного и главного компонента включают коррекцию девиаций взаимоотношений, их гармонизацию. Коррекционные занятия должны помочь детям осознать проблемы тех, кто отличается от них интеллектуальными данными и физическими возможностями. С этой целью моделируются ситуации, в которых обычные дети могли бы себя идентифицировать (отождествлять) с ребенком, имеющим нарушения, и ощутить меру возникающих у него трудностей.

Создание на первом этапе коррекционных занятий адекватных представлений о детях с отклонениями в развитии сменяется занятиями по включению всех школьников в совместную деятельность (уборка помещения, продуктивная ручная деятельность и т.д.). В этой сфере учащиеся с психофизическими нарушениями в развитии могут лучшим образом проявить свои положительные качества и реализовать себя, они приобретают социально значимые умения и навыки.

На коррекционных занятиях используются воспи-

тательные ситуации, формирующие адекватные способы поведения, требующие принятия личных или групповых решений, распределения ролей и игровых предметов. У детей развиваются способность к эмпатии, самопознание, понимание происходящего и сопереживание чувствам другого человека.

В процессе совместного обучения осуществляется коррекция экзистенциальной сферы. Слово «экзистенциализм» происходит от латинского *existentio* – существование. Эта сфера помогает человеку вступать в определенные отношения с другими людьми, обеспечивает формирование позитивной Я-концепции и самоуважения, навыков социального взаимодействия.

Коррекция экзистенциальной сферы детей с особенностями развития ведется в двух направлениях:

а) формирование представлений о своих ограниченных возможностях;

б) подготовка к жизни, создание своего мира отношений исходя из ограниченных возможностей (ходьба незрячих детей с белой тростью, пользование слабослышащими детьми слуховой аппаратурой и т. д.).

В условиях интегрированного обучения особое значение приобретает амплификация (от лат. *amplificatio* – распространение, увеличение) социального опыта учащихся с особенностями психофизического развития. Долгое время считалось, что успешное овладение знаниями предопределяет развитие человека как личности. Целостное формирование личности декларируется, но часто оно сводится к усвоению знаний и ограничивается умственным развитием ученика. Современный подход к специальному образованию отражает ориентацию на социальное развитие ученика, на оптимальную интеграцию индивидуального и социального, на формирование у учащихся социальной компетенции, определяемой соответствующим стандартом, отражающим государственную норму образованности, подготовку учащихся к жизни.

Подготовка к самостоятельному, независимому образу жизни предполагает сочетание социализации и автономности личности школьника. Важно сформировать не конформиста (англ. *conformist* – согласный), соглашателя, а человека, умеющего быть и оставаться индивидуальным, с чувством личной ответственности за свою деятельность и поведение, имеющего свою точку зрения.

Еще одно важное направление коррекционной работы – коррекция речи. В общеобразовательной школе учителя иногда рассматривают эту проблему в аспекте коррекции произносительной стороны речи. Более значимым является удовлетворение коммуникативно-деятельностных потребностей учащихся. Прежде всего, коммуникативной стратегии подчиняется речевая коррекционная работа. Вызывают неприятие однообразные, малопривлекательные механические упражнения по коррекции произношения. В систему коррекционных занятий и уроков считаем возможным и целесообразным включение мотивированных, занимательных, активизирующих мыслеречевую деятельность ситуаций. Это положение приобретает особое

значение для уроков русского языка. Традиционная технология языкового образования, в которой преобладают передача лингвистических знаний, информационно-иллюстративные методы работы, реализация вербальных способностей педагога малопродуктивна в классах интегрированного обучения. Предполагается включение каждого ученика в активное общение, в речевую практику овладения родным языком. В методической литературе отмечается, что в обычной школе только около одного процента учебного времени на занятиях по родному языку ученик использует на самостоятельное письмо и «говорение» на тему урока. Остальное время обычно затрачивается им на списывание с учебника (с доски) или на разговоры, не связанные с уроком [2]. Эта же тенденция сохраняется и в классах интегрированного обучения.

Не менее значимым является развитие у учащихся в процессе интегрированного обучения рефлексии (от лат. *reflexio* – отражение), анализа собственного психического состояния, что помогает осознать свою индивидуальность и неповторимость, ответственность перед другими и собой за свои поступки и действия.

На начальном этапе интегрированного обучения широко используются приемы аттракции. Аттракция (от франц. *attraction* – привлечение, тяготение) – это процесс или механизм формирования привязанностей, эмоционального принятия лицами друг друга. Одним из приемов аттракции является комплимент – небольшое преувеличение положительных качеств человека. Приемом аттракции является выражение на лице доброго отношения, расположения к человеку, легкой улыбки. Приемом аттракции является обращение по имени, ритуал первоначального знакомства учащихся.

Использование активных приемов педагогической техники, адаптированных к условиям коррекционно-развивающего обучения и направленных на активизацию познавательной деятельности учащихся, является непременным условием проведения современных традиционных уроков у творчески работающих педагогов.

Существуют особенности использования приемов педагогической техники в классах КРО.

1. Приемы, используемые на уроках в коррекционных классах, должны решать учебную и коррекционную задачи.

2. Умственная активность является основой осуществления коррекционного влияния на развитие школьников. Она формируется с помощью логических приемов, которые направлены на развитие мыслительной деятельности учащихся. Общими признаками для них являются постановка проблемы или познавательной задачи, выделение главного, определение основных понятий. При этом особое значение в усвоении знаний занимают примы сравнения, сопоставления, определения, классификации, установления причинно-следственных связей, обобщения, выводы.

3. Подача учебного материала осуществляется небольшими, логическими законченными дозами. Структурирование учебного материала – основной

принцип коррекционного обучения.

4. Повторение не повторяясь – вариативное повторение. Оно необходимо, так как для учащихся характерны трудности в восприятии (замедленность, узость, фрагментарность, недифференцированность) и медленное усвоение материала (недостаточность осознания материала, слабая целеустремленность к активному запоминанию, нежелание вспоминать ранее пройденное). Кроме того, повторение пройденных понятий на новых объектах дает возможность развития логического мышления, переноса действий по аналогии.

5. Оречевление любой деятельности – словесный отчет о выполненной практической работе, который стимулирует детей не только к последовательному рассказу о том, что и как они делали, но и почему нужно было делать именно так.

6. Учитывая особенности нарушений внимания (рассеянность, неустойчивость...), ограничиться минимальным количеством отвлекающих предметов (картин, стендов...). Картину вывешивать или открывать тогда, когда она нужна для работы. Если картина вывешена заранее, то в нужный момент активность восприятия снижается.

7. Не предлагать для выполнения сразу более одного задания; большое по объему задание предлагать не целиком, а в виде последовательности отдельных частей, периодически контролируя выполнение каждой части и внося необходимые корректировки (постепенно передавая функцию контроля самому ребенку). Корректировка помогает предотвратить неправильные действия, которые могут перейти в ошибочный стереотип.

8. Перед каждым видом деятельности ставить цель. По окончании осуществлять закрепление.

9. В конце каждого урока осуществлять закрепление всего материала, пройденного на уроке.

10. Необходимо комбинировать приемы обучения, чтобы осуществлялась смена видов деятельности учащихся, шла опора на различные анализаторы.

Организация коррекционно-развивающих занятий имеет свою специфику. В структуре занятий обязательно есть три ступени:

Формирование готовности к работе над темой.

Основная часть, которая представляет собой изучение темы.

Заключительная часть.

На начальный этап занятий отводится от 5 до 7 минут для формирования физической, коммуникативной, анализаторской, интеллектуальной и мотивационной готовности к работе над темой.

Физическая готовность необходима потому, что, как правило, мы имеем дело с соматически ослабленными детьми, которые быстро утомляются, медленно мобилизуются, у них наблюдается мышечное напряжение, они плохо расслабляются. Поэтому учитель предлагает несколько упражнений для работы мышц, позвоночника (в том числе шейного отдела) в сочетании с дыхательной гимнастикой, чтобы снять мышечную зажатость,

усилить подвижность плечевых, локтевых суставов и кисти рук, обеспечить приток кислорода в мозг.

Так как среди детей с трудностями в обучении есть закомплексованные учащиеся, некоммуникабельные и порой агрессивные, важно настроить всех к доброжелательному взаимодействию и сотрудничеству на занятиях. Способы настроя на коммуникацию у всех учителей разные. Это может быть доброе слово, улыбка или игра. Есть много других способов, которые изобретают учителя.

Чтобы обеспечить культуру восприятия изучаемой темы, важно привести в активное состояние анализаторы учащихся, т.к. дети с трудностями в обучении не умеют сосредотачиваться, часто отвлекаются, смотрят по сторонам, поэтому слушают, но не вслушиваются, смотрят, но не всматриваются при наблюдении. У них нет готовности к восприятию. Тогда учитель предлагает небольшие задания для работы зрительного анализатора, слухового, тактильного, обоняния, чтобы обострить ощущения и научить при восприятии, концентрировать внимание. Например, школьникам предъявляется картинка, предварительно дается установка учащимся: быстро все рассмотреть и постараться запомнить всех персонажей, чтобы потом о них рассказать. Через 10-20 секунд учитель убирает картинку и задает вопросы по картинке.

Для восприятия на слух можно давать незнакомые четверостишья. Когда анализаторная готовность к восприятию темы появилась, необходимо привести в активное состояние весь интеллект, особенно мышление. Для этого используются различные интеллектуальные игры, особенно на догадку.

Только после этого начинается основной этап занятий, который начинается с объявления темы и стимулирования интереса к ней (организация мотивационной готовности) и обеспечения активно субъектной позиции каждого ученика. Мастерство учителя проявляется здесь в изобретательности различных приемов, включающих учащихся в сотрудничество при изучении новой темы.

Учителя могут использовать различные приемы стимулирования мотивации. Это показ значимости темы для жизни учащихся, создание проблемных ситуаций, исторические экскурсии, доступные исследовательские задания, использование парадоксов, курьезные моменты, необычное начало занятий, дидактические игры (для подростков могут использоваться деловые игры) и др. При изучении новой темы ребенок действует сам по заданию учителя, поэтому должна использоваться разнообразная наглядность: реальная, изобразительная, графическая, слухо-зрительная, презентации и т.д. Но все учебные действия учащихся осуществляются в коммуникативном процессе при стимулировании учителя и оказании им дозированной помощи.

В основной части коммуникативную готовность целесообразно организовывать через активные формы учебно-познавательной деятельности (УПД): парную работу, групповую работу, дискуссионные формы (обсуждение, рефлексия выполненных заданий). Эти формы постепенно расширяют сферу взаимодействия

каждого ученика, обеспечивают совместный поиск способов выполнения задания, коллективное принятие решений, выявление затруднений, преодоление закомплексованности и неудач. Совместная работа учащихся под руководством учителя подводит учащихся к выводам по теме и извлечению собственных уроков из проделанной работы. Кроме этого, она открывает учащимся друг другу с положительной стороны, преодолевая недоверие и отчужденность некоторых учащихся. А это уже важный аспект социализации личности.

Работа над теоретической частью темы завершается приемами запоминания усвоенных знаний, которые учащимся предлагает учитель. Это чтение правил по учебнику, может быть, пересказ учащимся друг другу своего понимания понятий и правил или попытка их изобразить в рисунке, в схеме, в таблице, серии упражнений. Все виды упражнений целесообразно выполнять в парной или групповой работе. В помощь учащимся можно предложить дифференцированные инструкции (алгоритмы).

Заключительная часть занятия состоит из 2 этапов.

На первом этапе учащиеся получают индивидуальные или дифференцированные задания для преодоления пробелов в знаниях. (логические, на приемы систематизации, группировку материала по существенным признакам и др.).

На втором этапе заключительной части занятия подводятся итоги проделанной работы. Все начинается с саморефлексии учащихся: чем интересна (или важна) тема занятия, что узнали, чему научились, кто у кого чему-то научился, кто кому помог, что в большей степени удалось, какие трудности возникли, как выходили из затруднений и какие правила, понятия помогли в преодолении трудностей, какие извлекли для себя уроки.

Учитель характеризует работу каждого ученика, стараясь показать все его малейшие достижения и дает советы, что осталось доработать и как лучше это сделать. Затем учитель в целом оценивает работу класса: их внимание, сосредоточенность, активность, желание достичь правильного результата, слаженность в работе. Он предлагает учащимся (кто желает) выбрать задание поработать дома, благодарит учащихся за сотрудничество и прощается с ними до следующей встречи.

Ценность этой формы работы в том, что:

содержание занятий не притягивается к содержанию урока, а значит, не закрепляются негативные стереотипы, опыт неудач;

изучение материала укрупненными дидактическими единицами (уде), позволяет преодолеть имеющуюся у школьников разорванность знаний и целостность, представить изучаемые объекты;

отсутствие регламентации времени на изучение той или иной темы позволяет изучать материал в оптимальном для данной группы учащихся темпе;

оценивание деятельности учащихся и ее результатов качественной характеристикой учителя в доброжелательной форме придает школьнику уверенность в достижении успеха, снижает уровень тревожности, открывает к контакту;

включение упражнений на развитие зрительной, слуховой, моторной и смысловой памяти, а также знакомство учащихся с рациональными приемами запоминания (логическими схемами, с использованием группировки, ассоциации и др.) позволяет увеличить объем памяти учащихся;

обучение целеполаганию, знакомство с различными способами самоконтроля способствуют развитию устойчивости внимания;

ориентация на целостное восприятие изучаемых объектов и обучение анализу через синтез позволяют у детей классов кро, имеющих преимущественно невербальный или смешанный характер интеллекта, успешно развивать приемы логического мышления: анализ, сравнение, обобщение, классификация, обобщение;

создание ситуации успеха на занятиях помогает школьникам преодолеть заниженную самооценку, поверить в свои силы;

учащимся с завышенной самооценкой приблизиться к адекватной помогает обучение самоанализу хода и результатов своей деятельности.

Необходимым условием достижения положительных результатов у учащихся на занятиях КРО является гуманистическая позиция педагога:

доброжелательное отношение к своим ученикам, желание понять проблемы детей и выявить причины их появления,

быть терпимым к негативным поступкам учащихся, искренне верить в успех каждого ребенка,

быть внимательным и чутким, подбодрить ученика в случае неудачи и подметить даже незначительные его успехи,

атмосфера доверия, взаимопомощи и сотрудничества, возможность получения хорошей оценки в дальнейшем на уроке.

Технологии интегрированного обучения основываются на следующих концептуальных положениях специального и общего образования:

1. Требования комплексности задают необходимость разностороннего изучения возможностей и особенностей учеников, нуждающихся в дополнительных коррекционно-образовательных услугах, использование многообразия методов, методик, приемов и средств из арсенала общей и коррекционной педагогики, педагогической и специальной психологии.

2. Системность решения коррекционно-образовательных задач отражает взаимосвязь до-

стижения учебных и воспитательных целей, прогнозирования и преодоления актуальных трудностей взаимодействия школьников с различными познавательными возможностями.

3. Деятельностный характер обучения, воспитания. Теоретической основой является положение о роли деятельности в психическом развитии ребенка и особой роли ведущей деятельности в формировании психических новообразований.

4. Развитие механизмов социальной адаптации у детей с разным уровнем развития. Диалоговая форма отношений, коммуникативные связи между участниками учебного процесса становятся внешними побудителями изменений в умственной деятельности, они являются в определенной мере катализаторами развития ребенка.

5. Обеспечение эмоциональной сопричастности к учебному процессу, вызывание у школьников переживаний, чувствований в связи с учебной деятельностью.

6. Индивидуального характера обучения, что позволит при необходимости перевести ребенка с низкого на более высокий уровень развития или наоборот – с высокого на более низкий; оказать индивидуальную помощь по тому или другому предмету, улучшить психическое здоровье, скорректировать имеющиеся недостатки развития.

7. Принцип рефлексивности, в основе которого – самооценка, самоанализ, самоконтроль, т. е. постоянная рефлексия собственной деятельности, оценка достижений и недостатков.

Таким образом,

а) каждая форма и прием педагогической техники, примененные на уроке, должны исходить из принципов эффективности и целесообразности их использования в условиях коррекционно-развивающего обучения;

б) при отборе той или иной формы, приема необходимо обязательно учитывать уровень познавательных способностей определенного класса, должны учитываться индивидуальные особенности учащихся и осуществляться дифференцированный подход к использованию того или иного приема;

в) методика использования формы, приема должна быть четко продумана учителем, скрупулезно отработана совместно с учащимися, только тогда она дает положительные результаты для активизации учебной деятельности учащихся и мотивирует их к учению.

Библиографический список

1. Разенкова Ю.А. Система ранней помощи. Поиск основных векторов развития. М.: Карапуз, 2011.
2. Протчанка В.У. Актуальныя праблемы тэорыі і практыкі навучання беларускай мове / В. У. Протчанка. Мінск: НІА, 2001.

References

1. Razenkova Y.A. Early intervention system. Search the main vectors of. M. Tot, 2011.
2. Protchenko V.V. Actual problems of the theory and practice of training the Belarusian language. Minsk: NIO 2001.

УДК 811.161.1'37P3

UDC 811.161.1'37P3

Н.И. КИСЕЛЕВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета
E-mail: nadin-orel2009@yandex.ru

N.I. KISELEVA

candidate of pedagogical sciences, assistant professor of theory and teaching methods Russian language and literature, Orel State University
E-mail: nadin-orel2009@yandex.ru

**НЕОБХОДИМОСТЬ ОВЛАДЕНИЯ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИМ
АППАРАТОМ НАУКИ ПОСРЕДСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА**

**NECESSITY OF MASTERING THE CONCEPTUAL AND TERMINOLOGICAL APPARATUS SCIENCE
THROUGH STUDY METHODS OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE**

В статье рассмотрен процесс формирования понятийного аппарата, особенности организации учебной деятельности по овладению студентами (направление подготовки – Педагогическое образование) понятийно-терминологическим аппаратом. Обосновывается необходимость использования традиционных и нетрадиционных форм обучения терминологии методики преподавания русского языка студентов филологического факультета, роль и место терминов в развитии профессиональной языковой личности.

Ключевые слова: понятийно-терминологический аппарат методики русского языка, профессиональная языковая личность, дискурс, дефиниции, компетентность, компетенции, терминоведение.

The article describes the process of forming a conceptual framework, especially the organization of training activities on students mastering (training direction – Teacher education) conceptual and terminological apparatus. The necessity of the use of traditional and non-traditional forms of education terminology teaching of Russian students of the Faculty of Philology, the role and place of the terms in the development of professional language of personality.

Keywords: conceptual and terminological methods of the Russian language, professional linguistic identity, discourse, definitsii, competence, competence, Terminology.

В настоящее время методика преподавания русского языка принадлежит к числу быстро развивающихся отраслей знания. Изменения в педагогической теории и практике обусловлены, с одной стороны, процессом реформирования современного российского образования, а с другой – интенсивным развитием методических исследований, появлением новых прогрессивных технологий обучения. Скачкообразность движения к новым научным результатам приводит к тому, что новые достижения не укладываются в устоявшуюся систему научных понятий и терминов, возникает необходимость их совершенствования. Особую важность вопросы систематизации понятийно-терминологического аппарата приобретают в связи с проблемой формирования профессиональной языковой личности.

Анализ существующих исследований в области становления и развития понятийно-терминологического аппарата методики русского языка как науки показывает, что они не ориентированы на разработку концептуальных основ и этапов его усвоения студентами филологических факультетов вузов. Возникает необходимость в установлении теоретических и практических подходов к проектированию методической системы учебных занятий, способствующих формированию элитарной языковой личности. Определение категории «профессиональной языковой личности» предпринимается нами с учётом основных положений концепции язы-

ковой личности Ю.Н. Караулова [1]. Существенными характеристиками «профессиональной языковой личности» являются:

1. деятельности в специальной (профессиональной) сфере: эта деятельность формируется по мере освоения научной картины мира как последовательное «прохождение» разных уровней сложности этой деятельности (социализация); в результате носитель языка способен осуществлять профессиональную деятельность разной степени сложности;

2. социальная полифункциональность, понимаемая как способность к актуализации нескольких социальных ролей, требующих разной степени освоения мира; как правило, большинство этих ролей требует обыденного уровня сознания, однако, в репертуаре социальных ролей обязательно присутствует профессиональная роль, осуществляемая благодаря формированию научной картины мира в сознании носителя языка;

3. формирование научной картины мира в процессе образования (обучения); процесс формирования научной картины мира представляет собой цепь последовательных переходов от наивной к научной картине мира, обуславливающий многомерность сознания носителя языка.

Следует отметить, что профессиональная языковая личность – это носитель языка, охарактеризованный на

основе анализа дискурса с точки зрения использования в дискурсе системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и для достижения определённых целей в этом мире. Структура дискурса соотносима со структурой профессиональной языковой личности, которой, как и языковой личности, присущи мотивационно-деятельностный и когнитивный уровни, а также лингвистический уровень, репрезентирующий язык как текст, систему и способность.

Термин с позиций когнитивного терминоведения предстаёт как единица дискурса профессиональной языковой личности, а категория профессиональной языковой личности позволяет определить объект и предмет, а также обосновать теоретические и методологические возможности когнитивного или гносеологического терминоведения, занимающегося исследованием роли терминов в научном познании и мышлении.

Терминоведение понимается нами как самостоятельная дисциплина, выросшая в XX веке из лингвистики и состоящая из двух разделов – теоретического и прикладного. В современных научных исследованиях обосновывается представление о термине как о сложном трёхслойном образовании; строго различаются терминологии и терминологические системы (терминосистемы) как два вида совокупностей терминов, создаваемых разными способами; термины понимаются в качестве лексических единиц функциональных языков – языков для специальных целей, существующих в рамках тех или иных естественных языков; выявляются закономерности терминоведения – собственные и заимствуемые из других областей знания и (или) деятельности.

Определение термина с когнитивной точки зрения заключается в ответе на то, предстаёт ли перед нами специальная или не специальная структура знания. Если в дефиниции слова не применяются специальные знания, а знания, понятные обывателю, – это слово является словом общеупотребительного языка. Если же в объяснении и в дефиниции самого слова используются специальные знания, – это слово, скорее всего, уже стало термином. Термин возникает как результат взаимодействия когниции и коммуникации в профессиональной деятельности.

Когнитивное терминоведение развивает новое понимание термина как динамического образования, служащего средством вербализации научного (специального) концепта. Концепты объединяются в единую систему, называемую «концептуальной системой», или «концептуальной моделью мира». Концептуальная картина мира, будучи частично отражена в языке, образует языковую картину мира. Языковая картина мира, выступая своеобразной «сеткой, накидываемой на наше восприятие, на его оценку, влияющая на членение опыта и видение ситуации и событий ... через призму языка и опыта», участвует в познании мира и задаёт образцы интерпретации воспринимаемого [2].

Теория концептуальной интеграции основана на идее взаимодействия ментальных пространств, которые

определяются как сравнительно небольшое концептуальное построение, образуемое в целях понимания того или иного контекста и осуществления соответствующих действий. Ментальные пространства имеют когнитивный статус; они не существуют вне мышления. G. Fauconnier и M. Turner предлагают рассматривать три основных вида ментальных пространств [3]:

1. вводные ментальные пространства (input spaces), содержащие фреймы соответствующих сфер и фоновую информацию,
2. общее когнитивное пространство (generic spaces), объединяющее вводные пространства,
3. гибридное, или интегрированное, пространство (blended spaces; blend).

В интегрированном пространстве происходят следующие процессы: логические операции с вводными пространствами, обогащение вводных пространств дополнительным значением и эмоциональным содержанием, создание эффекта риторического присутствия, концептуальные и культурные изменения, условное расширение категории, придание дополнительного веса одному из вводных пространств и пр. (Fauconnier and Turner).

В то же время необходимо отметить, что степень владения языком методической науки является показателем профессиональной компетенции педагогических кадров. Назрела необходимость выделить и описать различные средства реализации личности учителя в разных формах коммуникации с учётом сформированности различных видов компетенций (речевой, методической). Для этого необходимо уточнить научные понятия и их соотношение, а также термины (компетенция и компетентность, речевая культура учителя, компетентностный подход, коммуникативная культура профессионально ориентированной личности, языковая личность учителя и др.). По отношению к учителю это касается не столько дисциплины, которую он преподаёт, а главным образом пласта профессиональной лексики, связанной с учебно-воспитательным процессом. Формирование же профессиональной личности будущего учителя начинается с изучения терминологии ведущих учебных дисциплин, в частности, методики преподавания русского языка.

Среди методологических вопросов мы выделяем необходимость инвентаризации основного инструмента познания – понятийного аппарата методики русского языка как науки. Современная методическая наука нуждается в уточнении и совершенствовании понятийного аппарата, усвоение которого студентами учительских специальностей возможно лишь при осуществлении связи с анализом сегодняшних реальных явлений и процессов.

Кроме того, на современном этапе обучения возникает необходимость создания технологии, способствующей эффективному и системному усвоению терминов студентами вузов, то есть все учебные материалы должны иметь коммуникативно-ориентированный и профессионально направленный характер. Поскольку методика преподавания русского языка как интегриро-

ванная учебная дисциплина содержательно определяет-ся включёнными в неё фундаментальными науками, то формирование её понятийно-терминологической основы у студентов предполагает усвоение трёх видов понятий разного уровня абстракции и обобщения: исходных (перенесённых их фундаментальных наук); базовых (на которых основана её теория); связующих (опорных в её разделах) и адекватную им дифференциацию средств обучения. Это требует разработки и применения дидактической технологии разноуровневого синтеза, что приведёт в соответствие содержание и способы теоретической подготовки студентов (направление подготовки – Педагогическое образование) с современными требованиями интеграции знаний и одновременного овладения понятийно-методологическим аппаратом методики русского языка как науки.

Термины представляют собой наиболее подвижный пласт лексики, подверженный постоянному и интенсивному обогащению, а подчас и изменению. Поэтому так важна системная и продуманная деятельность преподавателя, применяемая им технология обучения студентов терминологии. Для достижения лингводидактических целей преподаватель методики русского языка должен иметь представление о специфике материала (например, терминологии), которому он будет обучать; средствах обучения (например, комплекс упражнений, включающих работу со словарными дефинициями терминов, тестовые материалы); учитывать индивидуальные личностные особенности студентов; совершенствовать свои знания терминологии. Перед изучением любого блока информации необходимо ознакомить студентов с используемой в нём терминологией. Зная значение термина, обучающийся значительно легче поймёт взаимосвязь научных понятий и составит своего рода микрословарь определений терминов, располагая их в том порядке, в котором они и должны изучаться.

При этом методика обучения терминологии должна быть усовершенствована до такой степени, чтобы не приводить к перенасыщению информацией и потере интереса у обучающихся. Учебный материал необходимо разбить на отдельные темы; последовательность освоения этих тем не должна быть хаотична, а подчинена принципам информативной преемственности и лингвистического развития: каждая последующая часть должна являться логическим продолжением предыдущей, а переход к новой части осуществляться только после «зачёта» предыдущей (проверки понимания дефиниции термина и умения применять его в конкретной ситуации общения). То есть главная задача обучения – не «загрузить» студента готовыми языковыми формами, шаблонами и специальными терминами, а создать у него гибкую систему знаний, способствующую саморазвитию. Только тогда у студента сформируется осмысленное восприятие терминов, вырабатываются коммуникативные компетенции владения современным языком.

Наиболее востребованными, на наш взгляд, являются следующие методы и формы работы с терминологическим словарем по методике преподавания русского языка в учебном процессе:

1. самостоятельное использование словаря студентами для непосредственного определения генезиса того или иного методического понятия, а также при подготовке к семинарским и практическим занятиям, зачётам, при написании выпускных и курсовых работ;

2. интегрирование содержания терминологического словаря по методике обучения русскому языку в основной курс – «Теория и методика обучения русскому языку». С помощью словаря можно выполнять ряд таких сложных операций с базовыми понятиями, как установление истории возникновения и развития понятия, осмысление преломления теоретического смысла понятия в практические решения для учителя, знакомство с несовпадающими определениями и их характеристика в трудах различных авторов как одной эпохи, так и различных исторических периодов;

3. введение спецкурса «Формирование профессиональной языковой личности» на этапе усвоения терминологической системы методики русского языка, непосредственно направленного на формирование терминологических знаний.

При этом необходимо использовать активные формы и методы обучения: дискуссии; проблемные лекции, основанные на постановке проблемных вопросов, касающихся современной методики преподавания русского языка; презентации; деловые и ролевые игры; доклады и рефераты; обсуждение нестандартных ситуаций по методу «мозгового штурма»; тестовые задания; контрольные работы и т.д.

Высоких результатов при обучении студентов терминологии можно достигнуть и при применении электронных гипертекстовых систем с разнообразными блоками информации, образующими учебный материал, с которым студент может работать самостоятельно, что так важно при подготовке домашнего задания и других видов самостоятельной работы, так как они предлагают алгоритм и программное обеспечение, автоматизирующее все операции; их преимущество заключается в том, что они включают в себя энциклопедические словари, являющиеся важными источниками знания. Такие гипертекстовые системы успешно используются при дистанционном обучении, разумно и их применение при самостоятельной работе студентов.

Таким образом, актуальность обучения терминологии методики преподавания русского языка студентов филологического факультета обусловлена усилением внимания к термину, во-первых, как средству вербализации научного понятия, и, во-вторых, как средству научного познания, а также быстрым расширением границ понятийного аппарата современной методики русского языка в связи с расширением границ человеческого знания, отсюда востребованность для общества людей с прочными методическими ЗУВами и компетенциями, следовательно, актуальность этой проблемы для практики очевидна. Актуальность проблемы для науки состоит в восполнении недостатка методических рекомендаций по формированию понятийного аппарата в преподавании методики русского языка,

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М: Наука, 2002.
2. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997.
3. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006.

References

1. Guard Y.N. Russian language and linguistic identity. Moscow: Nauka, 2002.
2. Kubryakova E.S. Parts of speech with cognitive perspective. M.: Institute of Linguistics, 1997.
3. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006.

УДК 371.125:37.013.78-057.875:316.2-053.6-378.14

UDC 371.125:37.013.78-057.875:316.2-053.6-378.14

А.А. КЛОЧКО

преподаватель кафедры социальной педагогики и гендерных студий Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренка
E-mail: klochko81@ukr.net

A.A. KLOCHKO

lecturer of the department social pedagogy and gender studios Sumy State Pedagogical University named after A.S. Makarenko
E-mail: klochko81@ukr.net

**ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕДАГОГОВ
К ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ
PRACTICAL TRAINING FUTURE SOCIAL TEACHERS TO THE ORGANIZATION OF PREVENTION
ADDICTIVE BEHAVIOR OF CHILDREN AND YOUTH**

В статье анализируется подготовка будущих социальных педагогов к организации профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи в процессе прохождения производственной социально-педагогической практики. Такая практическая подготовка базируется на авторской технологии и реализуется на ее практическом и оценочно-рефлексивном этапах.

Ключевые слова: практическая подготовка, будущие социальные педагоги, профилактика аддиктивного поведения, практический этап технологии, оценочно-рефлексивный этап технологии, социальное партнерство.

The article analyzes the training of future social teachers to organize prevention addictive behavior of children and youth in the adventures of the production of social and pedagogical practices. This practical training is based on the author's technology and is implemented on a practical, reflective and evaluative stage of such technology.

Keywords: practical training, future social teachers, prevention of addictive behavior, practical stage technology appraisal and reflective stage of technology, social partnership.

Подготовка будущих социальных педагогов к организации профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи, безусловно, является актуальной проблемой системы образования направления подготовки «Социальная педагогика».

Процесс подготовки будущих социальных педагогов к организации профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи базируется на авторской технологии такой подготовки.

Следует отметить, что построение авторской технологии подготовки будущих социальных педагогов к организации профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи базировалось на теоретическом исследовании понятий «технология», «педагогическая технология», «социальная технология», их

характерных признаков, особенностей, а также понятия «социально-педагогическая технология». Именно в рамках социально-педагогических технологий и была обоснована авторская технология.

Отмеченная технология построена с учетом содержания образования, форм и методов обучения, а также видов учебно-практической подготовки студентов.

Авторская технология делится на несколько основных этапов:

- диагностический;
- мотивационно-познавательный;
- практический;
- оценочно-рефлексивный;

Практическая подготовка будущих социальных педагогов к данному роду деятельности должна происхо-

дить на практическом и оценочно-рефлексивном этапах технологии.

Закрепление студентами полученных знаний, формирование первичных профессиональных умений и навыков относительно ведения планомерной и эффективной профилактической работы с детьми и молодежью с аддиктивным поведением, а также учет дидактических принципов (систематичности и последовательности обучения, активности обучения, прочности усвоения знаний, умений и навыков, связи теории с практикой) происходит в процессе прохождения различных видов практик.

По результатам изучения философских источников [4] и основных аспектов исследования З.З. Фалинской [9] отметим, что практика означает предметно-последовательную деятельность людей, которая направлена, в первую очередь, на удовлетворение их материальных и духовных потребностей. Отметим, что практика многогранна по содержанию, сложная и целостная система, которая включает такие компоненты, как цель, потребность, мотив, предмет, на который направлена деятельность, средства достижения цели, результат деятельности.

Практика имеет большое значение для подготовки и формирования будущих социальных педагогов и дает возможность:

- обстоятельнее усвоить необходимые знания относительно специфики построения программы социально-педагогической работы с клиентами с аддиктивным поведением;
- сформировать умения и навыки самостоятельно поиска эффективных путей решения проблемы аддиктивного поведения;
- принимать важные профессиональные решения с учетом социально-педагогических и психологических последствий;
- овладеть умениями и навыками применения отечественного и зарубежного передового опыта работы с детьми и молодыми людьми с аддиктивным поведением.

Перечень всех видов практик направления подготовки «Социальная педагогика», форм проведения определены в учебных планах. Современный перечень видов практик в системе подготовки специалистов направления «Социальная педагогика» имеет достаточно широкий спектр:

- ознакомительная социально-педагогическая;
- диагностическая;
- социологическая;
- социально-педагогическая в заведениях образования;
- социально-педагогическая в учреждениях социально-педагогического направления;
- социально-педагогическая в заведениях опеки;
- реабилитационно-коррекционная.

Целью исследования является – теоретически обосновать задания производственной социально-педагогической практики будущих социальных педагогов к организации профилактики аддиктивного

поведения детей и молодежи. Предложенные практические задания соответствуют практическому и оценочно-рефлексивному этапу авторской технологии.

Основной в процессе подготовки будущих социальных педагогов к организации профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи, на наш взгляд, является производственная социально-педагогическая практика.

Производственную социально-педагогическую практику проходят студенты IV-х курсов направления подготовки «Социальная педагогика» в VIII-м семестре на протяжении шести недель. Базами прохождения социально-педагогической практики выступают учреждения образования.

Практическая значимость производственной социально-педагогической практики, в рамках авторской технологии, будет заключаться в создании полноценных условий профессиональной адаптации будущих социальных педагогов к организации и проведению эффективной профилактики аддиктивного поведения, основным критерием которого является готовность личности к профессиональному самосовершенствованию, а также содействию социальному развитию и становлению детей, подростков и молодежи.

Производственная социально-педагогическая практика является органической частью учебно-воспитательного процесса, который обеспечивает сочетание теоретической подготовки будущих социальных педагогов к организации профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи с профессионально-творческой практической деятельностью в этом направлении в высших учебных заведениях. Поэтому необходимой является способность сформировать умение не только быстро приспосабливаться к ситуации, которая изменяется, но и принять правильное решение, чтобы в полной мере реализовать содержание деятельности относительно профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи. А такие умения будут сформированы только в реальных или смоделированных условиях будущей социально-педагогической деятельности.

Анализ научной, методической литературы и собственный педагогический опыт убедили нас в том, что наибольшие дидактические возможности для формирования профессиональных умений складываются в процессе прохождения студентами специальности «Социальная педагогика» производственной социально-педагогической практики.

В соответствии с общей целью авторской технологии и с учетом основных положений методических пособий относительно организации производственных социально-педагогических практик [5; 6], а также соответствующих документов Министерства образования и науки, молодежи и спорта Украины, которые регламентируют процесс прохождения практики в вузе («Положение о проведении практик студентов высших учебных заведений Украины» [7]; «Методические рекомендации по составлению программ практик студентов высших учебных заведений Украины» [8]), были опре-

делены главные задания для студентов во время прохождения производственной социально-педагогической практики.

К практическому этапу авторской технологии должны быть отнесены разработанные задания на производственную социально-педагогическую практику. Они формулируются следующим образом.

1. Ознакомиться с современным состоянием социально-педагогической профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи учреждения – базы прохождения практики.

2. Ознакомиться с работой и документацией социального педагога учреждения – базы прохождения производственной социально-педагогической практики (образовательного учреждения, заведения социально-педагогического направления) относительно профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи.

3. Ознакомиться с опытом и организацией работы социального педагога относительно профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи (ознакомление с графиком работы; анализ журналов: регистрации обращений учеников, родителей, учителей; ежедневного учета работы; анализа уроков; ознакомление с социальными паспортами классов, клиентов; обследование материально-бытовых условий проживания ребенка, подростка, молодого человека; ознакомление с протоколами индивидуальных консультаций; учетными карточками семей детей, относительно которых осуществляется профилактическая работа, социальное сопровождение).

4. Ознакомиться с нормативно-правовыми документами базы практики относительно профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи, а также с другими соответствующими местными документами.

5. Совершенствовать коммуникативные, организационные, дидактические, диагностические, аналитические умения и профессионально значимые качества.

6. Ознакомиться с опытом внедрения в практику социального педагога развивающих и профилактических программ и других мероприятий (тренинговых упражнений, социальных проектов и тому подобное) по профилактике аддиктивного поведения, осуществления их структурного и содержательного анализа.

7. Разработать и провести опрос среди учеников старших классов с целью выявления уровня распространенности разных форм аддиктивного поведения в микросоциуме школьников, клиентов. Проанализировать результаты анкетирования.

8. Ознакомиться с контингентом детей, подростков, молодых людей, которые находятся в «группе риска» и которым предоставляется социально-педагогическая помощь (в том числе и осуществляется профилактическая работа). Составить социальный паспорт такой группы клиентов.

Оценочно-рефлексивный этап должен начинаться

в период прохождения студентами направления подготовки «Социальная педагогика» производственной социально-педагогической практики.

Значительной эффективности относительно достижения общей цели авторской технологии оценочно-рефлексивный этап будет достигать при условии введения в систему подготовки элементов обучения социальному партнерству будущих социальных педагогов в области организации первичной профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи. В свою очередь, обучение основам социального партнерства является важным требованием повышения эффективности авторской модели технологии. Следует отметить, что на сегодня социальное партнерство выходит на передний край социально-педагогических исследований и профессиональной практической деятельности социальных педагогов. Социальное партнерство понимается нами как взаимодействие на основе многосторонних договоренностей, когда все участники являются равноправными: создаются общие программы действий, распределяются функции при координирующей роли социальных педагогов. Это субъект-субъектное, с позиций равноправия, демократии, активное, эффективное взаимодействие социальных педагогов со специалистами различных профессионально ориентированных структур и ведомственной компетенции в вопросах профилактики аддиктивного поведения.

Внедрение идей социального взаимодействия в процесс прохождения практики студентами направления подготовки «Социальная педагогика» будет способствовать консолидации усилий субъектов социально-педагогического влияния и повышению эффективности профилактической деятельности аддиктивных проявлений в поведении детей и молодежи. Такой результат будет достигнут благодаря разветвлению содержания профилактической работы, внедрению инновационных форм работы.

Успешная реализация идей социального партнерства возможна в условиях внутреннего и внешнего взаимодействия участников учебно-воспитательного процесса. Процесс внедрения комплекса заданий оценочно-рефлексивного этапа должен охватывать внутренний уровень социального партнерства. Данный уровень предусматривает совершенствование умений организовывать профилактическую работу во взаимодействии с директором, заместителем директора по учебно-воспитательной работе, социальным педагогом, практическим психологом, классным руководителем, педагогом-организатором, учителями-предметниками (информатики, биологии и др.), учениками. Внешний уровень взаимодействия предполагает активную работу с родительским комитетом, общественными и волонтерскими организациями, дворцами творчества, участковыми инспекторами милиции, криминальной милиции по делам несовершеннолетних, наркодиспансером, центрами социальных служб.

Часть заданий на производственную практику, которая отвечает именно оценочно-рефлексивному этапу, выглядит следующим образом.

1. Организовать среди учеников школы, клиентов социально-педагогического учреждения конкурсы социально-педагогической рекламы, тематических стенгазет по вопросам профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи.

По результатам исследований А.П. Анищенко [1], М.А. Докторович [2], А.А. Ключко [3], Е.В. Яреско [10] в отрасли социальной рекламы было установлено, что такой вид работы стал эффективным методом в процессе организации первичной профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи в рамках производственной социально-педагогической практики.

По результатам качественного анализа вышеупомянутых научных исследований и при условии проведения студентами конкурсов можно установить, что такой вид работы должен быть направлен на достижение общественно полезных целей и популяризацию общечеловеческих ценностей, ценностных ориентаций, установок здорового образа жизни, изменение поведения на просоциальное, формирование положительных социальных качеств.

Студенческая и подростковая социально-педагогическая реклама должна стать одним из путей обеспечения публичности рекламной деятельности относительно профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи.

2. Представить (разработанную на занятиях учебной дисциплины «Технологии социально-педагогической работы») авторскую презентацию социального проекта по теме «Профилактика аддиктивного поведения детей и молодежи».

Важно отметить, что именно на оценочно-рефлексивном этапе технологии значительной эффективности может достичь использование метода проективной деятельности.

Метод проектов предусматривает решение группой студентов определенного аспекта проблемы профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи, что включает, с одной стороны, использование разных методов, принципов, средств обучения, а с другой – интеграцию знаний студентов из разных сфер научного знания.

Проекты, которые могут выполняться студентами по таким темам:

- «Каждая выкуренная сигарета – инвестиция в смерть!»;
- «Наркотики – жизненная ломка, не сломай свою жизнь!»;
- «Зарегистрируйся в реальности!»;
- «Алкоголизм – разрушенное будущее или способ найти себя?»;
- «Не деградируй – измени свою жизнь!»;
- «Internet – сердце современного мира»;
- «Социальные сети – виртуальная или настоящая реальность?» и др.

Такие проекты призваны ориентировать студентов на создание личного образовательно-профилактического продукта.

Следовательно, метод проектов, в силу своей ди-

дактической сущности, позволяет решить задачи формирования и развития:

- исследовательских умений на основе критического мышления;
- операционных умений на основе осуществляемых практических операций;
- коммуникативных умений на основе сотворчества;
- рефлексивных умений на основе самореализации и самооценки реализованного творческого проекта;
- организаторских умений на основе регуляции взаимосвязей в системе «личность – общество» и управления профессиональной деятельности.

3. Провести (разработанную на занятиях учебной дисциплины «Социально-педагогическая работа в заведениях образования») систему тренинговых упражнений по ранее определенным направлениям.

Тренинговые занятия, по своей сути, являются активными формами группового обучения подростков относительно неупотребления химических аддикций в поведении, осознания негативной роли игровой зависимости, положительных и негативных сторон сети Internet. Кроме этого, тренинги ориентированы на повышение умений в общении, получении навыков эффективного взаимодействия, перцептивных способностей, стиля социального взаимодействия, формирование здорового образа жизни, развитие ответственного отношения к своему здоровью, профилактику аддиктивного поведения. Одно из главных требований к составлению системы тренинговых упражнений – соответствие тренинга методу образования «равный – равному».

4. Совместно с представителями общественных и волонтерских организаций для старшеклассников провести круглый стол «Ради здорового и успешного будущего». Целью такого мероприятия должно стать развитие у учеников потребности здорового образа жизни; формирование культуры здоровья у подрастающего поколения; профилактика аддиктивного поведения среди учеников.

С целью определения негативного влияния вредных привычек, профилактики аддиктивного поведения, вычленения положительных и отрицательных сторон сети Internet и социальных сетей рекомендуем проведение воспитательных мероприятий «Подростки в «лапах» игромании: современное состояние проблемы», «Проблемы подростковой наркомании, алкоголизма», «Internet – сердце современного мира: риски и преимущества», «Социальные сети в жизни современного подростка», занятия по изготовлению коллажа и стенгазеты по профилактике аддиктивного поведения детей и молодежи.

В соответствии с этим задания и методы практической работы будут способствовать приобретению умений и навыков профилактической работы, должны создать условия для формирования практических умений и навыков. К числу таких относим организацию и проведение исследований во время прохождения производственных практик, организацию конкурсов социально-педагогической рекламы, социальных проектов.

5. По окончании срока прохождения производственной социально-педагогической практики студенты должны заполнить карту самооценки развития профессионально значимых личностных качеств по результатам прохождения практики.

Таким образом, разработанные задания на производственную практику выступают неотъемлемой частью и логическим продолжением процесса подготовки будущих социальных педагогов к организации профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи. Такая подготовка происходит на практическом и оценочно-рефлексивном этапах авторской технологии.

Мы придерживались общепринятого мнения исследователей, что умения должны формироваться непосредственно в процессе профессиональной социально-педагогической практики на основе теоретических знаний об основах профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи, которые были получены во время аудиторных занятий и самостоятельной работы студентов. То есть профессионально-творческая работа студентов в период производственной практики

– микроаналог их будущей деятельности как специалистов социально-педагогической сферы.

Выполнение вышеупомянутых практических заданий будет способствовать закреплению и формированию знаний, умений и навыков относительно организации эффективного социального партнерства по вопросам профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи.

В свою очередь, обучение основам социального партнерства является важным требованием повышения эффективности авторской модели технологии.

Следовательно, производственная социально-педагогическая практика позволяет проверить знания касательно основ профилактики аддиктивного поведения детей и молодежи, приобретенные будущими специалистами в стенах учебного заведения, интегрировать их в единое целое, продлить процесс овладения ведущими профессиональными умениями и навыками относительно организации профилактики аддиктивного поведения и начать процесс их эффективного приложения и апробации в профессиональной деятельности.

Бібліографічний список

1. *Аніщенко А.П.* Соціальна реклама як фактор ефективної соціалізації молоді в умовах інформаційного суспільства // Соціальна реклама в сучасному суспільстві: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, 2 грудня 2011 року. – Харків: Інститут соціальної політики регіону, 2011. С. 26–28.
2. *Докторович М.О.* Соціальна реклама як інструмент соціально-педагогічної діяльності // Соціальна реклама в сучасному суспільстві: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, 2 грудня 2011 року. Харків: Інститут соціальної політики регіону, 2011. С. 43–46.
3. *Ключко О.О.* Соціальна реклама у питаннях профілактики адиктивної поведінки дітей та молоді // Соціальна реклама в сучасному суспільстві: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, 2 грудня 2011 року. Харків: Інститут соціальної політики регіону, 2011. С. 66–68.
4. Краткий словарь по философии / Под общ. ред. И.В. Бауберга, И.К. Пантина. М.: Политиздат, 1982. 431 с.
5. *Полякова О.М., Знобей О.В.* Технологія виробничої соціально-педагогічної практики в закладах соціально-педагогічного спрямування: методичний посібник для студентів спеціальності «Соціальна педагогіка» Суми: СумДПУ ім. А.С. Макаренка, 2007. – 102 с.
6. *Полякова О.М., Полянничко А.О.* Технологія виробничої соціально-педагогічної практики в освітніх закладах: методичний посібник для студентів спеціальності «Соціальна педагогіка» Суми: СумДПУ ім. А.С. Макаренка, 2011. – 102 с.
7. Україна. Міністерство освіти України. Про затвердження Положення про проведення практики студентів вищих навчальних закладів України : Наказ 08.04.1993 р. № 93.
8. Україна. Міністерство освіти і науки, молоді та спорту України. Методичні рекомендації по складанню програм практик студентів вищих навчальних закладів України. <http://www.mon.gov.ua/>*
9. *Фалинська З.З.* Практична підготовка майбутніх соціальних педагогів у вищих навчальних закладах: дис. ... канд. пед. наук. Львів, 2006. 284 с.
10. *Яресько К.В.* Соціальна реклама як засіб соціально-педагогічного впливу // Соціальна реклама в сучасному суспільстві: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, 2 грудня 2011 року. Харків: Інститут соціальної політики регіону, 2011. С. 18–19.

Reference

1. *Anischenko A.P.* Social advertising as a factor of effective socialization in the information society // Social advertising in modern society: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, December 2, 2011. – Kharkov: Institute of Social Policy in the region, in 2011. – P. 26-28.
2. *Doctorovich M.A.* Social advertising as a tool of social and educational activities // Social advertising in modern society: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, December 2, 2011. – Kharkov: Institute of Social Policy in the region, in 2011. – P. 43-46.
3. *Klochko A.A.* Social advertising in the prevention addictive behavior of children and young people // Social advertising in modern society: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, December 2, 2011. – Kharkov: Institute of Social Policy in the region, in 2011. – P. 66-68.
4. Concise Dictionary of Philosophy / Under total. Ed. I.V. Bauberga, I.K. Pantin – M.: Politizdat, 1982. – 431 p.
5. *Polyakova O.M., Snobey A.V.* Technology of production of social and pedagogical practice in the institutions of social and pedagogical areas: a manual for students of specialty “Social pedagogy”. – Sumy: SumGPU named after A. Makarenko, 2007. – 102 p.
6. *Polyakova O.M., Polyanichko A.A.* Technology of production of social and pedagogical practices in educational institutions: a manual for students of specialty “Social pedagogy”. – Sumy: SumGPU named after A. Makarenko, 2007. – 102 p.

7. Ukraine. The Ministry of Education of Ukraine. On approval of the Regulations of holding practice of students of higher educational establishments of Ukraine: Order of 08.04.1993, № 93.
8. Ukraine. Ministry of Education and Science, Youth and Sports of Ukraine. Methodical recommendations on program practices of students in higher educational institutions of Ukraine. <http://www.mon.gov.ua/> *
9. Falinskaya Z.Z. Practical training of future social workers in higher education: dis. ... Cand. ped. Sciences. – Lviv, 2006. – 284 p.
10. Yaresko E.V. Social advertising as a way of socio-pedagogical influence // Social advertising in modern society: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, December 2, 2011. – Kharkov: Institute of Social Policy in the region, in 2011. – P. 18-19.

УДК 378.02:37.016

UDC 378.02:37.016

А.В. КОВАЛЕВА

аспирант кафедры методики, педагогики и психологии Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
E-mail: ania.kovaleva@gmail.com

A.V. KOVALEVA

postgraduate student of the Department of Methodology, Psychology and Pedagogy, Russian language state university named after A.S. Pushkin
E-mail: ania.kovaleva@gmail.com

КОМПЛЕКСНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАБОТЕ С ЛЕКСИКОЙ ТЕКСТА

THE COMPLEX USAGE OF PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES METHODS WHILE WORKING WITH TEXT VOCABULARY

Данная статья раскрывает особенности работы с текстом при обучении РКИ. Автор статьи предлагает собственную классификацию дотекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий. Интерес в выделенной классификации представляет то, что она основана на использовании педагогических технологий, таких как игровая технология, обучение в сотрудничестве, технология развития критического мышления.

Ключевые слова: лексика, работа с текстом, текстовые задания, педагогические технологии.

The article reveals characteristics of text work while teaching RAFL. The author of the article suggests her own classification of before-textual, textual and after-textual exercises. The classification is interesting because it is based on the usage of such pedagogical technologies as game technology, cooperative learning, the technology of critical thinking development.

Keywords: vocabulary, text work, textual exercises, pedagogical technologies.

Основной вопрос, который мы ставим в данной статье, звучит следующим образом: как можно использовать приемы педагогических технологий при работе с текстом?

Текст как особое средство овладения иностранным языком занимает в практике преподавания РКИ исключительное место в силу его информативности, цельности, образности и коммуникативной направленности. Многие методисты подчеркивали важную роль текстов в овладении РКИ. Так, Б.М. Гаспаров (1996) считает текст речевым опытом человека, а процесс познания текстов – взаимодействием одного языкового мира личности с другим. Другой исследователь М.М. Бахтин (1996) представляет процесс изучения текстов как творческое освоение «чужих слов». По Л.С. Выготскому (1991), понимание текста подобно решению задачи по математике и состоит в правильном отборе и восприятии всех составляющих коммуникативной ситуации. Коммуникативную направленность и

образность текста подчеркивали и такие исследователи, как В.В. Виноградов и Б.А. Ларин. [4]

Актуальная тенденция на сегодняшний день – это представление лексики в текстах. Для целей накопления словарного запаса текст – устный или письменный – имеет гораздо больше преимуществ, чем изучение слов с помощью списков. В пользу данного утверждения говорит тот факт, что слова, представляемые и изучаемые в контексте, имеют большую ценность, поскольку учащиеся могут понять не только их значение, но и типичные для слов сочетания и грамматические структуры. Кроме того, в тексте проявляются внутренние связи слов и так называемые лексические поля. В наибольшей степени это проявляется в аутентичных текстах, т.е. тех, которые не были специально разработаны для целей обучения.

Короткие маленькие тексты идеальны для использования на уроке, так как в них может содержаться богатый лексический и грамматический материал, при этом

учащимся не требуется запоминать длинные и многословные фразы. Обучение на коротких текстах – это хорошая подготовка к независимому чтению и аудированию, а также обеспечение образцов для построения собственных устных (говорение) и письменных (письмо) текстов. [7]

Тексты для чтения могут быть учебными (специально адаптированными для целей обучения) и аутентичными. Тексты, собранные для целей изучения языка, трактуются как «корпус текстов». На сегодняшний момент такие тексты собираются в электронном виде и включают в себя как письменные, так и устные тексты от академических до статей из газет и журналов. Польза корпуса текстов для преподавателя и учащихся заключается в том, что они обеспечивают их легкодоступной информацией о реальном языковом использовании, частотности употребления и сочетаемости. [7]

Однако все это не значит, что нужно использовать корпусы текстов без обработки. В целях облегчения процесса обучения преподаватели должны отбирать, адаптировать и дополнять тексты, чтобы их можно было оптимально использовать для учащихся. Работа с текстами становится возможной с помощью использования такого инструмента, как упражнения. По традиционной классификации, широко используемой в современной методике, при работе с текстом выделяют следующие группы заданий:

1. дотекстовые (предтекстовые);
2. притекстовые;
3. послетекстовые.

Целью дотекстовых упражнений является снятие лингвострановедческих и лексико-грамматических трудностей при дальнейшем чтении и восприятии текста, а также создание устойчивой мотивации чтения текста. Притекстовая работа – это основной этап работы над текстом, включающий в себя непосредственное восприятие текста, которое реализуется в сознательном осмыслении всех ключевых фрагментов текста и тщательной работе с каждой смысловой частью текста (абзацем или группой абзацев). Послетекстовая работа продолжает притекстовую и ориентирована на более глубокое понимание информации, заложенной в тексте, и формирование у учащихся личностного понимания прочитанного текста и его основной идеи. Как правило, такая традиционная работа с текстом построена в виде эвристической беседы преподавателя и учащихся по заранее подготовленным преподавателем вопросам к тексту. [1] Мы предлагаем разнообразить варианты работы с лексикой текста, основанные на активном использовании приемов педагогических технологий.

Прежде всего, при работе с текстом мы предлагаем выделять внутри традиционных групп подгруппы заданий, ориентированных на конкретную цель и выполняемых с помощью приемов определенных технологий обучения:

1. Дотекстовая работа:
 - а) активизация пройденной ранее лексики;
 - б) отработка понимания лексического значения слова;

в) отработка автоматизации навыков использования в речи лексико-грамматической модели;

г) отработка речевых клише;

д) работа с дополнительной информацией о тексте.

2. Притекстовая работа:

а) понимание фактического содержания определенного фрагмента текста;

б) понимание смысловой значимости определенного фрагмента текста в общем замысле всего текста.

3. Послетекстовая работа:

а) понимание фактического содержания текста;

б) понимание сути текста, авторской идеи, замысла;

в) способность интерпретировать текст, творчески осмысливать его идею.

Для каждой из приведенных подгрупп заданий можно использовать определенные технологии обучения. Мы предлагаем в качестве примера использование таких технологий обучения, как игровая технология, технология развития критического мышления и технология обучения в сотрудничестве. Рассмотрим данные технологии подробнее.

Эффективность применения приемов игровой технологии¹ при обучении лексике и в частности при работе с текстом неоспорима в силу следующих объективных причин:

– игра мотивирует деятельность, повышает интерес учащихся к учебному предмету, что способствует лучшему усвоению материала;

– игра снимает «психологические барьеры», подготавливая учащихся к речевому общению;

– игра создает атмосферу соревнования и конкуренции, давая возможность учащимся оценить себя на фоне других, благодаря чему мобилизуется творческий потенциал учащихся. [3]

Приемы игровой технологии можно применять на всех этапах работы с лексикой текста: в дотекстовой работе при активизации лексики, при тренировке навыков использования в речи определенной модели или клише эффективны игры-разминки, притекстовую или послетекстовую работу можно организовать как ролевую игру.

Авторами технологии развития критического мышления² (Ч. Темпл, Д. Стил, К. Мередит, 1997) были собраны и систематизированы методические приемы преподавания, которые могут быть эффективно использованы и при работе с текстом: кластер (ассоциограмма, карта понятий), сравнительная диаграмма и другие. [2; 5] Прием кластера (ассоциограммы) эффективен на этапе дотекстовой работы при активизации лексики или на этапе послетекстовой работы при обобщении изученного материала; такой прием, как сравнительная диаграмма, наравне с построением таблиц используется в послетекстовой работе для понимания фактического

1 Вопрос исследования роли игры в процессе социализации личности связан с именами таких отечественных и зарубежных ученых, как К.Д. Ушинский, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин, З. Фрейд, Ж. Пиаже и др.

2 Критическое мышление авторы технологии понимают как сложный ментальный процесс, начинающийся с ознакомления с новой информацией и заканчивающийся принятием решения.

содержания или авторской идеи текста.

Технология обучения в сотрудничестве при работе с текстом может быть использована как форма организации работы учащихся. Такие виды обучения в сотрудничестве, как работа в малых группах, работа в парах, применимы на всех этапах работы с текстом, а такой методический прием, как «пила» (Jigsaw, 1978), разработанный Э. Аронсоном, и «пила-2» (Jigsaw-2, 1986), разработанный Р. Славиным, могут быть эффективно использованы при выполнении дотекстовых упражнений, в частности при работе с дополнительной информацией о тексте. Работа в команде учит учащихся помогать друг другу, сотрудничать, а не соперничать, вместе достигать поставленной цели. [6]

Нужно отдельно оговорить тот момент, что многие

из текстовых заданий, построенных на основе выделенных нами технологий, предполагают использование приемов нескольких технологий одновременно, например, игровые задания с делением на команды – это сплав игровой технологии и обучения в сотрудничестве.

Итак, в данной статье мы рассмотрели, каким образом можно использовать приемы педагогических технологий при работе с лексикой конкретного текста. Выделенные нами приемы эффективно используются на всех этапах обучения РКИ. Применение приемов педагогических технологий способствует лучшему усвоению учебного материала, в частности лексики, позволяет разнообразить процесс работы с текстом, стимулирует учащихся к активному участию в учебном процессе.

Библиографический список

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М.: Издательство «Икар», 2009. С. 15-16, 205, 220.
2. Загашев И.О., Заир-Бек С.И. Критическое мышление: технология развития. СПб.: Издательство «Альянс «Дельта», 2003. С. 43-47.
3. Педагогические технологии: Учебное пособие для студентов педагогических специальностей/Под общ. ред. В.С. Кукушина. Серия «Педагогическое образование». М.: ИКЦ «МарТ», 2004. С. 84-91.
4. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному/[под ред. А.Н. Щукина]. М.: Русский язык, 2003. С. 165-177.
5. Соосаар Н., Замковская Н. Интерактивные методы преподавания. СПб., 2004. С. 5, 7, 38-39.
6. Щукин А.Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам. Учебное пособие. М.: Филоматис, 2008. С. 131-132.
7. Tornbury S. How to teach vocabulary. Oxford, 2007. P. 53-58, 68-69.

References

1. Azimov E.G., Shchukin A.N. Novyy slovar metodicheskikh terminov i ponyatiy [New methodic terms and concepts dictionary]. Moscow, 2009.
 2. Zagashev I.O., Zair-Bek S.I. Kriticheskoe myshleniye: tekhnologiya razvitiya [Critical thinking: technology of development]. Saint-Petersburg, 2003.
 3. Kukushin V.S. Pedagogicheskie tekhnologii [Pedagogical technologies]. Moscow, 2004.
 4. Shchukin A.N. Prakticheskaya metodika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [Practical methods of teaching Russian as a foreign language]. Moscow, 2003.
 5. Soosaar N., Zamkovaya N. Interaktivnye metody prepodavaniya [Interactive methods of teaching]. Saint-Petersburg, 2004.
 6. Shchukin A.N. Sovremennyye intensivnyye metody i tekhnologii obucheniya inostrannym yazykam [Modern intensive methods and technologies of foreign language teaching]. Moscow, 2008.
 7. Tornbury S. How to teach vocabulary [Kak obuchat leksike]. Oxford, 2007.
-
-

УДК 371.4 (075,8)

UDC 371.4 (075,8)

В.П. КРЕСТЬЯНОВ

кандидат педагогических наук, профессор кафедры методики и технологии социальной педагогики и социальной работы Орловского государственного университета
E-mail: kvp-orel@yandex.ru

V.P. KRESTYANOV

candidate of Pedagogy, professor of the Department of Methods and Technology of Social Pedagogy and Social Work, Orel State University
E-mail: kvp-orel@yandex.ru

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

**RETROSPECTIVE ANALYSIS OF SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL RESEARCHES
ON SOCIO-CULTURAL ISSUES OF THE SOVIET PERIOD**

В статье отражены различные точки зрения на подходы к педагогическому обоснованию различных историко-культурных концептов досуга, именовавшихся в различные периоды советской истории как «внешкольное образование» (до 1920 г.), «политико-просветительная работа» (с 1920 по 1945 гг.), «культурно-просветительная работа» (с 1945 по 1983 гг.), «культурно-досуговая деятельность» (1980-е - 90 гг.), «социально-культурная деятельность» (постсоветский период).

Ключевые слова: историко-культурные концепты досуга: внешкольное образование, культурно-просветительная работа, культурно-досуговая деятельность, социально-культурная деятельность; государственная система социально-культурной деятельности.

This article presents different perspectives on approaches to pedagogical justification of different historical and cultural concepts of leisure, were called in different periods of Soviet history as a «non-formal education» (until 1920), «political-educational work» (from 1920 to 1945.), «cultural and educational work» (from 1945 to 1983.), «cultural and recreational activities» (1980 - 90.) «socio-cultural activities» (the post-Soviet period).

Keywords: historical and cultural concepts of leisure: non-formal education, cultural and educational activities, cultural and leisure activities, social and cultural activities, the state system of social and cultural activities.

Исследуемый нами советский период социокультурной истории Киргизии в аспекте становления теории и методики социально-культурной деятельности своими истоками имеет декреты власти, ее национально-культурную политику, конкретные культурные процессы, которые происходили в стране. Главным механизмом реализации государственной культурной политики в республиках Средней Азии выступало межкультурное взаимодействие и сотрудничество, широкое использование общероссийского опыта социальных и культурных преобразований, а также настойчивый поиск новых форм просветительной, культурной работы, отвечающих местным специфическим условиям.

В данной статье отражены различные точки зрения на подходы к педагогическому обоснованию различных историко-культурных концептов досуга, именовавшихся в различные периоды советской истории как «внешкольное образование» (до 1920 г.), «политико-просветительная работа» (с 1920 по 1945 гг.), «культурно-просветительная работа» (с 1945 по 1983 гг.), «культурно-досуговая деятельность» (1980-е - 90 гг.), «социально-культурная деятельность» (постсоветский период).

Теорию внешкольного образования, политико-просветительной работы исследовали такие известные российские ученые, как А.Е. Звягинцев, В.А. Зеленко,

Е.Н. Медынский, А.П. Пинкевич и др. Проследивая эволюцию взглядов на природу и сущность всех форм политико-просветительного воздействия – библиотек, театров, клубов, школ, – диссертант отмечает, что советская теория внешкольного образования ставила перед ними общую цель – социальное воспитание, т.е. внешкольная работа относилась к числу педагогических.

Гуманистический характер советской педагогики первого послереволюционного десятилетия, изыскания ведущих ученых-педагогов были прерваны в 30-х годах. На смену гуманизму пришла жестокая регламентация и контроль над сознанием и поведением растущего человека, подгонка его к заданному шаблону, авторитаризм педагогов и пассивное послушание воспитуемых.

Культурно-просветительная работа в СССР, как известно, была преемницей внешкольного образования и политико-просветительной работы. Находясь в системе просвещения, культурно-просветительная работа не получала должного внимания, что сдерживало её развитие. По существу она выполняла образовательные, воспитательные функции в контексте тех идеологических задач, которые ставились в тот период государством. Характерно, что по своему содержанию и наполнению культурно-просветительная работа, в оценках современников, являлась важнейшей разновидностью педа-

гогического труда, в целом и в частности соответствия самым строгим педагогическим критериям. Не случайно позиции многих исследователей 30-х годов, так и более позднего советского времени, сходились на том, что культурно-просветительная работа – «это педагогически организованная свободная деятельность населения с целью воспитания всесторонне и гармонически развитой личности» (В.Е. Триодин). Такое понимание позволило квалифицировать культурно-просветительную работу как педагогическое явление досуговой жизни.

Развитию педагогических основ культурно-просветительной работы способствовало становление клубоведения как системы научно-педагогических знаний. Однако в науке о культурно-просветительной работе и её истории доминировала коммунистическая парадигма с соответствующими ей взглядами на общество, личность, культуру, досуг и воспитание.

Развитие клубоведческих исследований в русле новых отраслей гуманитарных наук привело в 80-е годы к трансформации культурно-просветительной работы в культурно-досуговую деятельность. Рассматривая культурно-досуговую деятельность как самостоятельную отрасль педагогической науки, следует подчеркнуть универсальность и динамичность ее характеристик. В основу нового подхода к построению социовоспитательного процесса легла концепция культурно-досуговой деятельности как педагогической системы, средства реализации сущностных сил человека, (М.А. Ариарский, Е.М. Ключко, А.А. Сасыхов, А.Г. Соломоник, Ю.А. Стрельцов, и др.). В этой концепции имманентно присутствовали элементы того, что позже стало оформляться в социальную педагогику, педагогику досуга, прикладную культурологию и социально-культурную деятельность.

Процедура получения педагогического знания о культурном досуге связана с совершенствованием понятийного строя самой науки. В связи с этим, важным вопросом является категориальное уточнение понятия культурно-досуговой деятельности. Культурно-досуговая деятельность представляла собой социально-педагогическое явление в сфере досуга, направленное на реализацию определенных политико-экономических и культурно-воспитательных целей. В её систему входили различные учреждения с разнообразным содержанием, формами и методами деятельности, направленными на реализацию социальных целей и задач государства, его национальной политики, духовных потребностей населения. Это дает основание отнести культурно-досуговую деятельность к сложным педагогическим, социально-культурным явлениям.

Современную культурно-досуговую деятельность мы рассматриваем как исторически подвижный процесс, переходящий в более многоаспектное и многофункциональное явление – социально-культурную деятельность, которая представляет собой своеобразный интеграционный «зонтичный» историко-педагогических концептов досуга. Социально-культурная деятельность является закономерным продолжением педагогических изысканий, которые проводились в рамках теорий внеш-

кольного образования, политико-просветительной, культурно-просветительной и культурно-досуговой деятельности. Сегодня эта отрасль педагогической науки базируется на фундаментальных положениях из области философии, культурологии, педагогики, социологии и других общественных наук, переводит эти положения в социально востребованный процесс преобразования культуры и культурных ценностей в объект взаимодействия личности и социальных групп в интересах развития каждого члена общества.

Социально-культурная деятельность включает межэтнический опыт и традиции, характерные для истории культуры, просвещения, образования и досуга. Вследствие этого, социально-культурную деятельность советских национальных республик можно рассматривать как инварианты педагогической деятельности в конкретных исторических условиях, обусловленные воспитательными целями и задачами многонационального государства, общества, потребностями личности, а также политическими, социально-экономическими и этнокультурными условиями республик, материально-технической базой и уровнем профессиональной компетентности субъектов педагогического процесса в учреждениях культурного досуга.

Важной категорией выступает понятие «система социально-культурной деятельности», которую мы определяем как структурное социально-культурное, социально-педагогическое образование, обеспечивающее условия для самореализации личности в предметной деятельности, смысловом и эмоциональном воздействии на посетителей учреждений культуры. Она функционально объединяла социокультурные институты, призванные обеспечить распространение культурных ценностей, осуществить социальное воспитание людей в сфере досуга.

При определении структуры государственной системы социально-культурной деятельности в качестве элементов системы следует выделить социально-управленческую концепцию досуга, структуру сети учреждений культуры, осуществляющих принципы национальной культурной политики, субъекты воспитательного процесса и межкультурного взаимодействия, технологии социально-культурной деятельности, образовательно-организационные модели подготовки кадров работников культуры. Любая система может быть рассмотрена как элемент системы более высокого порядка, в то время, как её собственные элементы могут выступать в качестве систем более низкого порядка. Исходя из этого, этнокультурные системы социально-культурной деятельности выступают специализированным элементом общей системы социально-культурной деятельности страны, которая, в свою очередь, является составным элементом государственной общественно-политической системы.

Системный подход предполагает вычленение структурных элементов на основе определенного критерия. Для вычленения структурных элементов (блоков) социально-культурной деятельности как педагогической системы мы опираемся на критерий «субъектно-

объектные отношения» между организаторами (исполнителями) и посетителями (участниками, зрителями) досуговых мероприятий. Исходя из данного критерия, структура советской социально-культурной деятельности состояла из следующих элементов.

1. Социальные субъекты социально-культурной деятельности: коммунистическая партия и советское государство, система управления культпросветработой; штатные работники культурно-досуговых учреждений; пропагандисты и лекторы на общественных началах (руководители предприятий, передовики производства, ветераны войны и труда, интеллигенция и т.д.); самодеятельный актив; добровольные общества; художественные коллективы; аудитории групповых и массовых мероприятий.

2. Объекты социально-педагогического процесса в культурно-досуговых учреждениях: посетители учреждений культуры; участники кружков художественной самодеятельности, любительских объединений и клубов по интересам.

3. Цели, задачи, содержание, средства, формы и методы социального воспитания в культурно-досуговых учреждениях.

4. Ресурсы социально-педагогического процесса: методические службы культпросветработы; финансирование культурно-досуговой деятельности; инфраструктура учреждений культуры; система подготовки кадров..

Основными элементами данной системы выступают социальные субъекты и объекты, а средства (содер-

жательные, технологические) и ресурсы выступают в качестве инструментов их взаимодействия.

Важнейшим признаком системы социально-культурной деятельности выступает диалектическая взаимосвязь и взаимообусловленность всех ее элементов. Каждый из элементов в процессе деятельности реализует свою частную задачу. Выпадение какого-либо элемента системы разрушает её функционирование в целом.

Социально-педагогическим системам свойственна многосторонняя связь с социальной средой, проявляющаяся через реализацию своих функций. В исследовании подчеркивается, что применительно к советской системе социально-культурной деятельности основными социальными функциями выступали: воспитательная, образовательная, творческая, общения, организации отдыха и развлечений. Диссертант отмечает социально-педагогический характер перечисленных функций, предопределявших главное назначение социально-культурной деятельности.

Историко-педагогический процесс развития системы социально-культурной деятельности следует рассматривать как любое положительное изменение, трансформацию структурных элементов, подсистем, частей, функций и других её свойств во времени. Позитивная направленность процесса проявляется в количественных и качественных изменениях её структурных элементов – субъекта, объекта, содержания, средств, форм, технологий и ресурсов – в течение определенного исторического периода.

УДК 303.039.4

UDC 303.039.4

Е.В. КУРИЛИНА

аспирант, преподаватель кафедры экономики и менеджмента Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского
E-mail: buh@kspu.kaluga.ru

E.V. KURILINA

postgraduate student, lecturer, Department of Economics and management of the Kaluga state University named K.E. Tsiolkovsky
E-mail: buh@kspu.kaluga.ru

**К ВОПРОСУ О СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ОБЩЕЙ И УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА-МЕНЕДЖЕРА:
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

**ON COMMON INTRINSIC CHARACTERISTICS AND MANAGEMENT COMPETENCE
OF FUTURE PROFESSIONAL MANAGERS: PSYCHOLOGICAL AND EDUCATIONAL APPROACHES**

В статье на основе психолого-педагогического подхода анализируются сущностные аспекты, характеризующие процесс формирования общей и управленческой компетентности специалистов-менеджеров при обучении в вузе. Представлено авторское видение признаков профессиональной компетентности менеджеров и их эмпирических индикаторов.

Ключевые слова: менеджмент, управление качеством, образовательный процесс, компетенции, признаки профессиональной компетентности.

In the article on the basis of psycho-pedagogical approach analyzes the essential aspects characterizing the process of formation of General and administrative competence of specialists-managers in higher education. Presents the author's view sign of the professional competence of managers and their empirical indicators.

Keywords: management, quality management, process of education, competence, evidence of professional competence.

В быстро меняющейся экономике с учетом ее цикличности многими экспертами ставится вопрос о соотношении программ по общей подготовке и узкоспециализированных программ. В России сложилась система высшего профессионального образования, которая состоит из двух образовательных подсистем: включающей как непрерывную подготовку дипломированных специалистов по 500 специальностям высшего профессионального образования (срок обучения, как правило, 5 лет), так и ступенчатой, обеспечивающей реализацию образовательных программ по ступеням высшего профессионального образования с присвоением выпускнику степени (квалификации) «бакалавра» (срок обучения 4 года) и «магистра» (срок обучения 6 лет) по 120 направлениям подготовки высшего профессионального образования.

В настоящее время подготовка бакалавров и магистров предусмотрена практически во всех образовательных областях высшего профессионального образования, за исключением медицины и информационной безопасности.

Сущность профессиональной компетентности будущего специалиста-менеджера раскрывается нами индуктивным методом: от различных взглядов на проблему, связанную с профессиональной компетентностью специалиста, выпускника высшей школы.

Все чаще возникает вопрос о формировании в процессе образования некоторого набора специфических

субъектных качеств: «компетентности» и «компетенции». Интерес к этой теме в российском научно-педагогическом сообществе высокий.

Единство мотивационно-когнитивных и поведенческих компонентов в структуре личности выпускника вуза объединяется понятием профессиональная компетентность.

Выпускник высшей профессиональной школы должен уметь применять полученные в ходе обучения знания, умения и навыки в повседневных и изменяющихся ситуациях на работе, демонстрируя свою профессиональную компетентность. Существующая практика подготовки менеджеров обеспечивает обучение основным функциям классического менеджмента: организация, планирование, мотивация, координация и контроль (Тейлор Ф., Файоль А.). Новый подход к управлению все более базируется на признании приоритета личности перед производством, перед прибылью, перед интересами предприятия, фирмы, учреждения. Именно такая постановка вопроса составляет культуру управления.

Практика подготовки менеджеров определена ФГОС ВПО по направлению 080200 «Менеджмент», где выделяются две группы компетенций: общекультурные и профессиональные.

Исходя из возрастания роли в управленческом процессе руководителей разного уровня, на которой акцентируется внимание концепции российского менеджмента, автором которой является д.э.н. проф. Э.М.

Коротков, профессиональная компетентность личности будущего специалиста выступает в качестве основной из целей процесса обучения с учетом тенденций социально-экономического развития современного общества и мотивов, побуждающих молодого человека к совершенствованию этого качества [10].

Управленческая деятельность будущего специалиста-менеджера сложна, динамична, изменчива и носит сугубо личный характер. Н.Н. Вересов, член-корреспондент РАО выделил основные психологические особенности этой деятельности, которые можно свести к следующим:

- большое разнообразие видов деятельности на разных уровнях управленческой иерархии;
- неалгоритмический, творческий характер деятельности, осуществляемый при недостатке информации и в условиях часто меняющейся, нередко противоречивой обстановки;
- ярко выраженная прогностическая природа решаемых управленческих задач;
- значительная роль коммуникативной функции;
- высокая психическая напряженность, вызываемая большой ответственностью за принимаемые решения [1].

По мнению проф. Э.Ф. Зеера, профессионально обусловленная структура личности включает в себя профессиональную направленность, профессиональную компетентность, профессионально важные качества и профессионально значимые психофизиологические свойства [3, с. 52]. К примеру, менеджер должен проявлять большую компетентность при принятии своевременных и верных управленческих решений, а это требует применения новых навыков и подходов к процессу управления.

Будущему специалисту-менеджеру в его деятельности нужны гибкость и смелость при решении тех или иных управленческих задач, они живут и работают в центре постоянно изменяющихся ситуаций. Поэтому у менеджеров с недостаточным уровнем компетентности возникает осторожность при решении проблем, что приводит к запаздыванию в принятии управленческих решений и снижению эффективности управленческого воздействия.

Таким образом, профессиональная деятельность менеджеров многогранна, ответственна и сложна. Явления, с которыми сталкиваются современные менеджеры, – это темп, сложность, новизна, опасность и постоянный вызов современного опережающего мира. Все это требует от будущего специалиста-менеджера высокого уровня компетентности.

По утверждению М.В. Жмаревой, низкий уровень профессиональной компетентности специалистов может привести сегодня к глобальным катастрофическим последствиям: традиционная система образования была рассчитана на «знаниевую» парадигму подготовки специалистов, в основе которой было прагматическое и формальное использование совокупности освоенных истин. Современному обществу требуется специалист, понимающий специфику современного бытия, специа-

лист духовно-нравственной ориентации, человек культуры. Новые требования к уровню образованности и компетентности личности продиктованы «интересами выживания человека как биологического вида и социального объекта» [1, с. 23].

Сегодня в России, как и во всем мире, единицей образовательного процесса является образовательная программа (до этого была лишь специальность). Образовательный стандарт (ФГОС) нужен для того, чтобы регулировать структуру и содержание основных образовательных программ.

Результатом образования является приобретенная индивидом в ходе образования способность к выполнению функциональных обязанностей; черты профессионализма. На основе подходов Б.С. Гершунского, Э.Ф. Зеера, А.К.Марковой, Ю.П. Поваренкова, В.Д. Щадрикова выделяют следующие этапы развития профессионализма: функциональная грамотность, профессиональная квалификация, компетентность и культура личности [4, с. 33].

Определяя цели и результаты образования человека, исследователи в последние десятилетия уделяют большое внимание единству мотивационно-когнитивных и поведенческих компонентов в структуре личности выпускника вуза.

Например, профессиональная компетентность определяется А.Г. Пашковым как «интегральная характеристика деловых и личностных качеств специалиста, отражающая не только уровень знаний, умений, навыков, опыта, достаточного для достижения целей профессиональной деятельности, но и социально-нравственную позицию личности» [5, с. 34]. В содержание профессиональной компетентности специалиста он включает следующие разновидности: практическая (специальная) компетентность, социальная, психологическая, информационная, коммуникативная, экологическая и валеологическая компетентности. При этом профессиональная компетентность основывается на владении специалистом культурными образцами, характерными для определенной человеческой деятельности, то, что называется профессиональной культурой.

Для раскрытия понятия «профессиональная компетентность будущего специалиста-менеджера» нам необходимо рассмотреть базовое понятие «менеджмент». Существует ряд различных дефиниций этого термина [6, с. 164]. Приведем некоторые из них, на наш взгляд, лучше всего отражающие суть этого феномена.

В управленческой литературе менеджмент – это:

1. процесс воздействия субъекта на объект, направленный на упорядочение, сохранение, разрушение или изменение системы объекта в соответствии с поставленной целью;
2. умение добиваться поставленных целей, используя труд, интеллект, мотивы поведения других людей;
3. способность целостных динамических систем производить структурную и функциональную перестройку в ответ на изменения в условиях внутренней и внешней среды их существования;

4. процесс планирования, организации, мотивации и контроля, необходимый для того, чтобы сформулировать и достичь целей организации;

5. процесс, направленный на достижение целей посредством упорядочения исходных субстанций и ресурсов (труда, материалов, денег, информации) в требуемые результаты (изделия, услуги).

Существуют различные точки зрения, подходы к определению роли будущего специалиста-менеджера. Представители классической школы менеджмента (О.С. Виханский, А.И. Наумов – основатели русской классической школы бизнеса) считают, что менеджер принимает решения, работает с информацией и выступает руководителем определенной организации [7, с. 17].

В.М. Шепель, представитель антропологического подхода, оценивает человековедческую компетентность будущего специалиста-менеджера: его лидерские качества, обладающим мощным авторитетом сочетать в себе организаторские способности, незаурядный интеллект, восторженное отношение к людям. Кроме этого менеджер должен иметь основательный культурологический тезаурус (полный систематизированный набор данных о какой-либо области знаний), разносторонние специальные знания и, главное, уметь технологично использовать все вышеперечисленное в управленческой деятельности [8, с. 28-29].

Предпринимательский подход (Л.К. Карташова, Т.В. Никонова, Т.О. Соломандина) основан на знании потребностей людей и умении направить их интересы в русло интересов организации. По их мнению, менеджеры – это люди, которые достигают цели, стоящие перед организацией, посредством других людей [9, с. 7].

В системном подходе (Э.М. Коротков) менеджер должен быть универсалом, т.е. человеком, обладающим активностью предпринимателя, мудростью педагога, ответственностью врача, конструктивностью инженера, пытливостью исследователя, логикой юриста [10, с. 81].

Профессиональная компетентность будущего специалиста-менеджера может быть сформирована лишь в результате достаточно длительного периода профессиональной деятельности. Однако уже в процессе обучения необходимо заложить ее основы в совокупности теоретических знаний, практического опыта, личностных качеств современного специалиста и управленческой культуры.

Теория управления в контексте движения к компетентности – это больше чем перечень факторов компетентности. Для эффективного управления организацией менеджер должен затратить массу усилий на изучение основ мастерства по управлению производством. Чтобы чувствовать обстановку окружающего мира, необходимы система знаний, теория и практика, а также опыт. Перед менеджером не просто встают проблемы, они развиваются в совершенно новых условиях и при такой степени изменчивости, неустойчивости окружающего мира, поэтому менеджеры не могут рассчитывать на его стабильность даже на краткосрочный период реализации принятых решений. Все реже ру-

ководители могут полагаться на стабильность рынков и технологий, предусмотреть все возможные действия иностранных и внутренних конкурентов, законодателей и регулирующих органов, а также предвидеть поведение своих служащих и даже собственные физические и моральные реакции на планируемые ими мероприятия.

В современной педагогической науке нет устоявшихся понятий «компетенция» и «компетентность», поэтому каждый исследователь трактует их по-разному.

Остановимся на основных авторских трактовках понятия компетентность.

Ю.Г. Татур предложил свое определение понятия компетентности в системе высшего образования: «Компетентность специалиста с высшим образованием – это проявленные на практике его стремления и способности реализовать свой потенциал (знания, умения, опыт, личные качества и др.) для успешной творческой (продуктивной) деятельности в профессиональной и социальной сфере, осознавая социальную значимость и личную ответственность за результаты этой деятельности, необходимость ее постоянного совершенствования» [11, с. 67]. Компетентность – это качество человека, завершившего образование определенной ступени. Компетентность личности, по сути, потенциальна. Она проявляется в деятельности человека и в определенной степени относительна, так как ее оценка дается другими субъектами, чья компетентность может оказаться и сомнительной.

Традиционные подходы и определения компетентности упрощены и не отражают сущности управления. Изучением профессиональной компетентности занимались многие ученые, но в современной научной литературе нет единства в определении сущности данного понятия. Обычно термин «компетентность» (от латинского – надлежащий, способный) употребляется применительно к лицам определенного социально-профессионального статуса и характеризует меру соответствия их понимания, знаний и умений реальному уровню сложности выполняемых ими задач и проблем.

В педагогической науке термины «компетенция», «компетентность» обозначают новые реалии и задачи в связи с подготовкой молодых людей к компетентному участию в общественной жизни. Компетентность – это качество личности, предполагающее владение определенной компетенцией. Сама компетенция представляет собой совокупность знаний, умений, навыков, способов деятельности, т.е. компонентов содержания образования, необходимых для эффективного выполнения деятельности по отношению к определенному кругу предметов и процессов. Компетенция – круг вопросов, в которых кто-либо хорошо осведомлен. Профессиональная компетентность рассматривается как индивидуальная характеристика степени соответствия требованиям профессии, как индивидуально-психологическое образование, включающее опыт, знания, умения, профессионально важные качества, психологическую готовность.

С точки зрения психолингвистики под компетентно-

стью подразумеваются фундаментальные способности, проявляемые авторами, являющимися квалифицированными участниками социальных контекстов. Понятие «компетентность» определяется как сфера, круг вопросов, которые специалист уполномочен решать в соответствии с уставами, должностными инструкциями, нормативными документами.

Л.М. Устич определяет компетентность как «профессионально-личностную, социально-значимую качественную характеристику специалиста, умеющего использовать знания, умения, навыки не только для профессиональной деятельности, но и для понимания социальной значимости и нравственного сознания своей деятельности» [12, с. 8]. Профессиональные компетенции – это готовность и способность целесообразно действовать в соответствии с требованиями дела, методически организованно и самостоятельно решать задачи и проблемы, оценивать результаты своей деятельности [13, с. 6]. С.Е. Шишов видит прямую связь компетенций со знаниями и навыками и рассматривает их как способность найти, обнаружить «процедуру, адекватную проблеме» [14] и, по определению А.В. Баранникова, «компетентным считается тот, чья деятельность, поведение адекватны появляющимся проблемам» [15, с. 12].

Традиционные подходы и определения компетентности упрощают и не отражают сущности управления. Вместе с тем, особый интерес представляет модель компетентности Хинтерхубера и Попа в стратегическом управлении. В соответствии с ней «компетентность руководства является суммой следующих компонентов: функциональной компетентности, ситуативной компетентности, интеллектуальной компетентности, социальной компетентности». При этом функциональная и ситуативная компетентность характеризуют профессионализм руководителя, а интеллектуальная и социальная – психологическую самостоятельность руководителя [16, с. 271-272].

На основе анализа результатов социологических и психологических исследований, проведенных Н.А. Куртиковым, [17, с. 217-224] нами выделены признаки профессиональной компетентности менеджеров и их эмпирические индикаторы.

1. Проявление профессионально-значимой познавательной активности:

2. Проявления менеджером себя в интегрированной (сбирательной) социальной роли преобразователя среды обитания и функционирования человека – труженика, прежде всего.

3. Объективность будущего специалиста-менеджера как противоположность субъективизму.

4. Навыки эффективного владения (использования) системой методов управления.

5. Правовая и нравственная культура будущего специалиста-менеджера.

6. Обогащение опыта профессии своими оригинальными творческими наработками.

По мнению В.А. Сластенина, понятие «профессиональная компетентность» включает в себя три аспекта:

1. проблемно-практический – адекватность по-

нимания ситуации, эффективное выполнение целей, задач и норм;

2. смысловой – адекватное осмысление производственной ситуации в более общем социокультурном контексте;

3. ценностный – способность к правильной оценке ситуации, ее сути, целей, задач и норм с точки зрения собственных и общих значимых ценностей [18, с. 34].

В научной литературе в понятие «профессиональная компетентность» специалистов различные авторы включают следующие составляющие:

1. практическую (специальную) компетентность – высокий уровень знаний, техники и технологий, используемых в профессиональном труде и обеспечивающих возможность профессионального роста специалиста, смену профиля работы, результативность творческой деятельности;

2. психологическую компетентность – понимание того, что без культуры эмоциональной восприимчивости, без умений и навыков рефлексии, без опыта эмпатийного межличностного взаимодействия и самореализации профессионализм остается частичным, неполным;

3. информационную компетентность – владение новыми информационными технологиями;

4. коммуникативную компетентность – знание иностранных языков, высокий уровень культуры речи;

5. экологическую компетентность – знание общих законов развития природы и общества, экологической ответственности за профессиональную деятельность;

6. валеологическую компетентность – наличие знаний и умений в области сохранения здоровья и в вопросах здорового образа жизни;

7. культурную компетентность – знание культурных норм взаимодействия с людьми, культурно-ценностных ориентации, языков социального общения, параметров моды, символов престижности, принятых в данном обществе;

8. социальную компетентность – способность руководителя брать на себя ответственность и принимать решения, выполнять роль не только формального, но и неформального лидера, участвовать в совместной деятельности, создавать атмосферу сотрудничества и партнерства.

Итак, компетентность выступает в русском языке как качество, характеристика личности, позволяющая ей (или даже дающая право) решать, выносить суждения в определенной области. Основой этого качества выступают знания, осведомленность, опыт социально-профессиональной деятельности человека. Тем самым подчеркивается сбирательный, интегративный характер понятия «компетентность».

На наш взгляд, все эти составляющие должны быть представлены и в структуре профессиональной компетентности будущего специалиста. В современных условиях появляются и новые требования к профес-

сиональной компетентности будущего специалиста, к уровню его управленческой культуры как значимого компонента профессиональной компетентности.

Компетентность имеет достаточно сложную структуру. Элементы, блоки структуры компетентности Ю.Г. Татур называет компонентами [11, с. 21]. Нами компонент компетентности понимается как умение осуществлять определенный вид управленческой деятельности и характеризуется владением способами деятельности. Выделенные компоненты в единстве образуют основу формирования профессиональной компетентности будущего специалиста-менеджера, позволяют выявить динамику ее развития и проводить корректировку ее компонентов.

Учитывая, что результат обучения и воспитания должен описываться рядом компетентностей, виды компетенций могут быть различны в зависимости от того, с каких позиций строится модель выпускника. Нас интересует профессиональная компетентность будущего специалиста-менеджера с точки зрения формирования ее основы - культурного компонента. В рамках построения модели процесса формирования профессиональной компетентности будущего специалиста существенным компонентом станет управленческая культура.

Формирование управленческой компетентности у будущих специалистов классического университета объективно предполагает выявление сущности категории «управленческая компетентность» (далее – УК), определение структуры и обоснование подходов к изучению процессов ее развития в условиях функционирования классического университета.

Необходимо заметить, что к настоящему времени в науке не сложилось единства в понимании сущности УК. При этом «построение модели компетентности управляющего находится на начальной стадии проработки» [19, с. 7]. Зачастую УК отождествляется с понятиями «профессионализм», «профессиональное мастерство», «профессиональная компетентность» руководителя, что, на наш взгляд, не совсем корректно. Одной из главных причин сложившейся терминологической разобщенности является отсутствие единства взглядов ученых на труд современного руководителя, совокупность качеств и способностей, которыми он должен обладать. В самом общем понимании «управление» можно определить как функцию организованных систем (биологических, технических, социальных), которая обеспечивает сохранение определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программ и целей. Социальное управление представляет собой воздействие на общество или его отдельные субъекты с целью их упорядочения, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития. Для социальной системы характерно большое количество составляющих элементов, многообразие связей и отношений. Главным признаком управления в социальных системах является принятие решения на основе анализа и оценки информации руководителем. При этом систему управления можно разделить на две основные подсистемы: управляющую (воздействие) к

управляемую (исполнение) [20, с. 8]

В психолого-педагогической литературе управление рассматривается как многоуровневый процесс, в котором осуществляются управленческие воздействия на систему для приведения ее в какое-либо состояние.

Теоретический анализ имеющихся научных взглядов на содержание УД позволяет отнести ее к одному из наиболее сложных видов человеческой практики, в рамках которой руководителем осуществляется комплекс мыслительных, коммуникативных, контрольных, организационных и других действий. Так, М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури [21] определяют управленческие функции руководителя как серии непрерывно взаимосвязанных действий: планирования, организации, распорядительства, мотивации, руководства, координации, контроля, коммуникации, оценки, принятия решений, подбора персонала, представительства и ведения переговоров. Г. Мюнстерберг рассматривает УД через реализацию руководителем управленческих ролей, под которыми автор понимает «набор определенных управленческих правил, соответствующих конкретному участку или конкретной должности». При этом выделяются межличностные роли, информационные роли и роли, связанные с принятием решения. А.И. Китов [22] выделяет в управлении три взаимосвязанных стадии: диагностическую, творческую и организаторскую. Автор рассматривает их через призму «блоков» социальной активности руководителя. В структуре каждого блока выделяются три теоретические единицы деятельности, которые, по сути, являются функциями руководителя: диагностика наличного состояния дел и прогнозирование будущего хода событий, разработка программы деятельности подчиненных и побуждение их к выполнению программы.

На основании проведенного анализа следует подчеркнуть: во-первых, как в отечественной, так и в зарубежной литературе сложилась устойчивая тенденция рассматривать содержание УД руководителя через совокупность типичных управленческих действий; во-вторых, конкретный «набор» управленческих функций, ролей, процедур, используемых руководителем, детерминирован спецификой условий и характером профессиональной деятельности; в-третьих, при рассмотрении содержания УД основное внимание уделяется «внешним», функциональным компонентам, а «внутренняя», собственно психологическая составляющая, не получила должного научного рассмотрения.

Думается, что обозначенные выше теоретические позиции являются достаточным основанием для уточнения содержания «управленческой компетентности» как важнейшей предпосылки успешного осуществления УД. При этом не вызывает сомнения тот факт, что проблема УК руководителя непосредственно связана с психолого-педагогическими компонентами. Исходя из изложенного, сущность УК можно определить путем содержательного анализа имеющихся точек зрения отечественных и зарубежных ученых на наиболее распространенные формы ее проявления.

При анализе зарубежных подходов необходимо

заметить, что методологическую основу зарубежной (прежде всего американской) психологии и педагогики составляет ведущее направление западной философии – прагматизм («философия действия»). В этом контексте основные усилия исследователей направлены на выявление наиболее компетентных (в зарубежной интерпретации – эффективных) механизмов управленческого влияния («системы воздействия»), обоснование структуры лидерских, менеджерских качеств. При этом у большинства зарубежных авторов прослеживается определенная тенденция к абсолютизации отдельных элементов компетентности, которые, по мнению авторов, и обуславливают эффективность УД.

Обобщенный анализ данной модели показывает, что авторы подходят к рассмотрению УК с точки зрения комплекса необходимых умений менеджера, а также наличия механизма для их актуализации. Однако, на наш взгляд, при разработке модели авторы, уделяют недостаточное внимание рассмотрению конкретных психологических качеств, необходимых для УД, хотя предлагаемый подход в силу своего комплексного характера представляется весьма интересным и может быть взят за основу при проектировании модели УК офицера ПС.

Таким образом, в зарубежной психолого-педагогической науке исследования УК базируются на методологических позициях, которые рассматривают проблему УК через призму «лидерства», получила лишь фрагментарное «освещение», что послужило определенной предпосылкой для активизации прикладных исследований проблем управляющей, менеджерской деятельности. Функционально-прикладную направленность этих исследований определяет философское течение прагматизм. В последнее время исследования приобрели интегральный характер, что позволяет использовать некоторые из разработанных положений в качестве своеобразных теоретических ориентиров. Одновременно с этим следует признать, что определенная часть зарубежных научных исследований оказала позитивное влияние на изучение проблемы профессиональной компетентности в нашей стране.

В отечественной психологии и педагогике до недавнего времени основные усилия были сосредоточены на исследовании отдельных компонентов УК: управленческих качеств и управленческих (организаторских) способностей. В настоящее время проблематика УК исследуется в основном в русле общепсихологических аспектов формирования профессиональной компетентности (далее – ПК). Большинство психологов относят ПК к психолого-педагогическим характеристикам специалиста, позволяющим успешно выполнять профессиональные функции. Научные разногласия возникают при определении сущностных признаков компетентности, уточнении ее места в системе более высокого порядка. В частности, А.К. Маркова [23] определяет ПК как совокупность свойств, как состояние, позволяющее человеку действовать самостоятельно и ответственно, как обладание способностью и умением выполнять определенные трудовые функции. И.Е. Елина [24] рас-

сматривает компетентность как сумму знаний, умений и навыков, обеспечивающих готовность субъекта к профессиональной деятельности. Ряд ученых рассматривают ПК через призму успешности профессиональной деятельности и понимают ее как своеобразный уровень мастерства. В исследованиях В. Ф. Ковалевского [25] и В.Б. Капустина [26] ПК понимается как составная часть профессиональной культуры специалиста, обусловленная глубоким знанием свойств преобразуемых предметов, свободным владением основами трудовых операций, наличием соответствующих профессионально значимых качеств. По мнению В.Б. Капустина, ПК определяет деловую надежность, способность осуществлять безошибочную деятельность как в привычных, так и в нестандартных условиях. При этом ПК, как считают исследователи, может рассматриваться в двух плоскостях: как компетентность – знание (обусловлена глубиной общенаучных, профессиональных знаний, характеризующих фундамент профессионального сознания) и как компетентность – деятельностная сформированность (проявляется при осуществлении деятельности в рамках конкретной специальности). Не отрицая рациональности данного подхода, нам представляется, что при таком «плоскостном» представлении ПК недостаточное внимание уделяется собственно компонентам личности специалиста, его мотивационным и волевым характеристикам.

Интегральное представление феномен ПК руководителя получил в исследованиях Л.Г. Лаптева и Т.И. Шамовой, которые в ее структуру обоснованно включают [27]: профессиональные знания как обусловленные практикой необходимые сведения о всех сторонах трудовой деятельности; они составляют основу для формирования умений, навыков, специфических качеств, профессиональных позиций; профессиональные умения как усвоенный специалистом способ выполнения трудового действия, обеспечиваемый совокупностью приобретенных знаний и навыков; профессиональный навык в виде профессионального действия, сформированного путем повторения, характеризующегося высокой степенью освоения и отсутствием поэлементной сознательной регуляции и контроля; профессионально-психологические особенности (качества) специалиста выражают сформированность всех компонентов его процессов, свойств, образований, состояний, их специфика определяется влиянием условий и факторов трудовой деятельности; профессиональная позиция специалиста – это его устойчивые установки и ориентации, система отношений и оценок внутреннего и окружающего опыта, реальности и перспектив, а также собственные притязания в процессе трудовой деятельности.

В трактовке авторов – это внутренний ресурс дальнейшего профессионального развития; в его основе лежит высокая мотивация достижений. На наш взгляд, этот подход наиболее полно отражает комплексность изучаемого феномена и может быть использован нами при рассмотрении УК как системного образования личности.

Проведенный обзор различных точек зрения позволяет выделить некоторые характеристики профессиональной компетентности: а) наличие в ее структуре разнообразных знаний о сущности профессиональной деятельности; б) обладание субъектом практическими умениями и навыками применения знаний на практике; в) обладание личностными качествами, значимыми для конкретного вида профессиональной деятельности; г) существование тесной связи, но не сводимость ПК к таким феноменам, как «профессионализм», «профессиональное мастерство», «профессиональная культура», «готовность к деятельности».

Нам представляется, что сделанные выводы могут послужить ориентиром для уточнения специфики «управленческой компетентности» как сложного личностного образования. Рассмотрев совокупность различных научных подходов и взглядов, необходимо подчеркнуть, что проблема УК не получила достаточно полного рассмотрения как в зарубежной, так и в отечественной психологии. Психологами рассматривались только отдельные из ее элементов. На наш взгляд, перспективы дальнейшего исследования УК должны быть

связаны с использованием идей системного подхода при научной опоре на ряд актуальных теоретических положений: о целостности восприятия управленческой ситуации (гештальт-психология); важности знания особенностей поведения подчиненных в различной обстановке и умении им управлять (бихевиоризм); важности индивидуальной базы управленческих знаний и наличии соответствующих механизмов ее актуализации (когнитивная психология); необходимости уточнения мотивов профессионального развития (глубинная психология); взаимосвязи компетентности и готовности к деятельности; возможности построения модели «успешного» управленца в узковедомственном аспекте; «ресурсности» психологических феноменов; необходимости учета типа среды, в которой осуществляется УД; об управленческом решении как внешнем критерии УК; иерархическом представлении структуры сложных психологических феноменов. Системообразующим и содержательно-информативным средством объединения данных положений в проблематике УК является опора на ресурсное представление ее психологической структуры.

Библиографический список

1. *Вересов Н.Н.* Психологические компоненты управленческой деятельности. – Режим доступа: <http://psytop.com/content/view/473/2/>
2. *Жмарева М.В.* Изменение парадигмы среднего профессионального образования в условиях модернизации. В кн.: Дидактика XXI века: связь традиций и инноваций: материалы педагогических чтений памяти И. Л. Лернера. Ч. III. Владимир, 2004: С.23-25.
3. *Зеер Э.Ф.* Психология личностно ориентированного профессионального образования. Екатеринбург, 2000.
4. Профессиональная компетентность как показатель качества образования. Высшее образование в России 2005; 4: 30-33.
5. Педагогика профессионального образования: учебное пособие / Под ред. В.А. Сластенина. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
6. *Диев В.С.* Философия управления (лекция). Личность. Культура. Общество: междисциплинарный научно-практический журнал социальных и гуманитарных наук 2004; Т. VI; Вып. 3(23): 162-183.
7. *Виханский О.С.* Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс. 2-е изд. М.: Гардарики, 1996.
8. *Шепель В.М.* Человековедческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. М.: Народное образование, 1999.
9. *Соломандина Т.О.* Организационная культура компании. М., 2003.
10. *Коротков Э.М.* Концепция российского менеджмента. М.: ДеКА, 2004.
11. *Татур Ю.Г.* Компетентностный подход в описании результатов и проектировании стандартов высшего профессионального образования: материалы ко второму заседанию методологического семинара. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
12. *Устич Л.М.* Формирование профессиональной компетентности специалистов в системе образования взрослых: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2004. С. 25 с.
13. *Байденов В.* Компетенции в профессиональном образовании (К освоению компетентностного подхода). Высшее образование в России 2004; 11: С. 3-13.
14. *Шишов С.Е.* Федеральный справочник «Образование в России». М., 2004.
15. *Баранников А.В.* Содержание общего образования: компетентностный подход. М., 2002.
16. Управление персоналом: энциклопедический словарь. Под ред. А.Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М., 1998.
17. *Куртиков Н.А.* Психология и социология управления: учебное пособие. М.: ГУУ, 2005.
18. *Сластенин В.А.* Общая педагогика: учебное пособие. Ч.1. М.: ВЛАДОС, 2003.
19. *Деркач А.* Развитие личностно-профессионального потенциала кадров управления. Государственная служба 2004; 4: С. 50-57.
20. *Бусыгин А.В.* Менеджмент: введение в специальность: учебное пособие. М., 2003.
21. Секреты умелого руководителя. М., 1991.
22. *Китов А.И.* Психология управления. М., 1979.
23. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М., 1996.
24. *Елина И.Е.* Компетентность как интегральная характеристика профессиональной деятельности государственных служащих: Дис. канд. психол. наук. М., 1999.
25. *Ковалевский В.Ф.* Профессиональная культура офицера. Военная мысль 1990; 6: 48-59.
26. *Капустин В.Б.* Профессиональная компетентность офицерского состава (философско-социологический аспект): Дис... канд. филос. наук. М., 1993.

27. *Шамова Т.И.* Управление образовательными системами: учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2002.

References

1. *Veresov N.N.* Psychological components of administrative activity. - Mode of access: <http://psytop.com/content/view/473/2/>
 2. *Zhmareva M.V.* Change in the paradigm of secondary professional education in conditions of modernization. In the book: Didactics of the XXI century: a link between tradition and innovation: materials pedagogical readings to the memory of I. L. Lerner. Ch. III. Vladimir, 2004: 23-25.
 3. *Zeer E.F.* Psychology of personality-oriented education. Ekaterinburg, 2000.
 4. Professional competence as an indicator of the quality of education. Higher education in Russia 2005; 4: 30-33.
 5. Pedagogy of vocational education: tutorial / Ed. VA Slastenina. M: Publishing Center "Academy", 2004.
 6. *Diev V.S.* Philosophy of control (lecture). The personality. Culture. Society: an interdisciplinary scientific and practical journal of social and humanitarian Sciences 2004; T. VI, Vol. 3(23): 162-183.
 7. *Vikhansky O.S.* Management: people, strategy, organization, process. 2-e Izd. M: Gardarika, 1996.
 8. *Shepel V.M.* Человековедческая competence of the Manager. Management anthropology. M: public education, 1999.
 9. *Solomandina T.S.* The organizational culture of the company. M., 2003.
 10. *Korotkov E.M.* The concept of the Russian managemen. M., 2004.
 11. *Tatur JG* Competence-based approach in describing the results of the design and standards of higher professional education materials for the second meeting of the methodological seminar. M., 2004.
 12. *Ustich LM* Formation of professional competence of specialists in adult education : Author. dis. ... Candidate . ped. Science. - Kaliningrad, 2004.
 13. *Baydenko B.* Competence in vocational education (competence-based approach to development). Higher education in Russia in 2004, 11 : 3-13.
 14. *Shishov S.E.* Federal reference book "Education in Russia". M., 2004.
 15. *Barannikova A.V.* The content of general education: the competence approach. M., 2002.
 16. Personnel management: an encyclopedic dictionary / ed. A.J. Kibanova. M.: INFRA-M., 1998.
 17. *Kurtik N.A.* Psychology and Sociology of Management: tutorial. Moscow State University of Management, 2005.
 18. *Slastenin V.A.* General pedagogy: a manual. M.: VLADOS, 2003.
 19. *Derkach A.* The development of personal and professional capacity of staff management Public service in 2004, 4 : 50-57 .
 20. *Busigin A.V.* Management: an introduction to the profession: tutorial. M., 2003
 21. Secrets of a skillful leader. M., 1991.
 22. *Kitov A.I.* Management Psychology. M., 1979.
 23. *Markova A.K.* Psychology of professionalism. M. , 1996.
 24. *Yellin I.E.* Competence as an integral characteristic of the professional activities of public servants: Dis . Candidate . psychol. Science. M., 1999.
 25. *Kovalevsky V.F.* Professional culture officer. Military Thought, 1990, 6 : 48-59.
 26. *Kapustin V.B.* The professional competence of the officers (the philosophical and sociological aspects): Dis ... Candidate. Philosophy. Science. M., 1993.
 27. *Shamova T.I.* Management of educational systems: tutorial. M.: Publishing Center "The Academy ", 2002
-

УДК 616.1-085:616-002.5

UDC 616.1-085:616-002.5

Г.С. МАЛЬ

доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой фармакологии Курского государственного медицинского университета

E-mail: mgalina@kursknet.ru

А.Д. СУСЛИКОВА

кандидат медицинских наук, заместитель председателя комитета здравоохранения Курской области-начальник управления организационной, кадровой и правовой работы комитета здравоохранения Курской области

E-mail: mgalina@kursknet.ru

М.А. АЛЫМЕНКО

кандидат медицинских наук, ведущий эксперт управления организации и развития медицинской помощи комитета здравоохранения Курской области

E-mail: maxim.alymenko@gmail.com

В.М. КОЛОМИЕЦ

доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой фтизиопульмонологии Курского государственного медицинского университета

G.S. MALLE

doctor of medical sciences, professor, department chair of pharmacology of Kursk state medical university

E-mail: mgalina@kursknet.ru

A.D. SUSLIKOVA

candidate of medical sciences, head of department of organizational, personnel and legal work of Healthcare Committee Kursk region

E-mail: mgalina@kursknet.ru

M.A. ALYMENKO

candidate of medical sciences, leading expert of management of the organization and development of medical care of Healthcare Committee Kursk region

E-mail: maxim.alymenko@gmail.com

V.M. KOLOMIYETS

doctor of medical sciences, professor, department chair of a ftiziopulmonologiya Kursk state medical university

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФАРМАКОТЕРАПИИ ГИПЕРЛИПИДЕМИЙ У БОЛЬНЫХ ИБС В СОЧЕТАНИИ С ТУБЕРКУЛЕЗОМ ЛЕГКИХ

TO THE QUESTION OF FEATURES OF PHARMACOTHERAPY HYPERLIPIDEMIA AT PATIENTS OF ISHEMIC HEART DISEASE IN COMBINATION WITH TUBERCULOSIS OF LUNGS

Исследование посвящено изучению особенностей течения коронарного атеросклероза и гипертонической болезни у больных туберкулезом легких. С целью индивидуализации гиполипидемической фармакотерапии была изучена генотипическая гетерогенность субпопуляции, определяющая различия эффекта лечения, были проанализированы частоты генотипов по полиморфному маркеру С3435Т гена MDR1 в группах больных ИБС, принимавших статины II и IV поколений.

Полученные результаты описанной взаимосвязи генотипа по полиморфному маркеру С3435Т гена MDR1 и гиполипидемического эффекта у больных ИБС с различными типами ГЛП показали целесообразность изучения генетической гетерогенности субпопуляции в целях индивидуализации фармакотерапии.

Ключевые слова: туберкулез, артериальная гипертензия, ишемическая болезнь сердца, статины, гиперлипидемия, полиморфизм генов.

Investigation is devoted to studying to features of coronary atherosclerosis and a hypertension at patients with tuberculosis of lungs.

For the purpose of an individualization of hypolipidemic pharmacotherapy the genotypic heterogenic of subpopulation defining distinctions of effect of treatment was studied, frequencies of genotypes on a polymorphic marker of C3435T of a gene of MDR1 in groups of the sick of ischemic heart disease which received statins of II and IV generations were analyzed.

The received results of the described interrelation of a genotype on a polymorphic marker of C3435T of a gene of MDR1 and hypolipidemic effect at patients of ischemic heart disease and hyperlipidemia of various types showed expediency of studying of genetic heterogeneity of subpopulation for a pharmacotherapy individualization.

Keywords: tuberculosis, arterial hypertension, coronary heart disease, statins, hyperlipidemiya, polymorphism of genes.

Сочетание коронарного атеросклероза и гипертонической болезни с туберкулезом легких встречаются примерно в 25% случаев [5].

Гемодинамика таких пациентов находится в осо-

бенно неблагоприятном состоянии, венечные сосуды сердца страдают от атеросклеротического и токсико-аллергического факторов [4]. У них в равной степени нарушаются функции как правого, так и левого желу-

дочка, тогда как у пациентов с изолированной легочной патологией функция левого желудочка сердца начинает страдать в фазу декомпенсации легочного сердца [2,3].

В исследованиях было показано, что системную артериальную гипертензию у больных фиброзно-кавернозным туберкулезом встречают примерно в 1,5 раза реже, чем при инфильтративном туберкулезе. Частота пограничной и артериальной гипертензии у больных туберкулезом оказалась меньше, чем при хронических неспецифических заболеваниях легких и хроническом холецистите. Это связывают с гипотензивным влиянием туберкулезной интоксикации и высокой частотой снижения функции коры надпочечников при туберкулезе [1].

Многочисленные клинические наблюдения, описанные в литературе, показали, что ряд антибактериальных препаратов (стрептомицин, изониазид) могут ухудшать функцию сердечно-сосудистой системы: стрептомицин – неблагоприятно действует на коронарное кровообращение, суживает периферические кровеносные сосуды. Они уменьшают сократительную функцию миокарда, снижают коронарное кровообращение и могут вызвать боли в области сердца, провоцировать возникновение инфаркта миокарда [5].

Отбор химиопрепаратов должен быть строго индивидуальным, вопрос о сроках возобновления химиотерапии в постинфарктном периоде остается дискуссионным, так как больные предпочитают не принимать антибактериальные препараты из-за боязни возникновения приступов стенокардии.

Особенная важность в индивидуализации фармакотерапии больных ИБС в сочетании с туберкулезом характеризуется варьированием лекарственного ответа, обусловленного генетическим полиморфизмом. Выявление генетических особенностей у больных позволяет прогнозировать фармакологический ответ на лекарственные средства, а значит повысить эффективность и безопасность применения лекарственных средств, так как идентификация соответствующего аллельного варианта, приводящего к изменениям фармакокинетики и (или) фармакодинамики у больного, требует коррекции терапии [6].

В настоящем исследовании с целью индивидуализации гиполлипидемической фармакотерапии у больных ИБС с различными типами гиперлипидемий, получающих курс противотуберкулезной терапии в соответствии с приказом №109 от 21 марта 2009 года «О совершенствовании противотуберкулезных мероприятий в Российской Федерации» (изониазид, рифампицин, пиразинамид, этамбутол/стрептомицин), была изучена генотипическая гетерогенности субпопуляции, определяющая различия эффекта лечения. Для этого были проанализированы частоты генотипов по полиморфному маркеру С3435Т гена MDR1 в группах больных ИБС, принимавших статины II и IV поколений. Все больные ИБС с изолированной и сочетанной гиперлипидемией распределились следующим образом (табл.1).

Таблица 1.

Распределение частот генотипов полиморфного маркера С3435Т гена MDR1 в группах больных ИБС с изолированной и сочетанной гиперлипидемией с туберкулезом, принимавших симвастатин и розувастатин

Генотип	Симвастатин (n=21)		Розувастатин (n=22)	
	Абс., значение	Доля, %	Абс., значение	Доля, %
ТТ	8	38	7	31,8
СТ	7	33,3	8	36,3
СС	5	28,7	5	31,9

В исследование был включен 81 пациент, страдающий ИБС с первичной изолированной или сочетанной ГЛП и инфильтративным туберкулезом легких в возрасте от 41 до 60 лет, из них 38 чел составили контрольную группу. Средний возраст в исследуемой и контрольной группах был $55,3 \pm 2,4$ лет и $56,4 \pm 3,5$ соответственно.

Основной задачей исследования явилось исследование динамики липидного спектра сыворотки крови у больных гиперлипидемиями в сочетании с инфильтративным туберкулезом легких симвастатином или розувастатином в течение 8-ми недель в зависимости от носительства генотипов по полиморфному маркеру С3435Т гена MDR1, кодирующего белок-переносчик гликопротеин Р, ответственный за транспорт статинов.

Основными критериями включения являлись: мужчины в возрасте от 41 до 60 лет, наличие ИБС (стенокардия напряжения I-II ФК), первичной изолированной ГЛП: ХС > 175 мг/дл (> 4,5 ммоль/л); ХС ЛНП > 100 мг/дл (> 2,5 ммоль/л) или первичной сочетанной ГЛП: ХС > 175 мг/дл (> 4,5 ммоль/л); ХС ЛНП > 100 мг/дл (> 2,5 ммоль/л) и ТГ > 150 мг/дл (1,7 ммоль/л), страдающих инфильтративным туберкулезом легких.

Исследование проведено рандомизированным, простым, параллельным методом. Фармакологическая коррекция ГЛП выполнялась в 2-х группах, включавших пациентов с ИБС I-II ФК стенокардии напряжения. Группы формировались методом рандомизации по следующим стратификационным признакам: возраст (41-50 и 51-60 лет); ФК стенокардии (I; II); тип ГЛП. В исследовании использовалась послойная рандомизация методом случайных чисел.

Группы пациентов, рандомизированные для терапии симвастатином или розувастатином, также были сопоставимы между собой по стратификационным признакам.

Результаты изучения частот генотипов полиморфного маркера С3435Т в изученной нами субпопуляции больных ИБС показали, что распределение произошло следующим образом: генотип ТТ был зарегистрирован в 38% случаев, СТ – у 33,3%, СС – 28,7%. Такая частота встречаемости генотипа была свойственна пациентам, которые после отсутствия достижения целевых уровней липидов в результате диетической коррекции получали фармакотерапию статином II поколения – симвастатином. Наряду с этим представляло интересным определить частоту встречаемости генотипа у пациентов с ИБС, получающих фармакотерапию статином IV по-

коления – розувастатином. Было показано, что прева-лировала частота встречаемости генотипа СТ у 36,3% пациентов, ТТ – у 31,8%, СС – у 31,9% пациентов.

Выявленные особенности генетической гетерогенности генотипов полиморфного маркера С3435Т гена MDR1 обусловили целесообразность изучения наличия возможной взаимосвязи носительства определенных аллельных вариантов гена MDR1 и степени выраженности гиполипидемического эффекта статинов различных поколений.

Взаимосвязь носительства определенных аллельных вариантов гена MDR1 и гиполипидемического эффекта симвастатина у больных ИБС с изолированной и сочетанной гиперхолестеринемией представлены в таблице 2.

В результате настоящего исследования была определена степень изменения показателей липидного спектра у больных, принимавших симвастатин.

Наиболее выраженный гиполипидемический эффект наблюдался у пациентов с генотипом ТТ по сравнению с пациентами, имеющими генотипы СС и СТ. Значительное снижение всех показателей липидного спектра у пациентов с генотипом ТТ по полиморфному маркеру С3435Т гена MDR1 было главной причиной, способствующей большей эффективности симвастатина. У пациентов с генотипами СС и СТ эффективность симвастатина по всем показателям липидного спектра была достоверно ниже.

Это свидетельствовало об ассоциации между полиморфным маркером С3435Т гена MDR1 и раз-

витием более выраженного гиполипидемического эффекта в группе больных с генотипом ТТ, по сравнению с генотипами СТ и СС. Таким образом, генотип ТТ по полиморфному маркеру С3435Т гена MDR1 явился генетическим фактором, предрасполагающим к выраженной гиполипидемической активности симвастатина у больных ИБС.

Особый интерес представляло изучение взаимосвязи носительства определенных аллельных вариантов гена MDR1 и степени выраженности гиполипидемического эффекта розувастатина у больных ИБС, что представлено в таблице 3.

В исследовании определены степень снижения всех показателей липидного спектра, а также аллельные варианты гена MDR1 у больных, принимавших розувастатин: генотип СС имели 5 пациентов, СТ – 8 пациентов, ТТ – 7 пациентов.

Не было обнаружено связи между полиморфным маркером С3435Т гена MDR1 и развитием большего гиполипидемического эффекта розувастатина у пациентов с генотипом ТТ, чем с генотипами СТ и СС. Аллельный вариант ТТ гена MDR1 у больных ИБС не явился генетическим фактором, предрасполагающим к выраженной эффективности розувастатина.

Полученные результаты описанной взаимосвязи генотипа по полиморфному маркеру С3435Т гена MDR1 и гиполипидемического эффекта у больных ИБС с различными типами ГЛП показали неоспоримый вклад знаний о генетической гетерогенности субпопуляции в целях индивидуализации фармакотерапии.

Таблица 2.

Зависимость гиполипидемического эффекта симвастатина от носительства аллельных вариантов гена MDR1 у пациентов с ИБС и ГЛП с инфильтративным туберкулезом легких

Показатель	Генотип			Достоверность различий между группами		
	ТТ (n=8)	СТ (n=7)	СС (n=5)	p1-2*	p1-3*	p2-3*
ΔХС, %	-28,3±2,2*	-19,1±1,9*	-18,4±2,2*	<0,05	<0,05	н.д.
ΔТГ, %	-11,2±1,5*	-12,2±1,5*	-10,4±1,7*	<0,05	н.д.	<0,05
ΔХС ЛНП, %	-34,0±2,7*	-27,5±2,2*	-20,8±3,0*	<0,05	<0,05	н.д.
ΔХС ЛВП, %	11,3±2,4*	8,9±2,5*	11,8±2,4*	<0,05	<0,05	<0,05
ΔАИ, %	-27,2±2,9*	-2,2±2,9*	-26,2±2,6*	<0,05	<0,05	<0,05

Таблица 3.

Зависимость гиполипидемического эффекта розувастатина от носительства аллельных вариантов гена MDR1 у пациентов с ИБС и ГЛП с инфильтративным туберкулезом легких

Показатель	Генотип			Достоверность различий между группами		
	ТТ (n=7)	СТ (n=8)	СС (n=5)	p1-2*	p1-3*	p2-3*
ΔХС, %	-34,1±4,5*	-33,6±2,5*	-34,6±2,5*	н.д.	н.д.	н.д.
ΔТГ, %	-17,6±3,5*	-15,4±3,3*	-18,7±3,9*	н.д.	н.д.	<0,05
ΔХС ЛНП, %	-45,2±4,6*	-43,4±4,0*	-43,2±4,2*	н.д.	н.д.	н.д.
ΔХС ЛВП, %	8,2±1,6*	8,3±2,8*	9,1±2,5*	н.д.	н.д.	н.д.
ΔАИ, %	-46,2±3,9*	-42,3±3,0*	-44,0±2,8*	<0,05	н.д.	н.д.

Библиографический список

1. Кардиология. Руководство для врачей. Под. Ред. Р.Г. Оганова, И.Г. Фоминой. Москва, 2004. 848 с.
2. Иванова З.А., Кошечкин В.А., Якушева И.Ю., Ширманов В.И., Арсентьева Н.В. Острый инфаркт миокарда у больных туберкулезом органов дыхания // Современные наукоемкие технологии. 2006, №3. С. 37-38.
3. Современные подходы к коррекции гиперлипидемий статинами. Методические рекомендации. Н.Г. Филиппенко, Г.С. Маль и соавт. Курск, 2007 48 с.
4. Сравнительная эффективность бетака и атенолола у больных артериальной гипертензией трудоспособного возраста. /

Л.В. Пахомова, В.И. Вишнеvский, Н.Б. Дюсмикеева, О.В. Коренева. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2007, № 2. С. 71- 77.

5. Фтизиатрия. Национальное руководство. Под ред. акад. Перельмана М.И. 2010. 512. с.

6. Brinkmann U. Functional polymorphisms of the human multidrug resistance (MDR1) gene: correlation with P glycoprotein expression and activity in vivo / U. Brinkmann // Novartis Found Symp. 2002. Vol. 243. P. 207-210.

References

1. Cardiology – the Management for doctors. Under. Edition of R. G. Oganov, I.G. Fomina. Moscow. 2004 - 848 p.

2. Ivanov Z.A., Koshechkin V.A., Yakushev I.Yu., Shirmanov V.I., Arsentyeva N. V. The myocardial infarction at patients with tuberculosis of respiratory organs//Modern high technologies. – 2006 . – N. 3 – P. 37-38.

3. Modern approaches to correction of hyperlipidemia by statins. - \Methodical recommendations. N. G. Filippenko, G.S. Mal et al. - Kursk –2007 – 48 p.

4. Comparative efficiency of betac and atenolol at patients with an arterial hypertension working age. / L.V. Pakhomova, V.I. Vishnevskiy, N.B. Dyusmikееva, O.V. Koreneva. // Scientific notes of the Orel state university. -2007. - N 2. – P. 71 - 77.

5. Phthisiology. - National management. - Under edition Perelman M. I. -2010- P. 512.

6. Brinkmann, U. Functional polymorphisms of the human multidrug resistance (MDR1) gene: correlation with P glycoprotein expression and activity in vivo / U. Brinkmann // Novartis Found Symp. – 2002. – Vol. 243. – P. 207-210.

УДК 378.147

П.И. ОБРАЗЦОВ

доктор педагогических наук, профессор Орловского государственного университета

E-mail: fdpo@univ-orel.ru

О.В. КРЮКОВ

кандидат технических наук, профессор Академии ФСО России

E-mail: oleghooker@gmail.com

Р.В. ПИМОНОВ

кандидат педагогических наук, старший преподаватель Академии ФСО России

E-mail: rpimonov@mail.ru

UDC 378.147

P.I. OBRAZTSOV

doctor of Pedagogy, Professor, Orel State University

E-mail: fdpo@univ-orel.ru

O.V. KRYUKOV

candidate of technical sciences, Professor The Academy of Federal Guard Service of Russian Federation

E-mail: oleghooker@gmail.com

R.V. PIMONOV

candidate of pedagogical sciences, Senior teacher The Academy of Federal Guard Service of Russian Federation

E-mail: rpimonov@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ВИДЕОТЕЛЕТРЕНИРОВКИ, ОСНОВАННОГО НА ФОРМИРОВАНИИ ВИРТУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ, В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ВУЗА

APPLICATION OF A VIDEO TELETRAINING METHOD, BASED ON FORMATION OF THE VIRTUAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN SYSTEM OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Современное общество характеризуется активной информатизацией системы профессионального образования. Это обуславливает проблему поиска и разработки моделей и методов обучения, способствующих максимально эффективному применению информационно-телекоммуникационных технологий в учебном процессе вузов.

Ключевые слова: образовательные технологии, виртуальная образовательная среда, дистанционное обучение, система повышения квалификации, видеотелетренировка.

Modern society is characterized by active informatization of the system of professional education. It causes a search problem and a problem of development of models and training methods, promoting the most effective application of information and telecommunication technologies in educational process of higher educational institutions.

Keywords: educational technologies, virtual educational environment, distance learning, professional development system, video teletraining.

Современное активное преобразование и информатизация системы дополнительного профессионального образования страны требует от вузов и от преподавателей поиска новых эффективных методов и форм организации учебного процесса, при которых лавинное увеличение информационных образовательных потоков и применяемых телекоммуникационных технологий будет способствовать повышению качества знаний, получаемых слушателями. Одним из вариантов решения данной задачи является внедрение в учебный процесс инновационных методов и технологий, связанных в первую очередь с виртуализацией образовательной среды вуза и использованием возможностей дистанционного обучения. Создаваемое виртуальное образовательное пространство дисциплины, курса повышения квалификации или вуза в целом позволяет качественным образом модернизировать учебный процесс, проводимый как в очной форме, так и в заочной.

Виртуальная образовательная среда (далее – ВОС) характеризуется наличием обратной связи (интерактивностью), многочисленностью возможных ответных откликов различного характера, персональной направленностью на каждого участника образовательного процесса и отличается от традиционной характером образовательной коммуникации, осуществляемой как опосредованно – на расстоянии, так и традиционно [1]. Она строится на основе применения и информационного содержания и коммуникативных возможностей локальных, корпоративных и глобальных компьютерных сетей, формируемых и используемых для достижения образовательных целей.

Виртуальная образовательная среда объединяет:

- инновационные и традиционные образовательные технологии взаимодействия участников учебного процесса;
- информационные ресурсы: базы данных и знаний, библиотеки, электронные учебные материалы и т.п.;
- современные программные средства: программные оболочки, средства электронной коммуникации.

Одним из наиболее *эффективных вариантов построения ВОС* является применение *видеоконференцсвязи (ВКС)* как формы сетевого педагогического аудиовизуального взаимодействия между всеми участниками педагогического процесса посредством сетевых технологий. Видеоконференции позволяют приблизить опосредованное общение к живому, непосредственному, тем самым повышая продуктивность взаимодействия преподавателя и обучающегося.

В качестве примера подобного построения учебного процесса возможно представить применение в системе дополнительного профессионального образования разработанного метода видеотелетренировки. Он основан на создании ВОС, обеспечивающей взаимодействие участников учебного процесса и позволяющей осуществлять управление его ходом и содержанием.

Метод видеотелетренировки предназначен для проведения практических, групповых занятий по технологическим основам организации видеоконференцсвязи, а также демонстрации технических и педагогических

возможностей системы видеосвязи для решения задач дистанционного обучения.

Целью метода является увеличение эффективности учебного процесса на курсах профессиональной переподготовки и повышения квалификации по направлению организации защищенной видеоконференцсвязи посредством формирования виртуальной образовательной среды, способствующей моделированию профессионально-ориентированной деятельности по организации сеансов ВКС.

Основные задачи, решаемые методом:

- повышение качества и оперативности усвоения учебного материала за счет формирования виртуальной образовательной среды на основе эффективного использования современных образовательных и информационно-телекоммуникационных технологий в системе дополнительного профессионального образования вуза;
- обеспечение взаимосвязи образовательного процесса с практической деятельностью посредством моделирования защищенных сеансов ВКС, максимально приближенных к реальным условиям;
- формирование положительной учебной мотивации за счет контекстной направленности учебного процесса;
- развитие навыков самостоятельной работы, в том числе с применением современных телекоммуникационных технологий, программных средств и информационных ресурсов.

Образовательные, развивающие и воспитательные функции метода:

- информационно-обучающая – заключается в систематизации, углублении знаний, а также формировании и совершенствовании навыков и умений слушателей в сфере организации защищенной видеосвязи;
- коммуникативная – состоит в осуществлении виртуального взаимодействия и диалога между всеми участниками учебного процесса;
- контрольная – реализует комплекс мер по контролю знаний, умений и навыков, а также целенаправленной коррекции индивидуального познавательного процесса каждого слушателя;
- мотивационная – обеспечивает стимулирование у обучающихся потребности в саморазвитии, в том числе в профессиональной сфере по освоению программных и аппаратных средств организации защищенной видеосвязи;
- воспитательная – направлена на воспитание ответственности за своевременную подготовку и качественную организацию сеансов видеоконференцсвязи.

Для построения виртуальной образовательной среды необходимо осуществить ее содержательное наполнение, а также обеспечить коммуникацию между всеми участниками образовательного процесса.

Содержательное наполнение ВОС реализуется преподавателем на основе создания разделяемого сетевого ресурса, в котором размещаются:

- учебные и учебно-методические материалы по программе курса;

- информационно-справочная литература;
- необходимое программное обеспечение.

Слушатели получают постоянный сетевой доступ к данному ресурсу и *имеют возможность дополнять* его различными материалами учебной направленности, в том числе подготовленными рефератами, отчетами по практическим и групповым занятиям и пр.

Коммуникация в рамках ВОС реализуется посредством специально создаваемой системы ВКС на основе существующей локальной вычислительной сети (рис. 1).

Общую структуру действий по организации видеотелетренировки возможно представить из двух этапов: подготовительного и исполнительного.

На подготовительном этапе преподаватель разрабатывает сценарий проведения видеотелетренировки, а также подготавливает задания слушателям на самоподготовку и технологические карты по отработке отдельных вопросов настройки оборудования ВКС.

В сценарии видеотелетренировки целесообразно указать дату, время, место проведения занятия, состав участников, а также поэтапный ход

видеотелетренировки с указанием конкретного исполнителя, требующихся от него действий и регламента отведенного времени.

Предварительно за несколько дней до проведения занятия преподавателю в соответствии со сценарием необходимо назначить администратора ВКС из числа слушателей, а также сформировать рабочие группы по 2-3 человека.

В функции администратора ВКС входят:

- организация сеанса видеосвязи;
- сопровождение режима People+Content для демонстрации контента и докладчика;
- переключение между участниками ВКС в соответствии с регламентом (сценарием);
- дистанционное управление камерами на групповых терминалах, а также включением и выключением микрофонов.

В задачи рабочих групп входят изучение конкретного вида оборудования ВКС, операций по его настройке и организации сеанса видеосвязи. Для повышения эффективности занятия целесообразно подгруппы комплектовать таким образом, чтобы в каждой из них наряду с молодыми специалистами находились и более опытные, которые в процессе выполнения практических заданий имели бы возможность помогать и делиться профессиональным своим опытом.

Накануне видеотелетренировки каждой подгруппе требуется изучить выданные преподавателем учебные вопросы и отработать отдельные практические задания по настройке и конфигурированию различного оконечного оборудования ВКС. Данная задача выполняется слушателями на основе предоставленных преподавателем специальных технологических карт, в которых поэтапно указаны все необходимые действия. Кроме этого обучающимся предоставляется сетевой доступ ко всем требующимся методическим, информационно-справочным материалам, программным продуктам и оболочкам. По результатам работы слушателям необходимо подготовить презентацию, демонстрирующую

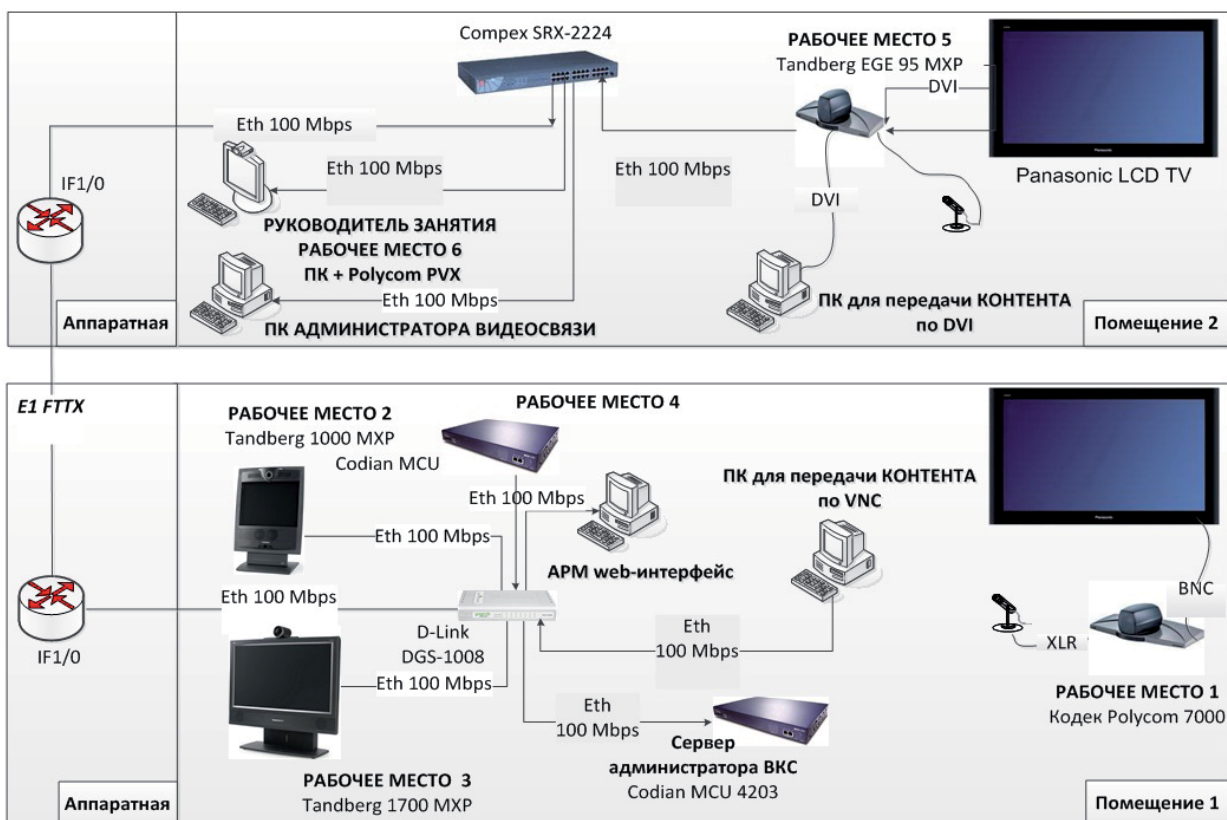

Рис. 1. Схема организации видеосвязи.

определенный вид оборудования ВКС, его возможности, а также поясняющую порядок работы с ним. В дальнейшем на предстоящем занятии бригадам требуется отчитаться за выполненные задания в рамках технологических карт.

После проведения подготовительного этапа в ходе плановых учебных занятий реализуется *исполнительный этап* видеотелетренировки. На нем руководитель организует занятие, управляет его ходом, координирует деятельность рабочих групп и администратора ВКС.

Занятие, проводимое с применением метода видеотелетренировки, целесообразно разделить на две части.

В первой части слушатели в соответствии с новым заданием настраивают оконечное оборудование и организуют определенную схему видеосвязи. Задание частично включает в себя вопросы, отрабатываемые слушателями на самоподготовке. Данная часть занятия позволяет оценить теоретические знания и практические навыки по технологическим основам построения систем защищенной ВКС.

Во второй части занятия обучающиеся с использованием настроенной сети ВКС отчитываются по сути выполненных на самоподготовке заданий, порядку и особенностям их реализации, указывают связь с практической деятельностью, а также возникшие трудности. В данной части занятия оцениваются навыки по проведению и сопровождению в реальном режиме времени сеансов ВКС.

В процессе видеотелетренировки обучающиеся имеют возможность сравнивать имеющееся у них оборудование с представляемым текущей бригадой. Руководитель занятия и все его участники при необходимости задают уточняющие вопросы по сути выполнения заданий.

В конце занятия руководитель оценивает администратора и рабочие бригады по следующим направлениям: практическая деятельность по настройке и применению оборудования ВКС, выполнение регламента и правил проведения сеанса ВКС, качество подготовленной слушателями на самоподготовке презентации.

Таким образом, создаваемая преподавателем и слушателями система ВКС является, по сути, не только предметом изучения конкретных курсов повышения квалификации, но и средством формирования профессионально-ориентированной ВОС, позволяющей максимально приближенно к действительности моделировать практическую деятельность по подготовке и сопровождению реального сеанса ВКС.

– С учетом вышеизложенного преподавателю при

применении метода видеотелетренировки требуется реализовывать следующие функции: *организатора* учебного процесса, познавательной деятельности и творческой активности обучающегося;

– *автора и разработчика* электронных учебных материалов;

– *консультанта*, организующего педагогическую поддержку слушателей как в процессе обучения, так и после окончания курсов повышения квалификации;

– *виртуального психолога*, создающего комфортные условия для обучения;

– *проектировщика*, разрабатывающего формы организации учебного процесса и виды деятельности, наиболее соответствующие целям и содержанию изучаемого курса, предвидящего результаты собственных действий и определяющего их последовательности в процессе обучения, формирующего стратегию и тактику образовательной деятельности;

– *коллеги* – сотрудника, являющегося специалистом в данной предметной области и готового оказать необходимую помощь слушателям как в освоении учебной программы, так и в их профессиональной деятельности;

– *обучающегося в ходе педагогического процесса*, поскольку самообучение и взаимообучение преподавателя и обучающегося является атрибутивной особенностью инновационного обучения.

Проведенная опытно-экспериментальная работа позволила доказать эффективность представленного метода. Это подтверждено повышением качества подготовки обучающихся, выраженным в значимом приросте успеваемости в экспериментальных группах по сравнению с контрольными; развитием у слушателей самостоятельности с работой с учебным материалом; увеличением объема осваиваемого учебного материала на 25% при сокращении длительности изучения курса; повышением мотивационной составляющей учебного процесса, выраженным в росте профессиональных и познавательных мотивов на 0,15 и 0,22 балла соответственно.

Резюмируя содержание статьи, следует отметить, что подобные методы, основанные на разработке виртуальных образовательных сред, могут применяться как при дистанционном обучении, так на различных видах очных занятий (лекциях, семинарах и т.д.) при этом их успешность в значительной мере зависит от уровня проработки как педагогических, так и технических аспектов.

Библиографический список

1. Вайндорф-Сысоева М. Е. Виртуальная образовательная среда: категории, характеристики, схемы, таблицы, глоссарий: Учебное пособие. М. : МГОУ, 2010. 102 с.

References

1. Vaindorf-Sysoeva M. E. Virtual educational environment: categories, characteristics, schemes, tables, glossary: Education guidance. M. : MSEU, 2010. 102 p.

УДК 372.851

UDC 372.851

Т.Л. ОВСЯННИКОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры геометрии и методики преподавания математики Орловского государственного университета

T.L. OVSYANNIKOVA

candidate of pedagogical sciences, associate professor of geometry and technique of teaching of mathematics Orel state university

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКЕ

FOREIGN EXPERIENCE OF DISTANCE LEARNING TO ATHEMATICS

Рассмотрены зарубежные системы дистанционного обучения математике: внутривузовские, межвузовские, надвузовские, национальные, региональные и глобальные (в том числе системы открытого образования: MIT OCW, Coursera, Udacity, EdX, Saylor и т.п.). Показано, что в последние годы имеют место тенденции роста внимания к текущему контролю знаний и усилению контакта обучающихся с преподавателем, а также проникновения технологий дистанционного обучения в систему очного образования.

Ключевые слова: обучение математике, дистанционное обучение, смешанное обучение, системы открытого образования.

Considered by the foreign system of distance learning of mathematics: in-College, inter-College, over-College, national, regional and global (including the system of open education: the MIT OCW, Coursera, Udacity, EdX, Saylor, etc.). It is shown that in recent years there have been tendencies of growth of attention to the current control of knowledge and strengthening of the contact of students with the teacher, as well as the penetration of the technologies of distance learning to the system of full-time education.

Keywords: learning of mathematics, distance learning, blended learning, MOOC.

Современный уровень развития информационных технологий существенным образом расширил возможности поиска информации и необратимо трансформировал информационную среду. Эти революционные изменения ещё в относительно малой степени коснулись российской высшей школы, но общемировые тенденции частичной виртуализации высшего профессионального образования не смогут обойти её стороной.

Система взаимодействия преподавателя и студентов, альтернативная традиционному очному обучению (face-to-face learning, F2F), появившаяся ещё в XVIII веке и широко распространившаяся (в том числе в нашей стране – как заочное обучение) в 50-60-е годы XX века, традиционно обозначалась термином «Distance Education» (в 90-е годы в русскоязычной литературе он переводился преимущественно как «дистантное обучение», с начала XXI века – как «дистанционное обучение»). В течение долгого времени обмен информацией при дистанционном обучении осуществлялся на бумажных носителях: из рук в руки или по почте. С 70-х годов стали широко использоваться аудио- и видеоматериалы (как на физических носителях, так и в виде трансляций по радио и телевидению), но эти формы на рубеже веков были поглощены Интернетом. В настоящее время термин «Distance Education» уже почти вытеснен термином «E-Learning» (от Electronic Learning, электронное обучение), хотя этот термин объединяет столь разнообразные формы организации обучения, что часто даже в рецензируемых научных публикациях не вполне ясно, какая форма обсуждается. Различные

типы и формы E-Learning можно рассматривать как континуум [2]. Тем не менее, существуют некоторые очевидные критерии классификации. Так, например, можно разделить:

- синхронные и асинхронные системы обучения (в первых модульный контроль имеет единые для всех обучающихся временные рамки, во вторых скорость прохождения курса определяется только самим студентом);
- системы, базирующиеся на учебниках, и т.н. системы, «E-Learning 2.0» [5], основанные на CSCL (Computer-supported collaborative learning) – компьютерных технологиях совместного обучения, при которых обучаемые сами (хотя обычно под руководством преподавателя) формируют контент, часто по технологии Wiki;
- полностью онлайн-системы и системы, в которых сохраняется значительная доля очного обучения: «Blended Learning» (в русскоязычной терминологии – смешанное или комбинированное обучение), иногда используется также термин «Hybrid Course» (гибридный курс);
- системы, интегрированные в процесс обучения в конкретном вузе, и системы открытого образования, доступного из любой точки планеты: с 2008 года такие системы называют массовыми открытыми онлайн-курсами (Massive Open Online Course, MOOC).

Внедрению дистанционного и смешанного обучения в вузах способствует кредитная система, при которой студент вправе самостоятельно выбирать дисципли-

ны и порядок их изучения. По данным исследовательской группы Babson, в осеннем семестре 2011 года 6,7 млн. студентов, обучающихся в США, по крайней мере одну дисциплину изучали в дистанционной форме [3].

Среди дисциплин, вовлечённых в дистанционное обучение, математика занимает весьма заметное место (уступая только изучению информационных технологий, иностранных языков и экономики, а также курсам корпоративного обучения). Если исключить из рассмотрения внесетевые формы дистанционного обучения и обучение элементарной математике, то остальные системы дистанционного и смешанного обучения математике можно разделить на следующие группы:

- внутривузовские;
- межвузовские – созданные в ходе сотрудничества нескольких университетов;
- надвузовские, в которых общие ресурсы дистанционного обучения адресуются преподавателям различных университетов без формального вовлечения вузов в консорциум;
- национальные и региональные, ориентированные на конкретную страну или группу стран;
- глобальные, ориентированные на студентов и вольнослушателей всего мира – коммерческие и некоммерческие (системы открытого образования).

Построение внутривузовских систем дистанционного и смешанного обучения в значительной степени определяется программным обеспечением, используемым для них. В настоящее время существует несколько десятков пакетов, реализующих LMS (learning management systems, системы управления обучением) и LCMS (learning content management system, системы управления обучающим контентом), большинство из которых реализованы согласно в соответствии со сборником стандартов SCORM (Sharable Content Object Reference Model, образцовая модель объекта содержимого для совместного использования), регламентирующим все аспекты дистанционного обучения (вплоть до организации учебного материала). Среди наиболее популярных современных LMS можно отметить: Blackboard (около 50% рынка), Moodle (около 20%) и Desire2Learn (около 10%), eCollege (около 5%). Кроме того, набирают популярность свободные LMS: ATutor, Claroline, Dokeos, EFront, ILIAS, Sakai, Scoology, TCE Exam, OLAT и его форк OpenOLAT. В большинстве случаев и контент, и тестовые задания внутривузовских систем доступны либо в пределах локальной сети вуза, либо по паролю через сайт университета. Примером университетского сайта, на котором все задания реализованы через LMS (Moodle), является сайт University College London.

Существуют LMS, ориентированные только на тестовые задания. Среди них наибольший интерес представляет проект WeBWorK, разработанный университетом Рочестера и базирующийся на коллекции задач Open Problem Library (OPL) и включающей на начало 2013 года более 25 тысяч задач по математике. Система WeBWorK используется в нескольких сотнях университетов (преимущественно в США, но и во многих других странах). Существуют ответвления этого проекта, под-

держивающие другие языки, в частности русский.

Принципиально иной подход был реализован университетом Северной Каролины: разработанный там сайт Webassign, предназначенный для текущего и модульного контроля по математике, физике и химии, стал доступен преподавателям других вузов непосредственно – без размещения ПО на их серверах. Этот сайт имеет, среди прочего, достаточно развитые возможности для ввода формул и графиков и специализируется на математике, физике и химии. Этот ресурс бесплатен для преподавателей, но является платным для студентов (хотя в ряде случаев плата включена в стоимость учебника). В настоящее время Webassign используют преподаватели нескольких сотен учебных заведений по всему миру, причём не только англоязычных [1].

Среди веб-ресурсов, специализирующихся на тестировании, следует отметить также ресурс Perdisco, использующийся в ряде университетов США, Канады, Австралии и Новой Зеландии и стран Азии (он специализируется на экономических науках, и из математики на нём присутствует только статистика и математические методы в экономике).

Системы WeBWorK, Webassign и Perdisco можно классифицировать как надвузовские системы дистанционного обучения. Как надвузовскую систему можно охарактеризовать и проект Connexions, базирующийся в Университете Райс (Хьюстон): он является динамическим репозиторием образовательных материалов с возможностями комментирования и рецензирования. В разделе математики на начало 2013 года находится почти 5 тысяч единиц хранения. Реализована поддержка не только английского языка, однако доля иноязычного контента крайне мала. Предполагается, что из мелких фрагментов учебного материала преподаватели могут собрать собственные учебные курсы (для уровня средней школы сходными ресурсами являются Lesson Planet и Curriki).

Примером межвузовской системы дистанционного обучения является британский ресурс MAGIC, обеспечивающий трансляции лекций по математике, проводимых в 20 университетах Великобритании, но только для IP-адресов университетов, входящих в ассоциацию.

Ещё одним примером межвузовской системы можно назвать ресурс «The Connected Curriculum Project» (CCP), реализованный Дюкским университетом (штат Северная Каролина) и университетом штата Монтана. Особенностью этого ресурса является использование учебных модулей, реализованных на основе популярных математических пакетов (Maple, Mathematica, а также Matcad и MatLab). Этот подход сочетает гибкость веб-страниц с развитыми возможностями систем компьютерной алгебры. Модули CCP находятся в свободном доступе и могут быть использованы для обучения в других вузах и для самообразования. В 90-е и начале 2000-х годов этот подход к дистанционному обучению математике рассматривался как весьма перспективный [4], но после прекращения финансирования в 2003 году проект был заморожен. Впрочем, подобные наборы модулей размещены и на сайтах других университетов,

обширная коллекция ссылок на них представлена на сайте Math Archives.

Национальные системы дистанционного обучения реализованы в нескольких десятках стран (в том числе и в СНГ: в Беларуси, Казахстане, Армении, Азербайджане), но крупнейшими из них являются китайская CORE (China Open Resources for Education) и индийская NPTEL (National Programme on Technology Enhanced Learning). Ванглоязычной системе NPTEL представлено более 70 курсов по математике, примерно для трети из них контент находится в свободном доступе. Среди региональных систем интерес представляет Виртуальный африканский университет AVU (avu.org) с трёхязычным контентом (английский, французский, португальский). Математических курсов на этом ресурсе пока немного, но они доступны и из-за пределов Африки (впрочем, без обратной связи в виде тестов и экзаменов).

В Европе крупнейшим поставщиком дистанционного обучения является британский Открытый университет (Open University). В нём занимаются около 200 тысяч студентов. Основными образовательными ресурсами университета являются OpenLearn, представляющий научно-популярные статьи, и LabSpace, где доступны систематические курсы с указанием количества часов на их обучение. Впрочем, среди нескольких десятков математических курсов, предлагаемых университетом, к высшей математике можно отнести всего один (на начало 2013 года) курс – по основам топологии. Ещё одним схожим по функциональности ресурсом является ALISON stands for «Advance Learning Interactive Systems Online», предоставляющий платные и бесплатные краткосрочные курсы с сертификацией (однако полностью бесплатное обучение затруднено показом рекламы между страницами). Уровень математических курсов здесь также ограничен элементарной математикой.

Не выходит за рамки элементарной математики и популярный некоммерческий проект Khan Academy, представляющей видеоролики для взрослых, не получивших достаточных знаний в школе (из 3,5 тысяч уроков более тысячи посвящено математике, преимущественно элементарной). Более основателен ресурс Academic Earth, на котором размещены несколько тысяч видеолекций из ряда ведущих университетов. В большинстве случаев эти лекции представляют собой целостные лекционные курсы, но не предполагают ни обратной связи, ни контрольных заданий.

Тенденцией последних лет стал перенос информационной среды из бумажных носителей в Интернет. Это коснулось и учебников математики, однако далеко не в полной мере. Считающаяся одной из наиболее обширных коллекция Джорджа Кейна включает всего 80 математических книг, размещение которых в Интернете было разрешено авторами и издателями. Не слишком много учебников по математике представлено в популярных каталогах открытых учебников: в Open Academic в 2013 году – 19 вузовских учебников по математике. В последние годы проявилась тенденция бесплатного предоставления учебников самими изда-

тельствами. Наиболее интересна коллекция издательства Bookboon – 44 учебника по математике в формате pdf. Аналогичный проект был реализован и на сайте издательства Flat World Knowledge, но в ноябре 2012 возможность бесплатного чтения учебников там была закрыта.

Попытку сбора разрозненной информации, полезной для дистанционного обучения, предпринял образовательный консорциум MERLOT (Multimedia Education Resource for Learning and Online Teaching), патронированный Фондом Карнеги и представляющий собой базу ссылок на разнообразные материалы: учебники, электронные учебники, презентации, видеокурсы, коллекции и т.п. В разделе математики на начало 2013 года имеется более 2,5 тысяч ссылок, из которых почти тысяча – на различные учебники и курсы. Ресурс весьма полезен в первую очередь для преподавателей математики, но недостаточно чёткая структурированность системы ссылок существенно усложняет поиск материалов. Концептуально близким аналогом MERLOT был британский ресурс Intute, организованный консорциумом из восьми вузов Великобритании и работавший с 2006 по 2011 год. В настоящее время финансирование и развитие этого проекта прекращено, но сайт проекта доступен до лета 2014 года. Ещё одна обширная коллекция ссылок на обучающие ресурсы собрана на сайте Мичиганского университета.

Важным информационным ресурсом является сайт Американской математической ассоциации (Mathematical Association of America, MAA). Он включает в себя библиотеку материалов MathDL, ориентированную на поддержку создания интерактивных учебных материалов по математике.

Весьма информативны популярные ресурсы корпорации Google: система поиска книг Scholar (в русской локализации – Академия) и система поиска контекста в книгах Book (в русской локализации – Книги), хотя они обычно ведут к ресурсам, не допускающим копирование, а часто даже ознакомление с полным текстом книги. Интерес представляет ресурс поиска свободных учебников Textbook Revolution, индексирующий в основном личные страницы авторов независимых (альтернативных) учебников. Нельзя не упомянуть развивающийся в рамках многоязычного портала Wikimedia проект Wikibooks (Викиучебник), который пока ещё не может рассматриваться как серьёзный ресурс, во всяком случае – в разделе «Математика» (даже в англоязычном сегменте большинство книг лишь намечены). Несколько более быстро прогрессирует другой проект портала Wikimedia – Wikiversity (Викиверситет), задуманный как один из базовых ресурсов открытого образования, но пока и он представляет интерес в основном как коллекция ссылок, в первую очередь – на основной проект портала Wikimedia – универсальную энциклопедию Wikipedia. Впрочем, информативность Википедии в части математики существенно уступает специализированным математическим энциклопедиям. В настоящее время таковых три (все на английском языке):

– MathWorld, разработанная компанией Wolfram

(известной главным образом порталом Wolfram Alpha и программным продуктом Mathematica);

– свободная математическая энциклопедия Planet Math, задуманная как альтернатива Math World (в 2000 году, когда сайт Math World был временно недоступен), но в среднем менее информативная;

– Encyclopaedia of Mathematics, построенная на основе бумажной энциклопедии, изданной Kluwer Academic Publishers в 2002 году.

Первыми (впрочем, неудачными) проектами, попытавшимися предоставить в интернете полноценные бесплатные курсы уровня ведущих вузов, были Fathom.com при Колумбийском университете, действовавший с 2000 по 2003 год, и AllLearn, проект Оксфордского, Стэнфордского и Йельского университетов, закрывшийся в 2006 году в связи с недостаточным количеством слушателей.

Наиболее успешной оказалась модель открытого обучения OpenCourseWare (OCW), которую реализовал Массачусетский технологический институт (MIT), начавший размещение курсов в интернете в 2002 году. Сейчас MIT – общепризнанный мировой лидер системы открытого образования. Он предоставляет более двух тысяч различных курсов вузовского и поствузовского уровней (часть курсов переведены на китайский, испанский, португальский, турецкий, корейский, персидский и тайский языки). На начало 2013 года доступно 134 математических курса: преимущественно в виде учебных комплектов, включающих в себя теоретический материал, задачи и их решения; для части курсов даны также видеолекции. Впрочем, для ряда курсов не вся необходимая для их освоения информация доступна онлайн: в некоторых случаях слушателю предлагается купить учебник через онлайн-магазин (amazon.com).

Вслед за MIT принципы OSW приняли более десяти вузов США, отдельные вузы Германии, Нидерландов, Японии, Китая, Индии, Бразилии и Мексики и т.д. Специально для Африки был запущен ресурс Students Circle Network; он имеет некоторую дополнительную функциональность, превращающую его в специализированную социальную сеть, но в плане контента неоригинален (в отличие от AVU): все математические курсы заимствованы у MIT.

Предполагается, что серьёзную конкуренцию курсам MIT уже в ближайшем будущем составит стартап Coursera, интегрировавший курсы 33 ведущих университетов мира (в основном на английском, но ряд курсов на французском языке). Учебные пакеты Coursera включают видеолекции с субтитрами (предусмотрена воз-

можность добавления пользовательских субтитров на других языках), текстовые конспекты лекций, домашние задания, тесты и итоговые экзамены. Доступ к курсам ограничен по времени; каждое домашнее задание или тест должно быть выполнено только в определённый временной промежуток. По окончании курса слушателю может высылаться сертификат об окончании. Платформа способна обеспечить до 50 тысяч слушателей на каждом курсе. Предполагается, что возможна монетизация через продажу сертификатов с брендом университета (сейчас сертификаты не содержат указаний об университете) либо за тестирование с подтверждением личности.

Популярным ресурсом открытого образования становится и проект Udacity, схема обучения в котором сходна с Coursera, но количество курсов пока ещё не столь велико.

На фоне успеха Coursera и Udacity в конце 2012 MIT Гарвардский университет запустили проект EdX, также предполагающий жёсткий временной контроль успеваемости и выдачу сертификатов. Уже в первые месяцы к проекту присоединились другие университеты. Единственный на начало 2013 года математический курс (статистика) был представлен университетом Беркли.

Ещё одним быстро развивающимся ресурсом свободного образования является проект Saylor, основанный крупным американским предпринимателем Майклом Сейлором. Этот ресурс базируется на специально написанных для него учебниках, доступных даже без записи на курс. По каждому курсу предусмотрена возможность сдачи экзамена и получения сертификата. На начало 2013 года представлено 26 курсов по математике, в основном вузовского уровня.

Можно отметить также проект обучения математической статистике, реализуемый располагающимся в Калифорнии Институтом цифровых исследований и образования (The Institute for Digital Research and Education).

Обобщая обзор, можно отметить, что уже сейчас любой, кто на достаточном уровне владеет английским языком и имеет доступ к интернету, может самостоятельно изучить высшую математику на уровне ведущих вузов. Очевидно, что в течение ближайших лет количество ресурсов дистанционного обучения будет расти, а их информативность и функциональность повышаться. При этом наиболее успешными окажутся именно те системы дистанционных курсов, в которых достаточное внимание уделено текущему контролю и реализована обратная связь между студентом и преподавателем.

Библиографический список (References)

1. Abramovitz B., Berezina M., Berman A., Shvartsman L. A Blended Learning Approach in Mathematics // Teaching Mathematics Online. Emergent Technologies and Methodologies – IGI Global, 2012. P. 22-42.
2. Bersin J. Enterprise Class Live E-Learning: What Works – URL: <http://www.bersin.com/blog/post/a-discussion-with-bob-dean2c-clo-of-granthornton.aspx>
3. Blair B.S. Babson research finds most institutions remain undecided about massive open online courses – URL: <http://www.babson.edu/News-Events/babson-news/Pages/130107-2012-survey-of-online-learning-results.aspx>
4. Fitchett S. Teaching with Duke's CCP Materials // Journal of Online Mathematics and its Applications – URL: <http://mathdl.maa.org/mathDL/4/?pa=content&sa=viewDocument&nodeId=440&bodyId=487>
5. Karrer T. Understanding E-Learning 2.0 – URL: <http://www.astd.org/Publications/Newsletters/Learning-Circuits/Learning-Circuits-Archives/2007/07/Understanding-E-Learning-20>

УДК 519.2 (072.8)

UDC 519.2 (072.8)

В.Д. СЕЛЮТИН

доктор педагогических наук, зав. кафедрой Орловского государственного университета
E-mail: selutin_v_d@mail.ru

Е.В. ЛЕБЕДЕВА

кандидат педагогических наук, доцент Орловского государственного университета
E-mail: lev0678@rambler.ru

V.D. SELYUTIN

doctor of Education, Chairman of a University Department, Orel State University
E-mail: selutin_v_d@mail.ru

Y.V. LEBEDEVA

candidate of Pedagogic Sciences, Assistant Professor, Orel State University
E-mail: lev0678@rambler.ru

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРИКЛАДНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КУРСА ТЕОРИИ ВЕРОЯТНОСТЕЙ И МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ

FORECASTING AS A MEANS OF APPLICATION-ORIENTED TEACHING OF PROBABILITY THEORY AND MATHEMATICAL STATISTICS COURSE

В статье говорится о целесообразности использования прогнозирования в качестве способа реализации прикладной направленности обучения будущих экономистов теории вероятностей и математической статистике, поскольку функции экономического прогнозирования напрямую связаны с основными этапами практического применения математики. Однако традиционно сложившееся содержание и последовательность изучения этой дисциплины становятся в некоторой степени помехой его осуществлению. Содержание курса теории вероятностей и математической статистики, изучаемое по традиционной методике, не согласуется с идеей прогнозирования. Студенты не осознают связи его с будущей профессиональной деятельностью и не могут воспользоваться полученными вероятностно-статистическими знаниями при анализе и прогнозировании экономических явлений, которые они изучают в специальных дисциплинах. С другой стороны, высокий прогностический потенциал вероятностного закона больших чисел дает возможность ввести многие понятия, отталкиваясь от их эмпирических прообразов. Поэтому изучение основных вероятностных понятий должно базироваться на статистических представлениях, которые составляют их эмпирическую основу. Это давало бы возможность реализовать прогностические функции взаимоотношения между рассматриваемыми теоретическими понятиями и соответствующими эмпирическими прототипами.

Ключевые слова: прогнозирование, теория вероятностей, математическая статистика, прикладная направленность, студенты-экономисты.

The article examines the forecasting technique and argues for its feasibility as a means to implement application-oriented instruction of the probability theory and mathematical statistics in the context of economics education at tertiary level since the functions of forecasting are directly connected to the basic stages of practical application of mathematics. However, to some degree traditional curriculum and instruction sequence hinder and interfere with the realization of this technique. The syllabus of the probability theory and mathematical statistics course pertains to traditional instructing methods, thus it does not conform to the ideas of forecasting instruction. Under the traditional syllabus students do not develop awareness of the connection between the forecasting technique and their future professional activity. As a result, they remain unable to apply their theoretical knowledge of probability and statistics while analyzing and forecasting economic phenomena that are studied by them during specialized courses. On the other hand, a high predictive potential of the probabilistic law of large numbers allows resorting to empirical preimages of various concepts while explaining them to students. That is why teaching of the basic probabilistic concepts should be based on the statistical representation constituting its empirical base. It would facilitate the realization of the prognostic correlation functions between theoretical concepts under consideration and their empirical preimages.

Keywords: forecasting, probability theory, mathematical statistics, application-oriented instruction, economics students.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки бакалавров «080100 Экономика» [9] предусматривает изучение курса «Теория вероятностей и математическая статистика», который способствует формированию у будущих

экономистов ряда общекультурных и профессиональных компетенций. Теория вероятностей рассматривает математические модели случайных явлений. Математическая статистика, изучающая методы обработки опытных данных с целью изучения закономерностей массовых случайных явлений, базируется на

теории вероятностей. Причем основные методы и приемы рассуждений в математической статистике остаются теми же самыми, что и в теории вероятностей. Задачи математической статистики являются обратными к задачам теории вероятностей. Если в теории вероятностей математическая модель случайного явления считается заданной, то в математической статистике, используя опытные данные, подыскивают приемлемую теоретико-вероятностную модель.

Поэтому освоение методов математической статистики невозможно без полноценного понимания теории вероятностей. Однако, как показано в ряде работ [6,10,11 и др.], изучение начальных понятий самой теории вероятностей нуждается в некотором запасе предварительно накопленных представлений. Вследствие этого большинство исследователей приходят к выводу, что прикладная направленность обучения является одним из основных требований построения курса теории вероятностей и математической статистики [3,6,10,11 и др.]. Однако реализация этого принципа в практике обучения студентов вузов не достигла должной степени воплощения. Поэтому именно теория вероятностей в наибольшей степени, по сравнению с другими разделами математики, тяжело воспринимается обучаемыми.

Многие понятия теории вероятностей выглядят искусственными и инородными по отношению как к самой математике, так и к жизни. Большинство студентов, в силу отсутствия предварительного жизненного статистического опыта и необходимых недетерминированных представлений, испытывают внутреннее психологическое отторжение изучаемого материала этой науки.

Положение усугубляется еще и тем, что в погоне за достижением высокого теоретико-математического уровня авторы многих современных учебников стремятся к изложению вероятностных моделей в чистом виде, спешно абстрагируясь от реальной действительности. Из-за идеализированного характера, неустойчивости как опорных образов мышления многие искусственно вводимые понятия теории вероятностей создают ассоциации неуверенности и вызывают ощущения «протеста».

Так, согласно нашим исследованиям 44,2% студентов факультета экономики и управления Орловского государственного университета назвали чрезмерную абстракцию основной причиной, которая затрудняет понимание изучаемого материала; около 13,3% студентов считают такой причиной объем материала и темп его изучения; 10,8% с недоверием относятся к научному предвидению случайных явлений; для 9,2% опрошенных студентов характер постановки заданий является помехой для проявления самостоятельных суждений; по мнению 8,3%, отстраненность от экономической тематики влечет потерю интереса к изучению дисциплины; 6,7% указывают на удаленность от специальных дисциплин; 5,8% не усматривают возможностей использования приобретаемых знаний для выявления экономических тенденций; 1,7% объясняют собственную пассивность, неподготовленность и невнимательность бесперспективностью практического применения изу-

чаемого материала.

При анализе вероятностно-статистической подготовки будущих экономистов выявилось, что серьезной помехой попыткам придания обучению прикладного характера служит продолжающийся отрыв от тематики управления устойчивым развитием экономических объектов и процессов, которое невозможно без объективной и вариативной оценки будущего. В изучении теории вероятностей и математической статистики не в полной мере задействованы механизмы мотивации, связанные с заинтересованностью студентов в овладении умениями планировать и прогнозировать экономические процессы.

Таким образом, возникает необходимость в поиске новых способов осуществления прикладной направленности обучения теории вероятностей и математической статистике с учетом специфики будущей экономической деятельности студентов, чтобы повысить познавательную мотивацию и сформировать прочные базовые знания, необходимые для освоения специальных дисциплин профессионального цикла.

1. Один из наиболее эффективных искомых способов, согласно выдвинутой нами гипотезе, состоит в использовании идей прогнозирования при изучении теории вероятностей и математической статистики.

Теоретическими изысканиями было показано, что широкое использование прогностических ситуаций является средством реализации прикладной направленности обучения будущих экономистов этой дисциплине.

Действительно, постановка прикладной задачи начинается с нематематической ситуации. Эти ситуации могут быть самого различного характера. Естественно, что студента интересуют ситуации, связанные с его будущей профессиональной деятельностью. В частности, студента-экономиста будут интересовать практические задачи, требующие экономических решений, среди которых много таких, где прогнозирование играет большую роль. В особенности экономическое прогнозирование, которое направлено на выяснение тенденций развития экономических явлений и поиск оптимальных путей достижения целей этого развития [5,7].

Процесс экономического прогнозирования предполагает использование статистических данных, выражающих свойства объектов в количественной форме. Статистические данные берутся из нематематической ситуации. Исходные статистические данные об исследуемом процессе и явлении представляют собой совокупность чисел, которую необходимо обработать средствами математики, чтобы выделить свойства изучаемого объекта, например, его средние характеристики, степень изменчивости, характер влияния некоторого фактора на этот объект.

Следовательно, при построении элементарных прогнозов требуются навыки решения прикладных статистических задач, состоящих в группировке и удобном представлении исходных экономико-статистических данных. Для этого необходимо определить некоторую статистическую совокупность, соответствующий ей

вариационный ряд и характеризующие его статистические показатели, т.е. провести этап формализации, заключающийся в переводе задачи о прогнозе на математический язык.

Решив задачу в рамках математической модели, нельзя получить прогностический вывод, если не перейти к истолкованию полученного математического результата на языке исходной ситуации. А это означает непереносимый переход к этапу интерпретации. К способам осуществления этапа интерпретации можно отнести оценку объекта прогнозирования, выявление альтернатив развития, оценку последствий принимаемых решений, накопление научного материала для обоснования выбора решения и т.п. При этом происходит принятие решения по проблемам рассматриваемой задачи.

Таким образом, прогнозирование позволяет соблюсти три этапа прикладной направленности обучения математике (формализации, внутримодельного решения, интерпретации), которые лежат в ее основе. Отсюда заключаем о возможности использования прогнозирования при обучении будущих экономистов теории вероятностей и математической статистике.

Предложенный способ соответствует требованиям к подготовке студентов, установленным федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования бакалавра по направлению подготовки «Экономика». Однако традиционно сложившееся содержание и последовательность изучения теории вероятностей и математической статистики становится в некоторой степени помехой его осуществлению. Студенты, изучившие формализованный курс теории вероятностей и математической статистики, не осознают ее связи с будущей профессиональной деятельностью и не могут воспользоваться полученными вероятностно-статистическими знаниями при анализе и прогнозировании экономических явлений, которые они изучают в специальных дисциплинах.

Исследование показало, что уровень знаний будущих экономистов о возможностях использования вероятностно-статистических методов при анализе и прогнозировании экономических явлений можно оценить как недостаточный. Лишь 38,3% опрошенных студентов-экономистов смогли привести пример, где используется понятие «вероятность события» при планировании и прогнозировании экономической деятельности. Хотя одним из первых определений теории вероятностей, с которым знакомятся студенты, является классическое определение вероятности события: «вероятностью события называют отношение числа случаев, благоприятствующих ему, к общему числу всех случаев, то есть $P(A) = \frac{m}{n}$ » [4]. Классическое определение вероятности базируется на гипотезе равновероятности исходов и не требует, чтобы испытания производились в действительности, но лишь небольшой спектр прогнозируемых ситуаций соответствует данной схеме. Данное определение рассматривает готовую математическую модель, отсеченную от этапов формализации и

интерпретации. Чтобы преодолеть недостаток классического определения вероятности, состоящий в том, что оно неприменимо к испытаниям с бесконечным числом исходов, вводят геометрическую вероятность. Но и геометрическое определение вероятности, так же как и классическое, рассматривает готовую математическую модель, тогда как в определении прогнозирования существенно, что прогнозирование понимается как процесс, содержащий момент моделирования [1].

Таким образом, как классическое, так и геометрическое определение вероятности не отвечает задачам прогнозирования, поскольку не осуществляются три этапа решения прикладных задач.

Указанного недостатка лишено так называемое статистическое определение вероятности события, которая по существу выступает здесь как результат прогнозирования относительной его частоты при увеличении числа опытов. Но дидактические функции этого определения оказываются малоэффективными из-за изолированности среди понятий внутримодельного характера.

Вслед за классическим и геометрическим определениями вероятности рассматривают теоремы сложения вероятностей несовместных событий

$$P\left(\sum_{i=1}^n A_i\right) = \sum_{i=1}^n P(A_i),$$

умножения вероятностей $P(A \cdot B) = P(A) \cdot P_A(B)$

и сложения вероятностей двух совместных событий $P(A + B) = P(A) + P(B) - P(A \cdot B)$.

Данные теоремы используют уже известные вероятности, неизвестно откуда взятые, – все это представляет собой оперирование внутри математических моделей. Вновь приходим к тому, что отсутствуют этапы перевода практической задачи на математический язык и истолкования результата, выполнение которых необходимо для осуществления прогнозирования как способа реализации прикладной направленности.

Следствием двух основных теорем теории вероятностей – теорем сложения и умножения вероятностей – являются формула полной вероятности

$$P(A) = \sum_{i=1}^n P(B_i) \cdot P_{B_i}(A) \text{ и формула Байеса}$$

$$P_A(B_k) = \frac{P(B_k) \cdot P_{B_k}(A)}{\sum_{i=1}^n P(B_i) \cdot P_{B_i}(A)},$$

где $k=1,2,3,\dots,n$. Эти формулы также ведут подсчет на основе заданных, неизвестно откуда взятых вероятностей, а это есть оперирование внутри математической модели. Таким образом, отсутствие этапа формализации не позволяет осуществлять прогнозирование. Однако результат, полученный в процессе вычисления вероятности по формуле Байеса, содержит в себе некоторые прогностические функции, поскольку значение формулы состоит в том, что при наступлении события, то есть по мере получения новой информации, мы можем проверять и корректировать выдвинутые до испытания гипотезы (прогнозы). Такой подход, называемый байе-

совским, дает возможность корректировать управленческие решения в экономике.

Традиционно после теоремы Байеса переходят к схеме испытаний Бернулли и непосредственно формуле Бернулли $P_n(k) = C_n^k \cdot p^k \cdot q^{n-k}$, которая намного упрощает путь решения задач, когда опыты повторяются независимо друг от друга и вероятность интересующего нас события не меняется. Если число испытаний велико, то для нахождения вероятностей целесообразно применять формулы Муавра-Лапласа и Пуассона. Но формулы Бернулли, Муавра-Лапласа и Пуассона также предполагают использование уже известных вероятностей, происхождение которых не объясняется. И нам по-прежнему приходится искать решение внутри математических моделей. Сопоставляя процесс изложения теории вероятностей с сущностью прогнозирования, приходим к выводу, что такой подход изложения вероятностного материала не согласуется с идеей прогнозирования, поскольку при таком подходе не соблюдается принцип прикладной направленности.

Одними из важнейших понятий теории вероятностей являются понятие случайной величины и ее числовых характеристик. Первостепенная числовая характеристика случайной величины – это ее математическое ожидание. Анкетирование показало, что 55,8% студентов-экономистов затруднились привести пример конкретного предположения о результате экономической деятельности, использующего термин «математическое ожидание». Обратимся к определению математического ожидания. «Математическим ожиданием дискретной случайной величины, имеющей конечное число возможных значений, называется сумма произведений всех ее значений на соответствующие им

вероятности, то есть $M(X) = \sum_{i=1}^n x_i p_i$ » [4]. Как видно из приведенного определения и его аналитического выражения, для нахождения математического ожидания студент должен выполнить определенную последовательность вычислительных действий. При этом итоговый результат таких вычислений не имеет ярко выраженного вероятностного смысла.

«Математическим ожиданием непрерывной случайной величины, возможные значения которой принадлежат отрезку $[a, b]$, называется определенный интеграл $\int_a^b x \cdot f(x) dx$, то есть $M(X) = \int_a^b x \cdot f(x) dx$ » [4].

Из этого определения видно, что нахождение математического ожидания непрерывной случайной величины также требует выполнить последовательность математических действий, но уже связанных с вычислением определенного интеграла. Как в первом, так и во втором случаях, обучение теории вероятностей превращается в процесс закрепления навыков математических вычислений, то есть к рутинной вычислительной работе. Студентам становится непонятным, почему число, получаемое в результате этих вычислений, названо «ожиданием». Не ясно, в чем состоит это «ожидание».

Получается, что этот термин по смыслу не соответствует формуле, по которой находится характеристика, им обозначенная. Хотя в самом слове «ожидание» заложен смысл прогноза, то есть предположение о возможном (ожидаемом) среднем значении случайной величины.

Таким образом, определение математического ожидания никак не связано с его названием и является, в сущности, готовой математической моделью, отделенной от процесса формализации и истолкования получаемого результата. При таком подходе оно не несёт в себе никаких прогностических функций, хотя в названии этой характеристики случайной величины заложен смысл прогноза. Эти определения для дискретной и непрерывной случайных величин не позволяют в соответствии с принципом прикладной направленности связать математическое ожидание с прогнозированием. Но если привлечь к рассмотрению общепрогностический смысл известной теоремы Чебышева [2], то появляется возможность введения понятия математического ожидания в ходе мысленного прогнозирования его эмпирического прообраза – выборочного среднего.

Рассмотрим понятие функции распределения вероятностей случайной величины. «Функцией распределения называют функцию $F(x)$, определяющую вероятность того, что случайная величина X в результате испытания примет значение, меньшее x , то есть $F(x) = P(X < x)$ » [2].

Функция распределения вероятностей $F(x)$ служит для описания закона распределения случайной величины X , но воспринимается студентами как чисто детерминированный математический объект, им не понятна почва возникновения указанного понятия. В действительности эта функция не случайная, к тому же из-за отрыва от практических потребностей она кажется студентам обыкновенной функцией от одного переменного. Получается, что функция распределения вероятностей случайной величины мало чем отличается от тех, которые рассматриваются в математическом анализе. Остается не понятным, почему рассматриваются вероятности события $X < x$.

Мы вновь столкнулись с тем, что и понятие функции распределения вероятностей случайной величины выступает в качестве готовой математической модели. При таком формальном подходе наблюдается несогласованность с идеей прогнозирования, так как при этом не соблюдается принцип прикладной направленности обучения. С другой стороны, высокий прогностический потенциал вероятностного закона больших чисел дает возможность ввести понятие графика функции распределения, отталкиваясь от его эмпирического прообраза, – линии накопленных частот.

Задание непрерывной случайной величины с помощью функции распределения вероятностей не является единственным. Непрерывная случайная величина может быть задана через плотность вероятности. «Плотностью распределения вероятностей непрерывной случайной величины X называют функцию $f(x)$ – первую производную от функции распределения $F(x)$: $f(x) = F'(x)$ » [2].

Такая форма вводимого понятия является упро-

щенной, что не может быть признано математически корректным. Более строгим является следующая формулировка:

«Случайная величина $\mathcal{X}$ называется непрерывной (абсолютно непрерывной), если существует неотрицательная функция $f(x)$, такая, что функция распределения вероятностей $F(x)$ может быть представлена в виде $F(x) = \int_{-\infty}^x f(t)dt$. При этом функция $f(x)$ называется плотностью распределения вероятностей случайной величины $\mathcal{X}$ »[8].

Как видно из приведенных определений и их аналитических выражений, для нахождения плотности вероятности случайной величины студенту приходится выполнять определенную последовательность математических действий. Они направлены на процесс дифференцирования функции распределения вероятностей, но поскольку она воспринимается студентами обыкновенной функцией от одного переменного, то процесс сводится к обычному нахождению производной функции от одного переменного. Так процесс обучения превращается в деятельность, направленную на закрепление навыков осуществления математических операций, при которой обучаемые не видят никакого вероятностного смысла. Происходит отрыв от той почвы, из которой вырастает данное понятие.

Таким образом, плотность вероятности служит лишь для математического решения задачи, результат которой представлен на математическом языке. При таком подходе понятие плотности вероятности находится в отрыве от этапов создания математической модели изучаемой исходной ситуации и интерпретации полученного решения, то есть не несет в себе никаких прогностических функций, следовательно, не позволяет осуществлять прогнозирование.

С другой стороны, формирование представления о графике плотности распределения вероятностей как теоретически ожидаемой конфигурации гистограммы давало бы возможность реализовать прогностические функции взаимоотношения между рассматриваемым теоретическим понятием и его эмпирическим прообразом.

В число основных характеристик совместного распределения двух случайных величин, наряду с математическим ожиданием и дисперсией каждой из них, включается коэффициент корреляции. Коэффициент корреляции выступает в качестве оценки степени зависимости для двух разных случайных величин при их совместном рассмотрении.

Изучению вопроса о коэффициенте корреляции в студенческой аудитории предшествует введение понятия о корреляционном моменте.

«Корреляционным моментом μ_{xy} случайных величин $\mathcal{X}$ и $\mathcal{Y}$ называют математическое ожидание произведения отклонений этих величин:

$$\mu_{xy} = M\{[\mathcal{X} - M(\mathcal{X})] \cdot [\mathcal{Y} - M(\mathcal{Y})]\} \gg [2].$$

На базе определения корреляционного момента

дают определение коэффициента корреляции следующим образом:

«Коэффициентом корреляции r_{xy} случайных величин $\mathcal{X}$ и $\mathcal{Y}$ называют отношение корреляционного момента к произведению средних квадратических отклонений этих величин: $r_{xy} = \frac{\mu_{xy}}{\sigma_x \sigma_y}$ »[2].

Как видно из последнего определения, коэффициент корреляции выражается через математическое ожидание, которое в свою очередь представлено математической формулой.

Таким образом, обращаясь к понятию коэффициента корреляции, мы снова сталкиваемся с математическими формулами, и весь процесс нахождения его значения сводится к вычислительным процедурам. Поскольку формулы достаточно громоздки, то нахождение коэффициента корреляции сводится к долгому вычислительному процессу, в котором рассчитываются математические ожидания, средние квадратические отклонения случайных величин и только потом коэффициент корреляции.

В результате таких вычислений получают безразмерную величину, которая может принимать значения в интервале от -1 до 1 включительно, причем эта величина не несет в себе какого-либо явного вероятностного содержания и служит лишь для формального использования. Таким образом, нахождение коэффициента корреляции является только математическим решением задачи, результат которой представлен также на математическом языке. При таком подходе это понятие находится в отрыве от этапа построения модели, хотя и применяется формально на этапе интерпретации результата: показывая степень тесноты взаимосвязи случайных величин, коэффициент корреляции позволяет строить предположение о том, какая из величин в дальнейшем будет оказывать наиболее сильное влияние на исследуемую величину.

В целом же такой подход не позволяет установить взаимодействия между коэффициентом корреляции и задачами прогнозирования. Альтернативой ему может служить предварительное рассмотрение эмпирического коэффициента корреляции, который дает информацию о характере и силе связи между признаками.

В основе теории вероятностей лежит утверждение о том, что изучаемые случайные явления подчинены определенным закономерностям. Зависимость между случайными событиями проявляется в том, что условная вероятность одного из них при наступлении другого отличается от безусловной вероятности. Аналогично влияние одной случайной величины на другую характеризуется условными распределениями первой при фиксированных значениях второй. Так, для каждого значения x случайной величины $\mathcal{X}$ рассматривают условное математическое ожидание $M_x(\mathcal{Y}) = y(x)$ случайной величины $\mathcal{Y}$, при этом $y(x)$ называется функцией регрессии $\mathcal{Y}$ по $\mathcal{X}$. Рассмотрим определение функции регрессии: «Условное математическое ожидание случайной величины $\mathcal{Y}$ при $\mathcal{X} = x$, то есть $M_x(\mathcal{Y})$,

есть функция от x , называемая функцией регрессии или просто регрессией Y по X , аналогично $M_x(Y)$ называется функцией регрессии или просто регрессией, X по Y . Графики этих функций называются соответственно линиями регрессии (или кривыми регрессии) Y по X и X по Y [4].

Видим, что функция регрессии понимается как условное математическое ожидание случайной величины, а «условным математическим ожиданием дискретной случайной величины Y при $X = x$ называют произведение возможных значений на их условные ве-

роятности: $M_x(Y) = \sum_{i=1}^m y_i \cdot p_x(y_i)$ » [4].

Как видно из приведенного определения и его аналитического выражения, нахождение условного математического ожидания сводится к цепочке алгоритмических действий, причем итоговый результат таких вычислений не несет в себе вероятностного смысла. Процесс обучения теории вероятностей превращается в деятельность, направленную на закрепление навыков математических вычислений.

Студентам по-прежнему непонятно, почему число, получаемое в результате этих вычислений, названо «ожиданием», но благодаря сочетанию со словом «условное» они приходят к мысли об условности в названии. Вновь термин по смыслу не соответствует формуле, по которой находится характеристика, им обозначенная. С другой стороны, в слове «ожидание» заложен смысл прогноза, который переносится и на понятие функции регрессии.

Таким образом, определение условного математического ожидания никак не связано с его названием и является, в сущности, готовой математической моделью, отделенной от этапов формализации и истолкования. Оно не несет в себе никаких прогностических функций, хотя в самом названии этой характеристики случайной величины заложен смысл прогноза. Следовательно, автоматически и определение функции регрессии не несет в себе никаких прогностических функций. Это определение не позволяет, как это должно быть при осуществлении прикладной направленности, связать функцию регрессии с прогнозированием. Между тем, интуитивное понимание сущности закона больших чисел, формируемое при знакомстве с его экспериментальными проявлениями, позволило бы рассматривать функцию регрессии как результат прогнозирования ломанных средних.

Анкетный опрос студентов второго и третьего курсов факультета экономики и управления Орловского государственного университета показал, что в среднем 71 % из опрошенных студентов не смогли привести больше одного примера экономических показателей,

значения которых характеризуются случайной величиной, и дать экономическую интерпретацию основных вероятностно-статистических понятий. Сравнительные данные ответов на вопросы анкеты можно видеть на рисунке 1.

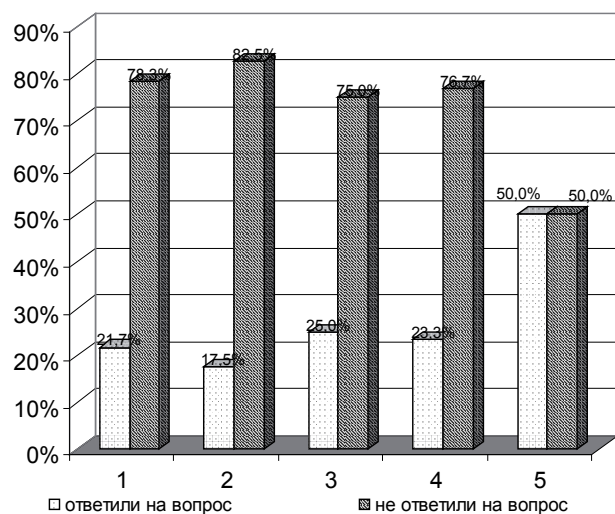

Рис. 1. Использование вероятностно-статистических методов при анализе и прогнозировании экономических явлений.

Общий уровень подготовки студентов, прошедших изучение теории вероятностей и математической статистики по традиционной методике, низок, и они не готовы к использованию полученных знаний в своей будущей профессиональной деятельности, одной из важных сторон которой являются умения планировать и прогнозировать экономические процессы.

Таким образом, ряд понятий теории вероятностей и математической статистики, изучаемых по традиционной методике, не согласуется с идеей прогнозирования как способа осуществления прикладной направленности.

Если рассматривать процесс закрепления изученных вероятностных понятий и методов, то в традиционном изложении отсутствует процесс математического моделирования экономических ситуаций прогностического характера, а он необходим, поскольку при этом осуществляются все этапы решения прикладных задач: от постановки цели на языке прогнозирования, через выбор вероятностно-статистических средств ее достижения и получения математического результата, к истолкованию его в терминах построения прогноза.

Таким образом, возникает необходимость в разработке содержания, методов и средств изучения теории вероятностей и математической статистики на основе прогнозирования. Изучение основных вероятностных понятий и теорем на базе прогностического подхода должно опираться на статистические представления, которые составляют их эмпирическую основу.

Библиографический список

1. Афанасьев В.Н., Юзбашев М.М. Анализ временных рядов и прогнозирование/ Учебник. М.: Финансы и статистика, 2001. 228с.
2. Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика. Учеб.пособие для вузов. М.: Высш.шк., 2000. 479с.
3. Евдокимова Г.С. Теория и практика обучения стохастике при подготовке преподавателей математики в университете:

дис. ... докт. пед. наук. М., 2001. 415с.

4. *Кремер Н.Ш.* Теория вероятностей и математическая статистика. Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2004. 573с.
5. *Нанивская В.Г., Андропова И.В.* Теория экономического прогнозирования / Учебное пособие. Тюмень: ТюмГНГУ, 2000. 98с.
6. *Панина Н.В.* Профессиональная направленность курса теории вероятностей в экономическом вузе/ Образование и общество. 2000. №6. С.78-79.
7. *Парсаданов Г.А., Егоров В.В.* Прогнозирование национальной экономики / Учебник. М., Высш.Шк., 2002. 304с.
8. *Пугачёв В.С.* Теория вероятностей и математическая статистика. М.: Наука, 1979. 496с.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. 080100 Экономика (квалификация (степень) «бакалавр») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edu.ru>.
10. *Фирсов В.В.* Некоторые проблемы обучения теории вероятностей как прикладной дисциплине: дис. ... канд. пед. наук. М., 1974. 161с.
11. *Щербатых С.В.* Случайность вокруг нас (учебно-методический комплекс элективного курса): учебно-методическое пособие. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005. 158с.

References

1. *Afanasiev V.N., Yuzbashev M.M.* Time-series analysis and forecasting/ Coursebook/ Moscow: Finances and statistics, 2001. 228p.
 2. *Gmurman V.E.* Probability theory and mathematical statistics. Student training manual. Moscow: Vysshaya Shkola, 2000. 479p.
 3. *Yevdokimova G.S.* Theory and practice of stochastics instruction of mathematics teachers at tertiary level: Doctoral thesis in pedagogic sciences: 13.00.02 / Yevdokimova Galina S. – Moscow, 2001. 415p.
 4. *Kremer N.Sh.* Probability theory and mathematical statistics. Tertiary coursebook. Moscow: Unity - DANA, 2004. – 573p.
 5. *Nanivskaya V.G., Andronova I.V.* Theory of economic forecasting / Teaching manual. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University, 2000. – 98p.
 6. *Panina N.V.* Professional orientation of the probability theory course at university of economics/ Education and society.- 2000.- №6. P.78-79.
 7. *Parsadanov G.A., Egorov V.V.* Forecasting of national economy / Coursebook. Moscow: Vysshaya Shkola, 2002. – 304p.
 8. *Pugachev V.S.* Probability theory and mathematical statistics. Moscow: Nauka, 1979. –496 p.
 9. Federal State Educational Standard of Higher Professional Education. 080100 Economics (qualification (degree) “bachelor of science” [URL]. – Access mode: <http://www.edu.ru>.
 10. *Firsov V.V.* Some problems of teaching the probability theory as an applied course: Ph.D. thesis in pedagogic sciences: 13.00.02 / Firsov Victor V. – Moscow, 1974. –161 p.
 11. *Scherbatyh S.V.* Randomness around us (teaching materials of an elective course): student training manual. Yelets: Yelets State University of Bunin, 2005. –158 p.
-
-

УДК 797.215

UDC 797.215

Е.В. СОРОКИНА

старший преподаватель кафедры теории и методики
физического воспитания Орловского государственного
университета
E-mail: linariss@mail.ru

Л.А. СЫСОВЕВА

кандидат биологических наук, доцент, зав. кафедрой
теории и методики физического воспитания Орловско-
го государственного университета
E-mail: linariss@mail.ru

E.V. SOROKINA

senior lecturer, Department of theory and methodology of
physical education, Orel State University
E-mail: linariss@mail.ru

L.A. SYSOEVA

PhD in Biology, associate professor, chif of Department of
theory and methodology of physical education, Orel State
University
E-mail: linariss@mail.ru

МЕТОДИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНТРОЛЯ ТАКТИЧЕСКОЙ, ТЕХНИЧЕСКОЙ, ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СПОРТСМЕНОК-ОРИЕНТИРОВЩИЦ

METHODICS OF IMPROVING OF TACTICAL, TECHNICAL, PHYSICAL CONTROL FOR WOMEN-ATHLETES IN SPORT-ORIENTEERING

Спортивное ориентирование как вид спорта характеризуется быстрой сменой тактических ситуаций, большой физической нагрузкой, высокой эмоциональной насыщенностью. Поэтому комплексная оценка показателей памяти, оперативного мышления и физической подготовленности спортсменок-ориентировщиц позволяет определять уровень подготовленности спортсменок, а также способствует дальнейшему оптимальному планированию величины и интенсивности тренировочной нагрузки.

Ключевые слова: спортивное ориентирование, контрольный пункт, оперативное мышление, тактическая задача, физическая подготовленность.

Orienteering as a sport, is characterized by a rapid succession of tactical situations, a lot of physical stress, high emotional excitement, that's why a comprehensive evaluation memory indices, operational thinking and physical fitness of women athletes in orienteering, allows to determine the level of training of athletes, as well as contributes to the further planning of the optimal amount and intensity of training.

Keywords: orienteering, checkpoint, operational thinking, tactical objective, physical fitness.

Современное спортивное ориентирование как вид спорта характеризуется быстрой сменой тактических ситуаций, большой физической нагрузкой, высокой эмоциональной насыщенностью. В процессе спортивной подготовки к психике спортсмена предъявляются повышенные требования, так как процессы мышления протекают, обычно, в условиях жесткого дефицита времени. Мышление спортсмена имеет наглядно-действенный характер, его внимание максимально сосредоточено на заранее определенной деятельности, а сам он находится в состоянии наивысшей готовности к различным возникающим ситуациям. В процессе соревновательной и тренировочной деятельности спортсмену необходимо воспринимать и перерабатывать получаемую информацию, оценивать складывающуюся обстановку, предугадывать возможные изменения, принимать оптимальные решения в каждом отдельном случае на фоне интенсивной и неоднородной по мощности физической нагрузки. [1,3,4]

В спортивном ориентировании результат зависит от скорости преодоления значительной по протяженности дистанции в условиях пересеченной и залесенной местности, что сопоставимо по нагрузке с лыжными гонка-

ми и биатлоном, и точности решения определенных умственных задач по ориентированию на местности, что сопоставимо с умственной нагрузкой в шахматах и шашках [6].

Соревновательная деятельность в ориентировании протекает в экстремальных условиях и основывается, прежде всего, на способности к решению сложных оперативных задач. Оперативная деятельность спортсменов-ориентировщиков на дистанции выражается в технико- тактических действиях.

Решение тактических задач основывается на восприятии и переработке информации, сенсомоторном реагировании и интеллектуальных операциях, характеризующих оперативное мышление [2,5].

В настоящее время сложилось объективное противоречие между существующими традиционными методами подготовки в спортивном ориентировании и недостаточной научно-методической разработанностью новых методов подготовки с целью оптимизации тренировочного процесса в условиях требований современного спортивного ориентирования.

Нами была разработана методика контроля тактической, технической, физической подготовленности.

Дистанция разбита на 5 участков, на каждом участке местности находилось по три контрольных пункта в условных местах под номерами, обозначенными цифрами, которые указаны на карте.

Перед стартом со спортсменками-ориентировщиками проводился инструктаж, на котором они знакомились с технической информацией о дистанции, техникой безопасности в процессе бега по маршруту, с правами и обязанностями участников. В процессе проведения инструктажа начальник дистанции обращал внимание на ознакомление с легендами контрольных пунктов. Каждой спортсменке на старте выдается карта с дистанцией с впечатанными на ней легендами контрольных пунктов и карточка для отметки.

На каждом участке находились судьи, которые контролировали время пребывания спортсменки на участке дистанции.

Задача спортсменки-ориентировщицы – на каждом участке по знакам легенды найти максимальное количество контрольных пунктов, которые указаны в информации, за 3 минуты. По истечении 3 минут спортсменка обязана покинуть участок дистанции и двигаться дальше по маршруту к следующему участку вплоть до финиша всего маршрута от первого контрольного пункта до пятого.

На протяжении всей дистанции спортсменка-ориентировщица должна пробежать 5 участков дистанции. Если спортсменка собрала 15, 14, 13, 10, 8 флажков, она соответственно получает: 5,4,3,2,1 балл.

Память оценивалась по пятибалльной шкале: 5,4,3,2,1 балл.

Уровень физической подготовленности оценивается у спортсменок-ориентировщиц как по времени бега от одного участка до другого, так и по времени бега всей дистанции.

Оперативное мышление оценивается по трёхбалльной шкале на каждом участке. Если спортсменка-ориентировщица нашла 3,2,1 флажка, то она

соответственно получает: 3,2,1 балл.

При проверке эффективности методики совершенствования контроля тактической, технической, физической подготовленности спортсменок-ориентировщиц были получены следующие результаты показателей сравнительного педагогического эксперимента экспериментальной и контрольной групп.

Показатели вероятности правильного запоминания девушками маршрута бега по дистанции, времени преодоления каждого участка маршрута, показатели вероятности правильного принятия решения на участке, времени поиска призм на участке, после проведения пяти учебно-тренировочных мезоциклов ниже представлены в таблицах 1,2,3.

После проведения первого учебно-тренировочного мезоцикла у испытуемых экспериментальной группы средний показатель вероятности точного запоминания маршрута бега по дистанции недостоверно улучшилась на 13,3% ($P > 0,05$), среднее время по группе преодоления маршрута недостоверно улучшилось на 5,1 %, ($P > 0,05$), средний показатель по группе правильного принятия решения на каждом участке дистанции недостоверно улучшился на 6,1% ($P > 0,05$), среднее по группе время оперативного мышления поиска элементов содержания заданий на отдельных участках достоверно улучшилось на 6,2 % ($P > 0,05$), средний показатель вероятности принятия правильного решения недостоверно улучшился на 10,3% ($P > 0,05$) и соответственно составил: $0,68 \pm 0,15$; $37,27 \pm 0,39$; $1,72 \pm 0,43$; $1,46 \pm 0,24$; $2,25 \pm 0,46$.

У испытуемых экспериментальной группы после проведения второго учебно-тренировочного мезоцикла средний показатель вероятности точного запоминания маршрута бега по дистанции недостоверно улучшился на 7,4% ($P > 0,05$), среднее время по группе преодоления маршрута недостоверно улучшилось на 10,4 %, ($P > 0,05$), средний показатель по группе правильного принятия решения на каждом участке дистанции не-

Таблица 1.

Показатели оценки памяти, оперативного мышления и физической подготовленности спортсменок-ориентировщиц контрольной и экспериментальной групп, (n=22)

Мезо циклы	Экспериментальная группа					Контрольная группа				
	ВПЗМ	ВПИМ	ВППУ	ВОМ	ВППРД	ВПЗМ	ВПИМ	ВППЧ	ВОМ	ВППРД
	Σ/x	Σ/x	Σ/x	Σ/x	Σ/x	Σ/x	Σ/x	Σ/x	Σ/x	Σ/x
№	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
до	0,60 $\pm 0,15$	39,28 $\pm 0,41$	1,62 $\pm 0,41$	1,53 $\pm 0,28$	2,04 $\pm 0,46$	0,58 $\pm 0,16$	39,02 $\pm 0,41$	1,60 $\pm 0,41$	1,54 $\pm 0,27$	2,04 $\pm 0,46$
1	0,68 $\pm 0,15$	37,27 $\pm 0,39$	1,72 $\pm 0,43$	1,46 $\pm 0,24$	2,25 $\pm 0,46$	-	-	-	-	
2	0,73 $\pm 0,14$	33,34 $\pm 0,37$	1,92 $\pm 0,39$	1,44 $\pm 0,22$	2,56 $\pm 0,68$	-	-	-	-	
3	0,80 $\pm 0,12$	30,27 $\pm 0,27$	2,16 $\pm 0,41$	1,36 $\pm 0,22$	3,00 $\pm 0,86$	-	-	-	-	
4	0,87 $\pm 0,10$	26,40 $\pm 0,29$	2,38 $\pm 0,29$	1,31 $\pm 0,14$	3,24 $\pm 0,44$	-	-	-	-	
5	0,91 $\pm 0,08$	22,24 $\pm 0,29$	2,72 $\pm 0,15$	1,26 $\pm 0,14$	3,81 $\pm 0,87$	0,77 $\pm 0,13$	28,12 $\pm 0,29$	2,14 $\pm 0,40$	1,36 $\pm 0,21$	3,00 $\pm 0,86$

достоверно улучшился на 11,6% ($P > 0,05$), среднее по группе время оперативного мышления поиска элементов содержания заданий на отдельных участках достоверно улучшилось на 1,9 % ($P > 0,05$), средний показатель вероятности принятия правильного решения недостоверно улучшился на 13,7% ($P > 0,05$) и соответственно составил: $0,73 \pm 0,14$; $33,34 \pm 0,37$; $1,92 \pm 0,39$; $1,44 \pm 0,22$; $2,56 \pm 0,68$.

После проведения третьего учебно-тренировочного мезоцикла у испытуемых экспериментальной группы средний показатель вероятности точного запоминания маршрута бега по дистанции недостоверно улучшился на 9,6% ($P > 0,05$), среднее время по группе преодоления маршрута недостоверно улучшилось на 9,3 %, ($P > 0,05$), средний показатель по группе правильного принятия решения на каждом участке дистанции недостоверно улучшился на 12,5% ($P > 0,05$), среднее по группе время оперативного мышления поиска элементов содержания заданий на отдельных участках достоверно улучшилось на 7,7 % ($P > 0,05$), средний показатель вероятности принятия правильного решения недостоверно улучшился на 17,2% ($P > 0,05$) и соответственно составил: $0,80 \pm 0,12$; $30,27 \pm 0,37$; $2,16 \pm 0,41$; $1,36 \pm 0,22$; $3,00 \pm 0,86$.

У испытуемых экспериментальной группы после проведения четвертого учебно-тренировочного мезоцикла средний показатель вероятности точного запоминания маршрута бега по дистанции недостоверно улучшился на 8,8% ($P > 0,05$), среднее время по группе преодоления маршрута недостоверно улучшилось на 12,4 %, ($P > 0,05$), средний показатель по группе правильного принятия решения на каждом участке дистанции недостоверно улучшился на 10,1% ($P > 0,05$), среднее по группе время оперативного мышления поиска элементов содержания заданий на отдельных участках достоверно улучшилось на 5,2 % ($P > 0,05$), средний показатель вероятности принятия правильного решения недостоверно улучшился на 8% ($P > 0,05$) и соот-

ветственно составил: $0,87 \pm 0,10$; $26,40 \pm 0,29$; $2,38 \pm 0,29$; $1,31 \pm 0,14$; $3,24 \pm 0,44$.

После проведения пятого учебно-тренировочного мезоцикла у испытуемых экспериментальной группы средний показатель вероятности точного запоминания маршрута бега по дистанции недостоверно улучшился на 4,6% ($P > 0,05$), среднее время по группе преодоления маршрута недостоверно улучшилось на 16 %, ($P > 0,05$), средний показатель по группе правильного принятия решения на каждом участке дистанции недостоверно улучшился на 14,3% ($P > 0,05$), среднее по группе время оперативного мышления поиска элементов содержания заданий на отдельных участках достоверно улучшилось на 5,5 % ($P > 0,05$), средний показатель вероятности принятия правильного решения недостоверно улучшился на 17,6% ($P > 0,05$) и соответственно составил: $0,91 \pm 0,08$; $22,24 \pm 0,29$; $2,72 \pm 0,15$; $1,26 \pm 0,14$; $3,81 \pm 0,87$.

Показатели оценки памяти, оперативного мышления и физической подготовленности спортсменов-ориентировщиков контрольной и экспериментальной групп до и после проведения педагогического эксперимента представлены в таблице 2.

Анализ таблиц показывает, что при сравнении показателей оценки памяти, оперативного мышления и физической подготовленности спортсменов-ориентировщиков в экспериментальной группе до и после проведения педагогического эксперимента, достоверно улучшились: средний показатель вероятности точного запоминания маршрута бега по дистанции на 51,5% ($P < 0,05$), среднее время по группе преодоления маршрута на 43,2 %, ($P < 0,05$), средний показатель по группе правильного принятия решения на каждом участке дистанции на 67,9% ($P < 0,05$), среднее по группе время оперативного мышления поиска элементов содержания заданий на отдельных участках на 23,9% ($P < 0,05$), средний показатель вероятности принятия правильного решения на 86,8% ($P < 0,05$).

Таблица 2.

Показатели оценки памяти, оперативного мышления и физической подготовленности спортсменов-ориентировщиков контрольной и экспериментальной группы в сравнительном педагогическом эксперименте

Группа	Показатели	До эксперимента	После эксперимента	Прирост		Различия	
				Абсолют.	%	t	P
Экспериментальная	ВПЗМ	$0,60 \pm 0,15$	$0,91 \pm 0,08$	0,31	51,6	2,62	$< 0,05$
	ВПИМ	$39,28 \pm 0,41$	$22,24 \pm 0,29$	17,12	43,2	6,12	$< 0,05$
	ВППУ	$1,62 \pm 0,41$	$2,72 \pm 0,15$	0,90	67,9	2,58	$< 0,05$
	ВОМ	$1,53 \pm 0,28$	$1,26 \pm 0,14$	0,27	23,9	9,7	$< 0,05$
	ВППРД	$2,04 \pm 0,46$	$3,81 \pm 0,87$	1,77	86,8	5,56	$< 0,05$
Контрольная	ВПЗМ	$0,58 \pm 0,16$	$0,77 \pm 0,13$	0,19	32,8	1,03	$> 0,05$
	ВПИМ	$39,02 \pm 0,41$	$28,12 \pm 0,29$	11,16	27,9	3,32	$< 0,05$
	ВППУ	$1,60 \pm 0,41$	$2,14 \pm 0,40$	0,54	33,8	1,02	$> 0,05$
	ВОМ	$1,54 \pm 0,27$	$1,36 \pm 0,21$	0,18	12,8	6,65	$< 0,05$
	ВППРД	$2,04 \pm 0,46$	$3,00 \pm 0,86$	0,96	68	3,10	$< 0,05$

В контрольной группе результаты оценки памяти, оперативного мышления и физической подготовленности спортсменов-ориентировщиков также улучшились, но с наименьшим приростом показателя. Средний показатель вероятности точного запоминания маршрута бега по дистанции недостоверно улучшился на 32,8% ($P > 0,05$), среднее время по группе преодоления маршрута достоверно улучшилось на 27,9 %, ($P < 0,05$), средний показатель по группе правильного принятия решения на каждом участке дистанции недостоверно улучшился на 33,8% ($P > 0,05$), среднее по группе время оперативного мышления поиска элементов содержания заданий на отдельных участках достоверно улучшилось на 12,8% ($P < 0,05$), средний показатель вероятности принятия правильного решения улучшился на 68% ($P < 0,05$).

Данные результаты говорят нам о том, что разработанная нами методика совершенствования физической и тактической подготовки спортсменов-ориентировщиков положительно влияет на выполнение тестового задания.

Показатели оценки памяти, оперативного мышления и физической подготовленности спортсменов-ориентировщиков контрольной и экспериментальной группы после проведения пятого учебно-тренировочного мезоцикла в экспериментальной и контрольной группе представлены в таблице 3.

При сравнении результатов оценки памяти, оперативного мышления и физической подготовленности спортсменов-ориентировщиков пятого учебно-тренировочного мезоцикла в контрольной и экспериментальной группе выявилась достоверность прироста результатов среднего показателя вероятности точного запоминания маршрута бега по дистанции на 15,4% ($P < 0,05$), среднего времени по группе преодоления маршрута на 26,4%, ($P < 0,05$), среднего по группе время оперативного мышления поиска элементов содержания заданий на отдельных участках на 7,9% ($P < 0,05$), среднего показателя вероятности принятия пра-

вильного решения на дистанции на 21%,3 ($P < 0,05$).

Выявлена эффективность методики совершенствования контроля функциональной, физической, технической и тактической подготовленности испытуемых экспериментальной и контрольной группы в сравнительном педагогическом эксперименте. Анализ результатов оценки памяти, оперативного мышления и физической подготовленности спортсменов-ориентировщиков после пятого учебно-тренировочного мезоцикла в контрольной и экспериментальной группе, выявил достоверный прирост результатов среднего показателя вероятности точного запоминания маршрута бега по дистанции на 15,4% ($P < 0,05$), среднего времени по группе преодоления маршрута на 26,4 %, ($P < 0,05$), среднего по группе время оперативного мышления поиска элементов содержания заданий на отдельных участках на 7,9 % ($P < 0,05$), среднего показателя вероятности принятия правильного решения на дистанции на 21%,3 ($P < 0,05$).

Таблица 3.

Показатели оценки памяти, оперативного мышления и физической подготовленности спортсменов-ориентировщиков экспериментальной и контрольной групп после проведения педагогического эксперимента

Участ-ки	Экс-ая группа (сент.) x	Конт-ая группа (сент.) x	Различия			
			абсолют.	%	t	P
ВПЗМ	0,91±0,08	0,77±0,13	0,14	15,4	2,82	<0,05
ВПМ	22,24±0,29	28,12±0,29	5,48	26,4	2,9	<0,05
ВППУ	2,72±0,15	2,14±0,40	0,13	21,3	1,39	>0,05
ВОМ	1,26±0,14	1,36±0,21	0,10	7,9	3,3	<0,05
ВППРД	3,81±0,87	3,00±0,86	0,81	21,3	2,2	<0,05

Библиографический список

1. Васильев Н.Д. Подготовка спортсменов-ориентировщиков высокой квалификации: Учебное пособие. Волгоград: ВГИФК, 1984. 84 с
2. Воронов Ю.С. Факторная структура специальной подготовленности спортсменов-ориентировщиков высокой квалификации// Сб. науч. тр. молодых ученых /Под ред. В.В. Ермакова. Смоленск : СГИФК, 1996.-Вып.3. С. 18 – 20.
3. Казанцев С.А. Системное психологическое описание деятельности в спортивном ориентировании// Азимут. 2002. № 6. С. 56 – 59.
4. Лосев А.С. Тренировка ориентировщиков-разрядников. М.: Физкультура и спорт, 1984. С. 80.
5. Чешихина В.В. Исследование особенностей соревновательной деятельности квалифицированных спортсменов-ориентировщиков// Информационный вестник спортивного ориентирования. 1992. № 5-6. С. 35 – 41
6. Чешихина В.В. Современная система подготовки в спортивном ориентировании : [Моногр.] / В.В. Чешихина. М.: Сов. спорт, 2006. 231 с

References

1. Vasiliev N.D. Training athletes - orienteers qualifications : the manual. Volgograd VGIFK , 1984 . 84
2. Voronov Y.S. The factor structure of the special training of athletes - orienteers qualifications / / Proc. Scientific . tr. Young Scientists / E.d. V.V. Ermakova - Smolensk SGIFK , 1996 , Issue 3. - P. 18 - 20.
3. Kazantsev S.A. Systematic psychological description of the activities in orientation / / Azimuth . 2002 . № 6. P. 56 - 59.
4. Losev A.S. Training orienteers - arresters . Moscow: Physical Culture and Sports , 1984 . - P. 80 .
5. Cheshihina V.V. Investigation of the features of competitive activities of qualified athletes - orienteering // Information Bulletin orienteering . - 1992 . - № 5-6. - P. 35 – 41
6. Cheshihina V.V. The modern system of training in orientation [monograph.] / V.V. Cheshihina. - Moscow: Sov. Sport , 2006. - 231

УДК 378.1

UDC 378.1

В.Н. СОРОКОУМОВА

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета
E-mail: sorokoumov57@mail.ru

V.N. SOROKOUMOVA

doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Department of theory and methods of teaching Russian language and literature, Orel state University
E-mail: sorokoumov57@mail.ru

**ПЕРЕХОД ОТ МАССОВО-РЕПРОДУКТИВНЫХ ФОРМ И МЕТОДОВ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВУЗЕ
К ИНДИВИДУАЛЬНО-ТВОРЧЕСКИМ НА ПРИМЕРЕ РАЗРАБОТКИ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ
МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ**

**THE TRANSITION FROM MASS-REPRODUCTION OF FORMS AND METHODS OF TRAINING SPECIALISTS
IN THE UNIVERSITY TO THE INDIVIDUAL-CREATIVE METHODS BY THE EXAMPLE OF THE DEVELOPMENT
OF COGNITIVE-COMMUNICATIVE METHODOLOGY OF TEACHING OF STUDENTS-PHILOLOGISTS**

Анализ многих явлений вузовского учебного процесса требует необходимости конструктивного решения проблемы объединения когнитивных (познавательных) и коммуникативных (речевых) компетенций с целью сделать процесс становления будущего специалиста (учителя русского языка или филолога-преподавателя) более качественным, отвечающим требованиям к уровню специальной подготовки выпускников вузов, способных решать профессиональные задачи.

Ключевые слова: подготовка специалиста в университете, профессиональная задача, когнитивные и коммуникативные компетенции, качество профессиональной подготовки, методы обучения.

The analysis of many phenomena of university teaching process requires the need of constructive solution combining cognitive (cognitive) and communication (verbal) skills in order to make the process of becoming future professionals (teachers of Russian philologist or teacher) of better quality, meeting the requirements to the level of special training graduates able to solve professional problems.

Keywords: training specialist at the university, professional tasks, cognitive and communicative competence, the quality of training, teaching methods.

Причиной моего интереса к методике высшей школы послужил поиск ответов на вопросы, которые я, будучи молодым преподавателем кафедры, задавала себе всякий раз, когда во время практических и семинарских занятий сталкивалась с тем, что мои студенты не могут правильно выстроить свою речь. Почему при индивидуальном опросе студентов преподаватель не слышит от них точного, логичного изложения уже знакомого им материала? Редко кто из них способен преподнести материал так, чтобы он стал понятным всем присутствующим в аудитории. Почему из года в год преподаватели сталкиваются с одним и тем же явлением: умение студента грамотно и красиво говорить совсем не предполагает умения говорить по существу (что характерно не только для устной речи, но и для письменной, свидетельством тому – рефераты, курсовые и дипломные работы)? Почему во время педагогической практики наши студенты испытывают трудности в определении стиля и содержания общения с учащимися? И это не просто вопросы, требующие рассмотрения частных случаев преподавательской практики! За каждым из этих вопросов кроется отдельное явление целой системы современного образования, включая школу и вуз: реализация коммуникативной и когнитивной направленности обучения школьников (и не только на уроках родному языку);

диагностика контингента, поступающего в университет, на предмет сформированности коммуникативных и когнитивных компетенций; составление и разработка программ и методик обучения различных групп студентов, различающихся степенью сформированности этих коммуникативных и когнитивных компетенций и т.д.

Анализ этих и многих других явлений вузовского учебного процесса подвёл нас к выводу о необходимости конструктивного решения проблемы объединения когнитивных (познавательных) и коммуникативных (речевых) компетенций с целью сделать процесс становления будущего специалиста (учителя русского языка или филолога-преподавателя) более качественным, не затрачивая на это больше времени, чем заложено в учебном плане факультета, и не меняя содержания предмета «Теория и методика обучения русскому языку», определённого Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования.

Таким образом, возникла необходимость пересмотра процесса формирования профессионально-педагогических компетенций будущих учителей в соответствии с возрастающими требованиями к уровню специальной подготовки выпускников вузов, сменой общеобразовательных парадигм, фиксирующих переход от массово-репродуктивных форм и методов

преподавания к индивидуально-творческим, подготовкой будущих специалистов к профессиональному, компетентному вхождению в современный рынок труда с прочно сформированными потребностями в постоянном профессиональном самообразовании и саморазвитии. Высокий уровень современной профессиональной подготовки специалиста должен характеризоваться развитой способностью к решению профессиональных задач, т.е. развитым профессиональным мышлением и сознанием.

Развитие когнитивных и коммуникативных компетенций у студентов-филологов, приобретаемых в процессе изучения дисциплин методического цикла, существенным образом влияет на формирование профессиональных навыков будущих учителей русского языка. Поэтому необходимо не только уточнить цели вузовского курса методики преподавания русского языка, но и методы, организацию процесса её изучения.

Специфика подготовки будущего специалиста к педагогической деятельности состоит в том, что студент после окончания университета сразу становится самостоятельным организатором учебно-воспитательного процесса, должен выполнять все функции учителя-предметника. Отсюда ясно, что содержание и характер знаний, получаемых студентом во время обучения в вузе, должны соответствовать уровню профессиональных знаний и умений учителя-мастера, обеспечивать качественную подготовку будущих педагогов к самостоятельной профессиональной деятельности.

Задачей профессионально-педагогической подготовки студентов является вооружение их основами теории в области методики преподавания русского языка и школьной практики, представляющими собой результат дидактической переработки методической науки для ее изложения в вузе («перевод» науки в учебный предмет в вузе).

В современной теории методики преподавания русского языка система профессиональных знаний учителя рассматривается исходя, во-первых, из функций самой науки и, во-вторых, из структуры профессиональной деятельности учителя. Это взаимосвязь методологических, научно-теоретических и практических знаний, сочетание научно-теоретических и конструктивно-технических, или нормативных, регулирующих деятельность учителя, знаний, содержательных и операциональных знаний, единство фундаментальных и инструментальных знаний, теоретических и практических знаний.

Таким образом, отмечается двоякая направленность, двоякое назначение системы знаний учителя русского языка — как когнитивно-коммуникативного фундамента профессиональной деятельности и как непосредственного инструмента практических действий. Владение системой методических знаний помогает учителю успешно выполнять все свои профессиональные функции преподавателя. Реализуя эту функцию, он выполняет различные конкретные виды своей профессионально-педагогической деятельности. Для этого ему необходимо знание методологических основ

науки, теории обучения (дидактики), теории и методики обучения русскому языку. Таким образом, система знаний в области методики преподавания русского языка, которыми должен овладеть будущий учитель, может рассматриваться как *единство трёх подсистем*, самостоятельно существующих и в то же время органически взаимосвязанных и взаимообусловленных: знание основ методологии, знание основ дидактики, знание теории и методики обучения русскому языку.

Эта система профессионально-педагогических знаний создаст основу для владения учителем механизмами будущей деятельности, ее содержательной и операциональной сторонами. Отражая эти стороны педагогической деятельности, рассматриваемая система представляет собой единство знаний о сущности и содержании педагогической деятельности, с одной стороны, и о научно обоснованных способах ее организации — с другой. Одни виды знаний непосредственно включаются в практическую деятельность, другие — опосредованно.

В структуре знаний в области методики обучения русскому языку можно выделить ряд компонентов: 1) знание фундаментальных идей, концепций, законов и закономерностей развития педагогических явлений: органическая взаимосвязь целей, содержания форм и методов организации учебного процесса; комплексный подход к обучению школьников; учет закономерностей возрастного и индивидуального развития детей; 2) знание ведущих теорий, основных категорий и понятий: категории и понятия в области методики преподавания русского языка отражают в обобщенном виде профессионально-педагогическую действительность, выражают наиболее существенные признаки педагогических явлений; 3) знание основополагающих педагогических фактов: составляющих неотъемлемую часть содержания любого *педагогического опыта* и педагогической практики вообще и являющихся связующим звеном между теорией и практикой. Эти факты отражают основные наиболее типичные тенденции и закономерности развития школы.

Раскрывая сущность педагогического факта, следует рассматривать три его стороны: во-первых, различать эмпирический факт, объективно и реально существующий в опыте, и научный факт, факт методической науки, отражающий определенные связи и отношения реально существующих явлений; во-вторых, учитывать специфику факта как единицы научного знания и факта как основы усвоения теории; в-третьих, раскрывать взаимосвязь между теорией и фактами.

Анализ фактов, установление между ними причинно-следственных связей, их обобщение способствуют выявлению сущности того или иного явления.

Таким образом, методические знания, полученные студентом-филологом во время обучения в университете, являются теоретической и общеметодологической основой эффективной деятельности учителя. В то же время знание законов, понятий, фактов в области методики преподавания русского языка является средством и условием формирования их педагогического

мышления, профессионализма. Все это обуславливает актуальность вооружения студентов-филологов всей системой знаний как одной из ведущих задач их подготовки в вузе.

Знания студентов в области методики преподавания русского языка реализуются в их практической деятельности, поэтому они органически связаны с лингвopsихолого-педагогическими умениями. Практические умения студентов-филологов являются формой функционирования их теоретических знаний.

Понятийно-деятельностное пространство, обеспечивающее профессиональный рост студентов-филологов, являет собой систему взаимосвязанных компонентов. Основные из них представлены наглядно в следующей схеме, которая отражает взаимодействие этих компонентов в реальном учебно-воспитательном процессе. Системно-блоковое представление об особенностях учебного процесса в вузе, об основных целях профессионально-методической подготовки в вузе даёт основание для более объективного выделения основных профессионально-методических знаний, необходимых для формирования профессиональных компетенций.

Мы выделили следующие группы профессионально-педагогических взаимосвязанных компетенций, необходимых для осуществления важнейших профессиональных функций учителя русского языка.

1. *Когнитивные компетенции*, направленные на поиск и переработку профессиональной информации, когда задействуются различные познавательные процессы – память, психологические аспекты языка и речи, восприятие, решение задач, мышление, внимание, воображение, познавательное развитие в области методики преподавания русского языка.

2. *Коммуникативные компетенции*, направленные на формирование профессионально-педагогической речи учителя (владение живым словом; умение убеждать; владение различными приемами устного изложения, техника речи).

Вместе с тем в деятельности учителя русского языка имеются «сквозные» интегральные компетенции, которые являются составными частями всех указанных выше групп. Сюда относятся организационные, диагностические, когнитивные и коммуникативные умения.

Организационные компетенции требуются для выполнения всех функций учителя и включают в себя умение организовать деятельность учащихся и свою деятельность (проектирование учебно-воспитательной работы с учащимися, распределение объектов работы, проведение контроля, учета и оценки деятельности и др.). Диагностические умения представляют собой умения организовывать констатирующий срез, позволяющий судить об уровне сформированности умений и навыков обучающихся.

Когнитивно-коммуникативный подход: в преподавании вузовский методист должен учитывать и сложную систему понятийно-деятельностного пространства, и иерархическую систему профессионально-педагогических компетенций. В связи с этим преподавание методики русского языка должно быть

представлено сегодня как изложение целостной теории, включающей в себя общую теорию, различные аспекты изучения учебного процесса, новые технологии методики обучения русскому языку, которые развивают познавательные способности будущего учителя-словесника и его профессионально-педагогическую речь.

Показателями системности профессионально-педагогических умений являются: качество действий, степень их корреляции с теоретическими знаниями; степень самостоятельности в творческой практической деятельности; уровень интереса к педагогической деятельности. Системность знаний и умений является интегральным показателем, который отражает единство овладения содержательно-процессуальной и мотивационно-ценностной сторонами педагогической деятельности, взаимосвязь знаний и умений (знания – теоретическая основа умений, умения – форма функционирования знаний); она соединяет в себе и другие характеристики качества знаний и умений (полнота, осознанность, прочность, действенность); отражает динамичность и творческий характер знаний и умений (их применение в разнообразных условиях); показывает единство и взаимосвязь познавательной и практической деятельности студентов (в процессе которых формируются профессионально-педагогические знания и умения) и характер этой деятельности. Формирование знаний и умений осуществляется в процессе реализации всех четырёх подходов когнитивно-коммуникативной методики: профессионально-когнитивного, профессионально-коммуникативного, профессионально-деятельностного и профессионально-личностно-ориентированного. Качество знаний и умений находится в прямой зависимости от особенностей организации подготовки специалиста.

Когнитивно-коммуникативная методика подготовки специалистов осуществляется за счёт комплексного использования различных подходов к обучению, которые и определяют специфику формируемых компетенций, избираемых приёмов и способов организации учебного процесса, учебного материала.

Формирование методических понятий – это длительный и многосторонний процесс. Будущие учителя овладевают основными понятиями как на уровне их описания и объяснения в процессе учебных занятий по педагогическим дисциплинам, так и на уровне оперирования ими в процессе педагогической практики.

Структурирование учебного материала предполагает установление связи педагогической теории и педагогической практики, правильного соотношения теории и фактов.

Анализ контрольных работ позволяет сделать вывод о том, что педагогический факт в вузовском учебном процессе играет двоякую роль: во-первых, является иллюстрацией к теоретическим положениям; во-вторых, является источником для теоретических выводов, средством обоснования теоретических положений, закономерностей, отправным моментом в их раскрытии. Будущим учителям русского языка (экспериментальная группа) использование фактов помогает, с одной сторо-

ны, раскрыть сущность теоретических положений, делая их доказательными, убедительными, конкретными, а с другой — повышает эффективность усвоения закономерностей, принципов, понятий. Усвоение теории без опоры на конкретные факты порождает у студентов (контрольная группа) формализм в знаниях, приводит к отрыву их от практики, к механическому усвоению. Владение значительным объемом фактов помогает студентам, с одной стороны, глубже и прочнее усвоить теорию, а с другой — познать новые факты, применить теорию через организацию педагогического процесса.

Вместе с тем восприятие и описание студентами педагогических фактов нередко осуществляется лишь на уровне эмоционального отношения и оценочных суждений типа «хорошо – плохо», «подходит – не подходит». Например, в контрольных группах студенты вместо аргументированного обоснования ограничиваются лишь оценочными суждениями и утверждениями: «Такое расположение упражнений во время первичного закрепления будет способствовать развитию у пятиклассников орфографических навыков», или «Такая последовательность наиболее удачна», или «Все эти упражнения хорошо подобраны» и т.д.

На каждой ступени обучения в отношении каждой группы студентов ставится ведущая целевая задача (развитие когнитивных и коммуникативных умений согласно тому методическому материалу, который изучается в данный момент), которая, в свою очередь, постепенно усложняется и развивается. Именно этим можно объяснить тот факт, что изначально сильные студенты университетских групп показывают более низкие результаты, чем студенты учительских специальностей: отсутствие в Государственном стандарте филологов-преподавателей и учебном плане курса «Методика преподавания русского языка» не позволяет этим студентам дать в полной мере представление о методической системе, и всё-таки результат довольно высокий, достигается он за счёт использования при обучении методов развития когнитивных компетенций, что, безусловно, способствует осознанному восприятию теоретического материала.

Анализ результатов показателей развития коммуникативных компетенций позволяет сделать вывод о том, что формирование профессиональной речи – процесс длительный, требующий постоянной практики. В данной работе студенту необходимо было представить «свою» (о самостоятельности выводов можно говорить лишь условно, так как задания контрольной работы требовали освещения «классических» подходов методики преподавания русскому языку в средних общеобразовательных учебных заведениях) точку зрения на педагогические явления, представленные в теоретическом лекционном материале. Интересно соотношение результатов, полученных в учительских группах и университетских: уровень овладения качеством устной речи у филологов-преподавателей выше, чем у учителей, что объясняется более высоким уровнем лингвистической подготовки филологов-преподавателей. Но как только мы подходим к анализу студенческих работ с позиции

методики преподавания русского языка, умение точнее распознавать учебную ситуацию и в связи с этим определять речь педагога демонстрируют будущие учителя.

Анализ показателей коммуникативных компетенций, сформированных в процессе второй ступени обучения студентов, позволяет сделать вывод о значительном отставании контрольных групп от экспериментальных. Процент отставания в среднем составляет 18%, по сравнению с первой ступенью обучения – в 10%. Такая разница ещё раз доказывает эффективность предложенной методики. Обращает на себя внимание и тот факт, что при более высоких показателях коммуникативных умений у филологов-преподавателей в констатирующем срезе речевые показатели учителей на этой ступени развития ничем не отличаются от показателей филологов-преподавателей.

Большое значение в процессе обучения профессионально-педагогической речи имеет образец высказывания (который в необходимых случаях демонстрирует преподаватель) и анализ этого образца с точки зрения его связности, цельности, интонационного оформления. В аналогичных целях при экспериментальном обучении мы используем анализ параграфа школьного учебника, при этом также выделяются его смысловые части, шрифтовые способы выделения основной и дополнительной информации, способы указания на порядок изложения, способы введения иллюстративного материала, наличие и характер пояснений к примерам (краткое разъяснение с помощью вопроса; развернутое объяснение примера).

Например, учебный процесс требует от практиканта уже не просто умения повторить вслед за учителем школы /преподавателем вуза/ объяснение, он должен уметь воспроизводить ход мысли, логику рассуждений преподавателя. И здесь практикант экспериментальной группы в большей степени стремится передать учащимся свои знания, помочь усвоить их. Поэтому он довольно умело обращается к примерам, записанным на доске, использует средства графической наглядности, выделяет голосом основные положения, повторяет их и т.д.

Его речь приобретает более естественную, чем при обычном устном ответе, окраску. Надо отметить, что такие устные выступления студентов, к сожалению, редко звучат во время аудиторных занятий. Между тем их значение для развития внимания к профессионально-педагогической речи студентов очевидно. Во время опытного обучения у студента сформировалась способность ориентироваться в обстановке «я и аудитория (класс)», что характерно для ситуации публичной речи вообще и для профессионально-педагогической в частности.

При пересказе текста параграфа школьного учебника (в ситуации контрольной группы) студент либо сохраняет, либо изменяет последовательность изложения материала учебника, приводит свои примеры и объясняет их. Это запрограммированная учебником речь учителя. А в ситуации с практикантами, прошедшими курс опытного обучения, мы видим довольно высокий уро-

вень восприимчивости методического текста, умение его интерпретировать. Студент анализирует изученный материал, отбирает необходимое, систематизирует его.

В некоторых случаях развернутые устные высказывания студентов-филологов экспериментальных групп обладают основными признаками текста: они представляют тематическое, смысловое, стилевое единство, имеют (или могут иметь) заголовок; характеризуются завершенностью относительно заголовка, отражающего тему высказывания. Рассматриваемые устные высказывания представляют также некое структурное единство, в котором его части соотнесены и функционально значимы и где большую роль играет интонация (в широком смысле этого слова). С ее помощью текст высказывания расчленялся, с одной стороны, на смысловые части, с другой – выражалась связанность, соотнесённость частей (компонентов) высказывания.

В развернутых выступлениях в значительно большей мере проявляется степень владения языком методической науки. Если считать, что в высказываниях научно-учебной разновидности стиля речи индивидуально-творческое начало ослаблено, так как по законам этого стиля студенты опытного обучения воспроизводят формулировки определений и правил, пользуясь при этом принятыми в науке обозначениями понятий и стандартизированными средствами выражения мысли. Студенты демонстрируют умение отвечать на вопросы, сформулированные дискуссионно или требующие самостоятельных поисков (например: докажите, что существительные в отличие от имен прилагательных не изменяются по родам и т.д.).

Сравнивая уровни сформированных умений по годам, приходим к следующим выводам:

1. когнитивно-коммуникативная методика формирования профессиональных навыков всегда даёт результат более высокий по сравнению с традиционной методикой;

2. студенты экспериментальных групп более осмысленно по сравнению со студентами контрольных групп усваивают сущность методических процессов;

3. студенты экспериментальных групп более точно классифицируют учебно-речевую ситуацию в соответствии с основными дидактическими задачами по сравнению со студентами контрольных групп;

4. в экспериментальных группах уровень коммуникативных компетенций не опускается ниже когнитивных, что свидетельствует о сформированности профессионально-педагогической речи, помогающей достаточно правильно организовать учебно-практическую деятельность школьников; в контрольных группах наблюдается отставание развития когнитивных компетенций от коммуникативных, что свидетельствует о недостаточном развитии познавательных способностей студентов, об их неумении ориентироваться в профессионально-педагогическом информационном пространстве с целью его использования при обучении школьников русскому языку;

5. после увеличения количества дисциплин методического цикла в учебном плане филологов-преподавателей, когда их количество приблизилось к количеству предметов учебного плана учителей специальностей, резко возрос уровень профессионально-педагогических навыков филологов-преподавателей, он даже превысил показатели студентов учителей специальностей. Прочные связи между циклом лингвистических дисциплин и методическим циклом, устанавливаемые благодаря междисциплинарной интеграции, реализация подходов обучения, поэтапность когнитивно-коммуникативной методики, система методов обучения способствуют развитию более высокого уровня формирования профессионально-педагогических навыков студентов-филологов.

Таким образом, в результате применения когнитивно-коммуникативной методики обучения студентов-филологов осуществляется целенаправленный подбор фактов, глубокий всесторонний анализ условий, определивших возникновение факта, раскрываются методические идеи и закономерности, обусловившие конкретное проявление явлений учебного процесса, формулируются обобщенные теоретические положения. Подбор тех или иных фактов к занятию обусловлен содержанием учебного материала, изучаемого на занятии, и содержанием самих отбираемых фактов. Основными требованиями к содержанию фактов, критериями их отбора являются точность и достоверность, конкретность, жизненность и типичность, новизна, убедительность; максимальное соответствие теме и содержанию материала; наиболее полное отражение сущности рассматриваемого явления. Конкретность, образность факта делают его более доступным, убедительным, усиливают его эмоциональное воздействие, повышают интерес к материалу. Привлечение студентов к анализу и сравнению фактов помогает им актуализировать теоретические знания, применять их на практике, активизирует мыслительную деятельность, способствует развитию когнитивных компетенций. Студент начинает осознавать собственный когнитивный стиль приобретения информации.

Основными направлениями установления интеграционных связей между предметами методического цикла и психолого-педагогическими и лингвистическими дисциплинами, а также методикой обучения литературе являются следующие: обеспечение преемственности в развитии знаний, в формировании понятий, умений и навыков; единство в интерпретации понятий, общих для психолого-педагогических и методических дисциплин, лингвистических и методических дисциплин, методики русского языка и методики литературы; осуществление единого подхода к формированию педагогических и методических, а также методических и лингвистических умений и навыков, систематизация и обобщение знаний, приобретаемых в процессе изучения отдельного цикла дисциплин и всех циклов филологического образования; с одной стороны, устранение дублирования в изучении одних и тех же вопросов,

проблем, тем в преподавании различных дисциплин, а с другой – расширение и углубление этих вопросов, проблем, тем с точки зрения специфики их использования в процессе обучения школьников родному языку; формирование у студентов педагогического мышления, выработка умения подходить к изучению учебного процесса с научной точки зрения, рассматривать их во взаимосвязи, устанавливать причины явлений и их следствия; анализ педагогических фактов и явлений с точки зрения психологии, педагогики, дидактики, лингвистики и методики преподавания русского языка.

Необходимость интенсификации учебного процесса по методике русского языка, т. е. достижения более

эффективного решения задач занятий за сравнительно небольшое количество времени, потребовало установления педагогически целесообразного соотношения различных форм учебных занятий, чтобы было устранено ненужное дублирование учебного материала, преодолен формализм в преподавании методики.

В заключение мы хотим обратить внимание на перспективность данной темы исследования, поскольку задача формирования профессионально-педагогических навыков стоит перед вузовскими преподавателями, которые готовят школьных учителей по разным дисциплинам.

УДК 792

В.Н. ТОРГАШОВ

доцент кафедры театрального творчества и экранных искусств Орловского государственного института искусств и культуры
E-mail: torgashovvn@yandex.ru

UDC 792

V. N. TORGASHOV

assistant professor of the Chair Theater and Cinema Arts of the Orel State Institute of Arts and Culture
E-Mail: torgashovvn@yandex.ru

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ СЦЕНИЧЕСКОЙ ПЛАСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ СПЕКТАКЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЭТИКЕТА И СТИЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ)

PLASTICS ANALYSIS IN THE MODERN DRAMATIC PERFORMANCE (BASED ON THE HISTORICAL ETIQUETTE AND STYLISTIC BEHAVIOR)

В пластическую культуру актера и режиссера входит знание этикета и быта исторических эпох, а также умение пользоваться историческим костюмом, отдельными его частями (плащ, платье, цилиндр и др.), и предметами обихода – тростью, шпагой, веером и др. Всё это заложено в дисциплинах движеньеского цикла «Фехтование» и «Этикет и стиливое поведение», призванных совершенствовать природные свойства актёра, улучшить качества аппарата воплощения сценического исполнителя: изящество пластики, жеста и осанки.

Изящество и привлекательность артиста – помощники на пути к сценическому успеху. С этой точки зрения актёрская пластичность и выразительность представляются условиями не менее важными, чем талант и образование, ибо они имеют большое влияние на зрителя.

Ключевые слова: сценическая пластика, пластическая культура актера, сценический исполнитель, исторический этикет, стиливое поведение, дисциплины движеньеского цикла, основы сценического движения, выразительные средства сценической пластики, диапазон двигательных возможностей, перевоплощение, качества аппарата воплощения, внешняя техника исполнителя.

The plastic culture of an actor or director includes the competence of etiquette and knowledge of way of life, as well as the ability of wearing of historical suit and its individual parts (cape, dress, hat etc.), as well as the everyday handling with household things (cane, sword, fan etc.) All this is inherent into the teaching course of moving cycle «Fencing» and «Etiquette and Style Behavior» aimed to improve the common properties of the actor and his embodiment and scenic qualities: plastics finesse, gesture or posture.

Elegance and attractiveness of the actor are the guarantee on his way to stage success. From this perspective the actor's plasticity and expressiveness are seemed to be an important condition than talent and education itself, because they impress much the spectators.

Keywords: scenic plastics, plastic culture of the actor, stage performer, historical etiquette, stylistic behavior, disciplines of the movement cycle, fundamentals of stage movement, expressive means of scenic plastics, the range of motor abilities, reincarnation, quality of the embodiment, external performing technique.

Стилевое поведение в драматическом спектакле. Термин введен в обращение И.Э. Кохом, профессором Ленинградского театрального института, для определения сценической пластики, воспроизводящей внешние формы поведения, свойственные людям той или иной исторической эпохи. Историческая конкретность изображения объекта искусства – одно из требований реализма как художественного метода; стиливое поведение, по сути, есть историческая конкретность пластики в реалистическом театре; при этом термин содержит оттенок соотнесенности не только с реалиями исторического быта, но и с художественным стилем изображаемой эпохи. Стиливое поведение есть качественный признак сценической пластики артиста. Часто видят потребность стиливой пластической выразительности преимущественно в спектакле историческом – спектакле плаща и шпаги, что крайне неверно и ограничено.

В сценической практике стиливое поведение и этикетные действия являются средствами создания пластической характеристики образа. Правилами этикета диктуются манеры, то есть способы поведения, соответствующие этикету. Поэтому манеры есть не что иное, как внешние формы проявления определенного образа жизни, свойственного представителям конкретного общественного слоя в конкретный исторический момент.

В случае, когда актёру необходимо воплощаться в исторический образ, то техникой своего персонажа он обязан владеть предельно свободно, выполняя приёмы так же легко, как это сделал бы его герой. Однако непосредственно в основной творческой деятельности актёра – в работе над ролью – все происходит более сложно, чем кажется на первый взгляд. Каждая роль – это не только постижение содержания всего драматургического произведения, но и детальный поиск характерных особенностей изображаемого персонажа, новых пластических форм исполнения. У каждого сценического образа свой неповторимый человеческий характер и своя особая манера: ходить, говорить, жестикулировать. Каждый образ – в то же время и носитель человеческих черт, и типичный представитель определенной общественной среды.

Для овладения мастерством актёра возникает потребность изучать и тренировать всевозможные сценические навыки, способствующие творческому воспроизведению на сцене жизни создаваемого образа. Актёрам необходим тренинг с охватом материала по широкой программе независимо от текущего репертуара. Тренинг актёра должен носить систематический характер. Доведенное в свое время до уровня навыка исполнение приема, при отсутствии повторений, тренинга качественно снижается. А в тех случаях, когда актёр по какой-либо причине ранее не занимался этим, совершенно необходимо постепенно осваивать весь этот материал и постоянно тренироваться. Двигательная активность живого организма является основой его взаимодействия с окружающей средой. Это взаимодействие осуществляется посредством движения, произвольных реакций, которые по механизму возникновения явля-

ются рефлекторными. Связь, вернее, зависимость движений от центральной нервной системы убедительно показана И.М. Сеченовым: «...Все многообразие мозговой деятельности сводится окончательно к одному лишь явлению – мышечному движению». В процессе ряда последовательных повторений, при выполнении определенных действий вследствие импульса, исходящего из центральной нервной системы, движения становятся привычными, вырабатывается автоматизм исполнения. Руководство движениями тогда переходит к более низким отделам нервной системы, сфера сознания разгружается. Происходит очень важное явление – образование двигательного навыка.

Сценическая пластика на материале стиливого поведения – это характерные движения, использование костюма и предметов обихода. Даже один удачно найденный актёром штрих физического поведения – всё это создаёт тонкое ощущение времени. Здесь многое решает полноценная подготовка актёра. Органика физического поведения возникает непроизвольно, когда актёр действует, черпая из своей памяти ранее изученные и тренированные специальные сценические навыки и умения. Правдивое физическое поведение может оказать опосредствованное воздействие на внутреннюю жизнь актёра.

Таким образом, работа по оснащению актёра необходимой техникой, являясь составной частью всего тренировочного процесса, оказывает воздействие и на улучшение функции нервной системы – одно от другого неотделимо. Специальные сценические навыки, так же как и жизненные, очень важны в деятельности актёра. Активный запас их обогащает пластику актёра, способствует расширению круга исполняемых ролей. Да вот только начинать работу над совершенствованием технической подготовки – то ли по элементам стиливого поведения, сценического боя или другим сценическим приемам – в период, когда идут репетиции, уже очень поздно. Вот здесь и открывается одна общая проблема современного российского театра – он не имеет постоянного преподавателя пластики. Краткосрочная работа временного режиссёра по пластике не в состоянии восстановить пластический потенциал труппы по причине того, что срок его деятельности в театре ограничивается временем работы над спектаклем, в котором он занимается постановкой пластических сцен и тренировкой техники исполнения индивидуальной пластики. Ведь техническая мотивация всякого персонажа создается актёром средствами пластики, и «жизнь» тела образа на сцене протекает как последовательность действий, реализованных в пластической форме. Качество этой формы, ее художественная ценность для зрительского восприятия и есть показатель пластической культуры актёра, или уровня его мастерства в области сценической пластики. Очевидно, что уровень этот зависит от сознательной и целенаправленной деятельности по развитию и совершенствованию природных свойств человеческого тела актёра в процессе профессионального обучения, а значит воспитание пластической культуры будущих артистов – одна из важнейших задач театральной школы.

В театральной школе «Стилевое поведение» – спецкурс или раздел в одном из предметов движеческого цикла (чаще всего, в предметах «Сценическое движение» или «Танец»). Материал этого спецкурса состоит из упражнений, разработанных на основе исторических и этнографических данных об образе жизни, вкусах, ритуалах и нормах поведения в разные эпохи, разных странах и разных слоях общества. Спецкурс «Стилевое поведение» предлагается учащимся, прошедшим «Основы сценического движения» и «Танец», потому что, большей частью, весь практический материал этого спецкурса требует от студентов развитой памяти физических действий и хорошей двигательной координации.

Освоению элементов стилового поведения и исторической этикетной пластики способствуют тренажи (тренинги), и эта часть обучения является самой важной. Ведь именно в тренажах происходит процесс освоения сложной двигательной координации, где все внимание сосредоточивается на овладении ею как устойчивой динамической формой. В этот период ведущим становится уровень (канал) центральной нерв-

ной системы, которому ближе всего данный характер деятельности. Таким образом, совершенно естественно, что именно в процессе многократного повторения, а это возможно делать именно в тренаже (тренингах), новая координация становится привычной и образуется двигательный навык. Если работа ведется на специальном материале, а это обычно так и бывает, то образуется также полезный сценический навык. При использовании для тренажа специально подбираемого материала у актера со временем накапливается активный запас сценических навыков, которым он всегда может воспользоваться, доводя исполнение до интуитивного действия. Тренаж в этот период, главной целью которого является освоение новой формы сложной координации, требует уже включения работы воображения и передачи руководства всем действием другому, более высокому уровню нервной системы. И этот уровень (канал) становится ведущим в вопросе практического применения в спектакле технически сложной и зачастую обремененной быть виртуозной исторической пластики и стилового поведения.

Библиографический список

1. Астахова Н. Правила вежливости и светского этикета. М.: Белый город, 2007.
2. Кох И.Э. Основы сценического движения. Л.: Искусство, 1970.
3. Меркина И. Этикет. Современная энциклопедия. М.: Астрель, 2007.
4. Морозова Г.В. Пластическое воспитание актёра. М.: ТЕРРА, 1998.
5. Морозова Г.В. Пластическая культура актера. М.: ГИТИС, 1999.
6. Немировский А.Б. Пластическая выразительность актера. М.: Искусство, 1988.
7. Ошеверова Л. Этикет и стиль. Большая энциклопедия. М.: Эксмо, 2011.
8. Таиров А.Я. Записки режиссера. М., 2000.
9. Швингхаммер Г. Правила хорошего тона. М.: Астрель, 2009.

References

1. Astakhov N. Rules of politeness and social etiquette. M.: Bely Gorod, 2007.
 2. Koch I.E. Fundamentals of stage movement. L.: Iskusstvo, 1970.
 3. Merkin I. Etiquette. Modern Encyclopedia. M.: Astrel, 2007.
 4. Morozov G.V. Plastic upbringing of the actor. M.: Terra, 1998.
 5. Morozov G.V. Plastic culture of the actor. M.: GITIS, 1999.
 6. Nemirovsky A.B. Plastic expressive actor. M.: Iskusstvo, 1988.
 7. Osheverova L. Etiquette and Style. Bolshaja Encyclopedia. M.: Eksmo, 2011.
 8. Tairov A.Ya. Notes of a Director. M., 2000.
 9. Schwinghammer G. Rules of an Etiquette. M.: Astrel, 2009.
-

УДК 378.1:51

UDC 378.1:51

С.М. ЧЕРНИКОВА

доктор педагогических наук, профессор кафедры
декоративно-прикладного искусства и технической
графики Орловского государственного университета
E-mail:myrzin13@rambler.ru

S.M. CHERNIKOVA

doctor of pedagogical Sciences, Professor of Arts and
Crafts and Technical Graphics Department, Orel State
University
E-mail:myrzin13@rambler.ru

ДЕЛОВАЯ ИГРА КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

BUSINESS GAME AS A METHOD OF TEACHING PROFESSIONAL WORK OF STUDENTS

В данной статье рассматриваются вопросы организации занятий со студентами в форме деловой и производственной игры. Предлагаются области применения данного метода обучения, рассматриваются психолого-педагогические принципы разработки деловой игры, а также выбор самых распространенных профессиональных ситуаций для проведения ДИ.

Ключевые слова: деловая игра, профессионально-ориентированное обучение, профессиональная ситуация, игровая модель.

This article deals with the organization of classes with students in the form of business and production game. The proposed scope of the teaching method, discusses the psychological and pedagogical principles for the development of the business game as well as the selection of the most common occupational situations for BG.

Keywords: business game, professionally-oriented training, professional situation, game model.

Как форму активного обучения, деловую игру применяли в педагогике на протяжении всей истории человечества. Но активно разрабатываться она начала с 60-х гг. Как и у любой науки, есть сторонники и есть противники такого метода активного обучения. «Ценным методом стимулирования интереса к учению можно назвать метод познавательных игр, который опирается на создание в учебном процессе игровых ситуаций. Игра давно уже используется как средство возбуждения интереса к учебе». [1.198.]

Существует множество исследований по этому вопросу, но наиболее конкретную и выраженную форму активизации обучения в системе деловой игры разработал А.А. Вербицкий в своих трудах «Активное обучение в высшей школе: контекстный подход».

Деловая игра воссоздает социальное содержание будущей профессиональной деятельности личности. В процессе такой формы обучения воспроизводится профессиональная обстановка, работа в коллективе людей одной профессии, заинтересованных одними профессиональными задачами. Деловая игра сочетает в себе усвоение знаний в контексте профессиональной деятельности, воспитывает личные качества человека, ускоряет процесс социальной адаптации.

При разработке деловой игры преподаватель должен заложить пять психолого-педагогических принципов: имитация и моделирование ситуации; проблема и ее развертывание; ролевое взаимодействие участников игры; диалогическое общение; двухплановость игровой учебной деятельности. Расшифруем каждый пункт.

1. Имитация и моделирование ситуации предполагает:

- Разработку имитационной модели производства.
- Разработку игровой модели профессиональной деятельности.

2. Принцип проблемы и ее развертывания в процессе игры предполагает:

- Разработку учебной проблемы
- Разработку системы заданий, в которых содержатся противоречия.

3. Принцип ролевого взаимодействия участников игры предполагает:

- Разработку общения, основанного на принципе общения субъект-субъект.

4. Принцип диалогического общения игры предполагает:

- Разработку вопросов, в решении которых участники игры, общаясь друг с другом, продвигаются к решению поставленной задачи; при обсуждении и согласовании позиций и интересов каждый участник игры высказывает свою точку зрения на решение проблемы.

5. Принцип двухплановости игровой деятельности предполагает:

- Разработку обучающей деятельности в игровой форме, т.е. обучение специалиста происходит в неформальной обстановке, что позволяет учащимся раскрыться для творческих поисков поставленной задачи.

Деловая игра разрабатывается по следующим принципам. Сначала выстраивается имитационная модель, т.е. определяются цели, предмет игры, участники, система оценивания. Затем разрабатывается игровая модель – это сценарии, правила, роли. Содержание ДИ должно носить проблемный характер, для того чтобы каждый участник игры имел возможность проявить са-

мостоятельность мышления. Знания, которые получает каждый участник, исходят и от преподавателя, и от совместной деятельности, и от общения всех участников игры. Коллектив разрешает проблему при помощи дискуссии. Это и есть имитационная модель ДИ.

Принцип игрового моделирования состоит из трех составляющих – совместная деятельность, диалогическое общение, двуплановость. Разработчик деловой игры распределяет роли, полномочия, интересы с учетом методических и психологических условий принятия решения – так выстраивается совместная деятельность участников. При разработке ДИ преподаватель включает в игру противоречия и проблемы. В диалоге и споре рождается процесс мышления, при котором каждый участник высказывает свою точку зрения. Диалогическое общение перерастает в полилог, дискуссию.

ДИ должна предлагать ситуации, при которых участники действуют сознательно и поступают как исполнители игры и как будущие профессионалы. В игре можно по-разному расставлять акценты, усиливая или уменьшая роль игры, обучения, развития профессиональных качеств. Эффективность принципа двуплановости обеспечена, если реальный и условный компонент игры сбалансированы.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что имитационная модель игры задает предметный контекст деятельности специалиста в процессе обучения, а игровая модель задает социальный контекст.

Для разработки ДИ выбирают самые распространенные профессиональные ситуации, при которых учащиеся должны показать свои умения, навыки и знания в данной области.

ДИ имеет следующие правила:

- Технология игры имеет ограничения в регламенте игровых процедур, ролей, функций.
- Правил в игре не более 10.
- Воспроизведение реального и делового контекстов игры.
- В игре должны присутствовать системы стиму-

лирования и инструкций для игроков.

Система оценивания итогов игры должна строиться на самооценке и оценивании окружающими каждого участника ДИ, а затем оцениваться преподавателем. Оценивание происходит на заключительном этапе игры и несет основную обучающую и воспитательную нагрузку.

Для того чтобы ДИ приносила максимум эффективности в процессе обучения, применять ее предполагается в следующих условиях:

- ДИ необходимо применять там, где действительно они необходимы.
- ДИ должна быть тесно связана с другими видами деятельности учащихся.
- ДИ следует применять к конкретным профессиональным ситуациям, с детальной разработкой сценария игры.
- ДИ должна формировать у учащихся не только профессиональные качества, но и культуру общения.
- ДИ конструируется таким образом, что преподаватель действует в начале игры, задавая цели, и в конце – для ее анализа.
- В вузе ДИ рассчитывают на 4 часа практической работы, учитывая эмоциональный заряд.

В педагогике встречается еще один метод деловой игры – это метод игрового производственного проектирования. Игровое проектирование требует достаточно большого количества времени и используется для выполнения курсовых и дипломных проектов. Метод игрового проектирования разделяют на следующие этапы:

- Формирование проблемы и задачи (формирует преподаватель).
- Работа в подгруппах для разработки вариантов решения проблемы.
- Анализ решения поставленной задачи.

Такой метод необходим для изучения инженерной и проектно-конструкторской деятельности, т.е. метод позволяет решать студентам конкретные технологические задачи.

Библиографический список

1. *Бабанский Ю.К.* Педагогика. М.: Просвещение 1983г. 608с.
2. *Виленский В. Я.* Технология профессионально-ориентированного обучения в высшей школе / В. Я. Виленский, П. И. Образцов, А. И. Уман. М.: Педагогическое общество России, 2005. 192с. ISBN 5-93134-207-9. Тираж 15000 экз.
3. Педагогика и психология высшей школы. Учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 544 с.

References

1. *Babanskii J.K.* Pedagogy / J.K. Babanskii. M.: Education 1983. 608p.
2. *Vilensky V.Y.* Technology professionally-oriented education in high school / V.Y. Vilensky, P.I. Obrazcov, A. Uman – M.: Pedagogical Society of Russia, 2005. – 192p. ISBN 5-93134-207-9. Tirah 15,000 copies.
3. Pedagogy and Psychology of high school. Textbook. [Text]. / - Rostov n/D: Phoenix, 2002. – 544p.

УДК 378.1:51

UDC 378.1:51

Т.А. ЯГУПОВА

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета
E-mail: sermarsel@bk.ru

TA YAGUPOVA

PhD, Senior Lecturer Arts and crafts and technical graphics Orel State University
E-mail: sermarsel@bk.ru

ИСТОРИЯ НАРОДНОГО КОСТЮМА ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

HISTORY OF THE NATIONAL COSTUME ORYOL

В данной статье рассматривается история народного костюма Орловской области, его многообразие форм, типов одежды, декор художественного решения, самобытность орнамента и техник его исполнения.

Ключевые слова: народный костюм, головные уборы, традиции, декор, ткань, декоративные средства, орнамент, культура.

This article examines the history of the national costume of the Oryol region, its variety of forms, types of clothing decor art solutions, identity and ornamentation techniques of its execution.

Keywords: national costume, hats, tradition, decoration, fabric, decorative funds, ornament, and culture.

История народного костюма, так же как и история в целом, изучается по материалам, полученным при археологических раскопках, летописям, историям, документам прошлого времени. Многообразие форм, типов одежды, яркий декор художественного решения, самобытность орнамента и техник ее исполнения – характерные черты русского народного костюма на протяжении ряда веков.

Отечественный народный костюм имеет многовековую историю, которая предопределялась бытом наших предков, внешним обликом, общим жизненным образом и устоями, а также географическим положением. Народный костюм русского населения, как и любого другого народа, является показателем и источником творчества, которое базируется на материальной и духовной культуре народности.

Народный костюм – это своего рода историческая книга, при правильном чтении которой можно узнать обычаи, традиции и настроения населения того времени. Ни одна отрасль жизни человека не реагирует на изменения настолько быстро, как его одежда. На территории Руси народную одежду очень ценили, непозволительной роскошью было выбросить или сжечь одежду, часто одежду передавали по наследству своим детям.

Многообразие форм, типов одежды, яркий декор художественного решения, самобытность орнамента и техник ее исполнения – характерные черты русского народного костюма на протяжении ряда веков. Снимки богатых и уникальных образов русской одежды позволяют показать красоту композиционного решения крестьянского костюма, выразительность декора его составных частей – головных уборов, ювелирных украшений, обуви; изобретательность в применении материалов – от драгоценных металлов и жемчуга до

тканевых аппликаций и крашенных перьев. Народный костюм прошел в своем развитии долгий путь, тесно связанный с историей и эстетическими воззрениями его создателей. Он стойкий этнический индикатор, важный элемент материальной культуры и подлинное явление большого искусства, синтезирующее различные виды декоративного творчества, вплоть до середины XX столетия донесшего характерные традиционные элементы покроя, орнаментации, использования материалов и украшений, свойственных русской одежде в прошлом.

Во многих странах, таких как Швеция, Америка, Германия и др., в настоящее время укоренилась прекрасная традиция надевать национальный костюм не только на какой-либо тематический праздник, но и во время приятного досуга, например, в кругу друзей, после работы. В народных костюмах есть что-то волшебное, завораживающее, душевное. Любому человеку важно знать свои исторические корни, а принадлежность к вековым традициям даёт ему ощущение защищённости и значимости.

На Руси национальный костюм всегда имел особенности в зависимости от региона и подразделялся на повседневный и праздничный. По национальной одежде можно было понять, откуда человек родом, к какому социальному классу он принадлежит. В русском костюме и его отделке была заложена символическая информация о целом роде, о его занятиях, обычаях и семейных событиях.

История народного костюма стоит у истоков формы одежды времен Киевской Руси. Именно в это время складывается традиция шить одежду из дорогих тканей, свидетельствующих о материальном достатке своего хозяина. Следует учитывать, что в те времена народный костюм изготавливался из самых простых

тканей, поскольку большинство жителей Руси не могли себе позволить дорогие ткани.

Одежда всегда подчеркивала семейные и возрастные отличия. Так в южных районах страны единственной одеждой девочки до четырнадцати-пятнадцати лет была рубаша, девушки носили холщовую юбку-подол, в костюме молодых женщин преобладали более яркие цвета, пожилых – темные. Особый костюм или какие-либо его части (например, рогатые кички)

были свойственны наряду женщин первого года замужества или до рождения первого ребенка. Различались головные уборы девушек и женщин, известны и старушечьи. Есть упоминания о белой одежде вдов. Детский костюм, как правило, почти полностью повторял – в покрое и в орнаментации – взрослый, но состоял из меньшего количества предметов, был менее сложным в исполнении и делался из более доступного материала. В гардеробе зажиточной северной или верхневолжской крестьянки были парчовые сарафаны, отделанные мехом душегреи, головные уборы, украшенные жемчугом. Богатым был костюм уральских казачек. В бедных семьях преобладала домотканая ткань, в качестве отделки использовались тканье, мелкий речной жемчуг, стеклярус, бисер, птичий пух и крашенные перья.

В орловском крестьянском костюме встречается влияние и Московского удельного княжества, и соседей: татар, мордвы, белорусов, украинцев.

Орловские крестьянки использовали множество видов и способов украшения одежды: вышивку, узорное ткачество, крашение, разнообразные вставки из кумача и набивного сатина; нашивки из цветных полос, атласных лент, блесток, кружев. Различные декоративные средства, применявшиеся для создания единого художественного целого – праздничного костюма, неизменно были подчинены выработанным веками приемам композиции.

Расположение орнамента неразрывно связывалось с покроем одежды и пропорциями женской фигуры. Примечательно, что русский женский костюм при значительных особенностях для разных местностей обладал общими чертами – малорасчлененным компактным объемом, мягким лаконичным контуром. Когда женщина шла, костюм ее сохранял плавность, текучесть линий. Этот характер движения был настолько органичен для русской женщины, что сохранился во многих плясках и хороводах: в озорной динамичной орловской “Матане” и в лирическом хороводе “Алые цветочки”, популярном на Орловщине. Основной орловский крестьянский костюм, как и все костюмы южновеликорусского края (Тульская, Орловская, Тамбовская,

Рязанская губернии), издревле состоял из рубахи, поневы (род женской поясной одежды), передника-завесы, сложного головного убора из нескольких элементов и шейных украшений – “ожерелка”, бус либо гайтана. Вариации украшения и покроя основных элементов одежды значительно разнились в восточных и западных уездах Орловской губернии и даже в отдельных деревнях.

Орловские поневы также явно перекликаются с болгарскими “престилками” и украинскими “плахами” (женская поясная одежда). Несмотря на самобытность и своеобразие одежды различных уездов Орловской губернии, существует ряд объединяющих признаков, проявляющихся в покрое, объеме, общем строе украшений, орнаментике. Этот ряд ясно прослеживается в достаточно представительной коллекции Орловского краеведческого музея, собранной за столетнюю историю его существования. Самой древней одеждой славян, живущих в районах верхнего и среднего течения Оки (вятичей, кривичей и др.), была рубаша, изначально изготовлявшаяся из грубого полотна. Она защищала людей от зноя, на нее надевали меховую и шерстяную одежду в зимние холода. Рубашка непосредственно соприкасалась с телом человека, поэтому ей приписывалось обладание магическими силами.

Для украшения открытых частей рубахи – ворота, рукавов и подола – использовались закладное и бранное ткачество, т. н. “красное тканье” и вышивка в технике “роспись”, “настил”, “крест”. Излюбленным сочетанием цветов было красное с черным. В сундуке для приданого невеста хранила пять, шесть, а богатая и дюжину рубашек. Самую красивую, тонкую, хорошо отбеленную, особо удавшуюся, ярко украшенную, надевала невеста в день свадьбы. Крестьянка свой самый лучший праздничный костюм надевала в день свадьбы.

Затем носила его по праздникам очень долго, часто в течение всей жизни, могла передать его дочери. К архаичным одеждам во всем мире относятся и различные виды поясной одежды, сделанные из куска ткани, обернутого вокруг бедер. Если он надет поверх длинной рубашки, то его можно и не сшивать. Таковой и была понева, являющаяся основой орловского женского костюма, да и южновеликорусского в целом. Наиболее древней была понева распашная, т. е. состоящая из трех полотнищ, одно из которых располагалось сзади, а два других, пришитых к нему, – по бокам. Спереди полотнища не сшивали, т. к. распашная понева надевалась непременно поверх длинной рубахи.

В некоторых селах Болховского уезда правое полотнище не дошивали доверху, в Дмитровском уезде с одного бока снизу вшивали вставку “бедро” из кумача либо разноцветного тканья. В большинстве сел распашные поневы носили с подтыком, т. е. поднимали полы и затыкали у пояса, чем достигали необычного эффекта пышности, статности женской фигуры. Понева, как правило, делалась из домашней шерстяной ткани простого полотняного переплетения черного либо темно-синего цвета в квадратную или прямоугольную прорисованную клетку. Понева была предметом особой гордости крестьянки. Чем богаче был украшен подол поневы, чем больше ярких полос было на ней, тем наряднее считалась хозяйка.

В отдельных местностях богатые крестьянки кроме повседневной имели до трех понев. Самая богатая (семь нарядных полос) называлась “годовой”, надевалась лишь по самым крупным религиозным праздникам, затем следовала “полугодовая” понева и самая

скромная – “воскресная”, которую надевали к обедне по воскресным дням. Распашные поневы украшали полихромной вышивкой цветной шерстью, нашитыми полосами красной ткани, галунами, позументами, шерстяным тканьем. Зачастую край подола и полы обшивали “пояском” – узкой тесьмой из шерсти. Встречались на Орловщине поневы-плахты (в западных уездах губернии) и более поздние поневы, сшитые по типу юбки. Понева зачастую была короче рубахи, и тогда из-под нее был виден расшитый подол рубахи. На Орловщине бытовали шерстяные тканые юбки, как правило, красные в полоску.

Разные виды поясной одежды указывали на принадлежность к различным социальным группам крестьян. Н. С. Лесков в рассказе “Юдоль” упоминает о том, что в 1840-х годах в Орловской губернии крепостные женщи-

ны носили поневы, в отличие от этих поневиц свободные однодворки ходили в красных юбках. Каждое село жило своей замкнутой жизнью, и его жители нередко отличались от соседей не только говором, но и обычаями и, конечно, деталями одежды. В женском костюме понева в некоторых местностях заменялась сарафаном, косоклинным либо прямым. Наиболее ранним был сарафан из черного или темно-синего шерстяного домотканого материала, подол которого украшался красным сукном, лентами, блестками, золотой тесьмой.

Культуру России невозможно представить себе без народного искусства, а также без народного костюма, который раскрывает истоки духовной жизни русского народа, наглядно демонстрируя его моральные, эстетические ценности, художественный вкус, и является частью его истории.

Библиографический список

1. Андреева А.Ю. Русский народный костюм. Путешествие с Севера на Юг. Издательство “Паритет” Санкт-Петербург, 2004.
2. Ильин М.А. Вещи рассказывают. М., 1989.
3. Клиентов А.Е. Народные промыслы. М. Издательство “Белый город”, 2002.
4. Костюмы народов мира. Издательство “Литур”, Екатеринбург, 2004.
5. Лотман Ю.А. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства. С.-Пб., 1994.
6. Первые страницы истории. Московская учебная фирма “Рекорд”, 1994.
7. Преображенский Л.А. История раскрывает тайны. М., 1991.
8. Русский народный костюм. Издательство “Мозаика-синтез”, М., 2006.
9. Шпикалова Т.Я. В мире народного творчества М., 1998.

References

1. Andreeva A.Y. Russian folk costume . Travelling from the North to the South. Publishing house “Parity” St. Petersburg, 2004.
2. Ilyin M.A. Things to tell. M. , 1989.
3. Rlientov AE customers Folk crafts . M. Publisher “White City” , 2002
4. Costumes of the world. Publishing house “Litur “, Ekaterinburg, 2004.
5. Lotman Y.A. Conversations about Russian culture. Life and traditions of Russian nobility. St.-Petersburg , 1994.
6. The first pages of history. Moscow training firm “Record”, 1994.
7. Transfiguration L.A. History reveals mysteries. M. , 1991.
8. Russian folk costume . Publishing house “Mosaic-synthesis” , Moscow, 2006.
9. Shpikalova T.J. In the world of folk art , Moscow, 1998.

УДК 376.33.311.1

UDC 376.33.311.1

Е.З. ЯХНИНА

кандидат педагогических наук, профессор кафедры сурдопедагогики Московского педагогического государственного университета
E-mail: yaez@mail.ru

E.Z. YAKHNINA

candidate of pedagogical sciences, professor of chair deaf-and-dumb pedagogy Moscow pedagogical state university
E-mail: yaez@mail.ru

**РАЗВИТИЕ ВОСПРИЯТИЯ УСТНОЙ РЕЧИ У ГЛУХИХ ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ
ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЗАНЯТИЯХ**

**TRAINING PERCEPTION OF ORAL SPEECH OF DEAF CHILDREN WITH DEVELOPMENT DELAY
ON SPECIAL INDIVIDUAL LESSONS**

В статье рассматриваются педагогические технологии развития слухового и слухозрительного восприятия устной речи у глухих детей с задержкой психического развития на специальных (коррекционных) индивидуальных занятиях. Представлены планируемые результаты обучения восприятию устной речи учащихся первых-четвертых классов, а также методические аспекты работы, учитывающие особенности общего и слухоречевого развития глухих младших школьников с первичной задержкой психического развития. Разработанные материалы могут быть использованы при создании рабочих программ, планировании и проведении работы по развитию восприятия устной речи у данной категории обучающихся на индивидуальных занятиях.

Ключевые слова: глухие дети с задержкой психического развития, развитие речевого слуха, обучение слухозрительному восприятию устной речи, различение, опознавание и распознавание речевого материала.

The article reviews pedagogical technologies of oral speech perception of deaf school children with development delay on special (correctional) individual lessons. The planned results of studding of oral speech perception of students of first - fourth grades are presented in the article. The materials also provide pedagogical aspects of work with students, taking into account the features of their development. The presented materials can be used by teachers of deaf children to create work programs, planning and carrying out the work on the development of the perception of speech in this category of students on individual lessons.

Keywords: deaf children with development delay, hearing speech development, training, sight-hearing perception of speech, discernment, identification and recognition of the words, phrases and text perception.

Трудно переоценить значение речи в развитии психики ребенка, его приобщении к опыту, накопленному человечеством, формировании личности. Роль речи в развитии ребенка обусловлена, прежде всего, тем, что она является средством общения, играет важную роль в познавательной деятельности, выступая как средство, в том числе, как инструмент мыслительной деятельности и как материал познания, а также как материальная основа закрепления и сохранения полученной информации. Речь выполняет и регулятивную функцию, которая реализуется как в управлении деятельностью ребенка со стороны окружающих, так и в формировании саморегуляции поведения.

В сурдопедагогике одним из приоритетных направлений образовательно-коррекционной работы всегда являлось обучение глухих детей устной речи, в том числе ее восприятию и воспроизведению (В.И. Бельтюков, К.А. Волкова, С.А. Зыков, Т.С. Зыкова, А.Г. Зикеев, Е.П. Кузьмичева, Э.И. Леонгард, Л.П. Носкова, Ф.Ф. Рау, Н.Ф. Слезина, Н.Д. Шматко, Е.З. Яхнина и др.). Глухие дети с ЗПР¹ не являются исключением.

Обучение устной речи рассматривается как один из факторов, способствующих их более полноценному развитию, социальной адаптации.

В специальных (коррекционных) общеобразовательных школах-интернатах I вида предусмотрено, что специальная (коррекционная) работа по развитию у обучающихся восприятия и воспроизведения устной речи ведется как в ходе всего образовательно-коррекционного процесса – на уроках и во внеурочное время, так и при проведении специальных (коррекционных) курсов – индивидуальных занятий, музыкально-ритмических занятий, а также занятий в слуховом кабинете. Однако специальные программы по развитию восприятия и воспроизведения устной речи у глухих детей с ЗПР, а также программы музыкально-ритмических занятий с этой категорией учащихся, учитывающие особенности их развития, не изданы. Имеются лишь отдельные публикации, в которых рассматриваются вопросы развития слухового восприятия речи и неречевых звучаний, включая музыку, слухозрительного восприятия речи и ее произносительной стороны у глухих детей с ЗПР младшего школьного возраста (Гущина Т.К., Королевская

¹ Здесь и далее ЗПР – задержка психического развития

Т.К., Речицкая Е.Г., Соловьева И.Л. Яхнина Е.З. и др.). Это приводит к существенным трудностям в работе сурдопедагогов, в определенной мере ограничивает реализацию возможностей детей в овладении восприятием и воспроизведением устной речи. Актуальность создания программно-методического сопровождения работы по развитию восприятия и воспроизведения устной речи у глухих детей с первичной задержкой психического развития возрастает в связи с достаточно большим количеством учащихся данной категории в специальных (коррекционных) общеобразовательных организациях I вида: по данным Т.В.Розановой, от 20% до 35% (Розанова, 2003, с. 186).

Разработка программно-методических материалов по специальной (коррекционной) работе, направленной на развитие слухового и слухозрительного восприятия устной речи, ее произносительной стороны у глухих детей с ЗПР, предполагает учет их психофизических особенностей, общего и слухоречевого развития.

Известно, что при множественном нарушении развития два первичных дефекта, существующие одновременно, обуславливают сложные вторичные специфические особенности развития ребенка, не равнозначные их простому сложению, вызванному каждым нарушением, существующим изолированно (Басилова Т.А., Бertyнь Г.П., Головчиц Л.А., Гущина Т.К., Жигорева М.В., Розанова Т.В., Речицкая Е.Г., Соловьева И.Л. и др.).

Глухие дети с ЗПР отличаются от глухих учащихся того же возраста, не имеющих дополнительных нарушений, по уровню познавательной деятельности, состоянию эмоционально-волевой сферы, характеру поведения и др. По данным Т.В. Розановой, глухие дети с ЗПР при поступлении в первый класс специальных (коррекционных) общеобразовательных школ-интернатов I вида, получившие специальное дошкольное образование в ДООУ компенсирующего вида или в семье (под руководством сурдопедагога), обычно имеют незначительное отставание в развитии зрительного восприятия, наглядного мышления, образной памяти по сравнению с глухими детьми без ЗПР, воспитывающихся в сходных образовательных условиях. Однако они имеют существенное отставание от глухих детей, не имеющих множественных нарушений развития, в уровне сформированности словесной речи в целом, включая усвоение значений слов, обозначающих предметы и явления ближайшего окружения, владение связной речью (Розанова Т.В., 2003). У этих детей, в большинстве случаев, отмечается и существенное отставание по уровню владения восприятием и воспроизведением устной речи по сравнению с глухими сверстниками, не имеющими множественных нарушений развития.

Глухие дети с ЗПР, не получившие квалифицированной сурдопедагогической помощи в дошкольном возрасте, резко отличаются от глухих детей без первичной ЗПР. Как отмечает Розанова Т.В., «по поведению, по результативности предметно-практической деятельности они сходны с умственно отсталыми детьми,

однако обнаруживают значительно более высокую обучаемость» (Розанова Т.В., 2003, с.186).

Таким образом, на начало школьного обучения контингент глухих детей с ЗПР неоднороден, в том числе по уровню общего и слухоречевого развития (Бertyнь Г.П., Головчиц Л.А., Гущина Т.К., Розанова Т.В., Речицкая Е.Г., Соловьева И.Л. и др.)

Принципиально важное значение при проектировании содержания работы по развитию речевого слуха, слухозрительного восприятия речи, ее произносительной стороны имеет учет фактического состояния слухоречевого развития каждого ученика. В связи с этим при поступлении учащихся в школу необходимо проведение комплексного обследования нарушенной слуховой функции, особенностей и резервов развития восприятия и воспроизведения устной речи, что включает педагогическое изучение состояния слуховой функции (без использования электроакустической аппаратуры); состояния и резервов развития слухового и слухозрительного восприятия слов и фраз (с помощью электроакустической аппаратуры); слухозрительного восприятия текста; обследование строения и функций артикуляционного аппарата, уровня владения фонетической системой языка (звуковым составом, ритмико-интонационной структурой речи) и резервов ее развития; произносительной стороны самостоятельной связной речи (Кузьмичева Е.П., Яхнина Е.З., 2011). Данное обследование является частью общего медико-психолого-педагогического изучения особенностей и возможностей развития каждого ученика в начале школьного обучения. Результаты обследования учащихся, полученные учителем индивидуальных занятий, учителем класса, педагогом-психологом и социальным педагогом обсуждаются на заседании школьного психолого-педагогического консилиума, на котором с учетом полученных данных разрабатывается комплексная программа психолого-педагогической работы с каждым ребенком с учетом его особенностей и возможностей развития. В ее реализации участвуют учителя и воспитатели, работающие в классе, школьный педагог-психолог, социальный педагог, школьные врачи, привлекаются родители. При необходимости уточнения диагноза, проведении лечения и т.п. привлекаются специалисты учреждений медицинского и психолого-педагогического профиля.

Объединение в единой организационно-содержательной системе различных видов образовательнокоррекционной и оздоровительной работы позволяет более продуктивно мобилизовать компенсаторные возможности учащихся, способствует их социальной адаптации в условиях специального образования при целенаправленном формировании социокультурных потребностей и мотивов личностного развития с учетом индивидуальных психофизических особенностей.

Результаты комплексного обследования нарушенной слуховой функции, восприятия и воспроизведения устной речи у глухих детей с ЗПР, поступивших в специальные (коррекционные) общеобразовательные школы-интернаты I вида свидетельствуют о том, что,

как правило, в самостоятельной речи у них фразы отсутствуют, слова часто произносятся с искажением звукобуквенного состава. Некоторые дети владеют короткой фразой, но воспроизводят ее с аграмматизмами. Речь, в большинстве случаев, невнятная, иногда маловнятная, в замедленном темпе, характерны нарушения голоса. Слова произносятся не слитно (по слогам, по частям и даже по отдельным звукам), в отдельных случаях слитно, отмечаются нарушения звукового состава, словесное ударение и орфоэпические правила, как правило, не соблюдают или соблюдают в отдельных случаях (только в отработанных словах). У некоторых учащихся не выработана стойкая условная двигательная реакция при восприятии на слух речевых стимулов. Воспринимают на слух (без электроакустической аппаратуры) контрольные слова (списки Е.П. Кузьмичевой) по-разному, что зависит от состояния тонального слуха и особенностей развития слухового восприятия в дошкольный период. На слух (с электроакустической аппаратурой) контрольные слова (списки Л.В. Неймана) не воспринимают; однако те дети, с которыми в дошкольный период проводилась коррекционно-развивающая работа по развитию слухового восприятия иногда правильно повторяют слого-ритмическую структуру слов и отдельные звукокомплексы. У части детей не сформирован даже навык отвечать словом на предъявленный речевой стимул. Контрольные фразы разговорного характера большинство детей, как правило, слухозрительно (с электроакустической аппаратурой) не воспринимают; аналогичные результаты отмечаются и при слухозрительном восприятии детьми (с электроакустической аппаратуры) контрольного текста.

Рассмотрим последовательное усложнение планируемых результатов специальной (коррекционной) работы по развитию слухового и слухозрительного восприятия устной речи (при использовании средств электроакустической коррекции) у учащихся младших классов.

Как отмечалось, при планировании содержания работы по развитию речевого слуха, слухозрительного восприятия устной речи у учащихся первого класса учитываются данные комплексного обследования нарушенной слуховой функции, восприятия и воспроизведения устной речи. Если у ученика не сформирована стойкая условная двигательная реакция при восприятии на слух речевых стимулов, то следует начать коррекционно-развивающую работу на индивидуальных занятиях с выработки у него умений реагировать на речевые стимулы, предъявленные учителем голосом разговорной громкости у уха (справа и слева) с помощью заданного движения (электроакустическая аппаратура при этом не используется), уточнить расстояние, на котором у ребенка обнаруживается стойкая условная двигательная реакция на речевые стимулы, предъявленные голосом разговорной громкости.

Необходимость этой работы обусловлена значимостью выделения звукового сигнала как важнейшего условия развития слухового восприятия. Кроме этого, выработка условной двигательной реакции на речевые

и неречевые стимулы, выявление расстояния, на котором ученик уверенно реагирует на предъявленные стимулы (слогосочетания, типа *nanana... nupunu..., nupuni..., nupuni...*, слова с разной частотной характеристикой) без использования средств электроакустической коррекции, имеет важное значение для уточнения состояния слуха ребенка с помощью субъективной тональной пороговой аудиометрии): при несовпадении данных педагогического и аудиологического обследования ученик направляется в сурдологический центр для уточнения состояния слуха. Если у ученика значительно затруднена выработка стойкой условной двигательной реакции при восприятии на слух речевых стимулов, то он нуждается в дополнительном медицинском и психологическом обследовании (Кузьмичева Е.П., Яхнина Е.З., 2011).

В первом классе на индивидуальных занятиях одновременно с выработкой стойкой условной двигательной реакции и уточнением расстояния, на котором ученики устойчиво реагируют на предъявленные речевые стимулы, ведется работа по развитию речевого слуха, слухозрительного восприятия устной речи. В процессе этой работы используется стационарная электроакустическая аппаратура или индивидуальные слуховые аппараты. Применение на индивидуальных занятиях индивидуальных слуховых аппаратов в работе по развитию речевого слуха, слухозрительного восприятия устной речи может быть рекомендовано в тех случаях, когда в дошкольный период у ребенка развивали речевой слух, слухозрительное восприятие речи, в основном, с помощью индивидуальных слуховых аппаратов, он постоянно пользуется ими, по результатам обследования не выявлено ухудшение восприятия контрольного речевого материала с помощью индивидуальных аппаратов по сравнению со стационарной электроакустической аппаратурой. В дальнейшем, вопросы использования различных средств электроакустической коррекции на индивидуальных занятиях находятся под постоянным контролем сурдопедагога, ведущего индивидуальные занятия, и учителя - дефектолога школы.

Если у ученика в самостоятельной речи отдельные слова, слуховое и слухозрительное восприятие устной речи не развито, то в первоначальный период школьного обучения на индивидуальных занятиях его учат различать и опознавать² слухозрительно, затем на слух (с помощью стационарной электроакустической аппаратуры или индивидуальных слуховых аппаратов) слова, резко отличающиеся по слогоритмической структуре (сначала при выборе из двух, типа, мяч – бумага; ручка – тетрадь; затем из трех, типа, дом - ручка – ка-

2 При характеристике педагогической системы развития слухового восприятия у глухих детей используются следующие термины: **различение** – восприятие на слух речевого материала, знакомого по звучанию; осуществляется в ситуации ограниченного наглядного выбора при использовании предметов, картинок, табличек с написанным речевым материалом и др.; **опознавание** – восприятие на слух речевого материала, знакомого по звучанию вне ситуации наглядного выбора; **распознавание** – восприятие на слух речевого материала, который не использовался в процессе слуховой тренировки, т. е. незнакомого учащемуся по звучанию; осуществляется вне ситуации наглядного выбора (Кузьмичева Е.П., 1997).

рандаш; после этого из четырех, типа, ручка - тетрадь – карандаш – бумага; и из пяти, типа, ручка - тетрадь – карандаш – бумага – книга). При этом у ученика формируются базовые компоненты слухового восприятия: умения различать речевые стимулы по длительности и интенсивности звучания, опознавать знакомые речевые стимулы на слух.

В связи с необходимостью активизации развития устной коммуникации у учеников, на индивидуальных занятиях в первом классе осуществляется специальная работа по обучению слухозрительному восприятию речевого материала, необходимого им при организации учебной деятельности в процессе устного общения в ежедневно повторяющихся типичных социально-бытовых ситуациях (поручения, вопросы, сообщения), а также отдельных слов и словосочетаний из данных фраз. С этой целью используется речевой материал по темам «В классе», «Математический материал», «Я и моя семья», «Завтракаем, обедаем, ужинаем».

В первом полугодии первого класса дети учатся слухозрительно различать и опознавать короткие фразы, состоящие из двух-трех слов, а также слова и словосочетания из этих фраз. Во втором полугодии речевой материал, который дети учатся воспринимать слухозрительно, расширяется, в работу включаются короткие тексты (два-три предложения) диалогического и монологического характера. Эти тексты состоят из знакомых детям фраз, которые они уже научились воспринимать слухозрительно и на слух. Они также учатся опознавать на слух основной речевой материал (отдельные предложения, слова, словосочетания) из данных текстов, предъявленный вразбивку, отвечать на вопросы по тексту и выполнять задания.

Подчеркнем, что во втором полугодии в работу по развитию речевого слуха включаются фразы, которые первоклассники научились различать и опознавать слухозрительно, а также слова и словосочетания, что способствует увеличению их слухового словаря.

Во втором классе (первое полугодие) продолжается работа, направленная на обучение глухих учеников с ЗПР слухозрительному восприятию простых предложений из двух-трех слов. В процессе развития слухозрительного восприятия устной речи используются и словосочетания, включающие существительные, местоимения, числительные, союз «и», а также отдельные слова. Важное значение придается обучению слухозрительному восприятию текстов диалогического и монологического характера, состоящих уже из четырех – шести предложений; опознаванию на слух основного речевого материала (отдельных предложений, слов, словосочетаний) из данных текстов, предъявленного вразбивку; дети учатся отвечать на вопросы по тексту и выполнять задания.

Продолжается работа по развитию речевого слуха: дети учатся различать и опознавать на слух простые предложения из двух-трех слов, слова и словосочетания.

Во втором полугодии второго года обучения последовательное усложнение требований по развитию восприятия устной речи предполагает овладение

учащимися слухозрительным восприятием распространенных предложений с однородными членами (подлежащим или дополнением), словосочетаний, включающих существительные, местоимения, числительные, союзы «и, а», частицы «не, уже»; отдельных слов.

Дети учатся также различать и опознавать на слух простые предложения из трех слов, а также слова и словосочетания. Это способствует существенному расширению речевого материала, который ученики воспринимают слухозрительно и на слух, что является одним из необходимых условий активизации их устной коммуникации.

В процессе специальной работы у детей постепенно развивается сознательное и внимательное вслушивание в речь учителя, речевая догадка, вариативные самостоятельные высказывания (с учетом их индивидуальных возможностей). Они побуждаются на основе вероятностного прогнозирования с опорой на услышанные элементы речи, ситуацию, речевой или внеязыковой контекст воспринимать предъявленный речевой материал, а не заучивать и, как следствие, «припоминать» его, к чему часто склонны глухие дети.

Достижения учеников в области развития речевого слуха и слухозрительного восприятия речи позволяют во втором полугодии второго класса начать работу по формированию у детей восприятия сразу на слух текстов диалогического и монологического характера, состоящих из четырех-шести предложений, знакомых им по значению и звучанию, а также продолжить обучение опознаванию на слух основного речевого материала (фраз, слов, словосочетаний) из данных текстов, предъявленных вразбивку, развитию умений отвечать на вопросы и выполнять задания по тексту.

Во втором классе рекомендуется использовать речевой материал по темам «В классе», «Здоровье», «Я и моя семья», «Завтракаем, обедаем, ужинаем», «Каникулы». Обратим внимание на то, что во втором классе существенно расширяется лексический состав речевого материала, используемого в процессе развития речевого слуха, слухозрительного восприятия речи, в работу включаются более сложные грамматические и синтаксические конструкции речи.

В третьем классе в первом полугодии оказывается возможным развитие у детей умений различать и опознавать на слух распространенные предложения, а также словосочетания, включающие существительные, местоимения, числительные, союзы («и», «а»); ученики упражняются в распознавании на слух отдельных новых слов. Объем текстов диалогического и монологического характера увеличивается до четырех-шести предложений. Продолжается работа по развитию у учеников умений воспринимать на слух текст, опознавать на слух предложения, слова, словосочетания из данного текста, предъявленные вразбивку, отвечать на вопросы по тексту и выполнять задания. Используется речевой материал по темам: «В классе», «Времена года (осень, зима)», «Завтракаем, обедаем, ужинаем».

Планируемые результаты достижений учащихся во

втором полугодии третьего класса включают различение и опознавание на слух простых распространенных предложений, а также словосочетаний, включающих существительные, местоимения, числительные, союзы («и», «а»), отдельных слов. Продолжается работа по обучению восприятию на слух текстов диалогического и монологического характера, состоящих уже из шестью простых предложений; опознаванию на слух основного речевого материала (предложений, слов, словосочетаний) из данных текстов, предъявленного вразбивку, ответам на вопросы и выполнению заданий по тексту. Используется речевой материал по темам «Я и моя семья», «Здоровье», «Времена года (весна, лето)».

Усложнение содержания обучения в четвертом классе связано, прежде всего, с расширением слухового словаря, усложнением грамматических и синтаксических конструкций речи, а также увеличением объема текстов диалогического и монологического характера (до восьми простых и сложных предложений в первом полугодии и до десяти предложений во втором полугодии). В процессе развития восприятия устной речи используется речевой материал по темам «Школьная жизнь», «Времена года (осень, зима, весна)», «Я и моя семья», «Мои друзья», «Здоровье». В четвертом классе основное внимание уделяется обучению детей восприятию на слух незнакомых по звучанию фраз, слов и словосочетаний (т.е. распознаванию речевого материала), что характеризует принципиально новый уровень развития речевого слуха. Отметим, что и на предыдущих годах обучения ученики побуждались к распознаванию на слух речевого материала. Однако, систематическая работа может быть начата только после накопления ими определенного слухового словаря (т.е. речевого материала, который дети научились опознавать на слух) и овладения умениями анализировать услышанное, выделяя дифференциальные признаки в слове или фразе, по которым на основе вероятностного прогнозирования (речевой догадки) повторять предъявленный речевой материал точно или приближенно (Кузьмичева Е.П., 1983, 1991).

В четвертом классе в работе по развитию речевого слуха используются фразы, включающие как знакомые по значению и звучанию слова, так и незнакомые по звучанию слова и словосочетания, которые учащиеся воспринимают на слух. При этом сначала новый речевой материал предъявляется на слух в сочетании с уже знакомым³.

Дети также учатся распознавать на слух слова и словосочетания, незнакомые по звучанию. Кроме этого, они упражняются в различении и опознавании на слух простых и сложных предложений, словосочетаний с союзами (и, а) и частицами (тоже, не, еще, уже).

В четвертом классе впервые вводится и такой вид заданий по тексту как введение диалога с учителем по его основному содержанию.

Подчеркнем, что четвероклассники не только по-

буждаются к реализации требований к речевому поведению предыдущих лет обучения – при восприятии вопросов давать краткие или полные ответы, при восприятии поручений – выполнять необходимые действия с краткими или полными речевыми отчетами, но и побуждаются употреблять самостоятельные высказывания. Сохраняются требования, предъявляемые с первого класса, к грамотному оформлению высказываний, их внятому, достаточно естественному и эмоциональному воспроизведению, реализуя в самостоятельной речи сформированные произносительные возможности и используя в процессе устной коммуникации естественные невербальные средства.

Отметим, что в процессе специальной работы по развитию речевого слуха учащиеся младших классов учатся воспринимать не только осмысленный речевой материал (фразы, слова, словосочетания, тексты), но и слоги, слогосочетания, а также отдельные звуки. Эта работа проводится в связи с коррекцией и автоматизацией произносительных навыков учащихся (звуковой и ритмико-интонационной структуры речи), а также при исправлении ошибок в грамматической структуре речи.

Подчеркнем, что планируемые результаты работы по развитию восприятия устной речи у глухих детей с ЗПР, представленные в статье соответствии с годом обучения, некоторыми учениками могут быть достигнуты в более короткие сроки, чем учебный год. В этих случаях по решению школьного медико-психолого-педагогического консилиума на основе результатов специального обследования речевого слуха, слухозрительного восприятия устной речи данного ученика, ее произносительной стороны (Кузьмичева Е.П., Яхнина Е.З., 2011), на индивидуальных занятиях реализуются более сложные программные требования, в большинстве случаев, соответствующие следующему году обучения. Это предполагает не только расширение слухового словаря, усложнение грамматической и синтаксической структуры фраз, увеличение объема текстов, предъявляемых ученикам на индивидуальных занятиях, но и изменение первичных способов восприятия ими речевого материала (слухозрительно или сразу на слух), а также условий его восприятия (различение и опознавание или сразу распознавание на слух). При этом речевой материал для развития слухового и слухозрительного восприятия устной речи разрабатывается с учетом тех тем, которые предусмотрены для данного года обучения. Отметим, что, в большинстве случаев, у таких детей выявляются и весьма высокие результаты освоения программного материала по основным учебным дисциплинам, разработанного для глухих детей с ЗПР. Достижение ими в процессе специального обучения уровня общего и речевого развития, соответствующего уровню сверстников, не имеющих дополнительных нарушений развития, позволяет поставить вопрос об уточнении диагноза и переводе учеников в класс основного общего образования.

Известны случаи, когда в силу разных причин, глухой ученик с ЗПР не достигает планируемых результатов обучения восприятию и воспроизведению устной

3 Методика работы по развитию у глухих школьников распознаванию речевого материала на слух представлена в пособиях Кузьмичева Е.П., 1991, Кузьмичева Е.П., Яхнина Е.З., 2011 и др.

речи в течение учебного года. Проведение в школе систематического мониторинга результатов развития восприятия и воспроизведения устной речи (не реже одного раза в полугодие), позволяет незамедлительно осуществлять анализ причин невыполнения программных требований, разрабатывать рекомендации для дальнейшего обучения с учетом полученных данных.

При организации и планировании индивидуальных занятий следует иметь в виду то, что развитие слухового и слухозрительного восприятия устной речи занимает только его часть; на занятиях предусматривается также работа по обучению детей произношению, развитию познавательной сферы учащихся. Реализации этих трех направлений работы способствует то, что действующим учебным планом предусмотрены 4 часа в неделю на индивидуальные занятия с глухими детьми с ЗПР по сравнению с 3 часами в неделю, отводимыми на индивидуальные занятия с учащимися классов основного общего образования, в содержание которых входит два направления работы - развитие восприятия устной речи (речевого слуха, слухозрительного восприятия речи) и обучение произношению.

При организации работы по развитию речевого слуха, слухозрительного восприятия устной речи на индивидуальных занятиях с данной категорией учащихся, ее планировании и проведении, а также при отборе речевого материала и дидактических средств учитываются психофизические особенности глухих детей с ЗПР, возможности осуществления ими целенаправленной произвольной деятельности, уровень общего и речевого развития. Известно, что для этих учеников по сравнению с глухими детьми без дополнительных нарушений характерна повышенная отвлекаемость внимания или его инертность, недостаточная концентрированность на объекте. При этом у части учащихся концентрация внимания отмечается в начале выполнения задания, а по мере продолжения работы снижается, у некоторых детей, наоборот, наибольшие трудности сосредоточения внимания возникают в начале выполнения задания, для большинства характерно периодическое колебание внимания. У глухих детей с ЗПР имеются трудности как кратковременного, так и долговременного запоминания, произвольного и непроизвольного; у них существенно ограничен объем памяти; особенно страдает вербальная память. Кроме этого, глухие дети с ЗПР испытывают затруднения в понимании и самостоятельном выполнении учебных заданий, в осуществлении целенаправленной произвольной деятельности. Следует также иметь в виду их эмоциональную неустойчивость, быстрый переход в состояние повышенного возбуждения или в состояние вялости и безучастности к окружающему, пониженную работоспособность, изменчивость поведения (Басиловой Т.А., Бертынь Г.П., Гущиной Т.К., Жигорева М.В., Розановой Т.В., Речицкой Е.Г., Соловьевой И.Л., и др).

Особенности каждого ученика, выявленные в процессе комплексного медико-психолого-педагогического обследования, должны учитываться, прежде всего, при составлении расписания индивидуальных занятий,

включая их продолжительность. При организации занятий важно включение небольших «двигательных пауз»; при этом их содержание определяется также с учетом психоэмоциональных особенностей учащихся.

При планировании работы по развитию речевого слуха, слухозрительного восприятия устной речи учитывается доступность выполнения заданий, «зона ближайшего развития» (Л.С. Выготский) каждого ученика. Определение способов (слухозрительно или на слух) и условий (различение, познание или распознавание) восприятия речевого материала, его отбор (объем, лексический состав, грамматические и синтаксические конструкции фраз), количество упражнений (заданий), периодичность их изменения, выбор дидактических материалов также осуществляется с учетом индивидуальных психофизических особенностей учащихся, уровня общего и слухоречевого развития каждого ученика.

Подчеркнем, что на индивидуальных занятиях в работе по развитию слухового и слухозрительного восприятия устной речи у глухих детей с ЗПР так же, как в работе с глухими детьми без дополнительных нарушений развития, предусматривается использование только знакомого ученикам речевого материала, необходимого им в общении на уроках и в различных видах внеурочной деятельности. Однако при планировании занятий учитывается, что для части детей необходимо дополнительное время для прочного запоминания речевого материала. Кроме этого, при планировании занятий предусматривается работа над грамотными речевыми ответами учеников, достижение ими достаточно внятного воспроизведения речевого материала при максимальной реализации произносительных возможностей, что также требует определенного времени с учетом индивидуальных особенностей каждого ребенка.

В процессе обучения восприятию устной речи важное значение придается систематическому целенаправленному развитию у учеников вероятностного прогнозирования речевого материала на основе речевого и внеречевого контекста, формированию речевой догадки при использовании учителем дидактического материала (например, картинок по теме «Зима»), ориентации ученика на объявленную тему, речевой контекст, принятые слова или их части и т.п. Отметим, что это направление коррекционно-развивающей работы с глухими детьми с ЗПР требует гораздо более длительного времени, чем с учениками, не имеющими множественных нарушений развития.

Сурдопедагогу важно также предусмотреть ресурсы, способствующие привлечению внимания ученика, обеспечению его работоспособности в течение всего занятия, включая отбор дидактических материалов (картинок, макетов, материалов LEGO, игрушек, компьютерных презентаций и др.), применение игровых видов работы, способствующих поддержанию интереса к выполнению заданий. Важное значение придается созданию эмоционально комфортной атмосферы, развитию у детей положительного отношения к занятиям, мотивации к овладению устной речью.

Библиографический список

1. *Бертынь Г.П., Розанова Т.В.* Клинико – психологическое изучение глухих детей со сложным дефектом // Дефектология. 1993. №1
2. *Жигорева М.В.* Дети с комплексными нарушениями в развитии: педагогическая помощь. М.: Академия, 2006.
3. *Кузьмичева Е.П., Яхнина Е.З.* Обучение глухих детей восприятию и воспроизведению устной речи: учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования/ под ред. Н.М. Назаровой. М.: Издательский центр «Академия», 2011
4. *Кузьмичева Е.П., Яхнина Е.З., Шевцова О.В.* Развитие устной речи у глухих школьников М.:ЭНАС, 2003
5. *Кузьмичева Е.П., Шевцова О.В., Яхнина Е.З.* Развитие восприятия и воспроизведения устной речи у глухих школьников на индивидуальных занятиях. Орел: Горизонт, 2013.
6. *Розанова Т.В.* Особенности психического развития глухих детей, имеющих другие первичные нарушения развития/ в кн. Специальная психология: учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования; под ред. В.И. Лубовского. М.: Издательский центр «Академия», 2003, С.183- 193
7. *Речицкая Е.Г., Гущина Т.К.* Коррекционная работа по развитию познавательной сферы глухих учащихся с задержкой психического развития. М.: Гуманитарный изд. Центр ВЛАДОС, 2012.

References

1. *Bertyny G.P., Rozanova T.V.* Kliniko – psychological studying of deaf children with difficult defect//Defectology. 1993 . No. 1
 2. *Zhigoreva M. V.* Children with complex violations in development: the pedagogical help - M.: Academy, 2006.
 3. *Kuzmicheva E.P. Yakhnina E.Z.* Training of deaf children in perception and reproduction of oral speech: studies. grant for students of establishments высш. the prof. of education / under the editorship of N. M. Nazarova. – M.: Publishing center «Akademiya», 2011
 4. *Kuzmicheva E.P. Yakhnina E.Z. Shevtsova O. V.* Development of oral speech in deaf school students – M. : ENAS, 2003
 5. *Kuzmicheva E.P. Shevtsova O. V., Yakhnin E.Z.* Development of perception and reproduction of oral speech in deaf school students on individual occupations - the Eagle: Horizon, 2013
 6. *Rozanova T.V.* Features of mental development of the deaf children having other primary violations of development / in book. Special psychology: studies. grant for students of establishments высш. prof. of education; under the editorship of V. I. Lubovsky – M.: The publishing center «Akademiya», 2003, page 183 - 193
 7. *Rechitskaya E.G. Gushchina T.K.* Korrektsionaya work on development of the informative sphere of deaf pupils with a delay of mental development. – M.: Humanitarian prod. VLADOS center, 2012.
-

УДК 51-7:303.642.023:[316.61-057.875:378]

UDC 51-7:303.642.023:[316.61-057.875:378]

Т.Г. АНИСИМОВА

кандидат психологических наук, докторант кафедры социологии и психологии управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы
E-mail: lakmus1991@gmail.com

T.G. ANISIMOVA

Ph.D. doctoral student in sociology and psychology of management Russian Academy of National Economy and Public Service
E-mail: lakmus1991@gmail.com

АДАПТАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ADAPTATION MODERN STUDENTS TO EDUCATION IN HIGH SCHOOL: QUANTITATIVE ANALYSIS RESULT SOCIOLOGICAL STUDIES

Статья посвящена вопросам количественного анализа социологической информации, представленной данными, измеренными в номинальных и порядковых шкалах. На примере обработки результатов социологического исследования адаптации студентов к обучению в вузе показано, что в случае трех уровней порядковых шкал измерения факторных признаков корректным является переход к количественным шкалам, позволяющим применить различные методы статистического анализа.

Обсуждены проблемы, возникающие при использовании методов дисперсионного анализа.

Ключевые слова: социологические исследования, адаптация студентов к обучению, порядковая шкала, количественная шкала, дисперсионный анализ.

The article is dedicated to questions of the quantitative analysis to sociological information, presented data, measured in nominal and ordinal scale. On example of the processing result sociological study to adaptation student to education in high school is shown that in the case of three levels of the ordinal scales of the measurement factorial sign correct is a transition to quantitative scale, allowing use the different methods of the statistical analysis.

The discussed problems, appearing when use the methods of the analysis of variance.

Keywords: sociological studies, adaptation student to education, ordinal scale, quantitative scale, analysis of variance.

Современная социокультурная ситуация и трансформация российского общества, повлекшая за собой значительные изменения в ценностных ориентациях и социальных поступках российского социума, отражается и в системе высшего профессионального образования, и в этой связи объектом пристального внимания социологов является также такая многочисленная группа, как студенчество – самая мобильная, активная и социально значимая часть населения.

У молодых людей, оказывающихся после поступления в высшее учебное заведение в новой социальной среде, особенно актуализирована адаптивная потребность, рассматриваемая как попытка субъекта привести в соответствие с меняющимися параметрами среды свои установки поведения и представления. Процесс подготовки студентов к активной профессиональной деятельности включает в себя не только приобретение определенной совокупности знаний, умений и навыков, но и усвоение системы ценностей и установок поведения, регламентирующих жизнь общества. Скорость и степень адаптации студентов в новой для них ситуации во многом влияют на успешность обучения, психологический комфорт, удовлетворенность личности профессиональным выбором, а, в конечном счете, и эффективность функционирования системы высшего образования.

Успешное решение данного вопроса во многом определяется наличием обширной эмпирической базы и методов социологического исследования, адекватных сложности проблемы. Однако часто наблюдается лишь поверхностный анализ получаемых при этом результатов массовых опросов: социологи, как правило, ограничиваются обсуждением так называемых «линейных распределений» ответов респондентов и лишь изредка рассматривают парные распределения, анализ которых позволяет дать ответ на вопрос о взаимодействии факторных и статусных признаков.

Основную причину такой ситуации многие социологи видят в метрологической специфике социологической информации, представленной данными, измеренными в номинальных и порядковых шкалах. В то же время, путем несложного их преобразования можно значительно повысить информативность социологической информации, содержащейся в первичных базах данных, оформленных в виде электронных таблиц в системе SPSS Base или широко распространенной программы Excel. В идеальном случае – это формирование вторичной базы данных, получаемой путем построения ряда таблиц сопряженности, в простейшем случае – это «оцифровка» переменных, осуществляемая непосредственно в исходной базе данных.

Возможен и некий «средний» вариант, когда вначале производится «оцифровка» переменных, а затем более глубокая их обработка методами одномерного и многомерного статистического анализа.

Именно этот «средний» вариант нами и рассматривается в данной публикации: мы ограничимся применением одного из методов дисперсионного анализа к исследованию влияния на удовлетворенность выбором вуза пола и степени адаптации студентов к обучению; в последующем мы предполагаем обратиться к более «тонким» многомерным методам, таким как факторный, кластерный и дискриминантный анализ.

Эмпирической базой настоящего исследования послужили результаты социологического опроса в 2010 г. студентов вузов двух городов – Москвы и Орла. Выборка, объем которой составлял 858 человек, включала студентов гуманитарного (46,6%), естественного (17,7%) и технического (35,7%) факультетов; юноши составляли 45%, девушки – 55% от общего числа опрошенных. В качестве инструментария использовали пакет анализа данных общественных наук SPSS Base [9]; методической основой исследования являлись положения, изложенные в работе [8].

Дисперсионный анализ предполагает наличие результативного количественного признака и одного или нескольких признаков, измеренных в номинальных или порядковых шкалах. В нашем случае и пол, и степень адаптации студентов к обучению являются номинальными признаками. Результативный признак – удовлетворенность выбором вуза – порядковый, но его можно преобразовать в количественный по следующему алгоритму:

- варианту ответа «вполне удовлетворен» на вопрос «В какой степени вы удовлетворены сделанным выбором?» припишем число «+1»;
- варианту ответа «вполне удовлетворен» на вопрос «В какой степени вы удовлетворены сделанным выбором?» припишем число «+1»;
- варианту ответа «частично удовлетворен» на этот вопрос – число «0»;
- варианту ответа «не удовлетворен» – число «-1».

Такая «оцифровка» факторного признака, измеренного по порядковой шкале, является корректной, поскольку переход от порядковой шкалы с неизвестными метрическими свойствами к линейной шкале всегда можно осуществить путем соответствующего монотонного преобразования.

Массив опрошенных респондентов ($N=858$) разбиваем на шесть подвыборки, образованных сочетанием двух вариантов статусного признака «пол» и трех вариантов факторного признака «степени адаптации студентов к обучению в вузе». Это – варианты ответа на вопрос «Считаете ли вы вуз своим вторым домом?»: «да», «нет», «затрудняюсь ответить». Респондентов, положительно ответивших на этот вопрос, можно считать адаптировавшимися к обучению в вузе, отрицательно – неадаптировавшимися, затруднивших ответить – неопределившимися.

Таким образом, мы располагаем шестью вариан-

тами, которые, по сути, представляют план полного факторного эксперимента ПФЭ 2×3 [3], в котором варьируются два варианта статусного признака «пол» и три варианта факторного признака – степени адаптации студентов к обучению в ВУЗе.

Введем количественную результативную переменную «индекс удовлетворенности выбором ВУЗа», рассчитываемую по следующей формуле:

$$I_{\text{удовл}} = w_{\text{да}} - w_{\text{нет}}, \quad (1)$$

где $w_{\text{да}}$ и $w_{\text{нет}}$ – частоты положительных и отрицательных ответов на вопрос: «В какой степени вы удовлетворены сделанным выбором?». Очевидно, что этот индекс теоретически может варьировать в пределах от -1 до +1, при этом его нулевое значение будет отвечать балансу числа респондентов, удовлетворенных и неудовлетворенных выбором ВУЗа, независимо от числа респондентов, выбравших промежуточный вариант ответа «частично удовлетворен».

В инструментальном плане расчет индекса удовлетворенности выбором вуза производится достаточно просто: в редакторе данных пакета SPSS Base признак «удовлетворенность выбором вуза» перекодируется в количественную переменную по приведенному выше алгоритму, а затем после выбора соответствующей группы респондентов рассчитывается среднее значение этой переменной.

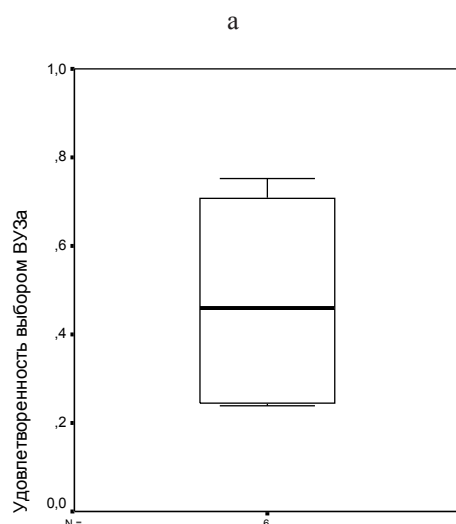
Приведем примеры. Группа респондентов женского пола, ответивших на вопрос «Считаете ли вы вуз своим вторым домом?» положительно, насчитывает 125 студентов, из которых 96 вполне удовлетворены выбором вуза, 27 – удовлетворены частично и двое – не удовлетворены. Этой группе респондентов отвечает высокое значение индекса удовлетворенности выбором вуза $I_{\text{удовл}} = 0,7520$. С другой стороны, группа респондентов женского пола, ответивших на этот же вопрос отрицательно, насчитывает 193 студента, из которых 69 вполне удовлетворены выбором, 102 – удовлетворены частично и 22 – не удовлетворены, характеризуется невысоким значением индекса удовлетворенности выбором вуза $I_{\text{удовл}} = 0,2435$.

Покажем, что полученные таким образом вторичные данные позволяют, во-первых, оценить степень информативности данного индекса, измеряемую статистическими характеристиками изменчивости его значений, во-вторых, выполнить анализ зависимости индекса удовлетворенности студентов выбором вуза от их пола и степени адаптации к обучению.

Результаты оценки степени информативности данного индекса представлены на рис. 1 в наглядной графической форме.

Поясним диаграммы. Диаграмма на рис. 1 а носит название «ящичковая диаграмма»; иные ее названия – диаграмма с усами, диаграмма Тьюки [1]. Жирной линией посередине «ящичка» обозначено положение медианы выборки объемом шесть групп респондентов – 0,4600. Нижняя и верхняя границы «ящичка» – это первая и третья квартиль индекса, равные 0,2422 и 0,7192 соответственно. «Усы» с координатами 0,2381 и 0,7520 в данном случае ограничивают всю область изме-

нения индекса. Отсутствие на диаграмме «звездочек» и «кружочков», отвечающих экстремальным, а также повышенным и пониженным значениям индекса, указывает на однородность выборки, т.е. на отсутствие так

называемых «выбросов», нарушающих ее однородность.

Видно, что значение индекса варьирует в достаточно широком интервале, и это свидетельствует о его высокой информативности.

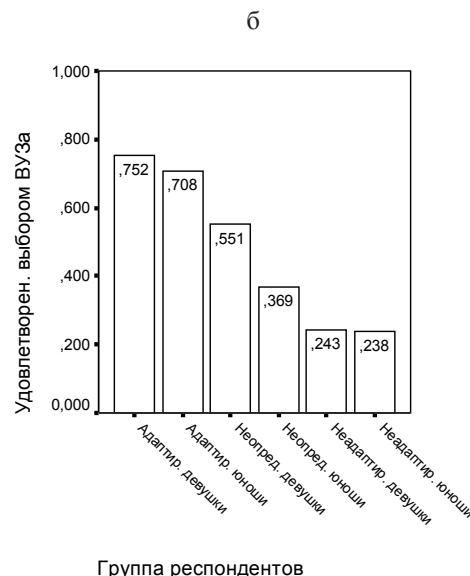

Рис. 1. Распределение индекса удовлетворенности студентами выбором вуза (а) и ранжирование групп студентов по величине индекса (б).

Диаграмма на рис. 1 б представляет результаты ранжирования групп респондентов по значениям индекса удовлетворенности выбором вуза. Видно, что «лидерами» по данному признаку являются адаптировавшиеся к обучению в вузе девушки, на втором месте – адаптировавшиеся к обучению юноши. «Аутсайдерами» являются неадаптировавшиеся юноши, на предпоследнем месте – неадаптировавшиеся к обучению девушки. Неопределившиеся юноши и девушки, которые затруднились ответить на вопрос: «Считаете ли вы вуз своим вторым домом?», занимают средние позиции по значениям индекса удовлетворенности выбором вуза.

Для решения второй из поставленных выше задач – выполнить анализ зависимости индекса удовлетворенности студентов своим выбором от их пола и степени адаптации к обучению в вузе – обратимся к дисперсионному анализу. В принципе, здесь применим и регрессионный анализ, поскольку мы имеем вариант полного факторного плана 2×3 . Однако реализация этого плана предполагает, что модель линейной регрессии адекватна эмпирическим данным, а это далеко не всегда так. Поэтому представляется более рациональным выполнить дисперсионный анализ вторичных данных по предусмотренной статистическими процедурами пакета SPSS Base схеме главной линейной модели (General Linear Model), с помощью которого можно оценить не только главные эффекты (т.е. степень влияния факторов), но также их взаимодействие, т.е. будут оценены параметры полной факторной линейной модели вида

$$Y_{ij} = \mu_0 + \alpha_i + \beta_j + \gamma_{ij} + \varepsilon_{ij}, \quad (2)$$

где Y_{ij} – наблюдаемое значение выходной переменной Y (индекса удовлетворенности выбором вуза $I_{удовл.}$) для i -го пола и j -ой степени адаптации; μ_0 – оценка свободного коэффициента модели; α_i – оценка эффекта i -го пола; β_j – оценка эффекта j -го времени экстрагирова-

ния; γ_{ij} – оценка взаимодействия i -го пола и j -ой степени адаптации; ε_{ij} – случайная ошибка.

Однако мы не располагаем повторными наблюдениями хотя бы для некоторых групп респондентов, и это вынуждает ограничиться факторной линейной модели без взаимодействия, в которой случайная ошибка приравнивается эффекту взаимодействия:

$$Y_{ij} = \mu_0 + \alpha_i + \beta_j + \varepsilon_{ij}. \quad (3)$$

Результаты дисперсионного анализа при этом будут представлены в следующем виде:

- таблица дисперсионного анализа;
- таблица с МНК-оценками параметров полной факторной линейной модели (аббревиатурой МНК обычно обозначают оценки, полученные методом наименьших квадратов);
- график зависимости индекса удовлетворенности выбором вуза от степени адаптации для обоих полов респондентов.

Введем обозначения: X_1 – кодированное значение пола респондентов: 1 – мужской, 2 – женский; X_2 – степень адаптации студентов: 1 – адаптировавшиеся, 2 – неопределившиеся, 3 – неадаптировавшиеся. Пользуясь процедурой «общая линейная модель» пакета SPSS Base, получаем результаты дисперсионного анализа индекса удовлетворенности студентов выбором вуза, приведенные в табл. 1.

По данным, приведенным в табл. 1, можно заключить следующее: 1) степень влияния фактора «Степень адаптации» статистически значима; 2) влияние признака «Пол» статистически незначимо – значение критерия Фишера, равное 2,1, характеризуется p -уровнем 0,288, что превышает нормативный уровень 0,05 (ошибка признать признак «Пол» значимым составляет недопустимо большую величину 28,8%).

Таблица 1.

Дисперсионный анализ (критерии межобъектных эффектов) индекса удовлетворенности студентов выбором вуза – двухфакторная модель без взаимодействия факторов

Источник изменчивости	Сумма квадратов	Степени свободы	Средний квадрат	Критерий Фишера F	Уровень значимости
Свободный коэффициент	1,3650	1	1,3650	315,9	0,003
Пол	0,0089	1	0,0089	2,1	0,288
Степень адаптации	0,2400	2	0,1200	27,8	0,035
Ошибка	0,0086	2	0,0043		

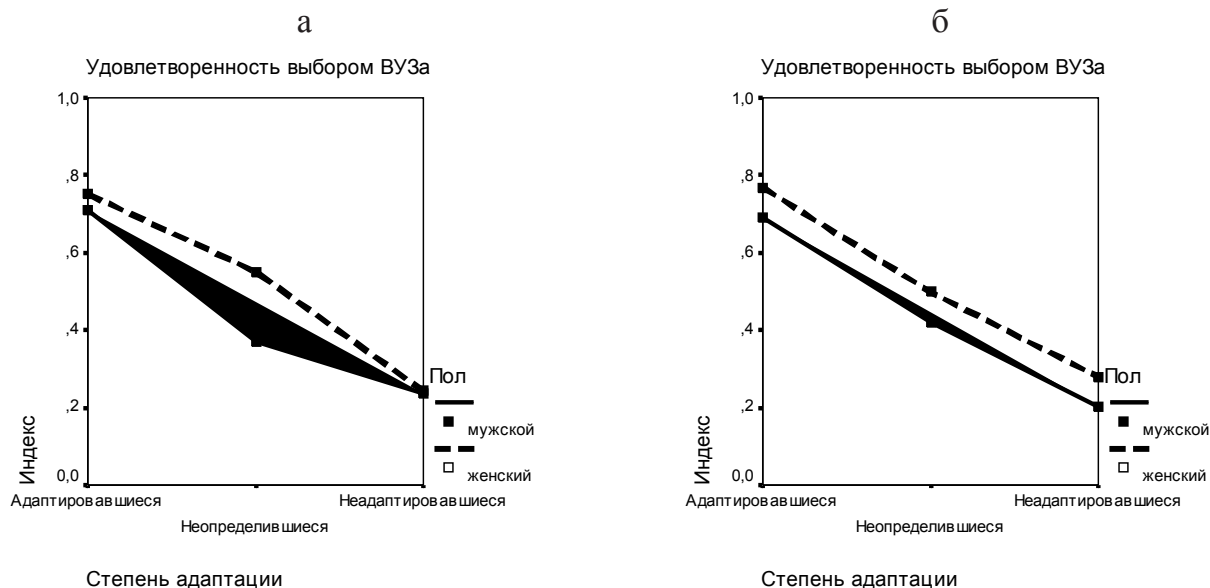

Рис. 2. Зависимость удовлетворенности выбором вуза от пола респондентов и степени адаптации к обучению в вузе: а – фактические данные; б – линейная модель без взаимодействия.

Таблица 2.

Дисперсионный анализ (критерии межобъектных эффектов) удовлетворенности студентов выбором вуза – однофакторная модель

Источник изменчивости	Сумма квадратов	Степени свободы	Средний квадрат	Критерий Фишера F	Уровень значимости
Свободный коэффициент	1,365	1	1,365	233,3	0,001
Степень адаптации	0,240	2	0,120	20,5	0,018
Ошибка	0,01755	3	0,00585		

Таблица 3.

МНК-оценки параметров модели удовлетворенности студентов выбором вуза

Параметр	Обозначение	Кэф. B	Стандартная ошибка	t -критерий	p -уровень	95% доверительный интервал	
						нижний уровень	верхний уровень
Свободный коэффициент	μ_0	0,241	0,054	4,452	0,021	4,452	0,831
[Степень адаптации=1]	β_1	0,489	0,076	6,398	0,008	6,398	0,980
[Степень адаптации=2]	β_2	0,219	0,076	2,865	0,064	2,865	0,499
[Степень адаптации=3]	β_3	0	-	-	-	-	-

Статистически незначимо и взаимодействие признаков, что наглядно следует из сравнения графиков рис. 2: видно, что графики зависимости индекса удовлетворенности студентов выбором ВУЗа, построенные по фактическим и расчетным данным, практически идентичны.

Судя по величине коэффициента детерминации $R^2=0,996$, модель (3) обладает удовлетворительными характеристиками качества – она объясняет 99,6% общей дисперсии. Но параметр α_i статистически незначим, и необходимо перейти к более простой однофакторной модели (4)

$$Y_j = \mu_0 + \beta_j + \varepsilon_{ij}, \quad (4)$$

Пользуясь той же процедурой «общая линейная модель» пакета SPSS Base, получаем следующие результаты дисперсионного анализа удовлетворенности студентов выбором вуза – табл. 2.

Естественно, модель (4) объясняет несколько меньшую долю общей дисперсии – 93,2%.

Оценки параметров модели (4) по методу наименьших квадратов (МНК-оценки) приведены в табл. 3, из которой следует, что статистически значимы все ее параметры.

Поясним принцип расчета индекса «удовлетворен-

ности студентов выбором вуза» для варианта «Степень адаптации=1», т.е. для адаптировавшихся студентов, независимо от их пола. Для этого варианта, согласно (4), расчетное значение индекса будет равно

$$Y = \mu_0 + \beta_1 = 0,241 + 0,489 = 0,730,$$

что совпадает с фактическим значением $I_{удовл} = 0,73015$ (среднее между данными для юношей и девушек).

Среднюю относительную ошибку аппроксимации здесь оценивать некорректно, поскольку среднее значение индекса, в принципе, может быть и нулевым. Но так как в рассматриваемом конкретном случае $Y_{сред} = 0,4770$, можно дать приближенную оценку ошибки аппроксимации. Согласно табл. 3, средний квадрат ошибки $(s_{Err})^2 = 0,00585$, и стандартное отклонение составит

$$StErr = (0,00585)^{1/2} = 0,0765.$$

Тогда средняя относительная ошибка аппроксимации составит значение

$$\varepsilon = 0,0765 / 0,4770 \times 100 = 16,3\%.$$

Полученное значение лишь немного больше 15%, и поэтому можно говорить об удовлетворительной точности модели (4). Из этого факта следует также, что выполненные нами социологические исследования необходимо продолжить, опросив большее количество респондентов.

На рис. 3 полученные нами результаты моделирования представлены в графическом виде.

График на рис. 3 а наглядно демонстрирует существенное отличие индекса удовлетворенности выбором вуза группы адаптировавшихся студентов от группы неадаптировавшихся. Значение индекса удовлетворенности выбором вуза группы неопределившихся студентов находится примерно посередине.

Поясним диаграмму рис. 3 б, сгенерированную процедурой «General Linear Model» пакета SPSS Base. Второй и четвертый квадрат представляют взаимос-

вязь наблюдаемых (Observed) и расчетных (Predicted) значений индекса. Видно, что эта взаимосвязь близка к линейной связи. Остальные квадраты диаграммы представляют взаимосвязь остатков (Residual) с наблюдаемыми и расчетными значениями индекса. Поскольку эта взаимосвязь не носит ярко выраженную зависимость от этих значений, можно принять гипотезу об адекватности полученной модели.

В заключение сформулируем некоторые методологические выводы по результатам представленных статистических исследований.

1. В случае трех уровней порядковых шкал измерения факторных признаков корректным является переход к более информативным количественным шкалам, позволяющим применить различные методы статистического анализа.

2. Эффективным является использование в прикладной социологии индексов, определяемых соотношением частоты ответов респондентов на предусмотренные анкетой их варианты.

3. Применение дисперсионного анализа к исследованию влияния пола и степени адаптации студентов к обучению на удовлетворенность выбором вуза показало, что непосредственное сравнение частоты ответов респондентов не всегда обеспечивает выявления истинной картины изучаемого явления. Необходимо учитывать, что ошибка социологического измерения иногда превышает наблюдаемые эффекты, и учет этого может приводить к некорректным выводам.

В следующей публикации мы рассмотрим результаты исследования структуры факторов адаптации современного студенчества к обучению в вузе методами многомерной статистики.

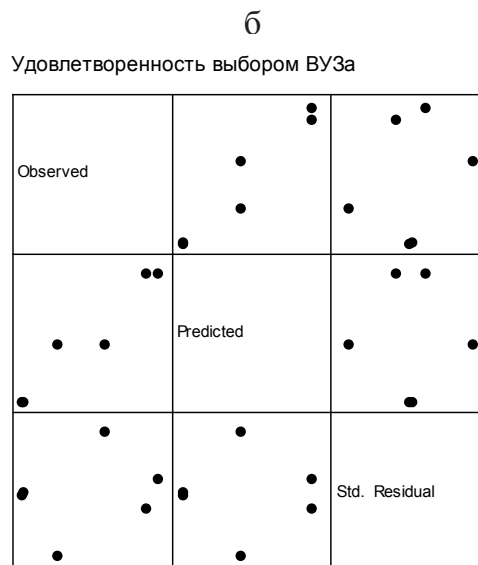

Рис. 3. Зависимость индекса удовлетворенности выбором вуза от степени адаптации к обучению (а) и проверка адекватности линейной однофакторной модели (б).

Библиографический список

1. Бююль А., Цёфель П. SPSS: Искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. СПб.: ООО «ДиаСофтЮП», 2002. 600 с.
2. Гудова Т.Г., Шуметов В.Г. Методические вопросы оценки факторов социально-психологической адаптации студенческой молодежи // Вестник НИИРПО. 2009. Вып. 2. Серия «Экономика и управление». С. 187-196.
3. Налимов В.В. Теория эксперимента. М.: Наука, 1971. 150 с.
4. Социально-психологическая и профессиональная адаптация студентов вузов Центрального региона России (по материалам социологического исследования) / Т.Н. Афонина, Т.А. Иваненко, В.И. Уварова, В.Г. Шуметов. Под ред. канд. филос. наук В.И. Уваровой. – Орел: Изд-во ОрелГАУ, 2001. 200 с.
5. Шуметов В.Г. Data mining в эмпирической социологии: состояние и перспективы // Рационализация государственного и муниципального управления. М-лы Российских социологических чтений. Орел: Изд-во ОРАГС, 2008. С. 51-58.
6. Шуметов В.Г. Методологический подход к количественному представлению данных для моделирования по результатам социологических опросов // Моделирование и прогнозирование в управлении социально-экономическими процессами на региональном уровне: методы и технологии. Сб. трудов кафедры математики и математических методов в управлении. Орел: Изд-во ОРАГС, 2009. С. 118-129.
7. Шуметов В.Г. Моделирование в гуманитарной сфере: новые подходы // Моделирование и прогнозирование в управлении: методы и технологии. М-лы II Международной н.-практ. конф. Орел: Изд-во ОРАГС, 2010. С. 324-333.
8. Шуметов В.Г., Уварова В.И. Методология количественного представления данных для моделирования по результатам социологических опросов // Образование и общество. 2009. № 2. С. 73-78.
9. SPSS Base 8.0 для Windows. Руководство по применению. Перевод–Copyright 1998 СПСС Русь. М.: СПСС Русь. 450 с.

References

1. Byuyul A., Tsefel P. SPSS: The Art of Information Processing. Analysis of Statistical Data and Restore Hidden Hatterns. – St. Petersburg. LLC «DiaSoftYuP», 2002. – 600 p.
 2. Gudova T.G., Shumetov V.G. Methodological aspects of the evaluation factors of social and psychological adjustment of students // Herald NIIRPO. – 2009. – Issue 2. Series «Economics and Management». – P. 187-196.
 3. Nalymov V.V. The Theory of the Experiment. – Moscow: Nauka, 1971. – 150 p.
 4. Socio-psychological and Professional Adaptation of University Students in the Region of Central Russia (based on the survey) / T.N. Afonina, T.A. Ivanenko, V.I. Uvarova, V.G. Shumetov. Ed. Candidate Philosophy Science V.I. Uvarova. – Oryol: OryolGAU, 2001. – 200 p.
 5. Shumetov V.G. Data mining in the empirical sociology: state and prospects // Rationalization of Public Administration. Material of the Russian sociological readings. – Oryol: ORAGS, 2008. – P. 51-58.
 6. Shumetov V.G. The methodological approach to a quantitative representation of the data to model the results of opinion polls // Modeling and Forecasting in the Management of socio-economic Processes at the Regional Level: the Methods and Techniques. Sat works department of mathematics and mathematical methods in management. – Oryol: ORAGS, 2009. – P. 118-129.
 7. Shumetov V.G. Modeling in the humanitarian sphere, new approaches // Modelling and Forecasting in Management: Methods and Techniques. Material of the II International n.-pract. conf. – Oryol: ORAGS, 2010. – P. 324-333.
 8. Shumetov V.G., Uvarova V.I. Quantification methodology for modeling the results of opinion polls // Education and Society. – 2009. – No. 2. – P. 73-78.
 9. SPSS Base 8.0 for Windows. Guidance on the Application. Translation-Copyright 1998 JCSS Russia. Moscow: Russia JCSS. – 450 p.
-

УДК 159.9:338.48 (045)

UDC 159.9:338.48 (045)

С.А. ВАСЮРА

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Удмуртского государственного университета
E-mail: vasyura@inbox.ru

S.A. VASYURA

candidate of Psychology, associate Professor, Department of General Psychology, Udmurt state university
E-mail: vasyura@inbox.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ АКТИВНОСТЬ И СОВЛАДАНИЕ СО СТРЕССОМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ СФЕРЫ ТУРИЗМА

COMMUNICATIVE ACTIVITY AND SOVLADANIYE WITH THE STRESS IN ACTIVITY OF MANAGERS OF THE SPHERE OF TOURISM

В статье с позиций системного подхода рассматривается стиль активности и совладающее со стрессом поведение человека, осуществляющего деятельность. Обсуждаются результаты эмпирического исследования коммуникативной активности и стратегий совладающего поведения у менеджеров туристской сферы. Установлены взаимосвязи коммуникативной активности с различными стратегиями совладания, преимущественно – с просоциальными.

Ключевые слова: коммуникативная активность, совладание, интегральная индивидуальность, стиль.

The article examines the style of activity and the coping with the stress behavior of the person, who fulfills this activity from the positions of systems approach. The results of an empirical study of communicative activity and strategies of the coping behavior are discussed. The interrelations of communicative activity with different strategies of sovladaniya, predominantly - with the the prosotsialnymi are established.

Keywords: communicative activity, coping, integral individuality, style.

В психологии и смежных с ней науках предпринимаются попытки систематизировать и обобщить представления об активности человека. В психологическом словаре под редакцией А.В. Петровского отмечается, что активность – это «всеобщая характеристика живых существ, их собственная динамика как источника преобразования или поддержания ими жизненно значимых отношений с окружающим миром» [7]. Применительно к проблеме активности человека смысл этого понятия раскрывается и соотносится в отечественной психологии через категории «деятельность», «субъект», «субъектность», рассматривается в оппозиции к понятиям «пассивность», «реактивность». Проблема активности анализируется с позиций деятельностного (А.Н. Леонтьев, В.А. Петровский и др.) и субъектно-деятельностного подходов (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, И.А. Джидарьян и др.), определяется в рамках дифференциально-психологического подхода (В.Д. Небылицын, А.И. Крупнов и др.).

В настоящее время большинство эмпирических исследований психологов, посвященных активности человека, ориентированы на какой-либо вид активности – эмоциональной, когнитивной, социальной и др. Внимание психологов также уделяется изучению стилей разных видов активности человека.

Проблема стилей коммуникативной активности представителей социномических профессий стала особенно острой на современном этапе развития общества

в условиях интенсификации социальных процессов и повышения требований к активности человека в разных сферах его жизнедеятельности. Соционеды взаимодействуют с людьми, группами, организациями, сообществами, их коммуникативная активность проявляется особенно интенсивно в затрудненных, напряженных условиях деятельности и мобилизует индивидуально-психологические ресурсы. Стиль активности имеет двойную природу, характеризующую взаимодействие индивидуальности и среды. Стиль, с одной стороны, зависит от внешних условий, требований деятельности. С другой стороны, он имеет внутренние детерминанты, определяется индивидуально-психологическими свойствами человека. Поиск решения проблемы индивидуального стиля активности осуществляется в рамках системного подхода в пермской психологической школе, основанной В.С. Мерлиным.

Первоначально проблема индивидуального стиля рассматривалась в ракурсе изучения индивидуальных стилей деятельности, детерминированных свойствами нервной системы в зависимости от объективных условий деятельности. Учение об интегральной индивидуальности человека (В.С. Мерлин, 1986) внесло мощный вклад в развитие представлений об индивидуальном стиле, который стал изучаться как сложное многокомпонентное системное образование, обусловленное свойствами разных иерархических уровней интегральной индивидуальности [4]. Проведен ряд эмпирических исследований, выявляющих структуру индивидуаль-

ных стилей деятельности и общения, внешних и внутренних факторов развития стилей. Данный подход к изучению стиля – системный, поскольку стилевые характеристики деятельности рассматривались в связи с нейродинамическими, психодинамическими, личностными, социально-психологическими свойствами индивидуальности человека.

Дальнейшая разработка проблемы стиля в пермской психологической школе связана с переходом к полисистемному исследованию, с позиций которого рассматриваются механизмы взаимодействия разных систем – системы «интегральная индивидуальность» и системы «индивидуальный стиль», системы «интегральная индивидуальность» и системы «социум» и т.д. [4] Особенности взаимодействия систем «интегральная индивидуальность» и «индивидуальный стиль» состоят в том, что ни одна из них не определяет другую. Эти системы взаимно определяют друг друга, являясь системами со взаимопроникающими структурами. Вначале интегральная индивидуальность человека оказывает определяющее влияние на индивидуальный стиль, образуя новую систему, а затем эта система влияет на развитие интегральной индивидуальности. Таким образом, интегральная индивидуальность обладает системообразующей функцией, а индивидуальный стиль – системоразвивающей.

Изучение условий развития интегральной индивидуальности показало, что человек сам начинает активно искать наиболее эффективные приемы и способы деятельности и общения в тех случаях, когда изменяются (повышаются) требования деятельности, то есть когда он сам проявляет определенную активность. Б.А. Вяткиным выдвинуты следующие положения, эмпирически подтвержденные в ряде исследований представителей пермской психологической школы с 1991 по 2013 гг.: ведущие виды активности могут быть выделены в связи со специфическими особенностями деятельности (например, спортивной: моторная, эмоциональная, волевая); различные виды активности в разные возрастные периоды являются ведущими для развития индивидуальности в одной и той же деятельности (например, учебной: учебная – в младшем школьном возрасте, коммуникативная – в подростковом возрасте, социальная – в старшем школьном возрасте). Стили коммуникативной активности в условиях стресса, в напряженных условиях жизнедеятельности осужденных были выявлены в исследовании В.И. Шмыкова, подтвердившем ведущую роль этого вида активности в опосредовании взаимосвязей разноуровневых свойств интегральной индивидуальности.

Таким образом, в пермской психологической школе относительно проблемы активности определились несколько линий исследования: а) активность в структуре интегральной индивидуальности; б) ведущая активность и ее структурированные особенности на разных этапах возрастного и профессионального развития; в) влияние ведущей активности на развитие интегральной индивидуальности; г) стиль ведущей активности в различных видах человеческой деятельности (учеб-

ной, игровой, спортивной, художественно-творческой) и жизнедеятельности (Б.А. Вяткин, 2008) [2]. Изучение активности проводится по линии субъектно-деятельностного подхода (К.А. Абульханова-Славская, И.А. Джидарьян), т.е. она рассматривается как интегральный показатель субъектности человека

Другое направление исследований представителей пермской психологической школы – изучение вопросов устойчивости к стрессу с позиций теории интегральной индивидуальности. В этом направлении исследований накоплены ценные для науки и практики данные, относительно представленности разных уровней интегральной индивидуальности в структуре стрессоустойчивости, влияния устойчивости к стрессу на деятельность спортсменов (В.В. Попова, 2011), руководителей тушения пожаров (Б.А. Вяткин, Е.В. Ковтун, 2013), артистов балета (Д.Н. Соснина, 2011) и др.) [3; 8]. Д.Н. Соснина, в частности, в эмпирическом исследовании показала, что стрессоустойчивость у артистов балета детерминирована свойствами разных уровней индивидуальности – подвижностью и уравновешенностью неровной системы, высокой коммуникативной эргичностью, психомоторной скоростью, низкой интеллектуальной и психомоторной эмоциональностью, экспрессивностью, уверенностью в себе, высоким уровнем субъективного контроля [8]. В целом накоплен немалый фактологический материал относительно стрессоустойчивости, совладающего поведения.

Таким образом, в пермской психологической школе в русле теории интегральной индивидуальности созданы предпосылки для выделения стилей коммуникативной активности в качестве самостоятельного предмета исследования и изучения их индивидуально-психологических детерминант у представителей социэкономических профессий в затрудненных условиях деятельности.

В качестве представителей профессий социэкономического типа («человек-человек») в проведенном нами эмпирическом исследовании приняли участие менеджеры сферы туризма. В их деятельности, так же как и в деятельности других представителей социэкономических профессий, существует система стрессовых факторов. В сфере туризма деятельность менеджеров характеризуется большими информационными и коммуникативными нагрузками, высокой ответственностью за жизнь, здоровье и эмоциональное состояние людей (например, в случае политических кризисов, природных и техногенных катастроф), частым возникновением непредвиденных ситуаций и напряженных (стрессовых) ситуаций межличностного взаимодействия, предъявляющих повышенные требования индивидуально-психологическим ресурсам профессионала. В напряженных, эмоциогенных ситуациях межличностного взаимодействия коммуникативная активность менеджеров проявляется особенно интенсивно.

Динамично меняющиеся внешние условия рынка, рост конкуренции делают профессиональную деятельность менеджеров сферы туризма еще более стрессогенной. Индустрия туризма характеризуется тем, что

менеджеры, осуществляющие контакты с клиентами, являются частью продаваемой услуги. Эффективная деятельность менеджеров невозможна без коммуникативной активности, проявляемой в различных профессиональных ситуациях взаимодействия, в том числе напряженных, стрессогенных. Коммуникативная активность рассматривается нами как один из видов активности человека, определяющий его готовность и способность к межличностному взаимодействию, исходящего от него, к реализации функций человека как субъекта общения. В наших предыдущих исследованиях, проведенных в русле интегрального исследования индивидуальности, установлены взаимосвязи коммуникативной активности с разноразмерными индивидуальными свойствами у представителей разных профессиональных групп, в том числе – у менеджеров. [1].

Настоящее исследование было направлено на выявление взаимосвязи коммуникативной активности и стратегий совладания у менеджеров сферы туризма. Для отбора испытуемых были использованы следующие критерии: а) успешность профессиональной деятельности (количественные и качественные характеристики деятельности менеджеров); б) опыт работы не менее 4-х лет. Численность выборки составила 102 человека.

Для изучения коммуникативной активности применялись тест суждений А.И.Крупнова и модифицированный вариант референтометрии. Для оценки копинг-стратегий использовалась методика «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (Strategic Approach to Coping Scale / SACS) С. Хобфолла (адаптированная Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой). Статистическая обработка данных проведена с использованием пакета прикладных программ «SPSS 11.5» и включала первичные описательные статистики, корреляционный анализ.

Изучение совладающего поведения менеджеров сферы туризма в затрудненных условиях деятельности показало, что модели совладания представлены в разной степени. Следует отметить, что совладающее поведение рассматривается нами как социальное поведение человека, позволяющее ему справиться с трудной жизненной ситуацией или стрессом способами, адекватными индивидуально-психологическим особенностям, через определенные стратегии действий. В основе методики С. Хобфолла лежит идея о том, что совладание происходит в трех измерениях (осях): уровень активности и пассивности, просоциальности и асоциальности, прямоты и косвенности. Ось «активность-пассивность» отражает степень, с которой человек принимает активное участие в поиске путей решения трудных ситуаций или, наоборот, проявляет пассивность, уход от проблем. Ось «просоциальность-асоциальность» характеризует уровень и направленность социального взаимодействия при разрешении трудностей. Ось «прямота-косвенность» является наиболее сложным конструктом, поскольку косвенность, опосредованность действий по-разному оценивается в культуральном аспекте.

В результате выполненного исследования установлено, что для менеджеров в большей степени характерны социально направленные стратегии преодоления стресса: «вступление в социальный контакт» (social joining) ($M=24,7$), «поиск социальной поддержки» (seeking social support) ($M=24,3$). Другие стратегии совладания менее выражены: «осторожные действия» (cautious action) ($M=20,3$) «асертивные действия» (assertive action) ($M=19,8$), «непрямые действия» (indirect action) ($M=18,8$), «импульсивные действия» (instinctive action) ($M=18,4$), «агрессивные действия» (aggressive action) ($M=17,1$), «избегание» (avoidance) ($M=16,3$). Наименее характерными для менеджеров являются «асоциальные действия» (antisocial action) ($M=15,5$). Полученные нами данные согласуются с профилем стратегий преодоления представителей коммуникативных профессий (Н.Е. Водопьянова, 2009) [6]. Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что у опытных менеджеров сферы туризма, ведущими стратегиями совладания являются конструктивные, способствующие успешности преодоления стресса в напряженных условиях профессиональной деятельности. А ориентация менеджеров на просоциальные стратегии совладания позволяет констатировать значимость социальных ресурсов для преодоления трудных ситуаций.

Выявлена внутренняя структура совладающего поведения, установлены статистически значимые корреляционные связи между разными стратегиями совладания (уровень значимости $p<0,01$), в том числе между «вступлением в социальный контакт» и «поиском социальной поддержки». По-видимому, в затрудненных условиях деятельности опытными менеджерами сферы туризма используется комбинация стратегий совладающего поведения.

Результаты исследования коммуникативной активности показали, что для менеджеров характерны выраженное стремление к общению и инициативность в завязывании знакомств, преобладание социоцентрической мотивации общения, т.е. желание оказать внимание и проявлять заботу о других людях. Менеджерам свойственен интернальный тип регуляции коммуникативной активности, т.е. они опираются на свои возможности в общении, берут на себя ответственность за характер взаимоотношений с партнерами по общению. Для них характерны как предметно-направленные, так и субъектно-ориентированные (самовыражение, самореализация, самосовершенствование) формы коммуникативной активности. Менеджерам свойственна стеничность в общении, т.е. преобладание положительных эмоций в межличностных контактах. Операциональные и личностные трудности, возникающие в процессе реализации коммуникативной активности менеджеров, не являются выраженными, т.е. не нарушают общение.

Далее в результате корреляционного анализа у менеджеров установлены взаимосвязи коммуникативной активности и стратегий совладающего поведения в рамках многоосевой модели С. Хобфолла. Как мы полагаем, эти связи лежат в основе стилей коммуникативной

активности менеджеров, проявляемых в затрудненных условиях деятельности.

Выявлено наличие корреляционных связей различных компонентов коммуникативной активности со стратегиями совладания, кроме стратегий «избегание» и «импульсивные действия». Можно полагать, что выбор данных стратегий обусловлен другими личностно-средовыми ресурсами, навыками разрешения проблем. Многочисленны прямые связи коммуникативной активности с просоциальными стратегиями совладания – «вступлением в социальный контакт» и «поиском социальной поддержки» ($p < 0,01$). С данными стратегиями связаны динамический, мотивационный, эмоциональный, регулятивный, когнитивный продуктивный компоненты коммуникативной активности. Это позволяет сделать вывод о том, что чем выше коммуникативная активность, тем более выражены в совладающем поведении менеджера данные социально ориентированные копинг-стратегии, заключающиеся в направленности на кооперацию и совместную деятельность с другими людьми, на получение эмоциональной поддержки от них. При повышении коммуникативной активности более выраженной становится ориентировка на опыт других людей, укрепляется уверенность в разрешении трудностей за счет поддержания тесных взаимосвязей с людьми, избегания одиночества. Можно констатировать, что выявленные связи характеризуют просоциальный стиль коммуникативной активности менеджеров.

Обнаружены взаимосвязи компонентов коммуникативной активности с другими стратегиями совладания. Так, социоцентричность положительно связана со стратегией «ассертивные действия» ($p < 0,05$), осмысленность – со стратегией «манипулятивные действия» ($p < 0,05$). Таким образом, при выраженной социоцентрической мотивации общения менеджеров наблюдается уверенное поведение в сложных, стрессовых ситуациях, т.е. характерны когнитивные и поведенческие усилия, направленные на самостоятельное разрешение ситуаций. Понимание менеджерами собственных коммуникативных возможностей согласуется с непрямыми, манипулятивными действиями для разрешения сложной ситуации.

Установлена положительная связь операциональных трудностей реализации коммуникативной активности со стратегией «асоциальные действия» ($p < 0,01$), широты контактов – со стратегией «осторожные действия» ($p < 0,05$). Таким образом, при снижении трудностей реализации коммуникативной активности инструментального плана снижаются асоциальные действия, т.е. жесткие, негуманные действия человека, учитывающие, прежде всего собственные интересы в сложных, эмоциогенных ситуациях. При расширении пространства социальных связей менеджером избирается модель поведения, в которой его усилия направлены на взвешивание возможных последствий возникшей ситуации, на проверку рисков, на рациональное распределение имеющихся у него ресурсов. Итак, коммуникативная активность менеджеров связана с широким спектром стратегий преодоления, помогающих справиться с препятствиями и угрозами как с помощью активных действий, так и косвенных, позволяющих адаптироваться к возникшим в связи с профессиональной деятельностью трудностям без потерь эффективности выполняемой деятельности. Коммуникативная активность может рассматриваться как копинг-ресурс, имеющий значение в совладании со стрессом.

Полученные данные в целом позволяют констатировать, что в затрудненных условиях деятельности менеджеры сферы туризма избирают стратегии преодоления, которые основаны на взаимодействии с другими людьми. Выявленные в эмпирическом исследовании данные о взаимосвязи коммуникативной активности со стратегиями совладающего поведения представляют интерес с практической точки зрения, так как могут быть учтены специалистами в процессе психологического сопровождения профессионального развития менеджеров туристской сферы, а также быть использованы для разработки программ стресс-менеджмента. Представляется значимым дальнейшее исследование этой проблемы в плане выявления индивидуальных стилей коммуникативной активности и их детерминации разноуровневыми свойствами интегральной индивидуальности менеджеров.

Библиографический список

1. Васюра С.А. Профессиональные аспекты коммуникативной активности в интегральном исследовании индивидуальности человека // Вестник Удмуртского университета (Серия: философия, психология, педагогика). 2009. Вып. 1. С. 157-166.
2. Вяткин Б.А. Homo activus (человек активный) как научный продукт интегрального исследования индивидуальности в Пермской психологической школе // Активность – индивидуальность – субъект: материалы Всероссийской научной конференции / Научн. ред. Б.А.Вяткин; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2008. С. 16-17.
3. Вяткин Б.А., Ковтун Е.В. Стиль деятельности в экстремальных условиях как эмерджентное свойство интегральной индивидуальности руководителей тушения пожаров // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013, № 1 (52). С. 3-7.
4. Вяткин Б.А., Щукин М.Р. Психология стилей человека: учеб. пособие. Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь: Книжный мир, 2013. 128 с.
5. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 254 с.
6. Психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского. М.: Политиздат, 1990. С. 14.
7. Соснина Д.Н. Устойчивость к психическому стрессу и исполнительская деятельность артиста балета // Вестник МГУКИ. 2011. № 1 (39). С. 195-201.

References

1. Vasyura S.A. Professional aspects of communicative activity in an integral study of the individuality of man // The herald of Udmurt university (series: philosophy, psychology, pedagogy). 2009. № 1. - P. 157-166.
2. Vyatkin B.A. Homo of activus (men active) as the scientific product of an integral study of individuality in the Permian psychological school // activity - individuality - the subject: the materials of the All-Russian scientific conference/of scientific. ed. B.A. Vyatkin; Perm. State. ped. university. Perm', 2008. - P. 16-17.
3. Vyatkin B.A., Kovtun E.V. Style of activity under the extreme conditions as the emergent property of the integral individuality of the leaders of the extinguishing of fires psycho-pedagogy in the law-enforcement agencies. 2013, № 1 (52). - P. 3-7.
4. Vyatkin B.A., Shchukin M.R. Psychology of the styles of the man: studies. benefit. Perm. State. it humanit. - ped. university. Perm': Book peace, 2013. - 128 p.
5. Merlin V.S. Sketch of the integral research of individuality. M.: Pedagogy, 1986. - 254 p. 6. Psikhodiagnostika of stress /edited by G.S. Nikiforova. St. Petersburg: Peter, 2009. - 336 p.
6. Psikhologiya. Dictionary/ edited by A.V. Petrovskiy. M.: Politizdat, 1990. - P. 14.
7. Sosnina D.N. Stability to the mental stress and the performer activity of the artist of ballet // Herald MGUKI. 2011. № 1 (39). - P. 195-201.

УДК 159.9

И.В. ГРЮНБЕРГ

зам. директора по учебно-воспитательной работе Орловской специальной (коррекционной) общеобразовательной школы VIII вида
E-mail: griunberg.irina@yandex.ru

UDC 159.9

I.V. GRIUNBERG

deputy director on educational work by Orel special (correctional) general schools VIII of the form
E-mail: griunberg.irina@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОБЛЕМЫ АГРЕССИИ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА

THE THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE PROBLEM OF AGGRESSION ADOLESCENTS WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

В статье рассматриваются теоретические подходы к понятиям «агрессия», «агрессивное поведение», «агрессивность». Раскрываются социально-психологические механизмы возникновения агрессивного поведения подростков. Анализируется современное состояние проблемы агрессии подростков с нарушением интеллекта, определяются пути оказания психолого-педагогической помощи данной категории детей.

Ключевые слова: агрессия, агрессивность, агрессивное поведение, фрустрация, подростковый возраст, нарушение интеллекта.

The theoretical approaches to the understanding of such terms as aggression, aggressive behavior, aggressiveness revealed what are the social and psychological mechanisms of the appearance of the teenagers aggressive behaviour. The modern condition of the problem of the teenagers aggression whose intellect is broken is analysed. Besides the ways of how to render psychological and pedagogical assistance to such children are defined in this article.

Keywords: aggression, aggressiveness, aggressive behaviour, frustration, the juveniles age, the breaking of intellect.

Феномену человеческой агрессии посвящено большое количество исследований в отечественной и зарубежной науке. Это связано с обострением проблемы агрессии в различных социальных группах (в семье, в дружеских компаниях, в среде образовательных учреждений). Тревогу вызывает явно возрастающий уровень агрессивного поведения молодежи, в частности – подростков [14]. Этот период онтогенеза характеризуется многими авторами как кризисный, сопровождающийся неустойчивостью настроения, поведения, колебаниями самооценки, конфликтностью, а также потребностью в самоутверждении. Таким образом, подростковый возраст является группой риска возникновения отклоне-

ний поведения и агрессии [13].

Рассмотрим содержание понятий «агрессия» и «агрессивность». В рамках традиционного подхода агрессия рассматривается как мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям и вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности). Синонимичным является понятие «агрессивное поведение», которое определяет одну из форм реагирования на различные неблагоприятные в физиче-

ском и психическом отношении жизненные ситуации [2].

Термин «агрессивность» имеет несколько иное значение и подразумевает качество личности, которое определяет готовность к проявлению агрессии, а также характеризует внутреннее психологическое состояние субъекта [5].

В настоящее время научный и практический интерес представляет изучение агрессии подростков, обучающихся в специальных (коррекционных) школах VIII вида. Большая часть учащихся данных школ имеют интеллектуальную недостаточность, клинический диагноз F70 (умственная отсталость лёгкой степени).

Как показали работы ряда авторов (Д.Н. Исаев, Я.Н. Николаенко, О.А. Бажукова), агрессия подростков с легкой формой интеллектуальной недостаточности и определение пути оказания психолого-педагогической помощи является одной из важных проблем коррекционной психологии. Она остаётся недостаточно разработанной, несмотря на то, что в работах многих исследователей имеются указания на негативизм, враждебность, проявляемые в поведении данной категории школьников.

Психологические исследования П.Я. Альбрехта, Е.С. Грининой показывают, что в данной группе детей часто наблюдаются упрямство, конфликтность, гротескная самоуверенность, нетерпимость по отношению к критике, повышенная требовательность к окружающим. При этом среди проявлений агрессии подростков с интеллектуальными нарушениями довольно часто наблюдаются реакции активного или пассивного протеста, грубой речевой коммуникации, аффективность эмоциональных выпадов, иногда сопровождающаяся физическими нападениями [1], [4].

Весьма важны разработки Е.С. Иванова, отразившего типологические особенности агрессивного поведения детей с интеллектуальной недостаточностью в возрасте 7-10 лет. По его мнению, существуют следующие виды агрессии.

1. Агрессия как проявление компенсаторной реакции при инфантильно-гедонистической мотивации в связи с трудностями учебной деятельности.

2. Агрессия как проявление эксплозивное (готовность к внезапному, неадекватно сильному, взрывного характера, проявлению аффекта) при олигофрении.

3. Агрессия как проявление извращённых влечений (сексуального, инстинкта самосохранения и др.).

4. Агрессия при психомоторном и аффективном возбуждении.

5. Агрессия как реакция протеста на трудности во взаимоотношениях.

6. Агрессия при дисфорических нарушениях.

7. Агрессия подражательного характера, становящаяся стереотипом поведения.

8. Агрессия как проявления групповой солидарности [6].

По мнению Д.Н. Исаева, агрессивное поведение детей с интеллектуальной недостаточностью служит проявлением аффекта, дисфорических нарушений,

компенсаторной реакции на трудности, извращённых влечений. Среди возможных социальных условий возникновения агрессии автором указываются трудности взаимоотношений с окружающими и подражание [7].

Особую актуальность представляет изучение особенностей поведения учащихся школ VIII вида, как подражание негативным образцам, реакции на фрустрирующую ситуацию, а также отсутствие навыков анализа социального опыта. В связи с этим, для нашего исследования представляют интерес разработки, посвящённые обоснованию причин появления агрессии подростков с интеллектуальными нарушениями.

В соответствии с этим (работы К.С. Лебединской, О. Кёрнберга и др.) агрессия возникает у лиц, склонных к акцентуированному поведению. Для них подобное поведение становится неизбежным при столкновении с неблагоприятными факторами окружающей среды. Причина неблагополучия объясняется следствием дефекта, характерологическими особенностями психического развития детей с интеллектуальной недостаточностью [7].

В отечественной коррекционной психологии агрессивное поведение лиц с интеллектуальными нарушениями рассматривается, прежде всего, в клиническом аспекте. Ведущим нарушением, во многом определяющим особенности развития подростка с интеллектуальной недостаточностью, является органическое поражение головного мозга на ранних этапах онтогенеза, о чём говорится в работах Л.С. Выготского, М.С. Певзнер, С.Я. Рубинштейн. Качественное своеобразие личностного и социального развития, поведения лиц при нарушениях интеллекта изначально обусловлено влиянием комплекса биологических и социальных факторов, включающих в себя степень тяжести дефекта, время его возникновения, особенности его структуры [11].

В работах Л.С. Выготского представлен анализ особенностей социализации детей, имеющих физические и психические нарушения. Социальное, личностное, эмоциональное развитие подростков с интеллектуальной недостаточностью часто проходит в условиях, способствующих появлению отклоняющегося и агрессивного поведения. Психический дефект создаёт почву для возникновения препятствий в установлении социальных связей, неблагоприятно влияет на формирование личности [3].

В свете этого, исследование Рычковой Л.С. подчёркивает причину интеллектуальной недостаточности как фактор, предопределяющий затруднения социализации подростков с нарушением интеллекта, проявляющийся в дезадаптивных способах реагирования, социальном инфантилизме, возникающем вследствие неразвитого самосознания, неадекватных социальных воздействий [12].

Таким образом, социальные причины, неконструктивное взаимодействие с окружающими имеют большое значение в формировании негативных проявлений дизонтогенеза. Чем раньше в жизни ребёнка сложились неблагоприятные условия, тем более грубыми и стойкими будут нарушения развития [3].

Так, L. Berkowitz представил механизм возникновения агрессии как средство социальной защиты и влияния фрустрации [15]. Фрустрация при этом описывается как психическое состояние, вызванное неуспехом в удовлетворении потребности, желания, которое сопровождается отрицательными эмоциями, разочарованием, раздражением, отчаянием [2].

По мнению Я.Н. Николаенко, агрессивное поведение во фрустрирующей ситуации у подростков с нарушением интеллекта возникает чаще, чем у подростков с нормальным развитием [9].

В рамках фрустрационной теории заслуживает внимания работа Платоновой Н.М., которая описывает основные причины появления агрессивного поведения детей с нарушением интеллекта. К ним относятся подражание агрессору и ориентация на его поведение как на образец. При этом ответный агрессивный выпад часто является защитной реакцией на неприятие предъявляемых требований со стороны окружающих. Довольно часто упрямство, конфликтность, нетерпимость являются следствием такого опыта [10].

Подростки с нарушением интеллекта в ситуации фрустрации чаще прибегают к таким механизмам психологической защиты, как отрицание, вытеснение, компенсация, и другим, затрудняющим осознание внутриличностных проблем, и, следовательно, препятствующих установлению конструктивных взаимоотношений со взрослыми и сверстниками [8].

На основе анализа литературных источников мы

полагаем, что агрессия, безусловно, является отклонением социально-личностного развития подростка с интеллектуальной недостаточностью.

Необходимость дальнейшего изучения особенностей агрессии подростков с нарушением интеллекта обусловлена, прежде всего, важностью разработки путей и средств превентивной коррекционно-развивающей работы, исключающей случаи агрессивного поведения у данной категории детей. Основными направлениями исследования являются, на наш взгляд, изучение поведения подростков с нарушением интеллекта, возникающего при неблагоприятном воздействии социального окружения, недоразвитии навыков анализа социального опыта. Следствием этого, как правило, становятся фрустрация, подавленные переживания собственной неуспешности, а также копирование негативных поведенческих образцов.

Наше исследование предполагает изучение и анализ агрессии подростков с интеллектуальными нарушениями в контексте социального взаимодействия, а также разработку комплексной программы помощи, включающей коррекционную работу с данной категорией детей, с их родителями и педагогами.

Мы предполагаем, что формирование навыков эффективного взаимодействия с окружающими, социально-приемлемого поведения подростков с интеллектуальной недостаточностью позволит повысить уровень социализации учащихся специальной (коррекционной) школы VIII вида.

Библиографический список

1. Альбрехт Э.Я. Психолого-педагогическая характеристика нарушения поведения у подростков, страдающих олигофренией. Автореф. дис. канд. наук. М., 1976. С. 13-20.
2. Большой психологический словарь. / Сост. Б. Мещеряков, В. Зинченко. М.: Прайм – Еврознак, 2003. 672 с.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 5.
4. Гринина Е.С. Особенности возникновения конфликтов в межличностных отношениях школьников с интеллектуальным недоразвитием // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 51.
5. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60-72
6. Иванов Е.С. Клиническое изучение побегов и агрессии у умственно отсталых школьников младших классов вспомогательных школ: аннотация. СПб.: Издательство Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, 1989. 14 с.
7. Исаев Д.Н. Умственная отсталость у детей и подростков. СПб.: Речь, 2003. 391 с.
8. Лясина Е.С. Механизмы психологической защиты умственно отсталых подростков с различными типами акцентуаций характера // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 54.
9. Николаенко Я.Н. Агрессивное поведение старших школьников с нарушением интеллекта при различных типах акцентуаций характера // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 105.
10. Платонова Н.М. Агрессия у детей и подростков: Учебное пособие. СПб.: Речь, 2006. 336 с.
11. Рубинштейн С.Я. Психология умственно отсталого школьника. М.: Просвещение, 1986. 192 с.
12. Рычкова Л.С. Медико-психологические аспекты школьной дезадаптации у детей с интеллектуальными затруднениями: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. 186 с.
13. Сукиасян С.Г. Агрессия: социальный или биологический феномен? Ереван.: Асогик, 2002. 177 с.
14. Шипова Л.В. Проблема диагностики агрессии у подростков с умственной отсталостью // Философия и образование: интеллектуальные традиции и новации. Сб. науч. статей. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. Вып. VIII. С. 137-143.
15. Berkowitz L. Aggression: its causes, consequences, and control / N.-Y., 1993. Pp. 363-430.

References

1. Albrecht E.Y. Psycho-pedagogical characteristics of behavioral disturbances in adolescents with mental retardation. Author. dis. Candidate. Science. - M., 1976. P. 13 - 20.
2. A significant psychological vocabulary. / Comp. B. Mescheryakov, V. Zinchenko. - Moscow: Prime - Evroznak, 2003. - 672 p.
3. Vygotsky, L.S. Collected Works. - M., 1983. - T. 5.
4. Grinina E.S. Features of conflict in interpersonal relations students with intellectual immaturity // RGPU News of A.I. Herzen. 2008. - № 51.

5. *Yenikolopov S.N.* The concept of aggression in modern psychology // *Applied Psychology*. - 2001. - № 1. - P. 60 – 72.
6. *Ivanov E.S.* Clinical study shoots and aggression of mentally retarded pupils of Junior school auxiliary schools: annotation. - St. Petersburg: Publishing house of Leningrad state pedagogical Institute. A.I. Herzen, 1989. - 14 C.
7. *Isaev D.N.* Mental retardation in children and adolescents. - SPb.: Speech 2003. - 391 p.
8. *Lyasina E.S.* Mechanisms of psychological protection of mentally retarded teenagers with various types of aksentuation of character // *RGPU News of A.I. Herzen*. 2008. - No. 54.
9. *Nikolaenko I.N.* Aggressive behavior of the senior pupils with intellectual disabilities at various types of accentuations of character // *RGPU News of A.I. Herzen*. 2009. - № 105.
10. *Platonova N.M.* Aggression in children and adolescents: a Training manual. - SPb.: Speech, 2006. - 336 p.
11. *Rubinstein. S.Y.* Psychology mentally retarded schoolboy. M: Education, 1986. - 192 C.
12. *Rychkova L.S.* Medical and psychological aspects of school exclusion of children with intellectual difficulties: monograph. – Chelyabinsk, 2008. - 186 S.
13. *Sukiasyan YE.A.R.* Aggression: a social or biological phenomenon? - Yerevan.: Asogik, 2002. - 177 p.
14. *Shipov L.V.* Problem of diagnostics of aggression in adolescents with mental retardation // *Philosophy and education: the intellectual traditions and innovations. Sat. nauch. articles*. - Saratov: publishing center «Nauka», 2009. Vol. VIII. - P. 137-143.
15. *Berkowitz L.* Aggression: its causes, consequences, and control / N.-Y., 1993. P. 363-430.

УДК 159.9:34+351.81

UDC 159.9:34+351.81

Л.Н. КОСТИНА

доктор психологических наук, начальник кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова
E-mail: kostin62@mail.ru

L.N. KOSTINA

doctor of psychological sciences, Head of the chair of criminal law, criminology and psychology of Orel Law Institute of MIA of the Russia named after V.V. Lukyanov
E-mail: kostin62@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ, СИСТЕМАТИЧЕСКИ НАРУШАЮЩИХ ПРАВИЛА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

THE RELATIONSHIP OF PSYCHOLOGICAL AND CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF THE DRIVERS, WHO SYSTEMATICALLY VIOLATE THE TRAFFIC RULES

В качестве результатов исследования представлены некоторые психологические и криминологические особенности и типы водителей, нарушающих правила дорожного движения. Обоснованы связи между нарушениями правил дорожного движения с возрастом и полом, опытом вождения, состоянием и деформациями правосознания таких водителей.

Ключевые слова: правила дорожного движения, нарушитель правил дорожного движения, особенности личности водителей, систематически нарушающих правила дорожного движения, сотрудник подразделения ГИБДД.

Som of the psychological and criminological characteristics and types of drivers who violate traffic rules are presented in the article as the results of the research. The links between traffic violations and the age and gender, experience in driving, the state and deformation of legal awareness of such drivers are explained here.

Keywords: traffic rules, the infringer of traffic rules rules, characteristics drivers personality, who systematically violate the traffic rules, the officer of Traffic Police Department.

Актуальность обращения к проблемам систематических нарушений правил дорожного движения и повышения эффективности деятельности сотрудников дорожно-патрульной службы определяется состоянием аварийности. Так, в 2012 году в общей структуре аварийности наибольшее количество дорожно-транспортных происшествий происходило по причине нарушения Правил дорожного движения водителями транспортных средств, в таких дорожно-транспортных проис-

шествиях погибли и получили ранения подавляющее большинство пострадавших (85,9 % общего числа погибших и 91 % общего числа раненых). Поэтому одной из задач Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» является сохранение жизни и здоровья участников дорожного движения за счет повышения дисциплины и культуры поведения на дорогах.

Повышение эффективности работы с граждана-

ми, которые нарушают правила дорожного движения, связано в первую очередь с изучением психологических особенностей этих лиц и использованием этих особенностей в деятельности сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ДПС ГИБДД). В криминологических и психологических исследованиях учеными отмечается, что личность правонарушителя характеризуется определенными особенностями, отличающими его от законопослушных граждан. Кроме того, для личности неосторожных правонарушителей менее чем для умышленных преступников характерно наличие криминогенных свойств личности. Мы придерживаемся устоявшихся стереотипов и представлений о том, что среди водителей чаще всего встречаются злостные правонарушители. При этом не исключаем мнения и о том, что среди пешеходов, как самой многочисленной и самой уязвимой группы участников дорожного движения, встречаются те, кто систематически нарушают Правила дорожного движения. Об этом свидетельствуют не только результаты исследований и данные статистики, но и результаты исследований, проведенных сотрудниками кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова [5].

В научной литературе вопросам обеспечения безопасности дорожного движения уделяется много внимания. Различные аспекты этой проблемы получили освещение в работах ученых-криминологов и психологов: Ю.М. Антоняна, П.С. Дагеля, А.И. Долговой, М.И. Еникеева, В.Е. Квашиса, Д. Клебельсберга, С.Н. Мешалкина, Д.А. Никитаса, А.Н. Романова, М.А. Шнейдера, В.Е. Эминова и др. Чаще всего в литературе указывается типичный перечень особенностей, характерных для нарушителей Правил дорожного движения (ПДД): безразличие к общественным интересам, суетливость и неуверенность на дороге, пренебрежение или безразличие к правилам безопасности и их соблюдению, недисциплинированность, невыполнения определенных действий, которые участник дорожного движения мог и обязан был выполнять, исходя из своих гражданских, профессиональных и должностных обязанностей и т.д.

Учитывая ограниченность информации в научной литературе о психологических и криминологических особенностях водителей, допускающих систематические нарушения ПДД, было проведено исследование, в котором были использованы: 1) анкетирование 125 сотрудников Госавтоинспекции; 2) наблюдения автора за действиями водителей во время проведения мероприятий по пропаганде безопасности дорожного движения совместно со слушателями выпускных курсов ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова. Основанием для использования в проводимом исследовании наблюдения и анкетирования послужило предположение о том, что кроме мнений и оценок сотрудниками Госавтоинспекции личностей правонарушителей-водителей необходимо дополнение в виде целенаправленного изучения реакций и поведения участников дорожного движения во взаимо-

отношениях с сотрудниками ДПС, а также мнений самих граждан о поведении на дорогах и соблюдении ими правил дорожного движения. Подобный подход оправдан соображениями объективности и использованием принципа системности в проводимом исследовании.

Опрос сотрудников подразделений ГИБДД территориальных органов МВД России показал, что водители чаще всего систематически нарушают: 1) установленные требования к скоростному режиму (по мнению 88,4 % респондентов), требования к использованию ремней безопасности (60,5 % респондентов), правила маневрирования и расположения на проезжей части (27,9 %).

По результатам исследования были выделены следующие психолого-криминологические особенности личности водителей, систематически нарушающих ПДД.

1. Возраст и гендерные признаки. Согласно результатам опроса сотрудников Госавтоинспекции, лица, систематически нарушающие ПДД, относятся к юношескому и зрелому возрасту – от 18-35 (соответственно 18-20 лет – 65,1%, 20-25 лет – 60,5 %, 26-35 лет – 23,3 % респондентов). Это подтверждается и результатами других исследований, согласно которым водители моложе 25 лет совершают дорожно-транспортные происшествия [10]. Кроме того, полученные данные согласуются с закономерностью другого вида правонарушений – преступного поведения. Наиболее часто преступления совершают лица в возрасте 16-29 лет [1]. На указанный период жизни 18-35 лет попадает кризис «зрелости», связанный с поиском себя и своего места в жизни, реализации своих способностей [2]. Полагаем, что одним из проявлений такого кризиса у водителей-правонарушителей становятся конфликты с законом, включая конфликты в сфере дорожного движения. Возрастные характеристики водителя, систематически нарушающего ПДД, являются своеобразным индикатором достижения личностью социальной зрелости, усвоения им правовых норм и предписаний в сфере дорожного движения, а также связаны с другими личностными особенностями, о которых можно судить по возрастным критериям. Стоит также отметить мнение десятой части опрошенных (11,6 %): среди злостных правонарушителей отмечается и возрастная категория старше 50 лет.

Анкетирование показало, что чаще всего систематически нарушают ПДД мужчины (93%). Это также согласуется с закономерностью, выявленной по результатам многочисленных исследований: мужчины чаще всего совершают преступления, включая преступления по неосторожности. Вместе с тем, каждый десятый респондент (11,6 %) считает, что среди лиц, систематически нарушающих ПДД, имеются и женщины-водители. Этот факт нельзя игнорировать сотрудникам ДПС ГИБДД. В последние годы удельный вес женщин-водителей в России увеличивается, и в перспективе будет возрастать. По данным многочисленных психологических исследований, мужчины демонстрируют большее стремление к независимости, обретению индивидуальности через отделение от со-

циальной микросреды. Для женщин более приемлема взаимозависимость, обретение индивидуальности в социальных связях. Женщины более чувствительны, эмпатичны, способны понять чувства других, склонны к опеке и проявлению заботы [7].

Женская психология накладывает определенный отпечаток на управление транспортным средством. Женщины-водители в отличие от мужчин-водителей имеют более позитивные социальные установки, обладают большей дисциплинированностью и аккуратностью при управлении транспортным средством. Поэтому женщины реже допускают грубые нарушения правил дорожного движения, реже создают опасные ситуации, более осторожны и надежны в нормальных условиях, у них реже наступают тяжкие последствия в дорожно-транспортных происшествиях. В то же время в силу повышенной эмоциональности и меньшей физической выносливости женщины значительно менее адекватно реагируют на экстремальные условия и опасные дорожные ситуации. Указанные психологические особенности женщин, которые усиливаются в экстремальных условиях дорожного движения, в сочетании с увеличением количества транспортных средств становятся причинами совершения правонарушений.

2. По мнению респондентов, социальное положение лиц, систематически нарушающих ПДД, распределилось следующим образом. В первую очередь, это студенты (по мнению 67,4 % опрошенных) и предприниматели (55,8 %), затем служащие (18,6 %) и рабочие (14 %), пенсионеры (9,3 %) и сотрудники правоохранительных органов (4,7 %). Пятая часть сотрудников указали на то, что социальное положение не имеет никакого значения (полученные данные сочетаются с ранее проанализированным возрастом злостных правонарушителей. Определенную роль в совершении студентами и предпринимателями административных правонарушений играет материальный фактор. Благодаря обеспеченности родителей студентов и предпринимателей они могут оплатить любой штраф, не делая должных выводов. В последующем такая категория граждан продолжает пренебрегать ПДД.

3. Согласно проведенному исследованию, опыт вождения лиц, систематически нарушающих ПДД, приходится на первые три года (так считают 65,1 % респондентов), четыре-пять лет (60,5 %), шесть-десять лет (23,3 %).

С учетом полученных данных отметим, что в механизме систематического совершения водителями правонарушений значительное место могут занимать:

– недостаточный опыт вождения. Неопытный водитель (1-3 года) оказывается неподготовленным к различным дорожным ситуациям по причине недостаточной автоматизации навыков управления автомобилем еще более недостаточно сформированных умений. Следствием чего могут стать нарушения правил дорожного движения, а в случае неприятия должных и своевременных мер со стороны самого водителя и (или) сотрудников ДПС такие нарушения могут стать систе-

матическими. Исследования показывают, что «объективным выражением подготовленности водителей является степень автоматизации навыков при управлении автомобилем в различных дорожных условиях, их широта, прочность и динамичность. Отдельные управляющие действия должны быть объединены в один двигательный акт, что позволяет быстро и своевременно выполнять сложные маневры при управлении автомобилем. В неожиданных аварийных ситуациях действия опытного водителя характеризуются быстротой, точностью и полным соответствием требованиям безопасности в данной конкретной обстановке» [6]. В условиях дорожного движения нестандартные ситуации приводят молодых водителей (и, как правило, неопытных) к растерянности, к неосознанию необходимости осуществления тех действий, которые должны совершаться автоматически.

Стоит подчеркнуть, что рост интенсивности движения и повышение экстремальности вождения в этих условиях, недостаточный опыт управления ТС и низкий уровень культуры участников дорожного движения являются дополнительными факторами риска совершения повторных правонарушений в первую очередь наиболее уязвимыми категориями граждан – женщинами, пожилыми, эмоционально неустойчивыми лицами. У лиц пожилого возраста (более опытных) отмечается сочетание комплекса устойчивых и сформированных навыков и умений управления транспортным средством со сниженной эмоционально-волевой устойчивостью (в силу возрастных особенностей личности). Это может привести к тому, что складывающаяся экстремальная ситуация может стать для таких эмоционально-неустойчивых лиц, несмотря на опыт вождения, конфликтной. Конфликт сводится к противостоянию, с одной стороны, стереотипами труда, автоматизированными элементами действия и эмоциями, вызванными нестандартной, проблемной ситуацией, а также скоротечностью этой ситуации. Такой конфликт может дезорганизовать работу воли и сознания [4]. Следствием чего становятся ошибки, нарушения ПДД, в т.ч. систематические нарушения.

– опыт «успешного» (т.е. безнаказанного) нарушения Правил дорожного движения. Нарушив те или иные запреты при благоприятном стечении обстоятельств, человек сознательно или подсознательно фиксирует в памяти, что никаких отрицательных последствий не наступило: никто не пострадал, а он остался безнаказанным. Полученный негативный опыт формирует уверенность в собственной неуязвимости, которая играет роль мотива для последующего правонарушения. Как справедливо отмечает А.Н. Романов, «при безнаказанности неправильное поведение водителя (и пешехода) закрепляется» [6]. Наибольшего эффекта закрепления опыта систематического нарушения ПДД достигают те водители, у которых не только отсутствует (или снижен) страх быть наказанным (как внешний мотив, препятствующий совершению правонарушения). В случае сочетания у личности сниженного страха перед наказанием с недостаточно развитыми нравственными чувствами (вины, долга, ответственности, сострадания к

возможным или реальным жертвам и пр.) «рождается» циничный водитель, который не только вызывающе-пренебрежительно относится к ПДД, но и нарушает их, игнорируя или презирая культуру безопасного поведения на дорогах.

4. Психологические особенности личности водителей, систематически нарушающих ПДД. Изучение особенностей правового сознания лиц, систематически нарушающих ПДД, считается основополагающим для понимания генезиса отклоняющегося поведения личности, его мотивов, для социальной оценки личности и прогнозирования антиобщественных поступков.

Результаты обработки анкет показали, что правосознание лиц, допускающих систематические нарушения правила дорожного движения, характеризуется, по мнению третьей части опрошенных (30,2 %), незнанием этих правил, что свидетельствует о несформированности когнитивного компонента правосознания. Две трети опрошенных сотрудников (67,4 %) отмечают, что водители пренебрегают ПДД, а 16,2 % респондентов считают, что водители негативно-нейтрально относятся к сотрудникам, которые пресекают нарушения правил дорожного движения. Приведенные данные свидетельствуют о недостаточной сформированности у водителей интеллектуального и эмоционального компонента правосознания. О деформации волевого компонента правосознания граждан свидетельствуют ответы 46,5 % сотрудников о том, что водители намеренно игнорируют и не соблюдают ПДД. Кроме того, 72,1 % опрошенных сотрудников утверждают, что такие водители обладают низким уровнем культуры на дорогах и дорожно-транспортной дисциплины. Это подтверждает вывод о том, что в числе причин систематических правонарушений водителей особое место занимает «человеческий фактор» в виде недостаточной правовой подготовленности к участию в дорожном движении и как следствие – деформации правосознания личности.

Анкетирование показало, что состояние водителей оказывает влияние в определенной степени на систематичность нарушений ими ПДД (по мнению респондентов, правонарушители могут находиться как в нормальном состоянии (46,5 % респондентов), так и в состоянии алкогольного опьянения (41,9 %), а также состоянии раздражительности и стресса (34,9 %). Это свидетельствует о том, что применение жестких административных санкций к лицам, которые управляют транспортным средством в состоянии опьянения, пока не приносят ощутимых результатов. Объяснима связь негативных состояний водителя с систематическим совершением нарушений ПДД. Сопутствующие дорожному движению психологические и психофизиологические состояния (тревожности, утомления, стресса, растерянности, переутомления и пр.) усугубляются не только влиянием субъективных факторов в виде недостаточного опыта вождения, конфликтов с участниками дорожного движения и сотрудниками ДПС и т.п., но и объективными факторами (сложные дорожные условия и их неожиданные изменения, «пробки»

и пр.). Указанные состояния и отдельные факторы, а также сочетание их друг с другом являются «факторами риска» для водителя, в результате чего снижается внимательность, прогностические и мыслительные способности, а значит, повышается вероятность нарушения правил дорожного движения. Подобного мнения придерживается Е.В. Гвоздева, которая отмечает, что наличие тревожности, даже в скрытом виде, может способствовать принятию объективно неправильных решений в условиях дорожного движения. Опьянение, конфликтные ситуации, психические травмы, переутомление могут приводить к активизации скрытых особенностей, ранее присутствовавших у человека в психически нейтральном состоянии. Такой психологический феномен повышает аварийность в условиях дорожного движения [9].

На основе анализа научной литературы, анкетирования сотрудников Госавтоинспекции, современных тенденций поведения водителей в условиях дорожного движения и собственных наблюдений автора были обобщены криминологические и психологические особенности водителей, систематически нарушающих ПДД. При этом мы руководствовались идеей о том, что выявление общих особенностей водителей, нарушающих правила дорожного движения, имеет практическое значение, в частности, в решении проблем предупреждения административных правонарушений. В этой связи стоит согласиться с мнением Д.А. Бражникова, который указывает на научную и практическую значимость выявления типологических черт личности неосторожных преступлений для определения «содержания и направленности криминологических проблем предупреждения автотранспортных преступлений» [8].

В рамках проводимого исследования были условно выделены типы водителей, систематически нарушающих правила дорожного движения, которые встречаются как в чистом, так и в смешанном виде:

1. циничный водитель, у которого закрепился опыт безнаказанности за совершенные правонарушения, отсутствует (или снижен) страх быть наказанным. Это сочетается с возможным нахождением гражданина в состоянии опьянения, недостаточно развитыми нравственными чувствами (вины, долга, ответственности, сострадания к возможным или реальным жертвам и пр.) и пренебрежением к ПДД, игнорированием в целом культуры безопасного поведения на дорогах.

2. провоцирующий водитель – тот, кто своими действиями намеренно создает другим участникам дорожного движения условия для совершения правонарушений, а также способствует склонению сотрудников ДПС к различным нарушениям. Поведение такого водителя может сопровождаться отрицанием произошедшего нарушения, претензиями и неприязнью в адрес сотрудника, негодованием и возмущениями по поводу применяемых к нему административных санкций, демонстративной видео-, аудио- или фотосъемкой. Некоторые из них фиксируют заранее подготовленные ими провокации и выкладывают их

в Интернет для всеобщего обозрения. Такая форма самовыражения и самоутверждения, сочетающаяся со склонностью к риску, основана на желании привлечь к себе внимание, извлечь из этого определенную выгоду. Позитивное эмоциональное подкрепление, получаемое такими водителями от провокаций и полученных результатов, становится стимулом для накопления опыта повторных правонарушений, создает угрозу безопасности.

3. агрессивно-рискованный водитель в силу легкости возникновения негативных эмоций и проявления враждебности, агрессивности как черт характера создает в общении с другими участниками дорожного движения и сотрудниками ДПС конфликты, включая непредсказуемые, порой безрассудные действия, которые усиливаются состоянием опьянения. Агрессивное, рискованное поведение в сочетании с низким уровнем правосознания, открытыми конфликтами с Правилами дорожного движения приводят водителя к систематическим правонарушениям ПДД и созданию аварийных ситуаций.

4. неопытный водитель, т.е. обладающий недостаточным опытом вождения, в т.ч. сниженным уровнем автоматизации действий, не может соблюдать ПДД в силу ограниченной саморегуляции поведения и слабым уровнем подготовленности. Попадая из-за ограниченного опыта в различные дорожные ситуации, он не успевает обращать внимание на дорожные знаки, разметку и пр. и совершает правонарушение. Накопление водителем опыта нарушений ПДД, отсутствие должного самоанализа и неумение делать выводы становятся дополнительными факторами повторных нарушений ПДД.

5. эмоционально-неустойчивый (тревожный) водитель в условиях дорожного движения легко поддается страху и проявляет тем самым склонность к эмоциональной реакции на дорожную ситуацию. В качестве стрессовых выступают следующие ситуации дорожного движения: с непредсказуемым исходом, быстрой сменой действующих факторов и неупорядоченными параметрами, угрозой для жизни и

здоровья. Возникающее свойство «суженного сознания» снижает у такого водителя работу мышления, логики, прогноза дорожной обстановки и эффективность действий, увеличивает ошибки.

Таким образом, подводя итоги и соглашаясь с мнением немецкого специалиста в области транспортной психологии Д. Клебельсберга о связи между аварийностью, возрастом и стажем работы водителя [3], выделим применительно к проблеме следующие связи между: 1) систематическими нарушениями водителями ПДД (превышение установленных требований к скоростному режиму, игнорирование использования ремней безопасности, нарушение правил маневрирования и расположения на проезжей части); 2) возрастом (чаще 18-35 лет или старше 50 лет); 3) полом (чаще мужчины); 4) опытом вождения (чаще до 5 лет или 6-10 лет). Такие водители могут находиться как в нормальном состоянии, так и в состоянии алкогольного опьянения, раздражительности или стресса. Они отличаются недостаточной правовой подготовленностью к участию в дорожном движении и – как следствие – деформацией правосознания личности.

Эффективность оказания сотрудниками Госавтоинспекции воспитательного воздействия на водителей, систематически нарушающих ПДД, возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности гражданина, поскольку именно личность является носителем причин нарушений. Как показывает опрос, сотрудники Госавтоинспекции отдают предпочтение ранней профилактике и жестким, административно-правовым мерам в отношении злостных правонарушителей. Стоит подчеркнуть, что вместе с применением административных мер наказания за совершаемые правонарушения сотрудники осознают важность повышения эффективности правовой и профессиональной подготовки водителей, обязательного проведения правовоспитательной и разъяснительной работы с нарушителями ПДД, объединения усилий всех субъектов профилактики – подразделений ГИБДД, семьи, образовательных учреждений, СМИ, автошкол, автопредприятий, трудовых коллективов и др.

Библиографический список

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступления и наказания. М.: «ПЕНАТЕС-ПЕНАТЫ», 2000. С.20.
2. Зейг Дж. К. Испытание Эриксоном: Личность мастера и его работа / Пер. с англ. В.В. Самойлова. М.: Независимая фирма «Класс», 1999.
3. Клебельсберг Д. Транспортная психология: Пер. с нем. / Под ред. В.Б. Мазуркевича. М.: Транспорт, 1989.
4. Корчагин А.Г. Неосторожный преступник: субъект и личность. Владивосток, 1990. С. 76.
5. Нарушение правил дорожного движения пешеходами: уголовно-правовые, криминологические и психологические проблемы: учебное (практическое) пособие / Л.Н. Костина [и др.]. Орёл : ОрЮИ МВД России, 2013. 67 с.
6. Романов А.Н. Автотранспортная психология: Уч. пос. для студ. высш. уч. зав. М.: Издательский центр «Академия», 2002. С. 173-174.
7. Социальная психология: Учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 272-274.
8. Бражников Д.А. Типологические черты личности преступников, совершивших автотранспортные преступления // материалы всероссийской научно-практической конференции в режиме видеоконференцсвязи (г. Тюмень, 6 сентября 2012 г.). Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. С. 91.
9. Гвоздева Е.В. Типология преступников, совершивших уголовно наказуемое нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Российский следователь. 2007. №11.
10. Проценко С.В. Влияние психофизиологических и возрастных особенностей субъекта на деятельность, непосредственно связанную с обеспечением транспортной безопасности // Юридическая психология. 2009. №4.

References

1. Antonyan Yu.M. Enikeev M. I. Eminov V. E. Psikhologiya of a crime and punishments. – M.: “PENATES-PENATY”, 2000. P. 20.
2. Зейс Д.з. K. test by Eriksson: The identity of the master and his work / Lane from English V. V. Samoylov. – M.: Nekzaviksimy фирма “Class”, 1999.
3. Klebelsberg D. Transport psychology: The lane with it. / Under the editorship of V. B. Mazurkevich. – M.: Transport, 1989.
4. Korchagin A.G. Careless criminal: subject and personality. Vladivostok, 1990. Page 76.
5. Violation of the rules of traffic by pedestrians: ugoklovno-legal, criminological and psychological проблемы: educational (practical) grant / L.N. Kostina [etc.]. – Eagle: ORYuI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. – 67 pages.
6. Romanov A.N. Motor transportation psychology: Уч. the settlement for the student. высш. уч. manager. – M.: Publishing center “Akademiya”, 2002. Page 173-174.
7. Social psychology: Studies. grant for higher education institutions / Under the editorship of the prof. A.M. Stolyarenko. – M.: YuNITI-DANA, 2001. Page 272-274.
8. Brazhnikov D.A. Typological lines of the identity of the criminals who have committed motor transportation crimes//materials of the All-Russian scientific and practical conference in a mode of a video conferencing (Tyumen, on September 6, 2012). Tyumen: Tyumen institute of professional development of staff of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. Page 91.
9. Gvozdeva E.V. Tipologiya of the criminals who have made penal violation of the rules of traffic and operation of vehicles//the Russian investigator. 2007 . No. 11.
10. Protsenko S.V. Influence of psychophysiological and age features of the subject on the activity which has been directly connected with ensuring transport safety//Legal psychology. 2009 . No. 4.

УДК 159.9

UDC 159.9

Ю.В. ОБУХОВА

Y.V. OBUKHOVA

аспирант кафедры психологии личности Южного федерального университета
E-mail: uvobukhova@yandex.ru

postgraduate student, department of psychology of the personality Southern Federal University
E-mail: uvobukhova@yandex.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОДЕРЖАНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИК Я-КОНЦЕПЦИИ И ВЫРАЖЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ИНТЕЛЛЕКТА У СТУДЕНТОВ-МАТЕМАТИКОВ

INTERRELATION OF THE CONTENTS AND CHARACTERISTICS OF MY SELF AND EXPRESSIVENESS OF DIFFERENT TYPES OF INTELLIGENCE AT STUDENTS OF MATHEMATICAL FACULTY

В статье излагаются результаты эмпирического изучения взаимосвязи содержания и характеристик Я-концепции и выраженности социального, эмоционального, вербального видов интеллекта у девушек-математиков и юношей-математиков. Эмпирически установлено влияние различных видов интеллекта на содержание когнитивного компонента Я-концепции.

Ключевые слова: содержание и характеристики Я-концепции, интеллектуальные особенности.

In article results of empirical studying of interrelation of the contents and characteristics of the my self and expressiveness of social, emotional, verbal types of intelligence at girls mathematicians and youth men mathematicians are stated. Influence of different types of intelligence on the maintenance of a cognitive component of my self is empirically established.

Keywords: the contents and characteristics of my self, the intellectual features.

Профессиональная готовность будущего преподавателя к педагогической деятельности во многом определяет результаты модернизации математического образования. Поэтому возрастает роль профессионально-педагогической подготовки, которая в сочетании с фундаментальной общенаучной и специальной подготовкой позволит будущему преподавателю более полно реализовать большие потенциальные возможности университетского образования. На данном

этапе развития общества возникает потребность в усовершенствовании коммуникативной компетентности будущих преподавателей-математики (повышение уровня вербального интеллекта через овладение студентами нормами литературного языка и закрепленными за каждым видом профессиональной деятельности речевым оформлением); в выработке социокультурных компетенций (усовершенствование навыков межличностного взаимодействия, использование междисциплинарных

связей при изучении различных предметов); в развитии личностных качеств, необходимых для успешной профессиональной реализации в будущем. Все это невозможно без адекватных знаний личности о самой себе. Эти знания воплощаются в Я-концепции личности, определяют способы интерпретации информации, ее поведение, продуктивность и удовлетворенность. В то же время, на содержание и характеристики Я-концепции влияет ряд индивидуально-психологических переменных, среди которых значительную роль играют интеллектуальные особенности личности. В современной психологической науке прослеживается несколько аспектов изучения Я-концепции: содержательный, структурный, динамический, функциональный, эмпирико-методический [1]. В содержательном аспекте изучения Я-концепции внимание исследователей уделялось эмпирическим связям между, преимущественно, самоотношением, как компонентом Я-концепции, и интеллектуальными (вербальный, эмоциональный интеллект) особенностями. Эти взаимосвязи являются функциональными по характеру. В структурном аспекте чаще всего внимание исследователей заострялось на эмпирической связи отраженных разноуровневых феноменов структуры Я-концепции и вербального интеллекта. В динамическом аспекте, в большинстве случаев, изучалось развитие (усложнение, дифференциация) Я-концепции в связи с развитием когнитивных особенностей. В эмпирико-методическом аспекте исследователи, прежде всего, подчеркивают эмпирическую связь содержания самоописаний – эмпирического выражения Я-концепции – и особенностей вербального и общего видов интеллекта. Анализ выделенных нами аспектов в изучении Я-концепции показывает большую изученность взаимосвязи содержания Я-концепции, ее отдельных составляющих (самоотношение) с особенностями вербального и общего видов интеллекта [1; 2; 6]. В меньшей степени изучена взаимосвязь между Я-концепцией и особенностями социального и эмоционального видов интеллекта. Исследований, посвященных взаимосвязи характеристик (интенсивностных, пространственных и информационных) Я-концепции и особенностей вербального, социального, эмоционального интеллектов, явно недостаточно, что и обуславливает актуальность эмпирического изучения указанных взаимосвязей.

Целью нашего исследования является изучение взаимосвязи между особенностями различных видов интеллекта и содержанием, характеристиками Я-концепции у студентов-математиков. Объект исследования: 35 студентов математического факультета ТГТИ им. А.П. Чехова в возрасте от 21-24 лет. Методы исследования: психологическое тестирование (методика «ЭмИн» Д.С. Люсина для изучения эмоционального интеллекта, методика Дж. Гилфорда и М. Салливена для диагностики социального интеллекта, исследование интеллекта по методу Д. Векслера – шкалы вербального интеллекта, модифицированная методика «Кто Я» Т.Куна), контент-анализ самоописаний, статистическая обработка результатов Statistica 6.0 (критерии Фридмана, Вилкоксона, Манна-Уитни, коэффициент

корреляции Спирмена, дескриптивная статистика, множественная линейная регрессия) [3; 4; 5].

В данной статье нами будут анализироваться измерения Я-концепции по критериям реальности и источника существования отраженного содержания в Я-концепции, а также по временной отнесенности: Я-реальное, Я-идеальное, Я-отраженное, Я-представляемое, Я-прошрое, Я-будущее. Мы будем рассматривать пространственные, интенсивностные и информационные характеристики Я-концепции [1].

Пространственные характеристики Я-концепции связаны с отражением в Я-концепции тех или иных сфер жизнедеятельности, в которых преимущественно видит свои проявления человек. Эмпирически генерализованность Я-концепции рассчитывалась на основе определения числа значимо употребляемых подкатегорий, отражающих в отдельности различные черты в субъектно-деятельностных и личностных свойствах, а также предпочтений по частоте употребления соответствующих подкатегорий. Генерализованность по содержанию эмпирически рассматривалась в трех градациях: собственно генерализованность, дифференцированность, фрагментарность. Я-концепция считается генерализованной по содержанию, если в текстах самоописаний все подкатегории употребляются без значимых предпочтений какой-либо из них. Я-концепция считается фрагментарной по содержанию, если в текстах самоописаний отдельные категории не употребляются, а среди присутствующих имели место значимо предпочитаемые. Я-концепция считается дифференцированной по содержанию, если в текстах самоописаний содержатся все подкатегории на фоне значимых предпочтений в употреблении отдельных из них. Интенсивностные характеристики Я-концепции – субъективная значимость в ее содержании тех или иных субъектно-деятельностных или личностных свойств, эмпирически выраженная в преимущественной частоте употребления и вербальной детализированности того или иного свойства в тексте самоописания. Информационные характеристики Я-концепции связаны с совершенствованием системы в отношении накопления ею информации о среде за счет усовершенствования систем управления, интегрирования самой информации. Информационной характеристикой Я-концепции выступает способ самоотношения, понимаемый как способ отношения человека к себе самому, выражающийся в свойствах характера и обращении человека с самим собой [2].

В результате контент-анализа самоописаний респондентов были выделены категории: инструментальные, интенциональные, экспрессивные, статусные черты, карьера, семья, жизнь, социальное окружение. При выделении категорий, обозначающих экспрессивные черты, нами анализировались экспрессивные эмоциональные черты, экспрессивные волевые черты и экспрессивные интеллектуальные черты. Показателем выраженности категории выступала относительная частота их встречаемости в самоописаниях [1].

Рассмотрим интеллектуальные особенности респондентов.

Показатели социального интеллекта относятся к диапазону высоких значений у юношей-математиков – по шкалам «Познание классов поведения» (ПКП) и «Познание результатов поведения» (ПРП); к диапазону выше среднего – по шкале «Познание преобразований поведения» (ППП); к диапазону низких значений – по шкале «Познание систем поведения» (ПСП). Все показатели эмоционального интеллекта относятся к диапазону высоких значений у юношей-математиков, исключение составляет шкала «Межличностное управление» (МУ). Показатели вербального интеллекта относятся к диапазону высоких значений у юношей-математиков по шкалам «Умение находить сходство» (Сх), «Уровень словарного запаса» (СлЗап); к диапазону низких значений по шкале «Понимание смысла высказываний» (Пон).

Показатели социального интеллекта относятся к диапазону высоких значений у девушек-математиков – по шкалам ПРП и ПСП; к диапазону выше среднего – по шкале ППП; к диапазону ниже среднего – по шкале ПКП. Показатели эмоционального интеллекта относятся к диапазону высоких значений у девушек-математиков по шкалам «Межличностное понимание» (МП), «Внутриличностное управление» (ВУ) и для внутриличностного эмоционального интеллекта (ВЭИ); к диапазону выше среднего – по шкалам «Понимание экспрессии» (ПЭ), МУ и для межличностного эмоционального интеллекта (МЭИ); к диапазону выше среднего и высоких значений в равной степени по шкале «Внутриличностное управление» (ВУ); к диапазону выше среднего и низким значениям в равной мере по шкале «Контроль экспрессии» (ВЭ); к диапазону ниже среднего значения по шкале «Внутриличностное понимание» (ВП); к диапазону низких и высоких значений в равной степени по шкале «Управление экспрессией» (УЭ). Показатели вербального интеллекта относятся к диапазону высоких значений у девушек-математиков по шкалам Пон, СлЗап; к диапазону низких значений по шкале Сх.

Уровень социального интеллекта (Соц) у девушек-математиков выше, чем у юношей-математиков. Поэтому можно предположить, что девушки-математики имеют выраженный интерес к познанию себя и развитую способность к рефлексии. Все показатели эмоционального вида интеллекта, фиксированные у юношей-математиков, выше, чем аналогичные показатели у девушек-математиков. Высокий уровень развития эмоционального интеллекта у юношей позволяет им хорошо понимать свои эмоции и чувства других людей, а также управлять своей эмоциональной сферой, и поэтому в обществе их поведение более адаптивно и они легче добиваются своих целей во взаимодействии с окружающими. Показатели вербального интеллекта (шкала СлЗап) относятся к диапазону высоких значений, а шкала «Осведомленность» (Осв) к диапазону ниже среднего значений у студентов-математиков независимо от пола. Уровень вербального интеллекта у девушек-математиков и юношей-математиков относится к диапазону выше среднего значений.

Рассмотрим содержание когнитивного компонента

Я-концепции в связи с интеллектуальными особенностями девушек и юношей математического факультетов. Взаимосвязь между указанными переменными определялась на основе результатов регрессионного линейного множественного анализа, где зависимой переменной выступили показатели содержания Я-концепции. В случаях, когда регрессионная связь не устанавливалась, мы использовали результаты корреляционного анализа интересующих показателей.

Для Я-реального юношей-математиков установлена следующая закономерность: высокий уровень социального интеллекта (шкала ПСП) влияет на высокую представленность в когнитивном компоненте Я-концепции экспрессивных эмоциональных черт. Юноши, способные анализировать сложные межличностные ситуации и легко адаптирующиеся к изменениям ситуаций взаимодействия, осознают свои устойчивые характерологические черты. Характер взаимосвязи между описаниями построения карьеры в Я-реальном девушек-математиков и эмоциональным и вербальным видами интеллекта избирателен. Выраженность социального интеллекта (шкала ПСП) и эмоционального интеллекта (шкала ВЭ и для ВЭИ) характерна для девушек-математиков с высокой представленностью жизненных описаний в их Я-реальном. Девушки, осознающие свои жизненные обстоятельства, способны предсказать ход развития этих событий, умеют контролировать свою экспрессию и понимать свои эмоции и чувства.

Следовательно, социальный интеллект влияет на содержание когнитивного компонента Я-реального юношей-математиков. Характер взаимосвязи между экспрессивными волевыми чертами в Я-реальном у юношей-математиков и социальным, и эмоциональным интеллектами избирателен. Характер взаимосвязи между описаниями построения карьеры в Я-реальном девушек-математиков и эмоциональным, и вербальным видами интеллекта избирателен.

Для Я-идеального юношей-математиков установлена следующая закономерность: высокий уровень внутриличностного эмоционального интеллекта влияет на низкую представленность в когнитивном компоненте Я-концепции экспрессивных черт. Юноши, хорошо понимающие себя, свои эмоции и чувства, не стремятся к осознанию характерологических особенностей. Для Я-идеального девушек-математиков установлена иная закономерность: высокий уровень эмоционального интеллекта (шкала ВУ) влияет на низкую представленность в когнитивном компоненте Я-концепции экспрессивных эмоциональных черт. Девушки, способные управлять своими эмоциями и чувствами, не стремятся к осознанию своих характерологических черт.

Следовательно, эмоциональный интеллект влияет на содержание когнитивного компонента Я-идеального как юношей-математиков, так и девушек-математиков.

Для Я-будущего юношей-математиков установлена следующая закономерность: высокий уровень вербального интеллекта влияет на высокую представленность в когнитивном компоненте Я-концепции описаний построения карьеры. Юноши, обладающие способностью

понимать и определять истинное содержание сообщений собеседника, стремятся к построению карьеры в будущем. Выраженность эмоционального интеллекта (шкалы ВУ, УЭ и для ВЭИ) характерна для девушек-математиков с высокой представленностью описаний карьеры в их Я-будущем, а выраженность эмоционального интеллекта (по шкале МУ) – с низкой представленностью статусных черт. Девушки, желающие построить карьеру в будущем, не осознают свои социальные роли, но при этом способны управлять и контролировать как свои, так и чужие эмоции и чувства.

Следовательно, вербальный интеллект влияет на содержание когнитивного компонента Я-будущего юношей-математиков.

Для Я-прошлого юношей-математиков установлена следующая закономерность: высокий уровень социального интеллекта и внутриличностного эмоционального интеллекта влияет на низкую представленность в когнитивном компоненте Я-концепции инструментальных черт. Юноши, обладающие развитой способностью к рефлексии и лучшему пониманию себя, своих желаний, чувств и эмоций, могут проявлять больше интереса и творчества в работе, но при этом не осознают в прошлом себя делающими или умеющими что-либо. Для Я-прошлого девушек-математиков установлена иная закономерность: низкий уровень вербального интеллекта влияет на высокую представленность в когнитивном компоненте Я-концепции инструментальных и экспрессивных черт. Девушки, не наделенные способностью к оперированию словами, выражениями, осознают себя в прошлом способными, умеющими что-либо делать.

Следовательно, социальный и эмоциональный интеллект влияют на содержание когнитивного компонента Я-прошлого юношей-математиков. Вербальный интеллект влияет на содержание когнитивного компонента Я-прошлого девушек-математиков.

Характер взаимосвязи между статусными чертами в Я-отраженном юношей-математиков и социальным и вербальным видами интеллекта избирателен. Выраженность вербального интеллекта (шкала Осв) характерна для девушек-математиков с высокой представленностью в их Я-отраженном экспрессивных эмоциональных черт.

Таким образом, высокая представленность экспрессивных эмоциональных черт в Я-отраженном у девушек-математиков наиболее связана только с вербальным интеллектом. Характер взаимосвязи между статусными чертами в Я-отраженном юношей-математиков и социальным и вербальным видами интеллекта избирателен.

Выраженность вербального интеллекта (шкала Сх) характерна для юношей-математиков с высокой представленностью статусных черт. Между содержанием когнитивного компонента Я-представляемого девушек-математиков и различными видами интеллекта связь не выявлена.

Следовательно, высокая представленность статусных черт в Я-представляемом у юношей-математиков наиболее связана с вербальным интеллектом.

Обратимся теперь к анализу характеристик

Я-концепции. Как у юношей-математиков, так и у девушек-математиков, Я-реальное, Я-идеальное, Я-будущее, Я-прошлое, Я-отраженное, Я-представляемое являются генерализованными по содержанию. Это свидетельствует о полноте отражения во всех измерениях Я-концепции собственных личностных черт студентами-математиками.

Таким образом, генерализованность содержания Я-концепции студентов не обусловлена ни их полом, ни измерениями их Я-концепции.

Выраженность эмоционального интеллекта (шкала ВП и для ВЭИ) характерна для юношей-математиков с высокой представленностью информационных характеристик в их Я-реальном, связанных с объектностью в самоописаниях. Выраженность вербального интеллекта (шкала Осв) характерна для юношей-математиков с высокой представленностью информационных характеристик в их Я-идеальном, связанных с субъектностью в самоописаниях. Юноши, стремящиеся к построению собственного поведения и себя в целом, наделены высоким уровнем эрудиции. Выраженность эмоционального интеллекта (шкала ВП) характерна для юношей-математиков с высокой представленностью информационных характеристик в их Я-будущем, связанных с субъектностью в самоописаниях. Юноши, осознающие себя в будущем в качестве активного субъекта своей жизни, способны к осознанию себя, своих эмоций и чувств. Выраженность эмоционального интеллекта (шкала ВЭ и для ВЭИ) характерна для юношей-математиков с высокой представленностью информационных характеристик в их Я-прошлом, связанных с объектностью в самоописаниях. Выраженность социального интеллекта (шкала ПСП и для Соц) характерна для юношей-математиков с высокой представленностью информационных характеристик в их Я-прошлом, связанных с субъектностью в самоописаниях. Юноши, выступающие в прошлом в позиции внутреннего наблюдателя, способны понимать логику развития событий, успешно адаптируются к изменяющимся условиям. Выраженность социального интеллекта (шкала ППП) характерна для юношей-математиков с высокой представленностью информационных характеристик в их Я-отраженном, связанных с субъектностью в самоописаниях. Юноши, предполагающие, что окружающие прекрасно к ним относятся, наделены способностью понимать изменения значения исходных вербальных реакций человека в зависимости от контекста вызвавшей эту ситуацию.

Выраженность вербального интеллекта (шкала СлЗап) характерна для девушек-математиков с высокой представленностью информационных характеристик в их Я-реальном, связанных с объектностью в самоописаниях. Девушки, осознающие себя с позиции внешнего наблюдателя, наделены хорошим уровнем словарного запаса. Выраженность вербального интеллекта (шкала Сх) характерна для девушек-математиков с высокой представленностью информационных характеристик в их Я-идеальном, связанных с субъектностью в самоописаниях. Выраженность эмоционального (шкалы ВП,

ВЭ, УЭ и для ВЭИ) и социального (шкала ПСП) видов интеллекта характерна для девушек-математиков с высокой представленностью информационных характеристик в их Я-идеальном, связанных с объектностью в самоописаниях. Девушки, стремящиеся к констатации общераспространенных качеств, способны понимать, контролировать, управлять своей экспрессией, понимать значение действий людей. Выраженность эмоционального интеллекта (шкала ПЭ) характерна для девушек-математиков с высокой представленностью информационных характеристик в их Я-будущем, связанных с объектностью в самоописаниях. Девушки, осознающие себя в будущем в качестве подверженных влиянию окружающих, способны понимать свою и чужую экспрессию. Выраженность эмоционального интеллекта (показатель ВЭИ) характерна для девушек-математиков с высокой представленностью информационных характеристик в их Я-прошлом, связанных с субъектностью в самоописаниях. Девушки, рефлексивно относящиеся к себе в прошлом, способны к пониманию и управлению своей экспрессией.

У студентов-математиков не выявлена взаимосвязь между информационными характеристиками в Я-отраженном и Я-представляемом, с одной стороны, и всеми видами интеллекта, с другой стороны.

Следовательно, характер взаимосвязи информационных характеристик каждого из измерений Я-концепции и особенностей вербального, социального и эмоционального интеллектов избирателен и обусловлен полом студентов.

Для девушек-математиков характерна субъективная значимость экспрессивных черт в Я-прошлом, Я-отраженном, Я-представляемом; экспрессивных эмоциональных черт в Я-реальном, Я-идеальном; инструментальных черт в Я-будущем.

Для юношей-математиков характерна субъективная значимость экспрессивных черт в Я-прошлом, Я-отраженном, Я-представляемом; экспрессивных

эмоциональных черт в Я-реальном; статусных черт в Я-идеальном; описание карьеры в Я-будущем.

Таким образом, пол студентов-математиков обуславливает различия в выраженности интенсивностных характеристик в их Я-идеальном, Я-будущем.

Выводы

1. Уровень социального интеллекта у девушек-математиков выше, чем у юношей-математиков. Все показатели эмоционального интеллекта, фиксированные у юношей-математиков, выше, чем аналогичные показатели у девушек-математиков. Различий в уровне вербального интеллекта у студентов-математиков не обнаружено.

2. Черты, отраженные в разных измерениях Я-концепции, связаны с различными видами интеллекта. Характер взаимосвязи между чертами, отраженными в различных измерениях Я-концепции, и видами интеллекта у студентов-математиков обусловлен их полом.

3. Влияние различных видов интеллекта на содержание когнитивного компонента Я-реального, Я-будущего, Я-прошлого студентов-математиков избирательно и зависит от их пола. Влияние эмоционального интеллекта на содержание когнитивного компонента Я-идеального юношей и девушек не зависит от их пола, а обусловлено их профессиональной принадлежностью.

4. Генерализованность содержания Я-концепции студентов-математиков обусловлена их профессиональной принадлежностью. Характер взаимосвязи информационных характеристик каждого из измерений Я-концепции и особенностей вербального, социального и эмоционального интеллектов избирателен и обусловлен полом студентов. Пол студентов-математиков обуславливает различия в выраженности интенсивностных характеристик в их Я-идеальном и Я-будущем.

Библиографический список

1. Джанерьян С.Т. Профессиональная Я-концепция: системный анализ. Ростов-на-Дону, 2004. 480 с.
2. Джанерьян С.Т. Характеристики профессиональной Я-концепции // Северо-Кавказский психологический вестник. Ростов-на-Дону: РГУ, 2004. № 2. С.25-31.
3. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 1999. 368 с.
4. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Ушакова, Д.В. Люсина. М., 2004. С.29-39.
5. Михайлова (Алешина) Е.С. Методика исследования социального интеллекта: Адаптация теста Дж. Гилфорда и М.Салливена: Руководство по использованию. СПб., 1996. 56 с.
6. Столин В.В. Самосознание личности. М.: Издательство Московского Университета, 1983. 284с.

References

1. Dzhanyan S.T. Professional my self: system analysis. Rostov-on-Don, 2004. – 480 p.
2. Dzhanyan S.T. Characteristics of the professional my self //North Caucasian psychological messenger. – Rostov-on-Don: RSU, 2004. – No. 2. P. 25-31.
3. Druzhinin V.N. Psikhologiya of the general abilities. – St. Peterburg. 1999. – 368 p.
4. Lyusin D.V. Modern ideas of emotional intelligence // Social intelligence. The theory, measurement, researches / Under the editorship of D. V. Ushakov, D. V. Lyusin. – Moscow, 2004. – P. 29-39.
5. Mikhaylova (Alyoshina) E.S. Metodika of research of social intelligence: Adaptation of dough of J. Gilford and M. Salliven: Operating instructions. – St. Peterburg., 1996. – 56 p.
6. Stolin V. V. Samosoznaniye of the personality. M.: Publishing house of the Moscow University, 1983. 284 p.

УДК 159.955.6

UDC 159.955.6

Е.И. ТУРЕВСКАЯ

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики профессионального образования Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
E-mail: hellenatur@gmail.com

E.I. TUREVSKAYA

Ph.D., Associate Professor of Psychology and Pedagogy of Vocational Education L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University
E-mail: hellenatur@gmail.com

**РАЗВИТИЕ ОПЕРАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ
(СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»)
В ХОДЕ РЕШЕНИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ**

**DEVELOPMENT OF OPERATIONAL THINKING TEACHERS
(UNDERGRADUATE STUDENTS DIRECTIONS «TEACHER EDUCATION»)
DURING THE DECISION OF PSYCHOLOGICAL AND TEACHING PROBLEMS**

В статье показана результативность включения в образовательный процесс вуза психолого-педагогических задач для развития оперативного мышления, формирования профессиональных компетенций и снижения психической напряженности у будущих учителей.

Ключевые слова: оперативное мышление, практическое мышление, психолого-педагогические задачи.

The article shows the importance of the inclusion in the educational process of high school psycho-pedagogical problems for development of operational thinking, formation of professional competence and reduce mental tension among the future teachers.

Keywords: operational thinking, practical thinking, psychological and educational problems.

В системе высшего профессионального образования все более интенсивно идет поиск новых путей и форм повышения качества подготовки будущих учителей, обладающих достаточно глубокими научными знаниями, коммуникативными навыками, педагогическим и методическим мастерством. Одним из вариантов решения данной проблемы является осуществление целенаправленного подхода к профессиональной подготовке и формированию личности будущих учителей посредством развития у них такого профессионально-значимого качества, как оперативное мышление.

Необходимость формирования оперативного мышления будущих учителей обусловлена рядом объективных обстоятельств. Современный университет – это прежде всего школа самостоятельной, творческой мысли; развития способностей и других индивидуально-психологических свойств личности, которые обеспечивают успех ее эвристической учебно-познавательной деятельности. По данным многих авторов (В.С. Ильина, Н.В. Кузьминой, Ю.Н. Кулюткина, Г.С. Сухобской, Л.А. Регуш, В.А. Сластенина и др.), одной из отрицательных сторон современного высшего образования является доминирующее развитие вербально-логического мышления в ущерб синтетическому творческому, профессиональному.

Проблема развития профессионального мышления учителя связана с работами по общей теории мышления и основывается на исследованиях особенностей практического мышления.

Научное решение проблема практического мышления получила в отечественной психологии. Начало ее исследованию было положено в работе Б.М. Теплова «Ум полководца», которая заставила совершенно по-новому взглянуть на практическое мышление. Хотя работа посвящена анализу мышления в конкретной деятельности, тем не менее, она имеет общетеоретическое значение. Б.М. Теплов разработал теорию так называемого практического мышления, раскрыв его многогранный, активный и весьма динамичный процесс. Характеристика, данная Б.М. Тепловым практическому уму полководца, имеет фундаментальное значение для разработки теории профессионального мышления и может быть использована для конструирования теоретической модели мышления учителя, которое является частным случаем практического мышления [7].

На сходство мышления учителя и практического ума полководца указывали Ф.Н. Гоноболин, Н.В. Кузьмина. В частности Н.В. Кузьмина пишет: «Поскольку учитель постоянно имеет дело с решением практических задач, естественен вывод, что практическая педагогическая деятельность требует способности к практическому мышлению». Она находит сходство в существе задач и процессов их решения, способности предвидения, умения выделять основные звенья, знании психологии коллективов, способности проникать во внутренний мир человека, необходимости постоянного изучения и обновления знаний [1].

Учитель в своей работе постоянно ищет и решает

множество частных задач: сбор и обработка информации, поиск решения, который осуществляется при помощи тех же самых механизмов: анализа, синтеза, обобщения. Однако эти операции имеют свою специфику. Анализ – систематизирующий, для него типично обращение ко всякого рода бессвязному материалу и свойственна способность быстро осуществлять систематизацию. Синтез не только следует за анализом, но и предшествует ему. Практическое мышление строит свои особые обобщения, отличные от тех, которые находит ученый (теоретик), поскольку, прежде всего, они направлены на практику. Эти операции синтезируют теоретические и практические знания (опыт).

Результаты решения – планы, готовые к реализации. Причем это особые планы – это «планы действия». Ум педагога постоянно занят планированием. Особенности планирования вытекают из свойств неопределенной (стахостической), динамичной обстановки. Планы должны отличаться простотой и ясностью, гибкостью, не должны быть слишком подробными и не должны забегать далеко вперед. Они не могут быть чем-то неизменным, застывшим, мертвым. Они должны быть в некотором смысле подобны живому организму, каждое мгновение меняющемуся, обновляющемуся и именно благодаря этому сохраняющему свою работоспособность и жизнеспособность.

Б.М. Теплов отмечает важнейшую особенность имеющихся знаний профессионала-практика – их готовность к применению, действию. Способ приобретения этих знаний основан на «ненасытном любопытстве», «неутомимости удовлетворять его». «Упаковка» знаний в практическое мышление такова, что в минуту необходимости даже на бессознательном уровне, не думая о них, учитель действует в духе их требования. Знания педагога представляют собой сплав теоретических и практических элементов. Они изменчивы, подвижны, постоянно перестраиваются в соответствии с решаемой задачей, имеют активный характер. Накопленные знания дают возможность предвидения. Предвидеть – значит сквозь сумрак неизвестности и текучести обстановки разглядеть главный смысл совершающихся событий, уловить их главную тенденцию и, исходя из этого, понять, куда они идут. По мнению Б.М. Теплова, имеются два пути, ведущих к успешному предвидению: во-первых – расчет, предполагающий большой запас знаний и умение найти ту главную, решающую точку, отправляясь от которой этот расчет производится; во-вторых – «вчувствование» противника [7]. Способность становиться на его точку зрения, рассуждать и решать за него.

Для профессионала-практика характерна высокая культура ума, под которой понимается большой запас знаний и своеобразная готовность к их немедленному использованию, мощная аналитико-синтетическая способность, высокая продуктивность мышления, умение решать новые, неожиданные задачи. Специфика мышления педагога не является исключительно результатом его «природной силы», а есть результат систематического упражнения, постоянной тренировки.

В исследованиях Б.М. Теплова дана довольно пол-

ная характеристика профессионального мышления. Представители почти всех профессий действуют, как полководец или учитель, в условиях большой вариативности, повышенной ответственности, неполноты данных, дефицита времени.

Оперативное мышление занимает в профессиональной деятельности учителя особое значение.

В.Н. Пушкин в своей работе «Оперативное мышление в больших системах» исследовал эту проблему в общем и использование в различных профессиях в частности.

Само понятие «оперативное» употребляется обычно в трех смыслах:

1. деятельность, состоящая из операций;
2. деятельность, протекающая быстро;
3. т.к. опера (лат.) – труд, то оперативным мышлением можно назвать мышление, непосредственно вплетенное в трудовую деятельность человека [5].

Все эти оттенки понятия «оперативный» в той или иной степени относятся к оперативному мышлению. Действительно, трудовая деятельность учителя предъявляет высокие требования к скорости ее выполнения, и как любая трудовая деятельность, которая выполняется изо дня в день, она неизбежно должна включать в себя определенные более или менее четко фиксированные операции. Оперативное мышление учителя как регулятора системы состоит из следующих операций: планирование, контроль и разработка регулировочных мероприятий, решение задач по устранению резких нарушений в педагогическом процессе.

Соответственно мыслительный процесс в ситуациях такого рода приводит или к открытию нового способа, или к созданию комбинации известных приемов, которая не использовалась ранее.

Деятельность учителя протекает в конкретных условиях учебно-воспитательного процесса. Совокупность этих условий, сложившихся в данный момент времени, образует педагогическую ситуацию. Наиболее характерной чертой всякой отдельной ситуации является некоторое рассогласование между целью и возможностью ее непосредственного достижения, поэтому всякая ситуация необходимо содержит ту или иную степень проблемности, т.е. выступает как проблемная ситуация.

Как подчеркивает С.Л. Рубинштейн, проблемной называется некая объективная ситуация, в которой берет начало процесс мышления. Постановка задачи (ее формулировка) является результатом того, что проблемная ситуация, содержащая какие-то нераскрытые звенья, подвергается анализу со стороны человека, субъекта. Проблемность педагогической ситуации обосновывается тем, что она ставит перед педагогом теоретические и практические вопросы (проблемы) различной трудности в связи с поиском информации для принятия педагогических решений и планирования действий.

Педагогические ситуации чрезвычайно подвижны, «текучи», они как бы переливаются одна в другую, изменяются все компоненты, которые их образуют. Поэтому учителю приходится постоянно анализировать ситуации, добывать недостающие знания, систематизи-

ровать их и оценивать с точки зрения цели своего труда.

В литературе нет пока единого понятия психолого-педагогической задачи. Так, Н.В. Кузьмина определяет задачу как обнаруживаемое педагогом противоречие между уже достигнутым и исходным уровнем обученности и воспитанности коллектива учащихся, с которым педагог работает. По ее мнению, педагогическая задача возникает всякий раз, когда нужно перевести учащихся из одного состояния в другое, приобщить к определенному знанию, сформировать умение, навык (не знал – узнал, не умел – научился, не понимал – понял) или же переделать одну систему знаний, умений, навыков (неправильно сформированную) в другую [1].

Ю.Н. Кулюткин и Г.С. Сухобская считают, что задача – модель проблемной ситуации, содержащая в себе требование “снять рассогласование” и найти средства выхода из создавшегося положения [2].

А.М. Сохор рассматривает задачу как побуждение заполнить некий вакуум так, чтобы заполняющий вакуум информация соответствовала определенному условию или требованию и логически согласовалась с информацией, известной человеку.

Наиболее широкое определение задачи дал А.Н. Леонтьев. Оно может быть использовано для характеристики любого вида задач, вне зависимости от их специфического содержания: «Задача – цель, данная в определенных условиях». Так как достижение цели в проблемной ситуации не может быть прямым и непосредственным, то необходимо найти некоторое средство, с помощью которого можно было бы реализовать поставленную цель в данных условиях деятельности. Это средство является искомым объектом, а требование его определить (выбрать, сконструировать) формулируется как требование задачи [3].

Одной из основных целей обновления содержания высшего профессионального образования является формирование у будущих учителей профессиональной компетентности. Профессиональная компетентность учителя – это совокупность профессиональных и личностных качеств, необходимых для успешной педагогической деятельности.

Несмотря на разное содержание ключевых компетенций у разных авторов, профессионально-педагогическое мышление (элементом которого является оперативное мышление учителя) присутствует во всех вариантах, т.к. является основой профессионализма учителя.

Изучение психолого-педагогических дисциплин в вузе направлено на формирование оперативного мышления будущего учителя как элемента его профессиональной компетентности. Развитие оперативного мышления у студентов-бакалавров педагогической направленности происходит в процессе изучения как базовых дисциплин психологического цикла (Общая психология; Социальная психология; Возрастная и педагогическая психология), так и дисциплин по выбору (Психологические основы конфликтологии; Использование психодиагностики в образовательном процессе; Психолого-педагогические основы работы с

семьей и др.), а также в процессе написания курсовых работ и прохождения педагогических практик.

Деятельность педагога по своей природе есть не что иное, как процесс решения неисчислимого множества психолого-педагогических задач различных типов, классов и уровней. Педагогическая деятельность по сути своей носит творческий характер. Постоянно решая большое количество типовых, оригинальных и нестандартных психолого-педагогических задач, педагог строит свою деятельность в соответствии с общими правилами эвристического поиска:

- a. анализ психолого-педагогической ситуации (диагноз);
- b. проектирование результата в сопоставлении с исходными данными;
- c. анализ имеющихся средств, пригодных для проверки предположения и достижения искомого результата;
- d. конструирование и реализация учебно-воспитательного процесса;
- e. оценка полученных данных;
- f. формулирование новых психолого-педагогических задач [6].

Выделение психолого-педагогической задачи в качестве основного структурного компонента в деятельности учителя, а также сама ее сущность обуславливают использование учебных психолого-педагогических задач в качестве одного из эффективных средств формирования оперативного мышления. Именно поэтому для нашего исследования наиболее приемлема теоретическая концепция, разработанная Кузьминой Н.В.; Кулюткиным Ю.Н., Сухобской Г.С.; Осиповой Е.К. и др., которая определяет профессиональное мышление учителя как процесс непрерывного решения задач.

Одним из наиболее эффективных способов формирования оперативного мышления педагога является задачный подход: формулировка конкретной педагогической задачи, мысленное «проигрывание» возможных вариантов ее решения, выбор и обоснование оптимального из них.

Однако в педагогической действительности при решении психолого-педагогических задач, как правило, эвристический поиск происходит при дефиците времени, вынуждая учителя включать и развивать оперативное мышление. В связи с тем, что профессиональный труд педагогов является одним из наиболее напряженных (в психологическом плане) видов социальной деятельности и входит в группу профессий с большим числом стресс-факторов, что в свою очередь, предъявляет повышенные требования к такой интегральной характеристике, как психическая напряженность, одной из задач нашего исследования было изучить уровень психической напряженности при решении психолого-педагогических задач.

В ходе эксперимента была составлена система заданий, которая включала в себя нестандартные психолого-педагогические задачи, представляющие собой текстовые модели педагогических ситуаций. Нами использованы модели задач из педагогической и худо-

жественной литературы, из опыта работы учителей и студентов, а также из учебных пособий по педагогике и психологии.

Развитие оперативного мышления организовывалось по принципу от общего к частному, а также от простого к сложному и проходило в три этапа, каждый из которых представляет развитие интегральных свойств личности будущего учителя.

На первом этапе происходило накопление фонда знаний и умений из гуманитарного, естественно-научного и специального блока дисциплин.

На втором этапе поднимался уровень управляемости накопленных фондов, т.е. чем больше студентом накоплено всевозможных знаний и умений, чем они более разнообразны по видам и качествам, чем шире генерализованы, тем легче реализуется решение психолого-педагогических задач, каковы и сколь неожиданными они бы ни были.

На третьем этапе развития оперативного мышления студента намеренно «сталкивали» с разнообразными и непредвиденными психолого-педагогическими задачами, ставили его в условия, требующие в полной мере адекватных, быстрых и рациональных решений.

Для формирования умений решать нестандартные психолого-педагогические задачи студентам предлагалось применять стратегии решения: случайный поиск и метод проб и ошибок; переформулировка задачи; аналогия; обобщение и специализация; мозговая атака.

Решение задач включалось в следующие виды деятельности:

- участие в ролевых, организационно-деятельностных играх, в социально-педагогическом тренинге, в коллективно-творческих делах в ходе учебной деятельности студентов;
- использование нестандартных ситуаций в ходе аудиторных учебных занятий;
- специально организованная работа во время педагогической практики.

Сначала студентам предлагали решить задачи индивидуально с помощью примерного алгоритма. В дальнейшем процесс решения нестандартной задачи усложнялся. Испытуемым давали возможность принять групповое решение нестандартной задачи, найти решение индивидуально в задаче с исчерпывающей информацией, найти решение в задаче с недостаточной информацией, в условиях, вызывающих психическую напряженность.

Пилотажные исследования показали, что во время решения психолого-педагогических задач в процессе преподавания базовых психологических дисциплин напряженность у студентов не проявляется. Для создания психической напряженности по ходу занятий приходилось использовать такие отвлекающие факторы, как вынужденное ускорение темпа, критика работы студентов, предложение невыполнимых заданий, действие посторонних раздражителей во время решения психолого-педагогических задач и т.п. Эти методические приемы в какой-то мере помогли создать необходимую обстановку на практических и лабораторных занятиях.

Качественный анализ решения определяется в соответствии с разработанной Осиповой Е.К. шкалой уровней решения:

- 0 баллов – нет решения (студент либо не пытается решать задачу, либо высказывает робкие догадки о путях ее решения);
- 1 балл – TENTATIVНЫЙ (студент использует готовые формулировки задач, делает попытки решения на уровне «здравого смысла», без учета психолого-педагогических теорий, не устанавливает взаимосвязей между отдельными компонентами решения);
- 2 балла – РЕПРОДУКТИВНЫЙ (испытуемый использует готовые формулировки решения задач, образцы решения функциональных задач, не может соотнести их с внутренней логикой педагогической цели, не осуществляет переноса);
- 3 балла – РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ (студент использует готовые формулировки применительно к ситуациям, опирается на готовые образцы функциональных задач, соотносит их с конкретной педагогической целью, умеет реконструировать готовые образцы в соответствии с целью, объяснить эту связь, может построить логическую цепочку действий из готовых образцов);
- 4 балла – ВАРИАТИВНЫЙ (студент не только использует готовые задачи, но и сам формулирует их, самостоятельно решает функциональные задачи в соответствии с логикой педагогических целей, использует психолого-педагогическую теорию. Но в проектах решения преобладают в значительной мере готовые элементы наравне с собственными. Может объяснить логику действий и описать их последовательность);
- 5 баллов – СУБЪЕКТИВНО-ТВОРЧЕСКИЙ (студент самостоятельно формулирует задачи на основе различных источников и педагогических ситуаций. Самостоятельно решает функциональные задачи в логике собственно-педагогической цели, использует психолого-педагогическую теорию, проекты решения реализует на любом конкретном содержании. Легко перестраивает систему работы на новый вводимый компонент);
- 6 баллов – ОБЪЕКТИВНО-ТВОРЧЕСКИЙ (студент способен самостоятельно исследовать педагогическую ситуацию, сформулировать педагогические задачи, построить гипотезы их решения, выполнить самостоятельно всю иерархию проектировочно-конструктивных задач, объяснить их логику. Теоретические принципы использует для творческого решения собственно-педагогических задач в теории и на практике. Проекты решения часто оригинальны в деталях и в целом) [4].

В ходе исследования мы получили следующие результаты: анализ анкет показал, что до эксперимента в 42% случаев студенты оценивают свое состояние во время решения психолого-педагогических задач как ощущение тревожности. Эти студенты с затруднениями вспоминали условия для решения психолого-педагогических задач; не могли сосредоточиться при выполнении задания; испытывали чувство неуверенности; ожидали, что не смогут достойно выйти из педагогической ситуации, т.к. знаний и умений у них

недостаточно. Как правило, у этих студентов отмечается низкая работоспособность.

Спокойное состояние без реагирования на ситуацию отмечалось в 25% случаев. Студенты этой части популяции усваивали сведения, необходимые для решения психолого-педагогических задач как в обычных условиях, не обращали внимания на помехи, педагогическую ситуацию оценивали как повседневную, без напряжения и волнения выполняли задание, показывая среднюю работоспособность.

Состояние мобилизации с активным желанием добиться высоких результатов наблюдалось у 28% студентов. Признаки активной мобилизованности, благоприятные для преодоления трудностей и для успешного выполнения любой деятельности, отражают свойства студентов этой группы. Они легко вспоминают условия психолого-педагогических задач, сосредоточенны, не реагируют на помехи, проявляют большой интерес к решению необычных педагогических ситуаций при высокой работоспособности.

Кроме того, в 5% случаев фиксировалось состояние страха и отказ от выполнения задания.

Через полгода экспериментальной работы анализ срезовых данных показал, что оптимальный уровень психической напряженности при решении нестандартных психолого-педагогических задач наблюдался у 35% студентов экспериментальной и 25% контрольной группы.

После окончания опытной работы у 70% студентов экспериментальной группы наблюдался оптимальный уровень психической напряженности при решении нестандартных психолого-педагогических задач.

За то же время оптимальный уровень психической напряженности в контрольной группе составил 35%.

На фоне увеличения количества студентов со 2 (оптимальной) степенью психической напряженности в процессе решения учебных нестандартных задач в ходе эксперимента изменяется и качество решения этих задач.

Если в начале эксперимента за решение задач студенты контрольной и экспериментальной групп в среднем получали 2,93-2,97 балла, то к началу третьего этапа разница достигает достоверных различий – 4,02 балла у студентов экспериментальной группы и 3,2 – контрольной.

После окончания эксперимента достоверные различия увеличиваются до уровня $p < 0,01$. Студенты экспериментальной группы за решение учебных нестандартных задач получают 4,88 балла, в то время как студенты контрольной группы – 3,92 [8].

Кроме этого у испытуемых повысилась мотивация учения и они овладели следующими компетенциями: способами анализа и решения психолого-педагогических проблемных ситуаций (ОПК-2); методами психологической и педагогической диагностики для решения различных профессиональных задач (ОПК-2); алгоритмами проектирования учебно-воспитательных ситуаций, выступающих в качестве средств управления интеллектуального и личностного развития (ОПК-2).

Результаты эксперимента достоверно показывают, что развитие профессионального оперативного мышления у студентов-бакалавров педвуза необходимо для подготовки будущего учителя к успешной профессиональной деятельности в реальном педагогическом процессе, где происходит постоянная смена проблемных ситуаций, в условиях стресса, внезапности, дефицита времени и повышения интеллекта современных школьников.

Библиографический список

1. Кузьмина Н.В. Очерки психологии труда учителя. Л.: ЛГУ, 1967.
2. Кулюткин Ю.Н., Сухобская Г.С. Педагогические проблемы и способы их разрешения. Л., 1979.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Академия, 2005.
4. Осипова Е.К. Психолого-педагогические основы развития мышления учителя. Тула: Изд-во Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, 1997. С.111-112.
5. Пушкин В.Н. Оперативное мышление в больших системах. М.: Энергия, 1965.
6. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика. М.: Академия, 2007.
7. Теплов Б.М. Ум полководца // Вестник академии военных наук, 2007. № 3. С. 153-166.
8. Туревская Е.И. Развитие оперативного мышления учителя. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000.

References

1. Kuzmina N.V. Essays in industrial psychology teacher. L.: LSU, 1967.
2. Kulyutkin Y.N., Suhobskaya G.S. Pedagogical problems and their solutions. L., 1979.
3. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow.: Academy, 2005.
4. Osipova E.K. Psychological and pedagogical foundations for development of thinking teacher. Tula: Publishing House of the Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University. 1997, P.111-112.
5. Pushkin V.N. Operational thinking in larger systems. Moscow.: Energiya, 1965.
6. Slastenin V.A., Isaev I.F., Shijanov E.N. Pedagogy. Moscow.: Academy, 2007.
7. Teplov B.M. The mind of the commander // Bulletin of the Academy of Military Sciences, 2007. - № 3. P. 153-166.
8. Turevskaya E.I. The development of operational thinking teacher. - Tula: Publishing House of the Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University, 2000.

П.А. КОВАЛЕВ

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков
и истории зарубежной литературы
Орловского государственного университета

Скворцов Артем. Самосуд неожиданной зрелости. Творчество Сергея Гандлевского в контексте русской поэтической традиции. – М.: ОГИ, 2013. – 222 с.

Поэтический язык нужно учить, как иностранный,
но такие учебники еще не написаны.
М.Л. Гаспаров

Отечественное литературоведение, как и собственно вся наука, находится в глубочайшем кризисе. И этот труюизм служит оправданием многим ученым, отказывающимся двигаться по направлению к современной литературе с ее общеизвестной непредсказуемостью и чуть ли не макулатурной утилитарностью. Взгляд современника всегда по большей части эмоционален и оценочен. Так стоит ли терять время на то, что, возможно, и не будет завизировано будущими поколениями?

Книга Артема Скворцова «Самосуд неожиданной зрелости», вышедшая в 2013 году в «Объединенном гуманитарном издательстве» и посвященная творчеству выдающегося современного поэта Сергея Гандлевского, доказывает, что формула «*inter arma silent Musae*» в нашем отечестве работает с известными оговорками. Молодой ученый, защитивший в 2011 году докторскую диссертацию, известный критик, регулярно публикующийся во многих крупных художественных журналах, предлагает в своей монографии новые принципы изучения и «всестороннего описания» творчества одного из тех немногочисленных поэтов, на которых «ложится особая ответственность – быть <...> посредниками между предшествующей традицией и современным состоянием культуры». Точечный анализ формы А. Скворцов соединяет с описанием образно-тематического тезауруса на фоне трехсотлетней традиции русской поэзии. Современник оценивает немногословность поэта и намеренное дистанцирование от советской культуры, историк литературы видит неотрадиционализм поэтики Гандлевского в глубинной исторической проекции, а теоретик – с цифрами в руках раскрывает элегический потенциал основоположника индивидуального метода «критического сентиментализма».

Этот своеобразный синтез методологии отражается на оглавлении книги А. Скворцова, которое напоминает вертикальный взлет от уровня стиха и языка к КУЛЬТУРЕ. При этом каждый параграф и подпараграф здесь – заявка на глобальное исследование. Чего стоят хотя бы такие обозначения частей, как «Фоника», «Композиция», «Лексика и фразеология», «Языковая игра», «Лирический герой» etc. Стремление максимально точно представить поэтическую стратегию Сергея Гандлевского предопределило структурную разветвленность всех частей монографии, последовательно раскрывающих стихотворные, стилистические и жанрово-композиционные особенности идиостиля, интертекстуальные и мотивные уровни формирования поэтического высказывания.

Особенный интерес вызывают Приложения, в которых представлен метро-строфический репертуар¹, корпус реминисценций и аллюзий, многие из которых выходят за пределы поэтического языка в эссеистику, беллетристику и эпистолярный. Сам автор книги в этом «отходе на пласт литературной культуры» (Ю.Н. Тынянов) видит закономерности эволюции литературы и науки о ней, определяя сверхзадачу своего исследования так: «...выявить принципы и нормы (следовательно, отчасти каноны и шаблоны), лежащие в основе творчества видного современного поэта, принципы, в значительной мере не ощущаемые при обычном читательском подходе, но оказывающиеся существенно важными для аналитического восприятия поэтики автора в целом». В имагологии, постулирующей, что национальная самоидентификация невозможна без учета целостного восприятия каждого культурного феномена, такой многослойный срез индивидуально-авторской поэтики назвали бы аутоимиджем, имея в виду сфокусированность книги на персональном дискурсе Сергея Гандлевского, сумме его художественных и эстетических стратегий, широте и естественности поэтического жеста.

Это еще не учебник современного поэтического языка, но, возможно, первый его параграф.

Что ж, будем ждать продолжений...

¹ В этой части мне кажется небесспорным использование букв русского алфавита для системы рифмокомпонентов и обозначение дольника сокращением «Дл» вместо гаспаровско-го «Дк».

Т.В. КОВАЛЕВА

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы XI–XIX веков
Орловского государственного университета

Матяш С.А. Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 494 с.

Российское стиховедение, отпраздновавшее в 2010 году свое столетие¹ и до недавнего времени составлявшее славу отечественного литературоведения, ныне прозябает на задворках академической науки. Уже и не вспомню, когда я последний раз держала в руках сборники, наподобие «Теории стиха» (1968), «Исследований по теории стиха» (1978), «Проблем теории стиха» (1984) или «Славянского стиха» (1996). С уходом великих ученых, образовавших «поезд журавлиный» наших невосполнимых потерь, звезда русского стиховедения, кажется, окончательно закатилась.

Да, еще остались стиховедческие центры в Москве, Питере, Смоленске и, как говорят, Алма-Ате. При Орловском государственном университете, в котором я имею честь служить, действует постоянный семинар «Проблемы стиховедения и поэтики».² Но неопитов практически нет. Лишь изредка долетают до провинции книги нового поколения ученых: О.С. Лалетиной (Санкт-Петербург), А.Э. Скворцова (Казань), К.Ю. Тверьянович (Санкт-Петербург), А.А. Черкасской (Орел)³ etc.

В этой сильно разреженной атмосфере появление фундаментального исследования Светланы Алексеевны Матяш, посвященного, на первый взгляд, частной проблеме генезиса и функционирования вольного ямба в русской поэтической культуре, стало знаковым и во многом символичным. Продолжая традиции В.М. Жирмунского, К.Ф. Тарановского, В.Е. Холшевникова, А.Л. Жовтиса и М.Л. Гаспарова, монография восполняет пробелы наших знаний об истинной природе и истории русского стихосложения и тем самым способствует нашей самоидентификации. Как один из первых русских силлабо-тонических размеров, «неравноостопный ямб с неурегулированным чередованием строк разной длины» (М.Л. Гаспаров) выражает особенности нашего менталитета и «наиболее выпукло демонстрирует национальную специфику русского вольного стиха»: его популярность восходит и падает вместе с классическими жанрами, но в то же время, каким-то метафизическим образом оправдывая свое название, отражает внутреннее содержание эпох.⁴

1 Отсчет начинается с публикации уникальной книги «Символизм» Андрея Белого, «положившей начало формированию новой стиховедческой парадигмы» (Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития. Мат-лы Международной научн. конф. 25-27 ноября 2010 года. СПб., 2010. С. 3).

2 Название дано в память об уникальных алма-атинских конференциях 80–90-х годов.

3 Книга А.А. Черкасской и П.А. Ковалева «Поэтический дискурс кургузного маньеризма» (2013) выложена на сайте «Филологическая книга»: <http://www.philologicalbook.ru>

4 Как удивительно точно и провиденциально в этом отношении звучит один из важнейших выводов С.А. Матяш о том, что русский вольный ямб «оказался в целом более урегулированным <...> чем это запрограммировано его теоретической моделью»!

Показывая периоды возвышения в середине XVIII, в эпоху романтизма, модернизма и постмодернизма, этот размер в современной российской поэзии вновь отходит на консервативно-охранительные позиции. Qualia tempora, talia carmina!

Путешествие вольного ямба по жанрам, прослеженное с максимальной тщательностью из главы в главу и отраженное в многочисленных таблицах Приложения к монографии С.А. Матяш, заставляет не все вспомнить о новеллистическом нарративе. И драматический ямб, с его стилистически полярными типами (классицистический французский, романтический немецкий), и басенный стих, создающий «иллюзию непринужденного (прозаического) рассказа, составляющего специфику басенного повествования», и уникальный по структуре вольный ямб русских поэтов, идиллий, од, элегий и посланий, и, наконец, эпиграмматический дискурс ямба, внедренный в русскую поэтическую технику «в несколько приемов», – все это на страницах рецензируемой нами книги освящено именами больших и малых поэтов, одно перечисление которых заняло бы немало места.

Не желая лишать читателя возможности самому оценить изящество и точность многомерного, масштабного и увлекательного исследования, все же не могу удержаться от соблазна предварить восприятие книги С.А. Матяш одним важным замечанием. В свое время, когда методики точного анализа еще только пробивали дорогу в отечественную науку, В.А. Западов резонно предупреждал, что «изолированное от смысла изучение всякого рода «ритмических фигур», «модуляций», «вариаций» и т. п. в пределах одного стиха – занятие вполне бесперспективное» и предлагал направить усилия исследователей на дифференцированный «по жанровым и содержательно-эмоциональным признакам» анализ метро-ритмической структуры стиха.⁵ Привлечение к этому проекту статистических и вычислительных методов имело ограничения, обусловленные трудоемкостью и энергозатратностью. Пионеры нового метода (К.Ф. Тарановский, А.Н. Колмогоров, М.Л. Гаспаров, К.Д. Вишневский, А.В. Прохоров и др.) зачастую пользовались калькуляторами и счетными бухгалтерскими машинками. Где уж тут место для дифференцированного подхода!

Михаил Леонович Гаспаров довольно часто говорил о том, что возможности масштабного исследования русского стиха ограничены только возможностями самого исследователя. Ныне эта проблема снята повсеместным внедрением персональных компьютеров. А значит, пришло время для нового этапа развития отечественного стиховедения. И книга С.А. Матяш – лучшее тому свидетельство.

5 Западов В.А. Русский стих XVIII – начала XIX века: Ритмика. Л.: ЛГПИ, 1974. С. 55, 11.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц формата А-4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.rtf шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через один интервал без переносов. Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм. Нумерация страниц проставляется от центра, внизу страницы.

В начале статьи указывается **универсальная десятичная классификация (УДК)**, имя, отчество и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6). Вся информация предоставляется **на русском и английском языках**. Сведения об авторе (авторах) – ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон (без сокращений) помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). К статье в обязательном порядке должна прилагаться электронная версия, идентичная печатной одним файлом на диске CD или DVD (CD-R, CD-RW, DVD-R, DVD-RW).

Формулы помещаются в текст с использованием формульного редактора Microsoft Equation (Вставка – Объект – Создание – Microsoft Equation). Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg, должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после ее названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка дается на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.»: («In») и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и ее выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после ее названия) приводятся название журнала и год издания (между ними знак препинания не ставится), затем после точки с запятой – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после двоеточия помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц.

Примеры библиографического описания источников:

Книги

1. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
2. Базыма Б.А. Психология цвета: теория и практика. М.: Речь, 2005. С. 20-24.
3. Ильин И.А. Учение о правосознании. В кн.: Ю.Т. Лисица (ред.) Родина и мы. Смоленск: Посох. 1995: 355-364.
4. Harding A.E. The hereditary ataxias and related disorders. Edinburgh: Churchill Livingstone, 1984
5. Goldman S.M., Tanner C. Etiology of Parkinson's disease. In: Jankovic J., Tolosa E. (eds.) Parkinson's disease and movement disorders. 3d ed. Baltimore: Williams & Wilkins, 1998: 133-158.

Журналы

6. Еришов В.Ф., Курамина Н.В. Российские образовательные учреждения за рубежом: опыт 1920-1930 годов. Исторические записки 2004; 7:198-222.
7. Block W., Karitzky J., Traber F. et al. Proton magnetic resonance spectroscopy of the primary motor cortex in patients with motor neuron disease. Arch. Neurol. 1998; 55: 931-936.

Электронные публикации и базы данных

8. Shulman L.M., Gruder-Baldini A.L., Anderson K.E. et al. The evolution of disability in Parkinson's disease. Mov. Disord. 2008: epub ahead.
9. <http://www.globalreach.com/> *

В конце статьи обязательно должна быть надпись **статья публикуется впервые**, ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статьи лиц, не имеющих ученой степени, заверяются также их научными руководителями.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, возвращаются авторам без рассмотрения.

*Библиографический список также переводится на английский язык (**References**)

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию Орловского государственного университета;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела Орловского государственного университета;

АЛЕКСЕЕВ А.П. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор Гранадыского университета (Испания);

АРОНОВА С.А. – доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления Орловского государственного университета;

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Загребского университета (Хорватия);

ГАЙДАР В.А. – кандидат сельскохозяйственных наук, зав. отделом селекции и репродукции карпатских пчел Института им. П.И. Прокоповича (Украина);

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой всеобщей истории Орловского государственного университета;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

ИЛИАНА ЧЕКОВА-ДЕМИТРОВА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Софийского университета «Свято Климента Охридского» (Болгария);

ИСАЕВА Н.И. – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Белгородского государственного университета;

КАПУСТИН А.Я. – доктор юридических наук, профессор, руководитель центра сравнительно-правовых исследований и института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ;

ЛАМАН Н.А. – академик НАН Беларуси, доктор биологических наук, профессор, зав. Лабораторией роста и развития растений Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича (Белоруссия);

ЛЬВОВА С.И. – доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией обучения русскому (родному) языку Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор университета Казимира Великого, Институт Неофилологии и прикладной лингвистики (Польша);

МИШЕЛЬ ТАМИН – доктор филологических наук, почетный профессор Реймского университета (Франция);

НИКИФОРОВ В.А. – доктор юридических наук, зав. кафедрой международного и международного частного права Орловского государственного университета;

НИКОС СОФИАДИС – профессор физиологии Фракийского университета им. Демокрита (Греция);

ОСКОТСКАЯ Э.Р. – доктор химических наук, профессор, зав. кафедрой химии Орловского государственного университета;

ПАСТЕРНАК Е.Л. – доктор филологических наук, доцент кафедры французского языкознания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

ПАХАРЬ Л.И. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии Орловского государственного университета;

ПИВЕНЬ В.Ф. – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической физики и математического моделирования Орловского государственного университета;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии Института арменоведческих исследований Ереванского государственного университета (Армения);

РЁКО ЯМАГУЧИ – доктор филологических наук Института иностранных языков г. Кобэ (Япония);

САВИНА Е.А. – доктор философии университета Джеймса Мэдисона (США);

САМБЕТБАЕВ А.А. – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, директор Института ветеринарии и животноводства (Казахстан);

СИСКОС ЕВАНГЕЛОС – доктор экономических наук, профессор, проректор по международным связям и магистерским программам Технологического Института (Греция);

СУЯРКУЛОВ Ш.Р. – кандидат сельскохозяйственных наук, председатель Ферганского областного союза пчеловодов (Узбекистан);

ТЬЕРРИ ПОНШОН – доктор филологических наук, профессор Реймского университета Шампань-Арденн, член научно-исследовательской группы «Наука, текст, информатика, история» (Франция);

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета;

ЧЕЛЫШЕВА И.И. – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом индоевропейских языков, зав. сектором романских языков Института языкознания РАН;

ШИ ХУНШЕН – профессор Аньхойского университета, директор Центра по изучению России, главный редактор научного журнала «Изучение России» (Китай).

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию Орловского государственного университета;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела Орловского государственного университета;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Орловского государственного университета;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор Гранадского университета (Испания);

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Загребского университета (Хорватия);

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания Орловского государственного университета;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии Орловского государственного университета;

ИЛИАНА ЧЕКОВА-ДЕМИТРОВА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Софийского университета «Свято Климента Охридского» (Болгария);

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор университета Казимира Великого, Институт Неофилологии и прикладной лингвистики (Польша);

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного

совета по истории России Орловского государственного университета;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета;

МИШЕЛЬ ТАМИН – доктор филологических наук, почетный профессор Реймского университета (Франция);

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии Института арменоведческих исследований Ереванского государственного университета (Армения);

РЕТИНСКАЯ Т.И. – доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Орловского государственного университета;

РЁКО ЯМАГУЧИ – доктор филологических наук Института иностранных языков г. Кобэ (Япония);

САВИНА Е.А. – доктор философии университета Джеймса Мэдисона (США);

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, руководитель НИИ провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

ТЬЕРРИ ПОНШОН – доктор филологических наук, профессор Реймского университета Шампань-Арденн, член научно-исследовательской групп «Наука, текст, информатика, история» (Франция);

ТЮРИКОВА Г.Н. – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета Орловского государственного университета;

ШИ ХУНШЕН – профессор Аньхойского университета, директор Центра по изучению России, главный редактор научного журнала «Изучение России» (Китай).

Ученые записки Орловского государственного университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО
«Орловский государственный университет». – 2014. – №1(57). – 457с.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФФС 77-29955 от 17.10.2007
Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать»
(почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: Белевитина Т.М.
Составитель: Кирсанов М.А.
Компьютерная верстка: Корявкина О.С.
Дизайн обложки: Никифоров А.В.
Корректурa: Рыбкина О.А.

Подписано в печать 17.02.2014 г. Формат 60x80 1/8
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объём 41,75 усл. п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 40
Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе редакционно-издательского отдела
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95
Тел./факс (4862) 74-09-30